ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

IV

ЛЕНИН
СОЧИНЕНИЯ
ТОМ IV

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
IX СЪЕЗДА Р.К.П.(Б.)
И
II СЪЕЗДА СОВЕТОВ
С.С.С.Р.

Институт Маркса-Энгельса-Ленина при Ц.К.В.К.П.(б.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕДЗ
С653

В. И. ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:
Н. И. БУХАРИНА, В. М. МОЛОТОВА,
И. И. СКВОРЦОВА-СТЕПАНОВА

ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП(б) — 1935

ЛЕНИН

ТОМ IV

1900~1902

35 экз.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009

ЕД3
С653

336976

195
35

ЛЕНИН.

1900—1902.

ФАКТЫ.

29 января 1900 г. ст. ст. истек срок ссылки. 30-го Ленин через Минусинск и Красноярск выехал в Псков, избранный им в качестве местожительства в виду полицейского запрещения селиться в столице и ряде других крупных, университетских и фабрично-заводских городов. За Псков говорила его близость к Петербургу и к границе. В Пскове должна была завершиться подготовительная работа по осуществлению обдуманного Лениным в Сибири плана создания общерусской политической газеты, как центра идейного и организационного сплочения партии. По дороге Владимир Ильич останавливался в Уфе,— где осталась, чтобы докончить срок ссылки, Н. К. Крупская, — в Москве, в Петербурге, пользуясь этими остановками для свиданий и совещаний с местными с.-д. Всюду Вл. Ильич подбирал силы для задуманного дела. В Уфе он виделся с А. Д. Цюрупой, В. Н. Крохмалем, А. И. Свидерским и др., в Москве — с приехавшими для этого свидания с юга И. Х. Лалаянцем, в Петербурге — с В. И. Засулич, через которую были восстановлены связи с Группой «Освобождение Труда». В Пскове Вл. Ильич застал Л. Н. Радченко. Там же поселился А. Н. Потресов. Для свидания с Вл. Ильичем туда приезжал С. И. Радченко, Ц. Копельзон, Ю. О. Мартов. За время этих совещаний и свиданий выяснилось, что — параллельно с планом Ленина о воссоздании партии путем организации общепартийной газеты — существует план немедленного созыва II съезда партии. План этот исходил из «Союза Русских С.-Демократов за границей», два делегата которого, П. Ф. Теплов и Ц. Копельзон, заезжавший для переговоров с Вл. Ильичем в Псков, объезжали с этой целью русские организации. Идея немедленного созыва съезда нашла поддержку в Бунде и в наиболее сильной на юге группе «Южного Рабочего» (И. Х. Лалаянц, С. К. Харченко, А. М. Гинзбург), делегат которой, старый товарищ Ле-

пина по Самаре, Лалаянц, специально приезжал в Москву для переговоров с Лениным об участии его и его группы на съезде. План немедленного созыва съезда имел в своей основе предпосылки, прямо противоположные тем, на которых был построен план Ленина. По мысли последнего съезд должен был закрепить результаты предварительного идейного укрепления и организационного сплочения местных организаций российской социал-демократии. Без этой предварительной работы съезд и в области идейной и в области организационной рисковал оказаться межеумочным и скорее затруднить, чем облегчить торжество идей революционного марксизма и организационного централизма в российской социал-демократии. Инициаторам немедленного созыва съезда эта мысль была чужда. Они исходили из мысли о сплочении наличных организаций на данном уровне их идейного развития.

Тот факт, что важнейшая роль в деле организации съезда принадлежала «Союзу Русских Социал-Демократов за границей», находившемуся в резкой идейной и организационной борьбе с Группой «Освобождение Труда», еще более подчеркивал опасность того, что съезд лишь закрепит господство реакционных идей в партии. При этих условиях Ленин и его группа не могли отнестись к этой попытке иначе, как скептически, несмотря на то, что — как сообщает Мартов — часть будущих участников съезда собиралась передать редакцию центрального органа партии («Рабочей Газеты») группе Ленина. Но отказываться с самого начала от попытки воздействовать на съезд, — если бы он действительно состоялся, — не приходилось. Было решено, что группа примет участие на съезде в лице Ленина и, быть может, Мартова. Для того, чтобы подчеркнуть, что участие на съезде ни в коем случае не обозначает отсутствие солидарности с Группой «Освобождение Труда», предполагалось, что Ленин получит также мандат на съезд и от последней. Во всяком случае возможное участие на съезде не должно было ни в коей мере приостановить работу над осуществлением плана Ленина. Уже в марте 1900 г. Ленин составляет проект редакционного заявления нового органа. Это заявление представляло по сути дела целую программу восстановления партии на базе революционного марксизма. Несмотря на ярко-выраженный анти-бернштейновский характер программы, новый орган согласились поддерживать и такие явные представители «критики марксизма», как Струве и Туган-Барановский.

В середине апреля А. Н. Потресов выезжает за границу с задачей подготовить технические условия издания. В то же время выяснилось, что предположенный съезд вряд ли сможет собраться. 16 апреля произошли громадные аресты по всему югу России и в районе Бунда. Среди других подверглась разгрому и группа «Южного Рабочего». Арестован был и Лалаянц.

К 6 мая — назначенный срок съезда — на место съезда (Смоленск) прибыло всего три делегата, которые, безуспешно прождав других делегатов, через несколько дней разъехались. Попытка немедленного съезда, таким образом, явно не удалась, мысль о постановке нового органа в России приходилось окончательно оставить и безотлагательно приступить к осуществлению плана Ленина из-за границы. В решительный момент план этот, однако, едва не потерпел полного крушения. Запасшись заграничным паспортом и решив ликвидировать свое пребывание в Пскове, Владимир Ильич 19 мая выехал из Пскова, 20-го приехал в Петербург и на следующий день утром, при выходе из квартиры, где он провел ночь, был арестован. Полиция, к счастью, оказалась неосведомленной о планах Ленина и о смысле его передвижения из Пскова и через 3 недели ареста принуждена была освободить его (11 июня). Владимир Ильич из Петербурга проехал в Подольск, затем в Уфу и, наконец, в июле переехал границу.

Постановка за границей газеты и журнала с теми задачами, которые ставила себе группа Ленина, требовала громадной черновой организационной работы, массы сношений с русскими и иностранными товарищами, решения ряда технических задач, обеспечивающих конспиративность изданий, транспортировку их в Россию и т. д. Но первой и важнейшей задачей, ставшей перед Владимиром Ильичем после его приезда за границу, было установление отношений с Группой «Освобождение Труда», т.-е. фактически с Г. В. Плехановым. Совещания новой группы с Группой «Освобождение Труда» происходили 24 — 28 августа н. ст. в Корсье (Corsier) близ Женевы. И здесь ждал Владимира Ильича большой удар. Наладить взаимные отношения, создать условия совместной работы, необходимость которой глубоко сознавалась всеми членами «новой группы», оказалось, в силу личных свойств Г. В. Плеханова, много труднее, чем это представлялось в России. Переговоры носили порой прямо мучительный, для Владимира Ильича, характер. Об атмосфере переговоров, об угрозе срыва всего дела, перед которым неоднократно ставил Плеханов инициаторов «Искры», о тяжелом личном настроении Владимира Ильича в эти дни лучше всего свидетельствуют его собственные записи того времени. «Как только мы (т.-е. Ленин и Потресов) остались одни, — писал об одном из моментов переговоров Владимир Ильич, — мы прямо-таки разразились потоком выражений негодования. Нас точно прорвало, тяжелая атмосфера разразилась грозой. Мы ходили до позднего вечера из конца в конец нашей деревеньки, ночь была довольно темная, кругом ходили грозы и блистали молнии. Мы ходили и возмущались... Мою «влюбленность» в Плеханова тоже как рукой сняло, и мне было обидно и горько до невероятной степени. Никогда, никогда в моей жизни я

не относился ни к одному человеку с таким искренним уважением и почтением, vénération, ни перед кем я не держал себя с таким «смирением» — и никогда не испытывал такого грубого «пинка»... Раз человек, с которым мы хотим вести близкое общее дело, становясь в интимнейшие с ним отношения, раз такой человек пускает в ход по отношению к товарищам шахматный ход, — тут уже нечего сомневаться в том, что это человек нехороший, именно нехороший, что в нем сильны мотивы личного, мелкого самолюбия и тщеславия, что он — человек неискренний. Это открытие — это было для нас настоящим открытием! — поразило нас как громом потому, что мы оба были до этого момента влюблены в Плеханова и, как любимому человеку, прощали ему все, закрывали глаза на все недостатки, уверяли себя всеми силами, что этих недостатков нет, что это — мелочи, что обращают внимание на эти мелочи только люди, недостаточно ценящие принципы. И вот, нам самим пришлось наглядно убедиться, что эти «мелочные» недостатки способны отталкивать самых преданных друзей, что никакое убеждение в теоретической правоте не способно заставить забыть его *отталкивающие* качества. Возмущение наше было бесконечно велико: идеал был разбит, и мы с наслаждением попирали его ногами, как свергнутый кумир: самым резким обвинениям не было конца. Так нельзя! решили мы. Мы не хотим и не будем, *не можем* работать вместе при таких условиях. Прощай, журнал! Мы бросаем все и едем в Россию, а там наладим дело за-ново и ограничимся газетой. Быть пешками в руках этого человека мы не хотим; товарищеских отношений он не допускает, не понимает... Трудно описать с достаточной точностью наше состояние в этот вечер: такое это было сложное, тяжелое, мутное состояние духа! Это была настоящая драма, целый разрыв с тем, с чем носился, как с любимым детищем, долгие годы, с чем неразрывно связывал всю свою жизненную работу. И все оттого, что мы были раньше влюблены в Плеханова: не будь этой влюбленности, отнесись мы к нему хладнокровнее, ровнее, смотри мы на него немного более со стороны, — мы иначе бы повели себя с ним и не испытали бы такого, в буквальном смысле слова, краха, такой «нравственной бани», по совершенно верному выражению Арсеньева (Потресова). Это был самый резкий жизненный урок, обидно-резкий, обидно-грубый»... «Никогда не забуду я того настроения духа, с которым выходили мы втроем: «мы точно за покойником идем», сказал я про себя. И действительно, мы шли как за покойником, молча, опуская глаза, подавленные до последней степени нелепостью, дикостью, бессмысленностью утраты. Точно проклятье какое-то! Все налаживалось к лучшему — налаживалось после таких долгих невзгод и неудач — и вдруг нале-

тел вихрь — и конец, и все опять рушится. Просто как-то не верилось самому себе (точь-в-точь как не веришь самому себе, когда находишься под свежим впечатлением смерти близкого человека) — неужели это я, ярый поклонник Плеханова, говорю о нем теперь с такой злобой и иду, с сжатыми губами, и с чертовским холодом на душе, говорить ему холодные и резкие вещи, объявлять ему почти-что о «разрыве отношений»? Неужели это не дурной сон, а действительность?»

До разрыва, однако, не дошло. Найден был компромиссный выход из положения. Формальные отношения между группой Ленина и Группой «Освобождение Труда» впоследствии вылились в «договор», согласно которому редакция «Искры» и «Зари» состояла из шести членов (Плеханов, Засулич, Аксельрод — от «стариков» и Ленин, Мартов, Потресов — от «молодых») с равными правами, но при сохранении полной организационной независимости организации «Искры» от эмигрантской организации «Социал-Демократ», созданной Группой «Освобождение Труда». Редакционный центр было решено устроить не в Женеве, а в Германии, подальше от «стариков». «По внешности — как будто бы ничего не произошло,—подводил Ленин итоги совещания,—вся машина должна продолжать идти, как и шла, — только внутри порвалась какая-то струна, и вместо прекрасных личных отношений наступили деловые, сухие, с постоянным расчетом: по формуле si vis pacem, para bellum (если хочешь мира, готовь войну)».

Ход переговоров, сомнения в возможности нормальной совместной работы с Плехановым, тяжелое разочарование в личных его качествах ни в какой мере не поколебали отношения Ленина к теоретической позиции, занятой Группой «Освобождение Труда» в основных вопросах международной и русской социал-демократии, равно как и его убеждения, что борьба против оппортунистических уклонов в последней («экономизм») должна вестись в союзе с этой Группой. Буквально через несколько дней после описанных переговоров с Плехановым Ленин — в письме, предназначенном для распространения в России — решительно берет под свою защиту не только общую позицию Плеханова в заграничном расколе, но и то его полемическое произведение («Vademecum»), которое вызвало всего больше нападок на Плеханова.

«Совершенно неверное представление о Vademecum'е господствует в России под влиянием россказней сторонников «Рабочего Дела», — пишет Ленин. — Послушать их, — это сплошной натиск на личности и т. п., сплошное генеральство и раздувание пустяков из-за оплевания личностей, сплошное употребление «недопустимых» приемов.

А на деле в этой вещи преобладает, в громадной степени преобладает принципиальная сторона, и нападки на личности

лишь придаток, неизбежный придаток при тех запутанных и до пельзя обострепных отношениях, которые постарались создать «молодые». Vademecum — это — вопль, прямо-таки вопль против пошлого экономизма, против «стыда и позора» социал-демократии... И против всяких обвинений, направленных на Плеханова, надо прежде всего решительно установить, что вся суть его брошюры — именно объявление войны «позорным» принципам «кредизма» и «кусковщины», именно принципиальный раскол, а раскол, «драка» в «Союзе» лишь побочный результат этой принципиальной розни» *).

В то же время Ленин категорически и в резкой форме отклоняет предложение вступить в какие бы то ни было отношения с «Союзом», подчеркивая свое твердое решение вести новое дело совместно с Плехановым. «Мы не считаем возможным вести дело без таких сил как Плеханов и Группа «Освобождение Труда» — писал Ленин, а на вопрос о том, «какие же будут у нас отношения к «Союзу»» — отвечал — «пока никаких не будет» и пояснял: «мы намерены литературно выступить с опровержением мнения об отсутствии принципиальных разногласий (так что *некоторые* отношения к Союзу у нас будут: отношения между полемизирующими)». Это было достаточно ясно.

Центр редакции решено было устроить в Мюнхене, куда и переехали Ленин и Потресов. Последний вскоре по партийным делам должен был выехать на время в Россию, и вся не только редакционная, но и громадная организационная и даже техническая работа легла на Владимира Ильича. С начала и до конца Владимир Ильич был главной рабочей силой «Искры». Он сочетал литературную работу в газете и журнале с практической работой по организации вокруг «Искры» партии. Внимание и силы, отдававшиеся им этому делу, были громадны. Приходилось Владимиру Ильичу не только писать статьи, править корреспонденции, вести громадную переписку с сотрудниками, корреспондентами, русскими организациями, личными свиданиями и совещаниями с приезжими поддерживать и развивать связи с Россией, направлять обще-политические предприятия, но и становиться рядом с наборщиком «Искры» в качестве ее выпускающего и ректора, придумывать и обсуждать способы контрабандного ввоза «Искры» в Россию, заботиться о финансах «Искры»... В первый год издания «Искры» он кроме того работал над пересмотром

*) Эту оценку Лениным «Vademecum'а» на другой же день после острого столкновения с Плехановым необходимо тем более напомнить, что некоторые мемуаристы (см., напр., замечания А. Н. Потресова в I томе «Материалов из истории с.-д. движения в России») склонны явно преувеличивать отрицательное отношение Ленина к полемическим приемам «Vademecum'а» и роль этого отношения в конфликте инициаторов «Искры» с Плехановым.

программы партии и над своей книгой «Что делать?», а также над разработкой аграрного вопроса. Естественно, что письма Владимира Ильича того времени не раз кончаются фразой: «тороплюсь», «времени совсем нет», «напишу в другой раз». «Работы по ведению переписки становится все больше и больше,— пишет Владимир Ильич в одном из писем, относящихся к самому началу «Искры». — Я временами изнемогаю и совсем отвыкаю от своей настоящей работы». Эта чрезмерная занятость практическими делами и текущей работой над «Искрой» неизбежно задерживала окончание задуманных Владимиром Ильичем более крупных работ: его книги «Что делать?» и работы по аграрному вопросу. Неоднократно ссылается Владимир Ильич на свою перегруженность, отказываясь взять на себя составление проекта программы партии и передавая эту работу Плеханову.

Несколько облегчил Владимира Ильича приезд — весной 1901 г. — Ю. О. Мартова, взявшего на себя часть редакционной работы, и Н. К. Крупской, к которой перешли функции секретаря организации и редакции. Конечно, и после этого вся переписка с Россией оставалась под ближайшим руководством Владимира Ильича. Обстановка жизни в Мюнхене была очень скромной. Жил Владимир Ильич без паспорта в квартире местного социал-демократа — содержателя пивной. «Комнатушка — вспоминает Н. К. Крупская — была плохенькая, жил он на холостецкую ногу, обедал у какой-то немки, которая угощала его Mehlspeise (мучными блюдами). Утром и вечером пил чай из жестяной кружки, которую сам тщательно мыл и вешал на гвоздь около крана». Жили в Мюнхене, соблюдая все правила конспирации, под чужими фамилиями, всячески скрывая от глаз германской и русской полиции факт печатания «Искры» в Германии и состав работников «Искры», воздерживаясь от публичных выступлений и вмешательства в чисто эмигрантские дела и делишки.

Извещение об издании «Искры» с изложением ее боевой программы вышло в ноябре. Первый номер «Искры» — 24 декабря 1900 г. Первая книжка журнала «Заря» — 23 марта 1901 г. В октябре 1901 г. Владимир Ильич вместе с Мартовым и Н. К. Крупской ездил на несколько дней в Цюрих, где было устроено совещание с редакцией «Рабочего Дела», так называемый «объединительный» съезд. Плеханов стоял за сближение с «Раб. Делом», Ленин — против. Совещание кончилось разрывом и дальнейшим обострением отношений между «Искрой» и «экономистами». Ленину пришлось здесь выступить с основной речью. Это было первое публичное выступление Ленина на заграничной почве перед аудиторией, состоявшей из друзей и врагов революционного марксизма. Среди друзей были старые, широко-известные, выдержавшие уже много боев

основатели русской социал-демократии, среди противников наиболее видные представители «экономизма», недавно еще претендовавшие на руководство партией. Л. И. Аксельрод, принимавшая участие в совещании, так описывает впечатление от выступления Ленина: «Доклад Ленина был тщательно и хорошо продуман; положения логически следовали одно из другого; был подобран материал и факты, метко бившие противника. Говорил он с большим темпераментом, свободно, но сдержанно, убежденно и деловито, изредка повторяя и подчеркивая некоторые значительные слова. Он явно действовал на аудиторию, заражая ее и владея ею всецело. Противники чем дальше, тем больше злились. Это было заметно по выражению лиц их вождей. Сторонники, наоборот, слушали с полным удовлетворением и с восторгом. Особенно же восторгались «старики»: Аксельрод, Засулич, Плеханов».

В январе 1902 года все члены редакции съехались в Мюнхене для обсуждения проекта программы партии. Проект, составленный Плехановым, не удовлетворил Ленина. Он выступил с решительной критикой плехановского проекта, противопоставив ему свой проект. Вокруг программы возгорелась острая, резкая борьба, наложившая свой отпечаток на всю дальнейшую историю «Искры» *).

Спор о программе далеко еще не был закончен, когда стало известно, что германская и русская полиция напали на след типографии «Искры» и местопребывание ее редакции. Приходилось спешно переносить редакцию и печатание «Искры» в другую страну. Плеханов вновь поставил вопрос о Швейцарии. Ленин, а за ним и Мартов и Потресов, опасаясь сутолоки женевской эмиграции и дальнейшего обострения отношений с Плехановым, высказались за Англию. Победило последнее мнение. 12 апреля 1902 г. Ленин выехал из Мюнхена в Лондон. Туда же перенесено было и печатание «Искры». Кончился «мюнхенский» период эмиграции Ленина и «мюнхенский» период «Искры».

«Этот мюнхенский период — писала впоследствии Н. К. Крупская — вспоминался нам после, как какой-то светлый период. Последующие годы эмиграции переживались куда тяжелее. В мюнхенский период не было еще такой глубокой трещины в личных отношениях между Владимиром Ильичем, Мартовым, Потресовым и Засулич. Все силы сосредоточивались на одной цели — создании общерусской газеты, интенсивно шло собирание сил около «Искры», и было ощущение роста организации. Сознание того, что путь к воссозданию партии намечен правильно, было у всех».

*) История этой борьбы будет изложена в предисловии к V тому, в который входят и соответствующие статьи Ленина.

ИДЕИ *).

Ленинская «Искра» возникла и работала в такой исторический момент, когда рабочее движение в России стояло перед выбором своего пути. Все неувядаемое значение «Искры» и ее фактического руководителя, Ленина, состояло в том, что она: 1) поняла все значение этого момента *выбора пути*, 2) выбрала путь пролетарского социализма и в «бешеной», «нетерпимой», «сектантской» борьбе отстояла его в вопросах теории, программы, организации и тактики, 3) сумела увлечь на этот путь громадное большинство партии, воспитав кадр «профессиональных революционеров», которым предстояло пройти вместе с пролетариатом три революции. Центр тяжести эпохи заключался именно *в выборе пути*. Путь трэд-юнионизма или пролетарского социализма, путь замыкания в узкие рамки узко-понятых «классовых», на деле цеховых, интересов или путь гегемона общенародной революции, путь подчинения либеральному руководству или путь развертывания классовой борьбы вопреки и против либерализма под знаменем воинствующего марксизма — так стоял вопрос. Вся стихия надвигающейся буржуазной революции, вся сумма влияний либеральной и демократической идеологии, раздробленность организаций, низкий теоретический уровень руководства толкали рабочий класс на первый путь. «Стихия» того момента была стихией общенационального движения, стремящегося подчинить себе, заставить служить себе пролетарские массы и пролетарскую партию. Подчинение стихийности было подчинением подлинных классовых задач социалистического пролетариата задачам либерального преобразования страны. Принижение теории и практики

*) Эпоха «Искры» (1900—1903 г.г.) представляет целостную эпоху, и политика Ленина за этот период должна быть рассматриваема в совокупности. Однако внутри этого периода можно наметить некоторый перелом, падающий приблизительно на весну 1902 г. К этому моменту относятся переезд редакции «Искры» в Лондон, споры вокруг программы и аграрной статьи Ленина, появление за границей первых №№ «Революционной России» и «Освобождения», наконец, первые крупные крестьянские волнения. До этого момента главное внимание «Искры» в области теории сосредотачивалось на борьбе с «экономизмом» и на эволюции «легального марксизма» к либерализму. После него центр внимания переносится на борьбу с эс-эрством, с оформившимся вокруг «Освобождения» либерализмом, сосредотачивается на вопросах программы и на созыве съезда партии. На рубеже этих двух периодов стоит выход «Что делать?». Поэтому в предисловии к данному тому мы рассматриваем политику Ленина в связи с самой организацией «Искры», с его борьбой с экономизмом, бернштейнианством и Струве, откладывая до следующего тома рассмотрение программных споров, в частности споров вокруг аграрной программы, борьбы с социалистами-революционерами и «Освобождением» и — в связи с этим — тактических вопросов рабочего движения.

рабочего движения, готовность удовлетвориться данным уровнем его, готовность к уступкам «критике марксизма», глухая вражда к «переоценке идеологии», к тем, кто ставил перед движением широкие задачи — неизбежно сопровождали и выражали это подчинение стихийности. «Искра» объявила и провела решительную борьбу всему этому кругу идей и настроений, грозивших превратить рабочий класс в хвостье либерального движения.

Она хотела «совлечь» движение со стихийного пути трэдюнионизма и подчинения либерализму, она объявила войну данному положению вещей в партии, она требовала изменения господствующей тактики. Во имя этого она отклоняла всякое «примиренчество» в отношении не только к прямым проводникам буржуазных влияний на пролетариат, но и к тем, кто прикрывал эти тенденции, кто смазывал их значение, кто не шел на жестокую и непримиримую борьбу с ними.

«Искра» отдавала себе ясный отчет в том, какое громадное значение именно в момент выбора пути имеет существование в партии тех или других «оттенков» и «оттеночков». Допустимо ли в партии существование течений, уклоняющихся в основных вопросах от линии революционного марксизма, допустимо ли признание подобных уклонений — «законным оттенком» в партии? — на этот вопрос «Искра», к ужасу всех любителей компромиссов, отвечала решительным — «Нет». «Наша партия только еще складывается — писал Ленин, — только еще вырабатывает свою физиономию и далеко еще не закончила счетов с другими направлениями революционной мысли, грозящими совлечь движение с правильного пути. При таких условиях... только близорукие люди могут находить несвоевременными или излишними фракционные споры и строгое различение оттенков. От укрепления того или иного «оттенка» может зависеть будущее русской социал-демократии на много и много лет».

Вся деятельность Ленина этого периода проникнута сознанием того, что за борьбой этих «оттенков» кроется именно борьба за выбор пути рабочего движения, что в этой борьбе предрешаются надолго судьбы социализма и революции в России. В основе всей политики Ленина лежало положение, которое он же выдвинул впервые со всей необходимой резкостью и которое затем получило полное историческое оправдание. «Всякое преклонение перед стихийностью рабочего движения — писал Ленин в 1901 г., — всякое умаление роли «сознательного элемента», роли социал-демократии означает тем самым — совершенно независимо от того, желает ли этого умаляющий или нет, — *усиление влияния буржуазной идеологии на рабочих*». Одновременно с этим Ленин провозгласил, что в этой борьбе за направление рабочего движения наступил такой момент, когда социал-демократия под

угрозой измены своим основным задачам не имеет права *отставать*, отставать от быстрого процесса оформления либерально-демократической идеологии и либерально-демократических партий, во-первых, от роста самого рабочего движения, во-вторых. «Сила современного движения — пробуждение масс, а слабость его — недостаток сознательности и инициативности руководителей-революционеров».

Ленин до конца вскрыл опасность этого «отставания», обнажил его последствия для всего хода классовой борьбы пролетариата. Обсуждая роль партии в весенних событиях 1901 г., Ленин писал: «мы оказались не на высоте задачи, активность рабочих масс оказалась выше нашей активности, у нас не нашлось на-лицо достаточно подготовленных революционных руководителей и организаторов, которые бы прекрасно знали настроение во всех оппозиционных слоях и умели встать во главе движения, превратить стихийную демонстрацию в политическую, расширить ее политический характер и т. д. При таких условиях нашей отсталостью неизбежно будут пользоваться более подвижные, более энергичные революционеры не социал-демократы, и рабочие, как бы они самоотверженно и энергично ни дрались с полицией и войском, как бы они революционно ни выступали, окажутся только силой, поддерживающей этих революционеров, окажутся *арьергардом буржуазной демократии, а не социал-демократическим авангардом*» (курсив наш).

Об этой угрозе использования рабочих масс буржуазной демократией, вместо того чтобы она сама — под руководством своей партии — стала гегемоном общенародного движения, не уставал напоминать Ленин.

Каждой своей статьей «Искра» говорила русским марксистам: позиции пролетарского социализма в России будут утеряны, если партия пролетариата будет отставать от роста политического оформления буржуазии, от роста революционных настроений в самом рабочем классе, если она быстро и решительно не ликвидирует кустарничества в своей практике и эклектизма в своей теории, если она не сложится в крепкую, всероссийскую организацию «профессиональных революционеров», неразрывно связанную с рабочими массами, и не сумеет встать во главе общенародной революции. Этот план опирался на особое понимание тех ближайших задач, которые история ставила перед пролетариатом России. В конце 1901 г. Ленин характеризовал эту задачу в следующих словах: «История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является *наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны*. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы

сказать теперь) и азиатской реакции. сделало бы русский пролетариат *авангардом международного революционного пролетариата.* И мы вправе рассчитывать, что добьемся этого почетного звания, заслуженного уже нашими предшественниками, революционерами 70-х годов, если мы сумеем воодушевить наше в тысячу раз более широкое и глубокое движение такой же беззаветной решимостью и энергией».

Подчеркивание того, что задачи пролетариата в России являются наиболее революционными из всех задач, которые в данный момент стоят перед пролетариями других стран, что он может и должен стать авангардом мирового пролетариата, указание на то, что он сможет выполнить эти задачи, если его партия проявит в своей борьбе и в своей организации те же черты героизма, энергии и беззаветной преданности делу, высшей точкой которых до сих пор была деятельность террористов-революционеров 70-х годов — все это было в лицо крохоборческим, хвостистским теориям, господствовавшим в партии.

Наиболее полное и глубокое изложение получила эта позиция в книге Ленина «Что делать?». Эта книга по глубине мысли, силе страстного убеждения, а также по той роли, которую она сыграла в истории России, стоит наравне с самыми крупными произведениями всей русской политической публицистики. В истории же предреволюционной эпохи нельзя назвать ни одного произведения, влияние которого хотя бы мало-мальски приближалось к влиянию этой книги на весь процесс формирования политических сил в России. Книга эта захватывала и покоряла не только друзей, но и врагов. Существуют многочисленные признания даже политических противников Ленина о том громадном влиянии, которое имела и на них эта книга. А. Н. Потресов писал: «Два раза сплошь и подряд прочел эту книжку и могу только поздравить автора... Превосходно. Разбор того, что такое трэд-юнионистская и социал-демократическая политика, написан ясно и убедительно, а в последних главах деловитый «план» и анализ «кустарничества» возвышаются до поэзии (говорю совершенно серьезно)». Книгу зачитывали до дыр, знали ее наизусть, в тюрьмах передавали ее содержание стуком из камеры в камеру. Она стала «евангелием» социал-демократии, — передает один из мемуаристов-меньшевиков.

Роль, сыгранная во всей истории революционного движения книгой Ленина, объясняется не только широким охватом всех стоявших на очереди вопросов пролетарского социализма, не только пронизавшим ее революционным оптимизмом, но прежде всего тем, что она — *указывала путь*, выводила партию пролетарского социализма на широкую дорогу вождя общенародной революции, подводила под эту будущую роль партии и рабочего

движения неопровержимый — и неопровергнутый историей — теоретический фундамент, обобщала и оформляла накопленную в рабочем классе и примыкавшей к нему партийной интеллигенции революционную энергию.

Вся книга Ленина полемически заострена против идей «Рабочего Дела», представлявших самую утонченную — и потому самую вредную — форму удержания рабочего движения на стадии трэд-юнионистской борьбы. Но по сути дела книга Ленина захватывала вопрос гораздо шире. Она представляет страстную защиту и обоснование основных идей пролетарской политики против всех форм критики, выдвинутых против нее со стороны буржуазии. Именно, поэтому, независимо от частностей и деталей, связанных с историческим моментом ее появления, она продолжает сохранять все свое значение, как «пролегомены ко всякой марксистской политике».

«В современном социалистическом движении — писал теоретик «Рабочего Дела», Б. Кричевский в 1901 г. — нет столкновения классовых интересов, оно все целиком, во *всех* (курсив *Б. Кричевского*) своих разновидностях, включая и самых отъявленных бернштейнианцев, стоит на почве классовых интересов пролетариата, его классовой борьбы за политическое и экономическое освобождение». Теперь, после двух с половиной десятилетий исторической проверки близорукость этого утверждения не нуждается в доказательствах. Сила же книги Ленина заключается в том, что именно два с половиной десятилетия тому назад он построил всю свою книгу, весь свой ответ на вопрос «что делать?» на опровержении этого утверждения. Нет, говорила эта книга, в движении, называющем себя «социалистическим», есть не одна, а *две* классовых линии: бернштейнианство и миллеранизм на Западе, «легальный марксизм» и «экономизм» в России проводят не пролетарскую, а буржуазную политику. «Трэд-юнионистская политика рабочего класса», — та политика, которую бернштейнианцы в Европе и «экономисты» в России признают по существу единственно правильной и единственно доступной рабочему классу, — «есть именно *буржуазная политика* рабочего класса». «Задача же социал-демократов не исчерпывается политической агитацией на экономической почве, задача их — *превратить* эту трэд-юнионистскую политику в социал-демократическую политическую борьбу, — *воспользоваться* теми проблесками политического сознания, которые заронила в рабочих экономическая борьба, для того, чтобы *поднять* рабочих до *социал-демократического* политического сознания», писал Ленин. Превращение трэд-юнионистской политики в социал-демократическую (коммунистическую, сказали бы мы теперь) борьбу обозначает переход от борьбы за узко-профессиональные, цеховые интересы

к борьбе за изменение самых основ капиталистической эксплуатации, к постановке вопроса о власти, о государстве, о взаимоотношениях всех классов в целом, об общей цели классовой борьбы. Именно *расширения* борьбы до этих вопросов требовал Ленин от партии, если она хотела быть партией пролетарского социализма, а не партией буржуазного реформизма. Именно это требование расширения борьбы выразил Ленин в формуле, которая неоднократно подвергалась лжетолкованиям, но которая была и остается глубоко-правильной. «Классовое политическое сознание может быть принесено рабочему только извне, то-есть извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих к хозяевам. Область, из которой только и можно почерпнуть это знание, есть область отношений всех классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотношений между всеми классами».

Из этого Ленин делал вывод, который должен был революционизировать всю практику современной русской социал-демократии. Идеалом деятеля для типичного кружка эпохи экономизма — описывал Ленин — является «нечто гораздо более похожее на секретаря трэд-юниона, чем на социалиста — политического деятеля», а между тем «идеалом социал-демократа должен быть не секретарь трэд-юниона, а *народный трибун*... умеющий пользоваться каждой мелочью, чтобы излагать перед всеми свои социалистические убеждения и демократические требования, чтобы разъяснять всем и каждому всемирно-историческое значение освободительной борьбы пролетариата». Надо представить себе начало 900-х г.г. в царской России, слабость массового движения, раздробленность организации, — чтобы понять, какое действительно революционизирующее значение для самой партии имели подобные призывы. С другой стороны несомненно, что если бы за несколько лет до подъема революционного движения не раздались эти призывы, не двинута была работа именно в этом направлении, партия в революции не смогла бы выполнить своей задачи так, как она ее выполнила. «Основной наш грех в организационном отношении, — писал Ленин как бы в предвидении этой будущей роли партии в революции, — *что мы своим кустарничеством уронили престиж революционеров на Руси.* Дряблый и шаткий в вопросах теоретических, с узким кругозором, ссылающийся на стихийность массы в оправдание своей вялости, более похожий на секретаря трэд-юниона, чем на народного трибуна, не умеющий выдвинуть широкого и смелого плана, который бы внушил уважение и противникам, неопытный и неловкий в своем профессиональном искусстве, — борьбе с политической полицией, — помилуйте! это — не революционер, а какой-то жалкий кустарь!»

Пополнения кадров этих профессиональных революционеров Ленин ожидал прежде всего от самой же рабочей массы. В ответ

на упреки в «утопичности» своих планов он выражал твердую уверенность, что «стихийно-пробуждающиеся массы будут выдвигать из своей среды все большее и большее число «революционеров по профессии», и с горькой насмешкой по отношению к проповедникам «малых дел» и «экономической борьбы» прибавлял: «если мы не вздумаем на всякие лады приглашать рабочих топтаться на одном месте». «Это наша прямая *вина*, — добавлял он, — что мы слишком мало подталкиваем рабочих на эту общую им с «интеллигентами» дорогу профессионально-революционной выучки»... Именно в этих профессиональных революционерах видел Ленин будущих руководителей той «войны» с правительством, широкий размах которой он предвидел в ближайшем будущем и организация которой должна была стать основной задачей партии. Те формы организации, которые до тех пор выдвинула партия, Ленин в «Что делать?» объявил до конца исчерпавшими себя. Отсутствие сильной централизованной организации обрекало партию на «такую войну», которую «нельзя не сравнить с походом вооруженных дубинами шаек крестьян против современного войска». «Как только начались серьезные военные действия — продолжал Ленин — (а они начались уже в сущности с летних стачек 1896 г.), — недостатки нашей военной организации стали все сильнее и сильнее давать себя чувствовать». К созданию этой организации «профессиональных революционеров», тесно связанной с рабочим классом, всецело проникнутой идеями пролетарского социализма и готовой стать во главе обще-народной революции, и призывало каждой строкой «Что делать?». «Искра» должна была послужить — и послужила! — тем первоначальным стержнем, вокруг которого должна была сложиться эта организация. Она сыграла ту роль, которую Ленин в «Что делать?» определял словами: она должна стать «частичкой громадного кузнечного меха, раздувающего каждую искру классовой борьбы и народного возмущения в общий пожар». «Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию», — восклицает Ленин в «Что делать?». Его книга в громаднейшей степени способствовала созданию «организации революционеров», — в виде партии большевиков, — и тому, что старая, царская и капиталистическая Россия была-таки «перевернута».

Одним из результатов работы «Искры» вообще и «Что делать?» в частности было уничтожение экономизма. Книга Ленина его добила. После ее появления «экономизм» исчез с политической сцены. Он смог возродиться только через несколько лет, в новых условиях, на новой стадии классовых отношений и лишь в видоизмененной форме, в форме меньшевизма. Но Ленинское «Что делать?» не только убило экономизм и положило прочное основание господству идей революционного марксизма

в партии. Оно вскрыло с поразительной прозорливостью также и значение и классовые корни другого мелко-буржуазного политического течения, которому предстояло играть в ходе революции видную роль. Это относится к оформившемуся в ту же эпоху, когда создавалась «Искра», террористическому течению в революционной среде. Разгар борьбы с партией социалистов-революционеров относится к 1902—03 г.г., и рассмотрение позиции Ленина по отношению к этой партии надо отнести к V тому, но здесь при рассмотрении «Что делать?» нельзя обойти молчанием тех строк, которые уделены в этой книге общему значению террористического течения.

«Между экономистами и террористами есть не случайная, а необходимая внутренняя связь... есть один общий корень, — писал Ленин.— На первый взгляд, наше утверждение может показаться парадоксом: до такой степени велика, повидимому, разница между людьми, подчеркивающими «серую текущую борьбу»,— и людьми, зовущими к наиболее самоотверженной борьбе отдельных лиц. Но это не парадокс. Экономисты и террористы преклоняются перед разными полюсами стихийного течения: экономисты — перед стихийностью «чисто рабочего движения», террористы — перед стихийностью самого горячего возмущения интеллигентов, не умеющих или не имеющих возможности связать революционную работу в одно целое с рабочим движением... Таким образом, преклонение перед стихийностью в обоих указанных нами направлениях есть не что иное, как начало осуществления знаменитой программы «Credo»... Благими намерениями вымощен ад, и в данном случае благие намерения не спасают еще от стихийного влечения по «линии наименьшего сопротивления», по линии чисто буржуазной программы». Так пролетарский социализм в книге Ленина закреплял свои позиции, резко отгораживаясь от всех видов проникновения буржуазного влияния на пролетариат. Характеристика терроризма как линии наименьшего сопротивления, как «либерализма с бомбой», так же как ленинская характеристика экономизма должны были вызвать и вызвали бурю возмущений и упреков. Беда возмущавшихся и упрекавших заключалась в том, что неумолимая история целиком подтвердила прогнозы Ленина, доказала фактами, известными миллионам, жестокую правду ленинских характеристик. Беда возмущавшихся этой *правдой* заключалась также в том, что пролетарская партия не могла расти и вырасти в громадную силу иначе, как через борьбу и с экономизмом и с мелко-буржуазным терроризмом, и что в лице Ленина эта партия нашла вождя, который знал, что в классовой борьбе малейшая уступка непролетарским и анти-пролетарским течениям грозит величайшими поражениями делу революции и социализма. Поэтому Ленин и был

неуступчив. Поэтому такой политической страстностью, таким боевым духом дышит и «Что делать?», и вся ленинская «Искра».

Однако и бернштейнианство, и экономизм, и мелко-буржуазный терроризм могли только облегчить дело классовых врагов пролетариата. Их подлинные силы собирались под знаменем буржуазного либерализма. В 1901 — 02 г. последний еще не сложился в определенную политическую партию. Он делал только первые шаги на этом пути, и нам предстоит рассмотреть отношение Ленина к этому процессу рождения в России партии буржуазного либерализма. Но раньше, чем расстаться с «Что делать?», необходимо отметить еще одну черту этой работы Ленина.

Мы уже приводили выше слова А. Н. Потресова о том, что некоторые главы этой книги «возвышаются до поэзии». Этим книга обязана глубине революционной страсти, выразительности и образности, с которой автор излагал свои мысли о задачах рабочего класса и о подготовке его к революции. Та же глубокая продуманность, выношенность мысли, та же глубина чувства дала возможность Ленину в этой книге создать попутно целый ряд формул, терминов, «словечек», которые с тех пор вошли в политический словарь рабочего движения. «Преклонение перед стихийностью», «хвостизм», «кустарничество», «повесть о том, как Мартынов «углубил» Плеханова» — только образчик этих метких, выразительных и полных содержания терминов.

* * *

Оформление буржуазного либерализма в тогдашней России было явлением прогрессивным. Оно двигало вперед политическую борьбу, содействовало выяснению взаимоотношения классов и партий. Реакционна была своеобразная форма, в которой в России происходило это оформление: типично буржуазная идеология рождалась в России под оболочкой проповеди модного бернштейнианства, «улучшения» и «исправления» Маркса. Если марксисты могли при первых шагах либерального оформления высказываться за поддержку этого процесса, могли приветствовать первые признаки роста оппозиционных настроений в имущей среде, то, во-первых, эта поддержка уже тогда у Ленина сопровождалась самой решительной критикой ограниченности этих оппозиционных заявлений, их робости, их *недемократичности*, во-вторых, решительной борьбой с попытками идеологов либерализма «поправить» идеологию пролетарского социализма или подчинить себе рабочее движение. Среди тогдашних противников «Искры» вызвали сильнейшую критику, — использованную впоследствии, конечно, и меньшевиками, — некоторые заявления «Искры» о поддержке либерального движения.

Эти заявления сделаны были Лениным и для современного уха могут прозвучать странно. Тем необходимее не вырывать эти заявления из общего контекста, а взять их в общей связи. Тогда вполне вскроется и исторически-преходящий характер этих заявлений и то, что они не находятся ни в каком противоречии с последующей систематической борьбой Ленина с либерализмом, и вся вздорность попыток меньшевиков ухватиться за эти заявления Ленина 1900—01 г.г. для того, чтобы поддержать либералов тогда, когда на очередь дня стала решительная борьба с ними. Перепечатывая в «Искре» письмо «старых земцев», Ленин писал: «Оживление земского движения в последнее время представляет из себя вообще чрезвычайно интересное явление... Тем хуже для нашего врага. Чем менее революционные элементы восстают против него, — тем лучше для нас, безусловных противников самодержавия и всего современного экономического строя. Пошлем же привет новым протестантам, — а, след., и новым нашим союзникам. Поможем им. Вы видите: они бедны; они выступают только с маленьким листком, изданным хуже рабочих и студенческих листков. Мы богаты. Опубликуем его печатно. Огласим новую пощечину царям-Обмановым. Эта пощечина тем интереснее, чем «солиднее» люди, ее дающие. Вы видите, они слабы; у них так мало связей в народе, что их письмо ходит по рукам, точно и в самом деле копия с частного письма. Мы — сильны, мы можем и должны пустить это письмо «в народ» и прежде всего в среду пролетариата, готового к борьбе и начавшего уже борьбу за свободу всего народа. Вы видите: они робки, они только еще начинают расширять свою профессионально-земскую агитацию. Мы смелее их, наши рабочие уже пережили «стадию» (навязанную им стадию) одной только профессионально-экономической агитации. Покажем же им пример борьбы».

Уже из этих строк ясно, что «поддержка» либерализма носила у Ленина очень своеобразный характер. Столкновение либерала с самодержавием рассматривалось им как повод для политического вмешательства рабочего класса, как нечто такое, что рабочий класс своим вмешательством должен был *разжечь* в более общее, более принципиальное столкновение. «Не следует забывать — пояснял Ленин, — что бывают эпохи, когда всякое столкновение с правительством ... как бы мелко оно само по себе ни было, может при известных условиях разгореться в общий пожар. ...Кто морщит презрительно нос по поводу мизерности некоторых из этих столкновений или безнадежности раздуть их в общий пожар, тот не понимает, что всесторонняя политическая агитация есть именно фокус, в котором совпадают насущные интересы политического воспитания пролетариата

с насущными интересами всего общественного развития и всего народа в смысле всех демократических элементов его. Наш прямой долг — вмешиваться во всякий либеральный вопрос, определять свое, социал-демократическое отношение к нему, принимать меры к тому, чтобы пролетариат активно участвовал в решении этого вопроса и заставлял решать его по своему. Кто сторонится от такого вмешательства, тот на деле (каковы бы ни были его намерения) пасует перед либерализмом, отдавая в его руки дело политического воспитания рабочих, уступая гегемонию политической борьбы таким элементам, которые в конечном счете являются вожаками буржуазной демократии». «Партия пролетариата — продолжает Ленин — должна уметь ловить всякого либерала как раз в тот момент, когда он собрался подвинуться на вершок, и заставлять его двинуться на аршин. А упрется, — так мы пойдем вперед без него и через него».

Понятно, что подобная «поддержка», ничего общего не имеющая с шаблонными представлениями о «блоках» и «союзах» и призывавшая пролетариат использовать трения между господствующими классами для разжигания революции и укрепления своей роли гегемона, — целиком сочеталась с полной самостоятельностью партии, с беспощадной борьбой за основы ее мировоззрения. Известно, что Ленин еще весной 1900 г. стоял за привлечение к «Искре» Струве и Туган-Барановского и др., отошедших от марксизма, но стоявших тогда в центре общедемократического, оппозиционного движения. Но Владимир Ильич стоял за их «привлечение» при условии сохранения руководства целиком за революционными марксистами и на определенной идейно-политической платформе, формулированной в заявлении редакции «Искры», иначе говоря за использование их связей, средств и т. п. Как только, однако, выяснилось, что эти представители либерально-демократического движения претендуют на нечто большее, на равноправие в руководстве движением или даже на преобладающую роль в нем — необходимость самого крутого разрыва с ними не вызвала в Ленине ни малейшего колебания (см. напечатанную в этом томе «запись» Ленина от 20.XII.1900). Когда большинство редакции «Искры» решило продолжать сотрудничество со Струве путем совместного издания нового журнала (январь 1901 г.), Ленин поднял восстание против этого решения, заявил, что «наперед умывает руки», призывал Плеханова совместно бороться против этого решения. Плеханов не поддержал Ленина: «обстоятельства таковы — гласил его ответ Ленину, — что разрыв со Струве теперь погубит нас» *).

*) Здесь следует заметить еще вот что. Только теперь стало известно письмо Г. В. Плеханова Ю. О. Мартову от 25 октября 1908 г., написанное в связи с известной статьей А. Н. Потресова в известном

Предприятие не осуществилось лишь по случайным причинам. Наконец, в июне того же, 1901 года, Ленин подверг политическую платформу Струве такой уничтожающей критике, что вызвал явное недовольство и Плеханова и Аксельрода.

«Если сколько-нибудь значительная часть либералов — писал в своей статье Ленин — поверит знамени Струве и, увлекшись им, с тылу нападет на «задир»-революционеров, то последние могут оказаться изолированными, и правительство попытается обеспечить себе минимальные, какой-нибудь совещательной и дворянско-аристократической конституцией ограничивающиеся, уступки. Удастся ли такая попытка, — это будет зависеть от исхода решительной схватки между революционным пролетариатом и правительством, но что либералы окажутся обманутыми, за это можно вполне поручиться. Посредством лозунга, вроде того, который выставлен г. Р. Н. С. (Струве) («властное земство» или «земщина» и т. п.), правительство отманит их, как щенят, от революционеров и, отманивши, схватит за шиворот и будет пороть розгами так называемой реакции. А мы, господа, не преминем тогда сказать: так вам и надо!»

Так «поддерживал» Ленин либералов.

По поводу этой статьи Ленина («Гонители земства и Аннибалы либерализма») Плеханов писал автору: «Не следует теперь ругать либерала вообще. Это нетактично, надо от плохого либерала апеллировать к хорошему... Мы должны относиться к либералам как к возможным союзникам, а тон у Вас, надо сознаться, совсем не союзнический. Смягчите его... Либерализм не надо гладить теперь против шерсти. Это большая ошибка!» Плеханов пытался объяснить «тон» отношения Ленина к либерализму его «раздражением» по отношению к Струве. Он был неправ. Дело для Ленина было не только в Струве и не столько в Струве, сколько в общей линии политики, в общих условиях, вызывавших необходимость разрыва какого бы то ни было сотрудничества, «союза» с направлением, представителем которого являлся Струве в 1900 — 01 г.г. «Необходимым условием союза — писал Ленин в «Что делать?» — является полная возможность для социалистов

сборнике меньшевиков, посвященном истории первой революции. Статья эта вызвала глубокое недовольство Г. В. Плеханова. В указанном письме, мотивируя свое недовольство статьей Потресова, Плеханов между прочим пишет: «Я жалею, что и прежде, когда Струве выдавал себя за нашего, я не обрушился на него, как он того заслуживал. Я не сделал этого, уступая настояниям А. Н. Потресова. Теперь я не повторю ошибки и не сделаю новой уступки духу покойного Струве». Первые строки этого отрывка не могут относиться ни к какому другому периоду, как только к 1895 г., и они, следовательно, раз навсегда решают вопрос о том, *кто* дал тогда Плеханову «приказ не стрелять» в Струве (см. «Как чуть не потухла Искра?»). Этот «приказ» был дан Потресовым.

раскрывать рабочему классу враждебную противоположность его интересов и интересов буржуазии. А то бернштейнианство и «критическое» направление, к которому повально обратилось большинство легальных марксистов, отнимало эту возможность и развращало социалистическое сознание, опошляя марксизм, проповедуя теорию притупления социальных противоречий, объявляя нелепостью идею социальной революции и диктатуры пролетариата, сводя рабочее движение и классовую борьбу к узкому трэд-юнионизму и «реалистической» борьбе за мелкие, постепенные реформы. Это вполне равносильно было отрицанию со стороны буржуазной демократии права на самостоятельность социализма, а следовательно, и права на его существование; это означало на практике стремление превратить начинающееся рабочее движение в хвост либералов. Естественно, что при таких условиях разрыв был необходим». Через несколько месяцев ленинская тактика разрыва и глажения либерализма «против шерсти» была целиком подтверждена политическими фактами. Струве и его группа от переговоров с «Искрой» перешли к полному союзу с умеренными либералами и стали во главе основанного последними либерально-монархического «Освобождения». «Бернштейнианство — писал Ленин — сослужило свою службу не тем, что преобразовало социализм, а тем, что дало облик новой фазе буржуазного либерализма и сняло облик социализма с некоторых quasi-социалистов». Эта характеристика относится не только к России. Она целиком покрывает роль бернштейнианства также и в Европе. Но для России эта ленинская формула точно характеризовала путь, которым буржуазный либерализм пришел к самопознанию. «Только слепые люди могут не видеть, — писал Ленин в «Искре», — что «критика марксизма» всего быстрее прививалась в России и всего торжественнее подхвачена русской либеральной публицистикой именно потому, что она является одним из элементов складывающейся буржуазной, *теперь уже сознательно буржуазной* (курсив мой. *Л. К.*) демократии в России».

К весне 1902 г. этот процесс оформления главнейших политических партий в России в основных чертах можно считать законченным. К этому моменту «Что делать?» (вышло в свет около 20/III 1902 г.) подводит итог внутренним спорам в рабочей партии и в недопускающих сомнения словах определяет ее будущий путь. Весною же 1902 г. сплотившиеся группы революционных народников выступают за границей со своим центральным органом «Революционная Россия», под редакцией В. Чернова, М. Гоца и др. Наконец, 1 июня выходит № 1 нелегального журнала либералов «Освобождение» под редакцией Струве. В лице этих нелегальных органов, — «Искра», «Рев. Россия», «Освобождение», — выступают, таким образом, все три основные клас-

совые силы, борьба между которыми определила дальнейший ход революционного движения: пролетариат, мелко-буржуазная демократия и буржуазный либерализм. Почти в то же время (весна 1902 г.) первые крупные крестьянские восстания на юге России показали, что пролетарская борьба в городе докатилась до деревни. На исторической сцене появились новые враги, но вместе с тем и новые союзники пролетариата. Политическая борьба, а вместе с тем и политические задачи партии Ленина — обострились и усложнились.

Л. Каменев.

Май 1927 года.

В. И. ЛЕНИН.
1900 г.

ПРОЕКТ ЗАЯВЛЕНИЯ РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ» и «ЗАРИ» [1])

Написано весной 1900 г. до отъезда за границу
Впервые напечатано в 1925 г. в «Ленинском Сборнике» IV

Печатается по копии, переписанной неизвестною рукою печатными буквами

I

Предпринимая изданіе двух с.-д. органов: научно политич. журнала и общерусской рабочей газеты, мы считаем необходимым сказать нѣсколько о нашей программѣ, о той кремнѣ мы стремимся и как понимаем свои задачи.

Мы переживаем крайне важный момент в исторіи русскаго раб. движенія и русской соц-дем-іи; все говорит, повидимому, за то, что наше движеніе находится в критической стадіи: оно так широко разлилось и пустило в самых различ. углах Россіи, так много здоровых росток, что теперь с неудержимой силой сказывается его стремленіе упрочиться, принять высшую форму, выработать опред. физіономію и организацію. В самом дѣлѣ, послѣдніе годы характеризуются поразительно быстрым распространеніем идей соц-дем-зма в нашей интеллиціи, а на встрѣчу этому теченію общественной мысли идет совершенно самостоятельное, стихійное движеніе промышленнаго пролетаріата, крый начинает объединяться и бороться против своих угнетателей, проявляя жадное стремленіе к соціализму. Кружки рабочих и соц-демократов интел. появляются повсюду, появляются мѣстные агитаціонные листки, растет спрос на соц. дем. литературу, неизмѣримо обгоняя предложеніе ея, — и усиленныя правительств. преслѣдованія не в силах задержать этого движенія. Битком набиты тюрьмы, переполнены мѣста ссылки, чуть ни каждый смѣсяц слышишь о „провалах" соціалистов во всѣх концах Россіи, о поимкѣ транспортов, о взятіи агитаторов, о конфискаціи литературы и типографій, — но движеніе не останавливается, а все растет, захватывает болѣе широкій район, проникает все глубже в рабочій класс, привлекает все больше и больше обществ. вниманіе. И все экономическое развитіе Россіи, вся исторія русской обществ. мысли и русскаго революц. движенія ручаются за то, что с.-дем-ое рабоч. движеніе будет расти несмотря на всѣ препятствія и преодолѣет их.

Главная черта нашего движенія, края особенно бросается въ глаза въ послѣднее время, это его раздробленность, его кустарный, если можно так выразиться, характер: мѣстные кружки возникают и дѣйствуют почти совершенно независимо от кружков в других мѣстах и даже (что особенно важно) от кружков, дѣйствовавших и дѣйствующих одновременно въ тѣх же центрах, не устанавливается традиціи и преемственности. И мѣстная литература всецѣло отражает эту раздробленность, отражает отсутствіе связи с тѣм, что уже создано русской соц. дем-іей. Современный період и кажется нам критическим именно потому, что движеніе перерастает это кустарничество и эту раздробленность настойчиво требуя перехода к высшей, болѣе объединенной, лучше организованной и болѣе формѣ. Над созданіем крой мы и считаем себя обязанными трудиться. Само собой разумѣется, что в извѣстный період движенія, въ началѣ его, эта раздробленность совершенно неизбѣжна, о отсутствіе преемственности совершенно естественно создается при каком поразительно быстром и повсемѣстном ростѣ движенія послѣ долгаго періода революц. затишья. Несомнѣнно также, что разнообразіе мѣстных условій, различіе положенія рабочаго класса въ тѣх или других районах, наконец и особенности во взглядах мѣстных дѣятелей будут существовать всегда и что именно это разнообразіе свидѣтельствует о жизненности движенія и о здоровом ростѣ его. Все это так, но вѣдь раздробленность и неорганизованность вовсе не являются необходимым слѣдствіем этого разнообразія. Сохраненіе преемственности движенія, объединеніе его отнюдь не исключают разнообразія, — напротив, они создадут даже болѣе широкую арену и свободное поприще для него. Въ современный же момент движенія раздробленность начинает прямо таки обнаруживать вредное ~~вліяніе~~ дѣйствіе и грозит совратить движеніе на ложную дорогу, узкій практицизм, оторванный от теоретическаго освѣщенія движенія

Первая страница проекта заявления редакции «Искры» и «Зари» — 1900 г.

Уменьшено

*

Предпринимая издание двух социал-демократических органов: научно-политического журнала и общерусской рабочей газеты, мы считаем необходимым сказать несколько слов о нашей программе, о том, к чему мы стремимся и как понимаем свои задачи.

Мы переживаем крайне важный момент в истории русского рабочего движения и русской социал-демократии; все говорит, повидимому, за то, что наше движение находится в критической стадии: оно так широко разлилось и пустило в самых различных углах России так много здоровых ростков, что теперь с неудержимой силой сказывается его стремление упрочиться, принять высшую форму, выработать определенную физиономию и организацию. В самом деле, последние годы характеризуются поразительно быстрым распространением идей социал-демократизма в нашей интеллигенции, а навстречу этому течению общественной мысли идет совершенно самостоятельное, стихийное движение промышленного пролетариата, который начинает объединяться и бороться против своих угнетателей, проявляя жадное стремление к социализму. Кружки рабочих и социал-демократов интеллигентов появляются повсюду, появляются местные агитационные листки, растет спрос на социал-демократическую литературу, неизмеримо обгоняя предложение ее, — и усиленные правительственные преследования не в силах задержать этого движения. Битком набиты тюрьмы, переполнены места ссылки, чуть не каждый месяц слышишь о «провалах» социалистов во всех концах России, о поимке транспортов, о взятии агитаторов, о конфискации литературы и типографий, — но движение не останавливается, а все растет, захватывает более широкий район, проникает все глубже в рабочий класс, привлекает все больше и больше общественное внимание. И все экономическое развитие России, вся история русской общественной мысли и русского революционного движения ручаются за то, что социал-демократическое рабочее движение будет расти несмотря на все препятствия и преодолеет их.

Главная черта нашего движения, которая особенно бросается в глаза в последнее время, это его раздробленность, его кустарный, если можно так выразиться, характер: местные кружки возникают

и действуют почти совершенно независимо от кружков в других местах и даже (что особенно важно) от кружков, действовавших и действующих одновременно в тех же центрах; не устанавливается традиции и преемственности, и местная литература всецело отражает эту раздробленность, отражает отсутствие связи с тем, что уже создано русской социал-демократией. Современный период и кажется нам критическим именно потому, что движение перерастает это кустарничество и эту раздробленность, настойчиво требуя перехода к высшей, более объединенной, лучше и более организованной форме, над созданием которой мы и считаем себя обязанными трудиться. Само собой разумеется, что в известный период движения, в начале его, эта раздробленность совершенно неизбежна, что отсутствие преемственности совершенно естественно создается при таком поразительно быстром и повсеместном росте движения после долгого периода революционного затишья. Несомненно также, что разнообразие местных условий, различие положения рабочего класса в тех или других районах, наконец и особенности во взглядах местных деятелей будут существовать всегда и что именно это разнообразие свидетельствует о жизненности движения и о здоровом росте его. Все это так, но ведь раздробленность и неорганизованность вовсе не являются необходимым следствием этого разнообразия. Сохранение преемственности движения, объединение его отнюдь не исключают разнообразия,—напротив, они создадут даже более широкую арену и свободное поприще для него. В современный же момент движения раздробленность начинает прямо таки обнаруживать вредное действие и грозит совратить движение на ложную дорогу: узкий практицизм, оторванный от теоретического освещения движения в его целом, способен разрушить связь между социализмом и революционным движением в России, с одной стороны, и между стихийным рабочим движением, с другой стороны. Что эта опасность не вымышлена, это доказывают такие литературные произведения, как «Credo» *) [2]), которое уже вызвало вполне законный протест и осуждение, далее, как «Отдельное приложение к Рабочей Мысли» (сентябрь 1899 г.) [3]). Это приложение наиболее рельефно выразило тенденцию, проникающую всю газету «Рабочая Мысль», в нем начинает проявляться особое направление в русской социал-демократии и притом такое направление, которое способно принести прямой вред и с которым необходима борьба. А русская легальная литература с той пародией на марксизм, которая способна только развращать общественное сознание, еще усиливает этот разброд и эту анархию, благодаря которой знаменитый (знаменитый своим банкротством) Бернштейн мог печатно перед всем миром заявить такую неправду, будто большинство действующих в России социал-демократов стоит за него [4]).

*) — символ веры. *Ред.*

Было бы еще преждевременно судить о том, насколько глубока эта рознь, насколько вероятно образование особого направления (мы отнюдь не склонны решать эти вопросы уже теперь в утвердительном смысле, отнюдь не теряем еще надежды на возможность совместной работы), но закрывать глаза на серьезность положения было бы еще гораздо вреднее, чем преувеличивать эту рознь, и мы от всей души приветствуем возобновление литературной деятельности Группой «Освобождение Труда» и начатую ею борьбу против попыток извращения и опошления социал-демократизма [5]).

Практический вывод из всего этого такой: необходимо нам, русским социал-демократам, объединиться и направить все усилия на образование единой и крепкой партии, ведущей борьбу под знаменем революционной социал-демократической программы, охраняющей преемственность движения и систематически поддерживающей организованность его. Этот вывод не нов. Его сделали уже русские социал-демократы 2 года тому назад, когда представители крупнейших социал-демократических организаций России собрались на съезд 1898 г. весной, образовав Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию, опубликовав «Манифест» ее, и признали «Рабочую Газету» официальным органом партии [6]). Признавая себя членами Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, мы вполне разделяем основные идеи «Манифеста» и придаем ему весьма важное значение как открытому, публичному заявлению тех целей, к которым должна стремиться наша партия. Поэтому для нас, как членов партии, вопрос о ближайших и непосредственных наших задачах ставится таким образом: какой план деятельности должны мы принять, чтобы достигнуть возможно более прочного возобновления партии? Некоторые товарищи (и даже некоторые группы и организации) держатся того мнения, что для этой цели следует возобновить выбор центрального учреждения партии и поручить ему возобновить издание органа партии [7]). Такой план мы считаем ошибочным или, по крайней мере, рискованным. Создать и упрочить партию — значит создать и упрочить объединение всех русских социал-демократов, а такого объединения нельзя попросту декретировать, его нельзя ввести по одному только решению какого-либо, скажем, собрания представителей, его необходимо выработать. Необходимо выработать, во-первых, общую литературу партии, общую не только в том смысле, чтобы она служила всему русскому движению, а не отдельным районам, чтобы она обсуждала вопросы всего движения в целом и помогала борьбе сознательного пролетариа, а не одни лишь местные вопросы, но общую также и в том смысле, чтобы она объединяла все наличные литературные силы, чтобы она выражала все оттенки мнений и взглядов среди русских социал-демократов не как изолированных работников, а как товарищей, связанных общей программой и общей борьбой в рядах одной организации. Необходимо выработать, во-вто-

рых, организацию, специально посвященную сношениям между всеми центрами движения, доставке полных и своевременных сведений о движении и правильному снабжению периодической прессой всех концов России. Только тогда, когда выработана будет такая организация, когда создана будет русская социалистическая почта, партия получит прочное существование, только тогда партия станет реальным фактом, а следовательно, и могущественной политической силой. Первой половине этой задачи, т.-е. выработке общей литературы, мы и намерены посвятить свои силы, видя в этом насущную потребность современного движения и необходимый подготовительный шаг к возобновлению деятельности партии.

Из такого характера нашей задачи естественно вытекает и та программа, по которой должны вестись издаваемые нами органы. В них должно быть уделено много места вопросам теоретическим, т.-е. и общей теории социал-демократизма и ее применению к русской действительности. Неотложность широкого обсуждения этих вопросов именно в настоящее время не подлежит сомнению и не требует пояснений после того, что было сказано выше. Само собой разумеется, что в неразрывной связи с вопросами общей теории должно стоять и ознакомление с рабочим движением на Западе, его историей и его современным состоянием. Далее мы ставим своей целью систематическое обсуждение всех вопросов политики: социал-демократическая рабочая партия должна откликаться на все вопросы, выдвигаемые жизнью во всех областях, на вопросы и внутренней и международной политики, и мы должны стремиться к тому, чтобы каждый социал-демократ и каждый сознательный рабочий составил себе определенные взгляды по всем основным вопросам,—без этого условия невозможна широкая и планомерная пропаганда и агитация. Обсуждение вопросов теории и политики будет связано с выработкой программы партии, необходимость которой была признана уже съездом 1898 г., и мы намерены в недалеком будущем опубликовать проект программы, всестороннее обсуждение которого должно дать достаточный материал для будущего съезда, пред которым встанет задача принятия программы [8]). Затем особенно насущной задачей мы признаем обсуждение вопросов организации и способов практического ведения дела. Отсутствие преемственности и раздробленность, о которых было говорено выше, особенно вредно отражаются на современном состоянии партийной дисциплины, организации и конспиративной техники. Надо прямо и открыто признать, что в этом отношении мы, социал-демократы, отстали от старых деятелей русского революционного движения и от других организаций, действующих в России, и надо приложить все силы, чтобы пополнить недочеты в этом отношении. Широкое привлечение к движению масс рабочей и интеллигентной молодежи, учащение провалов и изощрение правительственных преследований делают настоятельно необходимой пропаганду принци-

пов и приемов партийной организации, дисциплины и конспиративной техники.

Такая пропаганда, если ее поддержат все отдельные группы и все более опытные товарищи, может и должна повести к выработке из молодых социалистов и рабочих умелых руководителей революционного движения, способных преодолевать все препятствия, которые ставит нашей работе гнет самодержавного полицейского государства, и отвечать на запросы рабочей массы, стихийно рвущейся к социализму и политической борьбе. Наконец, анализ этого стихийного движения (как в рабочих массах, так и в нашей интеллигенции) должен быть, в связи с намеченными выше темами, одной из главнейших наших задач: мы должны разобраться в том интеллигентном общественном движении, которым ознаменована в России вторая половина 90-х годов и которое совмещает в себе различные и иногда разнородные течения; мы должны тщательно изучать положение рабочего класса во всех областях народного хозяйства, изучать формы и условия его пробуждения, его начинающейся борьбы, чтобы связать в одно неразрывное целое марксистский социализм, начавший уже пускать корни на русской почве, и русское рабочее движение, связать русское революционное движение со стихийным подъемом народных масс. И только тогда, когда осуществится такая связь, в России может создаться социал-демократическая рабочая партия, потому что социал-демократия не состоит в одном служении стихийному рабочему движению (как склонны думать иногда у нас некоторые современные «практики»), социал-демократия состоит в соединении социализма с рабочим движением. И только такое соединение дает возможность русскому пролетариату исполнить его первую политическую задачу: освободить Россию от гнета самодержавия.

Что касается до распределения намеченных нами тем и вопросов между журналом и газетой, то это распределение будет определяться исключительно различиями в объеме этих изданий, а также различиями в их характере: журнал должен служить преимущественно пропаганде, газета преимущественно агитации. Но и в журнале и в газете необходимо отражение всех сторон движения, и мы особенно хотели бы подчеркнуть наше отрицательное отношение к такому плану, чтобы рабочая газета помещала на своих страницах исключительно то, что непосредственно и ближайшим образом затрагивает стихийное рабочее движение, отдавая все относящееся к области теории социализма, к области науки, политики, вопросов партийной организации и прочее — в орган для интеллигентов. Напротив, необходимо именно соединение всех конкретных фактов и проявлений рабочего движения с указанными вопросами, необходимо освещение теорией каждого частного факта, необходима пропаганда вопросов политики и партийной организации среди самых широких масс рабочего класса, необходимо внесение этих вопросов в агита-

цию. Та форма агитации, которая почти исключительно господствовала до сих пор у нас — именно агитация посредством местных листков — становится недостаточной: она узка, ибо затрагивает только местные и главным образом экономические вопросы. Надо попытаться создать более высокую форму агитации — посредством газеты, регистрирующей периодически и рабочие жалобы, и рабочие стачки, и другие формы пролетарской борьбы, и все проявления политического гнета во всей России, и делающей определенные выводы из каждого такого факта применительно к конечным целям социализма и к политическим задачам русского пролетариата. «Раздвинуть рамки и расширить содержание нашей пропагандистско-агитационной и организаторской деятельности» — эти слова П. Б. Аксельрода должны послужить лозунгом, определяющим в ближайшем будущем деятельность русских социал-демократов, и мы принимаем этот лозунг в программу своих органов [9]).

Здесь является естественно следующий вопрос: если предполагаемые нами органы должны служить целям объединения всех русских социал-демократов и сплочению их в одну партию, то они должны отражать все оттенки взглядов, все местные особенности, все разнообразие практических приемов. Как совместить это объединение разнородных точек зрения с редакционной цельностью органов? Должны ли быть эти органы простым сводом разнообразных воззрений или они должны иметь самостоятельное, совершенно определенное направление?

Мы решаем эти вопросы во втором смысле и надеемся, что орган определенного направления может быть вполне пригодным (как мы скажем ниже) и для отражения различных точек зрения и для товарищеской полемики между сотрудниками. По своим воззрениям мы вполне разделяем все основные идеи марксизма (как они выразились в «Коммунистическом Манифесте» и в программах западно-европейских социал-демократов) и стоим за последовательное развитие этих идей в духе Маркса и Энгельса, решительно отвергая те половинчатые, оппортунистические поправки, которые вошли теперь в такую моду с легкой руки Бернштейна. Мы видим задачу социал-демократии в организации классовой борьбы пролетариата, в содействии этой борьбе, в указании ее необходимой конечной цели, в анализе условий, определяющих способ ведения этой борьбы. «Освобождение рабочих может быть делом только самих рабочих» [10]). Но, не отделяя социал-демократии от рабочего движения, мы не должны забывать, что ее задача — представлять интересы этого движения во всех странах, в общем и целом, что она отнюдь не должна впадать в слепое преклонение перед тем или другим отдельным фазисом, в котором находится это движение в то или другое время, в том или другом месте. Мы считаем обязанностью социал-демократии поддержку всякого революционного движения против существующего государственного и обществен-

ного строя и видим ее цель в завоевании политической власти рабочим классом, в экспроприации экспроприаторов и в устройстве социалистического общества. Мы решительно отвергаем всякую попытку ослабить или затушевывать революционность социал-демократии, которая есть партия социальной революции, беспощадно враждебная всем классам, стоящим на почве современного общественного строя. В частности исторической задачей русской социал-демократии мы считаем ниспровержение самодержавия: русская социал-демократия призвана стать передовым бойцом русской демократии, призвана осуществить ту цель, которую ставит перед ней все общественное развитие России и которую завещали ей славные деятели русского революционного движения. Только неразрывно связывая экономическую и политическую борьбу, только распространяя политическую пропаганду и агитацию в более и более широкие слои рабочего класса, может социал-демократия исполнить свое призвание.

С указанной точки зрения (которая в самых общих чертах была указана здесь, так как подробное изложение и обоснование ее делалось уже не раз и Группой «Освобождение Труда», и «Манифестом» Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, и «комментарием»[11]) к нему — брошюрой «Задачи русских социал-демократов»*), «Рабочее дело в России» (обоснование программы российской социал-демократии[12])), мы и будем освещать все теоретические и практические вопросы, с указанными идеями мы будем стараться связать все проявления рабочего движения и демократического протеста в России.

Но, ведя свою литературную работу с точки зрения определенного направления, мы отнюдь не намерены выдавать всех частностей своих взглядов за взгляды всех русских социал-демократов, отнюдь не намерены отрицать существующих разногласий, затушевывать или оттирать их. Напротив, мы хотим сделать наши органы — органами *обсуждения* всех вопросов всеми русскими социал-демократами со взглядами самых различных оттенков. Полемику между товарищами на страницах наших органов мы не только не отвергаем, а, напротив, готовы уделить ей очень много места. Открытая полемика перед всеми русскими социал-демократами и сознательными рабочими необходима и желательна для выяснения глубины существующих разногласий, для всестороннего обсуждения спорных вопросов, для борьбы с крайностями, в которые неизбежно впадают представители различных взглядов, представители различных местностей или различных «профессий» революционного движения. Мы считаем даже одним из недочетов современного движения — отсутствие открытой полемики между заведомо расходящимися взглядами, стремление дер-

*) См. II том Сочинений, стр. 167. *Ред.*

жать под спудом разногласия, касающиеся очень существенных вопросов.

Более того: признавая в русском рабочем классе и в русской социал-демократии передового борца за демократию, за политическую свободу, мы считаем необходимым стремиться к тому, чтобы сделать наши органы *обще-демократическими* органами, — не в том смысле, чтобы мы хоть на минуту соглашались забыть о классовом антагонизме между пролетариатом и другими классами, не в том смысле, чтобы мы допускали хоть малейшее затушевывание классовой борьбы, — нет, а в том смысле, чтобы мы выдвигали и обсуждали *все* демократические вопросы, не ограничиваясь одними узко-пролетарскими вопросами, выдвигали и обсуждали все случаи и проявления политического гнета, показывали связь между рабочим движением и политической борьбой во всех ее формах, привлекали всех честных борцов против самодержавия, каких бы взглядов они ни были, к каким бы классам они ни принадлежали, привлекали их к поддержке рабочего класса, как единственной революционной и бесповоротно враждебной абсолютизму силы. Поэтому, обращаясь прежде всего к русским социалистам и сознательным рабочим, мы не хотим ограничиться исключительно ими. Мы призываем также и всех, кого давит и гнетет современный политический строй России, кто стремится к освобождению русского народа от его политического рабства, мы призываем их к поддержке изданий, которые посвящают свои силы организации рабочего движения в революционную политическую партию, мы предлагаем им страницы наших органов для разоблачения всех гнусностей и преступлений русского самодержавия. Мы делаем этот призыв, убежденные в том, что знамя политической борьбы, поднимаемое русской социал-демократией, может и должно стать общенародным знаменем.

Задачи, которые мы себе ставим, в высшей степени широки и всеобъемлющи, и мы не решились бы взяться за такие задачи, если бы мы не вынесли из всего своего опыта непреклонной уверенности в том, что это насущные задачи всего движения, если б мы не заручились сочувствием и обещанием всесторонней и постоянной поддержки во 1) со стороны нескольких организаций Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и отдельных групп работающих в разных городах русских социал-демократов; во 2) со стороны Группы «Освобождение Труда», которая основала русскую социал-демократию и всегда стояла во главе ее теоретиков и ее литературных представителей; в 3) со стороны целого ряда лиц, не принадлежащих к организациям, но сочувствующих социал-демократическому рабочему движению и оказывавших ему не мало услуг. Мы приложим все свои силы к тому, чтобы исполнить надлежащим образом выбираемую нами часть общей революционной работы, и мы стремимся к тому, чтобы все русские товарищи смо-

трели на наши издания, как на свой орган, в который *каждая* группа сообщала бы все сведения о движении, с которым бы она делилась своими взглядами, своими запросами на литературу, своим опытом, своей оценкой социал-демократических изданий, делилась бы, одним словом, всем, что она вносит в движение, и всем, что она выносит из него. Только при таком условии возможно будет создание действительно общерусского социал-демократического органа. Русской социал-демократии становится уже тесно в том подполье, в котором ведут свою работу отдельные группы и разрозненные кружки; ей пора уже выйти на дорогу открытой проповеди социализма, на дорогу открытой политической борьбы, — и создание общерусского социал-демократического органа должно быть *первым шагом* на *этом пути*.

КАК ЧУТЬ НЕ ПОТУХЛА «ИСКРА»? [13])

Написано в начале сентября 1900 г. за границей
Впервые напечатано в 1924 г. в «Ленинском Сборнике» I

Печатается по рукописи

STEINDL'S WIENER-GRAND-CAFÉ
ZÜRICH
Bahnhofplatz.

336976

Первая страница рукописи В. И. Ленина: «Как чуть не потухла «Искра»?»—1900 г.

Уменьшено

Приехал я сначала в Цюрих, приехал один и не видевшись раньше с Арсеньевым (Потресовым). В Цюрихе П. Б. Аксельрод встретил меня с распростертыми объятиями, и я провел 2 дня в очень задушевной беседе. Беседа была как между давно не видавшимися друзьями: обо всем и о многом прочем, без порядка, совершенно не делового характера. По деловым вопросам П. Б. вообще мало что mitsprechen kann *); заметно было, что он тянет сторону Г. В. Плеханова, заметно по тому, как он настаивал на устройстве типографии для журнала в Женеве. Вообще же П. Б. очень «льстил» (извиняюсь за выражение), говорил, что для них *все* связано с нашим предприятием, что это для них возрождение, что «мы» теперь получим возможность и против крайностей Г. В. спорить — это последнее я особенно заметил, да и вся последующая «гистория» показала, что это особенно замечательные слова были.

Приезжаю в Женеву. Арсеньев предупреждает, что надо быть очень осторожным с Г. В., который страшно возбужден расколом [14]) и подозрителен. Беседы с этим последним действительно сразу показали, что он действительно подозрителен, мнителен и rechthaberisch до nec plus ultra **). Я старался соблюдать осторожность, обходя «больные» пункты, но это постоянное держание себя настороже не могло, конечно, не отражаться крайне тяжело на настроении. От времени до времени бывали и маленькие «трения» в виде пылких реплик Г. В. на всякое замечаньице, способное хоть немного охладить или утишить разожженные (расколом) страсти. Были «трения» и по вопросам тактики журнала: Г. В. проявлял всегда абсолютную нетерпимость, неспособность и нежелание вникать в чужие аргументы и притом неискренность, именно неискренность. Наши заявления, что мы обязаны быть *елико возможно* снисходительны к Струве, ибо *мы сами* не без вины в его эволюции: мы сами, и *Г. В. в том числе*, не восстали тогда, когда надо было восстать (1895, 1897). Г. В. абсолютно не хотел признать своей, хотя

*) — может сказать. *Ред.*
**) — всегда считает себя до нельзя правым. *Ред.*

бы малейшей, вины, отделываясь явно негодными аргументами, *отстраняющими*, а не разъясняющими вопрос. В товарищеской беседе между будущими со-редакторами эта... дипломатичность поражала крайне неприятно: зачем обманывать себя, говоря, что в 1895 г. ему, Г. В., будто бы было «приказано» (??) «не стрелять» (в Струве), а он привык делать, что приказано (похоже на то!)[15]). Зачем обманывать себя, уверяя, что в 1897 г. (когда Струве писал в «Новом Слове» о своей цели опровергнуть одно из основных положений марксизма)[16]), он, Г. В., не выступал против, ибо абсолютно не понимает (и никогда не поймет) полемики в одном журнале между сотрудниками. Эта неискренность страшно раздражала тем более, что Г. В. старался в спорах представить это так, будто мы не хотим беспощадной войны со Струве, будто мы хотим «все примирить» и проч. Горячие споры шли и о полемике на страницах журнала вообще: Г. В. был против этого и слушать не хотел наших аргументов. К «союзникам» он проявлял ненависть, доходившую до неприличия (заподозревание в шпионстве, обвинение в гешефтмахерстве, в прохвостничестве, заявление, что он бы «расстрелял», не колеблясь, подобных «изменников» и т. п.). Самые отдаленные намеки на то, что и он впал в крайности (напр., мой намек на опубликование частных писем[17]) и на неосторожность этого приема), приводили Г. В. прямо в отчаянное возбуждение и заметное раздражение. Очевидно, недовольство росло и в нем и в нас. В нем оно выразилось, между прочим, в следующем: у нас был проект редакционного заявления («От редакции»)*), в коем говорилось о задачах и программе изданий: написано оно было в «оппортунистическом» (с точки зрения Г. В.) духе: допускалась полемика между сотрудниками, тон был скромный, делалась оговорка насчет возможности мирного окончания спора с «экономистами» и т. п. Подчеркивалась в заявлении и наша принадлежность к партии и желание работать над ее объединением. Г. В. прочел это заявление, когда меня еще не было, вместе с Арсеньевым и В. И. Засулич, прочел и ничего не возразил по существу. Он выразил только желание исправить слог, приподнять его, оставив весь ход мысли. Для этой цели А. Н. Потресов и оставил у него заявление. Когда я приехал, Г. В. не сказал мне об этом ни слова, а через несколько дней, когда я был у него, передал мне заявление обратно — вот мол, при свидетелях, в целости передаю, не потерял. Я спрашиваю, почему он не произвел в нем намеченных изменений. Он отговаривается: это де можно и потом, это недолго, сейчас не стоит. Я взял заявление, исправил его сам (это был черновик, еще в России набросанный) и второй раз (при В. И.) прочитал его Г. В., причем уже *я прямо*

*) См. настоящий том, стр. 1. *Ред.*

попросил его взять эту вещь и исправить ее. Он опять отговорился, свалив эту работу на сидевшую рядом В. И. (что̀ было совсем странно, ибо В. И. об этом мы не просили, да и не смогла бы она исправить, «приподнимая» тон и придавая заявлению характер манифеста).

Так шло дело до съезда (съезда всей Группы «Освобождение Труда», Г. В., П. Б., В. И. и нас двоих за отсутствием нашего третьего [18]). Наконец, приехал П. Б., и устроился съезд. По вопросу об отношении нашем к Еврейскому союзу (бунду) [19] Г. В. проявляет феноменальную нетерпимость, объявляя его прямо не социал-демократической организацией . . . . . *) говоря, что наша цель — вышибить этот бунд из партии . . . . . *) Никакие наши возражения против этих неприличных речей ни к чему не привели. Г. В. остался всецело при своем . . . . . *) Никакой резолюции по этому вопросу принято не было. Читали вместе на съезде «заявление»: Г. В. держал себя странно, молчал, никаких изменений не предложил, не восстал против того, что там допускается полемика, вообще точно отстранялся, именно отстранялся, не желал участвовать и только вскользь, мимоходом, бросил ядовитое и злое замечание, что он-то бы (они-то бы, т.-е. Группа «Освобождение Труда», в коей он диктатор) уж, конечно, не такое заявление написал. Вскользь брошенное, кстати прибавленное к какой-то фразе иного содержания, это замечание Г. В. меня особенно неприятно поразило: идет совещание соредакторов, и вот один из соредакторов (которого *два* раза просили дать свой проект заявления или проект исправления нашего заявления) не предлагает никаких изменений, а только саркастически замечает, что он-то бы уж, конечно, не так писал (не так робко, скромно, оппортунистически — хотел он сказать). Это уже ясно показало, что нормальных отношений между ним и нами не существует. Далее — обхожу менее важные вопросы съезда — ставится вопрос об отношении к Бобо [20] и Мих. Ив. Туган-Барановскому. Мы стоим за *условное* приглашение (нас неизбежно толкала на это резкость Г. В.: мы хотели этим показать, что желаем иного отношения. Невероятная резкость Г. В. просто как-то инстинктивно толкает на протест, на защиту его противников. Вера Ивановна очень тонко заметила, что Г. В. всегда полемизирует так, что вызывает в читателе сочувствие к своему противнику). Г. В. очень холодно и сухо заявляет о своем полном несогласии и демонстративно молчит в течение всех наших довольно долгих разговоров с П. Б. и В. И., которые не прочь и согласиться с нами. Все утро это проходит под какой-то крайне тяжелой атмосферой: дело безусловно принимало такой вид, что Г. В. ставит ультиматум — или он или приглашать этих «про-

*) Опущено несколько слов. См. примечание 13-ое. *Ред.*

хвостов». Видя это, мы оба с Арсеньевым решили уступить и с самого начала вечернего заседания заявили, что «по настоянию Г. В.» отказываемся. Встречено это заявление было молчанием (точно это и само собою подразумевалось, что мы не можем не уступить!). Нас порядочно раздражила эта «атмосфера ультиматумов» (как формулировал позже Арсеньев) — желание Г. В. властвовать неограниченно проявлялось очевидно. Раньше, когда мы частным образом беседовали о Бобо (Г. В., Арсеньев, В. И. и я, в лесу, гуляя вечером), Г. В. заявил после горячего спора, кладя мне руку на плечо: «я ведь, господа, не ставлю условий, там обсудим все это на съезде сообща и решим вместе». Тогда это меня очень тронуло. Но оказалось, что на съезде вышло как раз обратное: на съезде Г. В. отстранился от товарищеского обсуждения, сердито молчал и своим молчанием явно «*ставил условия*». Для меня это было резким проявлением неискренности (хотя я сразу и не сформулировал еще так ясно своих впечатлений), а Арсеньев прямо заявил: «я ему не забуду этой уступки!» Наступает суббота. Я не помню уже точно, о чем говорили в этот день, но вечером, когда мы шли все вместе, разгорелся новый конфликт. Г. В. говорил, что надо заказать одному лицу (которое еще не выступало в литературе, но в коем Г. В. хочет видеть философский талант. Я этого лица не знаю; известно оно своим слепым преклонением пред Г. В.)[21] статью на философскую тему, и вот Г. В. говорит: я ему посоветую начать статью замечанием против Каутского — хорош де гусь, который уже «критиком» сделался, пропускает в «Neue Zeit»[22] философские статьи «критиков» и не дает полного простора «марксистам» (спречь Плеханову). Услышав о проекте такой резкой выходки против Каутского (приглашенного уже в сотрудники журнала), Арсеньев возмутился и горячо восстал против этого, находя это неуместным. Г. В. надулся и озлобился, я присоединился к Арсеньеву. П. Б. и В. И. молчали. Через полчаска Г. В. уехал (мы шли его провожать на пароход), при чем последнее время он сидел молча, черпее тучи. Когда он ушел, у нас всех сразу стало как-то легче на душе и пошла беседа «по хорошему». На другой день, в воскресенье (сегодня 2 сентября, воскресенье. Значит, это было *только* неделю тому назад!!! А мне кажется, что это было с год тому назад! Настолько уже это отошло далеко!), собрание назначено не у нас, на даче, а у Г. В. Приезжаем мы туда, — Арсеньев приехал сначала, я после. Г. В. высылает П. Б. и В. И. сказать Арсеньеву, что он, Г. В., отказывается от соредакторства, а хочет быть простым сотрудником: П. Б. ушел, В. И. совсем растерянно, сама не своя, бормочет Арсеньеву: «Жорж недоволен, не хочет»... Вхожу я. Мне отпирает Г. В. и подает руку с несколько странной улыбкой, затем уходит. Я вхожу в комнату, где сидят В. И. и Арсеньев со страшными лицами.

Ну, что же, господа? — говорю я. Входит Г. В. и зовет нас в свою комнату. Там он заявляет, что лучше он будет сотрудником, простым сотрудником, ибо иначе будут только трения, что он смотрит на дело, видимо, иначе, чем мы, что он понимает и уважает нашу, партийную, точку зрения, но встать на нее не может. Пусть редакторами будем мы, а он сотрудником. Мы совершенно опешили, выслушав это, прямо таки опешили и стали отказываться. Тогда Г. В. говорит: ну, если вместе, то как же мы голосовать будем; сколько голосов? — Шесть. — Шесть неудобно. — «Ну, пускай у Г. В. будет 2 голоса, — вступается В. И., — а то он всегда один будет, — два голоса по вопросам тактики». Мы соглашаемся. Тогда Г. В. берет в руки бразды правления и начинает в тоне редактора распределять отделы и статьи для журнала, раздавая эти отделы то тому, то другому из присутствующих — тоном, не допускающим возражений. Мы сидим все, как в воду опущенные, безучастно со всем соглашаясь и не будучи еще в состоянии переварить происшедшее. Мы чувствуем, что оказались в дураках, что наши замечания становятся все более робкими, что Г. В. «отодвигает» их (не опровергает, а отодвигает) все легче и все небрежнее, что «новая система» de facto *) всецело равняется полнейшему господству Г. В. и что Г. В., отлично понимая это, не стесняется господствовать во всю и не очень-то церемонится с нами. Мы сознавали, что одурачены окончательно и разбиты на голову, но еще не реализовали себе вполне своего положения. Зато, как только мы остались одни, как только мы сошли с парохода и пошли к себе на дачу, — нас обоих сразу прорвало, и мы разразились взбешенными и озлобленнейшими тирадами против Г. В.

Но, прежде чем излагать содержание этих тирад и то, к чему они привели, я сделаю сначала маленькое отступление и вернусь назад. Почему нас так возмутила идея полного господства Плеханова (независимо от *формы* его господства)? Раньше мы всегда думали так: редакторами будем мы, а они — ближайшими участниками. Я предлагал так формально и ставить с самого начала (еще с России), Арсеньев предлагал не ставить формально, а действовать лучше «по хорошему» (что̀ сойдет-де на то же), — я соглашался. Но оба мы были согласны, что редакторами должны быть мы как потому, что «старики» крайне нетерпимы, так и потому, что они не смогут аккуратно вести черную и тяжелую редакторскую работу: только эти соображения для нас и решали дело, идейное же их руководство мы вполне охотно признавали. Разговоры мои в Женеве с ближайшими товарищами и сторонниками Плеханова из молодых (члены группы «Социал-Демократ» [23]), старинные сторонники Плеханова, работники, не рабочие, а работники, простые, деловые люди, всецело преданные Плеханову), разго-

*) — на деле. *Ред.*

воры эти вполне укрепили меня (и Арсеньева) в мысли, что именно так должны мы ставить дело: эти сторонники сами заявляли нам, без обиняков, что редакция желательна в Германии, *ибо это сделает нас независимее от Г. В.*, что если старики будут держать в руках фактическую редакторскую работу, это будет равносильно страшным проволочкам, а то и провалу дела. И Арсеньев по тем же соображениям стоял *безусловно* за Германию.

Я остановился, в своем описании того, как чуть было не потухла «Искра», на нашем возвращении домой вечером в воскресенье 26 августа н. ст. Как только мы остались одни, сойдя с парохода, мы прямо таки разразились потоком выражений негодования. Нас точно прорвало, тяжелая атмосфера разразилась грозой. Мы ходили до позднего вечера из конца в конец нашей деревеньки, ночь была довольно темная, кругом ходили грозы и блистали молнии. Мы ходили и возмущались. Помнится, начал Арсеньев заявлением, что личные отношения к Плеханову он считает теперь раз навсегда прерванными и никогда не возобновит их: деловые отношения останутся, — лично я с ним fertig *). Его обращение оскорбительно — до такой степени, что заставляет нас подозревать его в очень «нечистых» мыслях по отношению к нам (т.-е., что он мыслению приравнивает нас к Streber'ам **)). Он нас третирует и т. д. Я поддерживал всецело эти обвинения. Мою «влюбленность» в Плеханова тоже как рукой сняло, и мне было обидно и горько до невероятной степени. Никогда, никогда в моей жизни я не относился ни к одному человеку с таким искренним уважением и почтением, vénération ***), ни перед кем я не держал себя с таким «смирением» — и никогда не испытывал такого грубого «пинка». А на деле вышло именно так, что мы получили пинок: нас припугнули, как детей, припугнули тем, что взрослые нас покинут и оставят одних, и когда мы струсили (какой позор!), нас с невероятной беспеременностью отодвинули. Мы сознали теперь совершенно ясно, что утреннее заявление Плеханова об отказе его от соредакторства было простой ловушкой, рассчитанным шахматным ходом, западней для наивных «пижонов»: это не могло подлежать никакому сомнению, ибо если бы Плеханов искренно боялся соредакторства, боялся затормозить дело, боялся породить лишние трения между нами, — он бы никоим образом не мог, минуту спустя, обнаружить (и грубо обнаружить), что его *со*редакторство совершенно равносильно его *едино*редакторству. Ну, а раз человек, с которым мы хотим вести близкое общее дело, становясь в интимнейшие с ним отношения, раз такой человек пускает в ход по отношению к товарищам шахматный ход, — тут уже нечего сомневаться в том,

*) — покончил. *Ред.*
**) — карьеристам. *Ред.*
***) — благоговением. *Ред.*

что это человек нехороший, именно нехороший, что в нем сильны мотивы личного, мелкого самолюбия и тщеславия, что он — человек неискренний. Это открытие — это было для нас настоящим открытием! — поразило нас как громом потому, что мы оба были до этого момента влюблены в Плеханова и, как любимому человеку, прощали ему все, закрывали глаза на все недостатки, уверяли себя всеми силами, что этих недостатков нет, что это — мелочи, что обращают внимание на эти мелочи только люди, недостаточно ценящие принципы. И вот, нам самим пришлось наглядно убедиться, что эти «мелочные» недостатки способны отталкивать самых преданных друзей, что никакое убеждение в теоретической правоте неспособно заставить забыть его *отталкивающие* качества. Возмущение наше было бесконечно велико: идеал был разбит, и мы с наслаждением попирали его ногами, как свергнутый кумир: самым резким обвинениям не было конца. Так нельзя! решили мы. Мы не хотим и не будем, *не можем* работать вместе при таких условиях. Прощай, журнал! Мы бросаем все и едем в Россию, а там наладим дело за-ново и ограничимся газетой. Быть пешками в руках этого человека мы не хотим; товарищеских отношений он не допускает, не понимает. Брать *на себя* редакторство мы не решаемся, да притом это было бы теперь просто противно, это выходило бы именно так, как будто бы мы гнались только за редакторскими местечками, как будто бы мы были Streber'ами, карьеристами, как будто бы и в нас говорило такое же тщеславие, только калибром пониже... Трудно описать с достаточной точностью наше состояние в этот вечер: такое это было сложное, тяжелое, мутное состояние духа! Это была настоящая драма, целый разрыв с тем, с чем носился, как с любимым детищем, долгие годы, с чем неразрывно связывал всю свою жизненную работу. И все оттого, что мы были раньше влюблены в Плеханова: не будь этой влюбленности, относись мы к нему хладнокровнее, ровнее, смотри мы на него немного более со стороны,—мы иначе бы повели себя с ним и не испытали бы такого, в буквальном смысле слова, краха, такой «нравственной бани», по совершенно верному выражению Арсеньева. Это был самый резкий жизненный урок, обидно-резкий, обидно-грубый. Младшие товарищи «ухаживали» за старшим из громадной любви к нему, — а он вдруг вносит в эту любовь атмосферу интриги и заставляет их почувствовать себя не младшими братьями, а дурачками, которых водят за нос, пешками, которые можно двигать по произволу, а то так даже и неумелыми Streber'ами, которых надо посильнее прихлопнуть и придавить. И влюбленная юность получает от предмета своей любви горькое наставление: надо ко всем людям относиться «без сантиментальности», надо держать камень за пазухой. Бесконечное количество таких горьких слов говорили мы в тот вечер. Внезапность краха вызывала, естественно, немало и преувеличений, но в основе своей эти горькие слова были верны.

Ослепленные своей влюбленностью, мы держали себя в сущности как *рабы*, а быть рабом — недостойная вещь, и обида этого сознания во сто крат увеличивалась еще тем, что нам открыл глаза «он» самолично на нашей шкуре...

Мы пошли, наконец, по своим комнатам спать с твердым решением завтра же высказать Плеханову наше возмущение, отказаться от журнала и уехать, оставив одну газету, а журнальный материал издавать брошюрами: дело от этого не пострадает, мол, а мы избавимся от ближайших отношений к «этому человеку».

На другой день просыпаюсь раньше обыкновенного: меня будят шаги по лестнице и голос П. Б., который стучится в комнату Арсеньева. Я слышу, как Арсеньев откликается, отворяет дверь — слышу это и думаю про себя: хватит ли духу у Арсеньева сказать все сразу? а лучше сразу сказать, необходимо сразу, не тянуть дела. Умывшись и одевшись, вхожу к Арсеньеву, который умывается. Аксельрод сидит на кресле с несколько натянутым лицом. Вот, NN, обращается ко мне Арсеньев — я сказал П. Б. о нашем решении ехать в Россию, о нашем убеждении, что так вести дело нельзя. — Я вполне присоединяюсь, конечно, и поддерживаю Арсеньева. Аксельроду мы, не стесняясь, рассказываем все, настолько не стесняясь, что Арсеньев даже говорит, что мы подозреваем, что Плеханов считает нас Streber'ами. Аксельрод вообще полусочувствует нам, горько качая головой и являя вид до последней степени расстроенный, растерянный, смущенный, но тут энергично протестует и кричит, что это-то уж неправда, что у Плеханова есть разные недостатки, но этого-то нет, что тут уже не он несправедлив к нам, а мы — к нему, что до сих пор он готов был сказать Плеханову: «видишь, что ты наделал — расхлебывай сам, я умываю руки», а теперь он не решается, ибо видит и у нас несправедливое отношение. Его уверения, конечно, произвели на нас мало впечатления, и бедный П. Б. имел совсем жалкий вид, убеждаясь, что наше решение — твердо.

Мы вышли вместе и пошли предупреждать В. И. Надо было ждать, что она примет известие о «разрыве» (ведь дело принимало именно вид разрыва) особенно тяжело. Я боюсь даже — говорил накануне Арсеньев — совершенно серьезно боюсь, что она покончит с собой...

Никогда не забуду я того настроения духа, с которым выходили мы втроем: «мы точно за покойником идем», сказал я про себя. И действительно, мы шли как за покойником, молча, опуская глаза, подавленные до последней степени нелепостью, дикостью, бессмысленностью утраты. Точно проклятье какое-то! Все налаживалось к лучшему — налаживалось после таких долгих невзгод и неудач, — и вдруг налетел вихрь — и конец, и все опять рушится. Просто как-то не верилось самому себе (точь-в-точь как не веришь самому себе, когда находишься под свежим впечатлением смерти близкого

человека) — неужели это я, ярый поклонник Плеханова, говорю о нем теперь с такой злобой и иду, с сжатыми губами, и с чертовским холодом на душе, говорить ему холодные и резкие вещи, объявлять ему почти-что о «разрыве отношений»? Неужели это не дурной сон, а действительность?

Это впечатление не проходило и во время разговора с В. И. Она не проявляла особенно резко возбуждения, но видно было, что угнетена была страшно, и упрашивала, молила почти что, нельзя ли нам все же отказаться от нашего решения, нельзя ли попробовать, может быть, на деле не так страшно, за работой наладятся отношения, за работой не так видны будут отталкивающие черты его характера... Это было до последней степени тяжело — слушать эти искренние просьбы человека, слабого пред Плехановым, но человека безусловно искреннего и страстно преданного делу, человека, с «героизмом раба» (выражение Арсеньева), несущего ярмо Плехановщины. До такой степени тяжело было, что ей-богу временами мне казалось, что я расплачусь... Когда идешь за покойником, — расплакаться всего легче именно в том случае, если начинают говорить слова сожаления, отчаяния...

Ушли мы от П. Б. и В. И. Ушли, пообедали, отправили в Германию письма, что мы туда едем, чтобы *машину приостановили*, даже телеграмму об этом отправили (еще *до* разговора с Плехановым!!), и ни у одного из нас не шевельнулось сомнение в нужности того, что̀ мы делали.

После обеда идем опять в назначенный час к П. Б. и В. И., у коих уже должен был быть Плеханов. Подходим, они все трое выходят. Здороваемся молча — впрочем Плеханов старается вести сторонний разговор (мы просили П. Б. и В. И. предупредить его, так что он уже все знает) — возвращаемся в комнату и садимся. Арсеньев начинает говорить — сдержанно, сухо и кратко, что мы отчаялись в возможности вести дело при таких отношениях, *какие* определились вчера, что решили уехать в Россию посоветоваться с тамошними товарищами, ибо на себя уже не берем решения, что от журнала приходится пока отказаться. Плеханов очень спокоен, сдержан, очевидно, вполне и безусловно владеет собой, ни следа первости Павла Борисовича или Веры Ивановны (бывал и не в таких передрягах! думаем мы со злостью, глядя на него!). Он допрашивает, в чем же собственно дело. «Мы находимся в атмосфере ультиматумов» — говорит Арсеньев и развивает несколько эту мысль.—Что же вы боялись, что ли, что я после первого номера стачку вам устрою перед вторым?—спрашивает Плеханов, наседая на нас. Он думал, что мы этого не решимся сказать. Но я тоже холодно и спокойно отвечаю: «отличается ли это от того, что̀ сказал А. Н.? Ведь он это самое и сказал». Плеханова, видимо, немного коробит. Он не ожидал такого тона, такой сухости и прямоты обвинений. — «Ну, решили ехать, так что ж тут толковать,

говорит он, — мне тут нечего сказать, мое положение очень странное: у вас всё впечатления да впечатления, больше ничего: получились у вас такие впечатления, что я дурной человек. Ну, что же я могу с этим поделать?» — Наша вина может быть в том, — говорю я, желая отвести беседу от этой «невозможной» темы, — что мы чересчур размахнулись, не разведав брода. — «Нет, уж если говорить откровенно, — отвечает Плеханов, — ваша вина в том, что вы (может быть в этом сказалась и нервность Арсеньева) придали чрезмерное значение таким впечатлениям, которым придавать значение вовсе не следовало». Мы молчим и затем говорим, что вот, де, брошюрами можно пока ограничиться. Плеханов сердится: «я о брошюрах не думал и не думаю. *На меня не рассчитывайте.* Если вы уезжаете, то я ведь сидеть сложа руки не стану и могу вступить до вашего возвращения в иное предприятие».

Ничто так не уронило Плеханова в моих глазах, как это его заявление, когда я вспоминал его потом и обдумывал его всесторонне. Это была такая грубая угроза, так плохо рассчитанное запугиванье, что оно могло только «доканать» Плеханова, обнаружив его «политику» по отношению к нам: достаточно де будет их хорошенько припугнуть...

Но на угрозу мы не обратили *ни малейшего внимания.* Я только сжал молча губы: хорошо, мол, ты так — ну à la guerre comme à la guerre *), но дурак же ты, если не видишь, что мы теперь уже не те, что мы за одну ночь совсем переродились.

И вот, увидав, что угроза не действует, Плеханов пробует другой маневр. Как же не назвать в самом деле маневром, когда он стал через несколько минут, тут же, говорить о том, что разрыв с нами равносилен для него полному отказу от политической деятельности, что он отказывается от нее и уйдет в научную, чистонаучную литературу, ибо если де он уж с нами не может работать, то, значит, ни с кем не может... Не действует запугивание, так, может быть, поможет лесть!.. Но *после* запугивания это могло произвести только отталкивающее впечатление... Разговор был короткий, дело не клеилось; Плеханов перевел, видя это, беседу на жестокость русских в Китае, но говорил почти-что он один, и мы вскоре разошлись.

Беседа с П. Б. и В. И., после ухода Плеханова, не представляла уже из себя ничего интересного и существенного: П. Б. извинялся, стараясь доказать нам, что Плеханов тоже убит, что теперь на нашей душе грех будет, если мы так уедем и пр. и пр. В. И. в интимной беседе с Арсеньевым признавалась, что «Жорж» всегда был такой, призналась в своем «героизме раба», призналась, что «это для него урок будет», если мы уедем.

Остаток вечера провели пусто, тяжело.

---

*) — на войне, так по-военному. *Ред.*

На другой день, вторник 28 августа н. ст., надо уезжать в Женеву и оттуда в Германию. Рано утром будит меня (обыкновенно поздно встающий) Арсеньев. Я удивляюсь: он говорит, что спал плохо и что придумал последнюю возможную комбинацию, чтобы хоть кое-как наладить дело, чтобы из-за порчи *личных* отношений не дать погибнуть серьезному *партийному* предприятию. Издадим *сборник*, — благо материал уже намечен, связи с типографией налажены. Издадим сборник пока при теперешних неопределенных редакторских отношениях, а там увидим: от сборника одинаково легок переход и к журналу и к брошюрам. Если же Плеханов заупрямится, — тогда чорт с ним, мы будем знать, что сделали все, что́ могли... Решено.

Идем сообщать Павлу Борисовичу и Вере Ивановне и встречаем их: они шли к нам. Они, конечно, охотно соглашаются, и П. Б. берет на себя поручение переговорить с Плехановым и побудить его согласиться.

Приезжаем в Женеву и ведем *последнюю беседу* с Плехановым. Он берет тон такой, будто вышло лишь печальное недоразумение на почве нервности: участливо спрашивает Арсеньева о его здоровьи и почти обнимает его — тот чуть не отскакивает. Плеханов соглашается на сборник: мы говорим, что по вопросу об организации редакторского дела возможны три комбинации (1. мы редакторы, он — сотрудник; 2. мы все соредакторы; 3. он — редактор, мы — сотрудники), что мы обсудим в России все эти три комбинации, выработаем проект и привезем сюда. Плеханов заявляет, что он решительно отказывается от 3-ей комбинации, решительно настаивает на совершенном исключении *этой* комбинации, на первые же *обе* комбинации *соглашается*. Так и порешили: пока, *впредь до представления* нами проекта нового редакторского режима, оставляем старый порядок (соредакторы все шесть, причем 2 голоса у Плеханова).

Плеханов выражает затем желание разузнать хорошенько, в чем же собственно дело-то было, чем мы недовольны. Я замечаю, что может быть лучше будет, если мы больше внимания уделим тому, что́ будет, а не тому, что́ было. Но Плеханов настаивает, что надо же выяснить, разобрать. Завязывается беседа, в которой участвуем почти только Плеханов и я — Арсеньев и П. Б. молчат. Беседа ведется довольно спокойно, даже вполне спокойно. Плеханов говорит, что он заметил, будто Арсеньев был раздражен отказом его насчет Струве, — я замечаю, что он, напротив, ставил нам условия — вопреки своему прежнему заявлению в лесу, что он условий не ставит. Плеханов защищается: я де молчал не потому, что ставил условия, а потому, что для меня вопрос был ясен. Я говорю о необходимости допускать полемику, о необходимости между нами голосований — Плеханов допускает последнее, но говорит: по частным вопросам, ко-

нечно, голосование, по основным — невозможно. Я возражаю, что именно разграничение основных и частных вопросов будет не всегда легко, что именно об этом разграничении необходимо будет голосовать между соредакторами. Плеханов упирается, говорит, что это уже дело совести, что различие между основными и частными вопросами дело ясное, что тут голосовать нечего. Так на этом споре — допустимо ли голосование между соредакторами по вопросу о разграничении основных и частных вопросов — мы и застряли, не двигаясь ни шагу дальше. Плеханов проявил всю свою ловкость, весь блеск своих примеров, сравнений, шуток и цитат, невольно заставлявших смеяться, но этот вопрос так-таки и замял, не сказав прямо: нет. У меня получилось убеждение, что он именно не мог уступить здесь, по этому пункту, не мог отказаться от своего «индивидуализма» и от своих «ультиматумов», ибо он по подобным вопросам не стал бы голосовать, а стал бы именно ставить ультиматумы.

В тот же день вечером я уехал, не видавшись больше ни с кем из Группы «Освобождение Труда». Мы решили не говорить о происшедшем никому, кроме самых близких лиц, — решили соблюсти аппарансы, — не дать торжествовать противникам. По внешности — как будто бы ничего не произошло, вся машина должна продолжать идти, как и шла, — только внутри порвалась какая-то струна, и вместо прекрасных личных отношений наступили деловые, сухие, с постоянным расчетом: по формуле si vis pacem, para bellum *).

Небезынтересно только отметить вечером того же дня один разговор, который я вел с ближайшим товарищем и сторонником Плеханова, членом группы «Социал-Демократ». Я не сказал ему ни слова о происшедшем, сказал, что журнал намечен, статьи назначены — пора за дело. Беседовал с ним о том, как практически наладить дело: он всецело высказывался за то, что старики решительно неспособны на редакторскую работу. Беседовал о «3-х комбинациях», и прямо спросил его: какая, по его мнению, всех лучше? Он прямо и не колеблясь ответил: 1-ая (мы — редакторы, они — сотрудники), но, де, вероятно, журнал будет Плеханова, газета — ваша. —

— По мере того, как мы отходили подальше от происшедшей истории, мы стали относиться к ней спокойнее и приходить к убеждению, что дело бросать совсем не резон, что бояться нам взяться за редакторство *(сборника)* пока нечего, а взяться необходимо именно нам, ибо иначе нет абсолютно никакой возможности заставить правильно работать машину и не дать делу погибнуть от дезорганизаторских «качеств» Плеханова.

По приезде в N [24]), 4 или 5 сентября, мы уже выработали проект *формальных* отношений между нами (я начал писать этот

*) — если хочешь мира, готовь войну. *Ред.*

проект еще дорогой, в вагоне ж. д.), и проект этот делал нас — редакторами, их — сотрудниками с правом голоса по всем редакционным вопросам [25]). Этот проект и решено было обсудить совместно с Егором (Мартовым), а затем преподнести им.

Искра начала *подавать надежду* опять разгореться.

ЗАЯВЛЕНИЕ РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ» [26])

Написано в сентябре 1900 г.

Впервые напечатано в октябре 1900 г. отдельным листком в издании «Искры»

Печатается по тексту издания 1900 г.

Россійская
Соціалдемократическая
Рабочая Партія

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя"
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Предпринимая изданіе политической газеты — „Искра" — мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, къ чему мы стремимся и какъ понимаемъ свои задачи.

Мы переживаемъ крайне важный моментъ въ исторіи русскаго рабочаго движенія и русской соціалдемократіи. Послѣдніе годы характеризуются поразительно быстрымъ распространеніемъ соціалдемократическихъ идей среди нашей интеллигенціи, и на встрѣчу этому теченію общественной мысли идетъ самостоятельно возникшее движеніе промышленнаго пролетаріата, который начинаетъ объединяться и бороться противъ своихъ угнетателей, начинаетъ съ жадностью стремиться къ соціализму. Кружки рабочихъ и соціалдемократовъ интеллигентовъ появляются повсюду, распространяются мѣстные агитаціонные листки, ростетъ спросъ на соціалдемократическую литературу, далеко обгоняя предложеніе, и усиленныя правительственныя преслѣдованія не въ силахъ удержать этого движенія. Биткомъ набиты тюрьмы, переполнены мѣста ссылки, чуть не каждый мѣсяцъ слышно о „провалахъ" во всѣхъ концахъ Россіи, о поимкѣ транспортовъ, о конфискаціи литературы и типографій, но движеніе все ростетъ, захватываетъ все большій районъ, все глубже проникаетъ въ рабочій классъ, все больше привлекаетъ общественное вниманіе. И все экономическое развитіе Россіи, вся исторія русской общественной мысли и русскаго революціоннаго движенія ручаются за то, что соціалдемократическое рабочее движеніе будетъ расти несмотря на всѣ препятствія и въ концѣ концовъ — преодолѣетъ ихъ.

Но, съ другой стороны, главная черта нашего движенія, которая особенно бросается въ глаза въ послѣднее время, — его раздробленность, его, такъ сказать, кустарный характеръ: мѣстные кружки возникаютъ и дѣйствуютъ независимо другъ отъ друга и даже (что особенно важно) независимо отъ кружковъ, дѣйствовавшихъ и дѣйствующихъ въ тѣхъ же центрахъ, не устанавливается традиція, нѣтъ преемственности, и мѣстная литература всецѣло отражаетъ раздробленность и отсутствіе связи съ тѣмъ, что уже создано русской соціалдемократіей.

Несоотвѣтствіе этой раздробленности съ запросами, вызываемыми силою и широтой движенія, создаетъ, по нашему мнѣнію, критическій моментъ въ его развитіи. Въ самомъ движеніи съ неудержимой силой сказывается потребность упрочиться, выработать опредѣленную физіономію и организацію, а между тѣмъ въ средѣ практически дѣйствующихъ соціалдемократовъ необходимость такого перехода къ высшей формѣ движенія сознается далеко не вездѣ. Въ довольно широкихъ кругахъ наблюдается, наоборотъ, шатаніе мысли, увлеченіе модной „критикой марксизма" и „бернштейніадой", распространеніе взглядовъ такъ называемаго „экономическаго" направленія и въ неразрывной связи съ этимъ — стремленіе задержать движеніе на его низшей стадіи, стремленіе отодвинуть на второй планъ задачу образованія революціонной партіи, ведущей борьбу во главѣ всего народа. Что подобныя шатанія мысли наблюдаются среди русскихъ соціалдемократовъ, что узкій практицизмъ, оторванный отъ теоретическаго освѣщенія движенія въ его цѣломъ, грозитъ совратить движеніе на ложную дорогу, это фактъ, въ этомъ не могутъ усомниться люди, непосредственно знакомые съ положеніемъ дѣлъ въ большинствѣ нашихъ организацій. Да есть и литературныя произведенія, подтверждающія это: стоитъ назвать хотя бы „Credo", вызвавшее уже вполнѣ законный протестъ, „Отдѣльное приложеніе къ Рабочей Мысли (сент. 1899)", столь рельефно выразившее тенденцію, проникающую всю газету „Рабочая Мысль", или, наконецъ, воззваніе петербургской „Группы Самоосвобожденія Рабочаго Класса", составленное въ духѣ того же „экономизма". И совершенно невѣрно утвержденіе „Рабочаго Дѣла", что „Credo" представляетъ собою не больше какъ мнѣніе единичныхъ лицъ, что направленіе „Рабочей Мысли" выражаетъ лишь сумбурность и безтактность ея редакціи, а не особое направленіе въ самомъ ходѣ русскаго рабочаго движенія.

А рядомъ съ этимъ въ произведеніяхъ писателей, которыхъ читающая публика съ большимъ или меньшимъ основаніемъ считала до сихъ поръ видными представителями „легальнаго" марксизма, все болѣе и болѣе обнаруживается поворотъ къ воззрѣніямъ, сближающимся съ буржуазной апологетикой. Результатомъ всего этого и является тотъ разбродъ и та анархія, благодаря которымъ экс-марксистъ или, вѣрнѣе, экс-соціалистъ Бернштейнъ, перечисляя свои успѣхи, могъ печатно заявить, не встрѣчая опроверженій, будто большинство дѣйствующихъ въ Россіи соціалдемократовъ состоитъ изъ его послѣдователей.

Мы не хотимъ преувеличивать опасность положенія, но закрывать на нее глаза было бы неизмѣримо вреднѣе, вотъ почему мы отъ всей души привѣтствуемъ рѣшеніе „Группы Освобожденія Труда" возобновить ея литературную дѣятельность и начать систематическую борьбу противъ попытокъ извращенія и опошленія соціалдемократизма.

Практическій выводъ изъ всего этого такой: мы, русскіе соціалдемократы, должны сплотиться и направить всѣ усилія на образованіе крѣпкой партіи, борющейся подъ единымъ знаменемъ революціонной соціалдемократіи. Именно эта задача была намѣчена уже Съѣздомъ 1898 года, образовавшимъ Россійскую Соціалдемократическую Рабочую Партію и опубликовавшимъ ея Манифестъ.

Мы признаемъ себя членами этой партіи, вполнѣ раздѣляемъ основныя идеи „Манифеста" и придаемъ ему важное значеніе, какъ открытому заявленію ея цѣлей. Поэтому для насъ, какъ членовъ партіи, вопросъ о ближайшей и непосредственной нашей задачѣ ставится такимъ образомъ: какой планъ дѣятельности должны мы принять, чтобы достигнуть возможно болѣе прочнаго возобновленія партіи?

Обычный отвѣтъ на этотъ вопросъ состоитъ въ томъ, что необходимо снова выбрать центральное учрежденіе и поручить ему возобновить органъ партіи. Но въ переживаемый нами періодъ разброда такой простой путь едва-ли былъ бы цѣлесообразенъ.

Заявление редакции «Искры», выпущенное отдельным листком—1900 г.

Уменьшено

ОТ РЕДАКЦИИ.

Предпринимая издание политической газеты — «Искра», мы считаем необходимым сказать несколько слов о том, к чему мы стремимся и как понимаем свои задачи.

Мы переживаем крайне важный момент в истории русского рабочего движения и русской социал-демократии. Последние годы характеризуются поразительно быстрым распространением социал-демократических идей среди нашей интеллигенции, а на встречу этому течению общественной мысли идет самостоятельно возникшее движение промышленного пролетариата, который начинает объединяться и бороться против своих угнетателей, начинает с жадностью стремиться к социализму. Кружки рабочих и социал-демократов интеллигентов появляются повсюду, распространяются местные агитационные листки, растет спрос на социал-демократическую литературу, далеко обгоняя предложение, а усиленные правительственные преследования не в силах удержать этого движения. Битком набиты тюрьмы, переполнены места ссылки, чуть не каждый месяц слышно о «провалах» во всех концах России, о поимке транспортов, о конфискации литературы и типографий, но движение все растет, захватывает все больший район, все глубже проникает в рабочий класс, все больше привлекает общественное внимание. И все экономическое развитие России, вся история русской общественной мысли и русского революционного движения ручаются за то, что социал-демократическое рабочее движение будет расти, несмотря на все препятствия, и в конце концов — преодолеет их.

Но, с другой стороны, главная черта нашего движения, которая особенно бросается в глаза в последнее время, — его раздробленность, его, так сказать, кустарный характер: местные кружки возникают и действуют независимо друг от друга и даже (что особенно важно) независимо от кружков, действовавших и действующих в тех же центрах; не устанавливается традиции, нет преемственности, и местная литература всецело отражает раздробленность и отсутствие связи с тем, что уже создано русской социал-демократией.

Несоответствие этой раздробленности с запросами, вызываемыми силою и широтой движения, создаст, по нашему мнению, критический момент в его развитии. В самом движении с неудержимой силой сказывается потребность упрочиться, выработать определенную физиономию и организацию, а между тем в среде практически действующих социал-демократов необходимость такого перехода к высшей форме движения сознается далеко не везде. В довольно широких кругах наблюдается, наоборот, шатанье мысли, увлечение модной «критикой марксизма» и «бернштейниадой», распространение взглядов так называемого «экономического» направления и в неразрывной связи с этим — стремление задержать движение на его низшей стадии, стремление отодвинуть на второй план задачу образования революционной партии, ведущей борьбу во главе всего народа. Что подобного рода шатанье мысли наблюдается среди русских социал-демократов, что узкий практицизм, оторванный от теоретического освещения движения в его целом, грозит совратить движение на ложную дорогу, *это факт:* в этом не могут усомниться люди, непосредственно знакомые с положением дел в большинстве наших организаций. Да есть и литературные произведения, подтверждающие это: стоит назвать хотя бы «Credo», вызвавшее уже вполне законный протест, «Отдельное приложение к Рабочей Мысли» (сентябрь 1899), столь рельефно выразившее тенденцию, проникающую *всю* газету «Рабочая Мысль», или наконец — воззвание петербургской «Группы Самоосвобождения Рабочего Класса» [27]), составленное в духе того же «экономизма». И *совершенно неверно* утверждение «Рабочего Дела» [28]), что «Credo» представляет собою не больше, как мнение единичных лиц, что направление «Рабочей Мысли» выражает лишь сумбурность и бестактность ее редакции, а не особое направление в самом ходе русского рабочего движения.

А рядом с этим в произведениях писателей, которых читающая публика, с большим или меньшим основанием, считала до сих пор видными представителями «легального» марксизма, все более и более обнаруживается поворот к воззрениям, сближающимся с буржуазной апологетикой. Результатом всего этого и является тот разброд и та анархия, благодаря которым экс-марксист или, вернее, экс-социалист Бернштейн, перечисляя свои успехи, мог печатно заявить, не встречая возражений, будто большинство действующих в России социал-демократов состоит из его последователей.

Мы не хотим преувеличивать опасность положения, но закрывать на нее глаза было бы неизмеримо вреднее; вот почему мы от всей души приветствуем решение Группы «Освобождение Труда» возобновить ее литературную деятельность и начать систематическую борьбу против попыток извращения и опошления социал-демократизма.

Практический вывод из всего этого такой: мы, русские социал-демократы, должны сплотиться и направить все усилия на образование крепкой партии, борющейся под единым знаменем революционной социал-демократии. Именно эта задача была намечена уже съездом 1898 года, образовавшим Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию и опубликовавшим ее «Манифест».

Мы признаем себя членами этой партии, вполне разделяем основные идеи «Манифеста» и придаем ему важное значение, как открытому заявлению ее целей. Поэтому для нас, как членов партии, вопрос о ближайшей и непосредственной нашей задаче ставится таким образом: какой план деятельности должны мы принять, чтобы достигнуть возможно более прочного возобновления партии?

Обычный ответ на этот вопрос состоит в том, что необходимо снова выбрать центральное учреждение и поручить ему возобновить орган партии. Но в переживаемый нами период разброда такой простой путь едва ли был бы целесообразен.

Создать и упрочить партию значит создать и упрочить объединение всех русских социал-демократов, а по указанным выше причинам такого объединения нельзя декретировать, его нельзя ввести по одному только решению какого-либо, скажем, собрания представителей, его необходимо выработать. Необходимо выработать, во-первых, прочное идейное объединение, исключающее ту разноголосицу и путаницу, которая, — будем откровенны, — царит среди русских социал-демократов в настоящее время; необходимо закрепить это идейное объединение партийной программой. Необходимо, во-вторых, выработать организацию, специально посвященную сношениям между всеми центрами движения, доставке полных и своевременных сведений о движении и правильному снабжению периодической прессой всех концов России. Только тогда, когда выработается такая организация, когда будет создана русская социалистическая почта, партия получит прочное существование и станет реальным фактом, а следовательно, и могущественной политической силой. Первой половине этой задачи, т.-е. выработке общей, принципиально-выдержанной литературы, способной идейно объединить революционную социал-демократию, мы и намерены посвятить свои силы, видя в этом насущную потребность современного движения и необходимый подготовительный шаг к восстановлению деятельности партии.

Как мы уже говорили, идейное объединение русских социал-демократов еще надо выработать, для чего необходимо, по нашему мнению, открытое и всестороннее обсуждение основных принципиальных и тактических вопросов, поднятых современными «экономистами», бернштейнианцами и «критиками». Прежде,

чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться. Иначе наше объединение было бы лишь фикцией, прикрывающей существующий разброд и мешающей его радикальному устранению. Понятно поэтому, что мы не намерены сделать наш орган простым складом разнообразных воззрений. Мы будем вести его, наоборот, в духе строго определенного направления. Это направление может быть выражено словом: марксизм, и нам вряд ли есть надобность добавлять, что мы стоим за последовательное развитие идей Маркса и Энгельса и решительно отвергаем те половинчатые, расплывчатые и оппортунистические поправки, которые вошли теперь в такую моду с легкой руки Эд. Бернштейна, П. Струве и многих других. Но, обсуждая все вопросы с своей определенной точки зрения, мы вовсе не отвергаем полемику между товарищами на страницах нашего органа. Открытая полемика пред всеми русскими социал-демократами и сознательными рабочими необходима и желательна для выяснения глубины существующих разногласий, для всестороннего обсуждения спорных вопросов, для борьбы с крайностями, в которые неизбежно впадают не только представители различных взглядов, но даже представители различных местностей или различных «профессий» революционного движения. Мы считаем даже, как уже было замечено выше, одним из недочетов современного движения отсутствие открытой полемики между заведомо расходящимися взглядами, стремление держать под спудом разногласия, касающиеся очень серьезных вопросов.

Мы не станем подробно перечислять тех вопросов и тем, которые входят в программу нашего органа, ибо эта программа сама собою вытекает из общего понятия о том, чем должна быть издаваемая, при данных условиях, политическая газета.

По мере наших сил мы будем стремиться к тому, чтобы все русские товарищи смотрели на наше издание как на свой орган, в который каждая группа сообщала бы все сведения о движении, с которым бы она делилась своим опытом, своими взглядами, своими запросами на литературу, своей оценкой социал-демократических изданий, делилась бы, одним словом, всем, что она вносит в движение и что она выносит из него. Только при таком условии возможно будет создание действительно общерусского социал-демократического органа. Только такой орган способен вывести движение на широкий путь политической борьбы. «Раздвинуть рамки и расширить содержание нашей пропагандистско-агитационной и организаторской деятельности» — эти слова П. Б. Аксельрода должны стать лозунгом, определяющим в ближайшем будущем деятельность русских социал-демократов, — и мы принимаем этот лозунг в программу своего органа.

Мы обращаем свой призыв не только к социалистам и сознательным рабочим. Мы призываем также всех, кого гнетет и давит современный политический строй, мы предлагаем им страницы наших изданий для разоблачения всех гнусностей русского самодержавия.

Кто понимает социал-демократию, как организацию, служащую исключительно стихийной борьбе пролетариата, тот может удовлетвориться только местной агитацией и «чисто-рабочей» литературой. Мы не так понимаем социал-демократию: мы понимаем ее, как направленную против абсолютизма революционную партию, неразрывно связанную с рабочим движением. Только организованный в такую партию пролетариат, этот наиболее революционный класс современной России, в состоянии будет исполнить лежащую на нем историческую задачу: объединить под своим знаменем все демократические элементы страны и завершить упорную борьбу целого ряда погибших поколений конечным торжеством над ненавистным режимом.

* * *

Газета будет выходить в объеме около 1 — 2 печатных листов номер.

Срок выхода, в виду условий русской нелегальной печати, заранее не определяется.

Нам обещаны — сотрудничество нескольких выдающихся представителей международной социал-демократии, ближайшее участие Группы «Освобождение Труда» (Г. В. Плеханова, П. Б. Аксельрода, В. И. Засулич), и поддержка со стороны нескольких организаций Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, а также отдельных групп русских социал-демократов.

ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ «МАЙСКИЕ ДНИ В ХАРЬКОВЕ»[29]

Написано в первой половине ноября 1900 г.

Впервые напечатано в январе 1901 г. в брошюре, изданной «Искрой»

Печатается по тексту брошюры

Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія.

МАЙСКІЕ ДНИ ВЪ ХАРЬКОВѢ

Изданіе „ИСКРЫ"

Типографія „Искры". Январь 1901.

Обложка брошюры: «Майскіе дни в Харькове» — 1901 г.

Предлагаемая брошюра представляет из себя описание знаменитой маевки 1900 г. в Харькове, составленное Харьковским Комитетом Российской Социал-Демократической Рабочей Партии на основании описаний самих рабочих. Она прислана нам в виде корреспонденции, но мы сочли необходимым издать ее отдельно, как вследствие ее значительного объема, так и в виду того, чтобы как можно легче было распространить ее в возможно большем количестве и возможно шире. Через полгода русские рабочие будут праздновать первое мая первого года нового века, — и пора позаботиться о том, чтобы это празднество охватило как можно больше центров, чтобы оно было как можно внушительнее не только числом своих участников, но и их организованностью, их сознательностью, их решимостью начать бесповоротную борьбу за политическое освобождение русского народа, а тем самым и за свободное поприще классового развития пролетариата и открытой борьбы его за социализм. Пора начать готовиться к новой маевке, и одной из важных подготовительных мер должно быть ознакомление с тем, чего уже достигло социал-демократическое движение в России, рассмотрение того, что еще недостает нашему движению вообще и маевке в частности, и как мы должны пополнить эти недочеты, как добиться лучших результатов.

Харьковская маевка показывает, какой крупной политической демонстрацией способно стать празднование рабочего праздника и чего недостает нам для того, чтобы это празднование действительно стало великой общерусской демонстрацией сознательного пролетариата. Что придало майским дням в Харькове характер выдающегося события? Массовое участие рабочих в забастовке, громадные тысячные собрания на улицах, развертывающие красные знамена, провозглашающие требования, указанные в прокламациях, революционный характер этих требований: 8-мичасовый рабочий день и политическая свобода. Сказка о том, будто русские рабочие не доросли еще до политической борьбы, будто их главное дело — чисто-экономическая борьба, лишь понемногу и потихоньку дополняемая частичной политической агитацией за отдельные политические реформы, а не за борьбу против всего политического строя России, —

эта сказка решительно опровергается Харьковской маевкой. Но мы хотим здесь обратить внимание на другую сторону дела. Доказав еще и еще раз политические способности русских рабочих, маевка в Харькове показывает в то же время, чего нам недостает для полного развития этих способностей.

Харьковские социал-демократы постарались подготовить маевку, распространив брошюры и листки заранее; был составлен рабочими и план общей демонстрации и речей на Конной площади. Отчего не удался этот план? Харьковские товарищи отвечают на это так: оттого, что силы «главного штаба» сознательных социалистов-рабочих были распределены неравномерно, в одном заводе много, в других мало; оттого, далее, что план рабочих «был известен властям», принявшим, разумеется, все меры для разъединения рабочих. Вывод ясен: нам недостает *организации*. Масса рабочих всколыхнулась уже и готова идти за социалистическими вождями, но «главному штабу» не удалось еще сорганизовать крепкого ядра, правильно распределяющего все наличные силы сознательных рабочих, обеспечивающего настолько конспиративную (тайную) постановку дела, чтобы заранее составленные планы действия оставались неизвестны не только властям, но и всем, стоящим вне организации. Эта организация должна быть *революционной* организацией: она должна быть составлена из людей, вполне ясно сознавших задачи социал-демократического рабочего движения и решившихся на бесповоротную борьбу с современным политическим строем, она должна соединить в себе то социалистическое знание и тот революционный опыт, который выработали уроки многих десятилетий в русской революционной интеллигенции, с тем знанием рабочей среды и умением агитировать в массе и вести ее за собой, которое свойственно передовикам-рабочим. Не о проведении искусственно-сочиненной грани между интеллигентами и рабочими, не о создании «чисто-рабочей» организации, а именно о таком соединении должны мы заботиться прежде всего и больше всего. Мы позволим себе напомнить здесь следующие слова Г. Плеханова:

«Необходимым условием этой (агитационной) деятельности является сплочение уже готовых революционных сил. Кружковой пропагандой могут заниматься люди, ничем не связанные между собой, даже не подозревающие существования один другого. Конечно, отсутствие организации всегда отзывается и на пропаганде, но оно не делает ее невозможной. В эпохи же сильного общественного возбуждения, когда политическая атмосфера насыщена электричеством и когда то здесь, то там, по самым различным, самым непредвиденным поводам происходят все более и более частые вспышки, свидетельствующие о приближении революционной бури, — короче, когда надо агитировать или оставаться за флагом, в такие эпохи *только организованные* революционные силы могут иметь серьезное влияние на ход событий. Отдельная личность становится тогда бес-

сильной, революционное дело оказывается по плечу только единицам высшего порядка: *революционным организациям*» (Г. Плеханов. «О задачах социалистов в борьбе с голодом», стр. 83).

В истории русского рабочего движения наступает именно такая эпоха возбуждения и вспышек по самым различным поводам, и если мы не хотим остаться «за флагом», мы должны направить все усилия на создание общерусской организации, способной руководить всеми отдельными вспышками и таким образом достигнуть того, чтобы приближающаяся буря (о которой говорит также харьковский рабочий в конце брошюры) была не стихийной бурей, а сознательным движением пролетариата, восставшего во главе всего народа против самодержавного правительства.

Кроме наглядного указания на недостаточную сплоченность и подготовленность наших революционных организаций, харьковская маевка дает еще одно не менее важное практическое указание. «С первомайским праздником и манифестацией — говорится в брошюре — неожиданно переплелись различные практические требования, предъявленные без соответствующей подготовки и поэтому, конечно, осужденные, в общем, на неудачу». Возьмем, напр., требования рабочих железнодорожных мастерских: из 14 требований 11 представляют из себя требования отдельных мелких улучшений, вполне достижимых и при современных политических порядках: увеличение платы, сокращение рабочего времени, устранение злоупотреблений. На ряду с этими требованиями, как бы совершенно однородные с ними, стоят три такие требования: 4) ввести 8-мичасовый рабочий день; 7) гарантировать неприкосновенность личности рабочих после майских событий; 10) учредить комиссию из рабочих и администрации для разбора всяких недоразумений между обеими сторонами. Первое из этих требований (п. 4) есть общее требование всемирного пролетариата; выставление этого требования указывает, повидимому, на то, что передовые харьковские рабочие понимают свою солидарность со всемирным социалистическим рабочим движением. Но именно поэтому подобное требование не следует ставить в числе частных требований, между требованием, чтобы мастера лучше обращались и чтобы плату повысили на 10 процентов. Требования об увеличении платы и об улучшении обращения могут быть предъявляемы (и должны быть предъявляемы) рабочими отдельных ремесл к их хозяевам; это — требования цеховые, требования отдельных разрядов рабочих. Требование же 8-мичасового рабочего дня есть требование всего пролетариата, обращенное не к отдельным хозяевам, а к государственной власти, как к представительнице всего современного общественного и политического строя, ко всему классу капиталистов, владеющих всеми средствами производства. Требование 8-мичасового рабочего дня приобрело особое значение: оно есть заявление солидарности с международным социалистическим движением. Мы должны позаботиться о том,

чтобы рабочие сознали эту разницу, чтобы они не сводили требование 8-мичасового рабочего дня на уровень такого же требования, как требование бесплатных билетов или удаление сторожа. В течение всего года рабочие то здесь, то там предъявляют постоянно различные частные требования хозяевам и борются за них: помогая этой борьбе, социалисты должны всегда указывать на ее связь с борьбой пролетариата всех стран за свое освобождение. И день первого мая должен быть днем торжественного заявления того, что рабочие сознают эту связь и решительно примыкают к этой борьбе.

Возьмем десятое требование об учреждении комиссии для разбора недоразумений. Такая комиссия из выборных от рабочих и от администрации могла бы, конечно, принести много пользы, но только при условии полной свободы выборов и полной независимости депутатов. Какая польза будет от комиссии, если будут рассчитывать тех рабочих, которые поведут борьбу против выбора ставленников начальства, которые будут резко нападать на администрацию, разоблачая все ее притеснения? А таких рабочих не только будут рассчитывать, но и арестовывать. Значит, для того, чтобы такая комиссия принесла пользу рабочим, нужно, во-первых, чтобы депутаты не зависели от начальства фабрики; это достижимо только при существовании свободного союза рабочих, союза, охватывающего много фабрик, имеющего свою кассу и готового отстоять своих депутатов. Комиссия может быть полезна только при объединении многих фабрик, по возможности всех фабрик данного ремесла. Далее, для этого нужно, во-вторых, чтобы личность рабочих была неприкосновенна, т.-е. чтобы их не могли арестовать по произволу полиции и жандармерии. Это требование — гарантировать неприкосновенность личности рабочих — и было предъявлено (п. 7). Но спрашивается, от кого же могут требовать рабочие гарантирования неприкосновенности личности и свободы союзов (необходимой, как мы видели, для успеха комиссий)? Только от государственной власти, потому что отсутствие неприкосновенности личности и свободы союзов зависит от основных законов русского государства, и даже больше того: зависит от формы государственного правления в России. По форме правления Россия есть неограниченная монархия. Царь — самодержавен, он один издает законы и назначает всех высших чиновников без всякого участия народа и народных представителей. При таком государственном устройстве личность не может быть неприкосновенна, союзы граждан вообще, а рабочих в особенности, не могут быть свободны. Поэтому, требование от самодержавного правительства, чтобы оно гарантировало неприкосновенность личности (и свободу союзов), не имеет никакого смысла: такое требование равносильно требованию политических прав для народа, а самодержавное правительство потому и называется самодержавным, что означает политическое бесправие народа. Гарантировать неприкосновенность личности (и свободу союзов) возможно будет

только тогда, когда в издании законов и во всем государственном управлении будут участвовать *народные представители*. Пока нет народного представительства, даже те маленькие уступки, которые дает рабочим одной рукой самодержавное правительство, оно будет всегда отнимать другой рукой. Харьковская маевка еще и еще раз наглядно показала это: губернатор, по требованию массы рабочих, освободил арестованных, а затем через несколько дней по приказу из Петербурга снова похватали десятки рабочих! Губернское и фабричное начальство «гарантирует» неприкосновенность депутатов, а жандармерия хватает их и бросает в одиночные тюрьмы или высылает из города! Какая может быть польза народу от такого гарантирования?

И вот почему рабочие должны требовать от царя созыва народных представителей, созыва земского собора. В прокламации, распространенной в Харькове перед первым мая этого года, было заявлено это требование, и мы видели, что часть передовых рабочих вполне усвоила себе его значение [30]). Мы должны позаботиться о том, чтобы *все* передовые рабочие ясно поняли необходимость этого требования, чтобы они распространили его не только среди рабочих масс, но и среди всех слоев народа, приходящих в соприкосновение с рабочими и с интересом допытывающихся, из-за чего борются социалисты и «городские» рабочие? В настоящем году на вопросы фабричного инспектора, что собственно нужно рабочим, только один голос крикнул: «конституции», и этот голос был так одинок, что корреспондент несколько посмеивается, говоря: «один пролетарий *выпалил*». Другой корреспондент прямо говорит, что «в данном случае» этот ответ был «полукомическим» (см. «Рабочее движение в Харькове», отчет «Харьковского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии», изданный «Рабочим Делом». Женева, сентябрь 1900 г., стр. 14). Собственно говоря, ничего смешного в таком ответе не было: смешным могло показаться только несоответствие этого одиноко заявленного требования изменить весь государственный строй с требованиями сократить на полчаса рабочий день и производить в рабочие часы получку. Но связь между этими последними требованиями и требованием конституции есть несомненно, и если мы добьемся (а мы несомненно добьемся этого), чтобы эту связь сознали массы, то крик: «конституции!» будет уже не одинок, а раздастся из уст тысяч и сотен тысяч, и тогда этот крик будет уже не смешным, а грозным. Рассказывают, что некто, проезжая во время майских дней по Харькову, спросил извозчика, чего собственно хотят рабочие, и тот ответил: «Требуют, вишь, восьми часов работы и своей газеты». Этот извозчик понял уже, что рабочие не удовлетворятся какими-нибудь подачками, что они хотят чувствовать себя свободными людьми, хотят свободно и открыто заявлять о своих нуждах и бороться за них. Но в его ответе не видно еще сознания того, что рабочие борются за свободу

всего народа, за его право участвовать в управлении государством. Когда требование, чтобы царь созвал народных представителей, будет с полною сознательностью и непоколебимой твердостью повторено рабочими массами во всех промышленных городах и фабричных местностях России, когда рабочие достигнут того, чтобы все городское население и весь приходящий в города деревенский люд поняли, чего хотят социалисты и за что борются рабочие, тогда от нас недалек уже будет великий день освобождения народа от полицейского самовластия!

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“... Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 1. ДЕКАБРЬ 1900 ГОДА № 1.

НАСУЩНЫЯ ЗАДАЧИ НАШЕГО ДВИЖЕНІЯ

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ЛИБКНЕХТЪ

(родился 29-го марта 1826 г., умеръ 7-го августа 1900 г.)

Первая страница газеты «Искра» № 1 — 1900 г.

Уменьшено

НАСУЩНЫЕ ЗАДАЧИ НАШЕГО ДВИЖЕНИЯ [31]).

Русская социал-демократия не раз уже заявляла, что ближайшей политической задачей русской рабочей партии должно быть ниспровержение самодержавия, завоевание политической свободы. Это заявляли больше 15 лет тому назад представители русской социал-демократии, члены Группы «Освобождение Труда», это заявили два с половиной года тому назад и представители русских социал-демократических организаций, образовавшие весной 1898 года Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию. Но, несмотря на эти неоднократные заявления, вопрос о политических задачах социал-демократии в России снова выступает на очередь в настоящее время. Многие представители нашего движения выражают сомнение в правильности указанного решения вопроса. Говорят, что преобладающее значение имеет экономическая борьба, отодвигают на второй план политические задачи пролетариата, суживают и ограничивают эти задачи, заявляют даже, что разговоры об образовании самостоятельной рабочей партии в России просто повторение чужих слов, что рабочим надо вести одну экономическую борьбу, предоставив политику интеллигентам в союзе с либералами. Это последнее заявление нового символа веры (пресловутое «Credo») сводится уже прямо к признанию русского пролетариата несовершеннолетним и к полному отрицанию социал-демократической программы. А «Рабочая Мысль» (особенно в «Отдельном приложении») высказалась в сущности в том же смысле. Русская социал-демократия переживает период колебаний, период сомнений, доходящих до самоотрицания. С одной стороны, рабочее движение отрывается от социализма; рабочим помогают вести экономическую борьбу, но им вовсе не разъясняют при этом или недостаточно разъясняют социалистических целей и политических задач всего движения в целом. С другой стороны, социализм отрывается от рабочего движения: русские социалисты опять начинают все больше и больше говорить о том, что борьбу с правительством должна вести одними своими силами интеллигенция, ибо рабочие ограничиваются лишь экономической борьбой.

Трояκого рода обстоятельства подготовили, по нашему мнению, почву для этих печальных явлений. Во-первых, в начале своей деятельности русские социал-демократы ограничились одной кружковой пропагандистской работой. Перейдя к агитации в массах, мы не всегда могли удержаться от того, чтобы не впасть в другую крайность. Во-вторых, в начале своей деятельности нам приходилось очень часто отстаивать свое право на существование в борьбе с народовольцами [32]), которые понимали под «политикой» деятельность, оторванную от рабочего движения, которые суживали политику до одной только заговорщицкой борьбы. Отвергая такую политику, социал-демократы впадали в крайность, отодвигая на второй план политику вообще. В-третьих, разрозненно действуя в местных мелких рабочих кружках, социал-демократы недостаточно обращали внимание на необходимость организации революционной партии, объединяющей всю деятельность местных групп и дающей возможность правильно поставить революционную работу. А преобладание разрозненной работы естественно связано с преобладанием экономической борьбы.

Все указанные обстоятельства породили увлечение одной стороной движения. «Экономическое» направление (поскольку тут можно говорить о «направлении») создало попытки возвести эту узость в особую теорию, попытки воспользоваться для этой цели модной бернштейниадой, модной «критикой марксизма», проводящей старые буржуазные идеи под новым флагом. Лишь эти попытки породили опасность ослабления связи между русским рабочим движением и русской социал-демократией, как передовым бойцом за политическую свободу. И самая насущная задача нашего движения состоит в укреплении этой связи.

Социал-демократия есть соединение рабочего движения с социализмом, ее задача — не пассивное служение рабочему движению на каждой его отдельной стадии, а представительство интересов всего движения в целом, указание этому движению его конечной цели, его политических задач, охрана его политической и идейной самостоятельности. Оторванное от социал-демократии, рабочее движение мельчает и неизбежно впадает в буржуазность: ведя одну экономическую борьбу, рабочий класс теряет свою политическую самостоятельность, становится хвостом других партий, изменяет великому завету: «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих». Во всех странах был такой период, когда рабочее движение и социализм существовали отдельно друг от друга и шли особой дорогой, — и во всех странах такая оторванность приводила к слабости социализма и рабочего движения; во всех странах только соединение социализма с рабочим движением создавало прочную основу и для того и для другого. Но в каждой стране это соединение социализма с рабочим движением вырабатывалось исторически, вырабатывалось особым путем, в зависимости от условий

места и времени. В России необходимость соединения социализма и рабочего движения теоретически провозглашена уже давно, — но практически это соединение вырабатывается лишь в настоящее время. Процесс этой выработки есть очень трудный процесс, и нет ничего особенно удивительного в том, что он сопровождается разными колебаниями и сомнениями.

Какой же урок вытекает для нас из прошлого?

История всего русского социализма привела к тому, что самой его насущной задачей оказалась борьба против самодержавного правительства, завоевание политической свободы; наше социалистическое движение концентрировалось, так сказать, на борьбе с самодержавием. С другой стороны, история показала, что в России оторванность социалистической мысли от передовых представителей трудящихся классов гораздо больше, чем в других странах, и что при такой оторванности русское революционное движение осуждено на бессилие. Отсюда сама собою вытекает та задача, которую призвана осуществить русская социал-демократия: внедрить социалистические идеи и политическое самосознание в массу пролетариата и организовать революционную партию, неразрывно связанную с стихийным рабочим движением. Много уже сделано в этом отношении русской социал-демократией; но еще больше остается сделать. С ростом движения поприще деятельности для социал-демократии становится все шире, работа все разностороннее, все большее число деятелей движения сосредоточивает свои силы на осуществлении различных частных задач, которые выдвигаются повседневными нуждами пропаганды и агитации. Это явление совершенно законное и неизбежное, но оно заставляет обращать особое внимание на то, чтобы частные задачи деятельности и отдельные приемы борьбы не возводились в нечто самодовлеющее, чтобы подготовительная работа не возводилась на степень главной и единственной работы.

Содействовать политическому развитию и политической организации рабочего класса — наша главная и основная задача. Всякий, кто отодвигает эту задачу на второй план, кто не подчиняет ей всех частных задач и отдельных приемов борьбы, тот становится на ложный путь и наносит серьезный вред движению. Отодвигают же эту задачу, во-первых, те, кто зовет революционеров на борьбу с правительством силами отдельных заговорщических кружков, оторванных от рабочего движения, во-вторых, те, кто суживает содержание и размах политической пропаганды, агитации и организации, кто считает возможным и уместным угощать рабочих «политикой» только в исключительные моменты их жизни, только в торжественных случаях, кто слишком заботливо разменивает политическую борьбу против самодержавия на требование отдельных уступок от самодержавия и недостаточно заботится о том, чтобы эти требования отдельных уступок возвести в систематиче-

скую и бесповоротную борьбу революционной рабочей партии против самодержавия.

«Организуйтесь!», повторяет рабочим на разные лады газета «Рабочая Мысль», повторяют все сторонники «экономического» направления. И мы, конечно, всецело присоединяемся к этому клику, но мы непременно добавим к нему: организуйтесь не только в общества взаимопомощи, стачечные кассы и рабочие кружки, организуйтесь также и в политическую партию, организуйтесь для решительной борьбы против самодержавного правительства и против всего капиталистического общества. Без такой организации пролетариат не способен подняться до сознательной классовой борьбы, без такой организации рабочее движение осуждено на бессилие, и одними только кассами, кружками и обществами взаимопомощи рабочему классу никогда не удастся исполнить лежащую на нем великую историческую задачу: освободить себя и весь русский народ от его политического и экономического рабства. Ни один класс в истории не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им. И русский рабочий класс показал уже, что он способен выдвигать таких людей: широко разлившаяся борьба русских рабочих за 5—6 последних лет показала, какая масса революционных сил таится в рабочем классе, как самые отчаянные правительственные преследования не уменьшают, а увеличивают число рабочих, рвущихся к социализму, к политическому сознанию и к политической борьбе. Съезд наших товарищей в 1898 г. верно поставил задачу, а не повторил чужие слова, не выразил одно только увлечение «интеллигентов»... И мы должны решительно взяться за выполнение этих задач, поставив на очередь вопрос о программе, организации и тактике партии. Как мы смотрим на основные положения нашей программы, мы уже сказали, а подробно развивать эти положения, здесь, конечно, не место. Вопросам организационным мы намерены посвятить ряд статей в ближайших номерах. Это — одни из самых больных наших вопросов. Мы сильно отстали в этом отношении от старых деятелей русского революционного движения; надо прямо признать этот недочет и направить свои силы на выработку более конспиративной постановки дела, на систематическую пропаганду правил ведения дела, приемов надувания жандармов и обхода сетей полиции. Надо подготовлять людей, посвящающих революции не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь, надо подготовлять организацию, настолько крупную, чтобы в ней можно было провести строгое разделение труда между различными видами нашей работы. Что касается, наконец, до вопросов тактики, то мы ограничимся здесь следующим: социал-демократия не связывает себе рук, не суживает своей деятельности одним каким-нибудь заранее придуманным планом или приемом политической борьбы, — она

признает все средства борьбы, лишь бы они соответствовали наличным силам партии и давали возможность достигать наибольших результатов, достижимых при данных условиях. При крепкой организованной партии отдельная стачка может превратиться в политическую демонстрацию, в политическую победу над правительством. При крепкой организованной партии восстание в отдельной местности может разрастись в победоносную революцию. Мы должны помнить, что борьба с правительством за отдельные требования, отвоевание отдельных уступок, это — только мелкие стычки с неприятелем, это — небольшие схватки на форпостах, а решительная схватка еще впереди. Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская крепость, из которой осыпают нас тучи ядер и пуль, уносящие лучших бойцов. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмем ее, если все силы пробуждающегося пролетариата соединим со всеми силами русских революционеров в одну партию, к которой потянется все, что есть в России живого и честного. И только тогда исполнится великое пророчество русского рабочего революционера Петра Алексеева: «подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!» [33]).

«Искра» № 1, декабрь 1900 г.

КИТАЙСКАЯ ВОЙНА.

Россия заканчивает войну с Китаем: мобилизован целый ряд военных округов, затрачены сотни миллионов рублей, десятки тысяч войска отправлены в Китай, дан ряд сражений, одержан ряд побед, — побед, правда, не столько над регулярными войсками неприятеля, сколько над китайскими повстанцами и еще более над безоружными китайцами, которых топили и избивали, не останавливаясь перед умерщвлением детей и женщин, не говоря уже о грабеже дворцов, домов и лавок. И русское правительство, вместе с холопствующими перед ним газетами, торжествует победу, ликует по поводу новых подвигов доблестного воинства, ликует по поводу поражения китайской дикости европейскою культурою, по поводу новых успехов русской «цивилизаторской миссии» на Дальнем Востоке.

Не слышно только во всем этом ликовании голоса сознательных рабочих, этих передовых представителей многомиллионного рабочего народа. А всю тяжесть новых победоносных походов несет на себе именно рабочий народ: у него отнимают работников для отправки за тридевять земель, с него собирают особо повышенные подати на миллионные расходы. Попробуем же разобраться в вопросе: как должны относиться социалисты к этой войне? в чьих интересах она ведется? каково настоящее значение той политики, которой следует русское правительство?

Правительство наше уверяет, прежде всего, что оно даже не ведет войны с Китаем: оно только подавляет восстание, усмиряет мятежников, помогает законному китайскому правительству восстановить законный порядок. Война не объявлена, но суть дела от этого нимало не меняется, так как война все равно ведется. Чем же вызвано нападение китайцев на европейцев, этот мятеж, усмиряемый с таким рвением англичанами, французами, немцами, русскими, японцами и проч.? «Враждой желтой расы к белой расе», «ненавистью китайцев к европейской культуре и цивилизации»,— уверяют сторонники войны. Да, китайцы, действительно, ненавидят европейцев, но только каких европейцев они ненавидят, и за что? Не

европейские народы ненавидят китайцы, — с ними у них не было столкновений,—а европейских капиталистов и покорные капиталистам европейские правительства. Могли ли китайцы не возненавидеть людей, которые приезжали в Китай только ради наживы, которые пользовались своей хваленой цивилизацией только для обмана, грабежа и насилия, которые вели с Китаем войны для того, чтобы получить право торговать одурманивающим народ опиумом (война Англии и Франции с Китаем в 1856 г.), которые лицемерно прикрывали политику грабежа распространением христианства? Эту политику грабежа давно уже ведут по отношению к Китаю буржуазные правительства Европы, а теперь к ней присоединилось и русское самодержавное правительство. Принято называть эту политику грабежа колониальной политикой. Всякая страна с быстро развивающейся капиталистической промышленностью очень скоро приходит к поискам колоний, т.-е. таких стран, в которых слабо развита промышленность, которые отличаются более или менее патриархальным бытом, куда можно сбывать продукты промышленности и наживать на этом хорошие деньги. И ради наживы кучки капиталистов буржуазные правительства вели бесконечные войны, морили полки солдат в нездоровых тропических странах, бросали миллионы собранных с народа денег, доводили население до отчаянных восстаний и до голодной смерти. Вспомните восстание индийских туземцев против Англии и голод в Индии, или теперешнюю войну англичан с бурами.

И вот теперь жадные лапы европейских капиталистов потянулись к Китаю. Потянулось чуть ли не прежде всех и русское правительство, которое теперь так распинается о своем «бескорыстии». Оно «бескорыстно» взяло у Китая Порт-Артур и стало строить железную дорогу в Манчжурию под охраной русских войск. Одно за другим, европейские правительства так усердно принялись грабить, то бишь «арендовать», китайские земли, что недаром поднялись толки о разделе Китая. И если называть вещи их настоящим именем, то надо сказать, что европейские правительства (и русское едва ли не первое из них) уже начали раздел Китая. Но они начали раздел не открыто, а исподтишка, как воры. Они принялись обкрадывать Китай, как крадут с мертвеца, а когда этот мнимый мертвец попробовал оказать сопротивление, — они бросились на него, как дикие звери, выжигая целые деревни, топя в Амуре, расстреливая и поднимая на штыки безоружных жителей, их жен и детей. И все эти христианские подвиги сопровождаются криками против дикарей-китайцев, дерзающих поднять руку на цивилизованных европейцев. Занятие Нью-Чжуана и введение русских войск в пределы Манчжурии,—это временные меры, заявляет российское самодержавное правительство в своей циркулярной ноте державам от 12-го августа 1900 года; эти меры «вызваны исключительно необходимостью отражать агрессивные действия китайских мятежников»; они «отнюдь

не могут свидетельствовать о каких-либо своекорыстных планах, совершенно чуждых политике императорского правительства».

Бедное императорское правительство! Оно так христиански бескорыстно, а его так несправедливо обижают! Оно бескорыстно захватило несколько лет тому назад Порт-Артур и теперь бескорыстно захватывает Манчжурию, оно бескорыстно наводнило пограничные с Россией области Китая сворой подрядчиков, инженеров и офицеров, доводивших своим обращением даже известных своею покорностью китайцев до возмущения. На постройке китайской дороги рабочим-китайцам платили по 10 коп. в день на их содержании, — это ли еще не бескорыстие со стороны России?

Но чем же объяснить, что наше правительство ведет эту безумную политику в Китае? Кому выгодна эта политика? Она выгодна кучке капиталистов-тузов, которые ведут торговые дела с Китаем, кучке фабрикантов, производящих товары на азиатский рынок, кучке подрядчиков, наживающих теперь бешеные деньги на срочных военных заказах (некоторые заводы, производящие предметы вооружения, припасы для войск и т. п., работают теперь во-всю и принимают сотни новых поденщиков). Такая политика выгодна кучке дворян, занимающих высокие места на гражданской и военной службе. Им нужна политика приключений, потому что в ней можно выслужиться, сделать карьеру, прославить себя «подвигами». Интересам этой кучки капиталистов и чиновных пройдох наше правительство, не колеблясь, приносит в жертву интересы всего народа. Самодержавное царское правительство и в этом случае, как и всегда, оказывается правительством безответственных чиновников, раболепствующих перед тузами-капиталистами и дворянами.

Какая польза русскому рабочему классу и всему рабочему народу от завоеваний в Китае? Тысячи разоренных семей, у которых отняты работники на войну, громадный рост государственных долгов и расходов, увеличение налогов, усиление власти капиталистов-эксплуататоров рабочих, ухудшение положения рабочих, еще большее вымирание крестьянства, голод в Сибири — вот что обещает принести и уже приносит с собою китайская война. Вся русская печать, все газеты и журналы находятся в рабстве, они не смеют ничего печатать без разрешения правительственных чиновников, — и потому мы не имеем точных сведений о том, во что обходится народу китайская война, но несомненно, что она требует денежных расходов во *много сотен миллионов рублей*. Есть сведения, что правительство сразу выдало на войну 150 миллионов рублей по неопубликованному указу, да затем текущие расходы на войну поглощают по *одному миллиону рублей* каждые три или четыре дня. И эти бешеные деньги бросает правительство, которое бесконечно урезывало пособия голодающим крестьянам, торгуясь из-за каждой копейки, которое не находит денег на народное образование, которое, как любой кулак, выжимает соки из рабочих на

казенных заводах, из мелких служащих в почтовых учреждениях и проч.!

Министр финансов Витте заявлял, что к 1-му января 1900 г. в казначействе имеется свободная наличность в 250 милл. руб. — теперь уже этих денег нет, они ушли на войну, правительство ищет займов, увеличивает налоги, отказывается от необходимых расходов за недостатком денег, приостанавливает постройку железных дорог. Царскому правительству грозит банкротство, а оно бросается в политику завоеваний,— политику, которая не только требует громадных денежных средств, но и грозит вовлечь в еще более опасные войны. Набросившиеся на Китай европейские державы начинают уже ссориться из-за дележа добычи, и никто не в состоянии сказать, как кончатся эти ссоры.

Но политика царского правительства в Китае представляет из себя не только надругательство над народными интересами, — она стремится развратить политическое сознание народных масс. Правительства, которые держатся только силой штыков, которым приходится постоянно сдерживать или подавлять народное возмущение, давно уже сознали ту истину, что народного недовольства не устранить ничем; надо попытаться отвлечь это недовольство от правительства на кого-нибудь другого. Разжигают, напр., вражду к евреям: площадные газеты травят евреев, как будто бы еврейский рабочий не страдает точно так же, как русский, от гнета капитала и полицейского правительства. В настоящее время поднят в печати поход против китайцев, кричат о дикой желтой расе, о ее вражде к цивилизации, о просветительных задачах России, о том, с каким воодушевлением идут в бой русские солдаты, и проч. и проч. Пресмыкающиеся перед правительством и перед денежным мешком журналисты из кожи лезут вон, чтобы разжечь ненависть в народе к Китаю. Но китайский народ ничем и никогда не притеснял русского народа: китайский народ сам страдает от тех же зол, от которых изнемогает и русский, — от азиатского правительства, выколачивающего подати с голодающих крестьян и подавляющего военной силой всякое стремление к свободе, — от гнета капитала, пробравшегося и в Срединное Царство.

Русский рабочий класс начинает выбиваться из той политической забитости и темноты, в которой находится масса народа. На всех сознательных рабочих лежит поэтому долг — всеми силами восстать против тех, кто разжигает национальную ненависть и отвращает внимание рабочего народа от его истинных врагов. Политика царского правительства в Китае есть преступная политика, еще более разоряющая народ, еще более развращающая и угнетающая его. Царское правительство не только держит наш народ в рабстве,— оно посылает его усмирять другие народы, восстающие против своего рабства (как это было в 1849 году, когда русские войска подавляли революцию в Венгрии). Оно не только помогает русским

капиталистам эксплуатировать своих рабочих и связывает руки рабочим, чтобы они не смели соединяться и защищаться, оно посылает солдат грабить другие народы ради интересов кучки богачей и знати. Чтобы избавиться от нового ярма, которое взваливает война на рабочий народ, есть только одно средство: созыв народных представителей, которые положили бы конец самовластию правительства и заставили его считаться с интересами не одной только придворной шайки.

«Искра» № 1, декабрь 1900 г.

РАСКОЛ В ЗАГРАНИЧНОМ СОЮЗЕ РУССКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ [34]).

Весной настоящего года в Швейцарии состоялся съезд членов Союза Русских Социал-Демократов, приведший к расколу Союза. Меньшинство членов, имея во главе Группу «Освобождение Труда», основавшую Союз и бывшую до осени 1898 года редактором изданий Союза, образовало особую организацию под названием: Русская Революционная Организация «Социал-Демократ». Большинство, в том числе редакция органа «Рабочее Дело», продолжает называть себя Союзом. Съезд русских социал-демократов, бывший весной 1898 года и образовавший «Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию», признал Союз заграничным представителем нашей партии. Как должны мы смотреть на вопрос о представительстве теперь, когда заграничный Союз раскололся? Мы не станем входить в подробности вопроса о причинах раскола. Отметим лишь неверность столь распространенного и столь тяжкого обвинения, будто Плеханов захватил типографию Союза. На самом деле распорядитель типографии отказался только выдать ее целиком одной из частей расколовшегося Союза, и обе стороны вскоре сами поделили между собой типографию. Наиболее существенен, с нашей точки зрения, тот факт, что «Рабочее Дело» было неправо по существу полемики: оно ошибочно отрицало существование «экономического» направления, оно держалось ошибочной тактики замалчивать крайности этого направления и воздерживаться от открытой борьбы с ними.

В виду этого мы,—нисколько не отрицая заслуг «Рабочего Дела», которое много потрудилось над изданием литературы и организацией доставки ее,—отказываемся признать одну из частей расколовшейся организации заграничным представителем нашей партии. До решения следующего съезда партии вопрос этот должен остаться открытым. Официальными заграничными представителями русской социал-демократии являются в настоящее время русские члены постоянного международного комитета, учрежденного Парижским Международным Социалистическим Конгрессом осенью н. г. [35]).

От России в комитет выбраны два члена: Г. В. Плеханов и Б. Кричевский (один из редакторов «Рабочего Дела»). Пока между обеими фракциями русских социал-демократов не состоится примирения или соглашения, мы намерены вести все относящиеся к представительству России сношения с Г. В. Плехановым. Наконец, мы должны подать свой голос по вопросу о том, кого бы мы желали видеть секретарем от России в постоянном международном комитете. В настоящее время, когда социал-демократию стараются, под знаменем «критики марксизма», развратить буржуазной идеологией и политикой кротости и смирения по отношению к вооруженным с ног до головы врагам (буржуазным правительствам), на этом важном посту особенно необходим человек, способный устоять против течения и сказать внятельное слово против шатания мысли. По этой причине, а равно и по указанным выше соображениям, мы подаем свой голос за Г. В. Плеханова.

«Искра» № 1, декабрь 1900 г.

ЗАПИСЬ 29 ДЕКАБРЯ 1900 ГОДА [36]).

29/XII 1900. Суббота 2 ч. ночи.

Мне хотелось бы записать свои впечатления от сегодняшней беседы с «близнецом» [37]). Это было знаменательное и «историческое» в своем роде собрание (Арсеньев, Велика [38]), близнец + же [39]) + я), по крайней мере историческое в моей жизни, подводящее итог целой — если не эпохе, то стезе жизни и определяющее на долго поведение и жизненный путь.

По первоначальной передаче дела Арсеньевым я понимал так, что близнец идет к нам и хочет делать шаги с своей стороны — оказалось как раз наоборот. Произошла эта страшная ошибка оттого, вероятно, что Арсеньеву очень уже хотелось того, чем «манил» близнец, именно политического материала, корреспонденций etc. *), а «чего хочется, тому верится», и Арсеньев верил в возможность того, чем манил близнец, хотел верить в искренность близнеца, в возможность приличного modus vivendi **) с ним.

И именно это собрание окончательно и бесповоротно опровергло такую веру. Близнец показал себя с совершенно новой стороны, показал себя «политиком» чистой воды, политиком в худшем смысле слова, политиканом, пройдохой, торгашем и пахалом. Он приехал *с полной уверенностью в нашем бессилии* — так формулировал сам Арсеньев результаты переговоров, и это формулирование было совершенно верно. Близнец явился с верой в наше бессилие, явился предлагать нам условия *сдачи*, и он проделал это в отменно-умелой форме, не сказав ни одного резкого словечка, но обнаружив тем не менее, какая грубая, торгашеская натура дюжинного либерала кроется под этой изящной, цивилизованной оболочкой самоновейшего «критика».

На мои запросы (с которых началась деловая часть вечера), почему он, близнец, не хочет идти просто в сотрудники, он отвечал с полной решительностью, что для него это психологически невозможно работать на журнал, в коем его «разделывают под орех» (буквальное его выражение), что не думаем же мы, что мы будем его ругать, а он нам будет «политические статьи писать» (буквально!),

*) — и проч. *Ред.*
**) — способа сожительства. *Ред.*

что о сотрудничестве могла бы идти речь только при условии полной равноправности (т.-е. равноправности, очевидно, критиков и ортодоксальных), что после заявления *) его товарищ и друг [40]) не захотел даже ехать на свидание с Арсеньевым, что его, близнеца, отношение определяется не столько заявлением, и даже вовсе не заявлением, а тем, что раньше он хотел ограничиться ролью «благожелательного пособничества», а теперь он не намерен ограничиться этим, а хочет быть и редактором (близнец почти так и сказал!!). Все это вышлил близнец не сразу, переговоры о его сотрудничестве тянулись изрядно долго (слишком долго, по мнению Арсеньева и Велики), но из них мне с полной ясностью вырисовалось, что с этим джентльменом каши не сваришь.

Он стал затем настаивать на своем предложении: почему не основать 3-его политического органа на равных правах, это выгодно и ему и нам (для газеты материал, «заработаем» кое-что на даваемых на это ресурсах), он предполагает, что тут на обложке не должно стоять ничего социал-демократического, ничего указывающего на нашу фирму, что мы должны (не формально, а нравственно должны) давать в этот орган и весь свой обще-политический материал.

Дело стало ясно, и я прямо сказал, что об основании 3-его органа не может быть и речи, что дело сводится тут к вопросу о том, социал-демократия ли должна вести политическую борьбу или либералы самостоятельно и самодовлеюще (я выразился яснее и определеннее, точнее). Близнец понял, озлился и заявил, что после того, как я высказался с anerkennentwerter Klarheit **) (буквальные слова!), нечего и говорить об этом, а надо говорить только о заказах — о заказах сборников: это тот же журнал 3-его рода (стал говорить я). Ну, тогда заказ одной лишь *наличной* брошюры — заявил близнец. Какой? спросил я. К чему это знать — нахально ответила же. Если в принципе решите за, тогда мы решим, а если нет, тогда не к чему и знать. Я спросил об условиях печатанья: издание-де NN и больше ничего, об фирме Вашей не должно быть упомянуто, кроме Verlag'a ***) не должно быть связи с Вашей фирмой — заявил близнец. Я заспорил и против этого, требуя указания нашей фирмы — Арсеньев стал возражать мне, и разговор пресекся.

В заключение — сговорились отложить решение,— на близнеца наседали еще Арсеньев и Велика, требовали от него объяснений, спорили, я больше молчал, смеялся (так, что близнец ясно это видел), и разговор быстро пришел к концу.

Впервые напечатано в 1924 г. в «Ленинском Сборнике» I. *Печатается по рукописи.*

*) См. настоящий том, стр. 33. *Ред.*
**) — с заслуживающей признательности ясностью. *Ред.*
***) — издательства. *Ред.*

ОТДАЧА В СОЛДАТЫ 183-х СТУДЕНТОВ *).

11-го января в газетах опубликовано правительственное сообщение от Министерства Народного Просвещения об отдаче в солдаты 183-х студентов киевского университета «за учинение скопом беспорядков». Временные правила 29-го июля 1899 г.[41]) — эта угроза студенчеству и обществу — приводятся в исполнение менее, чем через полтора года после их издания, и правительство точно спешит оправдаться за применение невиданной карательной меры, выступая с целым обвинительным актом, не жалея красок на изображение студенческих злодейств.

Злодейства одно другого ужаснее. Летом — общестуденческий съезд в Одессе с программой организовать все русское студенчество для выражения всякого рода протестов по поводу явлений академической, общественной и политической жизни. За эти преступные политические цели все студенты-делегаты были арестованы, документы отобраны. Но брожение не утихает, а растет и настойчиво обнаруживается во *многих* высших учебных заведениях. Студенты хотят свободно и самостоятельно обсуждать и ведать свои общие дела. Их начальство, — с тем бездушным формализмом, которым искони отличается русское чиновничество, — отвечает мелкими придирками, доводит недовольство до крайних размеров и невольно наталкивает мысль не погрязшей еще в тине буржуазного прозябания молодежи на протест против всей системы полицейского и чиновнического самовластья.

Киевские студенты требуют удаления профессора, занявшего место уехавшего товарища. Начальство противится, доводит молодежь до «сборищ и демонстраций» и... уступает. Студенты собирают сходку для обсуждения того, почему возможны такие гнусности, как изнасилование двумя белоподкладочниками одной девушки (так гласит слух). Начальство приговаривает главных «виновников» к карцеру. Те отказываются подчиниться. Их увольняют. Толпа демонстративно провожает на вокзал уволенных. Собирается

*) Номер был сверстан, когда появилось правительственное сообщение.

повал сходка, студенты остаются до вечера, отказываясь уйти, пока не явится ректор. Являются вице-губернатор и начальник жандармского управления с отрядом солдат, окруживших университет и вошедших в аудиторию, и — приглашают ректора. Студенты требуют — вы думаете, может быть, конституции? нет, они требуют, чтобы не применяли наказание карцером и приняли обратно уволенных. Участников сходки переписывают и распускают по домам.

Вдумайтесь в это поразительное несоответствие между скромностью и безобидностью студенческих требований — и переполохом правительства, которое поступает так, как будто бы топор был уже занесен над опорами его владычества. Ничем так не выдает себя наше «всемогущее» правительство, как этим переполохом. Лучше всяких «преступных воззваний» оно показывает этим, — показывает всякому, имеющему глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, — что оно чувствует себя совершенно непрочным и верит только в силу штыка и нагайки, охраняющих его от народного возмущения. Искушенное опытом десятилетий, правительство твердо убедилось в том, что оно окружено горючим материалом, что достаточно малейшей искорки, достаточно протеста против карцера, чтобы зажечь пожар. А если так, то понятно, что расправа нужна примерная: отдать в солдаты сотни студентов! «Фельдфебеля в Вольтеры дать!» — эта формула нисколько не устарела. Напротив, XX-му веку суждено увидеть ее настоящее осуществление.

На многие мысли и сопоставления наводит эта новая карательная мера, новая своей попыткой воскресить давным-давно отжившее старое. Поколения три тому назад, во времена николаевские, отдача в солдаты была естественным наказанием, вполне соответствовавшим всему строю русского крепостного общества. Дворянчиков отдавали в солдаты, чтобы заставить их служить и выслуживаться до офицера в отмену вольности дворянства. Крестьянина отдавали в солдаты как в долголетнюю каторгу, где его ждали нечеловеческие пытки «зеленой улицы» и т. п. Но вот уже более четверти века, как у нас существует «всеобщая» воинская повинность, введение которой прославлено в свое время, как великая демократическая реформа. Всеобщая не на бумаге только, но и на деле воинская повинность, несомненно, есть демократическая реформа: она порывает с сословностью и вводит равноправность граждан. Но если бы это было так на самом деле, разве могла бы тогда отдача в солдаты служить наказанием? И если правительство превращает воинскую повинность в наказание, не доказывает ли оно этим, что мы стоим гораздо ближе к рекрутчине, чем к *всеобщей* воинской повинности? Временные правила 1899 г. срывают фарисейскую маску и разоблачают азиатскую сущность даже тех наших учреждений, которые всего больше походят на европейские. В сущности, у нас не было и нет всеобщей воинской повинности, потому что привилегии знатного происхождения и богатства создают массу исключений. В сущ-

пости, у нас не было и нет ничего похожего на равноправность граждан в военной службе. Наоборот, казарма насквозь пропитана духом самого возмутительного бесправия. Полная беззащитность солдата из крестьян или рабочих, попирание человеческого достоинства, вымогательство, битье, битье и битье. А для тех, у кого есть влиятельные связи и деньги, — льготы и изъятия. Неудивительно, что отдача в эту школу произвола и насилия может быть наказанием и даже очень тяжелым наказанием, приближающимся к лишению прав. Правительство рассчитывает в этой школе обучить «бунтовщиков» дисциплине. Не ошибется ли оно в своем расчете? Не будет ли школа русской военной службы военной школой для революции? Конечно, не всем студентам под силу пройти полный курс такой школы. Одних сломит тяжелая лямка, погубит столкновение с военными властями, других — слабых и дряблых — запугает казарма, но третьих она закалит, расширит их кругозор, заставит их продумать и прочувствовать их освободительные стремления. Они испытают теперь всю силу произвола и угнетения на собственном опыте, когда все их человеческое достоинство будет поставлено в зависимость от усмотрения фельдфебеля, способного зачастую умышленно поглумиться над «образованным». Они увидят, каково на деле положение простого народа, они изболеются за те надругательства и насилия, которых ежедневными свидетелями заставят их быть, и поймут, что те несправедливости и придирки, от которых страдают студенты, это — капля в море народного угнетения. Кто поймет это, тот выйдет из военной службы с Аннибаловой клятвой [12]) борьбы вместе с передовым классом народа за освобождение народа от деспотизма.

Но не меньше жестокости нового наказания возмущает его унизительность. Правительство делает вызов всем, в ком осталось еще чувство порядочности, объявляя протестовавших против произвола студентов простыми дебоширами, — вроде того, как оно объявило ссыльных рабочих-стачечников — людьми порочного поведения. Взгляните на правительственное сообщение: его пестрят слова: беспорядок, буйства, бесчинства, беззастенчивость, разнузданность. С одной стороны, признание преступных политических целей и стремления к политическим протестам; с другой — третирование студентов, как простых дебоширов, нуждающихся в уроках дисциплины. Это — пощечина русскому общественному мнению, симпатии которого к студенчеству очень хорошо известны правительству. И единственным достойным ответом на это со стороны студенчества было бы исполнение угрозы киевлян, устройство выдержанной и стойкой забастовки всех учащихся во всех высших учебных заведениях с требованием отмены временных правил 29-го июля 1899 года.

Но ответить правительству обязано не одно студенчество. Правительство само позаботилось сделать из этого происшествия нечто гораздо бо́льшее, чем чисто студенческую историю. Правительство обращается к общественному мнению, точно хвастаясь энергично-

стью своей расправы, точно издеваясь над всеми освободительными стремлениями. И все сознательные элементы во всех слоях народа обязаны ответить на этот вызов, если они не хотят пасть до положения безгласных, молча переносящих оскорбления рабов. А во главе этих сознательных элементов стоят передовые рабочие и неразрывно связанные с ними социал-демократические организации. Рабочий класс постоянно терпит неизмеримо большее угнетение и надругательство от того полицейского самовластия, с которым так резко столкнулись теперь студенты. Рабочий класс поднял уже борьбу за свое освобождение. И он должен помнить, что эта великая борьба возлагает на него великие обязанности, что он не может освободить себя, не освободив всего народа от деспотизма, что он обязан прежде всего и больше всего откликаться на всякий политический протест и оказывать ему всякую поддержку. Лучшие представители наших образованных классов доказали и запечатлели кровью тысяч замученных правительством революционеров свою способность и готовность отрясать от своих ног прах буржуазного общества и идти в ряды социалистов. И тот рабочий недостоин названия социалиста, который может равнодушно смотреть на то, как правительство посылает войско против учащейся молодежи. Студент шел на помощь рабочему, — рабочий должен придти на помощь студенту. Правительство хочет одурачить народ, заявляя, что стремление к политическому протесту есть простое бесчинство. Рабочие должны публично заявить и разъяснить самым широким массам, что это — ложь, что настоящий очаг насилия, бесчинства и разнузданности — русское самодержавное правительство, самовластье полиции и чиновников.

Как организовать этот протест, это должны решить местные социал-демократические организации и рабочие группы. Раздача, разбрасывание, расклейка листков, устройство собраний, на которые были бы приглашаемы по возможности все классы общества, — таковы наиболее доступные формы протеста. Но было бы желательно, чтобы там, где есть крепкие и прочно поставленные организации, была сделана попытка более широкого и открытого протеста посредством публичной демонстрации. Хорошим образчиком может служить харьковская демонстрация 1-го декабря прошлого года перед редакцией «Южного Края» [43]). Праздновался юбилей этой паскудной газеты, травящей всякое стремление к свету и свободе, восхваляющей все зверства нашего правительства. Перед редакцией собралась толпа, которая торжественно предавала разодранию номера «Южного Края», привязывала их к хвостам лошадей, обертывала в них собак, бросала камни и пузырьки с сернистым водородом в окна с криками: «долой продажную прессу!» Вот какого чествования поистине заслуживают не только редакции продажных газет, но и все наши правительственные учреждения. Юбилей начальственного благоволения празднуют они лишь изредка, — юбилея

народной расправы заслуживают они всегда. Всякое проявление правительственного произвола и насилия есть законный повод для такой демонстрации. И пусть открытое заявление правительства о расправе со студентами не останется без открытого ответа со стороны народа!

«Искра» № 2, февраль 1901 г.

СЛУЧАЙНЫЕ ЗАМЕТКИ[44])

Написано в январе 1901 г.
Впервые напечатано в апреле 1901 г. в журнале «Заря»[45]) № 1
Подпись: Т. Х.

Печатается по тексту «Зари»

№ 1

Апрѣль
1901-го г.

ЗАРЯ

Соціаль-демократическій научно-политическій журналъ. Издается при ближайшемъ участіи Г. В. Плеханова, В. И. Засуличъ и П. Б. Аксельрода.

Цѣна 2 руб

Die
Morgenröthe
Heft 1
April 1901

Stuttgart
J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.)
1901

Обложка журнала «Заря» — 1901 г.

I. БЕЙ, НО НЕ ДО СМЕРТИ.

23 января в Нижнем-Новгороде особое присутствие московской судебной палаты *с участием сословных представителей* разбирало дело об убийстве крестьянина Тимофея Васильевича Воздухова, отправленного в часть «для вытрезвления» и избитого там четырьмя полицейскими служителями: Шелеметьевым, Шульпиным, Шибаевым и Ольховиным и *и. д.* околоточного надзирателя Пановым, до такой степени, что Воздухов на другой же день умер в больнице.

Такова несложная фабула этого простого дела, бросающего яркий свет на то, что делается обыкновенно и постоянно в наших полицейских управлениях.

Насколько можно судить по чрезвычайно кратким газетным отчетам, все происшествие представляется в таком виде. 20 апреля Воздухов приехал на извозчике в губернаторский дом. Вышел смотритель губернаторского дома, который показал на суде, что Воздухов был без шапки, выпивши, но не пьян, жаловался на какую-то пароходную пристань, не выдавшую билета на проезд (?). Смотритель велел постовому городовому Шелеметьеву отвезти Воздухова в часть. Воздухов был настолько мало выпивши, что спокойно разговаривал с Шелеметьевым и по приезде отчетливо объяснил околоточному надзирателю Папову свое имя и звание. Несмотря на это, Шелеметьев — очевидно, с ведома Папова, только что опросившего Воздухова,— «*вталкивает*» последнего не в арестантскую, где находилось несколько пьяных, а в находящуюся рядом с арестантской «*солдатскую*». Вталкивая, он задевает шашкой за дверной крюк, обрезывает себе немного руку, воображает, что шашку держит Воздухов, и бросается его бить, крича, что ему порезали руку. Бьет со всего размаха, бьет в лицо, в грудь, в бока, бьет так, что Воздухов все падает навзничь, все стукается головой об пол, просит пощады. «За что бьете?»—говорил он, по словам сидевшего в арестантской свидетеля (Семахина).— «Не виноват я. Простите, Христа ради!» По словам этого же свидетеля, Воздухов пьян не был, скорее пьян был Шелеметьев. О том, что Шелеметьев

«обучает» (выражение обвинительного акта!) Воздухова, узнают его товарищи, Шульпин и Шибаев, которые пили в полиции с первого же дня пасхи (20-ое апреля — вторник, третий день пасхи). Они являются в солдатскую вместе с пришедшим из другой части Ольховиным, бьют Воздухова кулаками, тончут ногами. Является и околоточный надзиратель Панов, бьет книгой по голове, бьет кулаками. «Уж так били, так били»,—говорила одна арестованная женщина,— «что у меня нида все брюхо от страстей переболело». Когда «обучение» было кончено, околоточный надзиратель прехладнокровно приказывает Шибаеву обмыть на лице у избитого кровь — так все-таки приличнее; неравно увидит начальство!—и втолкнуть его в арестантскую. «Братцы!—говорит Воздухов другим арестованным—видите, как полиция дерется? Будьте свидетелями, я подам жалобу!» Но жалобу ему не удается подать: на другой день утром его нашли в совершенно бессознательном состоянии и отправили в больницу, где он через 8 часов и умер, не приходя в себя. Вскрытие обнаружило у него перелом десяти ребер, кровоподтеки по всему телу и кровоизлияние в мозг.

Палата приговорила Шелеметьева, Шульпина и Шибаева к 4 годам каторги, а Ольховина и Панова — *к месячному аресту*, признав их виновными только в «обиде»...

С этого приговора мы и начнем наш разбор. Приговоренные к каторге обвинялись по 346 и 1490 ч. 2 статьям Уложения о наказаниях. Первая из этих статей гласит, что чиновник, причинивший раны или увечье при отправлении своей должности, подлежит высшей мере наказания, «за сие преступление определенного». А статья 1490 ч. 2 определяет за истязание, когда последствием его была смерть, каторгу от 8 до 10 лет. Вместо *высшей меры* суд сословных представителей и коронных судей *понижает* наказание *на две степени* (6 степень: каторга 8—10 лет; 7 степень—от 4 до 6 лет), т.-е. устанавливает максимальное понижение, допустимое законом в случае смягчающих вину обстоятельств, и кроме того назначает *низшую* меру наказания в этой низшей степени. Одним словом, суд сделал все, что только мог, для смягчения участи подсудимых, и даже больше, чем мог, так как закон о «высшей мере наказания» был обойден. Мы вовсе не хотим, конечно, сказать, чтобы «высшая справедливость» требовала именно десяти, а не четырех лет каторги; важно то, что убийц признали убийцами и осудили на каторгу. Но нельзя не отметить прехарактерной тенденции суда коронных судей и сословных представителей: когда они судят чинов полиции, они готовы оказывать им всякое снисхождение; когда они судят за проступки против полиции, они проявляют, как известно, непреклонную суровость *).

*) Кстати, вот еще один факт для суждения о мере наказания, налагаемого за разные преступления нашими судами. Через несколько дней после суда над убийцами Воздухова московский военно-окружной суд судил сол-

Вот господину околоточному надзирателю... ну, как же не оказать ему снисхождения! Он встретил привезенного Воздухова, он, очевидно, велел направить его не в арестантскую, а сначала — для обучения — в солдатскую, он участвовал в избиении и кулаками своими и книгой (должно быть, сводом законов), он распоряжался уничтожением следов преступления (смыть кровь), он рапортовал ночью 20 апреля вернувшемуся приставу этой части, Муханову, что «во вверенной ему части все обстоит благополучно» (буквально!), — но он ничего не имеет общего с убийцами, он виноват только в оскорблении действием, только в простой обиде действием, наказуемой арестом. Вполне естественно, что этот невиновный в убийстве джентльмен, г. Панов, и в настоящее время служит в полиции, занимая должность полицейского урядника. Г. Панов только перенес свою полезную распорядительную деятельность по «обучению» простонародья из города в деревню. Скажите по совести, читатель, может ли урядник Панов иначе понять приговор палаты, как совет: — вперед скрывать получше следы преступления, «обучать» так, чтобы следов не было. Ты велел смыть кровь с лица умирающего, — это очень хорошо, но ты допустил Воздухову умереть, — это, братец, неосмотрительно; вперед будь осторожнее и крепко заруби себе на носу первую и последнюю заповедь русского Держиморды: «бей, но не до смерти!»

С общечеловеческой точки зрения приговор палаты над Пановым есть прямая насмешка над правосудием; он показывает чисто холуйское стремление свалить всю вину на низших полицейских служителей и выгородить их непосредственного начальника, с ведома, одобрения и при участии которого происходило зверское истязание. С юридической же точки зрения, этот приговор — образец той казуистики, на которую способны судьи-чиновники, и самито не очень далеко ушедшие от околоточного. Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли — говорят дипломаты. Закон дан для того, чтобы извращать понятие вины и ответственности — могут сказать наши юристы. Какое, в самом деле, топчай-

---

дата, служившего в местной артиллерийской бригаде и укравшего из цейхгауза 50 шаровар и несколько сапожного товару в то время, как он был часовым при этом цейхгаузе. Приговор — четыре года *каторги*. Жизнь человека, вверенного полиции, стоит столько же, сколько 50 шаровар и несколько штук сапожного товара, вверенных часовому. В этом оригинальном «уравнении», как солнце в малой капле вод, отражается весь строй нашего полицейского государства. Личность против власти — ничто. Дисциплина внутри власти — все,... впрочем, виноват: «все» только для мелких сошек. Мелкий вор — на каторгу, а крупный вор, все эти тузы, министры, директора банков, строители железных дорог, инженеры, подрядчики и пр., хапающие десятки и сотни тысяч казенного имущества, они расплачиваются в самом редком и самом худшем случае ссылкой на житье в отдаленные губернии, где можно жить припеваючи на награбленные деньги (банковые воры в западной Сибири) и откуда легко удрать и за границу (жандармский полковник Меранвиль де сен-Клэр).

шее судейское искусство нужно для того, чтобы подвести участие в истязании под простую обиду действием! Мастеровой, который утром 20 апреля сшиб, может быть, шапку с Воздухова, виноват, оказывается, в том же самом проступке — и даже еще слабее: не проступке, а «нарушении»,—как и Панов. Даже за простое участие в драке (а не в избиении беспомощного человека), если кому-либо причинена смерть, полагается более строгое наказание, чем то, которому подвергли околоточного. Судейские крючкотворы воспользовались, во-первых, тем, что за истязание при отправлении должности закон назначает несколько наказаний, предоставляя судье, смотря по обстоятельствам дела, выбор между тюрьмой от 2 месяцев и ссылкой в Сибирь на житье. Не стеснять судью чрезмерно формальными определениями, предоставлять ему известный простор — это, конечно, очень разумное правило, и за это не раз уже хвалили русское законодательство и подчеркивали его либерализм наши профессора уголовного права. Они забывали только при этом ту мелочь, что для применения разумных постановлений нужны судьи, не сведенные на положение простых чиновников, нужно участие представителей общества в суде и общественного мнения — в обсуждении дела. А во-вторых, на помощь суду пришел здесь товарищ прокурора, который *отказался* от обвинения Папова (и Ольховина) в истязании и жестокостях и просил подвергнуть их наказанию только за причинение обиды. Товарищ прокурора сослался в свою очередь на заключение экспертов, отвергших особую мучительность и продолжительность нанесенных Пановым побоев. Юридический софизм, как видите, не отличается особой замысловатостью: так как Панов бил меньше остальных, то *можно* сказать, что его побои не были *особо* мучительны; а если они не были особо мучительны, то *можно* заключить, что они не относились к «истязаниям и жестокостям», а если они не относились к истязаниям и жестокостям, то значит это было простое оскорбление действием. Все улаживается к общему удовольствию, и г. Панов остается в рядах блюстителей порядка и благочиния*)...

*) Вместо разоблачения безобразий во всем их объеме перед судом и перед обществом у нас предпочитают замазывать дела на суде и отделываться циркулярами и приказами, полными пышных, но пустых фраз. Например, орловским полицмейстером издан на-днях приказ, которым, в подтверждение прежних распоряжений, предлагается приставам лично, а равно чрез своих помощников, настойчиво внушать нижним полицейским чинам отнюдь не допускать грубого обращения и каких-либо насильственных действий при задержании пьяных на улицах и водворении их для вытрезвления при частях, разъяснив нижним чинам, что на обязанности полиции лежит между прочим и охранение пьяных, которые без очевидной опасности для них не могут быть предоставлены самим себе, почему нижние полицейские чины, поставленные самим законом в качестве ближайших защитников и охранителей обывателей, при задержании и доставлении пьяного в часть не только не должны прибегать к какому-либо грубому и нечеловечному обращению с ними, а, напротив, прилагать все зависящие от них

Мы затронули сейчас вопрос об участии в суде представителей общества и роли общественного мнения. Этот вопрос вообще прекрасно иллюстрируется данным делом. Прежде всего: почему разбирал дело не суд присяжных, а суд коронных судей с сословными представителями? Потому, что правительство Александра III, вступив в беспощадную борьбу со всеми и всяческими стремлениями общества к свободе и самостоятельности, очень скоро признало опасным суд присяжных. Реакционная печать объявила суд присяжных «судом улицы» и открыла против него травлю, которая, к слову сказать, продолжается и по сю пору. Правительство приняло реакционную программу: победив революционное движение 70-х годов, оно беззастенчиво объявило представителям общества, что считает их «улицей», чернью, которая не смеет вмешиваться не только в законодательство, но и в управление государством, которая должна быть изгнана из святилища, где над русскими обывателями чинят суд и расправу — по методу господ Паповых. В 1887 году был издан закон, по которому дела о преступлениях, совершенных должностными лицами и против должностных лиц, изъяты из ведения суда присяжных и переданы суду коронных судей с сословными представителями. Как известно, эти сословные представители, слитые в одну коллегию с судьями-чиновниками, представляют из себя безгласных статистов, играют жалкую роль понятых, рукоприкладствующих то, что̀ угодно будет постановить чиновникам судебного ведомства. Это — один из тех законов, которые длинной вереницей тянутся через всю новейшую реакционную эпоху русской истории, объединенные одним общим стремлением: восстановить «твердую власть». Давлением обстоятельств власть вынуждена была во второй половине XIX века придти в соприкосновение с «улицей», а состав этой улицы изменялся с поразительной быстротой, и темных обывателей заменяли граждане, начинающие сознавать свои права, способные даже выставлять бойцов за права. И, почувствовав это, власть с ужасом отпрянула назад и делает теперь судорожные усилия оградить себя китайской стеной, замуроваться в крепость, недоступную ни для каких про-

---

меры к охранению лиц, доставляемых ими под стражу впредь до вытрезвления. Приказ предупреждает нижних полицейских чинов, что только таким сознательным и законным отношением к своим служебным обязанностям они вправе рассчитывать на доверие и уважение к ним населения и что, напротив того, всякое допущение полицейскими чинами произвола и жестокого обращения с пьяными, равно как причинение им каких-либо насильственных действий, несовместимых с долгом чинов полиции, обязанных служить примером порядочности и добрых нравов, неминуемо влекут за собою строгую кару закона, и виновные в допущении таковых поступков нижние полицейские чины будут предаваемы без всякого снисхождения суду. — Проект картинки для сатирического журнала: оправданный по обвинению в убийстве околоточный надзиратель читает приказ о том, что он должен служить примером порядочности и добрых нравов!

явлений общественной самодеятельности... Но я несколько отклонился от своей темы.

Итак, благодаря реакционному закону, улица была устранена от суда над представителями власти. Чиновников судили чиновники. Это сказалось не только на приговоре, но и на всем характере предварительного и судебного следствия. Суд улицы ценен именно тем, что он вносит живую струю в тот дух канцелярского формализма, которым насквозь пропитаны наши правительственные учреждения. Улица интересуется не только тем, даже не столько тем,—обидой, побоями, или истязаниями будет признано данное деяние, какой род и вид наказания будет за него назначен, сколько тем, чтобы до корня вскрыть и публично осветить все общественно-политические нити преступления и его значение, чтобы вынести из суда уроки общественной морали и практической политики. Улица хочет видеть в суде не «присутственное место», в котором приказные люди применяют соответственные статьи Уложения о наказаниях к тем или другим отдельным случаям,—а публичное учреждение, вскрывающее язвы современного строя и дающее материал для его критики, а следовательно, и для его исправления. Улица своим чутьем, под давлением практики общественной жизни и роста политического сознания, доходит до той истины, до которой с таким трудом и с такой робостью добирается сквозь свои схоластические путы наша официально-профессорская юриспруденция: именно, что в борьбе с преступлением неизмеримо большее значение, чем применение отдельных наказаний, имеет изменение общественных и политических учреждений. По этой причине и ненавидят—да и не могут не ненавидеть—суд улицы реакционные публицисты и реакционное правительство. По этой причине сужение компетенции суда присяжных и ограничение гласности тянутся красной нитью через всю пореформенную историю России, причем реакционный характер «пореформенной» эпохи обнаруживается *на другой же день* после вступления в силу закона 1864 года, преобразовавшего нашу «судебную часть» *). И именно на данном деле с особенной силой сказался недостаток «суда улицы». Кто мог бы на этом суде заинтересоваться общественной стороной дела и постараться выставить ее со всей выпуклостью? Прокурор? Чиновник, имеющий ближайшее отношение к полиции,—разделяющий ответственность за содержание арестантов и обращение с

*) Либеральные сторонники суда присяжных, полемизируя в легальной печати против реакционеров, нередко отрицают категорически политическое значение суда присяжных, усиливаясь доказать, что они вовсе не по политическим соображениям стоят за участие в суде общественных элементов. Отчасти это может зависеть, несомненно, от того политического недомыслия, которым часто страдают именно юристы, несмотря на их специальные занятия «государственными» науками. Но главным образом объясняется это необходимостью говорить эзоповским языком, невозможностью открытого заявления своих симпатий к конституции.

ними, — в некоторых случаях даже начальник полиции? Мы видели, что товарищ прокурора даже отказался от обвинения Панова в истязании. Гражданский истец, если бы жена убитого, выступавшая на суде свидетельницей Воздухова, предъявила гражданский иск к убийцам? Но где же было ей, простой бабе, знать, что существует какой-то гражданский иск в уголовном суде? Да если бы она и знала это, в состоянии ли была бы она нанять адвоката? Да если бы и была в состоянии, нашелся ли бы адвокат, который мог бы и захотел бы обратить общественное внимание на разоблачаемые этим убийством порядки? Да если бы и нашелся такой адвокат, могли ли бы поддержать в нем «гражданский пыл» такие «делегаты» общества, как сословные представители? Вот волостной старшина, — я имею в виду провинциальный суд, — конфузящийся своего деревенского костюма, не знающий, куда деть свои смазные сапоги и свои мужицкие руки, пугливо вскидывающий глаза на его превосходительство председателя палаты, сидящего за одним столом с ним. Вот городской голова, толстый купчина, тяжело дышащий в непривычном для него мундире, с пеною на шее, старающийся подражать своему соседу, предводителю дворянства, барину в дворянском мундире, с холеной наружностью, с аристократическими манерами. А рядом — судьи, прошедшие всю длинную школу чиновничьей лямки, настоящие дьяки в приказах поседелые, полные сознания важности выпавшей им задачи: судить представителей власти, которых недостоин судить суд улицы. Не отбила ли бы эта обстановка охоту говорить у самого красноречивого адвоката, не напомнила ли бы она ему старинное изречение: «не мечите бисера перед...»?

И вышло так, что дело прогнали точно на курьерских, точно желая поскорее сбыть его с рук *), точно боясь коснуть хорошенько всю эту мерзость: можно жить около отхожего места, привыкнуть, не замечать, обжиться, но стоит только приняться его чистить — и вонь непременно восчувствуют тогда все обитатели не только данной, но и соседних квартир.

Посмотрите, какую массу естественно напрашивающихся вопросов никто не потрудился даже выяснить. Зачем ездил Воздухов к губернатору? Обвинительный акт — этот документ, воплощающий стремление обвинительной власти раскрыть все преступление — не только не отвечает на этот вопрос, но даже прямо замалчивает его, говоря, будто Воздухов «был задержан в нетрезвом виде во дворе губернаторского дома городовым Шелеметьевым». Это дает даже повод думать, будто Воздухов бесчинствовал и где? во

*) О том, чтобы скорее довести дело до суда, никто и не подумал. Несмотря на замечательную простоту и ясность дела, происшествие 20 апреля 1899 года разбиралось в суде только 23 января 1901 года. Суд *скорый*, правый и милостивый!

дворе губернатора! А на самом деле Воздухов *приехал к губернатору на извозчике жаловаться* — это факт установленный. На что он жаловался? Смотритель губернаторского дома, Птицын, говорит, что Воздухов жаловался на какую-то пароходную пристань, где ему отказали в выдаче билета на проезд (?). Свидетель Муханов, бывший приставом той части, где били Воздухова (а теперь состоящий начальником губернской тюрьмы в г. Владимире), говорит, что от жены Воздухова он слышал, что она с мужем пьянствовала и что *их били в Нижнем и в речной полиции и в Рождественской полицейской части, и об этих побоях и хотел Воздухов заявить губернатору*. Несмотря на явное противоречие в показаниях этих свидетелей, суд не принимает ровно никаких мер для выяснения вопроса. Напротив, всякий имел бы полное право заключить, что суд *не хочет* выяснять этого вопроса. Жена Воздухова была свидетельницей на суде, но ее никто не попнтересовался спросить, действительно ли били ее и мужа в нескольких полицейских частях Нижнего? при какой обстановке их арестовывали? в каких помещениях били? кто бил? действительно ли муж хотел жаловаться губернатору? не говорил ли муж еще кому-либо об этом своем намерении? Свидетель Птицын, который, будучи чиновником канцелярии губернатора, очень может быть не склонен был выслушивать от нетьяного — по подлежащего все же вытрезвлению! — Воздухова жалобы на полицию, который поручил *пьяному* городовому Шелеметьеву отвезти для вытрезвления в часть жалобщика, этот интересный свидетель не был подвергнут перекрестному допросу. Извозчик Крайнов, который привез Воздухова к губернатору и отвез потом в часть, опять-таки не расспрашивается о том, не говорил ли ему Воздухов, зачем он едет? что именно высказывал он Птицыну? не слышал ли еще кто-либо этого разговора? Суд ограничивается прочтением краткого показания неявившегося Крайнова (удостоверяющего, что пьян Воздухов не был, а только немного выпивши), и товарищ прокурора нисколько не думает о том, чтобы добиться явки этого важного свидетеля. Если принять во внимание, что Воздухов — запасный унтер-офицер, значит, человек бывалый, законы и порядки немного знающий, что он даже после последнего смертельного боя говорит товарищам: «я подам жалобу»,— то становится более чем вероятным, что он ездил к губернатору именно жаловаться на полицию, что свидетель Птицын лгал, выгораживая полицию, что лакеи судьи и лакей прокурор не хотели разоблачать этой щекотливой истории.

Далее. Почему и за что били Воздухова? Обвинительный акт опять-таки изображает это *так*, как только можно было изобразить выгоднее... для подсудимых. «Поводом к истязанию» послужил будто бы порез руки Шелеметьева, когда он вталкивал Воздухова в солдатскую. Вопрос в том, почему вталкивали спокойно говорившего и с Шелеметьевым и с Пановым Воздухова (предположим,

что надо было непременно его *вталкивать!*) не в арестантскую, а сначала в солдатскую? Он отправлен для вытрезвления,— в арестантской есть уже несколько пьяных,— туда же попадает потом и Воздухов, зачем же Шелеметьев, «представив» его Панову, толкает в *солдатскую?* Очевидно, именно для того, чтобы избить. В арестантской есть народ, а в солдатской Воздухов будет один, а к Шелеметьеву придут на помощь товарищи и г. Панов, которому в настоящий момент «вверена» первая часть. Истязание было вызвано, значит, не случайным поводом, а совершено по заранее обдуманному намерению. Предположить можно только одно из двух: либо всех, присылаемых в часть для вытрезвления (хоть бы и держащих себя вполне прилично и спокойно), отправляют сначала в солдатскую для «обучения», либо Воздухова повели бить *именно за то, что он ездил к губернатору жаловаться на полицию.* Газетные отчеты о деле так кратки, что категорически высказаться за последнее предположение (которое ничуть не невероятно) трудно, но предварительное и судебное следствие, конечно, могли бы досконально выяснить этот вопрос. Суд, разумеется, не обратил на этот вопрос никакого внимания. Говорю: «разумеется», ибо равнодушие судей отражает здесь не только чиновнический формализм, но и просто обывательский взгляд русского человека. «Нашли, чему удивляться! Убили пьяного мужика в части! То ли еще у нас бывает!» И обыватель указывает вам десятки случаев, несравненно более возмутительных и притом проходящих для виновников безнаказанно. Указания обывателя совершенно справедливы, и тем не менее он совершенно неправ и обнаруживает своим рассуждением только крайнюю обывательскую близорукость. Не потому ли у нас возможны несравненно более возмутительные случаи полицейского насилия, что это насилие составляет повседневную и обычную практику любой полицейской части? И не потому ли бессильно наше негодование против исключительных случаев, что мы созерцаем с привычным равнодушием «нормальные» случаи? — что наше равнодушие невозмутимо даже тогда, когда такое привычное и обычное явление, как битье пьяного (якобы пьяного) «мужика» в части вызывает протест со стороны самого этого (казалось бы, привычного) мужика, расплачивающегося жизнью за продерзостную попытку принести смиреннейшую жалобу губернатору?

Есть и другое основание, не позволяющее пройти мимо этого, самого обычного, случая. Давно уже сказано, что предупредительное значение наказания обусловливается вовсе не его жестокостью, а его неотвратимостью. Важно не то, чтобы за преступление было назначено тяжкое наказание, а то, чтобы *ни один* случай преступления не проходил нераскрытым. С этой стороны тоже небезынтересно данное дело. Противозаконное и дикое битье в полиции происходит в Российской империи — без преувеличения можно ска-

зать — ежедневно и ежечасно *). А до суда доходит оно в совершенно исключительных и крайне редких случаях. Это нисколько не удивительно, ибо преступником является та самая полиция, которой вверено в России раскрытие преступлений. Но это обязывает нас с тем бо́льшим, хотя бы и необычным, вниманием останавливаться на тех случаях, когда суду приходится приподнять завесу, прикрывающую обычное дело.

Обратите внимание, например, на то, как бьют полицейские. Их пятеро или шестеро, работают они с зверской жестокостью, многие пьяны, у всех шашки. Но ни один из них ни разу не ударяет жертву шашкой. Они — люди опытные и прекрасно знают, как надо бить. Удар шашкой — улика, а избить кулаками — поди, потом, докажи, что били в полиции. «Избит в драке, взяли избитого» — и все шито-крыто. Даже в настоящем деле, когда случайно избили до смерти («и дернула же его нелегкая умереть; мужик был здоровеннейший, кто бы мог этого ожидать?»), обвинению приходилось свидетельскими показаниями доказывать, что «Воздухов до отправления его в часть был совершенно здоров». Очевидно, убийцы, утверждавшие все время, что они вовсе и не били, говорили, что привезли избитого. А найти свидетелей в подобном деле — вещь невероятно трудная. По счастливой случайности оказалось еще, что окошечко из арестантской в солдатскую несовсем заделано: правда, вместо стекла вставлен жестяной лист с наверченными дырами, и дыры из солдатской завешены кожею, но когда просунешь палец, кожа поднимается, и из арестантской можно тогда видеть, что делается в солдатской. Только поэтому на суде удалось вполне восстановить картину «обучения». Но такой бес-

*) Эти строки были уже написаны, когда газеты принесли еще одно подтверждение правильности такого утверждения. На другом конце России, в Одессе — городе, состоящем на столичном положении, — мировой судья оправдал некоего М. Клинкова, обвинявшегося, по протоколу околоточного надзирателя Садукова, в буйстве во время ареста в части. На суде обвиняемый, а также четыре свидетеля его показали следующее: Садуков задержал в пьяном виде и доставил в участок М. Клинкова. Вытрезвившись, Клинков стал требовать, чтобы его освободили. В ответ на это один городовой схватил его за шиворот и стал бить, потом явилось еще трое городовых, и все четверо стали истязать его, нанося удары в лицо, голову, грудь и бока. Под градом сыпавшихся на него ударов Клинков, облитый кровью, свалился на пол, и тогда его стали уже бить лежачего с еще бо́льшим остервенением. Как показали Клинков и его свидетели, истязанием его руководил Садуков, поощрявший городовых. Избитый Клинков потерял сознание, и когда пришел в себя, то был выпущен из участка. Немедленно Клинков отправился к врачу, которым был освидетельствован. Мировой судья посоветовал Клинкову подать жалобу на Садукова и городовых прокурору, на что Клинков ответил, что жалоба прокурору уже подана им, при чем свидетелями истязания его выступают двадцать человек.

Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что М. Клинкову не удастся добиться предания суду и осуждения городовых за истязание. Били не до смерти, — и если, паче чаяния, ответят, то пустяками.

порядок, как неплотно заделанное окно, мог быть, конечно, только в прошлом веке; в XX веке, наверное уже, окошечко из арестантской в солдатскую в первой кремлевской части Нижнего-Новгорода заделано наглухо... А раз нет свидетелей, то только бы попал человек в солдатскую!

Ни в одной стране нет такого обилия законов, как в России. У нас на все есть законы. Есть и особый устав о содержании под стражею, в котором обстоятельно расписано, что задержание законно только в особых помещениях, подчиненных особому надзору. Закон, как видите, соблюдается: при полиции есть особая «арестантская». Но *до* арестантской «принято» «вталкивать» в «солдатскую». И хотя роль солдатской, как настоящего застенка, вполне ясна из данных всего процесса, тем не менее судебная власть и не подумала остановить свое внимание на этом явлении. Не от прокуроров же, в самом деле, ждать разоблачения безобразий нашего полицейского самовластья и борьбы с ним!

Мы коснулись вопроса о свидетелях в подобных делах. В лучшем случае свидетелями могут быть только люди, находящиеся в руках полиции; сторонему человеку лишь при совершенно исключительных условиях удастся наблюдать полицейское «учение» в части. А на тех свидетелей, которые в руках полиции, возможно полицейское воздействие. Было оно и в данном деле. Свидетель Фролов, находившийся во время убийства в арестантской, на предварительном следствии показал сначала, что Воздухова били и полицейские и околоточный; потом снял оговор с околоточного Папова; на суде же заявил, что никто из полиции Воздухова не бил, что его научали показать против полиции Семахин и Баринов (другие арестанты, бывшие главными свидетелями обвинения), что полиция его не научала и не подучивала. Свидетели Фадеев и Антонова показали, что никто в солдатской до Воздухова и пальцем не дотрагивался: там все сидели смирно и тихо, и никакой ссоры не было.

Как видите, явление опять самое обычное. И судебная власть отнеслась к нему опять-таки с привычным равнодушием. Есть закон, карающий за ложное показание пред судом довольно строго; возбуждение преследования против этих двоих лжесвидетелей пролило бы еще побольше света на полицейское бесчинство, от которого почти совершенно беззащитны те, кто имеет несчастье попадать в полицейские лапы (а несчастье это случается регулярно и постоянно с сотнями тысяч «простого» народа), — но суд думает только о применении статьи такой-то, а вовсе не об этой беззащитности. И эта деталь процесса, как и все остальные, показывает ясно, какая это всеохватывающая и крепкая сеть, какая это застарелая язва, для избавления от которой нужно избавление от всей системы полного самовластия полиции и полной бесправности народа.

Лет тридцать пять тому назад с одним известным русским писателем, Ф. М. Решетниковым, случилась неприятная история.

Отправился он в С.-Петербурге в дворянское собрание, ошибочно воображая, что там дают концерт. Городовые не пустили его и прикрикнули: «Куда ты лезешь? кто ты такой?»—«Мастеровой!»—грубо отвечал рассердившийся Ф. М. Решетников. Результатом такого ответа — рассказывает Гл. Успенский — было то, что Решетников ночевал в части, откуда вышел избитый, без денег и кольца. «Довожу об этом до сведения вашего превосходительства,—писал Решетников в прошении Спб. обер-полицмейстеру. — Я ничего не прошу. Я только об одном осмеливаюсь утруждать вас, чтобы пристава, квартальные, их подчаски и городовые *не били народ*... Этому народу и так придется много получить всякой всячины» [46]).

Скромное желание, которым так давно уже осмеливался утруждать русский писатель начальника столичной полиции, осталось и по сие время невыполненным, и остается *невыполнимым* при наших политических порядках. Но в настоящее время взоры всякого честного человека, измученного созерцанием зверства и насилия, привлекает к себе новое могучее движение в народе, собирающее силы, чтобы смести с лица русской земли всякое зверство и осуществить лучшие идеалы человечества. За последние десятилетия ненависть к полиции во много раз возросла и окрепла в массах простого народа. Развитие городской жизни, рост промышленности, распространение грамотности, все это заронило и в темные массы стремление к лучшей жизни и сознание человеческого достоинства, а полиция осталась такой же самоуправной и зверской. К ее зверству прибавилась только бо́льшая утонченность сыска и травля нового, самого страшного врага: всего, что́ несет в народные массы луч сознания своих прав и веру в свои силы. Оплодотворенная таким сознанием и такой верой, народная ненависть найдет себе выход не в дикой мести, а в борьбе за свободу.

II. ЗАЧЕМ УСКОРЯТЬ ПРЕВРАТНОСТЬ ВРЕМЕН?

Интересный проект приняло Орловское губернское дворянское собрание, и еще интереснее были прения по поводу этого проекта.

Суть дела вот в чем. Губернский предводитель дворянства, М. А. Стахович, внес доклад, предлагая заключить договор с финансовым ведомством о предоставлении орловским дворянам должностей сборщиков. При введении винной монополии открывается в губернии 40 должностей сборщиков денег с казенных винных лавок. Вознаграждение сборщикам — 2.180 руб. в год (900 руб. жалованья, 600 руб. разъездных и 680 руб. на стражника). Так вот хорошо бы дворянам эти места занять, а для этого составить артель и войти в договор с казной. Вместо требуемого залога (3 — 5 тысяч) делать вычеты первое время по 300 руб. в год с каждого сборщика и составить из этих денег дворянский капитал в обеспечение питейного ведомства.

Проект, как видите, отличается несомненной практичностью и доказывает, что наше высшее сословие в совершенстве обладает чутьем насчет того, где бы можно урвать казенного пирога. Но именно эта практичность и показалась многим благородным помещикам чрезмерной, неприличной, недостойной дворянина. Разгорелись прения, которые с особенной ясностью обнаружили три точки зрения на вопрос.

Первая — точка зрения практицизма. Кормиться надо, сословие нуждается, ...все же заработок, ...не отказать же бедным дворянам в помощи? Да и притом ведь сборщики могут содействовать отрезвлению народа! Вторая точка зрения — романтиков. Служить по питейной части, чуть-чуть повыше целовальников, в подчинении у простых управляющих складами, «часто лиц низших сословий»!? — и полились горячие речи о великом призвании дворянства. Мы намерены остановиться именно на этих речах, но сначала укажем третью точку зрения — мужей государственных. С одной стороны, нельзя не сознаться, что как будто и зазорно, но с другой стороны надо признаться, что выгодно. Можно однако и капитал приобрести и невинность соблюсти: управляющий акцизными сборами может назначать и без залогов, и те же 40 дворян могут получить места по ходатайству губернского предводителя дворянства — без всякой артели и договора, а то ведь, пожалуй, «министр внутренних дел остановит постановление в ограждение правильности общего государственного строя». Это мудрое мнение, вероятно, восторжествовало бы, если бы предводитель дворянства не сделал два существенно

важных заявления: во-1-х, что договор уже представлялся в совет министра финансов, который признал его возможным и в принципе согласился на него. А, во-2-х, что «добыть эти места путем одного только ходатайства губернского предводителя дворянства нельзя». И доклад был принят.

Бедные романтики! Они потерпели поражение. А как они красиво говорили.

«До сих пор дворянство выставляло только руководителей. Доклад же предлагает образовать какую-то артель. Соответствует ли это прошлому, настоящему и будущему дворянства? По закону о сборщиках в случае обнаруженной растраты со стороны сидельца, дворянин должен стать за стойку. Лучше умереть, чем занять такую должность!»

Фу ты, господи, сколько в человеке благородства! Лучше умереть, чем торговать водкой! Вот торговать хлебом — это благородное занятие, особенно в неурожайные годы, когда можно нажиться на счет голодающих. А еще более благородное занятие — ростовщичествовать хлебом, ссужать его зимой голодным крестьянам под летнюю работу и рассчитывать эту работу втрое дешевле против вольных цен. Именно в той центрально-черноземной полосе, к которой принадлежит Орловская губерния, наши помещики с особенным усердием всегда занимались и занимаются этим благороднейшим видом ростовщичества. Ну, а для того, чтобы хорошенько отделить благородное ростовщичество от неблагородного, надо, конечно, как можно громче кричать о недостойном дворянина занятии целовальника.

«Нужно строго охранять наше призвание, выраженное в известном высочайшем манифесте, — бескорыстно служить народу. Корыстное служение этому противоречит»... «У сословия, имеющего в прошлом такие заслуги, как ратная служба его предков, вынесшего на своих плечах великие реформы императора Александра II, есть почва для исполнения и в будущем своих обязанностей перед государством».

Да, бескорыстная служба! Раздача поместий, пожалование населенных имений, т.-е. подарки тысяч десятин земли и тысяч крепостных душ, образование класса крупных землевладельцев, имеющих сотни, тысячи и десятки тысяч десятин земли и доводящих миллионы крестьян своей эксплуатацией до полной нищеты, — вот проявления этого бескорыстия. Но особенно мила ссылка на «великие» реформы Александра II. Например, освобождение крестьян — с каким бескорыстием наши благородные дворяне ободрали их как липку: заставили выкупать их собственную землю, заставили платить за нее втридорога против настоящей цены, награбили себе крестьянской земли в виде всяческих отрезков, пообмеривали свои песочки, овраги и пустоши на хорошие крестьянские земли, а теперь еще имеют наглость хвастаться подобными подвигами!

«Патриотического сфера питейного дела ничего не представляет»... «Наши традиции основаны не на рублях, а на государственной службе. Дворянство не должно превращаться в биржу».

Зелен виноград! Превращаться в биржу дворянство «не должно», потому что на бирже требуются солидные капиталы, а господа вчерашние рабовладельцы прожились в пух и прах. Для широкой массы их не превращение в биржу, а подчинение бирже, подчинение рублю стало давно совершившимся фактом. И в погоне за рублем «высшее сословие» давно уже занимается такими высоко-патриотическими делами, как производство сивухи, устройство сахароваренных и других заводов, участие во всяческих дутых торгово-промышленных предприятиях, обивание порогов у представителей высших придворных сфер, у великих князей, министров и проч. и проч. ради добывания концессий и правительственных гарантий для таких предприятий, ради выпрашивания себе подачек в виде льгот дворянскому банку, премий за вывоз сахара, кусочков (в тысячи десятин!) какой-нибудь башкирской земли, выгодных и теплых «доходных местечек» и т. п.

«Дворянская этика носит на себе следы истории, социального положения»... — и следы конюшни, приучившей дворян к насилиям и надругательствам над мужиком. Впрочем, вековая привычка властвовать выработала в дворянах и нечто более тонкое: уменье облекать свои эксплуататорские интересы в пышные фразы, рассчитанные на одурачение темного «простонародья». Слушайте дальше:

«Зачем ускорять превратность времен? Пусть это будет предрассудок, но старые традиции не позволяют помогать этой превратности»...

В этих словах г-на Нарышкина (одного из мужей совета, отстаивавших государственную точку зрения) видно верное классовое чутье. Конечно, боязнь должности сборщика (или даже целовальника) есть, по нынешним временам, предрассудок, но разве не благодаря предрассудкам темных масс крестьянства держится неслыханно-бесстыдная эксплуатация крестьян помещиками в нашей деревне? Предрассудки вымирают и без того; зачем же ускорять их вымирание, открыто сближая дворянина с целовальником, облегчая для крестьянина посредством этого сопоставления процесс (и без того уже начавшийся процесс) усвоения той простой истины, что благородный помещик такой же ростовщик, грабитель и хищник, как и любой деревенский мироед, только неизмеримо более сильный, сильный своим землевладением, своими, веками сложившимися, привилегиями, своей близостью к царской власти, своей привычкой к господству и умением прикрывать свое нутро Иудушки целой доктриной романтизма и великодушия?

Да, г. Нарышкин, несомненно, муж совета, и его устами вещает государственная мудрость. Я не удивляюсь, что «маршал» орлов-

ского дворянства отвечал ему — с такой изысканностью выражений, которая сделала бы честь английскому лорду, — следующее:

«Возражать против тех авторитетов, которые мы здесь слышали, было бы смелостью с моей стороны, если бы я не был убежден, что, возражая против их мнений, я не возражаю против их убеждений».

Вот это верно, и притом в гораздо более широком смысле верно, чем воображал г. Стахович, который, поистине, нечаянно правду сказал. Убеждения у господ дворян одинаковы у всех — начиная от практиков и кончая романтиками. Все твердо верят в свое «священное право» на сотни или тысячи десятин земли, награбленной предками, или пожалованной грабителями, в право эксплуатировать крестьян и играть господствующую роль в государстве, в право на самые жирные (а при нужде и нежирные) куски казенного пирога, т.-е. народных денег. Расходятся же они только в мнениях о целесообразности отдельных мероприятий, и их прения при обсуждении этих мнений так же поучительны для пролетариата, как и всякий домашний спор в лагере эксплуататоров. В таких спорах наглядно выступает различие между общими интересами всего класса капиталистов или землевладельцев и интересами отдельных личностей или отдельных групп; в таких спорах пробалтывается нередко то, что, вообще говоря, тщательно скрывается.

Но помимо этого орловский эпизод проливает еще некоторый свет и на характер пресловутой питейной монополии. Каких только благ не ждала от нее наша официальная и официозная пресса: и увеличения казенных доходов и улучшения продукта и уменьшения пьянства! А на деле вместо увеличения доходов до сих пор получилось только удорожение вина, запутанность бюджета, невозможность точно определить финансовые результаты всей операции; вместо улучшения продукта — получилось ухудшение, и вряд ли правительству удастся особенно импонировать публике тем сообщением об успешных результатах «дегустации» *) новой «казенки», которое обошло недавно все газеты. Вместо уменьшения пьянства — увеличение числа мест тайной продажи вина, увеличение полицейских доходов с этих мест, открытие винных лавок вопреки воле населения, ходатайствующего о противном **), усиление пьянства на улицах ***). А главное — какое новое гигантское поприще для чи-

*) — определение вин по вкусу. *Ред.*

**) Недавно, например, газеты сообщали, что в Архангельской губернии некоторые селения еще в 1899 году составили приговоры, чтобы у них не открывали винных лавок. Правительство, вводящее там именно теперь питейную монополию, ответило, *конечно*, отказом: очевидно из попечительства о народной трезвости!

***) Мы уже не говорим о том, какую массу денег потеряли от казенной монополии крестьянские общества. Прежде они взимали плату с содержателей винных лавок. Казна отняла у них этот источник дохода, не вознаградив их ни единой копейкой! В своей интересной книге «Das hun-

новничьего самодурства и произвола, подхалимства и хищения открывает это создание новой отрасли многомиллионного казенного хозяйства, создание целой армии новых чиновников! Это настоящее нашествие целых туч чиновнической саранчи, подлизывающейся, интригующей, грабящей, изводящей паки и паки моря чернил и горы бумаги. Орловский проект — не что иное, как попытка облечь в законные формы то стремление урвать более или менее жирные кусочки казенного пирога, которое охватывает нашу провинцию и немешуемо грозит стране — при условии чиновнического самовластия и общественной безгласности—дальнейшим усилением произвола и хищения. Вот маленький примерчик: еще осенью проскользнула в газетах заметка о «строительном анекдоте в области винной монополии». В Москве сооружаются три винных склада, которые должны обслуживать всю губернию. На постройку этих складов министерством было ассигновано 1.637.000 руб. И вот оказывается, что «определилась потребность в дополнительном кредите в размере *двух с половиной миллионов*»*). Очевидно, здесь должностные лица, которым вверено было казенное имущество, хапнули немножко побольше, чем 50 шаровар и несколько штук сапожного товара!

---

gernde Russland» (Reiseeindrücke, Beobachtungen und Untersuchungen. Von C. Lehmann und Parvus. Stuttgart. Dietz Verlag 1900.) («Голодающая Россия» (Впечатления в пути, наблюдения и исследования К. Леманна и Парвуса. Штутгарт. Издание Дитца, 1900). *Ред.*) Парвус справедливо называет это *ограблением мирских касс.* Он сообщает, что по расчету самарского губернского земства потеря всех крестьянских обществ губернии от введения винной монополии составила за три года (95—97) *3.150.000 рублей!*

*) Курсив автора. См. «С.-Петербургские Ведомости», 1900, № 239, от 1-го сентября.

III. ОБЪЕКТИВНАЯ СТАТИСТИКА.

Наше правительство привыкло обвинять своих противников в тенденциозности — и не только революционеров, но и либералов. Случалось ли вам, например, видеть отзывы официальной печати о либеральных (легальных, конечно) органах? В органе министерства финансов, «Вестнике Финансов», бывали иногда обзоры печати, и всякий раз, когда ведший эти обзоры чиновник говорил об оценке бюджета или голода или какой-либо правительственной меры в одном из наших либеральных (толстых) журналов, он всегда с негодованием отмечал их «тенденциозность», противопоставляя ей «объективное» указание не только на «темные стороны», но и на «отрадные явления». Это, разумеется,—не более как маленький пример-чик, но он иллюстрирует обычное отношение правительства, обычное стремление его кичиться своей «объективностью».

Попробуем сделать удовольствие этим строгим и беспристрастным судьям. Попробуем обратиться к статистике. Мы возьмем, конечно, не статистику тех или иных фактов общественной жизни: известно, что факты и регистрируются людьми пристрастными и обобщаются учреждениями иногда решительно «тенденциозными» — вроде земства. Нет, мы возьмем статистику... законов. Смеем думать, ни один самый ярый сторонник правительства не решится утверждать, что может быть что-либо объективнее и беспристрастнее статистики законов — простого подсчета того, что̀ само правительство постановляет, совершенно независимо от всяких соображений о расхождении между словом и делом, постановлением и исполнением и т. п.?

Итак, к делу.

При правительствующем сенате издается, как известно, «Собрание узаконений и распоряжений правительства», периодически вещающее о каждом мероприятии правительства. Вот эти данные мы и возьмем, и посмотрим, *о чем* правительство узаконяет и распоряжается. Именно: о чем. Мы не позволим себе критики начальственных велений,—мы только подсчитаем число «оных», относящихся до той или другой области. В январских газетах перепечатано из названного правительственного издания содержание № 2905 до 2929 за прошлый год и № 1—60 за текущий. Итого 91 узаконение и распоряжение за период от 29-го декабря 1900 г. до 12-го января 1901 г.—как раз на рубеже столетий. По своему характеру, эти 91 узаконение представляют особенное удобство для «статистической» обработки: среди них нет никаких особенно выдающихся

законов, ничего такого, что отодвигало бы совершенно на задний план все остальное и налагало особую печать на данный период внутреннего управления. Все — узаконения сравнительно мелкие, удовлетворяющие текущим запросам, возникающим постоянно и регулярно. Мы застаем таким образом правительство в его будничном виде, а это еще раз гарантирует нам объективность «статистики».

Из 91-го узаконения 34, т.-е. более трети, трактуют об одном и том же предмете: о продлении сроков для оплаты капитала по акциям или для взноса денег за акции различных торгово-промышленных акционерных обществ. Чтение этих узаконений можно рекомендовать читателям газет для освежения в своей памяти списка производств в нашей промышленности и названия различных фирм. Совершенно аналогично содержание второй группы узаконений: об изменении уставов торгово-промышленных обществ. Сюда относится 15 узаконений, реформирующих статуты товарищества чайной торговли бр. К. и С. Поповых, товарищества картонно-тольного производства А. Науман и К°, товарищества кожевенного производства и торговли кожевенными, холщевыми и полотняными товарами под фирмою И. А. Осипов и К°, и т. д. и т. д. Наконец, к этого же рода узаконениям надо прибавить еще 11, из которых шесть посвящены удовлетворению тех или других нужд торговли и промышленности (учреждение общественного банка и общества взаимного кредита, назначение цен процентным бумагам, принимаемым в залог при казенных подрядах, правила обращения по железным дорогам вагонов, принадлежащих частным лицам, инструкция для маклеров Борисоглебской хлебной биржи), и пять — учреждают при четырех заводах и одном руднике шесть новых должностей городовых и две должности конно-полицейского урядника.

Итак, 60 узаконений из 91, т.-е. две трети, посвящены самому непосредственному удовлетворению различных практических нужд наших капиталистов и (отчасти) охране их от рабочих возмущений. Бесстрастный язык цифр свидетельствует, что по преобладающему характеру своих будничных узаконений и распоряжений наше правительство — верный слуга капиталистов, играющий по отношению ко всему классу капиталистов совершенно ту же роль, какую играет какая-нибудь, скажем, постоянная контора съезда железозаводчиков или канцелярия синдиката сахарозаводчиков по отношению к капиталистам отдельных отраслей производства. Конечно, то обстоятельство, что пустяшное изменение устава какого-нибудь товарищества или продление срока для оплаты его акций составляют предмет особых узаконений, зависит просто от тяжеловесности нашей государственной машины; достаточно маленького «усовершенствования механизма», и все это отойдет в область ведения местных учреждений. Но, с другой стороны, тяжеловесность механизма, чрезмерная централизация, необходимость самому правительству сунуть

во все свой нос — все это явления общие, распространяющиеся на всю нашу общественную жизнь, а вовсе не на одну только сферу торговли и промышленности. Поэтому сопоставление числа узаконений того или другого рода может вполне служить приблизительным показателем того, о чем наше правительство думает и заботится, чем интересуется.

Вот, например, частными обществами, если они не преследуют нравственно столь почтенной и политически столь безопасной цели наживы, наше правительство интересуется уже несравненно менее (если не считать проявлением интереса стремление затормозить, запретить, закрыть и пр.). За «отчетный» период — пишущий эти строки состоит на службе и потому надеется, что читатель простит ему употребление бюрократических терминов — утверждены уставы двух обществ (общества вспомоществования нуждающимся учащимся Владикавказской мужской гимназии и Владикавказского о-ва учебно-воспитательных прогулок и путешествий) и всемилостивейше разрешено изменить уставы трех (ссудо-сберегательной и вспомогательной касс служащих и рабочих на Людиновском и Сукремепском заводах и на Мальцевской железной дороге; первого общества хмелеводства; благотворительного общества поощрения женского труда), 55 узаконений о торгово-промышленных обществах и 5 — о всяких других. В сфере торгово-промышленных интересов «мы» стремимся стоять на высоте задачи, стремимся делать все возможное для облегчения союзов между купцами и промышленниками (стремимся, но не делаем, ибо тяжеловесность машины и безграничная волокита ставят очень тесные пределы «возможному» в полицейском государстве). В сфере же некоммерческих союзов мы принципиально стоим за гомеопатию. Ну, общество хмелеводства или поощрения женского труда — это еще ничего себе. А вот учебно-воспитательные прогулки... Господь их знает, о чем они на прогулках говорить будут и не будет ли затруднен неослабный надзор со стороны инспекции? Нет уже, знаете ли, с огнем надо обращаться осторожнее.

Школы. Учреждены целых три школы. И притом какие школы! Низшая школа скотников в имении его императорского высочества великого князя Петра Николаевича при селе Благодатном. Что села великих князей все должны быть благодатные,—в этом я давно уже не сомневался. Но теперь я не сомневаюсь и в том, что просвещением младшего брата могут искренно и от всей души интересоваться и увлекаться даже самые высокие персоны. Далее: утверждены уставы Дергачевской сельской ремесленной учебной мастерской и Асановской низшей сельско-хозяйственной школы. Жаль, что у нас нет под руками никакого справочника, чтобы посмотреть, не принадлежат ли каким-нибудь высоким персонам и эти благодатные села, в которых с такой энергией культивируется народное образование и... помещичье хозяйство. Впрочем, я утешаю

себя тем, что подобные справки не входят в число обязанностей статистика.

Вот и все узаконения, выражающие «попечения правительства о народе». Группировку я производил, как видите, по самым льготным принципам. Почему, например, общество хмелеводства не есть коммерческое общество? Только разве потому, что там иногда, может быть, говорят не об одной коммерции? Или школа скотников — кто ее, собственно говоря, разберет, действительно ли это школа или только усовершенствованный скотный двор?

Остается последняя группа узаконений, выражающих попечение правительства о самом себе. Сюда относится втрое большее число узаконений (22), чем то, которое мы отнесли к двум предыдущим рубрикам. Здесь — ряд административных реформ, одна другой радикальнее: переименование селения Платоновского в селение Николаевское; изменение уставов, штатов, правил, списков, времени открытия заседания (некоторых уездных съездов) и проч.; увеличение содержания повивальным бабкам, состоящим при частях войск Кавказского военного округа; определение размера денежного отпуска на ковку и лечение строевых казачьих лошадей; изменение устава частной торговой школы в Москве, правила о стипендии имени надворного советника Даниила Самуиловича Полякова в Козловском коммерческом училище. Я не знаю, впрочем, правильно ли я классифицировал сии последние узаконения: действительно ли они выражают попечение правительства о самом себе, а не о торгово-промышленных интересах? Прошу снисхождения у читателя — ведь это первый опыт статистики узаконений; до сих пор никто не пытался еще возвести эту область знания на степень строгой науки, — никто, не исключая даже профессоров русского государственного права.

Наконец, одно узаконение должно быть выделено в особую самостоятельную группу как по своему содержанию, так и потому, что это — первое мероприятие правительства в новом столетии: «об увеличении площади лесов, предназначенных для развития и улучшения императорской охоты». Великий дебют, достойный великой державы!

Теперь надо подвести поверочный итог. Статистика без этого не обходится.

Полсотни узаконений и распоряжений, посвященных отдельным торгово-промышленным компаниям и предприятиям; два десятка административных переименований и преобразований; два вновь созданных и три реформированных частных общества; три школы, приготовляющие помещичьих служащих; шесть городовых и два конно-полицейских урядника при заводах. Можно ли сомневаться, что столь богатая и разносторонняя законодательно-административная деятельность гарантирует нашему отечеству быстрый и неуклонный прогресс в XX веке.

РАБОЧАЯ ПАРТИЯ И КРЕСТЬЯНСТВО [47]).

Минуло сорок лет со времени освобождения крестьян. Вполне естественно, что наше общество с особенным одушевлением празднует день 19-го февраля — день падения старой, крепостной России, начало эпохи, которая сулила народу свободу и благосостояние. Но не надо забывать, что в хвалебных речах празднующих, наряду с искренней враждой к крепостничеству и всем его проявлениям, есть масса лицемерия. Насквозь лицемерна и лжива та оценка «великой» реформы, которая стала у нас ходячей: «освобождение крестьян с землей *при помощи* государственного выкупа». А на самом деле это было освобождение крестьян *от* земли, потому что от тех наделов, которыми в течение веков владели крестьяне, были сделаны громадные отрезки, а сотни тысяч крестьян были совсем обезземелены, — посажены на четвертной или нищенский надел. На самом деле, крестьяне были ограблены вдвойне: мало того, что у них отрезали землю, их заставили еще платить «выкуп» за оставленную им и всегда бывшую в их владении землю, и притом выкупная цена земли была назначена гораздо выше действительной ее цены. Сами помещики десять лет спустя после освобождения признавались перед правительственными чиновниками, исследовавшими положение сельского хозяйства, что крестьян заставили платить не только за свою землю, но и за свою свободу. И, взявши выкуп за личное освобождение, крестьян все же не сделали свободными людьми: их оставили на двадцать лет временно-обязанными, их оставили — и они по сию пору остаются — низшим сословием, подлежащим розге, платящим особые подати, не смеющим свободно выйти из полукрепостной общины, свободно распорядиться своей землей, свободно поселиться в любой местности государства. Не о великодушии правительства свидетельствует наша крестьянская реформа; напротив, она является величайшим историческим примером того, до какой степени изгаженным выходит всякое дело из рук самодержавного правительства. Под давлением военного поражения, страшных финансовых затруднений и грозных возмущений крестьян, правительство прямо-таки *вынуждено* было освободить

их. Сам царь признался, что надо освобождать сверху, пока не стали освобождать снизу. Но, взявшись за освобождение, правительство сделало все возможное и невозможное, чтобы удовлетворить алчность «обижаемых» крепостников; правительство не остановилось даже перед такой гнусностью, как подтасовка людей, призванных осуществить реформу,—хотя эти люди были призваны из числа дворян же! Мировые посредники первого призыва были распущены и заменены людьми, неспособными отказать крепостникам в объегоривании крестьян и при самом размежевании земли. И великая реформа не могла быть приведена в исполнение без помощи военных экзекуций и расстреливания крестьян, отказывавшихся принимать уставные грамоты. Неудивительно, что лучшие люди того времени, сдавленные цензурным намордником, встретили эту великую реформу проклятьем молчания...

«Освобожденный» от барщины крестьянин вышел из рук реформатора таким забитым, обобранным, приниженным, привязанным к своему наделу, что ему ничего не оставалось, как «добровольно» идти на барщину. И мужик стал обрабатывать землю своего прежнего барина, «арендуя» у него свои же отрезные земли, подряжаясь зимой — за ссуду хлеба голодающей семье — на летнюю работу. Отработки и кабала — вот чем оказался на деле тот «свободный труд», призвать на который «божие благословение» приглашал крестьянина манифест, составленный попом-иезуитом.

А к этому помещичьему гнету, сохраненному благодаря великодушию создававших и осуществлявших реформу чиновников, прибавился еще гнет капитала. Власть денег, придавившая даже, напр., французского крестьянина, освобожденного от помещичьей власти не жалкой, половинчатой реформой, а могучей народной революцией, — эта власть денег всей своей тяжестью обрушилась на нашего полукрепостного мужика. Доставать деньги нужно было во что бы то ни стало: и на уплату податей, увеличенных благодетельной реформой, и на наем земли, и на покупку тех нищенских продуктов фабричной промышленности, которые стали вытеснять домашние продукты крестьянина, и на покупку хлеба и проч. Власть денег не только придавила, но и расколола крестьянство: громадная масса неуклонно разорялась и превращалась в пролетариев, меньшинство выделяло кучки немногочисленных, но цепких кулаков и хозяйственных мужиков, прибиравших к рукам крестьянское хозяйство и крестьянские земли, составляющих кадры нарождающейся сельской буржуазии. Все пореформенное сорокалетие есть один сплошной процесс этого раскрестьянивания, процесс медленного, мучительного вымирания. Крестьянин был доведен до нищенского уровня жизни: он помещался вместе со скотиной, одевался в рубище, кормился лебедой; крестьянин бежал от своего надела, когда только было куда бежать, даже *откупался* от надела, платя

тому, кто соглашался взять надел, платежи с которого превышали его доходность. Крестьяне голодали хронически, и десятками тысяч умирали от голода и эпидемий во время неурожаев, которые возвращались все чаще и чаще.

Так стоит дело в нашей деревне и сейчас. Спрашивается, в чем искать выхода и какими средствами добиваться улучшения участи крестьянина? От гнета капитала мелкое крестьянство может избавиться, только примыкая к рабочему движению, помогая ему в его борьбе за социалистический строй, за превращение земли, как и других средств производства (фабрик, заводов, машин и пр.), в общественную собственность. Пытаться спасти крестьянство защитой мелкого хозяйства и мелкой собственности от натиска капитализма значило бы бесполезно задерживать общественное развитие, обманывать крестьянина иллюзией возможного и при капитализме благосостояния, разъединять трудящиеся классы, создавая меньшинству привилегированное положение на счет большинства. Вот почему социал-демократы всегда будут бороться против таких бессмысленных и вредных учреждений, как неотчуждаемость крестьянских наделов, круговая порука, запрещение свободного выхода из крестьянской общины и свободного приема в нее лиц каких-угодно сословий! Но наш крестьянин страдает, как мы видели, не только и даже не столько от гнета капитала, сколько от гнета помещиков и от остатков крепостничества. Беспощадная борьба против этих пут, неизмеримо ухудшающих положение крестьянства и связывающих его по рукам и ногам, не только возможна, но и необходима в интересах всего общественного развития страны, ибо безысходная нищета, темнота, бесправие и приниженность мужика кладет на все порядки нашего отечества отпечаток азиатчины. И социал-демократия не исполнила бы своего долга, если бы не оказала всей и всяческой поддержки этой борьбе. Такая поддержка должна выразиться, коротко говоря, *во внесении классовой борьбы в деревню.*

Мы видели, что в современной русской деревне совмещаются двоякого рода классовые противоположности: во-первых, между сельскими рабочими и сельскими предпринимателями, во-вторых, между всем крестьянством и всем помещичьим классом. Первая противоположность развивается и растет, вторая — постепенно ослабевает. Первая — вся еще в будущем, вторая — в значительной степени уже в прошлом. И, несмотря на это, для современных русских социал-демократов именно вторая противоположность имеет наиболее существенное и наиболее практически важное значение. Что мы должны пользоваться всеми представляющимися нам поводами для развития классового самосознания в сельско-хозяйственных наемных рабочих, что мы должны обратить внимание поэтому на переселение в деревню городских рабочих (напр., механиков, занимаемых при паровых молотилках, и т. п.), на рынки найма

сельско-хозяйственных рабочих, — это понятно само собой, это — аксиома для всякого социал-демократа.

Но наши сельские рабочие еще слишком крепко связаны с крестьянством, над ними слишком еще тяготеют общекрестьянские бедствия, и поэтому общенационального значения движение сельских рабочих никак не может получить ни теперь, ни в ближайшем будущем. Наоборот, вопрос о сметании остатков крепостничества, о вытравлении из всех порядков русского государства духа сословной неравноправности и приниженья десятков миллионов «простонародья», — этот вопрос уже сейчас имеет общенациональное значение, и партия, претендующая на роль передового борца за свободу, не может отстраниться от этого вопроса.

Признание бедствий крестьянина сделалось теперь (в более или менее общей форме) почти всеобщим, фраза о «недостатках» реформы 1861 г. и о необходимости государственной помощи стала ходячей истиной. Наш долг указывать на то, что эти бедствия происходят именно от классового угнетения крестьянства, что правительство — верный защитник классов-угнетателей, что не помощи от него, а избавленья от его гнета, завоеванья политической свободы должны добиваться те, кто искренне и серьезно хочет коренного улучшенья положения крестьян. Говорят о чрезмерной высоте выкупных платежей, о благодетельной мере понижения и пересрочки их правительством. Мы скажем на это, что все эти выкупные платежи — не что иное как прикрытое закопными формами и чиновническими фразами ограбление крестьян помещиками и правительством, не что иное как дань крепостникам за освобожденье их рабов. Мы выдвинем требованье немедленной и полной отмены выкупных платежей и оброчных сборов, требование вернуть народу те сотни миллионов, которые годами выколачивало царское правительство для удовлетворенья аппетитов рабовладельцев. Говорят о малоземелье крестьян, о необходимости государственной помощи для расширенья крестьянского землевладенья. Мы скажем на это, что именно *благодаря* государственной помощи — помощи помещикам, разумеется, — крестьяне лишились в такой массе случаев необходимейшей для них земли. Мы выдвинем требованье вернуть крестьянам те отрезки, посредством которых продолжает держаться подневольный, кабальный, барщинный, т.-е. на деле тот же крепостной труд. Мы выдвинем требованье учредить крестьянские комитеты для исправленья тех вопиющих несправедливостей, которые наделали по отношению к освобождаемым рабам учрежденные царской властью дворянские комитеты. Мы потребуем учрежденья судов, которые бы имели право понижать безмерно высокую плату за землю, взимаемую помещиками благодаря безвыходности положения крестьян,—судов, перед которыми крестьянин имел бы право преследовать за ростовщичество тех, кто заключает кабальные сделки, пользуясь крайней нуждой

другого. Мы будем стараться всегда и по всяким поводам разъяснять крестьянам, что люди, говорящие им об опеке или помощи от современного государства, — либо дурачки, либо шарлатаны и худшие враги их, что крестьянству нужно прежде всего избавление от произвола и гнета власти чиновников, нужно прежде всего признание их полной и безусловной равноправности во всех отношениях со всеми другими сословиями, полной свободы передвижения и переселения, свободы распоряжения землей, свободы распоряжения всеми мирскими делами и мирскими доходами. Самые обыденные факты из жизни любой русской деревни могут дать всегда тысячи поводов для агитации во имя указанных требований. Эта агитация должна исходить из местных, конкретных, наиболее назревших нужд крестьян, но не останавливаться на этих нуждах, а неустанно расширять кругозор крестьян, неустанно развивать их политическое сознание, указывать на особое место, занимаемое в государстве помещиками и крестьянами, указывать на единственное средство избавления деревни от висящего над ней гнета произвола и угнетения — созыв народных представителей, низвержение самовластья чиновников. Нелепо и вздорно утверждение, будто это требование политической свободы недоступно сознанию рабочих: не только рабочие, пережившие годы прямой борьбы с фабрикантами и полицией, постоянно видящие произвольные аресты и преследования лучших из их рядов, не только эти зараженные уже социализмом рабочие, но и всякий толковый крестьянин, хоть сколько-нибудь задумывающийся над тем, что он видит вокруг себя, в состоянии будет понять и усвоить, за что борются рабочие, усвоить идею земского собора, освобождающего всю страну от всевластия ненавистных чиновников. И агитация на почве непосредственных и наиболее насущных нужд крестьянства только тогда будет в состоянии исполнить свою задачу: — внести классовую борьбу в деревню, — когда с каждым разоблачением того или другого «экономического» зла она сумеет связать определенные политические требования.

Но спрашивается, может ли социал-демократическая рабочая партия внести в свою программу требования, подобные вышеуказанным? Может ли она взять на себя агитацию в крестьянстве? Не поведет ли это к тому, что мы разбросаемся и направим в сторону от главного и единственно надежного русла движения наши революционные силы, и без того столь немногочисленные?

Такие возражения основаны на недоразумении. Да, мы непременно должны внести в свою программу требования об освобождении нашей деревни от всех пережитков рабства, требования, способные вызвать в лучшей части крестьянства если не самостоятельную политическую борьбу, то сознательную поддержку освободительной борьбы рабочего класса. Мы сделали бы ошибку, если бы стали отстаивать меры, способные задержать общественное раз-

витие, или искусственно оградить мелкое крестьянство от роста капитализма, от развития крупного производства, но еще более гибельна была бы ошибка, если бы мы не сумели воспользоваться рабочим движением для распространения в крестьянстве тех демократических требований, которых не исполнила реформа 19-го февраля 1861 г. благодаря ее искажению помещиками и чиновниками. Включить такие требования необходимо для нашей партии, если она хочет встать во главе всего народа на борьбу с самодержавием *). Но такое включение вовсе не предполагает, чтобы мы стали звать активные революционные силы из города в деревню. Об этом не может быть и речи. Не подлежит никакому сомнению, что все боевые элементы партии должны стремиться к городам и фабрично-заводским центрам, что только промышленный пролетариат способен на бесповоротную и массовую борьбу против самодержавия, что только этот пролетариат способен вынести на своих плечах такие средства борьбы, как устройство открытой демонстрации или постановка правильно выходящей и широко распространяемой *народной* политической газеты. Не для того, чтобы отозвать из города в деревню убежденных социал-демократов, не для того, чтобы приковать их к деревне, должны мы внести в свою программу крестьянские требования, — нет, а для того, чтобы дать руководство для деятельности тем силам, которые *не могут* найти себе приложения иначе как в деревне, для того, чтобы использовать для дела демократии и политической борьбы за свободу те связи с деревней, которые в силу обстоятельств имеются у немалого числа преданных социал-демократии интеллигентов и рабочих и которые по необходимости расширяются и растут вместе с ростом движения. Мы давно уже переросли ту стадию, когда мы были маленьким отрядом добровольцев, когда весь запас социал-демократических сил исчерпывался кружками молодежи, поголовно «ходивших к рабочим». Наше движение располагает теперь целой армией, армией рабочих, затронутых борьбой за социализм и за свободу, — армией интеллигентов, принимавших и принимающих участие в движении и разбросанных уже в настоящее время по всем концам России, — армией сочувствующих, с верой и надеждой взирающих на рабочее движение и готовых оказать ему тысячи услуг. И перед нами стоит великая задача: организовать все эти армии, организовать так, чтобы мы способны были не только устраивать мимолетные вспышки, не только наносить врагу случайные, разрозненные (и потому не опасные) удары, а преследовать врага неуклонной, упорной и выдержанной борьбой по всей линии.

*) Проект социал-демократической программы со включением вышеуказанных требований составлен уже нами. Мы надеемся после обсуждения и переработки этого проекта при содействии Группы «Освобождение Труда» опубликовать в одном из ближайших номеров проект программы нашей партии [48].

травить самодержавное правительство везде, где оно сеет угнетение и пожинает ненависть. А разве возможно достигнуть этой цели, не занося в многомиллионную массу крестьянства семена классовой борьбы и политического сознания? И не говорите, что такое занесение невозможно: оно не только возможно, оно уже происходит, оно идет тысячами путей, ускользающих от нашего внимания и нашего воздействия. Оно пойдет неизмеримо шире и быстрей, когда мы сумеем дать лозунг для такого воздействия и выкинем знамя освобождения русского крестьянства от всех остатков позорного крепостного права. Приходящий в города деревенский люд и теперь уже с любопытством и интересом присматривается к непонятной для него борьбе рабочих и разносит весть о ней по всяким захолустьям. Мы можем и должны добиться того, что это любопытство сторонних зрителей будет сменяться если не полным пониманием, то хотя смутным сознанием того, что рабочие борются за интересы всего народа, будет сменяться все большим и большим сочувствием к их борьбе. А тогда — день победы революционной рабочей партии над полицейским правительством будет приближаться с нежданной-негаданной для нас самих быстротою.

«Искра» № 3, апрель 1901 г.

С ЧЕГО НАЧАТЬ? [49])

Вопрос: «что делать?» за последние годы с особенной силой выдвигается перед русскими социал-демократами. Речь идет не о выборе пути (как это было в конце 80-х и начале 90-х годов), а о том, какие практические шаги и как именно должны мы сделать на известном пути. Речь идет о системе и плане практической деятельности. И надо признать, что этот основной для практической партии вопрос о характере и способах борьбы остается у нас все еще нерешенным, возбуждает все еще серьезные разногласия, обнаруживающие прискорбную неустойчивость и шатание мысли. С одной стороны, далеко еще не умерло «экономическое» направление, старающееся обкарнать и сузить работу политической организации и агитации. С другой стороны, по-прежнему гордо поднимает голову направление беспринципного эклектизма, поддельывающегося под каждое новое «веяние», не умеющего отличать запросов минуты от основных задач и постоянных нужд движения в его целом. Как известно, такое направление свило себе гнездо в «Рабочем Деле». Его последнее «программное» заявление — громкая статья под громким заглавием «Исторический поворот» (номер 6 «Листка Рабочего Дела») — особенно наглядно подтверждает сделанную характеристику. Еще вчера мы запгрывали с «экономизмом», негодовали по поводу решительного осуждения «Рабочей Мысли», «смягчали» плехановскую постановку вопроса о борьбе с самодержавием [50]), — а сегодня мы уже цитируем слова Либкнехта: «Если обстоятельства изменятся в 24 часа, то нужно и тактику изменить в 24 часа», мы уже говорим о «крепкой боевой организации» для прямой атаки, для штурма на самодержавие, о «широкой революционной политической (вот уж как энергично: и революционной и политической!) агитации в массе», о «неустанном призыве к уличному протесту», об «устройстве уличных манифестаций резко (sic!) *) политического характера» и проч. и т. п. и т. д.

Мы могли бы, пожалуй, выразить удовольствие по поводу того, что «Раб. Дело» так быстро усвоило выдвинутую нами уже

*) — так! *Ред.*

в первом номере «Искры» программу создания крепкой организованной партии, направленной на завоевание не только отдельных уступок, но и самой крепости самодержавия, но отсутствие у усвоивших всякой твердой точки зрения способно испортить все удовольствие.

Имя Либкнехта «Раб. Дело», конечно, приемлет всуе. В 24 часа можно изменить тактику агитации по какому-нибудь специальному вопросу, тактику проведения какой-нибудь детали партийной организации, а изменить не только в 24 часа, но хотя бы даже в 24 месяца свои взгляды на то, нужна ли вообще, всегда и безусловно боевая организация и политическая агитация в массе, могут только люди без всяких устоев. Смешно ссылаться на различие обстановки, на смену периодов: работать над созданием боевой организации и ведением политической агитации обязательно при какой-угодно «серой, мирной» обстановке, в период какого-угодно «упадка революционного духа» — более того: именно при такой обстановке и в такие периоды особенно необходима указанная работа, ибо в моменты взрывов и вспышек поздно уже создавать организацию; она должна быть наготове, чтобы сразу развернуть свою деятельность. «Изменить в 24 часа тактику»! Да для того, чтобы изменить тактику, надо прежде иметь тактику, а если нет крепкой организации, искушенной в политической борьбе при всякой обстановке и во всякие периоды, то не может быть и речи о том систематическом, освещенном твердыми принципами и неуклонно проводимом плане деятельности, который только и заслуживает названия тактики. Посмотрите в самом деле: нам говорят уже, что «исторический момент» выдвинул перед нашей партией «совершенно новый» вопрос — о терроре. Вчера «совершенно новый» был вопрос о политической организации и агитации, сегодня — вопрос о терроре. Не странно ли слышать, как люди, до такой степени не помнящие родства, рассуждают о коренном изменении тактики?

К счастью, «Раб. Дело» не право. Вопрос о терроре совершенно не новый вопрос, и нам достаточно вкратце напомнить установившиеся взгляды русской социал-демократии.

Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора. Это — одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях. Но суть дела именно в том, что террор выдвигается в настоящее время отнюдь не как одна из операций действующей армии, тесно связанная и сообразованная со всей системой борьбы, а как самостоятельное и независимое от всякой армии средство единичного нападения. Да при отсутствии центральной и слабости местных революционных организаций террор и не может быть ничем иным. Вот поэтому-то мы решительно объявляем такое средство борьбы при данных обстоятельствах несвоевременным, нецеле-

сообразным, отвлекающим наиболее активных бойцов от их настоящей, наиболее важной в интересах всего движения задачи, дезорганизующим не правительственные, а революционные силы. Вспомните последние события: на наших глазах широкие массы городских рабочих и городского «простонародья» рвутся к борьбе, а у революционеров не оказывается штаба руководителей и организаторов. Не грозит ли при таких условиях уход самых энергичных революционеров в террор ослаблением тех боевых отрядов, на которые только и можно возлагать серьезные надежды? Не грозит ли это разрывом связи между революционными организациями и теми разрозненными массами недовольных, протестующих и готовых к борьбе, которые слабы именно своею разрозненностью? А ведь в этой связи — единственный залог нашего успеха. Мы далеки от мысли отрицать всякое значение за отдельными героическими ударами, но наш долг — со всей энергией предостеречь от увлечения террором, от признания его главным и основным средством борьбы, к чему так сильно склоняются в настоящее время очень и очень многие. Террор никогда не может стать заурядным военным действием: в лучшем случае он пригоден лишь как один из приемов решительного штурма. Спрашивается, можем ли мы в данный момент *звать* на такой штурм? «Раб. Дело», повидимому, думает, что да. По крайней мере, оно восклицает: «Стройтесь в штурмовые колонны!» Но это опять-таки усердие не по разуму. Главная масса наших военных сил — добровольцы и повстанцы. Постоянного войска есть у нас лишь несколько небольших отрядов, да и те не мобилизованы, не связаны между собой, не приучены строиться в военные колонны вообще, а не то, что в штурмовые колонны. При таких условиях для всякого, кто способен обозреть общие условия нашей борьбы, не забывая о них при каждом «повороте» исторического хода событий,— должно быть ясно, что лозунгом нашим в данный момент не может быть «идти на штурм», а должно быть: «устроить правильную осаду неприятельской крепости». Другими словами: непосредственной задачей нашей партии не может быть призыв всех наличных сил теперь же к атаке, а должен быть призыв к выработке революционной организации, способной объединить все силы и руководить движением не только по названию, но и на самом деле, т.-е. быть всегда готовой к поддержке всякого протеста и всякой вспышки, пользуясь ими для умножения и укрепления военных сил, годных для решительного боя.

Урок февральских и мартовских событий так внушителен, что вряд ли можно встретить теперь принципиальные возражения против такого вывода. Но от нас требуется в настоящее время не принципиальное, а практическое решение вопроса. Требуется не только уяснить себе, какая именно организация, для какой именно работы необходима,— требуется выработать известный *план* организации, чтобы к постройке ее могло быть приступлено со всех

сторон. В виду неотложной важности вопроса мы решаемся, с своей стороны, предложить вниманию товарищей набросок плана, подробнее развиваемого нами в подготовляемой к печати брошюре.

По нашему мнению, исходным пунктом деятельности, первым практическим шагом к созданию желаемой организации, наконец, основною нитью, держась которой мы могли бы неуклонно развивать, углублять и расширять эту организацию,—должна быть постановка общерусской политической газеты. Нам нужна прежде всего газета, — без нее невозможно то систематическое ведение принципиально выдержанной и всесторонней пропаганды и агитации, которое составляет постоянную и главную задачу социал-демократии вообще и особенно насущную задачу настоящего момента, когда интерес к политике, к вопросам социализма пробужден в наиболее широких слоях населения. И никогда не чувствовалась с такой силой, как теперь, потребность в том, чтобы дополнить раздробленную агитацию посредством личного воздействия, местных листков, брошюр и пр., той обобщенной и регулярной агитацией, которую можно вести только при помощи периодической прессы. Вряд ли будет преувеличением сказать, что степень частоты и регулярности выхода (и распространения) газеты может служить наиболее точным мерилом того, насколько солидно поставлена у нас эта самая первоначальная и самая насущная отрасль нашей военной деятельности. Далее, нам нужна именно общерусская газета. Если мы не сумеем и пока мы не сумеем объединить наше воздействие на народ и на правительство посредством печатного слова, — будет утопией мысль об объединении других, более сложных, трудных, но зато и более решительных способов воздействия. Наше движение и в идейном и в практическом, организационном отношении всего более страдает от своей раздробленности, от того, что громадное большинство социал-демократов почти всецело поглощено чисто местной работой, суживающей и их кругозор, и размах их деятельности, и их конспиративную сноровку и подготовленность. Именно в этой раздробленности следует искать наиболее глубоких корней той неустойчивости и того шатания, о которых мы говорили выше. И *первым* шагом вперед по пути избавления от этого недостатка, по пути превращения нескольких местных движений в единое общерусское движение должна быть постановка общерусской газеты. Наконец, нам нужна непременно *политическая* газета. Без политического органа немыслимо в современной Европе движение, заслуживающее название политического. Без него абсолютно неисполнима наша задача — сконцентрировать все элементы политического недовольства и протеста, оплодотворить ими революционное движение пролетариата. Мы сделали первый шаг, мы пробудили в рабочем классе страсть «экономических», фабричных обличений. Мы должны сделать следующий шаг: пробудить во всех сколько-нибудь сознательных слоях народа страсть *политических* обличений. Не надо

смущаться тем, что политически обличительные голоса так слабы, редки и робки в настоящее время. Причина этого — отнюдь не повальное примирение с полицейским произволом. Причина — та, что у людей, способных и готовых обличать, нет трибуны, с которой бы они могли говорить,—нет аудитории, страстно слушающей и ободряющей ораторов,—что они не видят нигде в народе такой силы, к которой бы стоило труда обращаться с жалобой на «всемогущее» русское правительство. И теперь все это изменяется с громадной быстротой. Такая сила есть, это — революционный пролетариат, он доказал уже свою готовность не только слушать и поддерживать призыв к политической борьбе, но и смело бросаться на борьбу. Мы в состоянии теперь, и мы обязаны создать трибуну для всенародного обличения царского правительства; — такой трибуной должна быть социал - демократическая газета. Русский рабочий класс, в отличие от других классов и слоев русского общества, проявляет постоянный интерес к политическому знанию, предъявляет постоянно (а не только в периоды особого возбуждения) громадный спрос на нелегальную литературу. При таком массовом спросе, при начавшейся уже выработке опытных революционных руководителей, при той сконцентрированности рабочего класса, которая делает его фактическим господином в рабочих кварталах большого города, в заводском поселке, в фабричном местечке, — постановка политической газеты есть дело вполне посильное для пролетариата. А через посредство пролетариата газета проникнет в ряды городского мещанства, сельских кустарей и крестьян и станет настоящей народной политической газетой.

Роль газеты не ограничивается, однако, одним распространением идей, одним политическим воспитанием и привлечением политических союзников. Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор. В этом последнем отношении ее можно сравнить с лесами, которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и обозревать общие результаты, достигнутые организованным трудом. При помощи газеты и в связи с ней сама собой будет складываться постоянная организация, занятая не только местной, но и регулярной общей работой, приучающей своих членов внимательно следить за политическими событиями, оценивать их значение и их влияние на разные слои населения, вырабатывать целесообразные способы воздействия на эти события со стороны революционной партии. Одна уже техническая задача — обеспечить правильное снабжение газеты материалами и правильное распространение ее — заставляет создать сеть местных агентов единой партии, агентов, находящихся в живых сношениях друг с другом, знающих общее положение дел, привыкающих регулярно исполнять дробные функции общерусской работы, пробую-

щих свои силы на организации тех или иных революционных действий. Эта сеть агентов *) будет остовом именно такой организации, которая нам нужна: достаточно крупной, чтобы охватить всю страну; достаточно широкой и разносторонней, чтобы провести строгое и детальное разделение труда; достаточно выдержанной, чтобы уметь при всяких обстоятельствах, при всяких «поворотах» и неожиданностях вести неуклонно *свою* работу; достаточно гибкой, чтобы уметь, с одной стороны, уклониться от сражения в открытом поле с подавляющим своею силою неприятелем, когда он собрал на одном пункте все силы, а с другой стороны, чтобы уметь пользоваться неповоротливостью этого неприятеля и нападать на него там и тогда, где всего менее ожидают нападения. Сегодня перед нами встала сравнительно легкая задача поддержать студентов, демонстрирующих на улицах больших городов. Завтра встанет, может быть, более трудная задача,—напр., поддержать движение безработных в известном районе. Послезавтра мы должны оказаться на своем посту, чтобы принять революционное участие в крестьянском бунте. Сегодня мы должны воспользоваться тем обострением политического положения, которое создало правительство походом на земство. Завтра мы должны поддержать возмущение населения против того или другого зарвавшегося царского башибузука и помочь— посредством бойкота, травли, манифестации и т. п.— проучить его так, чтобы он принужден был к открытому отступлению. Такую степень боевой готовности можно выработать только на постоянной деятельности, занимающей регулярное войско. И если мы соединим свои силы на ведении общей газеты, то такая работа подготовит и выдвинет не только наиболее умелых пропагандистов, но и наиболее искусных организаторов, наиболее талантливых политических вождей партии, способных в нужную минуту дать лозунг к решительному бою и руководить им.

В заключение — пару слов во избежание возможного недоразумения. Мы говорили все время только о систематической, планомерной подготовке, но мы отнюдь не хотели этим сказать, что самодержавие может пасть исключительно от правильной осады или организованного штурма. Такой взгляд был бы нелепым доктринерством. Напротив, вполне возможно и исторически гораздо более вероятно, что самодержавие падет под давлением одного из тех стихийных взрывов или непредвиденных политических осложнений, которые постоянно грозят со всех сторон. Но ни одна политическая партия, не впадая в авантюризм, не может строить своей дея-

*) Понятно само собой, что такие агенты могли бы работать успешно только при условии полной близости их к местным комитетам (группам, кружкам) нашей партии. Да и вообще весь намечаемый нами план осуществим, конечно, лишь при самой активной поддержке комитетов, которые не раз делали шаги к объединению партии и которые—мы уверены—добьются этого объединения не сегодня, так завтра, не в той, так в другой форме.

тельности в расчете на такие взрывы и осложнения. Мы должны идти своим путем, неуклонно делать свою систематическую работу, и чем меньше будем мы рассчитывать на неожиданности, тем больше вероятия, что нас не застанут врасплох никакие «исторические повороты».

«Искра» № 4, май 1901 г.

НОВОЕ ПОБОИЩЕ.

Повидимому, мы переживаем момент, когда наше рабочее движение опять с неудержимой силой приводит к тем обостренным столкновениям, которые так пугают правительство и имущие классы, так ободряют и радуют социалистов. Да, нас ободряют и радуют эти столкновения, несмотря на громадное число жертв военной расправы, потому что своим сопротивлением рабочий класс доказывает, что он не мирится со своим положением, не хочет оставаться рабом, не подчиняется молча насилию и произволу. Современный порядок всегда и неизбежно, даже при самом мирном течении дел, возлагает на рабочий класс бесчисленные жертвы. Тысячи и десятки тысяч людей, трудящихся всю жизнь над созданием чужого богатства, гибнут от голодовок и от постоянного недоедания, умирают преждевременно от болезней, порождаемых отвратительными условиями труда, нищенской обстановкой жилищ, недостатком отдыха. И сто крат заслуживает название героя тот, кто предпочитает лучше умереть в прямой борьбе с защитниками и оберегателями этого гнусного порядка, чем умирать медленной смертью забитой, надорванной и покорной клячи. Мы вовсе не хотим сказать, что рукопашная с полицией есть лучшая форма борьбы. Напротив, мы всегда указывали рабочим, что в их же интересах сделать борьбу более спокойной и выдержанной, постараться направить всякое недовольство на поддержку организованной борьбы революционной партии. Но главным источником, питающим революционную социал-демократию, является именно тот дух протеста в рабочих массах, который при окружающем рабочих гнете и насилии не может не прорываться от времени до времени в отчаянных вспышках. Эти вспышки пробуждают к сознательной жизни самые широкие слои задавленных нуждою и темнотою рабочих, распространяют в них дух благородной ненависти к угнетателям и врагам свободы. И вот почему известие о таком побоище, какое было, напр., 7-го мая на Обуховском заводе, заставляет нас воскликнуть: «Рабочее восстание подавлено, да здравствует рабочее восстание!»

Было время, и сравнительно очень недавнее, когда рабочие восстания являлись редким исключением, вызывались только какими-нибудь особыми условиями. Теперь не то. Несколько лет тому назад мы переживали период процветания промышленности, когда торговые дела шли бойко, спрос на рабочих был большой. И тем не менее рабочие устраивали ряд стачек, добиваясь лучших условий труда: рабочие поняли, что они должны не упускать момента, должны пользоваться именно тем временем, когда прибыли фабрикантов особенно высоки и их легче принудить к уступкам. Но вот процветание сменилось кризисом: товары не идут с рук у фабрикантов, прибыли их уменьшаются, увеличивается число банкротств, фабрики сокращают производство, распускают рабочих, которые массами оказываются на улице без куска хлеба. Рабочим приходится отчаянно бороться уже не за улучшение своего положения, а за сохранение старого, за уменьшение тех потерь, которые взваливает на них фабрикант. Таким образом, рабочее движение углубляется и расширяется: сначала борьба в исключительных отдельных случаях, потом упорная и непрерывная борьба во время оживления промышленных дел и бойкого хода торговли, наконец — такая же непрерывная и упорная борьба во время кризиса. Теперь мы можем уже сказать, что рабочее движение стало постоянным явлением нашей жизни, что оно будет расти при всяких условиях.

Но смена промышленного оживления кризисом научит рабочих не только тому, что объединенная борьба стала для них постоянной необходимостью. Эта смена разрушит также те вредные иллюзии, которые начали уже образовываться в период процветания промышленности. Кое-где рабочим сравнительно легко удавалось вынуждать у хозяев уступки посредством стачек, и значение этой «экономической» борьбы стали преувеличивать, стали забывать о том, что профессиональным (цеховым) союзам рабочих и стачкам удается в лучшем случае только отстоять несколько более выгодные условия продажи товара: рабочей силы. Цеховые союзы и стачки бессильны помочь, когда этот «товар» в силу кризиса не находит спроса, бессильны изменить те условия, которые превращают рабочую силу в товар, осуждают массы трудящихся на самую тяжелую нужду и безработицу. Чтобы изменить эти условия, необходима революционная борьба со всем современным общественным и политическим строем, и промышленный кризис заставит многих и многих рабочих убедиться в справедливости этой истины.

Вернемся к побоищу 7-го мая. Мы приводим ниже имеющиеся у нас сведения о майских стачках и волнениях рабочих Петербурга [51]). Здесь же разберем полицейское сообщение о побоище 7-го мая [52]). В последнее время мы уже немного приучены к правительственным (полицейским тож) сообщениям о стачках, демонстрациях, столкновениях с войсками; мы имеем уже теперь

изрядный материал для суждения о степени достоверности таких сообщений, мы можем иногда по дыму полицейской лжи догадываться об огне народного возмущения.

«7-го сего мая — гласит официальное сообщение — после обеденного перерыва, на Обуховском сталелитейном заводе в селе Александровском, по Шлиссельбургскому тракту, около 200 рабочих разных отделений завода прекратили работу и, при объяснении с помощником начальника завода подполковником Ивановым, предъявили разные неосновательные требования».

Если рабочие прекратили работу без предупреждения за две недели — допустив, что прекращение работ не было вызвано беззакониями со стороны хозяев, как это случается очень не редко,— то это даже по русскому законодательству (которое в последнее время систематически дополнялось и усиливалось против рабочих) составляет простой полицейский проступок, подсудный мировому. Но русское правительство все больше попадает в смешное положение со своими строгостями: с одной стороны, издаются законы, устанавливающие новые преступления (напр., самовольный отказ от работы или участие в скопище, повреждающем чужое имущество или насильственно противодействующем вооруженной силе), повышаются наказания за стачки и пр.,—с другой стороны, теряется и физическая, и политическая возможность применять эти законы и налагать законосообразные наказания. Нет физической возможности тянуть к ответу за отказ от работы, за стачку, за «скопище» тысячи и десятки тысяч людей. Нет политической возможности устраивать в каждом таком случае судебное разбирательство, ибо как ни подстраивай состав суда, как ни кастрируй гласность, все же хоть тень суда останется и, конечно,— «суда» не над рабочими, а над правительством. И вот уголовные законы, изданные с прямой целью облегчить *политическую* борьбу правительства с пролетариатом (и в то же время *прикрыть* ее политический характер посредством «государственных» соображений об «общественном порядке» и т. п.), неумолимо оттесняются на задний план *прямой* политической борьбой, открытой уличной схваткой. «Правосудие» сбрасывает с себя маску беспристрастия и возвышенности и обращается в бегство, предоставляя поле действия полиции, жандармам и казакам, которых угощают камнями.

Вспомните, в самом деле, эту ссылку правительства на «требования» рабочих. С точки зрения закона, прекращение работы есть проступок независимо от того, какие были требования рабочих. Но правительство именно потеряло уже возможность становиться на почву того самого закона, который оно так недавно издало, и расправу «своими средствиями» оно старается оправдать, заявляя, что требования рабочих были неосновательны. А кто был судьей в этом вопросе? Подполковник Иванов, помощник начальника завода, т.-е. то самое начальство, на которое рабочие и жаловались! Неудиви-

тельно, что на такие объяснения власть имущих рабочие отвечают камнями!

И вот, когда рабочие вышли все на улицу, остановив движение конки, началась уже настоящая баталия. Рабочие бились, видимо, изо всех сил, ибо им удалось *дважды* отбить нападение полиции, жандармов, конной стражи и вооруженной команды завода *)—и это, несмотря на то, что единственным оружием рабочих были камни. Правда, «несколько выстрелов» раздалось и из толпы,—если верить полицейскому сообщению,—но ранен этими выстрелами никто не был. Зато камни летели *«градом»*, при чем рабочие проявляли не только упорство сопротивления, но и находчивость, уменье сразу приспособиться к условиям и выбрать лучшую форму борьбы. Они заняли соседние дворы и осыпали царских башибузуков камнями *из-за заборов*, так что даже *после* трех залпов, которыми был убит один (будто бы только один?) рабочий и ранено восемь (?) (один умер на другой день), даже после этого, несмотря на бегство толпы, сражение еще продолжалось, и вытребованные роты омского пехотного полка должны были «очищать от рабочих» соседние дворы.

Правительство победило. Но каждая такая победа будет неуклонно приближать его окончательное поражение. Каждая битва с народом будет увеличивать число возмущенных и готовых к бою рабочих, будет выдвигать более опытных, лучше вооруженных, смелее действующих вожаков. По какому плану должны стараться действовать вожаки, об этом нам уже приходилось высказываться. На безусловную необходимость крепкой революционной организации мы уже не раз указывали. Но по поводу таких событий, как 7-ое мая, надо также не упускать из виду следующее.

В последнее время много говорили о том, что уличная борьба против современного войска невозможна и безнадежна; особенно настаивали на этом те «критические» умники, которые выдавали старый хлам буржуазной учености за новые выводы беспристрастной науки, извращая при этом слова Энгельса, говорившего, и притом с оговорками, только о временной тактике немецких социал-демократов [53]). Мы видим даже на примере отдельной схватки, что все эти толки совершенно вздорны. Уличная борьба возможна, безнадежно не положение бордов, а положение правительства, если ему придется иметь дело с населением не одного только завода. Рабочие при схватке 7-го мая не имели ничего, кроме камней,—и уж, ко-

*) Кстати. Правительственное сообщение заявляет, что «вооруженная команда завода» «находилась уже на готове во дворе завода», тогда как жандармы, конная стража и городовые были вызваны лишь впоследствии. С какого же времени и почему держали *на готове* во дворе завода *вооруженную* команду? Не с первого ли мая? Не ожидали ли рабочей демонстрации? Этого мы не знаем, но несомненно, что правительство умышленно скрывает имеющиеся у него фактические данные о том, чем вызывалось и как росло недовольство и возбуждение рабочих.

нечно, не запрещение же градоначальника помешает им в следующий раз запастись другим оружием. Рабочие были неподготовлены и их было только $3^1/_2$ тысячи, и тем не менее они отбивали несколько сотен конной стражи, жандармерии, городовых и пехоты. Вспомните, легко ли удался полиции штурм *одного* дома номер 63 по Шлиссельбургскому тракту! Подумайте, легко ли будет «*очистить от рабочих*» не два-три двора и дома, а целые рабочие кварталы Петербурга! Не придется ли также, когда дело дойдет до решительной борьбы, «*очищать*» столичные дома и дворы не только от рабочих, но и от всех тех, кто не забыл гнусной бойни 4-го марта, кто не примирился с полицейским правительством, а только запуган им и не верит еще в свои силы.

Товарищи! Постарайтесь собрать имена всех убитых и раненых 7-го мая. Пусть все рабочие столицы чтят память их и готовятся к новой решительной борьбе с полицейским правительством за народную свободу!

«Искра» № 5, июнь 1901 г.

ГОНИТЕЛИ ЗЕМСТВА И АННИБАЛЫ ЛИБЕРАЛИЗМА [54])

Написано в конце июня—начале июля 1901 г.

Впервые напечатано в декабре 1901 г. в журнале «Заря», № 2—3. Подпись: Т. П.

Печатается по тексту «Зари», сверенному с текстом, напечатанным в сборнике: Вл. Ильин—«За 12 лет», 1908 г.

Гонители земства и Аннибалы либерализма.

Если про русскаго крестьянина было сказано, что онъ всего болѣе бѣденъ сознаніемъ своей бѣдности, то про русскаго обывателя или подданнаго можно сказать, что онъ, будучи бѣденъ гражданскими правами, особенно бѣденъ сознаніемъ своего безправія. Какъ мужикъ привыкъ къ своей безысходной нищетѣ, привыкъ жить, не задумываясь надъ ея причинами и возможностью ея устраненія, такъ русскій обыватель вообще привыкъ къ всевластью правительства, привыкъ жить, не задумываясь надъ тѣмъ, можетъ ли дальше держаться это всевластье и нѣтъ ли рядомъ съ нимъ такихъ явленій, которыя подтачиваютъ застарѣлый политическій строй. Особенно хорошимъ „противоядіемъ" противъ этой политической безсознательности и спячки являются обыкновенно „секретные документы",*) показывающіе, что не только какіе-нибудь отчаянные головорѣзы или завзятые враги правительства, но и сами члены правительства, до министровъ и царя включительно, сознаютъ шаткость самодержавной формы правленія и изыскиваютъ всяческіе способы улучшить свое положеніе, совершенно ихъ не удовлетворяющее. Къ такимъ документамъ принадлежитъ записка Витте, который, повздоривъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Горемыкинымъ, изъ за вопроса о введеніи земскихъ учрежденій на окраинахъ, рѣшилъ особенно выставить свою проницательность и преданность самодержавію составленіемъ обвинительнаго акта противъ земства.**)

Обвиняется земство въ томъ, что оно несовмѣстимо съ самодержавіемъ, что оно конституціонно по самому своему характеру, что существованіе его неизбѣжно порождаетъ трепія и столкновенія между представителями общества и

*) Я говорю, разумѣется, только о томъ — далеко не единственномъ и далеко не особенно „сильно дѣйствующемъ" — родѣ „противоядій", который состоитъ изъ произведеній печати.

**) *Самодержавіе и земство.* Конфиденціальная записка министра финансовъ С. Ю. Витте, съ предисловіемъ и примѣчаніями Р. Н. С. Печатано „Зарей". Stuttgart, Verlag von J. H. W. Dietz Nachf. 1901. Стр. XLIV и 212.

Первая страница статьи В. И. Ленина: «Гонители земства и Аннибалы либерализма», напечатанной в журнале «Заря», № 2—3—1901 г.

Если про русского крестьянина было сказано, что он всего более беден сознанием своей бедности, то про русского обывателя или подданного можно сказать, что он, будучи беден гражданскими правами, особенно беден сознанием своего бесправия. Как мужик привык к своей безысходной нищете, привык жить, не задумываясь над ее причинами и возможностью ее устранения, так русский обыватель вообще привык к всевластью правительства, привык жить, не задумываясь над тем, может ли дальше держаться это всевластье и нет ли рядом с ним таких явлений, которые подтачивают застарелый политический строй. Особенно хорошим «противоядием» против этой политической бессознательности и спячки являются обыкновенно «секретные документы» *), показывающие, что не только какие-нибудь отчаянные головорезы или завзятые враги правительства, но и сами члены правительства, до министров и царя включительно, сознают шаткость самодержавной формы правления и изыскивают всяческие способы улучшить свое положение, совершенно их не удовлетворяющее. К таким документам принадлежит записка Витте, который, повздорив с министром внутренних дел, Горемыкиным, из-за вопроса о введении земских учреждений на окраинах, решил особенно выставить свою проницательность и преданность самодержавию составлением обвинительного акта против земства **).

Обвиняется земство в том, что оно несовместимо с самодержавием, что оно конституционно по самому своему характеру, что существование его неизбежно порождает трения и столкновения между представителями общества и правительства. Обвинительный акт составлен на основании очень (сравнительно) обширного и очень недурно обработанного материала, а так как это обвинительный акт по политическому делу (и притом довольно своеобразному), то

*) Я говорю, разумеется, только о том — далеко не единственном и далеко не особенно «сильно действующем» — роде «противоядий», который состоит из произведений печати.

**) *Самодержавие и земство.* Конфиденциальная записка министра финансов С. Ю. Витте, с предисловием и примечаниями Р. Н. С. Печатано «Зарей». Stuttgart, Verlag von J. H. W. Dietz Nachf. (Штутгарт, издание наследников И. Г. В. Дитца. *Ред.*) 1901. Стр. XLIV и 212.

можно быть уверенным, что его будут читать с неменьшим интересом и с неменьшей пользой, чем печатавшиеся некогда в наших газетах обвинительные акты по политическим процессам.

I.

Попробуем же рассмотреть, оправдывается ли фактами утверждение, что наше земство конституционно, и если да, то в какой мере и в каком именно смысле.

В этом вопросе особенно важное значение имеет эпоха введения земства. Падение крепостного права было таким крупным историческим переломом, который не мог не надорвать и полицейской завесы, прикрывающей противоречия между классами. Самый сплоченный, самый образованный и наиболее привыкший к политической власти класс,—дворянство,—обнаружил с полной определенностью стремление ограничить самодержавную власть посредством представительных учреждений. Напоминание об этом факте в записке Витте чрезвычайно поучительно. «Заявления о необходимости общего дворянского «представительства», о «праве земли русской иметь своих выборных для совета верховной власти» делались уже в дворянских собраниях 1859—1860 годов». «Произносилось даже слово «конституция» *). «На необходимость призыва общества к участию в управлении указывали и некоторые губернские комитеты по крестьянскому делу, и члены комитетов, вызванные в редакционные комиссии. «Депутаты явно стремятся к конституции», писал в 1859 г. в дневнике своем Никитенко».

«Когда, после обнародования Положения 19-го февраля 1861 г., эти надежды на самодержавие оказались далеко не осуществленными, и вдобавок от исполнения этого Положения были удалены более «красные» элементы из самой администрации (как Н. Милютин), то движение в пользу «Представительства» стало единодушнее. Оно выразилось в предложениях, внесенных во многие дворянские собрания 1862 г. и в целых адресах этих собраний в Новгороде, Туле, Смоленске, Москве, Петербурге, Твери. Из адресов более замечательный московский, который просил местного самоуправления, гласного судопроизводства, обязательного выкупа крестьянских земель, публичности бюджета, свободы печати и созвания в Москве земской думы из всех классов для приготовления цельного проекта реформ. Резче всех были постановления и адрес тверского дворянства от 2-го февраля о необходимости ряда гражданских и экономических реформ (например, уравнения прав сословий, обязательного выкупа крестьянских земель) и созвания выборных всей земли русской, как единственного средства к удовлетворительному разрешению вопросов, возбужденных, но не разрешенных Положением 19-го февраля» **).

---

*) Драгоманов. «Земский либерализм в России», стр. 4. Автор записки г-на Витте частенько не указывает, что он списывает Драгоманова (ср., напр., «Записку», стр. 36—37, и назв. статью, стр. 55—56), хотя в других местах он на него ссылается.

**) Драгоманов, 5. Сокращенный пересказ в «Записке», стр. 64, с ссылкой не на Драгоманова, а на цитируемые Драгомановым «Колокол» [55] № 126 и «Revue de deux Mondes» [56], 1862, 15-го июня.

«Несмотря на административные и судебные наказания, которым подверглись инициаторы тверского адреса *) — продолжает Драгоманов, — (впрочем, не прямо за адрес, а за резкую мотивировку коллективного выхода из должности мировых посредников) заявления в духе его делались в разных дворянских собраниях 1862 и начала 1863 г., в которых в то же время вырабатывались и проекты местного самоуправления».

«В это время конституционное движение шло и среди «разночинцев» и выразилось здесь тайными обществами и прокламациями, более или менее революционными: «Великорусс» [57]) (с августа по ноябрь 1861 г.; в издании принимали участие офицеры, как Обручев и др.), «Земская Дума» [58]) (1862 г.), «Земля и Воля» (1862—63 г.г.) [59])... Пущен был при «Великоруссе» и проект адреса, который должен быть представлен государю, как говорилось многими, к празднованию 1000-летия России в августе 1862 г.». В этом проекте адреса, между прочим, говорилось: «Благоволите, государь, созвать в одной из столиц нашей русской родины, в Москве или Петербурге, представителей русской нации, чтобы они составили конституцию для России...» **).

Если мы припомним еще прокламацию «Молодой России» [60]), многочисленные аресты и драконовские наказания «политических» преступников (Обручева, Михайлова и др.), увенчавшиеся беззаконным и подтасованным осуждением на каторгу Чернышевского, то для нас ясна будет та общественная обстановка, которая породила земскую реформу. Говоря, что «мысль при создании земских учреждений была несомненно политическая», что с либеральным и конституционалистическим настроением общества в правящих сферах «несомненно считались», «Записка» Витте говорит лишь *половину* правды. Тот казенный, чиновнический взгляд на общественные явления, который обнаруживает везде автор «Записки», сказывается и здесь, сказывается в игнорировании *революционного* движения, в затушевывании тех драконовских мер репрессии, которыми правительство *защищалось* от натиска революционной «партии». Правда, на наш современный взгляд кажется страшным говорить о революционной «партии» и ее натиске в начале 60-х годов. Сорокалетний исторический опыт сильно повысил нашу требовательность насчет того, что

*) Кстати. Недавно (19-го апреля н. г., — т.-е. 1901 г.) скончался в своем родном имении Тверской губернии один из этих инициаторов, Николай Александрович Бакунин, младший брат знаменитого М. А. Бакунина. Н. А. вместе с своим младшим братом Алексеем и другими посредниками подписал адрес 1862 г. Этот адрес — сообщает автор заметки о Н. А. Бакунине в одной из наших газет — навлек кару на подписавшихся. После годового ареста в Петропавловской крепости заключенные были освобождены, причем Н. А. и брат его Алексей остались непрощенными (они не подписали просьбы о помиловании), вследствие чего им более не разрешили занимать общественных должностей. После этого Н. А. никогда более не выступал, да и не мог более выступать на общественном поприще... Вот как расправлялось во время самых «великих реформ» наше правительство с легально действовавшими дворянами-помещиками! И это было в 1862 г., до польского восстания, когда даже Катков предлагал созвание всероссийского земского собора.

**) Ср. «За сто лет» В. Бурцева, стр. 39.

можно назвать революционным движением и революционным натиском. Но не надо забывать, что в то время, после тридцатилетия шклаевского режима, никто не мог еще предвидеть дальнейшего хода событий, никто не мог определить действительной силы сопротивления у правительства, действительной силы народного возмущения. Оживление демократического движения в Европе, польское брожение, недовольство в Финляндии, требование политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России «Колокола», могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих *революционеров*, появление прокламаций, возбуждение крестьян, которых «очень часто» *) приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови *заставлять* принять «Положение», обдирающее их как липку, коллективные отказы дворян-мировых посредников применять *такое* «Положение», студенческие беспорядки — при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной. При таких условиях самодержавное правительство, которое свое высшее назначение видело в том, чтобы, с одной стороны, отстоять во что бы то ни стало всевластие и безответственность придворной камарильи и армии чиновных пиявок, а с другой стороны, в том, чтобы поддерживать худших представителей эксплуататорских классов,— подобное правительство *не могло поступать иначе* как беспощадно истребляя отдельных лиц, сознательных и непреклонных врагов тирании и эксплуатации (т.-е. «коноводов» «революционной партии»), запугивать и подкупать небольшими уступками массу недовольных. Каторга — тому, кто предпочитал молчать, чем извергать тупоумные или лицемерные хвалы «великому освобождению»; реформы *(безвредные для самодержавия и для эксплуататорских классов*

*) Л. Пантелеев. «Из воспоминаний 60-х годов», стр. 315 сборника «На славном посту» [61]). В этой статейке сгруппированы некоторые очень интересные факты о революционном возбуждении 61—62 г. и полицейской реакции... «К началу 1862 г. общественная атмосфера была до крайности напряжена; малейшее обстоятельство могло резко толкнуть ход жизни в ту или другую сторону. Эту роль и сыграли майские пожары 1862 г. в Петербурге». Начались они 16-го мая, особенно выделились 22 и 23-го мая — в этот последний день было пять пожаров, 28-го мая запылал Апраксин двор и выгорело громадное пространство вокруг него. В народе стали обвинять в поджогах студентов, и эти слухи повторялись газетами. Прокламацию «Молодой России», которая объявляла кровавую борьбу всему современному строю и оправдывала всякие средства, рассматривали как подтверждение слухов об умышленных поджогах. «Вслед за 28-ым мая в Петербурге было объявлено нечто вроде военного положения». Учрежденному особому комитету было поручено принятие *чрезвычайных* мер к охране столицы. Город был разделен на три участка, с военными губернаторами во главе. По делам о поджоге введен военно-полевой суд. Приостановлены на 8 месяцев «Современник» [62]) и «Русское

реформы) тем, кто захлебывался либерализмом правительства и восторгался эрой прогресса.

Мы не хотим сказать, что эта рассчитанная полицейско-реакционная тактика была отчетливо сознаваема и систематически преследуема всеми или хотя бы даже несколькими членами правящей клики. Отдельные члены ее могли, конечно, по своей ограниченности не задумываться над этой тактикой в ее целом и наивно восторгаться «либерализмом», не замечая его полицейского футляра. Но в общем и целом несомненно, что коллективный опыт и коллективный разум правящих заставлял их неуклонно преследовать эту тактику. Недаром же большинство вельмож и сановников прошло длинный курс николаевской службы и полицейской выучки, прошло, можно сказать, огонь и воду и медные трубы. Они помнили, как монархи то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых и «спускали» на верноподданных Аракчеевых; они помнили 14-ое декабря 1825 г. и проделывали ту функцию европейской жандармерии, которую (функцию) исполнило русское правительство в 1848—49 годах. Исторический опыт самодержавия не только заставлял правительство следовать тактике запугивания и развращения, но и многих независимых либералов побуждал рекомендовать правительству эту тактику. Вот в доказательство правильности этого последнего мнения рассуждения Кошелева и Кавелина. В своей брошюре: «Конституция, самодержавие и земская дума» (Лейпциг, 1862 г.) А. Кошелев высказывается *против* конституции за совещательную Земскую Думу и предвидит такое возражение:

«Созывать Земскую Думу — значит вести Россию к революции, т.-е. к повторению у нас Etats généraux *), превратившихся в Конвент и заключивших свои действия событиями 1792-го года, с проскрипциями, гильотиной, noyades [66]) и пр.». «Нет! господа, — отвечает Кошелев, — не созвание Земской Думы открывает, подготовляет поприще для революции, как вы ее понимаете; а скорее и вернее ее производят действия, со сто-

---

Слово» [63]), прекращен «День» [64]) Аксакова, объявлены суровые временные правила о печати (утвержденные еще 12-го мая, *т.-е. до пожаров.* След., «*ход жизни*» резко направлялся в сторону реакции и независимо от пожаров, вопреки мнению г. Пантелеева), правила о надзоре за типографиями, последовали многочисленные аресты политического характера (Чернышевского, Н. Серно-Соловьевича, Рымаренко и др.), закрыты воскресные школы и народные читальни, затруднено разрешение публичных лекций в С.-Петербурге, закрыто 2-ое отделение при Литературном Фонде, закрыт даже Шахматный клуб.

Следственная комиссия не открыла никакой связи пожаров с политикой. Член комиссии, Столбовский, рассказывал г. Пантелееву, «как удалось ему в комиссии вывести на свежую воду главных лжесвидетелей, которые, кажется, были простым орудием полицейских агентов» (325—6). Итак, есть очень веское основание думать, что *слухи о студентах-поджигателях распускала полиция.* Гнуснейшее эксплуатирование народной темноты для клеветы на революционеров и протестантов было, значит, в ходу и в самый разгар «эпохи великих реформ».

*) — Генеральные Штаты [65]). *Ред.*

роны правительства, пересилительные и противоречащие, шаг вперед и шаг назад, повеления и законы неудобоисполнимые, оковы, налагаемые на мысль и слово; полицейское (явное и тем еще хуже тайное) наблюдение за действиями сословий и частных людей, мелочные преследования некоторых личностей, расхищения казны, чрезмерные и неразумные ее расходы и награды, неспособность государственных людей и их отчужденность от России и пр. и пр. Еще вернее могут довести до революции (опять в вашем смысле) в стране, только очнувшейся от многолетнего гнета, военные экзекуции, казематы и ссылки: ибо раны наболевшие несравненно чувствительнее и раздражительнее, чем раны новые. Но не опасайтесь: революции, произведенной во Франции, как вы полагаете, журналистами и другими писателями, — у нас не будет. Надеемся также, что в России не составится (хотя за это отвечать труднее) общество горячих, отчаянных голов, которые изберут убийство средством к достижению своих целей. Но гораздо вероятнее и опаснее то, что возникнет, незаметно для земской, городской и тайной полиции, под влиянием раскола, согласие между крестьянами и мещанами, к которым присоединятся молодые и немолодые люди, сочинители и приверженцы «Великорусса», «Молодой России» и пр. Такое согласие, все уничтожающее и проповедующее равенство не перед законом, а вопреки ему (какой бесподобный либерализм! Мы, разумеется, за равенство, но за равенство *не вопреки* закону, — закону, разрушающему равенство!), не народную, историческую общину, а болезненное ее нечадие, и власть не разума, которую так боятся некоторые государственные дельцы, а власть грубой силы, к которой они сами так охотно прибегают, — такое согласие, говорю, у нас гораздо возможнее, и оно может быть гораздо сильнее, чем умеренная, благомыслящая и самостоятельная оппозиция правительству, которая так противна нашим бюрократам и которую они всячески теснят и стараются удушить. Не думайте, что партия внутренней, тайной, безыменной печати малочисленна и слаба, и не воображайте, что вы захватили ее ветви и корни; нет! воспрещением молодежи доучиться, возведением шалостей в чин государственных преступлений, всякими мелочными преследованиями и наблюдениями вы удесятерили силу этой партии, рассеяли и размножили ее по империи. При взрыве такого согласия к чему прибегнут наши государственные люди? — К военной силе? Но можно ли будет на нее наверное рассчитывать?» (стр. 49—51).

Разве из пышных фраз этой тирады не вытекает с очевидностью тактика: истребить «отчаянные головы» и приверженцев «согласия между крестьянами и мещанами», а «благомыслящую умеренную оппозицию» удовлетворить и разъединить уступками? Только правительство оказалось умнее и ловчее, чем воображали гг. Кошелевы, и отделалось меньшими уступками, чем «совещательная» Земская Дума.

А вот частное письмо К. Д. Кавелина к Герцену от 6-го августа 1862 года: «...Вести из России, на мой взгляд, не так плохи. Арестован не Николай, а Александр Соловьевич. Аресты меня не удивляют и, признаюсь, не кажутся мне возмутительными. Революционная партия считает пригодными все средства, чтобы ниспровергнуть правительство, а правительство защищается всеми средствами. Другое дело были аресты и ссылки при подлом Николае. Люди гибли за свои мысли, убеждения, веру и слова. Я хотел бы, чтобы ты был на месте правительства, и посмотрел бы я тогда, как стал бы ты поступать против партий, которые и тайно

и открыто работают против тебя. Я люблю Чернышевского, очень, очень люблю, но такого brouillon» (задиру, сварливого, неуживчивого человека, сеющего раздоры), «такого бестактного, самоуверенного человека я еще никогда не видал. Погибать из-за ничего, ровнотаки из-за ничего! Что пожары находятся в связи с прокламациями, это не подлежит теперь никакому сомнению» *). Вот образчик профессорски-лакейского глубокомыслия! Виноваты во всем эти революционеры, которые так самоуверенны, что освистывают фразерствующих либералов, так задорны, что тайно и явно работают против правительства, так бестактны, что попадают в Петропавловку. С подобными людьми и он, либеральный профессор, расправлялся бы «всеми средствами», если бы был у власти.

II.

Итак, земская реформа была одной из тех уступок, которые отбила у самодержавного правительства волна общественного возбуждения и революционного натиска. Мы остановились особенно подробно на характеристике этого натиска, чтобы дополнить и исправить изложение «Записки», бюрократический автор которой затушевал борьбу, породившую эту уступку. Но половинчатый, трусливый характер этой уступки довольно ясно обрисован и «Запиской»:

«В начале, когда только что приступлено было к земской реформе, несомненно, имелось в виду сделать первый шаг по пути к введению представительных учреждений **); но потом, когда графа Ланского и Н. А. Милютина сменил граф Валуев, проявилось весьма ясно желание, которое не отрицал и сам бывший министр внутренних дел [68]), действовать в духе «примирительном», «мягко и уклончиво». «Правительство само не выяснило себе своих видов», говорил он в это время. Словом, была сделана попытка, которая, к сожалению, весьма часто повторяется государственными людьми и всегда дает отрицательные для всех результаты, — попытка действовать уклончиво между двумя противоположными мнениями и, удовлетворяя либеральным стремлениям, сохранить существующий порядок»...

Презабавно здесь это фарисейское «к сожалению»! Министр полицейского правительства выставляет здесь случайностью тактику, которой это правительство *не может не следовать*, которую оно проводило при издании законов о фабричной инспекции,

*) Цитируем по немецкому переводу Драгомановского издания переписки К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева с А. И. Герценом [67]): Bibliothek russischer Denkwürdigkeiten, herausgegeben von Th. Schiemann, Bd. 4, S. 65—66. Stuttgart 1894 (Библиотека русских литературных памятников, издаваемая Т. Шиманом, т. 4, стр. 65—66. Штутгарт 1894. *Ред.*).

**) «Несомненно», что автор «Записки», говорящий со слов Леруа-Больё, впадает в обычное бюрократическое преувеличение. «Несомненно», что ни Ланской, ни Милютин ничего действительно определенного в виду не имели, и принимать за «первый шаг» уклончивые фразы Милютина («в принципе сторонник конституции, но считает введение ее преждевременным») смешно.

закона о сокращении рабочего дня (2-го июня 1897 г.),— которую оно проводит и теперь (1901 г.) посредством запугивания генерала Ванновского с «обществом».

«С одной стороны, в объяснительной записке к положению о земских учреждениях говорилось, что задача проектируемого закона — по возможности полное и последовательное развитие начал местного самоуправления, что «земское управление есть только особый орган одной и той же государственной власти»... Тогдашний орган министерства внутренних дел, «Северная Почта» [69], в своих статьях делал весьма ясные намеки, что создаваемые учреждения явятся школой учреждений представительных.

«С другой стороны... земские учреждения называются в объяснительной записке частными и общественными, подчиняющимися общим законам на том же основании, как отдельные общества и частные лица...

«Как самые постановления Положения 1864 г., так в особенности все последующие мероприятия министерства внутренних дел по отношению к земским учреждениям довольно ясно свидетельствуют, что «самостоятельности» земских учреждений весьма опасались, и боялись давать надлежащее развитие этим учреждениям, *вполне понимая, к чему она поведет*». (Курсив везде наш.)... «Несомненно, что те, кому пришлось завершить земскую реформу, проводили эту реформу *лишь в уступку общественному мнению*, чтобы, как значилось в объяснительной записке, «положить предел возбужденным по поводу образования земских учреждений *несбыточным ожиданиям и свободным стремлениям разных сословий*»; в то же время лица эти ясно понимали ее (? реформу?) *и стремились не давать земству надлежащего развития*, придать ему частный характер, ограничить его в компетенции и проч. Успокаивая либералов обещаниями, что первый шаг не будет последним, говоря или, вернее, повторяя сторонникам либерального направления о необходимости сообщить земским учреждениям действительную и самостоятельную власть, граф Валуев *уже при самой выработке Положения 1864 г. всячески старался ограничить эту власть и поставить земские учреждения под строгую административную опеку*...

«Не проникнутые одной руководящей мыслью, будучи компромиссом двух противоположных направлений, земские учреждения в той форме, в какой создало их Положение 1864 г., когда началось их применение, оказались не отвечающими ни основной идее самоуправления, положенной в их основание, ни тому административному строю, в который они были механически вставлены и который к тому же остался нереформированным и неприспособленным к новым условиям жизни. Положение 1864 г. пыталось совместить несогласимые вещи и тем одновременно удовлетворить сторонников и противников земского самоуправления. *Первым предлагалась внешность и надежды на будущее, в угоду вторым компетенция земских учреждений была определена крайне эластично*»...

Какие иногда меткие слова бросают нечаянно наши министры, когда они хотят подставить ножку какому-нибудь коллеге и выказать свое глубокомыслие, и как полезно было бы всем прекраснодушным русским обывателям и всем поклонникам «великих» реформ повесить себе на стену в золотой рамке великие заветы полицейской мудрости: «успокаивать либералов обещаниями, что первый шаг не будет последним», «предлагать» им «внешность и надежды на будущее»! Особенно в настоящее время полезно было бы справляться с этими заповедями при чтении каждой газетной статьи или заметки о «сердечном попечении» генерала Ванновского.

Итак, земство с самого начала было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления, колесом, *допускаемым* бюрократией лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось, а роль депутатов от населения ограничивалась голой практикой, простым техническим исполнением круга задач, очерченных все тем же чиновничеством. Земства не имели своих исполнительных органов, они должны были действовать через полицию, земства не были связаны друг с другом, земства были сразу поставлены под контроль администрации. И, сделав такую безвредную для себя уступку, правительство на другой же день после введения земства принялось систематически стеснять и ограничивать его: всемогущая чиновничья клика *не могла* ужиться с выборным всесословным представительством и пришлась всячески травить его. Свод данных об этой травле, несмотря на явную неполноту его, представляет собой очень интересную часть «Записки».

Мы видели, как трусливо и как неразумно поступали либералы по отношению к революционному движению начала 60-х годов. Вместо того, чтобы поддерживать «согласие мещан и крестьян с приверженцами *Великорусса*», они боялись этого «согласия» и стращали им правительство. Вместо того, чтобы подняться на защиту преследуемых правительством коноводов демократического движения, они фарисейски умывали руки и оправдывали правительство. И они понесли справедливое наказание за эту предательскую политику широковещательного краснобайства и позорной дряблости. Расправившись с людьми, способными не только болтать, но и *бороться* за свободу, правительство почувствовало себя достаточно крепким, чтобы вытеснять либералов и из тех скромных и второстепенных позиций, которые ими были заняты «с разрешения начальства». Пока серьезно грозило «согласие мещан и крестьян» с революционерами, само министерство внутренних дел бормотало о «школе представительных учреждений», а когда «бестактные и самоуверенные» свистуны и «задиры» были удалены,—«школяров» без церемонии взяли в ежовые рукавицы. Начинается трагикомическая эпопея: земство ходатайствует о расширении прав, а у земства неуклонно *отбирают* одно право за другим и на ходатайства отвечают «отеческими» поучениями. Но пусть говорят исторические даты, хотя бы даже только приведенные в «Записке».

12-го октября 1866 г. циркуляр министерства внутренних дел ставит служащих земства в полную зависимость от правительственных учреждений. 21-го октября 1866 г. выходит закон, ограничивающий право земств облагать сборами торговые и промышленные заведения. В Петербургском Земском Собрании 1867 г. резко критикуют этот закон и принимают (по предложению графа А. П. Шувалова) решение ходатайствовать пред правительством, чтобы вопросы, затронутые этим законом, обсуждались «совокупными силами и одновременным трудом центральной администрации и зем-

ства». На это ходатайство правительство отвечает закрытием петербургских земских учреждений и репрессиями: председатель С.-Петербургской Земской Управы Крузе сослан в Оренбург, граф Шувалов — в Париж, сенатору Любощинскому велено подавать в отставку. Орган министерства внутренних дел, «Северная Почта», выступает с статьей, в которой «такая строгая карательная мера была объяснена тем, что и земские собрания с самого открытия своих заседаний действовали несогласно с законом» (с каким законом? и почему нарушителей закона не преследовали *по суду?* ведь только что был введен суд скорый, правый и милостивый?) «и вместо того, чтобы поддерживать земские собрания других губерний, пользуясь высочайше дарованными им правами для действительного попечения о вверенных им местных земско-хозяйственных интересах» (т.-е. вместо того, чтобы покорно повиноваться и следовать «видам» чиновничества), «непрерывно обнаруживали стремление неточным изъяснением дела и неправильным толкованием законов *возбуждать чувства недоверия и неуважения к правительству*» [70]). Неудивительно, что после такого назидания «другие земства не оказали поддержки петербургскому, хотя повсюду закон 21-го ноября 1866 г. вызвал сильное неудовольствие; многие называли его в собраниях равносильным уничтожению земств».

16-го декабря 1866 г. является «разъяснение» сената, предоставляющее губернаторам право отказывать в утверждении всякого избранного земским собранием лица, признаваемого им — губернатором — неблагонадежным. 4-го мая 1867 г. — другое разъяснение сената: несогласно с законом сообщение земских предположений во все другие губернии, ибо земские учреждения должны ведать дела местные. 13-го июня 1867 г. состоялось высочайше утвержденное мнение государственного совета, запрещающее без разрешения местного губернского начальства печатать состоявшиеся в земских, городских и сословных общественных собраниях постановления, отчеты о заседаниях, прения в заседаниях и проч. Далее, тот же закон расширяет власть председателей земских собраний, предоставляет им право закрывать собрания и обязывает их *под угрозой наказания* закрывать собрания, в которых ставятся на обсуждение вопросы, несогласные с законом. Эту меру общество встретило весьма недружелюбно и взглянуло на нее, как на серьезное ограничение земской деятельности. «Все знают, — писал в дневнике своем Никитенко, — что земство связано по рукам и по ногам новым узаконением, в силу которого председатели собраний и губернаторы получили почти неограниченную власть над земством». Циркуляр 8-го октября 1868 г. подчиняет разрешению губернаторов печатание отчетов даже земских управ и ограничивает взаимные сношения земств. В 1869 г. учреждаются инспектора народных училищ в видах оттеснения земства от действительного заведывания народным образованием.

Высочайше утвержденное 19-го сентября 1869 г. положение комитета министров признает, что «земские учреждения ни по своему составу, ни по основным началам не суть власти правительственные». Закон 4-го июля 1870 г. и циркуляр 22-го октября 1870 г. подтверждают и усиливают зависимость земских служащих от губернаторов. В 1871 г. инструкция инспекторам народных училищ предоставляет им устранять от должности учителей, признаваемых неблагонадежными, и останавливать всякое решение училищного совета с предоставлением дела на разрешение попечителя. 25-го декабря 1873 г. Александр II в рескрипте на имя министра народного просвещения выражает опасение, что народная школа *при недостатке попечительного наблюдения* может быть обращаема «*в орудие нравственного растления народа, к чему уже и обнаружены некоторые попытки*», и повелевает предводителям дворянства способствовать ближайшим своим участием обеспечению нравственного влияния этих школ. Затем в 1874 г. выходит новое Положение о народных училищах, отдающее всю силу заведывания школами в руки директоров народных училищ. Земство «протестует», если можно без иронии назвать протестом ходатайство о пересмотре закона при участии земских представителей (ходатайство Казанского земства в 1874 г.). Ходатайство, конечно, отклоняется. И т. д. и т. д.

III.

Таков был первый курс наук, преподанный российским гражданам в устроенной министерством внутренних дел «школе представительных учреждений». К счастью, кроме политических школяров, которые по поводу конституционных заявлений 60-х годов писали: «Пора бросить глупости и начать дело делать, а дело теперь в земских учреждениях и нигде больше» *), были в России и не удовлетворявшиеся такой «тактичностью» «задиры», которые шли с революционной проповедью в народ. Несмотря на то, что они шли под знаменем теории, которая была в сущности переволюционна, — их проповедь будила все же чувство недовольства и протеста в широких слоях образованной молодежи. Вопреки утопической теории, отрицавшей политическую борьбу, движение привело к отчаянной схватке с правительством горсти героев, к борьбе за политическую свободу. Благодаря этой борьбе и только благодаря ей, положение дел еще раз изменилось, правительство еще раз вынуждено было пойти на уступки, и либеральное общество еще раз доказало свою политическую незрелость, неспособность поддержать бордов и оказать настоящее

*) Письмо Кавелина 1865 г. к родным по поводу ходатайства московского дворянства о «созвании общего собрания людей от земли русской для обсуждения нужд, общих всему государству» [71]).

давление на правительство. Конституционные стремления земства обнаружились явственно, но оказались бессильным «порывом». И это несмотря на то, что сам по себе земский либерализм сделал заметный шаг вперед в политическом отношении. Особенно замечательна попытка его образовать нелегальную партию и создать свой собственный политический орган. «Записка» Витте сводит данные нескольких нелегальных произведений (Кеннана, Драгоманова, Тихомирова), чтобы охарактеризовать тот «скользкий путь» (стр. 98), на который вступили земства. В конце 70-х годов было несколько съездов земских либералов. Либералы решили «принять меры хотя бы к временному прекращению разрушительной деятельности крайней революционной партии, ибо они были убеждены, что нельзя ничего будет достигнуть мирными средствами, если террористы будут продолжать раздражать и тревожить правительство угрозами и актами насилия» (стр. 99). Итак, вместо заботы о расширении борьбы, о поддержке отдельных революционеров более или менее широким общественным слоем, об организации какого-либо общего натиска (в форме демонстрации, отказа земств от исполнения обязательных расходов и т. п.) либералы опять начинают все с той же «тактичности»: «не раздражать» правительство! добиваться «мирными средствами», каковые мирные средства так блистательно доказали свое ничтожество в 60-ые годы! *). Понятно, что ни на какое прекращение или приостановку военных действий революционеры не пошли. Земцы образовали тогда «лигу оппозиционных элементов», превратившуюся затем в «Общество земского союза и самоуправления» или «Земский Союз» [72]). Программа Земского Союза требовала: 1) свободы слова и печати; 2) гарантий личности и 3) созыва учредительного собрания. Попытка издавать нелегальные брошюры в Галиции не удалась (австрийская полиция арестовала и рукописи и лиц, намеревавшихся печатать их), и органом «Земского Союза» стал с августа 1881 г. журнал «Вольное Слово» [73]), выходивший под редакцией Драгоманова (бывший профессор киевского университета) в Женеве. «В конце концов — писал сам Драгоманов в 1888 г. — ...опыт издания земского органа в виде «Вольного Слова» нельзя признать удачным, хотя бы уже потому, что собственно земские материалы стали поступать в редакцию правильно только с конца 1882 г., а в мае 1883 г. издание было уже прекращено» (назв. соч., стр. 40). Неудача либерального

*) Справедливо говорил Драгоманов: «Собственно вполне «мирных способов» у либерализма в России и быть не может, так как всякое заявление об изменении высшего управления у нас запрещено законами. Земские либералы должны были решительно переступить через это запрещение и хоть этим показать свою силу и перед правительством и перед террористами. Так как земские либералы такой силы не показали, то им довелось дожить до намерения правительства уничтожить даже обрезанные уже земские учреждения» (н. с., 41 — 2).

органа явилась естественным результатом слабости либерального движения. 20-го ноября 1878 г. Александр II обратился в Москве к представителям сословий с речью, в которой выражал надежду на их «содействие, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на том пагубном пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь». Затем и в «Правительственном Вестнике» (1878 г., № 186) появился призыв к содействию общества. В ответ на это пять земских собраний (Харьковское, Полтавское, Черниговское, Самарское и Тверское) заявили о необходимости созвать земский собор. «Можно также думать» — пишет автор «Записки» Витте, изложив подробно содержание этих адресов, из которых только 3 проникли в печать целиком, — «что заявления земств о созыве земского собора были бы гораздо более многочисленны, если бы министерство внутренних дел своевременно не приняло мер к недопущению таких заявлений: предводителям дворянства, председательствующим в губернских земских собраниях, разослан был циркуляр, чтобы они не допускали даже чтения в собраниях подобных адресов. В некоторых местах были произведены аресты и высылки гласных, а в Чернигове в залу заседания даже введены были жандармы, которые силой ее очистили» (104).

Либеральные журналы и газеты поддерживали это движение, петиция «25-ти именитых московских граждан» Лорис-Меликову указывала на созвание независимого собрания из представителей земств и предложение этому собранию участия в управлении нацией. И назначением министром внутренних дел Лорис-Меликова правительство, *повидимому*, делало уступку. Но именно *повидимому*, ибо не только никаких решительных шагов, но даже и никаких положительных и не допускавших перетолкования заявлений не было сделано. Лорис-Меликов созвал редакторов петербургских периодических изданий и изложил им «программу»: дознать желание, нужды и пр. населения, дать возможность земству и пр. воспользоваться законными правами (либеральная программа гарантирует земствам те «права», которые закон у них систематически урезывает!) и т. п. Автор «Записки» пишет:

«Через его собеседников — для того они и были приглашены — программа министра оповещена была всей России. В сущности она не обещала ничего определенного. Всякий мог вычитать из нее что угодно, т.-е. все или ничего. Прав был по-своему (только «по-своему», а не безусловно «по-всякому», прав?) один из подпольных листков того времени, выразившись об этой программе, что в ней одновременно мелькает «лисий хвост» и стучит зубами «волчья пасть» [74]). Такая выходка по адресу программы и ее автора тем понятнее, что, сообщая ее представителям печати, граф настойчиво рекомендовал им «не смущать и не волновать напрасно общественные умы своими мечтательными иллюзиями». Но либеральные земцы не послушались этой *правды* подпольного листка и сочли помахи-

ванье «лисьим хвостом» за «новый курс», которому позволительно довериться. «Земство верило и сочувствовало правительству»,—повторяет «Записка» Витте слова нелегальной брошюры «Мнения земских собраний о современном положении России»,— «как бы боялось забегать вперед, обращаться к нему с чрезмерными просьбами». Характерное признание свободно высказывающихся сторонников земства: Земский Союз на съезде 1880 г. только что решил «добиться центрального народного представительства при непременном условии одной палаты и всеобщего голосования»,—и вот это решение *добиваться* осуществляется тактикой «*не забегать вперед*», «*верить и сочувствовать*» двусмысленным и ровно ни к чему не обязывающим заявлениям! С какой-то непростительной наивностью земцы воображали, что подавать петиции это значит «добиваться»,— и петиции «посыпались от земства в изобилии». Лорис-Меликов 28-го января 1881 г. вошел с всеподданнейшим докладом об образовании комиссии из выборных от земств для разработки законопроектов, указанных «высочайшей волей», — с правом только совещательного голоса. Особое Совещание, назначенное Александром II, одобрило эту меру, заключение Совещания 17-го февраля 1881 г. было утверждено царем, который одобрил и предложенный Лорис-Меликовым текст правительственного сообщения.

«Несомненно, — пишет автор «Записки» Витте, — что учреждение такой чисто совещательной комиссии не создавало еще конституции». «Но — продолжает он — едва ли можно отрицать, что это было дальнейшим (после реформ 60-х годов) шагом к конституции и ни к чему другому». И автор повторяет сообщение заграничной печати, что Александр II выразился по поводу доклада Лорис-Меликова: «Да ведь это états généraux»... «Нам предлагают не что иное, как собрание нотаблей Людовика XVI»...

Мы, с своей стороны, заметим, что осуществление Лорис-Меликовского проекта *могло бы* при известных условиях быть шагом к конституции, но могло бы и не быть таковым: все зависело от того, что̀ перевесит—давление ли революционной партии и либерального общества или противодействие очень могущественной, сплоченной и неразборчивой в средствах партии непреклонных сторонников самодержавия. Если говорить не о том, что̀ могло бы быть, а о том, что̀ было, то придется констатировать несомненный факт *колебания* правительства. Одни стояли за решительную борьбу с либерализмом, другие—за уступки. Но—и это особенно важно—и эти последние колебались, не имея никакой вполне определенной программы и не возвышаясь над уровнем бюрократов-дельцов.

«Граф Лорис-Меликов — говорит автор «Записки» Витте — как бы боялся прямо взглянуть на дело, боялся вполне точно определить свою программу, а продолжал — в другом, правда, направлении — прежнюю уклончивую политику, которая по отношению к земским учреждениям была принята еще графом Валуевым.

«Как справедливо было замечено и в тогдашней легальной печати, самая программа, заявленная Лорис-Меликовым, отличалась большой неопределенностью. Эта неопределенность видна и во всех дальнейших действиях и словах графа. С одной стороны, он заявляет, что самодержавие «разобщено с населением», что «на поддержку общества он смотрит как на главную силу...», на проектированную реформу «не смотрел как на нечто окончательное, а видел в ней только первый шаг» и т. д. В то же время, с другой стороны, граф заявлял представителям печати, что «... возбужденные в обществе надежды суть не что иное, как мечтательная иллюзия...», а во всеподданнейшем докладе государю категорически заявлял, что земский собор был бы «опасным опытом возвращения к прошедшему...», что проектируемая им мера никакого значения в смысле ограничения самодержавия иметь не будет, ибо не имеет ничего общего с западными конституционными формами. Вообще, по справедливому замечанию Л. Тихомирова, самый доклад этот отличается замечательно запутанной формой» (стр. 117).

А по отношению к *борцам* за свободу этот пресловутый герой «диктатуры сердца», Лорис-Меликов, довел «жестокости до не бывавших ни раньше ни позже фактов смертной казни 17-тилетнего мальчика за найденный у него печатный листок. Лорис-Меликов не забыл отдаленнейших уголков Сибири, чтобы ухудшить там положение людей, страдавших за пропаганду» (В. Засулич, в № 1 «Социал-Демократа», стр. 84)[75]). При таком колебании правительства только сила, способная на серьезную борьбу, могла бы добиться конституции, а этой силы не было: революционеры исчерпали себя 1-ым марта, в рабочем классе не было ни широкого движения, ни твердой организации, либеральное общество оказалось и на этот раз настолько еще политически неразвитым, что оно ограничилось и после убийства Александра II одними ходатайствами. Ходатайствовали земства и города, ходатайствовала либеральная печать («Порядок» [76]), «Страна» [77]), «Голос» [78])), ходатайствовали — в особенно благонамеренной, хитросплетенной и затуманенной форме — либеральные авторы докладных записок (маркиз Велепольский, проф. Чичерин и проф. Градовский — «Записка» Витте излагает их содержание по лондонской брошюре*): «Конституция графа Лорис-Меликова» (изд. фонда вольной русской прессы. Лондон, 1893 г.), выдумывая «остроумные попытки перевести монарха через заветную черту так, чтобы сам он этого не заметил» [79]). Все эти осторожные ходатайства и хитроумные выдумки оказались, разумеется, без революционной силы — полем, и партия самодержавия победила, победила, несмотря на то, что 8-го марта 1881 г. на совете министров большинство (7 против 5) высказалось *за* проект Лорис-

*) Автор «Записки» вообще самым тщательным образом списывает, как мы видели, нелегальные брошюры и признает, что «подпольная пресса и иностранная литература с своих точек зрения давали довольно верную оценку положению вопроса» (стр. 91). У русского ученого «государствоведа» оказывается оригинальным только кое-какой сырой материал, а все основные точки зрения на политические вопросы в России он должен заимствовать из подпольной литературы.

Меликова. (Так сообщается в той же брошюре, но усердно списывающий ее автор «Записки» Витте тут почему-то заявляет: «Что происходило на этом — 8-го марта — совещании и к чему оно пришло, достоверно неизвестно; полагаться же на слухи, проникшие в иностранную печать, было бы неосторожно», 124.) 29-го апреля 1881 г. вышел манифест, названный Катковым «машной небесной»,—об утверждении и охране самодержавия.

Второй раз, после освобождения крестьян, волна революционного прибоя была отбита, и либеральное движение вслед за этим и вследствие этого второй раз смешилось *реакцией*, которую русское прогрессивное общество принялось, конечно, горько оплакивать. Мы такие мастера оплакиванья: мы оплакиваем бестактность и самоуверенность революционеров, когда они задирают правительство; мы оплакиваем нерешительность правительства, когда оно, не видя пред собой настоящей силы, делает лжеуступки и, давая одной рукой, отнимает другой; мы оплакиваем «время безъидейности и безъидеальности», когда правительство, расправившись с неподдержанными народом революционерами, старается наверстать потерянное и укрепляется для новой борьбы.

IV.

Эпоха диктатуры сердца, как прозвали министерство Лорис-Меликова, показала нашим либералам, что даже «конституционализм» одного министра, даже министра-премьера, при полном колебании правительства, при одобрении «первого шага к реформе» большинством в совете министров не гарантирует ровно ничего, если нет серьезной общественной силы, способной заставить правительство сдаться. Интересно также, что и правительство Александра III, даже после выступления с манифестом об утверждении самодержавия, не сразу еще стало показывать все свои когти, а сочло необходимым попробовать некоторое время подурачить «общество». Говоря «подурачить», мы не думаем приписать политику правительства какому-либо макиавелистическому [80]) плану того или другого министра, сановника и т. п. Нельзя достаточно настаивать на том, что система лжеуступок и некоторых кажущихся важными шагов «на встречу» общественному мнению вошла в плоть и кровь всякого современного правительства и русского в том числе, ибо и русское правительство в течение уже многих поколений сознало необходимость считаться с общественным мнением так или иначе, в течение уже многих поколений воспитывало государственных деятелей, изощренных в искусстве внутренней дипломатии. Таким дипломатом, имевшим назначение прикрыть отступление правительства к прямой реакции, явился сменивший Лорис-Меликова министр внутренних дел граф Игнатьев. Игнатьев выступал не раз как чистейший демагог и обманщик, так что автор «Записки» Витте проявляет не мало «полицейского благодушия», называя период его министерства «неуда-

вшейся попыткой создать самоуправляющуюся местно землю с самодержавным царем во главе». Правда, именно такая «формула» была выдвинута в то время И. С. Аксаковым, ею пользовалось для своих запгрываний правительство, ее разносил Катков, основательно доказывая необходимую связь между местным самоуправлением и конституцией. Но было бы близорукостью *объяснять* известную тактику полицейского правительства (тактику, необходимо присущую ему по самой его природе) преобладанием в данный момент того или другого политического воззрения.

Игнатьев выступил с циркуляром, обещая, что правительство «примет безотлагательные меры, чтобы установить правильные способы, которые обеспечивали бы наибольший успех живому участию местных деятелей в деле исполнения высочайших предначертаний». Земства ответили на этот «призыв» ходатайствами о «созыве выборных от народа» (из записки гласного Череповецкого земства; мнение гласного Кирилловского земства губернатор не разрешил даже напечатать). Правительство предложило губернаторам оставлять такие ходатайства «без дальнейшего производства», «и в то же время были, повидимому, приняты меры, чтобы подобные ходатайства не были возбуждаемы в других собраниях». Делается пресловутая попытка созывать по выбору министров «сведущих людей» (для обсуждения вопроса о понижении выкупных платежей, об упорядочении переселений, о реформе местного управления и пр.). «Работы экспертных комиссий не вызвали сочувствия в обществе, а со стороны земств, *несмотря на все предупредительные меры,* вызвали даже прямой протест. Двенадцать земских собраний заявили ходатайства, чтобы к участию в законодательной деятельности земские люди приглашались не в отдельных случаях и не по назначению от правительства, а постоянно и по выбору земств». В самарском земстве подобное предложение было остановлено председателем, «после чего собрание в виде протеста разъехалось» (Драгоманов, и. с., стр. 29; «Записка», стр. 131). Что граф Игнатьев *надувал* земцев, это видно из такого, например, факта: «Полтавский предводитель дворянства, г. Устимович, автор проекта конституционного адреса 1879 г., заявил открыто в губ. двор. собрании, что он получил от графа Игнатьева *положительное уверение* (sic!), что правительство призовет представителей страны к участию в законодательной работе» (Драгоманов, там же).

Прикрытие правительственного перехода на решительно новый курс этими проделками Игнатьева закончилось, и назначенный 30-го мая 1882 г. министром внутренних дел Д. А. Толстой недаром заслужил себе прозвище «министра борьбы». Ходатайства земств даже об устройстве каких-нибудь частных съездов отклонялись без церемоний, и даже по жалобе губернатора на «систематическую оппозицию» земства (Череповецкого) был случай замены управы правительственной комиссией и административной ссылки членов

управы. Д. А. Толстой, верный ученик и последователь Каткова, решил предпринять прямо уже «реформу» земских учреждений, исходя из той основной мысли (действительно подтверждаемой, как мы видели, историей), что «оппозиция правительству свила себе прочное гнездо в земстве» (стр. 139 «Записки»: из первоначального проекта земской реформы). Д. А. Толстой проектировал заменить земские управы подчиненными губернатору присутствиями и все постановления земских собраний признать подлежащими губернаторскому утверждению. Это была бы действительно «радикальная» реформа, но интересно в высшей степени, что даже и этот ученик Каткова, «министр борьбы», «не отступил — по выражению самого автора «Записки» — от привычной политики министерства внутренних дел по отношению к земским учреждениям. Свою мысль — упразднить в сущности земство — он не выразил в своем проекте прямо; под видом правильного развития начал самоуправления он желал оставить внешнюю форму последнего, но лишив ее всякого внутреннего содержания». В государственном совете эта мудрая государственная политика «лисьего хвоста» была еще дополнена и развита, и в результате земское положение 1890 г. «оказалось новой полумерой в истории земских учреждений. Оно не упразднило земства, но обезличило и обесцветило его; не уничтожило и всесословного начала, но придало ему сословную окраску; ...не сделало из земских учреждений действительных органов власти, ...но увеличило над ними опеку губернаторов, ...усилило право губернаторского протеста». «Положение 12-го июля 1890 г. было, в намерении его составителя, шагом по пути к упразднению земских учреждений, но никак не коренным преобразованием земского самоуправления».

Новая «полумера» — как излагает дальше «Записка» — оппозиции правительству не уничтожила (оппозицию реакционному правительству и невозможно было бы, разумеется, уничтожить успехом этой реакционности), а только сделала *некоторые* проявления ее скрытыми. Оппозиция проявлялась, во-первых, в том, что некоторые анти-земские, если можно так выразиться, законы встречали отпор и de facto не осуществлялись; во-вторых, опять-таки в конституционных (или по крайней мере имеющих запах конституционализма) ходатайствах. Первого рода оппозицию встретил, например, закон 10-го июня 1893 г., подчинивший подробной регламентации земскую организацию врачебного дела. «Земские учреждения дали дружный отпор министерству внутренних дел, которое и отступило. Пришлось приостановить введение уже готового устава в действие, отложить его в сторону для полного собрания законов и выработать новый проект, построенный на началах совершенно противоположных (т.-е. более угодных земствам)». Закон 8-го июня 1893 г. об оценке недвижимых имуществ, вводивший равным образом принцип регламентации и стеснявший права земства в деле

обложения, тоже встречен несочувственно и в массе случаев «на практике вовсе не применяется». Сила созданных земством и принесших значительную (сравнительно с бюрократией, конечно) пользу населению врачебных и статистических учреждений оказывается достаточной, чтобы парализовать сфабрикованные в петербургских канцеляриях уставы.

Второго рода оппозиция выразилась и в новом земстве в 1894 г., когда адреса земств Николаю II снова намекнули совершенно определенно на их требования расширить самоуправление и вызвали «знаменитые» слова о бессмысленных мечтаниях.

«Политические тенденции» земства не исчезли, к ужасу гг. министров. Автор «Записки» приводит горькие жалобы тверского губернатора (из отчета его за 1898 г.) на «тесно сплоченный кружок людей либерального направления», сосредоточивающий в своих руках все ведение дела губернского земства. «Из отчета того же губернатора за 1895 г. видно, что борьба с земской оппозицией составляет тяжелую задачу местной администрации и что от председательствующих в земских собраниях предводителей дворянства требуется иногда даже «гражданское мужество» (вот как!) для выполнения конфиденциальных циркуляров министерства внутренних дел о предметах, которых земские учреждения не должны касаться». И дальше идет рассказ о том, как губернский предводитель дворянства сдал перед собранием должность уездному (тверскому), тверской — новоторжскому, новоторжский тоже заболел и сдал председательство старицкому. Итак, даже предводители дворянства обращаются в бегство, не желая исполнять полицейских обязанностей! «Законом 1890 г. — сетует автор «Записки» — земству дана сословная окраска, усилен в собраниях правительственный элемент, в состав губернских земских собраний введены все уездные предводители дворянства и земские начальники, и если такое обезличенное сословно-бюрократическое земство продолжает тем не менее проявлять политическую тенденцию, то над этим следовало бы призадуматься»... «Противодействие не уничтожено: глухое недовольство, молчаливая оппозиция живут несомненно и будут жить до тех пор, пока не умрет всесословное земство». Таково последнее слово бюрократической мудрости: если урезанное представительство порождает недовольство, то уничтожение всякого представительства — по простой человеческой логике — еще усилит это недовольство и оппозицию. Г. Витте воображает, что если закрыть одно из учреждений, выносящих наружу хоть частичку недовольства, то недовольство исчезнет! Но думаете ли вы, что Витте предлагает поэтому что-либо решительное, вроде упразднения земства? Нет, ничуть не бывало. Разнося уклончивую политику ради красного словца, Витте сам не предлагает ничего, кроме нее же, — да и не может предлагать, не вылезая из своей шкуры министра самодержавного правительства. Витте бормочет что-то совершенно пустяковин-

пое о «третьем пути»: не господство бюрократии и не самоуправление, а административная реформа, «правильно организующая» «участие общественных элементов в правительственных учреждениях». Сказать такой вздор легко, но только ровно уже никого теперь — после всяких опытов со «сведущими людьми» — не обманет эта выдумка: слишком очевидно, что *без конституции* всякое «участие общественных элементов» будет фикцией, будет подчинением общества (или тех или других «призванных» от общества) бюрократии. Критикуя частную меру министерства внутренних дел — введение земства на окраинах, — Витте по общему вопросу, им же самим выдвинутому, не может дать равно ничего нового, подогревая только старые приемы полумер, лжеуступок, обещанья всяких благ и неисполнения никаких обещаний. Нельзя с достаточной силой подчеркнуть, что по общему вопросу о «направлении внутренней политики» Витте и Горемыкин — едино суть, и спор между ними есть спор своих людей, домашняя ссора в пределах одной шайки. С одной стороны, и Витте спешит заявить, что «ни упразднения земских учреждений, ни какой-либо ломки существующего порядка я не предлагал и не предлагаю... об упразднении их (существующих земств) при настоящих условиях едва ли может быть речь». Витте, «с своей стороны, думает, что с созданием на местах сильной правительственной власти возможно будет с большим доверием отнестись к земствам» и т. д. Создавши сильный бюрократический противовес самоуправлению (т.-е. обессилив самоуправление), можно больше «доверить» ему. Старая это песенка! Г. Витте боится только «всесословных учреждений», он «вовсе не имел в виду и не считал для самодержавия опасной деятельность разного рода корпораций, обществ, сословных или профессиональных союзов». Например, относительно «сельских общин» г. Витте нимало не сомневается в их безопасности для самодержавия вследствие их «косности». «Преобладание отношений по земле и связанных с ними интересов придают сельскому населению такие духовные особенности, которые делают его безразличным ко всему, что выходит за пределы политики своей колокольни... Наш крестьянин занят на сходах раскладкой податей, ...распределением поземельных участков и т. п. Кроме того, он неграмотен или полуграмотен, — *какая же тут может быть политика?*» Г. Витте очень трезв, как видите. По отношению к сословным союзам он заявляет, что в отношении их опасности для центральной власти «существенное значение имеет разобщенность их интересов. Пользуясь этой разобщенностью, правительство против политических притязаний одного сословия всегда может находить опору и противовес в других». Не что иное, как одну из бесконечных попыток полицейского государства «разобщить» население, представляет собой и «программа» Витте: «правильно организовавшее участие общественных элементов в правительственных учреждениях».

С другой стороны, и г. Горемыкин, с которым г. Витте так яростно полемизирует, ведет и сам ту же систематическую политику разобщения и притеснения. Он доказывает (в своей записке, на которую отвечает Витте) необходимость создания новых должностей чиновников для надзора за земством, он — против разрешения даже простых местных съездов земских деятелей, он горой стоит за положение 1890 г., этот шаг к упразднению земства, он боится включения земствами в программы оценочных работ «тенденциозных вопросов», боится земской статистики вообще, он стоит за то, что народную школу надо изъять из рук земства и передать в ведение учреждений правительственных, он доказывает, что земства неспособны вести продовольственное дело (земские деятели вызывают — видите ли — «преувеличенные представления о размерах бедствия и потребностях пострадавшего от неурожая населения»!!), он отстаивал правила о предельности земского обложения «в целях ограждения землевладения от чрезмерного увеличения земских сборов». Таким образом Витте совершенно прав, когда он заявляет: «Вся политика министерства внутренних дел по отношению к земству заключается в медленном, но неуклонном подтачивании его органов, постепенном ослаблении их значения и постепенном же сосредоточении их функций в ведении правительственных установлений. Нисколько не преувеличивая, можно сказать, что, когда указываемые в записке (Горемыкина) «мероприятия, принятые за последнее время в целях упорядочения отдельных отраслей земского хозяйства и управления», будут приведены к благополучному концу, то в действительности у нас не будет никакого самоуправления,— от земских учреждений останется одна идея да внешняя оболочка, без всякого делового содержания». Политика Горемыкина (и еще более Сипягина) и политика Витте идет, следовательно, к одному и тому же, и состязание по вопросу о земстве и конституционализме есть, повторяем, не более как домашняя ссора. Милые бранятся — только тешатся. Таков итог «борьбы» гг. Витте и Горемыкина. Что же касается до наших итогов по общему вопросу о самодержавии и земстве, то их удобнее подвести в связи с разбором предисловия г-на Р. Н. С.*)

V.

Предисловие г-на Р. Н. С. представляет много интересного. В нем затронуты самые широкие вопросы о политическом преобразовании России, о разнообразных способах этого преобразования, о значении тех и других сил, ведущих к преобразованию. С другой стороны, г. Р. Н. С., стоящий, очевидно, в близких отношениях к либеральным кругам вообще и земско-либеральным кругам в осо-

*) Этим псевдонимом подписывался г. Струве. (Примечание автора к изданию 1908 г. *Ред.*)

бешности, представляет из себя, несомненно, нечто новое в хоре нашей «подпольной» литературы. Поэтому и для выяснения принципиального вопроса о политическом значении земства и для ознакомления с веяниями и... не скажу: направлениями, а настроениями в кругах, близких к либералам — очень стоит остановиться поподробнее на этом предисловии, разобрать, плюс или минус, насколько плюс, насколько и в чем минус это новое?

Основная особенность воззрений г. Р. Н. С. состоит в следующем. Как видно из очень многих, цитируемых нами ниже, мест его статьи, он поклонник мирного, постепенного, строго-легального развития. С другой стороны, он всей душой восстает против самодержавия и жаждет политической свободы. Но самодержавие потому и есть самодержавие, что оно запрещает и преследует *всякое* «развитие» к свободе. Это противоречие проникает собой всю статью г. Р. Н. С., делая его рассуждения крайне непоследовательными, петвердыми, шаткими. Совместить конституционализм с заботой о строго легальном развитии самодержавной России можно только посредством предположения или хотя бы допущения того, что самодержавное правительство *само* поймет, утомится, уступит и т. п. И г-ну Р. Н. С. с высоты его гражданского негодования действительно случается падать и до этой вульгарной точки зрения самого неразвитого либерализма. Вот пример. Г. Р. Н. С. говорит о себе: ...«мы, видящие в борьбе за политическую свободу для сознательных современных людей России их Аннибалову клятву, столь же святую, как некогда борьба за освобождение крестьян для людей сороковых годов»,... и еще: ...«как ни тяжело нам, людям, давшим «Аннибалову клятву» борьбы с самодержавием», и т. д. Хорошо сказано, сильно сказано! Эти сильные слова служили бы украшением статьи, если бы всю ее проникал тот же дух непреклонной, непримиримой борьбы («Аннибалова клятва»!). Эти сильные слова — именно потому, что они так сильны — будут звучать чем-то фальшивым, если рядом с ними промелькнет нотка искусственного примирения и успокоения, попытка провести, хотя бы ценою всяческих натяжек, концепцию мирного, строго легального развития. А у г. Р. Н. С. таких нот и таких попыток, к сожалению, слишком достаточно. Он уделяет, например, целых полторы страницы подробному «обоснованию» той мысли, что «государственная политика в царствование Николая II заслуживает *еще более* (курсив наш) сурового осуждения с нравственной и политической точки зрения, чем черный передел реформ Александра II при Александре III». Почему же *более* сурового осуждения? Оказывается, потому что Александр III боролся с революцией, а Николай II — с «легальными стремлениями русского общества», первый — с политически сознательными, второй — «с вполне мирными и подчас даже действующими без всякой ясной политической мысли общественными силами» («плохо даже сознающими, что их сознательная культурная

работа подтачивает государственный строй»). Это в очень значительной степени неверно фактически,—о чем речь ниже. Но и помимо того нельзя не отметить странности самого хода рассуждений автора. Он осуждает самодержавие, и из двух самодержцев он *более* осуждает одного не по характеру политики, которая осталась прежней, а потому, что перед ним нет (будто бы) «задир», вызывающих, «естественно», резкий отпор, нет, следовательно, повода к преследованиям. Не сквозит ли в самом уже употреблении подобного аргумента явной уступки тому верноподданному доводу, что-де нашему батюшке-царю нечего бояться созвать излюбленных людей, ибо все эти излюбленные люди и не помышляли никогда о чем-либо, выходящем из рамок мирных стремлений и строгой легальности? Нас не удивляет, если мы читаем такой «ход мыслей» (или такой ход лжи) у г. Витте, который пишет в своей записке: «Казалось бы, что там, где нет ни политических партий, ни революций, где никто не оспаривает прав верховной власти,—там нельзя противопоставлять администрацию народу или обществу...» *) и т. д. Нас не удивляет такое рассуждение у г. Чичерина, который в записке, поданной графу Милютину после 1-го марта 1881 г., заявлял, что «власти необходимо прежде всего показать свою энергию, доказать, что она не свернула своего знамени пред угрозою», что «монархический порядок совместен с свободными учреждениями лишь тогда, когда они являются плодом мирного развития, спокойной инициативы самой верховной власти», и советовал создать «сильную и либеральную» власть, действующую при помощи «законодательного органа, усиленного и обновленного выборным элементом» **). Со стороны вот этакого г. Чичерина было бы совершенно естественно признавать заслуживающей большего осуждения политику Николая II *потому*, что в его царствование мирное развитие и спокойная инициатива самой верховной власти *могли бы* привести к свободным учреждениям. Но естественно ли, прилично ли такого рода рассуждение в устах человека, давшего Аннибалову клятву борьбы?

И фактически г. Р. Н. С. не прав. «Теперь — говорит он, сравнивая настоящее царствование с предыдущим, — ...о том насильственном перевороте, который предносился деятелям «Народной Воли», никто серьезно не помышляет». Parlez pour vous, monsieur! Говорите только за себя! Нам же доподлинно известно, что революционное движение в России за последнее царствование не только не умерло и не ослабело по сравнению с прошлым цар-

*) Стр. 205. «Это даже неумно», замечает г. Р. Н. С. в примечании к этому месту. Совершенно справедливо. Но разве не из той же глины слеплены вышеуказанные рассуждения г-на Р. Н. С. на стр. XI — XII его предисловия?

**) «Записка» Витте, стр. 122 — 123. «Конституция графа Лорис-Меликова», стр. 24.

ствованием, а, напротив, воскресло и возросло во много раз. И какое же это было бы «революционное» движение, если бы из его участников никто серьезно не помышлял о насильственном перевороте? Нам, может быть, возразят, что в приведенных строках г. Р. Н. С. имеет в виду не насильственный переворот вообще, а переворот специфически «народовольческий», т.-е. переворот и политический и социальный в одно и то же время, переворот, ведущий не только к низвержению самодержавия, но и к захвату власти. Такое возражение было бы неосновательно, ибо, во-первых, для самодержавия как такового (т.-е. для самодержавного правительства, а не для «буржуазии» или «общества») важно вовсе не то, *для чего* его хотят свергнуть, а *то, что* его хотят свергнуть. А, во-вторых, и деятели «Народной Воли» в самом начале царствования Александра III «преподнесли» правительству альтернативу именно такую, какую ставит перед Николаем II социал-демократия: или революционная борьба, или отречение от самодержавия. (См. письмо Исполнительного Комитета «Народной Воли» к Александру III от 10-го марта 1881 г., где поставлены два условия: 1. общая амнистия по всем политическим преступлениям и 2. созыв представителей от всего русского народа при всеобщем избирательном праве и свободе печати, слова и сходок.) [81]) Да г. Р. Н. С. и сам отлично знает, что о насильственном перевороте «серьезно помышляют» многие не только из среды интеллигенции, но и из среды рабочего класса: загляните на стр. XXXIX и след. его статьи, где говорится о «революционной социал-демократии», которой обеспечены и «массовая основа и умственные силы», которая идет к «решительной политической борьбе», к «кровавой борьбе революционной России с самодержавно-бюрократическим режимом» (XLI). Не подлежит, таким образом, никакому сомнению, что «благонамеренные речи» г. Р. Н. С. представляют собой лишь особый прием, попытку повлиять на правительство (или на «общественное мнение») посредством уверений в своей (или в чужой) скромности.

Г. Р. Н. С. думает, впрочем, что понятие борьбы можно истолковать очень широко. «Упразднение земства—пишет он—даст революционной пропаганде огромный козырь—мы говорим это вполне объективно (sic!), не испытывая никакого отвращения к тому, что обычно зовется революционной деятельностью, но и не восхищаясь и не увлекаясь именно этой формой (sic!) борьбы за политический и общественный прогресс». Эта тирада очень знаменательна. Если приподнять quasi*)-ученую формулировку, щеголяющую совершенно некстати «объективностью» (раз автор сам ставит вопрос о предпочтительности для него той или другой формы деятельности, или формы борьбы, то говорить при этом об объективности его отношения то же самое, что приравнивать дважды два к стеариновой

*) — якобы. *Ред.*

свечке),—то получится старая-престарая аргументация: мне вы, господа правители, можете поверить, если я вас пугаю революцией, ибо у меня к ней душа совсем не лежит. Ссылка на объективность есть не что иное, как фиговый листочек, прикрывающий субъективную антипатию к революции и революционной деятельности. А в прикрытии нуждается г. Р. Н. С. потому, что с Аннибаловой клятвой борьбы подобная антипатия никак не совместима.

Впрочем, не ошибаемся ли мы насчет этого самого Аннибала? Давал ли он в самом деле клятву борьбы с римлянами, или только борьбы за прогресс Карфагена, каковой прогресс, конечно, в последнем счете повредил бы Риму? Нельзя ли понимать слово борьба не так «узко»? Г. Р. Н. С. думает, что можно. Борьба с самодержавием — так следует из сопоставления Аннибаловой клятвы с текстом приведенной тирады — проявляется в разных «формах»: одна форма — это борьба революционная, нелегальная, другая форма — это вообще «борьба за политический и общественный прогресс», т.-е., другими словами, мирная, легальная деятельность, насаждающая культуру в рамках, дозволенных самодержавием. Мы нисколько не сомневаемся в том, что и при самодержавии возможна легальная деятельность, двигающая вперед российский прогресс: в некоторых случаях довольно быстро двигающая прогресс технический, в немногих случаях весьма незначительно — прогресс общественный, в совершенно исключительных случаях и в совершенно миниатюрных размерах — прогресс политический. Можно спорить о том, насколько именно велик и насколько возможен этот миниатюрный прогресс, насколько единичные случаи такого прогресса способны парализовать то массовое политическое развращение населения, которое производится самодержавием повсюду и постоянно. Но подводить, хотя бы и косвенно, мирную легальную деятельность под понятие борьбы с самодержавием — значит содействовать этому развращению, значит ослаблять и без того бесконечно слабое в русском обывателе сознание своей ответственности, как гражданина, за *все*, что делает правительство.

К сожалению, г. Р. Н. С. не одинок среди нелегальных писателей, пытающихся стереть разницу между революционной борьбой и мирным культурничеством. У него есть предшественник, г. Р. М., автор статьи «Наша действительность» в знаменитом «Отдельном приложении к Рабочей Мысли» (сентябрь 1899 г.). Возражая социал-демократам-революционерам, он писал: «Ведь и борьба за земское и городское общественное самоуправление, и борьба за общественную школу, и борьба за общественный суд, и борьба за общественную помощь голодающему населению и т. д. есть борьба с самодержавием... Эта общественная борьба, по какому-то странному недоразумению не обращающая на себя благосклонного внимания многих русских революционных писа-

телей, как мы видели, уже ведется русским обществом и не со вчерашнего дня... Настоящий вопрос в том, как этим отдельным общественным слоям... вести эту борьбу с самодержавием возможно успешнее... А главный для нас вопрос: как должны вести эту общественную борьбу с самодержавием наши рабочие, на движение которых наши революционеры смотрят как на лучшее средство ниспровержения самодержавия» (стр. 8—9). Как видите, г. Р. М. не считает нужным и прикрывать свою антипатию к революционерам; легальную оппозицию и мирную работу он прямо объявляет борьбой с самодержавием и даже главным считает вопрос, как должны рабочие вести «*эту*» борьбу. Г. Р. Н. С. далеко не так примитивен и не так откровенен, но родственность политических тенденций у нашего либерала и у крайнего поклонника чисто рабочего движения проглядывает довольно ясно *).

Что касается до «объективизма» г. Р. Н. С., то мы должны заметить, что он иногда и прямиком отбрасывает его. Он остается «объективным», когда говорит о рабочем движении, об его органическом росте, о грядущей неизбежной борьбе революционной социал-демократии с самодержавием, о том, что организация либералов в нелегальную партию будет неизбежным результатом упразднения земства. Все это изложено очень деловито и очень трезво, настолько трезво, что можно радоваться распространению в либеральных кругах правильного понимания рабочего движения в России. Но когда г. Р. Н. С. начинает говорить не о борьбе с врагом, а о возможном «смирении» врага, — он сразу теряет свой «объективизм», выражает свои чувства, переходит даже от изъявительного наклонения к повелительному.

«Только в том случае дело не дойдет до конечной и кровавой борьбы революционной России с самодержавно-бюрократическим режимом, если среди власть имущих окажутся лица, у которых найдется мужество — смириться перед историей и смирить перед ней самодержца... Несомненно, что среди высшей бюрократии есть лица, не сочувствующие реакционной политике... Они, единственные лица, имеющие доступ к престолу, никогда не решаются громко высказывать свои убеждения... Быть может, однако, огромная тень неизбежной исторической расплаты, тень великих событий внесет колебания в правительственную среду и во-время разрушит железный строй реакционной политики. Для этого теперь нужно сравнительно

*) «Хозяйственные организации рабочих» — говорит г. Р. Н. С. в другом месте — «явятся школой реального политического воспитания рабочих масс». Мы бы посоветовали автору поосторожнее употреблять это истасканное рыцарями оппортунизма словечко «реальный». Нельзя отрицать, что при известных условиях и хозяйственные организации рабочих могут много дать для их политического воспитания (как нельзя отрицать, что при других условиях они могут дать кое-что и для их политического развращения). Но *реальное* политическое воспитание рабочих массам может дать только всестороннее участие их в революционном движении вплоть до открытой уличной борьбы, вплоть до гражданской войны с защитниками политического и экономического рабства.

немного... Быть может, оно (правительство) не слишком поздно поймет также фатальную опасность охранения самодержавного режима всеми средствами. Быть может, оно, еще не встретившись с революцией, само утомится своей борьбой с естественным, исторически необходимым развитием свободы и поколеблется в своей «непримиримой» политике. Перестав быть последовательным в борьбе со свободой, оно будет вынуждено все шире и шире раскрывать ей двери. Быть может... нет, не только может быть, но *да будет так!*» (Курсив автора.)

Аминь! остается нам только сказать по поводу этого благопамеренного и возвышенного монолога. Наш Аннибал так быстро прогрессирует, что выступает уже перед нами в третьей форме: первая форма — борьба с самодержавием, вторая — насаждение культуры, третья — призывы к смирению врага и попытки запугать его «тенью». Какие страсти! Мы вполне согласны с почтенным г. Р. Н. С. в том, что «теней»-то святоши русского правительства скорее всего на свете испугаются. И непосредственно пред этим заклинанием теней наш автор, указавши на рост революционных сил и на грядущий революционный взрыв, восклицал: «С глубокой скорбью мы предвидим те ужасные жертвы и людьми и культурными силами, которых будет стоить эта безумная агрессивно-консервативная политика, не имеющая ни политического смысла, ни тени нравственного оправдания». Какую бездонную пропасть доктринерства и елейности приоткрывает такой конец рассуждения о революционном взрыве! У автора нет ни капельки понимания того, какое бы это имело гигантское историческое значение, если бы народ в России хоть раз хорошенько проучил правительство. Вместо того, чтобы, указывая на «ужасные жертвы», принесенные и приносимые народом абсолютизму, будить ненависть и возмущение, разжигать готовность и страсть к борьбе, — вместо этого вы ссылаетесь на *будущие* жертвы, чтобы отпугнуть от борьбы. Эх, господа! Лучше уж вовсе не рассуждать о «революционном взрыве», чем портить это рассуждение подобным финалом. *Делать* «великие события» вы, очевидно, не хотите, а хотите только разговаривать о «тени великих событий», да и разговаривать-то с одними «лицами, имеющими доступ к престолу».

Подобного рода разговорами с тенями и о тенях полным-полна, как известно, и наша легальная пресса. А чтобы придать теням реальность, принято ссылаться в виде примера на «великие реформы» и петь им полное условной лжи аллилуйа. Подцензурному писателю нельзя иногда не простить этой лжи, ибо иначе он не может выразить своего стремления к политическим преобразованиям. Но над г. Р. Н. С. цензуры не было. «Великие реформы — пишет он — были задуманы не для вящшего торжества бюрократии». Посмотрите, до какой степени уклончива эта апологетическая фраза. *Кем* «задуманы»? Герценом, Чернышевским, Упковским и теми, кто шел с ними? Но эти люди требовали несравненно большего, чем то, что осуществили «реформы», и за свои требова-

ния они подвергались преследованиям со стороны правительства, проводившего «великие» реформы. — Правительством и теми, кто, слепо славословя, шел за ним, огрызаясь на «задир»? Но правительство сделало все возможное и невозможное, чтобы уступить как можно меньше, чтобы обкарнать демократические требования и обкарнать *именно* «для вящшего торжества бюрократии». Г. Р. Н. С. прекрасно знает все эти исторические факты и затушевывает их только потому, что они всецело опровергают его благодушную теорию о возможном «смирении» самодержца. В политике нет места смирению, и только безграничная простота (и святая и лукавая простота) может принимать за смирение исконйый полицейский прием: divide et impera, разделяй и властвуй, уступи неважное, чтобы сохранить существенное, дай левой рукой и отними правой. ...«Правительство Александра II, задумывая и проводя «великие реформы», не ставило себе в то же время сознательной цели — во что бы то ни стало отрезать русскому народу всякий легальный путь к политической свободе, не взвешивало с этой точки зрения всякий свой шаг, всякую статью закона». Это *неправда*. Правительство Александра II, и «задумывая» реформы и проводя их, ставило себе с самого начала совершенно сознательную цель: не уступать тогда же заявленному требованию политической свободы. Оно с самого начала и до самого конца отрезывало всякий легальный путь к свободе, ибо отвечало репрессиями даже на простые ходатайства, ибо не разрешало никогда даже говорить свободно о свободе. В опровержение славословия г-на Р. Н. С. достаточно сослаться хотя бы на приведенные нами выше факты, изложенные в «Записке» Витте. О лицах же, составлявших правительство Александра II, сам Витте выражается, например, так: «Необходимо отметить, что выдающиеся государственные деятели эпохи 60-х годов, славные имена которых сохранятся и в благодарном потомстве, сделали в свое время столь много великого, сколько едва ли сделали их преемники, и трудились над обновлением нашего государственного и общественного строя по искренним своим убеждениям, с беззаветной преданностью своему государю и не вопреки его стремлениям» (стр. 67 «Записки»). Вот что правда — то правда: по искренним убеждениям, с беззаветной преданностью стоящему во главе полицейской шайки государю...

После вышеизложенного нас уже не должно удивлять, что г. Р. Н. С. дает крайне мало по самому важному вопросу о роли земства в борьбе за политическую свободу. Кроме обычных ссылок на «практическое» и «культурное» дело земства, он указывает бегло на его «воспитательно-политическое значение», говорит, что «земство имеет политическое значение», что земство, как ясно видит г. Витте, «опасно (для существующего порядка) только в силу исторической тенденции своего развития — как зародыш конституции». И в заключение этих, точно случайно

оброненных замечаний, выходка против революционеров: «Мы ценим произведение г. Витте не только за его правду о самодержавии, но также и как драгоценный политический аттестат, выданный земству самой бюрократией. Этот аттестат служит превосходным ответом всем тем, кто по недостатку политического образования или по увлечению революционной фразой (sic!) не желал и не желает видеть крупного политического значения русского земства и его легальной культурной деятельности». Кто же это обнаружил недостаток образования или увлечение фразой? где и когда? С кем и почему несогласен г. Р. Н. С.? На это нет ответа, и выходка автора не говорит ничего кроме разве заявления об антипатии его к революционерам, знакомой нам и по другим местам статьи. Нисколько не разъясняет дела еще более странное примечание: «Этими словами мы вовсе не хотим (?!) задеть революционных деятелей, в которых нельзя не ценить прежде всего нравственного мужества в борьбе с произволом». Зачем это? к чему это? Какая есть связь между нравственным мужеством и неумением оценить земство? Г. Р. Н. С. поправился поистине из кулька в рогожку: сначала он «задел» революционеров голословным и «анонимным» (т.-е. неизвестно против кого направленным) обвинением в невежестве и фразе, а теперь еще «задевает» их предположением, что пилюлю обвинения в невежестве их можно заставить проглотить, если позолотить ее признанием их нравственного мужества. В довершение неясности г. Р. Н. С. сам себе противоречит, заявляя — как бы в один голос с «увлекающимися революционной фразой», — что «современное русское земство... не есть политическая величина, которая своей непосредственной силой могла бы кому-либо импонировать, могла бы кого-либо устрашать... Оно еле-еле отстаивает свою скромную позицию»... «Такие учреждения (как земство)... сами по себе могут грозить этому (самодержавному) строю только в отдаленном будущем и лишь в связи с развитием всей культуры страны».

VI.

Попытаемся же разобраться в этом вопросе, о котором г. Р. Н. С. говорит так сердито и так бессодержательно. Факты, приведенные нами выше, показывают, что «политическое значение» земства, т.-е. значение его, как фактора в борьбе за политическую свободу, состоит главным образом в следующем. Во-первых, эта организация представителей наших имущих классов (и в особенности земельного дворянства) постоянно противопоставляет выборные учреждения бюрократии, вызывает постоянные конфликты между ними, показывает на каждом шагу реакционный характер безответственного царского чиновничества, поддерживает недовольство и питает оппозицию самодержавному

правительству *). Во-вторых, земства, втиснутые как пятое колесо в бюрократической повозке, стремятся упрочить свое положение, расширить свое значение, стремятся — и даже, по выражению Витте, «бессознательно идут» — к конституции, предъявляя ходатайства о ней. Они оказываются поэтому негодным союзником правительства в борьбе его с революционерами, они хранят дружественный нейтралитет по отношению к революционерам и оказывают им хотя и косвенную, но несомненную услугу, внося в критические моменты колебания в репрессивные меры правительства. Разумеется, ни «крупного», ни вообще сколько-нибудь самостоятельного фактора политической борьбы нельзя видеть в учреждении, которое в лучшем случае способно было до сих пор лишь на либеральные ходатайства и на дружественный нейтралитет, но роль одного из *вспомогательных* факторов за земством отрицать нельзя. В этом смысле мы готовы даже, если хотите, признать, что земство — кусочек конституции. — Читатель скажет, пожалуй: значит, вы соглашаетесь с г. Р. Н. С., который большего и не утверждает. Нисколько. Тут только наше разногласие и начинается.

Земство — кусочек конституции. Пусть так. Но это именно такой кусочек, посредством которого русское «общество» *отманивали* от конституции. Это — именно такая, сравнительно очень маловажная, позиция, которую самодержавие уступило растущему демократизму, чтобы сохранить за собой главные позиции, чтобы разделить и разъединить тех, кто требовал преобразований политических. Мы видели, как это разъединение на почве «доверия» к земству («зародышу конституции») удавалось и в 60-х годах и в 80—81 г. Вопрос об отношении земства к политической свободе есть частный случай общего вопроса об отношении реформ к революции. И мы можем видеть на этом частном случае всю узость и нелепость модной бернштейнианской теории, которая заменяет революционную борьбу борьбой за реформы, которая объявляет (устами, напр., г-на Бердяева), что «принцип прогресса — чем лучше, тем лучше» [82]). Этот принцип, в общей форме, так же неверен, как и обратный — чем хуже, тем лучше. Революционеры никогда не откажутся, конечно, от борьбы за реформы, от захвата хотя бы неважной и частной вражеской позиции, *если* эта позиция усилит их натиск и облегчит полную победу. Но они никогда не забудут также, что бывают случаи, когда уступка известной позиции делается самим неприятелем, чтобы разъединить нападающих и легче разбить их. Они никогда не забудут, что, только имея всегда в виду «конечную цель», только оценивая каждый шаг «дви-

*) См. чрезвычайно обстоятельное разъяснение этой стороны вопроса в брошюре П. Б. Аксельрода: «Историческое положение и взаимное отношение либеральной и социалистической демократии в России» (Женева, 1898), особенно стр. 5, 8, 11—12, 17—19.

жения» и каждую отдельную реформу с точки зрения общей революционной борьбы, можно гарантировать движение от ложных шагов и позорных ошибок.

Вот этой-то стороны вопроса — значения земства, как орудия *укрепления* самодержавия посредством половинчатой уступки, как орудия привлечения к самодержавию известной части либерального общества, — г. Р. Н. С. совершенно не понял. Он предпочел сочинить себе доктринерскую схему, прямолинейно связывающую земство и конституцию по «формуле»: чем лучше, тем лучше. «Если вы раньше упраздните земство в России — говорит он, обращаясь к Витте, — а потом расширите права личности, то вы окажетесь лишенным лучшего случая дать стране умеренную конституцию, исторически выросшую на основе местного самоуправления с сословной окраской. Делу консерватизма вы во всяком случае окажете очень плохую услугу». Какая стройная и красивая концепция! Местное самоуправление с сословной окраской — мудрый консерватор, имеющий доступ к престолу, — умеренная конституция. Жаль только, что в действительности мудрые консерваторы находили не раз благодаря земству «лучший случай» *не* «давать» стране конституции.

Мирная «концепция» г-на Р. Н. С. сказалась и на формулировке его лозунга, которым он заканчивает статью и который напечатан — именно как лозунг — на особой строке и жирным шрифтом: «Права и властное всероссийское земство!» Надо открыто признать, что это — такое же недостойное заигрывание с политическими предрассудками широкой массы русских либералов, как у «Рабочей Мысли» мы видим заигрывание с политическими предрассудками широкой массы рабочих. Мы обязаны восстать против этого заигрыванья и в первом и втором случае. Это предрассудок, будто правительство Александра II не отрезывало легального пути к свободе, — будто существование земства представляет лучший случай дать стране умеренную конституцию, — будто знаменем — не говорю уже революционного, но хотя бы конституционного движения — может служить лозунг: «права и властное земство». Это не знамя, помогающее отделять врагов от союзников, способное направлять движение и руководить им, это — тряпка, которая поможет только примазаться к движению самым ненадежным людям, которая облегчит правительству еще раз попытку отделаться громкими обещаниями и половинчатыми реформами. Да, не надо быть пророком, чтобы предсказать это: достигнет наше революционное движение своего апогея — удесятерится либеральное брожение в обществе — появятся в правительстве новые Лорис-Меликовы и Игнатьевы, которые напишут на своем знамени: «права и властное земство». По крайней мере, это было бы для России самым невыгодным, для правительства — самым выгодным исходом,

Если сколько-нибудь значительная часть либералов поверит этому знамени и, увлекшись им, с тылу нападет на «задир»-революционеров, то последние могут оказаться изолированными, и правительство попытается обеспечить себе минимальные, какой-нибудь совещательной и дворянско-аристократической конституцией ограничивающиеся, уступки. Удастся ли такая попытка, — это будет зависеть от исхода решительной схватки между революционным пролетариатом и правительством, — но что либералы окажутся обманутыми, за это можно вполне поручиться. Посредством лозунга, вроде того, который выставлен г. Р. Н. С. («властное земство» или «земщина» и т. п.), правительство отманит их, как щенят, от революционеров и, отманивши, схватит за шиворот и будет пороть розгами так называемой реакции. А мы, господа, не преминем тогда сказать: *так вам и надо!*

И ради чего, вместо требования уничтожения абсолютизма, выставляется как заключительный лозунг подобное умеренное и аккуратное пожелание? Во-первых, ради филистерского доктринерства, желающего оказать «услугу консерватизму» и верующего, что правительство умилится такой умеренностью и «смирится» перед ней. Во-вторых, ради того, чтобы «объединить либералов». Действительно, лозунг: «права и властное земство» объединит, пожалуй, *всех* либералов, — точно так же, как лозунг «копейка на рубль» объединит (по мнению «экономистов») *всех* рабочих. Только не будет ли *такое* объединение проигрышем вместо выигрыша? Объединение есть плюс, когда оно поднимает объединяемых на уровень сознательной и решительной программы объединяющего. Объединение есть минус, когда оно принижает объединяющих до уровня предрассудков массы. А среди массы русских либералов, несомненно, очень и очень распространен тот предрассудок, — что земство есть воистину «зародыш конституции» *), только случайно, происками каких-нибудь безнравственных временщиков задерживаемый в своем «естественном» мирном и постепенном росте, — что достаточно нескольких ходатайств для «смирения» самодержца, — что легальная культурная работа вообще и земская в частности имеет «крупное политическое значение», избавляя тех, кто на словах враждебен само-

*) К вопросу о том, чего можно ждать от земства, небезынтересны следующие отзывы князя П. В. Долгорукова из его «Листка» [33]), издававшегося в 60-х годах (Бурцев, н. с., стр. 63 — 66): «Рассматривая основные положения земских учреждений, мы опять встречаем ту же самую, тайную, но постоянно на свет пробивающуюся мысль правительства — оглушать своим великодушием; громогласно провозглашать: «вот, де, сколько я вам дарую!» Но в сущности дать как можно менее и, давая как можно менее, стараться еще положить преграды, чтобы не могли вполне воспользоваться даже тем, что̀ даровано... В настоящее время, при самодержавном порядке вещей, земские учреждения не принесут пользы и не могут ее принести, не будут иметь значения и не могут его иметь,

державию, от обязанности активно поддерживать, в той или другой форме, революционную борьбу с самодержавием, и пр., и т. п., и т. д. Объединение либералов — дело безусловно полезное и желательное, но только такое объединение, которое ставит своей целью борьбу с застарелыми предрассудками, а не заигрывание с ними, повышение среднего уровня нашей политической развитости (вернее: неразвитости), а не санкционирование его, — одним словом, объединение для поддержки нелегальной борьбы, а не для оппортунистического фразерства о крупном политическом значении легальной деятельности. Если не может быть оправдано выставление перед рабочими политического лозунга: «свобода стачек» и т. п., то точно так же не может быть оправдано и выставление пред либералами лозунга: «властное земство». *При самодержавии* всякое земство, хоть бы и распрепап-«властное», неизбежно будет уродиком, неспособным к развитию, а *при конституции* земство сразу потеряет свое современное «политическое» значение.

Объединение либералов возможно в двух формах: посредством образования самостоятельной либеральной (нелегальной, разумеется) партии и посредством организации содействия либералов революционерам. Г. Р. Н. С. сам указывает на первую возможность, но... если признать эти указания за действительное выражение видов и шансов либерализма, то к особенному оптимизму они не располагают. «Без земства — пишет он — земские либералы должны будут образовать либеральную партию или сойти с исторической сцены, как организованная сила. Мы убеждены, что организация либералов в нелегальную, хотя и очень умеренную по своей программе и приемам, партию будет неизбежным результатом упразднения земства». Если только «упразднения», то этого долго еще ждать, ибо даже Витте упразднять земства не желает, а русское правительство вообще очень заботится о сохранении внешности даже при полном вытравлении содержания. Что партия либералов будет очень умеренна,—это вполне естественно, и от движения в среде буржуазии (только на таком движении может держаться либеральная партия) другого нельзя и ждать. Но в чем же все-таки должна бы состоять деятельность этой партии, ее «приемы»?

по они богаты зародышами плодотворного развития в будущем... Новые земские учреждения, вероятно, судьбой предназначены служить основою будущему конституционному порядку в России... Но до времени введения в России образа правления конституционного, на время существования самодержавия, на время отсутствия свободы печатного слова земским учреждениям суждено остаться политическим призраком, *безгласными* сходками гласных земских». Таким образом Долгоруков даже тогда, в разгаре 60-х годов, не предавался чрезмерному оптимизму. А с тех пор 40 лет многому нас научили и показали, что земства предназначены были «судьбой» (а отчасти и правительством) служить основою целого ряда мероприятий, *оглушающих* конституционалистов.

Г. Р. Н. С. не разъясняет этого. «Сама по себе—говорит он—нелегальная либеральная партия, как организация, состоящая из наиболее умеренных и наименее подвижных оппозиционных элементов, не может развивать ни особенно широкой, ни особенно интенсивной деятельности»... Мы думаем, что в известной сфере, хотя бы даже и ограниченной пределами местных и главным образом земских интересов, либеральная партия вполне могла бы развить и широкую и интенсивную деятельность — укажем, напр., на организацию политических обличений... «Но при наличности такой деятельности со стороны других партий, в особенности партии социал-демократической или рабочей, либеральная партия — даже не вступая в прямое соглашение с социал-демократами—может оказаться очень серьезным фактором»... Совершенно справедливо, и читатель ждет естественно, чтобы автор хоть в самых общих чертах наметил работу этого «фактора». Но г. Р. Н. С. вместо этого обрисовывает рост революционной социал-демократии и заканчивает: «При наличности яркого политического движения... хоть сколько-нибудь организованная либеральная оппозиция может сыграть крупную политическую роль: умеренные партии при умелой тактике всегда выигрывают от обостряющейся борьбы между крайними общественными элементами»... И только! «Роль» «фактора» (который уже успел превратиться из партии в «оппозицию») состоит в том, чтобы «выигрывать» от обострения борьбы. Об участии либералов в борьбе — ни слова, а о выигрыше либералов упомянуто. Обмолвка, можно сказать, провиденциальная...

Русские социал-демократы никогда не закрывали глаза на то, что политическая свобода, за которую они прежде всего борются, принесет пользу *прежде всего* буржуазии. Восставать на этом основании против борьбы с самодержавием мог бы только социалист, погрязающий в худших предрассудках утопизма или реакционного народничества. Буржуазия воспользуется свободой, чтобы почить на лаврах,— пролетариату необходима нужна свобода, чтобы развернуть во всю ширь свою борьбу за социализм. И социал-демократия будет неуклонно вести освободительную борьбу, каково бы ни было отношение к этой борьбе тех или других слоев буржуазии. В интересах политической борьбы мы должны поддерживать всякую оппозицию гнету самодержавия, по какому бы поводу и в каком бы общественном слое она ни проявлялась. Для нас далеко не безразлична поэтому оппозиция нашей либеральной буржуазии вообще и наших земцев в частности. Сумеют либералы сорганизоваться в нелегальную партию, — тем лучше, мы будем приветствовать рост политического самосознания в имущих классах, мы будем поддерживать их требования, мы постараемся, чтобы деятельность либералов и социал-демократов взаимно дополняла друг

друга *). Не сумеют — мы и в этом (более вероятном) случае не «махнем рукой» на либералов, мы постараемся укрепить связи с отдельными личностями, познакомить их с нашим движением, поддержать их посредством разоблачения в рабочей прессе всех и всяких гадостей правительства и проделок местных властей, привлечь их к поддержке революционеров. Обмен услуг подобного рода между либералами и социал-демократами происходит и теперь, он должен быть только расширен и закреплен. Но, будучи всегда готовы на этот обмен услуг, мы никогда и ни в каком случае не откажемся от решительной борьбы с теми иллюзиями, которых так много в неразвитом политически русском обществе вообще и русском либеральном обществе в частности. В сущности мы можем, видоизменяя известное изречение Маркса о революции 48-го года, и о русском революционном движении сказать, что его прогресс состоит не в завоевании каких-либо положительных приобретений, а в освобождении от вредных иллюзий [85]. Мы освободились от иллюзий анархизма и народнического социализма, от пренебрежения к политике, от веры в самобытное развитие России, от убеждения, что народ готов для революции, от теории захвата власти и единоборства с самодержавием геройской интеллигенции.

Пора бы и либералам нашим освободиться от самой, казалось бы, несостоятельной теоретически и самой живучей практически иллюзии, будто возможно еще парламентерство с русским самодержавием, будто какое-нибудь земство есть зародыш конституции, будто искренним сторонникам этой последней можно исполнять свою Аннибалову клятву посредством терпеливой легальной деятельности и терпеливых призывов к смирению врага.

---

*) Пишущему эти строки приходилось указывать на пользу либеральной партии четыре года тому назад, по поводу партии «Народного Права» [84]. См. «Задачи русских социал-демократов» (Женева 1898): ... «Но если в этой партии («Народного Права») есть и не маскарадные, а настоящие политики не-социалисты, демократы не-социалисты,— тогда эта партия может принести не малую пользу, стараясь сблизиться с политически оппозиционными элементами нашей буржуазии»... (стр. 26). (См. II том Сочинений, стр. 185. *Ред.*)

ЦЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ.

Рабочие волнения в последнее время снова заставили повсюду усиленно говорить о себе. Обеспокоились и правящие сферы, обеспокоились не на шутку: это можно видеть из того, что сочли необходимым «покарать» приостановкой на одну неделю даже такую архиблагонамеренную, всегда угодничающую перед начальством газету, как «Новое Время» за его статью в ном. 9051 (от 11-го мая) «По поводу рабочих беспорядков». Кара вызвана, конечно, не содержанием статьи, которая преисполнена самых добрых чувств по отношению к правительству, самой искренней заботливости о его интересах. Опасным признано всякое обсуждение этих «волнующих общество» событий, всякое упоминание об их распространении и их важности. Приводимый нами ниже тайный циркуляр (от 11-го же мая) [86]) о том, чтобы печатать статьи о беспорядках на наших фабриках и заводах и об отношениях рабочих к хозяевам *только с разрешения департамента полиции*, доказывает лучше всяких рассуждений, насколько само правительство склонно считать рабочие волнения событием государственной важности. И статья «Нового Времени» представляет особый интерес именно потому, что в ней намечается целая государственная программа, которая, в сущности, целиком сводится к тому, чтобы потушить недовольство посредством нескольких мелких и частью лживых подачек, снабженных громкой вывеской попечительности, сердечности и т. п. и дающих повод усилить чиновничий надзор. Но эта не новая программа воплощает в себе, можно сказать, «предельную» мудрость современных государственных людей и даже не в одной только России, а и на Западе: в обществе, основанном на частной собственности, на порабощении миллионов неимущих и трудящихся кучке богачей, правительство не может не быть вернейшим другом и союзником эксплуататоров, вернейшим стражем их владычества. А для того, чтобы быть надежным стражем, недостаточно в наше время пушек, штыков и нагаек: надо постараться внушить эксплуатируемым, что правительство стоит выше клас-

сов, что оно служит не интересам дворян и буржуазии, а интересам справедливости, что оно печется о защите слабых и бедных против богатых и сильных и т. п. Наполеон III во Франции, Бисмарк и Вильгельм II в Германии положили не мало труда на такое заигрывание с рабочими. Но в Европе, при существовании более или менее свободной печати и народного представительства, избирательной борьбы и сложившихся политических партий, все эти лицемерные проделки разоблачались слишком быстро. В Азии, и в том числе в России, так забиты и невежественны народные массы, так сильны предрассудки, поддерживающие веру в царя-батюшку, что подобные проделки пользуются большим успехом. И вот, одним из весьма характерных признаков того, что и в Россию проникает европейский дух, служит *неудача* подобной политики в последние 10—20 лет. Пускали в ход эту политику много и много раз, и всегда оказывалось, что через несколько лет после издания какого-либо «попечительного» (будто бы попечительного) закона о рабочих, дело снова приходило в прежнее положение — увеличивалось число недовольных рабочих, росло брожение, усиливались волнения — опять с шумом и треском выдвигается «попечительная» политика, гремят пышные фразы о сердечном попечении к рабочим, издается какой-нибудь закон, в котором на алтын пользы рабочим и на целковый — пустых и лживых слов, — и через несколько лет повторяется старая история. Правительство вертится, как белка в колесе, оно из кожи лезет, чтобы заткнуть то здесь, то там недовольство рабочих какой-нибудь тряпичкой,— а недовольство прорывается в другом месте и еще сильнее.

В самом деле, припомните самые крупные вехи, знаменующие историю «рабочего законодательства» в России. В конце 70-х годов происходят очень крупные стачки в Петербурге, социалистами делается попытка воспользоваться случаем для усиления агитации. Александр III включает в свою так назыв. «народную» (а на самом деле дворянско-полицейскую) политику фабричное законодательство. В 1882 году учреждается фабричная инспекция, которая публиковала даже сначала свои отчеты. Правительству, конечно, отчеты не понравились, и оно *прекратило печатание их*. Законы о фабричном надзоре оказались именно тряпичкой. Наступает 1884 — 1885 год. Кризис в промышленности вызывает громадное движение рабочих и ряд самых бурных стачек в центральном районе (особенно замечательна Морозовская стачка). Снова выдвигают «попечительную» политику, — на этот раз с особенной силой выдвигал ее Катков в «Московских Ведомостях» [87]). Катков рвет и мечет по поводу того, что морозовских стачечников отдали под суд присяжных, он называет сто один вопрос, поставленный судом на разрешение присяжным, — «сто одним салютационным выстрелом в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса», но он требует

в то же время, чтобы «государство» заступилось за рабочих, запретило те безобразные штрафы, которые взорвали, наконец, морозовских ткачей. Выходит закон 1886 г., усиливающий во много раз фабричный надзор и запрещающий произвольные штрафы в пользу фабриканта. Проходит десять лет,—и новый взрыв рабочих волнений. Стачки 1895 года и особенно громадная стачка 1896 г. наводят трепет на правительство (особенно потому, что с рабочими теперь уже систематически идут рука об руку социал-демократы), и оно с невиданной прежде быстротой издает «попечительный» закон (2-го июня 1897 г.) о сокращении рабочего дня; в комиссии, обсуждавшей этот закон, чиновники министерства внутренних дел, и директор департамента полиции в том числе, во весь голос кричат: необходимо, чтобы фабричные рабочие видели в правительстве постоянного защитника, справедливого и милосердного покровителя (см. брошюру: «Тайные документы, относящиеся к закону 2-го июня 1897 г.»). А попечительный закон между тем под сурдинкой всячески урезывается и отменяется циркулярами того же правительства. Наступает новый промышленный кризис,— рабочие в сотый раз убеждаются, что никакие «попечения» полицейского правительства не могут дать им серьезного облегчения и свободы самим заботиться о себе,— новые волнения и уличные битвы,— новое беспокойство правительства — новые полицейские речи о «государственной попечительности», изрекаемые на этот раз в газете «Новое Время». И не надоест это вам, господа, воду в решете носить?

Нет, правительству никогда, конечно, не надоест повторять свои попытки запугать непримиримых рабочих и подмазать к себе какой-либо подачкой тех, кто послабее, поглупее и потрусливее. Но и нам никогда не надоест разоблачать истинный смысл этих попыток, разоблачать тех «государственных» мужей, которые сегодня кричат о попечительности, после того как они вчера приказывали солдатам стрелять в рабочих,— которые вчера заявляли о своей справедливости и покровительстве рабочим, а сегодня хватают и хватают для полицейской расправы без суда лучших людей и из рабочих и из интеллигентов. И поэтому мы считаем нужным остановиться на «государственной программе» «Нового Времени» заранее, прежде чем появился какой-нибудь еще новый «попечительный» закон. Да и те признания, которые делает при этом такой «авторитетный» в области нашей внутренней политики орган, заслуживают внимания.

«Новое Время» вынуждено признать, что «прискорбные явления в сфере рабочего вопроса» — не случайность. Конечно, виноваты тут и социалисты (газета избегает этого страшного слова, предпочитая более глухо говорить о «вредных лжеучениях», о «пропаганде противогосударственных и противообщественных идей»), но... по почему же это именно социалисты

пользуются успехом в рабочей среде? «Новое Время», конечно, не упускает случая обругать рабочих: они так «неразвиты и невежественны», что охотнее слушают вредную для полицейского благополучия проповедь социалистов. Виноваты, значит, и социалисты и рабочие,— с этими виноватыми жандармы и ведут давным-давно отчаянную войну, наполняя тюрьмы и места ссылки. Не помогает. Очевидно, есть такие *условия в положении фабрично-заводских рабочих,* которые «вызывают и поддерживают недовольство своим настоящим положением» и таким образом «благоприятствуют успеху» социализма. «Тяжелый труд фабрично-заводского рабочего в крайне мало-благоприятной житейской обстановке дает ему не более того, чтобы кормиться, пока в силах работать, а при всякой случайности, когда он на более или менее продолжительное время остается без работы, он оказывается в том беспомощном положении, о котором, напр., на-днях сообщалось в газетах про рабочих на бакинских нефтяных промыслах». Таким образом сторонники правительства должны признать, что успех социализма объясняется действительно плохим положением рабочих. Но признается это очень неопределенно и уклончиво, с такими оговорками, которые ясно показывают, что ни самомалейшего намерения затронуть «священную собственность» капиталистов, гнетущую рабочих, не может и быть у подобного рода людей. «К сожалению,— пишет «Новое Время»— мы слишком мало знаем фактическое положение вещей в сфере рабочего вопроса у нас в России». Да, к сожалению! И мало знаем «мы» именно потому, что позволяем полицейскому правительству держать в рабстве всю печать, затыкать рот всякому честному обличению наших безобразий. Зато вот «мы» стараемся направить ненависть рабочего человека не на азиатское правительство, а на «инородцев»: «Новое Время» кивает на «инородческие заводские администрации», называет их «грубыми и жадными». Такой выходкой можно поймать на удочку только самых неразвитых и темных рабочих, которые думают, что вся беда идет «от немца» или «от жида», которые не знают, что и немецкие и еврейские рабочие соединяются для борьбы со своими немецкими и еврейскими эксплуататорами. Да даже и незнающие этого рабочие видят из тысячи случаев, что всех «жаднее» и бесцеремоннее русские капиталисты, всех «грубее» русская полиция и русское правительство.

Интересно также сожаление «Нового Времени», что рабочий уж не так темен и не так покорен, как крестьянин. «Новое Время» плачет о том, что рабочий «отрывается от своих деревенских гнезд», что «в фабрично-заводских районах скапливаются сборные массы», что «сельчанин отрывается от села с его скромными (вот в чем суть-то), но самостоятельными общественно-экономическими интересами и отношениями». Как же не плакать, в самом деле? «Сель-

чанин» привязан к своему гнезду и из боязни потерять это гнездо не решается предъявить требование своему помещику, припугнуть его стачкой и т. п.; сельчанин не знает порядков в других местах, интересуется только своей деревушкой (сторонники правительства про это и говорят: «самостоятельные интересы» сельчанина; знает сверчок свой шесток, не сует носа в политику — что может быть приятнее для начальства?) — а в этой деревушке местная пиявка, помещик или кулак, знает всех наперечет, и все от отцов еще и дедов переняли холопскую науку подчинения, и некому пробудить в них сознание. А на фабрике народ «сборный», к гнезду не привязанный (все равно, где работать), виды видавший, смелый, интересующийся всем на свете.

Несмотря на это горестное превращение скромного мужика в сознательного рабочего, наши полицейские мудрецы надеются еще провести рабочую массу посредством «государственной попечительности о благоустройстве быта рабочих». «Новое Время» подкрепляет эту надежду следующим избитым рассуждением: «Гордый и всесильный на Западе, капитализм у нас — пока еще слабый ребенок, могущий ходить только на помочах, и водит его на помочах правительство»... Ну, этой старой песенке о всемогуществе власти поверит разве только скромный крестьянин! Рабочий же слишком часто видит, как капиталисты «водят на помочах» полицейских и духовных, военных и статских чиновников. И вот, — продолжает «Новое Время», — все дело в том, чтобы правительство «*настояло*» на улучшении быта рабочих, т.-е. потребовало бы от фабрикантов этого улучшения. Видите, как просто: приказать — и дело в шляпе. Но просто это только сказать, а на деле приказания начальства, даже самые «скромные», вроде устройства больниц при фабриках, не исполняются капиталистами по целым десятилетиям. Да и не посмеет правительство ничего серьезного потребовать от капиталистов, не нарушая «священной» частной собственности. Да и не захочет правительство серьезного улучшения быта рабочих, потому что оно само в тысяче случаев является хозяином, обсчитывает и притесняет и рабочих Обуховского завода и сотен других заводов, и десятки тысяч почтовых, железнодорожных служащих и проч. и проч. «Новое Время» и само чувствует, что в приказания нашего правительства никто не поверит, и оно старается найти себе опору в возвышенных исторических примерах. Это следует сделать,— говорит оно про улучшение быта рабочих — «подобно тому, как полвека назад правительство взяло в свои руки крестьянский вопрос, руководствуясь мудрым убеждением, что лучше преобразованиями сверху предупредить требование таковых снизу, чем дожидаться последнего».

Вот это действительно ценное признание! Перед освобождением крестьян царь намекал дворянам на народное восстание,

говоря: лучше освобождать сверху, чем ждать, когда станут сами освобождать себя снизу. И вот теперь прислужничающая правительству газета признается, что настроение рабочих внушает ей не меньше страха, чем настроение крестьян «перед волей». «Лучше сверху, чем снизу»! Глубоко заблуждаются газетные лакеи самодержавия, находя «подобие» между тогдашним и теперешним требованием преобразований. Крестьяне требовали отмены крепостного права, ничего не имея против царской власти и веря в царя. Рабочие восстановлены прежде всего и больше всего против правительства, рабочие видят, что их бесправие перед полицейским самодержавием связывает их по рукам и ногам в борьбе с капиталистами, и рабочие требуют поэтому свободы от правительственного самовластья и правительственного бесчинства. Рабочие волнуются тоже «перед волей», — но это будет воля всего народа, вырывающего политическую свободу у деспотизма.

* * *

Знаете ли, какой величайшей реформой хотят заткнуть недовольство рабочих и проявить к ним «государственную попечительность»? Если верить довольно упорным слухам, — идет борьба министерства финансов с министерством внутренних дел: последнее требует, чтобы фабричную инспекцию передали в его ведомство, уверяя, что тогда она меньше будет потакать капиталистам и больше заботиться о рабочих, предупреждая этим волнения. Пусть готовятся рабочие к новой царской милости: фабричные инспектора оденут новые мундиры и будут зачислены по другому ведомству (вероятно, с повышением содержания) и притом по тому самому ведомству, которое так давно и так любовно (особенно департамент полиции) печется о рабочих.

«Искра» № 6, июль 1901 г.

УРОКИ КРИЗИСА.

Вот уже почти два года, как тянется торгово-промышленный кризис. И он, повидимому, все разрастается, захватывая новые отрасли промышленности, распространяется на новые районы, обостряется новыми банковыми крахами. Наша газета, начиная с декабря прошлого года, в каждом номере отмечала так или иначе развитие кризиса и его гибельные действия. Пора поставить общий вопрос о причинах и значении этого явления. Для России оно сравнительно ново, как нов и весь наш капитализм. В старых же капиталистических странах, т.-е. в таких странах, в которых большинство продуктов производится на продажу, в которых большинство рабочих не имеет ни земли, ни орудий труда и продает свою рабочую силу, нанимаясь в чужие хозяйства, нанимаясь к собственникам, владеющим землей, фабриками, машинами и проч.,— в капиталистических странах кризис есть явление старое, повторяющееся от времени до времени, как припадок хронической болезни. Кризисы можно, поэтому, предсказывать, и когда в России стал особенно быстро развиваться капитализм,— в социал-демократической литературе был предсказан и теперешний кризис. В брошюре: «Задачи русских социал-демократов», написанной в конце 1897 г., говорилось: «В настоящее время мы переживаем, видимо, тот период капиталистического цикла (оборота, повторяющего одни и те же события, как повторяются зима и лето), когда промышленность «процветает», торговля идет бойко, фабрики работают во-всю и, как грибы после дождя, появляются бесчисленные новые заводы, новые предприятия, акционерные общества, железнодорожные сооружения и т. д. и т. д. Не надо быть пророком, чтобы предсказать неизбежность краха (более или менее крутого), который должен последовать за этим «процветанием» промышленности. Такой крах разорит массу мелких хозяйчиков, бросит массы рабочих в ряды безработных» *)... И крах наступил — такой крутой, какого еще Россия не видывала. От чего же зависит эта ужасная хрониче-

*) См. II том Сочинений, стр. 186. *Ред.*

ская болезнь капиталистического общества, возвращающаяся так правильно, что ее можно предсказывать?

Капиталистическое производство не может развиваться иначе, как скачками, два шага вперед и шаг (а иногда и целых два) назад. Как мы уже заметили, капиталистическое производство есть производство на продажу, производство товаров на рынок. А распоряжаются производством отдельные капиталисты, каждый поодиночке, и никто не может в точности знать, сколько именно и каких именно продуктов требуется на рынке. Производят наугад, заботясь только о том, чтобы перегнать друг друга. Вполне естественно, что количество произведенного может не соответствовать потребности рынка. И эта возможность особенно велика, когда громадный рынок внезапно расширяется на новые, неизведанные и громадные области. Так именно обстояло дело, когда начиналось недавно пережитое нами «процветание» промышленности. Капиталисты всей Европы протянули лапы к населенной сотнями миллионов части света, к Азии, в которой до тех пор только Индия да небольшая часть окраины была связана тесно со всемирным рынком. Закаспийская дорога стала «открывать» для капитала Среднюю Азию, «Великая Сибирская дорога» (великая не только по своей длине, но и по безмерному грабежу строителями казенных денег, по безмерной эксплуатации строивших ее рабочих) открывала Сибирь, Япония стала превращаться в промышленную нацию и попробовала пробить брешь в китайской стене, открывая такой лакомый кусок, который сразу ухватили зубами капиталисты Англии, Германии, Франции, России и даже Италии. Постройки гигантских железных дорог, расширение всемирного рынка и рост торговли — все это вызвало неожиданное оживление промышленности, рост новых предприятий, бешеную погоню за рынком для сбыта, погоню за прибылью, основание новых обществ, привлечение к производству массы новых капиталов, составленных отчасти и из небольших сбережений мелких капиталистов. Неудивительно, что эта бешеная всемирная погоня за новыми неизвестными рынками привела к громадному краху.

Чтобы ясно представить себе эту погоню, надо принять во внимание, какие колоссы участвовали в ней. Когда говорят: «отдельные предприятия», «одиночные капиталисты», то часто забывают, что в сущности эти выражения неточны. В сущности, отдельным и одиночным осталось только присвоение прибыли, а само производство стало общественным. Гигантские крахи только потому и стали возможны и неизбежны, что в подчинении у шайки богачей, ищущих одной наживы, оказались могучие *общественные* производительные силы. Поясним это примером из русской промышленности. В последнее время кризис распространился и на область нефти. А в этой промышленности ворочают такие,

напр., предприятия, как «Товарищество нефтяного производства бр. Нобель». В 1899 г. товарищество продало 163 милл. пуд. нефтяных продуктов на сумму $53^1/_2$ милл. руб., а в 1900 г. уже 192 милл. пуд. на сумму 72 милл. руб. В один год увеличение производства в одном предприятии на $18^1/_2$ милл. руб.! Такое «одно предприятие» держится объединенным трудом десятков и сотен тысяч рабочих, занятых добыванием нефти, переработкой ее, доставкой ее по нефтепроводам, железным дорогам, морям и рекам, занятых постройкой необходимых для этого машин, складов, материалов, барж, пароходов и пр. Все эти десятки тысяч рабочих работают на все общество, а распоряжается их трудом горсточка миллионеров, которая присваивает себе всю прибыль, приносимую этим организованным трудом масс. (Т-во Нобель получило чистой прибыли в 1899 г. — 4 милл. руб., а в 1900 г. — 6 милл. руб., из которых акционеры получили по 1.300 руб. на пай в 5.000 руб., а пять членов правления получили *награды* 528.000 руб.!) Если несколько таких предприятий бросается в бешеную гонку для захвата места на неведомом рынке, то удивительно ли наступление кризиса?

Мало того. Чтобы получилась прибыль от предприятия, надо продать товары, найти покупателей. И покупателем должна быть вся масса населения, потому что громадные предприятия производят горы и горы продуктов. А во всех капиталистических странах девять десятых населения состоит из нищих: из рабочих, получающих самую скудную заработную плату, из крестьян, живущих в массе еще хуже рабочих. И вот, когда крупная промышленность во время процветания размахивается произвести как можно больше, — она выбрасывает на рынок такую массу продуктов, что за них не в состоянии заплатить неимущее большинство народа. Количество машин, орудий, складов, железных дорог и проч. все возрастает, но это возрастание от времени до времени прерывается, потому что масса народа, для которого в конце концов предназначены все эти улучшенные способы производства, остается в бедности, доходящей до нищенства. Кризис показывает, что современное общество могло бы производить несравненно больше продуктов, идущих на улучшение жизни всего трудящегося народа, если бы земля, фабрики, машины и проч. не были захвачены кучкой частных собственников, извлекающих миллионы из народной нищеты. Кризис показывает, что рабочие не могут ограничиться борьбой за отдельные уступки со стороны капиталистов: во время оживления промышленности такие уступки можно завоевать (и русские рабочие своей энергичной борьбой не раз завоевывали себе уступки в 1894 — 98 г.г.), — но приходит крах, и капиталисты не только отбирают назад данные ими уступки, но и пользуются беспомощностью рабочих для еще большего понижения платы. И так неизбежно будет про-

должаться до тех пор, пока армии социалистического пролетариата не низвергнут господства капитала и частной собственности. Кризис показывает, как близоруки были те социалисты (называющие себя «критиками», должно быть, на том основании, что они без критики перенимают учения буржуазных экономистов), которые два года тому назад шумно заявляли о том, что крахи становятся теперь менее вероятными.

Уроки кризиса, разоблачающего всю нелепость подчинения общественного производства частной собственности, так назидательны, что теперь и буржуазная печать требует усиления надзора — напр., над банками. Но никакой надзор не помешает капиталистам основать во время оживления такие предприятия, которые неминуемо потом банкротятся. Алчевский, бывший основателем обанкротившихся земельного и торгового банков в Харькове, доставал себе правдами и неправдами миллионы рублей для основания и поддержки горнопромышленных предприятий, суливших золотые горы. И заминка в промышленности погубила эти банки и горные предприятия (Донецко-Юрьевское общество). Но что означает эта «гибель» предприятий в капиталистическом обществе? Это означает, что слабые капиталисты, капиталисты «второй величины», вытесняются более солидными миллионерами. Харьковского миллионера Алчевского заменяет московский миллионер Рябушинский, который, как более богатый капиталом, будет еще сильнее давить на рабочего. Замена второстепенных богачей первостепенными, увеличение силы капитала, разорение массы мелких собственников (напр., мелких вкладчиков, теряющих с крахом банка все имущество), страшное обнищание рабочих — вот что ведет за собой кризис. Напомним еще описанные в «Искре» случаи, что капиталисты удлиняют рабочий день и стараются при расчете заменить сознательных рабочих более покорными сермягами [88]).

В России вообще действие кризиса неизмеримо сильнее, чем в какой-нибудь другой стране. К застою в промышленности присоединяется у нас голодовка крестьян. Безработных рабочих высылают из городов в деревни, но куда будут высылать безработных крестьян? Высылкой рабочих хотят очистить от беспокойного народа города, но, может быть, высылаемым удастся пробудить хоть часть крестьян от их вековой покорности и поднять их на заявления не одних только просьб, но и *требований?* Рабочих и крестьян сближает теперь не только безработица и голод, но также и тот полицейский гнет, который отнимает у рабочих возможность соединения и защиты, отнимает у крестьян даже приходящую к ним от доброхотных жертвователей помощь. Тяжелая полицейская лапа становится во сто раз тяжелее для миллионов народа, потерявшего всякие средства к жизни. Жандармы и полиция в городах, земские начальники и урядники в деревнях ясно видят, что ненависть к ним растет, и они начи-

нают бояться не только деревенских столовых, но и газетных объявлений о сборе пожертвований. Боязнь пожертвований! И вправду, верно, на воре шапка горит. Когда вор видит, что обокраденному им человеку прохожий протягивает подаяние,— вору начинает казаться, что они подают друг другу руки, чтобы общими силами расправиться с ним.

«Искра» № 7, август 1901 г.

КРЕПОСТНИКИ ЗА РАБОТОЙ.

Вышел новый закон 8-го июля 1901 г.: об отводе частным лицам казенных земель в Сибири [89]). Какое применение получит новый закон, — это покажет будущее. Но уже самый характер этого закона настолько поучителен, так наглядно показывает он неподкрашенную натуру и истинные стремления царского правительства, что стоит обстоятельно разобрать этот закон и позаботиться о самом широком распространении знакомства с ним в рабочем классе и крестьянстве.

Подачки благородным дворянам-помещикам давно уже делает наше правительство: оно устроило для них дворянский банк, дало тысячи льгот по выдаче им ссуд и отсрочке недоимок, оно помогло им устроить стачку миллионеров-сахарозаводчиков для повышения цен и увеличения прибыли, оно позаботилось о местечках земских начальников для промотавшихся дворянских сынков, оно устраивает теперь благородным винокуренным заводчикам выгодный сбыт водки в казну. Но посредством отвода земель оно уже не только дает подачку самым богатым, самым знатным эксплуататорам, — оно создает *новый* класс эксплуататоров, оно обрекает миллионы крестьян и рабочих на постоянную кабалу новым помещикам.

Рассмотрим главные основания нового закона. Надо заметить, прежде всего, что закон этот — прежде, чем министр земледелия и государственных имуществ внес его в государственный совет — обсуждался *в особом совещании по делам дворянского сословия*. Всем известно, что в настоящее время всего более бедствуют в России не рабочие и не крестьяне, а дворяне-помещики, и вот «особое совещание» не замедлило изыскать способ помочь их бедствию. Казенные земли будут в Сибири продаваться и отдаваться в аренду «частным лицам» под «частновладельческие хозяйства», при чем нерусским подданным и инородцам (в число инородцев входят и евреи) *навсегда* запрещается какое бы то ни было приобретение этих земель, а сдача в аренду (эта, как увидим, самая выгодная для будущих помещиков опе-

рация) разрешается исключительно дворянам, «которые — гласит закон — по хозяйственной благонадежности своей являются желательными, в правительственных видах, землевладельцами в Сибири». Итак, правительственные виды состоят именно в том, чтобы трудящееся население было порабощено крупным землевладельцам-дворянам. Насколько крупным, — видно из того, что размер продаваемых участков не должен превышать, по закону, *трех тысяч десятин*, размер сдаваемых в аренду участков не ограничен вовсе, а срок аренды определен *до 99 лет*. Бедствующему помещику нужно, по расчету нашего правительства, *в двести раз* больше земли, чем крестьянину, которому нарезывают в Сибири по 15 дес. на семью.

И притом каких только льгот и изъятий не предусматривает закон относительно помещиков! Арендатор в течение первых пяти лет никакой платы не вносит. Если он покупает арендуемую им землю (а он имеет на это *право*, по новому закону), то пользуется рассрочкой продажной цены на 37 лет. По особому разрешению допускается и отвод для продажи более трех тысяч десятин земли, и продажа по вольной цене, а не с публичного торга, и отсрочка недоимки на один год и даже на три года. Не надо забывать, что воспользуются вообще новым законом только высшие сановники и лица, имеющие связи при дворе, и т. п., — таким лицам все эти льготы и изъятия даются шутя, после пары слов в гостинном разговоре с губернатором или министром.

Но — вот беда. Какую пользу извлекут из кусочков земли хотя бы и по три тысячи десятин все их владельцы-генералы, если не найдется «мужика», вынужденного на этих генералов работать? Как ни быстро растет народная нужда в Сибири, все же тамошний крестьянин несравненно самостоятельнее «российского» и к работе из-под палки мало приучен. Новый закон старается его приучить. «Предназначаемые для частновладельческих хозяйств земли *нарезаются, по возможности, вперемежку* с площадями, наделенными крестьянам» — гласит ст. 4 закона. Царское правительство заботится о «заработке» для бедных крестьян. Десять лет тому назад тот самый г. Ермолов, который теперь, в качестве министра земледелия и государственных имуществ, внес в государственный совет закон об отводе казенных земель в Сибири частным лицам, издал (без своей подписи) книгу: «Неурожай и голод». В этой книге он прямо заявлял, что нет основания разрешать переселение в Сибирь тем крестьянам, которые могут иметь «заработки» у местных помещиков. Русские государственные люди не церемонятся выражать чисто крепостнические взгляды: крестьяне созданы для работы на помещиков, и потому крестьянам не следует даже «разрешать» переселяться, куда они хотят, если от этого помещики лишатся дешевых рабочих. А когда крестьяне, несмотря на все затруд-

нения, волокиту и даже прямые запрещения, стали продолжать сотнями тысяч выселяться в Сибирь, — тогда царское правительство, точно бурмистр старого барина, побежало за ними вдогонку, чтобы допять их и на новом месте. Если «вперемежку» с скудными наделами и крестьянскими землями (лучшие из которых уже заняты) окажутся участки благородных помещиков по три тысячи десятин, — тогда, пожалуй, в скором времени мало будет и соблазна переселяться в Сибирь. И земли новых помещиков будут тем быстрее повышаться в цене, чем теснее станет жизнь окрестных крестьян: придется этим крестьянам и паниматься задешево и снимать помещичьи земли втридорога — совсем как в «России». Новый закон прямо о том и заботится, чтобы создать поскорее новый рай для помещиков и новый ад для крестьян: именно насчет сдачи земли в аренду на *один* посев сделана особая оговорка. Вообще говоря, на передачу взятой в аренду казенной земли требуется особое разрешение, а передача на один посев допускается совершенно свободно. Помещик может ограничить все свои заботы тем, что наймет приказчика, который будет сдавать землю подесятинно живущим «вперемежку» с помещичьим имением крестьянам — и посылать барину чистые денежки.

Впрочем, не всегда захотят дворяне вести даже и такое «хозяйство». Они могут сразу получить куш, если перепродадут казенную землю настоящим хозяевам. Не даром ведь новый закон выходит именно в такое время, когда в Сибирь проведена железная дорога, когда ссылка в Сибирь отменяется, а переселения в Сибирь возросли в громадных размерах: все это неминуемо поведет (и ведет уже) к повышению земельных цен. Поэтому отвод казенных земель частным лицам в настоящее время есть, в сущности, расхищение казны дворянами: казенные земли повышаются в цене, а их на особо льготных условиях сдают и продают всяким генералам, которые этим повышением цен и воспользуются. Напр., в Уфимской губ. в одном только уезде дворяне и чиновники сделали такую операцию с проданными им (на основании подобного же закона) землями: они заплатили казне за земли 60 тыс. руб., а через два года продали эти же земли за 580 тыс. руб., т.-е. получили за простую перепродажу *больше полумиллиона рублей!* Можно себе представить по этому примеру, сколько миллионов попадет в карманы бедствующих помещиков благодаря отводу земель по всей Сибири.

Правительство и его сторонники выдвигают для прикрытия этого наглого хищения всякие возвышенные соображения. Говорят о развитии культуры в Сибири, о важном значении образцовых хозяйств. На самом деле крупные имения, ставящие в безвыходное положение соседних крестьян, могут в настоящее время усилить только самые некультурные приемы эксплуатации. Образцовые хозяйства не создаются посредством казнокрадства, и отвод

земель поведет к простому маклерству землей со стороны дворян и чиновников, либо к процветанию кабальных и ростовщических приемов хозяйства. Благородные дворяне в союзе с правительством для того устранили от казенных сибирских земель евреев и прочих инородцев (которых они стараются выставить перед темным народом особенно беззастенчивыми эксплуататорами), чтобы *самим* заняться без помехи самого низкого сорта кулачеством.

Говорят еще о политическом значении дворянско-поместного сословия в Сибири: среди интеллигенции там особенно много бывших ссыльных, людей неблагонадежных, и вот, дескать, в противовес им надо создать надежный оплот государственной власти, надежный «земский» элемент. И в этих толках заключается гораздо больше и более глубокой правды, чем воображают «Гражданин» [90]) и «Московские Ведомости». Полицейское государство настолько восстановляет против себя массу населения, что ему необходимо искусственно создавать группы лиц, способных служить столпом отечества. Ему необходимо создать класс крупных эксплуататоров, которые бы всем были обязаны правительству, которые зависели бы от его милости, которые извлекали бы громадные доходы самым низменным способом (маклерство, кулачество) и в силу этого являлись бы всегда надежными сторонниками всякого произвола и угнетения. Азиатскому правительству нужна опора в азиатском крупном землевладении, в крепостнической системе «раздачи имений». И если в настоящее время нельзя раздавать «населенные имения», то можно раздать имения *вперемежку* с землями нищающих крестьян; если неудобно прямо раздарить тысячи десятин придворным лизоблюдам, то можно прикрыть раздачу обставленными тысячами льгот продажей и «арендой» (на 99 лет). Как же не назвать крепостнической эту поземельную политику по сравнению с поземельной политикой современных передовых стран, напр., Америки? Там никто *не смеет* рассуждать о разрешении или неразрешении переселений, потому что каждый гражданин имеет право переселяться куда ему угодно. Там свободные земли на окраинах государства *по закону* имеет право занять всякий, кто хочет заниматься сельским хозяйством. Там создается не класс азиатских сатрапов, а класс энергичных фермеров, которые развили все производительные силы страны. Там рабочий класс, благодаря обилию свободных земель, занял первое место по высоте жизненного уровня.

И в какое время выступило наше правительство со своим крепостническим законом! Во время самого сильного промышленного кризиса, когда десятки и сотни тысяч не находят занятия, во время новой голодовки миллионов крестьян. Правительство все заботы направило на то, чтобы не «шумели» о бедствии. Для этого оно повысылало на родину безработных рабочих, для

этого оно передало продовольственное дело из рук земства в руки полицейских чиновников, для этого оно запретило частным лицам устраивать для голодающих столовые, для этого оно заткнуло рот газетам. И вот, когда неприятный для сытых «шум» о голоде прекратился, — царь-батюшка принялся помогать, помогать бедствующим помещикам и несчастным генералам-придворным. Повторяем: наше дело теперь — просто распространить сведения о новом законе. Ознакомившись с ним, самые неразвитые слои рабочих, самые серые и забитые крестьяне поймут, кому служит правительство и какое правительство нужно народу.

«Искра» № 8, 10 сентября 1901 г.

АГРАРНЫЙ ВОПРОС И «КРИТИКИ МАРКСА» [91]

Написано во второй половине 1901 г.

Главы I—IV впервые напечатаны в декабре 1901 г., в журнале «Заря», № 2—3, подпись: Н. Ленин; главы V—IX—в феврале 1906 г., в журнале «Образование» [92], № 2, подпись: Н. Ленин.

Печатается по тексту «Зари» и «Образования», сверенному с текстом, напечатанным в сборнике: Вл. Ильин—«Аграрный вопрос», 1908 г.

Гг. „критики" въ аграрномъ вопросѣ.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

. . . „Доказывать. . . . что догматическій марксизмъ въ области аграрныхъ вопросовъ сбитъ съ позиціи, — значило бы стучаться въ открытую дверь". . . Такъ заявило въ прошломъ году „Русское Богатство" устами г. В. Чернова (1900 г. № 8, стр. 204). Страннымъ свойствомъ обладаетъ этотъ „догматическій марксизмъ"! Вотъ уже много лѣтъ ученые и ученѣйшіе люди Европы важно заявляютъ (а газетчики и журналисты повторяютъ и пересказываютъ), что марксизмъ уже сбитъ съ позиціи „критикой". — и тѣмъ не менѣе каждый новый критикъ опять съ начала начинаетъ трудиться надъ обстрѣливаніемъ этой якобы уже разрушенной позиціи. Г. В. Черновъ, напримѣръ, и въ журналѣ „Русск. Богатство" и въ сборникѣ „На славномъ посту" на протяженіи *цѣлыхъ 240 страницъ* „стучится въ открытую дверь", „бесѣдуя" съ читателемъ по поводу книги Герца. Столь обстоятельно пересказанное сочиненіе Герца, который въ свою очередь бесѣдуетъ о книгѣ Каутскаго, переведено уже на русскій языкъ. Г. Булгаковъ, исполняя свое обѣщаніе опровергнуть того же Каутскаго, выпустилъ цѣлое двухтомное изслѣдованіе. Теперь уже, навѣрное, никто не доищется и остатковъ „догматическаго марксизма", раздавленнаго на смерть этими горами критической печатной бумаги.

I

Присмотримся сначала къ общей теоретической физіономіи критиковъ. Г. Булгаковъ выступилъ еще въ журналѣ „Начало" со статьей противъ „Аграрнаго вопроса" Каутскаго и обнаружилъ сразу всѣ свои „критическіе" пріемы. Съ необычайной хлесткостью и развязностью истиннаго наѣздника „разносилъ" онъ Каутскаго, подсовывая ему то, чего онъ не говорилъ, обвиняя его, Каутскаго, въ игнорированіи обстоятельствъ и соображеній, точно изложенныхъ имъ же, Каутскимъ, преподнося читателю подъ видомъ *своихъ собственныхъ* критическихъ выводовъ — выводы, сдѣланные Каутскимъ. Съ видомъ знатока г. Булгаковъ обвинялъ Каутскаго въ смѣшеніи техники и экономики, — и самъ при этомъ тутъ же обнаруживалъ не только невѣроятную путаницу, но и свое

Первая страница статьи В. И. Ленина: «Гг. «критики» в аграрном вопросе», напечатанной в журнале «Заря» № 2—3—1901 г.

...«Доказывать,... что догматический марксизм в области аграрных вопросов сбит с позиции, — значило бы стучаться в открытую дверь»... Так заявило в прошлом году «Русское Богатство» устами г. В. Чернова (1900 г., № 8, стр. 204) [93]). Странным свойством обладает этот «догматический марксизм»! Вот уже много лет ученые и ученейшие люди Европы важно заявляют (а газетчики и журналисты повторяют и пересказывают), что марксизм уже сбит с позиции «критикой», — и тем не менее каждый новый критик опять сначала начинает трудиться над обстреливанием этой якобы уже разрушенной позиции. Г. В. Чернов, например, и в журнале «Русское Богатство» и в сборнике «На славном посту» на протяжении *целых 240 страниц* «стучится в открытую дверь», «беседуя» с читателем по поводу книги Герца. Столь обстоятельно пересказанное сочинение Герца, который в свою очередь беседует о книге Каутского, переведено уже на русский язык. Г. Булгаков, исполняя свое обещание опровергнуть того же Каутского, выпустил целое двухтомное исследование. Теперь уже, наверное, никто не доищется и остатков «догматического марксизма», раздавленного на-смерть этими горами критической печатной бумаги.

I.

«ЗАКОН» УБЫВАЮЩЕГО ПЛОДОРОДИЯ ПОЧВЫ.

Присмотримся сначала к общей теоретической физиономии критиков. Г. Булгаков выступил еще в журнале «Начало» [94]) со статьей против «Аграрного вопроса» Каутского и обнаружил сразу все свои «критические» приемы. С необычайной хлесткостью и развязностью истинного наездника «разносил» он Каутского, подсовывая ему то, чего он не говорил, обвиняя его, Каутского, в игнорировании обстоятельств и соображений, точно изложенных им же, Каутским, преподнося читателю под видом *своих собственных* критических выводов — выводы, сделанные Каутским. С видом знатока г. Булгаков обвинял Каутского в смешении техники и экономики, — и сам при этом тут же обнаруживал не только невероятную путаницу, но и свое нежелание дочитывать

до конца цитируемые им страницы у своего противника. Само собою разумеется, что статья будущего профессора кишела избитыми выходками против социалистов, против «теории краха», утопизма, веры в чудеса и проч. *). Теперь в своей докторской диссертации («Капитализм и земледелие», Спб. 1900 г.) г. Булгаков покончил все счеты с марксизмом и довел свою «критическую» эволюцию до ее логического конца.

Во главу угла своей «теории аграрного развития» г. Булгаков ставит «закон убывающего плодородия почвы». Нам приводят выдержки из сочинений классиков, установлявших **) этот «закон» (в силу которого каждое добавочное вложение труда и капитала в землю сопровождается не соответственным, а уменьшающимся количеством добываемого продукта). Нам сообщают список английских экономистов, признающих этот закон. Нас уверяют, что он «имеет универсальное значение», что это — «вполне очевидная истина, которую совершенно невозможно отрицать», «которую достаточно лишь ясно констатировать», и пр. и т. д. Чем решительнее выражается г. Булгаков, тем яснее видно, что он *пятится назад*, к буржуазной политической экономии, заслонявшей общественные отношения вымышленными «вечными законами». В самом деле, к чему сводится «очевидность» пресловутого «закона убывающего плодородия почвы»? К тому, что если бы последующие приложения труда и капитала к земле давали не уменьшающееся, а одинаковое количество продукта, то тогда незачем было бы вообще расширять запашки, тогда добавочное количество хлеба можно было бы производить на прежнем количестве земли, как бы мало это количество ни было, тогда «земледелие всего земного шара можно бы было уместить на одной десятине». Таков обычный *(и единственный)* довод в пользу «универсального» закона. И самое небольшое размышление покажет всякому, что этот довод представляет из себя бессодержательнейшую абстракцию, которая оставляет в стороне самое главное: уровень техники, состояние производительных сил. В сущности ведь самое понятие: «добавочные (или: последовательные) вложения труда и капитала» *предполагает* изменение способов производства, преобразование техники. Чтобы увеличить в значительных размерах количество вкладываемого в землю капитала, надо *изобрести* новые машины, новые системы полеводства, новые способы содержания скота, перевозки продукта и пр. и пр. Конечно, в сравнительно небольших размерах «добавочные вложения труда и капитала» могут происходить (и происходят)

*) На статью г-на Булгакова в «Начале» я ответил тогда же статьей: «Капитализм в сельском хозяйстве». Вследствие закрытия «Начала» статья эта была помещена в «Жизни» [95] 1900 г., № 1 и 2. (См. II том Сочинений, стр. 427. *Ред.*)

**) В издании 1908 года: «установивших». *Ред.*

и на базисе данного, неизменного уровня техники: в этом случае применим *до некоторой степени* и «закон убывающего плодородия почвы», применим в том смысле, что неизменное состояние техники ставит очень узкие сравнительно пределы добавочным вложениям труда и капитала. Вместо универсального закона мы получаем, следовательно, в высшей степени относительный «закон», — настолько относительный, что ни о каком «законе» и даже ни о какой кардинальной особенности земледелия не может быть и речи. Возьмем за данное: трехполье, посевы традиционных зерновых хлебов, навозное скотоводство, отсутствие улучшенных лугов и усовершенствованных орудий. Очевидно, что при условии неизменности этих данных пределы добавочных вложений труда и капитала в землю крайне узки. Но и в тех узких пределах, в которых все-таки добавочные вложения труда и капитала возможны, *отнюдь не всегда и не безусловно* будет наблюдаться уменьшение производительности каждого такого добавочного вложения. Возьмем промышленность. Представим себе мукомольное или железопеределочное производство в эпоху, предшествовавшую всемирной торговле и изобретению паровых машин. При этом состоянии техники пределы добавочных вложений труда и капитала в ручные кузницы, ветряные и водяные мельницы были крайне узки; неизбежно должно было наблюдаться громадное распространение мелких кузниц и мельниц, пока радикальное преобразование способов производства не создало базиса для новых форм промышленности.

Итак: «закон убывающего плодородия почвы» вовсе не применим к тем случаям, когда техника прогрессирует, когда способы производства преобразуются; он имеет лишь весьма относительное и условное применение к тем случаям, когда техника остается неизменной. Вот почему ни Маркс, ни марксисты и не говорят об этом «законе», а кричат о нем только представители буржуазной науки, в роде Брентано, которые никак не могут отделаться от предрассудков старой политической экономии с ее абстрактными вечными и естественными законами.

Г. Булгаков защищает «универсальный закон» такими доводами, над которыми стоит посмеяться.

«То, что являлось свободным подарком природы, теперь должно быть сделано человеком: ветер и дождь разрыхляли почву, полную питательных элементов, достаточно было небольшого усилия со стороны человека, чтобы добыть необходимое. С течением времени все бо́льшая и бо́льшая часть производительной работы отходит на долю человека; как и везде, искусственные процессы все больше становятся на место естественных. Но если в индустрии в этом выражается победа человека над природой, то в земледелии это указывает на растущую трудность существования, для которого природа сокращает свои дары.

«В данном случае безразлично, выражается ли в увеличении человеческого труда или же его продуктов, напр., орудий производства или удобрения и т. п., увеличивающаяся трудность производства пищи» (г. Булгаков хочет сказать: безразлично, выражается ли увеличивающаяся трудность производства пищи в увеличении человеческого труда или же в увеличении его продуктов); «важно только то, что она обходится человеку все дороже и дороже. В этом замещении сил природы человеческим трудом, естественных факторов производства искусственными и заключается закон убывающего плодородия почвы» (16).

Очевидно, г-ну Булгакову не дают спать лавры гг. Струве и Туган-Барановского, додумавшихся до того, что не человек работает при помощи машины, а машина при помощи человека. Подобно этим критикам и он падает до уровня вульгарной экономии, толкуя о *замещении* сил природы человеческим трудом и т. п. Заместить силы природы человеческим трудом, вообще говоря, так же невозможно, как нельзя заместить аршины пудами. И в индустрии и в земледелии человек может только пользоваться действием сил природы, если он познал их действие, и *облегчать* себе это пользование посредством машин, орудий и т. п. Что первобытный человек получал необходимое как свободный подарок природы, — это глупая побасенка, за которую г. Булгакова могут освистать даже начинающие студенты. Никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой. Введение машин и улучшенных способов производства неизмеримо облегчило человеку эту борьбу вообще и производство пищи в частности. Увеличилась не трудность производства пищи, а трудность получения пищи для рабочего — увеличилась потому, что капиталистическое развитие вздуло земельную ренту и земельную цену, концентрировало сельские хозяйства в руках крупных и мелких капиталистов, концентрировало еще больше машины, орудия, деньги, без которых невозможно успешное производство. Объяснять эту растущую трудность существования рабочих тем, что природа сокращает свои дары, — значит становиться буржуазным апологетом.

«Принимая этот закон, — продолжает г. Булгаков — мы вовсе не утверждаем непрерывного увеличения трудности производства пищи или не отрицаем сельско-хозяйственного прогресса: утверждать первое и отрицать второе значило бы идти против очевидности. Несомненно, что трудность эта растет не непрерывно, развитие движется зигзагами. Агрономические открытия, технические усовершенствования превращают бесплодные земли в плодородные, временно упраздняют тенденцию, отмеченную в законе убывающего плодородия почвы» (Ibid. *)).

*) — там же. *Ред.*

Не правда ли, как это глубокомысленно?

Технический прогресс — «временная» тенденция, а закон убывающего плодородия почвы, т.-е. уменьшающейся (да и то не всегда) производительности добавочных вложений капитала на базисе неизменной техники, «имеет универсальное значение»! Это совершенно все равно, что сказать: остановки поездов на станциях представляют из себя универсальный закон парового транспорта, а движение поездов между станциями — временная тенденция, парализующая действие универсального закона стояния.

Наконец, есть и массовые данные, опровергающие наглядно универсальность закона убывающего плодородия: данные о земледельческом и неземледельческом населении. Г. Булгаков сам признает, что «добывание пищи требовало бы постоянно увеличивающегося относительно» (это заметьте!) «количества труда и, следовательно, земледельческого населения, если бы каждая страна была ограничена своими естественными рессурсами» (19). Если в Западной Европе земледельческое население уменьшается, то это объясняется тем, что посредством привоза хлеба удалось отклонить от себя действие закона убывающего плодородия. — Нечего сказать, хорошо объяснение! Наш ученый забыл о той мелочи, что относительное уменьшение земледельческого населения наблюдается во всех капиталистических странах, в том числе и в земледельческих, и в вывозящих хлеб. Земледельческое население относительно уменьшается в Америке и в России, оно уменьшается во Франции с конца XVIII века (см. цифры в том же сочинении г. Булгакова, II, стр. 168), при чем это относительное уменьшение переходит даже иногда в абсолютное, между тем как перевес ввоза хлеба над вывозом был еще в 30-х и 40-х годах совершенно ничтожен, и *только с 1878 года* не встречается уже совершенно годов с перевесом вывоза над ввозом *). В Пруссии сельское население уменьшалось относительно с 73,5% в 1816 г. до 71,7% в 1849 г. и 67,5% в 1871 г., а ввоз ржи начался лишь с начала 60-х, пшеницы — с начала 70-х годов (там же, II, 70 и 88). Наконец, если мы возьмем европейские страны, ввозящие хлеб, — например, Францию и Германию последнего десятилетия, — то мы увидим *несомненный прогресс* сельского хозяйства на ряду с *абсолютным уменьшением* числа занятых им рабочих: во Франции это число уменьшилось с 1882 по 1892 г. — с 6.913.504 до 6.663.135 («Statist. agric.», ч. II, стр. 248 — 251), в Германии с 1882 по 1895 г. — с 8.064 тыс. до 8.045 тыс. **). Таким образом можно сказать, что *вся* история XIX века массовыми

*) «Statistique agricole de la France. Enquête de 1892». P. 1897. P. 113. («Аграрная статистика Франции. Обследование 1892 г.». Париж. 1897. Стр. 113. *Ред.*)

**) «Statistik des Deutschen Reichs», Neue Folge. Bd. 112: «Die Landwirtschaft im Deutschen Reich», Berlin. 1898. S. 6*. («Статистика Германской империи», новая серия, т. 112: «Сельское хозяйство в Германской импе-

данными по отношению к самым различным странам неопровержимо доказывает, что «универсальный» закон убывающего плодородия *совершенно парализован* «временной» тенденцией технического прогресса, который дает возможность уменьшающемуся относительно (а иногда даже абсолютно) сельскому населению производить увеличивающееся количество земледельческих продуктов на увеличивающуюся массу населения.

Кстати сказать, эти массовые статистические данные вполне опровергают также два следующих центральных пункта «теории» г. Булгакова, именно: во-первых, его утверждение, что «к земледелию совершенно неприложима» теория более быстрого роста постоянного капитала (орудий и материалов производства) сравнительно с переменным (рабочая сила). Г. Булгаков преважно заявляет, что эта теория неверна, ссылаясь в подтверждение своего мнения а) на «проф. А. Скворцова» (знаменитого всего более тем, что теорию средней нормы прибыли Маркса он приписывал агитаторскому злоумышлению) и б) на тот факт, что при интенсификации хозяйства увеличивается количество рабочих на единицу площади. Это—одно из тех умышленных непониманий Маркса, которые постоянно выказывают представители модной критики. Подумайте только: теория более быстрого роста постоянного капитала сравнительно с переменным опровергается фактом увеличения *переменного капитала* на единицу площади! И г. Булгаков *не замечает*, что приводимые им самим в таком обилии статистические данные подтверждают теорию Маркса. Если во всем германском земледелии число рабочих с 1882 по 1895 г. уменьшилось с 8.064 до 8.045 тыс. (а при добавлении лиц, занятых земледелием побочно, увеличилось с 11.208 до 11.623 тыс., т.-е. всего на 3,7%), тогда как количество скота за это время возросло с 23,0 миллионов до 25,4 миллионов (переводя весь скот на крупный), т.-е. более чем на 10%, число случаев употребления пяти главнейших машин возросло с 458 тыс. до 922 тыс., т.-е. более чем вдвое, количество ввозных удобрений с 636 тыс. тонн (1883 г.) до 1.961 тыс. тонн (1892 г.) и количество

рии». Берлин. 1898, стр. 6*. *Ред.*) Г-ну Булгакову, разумеется, неприятен этот, разрушающий все его мальтузианство, факт технического прогресса при уменьшающемся сельском населении. Наш «строгий ученый» прибегает поэтому к такой уловке: вместо того, чтобы взять сельское хозяйство в собственном смысле слова (земледелие, скотоводство и т. п.), он берет (вслед за данными об увеличивающемся количестве *земледельческих* продуктов с 1 гектара!) «сельское хозяйство в широком смысле», куда немецкая статистика включает и оранжерейное и торговое огородничество, *и лесоводство, и рыболовство!* Получается увеличение общей суммы лиц, действительно занятых «земледелием»!! (Булгаков, II, 133). Приведенные в тексте цифры относятся к лицам, для коих земледелие составляло *главное* занятие. Число лиц, занимающихся земледелием побочно, возросло с 3.144 тыс. до 3.578 тыс. Складывать эти цифры с предыдущими не вполне правильно, но и при сложении мы получаем лишь весьма небольшое увеличение: с 11.208 до 11.623 тыс.

калийных солей с 304 тыс. двойных центнеров до 2.400 тыс. *), — то не ясно ли, что отношение постоянного капитала к переменному увеличивается? Мы уже не говорим о том, что эти огульные данные в громадной степени скрадывают прогресс крупного производства. Об этом ниже.

Во-вторых, прогресс сельского хозяйства при уменьшении или ничтожном абсолютном увеличении сельского населения вполне опровергает нелепую попытку г. Булгакова воскресить мальтузианство. Из русских «бывших марксистов» эту попытку сделал едва ли не впервые г. Струве в своих «Критических заметках», но он, как и всегда, не пошел далее робких, недоговоренных и двусмысленных замечаний, не додуманных до конца и не сведенных к одной системе воззрений. Г. Булгаков смелее и последовательнее: «закон убывающего плодородия» он, ничтоже сумняшеся, превращает в «один из важнейших законов истории цивилизации» (sic! стр. 18). «Вся история XIX века... с его проблемами богатства и бедности была бы непонятна без этого закона». «Для меня совершенно несомненно, что социальный вопрос в теперешней его постановке существенно связан с этим законом» (это наш строгий ученый заявляет уже на 18-ой странице своего «исследования»!). ... «Несомненно, — заявляет он в конце сочинения — что, при наличности перенаселения, известная часть бедности должна быть отнесена на счет *абсолютной бедности*, бедности производства, а не распределения» (II, 221). «Проблема народонаселения в той особенной ее постановке, какую создают условия сельско-хозяйственного производства, составляет, в моих глазах, главную трудность, которая лежит на пути — в настоящее, по крайней мере, время — сколько-нибудь широкому проведению принципов коллективизма или кооперации в сельскохозяйственном предприятии» (II, 265). «Прошлое оставляет в наследие будущему хлебный вопрос, более страшный и более трудный, чем вопрос социальный, — вопрос производства, а не распределения» (II, 455) и пр. и пр. и пр. Нам нет надобности говорить о научном значении этой «теории», неразрывно связанной с универсальным законом убывающего плодородия почвы, — после того, как мы разобрали этот закон. А что критическое заигрыванье с мальтузианством привело в своем неизбежном логическом развитии к самому вульгарному буржуазному апологетизму, — это засвидетельствовано в приведенных нами выводах г. Булгакова с не оставляющей ничего желать откровенностью.

В следующем очерке мы разберем данные некоторых новых источников, указываемых нашими критиками (которые все уши прожужжали о том, что ортодоксы чураются детализации), и покажем, что г. Булгаков вообще превращает словечко «перенаселение» в трафарет, прикладывание которого избавляет его

) Statist. d. D. R., 112, S. 36. Булгаков, II, 135.

от всякого анализа и в особенности от анализа классовых противоречий внутри «крестьянства». Теперь же, ограничиваясь общетеоретической стороной аграрного вопроса, мы должны еще коснуться теории ренты. «Что касается Маркса, — пишет г. Б. — то в III т. «Капитала» — в том виде, как мы сейчас его имеем, он не прибавляет ничего, заслуживающего внимания, к теории дифференциальной ренты Рикардо» (87). Запомним это: «ничего, заслуживающего внимания», и сопоставим с приговором критика следующее, сделанное им раньше заявление: «Несмотря на очевидно отрицательное отношение к этому закону (закону убывающего плодородия почвы), Маркс усвоивает в основных принципах теорию ренты Рикардо, которая построена на этом законе» (13). Выходит ведь, по г. Булгакову, что Маркс не заметил связи теории ренты Рикардо с законом убывающего плодородия и потому не свел концов с концами! Мы можем одно сказать по поводу такого изложения: никто так не извращает Маркса, как бывшие марксисты, никто не проявляет такой невероятной бес... бес... бесцеремонности в подсовывании критикуемому писателю тысячи и одного смертного греха.

Утверждение г. Булгакова есть вопиющее извращение истины. На самом деле Маркс не только заметил эту связь теории ренты Рикардо с его ошибочным учением об убывающем плодородии почвы, но и с полнейшей определенностью разоблачил ошибку Рикардо. Кто хоть с капелькой «внимания» читал III том «Капитала», тот не мог не заметить того в высшей степени «заслуживающего внимания» обстоятельства, что именно Маркс *освободил* теорию дифференциальной ренты от *всякой связи* с пресловутым «законом убывающего плодородия почвы». Маркс показал, что для образования дифференциальной ренты необходим и достаточен факт различной производительности различных приложений капитала к земле. Совершенно не существенно при этом, совершается ли переход от лучшей земли к худшей или наоборот, понижается ли производительность добавочных вложений капитала в землю или повышается. В действительности имеют место всевозможные комбинации этих различных случаев, и ни под какое единое общее правило этих комбинаций подвести нельзя. Так, напр., Маркс описывает сначала дифференциальную ренту первого вида, происходящую от различной производительности приложений капитала на различных участках земли, и поясняет свое изложение таблицами (по поводу которых г. Б. делает строгое внушение за «чрезмерное пристрастие Маркса к облачению своих — нередко очень простых — мыслей в сложную математическую одежду». Эта сложная математическая одежда ограничивается четырьмя действиями арифметики, а очень простые мысли оказались, как мы видим, совершенно непонятыми ученым

профессором *)). Разобрав эти таблицы, Маркс заключает: «Таким образом падает та первая неверная предпосылка дифференциальной ренты, которая еще господствует у Веста (West), Мальтуса, Рикардо, именно, что дифференциальная рента необходимо предполагает переход к худшей и худшей почве или же постоянно уменьшающуюся производительность земледелия. Дифференциальная рента, как мы видели, может иметь место при переходе к лучшей и лучшей земле; дифференциальная рента может иметь место, если низшую ступень занимает лучшая почва вместо прежней худшей; она может быть связана с растущим прогрессом земледелия. Ее условием является исключительно неравенство видов почвы». (Маркс не говорит здесь о различной производительности последовательных вложений капитала в землю, ибо это порождает дифференциальную ренту *второго* вида, а в данной главе речь идет о дифференциальной ренте 1 вида.) «Поскольку дело касается развития производительности, — постольку дифференциальная рента предполагает, что повышение абсолютного плодородия всей сельско-хозяйственной площади не уничтожает этого неравенства, а либо усиливает его, либо оставляет неизменным, либо же только уменьшает» («Das Kapital», III, 2, S. 199). Г. Булгаков *не заметил* этого коренного отличия теории дифференциальной ренты Маркса от теории ренты Рикардо. Зато он предпочел разыскать в третьем томе «Капитала» «отрывок, позволяющий скорее думать, что Маркс относился к закону убывающего плодородия почвы далеко не отрицательно» (стр. 13, примеч.). Мы извиняемся пред читателем, что нам придется уделить очень много места совершенно несущественному (по отношению к интересующему нас с г. Булгаковым вопросу) отрывку. Но что прикажете делать, если герои современной критики (которые еще смеют обвинять ортодоксов в рабулистике **)) извращают совершенно ясный смысл враждебного им учения посредством выхваченных из контекста цитат и посредством перевранных переводов? Г. Булгаков цитирует найденный им отрывок так: «С точки зрения капиталистического способа производства всегда происходит относительное удорожание *(земледельческих)* продуктов, *так как*» (мы просим читателя обратить особое внимание на подчеркиваемые *нами* слова) «для получения продукта делается известная затрата, должно оплачиваться нечто такое, что̀ прежде не оплачивалось». И Маркс говорит дальше, что элементы природы, входящие в производство, как агенты его, ничего не стоя, являются даровой естественной производительной силой труда, а если для производства добавочного продукта приходится работать без помощи этой естественной силы, то необходимо затратить новый капитал, что̀ ведет к удорожанию производства.

*) В издании 1908 года: «непонятными ученым профессорам». *Ред.*
**) — словесных ухищрениях. *Ред.*

По поводу такого способа «цитировать» мы должны сделать три замечания. Во-первых, словечко «так как», придающее тираде абсолютный смысл установления какого-то «закона», *вставлено г. Булгаковым от себя. В оригинале* («Das Kapital», III, 2, S. 277—78) *стоит не «так как», а «если»* [96]. *Если* должно оплачиваться нечто такое, что̀ раньше не оплачивалось, то происходит всегда относительное удорожание продуктов; не правда ли, как *это* положение похоже на признание «закона» убывающего плодородия? Во-вторых, словечко «земледельческих» вставлено вместе со скобками г. Булгаковым. *В оригинале его вовсе нет.* Г. Булгаков решил, вероятно, со свойственным гг. критикам легкомыслием, что Маркс может говорить здесь только о земледельческих продуктах, и поспешил дать читателю «пояснение» совершенно превратного свойства. На самом деле Маркс говорит здесь о всех продуктах вообще; отрывку, цитированному г. Булгаковым, предшествуют слова Маркса: «вообще должно заметить следующее». Даровые силы природы могут входить и в промышленное производство — таков приведенный Марксом в том же отделе о ренте пример водопада, заменяющего для одной из фабрик силу пара, — и если нужно произвести добавочное количество продукта без помощи этих даровых сил, то произойдет *всегда* относительное удорожание продуктов. В-третьих, надо рассмотреть, в каком контексте стоит этот отрывок? Маркс говорит в этой главе о дифференциальной ренте с худшей возделываемой земли и разбирает, *как и всегда,* два для него совершенно равноправных, *совершенно одинаково возможных* случая: первый случай — повышающуюся производительность последовательных приложений капитала (S. 274—276) и второй случай — понижающуюся производительность их (S. 276—278). По поводу этого последнего из возможных случаев Маркс говорит: «О понижающейся производительности почвы при последовательных приложениях капитала смотри у Либиха... *Но* должно *вообще* заметить следующее» (курсив наш). Следует «переведенный» г. Булгаковым отрывок, гласящий, что если оплачивается то, что̀ раньше не оплачивалось, то *всегда* происходит относительное удорожание продуктов.

Предоставляем самому читателю судить о научной добросовестности критика, который превратил замечание Маркса об одном из возможных случаев в признание Марксом этого случая за какой-то общий «закон».

А вот заключительное мнение г. Булгакова о найденном им отрывке:

«Этот отрывок, конечно, неясен»... Ну, еще бы! После булгаковской замены одного слова другим этот отрывок даже совершенно лишен смысла... «но не может быть понят иначе как косвенное или даже прямое признание» (слушайте!) «закона

убывающего плодородия почвы. Мне не известно, чтобы Маркс где-либо еще прямо высказывался по поводу последнего» (I, 14). Как бывшему марксисту, г. Булгакову «неизвестно», что Маркс прямо объявил совершенно неверным предположение Веста, Мальтуса, Рикардо, будто дифференциальная рента предполагает переход к худшим землям или падающее плодородие почвы *). Ему «неизвестно», что Маркс на протяжении всего своего объемистого анализа ренты *десятки раз* показывает, что понижающуюся и повышающуюся производительность добавочных затрат капитала он рассматривает как совершенно одинаково возможные случаи!

II.

ТЕОРИЯ РЕНТЫ.

Теории ренты Маркса г. Булгаков вообще не понял. Он уверен, что разбивает эту теорию двумя следующими возражениями: 1. По Марксу, земледельческий капитал входит в выравнивание нормы прибыли, так что ренту создает добавочная прибыль, превышающая среднюю норму прибыли. Это неверно, по мнению г. Булгакова, ибо монополия землевладения устраняет свободу конкуренции, необходимую для процесса выравнивания нормы прибыли. Земледельческий капитал не входит в процесс выравнивания нормы прибыли. 2. Абсолютная рента есть лишь особый случай дифференциальной ренты, и различение ее от этой последней неправильно; это различение основывается на совершенно произвольном двояком толковании одного и того же факта — монопольного владения одним из факторов производства. Г. Булгаков так уверен в сокрушительности своих доводов, что не может воздержаться от целого потока сильных слов против Маркса: petitio principii **), немарксизм, логический фетишизм, утрата Марксом свободы умственного полета и пр. А между тем оба его довода основаны на довольно грубой ошибке. То же самое одностороннее упрощение предмета, которое побудило г. Булгакова возвести один из возможных случаев (понижение производительности добавочных затрат капитала) в универсальный закон убывающего плодородия, — приводит его в данном вопросе к тому, что он без критики оперирует с понятием «монополия», возводя это понятие в нечто в своем роде тоже универсальное, и смеши-

*) Это опровергнутое Марксом неверное предположение классической экономии перенял, разумеется, без критики и «критик» г. Булгаков вслед за своим учителем Брентано. «Условием возникновения ренты — пишет г-н Булгаков — является закон убывающего плодородия почвы...» (I, 90). ...«Английская рента... фактически различает последовательные затраты капитала разной, в общем убывающей производительности» (I, 130).

**) Этим термином в логике называется ошибка, заключающаяся в том, что принимается за доказанное такое положение, которое само еще требует доказательства. *Ред.*

вает при этом те последствия, которые вытекают, при капиталистической организации земледелия, из *ограниченности земли*, с одной стороны, и из *частной собственности на землю*, — с другой. Это ведь две вещи различные *). Объяснимся.

«*Условием*, хотя и не источником возникновения земельной ренты — пишет г. Булгаков — является то же самое, что̀ вызвало и возможность монополизации земли, — ограниченность производительных сил земли и безгранично растущая потребность в них человека» (I, 90). Вместо: «ограниченность производительных сил земли» надо было сказать: «*ограниченность земли*». (Ограниченность производительных сил земли сводится, как мы уже показали, к «ограниченности» данного уровня техники, данного состояния производительных сил.) Ограниченность земли предполагает действительно, при капиталистическом строе общества, монополизацию земли, *но земли как объекта хозяйства, а не как объекта права собственности*. Предположение капиталистической организации земледелия необходимо включает в себе то предположение, что вся земля занята отдельными, частными хозяйствами, *но отнюдь не включает предположения*, что вся земля находится в частной собственности этих хозяев или других лиц или в частной собственности вообще. Монополия владения землей на праве собственности и монополия хозяйства на земле — вещи совершенно различные не только логически, но и исторически. Логически — мы вполне можем представить себе чисто капиталистическую организацию земледелия при полном отсутствии частной собственности на землю, при нахождении земли в собственности государства или общин и т. п. И в действительности мы видим, что во всех развитых капиталистических странах вся земля занята отдельными, частными хозяйствами, но эти хозяйства эксплуатируют не только свои собственные, но и арендуемые ими земли частных собственников, и государственные земли, и земли общин (напр., в России, при чем во главе частных хозяйств на крестьянских общинных землях стоят, как известно, капиталистические крестьянские хозяйства). И Маркс недаром делает в самом начале своего анализа ренты замечание, что капиталистический способ производства застает (и подчиняет себе) самые различные формы поземельной собственности, начиная от клановой собственности и феодальной собственности и кончая собственностью крестьянских общин.

Итак, ограниченность земли неизбежно предполагает только монополизацию хозяйства на земле (при условии господства капитализма). Спрашивается, каковы необходимые последствия *этой* монополизации по отношению к вопросу о ренте? Ограниченность земли ведет к тому, что цену хлеба определяют условия произ-

*) В издании 1908 года: «разные». *Ред.*

водства не на среднего качества земле, а на худшей *) возделываемой земле. Эта цена хлеба дает фермеру (= капиталистическому предпринимателю в земледелии) покрытие его издержек производства и среднюю прибыль на его капитал. Фермер на лучшей земле получает добавочную прибыль, которая и образует *дифференциальную ренту*. Вопрос о том, существует ли частная собственность на землю, не стоит ровно ни в какой связи с вопросом об образовании дифференциальной ренты, которая неизбежна в капиталистическом земледелии хотя бы на общинных, государственных, бесхозяйных землях. Единственное последствие ограниченности земли при капитализме — образование дифференциальной ренты вследствие различной производительности различных затрат капитала. Г. Булгаков усматривает второе последствие в устранении свободы конкуренции в земледелии, говоря, что отсутствие этой свободы препятствует земледельческому капиталу участвовать в образовании средней прибыли. Это — явное смешение вопроса о хозяйстве на земле с вопросом о праве собственности на землю. Из факта ограниченности земли (независимо от частной собственности на землю) вытекает логически только то, что вся земля будет занята капиталистами-фермерами, но отнюдь не вытекает необходимость каких бы то ни было ограничений свободы конкуренции между этими фермерами. Ограниченность земли есть явление общее, неизбежно кладущее свою печать на всякое капиталистическое земледелие. Логическая несостоятельность смешения этих различных вещей наглядно подтверждается и историей. Не говорим уже об Англии: в ней отделение землевладения от земледельческого хозяйства очевидно, свобода конкуренции между фермерами — почти полная, обращение образованного в торговле и промышленности капитала на сельское хозяйство имело и имеет место в самых широких размерах. Но и во всех остальных капиталистических странах происходит (вопреки мнению г. Булгакова, тщетно пытающегося, вслед за г. Струве, выделить «английскую» ренту в нечто совершенно своеобразное) *тот же самый процесс* отделения землевладения от земледельческого хозяйства — только в самых различных формах (аренда, гипотека). Не замечая этого процесса (усиленно подчеркиваемого Марксом), г. Булгаков, можно сказать, слона не замечает. Во всех европейских странах наблюдаем мы, после падения крепостного права, разрушение сословности землевладения, мобилизацию земельной собственности, обращение торгово-промышленного капитала на сельское хозяйство, рост аренды и ипотечной задолженности. И в России, несмотря на наибольшие остатки крепостного права, мы видим после реформы усиленную покупку земли крестьянами, разночинцами и купцами, развитие аренды частновладельческих,

*) В издании 1908 года: «хуже». *Ред.*

государственных и *общинных* земель и проч. и проч. О чем свидетельствуют все эти явления? О создании свободной конкуренции в *земледелии* — *вопреки* монополии *земельной собственности* и несмотря на бесконечно разнообразные формы этой собственности. В настоящее время во всех капиталистических странах всякий владелец капитала может так же легко или почти так же легко вложить этот капитал в сельское хозяйство (посредством покупки или аренды земли), как и в любую отрасль торговли или промышленности.

Г. Булгаков в возражение против Марксовой теории дифференциальной ренты указывает на то, что «все эти различия (различия в условиях производства земледельческих продуктов) противоречивы и *могут*» (курсив наш) «взаимно уничтожать друг друга, — расстояние, как это указывал уже Родбертус, может парализоваться плодородием, различное же плодородие может выравниваться более успешным производством на участках большего плодородия» (I, 81). Напрасно только забывает наш строгий ученый о том, что Маркс отметил этот факт и сумел дать ему не такую однобокую оценку. «Ясно, — пишет Маркс — что эти два различные основания дифференциальной ренты, плодородие и положение» (земельных участков) «могут действовать в противоположном направлении. Земельный участок может быть хорошо расположен и очень мало плодороден, и наоборот. Это обстоятельство важно, ибо оно объясняет нам, почему при распашке земли в данной стране переход может совершаться точно так же от лучшей земли к худшей, как и наоборот. Наконец, ясно, что процесс социального производства вообще действует, с одной стороны, нивелирующим образом на положение» (земельных участков) «как на основание дифференциальной ренты, создавая местные рынки, создавая положение посредством проведения путей сообщения; а, с другой стороны, усиливает различия в местном положении земельных участков как посредством отделения земледелия от промышленности, так и посредством образования крупных центров производства на ряду с обратной стороной этого явления: усилением относительного одиночества деревни» (relative Vereinsamung des Landes) («Das Kapital», III, 2, 190). Таким образом, в то время как г. Булгаков с победоносным видом повторяет давно известное указание на *возможность* взаимного уничтожения различий, Маркс ставит *дальнейший* вопрос о превращении этой возможности в действительность и показывает, что рядом с нивелирующими влияниями наблюдаются и дифференцирующие. Конечный итог этих взаимно-противоречивых влияний состоит, как всякий знает, в том, что во всех странах и повсюду *существуют* громадные различия между земельными участками по плодородию и положению их. Возражение г. Булгакова свидетельствует только о полной непродуманности его замечаний.

Понятие последней наименее производительной затраты труда и капитала — продолжает возражать г. Булгаков — «одинаково без критики употребляется и Рикардо и Марксом. Не трудно видеть, какой элемент произвола вносится этим понятием: пусть на землю затрачивается $10a$ капитала, при чем каждое последующее a отличается убывающей производительностью; общий продукт почвы будет A. Очевидно, средняя производительность каждого a будет равна $A/10$, и, если весь капитал рассматривать как одно целое, то цена будет определяться именно этой средней его производительностью» (I, 82). Очевидно, — скажем мы на это, что г. Булгаков за своими пышными фразами об «ограниченности производительных сил земли» просмотрел *мелочь:* ограниченность земли. Эта ограниченность — совершенно независимо от какой бы то ни было *собственности* на землю — создает известного рода монополию, именно: так как земля вся занята фермерами, так как спрос предъявляется на весь хлеб, производимый на всей земле, в том числе и на самых худших и на самых удаленных от рынка участках, то понятно, что цену хлеба определяет цена производства на худшей земле (или цена производства при последней, наименее производительной затрате капитала). «Средняя производительность» г. Булгакова есть пустое арифметическое упражнение, ибо действительному образованию этой средней препятствует ограниченность земли. Чтобы образовалась эта «средняя производительность» и определила собой цены, для этого необходимо, чтобы каждый капиталист не только мог вообще приложить капитал к земледелию (настолько в земледелии есть, как мы уже говорили, свобода конкуренции), но также, чтобы каждый капиталист мог всегда сверх наличного числа земледельческих предприятий основать *новое* *) земледельческое предприятие. Будь это так, тогда между земледелием и промышленностью никакой разницы не было бы, тогда никакой ренты не могло бы возникнуть. Но именно ограниченность земли делает то, что это не так.

Пойдем далее. Мы рассуждали до сих пор, совершенно оставляя в стороне вопрос о собственности на землю; мы видели, что такой прием обязателен и в виду логических соображений и в виду исторических данных, свидетельствующих о возникновении и развитии капиталистического земледелия при всяких формах землевладения. Введем теперь это новое условие. Предположим, что вся земля находится в частной собственности. Как отразится это на ренте? Дифференциальная рента будет отобрана землевладельцем на основании его права собственности у фермера; так как дифференциальная рента есть избыток прибыли сверх нормальной, средней прибыли на капитал, и так как свобода

*) В издании 1908 года курсив устранен. *Ред.*

конкуренции в смысле свободы вложения капитала в сельское хозяйство в земледелии есть (respective*) создается капиталистическим развитием), то землевладелец всегда найдет фермера, удовлетворяющегося средней прибылью и отдающего ему, землевладельцу, сверх-прибыль. Частная собственность на землю не создает дифференциальной ренты, а только перемещает ее из рук фермера в руки землевладельца. Ограничивается ли этим влияние частной поземельной собственности? Можно ли предположить, что землевладелец *даром* позволит фермеру эксплуатировать ту худшую и хуже всех расположенную землю, которая дает только среднюю прибыль на капитал? Конечно, нет. Землевладение есть монополия, и на основании этой монополии землевладелец потребует платы с фермера и за эту землю. Эта плата будет *абсолютной рентой*, не стоящей ни в какой связи с различной производительностью различных затрат капитала и *вытекающей из частной собственности на землю*. Обвиняя Маркса в произвольном двояком толковании одной и той же монополии, г. Булгаков не дал себе труда подумать, что мы имеем дело действительно с двоякой монополией; во-первых, мы имеем монополию хозяйства (капиталистического) на земле. Эта монополия вытекает из ограниченности земли, являясь поэтому необходимой во всяком капиталистическом обществе. Ведет *эта* монополия к тому, что цену хлеба определяют условия производства на худшей земле, а избыточная, прибавочная прибыль, приносимая затратой капитала на лучшей земле или более производительной затратой капитала, образует дифференциальную ренту. Рента эта возникает совершенно независимо от частной поземельной собственности, которая только дает возможность землевладельцу отобрать ее у фермера. Во-вторых, мы имеем монополию частной собственности на землю. Ни логически, ни исторически эта монополия с предыдущей неразрывно**) не связана. Ничего *необходимого* для капиталистического общества и для капиталистической организации земледелия эта монополия из себя***) не представляет. С одной стороны, мы вполне можем мыслить капиталистическое земледелие без частной собственности на землю, и многие последовательные буржуазные экономисты требовали национализации земли. С другой стороны, мы и в действительности встречаем капиталистическую организацию земледелия при отсутствии частной поземельной собственности, напр.,

*) — или. *Ред.*

**) Вряд ли есть надобность напоминать читателю, что, имея здесь дело с общей теорией ренты и капиталистической организации земледелия, мы не касаемся таких фактов, как давность и распространенность частной поземельной собственности, как подрыв заокеанской конкуренцией последнего указанного нами вида монополии, а отчасти и обоих ее видов, и т. п.

***) В издании 1908 года: «собою». *Ред.*

на землях государственных и общинных. Поэтому различать эти двоякого рода монополии безусловно необходимо, а, следовательно, необходимо на-ряду с дифференциальной рентой признать и существование абсолютной ренты, которую *порождает* частная собственность на землю *).

Возможность происхождения абсолютной ренты из прибавочной стоимости земледельческого капитала Маркс объясняет тем, что в земледелии доля переменного капитала в общем составе капитала выше среднего (—предположение вполне естественное при несомненной отсталости земледельческой техники сравнительно с промышленной). Раз это так — следовательно, стоимость земледельческих продуктов вообще выше их цены производства, а прибавочная стоимость выше прибыли. Между тем монополия частной поземельной собственности препятствует этому излишку войти целиком в процесс выравнивания прибыли, и абсолютная рента берется из этого излишка **).

*) Во второй части второго тома «Теории прибавочной стоимости» (Theorien über den Mehrwert, II Band, II Theil), вышедшей в 1905 году, Маркс дает разъяснения по вопросу об абсолютной ренте, которые подтверждают правильность моего толкования (особенно относительно двух видов монополии). Вот относящиеся сюда места у Маркса: «Если бы земля представляла из себя неограниченный элемент не только в отношении к капиталу и к населению, но и фактически, т.-е. была бы «неограниченна» как «воздух и вода», была бы в «наличности в неограниченном количестве» (цитаты из Рикардо), то тогда присвоение земли одним лицом не могло бы на деле нисколько исключать присвоения земли другим лицом. Тогда не могло бы существовать никакой частной собственности на землю (и не только частной, но и «общественной» и государственной собственности не могло бы быть). В этом случае, если бы к тому же вся земля была повсюду одинакового качества, за землю не могла бы быть взимаема никакая рента... Вся соль вопроса состоит в следующем: если бы земля по отношению к капиталу существовала как всякая элементарная сила природы, то капитал в области сельского хозяйства действовал бы совершенно так же, как и во всякой другой области промышленности. Тогда не было бы никакой поземельной собственности и никакой ренты... Наоборот, если земля 1) ограничена, 2) захвачена в собственность, если капитал встречает, в виде условия своего возникновения, собственность на землю — именно так обстоит дело в странах, где развивается капиталистическое производство, а в таких странах, где раньше не было налицо этого условия (как в старой Европе), капиталистическое производство само создает для себя эти условия: пример Соед. Штаты, — то тогда земля не представляет из себя элементарно доступного капиталу поприща деятельности. Поэтому существует абсолютная рента независимо от дифференциальной ренты» (стр. 80, 81). Маркс с полной определенностью различает здесь ограниченность земли и нахождение земли в частной собственности. (Примечание автора к изданию 1908 г. *Ред.*)

**) Между прочим. Мы считали необходимым особенно подробно остановиться на теории ренты Маркса в виду того, что ошибочное понимание ее мы встретили также у г. П. Маслова («Жизнь», 1901, № 3 и 4, «К аграрному вопросу»), который признает убывающую производительность добавочных затрат капитала если не законом, то «обыкновенным» и как бы нормальным явлением, связывает с этим явлением дифференци-

Г. Булгаков очень недоволен этим объяснением и восклицает: «Что же за вещь такая — эта прибавочная ценность, что ее как сукна или хлопка или другого какого-либо товара может хватать или не хватать для покрытия возможного спроса. Прежде всего, это не материальная вещь, это — понятие, служащее для выражения определенного общественного отношения производства» (I, 105). Это противоположение «материальной вещи» — «понятию» представляет из себя наглядный образчик той схоластики, которую так любят в настоящее время преподносить под видом «критики». Какое значение могло бы иметь «понятие» о доле общественного продукта, если бы этому понятию не соответствовали определенные «материальные вещи»? Прибавочная ценность есть денежный эквивалент прибавочного продукта, который состоит из определенной доли сукна, хлопка, хлеба и всех прочих товаров. («Определенность» надо понимать, конечно, не в том смысле, что наука может конкретно определить эту долю, а в том смысле, что известны условия, определяющие в общих чертах размер этой доли.) В земледелии прибавочный продукт больше (в пропорции к капиталу), чем в других отраслях промышленности, и этого излишка (не входящего в выравнивание прибыли вследствие монополии поземельной собственности) может, естественно, «хватать или не хватать на покрытие спроса» со стороны монополиста-землевладельца.

Мы можем избавить читателя от подробного изложения той теории ренты, которую создал г. Булгаков, по собственному скромному замечанию, «собственными силами», «идя своим путем» (I, 111). Достаточно нескольких замечаний, чтобы охарактеризовать этот продукт «последней наименее производительной затраты» профессорского «труда». «Новая» теория ренты построена по старинному рецепту: «назвался груздем, полезай в кузов». Раз свобода конкуренции, — тогда уже не должно быть абсолютно никаких ограничений ее (хотя такой абсолютной свободы конкуренции нигде никогда и не существовало). Раз монополия, — кончено дело. Значит, рента берется вовсе не из прибавочной ценности, вовсе даже не из земледельческого продукта; она берется из продукта неземледельческого труда, это просто — дань, налог,

---

альную ренту и отвергает теорию абсолютной ренты. Интересная статья г. П. Маслова содержит много верных замечаний по адресу критиков, но она сильно страдает как от указанной сейчас ошибочности теории автора (который, защищая марксизм, не потрудился точно определить отличие «своей» теории от теории Маркса), так и от ряда неосторожных и совершенно несправедливых утверждений вроде, напр., того, что г. Бердяев «совершенно освобождается от влияния буржуазных писателей» и отличается «выдержанностью классовой точки зрения не в ущерб объективности», что «во многих отношениях анализ, сделанный Каутским, является местами... тенденциозным», что Каутский «совершенно не определил, в каком направлении идет развитие производительных сил в земледелии», и т. п.

вычет из всего общественного производства, вексель землевладельца. «Земледельческий капитал с своей прибылью и земледельческий труд, вообще земледелие, как область приложения труда и капитала, составляют таким образом status in statu *) в капиталистическом царстве... все (sic!) определения капитала, прибавочной ценности, заработной платы и ценности вообще в применении к земледелию оказываются величинами мнимыми» (I, 99).

Так. Так.**). Отныне все ясно: и капиталисты и наемные рабочие в земледелии — все это величины мнимые. Но если г. Булгакову случается так зарапортоваться, то он иногда рассуждает и не совсем неразумно. Через четырнадцать страниц мы читаем: «Производство земледельческих продуктов стоит обществу известного количества труда; это — их ценность». Отлично. Значит, уже по крайней мере «определения» ценности — величины несовсем мнимые. Дальше: «Раз производство организовано капиталистически, и во главе производства стоит капитал, то цена хлеба определится ***) по ценам производства, значит, будет произведен учет производительности данного приложения труда и капитала сравнительно с среднеобщественною». Прекрасно. Значит, и «определения» капитала, прибавочной ценности и заработной платы — величины несовсем мнимые. Значит, и свобода конкуренции (хотя и не абсолютная) имеется на-лицо, ибо без перехода капитала из земледелия в промышленность и обратно невозможен был бы «учет производительности сравнительно с среднеобщественною». Дальше: «Благодаря же земельной монополии цена поднимается выше ценности, до тех границ, до которых позволяют условия рынка». Превосходно. Но только где же это видывал г. Булгаков, чтобы дань, налог, вексель и проч. зависели от условий рынка? Если благодаря монополии цена поднимается до границ, допускаемых условиями рынка, то все отличие «новой» теории ренты от «старой» состоит в том, что шедший «своим путем» автор не понял, с одной стороны, разницы между влиянием ограниченности земли и влиянием частной собственности на землю, а с другой стороны, — связи между понятием «монополия» и понятием «последняя наименее производительная затрата труда и капитала». Удивляться ли после этого, что еще через семь страниц (I, 120) г. Булгаков совсем забыл уже о «своей» теории и рассуждает о «способе дележа этого (земледельческого) продукта между землевладельцем, капиталистическим фермером и сельско-хозяйственными рабочими»? Блестящий финал блестящей критики! Замечательный результат новой, обогатившей отныне науку политической экономии, *Булгаковской теории ренты!*

*) — государство в государстве. *Ред.*

**) В издании 1908 года одно «Так.» опущено. *Ред.*

***) В издании 1908 года: «цены хлеба определятся». *Ред.*

III.

МАШИНЫ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ.

Перейдем теперь к «замечательной», по отзыву г. Булгакова, работе Герца (Die agrarischen Fragen im Verhältniss zum Sozialismus. Wien 1899 *). Русский перевод А. Ильинского, С.-Петерб. 1900). Нам придется, впрочем, некоторое время разбирать одинаковые доводы обоих этих писателей совместно.

Вопрос о машинах в сельском хозяйстве и в тесной связи с ним вопрос о крупном и мелком производстве в земледелии служит для «критиков» особенно часто поводом к «опровержению» марксизма. Ниже мы подробно разберем некоторые приводимые ими детальные данные, а теперь рассмотрим относящиеся сюда общие соображения. Критики посвящают целые страницы подробнейшим рассуждениям насчет того, что машины в земледелии встречают больше трудностей применения, чем в промышленности, и потому применяются меньше и имеют меньше значения. Все это бесспорно и совершенно определенно было указано, например, и тем самым Каутским, одно имя которого приводит гг. Булгакова, Герца и Чернова в состояние, близкое к невменяемости. Но этот бесспорный факт нимало не опровергает того, что применение машин быстро развивается и в земледелии, оказывая на него могучее преобразующее действие. Критики могут только «отговариваться» от этого неизбежного вывода посредством таких, например, глубокомысленных рассуждений: ... «Земледелие характеризуется господством природы в процессе производства, несвободой человеческой воли» (Булгаков, I, 43) ... «вместо неуверенной и неточной работы человека она» (машина в промышленности) «с математическою правильностью выполняет как микрометрические, так и колоссальные работы. Машина не может сделать ничего подобного (?) относительно производства земледельческих продуктов, ибо до сих пор рабочий инструмент этот находится в руках не у человека, а у матери-природы. Это — не метафора» (там же). Это действительно не метафора, а просто пустая фраза, ибо всякий знает, что паровой плуг, рядовая сеялка, молотилка и т. п. *делают* работу *более* «уверенной и точной», а следовательно, сказать «ничего подобного» значит сказать пустяки! Точно так же, как сказать, что машина в земледелии «не может ни в какой мере (sic!) революционизировать *производство*» (Булгаков, I, 43—44, причем цитируются специалисты по сельскохозяйственному машиностроению, которые, однако, говорят только о сравнительном отличии машин сельско-хозяйственных и промышленных), или сказать: «машина не только не может здесь

*) — «Аграрные вопросы в их связи с социализмом». Вена 1899 г. *Ред.*

превратить работника в свой придаток (?), но этому работнику остается попрежнему роль руководителя процесса» (44) — например, подавальщику при молотилке? Превосходство парового плуга г. Булгаков старается ослабить ссылками на Штумпфе и Кутлеба (писавших о способности мелкого хозяйства конкурировать с крупным) в противоположность выводам специалистов по сельскохозяйственному машиностроению и сельско-хозяйственной экономии (Фюлинга, Перельса), причем фигурируют доводы вроде того, что возможность паровой вспашки требует особой почвы *) и «чрезвычайно обширных размеров имений» (по мнению г. Булгакова, это довод не против мелкого хозяйства, а против парового плуга!), что при глубине борозды *в 12 дюймов* работа скота *дешевле*, чем пара, и т. п. Подобными доводами можно исписать целые томы, нисколько не опровергнув этим ни того, что паровой плуг дал возможность чрезвычайно глубокой вспашки (и глубже, чем на 12 дюймов), ни того, что применение его быстро развивалось: в Англии в 1867 г. его применяли только 135 имений, в 1871 г. было уже в употреблении больше 2.000 паровых плугов (Каутский); в Германии число хозяйств, употреблявших паровые плуги, поднялось с 1882 по 1895 г. с 836 до 1.696.

По вопросу о сельско-хозяйственных машинах г. Булгаков цитирует неоднократно Фр. Бензинга, «автора специальной монографии о сельско-хозяйственных машинах», как он его аттестует (I, 44). Было бы большой несправедливостью, если бы мы не отметили и в данном случае, *как* цитирует г. Булгаков и *как* побивают его им же вызываемые свидетели.

Утверждая, что «конструкция» Маркса о более быстром росте постоянного капитала по сравнению с переменным неприложима к земледелию, г. Булгаков ссылается на необходимость все большей затраты рабочей силы по мере увеличения производительности земледелия и цитирует, между прочим, расчет Бензинга. «Общая потребность в человеческом труде выражается при разных системах хозяйства так: при трехпольном хозяйстве — 712 рабочих дней; при норфолькском плодопеременном хозяйстве — 1.615 рабочих дней; при плодопеременном хозяйстве с значительным производством свеклы — 3.179 рабочих дней на 60 гектаров» [97]). (Franz Bensing: «Der Einfluss der landwirtschaftlichen Maschinen auf Volks- und Privatwirtschaft», Breslau 1897 **), S. 42. Булгаков, I, 32.) Беда только в том, что Бензинг этим расчетом хочет доказать именно растущую роль машин: применяя эти

*) Герц с особенно «победоносным» видом настаивает на этом, доказывая неверность «абсолютного» суждения (S. 65, р. пер. 156), что паровой плуг «при всяких обстоятельствах» выше упряжного. Это вот именно называется ломиться в открытую дверь!

**) Франц Бензинг: «Влияние сельско-хозяйственных машин на народное и частновладельческое хозяйство». Бреславль 1897 г. *Ред.*

цифры ко всему сельскому хозяйству Германии, Бензинг вычисляет, что наличных сельско-хозяйственных рабочих хватило бы только для обработки земли по трехпольной системе, и что, следовательно, введение плодосмена было бы вообще *невозможно*, если бы не применялись машины. Так как известно, что при господстве старого трехполья машины почти совсем не употреблялись, то расчет Бензинга доказывает *обратное* тому, что хочет доказать г. Булгаков; именно: этот расчет доказывает, что рост производительности земледелия необходимо должен был идти в связи с более быстрым ростом постоянного капитала по отношению к переменному.

Другой раз, утверждая, что «существует коренная (sic!) разница между ролью машины в обрабатывающей промышленности и в земледелии», г. Булгаков цитирует слова Бензинга: «сельско-хозяйственные машины не способны к такому безграничному повышению производства, как промышленные...» (I, 44). И опять не везет г. Булгакову. Бензинг отмечает эту, вовсе не «коренную» разницу между земледельческими и промышленными машинами в начале VI-ой главы, которая озаглавлена: «Влияние сельско-хозяйственных машин на валовой доход». Разобрав подробно по отношению к каждому отдельному виду машин данные специальной сельско-хозяйственной литературы и особо произведенной им анкеты, Бензинг получает такой общий вывод: увеличение валовой выручки получается при употреблении парового плуга — на 10 процентов, рядовой сеялки — на 10 процентов, молотилки — на 15 процентов, кроме того рядовая сеялка сберегает 20 процентов семян, и только при употреблении машины для сбора картофеля замечается понижение валовой выручки на 5 процентов. Утверждение г. Булгакова: «во всяком случае, паровой плуг есть единственная из сельско-хозяйственных машин, в пользу которой могут быть приведены известные технические соображения» (I, 47—48), *во всяком случае* опровергнуто тем самым Бензингом, на которого неосторожный г. Булгаков тут же ссылается.

Чтобы дать возможно более точное и цельное представление о значении машин в сельском хозяйстве, Бензинг дает ряд подробнейших расчетов о результатах хозяйничанья без машин, с одной, двумя и т. д. и наконец со всеми важнейшими машинами, включая и паровой плуг и сельско-хозяйственные подвозные железные дороги (Feldbahnen). Оказывается, что при отсутствии машин валовая выручка = 69.040 маркам, расход = 68.615 м., чистый доход = 425 м. или по 1,37 марке с гектара, а при употреблении всех важнейших машин валовой доход = 81.078 м., расход = 62.551,5 м., чистый доход — 18.526,5 м., т.-е. по 59,76 м. с гектара, то-есть *более чем в сорок раз выше*. И это влияние одних только машин, ибо система хозяйства предположена нейз-

менной! Что применение машин сопровождается, как показывают те же расчеты Бензинга, громадным ростом постоянного капитала и *уменьшением* переменного (т.-е. капитала, расходуемого на рабочую силу, и самого числа рабочих), это разумеется само собою. Одним словом, работа Бензинга всецело опровергает г. Булгакова и доказывает как превосходство крупного хозяйства в земледелии, так и применимость к последнему закона о росте постоянного капитала на счет переменного.

Одно только сближает г. Булгакова и Бензинга: это то, что последний стоит на чисто буржуазной точке зрения, совершенно не понимает присущих капитализму противоречий и преблагодушно закрывает глаза на вытеснение рабочих машинами и т. п. О Марксе этот умеренный и аккуратный ученик немецких профессоров говорит с такой же ненавистью, как и г. Булгаков. Только Бензинг последовательнее: он называет Маркса «противником машин» вообще, и в земледелии и в промышленности, так как, дескать, Маркс «извращает факты», толкуя о вредном влиянии машин на рабочих и вообще приписывая машинам всякие беды (Bensing, l. c., *) S. 4, 5, 11). Отношение г. Булгакова к Бензингу паки и паки показывает нам, что̀ перенимают у буржуазных ученых гг. «критики» и на что они смотрят сквозь пальцы.

Какого сорта «критика» Герца, это достаточно видно из такого примера: на стр. 149 (р. пер.) он обвиняет Каутского в «фельстоших приемах» и на стр. 150 «опровергает» утверждение о превосходстве крупного производства по употреблению машин такими **) доводами: 1. посредством товариществ покупка машин *доступна* и мелким хозяевам. Это, изволите видеть, опровергает *факт* большей распространенности машин в крупных хозяйствах! Кому более *доступны* блага товарищеского соединения, об этом мы во втором очерке особо побеседуем с Герцем. 2. Давид показал в «Sozialistische Monatshefte» ***) [98]) (V, 2), что употребление машин в мелких хозяйствах «широко распространено и сильно возрастает... что и рядовая сеялка часто (sic!) встречается даже в очень мелких хозяйствах. То же самое с сенокосилками и другими машинами» (S. 63, стр. 151 р. п.). А если читатель обратится к статейке Давида ****), то увидит, что он берет *абсолютные цифры* о числе хозяйств, употреблявших машины, а не процентное отношение этих хозяйств ко всему числу хозяйств данной группы (как делает, разумеется, Каутский).

*) l. c. — цитированное место, цитированное произведение. *Ред.*

**) В издании 1908 года: «следующими». *Ред.*

***) «Социалистический Ежемесячник». *Ред.*

****) В книге Давида «Социализм и сельское хозяйство» (СПБ. 1906) повторен этот ошибочный прием (стр. 179). (Примечание автора к изданию 1908 г. *Ред.*)

Сопоставим эти цифры, относящиеся ко всей Германии за 1895 год *).

Группы хозяйств	Всего хозяйств	В том числе употреблявших машины:					
		сеялки	%	рядовые сеялки	%	косилки и жатки	%
До 2 ha **)	3.236.367	214	0,01	14.735	0,46	245	0,01
2 — 5 ha	1.016.318	551	0,05	13.088	1,29	600	0,06
5 — 20 ha	998.804	3.252	0,33	48.751	4,88	6.746	0,68
20 — 100 ha	281.767	12.091	4,29	49.852	17,69	19.535	6,93
100 и больше ha	25.061	12.565	50,14	14.366	57,32	7.958	31,75
Всего	5.558.317	28.673	0,52	140.792	2,54	35.084	0,63

Не правда ли, как подтверждаются этим слова Давида и Герца, что сеялки и косилки «часто» встречаются «даже в очень мелких хозяйствах»? И если Герц делает «вывод», что «со стороны статистики утверждение Каутского совершенно не выдерживает критики», то на чьей стороне наблюдаем мы в самом деле поистине фельетонные приемы?

Как курьез надо отметить, что, отрицая превосходство крупного хозяйства по употреблению машин, отрицая вызываемый этим факт чрезмерного труда и недостаточного потребления в мелком хозяйстве, «критики» сами однако, когда им приходится касаться фактического положения дел (и когда они забывают о своей «главной задаче» — опровержении «ортодоксального» марксизма), беспощадно себя побивают. «Крупное хозяйство — говорит, напр., г. Булгаков во II томе своей книги (стр. 115) — работает всегда капиталоинтенсивнее, чем мелкое, и потому, естественно, отдает предпочтение механическим факторам производства, сравнительно с живою рабочей силой». Что г. Булгаков, в качестве «критика», склоняется, вслед за гг. Струве и Туган-Барановским, к вульгарной экономии, противополагая механические «*факторы* производства» живым, — это действительно вполне «естественно». Но естественно ли было, что он так неосторожно отрицал превосходство крупного хозяйства?

О концентрации в сельско-хозяйственном производстве г. Булгаков выражается не иначе, как «мистический закон концентрации»

) «Stat. d. D. R.» 112. Bd., S. 36.

**) Употребляющееся всюду и дальше выражение «ha» — сокращение слова «гектар». *Ред.*

и т. п. Но вот приходится ему иметь дело с английскими данными, и оказывается, что тенденция к концентрации ферм имела место с 50-х годов вплоть *) до конца 70-х. «Мелкие потребительские хозяйства — пишет г. Булгаков — соединялись в более крупные. *Эта* консолидация земельных участков представляется отнюдь не результатом борьбы крупного и мелкого производства (?), а сознательного (!?) стремления лэндлордов к повышению своей ренты соединением нескольких мелких хозяйств, плативших весьма низкую ренту, в крупное, могущее платить большую ренту» (I, 239). Вы понимаете, читатель: *не* борьба крупного с мелким, *а* вытеснение второго, как малодоходного, первым? «Раз хозяйство поставлено на капиталистическую ногу, то бесспорно, что, в известных границах, крупное капиталистическое хозяйство имеет несомненные преимущества над мелким капиталистическим» (I, 239 — 240). Если это бесспорно, то зачем же так шумит г. Булгаков и шумел (в «Начале») против Каутского, который *начинает* свою главу о крупном и мелком производстве (в «Аграрном вопросе») заявлением: «Чем более капиталистическим становится сельское хозяйство, тем более развивает оно качественное различие в технике между крупным и мелким производством»?

Но не только период процветания земледелия в Англии, а **) и период кризиса приводит к неблагоприятным для мелкого хозяйства выводам. Отчеты комиссий за последние годы «с удивительной настойчивостью утверждают, что наиболее тяжело кризис лег именно на мелких хозяев» (I, 311). «Дома их — говорит один отчет про мелких собственников — хуже средних коттэджей рабочих... Работа всех их удивительно тяжела и значительно продолжительнее, чем рабочих, причем многие из них говорят, что они не находятся в столь выгодном материальном положении, как последние, что они живут не так хорошо и редко едят свежее мясо»... «Йомены, обремененные гипотеками, погибли первые» (I, 316)... «Они экономят во всем так, как это делают лишь немногие рабочие»... «Мелкие фермеры еще справляются до тех пор, пока пользуются неоплаченным трудом членов семьи»... «Что жизнь мелкого фермера бесконечно тяжеле, чем работника, едва ли нужно и добавлять» (I, 321). Мы привели эти выписки, чтобы читатель мог судить о правильности следующего вывода г. Булгакова: «Жестокое разорение хозяйств, сохранившихся до эпохи аграрного кризиса, говорит только (!!) о том, что мелкие производители в подобных случаях погибают скорее, чем крупные, — не более (sic!!). Сделать отсюда какое-либо общее заключение об их общей экономической жизнеспособности совершенно невозможно, ибо в эту эпоху оказалось несостоятельно

*) В издании 1908 года «вплоть» опущено. *Ред.*
**) В издании 1908 года: «но». *Ред.*

все английское земледелие» (I, 333). Не правда ли, хорошо? И г. Булгаков в главе об общих условиях развития крестьянского хозяйства даже обобщает этот замечательный способ рассуждения: «Внезапное падение цен тяжело отзывается на все формы (всех формах?) производства, но крестьянское, как наиболее слабое капиталом, естественно, менее устойчиво, чем крупное (что нимало не затрогивает вопроса об его общей жизнеспособности)» (II, 247). Итак, в капиталистическом обществе слабые капиталом хозяйства менее устойчивы, но это не затрогивает их «общей» жизнеспособности!

Не лучше обстоит дело в отношении последовательности рассуждения и у Герца. Он «опровергает» (охарактеризованными выше приемами) Каутского, но когда речь заходит об Америке, он признает преимущество ее более крупных хозяйств, допускающих «в гораздо большей степени применение машин, чего не допускает наше парцельное хозяйство» (S. 36, р. п. 93); он признает, что «европейский крестьянин хозяйничает часто, придерживаясь устарелых, рутинных способов производства, надрываясь (robotend) над куском хлеба как рабочий, не стремясь к лучшему» (там же). Герц признает и вообще, что «мелкое производство применяет сравнительно больше труда, чем крупное» (S. 74, р. п. 177), он мог бы с успехом поделиться с г. Булгаковым данными о повышении урожаев вследствие введения парового плуга (S. 67—68, р. пер. 162—63) и т. п.

Естественным спутником неустойчивости теоретических воззрений наших критиков на значение сельско-хозяйственных машин является беспомощное повторение ими чисто-реакционных выводов аграриев, настроенных против машин. Герц еще очень нерешителен, правда, в этом щекотливом пункте; говоря о «затруднениях», которые ставит сельское хозяйство введению машин, он замечает: «высказывается мнение, что зимой остается столько свободного времени, что ручная молотьба бывает выгоднее» (S. 65, р. п. 156—57). Герц склонен, видимо, заключать *) отсюда со свойственной ему логичностью, что этот факт говорит не против мелкого производства, не против капиталистических препятствий введению машин, а против машин! Зато г. Булгаков не даром выговаривает Герцу, что он «слишком связан мнениями своей партии» (II, 287). Российский профессор, конечно, выше таких унизительных «связей» и гордо заявляет: «Я достаточно свободен от столь распространенного, особенно в марксистской литературе предрассудка, согласно которому нужно видеть прогресс во всякой машине» (I, 48). К сожалению, полету мысли в этом великолепном рассуждении совершенно не соответствуют конкретные выводы. «Паровая молотилка,— пишет г. Булгаков,—

*) В издании 1908 года: «заключить». *Ред.*

лишив многих и многих рабочих зимних занятий, была, несомненно, значительным злом для рабочих, которое не окупалось техническими выгодами *). На это указывает, между прочим, Гольц, который выставляет даже утопическое пожелание» (II,103), именно, пожелание *ограничить* употребление молотилки, особенно паровой, «для улучшения положения сельско-хозяйственных рабочих — добавляет Гольц — а также для уменьшения эмиграции — и миграции» (под миграцией, вероятно, Гольц имеет в виду, добавим от себя, переселение в города).

Напомним читателю, что именно эту идею Гольца отметил в своем «Аграрном вопросе» и Каутский. Небезынтересно поэтому сравнить отношение к конкретному вопросу экономии (значение машин) и политики (не ограничить ли?) узкого ортодокса, погрязающего в марксистских предрассудках, и современного критика, прекрасно воспринявшего весь дух «критицизма».

Каутский говорит («Agrarfrage» **), S. 41), что Гольц приписывает молотилке особенно «вредное влияние»: она отнимает у сельских рабочих их главное зимнее занятие, гонит их в города, усиливает обезлюдение деревни. И Гольц предлагает ограничить употребление молотилки, предлагает — добавляет Каутский — «повидимому, в интересах сельских рабочих, а на самом деле в интересах помещиков, для которых», как говорит сам Гольц, «проистекающий от такого ограничения убыток будет с избытком возмещен — если и не тотчас, то в будущем — увеличением числа рабочих сил на летнее время». «К счастью — продолжает Каутский — это консервативное дружелюбие по отношению к рабочим есть не что иное, как реакционная утопия. Молотилка слишком выгодна «тотчас», чтобы помещики могли отказаться от ее употребления ради прибыли «в будущем». И потому молотилка будет продолжать свою революционную работу; она будет гнать сельских рабочих в города, она станет вследствие этого могучим орудием, с одной стороны, повышения заработных плат в деревне, с другой стороны, дальнейшего развития сельско-хозяйственного машиностроения».

Отношение г. Булгакова к такой постановке вопроса социал-демократом и аграрием в высшей степени характерно: это маленький образчик той позиции, которую заняла вообще вся современная «критика» между партией пролетариата и партией буржуазии. Критик, разумеется, не так узок и не так шаблонен, чтобы встать на точку зрения классовой борьбы и революционизирования всех общественных отношений капитализмом.

*) Ср. т. I, стр. 51: ...«паровая молотилка... выполняет главную работу и без того бедного работами зимнего периода (полезность этой машины для всего (sic!!) сельского хозяйства поэтому более чем сомнительна; мы еще встретимся с этим фактом)».

**) «Аграрный вопрос». *Ред.*

Но с другой стороны, хотя наш критик и «поумнел», — все же воспоминания о том времени, когда он был «молод и глуп», разделял предрассудки марксизма, — не позволяют ему целиком принять программу его нового товарища, агрария, совершенно резонно и последовательно заключающего от вреда машины «для *всего* сельского хозяйства» к пожеланию: запретить! И наш добрый критик оказывается в положении буриданова осла между двумя вязанками сена: с одной стороны, он утратил уже всякое понимание классовой борьбы и способен теперь говорить о вреде машин для «*всего* сельского хозяйства», забывая, что *всем* современным сельским хозяйством руководят на первом плане предприниматели, думающие только о своей прибыли, — он настолько забыл те «годы юности», когда он был марксистом, что ставит уже нелепейший вопрос, «окупают» ли технические выгоды машины ее вредное действие на рабочих (а это вредное действие оказывает не одна паровая молотилка, а и паровой плуг и косилка и зерноочистительная машина и проч.), он не замечает даже, что аграрий хочет в сущности только более глубокого порабощения рабочего и зимой и летом. Но, с другой стороны, он смутно вспоминает тот устарелый «догматический» предрассудок, что запрещение машин есть утопия. Бедный г. Булгаков, выпутается ли он из этого неприятного положения?

Интересно отметить, что наши критики, стараясь всячески ослабить значение сельско-хозяйственных машин, выставляя даже «закон убывающего плодородия почвы», забыли (или умышленно не пожелали) упомянуть о том новом техническом перевороте земледелия, который подготовляет электротехника. Напротив, Каутский, — который, по более чем несправедливому суждению г. П. Маслова, «сделал существенную ошибку, совершенно не определивши, в каком направлении идет развитие производительных сил в земледелии» («Жизнь» 1901, № 3, стр. 171), — Каутский указал на значение электричества в земледелии еще в 1899 году («Agrarfrage»). В настоящее время признаки грядущего технического переворота намечаются уже яснее. Делаются попытки осветить теоретически значение электротехники в земледелии (см. Dr. Otto Pringsheim: «Landwirtschaftliche Manufaktur und elektrische Landwirtschaft», Brauns Archiv *) [99]), XV, 1900, S. 406—418, и статью К. Каутского в «Neue Zeit» XIX, 1, 1900—1901, № 18, «Die Elektrizität in der Landwirtschaft») **), раздаются голоса практиков-помещиков, описывающих свои опыты по применению электричества (Прингсгейм цитирует книгу Адольфа Зейффергельда, рассказывающего

*) Д-р Отто Прингсгейм: «Сельско-хозяйственная мануфактура и электрифицированное сельское хозяйство». Архив Брауна. *Ред.*

**) «Электрификация в сельском хозяйстве». *Ред.*

об опыте в своем хозяйстве), видящих в электричестве средство сделать снова земледелие доходным, призывающих правительство и помещиков к устройству центральных силовых станций и массовому производству электрической силы для сельских хозяев (в Кенигсберге вышла в прошлом году книга помещика из Восточной Пруссии, П. Мака — P. Mack: «Der Aufschwung unseres Landwirtschaftsbetriebes durch Verbilligung der Produktionskosten. Eine Untersuchung über den Dienst, den Maschinentechnik und Elektrizität der Landwirtschaft bieten») *).

Прингсгейм делает очень верное, на наш взгляд, замечание, что современное земледелие — по общему уровню его техники, да, пожалуй, и экономики — ближе подходит к той стадии развития промышленности, которую Маркс назвал «мануфактурой». Преобладание ручного труда и простой кооперации, спорадическое применение машин, мелкие сравнительно размеры производства (если считать, напр., по сумме ежегодно продаваемых одним предприятием продуктов), сравнительно мелкие, в большинстве случаев, размеры рынка, связь крупного производства с мелким (причем последнее, подобно кустарям в их отношении к крупному хозяину мануфактуры, доставляет рабочую силу первому, — или первое скупает «полуфабрикат» у второго, напр., крупные хозяева скупают свеклу, скот и т. п. у мелких), — все эти признаки, действительно, говорят за то, что земледелие еще не достигло ступени настоящей «крупной машинной индустрии», в смысле Маркса. В земледелии еще нет «системы машин», связанных в один производительный механизм.

Не надо, конечно, утрировать этого сравнения: с одной стороны, есть особенности земледелия, которые абсолютно неустранимы (если оставить в стороне слишком отдаленную и слишком проблематическую возможность лабораторного приготовления белка и пищи). Вследствие этих особенностей крупная машинная индустрия в земледелии никогда не будет отличаться *всеми* теми чертами, которые она имеет в промышленности. С другой стороны, и в мануфактуре крупное производство в промышленности достигло уже преобладания и значительного технического превосходства над мелким. Это превосходство мелкий промышленник пытался долгое еще **) время парализовать тем удлинением рабочего дня и сокращением потребностей, которое так характерно и для кустаря и для современного мелкого крестьянина. Преобладание ручного труда в мануфактуре давало еще некоторую возможность мелкому производству держаться посредством подоб-

*) П. Мак: «Подъем нашего сельско-хозяйственного производства благодаря удешевлению издержек производства. Исследование об услугах, оказываемых машинной техникой и электрификацией сельскому хозяйству». *Ред.*

**) В издании 1908 года «еще» опущено. *Ред.*

ных «героических» средств, — но те люди, которые обольщались этим и говорили о жизнеспособности кустаря (подобно тому, как нынешние критики говорят о жизнеспособности крестьянина), оказывались очень быстро опровергнутыми той «временной тенденцией», которая парализует «универсальный закон» технического застоя. Напомним, для примера, русских исследователей кустарного ткачества в Московской губернии в 70-х годах. По отношению к хлопчатобумажному ткачеству, — говорили они, — дело ручного ткача проиграно: машина взяла верх, но вот зато в области шелкового ткачества кустари еще могут держаться, машины еще далеко не так усовершенствованы. Прошло два десятилетия — и техника отняла у мелкого производства еще одно из его последних убежищ, как бы говоря — тем, кто имеет уши, чтобы слушать, и глаза, чтобы видеть, — что экономист всегда должен смотреть вперед, в сторону прогресса техники, иначе он немедленно окажется отставшим, ибо кто не хочет смотреть вперед, тот поворачивается к истории задом: середины тут нет и быть не может.

«Писатели, которые, подобно Герцу, трактовали о конкуренции мелкого и крупного производства в земледелии, игнорируя при этом роль электротехники, должны будут сызнова начать свое исследование», — метко заметил Принцгейм, и его замечание с еще большей силой падает на двухтомный труд г. Булгакова.

Электрическая энергия дешевле паровой силы, она отличается большей делимостью, ее гораздо легче передавать на очень большие расстояния, ход машин при этом правильнее и спокойнее, — она гораздо удобнее поэтому применяется и к молотьбе и к паханью и к доенью и к резке корма скоту *) и проч. Каутский описывает одну из венгерских латифундий **), в которой электрическая энергия проведена с центральной станции по всем направлениям в отдаленные части имения, служа для приведения в действие сельско-хозяйственных машин, для резки свеклы, для подъема воды, для освещения и пр. и пр. «Для доставки 300 гектолитров воды ежедневно из колодца, глубиной в 29 метров, в резервуар, высотой в 10 метров, и для приготовления корма для 240 коров, 200 телят и 60 рабочих волов и лошадей, т.-е. для резки, рубки свеклы и т. п., требовалось зимой две пары лошадей, летом одна пара, что стоило 1.500 гульденов. Вместо лошадей работает теперь 2-х- и 3-х-сильный мотор, работа которых обходится, считая покрытие всех расходов, в 700 гульденов, т.-е. на 800 гульденов меньше»

*) К сведению смелого г. Булгакова, который смело и неосновательно говорит о «таких отраслях сельско-хозяйственного производства, которые совсем недоступны машинам, напр., скотоводство» (I, 49).

**) Еще раз, к сведению г. Булгакова, толкующего о «латифундиарном вырождении крупного хозяйства»!

(Kautsky, l. c.). Мак рассчитывает стоимость конного рабочего дня в три марки, а при замене его электричеством — та же работа обходится в 40 — 75 пфеннигов, т.-е. на 400 — 700% дешевле. Если бы лет через 50 или больше — говорит он — $1^3/_4$ миллиона лошадей в германском земледелии были заменены электрической силой (в 1895 году в германском земледелии употреблялось для полевых работ 2,6 миллиона лошадей + 1,0 миллиона волов + 2,3 миллиона коров, в том числе у хозяйств выше 20 ha — 1,4 миллиона лошадей и 0,4 милл. волов), — то это уменьшило бы расходы с 1.003 миллионов марок до 261 миллиона, т.-е. на 742 миллиона марок. Громадная площадь, дающая корм для скота, могла бы быть обращена на производство пищи людям, на улучшение питания рабочих, которых г-н Булгаков так пугает «сокращением даров природы», «хлебным вопросом» и т. п. Мак настойчиво рекомендует соединение земледелия с промышленностью для постоянного эксплуатирования электрической энергии, рекомендует прорытие мазурского канала, который мог бы питать электрической силой 5 центральных станций, раздающих энергию на 20 — 25 километров вокруг сельским хозяевам, рекомендует утилизацию торфа для той же цели, требует объединения сельских хозяев: «только в товарищеском объединении с индустрией и крупным капиталом возможно сделать снова прибыльной нашу отрасль промышленности» (Mack, S. 48). Разумеется, применение новых способов производства встретит массу затруднений и пойдет не гладким, а зигзагообразным путем, но что оно пойдет, что революционизирование земледелия неизбежно, — в этом вряд ли можно сомневаться. «Замена большей части упряжек электромоторами означает — справедливо говорит Пришгсгейм — возможность системы машин в земледелии... Чего не могла сделать сила пара, того наверное достигнет электротехника — а именно: превращения сельского хозяйства из старой мануфактуры в современное крупное производство» (l. c., p. 414).

Мы не будем распространяться о том, какую гигантскую победу крупного производства будет означать (отчасти означает уже) введение электротехники в земледелие,—это обстоятельство слишком очевидно, чтобы на нем настаивать. Посмотрим лучше, в каких современных хозяйствах имеются на-лицо зародыши той *) «системы машин», которую пустит в ход центральная силовая станция. Ведь для системы машин нужно сначала употребление различных машин на опыте, нужны примеры совместного употребления многих машин. Ответ на этот вопрос дают сведения германской переписи земледельческих хозяйств 14 июня 1895 года. Мы имеем данные о числе хозяйств каждой группы, употреблявших свои или чужие машины (г. Булгаков ошибается, приведя

*) В издании 1908 года: «этой». *Ред.*

па 114 стр. второго тома часть этих данных и думал, что они относятся к числу *машин*. Кстати: сведения о числе хозяйств, употреблявших машины свои или чужие, представляют, разумеется, превосходство крупного производства более слабым, чем оно есть в действительности. Крупные хозяева чаще имеют собственные машины, чем мелкие, перенлачивающие за пользование ими). Данные эти относятся к употреблению или машин вообще или каждого рода машин в отдельности, так что мы не можем определить, *по скольку* машин употребляли хозяйства разных групп. Но если мы сложим для каждой группы число всех хозяйств, употреблявших каждый отдельный вид машин, то получим *число случаев употребления* всяких сельско-хозяйственных машин. Приводим обработанные таким образом данные, показывающие, как подготовляется «система машин» в земледелии:

Размеры хозяйств	На 100 хозяйств приходится	
	Хозяйств, употреблявших с.-х. машины вообще (1895)	Случаев употребления той или другой с.-х. машины (1895)
До 2 ha	2,03	2,30
2 — 5 »	13,81	15,46
5 — 20 »	45,80	56,04
20 — 100 »	78,79	128,46
100 и б. »	94,16	352,34
Всего	16,36	22,36

Итак, в мелких хозяйствах, до 5 гектаров (таких хозяйств более трех четвертей всего числа, 4,1 милл. из 5,5 милл., т.-е. 75,5%; но у них только 5 милл. гектаров земли из $32^1/_2$ милл., т.-е. 15,6%)—число *случаев* употребления каких бы то ни было сельско-хозяйственных машин (мы сосчитали вместе и машины для молочного хозяйства) совершенно ничтожно. В средних хозяйствах (5 — 20 ha) меньше половины хозяйств употребляют вообще машины, и на 100 хозяйств приходится только 56 случаев употребления сельско-хозяйственных машин. Только в крупном капиталистическом производстве *) мы видим, что *большинство* хозяйств ($^3/_4$—$^9/_{10}$) употребляют машины, и *начинает складываться система машин*: на каждое хозяйство приходится более одного случая употребления машин. Употребляется, след., по нескольку

*) Выше 20 ha только 0,3 милл. хозяйств из 5,5 милл., т.-е. только 5,5% всего числа, но у них 17,7 миллионов гектаров земли из 32,5, т.-е. 54,4% всей сельско-хозяйственной площади.

машин в одном хозяйстве: напр., хозяйства выше 100 ha употребляли каждое *около 4-х машин* (352% на 94% употреблявших вообще). Из 572 латифундий (хозяйств с 1.000 и более ha) 555 употребляли машины, и число случаев употребления машин равняется 2.800, т.-е. каждое хозяйство употребляло *по пяти машин*. Понятно отсюда, какие хозяйства подготовляют «электрическую» революцию и какие больше всего ей воспользуются.

IV.

УНИЧТОЖЕНИЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ. ЧАСТНЫЕ ВОПРОСЫ, ПОДНЯТЫЕ «КРИТИКАМИ».

От Герда перейдем к г. Чернову. Так как последний только «беседует» по поводу первого, то мы ограничимся здесь краткой характеристикой приемов рассуждения Герда (и приемов перефразировки его г. Черновым), чтобы перейти (в следующем очерке) к разбору некоторых новых, выдвигаемых «критиками», фактических данных.

Что представляет из себя Герд в качестве теоретика, это достаточно показать на *одном* примере. В самом начале его книги мы встречаем параграф, носящий претенциозное заглавие: «Понятие национального капитализма». Герд хочет не больше и не меньше как дать определение капитализму. «Мы можем, конечно,— пишет он — охарактеризовать его, как такую народно-хозяйственную систему, которая *юридически* основывается на вполне проведенных принципах свободы личности и собственности, *технически*—на производстве в широких» (крупных?) «размерах *), *социально*—на отделении средств производства от непосредственных производителей, *политически*—на обладании капиталистами центральной политической властью» (концентрированной политической силой государства?) «в силу одного экономического основания распределения собственности» (р. пер., с. 37). Эти определения неполны, требуют ограничений—говорит Герд—напр., домашняя работа и мелкая аренда держатся еще везде на-ряду с крупным производством. «Не вполне подходящим является также *реальное* (sic!) определение капитализма, как системы, при которой производство находится под контролем» (господством и контролем) «капиталистов» (капиталовладельцев). Не правда ли, как великолепно это «реальное» определение капитализма как господства капиталистов? И как характерна эта, столь модная

*) Г. В. Чернов переводит (Р. Б. № 4, 132): «на производстве, достигшем высокой степени развития». Это он ухитрился «понять» таким образом немецкое выражение «auf grosser Stufenleiter»!!

в настоящее время, quasi-реалистическая, а на самом деле эклектическая погоня за полным перечнем всех отдельных признаков и отдельных «факторов». В результате, конечно, эта бессмысленная попытка внести в общее понятие все частные признаки единичных явлений, или, наоборот, «избегнуть столкновения с крайним разнообразием явлений», — попытка, свидетельствующая просто об элементарном непонимании того, что̀ такое наука, — приводит «теоретика» к тому, что за деревьями он не видит леса. Герц, напр., забыл о такой мелочи как товарное производство и превращение рабочей силы в товар! Зато он сочинил следующее *генетическое* определение, которое — в наказание сочинителю — следует привести целиком: капитализм — «такое состояние народного хозяйства, в котором осуществление принципов свободного оборота, свободы личности и собственности достигло высшего (относительно) пункта, определяемого экономическим развитием и эмпирическими условиями каждого отдельного народного хозяйства» (S. 10, р. пер. 38—39 не вполне точен). Г. В. Чернов, разумеется, с восторженным благоговением переписывает и расписывает эти мыльные пузыри, угощая кроме того читателей «Русского Богатства» на протяжении целых тридцати страниц «анализом» типов национального капитализма. Из этого высокопоучительного анализа можно извлечь ряд чрезвычайно ценных и нисколько не шаблонных указаний, напр., указание на «независимый, гордый и энергический характер британца», на «солидность» английской буржуазии и «несимпатичность» ее внешней политики, — на «страстный, увлекающийся темперамент романской расы» и на «немецкую аккуратность» (стр. 152 в № 4 «Р. Б.»). «Догматический» марксизм, разумеется, окончательно уничтожен этим анализом.

Не менее сокрушителен произведенный Герцем анализ данных о гипотеках. По крайней мере, г. Чернов в восторге от него. «Факт тот, — пишет он, — что... данные Герца еще никем не опровергнуты. Каутский в своем ответе на книгу Герца, распространяясь чрезвычайно много по поводу некоторых частностей» (вроде доказательства *передержек* Герца! Хороши «частности»!), «на аргументацию Герца в вопросе о гипотеках *не отвечает ни единым словом*» («Р. Б.», № 10, стр. 217, курсив г. Чернова). Как видно из ссылки на стр. 238 той же книжки «Р. Б.», г. Чернов знаком с ответной статьей Каутского («Zwei Kritiker meiner Agrarfrage»*) в «Neue Zeit», 18, 1; 1899/1900); г. Чернов не мог не знать также, что журнал, в котором эта статья помещена, запрещен в России цензурой. Тем знаменательнее для характеристики всего облика современной «критики» тот факт, что подчеркнутые самим г. Черновым слова заключают в себе *прямую неправду*, ибо Каутский *ответил* по вопросу о гипотеках «Герцу, Давиду, Бери-

*) — «Два критика моего Аграрного вопроса». *Ред.*

штейну, Шиппелю, Булгакову e tutti quanti» *) на стр. 472—477 *той самой статьи, которую г. Чернов указывает.* Скучная эта обязанность — восстановлять извращенную истину, — но, раз имеешь дело с гг. Черновыми, от этой обязанности никак не уклониться.

Каутский ответил Герцу, разумеется, насмешкой, ибо Герц и в этом вопросе обнаружил свое неумение или свое **) нежелание понять, что к чему, и склонность повторять избитые доводы буржуазных экономистов. В «Agrarfrage» Каутского речь шла (S. 88—89) о концентрации ипотек. «Многочисленные мелкие деревенские ростовщики — писал Каутский — все более и более оттесняются на второй план, уступая место крупным централизованным капиталистическим или общественным учреждениям, монополизирующим ипотечный кредит». Каутский перечисляет некоторые капиталистические и общественные учреждения этого рода, говорит об обществах взаимного поземельного кредита (genossenschaftliche Bodenkreditinstitute), указывает на то, что и *сберегательные кассы* и страховые общества и многие корпорации (S. 89) вкладывают свои фонды в ипотеки и т. п. Напр., в Пруссии 17 обществ взаимного кредита выпустило к 1887 г. на 1.650 милл. марок закладных листов. «Эти цифры указывают уже на громадную концентрацию поземельной ренты *в немногих центральных учреждениях*» (курсив наш), «но концентрация быстро растет. В 1875 г. немецкие ипотечные банки выпустили закладных листов на 900 милл. м., в 1888 — на $2^1/_2$ миллиарда, в 1892 году эта сумма составляла уже 3.400 миллионов, сконцентрированных в 31 (в 1875 г. в 27) банке» (S. 89). Эта концентрация поземельной ренты указывает ясно на концентрацию *поземельной собственности.*

Нет — отвечал Герц, Булгаков, Чернов и К° — «мы встречаем самую решительную тенденцию к децентрализации, к раздроблению собственности» («Р. Б.» № 10, 216), ибо «более четверти ипотечного кредита сосредоточено в руках демократических (sic!) кредитных учреждений, с массою мелких вкладчиков» (там же). Герц, с необычайным усердием, приводя ряд таблиц, доказывает, что *мелкие вкладчики* составляют массу вкладчиков в сберегательные кассы и т. п. Спрашивается только, к чему все это? Ведь на общества взаимного кредита и сберегательные кассы указал сам Каутский (не воображал, конечно, как воображает г. Чернов, что это особо «демократические» учреждения). Каутский говорит о централизации ренты в немногих центральных учреждениях, — а ему указывают на массу мелких вкладчиков в сберегательные кассы!! И называют это «раздроблением собственности»! Да какое

*) Выражение Каутского: стр. 472, «N. Z.» (e tutti quanti — и всем им подобным. *Ред.*).

**) Слово «свое» добавлено в издании 1908 г. *Ред.*

же отношение к сельскому хозяйству (речь идет о концентрации ренты) имеет число вкладчиков в ипотечный банк? Разве крупная фабрика перестает означать централизацию производства на том основании, что акции ее распределены среди массы мелких капиталистов? «До тех пор пока Герц и Давид не осведомили меня — писал Каутский в ответе Герцу — я и понятия не имел о том, откуда берут сберегательные кассы свои деньги. Я думал, что они орудуют с сбережениями Ротшильдов и Вандербильтов».

По поводу передачи ипотек в собственность государства Герц говорит: «Это было бы очень плохое средство борьбы против крупного капитала и, конечно, прекрасное средство, чтобы восстановить против виновников такой реформы громадную, все увеличивающуюся армию мелких собственников, и в их числе особенно сельских батраков» (S. 29, р. п. 78. Г. Чернов повторяет это с удовольствием на стр. 217—18 «Р. Б.»).

Так вот кто эти «собственники», об увеличении числа которых кричит Бернштейн и К⁰! — отвечает Каутский. — Это служанки с 20 марками в сберегательной кассе! И как стар и избит этот довод против социалистов, что «экспроприацией» своей они ограбят громадную армию трудящихся. Никто иной, как Евгений Рихтер с особенным усердием выдвигал этот довод в своей брошюре, которую он выпустил после отмены исключительного закона против социалистов (и которую фабриканты скупали тысячами для даровой раздачи рабочим [100]). В этой брошюре Евгений Рихтер выдвинул свою знаменитую «бережливую Агнесу»: бедную швею, которая имела несколько десятков марок в сберегательной кассе и которая была ограблена злыми социалистами, захватившими государственную власть и превратившими банки в государственную собственность. Вот из какого источника черпают свои «критические» доводы Булгаковы *), Герцы и Черновы!

«В то время — говорит Каутский о «знаменитой» брошюре Евг. Рихтера — Евг. Рихтер был за это единодушно осмеян всеми социал-демократами. А теперь находятся среди последних люди, которые в нашем центральном органе» (имеются в виду статьи, кажется, Давида в «Vorwärts» [101]) «поют хвалебную песнь сочинению, повторяющему те же мысли: Герц, мы превозносим твои подвиги!

«Для бедного Евгения на склоне его лет это — настоящий триумф, и я не могу не привести еще, к его удовольствию, следующего места, находящегося на той же странице у Герца: «Мы видим, что мелкого крестьянина, городского домовладельца и особенно крупного земледельца экспроприируют именно низшие и средние классы, и главный контингент их поставляется,

*) Г. Булгаков выдвигал против Каутского те же доводы насчет ипотек в «Начале», а по-немецки и в «Архиве» Брауна.

несомненно, сельским населением» (Герц, S. 29, р. пер. 77. — Пересказано с упоением в «Рус. Бог.», № 10, стр. 216—17). «Теория Давида об «опорожнении» (Aushöhlung) капитализма посредством коллективных договоров о заработной плате (Tarifgemeinschaften) и потребительных обществ, теперь превзойдена. Она бледнеет перед Герцевской экспроприацией экспроприаторов посредством сберегательных касс. Бережливая Агнеса, которую считали уже умершей, воскресает к новой жизни» (Kautsky, l. c., S. 475) — и русские «критики» вместе с публицистами «Русского Богатства» спешат пересадить эту воскресшую «бережливую Агнесу» на русскую почву для посрамления «ортодоксальной» социал-демократии.

И вот этот-то г. В. Чернов, захлебывающийся от восторга по поводу повторяемых Герцем доводов Евгения Рихтера, «разносит» Каутского на все корки на страницах «Русского Богатства» и сборника в честь г. Н. Михайловского «На славном посту». Было бы несправедливостью, если бы мы не отметили некоторые перлы этого разноса. «Каутский признает опять-таки вслед за Марксом, — пишет г. Чернов в № 8 «Р. Б.», с. 229, — что прогресс капиталистического земледелия ведет к обеднению почвы питательными веществами: в виде различных продуктов у земли постоянно нечто отнимается, направляется в город и не возвращается обратно земле... Как видите, в вопросе о законах плодородия почвы Каутский беспомощно (sic!) повторяет слова Маркса, основывавшегося на теории Либиха. Но когда Маркс писал свой первый том, либиховский «закон восстановления» был последним словом агрономии. Со времени этого открытия прошло уже более полувека. В наших знаниях о законах плодородия почвы произошла целая революция. И что же? Весь после-либиховский период, все последующие открытия Пастера, Вилле, опыты Солари с введением азота, открытия Бертело, Гельригеля, Вильфарта и Виноградского в области бактериологии почвы — все это для Каутского прошло бесследно»... Милый г. Чернов! Как он удивительно похож на Тургеневского Ворошилова: помните — в «Дыме» — молодого русского приват-доцента, который совершал променад по заграницe, отличался вообще большой молчаливостью, но от времени до времени его прорывало, и он начинал сыпать десятками и сотнями ученых и ученейших, редких и редчайших имен? Точь в точь наш ученый г. Чернов, который совсем уничтожил этого невежественного Каутского. Только... только не справиться ли нам все же с книгой Каутского? Не заглянуть ли нам хоть в оглавление ее? Находим главу IV: «Современное сельское хозяйство», параграф d) «удобрения, *бактерии*». Открываем параграф d) и читаем:

«Во второй половине прошлого десятилетия было сделано открытие, что стручковые растения в отличие от остальных

культурных растений получают почти весь свой запас азота не из почвы, а из воздуха, что они делают почву не только не беднее азотом, а еще богаче. Но этим свойством обладают они лишь в том случае, если в почве имеются известные микроорганизмы, пристающие к их корням. Там, где нет этих микроорганизмов, — можно посредством соответствующей прививки придать стручковым растениям способность превращать бедную азотом почву в богатую азотом и таким образом удобрять до известной степени эту почву для других культурных растений. Прививка бактерий стручковым растениям дает, по общему правилу, возможность, в соединении с соответствующими минеральными удобрениями (фосфорнокислыми солями и калийными удобрениями) получать с земли постоянно самые высокие урожаи и без навоза. Лишь благодаря этому открытию «свободное хозяйство» приобрело вполне прочный базис» (Kautsky, 51 — 52). Кто же обосновал научно это замечательное открытие собирающих азот бактерий? — Гельригель...

Вина Каутского в том, что он имеет скверную привычку (которая наблюдается также у многих узких ортодоксов) — не забывать никогда о том, что члены боевой социалистической партии должны и в ученых своих трудах не упускать из виду читателя-рабочего, должны стараться писать *просто*, без тех ненужных ухищрений слога, без тех внешних признаков «учености», которые так пленяют декадентов и титулованных представителей официальной науки. Каутский и здесь предпочел рассказать толково и ясно, в чем состоят новейшие агрономические открытия, и опустить ничего не говорящие для девяти десятых публики ученые имена. Ворошиловы поступают наоборот: они предпочитают высыпать целый мешок ученых имен из области агрономии, политической экономии, критической философии и т. п., загромождая ученым сором суть дела.

Например, Ворошилов-Чернов своим облыжным обвинением Каутского в незнании ученых имен и научных открытий загромоздил и замял крайне интересный и поучительный эпизод модной критики, именно: атаку буржуазной экономии на социалистическую идею об уничтожении противоположности между городом и деревней. Профессор Луйо Брентано уверяет, например, что переселение из деревень в города вызывается не данными социальными условиями, а *естественной необходимостью*, законом убывающего плодородия почвы *). Г. Булгаков, вслед за

*) См. статью Каутского в «Neue Zeit», XIX, 2, 1900/1901, № 27: «Tolstoi und Brentano» («Толстой и Брентано». *Ред.*) Каутский сопоставляет с современным научным социализмом учение Л. Толстого, остающегося глубоким наблюдателем и критиком буржуазного строя, несмотря на реакционную наивность своей теории, — и буржуазную экономию, «звезда» которой, Брентано (как известно, учитель гг. Струве, Булгакова, Герда и tutti quanti),

своим учителем, объявлял еще в «Начале» (1899, март, стр. 29) идею об уничтожении противоположности между городом и деревней «совершенной фантазией», которая «вызовет улыбку у агронома». Герц пишет в своей книге: «Уничтожение различия между городом и деревней является, правда, основным стремлением старых утопистов (и даже Манифеста), — но нам все же не верится, чтобы общественный строй, заключающий в себе все условия для направления человеческой культуры к высшим достижимым целям, действительно уничтожил те великие центры энергии и культуры, какими являются большие города, и, в угоду оскорбленному эстетическому чувству, отказался от этих обильных сокровищниц искусства и науки, без которых невозможен прогресс» (S. 76. Русский переводчик, стр. 182, ухитрился слово «potenzirt» *) перевести «потенциальный». Беда с этими русскими переводами! На стр. 270 тот же переводчик переводит: «Wer isst zuletzt das Schwein?» **) — «Кто же в конце концов свинья?»). Как видите, Герц защищает буржуазный порядок от социалистических «фантазий» фразами, в которых не меньше «борьбы за идеализм», чем у гг. Струве и Бердяева! Но самая защита от этого напыщенного идеалистического фразерства нимало не выигрывает.

Что социал-демократы умеют ценить историческую заслугу великих центров энергии и культуры, это они доказывают своей непримиримой борьбой против всего, что̀ прикрепляет к месту население вообще, крестьян и сельских рабочих в частности.

обнаруживает самую невероятную путаницу, смешивая явления природы и явления общественные, смешивая понятия продуктивности и прибыльности, стоимости и цены и т. п. «Это не столь характерно для Брентано лично, — справедливо говорит Каутский — как для той *школы*, которой он принадлежит. *Историческая школа* буржуазной экономии в ее современном виде считает стремление к целостному пониманию общественного механизма превзойденной ступенью (überwundener Standpunkt). Экономическая наука должна, по этому воззрению, не исследовать социальные законы и сводить их в цельную систему, а ограничиваться протокольным описанием отдельных социальных фактов прошлого и настоящего. Так она и привыкает к тому, чтобы касаться только поверхностной стороны явлений. А когда тот или другой представитель этой школы поддастся тем не менее искушению рассмотреть более глубокие основания явлений,— тогда он оказывается совершенно не в состоянии ориентироваться и блуждает беспомощно кругом да около. И в нашей партии с некоторого времени проявляется стремление заменить Марксову теорию не какой-либо другой теорией, а тем отсутствием всякой теории (Theorielosigkeit), которое отличает историческую школу, — стремление принизить теоретика до роли репортера. Кому нужно не простое бесцельное перепрыгиванье (Fortwurschteln) от случая к случаю, а целостное энергичное движение вперед к великой цели, тому да послужит обнаруженная нами Брентановская путаница предостережением от теперешних методов исторической школы» (S. 25).

*) — возведенный в степень, обильный. *Ред.*

**) — «Кто же в конце концов ест свинью?» *Ред.*

И поэтому их, в отличие от критиков, не поймает на удочку ни один аграрий, стремящийся доставить «мужичку» зимние «заработки». Но решительное признание прогрессивности больших городов в капиталистическом обществе нисколько не мешает нам включать в свой идеал (и в свою программу действия, ибо неосуществимые идеалы мы предоставляем гг. Струве и Бердяевым) уничтожение противоположности между городом и деревней. Неправда, что это равносильно отказу от сокровищ науки и искусства. Как раз наоборот: это необходимо для того, чтобы сделать эти сокровища *доступными всему народу*, чтобы уничтожить ту отчужденность от культуры миллионов деревенского населения, которую Маркс так метко назвал «идиотизмом деревенской жизни»[102]). И в настоящее время, когда возможна передача электрической энергии на *) расстояние, когда техника транспорта повысилась настолько, что можно при меньших (против теперешних) издержках перевозить пассажиров с быстротой свыше **) 200 верст в час ***), — нет ровно никаких технических препятствий тому, чтобы сокровищами науки и искусства, веками скопленными в немногих центрах, пользовалось все население, размещенное более или менее равномерно по всей стране.

И если ничто не мешает уничтожению противоположности между городом и деревней (причем следует, конечно, представлять себе это уничтожение не в форме одного акта, а в форме целого ряда мер), то требует его отнюдь не одно только «эстетическое чувство». В больших городах люди задыхаются, по выражению Энгельса, в своем собственном навозе, и периодически все, кто ****) могут, бегут из города в поисках за свежим воздухом и чистой водой[103]). Промышленность тоже расселяется по стране, ибо и ей нужна чистая вода. Эксплуатация водопадов, каналов и рек для получения электрической энергии даст новый толчок этому «рассеянию промышленности». Наконец,— last but not least *****) — рациональная утилизация столь важных для земледелия городских нечистот вообще и человеческих экскрементов в частности тоже требует уничтожения противоположности между городом и деревней. И вот на этот-то пункт теории Маркса и Энгельса вздумали направить гг. критики свои агрономические возражения (от полного разбора теории, которая по этому вопросу особенно подробно изложена Энгельсом в «Anti-

*) В издании 1908 года: «через». *Ред.*

**) В издании 1908 года «свыше» опущено. *Ред.*

***) Проект такой дороги между Манчестером и Ливерпулем не получил утверждения парламента только вследствие корыстного противодействия железнодорожных тузов, боящихся разорения старых компаний.

****) В издании 1908 года: «которые». *Ред.*

*****) — последнее по счету, но не по значению. *Ред.*

Dühring'e», гг. критики предпочли воздержаться, ограничиваясь, как и всегда, простой перефразировкой обрывков мысли какого-нибудь Брентано). Ход их рассуждения такой: Либих доказал необходимость отдавать почве столько же, сколько у нее берется. Он считал поэтому выбрасыванье городских нечистот в моря и реки бессмысленным и варварским расхищением веществ, необходимых для земледелия. Каутский разделяет теорию Либиха. *Но* новейшая агрономия показала полную возможность восстановления производительных сил земли без стойлового навоза, посредством искусственных удобрений, прививки известных бактерий собирающим азот стручковым растениям и т. п. *Следовательно,* Каутский и все эти «ортодоксы» — просто отсталые люди.

Следовательно, — ответим мы, — гг. критики и здесь совершают одну из своих бесчисленных и бесконечных *передержек.* Изложивши теорию Либиха, Каутский *тотчас же* указал, что современная агрономия доказала полную возможность «обходиться совершенно без стойлового навоза» (S. 50, «Agrarfrage»; ср. вышеприведенное место), но добавил при этом, что это — *паллиатив* сравнительно с вызываемым системой очистки городов расхищением человеческих экскрементов. Вот этот пункт должны были бы опровергнуть критики, если бы они были способны спорить по существу, — показать, что это не паллиатив. Об этом они и не подумали. Понятно само собой, что возможность замены естественных удобрений искусственными и факт этой *(частичной)* замены ни на ноту не опровергает того, что нерационально выбрасывать естественные удобрения понапрасну, отравляя притом нечистотами реки и воздух в пригородных и прифабричных местностях. Около больших городов и сейчас существуют поля орошения, утилизирующие городские нечистоты с громадной пользой для земледелия, — но утилизируется таким образом только ничтожная доля нечистот. Искусственные удобрения, — говорит Каутский, отвечая на стр. 211 своей книги на то самое возражение, будто новейшая агрономия опровергает факт агрономической эксплуатации деревни городом, которое гг. критики преподносят ему за нечто новое, — искусственные удобрения «дают возможность предотвратить понижение плодородия почвы, но необходимость применять эти искусственные удобрения все в большем и большем размере означает лишь еще одно из тех многочисленных отягощений сельского хозяйства, которые *отнюдь не являются естественной необходимостью, а проистекают из существующих социальных отношений*» *).

*) Разумеется, искусственные удобрения — говорит Каутский далее — не исчезнут с падением капитализма, но они будут обогащать почву особыми веществами, а не исполнять *всю* задачу восстановления плодородия почвы.

В подчеркнутых нами словах заключается весь «гвоздь» вопроса, так усердно запутываемого критиками. Писатели, которые, подобно г. Булгакову, пугают пролетариат «хлебным вопросом», более страшным и важным, чем социальный вопрос, которые восторгаются искусственным ограничением деторождения, говоря, что «регулирование прироста населения» становится «основным (sic!) экономическим условием» благополучия крестьянства (II, 261), что это регулирование заслуживает «уважения», и что «много лицемерного негодования» (только лицемерного? а не законного негодования против современных общественных порядков?) «возбуждает крестьянский прирост населения у сентиментальных (!?) моралистов, как будто безудержная похотливость (sic!) сама по себе является добродетелью» (там же), — подобные писатели естественно и неизбежно должны стремиться к тому, чтобы оставить в тени *капиталистические* препятствия земледельческому прогрессу, чтобы свалить все на естественный «закон убывающего плодородия почвы», чтобы выставить уничтожение противоположности между городом и деревней «совершенной фантазией». Но каким безграничным легкомыслием должны отличаться гг. Черновы, чтобы вторить подобным рассуждениям и в то же время упрекать критиков марксизма в «отсутствии принципиальности, эклектизме и оппортунизме» («Р. Б.», № 11, стр. 246)?! Г. Чернов, упрекающий других в отсутствии принципиальности и оппортунизме, — что может быть комичнее этого зрелища?

Все остальные критические подвиги нашего Ворошилова совершенно такие же, как сейчас нами разобранный.

Если Ворошилов уверяет вас, что Каутский не понимает разницы между капиталистическим кредитом и ростовщичеством, что он обнаруживает полное неумение или нежелание понять Маркса, когда говорит о крестьянине, исполняющем функции предпринимателя и в качестве такового занимающем относительно пролетариата место подобное фабриканту, если Ворошилов бьет при этом себя в грудь и восклицает: «говорю это смело, ибо чувствую (sic!) под собою твердую почву» («На славном посту», стр. 169), — то вы можете быть спокойны: Ворошилов опять безбожно путает и так же безбожно хвастает. Он «не заметил» в книге Каутского мест, посвященных ростовщичеству как такового («Agrarfrage», S. 11, 102—104, особенно 118, 290—292), и ломится изо всех сил в открытую дверь, крича при этом, как водится, о «доктринерском формализме», «нравственной черствости» Каутского, «издевательстве над человеческими страданиями» и пр. Что же касается до исполнения крестьянином функций предпринимателя, то эта удивительно мудреная вещь, повидимому, превосходит меру понимания Ворошилова. В следующем очерке мы попробуем однако разъяснить ему ее на самых конкретных примерах.

Если Ворошилов желает доказать, что он настоящий представитель «интересов труда», и громит Каутского за «изгнание из рядов пролетариата множества самого доподлинного рабочего люда» (там же, стр. 167), вроде Lumpenproletariat'a *), прислуги, кустаря и т. п., — то знайте, что Ворошилов путает. Каутский разбирает здесь признаки, выделяющие тот «современный пролетариат», который создал современное «социал-демократическое пролетарское движение» («Agrarfrage», S. 306), и Ворошиловы не сделали еще до сих пор такого открытия, чтобы босяки, кустари или прислуга создали социал-демократическое движение. Упрек же, что Каутский способен «изгонять» прислугу (начинающую теперь в Германии примыкать к движению), кустарей и пр. из рядов пролетариата, — показывает только в полном виде всю беззастенчивость Ворошиловых, которые тем охотнее проявляют свое дружелюбие к «доподлинному рабочему люду», чем меньше практического значения имеют такие фразы и чем безопаснее разносить *вторую часть* «Аграрного вопроса», непропущенную российской цензурой. Впрочем, по части беззастенчивости есть и еще перлы: восхваляя гг. Н.—она и Каблукова с полным умолчанием о направленной против них марксистской критике, г. Чернов в то же время с напускной наивностью спрашивает: кого это разумеют немецкие социал-демократы под своими русскими «товарищами»? Не верите, что в «Русском Богатстве» ставятся такие вопросы, так справьтесь с № 7, стр. 166.

Если Ворошилов уверяет, что «предсказания» Энгельса о безрезультатности бельгийского рабочего движения благодаря влиянию прудонизма «потерпели крушение», — то знайте, что Ворошилов опять извращает дело, слишком уверенный в своей, так сказать, «безответственности». Вот его слова: «Недаром Бельгия никогда не была ортодоксально-марксистской, и недаром недовольный ею за это Энгельс предрекал, что бельгийское движение, благодаря влиянию «прудонистских принципов», пойдет «von nichts durch nichts zu nichts» **). Увы! его предсказания потерпели крушение, а широта и всесторонность бельгийского движения сделали его в настоящее время образцом, по которому многому научаются многие «правоверные» страны» («Р. Б.», № 10, стр. 234). Дело было так: в 1872-ом (семьдесят втором!) году Энгельс полемизировал в социал-демократической газете «Volksstaat» ***) [104]) с немецким прудонистом Мюльбергером и, возражая против преувеличения значения прудонизма, писал: «Единственная страна, в которой рабочее движение находится непосредственно под влиянием прудоновских «принципов», это —

*) — босяцкого пролетариата. *Ред.*
**) — «от ничего через ничто к ничему». *Ред.*
***) — «Народное государство». *Ред.*

Бельгия, и именно поэтому бельгийское рабочее движение и идет, по выражению Гегеля, «от ничего через ничто к ничему»» *). Итак, это *прямая неправда*, будто Энгельс что-либо «предрекал» или «предсказывал». Он говорил только *про то, что̀ есть*, т.-е. про то, что̀ было в 1872 году. А это несомненный исторический факт, что *в то время* бельгийское движение топталось на одном месте именно благодаря господству прудонизма, вожаки которого высказывались против коллективизма и отвергали самостоятельную политическую деятельность пролетариата. Только в 1879 году образована была «бельгийская социалистическая партия», и только с этого времени начинается та агитация за всеобщее избирательное право, которая ознаменовала победу марксизма над прудонизмом (признание политической борьбы пролетариата, организованного в самостоятельную классовую партию) и начало выдающихся успехов движения.

Современная программа «бельгийской рабочей партии» восприняла (не говоря об отдельных менее важных пунктах) *все* основные идеи марксизма. И вот в 1887 году, в предисловии ко второму изданию своих статей о жилищном вопросе, Энгельс особенно подчеркивает «гигантский прогресс международного рабочего движения за последние 14 лет». Прогресс этот тесно связан — говорит он — с вытеснением прудонизма, который *тогда* господствовал, а *теперь* почти забыт. «В Бельгии — замечает Энгельс — фламандцы оттеснили валлонов от руководства движением, сместили (abgesetzt) прудонизм и сильно подняли движение» (стр. 4 той же брошюры, предисловие). Не правда ли, как верно изображено дело в «Русском Богатстве»?

Если Ворошилов... но довольно! За легальным журналом, который может ежемесячно врать на «ортодоксальный» марксизм, как на мертвого, — нам, разумеется, не угоняться.

V.

«ПРОЦВЕТАНИЕ ПЕРЕДОВЫХ СОВРЕМЕННЫХ МЕЛКИХ ХОЗЯЙСТВ». ПРИМЕР БАДЕНА**).

— Детализация, детализация! — восклицал г. Булгаков в журнале «Начало» (№ 1, с. 7 и 13), и этот лозунг повторяется сотни раз и на сотни ладов всеми «критиками».

Хорошо, господа, возьмемся за детализацию.

---

*) См. брошюру «Zur Wohnungsfrage». Zürich, 1887 («К жилищному вопросу». Цюрих, 1887 г. *Ред.*), содержащую в себе перепечатку статей Энгельса против Мюльбергера 1872-го года и его введение, помеченное 10-ым января 1887-го года. Цитир. место на стр. 56.

**) В издании 1908 года вместо: «Пример Бадена» — «Монография Гехта». *Ред.*

Когда вы направляли такой лозунг против Каутского, это было совершенно бессмысленно, потому что главная задача научного исследования аграрного вопроса, загроможденного бесконечным количеством бессвязных деталей, состояла именно в создании общей картины всего современного аграрного строя в его развитии. Ваш лозунг прикрывал только вашу научную беспринципность, вашу оппортунистическую боязнь всякого целостного и продуманного мировоззрения. И если бы вы отнеслись к книге Каутского не по-Ворошиловски, вы могли бы извлечь из нее массу указаний о том, как следует пользоваться детальными данными, как их надо обрабатывать. А что вы этими детальными данными пользоваться не умеете, это мы докажем сейчас на целом ряде *вами же самими выбранных* примеров.

В своей статье: «Крестьянские варвары», направленной против Каутского и помещенной в журнале господ Ворошиловых: «Sozialistische (??) Monatshefte» (III Jahrg., 1899, Heft 2)*), Э. Давид с особенным торжеством сослался на «одну из *основательнейших и интереснейших монографий*» о крестьянском хозяйстве, появившихся в последнее время, именно на Морица Гехта (Hecht): «Drei Dörfer der badischen Hard» (Lpz. 1895)**). Герц подхватил эту ссылку, повторил вслед за Давидом несколько цифр из этого «прекрасного труда» (S. 68, р. п. 164) и «настоятельно рекомендовал» (S. 69, р. п. 188) ознакомление с ним либо в подлиннике, либо в извлечении Давида. Г. Чернов в «Русском Богатстве» поспешил пересказать и Давида и Герца, противопоставляя Каутскому нарисованные Гехтом «яркие картины процветания передовых современных мелких хозяйств» (№ 8, 206—209).

Обратимся же к Гехту.

Гехт описывает три баденские деревни, находящиеся в 4—14 километрах от Карлсруэ: Гагсфельд, Бланкенлох и Фридрихсталь. Несмотря на мелкие размеры участков, 1—3 гектара (ha) на хозяина, крестьяне живут очень зажиточно и культурно, собирая с земли чрезвычайно высокие урожаи. Давид (а за ним и Чернов) сравнивает эти урожаи со средними для Германии (в доппельцентнерах с 1 ha: картофеля 150—160 и 87,8, ржи и пшеницы 20—23 и 10—13, сена 50—60 и 28,6) и восклицает: каково? Вот вам «отсталые мелкие крестьяне»! Во-первых, ответим мы, поскольку здесь не дано никакого сравнения мелкого и крупного хозяйств, находящихся в равных условиях, смешно считать это доводом против Каутского. Еще более смешно, когда тот самый г. Чернов, который на стр. 229 № 8 «Русского Богатства» утверждает, что в «рудиментарном воззре-

*) «Социалистический ежемесячник», III год, 1899, выпуск 2. *Ред.*
**) «Три деревни баденского Гарда». Лейпциг. 1895 г. *Ред.*

нии Каутского» (относительно агрономической эксплуатации деревни городом) «темные стороны капитализма даже преувеличиваются», — приводит на с. 209 *против* Каутского как раз такой пример, где это капиталистическое препятствие прогрессу земледелия *устранено* в силу подгородного расположения выбранных им деревень. В то время как громадное большинство сельского населения теряет массу естественных удобрений от порождаемого капитализмом обезлюдения деревни и концентрации населения в городах, — ничтожное меньшинство подгородных крестьян извлекает из своего положения особые выгоды и обогащается на счет обездоления массы. Неудивительно, что урожаи в описываемых деревнях так высоки, когда они приобретают на 41.000 марок в год навоза из военных конюшен трех соседних городов с гарнизонами (Карлсруэ, Брухзаль и Дурлах) и навозной жижи из городских ассенизационных учреждений (Hecht, S. 65); искусственные удобрения прикупаются только на 7.000 марок *). Опровергать техническое превосходство крупного хозяйства примером мелких хозяйств, поставленных в подобные условия, значит только доказывать свое бессилие. Во-вторых, насколько в действительности имеем мы в этом примере «настоящих мелких крестьян», echte und rechte Kleinbauern, как говорит Давид и повторяет за ним Герц и Чернов? Ссылаются они при этом *только* на размеры землевладения, обнаруживая как раз неумение пользоваться детальными данными. Для подгородного крестьянина, как всякому известно, десятина земли значит то же, что десять десятин для крестьянина в захолустье, да и *тип* хозяйства от соседства города радикально изменяется. Напр., цена земли в самой малоземельной и самой богатой из этих подстоличных деревень, в Фридрихстале, равна 9—10 тыс. марок, *впятеро* больше средней баденской цены (1.938 м.) *и раз в двадцать* больше цены земли в отдаленных местностях восточной Пруссии. Следовательно, по размеру производства (единственно точному показателю размеров хозяйства) это вовсе не «мелкие» крестьяне. Что же касается *типа* их хозяйства, то мы видим здесь замечательно высокую степень развития *денежного* хозяйства и *специализации* земледелия, особенно подчеркиваемой Гехтом. Сеют

*) Кстати, г. Чернов уверяет читателей «Русского Богатства», что в этих селах «сколько-нибудь заметной дифференциации» *в размерах землевладения* не существует. Но если бы требование детализации не было в его устах пустой фразой, то он не мог бы забыть, что для этих подгородных крестьян количество земли имеет гораздо меньше значения, чем количество удобрения. А в этом отношении дифференциация очень заметна. Всего выше урожаи и всего богаче крестьяне в деревне Фридрихсталь, хотя она самая малоземельная; но из 48.000 марок расхода на удобрение падает на ее долю 28.000 м., что при 258 гект. земли дает 108 марок на 1 гектар. Гагсфельд расходует только по 30 марок на гектар (12.000 : 397 гектаров), а Бланкенлох всего по 11 (8.000 : 736 гектаров).

табак (45% площади в Фридрихстале), высокосортный картофель (идущий отчасти на семена, отчасти к столу «знатных господ» Hecht, 17 — в Карлсруэ), продают в столице молоко и масло, поросят и свиней, сами покупают себе и хлеб и сено. Земледелие вполне приняло здесь торговый характер, и подстоличный крестьянин — чистейшего типа *мелкий буржуа*, так что если бы г. Чернов действительно ознакомился с теми детальными данными, на которые он с чужих слов ссылается, то он, может быть, приблизился бы несколько к пониманию такой мудрепой для него категории, как «мелкобуржуазность» (ср. № 7 «Русского Богатства», с. 163) крестьянина. Прекурьезно, что Герц и г. Чернов, объявляя себя неспособными понять, как это крестьянин исполняет функции предпринимателя, как это он в состоянии фигурировать то как рабочий, то как предприниматель, ссылаются на детальное исследование, автор которого прямо говорит: «Крестьянин XVIII-го века с его 8 — 10 гектарами земли был крестьянином» («*был* крестьянином», г. Чернов!) «и физическим работником; карликовый крестьянин XIX-го века с его 1 — 2 гектарами есть умственный *) работник, предприниматель, торговец» (Hecht, S. 69, ср. с. 12: «сельский хозяин сделался *купцом* и *предпринимателем*». Курсив Гехта). Ну, разве не по-Ворошиловски «разносили» Каутского Герц и г. Чернов за смешение крестьянина с предпринимателем?

Самым рельефным признаком «предпринимательства» является употребление наемного труда. И в высшей степени характерно, что ни один из тех quasi-социалистов, которые ссылались на работу Гехта, *не проронил ни словечка* об этом факте. Сам Гехт — типичнейший Kleinbürger **) благонамереннейшего направления, восторгающийся религиозностью крестьян и «отеческой попечительностью» о них великогерцогского начальства, вообще, и такой «важной» мерой, как устройство кулинарных курсов, в частности, — старается, естественно, замять эти факты, доказать, что никакой «социальной пропасти» ни между богатыми и бедными, ни между крестьянином и батраком, ни между крестьянином и фабричным рабочим не существует. «Сословия сельско-хозяйственных *поденщиков* не существует, — пишет Гехт. — Большинство крестьян в состоянии сами при помощи семьи обрабатывать свой участок; лишь немногие в этих трех деревнях испытывают нужду в чужих рабочих силах во время жатвы или для молотьбы; такие семьи «зовут на помощь» («bitten»), по местному выражению, известных мужчин или женщин (которые и не думают называть себя «поденщиками») (31). Что из всего числа хозяев в трех деревнях лишь немногие нанимают поденщиков, это неудивительно,

*) В издании 1908 года: «интеллектуальный». *Ред.*
**) — мелкий буржуа. *Ред.*

ибо очень многие «хозяева» представляют из себя, как увидим, фабричных рабочих. А какая доля чистых земледельцев в частности прибегает к найму, Гехт не сообщает, предпочитая свою кандидатскую (докторскую, по-немецки) диссертацию, посвященную только трем деревням (из одной из этих деревень Гехт и сам родом), наполнять не точными статистическими данными о разных разрядах крестьян, а рассуждениями о высоконравственном значении прилежания и бережливости. (Несмотря на это, а, может быть, именно благодаря этому, Герц и Давид так превозносят труд Гехта.) Мы узнаем только, что заработная плата поденщикам всего ниже в самой богатой и чисто-земледельческой деревне — Фридрихстале, которая всего дальше отстоит от Карлсруэ (в 14 килом.). В Фридрихстале поденщик получает в день 2 марки на своем содержании, в Гагсфельде (4 килом. от Карлсруэ, населенном фабричными рабочими) — 3 марки. Таково одно из условий «процветания» столь восхищающих критиков «настоящих мелких крестьян». «Между господами и *прислугой* (Gesinde= и прислуга и батраки), — сообщает нам Гехт, — существуют еще совершенно патриархальные отношения в этих трех деревнях. «Господин», т.-е. крестьянин с 3 — 4 гектарами, «тыкает» батрака и батрачку, называет их просто по имени, а они называют крестьянина «дядей» (Vetter), а крестьянку «теткой» (Base) и говорят им «вы»... Батраки едят вместе с семьей и считаются как бы ее членами» (S. 93). О значении наемного труда в табаководстве, которое так широко развито в этом районе и которое требует особенно много рабочих рук, «основательнейший» Гехт хранит молчание, но так как он все-таки сказал хоть пару слов о наемном труде, то даже и этого благонамеренного буржуйчика приходится поставить выше по умению «детализировать» исследование, чем Ворошиловых «критического» социализма.

В-третьих. На исследование Гехта ссылались в опровержение факта чрезмерной работы и недоедания в крестьянстве. И тут, однако, оказывается, что критики предпочли *умолчать* о фактах этого рода, *отмеченных* у Гехта. Им пришло на помощь то понятие «среднего» крестьянина, посредством которого так распространено прикрашивание «крестьянства» и у русских народников и у западно-европейских буржуазных экономистов. «Вообще» крестьянство этих трех деревень очень зажиточно, но даже из самой неосновательной монографии Гехта ясно видно, что в этом отношении обязательно различать три крупные группы. Около четверти (или 30 %%) хозяев (большинство в Фридрихстале и немногие из Бланкенлоха) — зажиточные мелкие буржуа, разбогатевшие благодаря близости столицы, ведущие доходное молочное хозяйство (продают 10 — 20 литров молока в день) и табаководство (один пример: валовая выручка 1.825 марок с 1,05 гектара под табаком), откармливающие свиней на продажу

(в Фридрихстале 1.140 жителей, свиней держат 497, в Бланкенлохе на 1.684 жит. — 445, в Гагсфельде на 1.273 — 220) и т. п. Среди этого меньшинства (к которому, в сущности, единственно и применимы целиком восхищающие критиков признаки «процветания») употребление наемного труда несомненно встречается довольно часто. В следующей группе, к которой принадлежит большинство хозяев из Бланкенлоха, благосостояние уже значительно ниже; удобрения употребляется меньше, урожаи менее высоки, скота меньше (в Фридрихстале всего скота, в переводе на крупный, 599 штук на 258 ha, в Бланкенлохе — 842 на 736 ha, в Гагсфельде — 324 на 397 ha), «чистые комнаты» в домах реже, мясо едят уже далеко не каждый день, наблюдается у многих семей такое (знакомое очень нам, русским) явление, что они из нужды в деньгах продают осенью хлеб, а весною опять покупают *). Центр тяжести передвигается постоянно для этой группы *от земледелия к промышленности*, и уже 103 бланкенлохских крестьянина работают в Карлсруэ, как фабричные рабочие. Эти последние вместе со всем почти населением Гагсфельда образуют третью группу (40 — 50 проц. всего числа дворов). Земледелие здесь уже подсобное занятие, которому посвящают свое время главным образом женщины. Уровень жизни хотя и выше, чем в Бланкенлохе (благодаря влиянию столицы), но нужда уже сильно дает себя знать. Молоко продают, а себе уже покупают отчасти «более дешевый маргарин» (24). Увеличивается быстро число коз: с 9 в 1855 г. до 93 в 1893 г. «Это увеличение, — пишет Гехт, — может быть объяснено только исчезновением собственно крестьянских хозяйств и разложением (Auflösung) крестьянского сословия в сословие сельских фабричных рабочих с сильно парцеллированным землевладением» (27). В скобках будь сказано, и во всей Германии число коз с 1882 по 1895 г. возросло в громадных размерах: с 2,4 милл. до 3,1 милл., что ясно указывает на обратную сторону того прогресса «крепкого крестьянства», который так воспевают гг. Булгаковы и мелко-буржуазные социалисты-«критики». Большинство рабочих пешком ходит за $3^1/_2$ килом. на фабрику в город, боясь перерасходовать даже и марку (48 коп.) в неделю на железнодорожный билет. Около 150 рабочих из 300 гагсфельдцев находят даже дорогим для себя обед в «народной столовой» за 40 — 50 пфеннигов и получают обед из дому. «Бед-

*) Между прочим хозяйственную отсталость Бланкенлоха Гехт объясняет преобладанием натурального хозяйства и *существованием общины*, благодаря которой кусочек земли (36 аров — Almendgut) обеспечен, по достижении 32 лет, каждому, «ленив ли он или прилежен, делает ли сбережения или нет» (S. 30). Но Гехт все же против раздела общинных земель: это, говорит, своего рода учреждение общественного призрения (Altersversorgung) для престарелых фабричных рабочих, число которых растет в Бланкенлохе.

ные женщины, — сообщает Гехт, — ровно в 11 часов кладут обед в судки и относят на фабрику» (79). Что касается работниц, то они заняты на фабрике тоже по 10 часов и получают за это всего 1,10 — 1,50 марки (мужчины — 2,50 — 2,70 марки) и при поштучной плате 1,70 — 2 марки. «Некоторые работницы стараются повысить свою скудную плату посредством подсобных занятий; в Бланкенлохе 4 девушки работают в Карлсруэ на бумажной фабрике и берут бумагу на дом, чтобы по вечерам изготовлять из нее бумажные воронки; в вечер с 8 до 11 часов (sic!) делают до 300 мешков, получая за это 45 — 50 пф., — добавка к малому дневному заработку, служащая для покрытия расходов на поездки по железной дороге. В Гагсфельде некоторые женщины, которые девушками работали на фабриках, имеют маленький подсобный заработок, полируя в зимние вечера серебряные товары» (36). «Гагсфельдский рабочий, — умиляется Гехт, — имеет свою оседлость не в силу имперского закона, а благодаря своей собственной энергии, имеет домик, который он не должен делить с чужими людьми, имеет маленький кусочек земли; но что гораздо важнее, чем это действительное владение, это — сознание, что все это приобретено собственным прилежанием. Гагсфельдский рабочий — и фабричный рабочий и крестьянин в одно и то же время. У кого нет земли, тот арендует хоть несколько парцелл, чтобы увеличить свой доход посредством *утилизации свободных часов*. Если летом работа начинается на фабрике «только» («только»!) в 7 часов, рабочий встает в 4, чтобы окопать на своем поле картофель или принести корму скоту. Или если вечером он приходит домой в 7 часов, то что же ему делать, особенно летом? Вот он и поработает еще час-полтора на своем поле; ему ведь не нужна высокая рента с земли, — он хочет только вполне (sic!) использовать свою рабочую силу»... И много еще таких елейностей говорит Гехт, заканчивающий свою книгу словами: «Карликовый крестьянин и фабричный рабочий — оба (sic!) поднялись до среднего сословия, и это не благодаря искусственным, принудительным мерам, а благодаря собственному прилежанию, собственной энергии, выработке в себе высшей нравственности» *).

*) Гехт еще очень и очень много говорит об этой «высшей нравственности», восторгаясь не хуже г. Булгакова «трезвой брачной политикой», «железным прилежанием», «бережливостью» и «умеренностью», приводя даже «известную крестьянскую поговорку»: «Man sieht nicht auf die Goschen (d. h. Mund), sondern auf die Groschen», в вольном русском переводе: «не так поровим, чтобы в рот, как чтобы в карман». Предлагаем читателю сопоставить эту поговорку с «учением» киевского профессора г. Булгакова, что крестьянское хозяйство (как не нуждающееся ни в ренте, ни в прибыли) — есть «самая выгодная для общества (sic!) организация земледелия» (Булг., I, 154).

«Три деревни баденского Гарда представляют теперь из себя одно *великое, широкое среднее сословие*» (курсив Гехта).

Что Гехт так пишет, это неудивительно, ибо он — самый дюжинный буржуазный апологет. Но какого имени заслуживают те люди, которые морочат других, называя себя социалистами, и которые прикрашивают действительность еще усерднее всякого Гехта, выдавая процветание буржуазного меньшинства за общий прогресс и замазывая пролетаризацию большинства посредством старого жупела: «соединение земледелия с индустрией»?

VI.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ МЕЛКОГО И КРУПНОГО ХОЗЯЙСТВ. ПРИМЕР ИЗ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ.

Перенесемся, для разнообразия, из далекой южной Германии поближе к России, в Восточную Пруссию. Мы имеем здесь одно в высшей степени поучительное *детальное* исследование, которым совершенно не сумел воспользоваться требовавший детализации г. Булгаков. «Сравнение данных о действительной производительности крупного и мелкого хозяйств, — пишет г. Булгаков, — не может решить вопроса об их технических преимуществах, потому что сравниваемые хозяйства могут находиться при разных экономических условиях. Самое большое, что могут дать такие данные, это фактическое подтверждение того отрицательного вывода, что крупное производство не имеет технических преимуществ пред мелким не только в теории, но при известных условиях и в действительности. Таких сравнений делалось в экономической литературе не мало, во всяком случае достаточно для того, чтобы подорвать в непредубежденном и свободном от предрассудков читателе веру в преимущество крупного производства вообще» (I, 58). И в примечании приводятся два примера. Первый — та самая работа Аугагена [105]), — сравнивавшего всего два хозяйства в 4,6 и 26,5 ha в Ганновере, — которую цитировал и Каутский в «Agrarfrage» (S. 111) и Герц (S. 69, p. n. 166). Мелкое хозяйство в этом случае показывает более высокие урожаи, и Аугаген определил в нем высшую доходность против крупного, но Каутский показал уже, что эта высшая доходность проистекает из *недопотребления*. Герц пробовал обнажить это, но с обычным своим успехом, и так как Герц теперь переведен на русский язык, а ответ Каутского Герцу неизвестен в России, то мы укажем в двух словах на содержание этого ответа (в цитированной выше статье в «Neue Zeit»)... Герц, по обыкновению, извратил довод Каутского, ссылавшегося будто бы только на содержание крупным хозяином сына в гимназии. На деле же Каутский только иллюстрировал этим уровень жизни, и если бы

Герц привел *весь бюджет* сравниваемых семей (обе состоят из 5 человек), то получил бы цифры: для мелкого — 1.158,40 марок, для крупного — 2.739,25. При *одинаковом* уровне жизни с крупным хозяйством мелкое оказалось бы *менее* доходным; по расчету Аугагена, доход мелкого = 1.806 м., т.-е. 5,45% на капитал (33,651 м.), а крупного — 2.720 м. — 1,82% на капитал (149.559 м.). Вычтите недопотребляемое мелким, и его доход окажется равным *258 м.* — 0,80%! И это при количестве труда непропорционально высоком: в мелком 3 работника на 4,6 гектара, т.-е. по одному работнику на 1,5 гект., в крупном — 11 (ср. Герц, S. 75, р. п. 179) на 26,5 г., т.-е. по 1 работнику на 2,4 гектара. Мы уже не говорим о том справедливо осмеянном Каутским обстоятельстве, что якобы социалист Герц сравнивает труд детей современного крестьянина со сбором колосьев Руфью! Что касается г. Булгакова, то он ограничился только сообщением данных об урожайности и *не заикнулся* об уровне жизни мелкого и крупного хозяев.

«Другой пример, — продолжает наш сторонник детализации, — находим в новейшем исследовании *Karl Klawki:* «Ueber Konkurrenzfähigkeit des landwirtschaftlichen Kleinbetriebs» (в «Thiel's Landwirtschaftliche Jahrbücher», 1899, Heft 3 — 4) *). Его сравнение относится к Восточной Пруссии. Автор сравнивает по 4 хозяйства — крупных, средних и мелких размеров. Особенностью его сравнения является то, что, во-первых, доходы и расходы выражены в деньгах, а затем, что автор переводит на деньги и ставит в расход стоимость рабочей силы в мелком хозяйстве, где она не покупается; для нашей цели такой прием едва ли правилен» (sic! Г. Булгаков забывает добавить, что Klawki переводит на деньги стоимость труда во *всех* хозяйствах, оценивая труд мелкого заранее дешевле!); «тем не менее мы имеем»... Следует таблица, из которой мы теперь приведем лишь вывод: средняя чистая прибыль с 1 моргена (= 1/4 гектара) в крупном хозяйстве — 10 мар., в среднем — 18, в мелком — 12. «Наибольшей доходностью, — заключает г. Булгаков, — отличается здесь среднее хозяйство, за ним следует мелкое и за ним крупное, которое оказывается таким образом позади всех».

Мы нарочно выписали *целиком* все, что говорит г. Булгаков о сравнении крупных и мелких хозяйств. Теперь рассмотрим, что доказывает интересная работа Klawki, описывающая 12 типичных и в одинаковых условиях стоящих хозяйств на протяжении целых 120 страниц. Приведем сначала общие данные о хозяйствах, при чем ограничимся, для экономии места и наглядности выводов, *средними* данными о крупном, среднем и мелком хозяйствах (средний размер = 358,50 и 5 гектаров).

*) Карл Клавки: «О конкуренто-способности сельско-хозяйственного мелкого производства» (в «Сельско-хозяйственных Ежегодниках Тиля» 1899 г. Выпуск 3 — 4). *Ред.*

Хозяйства	Приходится на 1 морген (1/4 гектара) в марках:												Расход на продукт, ценой в 100 марок *)		На 100 моргенов	
	Всего дохода			Дохода от продажи продуктов			Потребления в собствен. хоз. продук.			ВСЕГО			Марок			
	От земледелия	От скотоводства	Всего	Земледелия	Скотоводства	Всего	Земледелия	Скотоводства	Всего	Дохода	Расхода	Чист. прибыли	a	b	Наемных рабочих дней	Всего рабочих дней
Крупное . .	17	16	33	11	14	25	6	2	8	33	23	10	65	70	387	887
Среднее . . .	18	27	45	12	17	29	6	10	16	45	27	18	35	60	744	924
Мелкое . . .	23	41	64	9	27	36	14	14	28	64	52	12	8	80	—	—

Как будто бы *все* выводы г. Булгакова всецело подтверждаются работой Klawki: с уменьшением размеров хозяйства увеличивается и валовой доход и даже доход от продажи по расчету на один морген! Мы думаем, что при тех приемах, которые употребляет Klawki, — а эти приемы весьма распространенные и в основных своих чертах общие всем буржуазным и мелкобуржуазным экономистам, — во всех или почти во всех случаях получится превосходство мелкого земледелия. Поэтому *вся суть вопроса,* совершенно не замечаемая Ворошиловыми, состоит *в разборе этих приемов,* и поэтому-то частичное исследование Klawki представляет громадный общий интерес.

Начнем с урожаев. Оказывается, урожаи громадного большинства злаков правильно и очень значительно *понижаются* от крупных хозяйств к мелким. Собирается (в центнерах с моргена) пшеницы: 8,7—7,3—6,4; ржи: 9,9—8,7—7,7; ячменя: 9,4—7,1—6,5; овса: 8,5—8,7—8,0; гороха: 8,0—7,7—9,2 **); картофеля: 63—55—42; кормовой свеклы: 190—156—117. Только льну, которого крупные хозяйства не сеют вовсе, мелкие хозяйства (3 из 4-х) собирают больше, чем средние (2 из 4-х), именно 6,2 «Stein» (= $18^1/_2$ фунтов) против 5,5.

От чего же зависит более высокая урожайность в крупных хозяйствах? Klawki придает решающее значение четырем следующим причинам: 1) дренажа почти не существует у мелких хозяев, а когда он имеется, то трубы кладут хозяева сами и кладут плохо; 2) мелкие хозяева пашут недостаточно глубоко — слабы

*) a = если не переводить на деньги стоимость рабочей силы хозяина и его семьи; b = если переводить.

**) Сеется только в двух хозяйствах из 4-х: в крупном и среднем — по три хозяйства из 4-х сеют горох.

лошади; 3) рогатый скот у мелких хозяев имеет большей частью недостаточно корма; 4) производство навоза у мелких хозяев хуже: солома у их хлебов короче, большая часть соломы идет на корм скоту (значит, опять-таки, ухудшение качества корма), и на подстилку скоту употребляется меньше соломы.

Итак, скот у мелких хозяев слабее, хуже качеством и хуже содержится. Это обстоятельство объясняет нам то странное и больше всего бросающееся в глаза явление, что при более высокой урожайности в крупных хозяйствах доход от земледелия оказывается в них, по расчету Klawki, меньше на 1 морген, чем в средних и мелких. Дело в том, что Klawki *исключает корм скота*, не считая его ни в доходах, ни в расходах. Таким образом искусственно и фальшиво приравнено то, что на самом деле создает существенную разницу между крупными и мелкими хозяйствами и разницу не в пользу последних. Крупное хозяйство оказывается, при таком способе вычисления, менее доходным *потому*, что оно большую долю сельско-хозяйственной площади занимает производством корма для скота (хотя на единицу площади оно держит гораздо меньше скота, чем мелкое), тогда как мелкое хозяйство «обходится» соломой в виде корма. «Преимущество» мелкого земледелия состоит, следовательно, в том, что оно *хищнически обращается* и с землей (хуже удобрение), и со *скотом* (хуже корм). Разумеется само собой, что подобное сравнение доходности различных хозяйств лишено всякого научного значения *).

Далее, из числа причин высшей урожайности земли в крупных хозяйствах надо указать то, что они чаще (и, повидимому, даже почти исключительно) применяют мергелевание почвы, больше употребляют искусственных удобрений (расход на 1 морген 0,81 марки — 0,38 — 0,43) и Kraftfuttermittel **) (в крупных — 2 марки на морген, в остальных — ноль). «Наши крестьянские хозяйства, — говорит Klawki, относящий к крупно-крестьянским и средние хозяйства, — не расходуют ничего на Kraftfuttermittel. Они туго поддаются прогрессу и особенно скупятся на расходы чистыми деньгами» (461). Крупные хозяйства стоят выше и по системе полеводства: улучшенный плодосмен мы видим во

*) Следует отметить, что подобное фальшивое приравнение (в издании 1908 года: «приравнивание». *Ред.*) заведомо неравных величин в мелком и крупном хозяйствах имеет место не только в отдельных монографиях, но и в массовых данных современной аграрной статистики. И французская, и немецкая статистика оперируют с «средним» живым весом, с «средней» ценой штуки скота во всех и всяческих хозяйствах. Немецкая статистика определяет даже по этому приему общую стоимость всего количества скота в разных группах хозяев (по величине площадей), при чем однако же делается оговорка, что предположение одинаковой ценности штуки скота в разных группах хозяйств «не соответствует действительности» (S. 35).

**) — усиленные кормовые средства. *Ред.*

всех 4-х крупных хозяйствах, в 3-х средних (в 1-м — старое трехполье) и только в одном мелком (в 3-х — трехполье). Наконец, и машин крупные хозяева имеют гораздо больше. Правда, сам Klawki держится того мнения, что машины особенно большого значения не имеют. Но мы не ограничимся его «мнением», а возьмем выборки из данных. Машины следующих восьми родов — паровые молотилки, конные молотилки, зерноочистительные машины, триеры, рядовые сеялки, машины для разбрасывания навоза, конные грабли и крутые катки — распределяются между описываемыми хозяйствами так: у 4-х крупных — 29 (в том числе 1 паровая — молотилка), у 4-х средних — 11 (ни одной паровой), у 4-х мелких — 1 машина (конная молотилка). Конечно, никакое «мнение» никакого поклонника крестьянского хозяйства не может нас заставить думать, что зерноочистительные машины, рядовые сеялки, катки и пр. могут не оказывать влияния на урожайность. Кстати, мы имеем здесь данные о числе машин, находящихся во владении таких-то хозяев, в отличие от массовых данных германской статистики, регистрировавшей только случаи употребления машин, — и своих, и чужих безразлично. Очевидно, что такая регистрация тоже уменьшает преобладание крупного хозяйства и затушевывает следующие, описываемые Klawki, формы «позаимствования» машин: «Крупный хозяин охотно ссужает мелкому свой каток, свои конные грабли и зерноочистительную машину, если последний обещает ему за это поставить косца в горячее время» (443). Следовательно, известное число — и без того, как мы показали, крайне редких — случаев употребления машин в мелком хозяйстве представляет из себя превращенную форму приобретения рабочей силы.

Пойдем далее. Другой случай фальшивого приравнивания заведомо неравных величин представляет прием Klawki считать цену продукта при продаже одинаковой во всех разрядах хозяйств. Вместо действительных случаев продажи, автор берет в основание своих расчетов предположение, на неверность которого он сам указывает. Крестьяне сбывают хлеб большей частью на месте, и торговцы в маленьких городах сильно понижают цены. «Крупные имения лучше поставлены в этом отношении, так как они могут сразу отправлять крупные партии в главный город провинции. Они получают при этом обыкновенно 20 — 30 процентов на центнер больше, чем при продаже в маленьких городах» (373). Крупные хозяева лучше умеют оценивать свой хлеб (451) и продают его по весу, а не мерами, как продают крестьяне к невыгоде для себя. Точно так же по весу продают крупные хозяева и скот, тогда как у крестьян покупают просто на основании внешнего осмотра. Сбыт молочных продуктов тоже поставлен у крупных хозяев лучше, ибо они могут отправлять молоко в город и получать высшие цены, чем средние хозяева, которые переделывают

молоко в масло и сбывают торговцам. В свою очередь у средних — масло лучше, чем у мелких (применение сепараторов, ежедневное изготовление и т. п.), которым и платят на 5 — 10 пф. меньше за фунт. Откармливаемый на продажу скот мелкие хозяева должны продавать раньше (менее зрелым), чем средние, ибо у них не хватает корма (444). Все это — в общей сложности очень и очень немаловажные — преимущества крупного хозяйства, как продавца на рынке, Klawki сбрасывает со счета в своей монографии, — подобно тому, как поклонники мелкого хозяйства из числа теоретиков отбрасывают этот *факт*, ссылаясь на *возможность* помочь делу кооперацией. Мы не желаем смешивать действительность капитализма с возможностями мещански-кооперативного парадиза: ниже мы приведем *факты* о том, кому достаются в действительности наибольшие выгоды от кооперации.

Отметим, что Klawki «не считает» в мелком и среднем хозяйствах труда самих хозяев по дренированию почвы, по ремонту всякого рода («крестьяне сами работают») и т. п. Это «преимущество» мелкого хозяина социалист называет Ueberarbeit, чрезмерным трудом, перерабатыванием, а буржуазный экономист — одной из выгодных («для *общества*»!) сторон крестьянского хозяйства. Отметим, что в средних хозяйствах, по указанию Klawki, наемные рабочие получают лучшую плату и харчи, чем в крупных, но и работают интенсивнее: «пример» хозяина побуждает к «большему прилежанию и тщательности» (465). Кто же из этих двух капиталистических хозяев, помещик или «свой брат» крестьянин выжимает из рабочего больше труда за данную плату, — Klawki не пытается определить. Мы ограничимся поэтому указанием на то, что расход на страхование рабочих от увечий и на случай старости составляет для крупного хозяина 0,29 марки на морген, для среднего — 0,13 марки (мелкий земледелец и здесь пользуется тем преимуществом, что вовсе себя не страхует, — разумеется, к немалой «выгоде общества» капиталистов и помещиков), — и затем еще ссылкой на пример русского земледельческого капитализма. Читатель, знакомый с книгой Шаховского «Отхожие земледельческие промыслы», помнит, может быть, такое характерное наблюдение: мужики-хуторяне и немцы-колонисты (на юге) отбирают себе рабочих «на выбор», платят им на 15 — 20% дороже, чем крупные наниматели, и выжимают из них на 50% больше работы. Это сообщал г. Шаховской в 1896 г., а в нынешнем году мы читаем, напр., в «Торгово-Промышленной Газете» такое сообщение из Каховки: «... Крестьяне и хуторяне, по обычаю, платили дороже (чем экономии платили наемным рабочим), так как требуют лучших рабочих и более выносливых» (№ 109, 1901 года, от 16 мая). Вряд ли есть основания думать, что подобное явление свойственно одной только России.

В приведенной выше таблице читатель заметил два приема расчета: включая и не включая денежную оценку рабочей силы хозяина. Г. Булгаков считает прием включения оценки «едва ли правильным». Разумеется, точный бюджет натуральных и денежных расходов и хозяев и батраков был бы гораздо правильнее, но раз таких данных нет, то приходится неизбежно определять денежные расходы семьи *приблизительно*. И вот чрезвычайно интересно, *как* Klawki делает этот приблизительный расчет. Крупные хозяева сами, конечно, не работают: они имеют даже особых управляющих, исполняющих за плату весь труд по руководству и надзору (из четырех имений три с управляющими, одно — без управляющего; это последнее имение в 125 ha Klawki считал бы более правильным называть крупно-крестьянским имением). Хозяевам двух крупных имений Klawki «кладет» по 2.000 марок в год «за труды» (состоящие, напр., в имении первом в том, что хозяин приезжает из своего главного имения раз в месяц на несколько дней, чтобы присмотреть за управляющим). Владельцу 125 ha (у первого 513 ha) он уже «кладет» только 1.900 марок за работу самого хозяина и трех его сыновей. Разве не «естественно», что при меньшем количестве земли должен «обходиться» меньшим бюджетом? Средним хозяевам Klawki кладет уже 1.200 — 1.716 марок за всю работу мужа и жены, а в трех случаях также и детей. Мелким хозяевам — по 800 — 1.000 марок за работу 4 — 5 (sic!) человек, т.-е. немногим больше (если больше), чем получает батрак, шнитман, зарабатывающий с семьей всего на 800 — 900 марок. Итак, здесь уже делается еще крупный шаг вперед: сначала приравнивалось заведомо неравное, теперь объявляется, что уровень жизни *должен* понижаться от крупного хозяйства к мелкому. Ведь это значит заранее признать тот факт принижения капитализмом мелкого крестьянина, который якобы опровергается выкладками о размерах «чистой прибыли»!

И если денежный доход понижается с уменьшением размеров хозяйства по *предположению* автора, то сокращение потребления доказывается прямыми данными. Количество потребляемых в хозяйстве продуктов земледелия составляет на одного человека (считая двоих детей за одного взрослого): у крупного хозяина — 227 марок (среднее из двух цифр), у среднего — 218 марок (среднее из четырех цифр), у мелкого — 135 (sic!) марок (среднее из 4-х цифр). И притом, чем крупнее хозяйство, тем больше прикупается предметов питания (S. 453). Klawki и сам заметил, что тут приходится поставить вопрос о той Unterkonsumption (недопотребление), которое г. Булгаков отрицал и о котором он здесь предпочел *умолчать*, оказывался еще бо́льшим апологетом, чем Klawki. А Klawki старается ослабить этот факт. «Имеет ли место известное недопотребление у мелких хозяев, — говорит

он,— этого мы не можем утверждать, но считаем это вероятным по отношению к мелкому хозяйству IV» (97 марок на душу). «Факт тот, что мелкие крестьяне живут очень бережливо (!) и продают многое такое, что они сберегают у себя, так сказать, ото рта» (sich sozusagen vom Munde absparen) *). Делается попытка доказать, что высшей «производительности» мелкого хозяйства этот факт не устраняет: если поднять потребление до 170 марок— сумма вполне достаточная (для «меньшого брата», но не для капиталиста-земледельца, как мы видим),— то получим, что на 1 морген надо бы увеличить потребление и уменьшить доход от продажи на 6 — 7 марок. За вычетом их получим (см. выше табличку) 29 — 30 марок, т.-е. все же выше, чем в крупном хозяйстве (S. 453). Но если мы поднимем потребление не до этой на глаз взятой цифры (и притом взятой пониже, ибо «ён достанет»), а до 218 марок (= действительность в среднем хозяйстве), то увидим, что доход от продажи продуктов упадет в мелком хозяйстве до *20 марок* на морген против 29 при среднем и 25 при крупном хозяйстве. То-есть: исправление *одной этой* (из многочисленных указанных выше) неправильностей в сопоставлениях Klawki разрушает уже *всякое* «преимущество» мелкого крестьянина.

Но в изысканиях преимуществ Klawki непостоянен. Мелкие крестьяне «соединяют земледелие с промыслами»: трое мелких крестьян (из 4-х) «прилежно ходят на поденщину, получая, кроме платы, и харчи» (435). Но особенно велики преимущества мелкого земледелия во время кризиса (как русским читателям давно уже известно из многочисленных народнических упражнений на эту тему, подогреваемых теперь гг. Черновыми): «Во время сельско-хозяйственного кризиса, да также и в другое время, именно мелкое хозяйство будет обладать наибольшей прочностью, будет в состоянии сбывать сравнительно больше продуктов, чем другие разряды хозяйств, посредством крайнего сокращения домашних расходов, каковое сокращение должно, правда, вести к некоторому недопотреблению» (481 — последние выводы Klawki, ср. S. 464). «Многие мелкие хозяйства принуждаются, к сожалению, к этому высоким размером процентов по долгам. Но

*) Интересно, напр., что доход от продажи молока и масла в крупном хозяйстве равняется 7 маркам на морген, в среднем—3, *в мелком*—7. Дело в том, что мелкие крестьяне в своем хозяйстве «очень мало употребляют масла и цельного молока... а мелкое хозяйство IV (расход производимых в хозяйстве продуктов на потребление равен лишь 97 маркам на человека) и вовсе не употребляет» (450). Пусть читатель сопоставит с этим (впрочем, всем, кроме «критиков», давно известным) фактом великолепные рассуждения Герца (S. 113, р. п. 270): «Да разве крестьянин ничего не получает за молоко?» «Не крестьянин ли ест свинью?» (откармливаемую молоком). Эти изречения надо почаще напоминать, как непревзойденный образец самого вульгарного прикрашивания нищеты.

таким образом — хотя и с большим трудом — они получают возможность держаться и перебиваться. Вероятно, именно сильным сокращением потребления объясняется, главным образом, то увеличение мелко-крестьянских хозяйств в нашей местности, которое констатирует имперская статистика». И Klawki приводит данные о кенигсбергском регирунгсбецирке *), в котором с 1882 по 1895 г. число хозяйств до 2 ha возросло с 56 до 79 тыс., в 2 — 5 ha — с 12 до 14 тыс., в 5 — 20 ha с 16 до 19 тыс. Это — та самая Восточная Пруссия, в которой гг. Булгаковы усматривают «вытеснение» крупного производства мелким. И подобные господа, которые так по-суздальски толкуют цифры голой статистики площадей, кричат еще о «детализации»! Вполне естественно, что Klawki считает «важнейшей задачей современной аграрной политики для разрешения вопроса о сельских рабочих на востоке — поощрить наиболее дельных рабочих к оседлости посредством доставления им возможности если не в первом, то хотя бы во втором (sic!) поколении приобрести кусочек земли в собственность» (476). Не беда, что инстманы, которые покупают себе кусочек земли из своих сбережений, «оказываются большей частью в худшем положении в денежном отношении; они это и сами знают, но их приманивает более свободное положение», — и вся задача буржуазной экономии (а в настоящее время, повидимому, также и «критиков») поддерживать в самой отсталой части пролетариата эти иллюзии.

Таким образом исследование Klawki по всем пунктам опровергает ссылавшегося на него г. Булгакова. Оно доказывает техническое превосходство крупного хозяйства в земледелии, чрезмерный труд и недоедание мелкого крестьянства, превращенье его в батрака и поденщика для помещика, доказывает связь роста числа мелких крестьянских хозяйств с ростом нужды и пролетаризации. Два вывода из этого исследования имеют особенно важное принципиальное значение. Во-первых, мы видим наглядно препятствия к введению машин в земледелие: это — бесконечное принижение мелкого земледельца, готового «не считать» своего труда, делающего для капиталиста ручной труд более дешевым, чем машинный. Вопреки утверждениям г. Булгакова, факты вполне доказывают *полную аналогию* между положением мелкого крестьянина в земледелии и кустаря в промышленности при капиталистических порядках. Вопреки утверждениям г. Булгакова, мы видим в земледелии еще более широкое принижение потребностей и усиление интенсивности труда, как орудие в конкуренции с крупным производством. Во-вторых, по отношению ко всем и всяким сравнениям доходности мелких и крупных хозяйств в земледелии мы должны раз навсегда

*) — административном округе. *Ред.*

признать абсолютно негодными и вульгарно-апологетическими выводы, игнорирующие три обстоятельства: 1) Как питается, как живет и как работает *земледелец?* 2) Как содержится и как работает *скот?* 3) Как удобряется и рационально ли эксплуатируется *земля?* Мелкое земледелие держится всяческим хищничеством: расхищением труда и жизненных сил земледельца, расхищением сил и качеств скота, расхищением производительных сил земли, а потому всякое исследование, не принимающее всесторонне во внимание все эти обстоятельства, представляет из себя просто ряд буржуазных софизмов *).

Неудивительно, поэтому, что именно «теория» чрезмерного труда и недостаточного потребления мелких крестьян в современном обществе вызвала особенно ожесточенные нападки гг. критиков. Г. Булгаков еще в журнале «Начало» «брался» (№ 1, с. 10) привести сколько угодно «цитат», доказывающих противоположное тому, что утверждал Каутский. Из исследования Союза социальной политики [106]) «Bäuerliche Zustände» («Положение крестьян»), — повторяет г. Булгаков в своей книге, — «Каутский, в своей попытке гальванизировать труп (sic!) устарелой догмы, выбрал несколько фактов, свидетельствующих о вполне понятной для данного момента угнетенности крестьянского хозяйства; пусть убедятся, что там можно найти свидетельства и несколько иного характера» (II, 282). Попробуем же «убедиться» и проверить «цитаты» строгого ученого, который отчасти просто повторяет цитаты Герца (S. 77, р. пер. 183).

---

*) Leo Huschke в своей работе: «Landwirtschaftliche Reinertrags-Berechnungen bei Klein-, Mittel- und Grossbetrieb dargelegt an typischen Beispielen Mittelthüringens» (Jena, 1902, Gustav Fischer) (Лео Гушке: «Исчисления доходности с мелкой, средней и крупной сельско-хозяйственной промышленности, установленные на типичных примерах Средней Тюрингии». Иена, 1902, Густав Фишер. *Ред.*) указывает справедливо, что «можно посредством одного только уменьшения» оценки рабочей силы мелкого земледельца получать такое вычисление, которое докажет его превосходство по отношению к среднему и крупному хозяйству и его способность конкурировать с ними (S. 126). К сожалению, автор не додумал до конца этой мысли и потому не привел в своей книге систематических данных о содержании скота, об удобрении земли, о содержании земледельцев в разных хозяйствах. Мы надеемся вернуться еще к интересной книге г. Гушке. Пока же отметим лишь его указания на то, что мелкое хозяйство выручает низкие цены на продукты по сравнению с крупным (S.S. 146, 155), и его вывод: «мелкое и среднее хозяйство стремилось преодолеть кризис, наступивший после 1892 г. (понижение цен на с.-х. продукты) посредством возможно большего сокращения денежных расходов, а крупное хозяйство — посредством повышения урожаев путем повышения издержек на хозяйство» (S. 144). Расходы на семена, корма, удобрение уменьшились с 1887—91 по 1893—97 г.г. в мелком и среднем хозяйстве, увеличились в крупном. В мелком эти расходы составляют 17 марок на 1 ha, в крупном — 44 марки. (Примечание автора к изданию 1908 г.)

«Из Эйзенаха свидетельствуют об улучшении скотоводства, удобрения, употреблении машин и вообще прогрессе сельскохозяйственного производства»... Открываем статью об Эйзенахе («Bäuerl. Zust.», I B.). Положение владельцев менее 5 ha (а таковых в описываемом районе 887 из 1.116) «в общем мало благоприятно» (66). «Поскольку они имеют заработки у крупных хозяев в качестве жнецов, поденщиков и пр., их положение сравнительно благоприятное» (67)... В общем за 20-тилетие — существенный технический прогресс, но «еще многого остается желать, в особенности по отношению к более мелким хозяйствам» (72)... «более мелкие хозяева употребляют отчасти для полевых работ слабосильных коров»... Подсобные заработки: лесные работы, возка дров; последняя «отвлекает от земледелия», ведет к «понижению благосостояния» (69). «Лесные работы тоже не дают достаточного заработка. В некоторых районах мелкие землевладельцы (Grundstücksbesitzer) занимаются ткачеством, которое плохо (leidlich) оплачивается. В единичных случаях — кустарная выделка сигар. В общем существует недостаток в подсобных заработках» (73)... И автор, Oekonomie-Commissar Dittenberger *), кончает замечанием, что крестьяне при их «простой жизни» и «скромных потребностях» сильны и здоровы, что даже «удивительно при мало-питательной пище беднейшего класса, у которого картофель составляет главную составную часть пищи» (74)...

Вот как опровергают «ученые» Ворошиловы «застарелый марксистский предрассудок, будто бы крестьянское хозяйство неспособно к техническому прогрессу»!

«... О королевстве Саксонии генеральный секретарь Лангедорф говорит, что в целых округах, в особенности же в более плодородных местностях, между крупными и мелкими имениями вряд ли уже существует разница по интенсивности хозяйства». Так опровергает Каутского Ворошилов австрийский (Герц, S. 77, р. п. 182—183) и вслед за ним повторяет Ворошилов русский (Булгаков, II, 282, со ссылкой на «Bäuerl. Zust.», I, 222). Открываем 222-ую страницу приводимого критиками источника и читаем непосредственно вслед за приведенными Герцем словами: «Такая разница более заметна в горных местностях, где более крупные имения хозяйничают с большим сравнительно оборотным капиталом; однако и здесь крестьянское хозяйство часто стоит не ниже по размерам чистой прибыли, так как менее высокий доход уравновешивается большей бережливостью, которая при данном очень низком уровне потребностей (bei der vorhandenen grossen Bedürfnisslosigkeit) часто доходит до того, что крестьянин-хозяин живет хуже промышленного рабочего, ознакомившегося с более

*) — экономический комиссар Диттенбергер. *Ред.*

широкими потребностями» («Bäuerl. Zust.», I, 222). И дальше сообщается, что преобладающая система хозяйства — плодопеременная, которая преобладает уже у средних хозяев, и*) «трехполье встречается почти только еще у мелких владельцев крестьянских имений»; по отношению к скотоводству тоже повсюду наблюдается прогресс. «Только по отношению к разведению рогатого скота и утилизации молочных продуктов крестьянин обыкновенно стоит позади крупного помещика» (223).

«Проф. Ранке, — продолжает г. Булгаков, — свидетельствует технический прогресс в крестьянском хозяйстве в окрестностях Мюнхена, типичных, по его словам, для всей верхней Баварии». Открываем статью Ранке: три общины *гроссбауэров*, хозяйничающих при помощи наемных рабочих: 69 крестьян из 119 имеют более 20 гектаров, у них $^3/_4$ всей земли, при чем 38 «крестьян» имеют каждый более 40 гектаров, в среднем каждый по 59 гектаров, и всего у них около 60% всей земли...

Кажется, этого достаточно для характеристики «цитат» гг. Булгакова и Герца.

VII.

БАДЕНСКАЯ АНКЕТА О КРЕСТЬЯНСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ.

«Мы не можем за недостатком места, — пишет Герц, — привести подробные и интересные отзывы из баденской анкеты о 37 общинах. По большей части отзывы эти аналогичны приведенным выше: наряду с благоприятными встречаются неблагоприятные и безразличные, *но нигде на всем протяжении трех томов анкеты подробные бюджеты расходов не дают права делать выводы о «недоедании»* (Unterkonsumption), о «грязной, унизительнейшей нужде» и т. п. (S. 79, p. n. 188). Подчеркнутые нами слова Герца заключают в себе, по обыкновению, *прямую неправду:* именно баденская анкета, на которую он ссылается, документальнейшим образом *доказала* «недопотребление» именно *мелкого крестьянства.* Извращение дела Герцем тесно связано здесь с тем приемом, который особенно культивировали русские народники, а теперь подхватывают все и всяческие «критики» в аграрном вопросе, — с огульными отзывами о «крестьянстве». А так как на Западе понятие «крестьянства» еще более неопределенно, чем у нас (нет резкого сословного признака), и так как «средние» отзывы и выводы прикрывают сравнительное «благосостояние» (или хотя бы неголодание) меньшинства и обездоливание большинства, то поприще здесь для всяких апологетов открывается необъятное. Баденская же анкета дает как раз возможность различить отдельные группы крестьянства, чего Герц

*) В издании 1908 года: «а». *Ред.*

в качестве сторонника «детализации» предпочел не заметить. В 37 типичных общинах были выбраны типичные хозяйства крупных крестьян (Grossbauer), средних и мелких, а также поденщиков, всего 70 крестьянских (31 крупное, 21 среднее и 18 мелких) и 17 поденщицких хозяйств, и эти хозяйства подверглись детальнейшему бюджетному исследованию. Обработать *все* эти данные мы не имели возможности, но достаточно и нижеприводимых *главных результатов*, чтобы получить весьма определенные выводы.

Приведем сначала данные об общем хозяйственном типе крупных (a), средних (b) и мелких (c) крестьянских хозяйств (из Anlage VI: «Uebersichtliche Darstellung der Ergebnisse der in den Erhebungsgemeinden angestellten Ertragsberechnungen» *), причем мы свели данные этой таблицы по отношению к Grossbauer'ам, Mittelbauer'ам и Kleinbauer'ам **) в отдельности). Размеры землевладения, — средние по группам: (a) 33,34 гектара, (b) 13,5 и (c) 6,96 — сравнительно высоки для такой страны мелкого землевладения, как Баден, но если исключить 10 хозяйств в общинах №№ 20, 22 и 30, отличающихся исключительно высокими размерами землевладения (до 43 гектаров у Kleinbauer'а и до 170 у Grossbauer'а!), то получим более нормальные для Бадена цифры: a) 17,8 гект., b) 10,0 гект. и c) 4,25 гектара. Размеры семей: a) 6,4 человек, b) 5,8 и c) 5,9 (эти данные, как и все следующие, если нет оговорок, относятся ко всем 70 хозяйствам). Следовательно, у крупных крестьян семьи значительно выше, но, тем не менее, наемный труд играет у них несравненно большую роль. Вообще к найму прибегают 54 крестьянина из 70, т.-е. более трех четвертей всего числа, именно 29 крупных крестьян (из 31), 15 средних (из 21) и 10 мелких (из 18). Таким образом, из крупных крестьян 93% не обходится без найма рабочих,—из мелких 55%. Эти цифры очень поучительны для проверки ходячего (и без критики перенятого «критиками») мнения о несущественном значении наемного труда в современном крестьянском хозяйстве. У крупных крестьян (размер землевладения которых, 18 гект., входит в рубрику 5 — 20 ha, причисляемую при всяких огульных отзывах к настоящему крестьянскому хозяйству) мы видим чисто-капиталистические хозяйства: 24 хозяйства с 71 батраком, почти по три батрака на хозяйство, и 27 хозяев, нанимающих поденщиков в общей сложности на 4.347 дней (по 161 рабочему дню на 1 хозяина). Сопоставьте с этим размеры землевладения у тех крупных крестьян в окрестности Мюнхена, «прогрессом» которых бравый г. Булгаков опровергал «марксистский предрассудок» о пришижении крестьян капитализмом!

*) Приложение VI: «Краткий обзор результатов по исчислению доходности, определившейся в сельских налоговых округах». *Ред.*

**) — крупным, средним и мелким крестьянам. *Ред.*

Для средних крестьян мы имеем: у 8 — 12 батраков, у 14 — 956 поденных рабочих дней; для мелких: у 2 — 2 батрака, у 9 — 543 поденных рабочих дня. Половина *мелких* крестьян в течение двух месяцев (543 : 9 = 60 дней), т.-е. в самый важный для земледельца период, не обходится без наемного труда (а эти мелкие крестьяне, несмотря на более крупные размеры землевладения, имеют несравненно меньшие размеры производства, чем те фридрихстальцы, которыми так умилялись гг. Черновы, Давиды, Герцы).

Результаты хозяйства таковы: у 31 крупного крестьянина 21.329 мар. чистой прибыли и 2.113 м. дефицита, т.-е. всего 19.216 м. прибыли, или на одно хозяйство 619,9 марок (а при вычете пяти хозяйств в общинах №№ 20, 22 и 30 — 523,5 марок), для среднего хозяйства соответствующая сумма будет 243,3 марки (272,2 при вычете трех общин), для мелкого — 35,3 марки (37,1 при вычете трех общин). Мелкий крестьянин, следовательно, в буквальном смысле слова *едва-едва сводит концы с концами, и это только благодаря сокращению потребления.* Анкета сообщает («Ergebnisse etc.» *) в IV томе Erhebungen **), S. 138) данные о количестве потребляемых в каждом хозяйстве важнейших продуктов. Приводим эти данные, вычислив средние для каждой из вышеуказанных групп крестьянства:

Разряды крестьян	Потребление на 1 человека в один день				Расход на 1 человека	
	Хлеба и плодов	Картофеля	Мяса	Молока	В один день на колониалы, товары, отопление, освещение и т. п.	В год на одежду
	Фунтов		Грамм	Литров	Пфеннигов	Марок
Крупные крестьяне . .	1,84	1,82	138	1,05	72	66
Средние » . .	1,59	1,90	111	0,95	62	47
Мелкие » . .	1,49	1,94	72	1,11	57	38
Поденщики	1,69	2,14	56	0,85	51	32

Вот какого рода данных бравый Герц «не заметил» — ни недоедания, ни нужды! Мы видим, что мелкий крестьянин сокращает свое потребление против среднего и крупного на весьма значительную величину, питаясь и одеваясь почти не лучше, чем

*) — «Результаты и т. д.». *Ред.*
**) — Обследований. *Ред.*

поденщик. Мяса, напр., он потребляет в полтора раза меньше среднего и почти в два раза меньше крупного крестьянина. Эти данные еще и еще раз подтверждают, как негодны огульные отзывы и как фальшивы все вычисления доходности, игнорирующие различия в уровне жизни. Если мы возьмем, напр., *только* две последние графы нашей таблицы (чтобы не предпринимать сложных вычислений по переводу продуктов питания на деньги), то увидим, что «чистая прибыль» не только мелкого, но даже и среднего крестьянина есть *чистейшая фикция*, с которой могут возиться только чистейшие буржуа, вроде Гехта и Klawki, или чистейшие Ворошиловы, вроде наших критиков. В самом деле, если мы примем, что мелкий крестьянин расходует на денежные продукты столько, сколько средний, то его расход поднимется на *сотню* марок, и мы получим громадный *дефицит*. Если бы средний расходовал столько же, сколько крупный, его расход поднялся бы на 220 марок, и если бы он не «притеснял» себя в пище, то тоже имел бы дефицит *). Разве это ухудшение потребления мелким крестьянином, неразрывно связанное, как это само собою понятно, с ухудшением питания скота и с недостаточным восстановлением (а то и прямым расхищением) производительных сил земли, — не подтверждает всецело тех слов Маркса, по поводу которых с таким высокомерием пожимают плечами современные критики: «Бесконечное раздробление средств производства и одичание самого производства. Безмерное расхищение человеческой силы. Прогрессивное ухудшение условий производства и удорожание средств производства — необходимый закон мелкой земельной собственности» («Das Kapital», III, 2, 342).

По поводу этой же баденской анкеты отметим еще одно извращение г. Булгакова (критики взаимно пополняют друг друга, и если один исказит в известном источнике одну сторону дела, то другой — другую). Г. Булгаков неоднократно цитирует баден-

*) Г. Чернов «возражает»: а разве крупный хозяин не притесняет еще более в пище и других расходах своего поденщика? («Р. Б.» 1900 г., № 8, стр. 212). Возражение это повторяет старый, Кривенковско-Воронцовский, если можно так выразиться, прием *подсовывания* марксисту либерально-буржуазной аргументации. Возражение имеет смысл по отношению к тому, кто сказал бы, что крупное производство выше не только технически, но и потому, что улучшает (или хотя бы даже делает хорошим вообще) положение работника. Марксисты говорят не то. Они только разоблачают фальшивые приемы *прикрашивания* положения мелкого земледельца посредством ли огульных отзывов о процветании (г. Чернов о Гехте), или посредством вычислений «доходности» с *умолчанием* о сокращении потребления. Буржуазия не может не стремиться к этому прикрашиванию, к поддержке иллюзий о возможности для рабочего стать «хозяином», для мелкого «хозяина» получать высокую доходность. Дело социалистов — разоблачение этой лжи и разъяснение мелким крестьянам, что им тоже нет спасения вне присоединения к революционному движению пролетариата.

скую анкету, — значит *как будто* знаком с ней. И тем не менее он проделывает такую штуку: «Исключительная и роковая будто бы задолженность крестьянина, — так гласит увертюра, II, 271, — составила один из непреложнейших догматов в мифологии, создавшейся относительно крестьянского хозяйства в литературе»... «В имеющихся у нас исследованиях отмечается высокая задолженность лишь самого мелкого, еще не окрепнувшего владения (Tagelöhnerstellen). Так, общее впечатление относительно данных обширной баденской анкеты (в примечании ссылка на анкету) Шпренгер выражает следующим образом: «...лишь задолженность участков поденщиков и мелко-крестьянских владений в значительном числе исследованных местностей является относительно значительной, но и здесь в большинстве случаев она не достигает возбуждающей опасение высоты...» (272). Страшная это вещь! С одной стороны, *ссылка на самое анкету, с другой стороны,* приведение одного только «общего впечатления» какого-то Шпренгера, писавшего об анкете. И как на грех Шпренгер говорит неправду (по крайней мере, в цитированном г. Булгаковым месте, ибо мы с сочинением Шпренгера [107]) не знакомы). Авторы анкеты утверждают, что в большинстве случаев задолженность именно мелко-крестьянского землевладения *достигает* внушающей опасение высоты. Это раз. А второе — они утверждают, что в отношении задолженности положение мелких крестьян хуже не только положения средних и крупных крестьян (что Шпренгер отметил), *но и положения поденщиков.*

Вообще надо заметить, что авторы баденской анкеты устанавливают тот чрезвычайно важный факт, что в крупных хозяйствах *граница допустимой задолженности* (т.-е. допустимой без опасности разорения) *выше, чем в мелком.* После приведенных нами выше статистических данных о результатах хозяйства у крупных, средних и мелких крестьян это обстоятельство не требует особых пояснений. По отношению к крупному хозяйству, а равно и среднему, авторы анкеты считают допустимой и безопасной (unbedenklich) задолженность в 40—70% стоимости земли, — в среднем в 55%. По отношению к мелкому хозяйству (размер которого они определяют в 4 — 7 ha при земледелии, в 2 — 4 ha при виноградарстве и посеве торговых растений) они находят, что «граница задолженности... не должна превышать 30% оценки имения, если предполагать *полное* обеспечение *правильной* уплаты процентов и погашения долга» (S. 66, B. IV). В исследованных общинах (за исключением тех, где действует Anerbenrecht *), напр., Unadingen'а и Neukirch'а **)) процентуальная (к оценочной стоимости имения) задолженность пра-

*) — наследственное право. *Ред.*
**) — Унадинген и Нейкирх. *Ред.*

вильно понижается от мелких хозяйств к крупным. Напр., в общине Dittwar *) в хозяйствах до $^1/_4$ гектара процент задолженности = 180,65%; с 1—2 ha — 73,07%; с 2 — 5 ha — 45,73%; с 5—10 ha — 25,34%; с 10 — 20 ha — 3,02% (S. 89—90 ibid.). Но одни цифры о высоте задолженности еще не все говорят, и авторы анкеты делают такое заключение:

«Предыдущие цифровые данные подтвердили таким образом очень распространенное мнение, что те владельцы крестьянских имений, которые стоят на границе (посредине) между поденщиками и средними крестьянами (в деревнях называют обыкновенно относящихся сюда сельских хозяев «средним сословием» — Mittelstand) находятся часто в более тяжелом положении, чем высшие и чем низшие (sic!) по размеру владения группы, — постольку, поскольку они, хорошо справляясь с *умеренной* задолженностью, при известной и не очень высокой границе задолженности, лишь с трудом могут исполнять свои обязательства, вследствие невозможности иметь *регулярные* сторонние заработки (поденщина и т. п.) и повышать посредством них свой доход»... Поденщики, «поскольку они имеют хоть сколько-нибудь регулярные сторонние заработки, находятся часто в существенно лучшем положении, чем принадлежащие к «среднему сословию», ибо, как показал расчет в очень многих случаях, сторонние заработки дают часто такие высокие чистые (т.-е. денежные) доходы, чтобы дать возможность погашать даже *высокие* долги» (67 l. c.) **). И в конце концов авторы еще раз повторяют, что задолженность мелких крестьянских хозяйств по отношению к допустимой границе задолженности «отчасти не безопасна», и потому «особенно большая хозяйственная осторожность при покупке земли... необходима прежде всего именно *мелко*-крестьянскому и стоящему рядом с ним поденщицкому населению» (98).

Вот он каков буржуазный советчик мелкого крестьянина! С одной стороны, он поддерживает в пролетариях и полупролетариях надежду — «если не в первом, то во втором поколении» купить землицы и получать с нее, при усердии и умеренности, громадный процент «чистой доходности»; с другой стороны, именно бедноте он рекомендует «особенно большую осторожность» при покупке земли, если нет «регулярных заработков», то-есть если у господ капиталистов нет нужды в оседлых рабочих. И находятся «критические» простофили, которые принимают эту корыстную ложь и эти избитые пошлости за приговоры самой что ни на есть новейшей науки!

---

*) — Дитвар. *Ред.*

**) Мелкий крестьянин, — справедливо говорят авторы анкеты, — сравнительно мало продает на наличные деньги, а между тем нужда в деньгах у него особенно велика, и недостаток капитала делает для него всякий падеж, град и т. п. особенно чувствительным.

Приведенные нами детальные данные о крупных, средних и мелких крестьянах могли бы, казалось, даже г. В. Чернову сделать понятным, в чем именно состоит содержание той категории «мелко-буржуазности» в применении к крестьянину, которая внушает ему такой ужас. Капиталистическая эволюция настолько сблизила уже *общий* экономический строй не только западно-европейских государств по сравнению друг с другом, но и России по сравнению с Западом, что *основные черты* экономики крестьянского хозяйства в Германии оказываются те же, что и в России. Только тот процесс разложения крестьянства, который был подробно доказан русской марксистской литературой, в России находится на одной из начальных стадий развития, — там он не отлился еще в более или менее законченные формы, не выделил, напр., особый и для всех сразу видный и ясный тип крупных крестьян (Grossbauer'ов), там массовая экспроприация и вымирание громадной части крестьянства слишком еще заслоняют «первые шаги» нашей крестьянской буржуазии. На Западе этот процесс, начавшийся еще до отмены крепостного права (ср. Kautsky, «Agrarfrage», S. 27), привел уже давно, с одной стороны, к уничтожению сословной грани между крестьянским и «частновладельческим» (по нашему) хозяйством, а с другой стороны, к образованию довольно уже оформившегося класса сельско-хозяйственных наемных рабочих *). Но было бы глубокой ошибкой думать, что этот процесс — раз были выработаны более или менее определенные формы новых типов сельского населения — приостановился. Напротив, процесс этот неуклонно идет вперед, идет, разумеется, то более, то менее быстро в зависимости от массы различных обстоятельств, принимая самые разнообразные формы, смотря по различию агрономических условий и т. д. Пролетаризация крестьянства продолжается,— это мы покажем ниже на массовых данных немецкой и французской **) статистики, да это ясно видно и из приведенных выше данных о мелком крестьянстве. Один уже факт растущего бегства не только сельских рабочих, но и крестьян из деревень в города наглядно свидетельствует о росте пролетаризации. Но бегству крестьянина в город неизбежно предшествует его разорение. А разорению предшествует отчаянная борьба за свою экономическую самостоятельность. И вот эту-то борьбу рельефно показывают данные об употреблении наемного труда, о размерах «чистых доходов», о величине потребления у кре-

*) «Крестьянство, — пишет г. Булгаков про Францию XIX века, — распалось на две, уже резко различные между собою, части: пролетариат и мелких собственников» (II, 176). Напрасно только воображает автор, что «распадение» на этом закончилось: оно представляет из себя безостановочно идущий процесс.

**) В издании 1908 года слова: «и французской» опущены. *Ред.*

стьян различных типов. Главное средство борьбы — «железное прилежание» и бережливость, бережливость: «не так норовим, чтобы в рот, как чтобы в карман». Неизбежный результат борьбы: выделение меньшинства зажиточных, состоятельных хозяев (и большей частью ничтожного меньшинства,— именно во всех случаях, когда нет каких-нибудь особо благоприятных условий вроде близости столицы, проведения железной дороги, открытия какой-нибудь новой доходной отрасли торгового земледелия и т. п.) — и все большее нищание большинства, губящего хроническим голоданием и непомерным трудом силы работника, ухудшающего качество и земли и скота. Неизбежный результат борьбы: образование меньшинства *капиталистических*, основанных на наемном труде, хозяйств и растущая необходимость для большинства искать «сторонних заработков», т.-е. превращаться в промышленных и земледельческих наемных рабочих. Данные о наемном труде яснее ясного показывают внутреннюю, неотвратимую при современном общественном строе, имманентную тенденцию всякого мелкого производителя превратиться в мелкого капиталиста.

Мы вполне понимаем, почему буржуазные экономисты, с одной стороны, и всякого рода оппортунисты, с другой, чураются и не могут не чураться этой стороны дела. Разложение крестьянства показывает нам *самые глубокие* противоречия капитализма в самом процессе их *возникновения* и дальнейшего роста; полная оценка этих противоречий неизбежно ведет к признанию безысходности и безнадежности положения мелкого крестьянства (безнадежности — вне революционной борьбы пролетариата против всего капиталистического строя). Неудивительно, что именно эти, самые глубокие и самые неразвитые, противоречия замалчиваются: пытаются обойти тот факт непосильного труда и недостаточного потребления мелких крестьян, отрицать который могут только недобросовестные или невежественные люди; оставляют в тени вопрос о наемных рабочих у крестьянской буржуазии, о наемной работе крестьянской бедноты. Напр., г. Булгаков представил целый «опыт теории аграрного развития», обойдя красноречивым молчанием *) оба последние вопроса! «Крестьян-

*) Или не менее красноречивыми увертками вроде следующей: «... те многочисленные случаи соединения промышленности с земледелием, когда наемные промышленные рабочие обладают клочком земли»... представляют из себя «не более, как деталь (!?) в народно-хозяйственном строе; видеть в этом новое проявление индустриализации земледелия, потери им самостоятельности развития, пока нет (??) никаких оснований, — явление это имеет слишком незначительные размеры (в Германии, напр., на долю промышленников приходится всего 4,09% сельско-хозяйственной площади)» (sic! — II, 254—5). Во-первых, ничтожная *доля* земли у сотен тысяч рабочих указывает не на то, что это «явление имеет незначительные размеры», а на принижение и пролетаризацию мелкого земледельца капитализмом. Ведь все земледельцы

ским хозяйством, — говорит он, — можно считать такое хозяйство, которое вполне или по преимуществу обходится трудом собственной крестьянской семьи; без чужого труда — соседской помощи или кратковременного найма — обходится редкое даже крестьянское хозяйство, но это не изменяет (ну, конечно!) его экономической физиономии» (I, 141). Герц — тот попанятнее и в самом начале своей книги оговаривается: «Под мелким или крестьянским хозяйством в дальнейшем изложении я буду все время понимать такое хозяйство, в котором работает лишь хозяин, его семья и не более 1 — 2 рабочих» (S. 6, p. n. 29). Когда дело касается найма «работничка», тогда наши Kleinbürger'ы (т.-е. мелкие буржуа) быстро забывают те самые «особенности» земледелия, с которыми они кстати и некстати носятся. В земледелии 1 — 2 рабочих, — даже если бы они работали только летом, — вовсе не мало. А *) главное не то, много это или мало, а то, что к найму рабочих прибегают именно наиболее зажиточные, состоятельные хозяева, «прогрессы» и «процветание» которых рыцари мещанства любят выставлять процветанием массы населения. А для придания более благовидного обоснования такой передержке эти рыцари величественно заявляют: «Крестьянин — такой же рабочий человек, как и пролетарий» (Булгаков, II, 288). И автор выражает удовольствие по поводу того, что «рабочие партии все более теряют свойственный им прежде (свойственный прежде!) крестьянофобствующий оттенок» (289). При этом «прежнем» воззрении, видите ли, «упускалось из виду, что крестьянская собственность не есть орудие эксплуатации, а условие приложения труда». Вот как пишется история! Мы, право, не можем воздержаться, чтобы не сказать: извращайте, господа, да знайте же меру! Ведь этот самый г. Булгаков написал двухтомное «исследование» в восемьсот страниц, переполненное «цитатами» (точность которых мы

с количеством земли менее 2 ha (хотя число их громадно: 3,2 миллиона из 5,5 м., т.-е. 58,2%, почти *три пятых* всего числа) владеют «всего» 5,6% сельско-хозяйственной площади! Не выведет ли отсюда остроумный г. Булгаков, что все «явление» мелкого землевладения и земледелия есть вообще «деталь» и «имеет слишком незначительные размеры»?? Из 5,5 милл. германских земледельцев — 791 тыс., т.-е. 14,4%, — наемные промышленные рабочие, причем громадное большинство их владеет менее, чем 2 гектарами земли, именно 743 тыс., что составляет 22,9% ко всему числу земледельцев, имеющих менее 2 ha. Во-вторых, г. Булгаков опять, по своему обыкновению, *исказил цитируемую им статистику*. По недосмотру, он взял с цитируемой им страницы германской анкеты («Stat. d. D. R.», 112 B., S. 49*) цифру земельной площади у *самостоятельных* промышленников-земледельцев. Несамостоятельные же промышленники-земледельцы (т.-е. промышленные наемные рабочие) имеют *всего* 1,84% сельско-хозяйственной площади. У 791 тыс. наемных рабочих — 1,84% площади, у 25 тысяч помещиков — 24% площади. Не правда ли, какая это незначительная «деталь»?

*) В издании 1908 года: «Но». *Ред.*

не раз уже показывали) из всех и всяческих анкет, описаний, монографий и т. п., но ни разу, *буквально ни единого раза*, он и не попытался даже рассмотреть, в каком отношении находятся крестьяне, собственность которых есть орудие эксплуатации, к крестьянам, собственность которых есть «просто» условие приложения труда. *Ни единого раза* он не привел систематических данных (имеющихся, как мы видели, и в цитированных им самим источниках) о том, каков тип хозяйства, уровень жизни и пр. у крестьян, нанимающих рабочих, у крестьян, не нанимающих и не нанимающихся, у крестьян, нанимающихся в рабочие. Мало того. Мы видели, как он ссылался в подтверждение «прогресса крестьянского хозяйства» (*вообще* крестьянского хозяйства!) на такие факты, которые относятся к гроссбауэрам, на такие отзывы, которые констатируют и прогресс одних и обнищание, пролетаризацию других. Он видит даже вообще «социальное оздоровление (sic!)» в образовании «крепких крестьянских хозяйств» (II, 138; ср. общий вывод на стр. 456), как будто бы крепкое крестьянское хозяйство не было синонимом буржуазного, предпринимательского крестьянского хозяйства! Его единственная попытка выпутаться из этой сети противоречий состоит в следующем, еще более запутанном, рассуждении: «Крестьянство, конечно, не представляет однородной массы; это было показано выше (вероятно, в рассуждении о такой незначительной детали, как промышленная наемная работа земледельцев?); здесь происходит постоянная борьба течений дифференцирующих и нивелирующих; но разве эти различия и даже противоположность отдельных интересов больше, чем между отдельными слоями рабочего класса, между городскими и сельскими рабочими, между обученным и необученным трудом, трэдюнионистами и стоящими вне профессиональной организации? Ведь только полное игнорирование этих различий в среде рабочего сословия (которые побуждают иных исследователей отличать от четвертого уже пятое сословие) и позволяло противопоставлять мнимо-однородный рабочий класс разнородному крестьянству» (288). Какая замечательная глубина анализа! Различия между профессиями смешать с различиями между классами; различия бытовые смешать с различным положением классов во всем строе общественного производства, — как это наглядно иллюстрирует полную научную беспринципность модной «критики» *) и ее практическую тенденцию стереть самое понятие «класса», устранить самую идею классовой борьбы. Сельский

*) Напомним, что ссылка на *мнимую* однородность рабочего класса — ходячий довод Эд. Бернштейна и всех его сторонников. А насчет «дифференциации» еще г. Струве в «Критических заметках» глубокомысленно рассуждал: есть дифференциация, есть и нивелировка, для объективного исследователя это процессы равной важности (как для щедринского объек-

рабочий зарабатывает 50 коп. в день; хозяйственный мужичек, держащий поденщиков, — 1 рубль в день; заводский рабочий в столице — 2 рубля в день; мелкий хозяин провинциальной мастерской — $1^1/_2$ рубля в день. Всякий сколько-нибудь сознательный рабочий без малейшего труда разберется в том, к каким классам принадлежат представители этих различных «слоев», каким направлением должна отличаться общественная деятельность этих «слоев». А для представителя университетской науки или для современного «критика» это — такая премудрость, которой они никак вместить не в состоянии.

VIII.

ОБЩИЕ ДАННЫЕ НЕМЕЦКОЙ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ ЗА 1882 и 1895 ГОДА. ВОПРОС О СРЕДНИХ ХОЗЯЙСТВАХ.

Рассмотрев детальные данные о крестьянском хозяйстве, — особенно важные для нас потому, что именно в вопросах крестьянского хозяйства лежит центр тяжести современного аграрного вопроса, — мы перейдем теперь к общим данным немецкой сельско-хозяйственной статистики и проверим связанные с этими данными выводы «критиков». Приводим вкратце главные результаты переписей 1882 и 95 годов:

Группы хозяйств:	Число хозяйств (тысяч)		С.-х. площадь (тысяч ha)		Относительные числа				Абсолютное увеличение или уменьшение числа	
					Хозяйств		Площади			
	1882	1895	1882	1895	1882	1895	1882	1895	Хоз.	Площ.
До 2 ha	3.062	3.236	1.826	1.808	58,0	58,2	5,7	5,6	+174	— 18
2— 5 »	981	1.016	3.190	3.286	18,6	18,3	10,0	10,1	+ 35	+ 96
5— 20 »	927	999	9.158	9.722	17,6	18,0	28,7	29,9	+ 72	+564
20—100 »	281	282	9.908	9.870	5,3	5,1	31,1	30,3	+ 1	— 38
100 и б. »	25	25	8.787	7.832	0,5	0,4	24,5	24,1	± 0	+ 45
Всего . .	5.276	5.558	32.869	32.518	100	100	100	100	+282	+649

Три обстоятельства должны быть разобраны в связи с этой картиной изменений, различно толкуемой марксистами и «крити-

тивного историка было все равно — Изяслав Ярослава побил или Ярослав Изяслава). Есть развитие денежного хозяйства, но есть и повороты к натуральному хозяйству. Есть развитие крупного фабричного производства, но есть и развитие капиталистической работы на дому (Булг., II, 88: «Hausindustrie... (Домашняя промышленность. *Ред.*) еще не думает поги-

ками»: рост числа самых мелких хозяйств, рост латифундий, т.-е. хозяйств, имеющих 1.000 и более гектаров и слитых в нашей краткой табличке со всеми хозяйствами, имеющими выше 100 гект., и, наконец, вызывающий всего более споров и всего более бросающийся в глаза факт роста средне-крестьянских (5—20 ha) хозяйств.

Рост числа самых мелких хозяйств указывает на громадный рост нищеты и пролетаризации, ибо подавляющее большинство владельцев менее, чем 2-х гектаров, не может просуществовать одним земледелием и живет заработками, т.-е. работой по найму. Исключения есть, конечно; при специальных культурах, виноградарстве, огородном хозяйстве, посеве торгово-промышленных растений, подгородном хозяйстве вообще и т. п. возможен самостоятельный (иногда даже не мелкий) земледелец и при $1^1/_2$ гектарах. Но в общей сумме 3-х миллионов *хозяйств* — это исключения совершенно незначительные. Что масса этих мелких «земледельцев» (составляющих почти $^3/_5$ всего числа хозяев) — *наемные рабочие*, это наглядно показывают данные германской статистики о главных профессиях земледельцев разных групп. Вот эти данные в сокращенном виде:

Группы земледельцев:	Сельские хозяева по своему *главному* занятию (в %%)					Из самостоятельных сельских хозяев имеют подсобное занятие (%)
	Самостоятельное		Несамостоятельный труд	Прочие занятия	Всего	
	Земледелие	Торговля и пр.				
До 2 ha	17,4	22,5	50,3	9,8	100	26,1
2— 5 »	72,2	16,3	8,6	2,9	100	25,5
5— 20 »	90,8	7,0	1,1	1,1	100	15,5
20—100 »	96,2	2,5	0,2	1,1	100	8,8
100 и б. »	93,9	1,5	0,4	4,2	100	23,5
Всего . .	45,0	17,5	31,1	6,4	100	20,1

Мы видим отсюда, что из всего числа германских земледельцев только 45%, т.-е. *меньше половины*, представляют из себя самостоятельных земледельцев и по своему *главному* занятию. Да и из этих самостоятельных земледельцев *пятая часть* (20,1%) имеет еще подсобные занятия. 17,5% земледельцев по своему главному занятию — торговцы, промышленники, огородники и пр.

бать в Германии»). «Объективный» ученый должен старательно собирать фактики, отмечать «с одной стороны» и «с другой стороны», «переходить (подобно гетевскому Вагнеру) от книги к книге, от листа к листу», отнюдь не посягая на то, чтобы составить себе последовательные взгляды, выработать общее представление о всем процессе в его целом.

(«самостоятельные», т.-е. занимающие положение хозяина, а не рабочего в соответствующем промысле). *Почти треть* (31,3%)— наемные рабочие («несамостоятельные» во всяких отраслях земледелия и промышленности). 6,4% земледельцев заняты главным образом службой (военные, чиновники и пр.), свободными профессиями и т. д. Из числа же земледельцев, имеющих до 2 ha, *половина* — наемные рабочие; «самостоятельных» земледельцев среди этих 3,2 миллионов «хозяев» — небольшое меньшинство, *всего* 17,4% всего числа. Да и из этих 17-ти процентов *четвертая часть* (26,1%) имеют *подсобные* занятия, т.-е. являются наемными же рабочими по своему не главному (как вышеуказанные 50,3%), а подсобному занятию. Даже из числа земледельцев с 2—5 ha только немногим больше половины (546 тыс. из 1.016 тыс.) представляют из себя самостоятельных земледельцев без всякого подсобного занятия.

Отсюда видно, до какой степени поразительно неверно изображает дело г. Булгаков, когда он, утверждая (и притом, как было уже показано, ошибочно) увеличение общей суммы лиц, действительно занятых земледелием, объясняет это «ростом самостоятельных хозяйств,—как мы уже знаем, прежде всего средне-крестьянских на счет крупных» (II, 133). Если доля числа средне-крестьянских хозяйств в общем числе хозяйств увеличилась всего более (с 17,6% до 18%, т.-е. +0,4%), то это еще нисколько не значит, чтобы рост сельского населения объяснялся прежде всего ростом средне-крестьянских хозяйств. Для ответа на вопрос о том, какие разряды внесли наибольшую прибавку в общую прибавку числа хозяев, мы имеем прямые и не допускающие двух толкований данные: все число хозяйств увеличилось на 282 тысячи, в том числе число хозяйств, имеющих до 2 ha, увеличилось на 174 тысячи. Следовательно, рост сельского населения (если он наблюдается и поскольку он наблюдается) объясняется ростом именно несамостоятельных хозяйств (ибо хозяйства с землей до 2 ha в массе своей не самостоятельны). Увеличение падает больше всего на парцельные хозяйства, рост которых означает рост *пролетаризации*. Даже увеличение (на 35 тысяч) числа хозяйств — с 2—5 ha мы не имеем права всецело поставить в счет росту *самостоятельных* хозяйств, ибо и из этих хозяев только 546 тыс. из 1.016 тыс. — самостоятельные земледельцы без подсобного заработка.

Переходя к вопросу о крупных хозяйствах, мы должны отметить прежде всего следующий характерный (и очень важный для опровержения всякой апологетики) факт: соединение земледелия с другими занятиями имеет различное и противоположное значение в разных группах земледельцев. Для мелких оно означает пролетаризацию, уменьшение самостоятельности земледельца, ибо здесь соединяются с земледелием такие занятия, как наемная

работа, мелкое ремесло и торговля и т. п. Для крупных оно означает либо усиление политического значения крупного землевладения посредством государственной, военной службы и т. п., либо соединение с земледелием лесного хозяйства и сельско-хозяйственных технических производств. А это последнее явление, как известно, — один из характернейших признаков *капиталистического* прогресса земледелия. Вот почему мы видим, что процент тех земледельцев, которые считают «самостоятельное» сельское хозяйство своим главным занятием (т.-е. ведут его в качестве хозяина, а не рабочего), быстро повышается с увеличением площади хозяйства (17—72—90—96%%), но падает до 93% в группе хозяйств с 100 и более гектаров: в этой группе 4,2% хозяев считают своим главным занятием службу (разряд «прочих занятий»), 0,4% хозяев считают своим главным занятием «несамостоятельный» труд (это не наемные рабочие, а управляющие, инспектора и т. п.; ср. «Stat. d. D. R.», 112 B., S. 49*). Точно так же мы видим, что процент тех самостоятельных земледельцев, которые имеют еще сторонние занятия, быстро понижается с увеличением площади хозяйства (26—25—15—9%), но сильно возрастает у хозяев с 100 и более ha (23%).

Что касается числа крупных хозяйств (100 и > ha) и их площади, то вышеприведенные данные показывают *уменьшение* их доли как в общем числе хозяйств, так и в общей площади. Спрашивается, можно ли отсюда заключать о вытеснении крупного хозяйства мелким и средне-крестьянским, как это торопится делать г. Булгаков? Мы думаем, что нет, и что г. Булгаков своими сердитыми выходками против Каутского по этому пункту доказал только свою неспособность опровергнуть мнение Каутского по существу. Во-первых, уменьшение доли крупных хозяйств весьма мало*) (по числу хозяйств с 0,47% до 0,45, т.-е. на две сотых процента, а по доле площади с 24,43% до 24,08%%, т.-е. на 35 сотых процента). Что при интенсификации хозяйства иногда *приходится* несколько уменьшать площадь, что крупные хозяева сдают по мелочам отдаленную от центра имения землю, чтобы приобрести себе рабочих, — это явления общеизвестные. Мы показали выше, как автор детального описания крупных и мелких хозяйств на востоке Пруссии прямо признает служебную роль мелкого землевладения по отношению к крупному и усердно советует создание оседлых рабочих. Во-вторых, о вытеснении крупных хозяйств мелкими не может быть речи уже потому, что одни данные о *площади* хозяйства недостаточны еще для суждения о *размерах производства*. А что в этом отношении крупные хозяйства сделали очень большой шаг вперед, это неопровержимо доказывают данные об употреблении машин

*) В издании 1908 года: «незначительно». *Ред.*

(см. выше) и о сельско-хозяйственных технических производствах (эти данные мы разберем особо ниже, в виду поразительно неверного толкования г. Булгаковым соответствующих данных германской статистики). В-третьих, в группе хозяйств с 100 и более ha особенно выделяются *латифундии*, хозяйства с 1.000 и > ha, число которых возросло даже на больший процент, чем число средне-крестьянских хозяйств, именно с 515 до 572, т.-е. на 11% при увеличении числа средне-крестьянских хозяйств с 926 тыс. до 998 тыс., т.-е. на 7,8%. Площадь латифундий *возросла* с 708 тыс. ha до 802 тыс., т.-е. на 94 тыс. ha: в 1882 г. она составляла 2,22% всей с.-х. площади, в 1895 г. уже 2,46. Свои неосновательные возражения Каутскому по этому пункту в «Начале» г. Булгаков дополняет теперь в своей книге следующим, еще более неосновательным, обобщением: «Признаком, — пишет он, — свидетельствующим об упадке крупных хозяйств, является... увеличение латифундий, хотя прогресс сельского хозяйства, рост его интенсивности должен сопровождаться раздроблением» (II, 126) и г. Булгаков, ничтоже сумняшеся, толкует уже прямо о «латифундиарном (!) вырождении» крупного хозяйства (II, 190, 363). Видите, как замечательно логично рассуждает наш «ученый»: *так как* уменьшение площади хозяйства означает *иногда*, при интенсификации, рост производства, *поэтому* увеличение числа и площади латифундий должно *вообще* означать упадок! Но если так плоха логика, отчего бы не обратиться за помощью к статистике? Ведь мы имеем в том источнике, из которого черпает г. Булгаков, целый ряд данных о хозяйстве этих латифундий. Приведем некоторые из этих данных: 572 крупнейшие хозяйства имели в 95 г. площадь 1.159.674 гектара, в том числе 802 тыс. сельскохозяйственной, 298 тыс. лесной (часть этих владельцев латифундий главным образом лесопромышленники, а не сельские хозяева). Скот держат вообще 97,9% из них; рабочий скот — 97,7%; машины употребляют 555 хозяев и на одно хозяйство приходится, как мы видели, *максимальное число* случаев употребления разных машин; паровой плуг употребляло 81 хозяйство, т.-е. 14% всех латифундий. Скота у них — рогатого 148.678 голов, лошадей — 55.591, овец — 703.813, свиней — 53.543. Соединены из этих хозяйств с сахароваренными заводами — 16, с винокуренными — 228, пивоваренными — 6, крахмальными — 16, мельницами — 64. Об интенсификации можно судить по тому, что 211 выделывают свеклу (под ней 26 тыс. ha) и 302 — картофель для технической переработки. 21 сбывают молоко в городах (от 1.882 коров, т.-е. по 89 коров на 1 хозяйство) и 204 участвуют в молочных товариществах (с 18.273 коровами — по 89 на хозяйство). Не правда ли, как это похоже на «латифундиарное вырождение»?

Переходим к вопросу о средне-крестьянских хозяйствах (5 — 20 ha). Их доля в общем числе хозяйств увеличилась

с 17,6% до 18,0% (+0,4%), а в общей площади с 28,7% до 29,9% (+1,2%). И эти-то данные, вполне естественно, считают своим главным козырем все и всякие «истребители марксизма». Г. Булгаков выводит отсюда и «вытеснение крупного хозяйства мелким», и «тенденцию к децентрализации», и пр. и пр. Мы показали выше, что именно по отношению «к крестьянству» огульные данные особенно непригодны, особенно способны вводить в заблуждение: именно здесь процессы образования мелких предпринимательских хозяйств и «прогрессы» крестьянской буржуазии всего более способны прикрыть пролетаризацию и обнищание большинства. И если мы вообще по отношению ко всему сельскому хозяйству Германии наблюдаем, с одной стороны, несомненное развитие крупного капиталистического хозяйства (рост латифундий, развитие употребления машин и с.-х. технических производств), а, с другой стороны, еще более несомненное усиление пролетаризации и обнищания (бегство в города, усиление дробления земли, рост числа парцельных хозяйств, рост подсобной наемной работы, ухудшение питания мелких крестьян и пр.), — то было бы прямо невероятно и невозможно, чтобы те же процессы не имели места среди «крестьянства». Да и детальные данные указывают на эти процессы с полной определенностью, подтверждая ту мысль, что одной статистики площадей в данном случае совершенно недостаточно. Поэтому Каутский был вполне прав, когда на основании общей картины капиталистического развития германского сельского хозяйства заключил, что выводить из этих данных победу мелкого производства над крупным неосновательно.

Имеются, однако, и прямые и притом массовые данные, доказывающие, что рост «средне-крестьянских хозяйств» означает *рост нужды*, а не рост довольства и благосостояния. Это — те самые данные о рабочем скоте, к которым г. Булгаков так неудачно подошел и в «Начале», и в своей книге. «Если бы надо было это еще доказывать, — писал г. Булгаков про свое утверждение о прогрессе среднего и упадке крупного хозяйства, — то к признаку количества рабочей силы можно добавить еще признак наличности рабочего скота. Вот красноречивая таблица» *):

	Число предприятий, которые имели скот для полевых работ		Разница
	1882	1895	
0— 2 ha . . .	325.005	306.340	— 18.665
2— 5 » . . .	733.967	725.584	— 8.383
5— 20 » . . .	894.696	925.103	+ 30.407
20—100 » . . .	279.284	275.220	— 4.064
100 и б. » . . .	24.845	24.485	— 360
Всего **).	2.257.797	2.256.732	— 1.065

*) Мы воспроизводим целиком приводимую г. Булгаковым таблицу, добавляя только отсутствующие у него итоговые цифры.

**) В издании 1908 года: «итого». *Ред.*

«Количество хозяйств, имеющих рабочий скот, одинаково уменьшилось и в крупном и в мелком хозяйстве, и увеличилось только в среднем» (журнал «Начало», № 1, стр. 20).

Было бы еще простительно, если бы г. Булгаков в бегло написанной журнальной статье просмотрел ту ошибку, которая побудила его вывести из данных о рабочем скоте *как раз обратное* тому, что эти данные говорят, — но наш «строгий ученый» и в «исследовании» своем повторяет ту же ошибку (т. II, стр. 127, где, кроме того, цифры + 30.407 и — 360 отнесены к числу штук скота, тогда как они относятся к числу хозяйств, употреблявших рабочий скот; но это, конечно, мелочь).

Мы спросим нашего «строгого ученого», который так храбро говорит о «регрессе крупного хозяйства» (II, 127): какое значение имеет увеличение числа средне-крестьянских, держащих рабочий скот, хозяйств на 30 тысяч, когда *все число* средне-крестьянских хозяйств увеличилось на 72 тысячи (II, 124)? Не ясно ли отсюда, что *процент* средне-крестьянских хозяйств, имеющих рабочий скот, *понизился?* А раз это так, то не следовало ли взглянуть, *какой процент* хозяйств разных групп держал рабочий скот в 1882 и 1895 г.г., — тем более, что данные эти приведены на той же самой странице и в той же самой таблице, из которой брал г. Булгаков абсолютные цифры («Stat. d. D. R.», 112 B., S. 31*).

Вот эти данные:

	Процент хозяйств, имеющих рабочий скот		Разница
	1882	1895	
0 — 2 ha.	10,61	9,46	— 1,15
2 — 5 »	74,79	71,39	— 3,40
5 — 20 »	96,56	92,62	— 3,94
20 — 100 »	99,21	97,68	— 1,53
100 и б. »	99,42	97,70	— 1,72
Всего	42,79	40,60	— 2,19

Итак, процент хозяйств с рабочим скотом *вообще* понизился на два слишком процента, при чем *выше среднего* это понижение в мелко-крестьянских и средне-крестьянских хозяйствах, *ниже среднего* — в крупных хозяйствах *). Кроме того, не надо забывать, что «именно в крупных хозяйствах часто вместо животной силы употребляется механическая в виде всякого рода машин вообще и паровых в частности (паровые плуги и пр.)» («Stat. d. D. R.», 112 B., S. 32*). Поэтому, если среди крупных хо-

*) Всего меньше понижение в самых мелких хозяйствах, из которых сравнительно ничтожная доля держит рабочий скот; мы увидим дальше, что именно в этих хозяйствах (и *только* в них) улучшился и состав рабочего скота, т.-е. стали держать сравнительно больше лошадей и волов,

зяйств (100 и более ha) число хозяйств с рабочим скотом уменьшилось на 360, а в то же время число хозяйств, употреблявших паровые плуги, *возросло на 615* (710 в 1882 г. и 1325 в 1895 г.), то ясно, что в общем и целом крупные хозяйства не только не проиграли, а даже выиграли. Следовательно, мы получаем тот вывод, что единственная группа германских земледельцев, несомненно *улучшившая* условия хозяйства (в отношении употребления скота для полевых работ или замены скота паром), это — *крупные* хозяева, с 100 и > ha. Во всех остальных группах условия хозяйства ухудшились, и *всего более ухудшились они именно в группе средне-крестьянских хозяйств*, где понижение процента хозяйств с рабочим скотом *наивысшее*. Разница между крупными (100 и > ha) и средними (5 — 20 ha) хозяйствами по высоте процента хозяйств с рабочим скотом прежде была менее трех процентов (99,42 — 96,56), а теперь стала более пяти процентов (97,70 — 92,62).

Этот вывод еще очень значительно усиливается данными о составе рабочего скота. Чем мельче хозяйство, тем хуже состав рабочего скота: тем меньше сравнительно употребляется для полевых работ волов и лошадей и тем больше употребляется гораздо более слабых *коров*. Вот данные о том, как обстояло дело в рассматриваемом отношении в 1882 и 1895 годах:

На сто хозяйств, имевших скот для полевых работ, употребляли:

	Только коров			Коров, а также лошадей или волов		
	1882	1895		1882	1895	
0 — 2 ha . . .	83,74	82,10	— 1,64	85,21	83,95	— 1,26
2 — 5 » . . .	68,29	69,42	+ 1,13	72,95	74,93	+ 1,98
5 — 20 » . . .	18,49	20,30	+ 1,81	29,71	34,75	+ 5,04
20 — 100 » . . .	0,25	0,28	+ 0,03	3,42	6,02	+ 2,60
100 и б. » . . .	0,00	0,03	+ 0,03	0,25	1,40	+ 1,15
Всего . .	41,61	41,82	+ 0,21	48,18	50,48	+ 2,30

Мы видим общее ухудшение состава рабочего скота (парцельные хозяйства, по указанной уже причине, в счет не идут) и *наибольшее ухудшение* именно *в группе средне-крестьянских хозяйств*. В этой группе из числа имеющих рабочий скот хозяйств *всего больше* увеличился процент таких, которые вынуждены употреблять для полевых работ *и коров*, — а также таких, которые могут употреблять для полевых работ *только коров*.

сравнительно меньше коров. Это ясно указывает, как и заметили справедливо авторы немецкой анкеты (S. 32*), что хозяева самых мелких участков держат рабочий скот не для земледелия только, а и для «сторонних работ по найму». Поэтому по вопросу о рабочем скоте было бы вообще неправильно принимать в расчет парцельные хозяйства, поставленные в совершенно исключительные условия.

В настоящее время уже более трети имеющих рабочий скот средне-крестьянских хозяйств вынуждено употреблять для полевых работ коров (что ведет, конечно, и к ухудшению пахоты, а следовательно, к уменьшению урожаев и к уменьшению удойливости коров), — и уже более пятой части могут употреблять для полевых работ только коров.

Если мы возьмем количество употреблявшегося для полевых работ скота, то увидим во всех группах (за исключением парцелльных хозяйств) увеличение числа коров. Число же лошадей и волов изменилось так:

Количество (в тысячах) употреблявшихся для полевых работ лошадей и волов.

	1882	1895	Разница
0 — 2 ha.	62,9	69,4	+ 6,5
2 — 5 »	308,3	302,3	— 6,0
5 — 20 »	1.437,4	1.430,5	— 6,9
20 — 100 »	1.168,5	1.155,4	— 13,1
100 и б. »	650,5	695,2	+ 44,7
Всего	3.627,6	3.652,8	+ 25,2

За исключением парцелльных хозяйств, увеличение собственно рабочего скота наблюдается *только* у крупных хозяев.

Общий вывод, следовательно, об изменении условий хозяйства по отношению к животной и механической силе для полевых работ такой: *улучшение* только у крупных хозяев, ухудшение у остальных и *наибольшее* ухудшение *в средне-крестьянских хозяйствах.*

Данные за 1895 г. позволяют нам далее разделить всю группу средне-крестьянских хозяйств на две подгруппы: с 5 — 10 ha и с 10 — 20 ha. Как и следовало ожидать, в первой (гораздо более многочисленной по числу хозяйств) подгруппе условия хозяйства по отношению к употреблению рабочего скота несравненно хуже. Из 606 тыс. владельцев 5 — 10 ha имеют рабочий скот 90,5% (из 393 тыс. с 10 — 20 ha — 95,8%), а из этих последних употребляют для полевых работ коров — 46,3% (17,9% в гр. с 10 — 20 ha); употребляют только коров 41,3% (4,2% в гр. с 10 — 20 ha). И вот оказывается, что именно эта группа с 5 — 10 ha, особенно плохо обставленная по отношению к употреблению рабочего скота, и *увеличилась всего более* как по числу хозяйств, так и по площади, с 1882 г. по 1895 год. Вот соответствующие данные:

Процентное отношение ко всему количеству

	хозяйств			всей площади			с.-х. площади		
	1882	1895		1882	1895		1882	1895	
5 — 10 ha . .	10,50	10,90	+ 0,40	11,90	12,37	+ 0,47	12,26	13,02	+ 0,76
10 — 20 » . .	7,06	7,07	+ 0,01	16,70	16,59	— 0,11	16,48	16,88	+ 0,40

В группе с 10 — 20 ha увеличение числа хозяйств совершенно ничтожно: доля всей площади даже уменьшилась, а доля сельско-хозяйственной площади увеличилась гораздо меньше, чем у хозяйств с 5 — 10 ha. Следовательно, рост средне-крестьянских хозяйств падает главным образом (отчасти, даже исключительно) на группу с 5 — 10 ha, т.-е. на ту группу, в которой условия хозяйства по отношению к употреблению рабочего скота особенно плохи.

Мы видим таким образом, что статистика неопровержимо устанавливает истинное значение пресловутого роста средних крестьянских хозяйств: это не рост довольства, а *рост нужды*, не прогресс мелкого земледелия, а *его приниженне*. Если средне-крестьянские хозяйства *всего более* ухудшили условия своего хозяйства, всего более должны были расширить употребление коров для полевых работ, то мы по одной этой стороне хозяйства (и одной из самых важных сторон хозяйства вообще) не только вправе, но и обязаны сделать вывод о всех остальных сторонах хозяйства. Если увеличилось число безлошадных (употребляя знакомый русскому читателю и вполне применимый к данному случаю термин), если ухудшился состав рабочего скота, то не может подлежать никакому сомнению, что ухудшилось и содержание скота вообще, ухудшилось обращение с землей, ухудшилось питание и обстановка жизни земледельца, ибо в крестьянском хозяйстве, как всем и каждому известно, чем хуже содержится и чем тяжелее работает скот, тем хуже живет и тяжелее работает также и человек, и обратно. Выводы, сделанные нами выше из детального исследования Klawki, вполне подтверждаются массовыми данными о всех мелких крестьянских хозяйствах Германии.

IX.

МОЛОЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО И СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ТОВАРИЩЕСТВА В ГЕРМАНИИ. СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ГЕРМАНИИ ПО ПОЛОЖЕНИЮ В ХОЗЯЙСТВЕ.

Мы остановились так подробно на данных о рабочем скоте, потому что это — единственные данные (кроме разобранных нами выше о машинах), которые позволяют заглянуть, так сказать, во внутрь хозяйства, в его оборудование, его постановку. Все остальные данные — о количестве земли (которые мы уже приводили), о количестве скота (которые мы сейчас приведем) — описывают хозяйство только внешним образом, приравнивая то, что заведомо неравно, ибо обращение с землей, а следовательно, и урожайность ее, качество скота и производительность его различны в различных хозяйствах. Как ни общеизвестен факт

этой разницы, в общих статистических выкладках о ней обыкновенно забывают, и только данные о машинах и о рабочем скоте дают хоть некоторую возможность учесть эту разницу, показывают, в чью пользу (в общем и целом) эта разница. Если крупные хозяйства больше употребляют тех особенно сложных и дорогих машин, которые одни только учитываются статистикой, то ясно, что и все остальные орудия, о которых статистика умалчивает (плуги, бороны, телеги и проч.), в крупных хозяйствах лучшего качества, полнее в каждом отдельном хозяйстве представлены и полнее (вследствие большего размера хозяйств) утилизируются. То же относится и к живому инвентарю. Мелкому хозяину неизбежно приходится противопоставлять этим преимуществам прилежание и экономию (других орудий в борьбе за существование у него нет), и потому эти качества не случайно, а всегда и неизбежно отличают мелкого крестьянина в капиталистическом обществе. Буржуазный экономист (и современный «критик», который и в этом вопросе, как и во всех остальных, волочится у него в хвосте) называет это добродетелью бережливости, выдержки и проч. (ср. Гехт и Булгаков) и ставит в заслугу крестьянину. Социалист называет это чрезмерным трудом (Ueberarbeit) и недостаточным потреблением (Unterkonsumption) и ставит это в вину капитализму, стараясь раскрыть глаза крестьянину на всю лживость машловских речей, возводящих в добродетель социальное приниженне и тем самым старающихся увековечить это приниженне.

Перейдем к данным о распределении скота между разными группами германских земледельцев в 1882 и 95 г.г. Вот главные результаты этих данных:

Относительные числа:

	Всего скота (по стоимости)			Рогатого скота			Свиней		
	1882	1895	±	1882	1895	±	1882	1895	±
0— 2 ha . .	9,3	9,4	+0,1	10,5	8,3	—2,2	24,7	25,6	+0,9
2— 5 » . .	13,1	13,5	+0,4	16,9	16,4	—0,5	17,6	17,2	—0,4
5— 20 » . .	33,3	34,2	+0,9	35,7	36,5	+0,8	31,4	31,1	—0,3
20—100 » . .	29,5	28,8	—0,7	27,0	27,3	+0,3	20,6	19,6	—1,0
100 и б. » . .	14,8	14,1	—0,7	9,9	11,5	+1,6	5,7	6,5	+0,8
Всего . .	100	100	—	100	100	—	100	100	—

Таким образом доля крупного хозяйства в общем количестве скота уменьшилась, доля средне-крестьянских хозяйств возросла всех больше. Мы говорим о количестве всего скота, хотя данные относятся к стоимости, по той причине, что предположение статистиков о равной стоимости каждой штуки скота в разных группах заведомо неверно. Данные о стоимости, давая возможность складывать разные виды скота (результаты этого

можно бы достигнуть и переводом скота на крупный, но это потребовало бы от нас новой счетной работы, выводов же сколько-нибудь существенно изменить не могло бы), показывают именно распределение всего живого инвентаря по количеству, а не по действительной стоимости. Так как скот у крупных хозяев лучше, чем у мелких, и, вероятно, улучшается больше, чем у них (судя по улучшению мертвого инвентаря), то эти данные в весьма значительной степени преуменьшают действительное превосходство крупного хозяйства.

Что касается отдельных видов скота, то надо заметить, что уменьшение доли крупного хозяйства всецело зависит от упадка торгового овцеводства: число овец уменьшилось с 1882 по 1895 год с 21,1 миллиона до 12,6 миллион., т.-е. на 8,5 миллионов, причем из всей суммы этой убыли 7 миллионов падает на хозяйства с 20 и более ha. К развивающимся отраслям торгового скотоводства в Германии принадлежит, как известно, в особенности молочное и мясное скотоводство. Мы взяли поэтому данные о рогатом скоте и свиньях, причем оказалось, что крупное хозяйство (100 и > ha) в обеих этих отраслях скотоводства сделало *наибольший* шаг вперед: увеличение его доли в общем количестве рогатого скота и свиней наибольшее. Этот факт тем более обращает на себя внимание, что размер скотоводческих хозяйств обыкновенно бывает ниже размера хозяйств земледельческих, и поэтому можно было бы ожидать более быстрого развития не крупных капиталистических, а средних капиталистических хозяйств. Общий вывод (по отношению к количеству, но не качеству скота) должен быть такой: крупные хозяева потеряли всех больше от сильного упадка торгового овцеводства, и этот минус они не уничтожили, а только ослабили более значительным (по сравнению с мелкими и средними хозяйствами) увеличением разведения рогатого скота и свиней.

Говоря о молочном скотоводстве, мы не можем пройти мимо чрезвычайно поучительных и неиспользованных, насколько нам известно, данных по этому вопросу, имеющихся в германской статистике. Но это относится уже к общему вопросу о соединении с земледелием технических производств, и нам надо остановиться на этом вопросе ввиду нового поразительного извращения фактов г. Булгаковым. Как известно, соединение с земледелием технической переработки продуктов сельского хозяйства представляет из себя один из наиболее рельефных признаков специфически-капиталистического прогресса в земледелии. Г. Булгаков еще в «Начале» заявлял: «На мой взгляд, значение этого соединения раздуто Каутским до последней степени: если взять данные статистики, то количество земли, связанной таким образом с промышленностью, совершенно ничтожно» (№ 3, стр. 32). Довод очень слабый, ибо технической прогрессивности этого соединения

г. Булгаков отрицать не решается, а самый главный вопрос — крупное или мелкое производство есть носитель этого прогресса — он просто обходит. А так как статистика дает совершенно точный ответ на этот вопрос, то г. Булгаков в книге своей пускается... sit venia verbo!.. *) на хитрости. Он приводит процент хозяйств (всех вообще, а не по группам!), соединенных с теми или другими техническими производствами, и замечает: «Не нужно думать, что они соединены главным образом с крупными хозяйствами» (II, 116). Как раз наоборот, почтеннейший г. профессор: именно это и нужно думать, и ваша табличка (*не* дающая процента соединенных с техническими производствами хозяйств ко всему числу хозяйств *данной* группы) только отводит глаза несведущему или невнимательному читателю. Приводим (чтобы не пестрить страниц цифрами) вместе число хозяйств, соединенных с сахароваренными, винокуренными, крахмальными, пивоваренными заводами и мельницами (сумма дает, следовательно, число *случаев* соединения земледельческих хозяйств с техническими производствами), и получаем такую картину:

	Все число хозяйств	Число случаев соединения с техпич. произв.	%
0 — 2 ha	3.236.367	11.364	0,01
2 — 5 »	1.016.318	13.542	1,09
5 — 20 »	998.804	25.879	2,30
20 — 100 »	281.767	8.273	2,52
100 и б. »	25.067	4.006	15,72
Всего	5.558.323	63.064	1,14
Хоз. с 1.000 и б. ha . .	572	330	57,69

Таким образом процент соединенных с техническими производствами хозяйств ничтожен в мелком хозяйстве и достигает заметной величины только в крупном (и громадной величины в латифундиях, из которых *больше половины* пользуется выгодами этого соединения). Если мы сопоставим с этим фактом приведенные выше данные о машинах и рабочем скоте, то читатель поймет всю претенциозную вздорность изречений г. Булгакова об «иллюзии консервативных» марксистов, «что крупное хозяйство является носителем хозяйственного прогресса, а мелкое — регресса» (II, 260).

«Подавляющее количество (сахарной свеклы и картофеля для винокурения) производилось,—продолжает г. Булгаков,—в мелких хозяйствах».

*) — с позволения сказать. *Ред.*

Как раз наоборот: *именно в крупных:*

	Число хоз., сеявш. сах. свеклу	% ко всему числу хозяйств	Площ. под свеклой в гектар.	%	Число хоз., сеявш. карт. для техн. пер.	% ко всему числу хозяйств
0— 2 ha .	10.781	0,33	3.781	1,0	565	0,01
2— 5 » .	21.413	2,10	12.693	3,2	947	0,09
5— 20 » .	47.145	4,72	48.213	12,1	3.023	0,30
20—100 » .	26.643	9,45	97.782	24,7	4.293	1,52
100 и б. » .	7.262	28,98	233.820	59,0	5.195	20,72
Всего . . .	113.244	2,03	396.289	100	14.023	0,25
Хоз. с 1.000 и б. ha.	211	36,88	26.127	—	302	52,79

То-есть, опять-таки, процент хозяйств, сеющих свеклу и картофель для технической переработки, совершенно ничтожен в мелких хозяйствах, значителен в крупных и очень высок в латифундиях. Подавляющее количество свеклы—83,7%, судя по площади под свеклой, производится в крупных хозяйствах *).

Точно так же совершенно не выяснил себе г. Булгаков и «долю крупного хозяйства» в молочном хозяйстве (II, 117), а эта отрасль торгового скотоводства принадлежит к особенно быстро развивающимся во всей Европе и является равным образом одним из признаков сельско-хозяйственного прогресса. Вот данные о хозяйствах, продающих молоко и молочные продукты в городах:

	Число таких хозяйств	% к итогу **)	% ко всему числу хоз. в гр.	Число коров у них	% к итогу	На 1 хоз. кор.
0— 2 ha . .	8.998	21,46	0,3	25.028	11,59	2,8
2— 5 » . .	11.049	26,35	1,1	30.275	14,03	2,7
5— 20 » . .	15.344	36,59	1,0	70.916	32,85	4,6
20—100 » . .	5.676	13,54	2,0	58.439	27,07	10,3
100 и б. » . .	863	2,06	3,4	31.213	14,46	36,1
Всего	41.930	100,0	0,8	215.871	100	5,1
Хоз. с 1000 и б. ha .	21	—	3,7	1.822	—	87,0

*) Решительная... неудача утверждений г. Булгакова насчет технических производств так странна, что у нас невольно является вопрос: не зависит ли эта неудача от того, что г. Булгаков выписал приведенные в немецкой анкете таблички, *не заметив,* что в этих табличках дается процентное отношение числа соединенных с техническими производствами хозяйств *вовсе не ко всему числу хозяйств данной группы?* С одной стороны, трудно допустить в «исследовании» строгого ученого такой ряд оплошностей (с рядом горделивых выводов). С другой стороны, тождественность табличек г. Булгакова с табличками анкеты (S. 40* и 41*) — несомненна... Ох, эти «строгие ученые»!

**) Мы приводим этот столбец, чтобы читатель составил себе ясное представление о приемах г. Булгакова, который только на этот столбец (взятый из анкеты) ссылается в подтверждение своих выводов!

Таким образом, крупные хозяйства и здесь стоят впереди: процент участвующих в молочной торговле сельских хозяев тем выше, чем крупнее хозяйство, и в латифундиях он выше всего («латифундиарное вырождение»). Напр., по сравнению с средне-крестьянскими (5 — 20 ha) хозяйствами крупные (100 и > ha) более, чем в два раза, чаще (3,4% и 1,5%) сбывают молоко в города.

Что крупные (по площади земли) хозяйства ведут также крупное молочное хозяйство, это видно из данных о числе коров на 1 хозяина, достигающем 36 у хозяев с 100 и > ha и даже 87 в латифундиях. Вообще у явно-капиталистических хозяйств (20 и > ha) сосредоточено 41,5% всего числа коров, молоко от которых сбывается в города, хотя эти хозяева составляют ничтожную долю общего числа хозяев (5,52%) и весьма небольшую долю в числе хозяйств, сбывающих молоко в городах (15,6%). Прогресс именно капиталистического хозяйства и капиталистическая концентрация данной отрасли торгового скотоводства не подлежат, следовательно, сомнению.

Но концентрация молочного хозяйства далеко не полно характеризуется данными о группах хозяйств по величине площадей. Понятно уже и a priori *), что могут и должны быть хозяйства с равной площадью, но неравным количеством скота вообще и молочного скота в частности. Сопоставим прежде всего распределение между хозяйствами *всего* рогатого скота и всего числа коров, молоко от которых сбывается в города.

	Процентные доли всего рогатого скота	Число коров, от которых молоко сбыв. в город	Разница
0 — 2 ha	8,3	11,6	+ 3,3
2 — 5 »	16,4	14,0	— 2,4
5 — 20 »	36,5	32,8	— 3,7
20 — 100 »	27,3	27,1	— 0,2
100 и бол. »	11,5	14,5	+ 3,0
Всего	100,0	100	

Мы видим таким образом еще раз, что *всего хуже* оказывается положение именно *средне-крестьянских* хозяйств: из всего количества своего рогатого скота эта группа утилизирует наименьшую долю для сбыта молока в города (т.-е. для наиболее выгодной отрасли молочного хозяйства). Наоборот, крупные хозяйства поставлены очень выгодно, утилизируя для сбыта в города молока сравнительно большую долю всего своего рогатого скота **). Но еще выгоднее положение самых мелких хо-

*) — заранее, независимо от опыта. *Ред.*

**) Эта разница не может быть объяснена тем, что в состав рогатого скота входят в неравном размере волы, ибо в крупном хозяйстве процент волов (по крайней мере, употребляемых для полевых работ) ко всему количеству рогатого скота выше, чем в средне-крестьянском хозяйстве.

зяев, утилизирующих *наибольшую* долю своего рогатого скота для молока в городах. Следовательно, в этих хозяйствах развиваются уже специально «молочные» фермы, для которых земледелие отодвигается на второй план или даже вовсе отсутствует (из 8.998 хозяйств этой группы, сбывающих молоко в городах, 471 хозяйство вовсе не имеет земледельческой площади, и у этих хозяев 5.344 коровы, т.-е. по 11,3 коровы на 1 хозяина). Мы получаем интересные данные о концентрации молочного хозяйства в пределах одной и той же по размеру земледельческой площади группы, если выделим, при помощи данных германской статистики, хозяйства с 1 и с 2 коровами.

Хозяйства, сбывающие молочные продукты в городах:

	Число хозяйств	В том числе с 1 кор.	с 2 кор.	С 3 и более коров.	У этих последних коров	Или на 1 хоз.	Всего коров
0 — 50 ar*) .	1.944	722	372	850	9.789	11,5	11.255
50 ar — 2 ha .	7.054	3.302	2.552	1.200	5.367	4,5	13.773
0 — 2 ha . .	8.998	4.024	2.924	2.050	15.156	7,4	25.028
2 — 5 » . .	11.049	1.862	4.497	4.690	19.419	4,3	30.275

Среди хозяйств с совершенно ничтожной земледельческой площадью (0 — $^1/_2$ ha) мы видим громадную концентрацию молочного хозяйства: меньше половины этих хозяев (850 из 1.944) сосредоточивают почти $^9/_{10}$ всего числа коров в этой группе (9.789 из 11.255), имея в среднем по 11,5 коров. Это уже вовсе не «мелкие» хозяева, — это хозяева с оборотом, достигающим, вероятно (в особенности около больших городов), нескольких тысяч марок в год, и вряд ли обходящиеся без наемных рабочих. Быстрый рост городов неуклонно увеличивает число таких «молочных фермеров», и всегда будут находиться, конечно, Гехты, Давиды, Герцы и Черновы (а также, — чтобы не обидеть и Францию, — Морисы, о котором ниже) **), которые будут утешать задавленного нуждой массового мелкого крестьянина примером его единичного собрата, «вышедшего в люди» благодаря молочному хозяйству, табаководству и проч.

В группе хозяйств с $^1/_2$ — 2 ha мы видим, что менее пятой доли хозяев (1.200 из 7.054) концентрируют свыше двух пятых всего числа коров (5.367 из 13.773); в группе с 2 — 5 ha меньше половины хозяев (4.690 из 11.049) — свыше трех пятых всего числа коров (19.419 из 30.275) и т. д. К сожалению, немецкая статистика не дает возможности выделить группы с более зна-

*) — ar — одна сотая гектара. *Ред.*

**) В издании 1908 года фраза, заключенная в скобки, опущена. *Ред.*

чительным числом коров *). Но и приведенные данные вполне подтверждают тот общий вывод, что *концентрация капиталистического земледелия в действительности гораздо сильнее,* чем это можно бы думать по данным одной только статистики площадей. Такая статистика соединяет вместе мелкие по величине площади и по размеру хлебного производства хозяйства с крупными хозяйствами по размеру молочного или мясного скотоводства, виноградарства, табаководства, огородничества и пр. Конечно, все эти отрасли сравнительно с производством хлеба отступают далеко на второй план, и известные *массовые* выводы сохраняют свое полное значение и по данным о площадях. Но, во-первых, некоторые из специальных отраслей торгового земледелия растут особенно быстро именно в Европе и особенно характерны для процесса его *капиталистической* эволюции, а, во-вторых, указанное обстоятельство сплошь и рядом забывается и при ссылках на отдельные приемы или районы, и здесь открывается широчайшее поприще для той мещанской апологетики, образцы которой нам дали Гехт, Давид, Герц, Чернов. Они ссылались на табаководов, которые, по общей площади хозяйства, «echte und rechte Kleinbauern» **); но по размеру табаководства они вовсе не «мелкие» хозяева, и если взять данные о табаководстве специально, то мы и в нем увидим капиталистическую концентрацию. Напр., во всей

*) Вернее, *обработка* (в издании 1908 года курсив устранен. *Ред.*) данных немецкой статистики не дает этой возможности, ибо сведения имелись у авторов анкеты о каждом хозяйстве отдельно (по ответам сельских хозяев на разосланные им листки). Кстати заметить: (в издании 1908 года «заметить» опущено. *Ред.*) это собирание сведений о каждом хозяйстве отдельно выгодно отличает немецкую сельско-хозяйственную статистику от французской, а, повидимому, также и от английской и других. Такая система дает возможность выделить хозяйства разных типов не только по величине площади, но и по размерам, напр., молочного хозяйства, по употреблению машин, по степени развития технических производств и т. д. Для этого необходима только более обстоятельная обработка данных статистики, именно: во-первых, группировка хозяйств не по одному признаку (величина площади), а по нескольким признакам (количество машин, скота, площади под специальными культурами и пр.), а во-вторых, комбинирование различных группировок, т.-е. разделение каждой группы, напр., по величине площади, на подгруппы по количеству скота и т. д. Образцом в этом отношении могла бы послужить и должна была бы послужить русская земская статистика крестьянского хозяйства. Насколько правительственная немецкая статистика выше *правительственной* русской по широте и полноте, единообразию и точности сведений, быстроте их обработки и опубликования, — настолько наша *земская* статистика выше европейских частичных анкет и исследований по замечательной полноте отдельных данных и детализации их обработки. Русская земская статистика давно уже ввела и подворное обследование, и разнообразные групповые таблицы, и те комбинационные таблицы, о которых мы говорили. Ближайшее ознакомление европейцев с нашей земской статистикой, вероятно, дало бы сильный толчок прогрессу социальной статистики вообще.

**) — подлинные мелкие крестьяне. *Ред.*

Германии считалось в 1898 г. 139 тыс. табаководов с 17,6 тыс. ha под табаком, но из этих 139 тыс. — 88 тыс., т.-е. 63%, имеют вместе не более 3,3 тыс. ha, т.-е. всего пятую долю общей суммы табачных посевов; остальные четыре пятых находятся в руках 37% хозяев *).

То же самое и с виноградарством. Вообще площадь «среднего» виноградника, напр., в Германии очень мала: 0,36 гектара (344.850 хозяев и 126.109 ha под виноградом). Но распределение виноградарей таково, что у 49% (до 20 Ar виноградника) только 13% всех виноградников, у «средних» 30% хозяев (20 — 50 Ar) — 26% и у крупных 29% (½ ha и свыше) — 61% виноградников, т.-е. более трех пятых **). Еще несравненно сильнее концентрация торгового огородничества (Kunst- und Handelsgärtnerei), которое так быстро растет во всех капиталистических странах в непосредственной зависимости от роста больших городов, крупных железнодорожных станций, индустриальных поселков и пр. В Германии считалось в 1895 г. 32.540 хозяйств с торговыми огородами и с 23.570 гектарами площади под ними, — в среднем менее одного гектара. Но большая половина этой площади (51,39%) сосредоточена в руках 1.932 хозяев, т.-е. 5,94% всех огородников. Как велики площади огородов и остальной служащей для сельского хозяйства земли у этих крупных хозяев, видно из таких цифр: 1.441 огородник с огородом в 2 — 5 ha имеет в среднем огородной земли по 2,76 ha, а вообще земли по 109,6 ha; 491 огородник с 5 ha и более огородной земли имеет в среднем по 16,54 ha огорода и всего земли по 134,7 гектаров.

*) Die deutsche Volkswirtschaft am Schlusse des 19 Jrhd. Brl. 1900, S. 60 («Немецкое народное хозяйство в конце 19 века». Берлин. 1900 г., стр. 60. *Ред.*); это по очень грубым данным фискальной статистики. Для России мы имеем такие сведения о распределении табаководства по трем уездам Полтавской губернии: из всего числа 25.089 крестьянских хозяйств с посевом табака 3.015 хозяйств (т.-е. менее ⅛) имеют 74.565 дес. хлебных посевов из 146.774 дес., т.-е. более половины, и 3.239 дес. табачных посевов из 6.844 дес., т.-е. около половины. Группировка же этих хозяйств по размерам табачных плантаций показывает, что 324 хозяйства (из 25.089) имеют по 2 и более десятины под табаком, а всего 2.360 дес. из 6.844. Это те крупные табаководы-капиталисты, о безобразной эксплуатации которыми рабочих так часто появляются известия. Свыше полудесятины под табаком имели всего 2.773 хозяйства (немного более 1/10), у них было 4.145 дес. под табаком из 6.844. См. «Обзор табаководства в России», вып. II и III. Спб. 1894.

**) Интересно отметить, что во Франции, где виноградарство развито несравненно сильнее (1.800,5 тыс. гектаров), и концентрация виноградников гораздо более значительна. Но для суждения о ней приходится ограничиться данными общей статистики площадей, ибо во Франции не собирают сведений по отдельным хозяйствам и неизвестно число владельцев виноградников. В руках хозяев, имеющих всей земли 10 и более гектаров, находится в Германии — 12,83% всех виноградников, во Франции же — 57,02%.

Возвратимся к молочному хозяйству, данные о котором помогают нам ответить на вопрос о значении кооперации, превращаемых Герцом в панацею от капитализма. Герц видит «главную задачу социализма» в их поддержке (S. 21, p. n. 62; S. 89, p. n. 214), а Чернов, разбивающий себе, как водится, лоб от усердного поклонения новым божкам, сочинил уже «некапиталистическую эволюцию земледелия» при помощи кооперации. О теоретическом значении подобного замечательного открытия нам придется вообще сказать несколько слов ниже. Теперь мы отметим, что *) поклонники кооперации любят ссылаться на то, чего «возможно» достигнуть при их помощи (см. пример выше). А мы покажем лучше, что действительно достигается при помощи кооперации в современном капиталистическом строе. Немецкая статистика зарегистрировала при переписи хозяйств и занятий в 1895 году все земледельческие хозяйства, участвующие в товариществах для сбыта молочных продуктов (Molkereigenossenschaften und Sammelmolkereien), а равно и число коров, от которых каждый такой хозяин сбывает молочные продукты. Это, насколько мы знаем, едва ли не единственные *массовые* данные, точно определяющие не только степень участия хозяев разных разрядов в товариществах, но и — что особенно важно — хозяйственный, так сказать, размер этого участия, т.-е. величину той именно отрасли хозяйства, которою каждый входит в товарищество (число коров, дающих продукт, сбыт которого товариществами организован). Приводим эти данные, распределенные на пять главных групп по величине земли у хозяев:

Хозяйства, участвующие в товариществах для сбыта молочных продуктов:

	Число таких хозяйств	% ко всему числу хозяйств	% к итогу**)	Число коров у них	% к итогу		На 1 хозяина коров
0 — 2 ha .	10.300	0,3	6,95	18.556	1,71		1,8
2 — 5 » .	31.819	3,1	21,49	73.156	6,76		2,3
5 — 20 » .	53.597	5,4	36,19	211.236	19,51		3,9
20 — 100 » .	43.561	15,4	29,42	418.563	38,65	72,02	9,6
100 и б. » .	8.805	35,1	5,95	361.435	33,37		41.0
Всего . .	148.082	2,7	100,00	1.082.946	100,00		7,3
Хоз. с 1.000 и б. ha . .	204	35,6	—	18.273	—		89,0

*) В издании 1908 года опущены 3 строки, начиная со слов: «О теоретическом значении» и кончая: «Теперь мы отметим, что». *Ред.*

**) Г. Булгаков заявил: «Доля крупного хозяйства здесь будет ясна из следующих цифр» (II, 117) и привел *только* эти, которые «долю крупного хозяйства» не выясняют, а скорее (без сравнения с другими цифрами) *затемняют*.

Итак, из мелких земледельцев в товариществах участвует совершенно ничтожное меньшинство — 3 — 5%, т.-е. такая доля, которая, вероятно, даже меньше доли капиталистических хозяйств и в низших группах. Напротив, из крупных, заведомо капиталистических хозяйств в товариществах участвует в три-семь раз больший процент, чем даже в средне-крестьянских хозяйствах. А латифундии участвуют в товариществах чаще всего. Мы можем судить теперь о всей безграничной наивности австрийского Ворошилова, Герца, который, возражая Каутскому тем, что в «германском сельско-хозяйственном союзе для закупок (Bezugsvereinigung), в который входят самые крупные товарищества, представлено *1.050.000 сельских хозяев*» (S. 112, р. п. 267, курсив Герца), — заключает, что *), *значит*, не только крупные хозяева (выше 20 ha всего 306 тыс. хозяев), но и крестьяне участвуют в товариществах! Стоило Герцу немного подумать над своим же собственным предположением (участие *всех* **) крупных хозяев в товариществах), и он увидел бы, что если крупные все входят в число членов товариществ, то *значит* из остальных входит *меньшая доля*, — значит, вполне подтверждается вывод Каутского о *превосходстве крупного хозяйства над мелким и в отношении кооперативной организованности*.

Но еще интереснее данные о числе коров, сбыт продукта от которых организован товариществами: *подавляющее большинство* этих коров, *почти три четверти* (72%), принадлежит крупным хозяевам, ведущим *капиталистическое молочное хозяйство* и имеющим по десяти, сорока, даже восьмидесяти (в латифундиях) коров на одно хозяйство. И теперь послушайте Герца: «Мы утверждаем, что *товарищества приносят наибольшую пользу именно мелким и самым мелким владельцам*»... (S. 112, р. п. 269, курсив Герца). Ворошиловы везде одинаковы: и в России и в Австрии, когда Ворошилов, бия себя в грудь, говорит и подчеркивает: «Мы утверждаем», — можно быть уверенным, что он утверждает как раз то, чего нет.

В заключение нашего обзора данных немецкой аграрной статистики бросим взгляд на общую картину распределения занятого сельским хозяйством населения по положению в хозяйстве. Мы берем, конечно, только сельское хозяйство в собственном смысле (A 1, а не A 1—6, по немецкому обозначению, т.-е. не сосчитываем вместе с земледельцами рыболовов, лесопромышленников и охотников), а затем берем данные о лицах, для которых земледелие было *главным занятием*. Немецкая статистика делит это население на три главные группы: a) самостоятельные (т.-е. хозяева-собственники, арендаторы и пр.); b) служащие (управляю-

*) Слова: «заключает, что» добавлены в издании 1908 г. *Ред.*

**) В издании 1908 года курсив устранен. *Ред.*

щие, старосты, надсмотрщики, конторщики и пр.) и c) рабочие, при чем эта последняя группа разделяется на следующие четыре подгруппы: c^1) «члены семьи, работающие в хозяйстве главы семьи, отца, брата и т. п.». Другими словами, это — семейные рабочие в отличие от наемных рабочих, к каковым относятся остальные подгруппы группы *c*. Ясно поэтому, что для изучения социального состава населения (и капиталистической эволюции его) этих семейных работников надо соединить в одну группу не с наемными рабочими, как это обыкновенно делают, а с хозяевами *(a)*, ибо эти семейные работники, в сущности, тоже совладельцы, члены хозяйских семей, имеющие право наследования и т. п. Далее, подгруппа c^2) сельско-хозяйственные батраки и батрачки (Knechte und Mägde); c^3) «сельско-хозяйственные поденщики и прочие рабочие (овчары, пастухи) с собственной или арендованной землей». Следовательно, это — группа лиц, в одно и то же время и хозяев и наемных рабочих, т.-е. промежуточная, переходная группа, которую следует поставить особо. Наконец, c^4) «тоже — без собственной и без арендованной земли». Мы получаем, таким образом, три основные группы: I. Хозяева — владельцы земли и члены хозяйских семей. II. Хозяева — владельцы земли и в то же время наемные рабочие. III. Невладеющие землей наемные рабочие (служащие, батраки и поденщики). Вот как распределялось сельское население *) Германии между этими группами в 1882 и 1895 годах:

	Активное (промысловое) население, видящее в земледелии свое главное занятие (в тысячах)			
	1882	1895		
a) хозяева-владельцы земли	2.253	2.522	+ 269	
c^1) члены хозяйских семей	1.935	1.899	— 36	
I	4.188	4.421	+ 233	+ 5,6%
c^2) рабочие с землей (II)	866	383	— 483	— 55,8%
I + II	5.054	4.804	— 250	
b) служащие	47	77	+ 30	
c^3) батраки	1.589	1.719	+ 130	
c^4) рабочие без земли	1.374	1.445	+ 71	
III	3.010	3.241	+ 231	+ 7,7%
Всего	8.064	8.045	— 19	— 0,2%

*) Мы говорим только о населении «активном» (по французскому обозначению, «erwerbsthätige» — по немецкому), т.-е. действительно занимающемся земледелием, не считая прислугу и тех членов семей, которые не принимают правильного и постоянного участия в земледельческих работах. Русская социальная статистика так неразвита, что не выработан даже особый термин для этого понятия «aktive», «erwerbsthätig», «occupiend». Янсон в своей обработке данных о занятиях петербургского населения («С.-Петербург по переписи 1890 года») употребляет термин «самостоятель-

Итак, все активное население уменьшилось, хотя и незначительно. Внутри его мы видим уменьшение населения, владеющего землей (I + II), и увеличение безземельного населения (III). Это ясно показывает, что *идет вперед экспроприация сельского населения* и притом именно мелких землевладельцев, ибо мы знаем уже, что наемные рабочие с кусочком земли принадлежат к числу наиболее мелких хозяев. Далее, из числа владеющих землей лиц убывают хозяева-рабочие, возрастают в числе хозяева. Мы видим, следовательно, *исчезновение средних групп и усиление крайних:* промежуточная группа исчезает, происходит *обострение капиталистических противоречий.* Из наемных рабочих увеличиваются в числе те, которые уже совершенно экспроприированы, уменьшаются в числе владельцы земли; из хозяев увеличиваются в числе непосредственные владельцы предприятий и уменьшаются в числе те, кто работает в предприятии главы семьи. (Это последнее обстоятельство, вероятно, находится в связи с тем, что работающие члены крестьянских семей не получают большей частью никакой платы от глав семьи, а потому особенно склонны к бегству в города.)

Если взять данные о населении, для которого земледелие является *побочным* занятием, то мы увидим, что все это население (активное или промысловое) увеличилось с 3.144 тыс. до 3.578, т.-е. на 434 тыс., причем увеличение это почти целиком падает на группу работающих членов хозяйских семей, увеличивающуюся на 397 тыс. (с 664 до 1.061 тыс.). Число хозяев увеличилось на 40 тыс. (с 2.120 до 2.160); число рабочих с землей увеличилось на 51 тыс. (с 9 до 60 т.); число рабочих без земли уменьшилось на 54 тыс. (с 351 до 297). Это гигантское увеличение — за 13 лет с 664 тыс. до 1.061 тыс., т.-е. на 59,8% — свидетельствует опять-таки о росте пролетаризации; рост числа *крестьян*, членов крестьянских семей, считающих уже земледелие своим только *побочным* занятием. Мы знаем, что главным занятием в этих случаях является прежде всего работа по найму (а затем уже мелкая торговля, ремесло и проч.). Если соединить вместе всех работающих членов крестьянских семей, как тех, для кого земледелие — главное занятие, так и тех, для кого оно только подсобное, то получим: 1882 — 2.559 тыс.; 1895 — 2.960. Это увеличение легко может подать повод к ошибочному толко-

ные», но этот термин неудобен, ибо под «самостоятельными» принято разуметь хозяев, и таким образом деление по участию или неучастию в промысловой (в широком смысле слова) деятельности смешивается с делением по положению лица в промысле (хозяин-рабочий одиночка). Возможен термин: «производительное население», но и он неточен, ибо, напр., военные, рантье и т. п. классы уже совсем не «производительные». Может быть, удобнее был бы термин: «промысловое» население, т.-е. участвующее во всякого рода «промысловой» (= дающей доход) деятельности в отличие от тех, кто живет на счет «промышляющих».

вашию и апологетическим выводам, особенно при сопоставлении с уменьшающимся, в общем и целом, числом наемных рабочих. На самом же деле это общее увеличение складывается из *уменьшения* *) числа членов крестьянских семей, для которых земледелие — главное занятие, и *увеличения* числа тех, для кого оно подсобное, так что эти последние в 1882 году составляли лишь 21,7% всего числа работающих членов крестьянских семей, а в 1895 уже 35,8%. Таким образом статистика *всего* земледельческого населения показывает нам с полной наглядностью именно те два процесса пролетаризации, на которые всегда указывал ортодоксальный марксизм и от которых такими шаблонными фразами стараются отговориться оппортунистические критики, — с одной стороны, растущее обезземеление крестьянства, экспроприация сельского населения, бегущего в города или превращающегося из рабочих с землей в рабочих без земли; — с другой стороны, развитие «подсобных заработков» крестьянства, т.-е. того соединения земледелия с промышленностью, которое означает первую ступень пролетаризации и ведет всегда к усиленному росту нужды (удлинение рабочего дня, ухудшение питания и пр.). До известной степени оба эти процесса, если их рассматривать с внешней только стороны, даже противоположны: увеличение числа безземельных рабочих — и увеличение числа работающих членов семей крестьян-землевладельцев. Поэтому, смешивая эти процессы или игнорируя один из них, легко впасть в самые грубые ошибки, образчик которых мы увидим ниже, при разборе выводов г. Булгакова из французских данных **). Наконец, статистика занятий показывает нам еще выдающийся рост числа служащих ***): с 47 тыс. до 77, т.-е. на 63,8%. Наряду с ростом пролетаризации — рост крупного капиталистического производства, которое нуждается в служащих и притом тем в большей степени, чем более употребляются машины и развиваются технические производства.

Итак, в данных немецкой статистики г. Булгаков, при всей своей похвальбе «детализацией», совершенно не сумел разобраться. В статистике занятий он отметил только увеличение числа безземельных и уменьшение числа владеющих землей рабочих, как показатель «перемен, происшедших в организации сельско-хозяйственного труда» (II, 106). Но это изменение организации труда во всем германском земледелии осталось для него совершенно случайным и непонятным фактом, не связанным с общим строем

*) В издании 1908 года курсив устранен. *Ред.*

**) В издании 1908 г.: «образчики которых рассыпаны во множестве в книге Булгакова». *Ред.*

***) По поводу этого факта очень плоско острит г. Булгаков в «Начале»: «рост числа офицеров при уменьшении армии». Упрощенный взгляд на организацию труда в крупном производстве!

и общей эволюцией земледельческого капитализма. На самом же деле это только одна из сторон в процессе развития капитализма. Технический прогресс германского земледелия есть, вопреки мнению г. Булгакова, главным образом прогресс крупного производства, как это неопровержимо доказывают данные об употреблении машин, о проценте предприятий с рабочим скотом и о составе рабочего скота, о развитии сельско-хозяйственных технических производств, о росте молочного хозяйства и пр. Неразрывно связан с этим прогрессом крупного производства рост пролетаризации и экспроприации сельского населения, увеличение числа парцельных хозяйств и числа крестьян, главным источником существования для которых становятся подсобные заработки, усиление нужды в средне-крестьянском населении, которое всего более ухудшило условия своего хозяйства (наибольшее увеличение процента безлошадных и процента употребляющих для полевых работ коров), а, следовательно, также и условия всей своей жизни и качество ухода за землей.

ВОПРОСЫ, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ «СОЮЗУ РУССКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ» НА «ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОМ» СЪЕЗДЕ 4 ОКТЯБРЯ 1901 Г. [108]).

1. Все три организации признают ли в принципе резолюцию июньской конференции?

2. Намерен ли и может ли «Союз русских социал-демократов» обеспечить такую постановку литературной деятельности, которая делала бы невозможным беспринципные и оппортунистические отклонения от революционного марксизма, вносящие путаницу в умы, столь опасную для нашего движения,—которая устраняла бы зангрывание со скрытым и явным бернштейнианством и раболепство перед элементарными формами и стихийностью движения, неизбежно ведущие к превращению рабочего движения в орудие буржуазной демократии?

Впервые напечатано в декабре 1901 г. в брошюре: «Документы «объединительного» съезда».

Печатается по тексту брошюры.

БОРЬБА С ГОЛОДАЮЩИМИ.

Какую удивительную заботливость о голодающих проявляет наше правительство! Какой длиннейший циркуляр (от 17-го августа) выпустил министр внутренних дел к губернаторам пострадавших губерний! Это целое литературное произведение объемом больше обыкновенного печатного листа, изъясняющее устами г. Сипягина всю политику правительства в продовольственном деле. Опубликованием этого произведения рассчитывали, очевидно, произвести впечатление на «общество»: вот, дескать, как мы попечительны, как мы торопимся с мерами помощи, как мы заранее предусматриваем и организацию продовольственных учреждений и все виды и стороны их деятельности. И нельзя не сознаться, что циркуляр министерства внутренних дел действительно производит впечатление и не только своей величиной, но также (если иметь терпение дочитать до конца) и своим содержанием. Откровенное изложение правительственной программы дает всегда в руки лучшее орудие для агитации против царского правительства и, принося свою почтительнейшую благодарность г. Сипягину, мы осмеливаемся рекомендовать и остальным г г. министрам почаще говорить о своей программе в циркулярах, публикуемых во всеобщее сведение.

Мы сказали: если иметь терпение дочитать циркуляр г. Сипягина до конца. Терпения на это надо не мало, ибо на три четверти... — какое! на девять десятых — циркуляр наполнен обычным казенным пустословием. Разжевывание вещей давным-давно известных и сотни раз повторенных даже в «Своде законов», хождение кругом да около, расписывание подробностей китайского церемониала сношений между мандаринами, великолепный канцелярский стиль с периодами в 36 строк и с «речениями», от которых больно становится за родную русскую речь, — когда вчитываешься в эту прелесть, чувствуешь себя, точно в русском полицейском участке, в котором от стен отдает затхлостью, отовсюду несет какой-то специфической вонью, чи-

новники, уже по одному своему виду и обращению — олицетворение самой невыносимой волокиты, а видпеющиеся в окно надворные постройки живо напоминают о застенке.

Три главных пункта особенно обращают на себя внимание в новой правительственной программе: во-первых, усиление единоличной власти чиновников, попечение о том, чтобы дух казенщины и служебной дисциплины был укреплен и охранен от всякого дуновения свежего воздуха; во-вторых, определение норм пособия голодающим, т.-е. указание, по скольку и как надо рассчитывать количество хлеба на «нуждающуюся» семью; в-третьих, выражение отчаянного ужаса по поводу того, что помогать голодающим бросаются «неблагонадежные» люди, способные возбуждать народ против правительства, и принятие заранее мер против этой «агитации». Остановимся поподробнее на каждом из этих пунктов.

Прошел всего год с тех пор, как правительство отняло у земств заведывание продовольственным делом и передало его в руки земских начальников и уездных съездов (закон 12-го июня 1900 года). И вот, раньше еще, чем этот закон успел войти в действие, — его уже отменяют простым циркуляром. Достаточно было нескольких сообщений губернаторов, чтобы разувериться в пригодности закона! Это как нельзя лучше показывает, какое значение имеют те законы, которые пекутся как блины в петербургских департаментах, без серьезного обсуждения людьми действительно сведущими и способными высказать самостоятельное мнение, без серьезного намерения создать лучше удовлетворяющий своей цели порядок, просто по честолюбию какого-нибудь пройдохи-министра, желающего отличиться и поскорее выказать свою благонамеренность. Земство неблагонамеренно — отнять у него продовольственное дело! Но не успели еще отнять, — оказывается, что земские начальники, даже составленные из одних чиновников уездные съезды, как будто все еще слишком много рассуждают: из земских начальников попадались, вероятно, люди, которые имели глупость называть голод голодом, имели наивность думать, что надо бороться с голодом, а не с теми, кто хочет действительно помочь голодающим; в уездных съездах некоторые чиновники, не состоящие в ведомстве министерства внутренних дел, обнаруживали, вероятно, такое же непонимание истинных задач «внутренней политики». И вот, по простому циркуляру министра — создается новое «уездное центральное»... да, да, это не опечатка: «уездное центральное по продовольственной части управление», все назначение которого в том, чтобы не пропускать неблагонамеренных людей, неблагонамеренных мыслей, неблагоразумных поступков по продовольственному делу. Напр., министр находит неблагоразумным и запрещает «преждевременно» (т.-е. не перед самой

раздачей хлеба) составлять списки нуждающихся: это вызывает в населении «преувеличенные надежды»! «Уездное центральное по продовольственной части управление» сосредоточивается в руках *одного лица*, а министерство рекомендует при этом *уездного предводителя дворянства*. И в самом деле: он настолько тесно связан с губернатором, он так много исполняет полицейских обязанностей, что наверное сумеет понять настоящий дух продовольственной политики. И притом он — местный крупный землевладелец, почтенный доверием всех помещиков. Такой человек уже наверное поймет лучше всех глубокую мысль министра о «деморализующем» действии пособий, которые даются людям, «могущим обойтись» и без них. Что касается полномочий губернатора, то министр напоминает о них с самого начала и много раз повторяет, что губернатор за все ответственен, что губернатору все должны повиноваться, что губернатор должен уметь принимать «особые» меры и т. д. Если и до сих пор губернатор в русской провинции был настоящим сатрапом, от милости которого зависело существование любого учреждения и даже любого лица во «вверенной» губернии, то теперь создается уже настоящее «военное положение» в этом отношении. Необыкновенное усиление строгостей — по поводу помощи голодающим! Это совсем по-русски!

Но усиление строгости, увеличение надзора, все это требует увеличения расходов на чиновничью машину. И министр не позабыл об этом: гг. уездным предводителям дворянства или другим лицам, заведующим «уездным центральным по продовольственной части управлением», будет выдана в возмещение их расходов «особая сумма», «относительно размера коей, — добавляет циркуляр на своем «особом» наречии, — ваше превосходительство имеете войти ко мне с надлежащим представлением». Затем на «расходы по делопроизводству» уездных советов — по 1.000 р. единовременно, на канцелярские средства губернских присутствий по 1.000 — 1.500 руб. Канцелярии всего больше будут работать, вся работа и будет состоять в канцелярщине — как же тут не позаботиться о канцелярских средствах? Прежде всего на канцелярии, а что останется, то голодающим.

Г. Синягин проявляет удивительную настойчивость и изобретательность в изыскании мер *сокращения* пособия голодающим. Прежде всего он требует, чтобы губернаторы обсудили, какие уезды являются «неблагополучными по урожаю» (окончательно решать этот вопрос будет само министерство: даже губернаторам нельзя доверить, смогут ли они избежать «преувеличения»!). И вот преподаются указания, когда *не следует* признавать уезда неблагополучным: 1) когда не более трети волостей пострадало; 2) когда недостаток хлеба обычен и хлеб прикупается из года в год путем заработка; 3) когда недостает местных средств

для выдачи пособий. Мы видим уже здесь маленький образчик чиновничьего решения продовольственных вопросов: одну мерку на всех! Как велико население в одной трети волостей, как сильно они пострадали, не упали ли обычные «заработки» в год сильнейшего промышленного кризиса, — это все праздные вопросы после решительных «предписаний» министерства! Но это только цветики, а ягодки дальше будут. Вся суть в том, кого считать нуждающимся и по скольку выдавать пособия. Г. Сипягин рекомендует следующий «приблизительный расчет», который «редко оказывается сколько-нибудь значительно преувеличенным» (мы больше всего боимся преувеличений; боимся преувеличенных падежд, боимся преувеличенных ссуд! И голод и безработица — все это один «преувеличения»: таков ясный смысл всех министерских рассуждений). Во-первых, по пробному умолоту определяется «*средний* сбор с десятины в каждом селении» и затем величина всего посева у каждого хозяина. Почему бы не определить также величины урожаев у хозяев разного достатка? У крестьянской бедноты урожаи ниже, и определение «среднего» сбора именно нуждающимся-то и невыгодно. Во-вторых, считается не нуждающимся, у кого приходится не менее 48 пуд. хлеба в год на семью (считая по 12 пуд. на трех взрослых и по 6 пуд. на двух детей). Это расчет самого прижимистого кулака: в обыкновенный год даже беднейшие крестьяне потребляют хлеба не по 48, а по 80 пуд. в год на семью в 6—5 чел., как это известно из описаний крестьянского хозяйства; средний же крестьянин потребляет в обыкновенный год 110 пуд. хлеба на семью в 5 чел. Значит, царское правительство *на половину* понижает количество хлеба, необходимое в действительности на продовольствие. В-третьих, «это количество» (т.-е. 48 пуд. на семью) — гласит циркуляр — «уменьшается на половину, в виду того, что рабочий элемент составляет около 50% населения». Правительство неуклонно настаивает на своем правиле, что рабочее население не должно получить ссуду, ибо оно-де может заработать. Но ведь уже раз министр предписал не считать неблагополучными те уезды, где есть обычные заработки. Зачем же *второй раз* исключать из пособия рабочее население? Ведь всем известно, что в настоящий год не только нет особых заработков, но и обычные-то заработки все упали по случаю кризиса. Ведь само правительство повысылало из городов в деревни десятки тысяч безработных рабочих! Ведь опыт прежних голодовок доказал, что исключение рабочего населения ведет только к разделу недостаточной ссуды между детьми и взрослыми! Нет, поговорка: «с одного вола двух шкур не дерут» была бы еще слишком лестна для министерства внутренних дел, которое в два приема исключает из числа нуждающихся всех способных к работе! В-четвертых, и это вдвое уменьшенное количество совершенно

недостаточного пособия *уменьшается* еще на $^1/_3$—$^1/_5$—$^1/_{10}$ «во внимание к приблизительному числу состоятельных хозяев, имеющих запас от прошедшего года или же какой-либо материальный достаток»!! Это уже третья шкура с одного и того же вола! Какой еще «достаток» или «запас» могут быть у крестьянина, собравшего не более 48 пуд. хлеба на семью? Всякие остальные заработки сочтены уже дважды, а кроме того ведь одним хлебом не может просуществовать даже русский крестьянин при всем нищенстве, до которого его довела политика правительства, гнет капитала и помещиков. Необходим расход и на топливо, и на ремонт дома, и на одежду, и на пищу, кроме хлеба. В обыкновенный год даже беднейшие крестьяне, как это известно из научных описаний крестьянского хозяйства; расходуют *более половины* своего дохода на другие нужды, кроме хлеба. Если принять во внимание все это, то окажется, что министр определяет нужду в помощи *в четыре или в пять раз меньше* действительной надобности. Это не борьба с голодом, а борьба с теми, кто хочет действительно помочь голодающим.

И циркуляр заканчивается прямым походом против частных благотворителей. Нередко обнаруживалось — гремит г. Сипягин — что иные благотворители стараются возбудить в населении «недовольство существующими порядками и ничем не оправдываемую требовательность по отношению к правительству», ведут «противуправительственную агитацию» и проч. Это — обвинения, в сущности, прямо *лживые*. Известно, что в 1891 г. были рассылаемы прокламации «крестьянских доброхотов» [109]), прокламации, справедливо указывавшие народу на его настоящего врага; были, вероятно, и другие попытки агитации на почве голода! Но не было ни одного факта, чтобы, прикрываясь благотворительностью, вели агитацию революционеры. Масса благотворителей — это несомненный факт — были *только* благотворителями, и если г. Сипягин ссылается на то, что из них многие — «лица с небезупречным политическим прошлым», то ведь кто у нас теперь с «безупречным прошлым»? Даже «высокопоставленные лица» отдавали очень часто в юности дань общедемократическому движению! Мы, конечно, не хотим сказать, чтобы агитация против правительства на почве голода была недозволительна или хотя бы даже нежелательна. Наоборот, агитация необходима всегда и во время голода в особенности. Мы хотим сказать только, что г. Сипягин *выдумывает небылицы*, стараясь выставить свои страхи и опасения результатом опыта. Мы хотим сказать, что слова г. Сипягина доказывают только одну старую истину: полицейское правительство боится всякого соприкосновения с народом сколько-нибудь независимой и честной интеллигенции, боится всякого правдивого и смелого слова, прямо обращенного к народу, подозревает — и подозревает совершенно справедливо — что

одна уже забота о действительном (а не мнимом) удовлетворении нужды будет равносильна агитации против правительства, ибо народ видит, что частные благотворители искренно хотят ему помочь, а чиновники царя мешают этому, урезывают помощь, уменьшают размеры нужды, затрудняют устройство столовых и т. д. Теперь новый циркуляр требует прямо «подчинить контролю властей» все пожертвования и приглашения к пожертвованиям, всякие устройства столовых; требует, чтобы все приезжающие «представлялись» губернатору, выбирали себе помощников не иначе, как с его разрешения, давали ему же отчет в своей деятельности!! Кто хочет помогать, подчиняйся полицейским чинам и полицейской системе всяческих урезок помощи и бессовестных сокращений пособий! Кто не хочет подчиняться этой гнусности,— тот не смеет помогать: в этом вся суть политики правительства. Г. Сипягин кричит, что голодом «охотно пользуются неблагонадежные в политическом смысле лица для своих преступных целей под личиной помощи ближнему», а вслед за ним вся реакционная печать повторяет этот крик (напр., «Моск. Вед.»). Какой ужас! Пользоваться народной нуждой для «политики»! На самом деле ужасно, наоборот, то, что в России всякая деятельность, *даже* самая далекая от политики, филантропическая (благотворительная) деятельность неизбежно ведет к столкновению независимых людей с полицейским произволом и с мерами «пресечения», «запрещения», «ограничения» и проч. и проч. Ужасно то, что правительство прикрывает соображениями высшей политики свое пошлое стремление — отнять кусок у голодающего, урезать впятеро размер пособий, запретить всем, кроме полицейских чинов, подступаться к умирающим от голода! И мы повторяем еще раз призыв, сделанный уже «Искрой» [110]): открыть обличительную кампанию против продовольственной кампании полицейского правительства, разоблачать в бесцензурной свободной печати все безобразия местных сатрапов, всю корыстную тактику урезывания пособий, всю мизерность и недостаточность помощи, жалкое преуменьшение голода и позорную борьбу против тех, кто хочет помогать голодающим! Мы советуем всем, у кого есть хоть капля искреннего сочувствия к народному бедствию, позаботиться о распространении в народе знакомства с истинным смыслом и значением министерского циркуляра. Ведь только бесконечной темнотой народа и можно объяснить себе, что *подобные* циркуляры не вызывают тотчас всеобщего возмущения. И пусть сознательные рабочие, которые всего ближе стоят и к крестьянству и к неразвитым городским массам, возьмут на себя почин в деле разоблачения правительства!

«Искра» № 9, октябрь 1901 г.

ОТВЕТ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМУ КОМИТЕТУ [111]).

В номере 12 «Раб. Мысли» СПБ. Комитет (Союз Борьбы) поместил возражение на заметку в ном. 1 «Искры» о расколе заграничного «Союза русских социал-демократов». К сожалению, это возражение старательно *обходит* самое существо спорного вопроса: при такой системе полемика никогда не приводит к выяснению дела. Мы настаивали и настаиваем на том, что в заграничном «Союзе русских социал-демократов» произошел именно *раскол*, что «Союз» *распался* на две части после того, как на съезде 1900 г. удалилось значительное меньшинство членов и в том числе Группа «Освобождение Труда», основавшая «Союз» и бывшая прежде редактором всех его изданий. После раскола ни одна из частей не может занимать то место, которое занимал старый «Союз» в целом виде. СПБ. Комитет *не пытается* опровергнуть этого мнения, говоря (неизвестно почему) об одном Плеханове, а не об организации «Социал-Демократ» и давая только косвенно понять читателю, что СПБ. Союз Борьбы отрицает, повидимому, *факт раскола* и продолжает считать одну из частей бывшего «Союза» за все целое.

К чему вступать в полемику, если нет желания разобрать по существу мнение противника и прямо высказать свое собственное?

Далее. Мы настаивали и настаиваем на том, что основной причиной (не поводом, а причиной) раскола послужило принципиальное разногласие, именно: расхождение между революционной и оппортунистической социал-демократией. Уже по одному этому, между прочим, нельзя смотреть на происшедшее в заграничном «Союзе русских социал-демократов» иначе, как на раскол старого «Союза». Спрашивается, как смотрит на этот вопрос СПБ. Комитет? Решается ли он отрицать существование глубокой принципиальной розни между обеими частями бывшего «Союза»? Неизвестно, ибо СПБ. Комитет ухитрился написать «возражение», не сказав *ни единого словечка* об этом основном вопросе. И мы еще раз спрашиваем петербургских, да и не одних только петербург-

ских, товарищей: не грозит ли полемика, обходящая суть дела, выродиться в самую неприятную перебранку? Стоит ли вообще начинать полемику, если нет желания или если признается несвоевременным разобрать вопрос по существу и высказать свое мнение с полной определенностью и без всяких недомолвок?

«Искра» № 9, октябрь 1901 г.

ЗАГРАНИЧНЫЕ ДЕЛА.

Заграничный отдел организации «Искры» объединился с заграничной революционной организацией «Социал-Демократ» в одну организацию: «Заграничную лигу революционной русской социал-демократии» [112]). Новая организация, как видно из изданного ею заявления, намерена приступить к изданию ряда брошюр пропагандистского и агитационного характера. Лига является заграничным представителем «Искры». Таким образом, заграничная организация революционных социал-демократов, руководимая Группой «Освобождение Труда», окончательно объединилась с организацией, группирующейся около нашей газеты. Как и прежде, Группа «Освобождение Труда» принимает ближайшее редакционное участие в ведении наших изданий.

Объединение русских революционных социал-демократических организаций за границей совершилось после того, как потерпела неудачу попытка этих организаций соединиться с «Союзом русских социал-демократов за границей» (издающим «Рабочее Дело»). В начале лета конференция из представителей всех трех организаций выработала проект соглашения между ними. В основу соглашения положен был ряд принципиальных резолюций, содержавших в себе полный отказ «Союза» от заигрываний с экономизмом и бернштейнианством и признание принципов революционной социал-демократии. Можно было надеяться, что объединение состоится, ибо до сих пор только принципиальная неустойчивость «Союза» и его органа — «Рабочее Дело» — стояла на пути к сближению. Эта надежда не оправдалась: вышедший недавно номер 10 «Рабочего Дела» содержал в себе редакционные статьи, направленные прямо против тех резолюций, которые были выработаны при участии делегатов от «Союза» на конференции [113]). Очевидно, «Союз» опять повернул в сторону правого крыла нашего движения. Действительно, на съезде всех трех организаций «Союз» внес такие «поправки» к упомянутым резолюциям, которые явно показывали, что он возвращается к своим прежним заблуждениям. Остальным организациям пришлось покинуть съезд,

что они и сделали. Очевидно, для наших товарищей из «Союза» все еще недостаточно выяснилась опасность занимаемой их организацией промежуточной позиции между революционным социализмом и играющим в руку либералов оппортунизмом. Мы надеемся, что время и горький опыт убедят их в ошибочности их тактики. Замечающееся повсюду в партии стремление работать не только над развитием нашего движения в ширь, но и над его качественным подъемом, служат нам лучшей порукой в том, что столь желанное объединение всех наших сил совершится под тем знаменем революционной социал-демократии, которому служит наша газета.

«Искра» № 9, октябрь 1901 г.

КАТОРЖНЫЕ ПРАВИЛА И КАТОРЖНЫЙ ПРИГОВОР.

Еще одни «временные правила»!

На этот раз дело идет только не о студентах, повинных в непокорности, а о крестьянах, повинных в том, что они голодают.

15-го сентября высочайше утверждены—и немедленно вслед за этим опубликованы «Временные правила об участии населения пострадавших от неурожая местностей в работах, производимых распоряжением ведомств путей сообщения и земледелия и государственных имуществ». Познакомившись с этими правилами (конечно, не по газетным публикациям, а по собственному опыту), русский мужик увидит новое подтверждение той истине, которую вбило в него вековое порабощение помещикам и чиновникам: когда начальство торжественно заявляет, что мужику «предоставляется участие» в большом или маленьком деле, в выкупе помещичьей земли или в общественных работах по случаю голода,—надо ждать какой-нибудь новой казни египетской.

В самом деле, временные правила 15 сентября всем своим содержанием производят впечатление нового карательного закона, дополнительных правил к уложению о наказаниях. Прежде всего, самое устройство и ведение работ обставлено такой сугубой «осторожностью» и волокитой, как будто бы дело шло об обращении с какими-нибудь повстанцами или ссыльно-каторжными, а не с голодающими. Казалось бы, устроить работы—дело самое простое: земские и другие учреждения получают средства и нанимают рабочих строить шоссе, расчищать леса и т. п. Обыкновенно работы подобного рода так и производятся. А теперь создается особый порядок: земский начальник указывает работы, губернатор составляет свое заключение, которое идет в СПБ. в особое «совещание по продовольственному делу», состоящее под председательством товарища министра внутренних дел из представителей разных министерств. Кроме того, общее заведывание возложено на министра, который может назначать и особых

уполномоченных. Петербургское совещание будет даже устанавливать предельные размеры вознаграждения рабочих — то-есть, должно быть, следить за тем, чтобы не «развращали» мужика слишком высокой платой! Очевидно, что временные правила 15 сентября имеют целью *затруднить* широкое применение общественных работ, точно так же, как спиягинский циркуляр 17 августа *затруднил* выдачу пособий голодающим.

Но еще гораздо важнее и гораздо вреднее особые постановления о порядке найма крестьян на работы.

Если работы производятся «вне районов их оседлости» (так будет, естественно, в громадном большинстве случаев), то рабочие образуют особые артели *под наблюдением земского начальника,* который утверждает и старосту для надзора за порядком. Сами выбирать старосту, как делают обыкновенно рабочие, голодающие крестьяне не смеют. Их ставят под начало вооруженному розгой «земскому»! Членам артели составляется особый список, который *заменяет* для них установленные законом *виды на жительство*... Вместо отдельных паспортов будут, следовательно, артельные списки. К чему эта замена? К тому, чтобы *стеснить* мужика, который при отдельном паспорте свободнее мог бы устроиться, как ему удобнее, в новой местности, легче мог бы уйти с работы в случае недовольства.

Далее. «Забота о сохранении должного порядка во время пути и передача доставленных партий рабочих заведующим работами вверяется чинам, особо командируемым мин-ством внутр. дел». Свободным рабочим выдают задатки на проезд, крепостных — «доставляют» «*партиями*» по списку и «передают» особым чинам. Не правы ли крестьяне, когда они смотрят на «общественные» и казенные работы, как на новое крепостное право?

И действительно, закон 15 сентября приближает голодающих крестьян к крепостным не только в том отношении, что отнимает у них свободу передвижения. Закон дает чиновникам право *удерживать часть заработной платы* для отсылки семействам рабочих, если это находит нужным «губернское начальство местностей, где остались семьи». Заработанными деньгами будут распоряжаться без согласия самих рабочих! Мужик глуп: сам о своей семье позаботиться не сумеет. Начальство это все гораздо лучше сделает: кто не слыхал, в самом деле, как оно хорошо заботилось о мужицких семьях в военных поселениях?

Одна беда: мужики теперь не так уже, пожалуй, покорны, как во времена военных поселений. Могут ведь и потребовать, чтобы им выдали обыкновенные паспорта, чтобы не смели, без их согласия, удерживать заработанных денег? На этот случай надо строгости усилить, и закон постановляет в особой статье, что «надзор над сохранением рабочими должного порядка в местах

производства работ возлагается, по распоряжению министра внутренних дел, на местных земских начальников, офицеров отдельного корпуса жандармов, полицейских чиновников или особо для сего назначенных лиц». На голодающих крестьян правительство, очевидно, *заранее* смотрит, как на «бунтовщиков», устанавливая, кроме общего надзора всей российской полиции за всеми русскими рабочими, еще особый строжайший надзор. Мужика *заранее* решили взять в ежовые рукавицы за то, что он осмеливается «преувеличивать» голод и проявляет (как выразился Сипягин в своем циркуляре) «ничем не оправдываемую требовательность по отношению к правительству».

А чтобы не возиться с судами в случае каких-либо неудовольствий рабочих, временные правила дают чиновникам право подвергать рабочих аресту *до трех дней без особого судебного производства* за нарушение тишины, недобросовестность в работе, неисполнение распоряжений!! Свободного рабочего надо привлекать к мировому, перед которым он может защищаться и на решения подавать жалобу,—а голодающего мужика можно сажать в кутузку без всякого суда! Свободного рабочего за нежелание работать можно только рассчитать, — а голодающего мужика новый закон предписывает «за упорное уклонение от работ» *отправлять по этапу на родину*, вместе с ворами и разбойниками!

Новые временные правила, это—настоящие каторжные правила для голодающих, правила об отдаче их в работы с лишением прав за то, что они осмелились утруждать начальство просьбами о помощи. Правительство не ограничилось тем, что отняло у земства заведывание продовольственным делом, запретило частным лицам устраивать, без разрешения полиции, столовые, предписало уменьшать впятеро действительные размеры нужды, — оно еще объявляет крестьян неполноправными и приказывает расправляться с ними без суда. К постоянной каторге вечноголодной жизни и непосильного труда присоединяется теперь угроза каторгой казенных работ.

Таковы мероприятия правительства по отношению к крестьянам. Что касается рабочих, то расправа с ними всего ярче характеризуется напечатанным в предыдущем номере нашей газеты «Обвинительным актом» по делу о майских волнениях на Обуховском заводе. «Искра» писала уже о самом событии в июньском и в июльском номерах [114]). О суде наша легальная печать молчала, памятуя, очевидно, как даже благонамереннейшее «Новое Время» «пострадало» за попытку писать на эти темы. В газеты попала пара строк о том, что суд был в конце сентября, да затем в одной из южных газет, случайно, был сообщен приговор: двоим — *каторжные работы*, восемь оправдано, остальным — тюрьма и исправительные арестантские отделения на сроки от 2 до $3^1/_2$ лет.

Итак, в статье «Новое побоище» (№ 5 «Искры»)*) мы еще недостаточно оценили мстительность русского правительства. Мы думали, что к военной расправе оно прибегло как к последнему средству борьбы, боясь обращаться к суду. Оказывается, сумели соединить и то, и другое: после избиения толпы и убийства трех рабочих выхватили 37 человек из нескольких тысяч и присудили их к драконовским наказаниям.

Как выхватили и как судили,— об этом дает некоторое представление обвинительный акт. Во главе зачинщиков поставлены Ан. Ив. Ермаков, Ефр. Степ. Дахин и Ан. Ив. Гаврилов. Обв. акт указывает, что Ермаков имел прокламации на квартире (по словам подручной в казенной винной лавке Михайловой, *не вызванной на суд* в качестве свидетельницы), что он говорил о борьбе за политическую свободу и ходил 22 апреля на Невский, захватив красный флаг. Далее подчеркивается, что и Гаврилов имел и раздавал прокламации, призывавшие на демонстрацию 22 апреля. Про обвиняемую Яковлеву тоже говорится, что она участвовала в каких-то тайных сборищах. Несомненно, таким образом, что прокурор постарался выставить зачинщиками именно людей, в которых сыскная полиция подозревала политических деятелей. Политический характер дела виден также и из того, что толпа кричала: «нам нужна свобода!», виден и из связи с первым мая. В скобках сказать, расчет 26 человек за «прогул» первого мая и зажег весь пожар, но прокурор, разумеется, ни словечка не проронил о *незаконности* такого расчета!

Дело ясное. Для суда выхватили тех, в ком подозревали политических врагов. Сыскная полиция представила списки. А полицейские, разумеется, «удостоверили», что эти лица были в толпе и бросали камни и выделялись среди других.

Судом прикрыли вторичный (после побоища) акт политической мести. И подло прикрыли: о политике упомянули для отягощения вины, но политической обстановки всего происшествия разъяснить не позволили. Судили как уголовных по 263 ст. Улож., т.-е. за «явное против властей, правительством установленных, восстание» и притом восстание, учиненное людьми вооруженными (?). Обвинение было *подтасовано:* полиция приказала судьям разбирать лишь одну сторону дела.

Заметим, что по 263 — 5 стт. Уложения можно закатать на каторгу за *всякую* манифестацию: «явное восстание с намерением не допустить исполнения предписаных правительством распоряжений и мер», хотя бы «восставшие» не были вооружены и даже не производили явных насильственных действий! Русские законы щедры на каторгу! И нам пора позаботиться о том, чтобы каждый такой процесс *был превращаем* в политический

*) См. настоящий том, стр. 114. *Ред.*

процесс самими обвиняемыми, чтобы правительство не смело свою политическую месть прикрывать комедией уголовщины!

А какой «прогресс» в самом судопроизводстве, по сравнению, напр., с 1885-м годом! Тогда морозовских ткачей судили присяжные, в газетах были полные отчеты, на суде свидетели из рабочих вскрыли все безобразия фабриканта. А теперь — суд чиновников с безгласными сословными представителями, закрытые двери суда, немое молчание печати, подтасованные свидетели: заводское начальство, заводские сторожа, полицейские, бившие народ, солдаты, стрелявшие в рабочих. Какая гнусная комедия!

Сопоставьте этот «прогресс» расправы с рабочими в 1885 и 1901 г. с «прогрессом» борьбы против голодающих в 1891 и 1901 г., — и вы получите некоторое представление о том, как быстро растет и в глубь и в ширь возмущение в народе и в обществе, как яростно начинает метаться правительство, «подтягивая» и частных благотворителей и крестьян, устрашая рабочих каторжными приговорами. Нет, каторга не устрашит рабочих, вожаки которых не боялись умирать в прямой уличной схватке с царскими опричниками. Память об убитых и замученных в тюрьмах героях-товарищах удесятерит силы новых бойцов и привлечет к ним на помощь тысячи помощников, которые, как 18-летняя Марфа Яковлева, скажут открыто: «мы стоим за братьев!». Правительство намерено, кроме полицейской и военной расправы с манифестантами, судить их еще за восстание; — мы ответим на это сплочением всех революционных сил, привлечением на свою сторону всех угнетенных царским произволом и систематической подготовкой общенародного восстания!

«Искра» № 10, ноябрь 1901 г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ

Написано в конце октября — начале ноября 1901 г.

Впервые напечатано в декабре 1901 г., в журнале «Заря», № 2—3. Подпись: Т. Х.

Печатается по тексту «Зари».

I. ГОЛОД.

Опять голод! Не одно только разорение, а прямое вымирание русского крестьянства идет в последнее десятилетие с поразительной быстротой, и, вероятно, ни одна война, как бы продолжительна и упорна она ни была, не уносила такой массы жертв. Против мужика соединились все самые могучие силы современной эпохи: и развивающийся все быстрее мировой капитализм, создавший заокеанскую конкуренцию и снабдивший небольшое меньшинство сельских хозяев, которые способны выжить в отчаянной борьбе за существование самыми усовершенствованными способами производства и орудиями, и военное государство, ведущее политику приключений в своих колониальных владениях, на Дальнем Востоке и в Средней Азии, взваливающее все непомерные тяготы этой, стоящей бешеные деньги, политики на рабочие массы и к тому же еще устраивающее на народные деньги все новые и новые батареи полицейского «пресечения» и «обуздания» против растущего недовольства и возмущения этих масс.

После того, как голод стал у нас явлением обычным, естественно было ожидать, что правительство постарается оформить и закрепить свою обычную же политику в продовольственном деле. Если в 1891—92 г.г. правительство было застигнуто врасплох и порядочно-таки растерялось сначала, то теперь оно уже богато опытом и твердо знает, куда (и как) идти. «В этот момент — писала «Искра» в июле (№ 6) — на страну надвигается черная туча народного бедствия, и правительство готовится снова разыграть свою гнусную роль бездушной силы, отводящей кусок хлеба от голодного населения, карающей всякое невходящее в виды начальства «оказательство» заботы о голодных людях» [115]).

Приготовления правительства были очень быстры и очень решительны. В каком духе велись эти приготовления, — достаточно обнаружила елисаветградская история. Князь Оболенский, начальник Херсонской губернии, объявил сразу войну всем, кто бы настолько дерзновенен, чтобы писать и говорить об елисаветградском голоде, призывать общество к помощи голодающим, устраивать частные кружки и приглашать частных лиц для орга-

низации этой помощи. Земские врачи писали в газетах, что в уезде голод, что народ болеет и мрет, что «хлеб», употребляемый им в пищу, есть нечто невероятное, вовсе и не заслуживающее названия хлеб. Губернатор вступает в полемику с земскими врачами, печатает официальные опровержения. Кто знает хоть сколько-нибудь общие условия нашей печати, кто возьмет на себя труд припомнить ту сугубую травлю, которой подверглись в последнее время весьма умеренные органы и еще несравненно более умеренные литераторы, — тот поймет, что означала эта «полемика» начальника губернии с какими-то земскими врачами, даже и на государственной службе не состоящими! Это было простое затыканье рта, это было самое явное и бесцеремонное заявление, что правительство не потерпит правды о голодовке. Да что заявление! Кого другого, а уж русское правительство вряд ли можно упрекнуть, что оно ограничивается заявлениями, когда есть возможность «власть употребить». И князь Оболенский не замедлил употребить власть, явясь лично на театр войны — войны против голодающих и против тех, кто, не числясь ни по какому ведомству, хотел оказать *действительную* помощь голодающим, — и *запретив устройство столовых* нескольким приехавшим уже на голод частным лицам (в том числе г-же Успенской). Подобно Юлию Цезарю, князь Оболенский пришел, увидел, победил, — и телеграммы немедленно оповестили всю читающую Россию об этой победе. Удивительно одно: что эта победа, этот нахальный вызов всем русским людям, в ком осталось хоть капля порядочности, хоть чуточку гражданского мужества, не встретил никакого отпора из среды наиболее заинтересованных, если можно так выразиться, лиц. В Херсонской губернии очень многие, несомненно, знали и знают всю подноготную этого замалчивания голода и борьбы против помощи голодающим, но никто не опубликовал ни изложения этого поучительного дела, ни документов, к нему относящихся, ни даже простого призыва протестовать против чудовищного запрещения устраивать столовые. Рабочие устраивают стачку, когда правительство приводит в исполнение свою угрозу: рассчитать «прогулявших» первое мая; интеллигентное общество молчит, когда его представителям запрещают... оказывать помощь голодающим.

Как бы поощренное успехом этой первой стычки с «смутьянами», которые смеют помогать голодающим, правительство перешло вскоре к атаке по всей линии. Храбрый подвиг князя Оболенского возводится в руководящее начало, в закон, регулирующий отныне отношения всех администраторов ко всем прикосновенным к продовольственному делу лицам (слово «прикосновенный» есть, собственно, термин уголовный, принадлежащий специально нашему уложению о наказаниях, но мы уже видели и увидим еще ниже, что в настоящее время неразрешенная помощь

голодающим всецело входит в понятие уголовщины). Такой закон и не замедлил последовать — на этот раз в упрощенной форме «циркуляра министра внутренних дел начальникам губерний, пострадавших от неурожая 1901 г.» (17-го августа 1901 г., № 20).

Этот циркуляр останется, надо думать, надолго памятником того, до каких геркулесовых столпов доводит полицейский страх перед грозным народным бедствием, перед сближением голодающих с помогающими им «интеллигентами», на-ряду с твердым намерением задавить всякий «шум» о голоде и ограничить помощь самыми ничтожными размерами. Можно только пожалеть, что неумеренный объем этого циркуляра и тяжеловесность того канцелярского слога, которым он написан, помешают, пожалуй, ознакомлению с ним самой широкой публики.

Известно, что закон 12-го июня 1900 г. изъял продовольственное дело из ведения земства и передал его в руки земских начальников и уездных съездов. Казалось бы, уж чего благонадежнее: выборный элемент устранен, мало-мальски независимые от начальства люди распоряжаться делом и, следовательно, шуметь теперь не будут. Но, после похода князя Оболенского, всего этого показалось мало: надо строже подчинить все дело министерству и непосредственно исполняющим его предписания чиновникам, надо устранить окончательно возможность всяких преувеличений. Поэтому *решать* вопрос о том, какие уезды являются «неблагополучными по урожаю», будет отныне исключительно само министерство *), в котором устроится, очевидно, главный штаб военных действий против голодающих. И чрез посредство гг. губернаторов этот штаб будет направлять деятельность тех лиц (главным образом, уездных предводителей дворянства), в руках которых сосредоточено «уездное центральное по продовольственной части управление». Инициатору военных действий против голодающих, князю Оболенскому, приходилось самому ехать на место, чтобы пресечь, обуздать и сократить. Теперь это «упорядочено», и достаточно будет простого обмена

*) Как решает министерство этот вопрос, можно видеть из примера Пермской губернии. Как сообщают последние газеты, губерния эта продолжает все еще считаться «благополучной по урожаю», хотя неурожай в ней (по сведениям экстренного губернского земского собрания, бывшего 10-го октября) *еще сильнее* неурожая 1898 года. Сбор хлебов составляет только 58 процентов среднего сбора, а по Шадринскому и Ирбитскому уездам — только 36 и 34 процентов. В 1898 году было выдано правительством (не считая местных средств) $1^1/_2$ миллиона пудов хлеба и более $^1/_4$ миллиона рублей деньгами. Теперь же у земства нет средств, земство ограничено в правах, неурожай гораздо сильнее, чем в 1898 году, цены на хлеб начали подниматься *еще с 1-го июля*, крестьяне уже *распродают скот*, — а правительство все-таки упорно считает губернию «благополучной»!!

телеграммами (благо на канцелярские расходы ассигновано уже по тысченке на уезд) между «уездным центральным» и петербургским центральным управлениями, чтобы «распорядиться». Тургеневский цивилизованный помещик не только не шел сам на конюшню, но ограничивался вполголоса сделанным замечанием чрез одетого во фрак и белые перчатки лакея: «Насчет Федора... распорядиться!» Вот и у нас теперь так же «без шума», тихо-благородно будут «распоряжаться» об обуздании неумеренных аппетитов голодающего населения.

А что г. Сипягин убежден в неумеренности аппетитов голодного мужика, — это видно из той настойчивости, с которой циркуляр не только предостерегает от «преувеличений», но прямо создает новые и новые правила, устраняющие самую возможность преувеличений. С составлением списков нуждающихся — не торопитесь: это вызывает в населении «преувеличенные надежды» — прямо говорит министр и предписывает составлять списки только непосредственно перед самой раздачей хлеба. Далее, о том, когда *следует* считать уезд неблагополучным по урожаю, — циркуляр находит излишним говорить, но зато с точностью определяет, когда *не следует* признавать уезда неблагополучным (например, когда пострадало не более трети волостей, когда существуют обычные заработки и т. д.). Наконец, относительно норм пособия голодающим министр преподает такие правила, которые яснее ясного показывают, что правительство хочет *во что бы то ни стало* урезать эти пособия до невозможности и отделаться подачками, нисколько не предохраняющими населения от вымирания. В самом деле: норма — 48 пудов хлеба на семью (считая по величине среднего сбора в данном селении); кто имеет не меньше этого, — тот не нуждается. Каким путем получена эта цифра, — неизвестно. Известно только, что в год *не*голодный даже самые беднейшие крестьяне потребляют вдвое больше хлеба (см. земско-статистические исследования крестьянских бюджетов). Недоедание считается, следовательно, явлением нормальным, на основании предписания г. министра. Но и эта норма уменьшается, во-первых, вдвое, чтобы не мог получить ссуды рабочий элемент, составляющий около половины населения, а во-вторых, *еще* на $^1/_3 — ^1/_5 — ^1/_{10}$ «во внимание к приблизительному числу состоятельных хозяев, имеющих запас от прошедшего года или же какой-либо (именно так: «или же какой-либо»!!) материальный достаток». Можно судить по этому, какой ничтожной дробью должна выразиться та доля действительно недостающего населению хлеба, которую намерено ему ссудить правительство! И, точно любуясь своим нахальством, г. Сипягин, изложив эту невероятную систему урезывания пособий, заявляет, что такой приблизительный расчет «редко оказывается сколько-нибудь значительно преувеличенным». Комментарии едва ли не излишни.

Официальные заявления русского правительства, когда в них кроме голых предписаний есть хоть какие-нибудь попытки объяснить эти предписания, заключают в себе почти всегда — это своего рода закон, гораздо более устойчивый, чем большинство наших законов, — два основные мотива или два основных типа мотивов. С одной стороны, вы встретите непременно несколько общих фраз, в напыщенной форме заявляющих о попечительности начальства, его желании считаться с требованиями времени и пожеланиями общественного мнения. Например, говорится о «важном деле предотвращения в среде сельского населения продовольственной нужды», о «нравственной ответственности за благосостояние местного населения» и т. п. Само собою разумеется, что эти общие места ничего, в сущности, не означают и ни к чему положительному не обязывают; зато они похожи как две капли воды на бессмертные речи бессмертного Иудушки Головлева, отчитывавшего обираемых им крестьян. В скобках сказать, эти общие места эксплуатирует всегда (отчасти по наивности, отчасти по «долгу службы») либеральная подцензурная печать, чтобы конструировать принципиальную солидарность правительства с ее точкой зрения.

Но если вы внимательнее присмотритесь к другим, не столь общим и не столь очевидно пустозвонным, мотивам правительственных велений, вы найдете всегда конкретные пояснения, *целиком повторяющие* установившиеся доводы самых реакционных органов нашей печати (напр., «Московских Ведомостей»). Прослеживать и отмечать в каждом отдельном случае эту солидарность правительства с «Моск. Ведомостями» было бы, на наш взгляд, небесполезной (и не совсем недоступной даже и для легальных деятелей) работой. В рассматриваемом циркуляре, например, мы встречаем повторение самых гнусных обвинений, исходивших от самых «диких помещиков», — что преждевременное составление списков нуждающихся возбуждает «стремление некоторых состоятельных домохозяев привести свое хозяйство в вид обедневшего путем продажи запасов и излишков и инвентаря». Министр говорит, что это «доказал опыт предшествующих продовольственных кампаний». Следовательно? Следовательно, министр почерпает свой политический опыт из назиданий наиболее заядлых крепостников, которые так шумели в прежние голодные годы и шумят теперь об обманах крестьян и которые так возмущены «шумом» по поводу эпидемий голодного тифа.

У тех же крепостников научился г. Сипягин говорить о деморализации: «весьма важно, — пишет он, — чтобы... местные учреждения... содействовали сбережению ассигновавшихся средств, а главное (sic!!) — предотвратили имеющие вредное деморализующее влияние случаи неосновательной выдачи правительственного пособия лицам обеспеченным». И это беззастенчивое пред-

писание содействовать сбережению средств подкрепляется следующим принципиальным наставлением: «...широкая раздача продовольственных пособий могущим обойтись без оных семействам» (могущим обойтись 24-мя пудами хлеба в год на семью?) «независимо от непроизводительности (!) расходов казны в этих случаях имеет по пагубным последствиям такой системы в будущем не менее вредное с точки зрения польз и нужд государственных значение, чем оставление без надлежащей помощи истинно нуждающихся». В старину расчувствовавшиеся монархи говорили: «лучше десять виновных оправдать, нежели одного невинного осудить». А теперь ближайший помощник царя заявляет: не менее вредно дать пособие семейству, которое может обойтись и 24-мя пудами хлеба в год, чем оставить без пособия «истинно» нуждающегося. Как жаль, что эта великолепная по своей откровенности «точка зрения» на «пользы и нужды государственные» прикрыта от широкой публики длиннейшим и скучнейшим циркуляром! Одна надежда: может быть, социал-демократическая печать и социал-демократическая устная агитация поближе познакомит народ с содержанием министерского циркуляра.

* * *

Но с особенной решительностью «нападает» циркуляр на частных благотворителей: по всему видно, что ведущие войну против голодающих администраторы наиболее важной позицией «неприятеля» считают частные кружки помощи, частные столовые и проч. Г. Сипягин с прямотой, заслуживающей полной признательности, объясняет, почему эта частная благотворительность давно уже не давала спать министерству внутренних дел. «Начиная с недорода 1891 и 1892 г. и при всех последующих подобных же бедствиях — гласит циркуляр — нередко обнаруживалось, что иные благотворители на-ряду с оказанием материальной помощи жителям неблагополучных местностей стараются возбудить в их среде недовольство существующим порядком и ничем не оправдываемую требовательность по отношению к правительству. При этом не в полной мере удовлетворенная нужда, неизбежные при этом болезни и расстройства хозяйства создают весьма благоприятную почву для противоправительственной агитации, и такой почвой охотно пользуются неблагонадежные в политическом смысле лица для своих преступных целей под личиной помощи ближнему. Обыкновенно при первых же известиях о значительном недороде в пострадавшую местность стекаются отовсюду лица с небезупречным политическим прошлым, стараются вступить в сношение с приезжающими из столиц уполномоченными благотворительных обществ и учреждений и принимаются ими по неведению в сотрудники на места, чем создаются немаловажные затруднения интересам порядка и управления».

Однако тесно же становится на русской земле русскому правительству. Было время, когда особо охраняемой средой считалась только учащаяся молодежь: за ней учрежден был особо строгий надзор, сношения с ней со стороны каких-либо лиц с небезупречным политическим прошлым вменялись в большую вину, всякие кружки и общества, хотя бы и преследовавшие только цели материальной помощи, заподозревались в противоправительственных целях и проч. В те времена — и очень недавние времена — другого *слоя*, тем менее класса населения, представлявшего в глазах правительства «весьма благоприятную почву для противоправительственной агитации», не было. Но с половины 90-х годов вы встретите уже в официальных правительственных сообщениях указание на другой неизмеримо более многочисленный класс населения, требующий особой охраны: фабрично-заводских рабочих. Рост рабочего движения заставил создать целые системы учреждений для надзора за новым буйным элементом; в списке местностей, запрещенных для жительства сомнительным в политическом отношении лицам, стали появляться наряду с столицами и университетскими городами, фабричные центры, поселки, уезды и целые губернии *). Особо охраняемыми от неблагонадежных оказалось две трети Европейской России, а оставшуюся треть до того переполняет масса «лиц с небезупречным политическим прошлым», что даже самая глухая провинция становится неспокойной **). Теперь оказывается, что по авторитетному суждению такого компетентного лица, как г. министр внутренних дел, «благоприятную почву» для противоправительственной агитации представляет из себя и самая глухая *деревня*, поскольку в ней имеют место случаи невполне удовлетворенной нужды, болезней и расстройства хозяйства. А много ли таких русских деревень, где этого рода «случаи» не постоянны? И не следует ли нам, русским социал-демократам, немедленно воспользоваться этим поучительным указанием г. Сипягина на «благоприятную» почву? Именно теперь, с одной стороны, деревня заинтересована доходившими кое-когда и кое-как слухами о февральских и мартовских стычках городского пролетариата и интеллигентной молодежи с правительственной опричниной, а, с другой стороны, разве любая такая фраза о «ничем не оправды-

*) Ср., напр., напечатанный в № 6 «Искры» секретный циркуляр о высылаемых из СПБ-га лицах, главным образом литераторах, многие из которых никогда ни к каким политическим делам вообще и ни к каким «рабочим» делам в частности не привлекались. Тем не менее им запрещены для жительства не только университетские города, но и «фабричные местности», а некоторым даже *только* фабричные местности.

**) См., напр., корреспонденции в «Искре», №№ 6 и 7, о том, как общественное возбуждение и противоправительственные «оказательства» проникли даже в богоспасаемые грады вроде Пензы, Симферополя, Курска и т. п.[116]).

ваемой требовательности» мужика и т. п. не дает богатейшей программы для самой широкой и всесторонней агитации?

Полезным указанием г. Синягина мы должны воспользоваться, а над наивностью его стоит посмеяться. Это, действительно, забавная наивность воображать, что подчинение частной благотворительности надзору и контролю губернатора затруднит возможность влияния «неблагонадежных» лиц на деревню. Настоящие благотворители никогда политическими целями не задавались, так что новые меры пресечения и обуздания падут всего больше на тех, кто для правительства наименее опасен. Люди же, которые захотят открыть глаза крестьянам на значение новых мер и отношения правительства к голоду вообще, наверное уже, не встретят надобности в том, чтобы входить в сношения с уполномоченными Красного Креста или представляться гг. губернаторам. Ведь вот, напр., раз оказалось, что фабрично-заводская среда есть «благоприятная почва», — те, кто хотели сблизиться с этой средой, не входили в сношения с управляющими фабрик для того, чтобы разузнать про фабричные порядки, и не представлялись гг. фабричным инспекторам для того, чтобы получить разрешение на устройство собраний с рабочими. Мы нисколько не забываем, конечно, что политическая агитация среди крестьян представляет громадные трудности тем более, что отвлекать для нее революционные силы из городов и невозможно и нерационально, но мы не должны также упускать из виду, что такие правительственные подвиги, как стеснение частной благотворительности, устраняют добрую половину этих трудностей и снимают с нас половину работы.

* * *

Мы не будем останавливаться на такой — сравнительно с разобранным циркуляром — «мелочи», как циркуляр того же министра об усилении надзора за благотворительными концертами, представлениями и проч. (Ср. «Искра» № 9, «Новые рогатки».)

Попробуем посмотреть, в каком отношении находится теперь правительственная помощь населению, назначенная и распределенная по новым правилам, к действительному размеру нужды. Правда, данные об этом до последней степени скудны. Печать теперь взнуздана до-нельзя, голоса частных устроителей столовых замолкли вместе с «запрещением» их деятельности, и для осведомления оторопевшей от новых строгостей российской публики служат только казенно-полицейские пометки о благополучном ходе продовольственной кампании, да статейки в том же духе в «Московских Ведомостях», да передаваемые кое-когда разговоры досужего репортера с тем или иным помпадуром, преважно излагающим «мысли о градоначальническом единомыслии,

а также о градоначальническом единовластии и о прочем»[117]). Напр., «Новое Время» в № 9195 передает, что саратовский (бывший архангельский) губернатор А. П. Энгельгардт принял сотрудника местной газеты и высказал ему, между прочим, что он, губернатор, лично устроил на месте совещание предводителей дворянства, представителей земских управ, земских начальников и представителей Красного Креста и «распределил занятия».

«Цынги, — сказал А. П. Энгельгардт, — в том виде, как я ее наблюдал в Архангельской губернии, здесь нет: там к больному нельзя подойти на пять шагов; там эта болезнь действительно «гнилая», — здесь же больше всего последствий сильного малокровия, развивающегося благодаря ужасной обстановке домашней жизни. Единственные почти признаки цынготного заболевания здесь — белые губы, белые десны... Выздоравливает такой больной в течение недели при правильном питании. Теперь и идет это подкармливание. В общем выдается 1.000 порций в день, хотя зарегистрировано не больше 400 крайне нуждающихся.

«Кроме цынготных заболеваний, по всей местности отмечены только три случая тифа. Дальше, надо надеяться, дело и не пойдет, так как везде уже открыты общественные работы, и население обеспечено заработком» [118]).

Вот какое благополучие: на весь Хвальынский уезд (о котором говорит г. помпадур) только 400 крайне нуждающихся (остальные, вероятно, «могут обойтись», по мнению гг. Сипягина и Энгельгардта, и 24-мя пудами хлеба в год на семью!), и население уже обеспечено и выздоравливают больные через неделю. Как же после этого не верить «Московским Ведомостям», которые в особой передовице (№ 258) внушают нам, что «по последним известиям из 12 губерний, пострадавших от неурожая, *в них кипит деятельная работа администрации по устройству помощи.* Многие уезды уже обследованы, на предмет признания их неблагополучными в продовольственном отношении, *назначаются уездные заведующие* продовольственною частью и т. д. Повидимому, правительственными должностными лицами делается все возможное для оказания своевременной и достаточной помощи» [119]).

«Кипит деятельная работа», и... «зарегистрировано не более 400 крайне нуждающихся»... В Хвальынском уезде 165 тысяч сельского населения, а порций выдается одна тысяча. Недобор ржи в этом году составляет во всем юго-восточном районе (в том числе и в Саратовской губернии) 34%. В Саратовской губернии из общего посева на крестьянских землях ($1^1/_2$ миллиона десятин) полным неурожаем поражены 15% (по данным губернской земской управы) и плохим — 75%, а Хвальынский уезд, вместе с Камышинским, принадлежат к наиболее пострадавшим уездам Саратовской губернии. Следовательно, общий недобор хлеба у крестьян Хвальынского уезда составляет не менее про-

центов 30-ти. Допустим, что половина этого недобора падает на зажиточное крестьянство, которое доведено этим еще не до голодания (хотя это допущение более чем рискованное, ибо зажиточное крестьянство имеет лучшие земли и лучше их обрабатывает, так что от неурожая страдает всегда меньше бедноты). Даже и при таком предположении окажется, что голодающих должно быть процентов 15, т.-е. до 25-ти тысяч. А нас хотят утешить тем, что хвалынской цынге далеко еще до архангельской, что случаев тифа будто бы было только три (врали бы хотя поискуснее!) и что выдается одна тысяча порций (рассчитанных и размеренных, вероятно, по Сипягинской системе борьбы... с преувеличениями).

Что касается до тех «заработков», которые г. Сипягин в своем циркуляре старался *три* раза учесть, чтобы избежать преувеличений (раз — предписывая не считать неблагополучными уезды с развитыми обычно заработками, другой раз — предписывая уменьшать 48-мишудовую норму наполовину, ибо 50 процентов рабочего населения «должны» заработать, и третий раз — предписывая уменьшать и эту последнюю цифру на $^1/_3$—$^1/_{10}$, по местным условиям), что касается заработков, то в Саратовской губернии упали не только земледельческие, но и неземледельческие заработки. «Последствия неурожая — сообщает нам вышеназванный доклад управы — отразились и на кустарях благодаря уменьшению сбыта их продуктов. В силу этих обстоятельств в уездах с наиболее развитыми кустарными промыслами *наблюдаются кризисы*». А к числу этих уездов принадлежит и наиболее пострадавший Камышинский уезд, в котором, между прочим, многие и многие тысячи бедноты заняты знаменитым сарпиночным промыслом. И в обыкновенные годы порядки в этом, заброшенном в деревенское захолустье, промысле были самые безобразные: работали, например, дети 6 — 7 лет, получая 7 — 8 копеек в день. Можно себе представить, что там делается в год громадного неурожая и особого кустарного кризиса.

Неурожай хлебов сопровождается в Саратовской губернии (как и во всех, разумеется, неурожайных губерниях) недостатком кормов. За последние месяцы (т.-е. уже во второй половине лета!) было отмечено чрезвычайное развитие разных эпизоотий, усиливающих смертность скота. «По сообщению ветеринарного врача из Хвалынского уезда (заимствуем это сведение из той же газеты [120]), которая излагала содержание вышеупомянутого доклада губернской земской управы), при вскрытии павших животных в желудках последних ничего кроме земли не оказывалось».

В «сообщении земского отдела министерства внутренних дел» [121]) о продолжении продовольственной кампании было сделано, между прочим, заявление, что из числа объявленных неблагополучными

уездов «лишь в Хвалынском с июля месяца обнаружился, в двух селах, ряд эпидемических заболеваний цынгой, к прекращению которых направлены усилия местного врачебного персонала, причем в помощь местным силам командированы два отряда общества Красного Креста, действующие, по донесению губернатора, — (того самого А. П. Энгельгардта, с которым мы уже познакомились), — с большим успехом; во всех же прочих, объявленных неблагополучными в продовольственном отношении уездах, по имеющимся в министерстве к 12-му сего сентября сведениям, случаев неудовлетворенной острой продовольственной нужды не было, и развития болезней на почве недостаточного питания не замечается».

Чтобы показать, какого доверия может заслуживать это утверждение, будто не было случаев неудовлетворенной *острой* нужды (а *хроническая* нужда была?) и будто не замечается развития болезней, мы ограничимся сопоставлением данных еще по двум губерниям.

В Уфимской губернии объявлены неблагополучными Мензелинский и Белебеевский уезды, и земский отдел министерства внутренних дел сообщает, что правительственная ссуда «собственно на продовольствие» потребуется, «по заявлению губернатора», в размере 800.000 пудов. Между тем чрезвычайное Уфимское губернское земское собрание, созванное на 27-ое августа для обсуждения вопроса о помощи пострадавшим от неурожая, определило нужду этих уездов на продовольствие в 2,2 миллиона пудов хлеба, да плюс 1 миллион на остальные уезды, независимо от ссуды на обсеменение (3,2 миллиона пудов на губернию) и на прокорм скота (600.000 пудов). Продовольственная ссуда, следовательно, определена министерством в *одну четвертую долю* того, что определяло земство.

Другой пример. В Вятской губернии уездов, объявленных неблагополучными, не было к тому времени, когда земский отдел опубликовал свое сообщение, а размер ссуды на продовольствие он же определял в 782.000 пудов. Это — та самая сумма, которую исчислило, по сообщениям газет, еще Вятское губернское присутствие по продовольственной части в своем заседании 28-го августа (исчислило согласно с постановлениями уездных съездов от 18 до 25-го августа). *Те же* самые съезды *около 12-го* августа определили размер ссуды иначе, именно: 1,1 милл. пудов на продовольствие и 1,4 милл. пудов на обсеменение. Откуда эта разница? Что произошло между 12-м и 28-м августа? Произошло то, что появился циркуляр г. Сипягина от 17-го августа о борьбе с голодающими. Действие циркуляр возымел, значит, моментальное, и маленькая сумма в 230 тысяч пудов хлеба была вычеркнута из расчета, составленного — это заметьте — уездными съездами, т. - е. учреждениями, заменившими (по закону 12-го июня

1900 г.) неблагонадежное земство, учреждениями, состоящими из чиновников вообще и земских начальников в особенности... Неужели мы в самом деле доживем до того, что и земские начальники обвинены будут в либерализме? Чего доброго. По крайней мере, в «Московских Ведомостях» мы прочитали недавно такой реприманд некоему г. Ом., осмелившемуся в «Приазовском Крае» [122]) предложить, чтобы печатались в газетах протоколы заседаний губернских по городским делам присутствий (если уже нельзя в эти заседания допустить представителей печати):

«Цель слишком прозрачна: *русский чиновник часто страдает болезнью показаться нелиберальным*, и гласность может заставить его, иногда даже против совести, поддерживать какую-нибудь либерально-фантастическую затею города или земства. Расчет несовсем ошибочный» [123]).

Не следует ли назначить особый надзор за вятскими земскими начальниками, которые — очевидно из боязни показаться нелиберальными — обнаружили непростительное легкомыслие в «преувеличении» продовольственной нужды? *).

Впрочем, «либерально-фантастическая затея» вятского земства (если бы мудрое русское правительство не отстранило его от ведения продовольственного дела) доходила до определения нужды еще в гораздо больших размерах. По крайней мере, чрезвычайное губернское собрание, происходившее с 30 августа по 2-ое сентября, определило недобор хлеба до потребного количества в 17 процентов, а кормов — в 15 процентов. А величина этого количества — 105 милл. пудов (обычный сбор — 134 милл. пудов, а в настоящем году — 84 милл. пудов). Недобор, следовательно, составляет *21 миллион пудов*. «Общее число волостей в губернии, необеспеченных сбором текущего года, — 158 из 310. Население их составляет 1.566 тысяч душ об. пола». Да, несомненно, «кипит деятельная работа администрации» — по уменьшению действительных размеров нужды и по сведению всего дела помощи

*) А вот еще образчик борьбы с преувеличениями, которую ведет вятский губернатор:

«Вятский губернатор в «объявлении», разосланном по волостным правлениям, констатирует весьма осторожное отношение крестьян к продовольственной ссуде, выдаваемой правительством и земством. «При объезде губернии — говорит г. Клингенберг, — я убедился, насколько крестьяне обдуманно и осторожно относятся к нынешним обстоятельствам, боятся брать на себя невызываемые крайнею необходимостью долги и твердо решились терпеливо ждать божией помощи в будущем году, стараясь своими силами выйти из затруднительного положения». Это дает начальнику Вятской губернии уверенность в том, что «никакие слухи о даровой правительственной и земской помощи и о возможности сложения долгов и недоимок, а равно о преувеличенных размерах недорода, не будут смущать спокойное и благоразумное население Вятской губернии». Губернатор считает нужным предупредить крестьянское население, «что, если

голодающим до какого-то акробатства копеечной благотворительностью.

Впрочем, «акробаты благотворительности» было бы еще слишком лестным названием для сплоченных под знаменем Спиягинского циркуляра администраторов. Общего у них с акробатами благотворительности — мизерность их помощи и стремление раздуть ее размеры. Но акробаты благотворительности смотрят на благодетельствуемых ими людей, в худшем случае, как на игрушку, приятно щекочущую их самолюбие, а Спиягинская администрация смотрит на них как на неприятелей, как на людей, на что-то беззаконно посягающих («ничем не оправдываемая требовательность по отношению к правительству») и потому подлежащих обузданию. С полной рельефностью выразился этот взгляд в замечательных «Временных Правилах», высочайше утвержденных 15-го сентября 1901 г.

Это — целый закон, состоящий из 20 статей, и замечательного в нем так много, что мы не поколебались бы причислить его к важнейшим законодательным актам начала XX века. Начать с названия: «временные правила об *участии* населения пострадавших от неурожая местностей в работах, производимых распоряжением ведомств путей сообщения и земледелия и государственных имуществ». Вероятно, эти работы представляют из себя нечто до такой степени напичканное льготами, что «участие» в них есть особая милость? Вероятно, иначе и первая статья нового закона не повторяла бы: «сельским обывателям местностей, пострадавших от неурожая, *предоставляется участие* в производстве работ» и т. д.?

Но об этих «льготах» закон говорит уже во второй своей половине, а сначала устанавливается *организация* всего дела. Подлежащие управления «предназначают наиболее соответствующие работы» (ст. 2), при чем «применяются к установленному в законе порядку» (ст. 3, которую, применительно к названию глав в некоторых романах Диккенса, можно бы назвать: «та

при поверке приговоров окажется, что домохозяин хотя и не имеет никаких запасов, но собрал в нынешнем году хлеб в достаточном количестве на прокормление семьи и на обсеменение полей, но хлеб этот продал и вырученные деньги употребил на другие надобности, то он уже рассчитывать на получение ссуды не может. Выданные ссуды будут, по новому закону, взыскиваться без ответственности круговою порукою, по тем же правилам, по коим взыскиваются окладные сборы. Поэтому домохозяин, просивший и получивший ссуду, должен помнить, что он один и должен будет ее возвратить, что никто ему не поможет и что взыскание будет производиться строго, так что в случае накопления недоимки все движимое имущество может быть продано, а недвижимое отобрано».

Можно себе представить, как обращаются волостные заправилы с просящими ссуду голодающими недоимщиками, после такого объявления губернатора!

статья нового закона, в которой говорится о необходимости применяться к старым законам»). Работы открываются либо на сметные средства, либо на особые кредиты, при чем общее заведывание устройством работ принадлежит министру внутренних дел, который может назначать особых уполномоченных и при котором, под председательством его товарища, образуется особое «совещание по продовольственному делу» из представителей разных министерств. К обязанностям этого совещания относится: а) разрешение отступлений от установленного порядка, б) обсуждение предположений о назначениях средств, в) «установление предельных размеров вознаграждения рабочих, а равно определение других условий предоставления населению участия в означенных работах, г) распределение рабочих партий по районам работ и д) заведывание передвижением этих партий к местам производства работ». Заключения совещания утверждает министр внутренних дел, а также, «в подлежащих случаях», и министры других ведомств. Далее, указание работ и выяснение численности нуждающегося в них населения возлагается на земских начальников, которые все эти сведения сообщают губернаторам, а губернаторы со своим заключением в министерство внутренних дел «и, по указанию оного, распоряжаются чрез земских начальников отправлением рабочих к местам производства работ»...

Уф! Наконец-то мы осилили всю «организацию» нового дела! Спрашивается теперь, сколько потребуется смазки, чтобы привести в движение все колеса этой громоздкой, чисто-русской административной машины? Попробуйте только представить себе это дело конкретно: непосредственно около голодающих находится один земский начальник. Ему, значит, принадлежит инициатива. Он пишет бумажку — кому? Губернатору, гласит ст. временных правил 15-го сентября. Но на основании циркуляра от 17-го августа создано ведь особое «уездное центральное по продовольственной части управление», назначение которого «сосредоточить заведывание *всею* продовольственною частью по уезду в руках одного должностного лица» (цирк. 17 авг. — этим лицом предпочтительно должен назначаться уездный предводитель дворянства). Возникает «пререкание», которое, конечно, быстро разрешается на основании замечательно ясных и простых «начал», изложенных в шести пунктах статьи 175-ой «общего учреждения губернского», определяющей «порядок разрешения пререканий... между присутственными местами и должностными лицами». В конце концов бумажка попадает все-таки в канцелярию губернатора, где и принимаются составлять «заключение». Затем все посылается в Петербург и поступает на рассмотрение особого совещания. Но участвующий в совещании представитель министерства путей сообщения не в состоянии решить вопрос о целесообразности такой работы, как исправление дорог Бугурусланского уезда, —

и вот новая бумажка путешествует из Петербурга в провинцию и обратно. И когда наконец вопрос о целесообразности работы и проч. и проч. будет принципиально разрешен, тогда петербургское совещание займется «распределением рабочих партий» между Бузулукским и Бугурусланским уездами.

И ради чего создана такая махина? По новизне дела? Ничуть не бывало. До временных правил 15-го сентября общественные работы могли устраиваться гораздо проще «на основании действующих узаконений», и тот же циркуляр 17-го августа, говоря об общественных работах, устраиваемых земствами и попечительствами о домах трудолюбия и губернскими властями, не предвидит надобности ни в какой особой организации. Как видите, «продовольственная кампания» правительства состоит в том, что петербургские департаменты целый месяц (с 17-го августа по 15 сентября) выдумывали и выдумали-таки бесконечное усложнение волокиты. Зато петербургское совещание, наверное уже, не поддастся той опасности впасть в преувеличения, от которой не защищены местные чиновники, «боящиеся показаться нелиберальными»...

Но гвоздь новых «временных правил», это — узаконения о нанимаемых на работы «сельских обывателях». Когда работы производятся «вне районов их оседлости», то рабочие, во-первых, образуют особые артели, «под наблюдением земского начальника», который утверждает и старосту для надзора за порядком; во-вторых, рабочим, вступившим в такую артель, составляется особый список, который «*заменяет* для внесенных в него («в оный», как выражается закон) рабочих — при передвижении и на время участия в работах — установленные законом виды на жительство и хранится до прибытия на место у чиновника, сопровождающего рабочих в пути, или, в случае его отсутствия, у артельного старосты, а затем — у заведующего производством работ лица».

К чему понадобилась эта замена обыкновенных паспортов, которые каждый желающий отлучиться крестьянин вправе получить бесплатно, — особым списком? Для рабочего это несомненное стеснение, потому что, живя по своему отдельному паспорту, он гораздо свободнее и в выборе себе квартиры и в распределении своего времени и в перемене одной работы на другую более для него выгодную или удобную. Мы увидим из дальнейшего, что сделано это несомненно умышленно и не только из любви к казенщине, а именно для того, чтобы стеснить рабочих и приблизить их к партиям крепостных, транспортируемых «по описи», по своего рода «статейному списку». Оказывается, что, напр., забота «о сохранении должного порядка во время пути и передача (sic!) доставленных партий рабочих заведующим работами вверяется чинам, особо командируемым министерством внутренних дел». Дальше в лес — больше дров. Замена паспортов спис-

ками ведет за собой замену свободы передвижения — «доставкой и передачей партий». Что это, не о партиях ли ссыльно-каторжных идет речь? Не отменены ли уже (может быть, в наказание за «преувеличение» голода?) все законы о том, что крестьянин, снабдивший себя паспортом, может ехать куда ему угодно и как ему угодно? Неужели принятие перевозки на счет казны есть достаточное основание для лишения гражданских прав?

Далее. Оказывается, что заведующие распределением рабочих, выдачей платы и пр. должностные лица производящего работы ведомства, «по сообщению губернского начальства местностей, где остались семьи рабочих, удерживают, в случае возможности, часть заработной платы и отсылают ее по принадлежности для поддержки этих семейств». Новое лишение прав. Как смеют чиновники удерживать заработанные деньги? Как смеют они вмешиваться в семейные дела рабочих и решать за них, точно за крепостных, кого и насколько желают они поддерживать? Да позволят ли еще рабочие удерживать, без их согласия, заработанные ими деньги? Этот вопрос, вероятно, пришел в голову и составителям новых «каторжных правил», потому что статья закона, непосредственно следующая за приведенной выше, гласит: «Надзор за сохранением рабочими должного порядка в местах производства работ возлагается, по распоряжению министра внутренних дел, на местных земских начальников, офицеров отдельного корпуса жандармов, полицейских чиновников или особо для сего назначенных лиц». Положительно, речь идет о *наказании* крестьян лишением прав за «преувеличения» голода и «ничем не оправдываемую требовательность по отношению к правительству»! Мало того, что за всеми русскими рабочими вообще следит и полиция общая и полиция фабричная и полиция сыскная, здесь еще предписывается установление *особого* надзора. Правительство, можно подумать, совсем потеряло голову из страха перед этими отправляемыми, доставляемыми и передаваемыми с тысячей предосторожностей партиями голодающих крестьян?

Далее. «В случаях нарушения общественной тишины и спокойствия, явно недобросовестного отношения к работе или неисполнения законных требований лиц, заведывающих производством работ, или наблюдающих за порядком на оных, виновные в том рабочие могут быть подвергаемы, *без особого судебного производства*, по распоряжению чинов, упомянутых в ст. 16 (только что приведенной нами), аресту до *трех* дней; за упорное же уклонение от работы они, по распоряжению тех же чинов, могут быть *отправлены по этапу* в место постоянного их жительства».

Можно ли после этого иначе назвать временные правила 15-го сентября как временно-каторжными правилами? Расправа

без суда, — высылка по этапу... Велика, очень велика темнота и забитость русского крестьянина, но есть же мера всему. Да и беспрерывные голодовки и беспрерывные высылки рабочих из городов не могли пройти бесследно. И наше правительство, которому так понравилось управлять посредством «временных правил» *), дождется-таки того, что найдет коса на камень.

Пусть послужат для нас «Временные Правила» 15-го сентября поводом к самой широкой агитации в рабочих кружках и в крестьянстве; *давайте распространять* самый текст этих правил и листки с объяснением их, давайте устраивать собранья с чтением этого закона и объяснением его содержания в связи со всей «продовольственной» политикой правительства. Добьемся того, чтобы каждый сколько-нибудь сознательный рабочий, попадая так или иначе в деревню, имел точное представление о «временно-каторжных правилах» и был в состоянии рассказывать всем и каждому, в чем тут дело и что нужно делать для избавления от каторги голода, произвола и бесправия.

А тем российским прекрасодушным интеллигентам, которые носятся со всякого рода артелями и тому подобными допускаемыми или поощряемыми правительством легальными обществами, пусть послужат эти временные правила о *рабочих артелях* — постоянным укором и серьезным предостереженем: укором за ту наивность, с которой они верили в искренность правительственного допущения или поощрения, не видя самого подлого крепостнического нутра за вывеской «развития народного труда» и т. п. Предостереженем, — чтобы впредь они, говоря об артелях и прочих допускаемых гг. Сипягиными обществах, никогда не забывали сказать, и всю правду сказать, о рабочих артелях по временным правилам 15-го сентября, или же, если они не могут говорить о *таких* артелях, чтобы они лучше совсем молчали.

II. ОТНОШЕНИЕ К КРИЗИСУ И К ГОЛОДУ.

На-ряду с новой голодовкой все еще тянется старый, ставший уже затяжным, торгово-промышленный кризис, выбросивший на улицу десятки тысяч не находящих себе работы рабочих. Нужда среди них страшно велика, и тем более бросается в глаза совершенно различное отношение и правительства и образован-

*) Давно уже сказано, что всякий дурак сумеет управлять посредством осадного положения. Ну, это в Европе нужны осадные положения, а у нас осадное положение есть общее положение, восполняемое то здесь, то там временными правилами. Ведь все политические дела в России ведутся на основании временных правил.

ного «общества» к этой нужде и к нужде крестьян. Никаких попыток ни со стороны общественных учреждений, ни со стороны печати определить число нуждающихся рабочих и степень нужды хотя бы с такой же степенью приближения, с какой определяется нужда крестьян. Никаких систематических мероприятий по организации помощи голодающим рабочим.

Отчего зависит эта разница? Нам думается: всего менее от того, что нужда рабочих как бы меньше выступает наружу, проявляется в менее резких формах. Правда, городские жители, не принадлежащие к рабочему классу, мало знают о том, как маются теперь фабричные, теснясь еще более в подвалах, чердаках и конурах, недоедая еще больше, чем обыкновенно, сбывая ростовщикам последние остатки домашней рухляди; правда, увеличение числа босяков и нищих, посетителей ночлежных домов и обитателей тюрем и больниц не обращает на себя особенного внимания, потому что ведь «все» так привыкли к тому, что в большом городе должны быть переполнены ночлежные дома и всякие притоны самой безысходной нищеты; правда, безработные рабочие совсем не привязаны к месту, как крестьяне, и либо сами расходятся в разные концы государства, отыскивая занятие, либо высылаются «на родину» администрацией, опасающейся скопления безработных. Но, несмотря на все это, каждый, соприкасающийся с промышленной жизнью, наблюдает воочию и каждый, следящий за общественной жизнью, знает из газет, что безработица растет и растет.

Нет, причины указанного различия лежат глубже: их надо искать в том, что деревенская голодовка и городская безработица принадлежат к совершенно различным укладам хозяйственной жизни страны, обусловливаются совершенно различным взаимоотношением класса эксплуататоров и класса эксплуатируемых. В деревне отношения между этими двумя классами вообще чрезвычайно запутаны и усложнены массой переходных форм, когда земледельческое хозяйство соединяется то с ростовщичеством, то с работой по найму и пр. и пр. И голодают при этом не сельскохозяйственные наемные рабочие, противоположность интересов которых интересам помещиков и зажиточных крестьян ясна для всех и в значительной степени для самих рабочих, а голодают мелкие крестьяне, которых принято считать (и которые сами себя считают) самостоятельными хозяевами, лишь случайно попадающими иногда в ту или иную «временную» зависимость. Ближайшая причина голода — неурожай — бедствие, в глазах массы, чисто стихийное, божье попущение. А так как эти сопровождаемые голодовками неурожаи тянутся с незапамятных времен, то и законодательство давно уже вынуждено считаться с ними. Давно уже существуют (главным образом на бумаге) целые уставы народного продовольствия, предписывающие целую систему «меро-

приятий». И как ни мало отвечают нуждам современной эпохи эти мероприятия, заимствованные большей частью из времен крепостного права и преобладания патриархального натурального хозяйства, тем не менее каждый голод приводит в движение целый административный и земский механизм. А этому механизму даже при всем желании власть имущих лиц трудно, почти невозможно обойтись без всесторонней помощи этих ненавистных «третьих лиц», интеллигентов, стремящихся поднять «шум». С другой стороны, связь голодовки с неурожаем и забитость крестьянина, — не сознающего (или до последней степени смутно сознающего), что только усиливающийся гнет капитала в связи с грабительской политикой правительства и помещиков довел его до такого разорения, — ведут к тому, что голодающие чувствуют себя совершенно беспомощными и не проявляют не только чрезмерной, но даже и ровно никакой «требовательности».

А чем ниже в угнетенном классе уровень сознания своего угнетения и требовательности по отношению к угнетателям, тем больше является среди имущих классов лиц, склонных к благотворительности, тем меньше сравнительно сопротивление этой благотворительности со стороны непосредственно заинтересованных в нищете крестьянина местных помещиков. Если принять во внимание этот несомненный факт, то окажется, что усиление помещичьего сопротивления, усиление криков о «деморализации» мужика и, наконец, принятие «начищенным» в таком духе правительством чисто военных мер против голодающих и против благотворителей, — все это ясно свидетельствует о полном упадке и разложении того исконного, патриархального, веками освященного и непреоборимо якобы устойчивого деревенского быта, которым восхищались наиболее ярые славянофилы, наиболее сознательные реакционеры и наиболее наивные «народники» стародедовского толка. Нас, социал-демократов, обвиняли всегда — народники в том, что мы искусственно переносим понятие классовой борьбы туда, куда оно вовсе не приложимо; — реакционеры в том, что мы разжигаем классовую ненависть и натравливаем «одну часть населения против другой». Не повторяя десятки раз уже данного ответа на эти обвинения, мы заметим только, что русское правительство идет *впереди нас всех* в оценке глубины классовой борьбы и в энергии мероприятий, из такой оценки вытекающих. Всякий, кто соприкасался так или иначе с публикой, направлявшейся в голодные годы «кормить» крестьян, — а кто из нас не соприкасался с ней? — знает, что ее побуждало к этому простое чувство человеческого сострадания и жалости, что какие бы то ни было «политические» планы были совершенно чужды ей, что пропаганда идей классовой борьбы оставляла эту публику совершенно холодной, что аргументы марксистов в их горячей войне с народническими взглядами на деревню эту публику не

убеждали. При чем тут классовая борьба? говорили они. Просто крестьяне голодают и надо им помочь.

Но кого не убедили аргументы марксистов, того, может быть, убедят «аргументы» г. министра внутренних дел. Нет, не «просто голодают» — вещает он благотворителям — и без разрешения начальства нельзя «просто» помогать, ибо это развивает деморализацию и ничем не оправдываемую требовательность. Вмешиваться в продовольственную кампанию значит вмешиваться в те божеские и полицейские предначертания, которые гг. помещикам обеспечивают рабочих, согласных работать чуть не даром, а казне обеспечивают поступление податей, собираемых посредством выколачивания. И кто внимательно вдумается в Сипягинский циркуляр, тот должен будет сказать себе: да, в нашей деревне идет социальная война, и, как и при всякой войне, не доводится отрицать право воюющих сторон осматривать груз судов, идущих в неприятельские порты хотя бы и под нейтральным флагом! Отличие от других войн лишь то, что здесь одна сторона, обязанная вечно работать и вечно голодать, даже и вовсе не сражается, а только бывает сражаема... пока.

В области фабрично-заводской промышленности наличность этой войны давно уже не подлежит никакому сомнению, и «нейтральному» благотворителю нет надобности в циркулярах разъяснять, что, не спросясь броду (т.-е. разрешения начальства и гг. фабрикантов), не следует соваться в воду. Еще в 1885 году, когда о сколько-нибудь заметной социалистической агитации среди рабочих не могло быть и речи, даже в центральном районе, где рабочие ближе стоят к крестьянству, чем в столице, промышленный кризис до такой степени сильно зарядил фабричную атмосферу электричеством, что взрывы постоянно происходили то здесь, то там. Благотворительность при таком положении дела заранее осуждена на бессилие, и она остается поэтому случайным и чисто индивидуальным делом тех или иных лиц, не приобретая и тени общественного значения.

Отметим еще одну особенность в отношении общества к голодовкам. До самого последнего времени у нас, можно без преувеличения сказать, господствовало то мнение, что весь русский экономический, да даже и государственный, строй только и держится на *массе* владеющего землей и самостоятельно хозяйничающего на земле крестьянства. До какой степени этот взгляд проникал даже в передовые круги мыслящих людей, всего менее склонных попадать на удочку официального славословия, это особенно рельефно показала всем памятная книга Николая — она [124]), вышедшая после голода 1891 — 92 г.г. Разорение громадного числа крестьянских хозяйств казалось всем таким абсурдом, таким невозможным прыжком в небытие, что необходимость самой широкой помощи, способной действительно «залечить раны», сде-

лалась почти общим лозунгом. И опять не кто иной, как г. Сипягин взял на себя труд рассеять последние иллюзии. На чем же держится «Россия», чем живут земледельческие и торгово-промышленные классы, как не разорением и нищетой народа? Пытаться не на бумаге только залечить *эту* «рану» — да это государственное преступление!

Г. Сипягин, несомненно, посодействует распространению и укреплению той истины, что, кроме классовой борьбы революционного пролетариата против всего капиталистического строя, нет и не может быть иного средства ни против безработицы и кризисов, ни против тех азиатски-диких и жестоких форм экспроприации мелкого производителя, какие принял этот процесс у нас. До массовых жертв голода и кризиса хозяевам капиталистического государства так же мало дела, как мало дела паровозу до тех, кого он давит на своем ходу. Мертвые тела тормозят колеса, поезд останавливается, он может даже (при чересчур энергичных машинистах) сойти при этом с рельсов, но он во всяком случае продолжает, после тех или иных задержек, свой путь. Вы слышите о голодной смерти и разорении десятков и сотен тысяч мелких хозяев, но в то же время вы слышите и о прогрессах отечественного земледелия, об успешном завоевании иностранного рынка российскими помещиками, отправившими экспедицию русских сельских хозяев в Англию, о расширении сбыта улучшенных орудий и распространении травосеяния и проч. Для хозяев русского земледелия (как и для всех капиталистических хозяев) усиление разорения и голодовки есть не более как маленькая временная задержка, на которую они почти и не обратят внимания, если голодающие не *заставят* обратить на себя внимания. Все идет своим чередом, — даже спекуляция по продаже земель той части *хозяев,* которую образуют зажиточные крестьяне.

Вот, напр., Бугурусланский уезд Самарской губернии объявлен «неблагонадежным по урожаю». Значит, разорение *массы* крестьянства и голодовка достигли здесь самой высокой степени. Но бедствие массы не только не мешает, а как будто бы даже содействует укреплению хозяйственной позиции буржуазного меньшинства крестьянства. Вот что мы читаем о том же уезде в сентябрьской корреспонденции «Русских Ведомостей» (№ 244):

«Бугурусланский уезд Самарской губернии. Злобою дня у нас являются повсеместный быстрый рост цен на землю и огромная спекуляция ею, вызванная этим ростом. Всего каких-нибудь 15 — 20 лет тому назад прекрасные долинные земли шли здесь *по 10 — 15 р.* за десятину: были местности, удаленные от железной дороги, в которых всего три года назад цена 35 р. за десятину считалась высокой и только за самую лучшую землю с великолепной усадьбой и базаром было однажды заплачено

60 руб. за десятину. Теперь же за худшую землю дают *50—60 руб.*, а за лучшие земли цена поднялась до 80-ти и даже до 100 руб. за десятину. Спекуляции, вызванные этим ростом цен на землю,— двух родов: во-первых, это — скупка земли для немедленной же перепродажи (есть случаи, что земля покупалась по 40 р. и через год перепродавалась местным *крестьянам по 55-ти р.);* продают обыкновенно те помещики, которым или неохота, или уже некогда возиться с проволочками и формальностями продажи земли крестьянам через Крестьянский банк, покупают же купцы-капиталисты *и перепродают тем же местным мужикам.* Во-вторых, разного рода многочисленные посредники занимаются всучиванием крестьянам из дальних губерний (преимущественно малороссийских) всякого рода неудобной земли, за что получают от владельцев имений недурные *проценты (от 1-го до 2-х р.* за десятину). Из сказанного уже видно, что главный объект земельной спекуляции — *крестьянин,* и на его жажде земли основывается вся эта невообразимая и необъяснимая простыми экономическими причинами скачка цен на землю; конечно, сыграли роль и железные дороги, но не такую, так как главным покупателем земли у нас остается крестьянство, для которого железная дорога — фактор далеко не первостепенный»[125]).

Эти цепкие «хозяйственные мужички», так жадно вкладывающие свои «сбережения» (и награбления) в покупку земли, неминуемо доканают и тех из малоимущих крестьян, которые еще уцелели от теперешней голодовки.

Если для буржуазного общества средством против разорения и голодания неимущих крестьян служит покупка земли зажиточными крестьянами, то средством против кризиса, переполнения рынка продуктами промышленности, служат поиски новых рынков. Пресмыкающаяся печать («Новое Время», № 9188)[126]) восторгается успехами новой торговли с Персией, оживленно обсуждаются коммерческие виды на Среднюю Азию и особенно на Манджурию. Железоделательные и прочие промышленные тузы радостно потирают руки, слыша об оживлении железнодорожного строительства. Решено строить большие линии: Петербург — Вятка, Бологое — Седлец, Оренбург — Ташкент, гарантированы правительством железнодорожные займы на 37 миллионов (обществ Московско-Казанской, Лодзинской и Юго-Восточных дорог), предположены линии: Москва — Кыштым, Камышин — Астрахань и Черноморская. Голодающие крестьяне и безработные рабочие могут утешаться: казенные денежки (если казна добудет еще денег) не будут, разумеется, «непроизводительно» (ср. Сипягинский циркуляр) расходоваться на пособия, нет, они польются в карманы инженеров и подрядчиков — вроде тех виртуозов казнокрадства, которые годы и годы крали и крали в Нижнем при постройке

Сормовской дамбы и которые только теперь осуждены (в виде исключения) сессией Московской судебной палаты в Нижнем-Новгороде *).

III. ТРЕТИЙ ЭЛЕМЕНТ.

Выражение «третий элемент» или «третьи лица» пущено в ход, если мы не ошибаемся, самарским вице-губернатором, г. Кондоиди, в его речи [127]) при открытии самарского губернского земского собрания 1900 г., для обозначения лиц, «не принадлежащих ни к адми-

*) К сожалению, недостаток места не позволяет нам подробнее остановиться на этом процессе, который еще и еще раз показал, как хозяйничают и инженеры и подрядчики. Для нас, русских, это именно та старая история, которая вечно остается новой. Инженер Александров в компании с начальником нижегородского отделения казанского округа министерства путей сообщения Шнакенбургом и с шестью, привлеченными к делу, подрядчиками *в течение трех лет* (1893 — 1895) «сооружал» для себя и других тысячные капиталы, представляя в казну счеты, ведомости, акты освидетельствования и проч. на никогда не существовавшие работы и поставки. Фиктивны были не только работы, но и сами подрядчики: простой писец подписывался за подрядчика! Какую сумму хапнула вся братия, можно судить по следующему. Инженер Александров представил счетов (от попавших на скамью подсудимых «подрядчиков») на *двести слишком* тысяч рублей, а в этих счетах, например, вместо 400 рублей действительного расхода ставили 4.400 р. Инженер Александров, по показанию одного свидетеля, прокучивал то с девицами, то со своим непосредственным начальством, путейскими инженерами, рублей по 50 — 80 в один обед.

Но интереснее всего то, как велось и чем кончилось это дело. Полициймейстер, которому донес агент сыскной полиции, «не захотел поднимать дело» (!). «Дело — говорит — не наше, а министерства путей сообщения», и агенту пришлось обратиться к прокурору. Далее, обнаружилось все только потому, что воры перессорились: Александров «не поделился» с одним из писцов-подрядчиков. Велось дело *шесть лет*, так что многие свидетели успели умереть и почти все успели перезабыть самое важное. Даже такой свидетель, как бывший начальник казанского округа путей сообщения Лохтин, *не разыскан* (sic!): не то он в Казани, не то в г. Енисейске на командировке! Пусть читатель не думает, что это — шутка, это списано с отчета о судебном разбирательстве.

Что замешаны в этом деле далеко не одни обвиняемые, видно хотя бы из 2-х следующих фактов: во-первых, тот самый добродетельный агент полиции, который поднял дело, теперь в полиции не служит, а приобрел дом и живет доходами с него. Во-вторых, инженер Макаров, *начальник Казанского округа путей сообщения* (в эпоху Сормовской дамбы бывший помощником начальника), на суде из кожи лез, выгораживая Александрова; он заявил даже — буквально! — что если дамбу весной 1894 г. размыло, то «*это так и полагалось*». По его, Макаровским, ревизиям, у Александрова все было в порядке, и Александров отличался опытностью, усердием и аккуратностью!

Результат: Александрову — один год крепости; Шнакенбургу — строгий выговор (не приведенный в исполнение за силой манифеста 1896 г.!); остальные оправданы. Гражданский иск казны отклонен. Воображаю, как должны быть довольны и неразысканные Лохтины и состоящие на службе Макаровы.

нистрации, ни к числу представителей сословий». Рост числа и влияния таких лиц, служащих в земстве в качестве врачей, техников, статистиков, агрономов, педагогов и т. п., давно уже обращает на себя внимание наших реакционеров, которые прозвали также этих ненавистных «третьих лиц» «земской бюрократией».

Надо вообще сказать, что наши реакционеры, — а в том числе, конечно, и вся высшая бюрократия, — проявляют хорошее политическое чутье. Они так искушены по части всяческого опыта в борьбе с оппозицией, с народными «бунтами», с сектантами, с восстаниями, с революционерами, что держат себя постоянно «на чеку́», и гораздо лучше всяких наивных простаков и «честных кляч» понимают непримиримость самодержавия с *какой бы то ни было* самостоятельностью, честностью, независимостью убеждений, гордостью настоящего знания. Прекрасно впитав в себя тот дух низкопоклонства и бумажного отношения к делу, который царит во всей иерархии российского чиновничества, они подозрительно относятся ко всем, кто непохож на гоголевского Акакия Акакиевича или, употребляя более современное сравнение, на человека в футляре.

И в самом деле: если люди, исполняющие те или иные общественные функции, будут цениться не по своему служебному положению, а по своим знаниям и достоинствам, — то разве это не ведет логически неизбежно к свободе общественного мнения и общественного контроля, обсуждающего эти знания и эти достоинства? Разве это не подкапывает в корне те привилегии сословий и чинов, которыми только и держится самодержавная Россия? Послушайте-ка, чем мотивировал свое недовольство тот же г. Кондоиди:

«Случается, — говорит он, — что представители сословий без достаточно проверенных оснований внемлют слову интеллигентов, хотя бы то были не более как вольнонаемные служащие в управе, лишь вследствие ссылки на науку или на поучения газетных и журнальных писателей». Каково? Простые «вольнонаемные служащие», а берутся учить «представителей сословий»! Между прочим: земские гласные, о которых говорит г. вице-губернатор, на самом деле члены учреждения бессословного; но так как у нас все и вся пропитано сословностью, так как и земства, по новому положению, громадную долю всей своей бессословности утратили, то для краткости можно действительно сказать, что в России два правящих «класса»: 1. администрация и 2. представители сословий. Третьему элементу в сословной монархии нет места. А если непокорное экономическое развитие все более подрывает сословные устои самым ростом капитализма и вызывает потребность в «интеллигентах», число которых все возрастает, то неизбежно надо ожидать, что третий элемент будет стараться расширить узкие для него рамки.

«Грезы лиц, не принадлежащих ни к администрации, ни к представителям сословий в земстве, — говорил тот же г. Кондоиди — носят лишь фантастический характер, но могут, допустив в основании политические тенденции, иметь и вредную сторону».

Допущение «политических тенденций» — это только дипломатическое выражение того убеждения, что они есть. А «грезами» именуются здесь, если хотите, все предположения, вытекающие для врача — из интересов врачебного дела, для статистика — из интересов статистики и не считающиеся с интересами правящих сословий. Сами по себе эти грезы фантастичны, но они питают политическое недовольство, изволите видеть.

А вот попытка другого администратора, начальника одной из центральных губерний, дать иную мотивировку недовольства третьим элементом. По его словам, деятельность земства *вверенной ему* губернии «с каждым годом все более и более отдаляется от тех основных начал, на которых зиждется Положение о земских учреждениях». Положением этим к заведыванию делами о местных пользах и нуждах призвано местное население; между тем вследствие индифферентного отношения большинства землевладельцев к предоставленному им праву «земские собрания приняли характер одной *формальности*, а дела вершатся управами, характер коих заставляет желать весьма многого». Это «повлекло за собою образование при управах обширных канцелярий и приглашение на земскую службу *специалистов*, — статистиков, агрономов, педагогов, санитарных врачей и т. д., — которые, чувствуя свое *образовательное*, а иногда *и умственное превосходство* над земскими деятелями, начали проявлять все *большую и большую самостоятельность*, что в особенности достигается путем открытия в губернии разных *съездов*, а при управах — советов. В результате все земское хозяйство очутилось в руках лиц, *ничего общего с местным населением не имеющих*». Хотя «среди этих лиц весьма много личностей, вполне благонамеренных и заслуживающих полного уважения, но на свою службу они не могут смотреть иначе, как на средство к существованию, а пользы и нужды местные их лишь настолько могут интересовать, насколько от таковых зависит их личное благополучие». — «В земском деле, по мнению начальника губернии, *наемник не может заменить собственника*». Эта мотивировка может быть названа и более хитрой и более откровенной, смотря по тому, как смотреть. Она более хитра, так как умалчивает о политических тенденциях и пытается свести основания своего суждения исключительно к интересам местных польз и нужд. Она более откровенна, ибо прямо противопоставляет «наемника» *собственнику*. Это — исконная точка зрения российских Китов Китычей, которые при найме какого-нибудь «учителишки» руководятся прежде всего и больше всего рыночными ценами на данный вид профессиональных услуг. Настоящие

хозяева всего — собственники, так вещает представитель того самого лагеря, из которого постоянно несутся восхваления России с ее твердой, независимой ни от кого и выше классов стоящей властью, избавленной, слава богу, от того господства над народной жизнью своекорыстных интересов, какое мы видим в развращенных парламентаризмом западных странах. А раз собственник — хозяин, то он должен быть хозяином и врачебного и статистического и образовательного «дела»: наш помпадур не стесняется сделать этот вывод, заключающий в себе прямое признание политического главенства имущих классов. Мало того: он не стесняется — и это особенно курьезно — признать, что эти «специалисты» чувствуют свое образовательное, а иногда и умственное превосходство над земскими деятелями. Да уж, против умственного превосходства, разумеется, никаких средств, кроме мер строгости, не имеется...

И вот недавно нашей реакционной печати представился особенно удобный случай повторить призыв к этим мерам строгости. Нежелание интеллигентов позволить третировать себя как простых наемников, как продавцов рабочей силы (а не как граждан, исполняющих определенные общественные функции), всегда приводило, от времени до времени, к конфликтам управских воротил то с врачами, которые коллективно подавали в отставку, то с техниками и т. д. В последнее же время конфликты управ с статистиками приняли прямо-эпидемический характер.

В «Искре» было отмечено еще в мае (№ 4), что местные власти (в Ярославле) давно уже косились на статистику и после мартовских событий в С.-Петербурге произвели-таки «очистку» бюро и предложили заведующему «впредь принимать студентов со строгим выбором, так чтобы о них нельзя было и подумать, что они могут когда-либо оказаться неблагонадежными»[128]). В корреспонденции «Крамола во Владимире на Клязьме» («Искра» № 5, июнь) обрисовывалось общее положение заподозренной статистики и причины нелюбви к ней со стороны губернатора, фабрикантов и помещиков. Увольнение владимирских статистиков за подачу телеграммы с выражением сочувствия Анненскому (избитому на Казанской площади 4-го марта) повело к фактическому закрытию бюро, и так как иногородные статистики отказывались служить в земстве, которое не умеет отстаивать интересы своих служащих, то пришлось местной жандармерии выступить в роли посредника между уволенными статистиками и губернатором. «Жандарм явился на квартиры к некоторым статистикам и предлагал им снова подавать прошение о поступлении на службу в бюро», но его миссия потерпела полную неудачу. Наконец, в августовском номере (№ 7) «Искры» был рассказан «инцидент в Екатеринославском земстве», в котором «паша» г. Родзянко (председатель губ. з. управы) уволил статистиков за неисполне-

ние «предписания» вести дневник и этим увольнением вызвал выход в отставку всех остальных членов бюро и протестующие письма харьковских статистиков (приведены в том же номере «Искры»). Дальше в лес — больше дров. Вмешался харьковский паша, г. Гордеенко (тоже председатель г. з. у.), и заявил статистикам «своего» земства, что не потерпит «в стенах управы никаких совещаний служащих по вопросам, не касающимся служебных обязанностей». Не успели, далее, харьковские статистики исполнить своего намерения потребовать увольнения находившегося среди них шпиона (Антоновича), как управа уволила заведующего стат. бюро, вызвав этим опять-таки уход всех статистиков.

До какой степени взволновали эти происшествия всю массу земских служащих по статистике, это видно, например, из письма вятских статистиков, которые пытались обстоятельно мотивировать свое нежелание пристать к движению и были за это по справедливости названы в «Искре» (№ 9) «вятскими штрейкбрехерами».

Но «Искра», конечно, отмечала только некоторые случаи, далеко не все конфликты, которые произошли, по сведениям легальных газет, кроме того в губерниях Петербургской, Олонецкой, Нижегородской, Таврической, Самарской (к конфликтам мы присоединяем здесь и случаи увольнения сразу по нескольку статистиков, так как эти случаи возбуждали сильное недовольство и брожение). До чего доходила вообще подозрительность губернских властей и беззастенчивость их, видно, например, из следующего:

«*Заведывавший таврическим бюро С. М. Блеклов* в представленном управе «Отчете по обследованию Днепровского уезда в течение мая и июня 1901 г.» рассказывает, что работы в этом уезде сопровождались небывалыми ранее условиями: хотя и допущенные к исполнению своих обязанностей губернатором, снабженные надлежащими документами и имевшие, на основании распоряжения губернского начальства, право на содействие местных властей, исследователи были *окружены крайней подозрительностью* уездной полиции, следившей *за ними по пятам*, выражавшей свое недоверие в самой *грубой форме*, дошедшей до того, что, по словам одного крестьянина, вслед за статистиками ехал урядник и спрашивал крестьян, «не пропагандируют ли статистики вредных идей против государства и отечества». Статистикам приходилось, по словам г. Блеклова, «наталкиваться на разные препятствия и затруднения, которые не только мешали работе, но и глубоко затрогивали *чувства собственного достоинства*... Часто статистики оказывались в положении каких-то *подследственных лиц*, о которых производилось тайное дознание, всем, впрочем, хорошо известное, и относительно которых считалось необходи-

мым предупреждать. Отсюда каждому может быть понятно, какое невыносимо тяжелое нравственное состояние приходилось нередко им переживать».

Недурная иллюстрация к истории земско-статистических конфликтов и к характеристике надзора за «третьим элементом» вообще!

Неудивительно, что реакционная печать набросилась на новых «бунтовщиков». «Московские Ведомости» поместили громовую передовицу «Стачка земских статистиков» (№ 263, 24 сент.) и особую статью «Третий элемент» г. Н. А. Знаменского (№ 279, 10 окт.). «Третий элемент» «зазнался», — писала газета, — он отвечает «систематической оппозицией и стачкой» на попытки ввести «необходимую служебную дисциплину». Виной всему — земские либералы, распустившие служащих.

«Нет никакого сомнения в том, что некоторое упорядочение земских оценочно-статистических работ предпринято наиболее трезвыми и разумными земскими деятелями, не пожелавшими допускать в подведомственных им *управлениях распущенность даже и под либерально*-оппозиционным флагом. И оппозиция, и *стачки* должны, наконец, открыть им глаза на то, с кем они имеют дело в лице *того умственного пролетариата, который, шатаясь из одной губернии в другую,* занимался не то статистическими исследованиями, *не то просвещением местных подростков в социально-демократическом духе.*

«Во всяком случае, в форме «земских статистических конфликтов» благоразумная часть земских деятелей получает для себя полезный урок. Полагаем, что она увидит теперь вполне ясно, какую змею, под видом «*третьего элемента*», отогрели у себя на груди земские учреждения» *).

Мы, с своей стороны, тоже не сомневаемся в том, что эти вопли и завывания верного сторожевого пса самодержавия (известно, что так назвал себя «сам» Катков, сумевший так надолго «зарядить» «М. Вед.» своим духом) «откроют глаза» многим, не вполне еще понимавшим всю непримиримость самодержавия с интересами общественного развития, с интересами интеллигенции вообще, с интересами всякого настоящего общественного дела, не состоящего в казнокрадстве и предательстве.

Для нас, социал-демократов, эта маленькая картинка похода против «третьего элемента» и «земско-статистических конфликтов» должна послужить важным уроком. Мы должны почерпнуть новую веру в всесилие руководимого нами рабочего движения, видя, что возбуждение в передовом революционном классе передается и на другие классы и слои общества, что оно привело уже не только к небывалому подъему революционного духа в студенче-

*) «М. В.» № 263.

стве *), но и к начинающемуся пробуждению деревни, и к усилению веры в себя и готовности к борьбе в таких общественных группах, которые (как группы) оставались до сих пор малоотзывчивыми.

Общественное возбуждение растет в России во всем народе, во всех его классах, и наш долг, долг революционных социал-демократов, направить все усилия на то, чтобы суметь воспользоваться им, чтобы разъяснить передовой рабочей интеллигенции, какого союзника имеет она и в крестьянстве и в студенчестве и в интеллигенции вообще, чтобы научить ее пользоваться вспыхивающими то здесь, то там огоньками общественного протеста. Роль передового борца за свободу мы в состоянии будем исполнить лишь тогда, когда руководимый боевой революционной партией рабочий класс, не забывая ни на минуту своего особого положения в современном обществе и своих особых всемирно-исторических задач освобождения человечества от экономического рабства, поднимет в то же время общенародное знамя борьбы за *свободу* и привлечет под это знамя всех тех, кого теперь гг. Спиягины, Кондоиди и вся эта шайка так усердно толкает в ряды недовольных из самых разнообразных слоев общества.

Для этого нужно только, чтобы мы восприняли в свое движение не только непреклонно революционную теорию, выработанную вековым развитием европейской мысли, но и революционную энергию и революционный опыт, завещанные нам нашими западно-европейскими и русскими предшественниками, а не перенимали рабски всяческие формы оппортунизма, от которых начинают уже отделываться сравнительно мало пострадавшие от них западные наши товарищи, и которые так сильно задерживают наш путь к победе.

Перед русским пролетариатом стоит теперь наиболее трудная, но зато и наиболее благодарная революционная задача: раздавить врага, которого не могла осилить многострадальная русская интеллигенция, и занять место в рядах международной армии социализма.

IV. ДВЕ ПРЕДВОДИТЕЛЬСКИЕ РЕЧИ.

«Факт печально-знаменательный, еще поныне небывалый, и много небывалых бед сулят России такие факты, возможные только при уже очень далеко подвинувшейся нашей социальной демора-

*) В тот момент, когда мы пишем это, отовсюду идут известия о новом усилении брожения в среде студенчества, о сходках в Киеве, Петербурге и других городах, об образовании революционных студенческих групп в Одессе и проч. Может быть, история возложит на студенчество роль застрельщика и в решительной схватке? Как бы там ни было, но для победы в этой схватке необходим подъем масс пролетариата, и мы должны скорее и скорее позаботиться об увеличении их сознательности, воодушевления и организованности.

лизации»... Так писали «Московские Ведомости» в передовой статье № 268 (29 сент.) [129]) по поводу речи орловского губернского предводителя дворянства, М. А. Стаховича, на миссионерском съезде в Орле (съезд этот закончился 24 сентября)... Ну, уже если в среду предводителей дворянства, этих первых лиц в уезде и вторых — в губернии, проникла «социальная деморализация», то где же в самом деле конец «духовной моровой язве, охватывающей Россию»?

В чем же дело? А в том, что сей г. Стахович (тот самый, который хотел предоставить орловским дворянам места сборщиков по питейной монополии: см. № 1 «Зари», «Случайные заметки» *)) сказал горячую речь в защиту свободы совести, причем «дошел в своей бестактности, чтобы не сказать цинизме, до того, что внес такое предложение» **):

«*Ни на ком в России не лежит более, чем на Миссионерском Съезде, долг провозгласить необходимость свободы совести,* необходимость отмены всякой уголовной кары за отпадение от православия и за принятие и исповедание иной веры. *И я предлагаю Орловскому Миссионерскому Съезду так прямо и высказаться, и возбудить это ходатайство пригодным порядком!..*»

Разумеется, насколько наивно было со стороны «Московских Ведомостей» произвести г. Стаховича в Робеспьеры (это жизнерадостный-то М. А. Стахович, которого я так давно знаю, Робеспьер! писал в «Новом Времени» г. Суворин [130]), и трудно было без смеха читать его «защитительную» речь), — настолько же, в своем роде, был наивен г. Стахович, предлагая попам ходатайствовать «пригодным порядком» о свободе совести. Это все равно, что на съезде становых предложить бы ходатайствовать о политической свободе!

Едва ли есть надобность добавлять читателю, что «сонм духовенства с архипастырем во главе» отклонили предложение

*) См. настоящий том, стр. 75. *Ред.*

**) «Московские Ведомости», там же. Извиняюсь пред читателями за свою симпатию к «Московским Ведомостям». Что прикажете делать! По моему, все же это — самая интересная, самая последовательная *и самая дельная* политическая газета в России. Ведь нельзя же назвать «политической» в собственном смысле литературу, которая в лучшем случае подбирает кое-какие интересные сырые фактики и вздыхает вместо всяких «мудрствований». Не спорю, что это может быть очень полезно, но это не политика. Точно так же и литературу ново-временского пошиба нельзя назвать в настоящем смысле слова политической, несмотря на то (или лучше вследствие того), что она чересчур политична. Никакой определенной политической программы и никаких убеждений у нее нет, а есть только уменье подделываться под тон и настроение момента, пресмыкаться перед власть имущими, что бы они ни предписывали, и заигрывать с подобием общественного мнения. А «Московские Ведомости» свою линию ведут и не боятся (им-то бояться нечего!) идти впереди правительства, не боятся касаться и иногда очень откровенно самых щекотливых пунктов. Полезная газета, незаменимый сотрудник революционной агитации!

г. Стаховича «и по существу доклада и по несоответствию его задачам местного миссионерского съезда», по выслушании «серьезных возражений» со стороны преосвященнейшего епископа Орловского Никанора, профессора Казанской Духовной Академии Н. И. Ивановского, редактора-издателя журнала «Миссионерское Обозрение» [131]) В. М. Скворцова, миссионеров-священников таких-то и кандидатов университета — В. А. Тернавцева и М. А. Новоселова. Можно сказать: союз «науки» и церкви!

Но г. Стахович интересен для нас, разумеется, не как образчик человека с ясной и последовательной политической мыслью, а как образчик самого «жизнерадостного» русского дворянчика, всегда готового урвать кусочек казенного пирога. И до какой же безграничной степени должна доходить «деморализация», вносимая в русскую жизнь вообще и в жизнь нашей деревни в особенности, полицейским произволом и инквизиторской травлей сектантства, чтобы даже камни возопияли! Чтобы предводители дворянства горячо заговорили о свободе совести!

Вот, из речи г. Стаховича, маленькие примерчики тех порядков и тех безобразных явлений, которые возмущают в конце концов и самых «жизнерадостных»:

«Да возьмите сейчас, — говорит оратор, — в миссионерской библиотеке братства справочную книжку о законах, и вы прочтете, что одна и та же ст. 783-ья II т. I ч., среди забот станового об искоренении дуэлей, пасквилей, пьянства, неправильной охоты, совмещения мужского пола и женского в торговых банях поручает ему наблюдение за спорами против догматов веры православной и совращение православных в иную веру или раскол!» И ведь действительно есть такая статья закона, возлагающая на станового кроме перечисленных оратором еще много других таких же обязанностей. Для большинства жителей городов эта статья, конечно, покажется простым курьезом, как назвал ее и г. Стахович. Но для мужика за этим курьезом скрывается bitterer Ernst — горькая правда о бесчинствах низшей полиции, слишком твердо памятующей, что до бога высоко, до царя далеко.

А вот конкретные примеры, воспроизводимые нами вместе с официальным опровержением «председателя совета Орловского Православного Петропавловского Братства и Орловского епархиального миссионерского съезда, протоиерея Петра Рождественского» («М. В.» № 269, из «*Орловского Вестника*» [132]) № 257):

«а) В докладе (г. Стаховича) сказано об одном селении Трубчевского уезда:

«*С согласия и ведома и священника и начальства заперли заподозренных штундистов в церкви,* принесли стол, накрыли чистою скатертью, поставили икону и стали выводить по одному.— Приложись! —

— Не хочу прикладываться к идолам... — А! *пороть тут же.* Послабже которые, после первого же раза, возвращались в православие. Ну, а которые до *4 раз выдерживали*».

«Между тем, по официальным данным, напечатанным в отчете Орловского Православного Петропавловского Братства еще в 1896 году, и по устному сообщению священника Д. Переверзева на съезде, описанная расправа православного населения с сектантами с. Любца, Трубчевского уезда, происходила *по постановлению сельского схода и где-то на селе, но никак не с согласия бывшего тогда местного священника и отнюдь не в церкви;* и этот печальный инцидент имел место *18—19 лет тому назад,* когда о миссии в Орловской епархии не было и помина».

«Московские Ведомости», перепечатывая это, говорят, что г. Стахович в своей речи привел *только два факта.* Может быть. Но зато и факты же это! Опровержение, основанное на «официальных данных» (от станового!) отчета православного братства, *только подкрепляет* всю силу возмутивших даже жизнерадостного дворянина безобразий. В церкви или «где-то на селе» происходила порка, полгода или 18 лет тому назад,— это дела нисколько не меняет (разве, впрочем, в одном: всем известно, что в последнее время преследования сектантов стали еще более зверскими, и образование миссий стоит с этим в прямой связи!). А чтобы местный священник *мог* стоять в стороне от этих *инквизиторов в зипуне,* — об этом, отец протоиерей, лучше бы в печати-то не говорили *). Осмеют! Конечно, «согласия» своего на уголовно-наказуемое истязание «местный священник» не давал, точно так же, как святая инквизиция не карала никогда сама, а передавала в руки светской власти, и не проливала никогда крови, а только предавала сожжению.

Второй факт:

«б) В докладе говорится:

«Только тогда у миссионера-священника не сойдет с языка тот ответ, который мы тоже здесь слышали: — *Вы говорите, батюшка, их было вначале 40 семей, а теперь 4.* Что ж остальные? — А милостью божьей *сосланы в Закавказье и Сибирь.*

«На самом же деле, в деревне Глыбочке, Трубчевского уезда, о которой в данном случае идет речь, по сведениям Братства, в *1898 году* было штундистов не *40 семейств, а 40 душ* обоего пола, включая сюда и 21 душу детей; сослано же было в Закав-

*) В своем возражении на официальные поправки г. Стахович писал: «Что значится в официальном отчете братства, я не знаю, но утверждаю, что священник Переверзев, рассказав на съезде все подробности и оговорив, что гражданские власти знали (sic!!!) о состоявшемся приговоре, на лично мною поставленный вопрос: А знал ли батюшка? — ответил: — Да, тоже знал». Комментарии излишни.

казье, по постановлению окружного суда, в том же году лишь 7 человек, за совращение ими других лиц в штунду. Что же касается фразы местного священника: «*милостью божьей сосланы*», *то она случайно была брошена им в закрытом заседании съезда, в непринужденном обмене мнений между членами* оного, тем более, что означенный священник всем известен раньше и обнаружил себя на съезде одним из *достойнейших* пастырей-миссионеров».

Это опровержение уже совсем бесподобно! Случайно сказал в непринужденном обмене мнений! Это-то и интересно, потому что все мы слишком хорошо знаем, какую цену имеют слова официальных лиц, официально ими изрекаемые. И если сказавший эти «душевные» слова батюшка — «один из достойнейших пастырей-миссионеров», то тем более они имеют значения. «Милостью божьей сосланы в Закавказье и Сибирь» — эти великолепные слова должны стать не менее знаменитыми в своем роде, чем защита митрополитом Филаретом крепостного права на основании священного писания.

Кстати, раз уже пришлось вспомнить Филарета, несправедливо было бы обойти молчанием напечатанное в журнале «Вера и Разум» за 1901 г. *) письмо «ученого либерала» к преосвященному Амвросию, архиепископу харьковскому [133]). Автор подписался: «Почетный гражданин из бывших духовных Иероним Преображенский» и кличку «ученого (!) либерала» дала уже ему редакция, убоявшаяся, должно быть, «бездны премудрости». Ограничимся воспроизведением нескольких мест из этого письма, которое еще и еще раз показывает нам, что политическое мышление и политический протест проникает невидимым путем в неизмеримо более широкие круги, чем иногда кажется.

«Я уже старик, мне под 60 лет, на своем веку мне немало приходилось наблюдать уклонений от исполнения церковных обязанностей, и по совести скажу, что во всех случаях причиной тому было наше духовенство. А за «*последние события*» так приходится даже усердно благодарить наше современное духовенство, оно открывает глаза многим. Теперь не только волостные писаря, но стар и млад, образованные, малограмотные и едва читающие, все теперь стремятся читать великого писателя земли русской [134]). За дорогую цену достают его сочинения (заграничного издания «Свободного Слова» [135]), свободно обращающиеся в народе во всех странах мира, кроме России), читают, рассуждают, и решения, конечно, не в пользу духовенства. Масса людская теперь уже начинает понимать, где ложь и где правда, и видит, что духовенство наше говорит одно, а делает другое, да и в словах своих частенько себе же противоречит.

*) Пользуемся случаем поблагодарить корреспондента, приславшего нам отдельный оттиск из этого журнала. Наши командующие классы очень часто не стесняются показываться au naturel (в натуральном виде. *Ред.*) в специальных тюремных, церковных и тому подобных изданиях. Давно пора нам, революционерам, приняться систематически утилизировать эту «богатую сокровищницу» политического просвещения.

Много правды можно было бы высказать, но, ведь, с духовенством нельзя говорить откровенно, оно сейчас же не преминет донести, чтобы карали и казнили... А ведь Христос привлекал не силою и казнию, а правдою и любовию...

«...В заключении своей речи Вы пишете: «есть у нас великая сила для борьбы — это самодержавная власть благочестивейших государей наших». Опять подтасовки и опять мы не верим Вам. Хотя вы, *просвещенное* духовенство, стараетесь уверить нас, что «преданы самодержавной власти от сосцов матери» (из речи нынешнего викария при наречении во епископа), но мы, *не просвещенные*, не верим, чтобы годовой ребенок (хотя бы и будущий епископ) уже рассуждал об образе правления и отдавал преимущество самодержавию. После неудавшейся попытки патриарха Никона разыграть в России роль римских пап, совмещавших на Западе духовную власть с главенством светским, церковь наша, в лице высших своих представителей — митрополитов, всецело и навсегда подчинилась власти государей, и иногда деспотически, как это было при Петре Великом, диктовавшем ей свои указы. (Давление Петра Великого на духовенство в деле осуждения царевича Алексея.) В XIX столетии мы видим уже полную гармонию светской и церковной власти в России. В суровую эпоху Николая I, когда пробуждавшееся общественное самосознание, под влиянием великих социальных движений на Западе, и у нас выдвинуло единичных борцов против возмутительного порабощения простого народа, церковь наша оставалась совершенно равнодушной к его страданиям, и, вопреки великого завета Христа о братстве людей и милосердии к ближним, ни один голос из среды духовенства не раздался в защиту обездоленного народа от сурового помещичьего произвола, и это только потому, что правительство не решалось пока наложить руку на крепостное право, существование которого Филарет Московский прямо оправдывал текстами св. писания из ветхого завета. Но вот грянул гром: Россия была разбита и политически унижена под Севастополем. Разгром ясно открыл все недочеты нашего дореформенного строя и прежде всего молодой, гуманный государь (обязанный воспитанием своего духа и воли поэту Жуковскому) разбил вековые цепи рабства, и, по злой иронии судьбы, текст великого акта 19-го февраля был дан для редактирования с христианской точки зрения тому же Филарету, очевидно, поспешившему изменить, согласно духу времени, свои взгляды на крепостное право. Эпоха великих реформ не прошла бесследно и для нашего духовенства, вызвав в его среде при Макарии (впоследствии митрополит) плодотворную работу переустройства наших духовных учреждений, куда также было им прорублено, хотя малое, окно в область гласности и света. Наступившая после 1-го марта 1881 года реакция принесла с собою и в духовенство соответствующий элемент деятелей во вкусе Победоносцева и Каткова, и в то время, когда передовые люди страны в земстве и обществе подают петиции об отмене остатков телесных наказаний, церковь молчит, не обмолвившись ни одним словом осуждения защитников розги, — этого орудия возмутительного унижения человека, созданного по образу и подобию божию. Ввиду всего сказанного, будет ли несправедливо предположить, что все наше духовенство, в лице своих представителей, *при изменившемся сверху режиме*, так же будет славословить государя конституционного, как славит оно теперь самодержавного. Итак, зачем лицемерие, ведь не в самодержавии тут сила, а в монархе. Петр I тоже был богоданный самодержец, однако духовенство его и до сих пор не очень-то жалует, и Петр III был такой же самодержец, собиравшийся остричь и образовать наше духовенство, — жаль, не дали ему поцарствовать года два-три. Да если бы и ныне царствующий самодержец Николай II соизволил выразить свое благоволение достославному Льву Николаевичу — куда бы вы попрятались с своими кознями, страхами и угрозами?

«Напрасно вы приводите текст молитв, которые духовенство возносит за царя — этот набор слов, на тарабарском наречии, ни в чем никого не убеждает. Самодержавие ведь у нас: прикажут, и напишете молитвы втрое длиннее и более выразительней».

* * *

Вторая предводительская речь в нашу печать, насколько нам известно, не попала. Нам прислал ее неизвестный редакции корреспондент еще в августе, в гектографированном виде с надписью карандашом: «Речь одного из уездных предводителей дворянства на частном собрании предводителей по поводу студенческих дел» [136]). Приводим эту речь целиком:

«Вследствие краткости времени, я выражу свои соображения по поводу нашего собрания предводителей дворянства в форме тезисов:

«Чем обусловлены теперешние беспорядки, приблизительно известно: они вызваны, во-первых, общей неурядицей, водворившейся во всем государственном строе, олигархическим управлением чиновнической корпорации, т.-е. диктатурой чиновничества.

«Эта неурядица чиновнической правительственной диктатуры проявляется во всем русском обществе, сверху до низу, как всеобщее неудовольствие, выражающееся с внешней стороны в образе всеобщего политиканства, но политиканства не временного, поверхностного, но глубокого, хронического.

«Политиканство это, как общая болезнь всего общества, отражается на всех его проявлениях, отправлениях и учреждениях, поэтому оно необходимо отражается и на учебных заведениях с их более молодым, а поэтому и более восприимчивым населением, находящимся под тем же давящим режимом бюрократической диктатуры.

«Признавая корень зла студенческих беспорядков в общей государственной неурядице и в общем, возбужденном неурядицей, недомогании, тем не менее — и ввиду непосредственного чувства и ввиду необходимости задержать развитие местного зла — нельзя не обращать внимания на эти беспорядки и не стараться хотя бы и с этой стороны уменьшить страшно разрушительное проявление общего зла, вроде того, как при общем болезненном состоянии всего организма, имея в виду медленное, коренное его излечение, принимают быстрые меры к подавлению местных, острых, разрушительных осложнений этой болезни.

«В учебных заведениях средних и высших зло чиновнического режима выражается, главным образом, в подмене человеческого (юношеского) развития и образования чиновнической дрессировкой, связанной с систематическим подавлением человеческой личности и ее достоинства.

«Возбуждаемые всем этим, среди молодежи, недоверие, негодование и озлобление к начальству и к наставникам переносятся из гимназий в университеты, где, к несчастию, при теперешнем положении университетов, молодежь встречается с тем же злом, с тем же подавлением и человеческой личности и ее достоинства.

«Одним словом, молодежь встречается в университетах не с храмом науки, но с фабрикой, выделывающей из обезличенной студенческой массы потребный государству чиновнический товар.

«Это подавление человеческого лица (при обращении студенчества в безразличную, обделываемую массу), проявляясь систематическим, хроническим давлением, гонением всего личного и достойного, а часто и грубым насилием, легло в основание всех студенческих волнений, которые

уже длятся несколько десятков лет и грозят, все усиливаясь, продлиться и в будущем, унося с собою лучшие силы русской молодежи.

«Все это мы знаем, — но как же нам быть, при настоящем положении? как нам помочь настоящему, острому положению дня со всей его злобой, со всей его бедой и горем? Бросить что ли, ничего не попытавши? Бросить без всякой помощи нашу молодежь на произвол судьбы, чиновничества и полиции, и умывши руки прочь уйти? Вот в чем главный, по мне, вопрос, т.-е. как помочь настоящему острому проявлению болезни, признавая ее общий характер?

«Наше заседание напомнило мне толпу благонамеренных людей, взошедших в дикую тайгу, с целью ее расчистить и остановившихся в полном недоумении перед громадностью непосильной общей работы, вместо того, чтобы сосредоточиться на какой-нибудь одной точке.

«Профессор К. Т. нам представил общую блестящую картину современного и настоящего положения университета и студенчества, указав на влияние среди распатанного студенчества зловредных разных внешних воздействий, не только политических, но даже и полицейских; — но все это нам было более или менее известно и прежде, хотя не с такою ясностью.

«Как на единственно возможную меру, он нам указал на радикальную ломку всего современного строя всех учебных заведений вообще и на замену его новым, лучшим; но при этом профессор заметил, что это дело потребует вероятно очень продолжительного времени; а если принять во внимание, что всякий частный строй в русском государстве, как и во всяком другом, связан органически с общим, то этому времени, пожалуй, и конца не предвидится.

«Что же делать теперь, чтобы ослабить, по крайней мере, нестерпимую боль, причиняемую болезнью в настоящее время? Какое пальятивное средство? Ведь и пальятивы, временно успокоивающие больного, признаются часто необходимыми? но на этот вопрос мы не ответили; а вместо ответа, по отношению к учащейся молодежи вообще, предлагались какие-то, скажу, неопределенные, распатанные суждения, еще более затемнявшие вопрос; эти суждения трудно даже и в памяти восстановить, но попытаюсь.

«Говорили о курсистках, что вот-де — мы им преподнесли и курсы и лекции, а они чем нас благодарят: — участием своим в студенческих беспорядках!

«Если бы это были букеты или дорогие украшения, которые бы мы преподнесли прекрасному полу, то такой упрек был бы понятен; но устройство женских курсов — это не любезность, а удовлетворение общественной потребности; так что женские курсы — не прихоть, а такие же необходимые обществу высшие учебные заведения, как и университеты и т. д. для высшего развития молодежи, без различия пола, — и поэтому между женскими и мужскими учебными заведениями является полная солидарность и общественная и товарищеская.

«Этой солидарностью вполне, по моему мнению, объясняется и то, что волнение молодежи захватывает и учащихся в женских учебных заведениях; волнуется вообще учащаяся молодежь, в каких бы костюмах, мужских или женских, она ни ходила.

«Затем перешли опять к студенческим волнениям и говорили, что студентам не следует давать потачки, что безобразия их следует подавлять силой; на это, по моему мнению, вполне резонно возражали, что если это и безобразия, то они, во всяком случае, не случайные, а хронические, обусловленные глубокими причинами, и что поэтому они одному лишь воздействию карательных мер не поддадутся, что доказывается нам прошлым опытом. По моему же личному мнению, еще большой вопрос, с какой стороны главное безобразие всех этих безобразных беспорядков, волнующих и губящих наши учебные заведения; правительственным сообщениям я не верю.

«А то-то и дело, что другую сторону у нас не слушают, да и слушать нельзя; у ней зажат рот (но не вполне подтвердилась справедливость моих слов, а именно, что администрация в своих сообщениях лжет и что все безобразие главным образом с ее стороны, со стороны ее безобразного воздействия).

«Указывали на воздействия извне разных революционных сил на учащуюся молодежь.

«Да, это воздействие существует, но ему придают слишком большое значение: фабриканты, например, у которых на фабриках, главным образом, это воздействие проявляется, все слагают тоже на него, говоря, что не будь его, у них царили бы тишь да гладь и божья благодать, забывая и замалчивая всяческую законную и незаконную эксплуатацию рабочих, которая, обездоливая этих последних, вызывает среди них неудовольствия, а затем и беспорядки; не будь этой эксплуатации, и революционные внешние элементы не имели бы тех многочисленных поводов и причин, при помощи которых они так легко вторгаются в фабричные дела — все это, по моему мнению, можно сказать и про наши учебные заведения, обращенные из храмов науки в фабрики, подготовляющие чиновнический материал.

«В общем инстинктивном сознании гнета, тяготеющего над всею учащеюся молодежью, в общем болезненном самочувствии, вызываемом этим гнетом среди молодежи всех учебных заведений, и заключается та сила небольшой, но сознательной кучки юношей, о которой говорил г. профессор, которая в состоянии загипнотизировать и направить куда угодно, на забастовки, на разные беспорядки, целые толпы молодежи, повидимому совсем не склонной к беспорядкам. — Так бывает на всех фабриках!

«Затем, помнится мне, указывали на то, что не следует кадить студентам; не следует к ним проявлять сочувствие во время их беспорядков; это проявление сочувствия возбуждало их к новым беспорядкам, что иллюстрировалось и примерами, т.-е. разными случаями; — по этому поводу я, во-первых, замечу, что в разнообразной путанице и пестроте всевозможных случаев при беспорядках нельзя ни на какие из них указать, как на доказательные, так как всяким случаям найдется множество других, противоречащих им, — а всзможно останавливаться лишь на общих признаках, которые я и постараюсь вкратце разобрать.

«Студенчество, как нам всем известно, далеко не избаловано, ему не только не кадили (я не говорю о 40-х годах), но оно и не пользовалось и особенным сочувствием общества; во времена же его беспорядков общество относилось к студентам либо совсем равнодушно, либо больше даже чем отрицательно, обвиняя исключительно их и не зная и не желая даже знать о причинах, вызвавших эти беспорядки (давали веру лишь враждебным студенчеству правительственным сообщениям, не сомневаясь в их правдивости; в первый раз, кажется, общество усомнилось в этом), — так что о каком-нибудь кажении и говорить нечего.

«Не ожидая себе поддержки ни среди интеллигентного общества вообще, ни среди профессоров и университетского начальства, студенчество, наконец, стало искать себе сочувствия в различных народных элементах, и мы видим, что студенчеству это более или менее, наконец, и удалось; оно стало приобретать понемногу сочувствие народной толпы.

«Чтобы убедиться в этом, стоит только вспомнить разницу отношения толпы к студентам во времена охотнорядских избиений и теперь. И в этом скрывается большая беда: беда не в сочувствии вообще, но в односторонности этого сочувствия, в демагогическом оттенке, который оно принимает.

«Отсутствие какого бы то ни было сочувствия и содействия учащейся молодежи со стороны солидной интеллигенции, а поэтому образовавшееся

недоверие бросают волею-неволею нашу молодежь в руки демагогов и революционеров; она становится орудием их, и в ней самой, тоже волею-неволею, все более и более развиваются демагогические элементы, удаляющие ее от мирного культурного развития и от существующего порядка (если это только можно назвать порядком) в враждебный лагерь.

«Мы сами на себя должны пенять, если молодежь перестанет доверять нам; мы ничем не заслужили ее доверия!

«Это, кажется, главные мысли, высказанные среди собравшихся; остальные (а их было тоже немало), кажется, и вспоминать нечего.

«Итак, кончаю. Собравшись, мы имели в виду что-нибудь сделать для смягчения злобы настоящего дня; для облегчения тяжелой участи нашей молодежи — сегодня, а не когда-то там после, и были разбиты, — и опять молодежь будет иметь право сказать и скажет, что и сегодня, как и прежде, мирная, солидная русская интеллигенция не может, да и не желает, оказать ей какую бы то ни было помощь, заступиться за нее, понять ее и облегчить ей горькую долю. — Раскол между нами и молодежью еще более увеличится, и она еще дальше уйдет в ряды разной демагогии, протягивающей ей руки.

«Не разбиты мы были тем, что не принята предлагаемая нами мера обращения к царю; может быть, эта мера и в самом деле непрактична (хотя, по мне, и она не была рассмотрена), — но разбиты тем, что всякая возможность какой бы то ни было меры, в пользу страдающей нашей молодежи, была среди нас уничтожена, мы признались в своем бессилии и опять остались, как и прежде, в темноте.

«Но что же тогда делать?

«Умывши руки мимо пройти?

«В этой темноте и заключается страшный непросветный трагизм русской жизни.»

Комментировать эту речь много не доводится. И она принадлежит тоже, видимо, достаточно еще «жизнерадостному» русскому дворянину, который по мотивам не то доктринерского, не то шкурного характера благоговеет перед «мирным культурным развитием» «существующего порядка» и негодует против «революционеров», смешивая их с «демагогами». Но это негодование, как присмотреться к нему поближе, граничит с воркотней старого (не по возрасту, а по воззрениям) человека, готового, пожалуй, признать и хорошее в том, на что он ворчит. Говоря о «существующем порядке», он не может не оговориться: «если это только можно назвать порядком». У него немало уже накипело в душе от неурядиц «диктатуры чиновничества», от «систематического, хронического гонения всего личного и достойного», он не может не видеть, что все безобразие идет главным образом со стороны администрации, у него хватает прямоты сознаться в своем бессилии, в неприличии «умывания рук» перед бедствиями всей страны. Правда, его еще пугает «односторонность» сочувствия «толпы» к студентам; его аристократически-изнеженному уму чудится «демагогическая» опасность, может быть, даже опасность социализма (отплатим ему за прямоту прямотой!). Но было бы неразумно испытывать на социалистическом оселке воззрения и чувства предводителя дворянства, которому осточертела поганая российская казенщина. Нам хитрить нечего — ни

с ним, ни с кем бы то ни было; когда русский помещик, например, будет громить незаконную эксплуатацию и обездоление *фабричных* рабочих, мы не преминем, в скобках, сказать ему: «не худо б на себя, кума, оборотиться!» Мы ни на минуту не скроем от него, что стоим и будем стоять на точке зрения непримиримой классовой борьбы против «хозяев» современного общества. Но политическая группировка определяется не только конечными, а и ближайшими целями, не только общими воззрениями, а и давлением непосредственной практической необходимости. Всякий, перед кем ясно встало противоречие между «культурным развитием» страны и «давящим режимом бюрократической диктатуры», рано или поздно самой жизнью будет приведен к выводу, что это противоречие неустранимо без устранения самодержавия. Сделав этот вывод, он непременно будет помогать,—ворчать будет, а станет помогать,—той партии, которая сумеет двинуть против самодержавия грозную (не в ее только глазах, а в глазах всех и каждого) силу. Чтобы стать такой партией, социал-демократия должна, повторяем, очиститься от всякой оппортунистической скверны и, под знаменем революционной теории, опираясь на самый революционный класс, направить свою агитационную и организационную деятельность во все классы населения!

А предводителям дворянства мы скажем, прощаясь с ними: до свидания, господа завтрашние наши союзники! [137])

ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ «ДОКУМЕНТЫ «ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОГО» СЪЕЗДА» [138]).

В № 9 «Искры» (октябрь 1901 года) *) было уже рассказано о неудавшейся попытке объединения заграничного отдела организации «Зари и Искры», революционной организации «Социал-Демократ» и заграничного «Союза Русских Социал-Демократов». Чтобы все русские социал-демократы могли составить себе самостоятельное суждение о причинах неудачи попытки заграничного объединения, мы решили опубликовать протоколы «объединительного» съезда. К сожалению, секретарь съезда, избранный «Союзом», отказался от участия в составлении протоколов съезда (как это видно из приводимого ниже, стр. 10—11, ответного письма его на приглашение секретарей двух других организаций).

Отказ этот тем более является странным, что «Союз» в настоящее время сам издал рассказ об «объединительном» съезде («Два съезда», Женева 1901). Значит, «Союз», желая познакомить русских товарищей с результатами съезда, *не пожелал* познакомить их с прениями на съезде **). Предоставляем читателям самим судить о возможных и вероятных причинах такого нежелания.

---

*) См. настоящий том, стр. 284. *Ред.*

**) По регламенту съезда, протоколы должны были утверждаться самим съездом, именно каждое последующее заседание должно было начаться утверждением протоколов предыдущего заседания. Но во второй день съезда, когда председатель в самом начале заседания предложил утвердить протоколы двух заседаний первого дня, то все три секретаря единогласно заявили, что они протоколов представить не могут. Записи прений, вследствие отсутствия стенографа, оказались в совершенно неудовлетворительном виде. Понятно, поэтому, что если в ночь между первым и вторым днем съезда секретари не смогли составить протокола, то вечером во второй день, когда мы ушли со съезда, о протоколе не могло быть и речи. Все прекрасно знали, что протоколы не готовы. След., возмущение «Союза», что наш председатель «дезертировал», «не дождавшись утверждения протоколов съезда» (стр. 29 брошюры «Два съезда»), есть не более как увертка. За отсутствием стенографических протоколов не оставалось ничего иного, как собраться трем секретарям и составить хотя бы краткое изложение хода прений. Мы это и предложили, но «Союз» от этого уклонился. Ясно, что ответственность за отсутствие если не полных, то хотя бы кратких протоколов падает на «Союз».

Мы, с своей стороны, сочли неудобным, после отказа «Союза», издавать составленное не всеми секретарями изложение прений, и потому вынуждены ограничиться опубликованием *всех внесенных в бюро* съезда документов и заявлений. В бюро съезда участвовали председатели и секретари от всех трех организаций, и все заявления вносились в бюро не иначе, как в письменной форме, так что беспристрастность составленного из документов и заявлений описания съезда не может подлежать сомнению.

С другой стороны, издание *всех* внесенных в бюро документов и заявлений представляется в настоящее время тем более необходимым, что «Союз» свой страшный отказ от участия в составлении протоколов увенчал еще более страшным способом составления отчета о съезде. Так, «Союз» *не привел* целиком запросов *), внесенных представителем «Искры» (Фреем) *в бюро* съезда от имени заграничного отдела «Искры» и организации «Социал-Демократ», но привел не внесенный в бюро и даже не читанный на съезде ответ, который был только «выработан» «Союзом» (стр. 26 брошюры: «Два съезда»). «Союз» ошибается, говоря, что «запрос» был взят обратно. Запрос состоял из двух вопросов, предложенных Фреем «Союзу» от имени двух организаций (см. ниже стр. 6). Ни один из этих вопросов *не был взят обратно*, а была только изменена форма вопроса, изменена так, что вопросы превращались в резолюцию, которую можно было поставить на баллотировку (вместо «признает ли «Союз» в принципе резолюцию июньской конференции?» было сказано: «все три организации признают в принципе резолюцию июньской конференции» и т. д.), «Союз» не привел *внесенного в бюро* заявления группы «Борьба» (см. ниже стр. 6—7).

«Союз» не только не изложил содержания, но и не упомянул **) о речи одного из членов группы «Борьба», сказанной им после внесения «Союзом» поправок к июньским резолюциям. В этой речи член группы «Борьба», участвовавший и в июньской конференции, высказался против поправок «Союза». За то «Союз» напечатал «мотивы» к поправкам, изложенные на съезде в речи Б. Кричевского, но в бюро не внесенные. Одним словом, отвергнув наше предложение сообща составить изложение всех прений, «Союз» предпочел изложить только то, что он считал для себя выгодным, и обойти молчанием кое-что даже из того, что было внесено в бюро.

Мы этому примеру следовать не намерены. Мы ограничимся перепечаткой всех внесенных в бюро заявлений и документов и голым указанием на то, в каком смысле высказывались ораторы *всех* присутствовавших на съезде организаций. Пусть

*) См. настоящий том, стр. 274. *Ред.*
**) Страница 28 брошюры «Два съезда».

читатели сами уже судят о том, нарушили ли статьи в № 10 «Рабочего Дела» и *поправки* «Союза» тот принципиальный базис соглашения, который был выработан июньской конференцией. Точно так же мы оставляем, разумеется, без ответа все те сердитые слова, которые в таком изобилии украшают брошюру «Союза» вплоть до обвинения в «клевете» или в том, что нашим уходом съезд был «сорван». Такое обвинение может вызвать только улыбку: три организации сошлись для обсуждения вопроса о соединении; две организации убедились, что они соединяться с третьей не могут. Естественно, что им ничего не оставалось, как изложить свое мнение и уйти. Называть это «сорванием» съезда, а мнение о принципиальной неустойчивости «Союза» обзывать «клеветой» могут только люди, которые сердятся именно потому, что они неправы.

Что же касается нашего мнения о спорных вопросах русской социал-демократии, то мы предпочитаем не смешивать его с объективным изложением данных о съезде. Помимо статей, которые были и будут еще помещены в «Искре» и «Заре», у нас готовится и в непродолжительном времени выйдет в свет брошюра, специально посвященная наболевшим вопросам нашего движения.

Написано в ноябре 1901 г.

Впервые напечатано в декабре 1901 г. в брошюре, изданной «Лигой»

Печатается по тексту брошюры

ПРОТЕСТ ФИНЛЯНДСКОГО НАРОДА.

Приводим полностью новый массовый адрес, посредством которого финляндский народ выражает свой решительный протест против политики правительства, посягнувшего и продолжающего посягать на конституцию Финляндии в нарушение *клятвы*, торжественно данной всеми царями, начиная с Александра I и кончая Николаем II.

Адрес этот подан 17 (30) сентября 1901 г. в финляндский сенат для доставления царю. Подписан он 473.363 финляндцами обоего пола и всех слоев общества, т.-е. почти *полумиллионом* граждан. Все население Финляндии равняется $2^1/_2$ миллионам, так что новый адрес является поистине *голосом всего народа*.

Вот полный текст этого адреса:

«*Державнейший Всемилостивейший Государь Император и Великий Князь!* Изменение Вашим Императорским Величеством закона о воинской повинности Финляндии вызвало повсеместно в крае всеобщую тревогу и глубочайшую скорбь.

Утвержденные Вашим Императорским Величеством 12 июля (29 июня) сего года повеления, манифест и закон о воинской повинности составляют коренное нарушение основных законов Великого Княжества и драгоценнейших прав, принадлежащих финскому народу и всем гражданам края в силу его законов.

Правила об обязанностях граждан по защите края не могут, на основании основных законов, издаваться в ином порядке, как с согласия Земских Чинов. В этом порядке и был издан закон о воинской повинности 1878 года согласным решением Императора Александра II и Земских Чинов. В царствование Императора Александра III последовали многие частные изменения этого закона, но каждый раз не иначе, как с согласия Земских Чинов. Вопреки сему ныне без согласия Земских Чинов объявлено, что закон 1878 года отменяется, между тем как изданные взамен его новые постановления всецело расходятся с решением Земских Чинов Чрезвычайного Сейма 1899 года.

Одно из важнейших прав, принадлежащих каждому финляндскому гражданину, — жить и действовать под защитою финляндских законов. Ныне этого права лишены тысячи и тысячи финляндских граждан, так как новый закон о воинской повинности обязует их служить в русских войсках, превращая выполнение воинской повинности в страдание для тех сынов края, которые насильственно будут зачисляемы в войска, чуждые им по языку, религии, правам и обычаям.

Новые постановления отменяют всякое законом определенное ограничение ежегодного контингента. Сверх того в них нет какого-либо признания указанного в основных законах права Земских Чинов участвовать в определении военного бюджета.

Даже ополчение, вопреки основного положения закона 1878 года, поставлено в совершенную зависимость от усмотрения военного министерства.

Впечатление от подобных установлений не смягчается объявленными в манифесте облегчениями в продолжение неопределенного пока еще переходного времени, так как вслед за временным уменьшением числа призываемых последуют неограниченные призывы на службу в русских войсках.

Финляндский народ не просил какого-либо облегчения в несомой им пыне военной тяготе. Земские Чины, высказавшие мнение народа, доказали готовность со стороны Финляндии по мере сил увеличить долю участия по защите Государства, при условиях сохранения правового положения финских войск в качестве финляндских учреждений.

В противоположность сему установляется в новых постановлениях, что финские войска по большей части будут упразднены, что русские офицеры могут поступать на службу в немногие остающиеся части; что даже унтер-офицеры в этих частях должны владеть русским языком, чем финляндские уроженцы по преимуществу из крестьянского сословия совершенно устраняются от занятия названных должностей; что эти войска поступают под ведомство русских управлений и что они также и в мирное время могут размещаться вне пределов Финляндии.

Эти повеления, не составляющие какой-либо реформы, а преследующие лишь уничтожение национальных войск Финляндии, указывают на недоверие, к которому финляндский народ ничем не дал повода за все время почти столетнего его соединения с Россиею.

В новых постановлениях о воинской повинности встречаются также выражения, заключающие в себе отрицание существования у финляндского народа особого отечества, а у уроженцев края — прав финляндского гражданства. В этих выражениях просвечивают цели, несовместимые с непременным правом финляндского народа сохранить в соединении своем с Россиею то политическое положение, которое непоколебимо было удостоверено за Финляндиею в 1809 году.

За последние годы накоплялось над нашим краем тяжелое горе. Раз за разом убеждались, что установления основных законов края игнорировались, отчасти в законодательных мероприятиях, отчасти замещением важных должностей русскими уроженцами. Администрация края направлялась таким образом, как будто задача ее поколебать спокойствие и порядок, препятствовать общеполезным стремлениям и вызывать неприязнь между русскими и финляндцами.

Самым тяжелым несчастием для края является, однако ж, введение новых постановлений о воинской повинности.

В всеподданнейшем ответном представлении от 27 мая 1899 года Земские Чины подробно доложили о том порядке, который по основным законам Финляндии должен быть соблюдаем при издании закона о воинской повинности. При этом они указали, что если новый закон о воинской повинности будет издан в ином порядке, то подобный закон, даже если он будет действовать под давлением насилия, не может быть признан правовым законом, а в глазах финляндского народа покажется лишь повелением силы.

Все, что Земскими Чинами было указано, продолжает неизменно составлять правосознание финляндского народа, которое насильственно не может быть изменено.

Надо опасаться весьма тяжелых последствий от повелений, несогласованных с законами края. Для чиновников и правительственных учреждений возникает мучительный разлад с чувством долга, так как совесть

побуждает их не руководствоваться подобными повелениями. Число трудоспособных переселенцев, уж ранее вынужденных выселиться из опасения грозящих перемен, еще более увеличится, если объявленные постановления приведены будут в действие.

Новые постановления о воинской повинности, как и другие мероприятия, направленные против прав финляндского народа на особое политическое и национальное существование, неминуемо должны подрывать доверие между монархом и народом, а равно вызывать все усиливающееся неудовольствие, чувство всеобщего гнета, неуверенность и величайшие затруднения для общества и для его членов в работе на благо края. Для предотвращения сего не имеется иных средств, как заменить вышеприведенные повеления законом о воинской повинности, изданным при участии Земских Чинов, а правительственным властям края вообще руководствоваться точно указаниями основных законов.

Финляндский народ не может перестать быть особым народом. Сплотившийся благодаря общей исторической судьбе, правовым понятиям и культурной работе, наш народ останется верным своей любви к финляндскому отечеству и к своей закономерной свободе. Народ не уклонится в своем стремлении с достоинством занимать в среде народов свое скромное, судьбою ему указанное место.

Так же твердо, как мы верим в наше право и уважаем наши законы, служащие нам опорою в общественной нашей жизни, так же твердо мы убеждены в том, что единству могущественной России не может быть причинен вред, если Финляндия и впредь будет управляема в согласии с основными началами, определенными в 1809 году, дабы чувствовать себя счастливою и спокойною в соединении своем с Россиею.

Чувства долга перед родиною заставляют жителей всех общин и слоев общества обратиться к Вашему Императорскому Величеству с правдивым и неприкрашенным изложением положения дела. Выше мы указали, что недавно обнародованные постановления о воинской повинности, противоречащие торжественно удостоверенным основным законам Великого Княжества, не могут быть признаны правовым законом. Считаем долгом добавить к сему, что военная тягота сама по себе не такое значение имеет для финляндского народа, как потеря твердых правовых установлений и законом обеспеченное спокойствие по отношению к этому столь важному вопросу. Всеподданнейше просим посему, да соблаговолите Ваше Императорское Величество подвергнуть вопросы, затронутые в этом представлении, такому Всемилостивейшему рассмотрению, которое вызывается серьезностью их свойства. Пребываем и проч.».

Нам остается немного добавить к этому адресу, который выражает собою настоящий народный суд над шайкой нарушающих основные законы русских чиновников.

Напомним главные данные по «финляндскому вопросу».

Финляндия присоединена к России в 1809 г., во время войны с Швецией. Желая привлечь на свою сторону финляндцев, бывших подданных шведского короля, Александр I решил признать и утвердить старую финляндскую конституцию. По этой конституции, *иначе как с согласия сейма, т.-е. собрания представителей всех сословий,* не может быть издан, изменен, пояснен или отменен никакой основной закон. И Александр I в нескольких манифестах «торжественно» подтвердил *«обещание о святом хранении особенной конституции края»*.

Это клятвенное обещание подтверждали затем все русские государи, в том числе и Николай II в манифесте 25 октября

(6 ноября) 1894 г.:... «обещая хранить опые (основные законы) в непарушимой и непреложной их силе и действии».

И вот, не прошло и пяти лет, как русский царь оказался *клятвопреступником.* После того, как продажная и пресмыкающаяся печать долго травила Финляндию, был издан «манифест» 3 (15) февраля 1899 г., установивший новый порядок: *без согласия сейма* могут быть изданы законы, «если они касаются общегосударственных потребностей или находятся в связи с законодательством Империи».

Это было вопиющее нарушение конституции, настоящий *государственный переворот,* потому что ведь про всякий закон можно сказать, что он касается общегосударственных потребностей!

И этот государственный переворот был совершен *насильственно:* генерал-губернатор Бобриков грозил ввести войска в Финляндию, если сенат откажется опубликовать манифест. Русским войскам, расположенным в Финляндии, были уже розданы (по словам русских же офицеров) боевые патроны, лошади стояли под седлом и т. д.

За первым насилием последовал бесчисленный ряд других: запрещали одну за другой финляндские газеты, отменили свободу собраний, наводнили Финляндию сворами русских шпионов и гнуснейших провокаторов, которые возбуждали к восстанию, и т. д. и т. д. Наконец, *без согласия сейма,* издан был закон 29 июня (12 июля) о воинской повинности,— закон, достаточно разобранный в адресе.

И манифест 3 февраля 1899 г., и закон 29 июня 1901 г. *незаконны,* это — насилие клятвопреступника с шайкой башибузуков, которая называется царским правительством. Двум с половиной миллионам финляндцев нечего, конечно, и думать о восстании, но нам всем, русским гражданам, надо думать о том позоре, какой на нас падает. Мы всё еще до такой степени рабы, что нами пользуются для обращения в рабство других племен. Мы всё еще терпим у себя правительство, не только подавляющее со свирепостью палача всякое стремление к свободе в России, но и пользующееся, кроме того, русскими войсками для насильственного посягательства на чужую свободу!

«Искра» № 11, 20 ноября 1901 г.

БЕСЕДА С ЗАЩИТНИКАМИ ЭКОНОМИЗМА.

Приводим целиком присланное нам одним из наших представителей

Письмо в русские социал-демократические органы.

«В ответ на предложение наших товарищей по ссылке высказаться по поводу «Искры» мы решили заявить о причинах нашего несогласия с этим органом.

«Признавая вполне своевременным появление особого с.-дем. органа, специально посвященного вопросам политической борьбы, мы не думаем, чтобы «Искра», взявшая на себя такую задачу, удовлетворительно ее разрешила. Основной ее недостаток, красной нитью проходящий через все ее столбцы и обусловливающий все ее остальные крупные и мелкие недостатки, заключается в том, что «Искра» отводит весьма видное место идеологам движения в смысле их влияния на то или иное его направление. В то же время «Искра» мало считается с теми материальными элементами движения и той материальной средой, из взаимодействия которых создается известный тип рабочего движения и определяется его путь, совлечь с которого его не в состоянии все усилия идеологов, хотя бы и вдохновленных самыми лучшими теориями и программами.

«Этот недостаток «Искры» особенно резко бросается в глаза при сравнении ее с «Южным Рабочим» [139]), который, поднимая, подобно «Искре», знамя политической борьбы, ставит ее в связь с предыдущим фазисом южно-русского рабочего движения. Такая постановка вопроса совершенно чужда «Искре». Ставя своею целью создать «из искры большой пожар», она забывает, что для этого необходим подходящий горючий материал и благоприятные внешние условия. Обеими руками открещиваясь от «экономистов», «Искра» упускает из виду, что их деятельность подготовила то участие рабочих в февральских и мартовских событиях, которое она с особенным старанием подчеркивает и по всей видимости значительно преувеличивает. Отрицательно относясь к деятельности соц.-дем. конца 90-х годов, «Искра» игнорирует отсутствие условий в то время для иной работы, кроме борьбы за мелкие требования, и то громадное воспитательное значение, которое имела эта борьба. Совершенно неправильно и непсторично оценивая этот период и это направление деятельности русских соц.-дем., «Искра» отождествляет их тактику с тактикой Зубатова [140]), не видя разницы между «борьбой за мелкие требования», расширяющей и углубляющей рабочее движение, и «мелкими уступками», имеющими целью парализовать всякую борьбу и всякое движение.

«Насквозь пропитанная сектантской нетерпимостью, столь характерной для идеологов младенческого периода социальных движений, «Искра»

всякое разногласие с нею готова заклеймить не только как отступление от соц.-дем. принципов, но даже как переход во враждебный лагерь. Такова ее крайне неприличная и заслуживающая самого строгого и беспощадного осуждения выходка против «Рабочей Мысли», которой она посвятила статью о Зубатове и влиянию которой приписала его успехи среди некоторой части рабочих [141]). Отрицательно относясь к другим социал-демократическим организациям, иначе, чем она, смотрящим на ход и задачи русского рабочего движения, «Искра» в пылу полемики с ними забывает подчас истину и, придираясь к отдельным действительно неудачным выражениям, приписывает своим противникам взгляды, им не принадлежащие, подчеркивает пункты разногласия, часто мало существенные, и упорно замалчивает многочисленные точки соприкосновения во взглядах: мы имеем в виду отношение «Искры» к «Рабочему Делу».

«Эта чрезмерная склонность ее к полемике вытекает прежде всего из переоценки ею роли «идеологии» (программ, теорий...) в движении, отчасти же является отголоском междуусобной брани, которая возгорелась на Западе среди русских эмигрантов и о которой они поспешили поведать миру в ряде полемических брошюр и статеек. На наш взгляд, все эти их разногласия не имеют почти никакого влияния на фактический ход русского социал-демократического движения; разве только вредят ему, внося нежелательный раскол в среду действующих в России товарищей, а потому мы не можем не отнестись отрицательно к полемическому задору «Искры», особенно, когда она выходит из допускаемых приличием рамок.

«Тот же основной недостаток «Искры» является причиной ее непоследовательности в вопросе об отношениях социал-демократии к различным общественным классам и направлениям. Решив посредством теоретических выкладок задачу о немедленном переходе к борьбе против абсолютизма и чувствуя, вероятно, всю трудность этой задачи для рабочих при настоящем положении дел, но не имея терпения ждать дальнейшего накопления ими сил для этой борьбы, «Искра» начинает искать союзников в рядах либералов и интеллигенции и в своих поисках нередко сходит с классовой точки зрения, затушевывая классовые противоречия и выдвигая на первый план общность недовольства правительством, хотя причины и степень этого недовольства у «союзников» весьма различны. Таковы, напр., отношения «Искры» к земству.—Фрондирующие выходки его, вызываемые нередко недостаточной по сравнению с промышленностью защитой правительством аграрных вожделений гг. земцев, «Искра» старается раздуть в пламя политической борьбы и обещает неудовлетворенным правительственными подачками дворянам помощь рабочего класса, ни словом при этом не обмолвившись о классовой розни этих слоев населения. Мы можем допустить, что говорить о пробуждении земщины и указывать на земство, как на элемент, борющийся с правительством, можно, но только в ясной и отчетливой форме, которая не оставляла бы сомнений о характере нашего возможного соглашения с подобными элементами. «Искра» же ставит вопрос об отношении к земству так, что это, по нашему мнению, может только затемнять классовое сознание, так как здесь она наравне с проповедниками либерализма и различных культурных начинаний ставит противовес основной задаче социал-демократической литературы, задаче, заключающейся в критике буржуазного строя и выяснении классовых интересов, а не в затемнении их антагонизма. Таково же отношение «Искры» и к студенческому движению. Между тем, в других статьях «Искра» резко осуждает всякие «компромиссы» и выступает, напр., на защиту нетерпимого поведения гедистов [142]).

«Не останавливаясь на других менее важных недостатках и промахах «Искры», мы в заключение считаем долгом заметить, что мы своей критикой отнюдь не хотим умалить того значения, которое может иметь «Искра», и не закрываем глаз на ее достоинства. Мы приветствуем ее,

как политическую социал-демократическую газету в России. Мы считаем ее крупной заслугой удачное выяснение вопроса о терроре, которому она своевременно посвятила несколько статей. Наконец, мы не можем не отметить столь редкий в нелегальных изданиях образцовый литературный язык «Искры», регулярность ее выхода в свет и обилие свежего и интересного материала».

Товарищи.

Сентябрь 1901 г.

Заметим прежде всего по поводу этого письма, что мы от всей души приветствуем прямоту и откровенность его авторов. Давно пора перестать играть в прятки, скрывая свое экономическое «credo» (как это делает часть одесского комитета, от которого отделились «политики») или заявляя, точно в насмешку над истиной, что в настоящее время «решительно ни одна с.-д. организация в экономизме не повинна» (изд. «Раб. Делом» брошюра «Два съезда», стр. 32). — А теперь к делу.

Основная ошибка авторов письма — совершенно та же, в какую впадает и «Раб. Дело» (см. особенно № 10). Они путаются в вопросе о взаимоотношении между «материальными» (стихийными, по выражению «Раб. Дела») элементами движения и идеологическими (сознательными, действующими «по плану»). Они не понимают, что «идеолог» только тогда и заслуживает названия идеолога, когда идет *впереди* стихийного движения, указывая ему путь, когда он умеет раньше других разрешать все теоретические, политические, тактические и организационные вопросы, на которые «материальные элементы» движения стихийно наталкиваются. Чтобы действительно «считаться с материальными элементами движения», надо критически относиться к ним, надо уметь указывать опасности и недостатки стихийного движения, надо уметь *поднимать* стихийность до сознательности. Говорить же, что идеологи (т.-е. сознательные руководители) не могут совлечь движения с пути, определяемого взаимодействием среды и элементов, — это значит забывать ту азбучную истину, что сознательность *участвует* в этом взаимодействии и этом определении. Католические и монархические рабочие союзы в Европе — тоже необходимый результат взаимодействия среды и элементов, но только участвовала в этом взаимодействии сознательность попов и Зубатовых, а не сознательность социалистов. Теоретические взгляды авторов письма (как и «Раб. Дела») представляют из себя не марксизм, а ту пародию на него, с которой носятся наши «критики» и бернштейнианцы, не понимающие, как связать стихийную эволюцию с сознательной революционной деятельностью.

Это глубокое теоретическое заблуждение необходимо приводит, в переживаемый нами момент, к величайшей тактической ошибке, которая уже причинила и причиняет неисчислимый вред русской социал-демократии. Дело в том, что стихийный подъем и рабочей массы и (благодаря ее влиянию) других общественных

слоев происходит в последние годы с поразительной быстротой. «Материальные элементы» движения выросли гигантски даже по сравнению с 1898 г., но *сознательные руководители* (социал-демократы) *отстают от этого роста.* В этом — основная причина переживаемого русской социал-демократией кризиса. Массовому (стихийному) движению недостает «идеологов», настолько подготовленных теоретически, чтобы быть застрахованным от всякого шатания, недостает руководителей, обладающих таким широким политическим кругозором, такой революционной энергией, таким организаторским талантом, чтобы создать на базисе нового движения боевую политическую партию.

Все это, однако, было бы еще полбеды. И теоретические знания, и политический опыт, и организаторская ловкость, — все это вещи наживные. Была бы только охота учиться и вырабатывать в себе требуемые качества. Но вот с конца 1897 г. и особенно с осени 1898 г. подняли в русской социал-демократии голову такие люди и такие органы, которые не только закрывали глаза на этот недостаток, но и объявили его особой добродетелью, которые возвели в теорию преклонение и раболепство перед стихийностью, которые стали проповедывать, что социал-демократы должны не идти впереди, а тащиться *в хвосте* движения. (К этим органам принадлежала не только «Раб. Мысль», но и «Раб. Дело», начавшее с «теории стадий» и кончившее принципиальной защитой стихийности, «полноправности движения в настоящем», «тактики-процесса» и проч.)

Вот это уже была настоящая беда. Это было образованием *особого направления,* которое принято называть экономизмом (в широком смысле слова) и которого основная черта состоит в непонимании и даже *защите отсталости,* т.-е., как мы уже объяснили, отсталости сознательных руководителей от стихийного подъема масс. Это направление характеризуется: в принципиальном отношении — опошлением марксизма и беспомощностью перед современной «критикой», этой новейшей разновидностью оппортунизма; в политическом отношении — стремлением сузить или размельчить политическую агитацию и политическую борьбу, непониманием того, что, не взяв в *свои* руки руководства общедемократическим движением, социал-демократия не сможет свергнуть самодержавие; в тактическом отношении — полной неустойчивостью («Раб. Дело» весной в недоумении остановилось перед «новым» вопросом о терроре и только полгода спустя, после ряда колебаний, высказалось в очень двусмысленной резолюции[143]) против него, волочась, как и всегда, в хвосте движения); в организационном отношении — непониманием того, что массовый характер движения не только не ослабляет, а, напротив, усиливает нашу обязанность создать крепкую и централизованную организацию революционеров, способную руководить и подготовительной борьбой

и всяким неожиданным взрывом и, наконец, последним решительным нападением.

С этим направлением мы вели и будем вести непримиримую борьбу. Авторы же письма, видимо, сами к нему принадлежат. Они указывают нам, что экономическая борьба подготовила участие рабочих в демонстрациях. Да, и именно мы раньше всех и глубже всех оценили эту подготовку, когда высказались еще в декабре 1900 г. (№ 1) против теории стадий *), когда в феврале (№ 2), тотчас после отдачи студентов в солдаты и еще до начала демонстраций, звали рабочих идти на помощь студентам **). Февральские и мартовские события не «опровергли страхи и опасения» «Искры» (как думает — «Раб. Дело», № 10, стр. 53 — Мартынов, обнаруживающий этим полное непонимание дела), а всецело подтвердили их, ибо руководители оказались *позади* стихийного подъема масс, оказались неподготовленными к исполнению своих обязанностей как руководителей. Подготовка эта и в настоящее время очень еще несовершенна, а потому всякие толки о «переоценке роли идеологии» или роли сознательного элемента по сравнению с стихийным и т. п. продолжают оказывать самое вредное практическое влияние на нашу партию.

Такое же вредное влияние оказывают толки о том, что необходимо, во имя будто бы классовой точки зрения, поменьше подчеркивать общность недовольства правительством разных слоев населения. Напротив, мы гордимся тем, что «Искра» пробуждает политическое недовольство во *всех* слоях населения, и жалеем только, что нам не удается делать это в еще более широком размере. Неправда, что мы затушевываем при этом классовую точку зрения: ни одного конкретного примера такого затушевывания авторы письма не указали и указать не смогут. Но, как передовой борец за демократию, социал-демократия должна — вопреки мнению «Раб. Дела», № 10, стр. 41 — руководить активной деятельностью различных оппозиционных слоев, разъяснять им общее политическое значение их частных и профессиональных столкновений с правительством, привлекать их к поддержке революционной партии, должна вырабатывать в своей среде таких вождей, которые бы умели политически влиять на все и всякие оппозиционные слои. Всякий отказ от этой роли, в какие бы пышные фразы о тесной, органической связи с пролетарской борьбой и т. п. он ни облекался, равносилен новой «защите отсталости» социал-демократов, отсталости от подъема демократического общенародного движения, равносилен передаче руководящей роли в руки буржуазной демократии. Пусть авторы письма поразмыслят над тем, почему это весенние события вызвали такое оживление рево-

*) См. настоящий том, стр. 55. *Ред.*
**) См. настоящий том, стр. 69. *Ред.*

люционных *не*социал-демократических направлений вместо того, чтобы вызвать усиление авторитета и престижа социал-демократии!

Мы не можем не восстать также против поразительной близорукости, которую обнаруживают авторы письма по вопросу о полемике и междоусобной брани среди эмигрантов. Они повторяют старые пустяки о «неприличии» посвящения статьи о Зубатове «Раб. Мысли». Не вздумают ли они отрицать того, что распространение экономизма облегчает задачу гг. Зубатовым? Только это мы и говорим, отнюдь не «отождествляя» тактику экономистов и тактику Зубатова. А что касается «эмигрантов» (если бы авторы письма не были так непростительно беззаботны насчет преемственности идей в русской социал-демократии, то им было бы известно, что предостережения «эмигрантов», именно Группы «Освобождение Труда», насчет экономизма оправдались самым блистательным образом!) [144]), то вот послушайте, как судил действовавший в 1852 г. среди рейнских рабочих Лассаль о спорах в лондонской эмиграции:

«Едва ли — писал он Марксу — со стороны полиции встретятся затруднения к изданию твоего сочинения против «великих людей», Кинкеля, Руге и др.... Правительство, я полагаю, даже радо появлению таких сочинений, ибо оно думает, что «революционеры перегрызут сами себя». Что партийная борьба придает партии силу и жизненность, что величайшим доказательством слабости партии является ее расплывчатость и притупление резко обозначенных границ, что партия укрепляется тем, что очищает себя, — этого чиновничья логика не подозревает и не опасается» (из письма Лассаля к Марксу, 24 июня 1852 г.) [145]).

К сведению всех, столь многочисленных ныне, прекраснодушных противников резкости, непримиримости, полемического задора и проч.!

В заключение заметим, что мы могли здесь только бегло затронуть спорные вопросы. Подробному разбору их мы посвятим особую брошюру, которая выйдет в свет, мы надеемся, месяца через полтора.

«Искра» № 12, 6 декабря 1901 г.

НАЧАЛО ДЕМОНСТРАЦИЙ.

Две недели тому назад мы отмечали 25-летие первой социально-революционной демонстрации в России 6 декабря 1876 г. на Казанской площади в Петербурге и указывали на громадный подъем демонстрационного движения в начале истекающего года [146]). Мы говорили, что демонстранты должны выставить более определенный политический лозунг, чем «Земля и Воля» (1876 г.), — более широкое требование, чем «отмена Временных Правил» (1901 г.). Таким лозунгом должна быть *политическая свобода*, таким общенародным требованием должно быть *требование созыва народных представителей*.

И вот мы видим уже, что демонстрации возобновляются по самым различным поводам и в Нижнем, и в Москве, и в Харькове. Возбуждение повсюду растет, и необходимость объединить его в один поток *против самодержавия*, сеющего везде произвол, угнетение и насилие, становится все настоятельнее. В Нижнем небольшая, но удачно сошедшая демонстрация 7-го ноября была вызвана проводами Максима Горького. Европейски знаменитого писателя, все оружие которого состояло — как справедливо выразился оратор Нижегородской демонстрации — в свободном слове, самодержавное правительство высылает без суда и следствия из его родного города. Башибузуки обвиняют его в дурном влиянии на нас, — говорил оратор от имени всех русских людей, в ком есть хоть капля стремления к свету и свободе, — а мы заявляем, что это было хорошее влияние. Опричники бесчинствуют тайно, а мы сделаем их бесчинства публичными и открытыми. У нас бьют рабочих, отстаивающих свои права на лучшую жизнь, у нас бьют студентов, протестующих против произвола, у нас давят всякое честное и смелое слово! — Демонстрация, в которой участвовали и рабочие, закончилась торжественной декламацией студента: «падет произвол, и восстанет народ, могучий, свободный и сильный!»

В Москве Горького ждали на вокзале сотни учащихся, и перепуганная полиция *арестовала* его среди пути в вагоне,

запретила ему (несмотря на особо данное прежде разрешение) въезд в Москву и заставила прямо проехать с Нижегородской дороги на Курскую. Демонстрация по поводу высылки Горького не удалась, но 18 числа произошла, без всякой подготовки, небольшая демонстрация студентов и «посторонних лиц» (как выражаются наши министры) перед домом генерал-губернатора по поводу запрещения вечера в память Н. А. Добролюбова, со дня смерти которого минуло 17 ноября 40 лет. Представитель самодержавной власти в Москве был освистан людьми, которым, как и всей образованной и мыслящей России, дорог писатель, страстно ненавидевший произвол и страстно ждавший народного восстания против «внутренних турок» — против самодержавного правительства. Исполнительный Комитет московских студенческих организаций справедливо указывал в своем бюллетене от 23 ноября, что эта неподготовленная демонстрация служит ясным показателем недовольства и протеста.

В Харькове демонстрация, вызванная студенческими делами, перешла уже в настоящую уличную свалку, в которой приняли участие и не одни студенты. Опыт прошлого года не прошел для студентов даром. Они увидели, что только поддержка народа и главным образом поддержка рабочих может обеспечить им успех, а для приобретения такой поддержки они должны выступать на борьбу не за академическую (студенческую) только свободу, а за *свободу всего народа*, за *политическую свободу*. Харьковский Союзный Совет студенческих организаций прямо выразил это уже в своей октябрьской прокламации. Да и студенты Петербурга, Москвы, Киева, Риги и Одессы, как видно из их листков и прокламаций, начали понимать всю «бессмысленность мечтаний» об академической свободе при беспросветном рабстве народа. Гнусная речь ген. Ванновского в Москве, опровергавшего «слухи», будто он что-то когда-то обещал; невиданная наглость сыщика в Петербурге (схватившего студента в Электротехническом институте, чтобы отнять у него полученное им через посыльного письмо); дикое избиение полицией ярославских студентов на улице и в участке, — все эти и тысячи других фактов вопияли о борьбе, борьбе и борьбе против всего самодержавного строя. Чашу терпения переполнил случай с харьковскими ветеринарами. Студенты 1-го курса подали петицию об удалении проф. Лагермарка, жалуясь на казенное отношение к делу, на невыносимую грубость, доходившую до бросания программы в лицо студентам! Правительство, не разобрав дела, ответило тем, что выбросило из института весь курс, да еще оболгало студентов в своем сообщении, заявив, будто они требуют себе права назначать профессоров. Тогда поднялось все харьковское студенчество, было постановлено устроить забастовку и демонстрацию. 28 ноября — 2 дек. Харьков второй раз в этом году превра-

тился в поле сражения «внутренних турок» с протестовавшим против самодержавного произвола народом. Клики: «долой самодержавие! да здравствует свобода!», с одной стороны. Удары шашками, битье нагайками, топтание народа лошадьми — с другой стороны. Полиция и казаки, нещадно избивавшие всех и каждого, не разбирая ни пола, ни возраста, одержали победу над безоружными и торжествуют...

Неужели мы дадим им торжествовать?

Рабочие! Вам слишком хорошо знакома та вражья сила, которая измывается над русским народом. Эта вражья сила связывает вас по рукам и ногам в вашей ежедневной борьбе с хозяевами за лучшую жизнь и за человеческое достоинство. Эта вражья сила выхватывает сотни и тысячи ваших лучших товарищей, бросая их в тюрьмы, отправляя в ссылку и, точно в издевку, объявляя еще их «лицами порочного поведения». Эта вражья сила 7 мая стреляла в обуховских рабочих в Петербурге, поднявшихся с кликом: «нам нужна свобода!», — а потом еще устроила комедию суда, чтобы закатать на каторгу тех героев, которых не уложила пуля. Эта вражья сила, избивающая сегодня студентов, завтра бросится с еще большим озверением избивать вас, рабочих. Не теряйте времени! Помните, что вы должны поддерживать всякий протест и борьбу против башибузуков самодержавного правительства! Старайтесь всеми средствами войти в соглашение с демонстрантами-студентами, устраивайте кружки для быстрой передачи сведений и распространения воззваний; разъясняйте всем и каждому, что вы поднимаетесь на борьбу за свободу всего народа.

Когда здесь и там начинают вспыхивать огоньки народного возмущения и открытой борьбы, — всего прежде и всего более нужен сильный приток свежего воздуха, чтобы эти огоньки могли разгореться в широкое пламя!

«Искра» № 13, 20 декабря 1901 г.

ПО ПОВОДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ.

Как и всегда, наши газеты опубликовали всеподданнейший доклад министра финансов по поводу росписи государственных доходов и расходов на 1902 год [147]). Как и всегда, оказывается,— по уверениям министра,—что все обстоит благополучно: «финансы в совершенно благоприятном состоянии», в бюджете «неуклонно соблюдено равновесие», «жел.-дорожное дело продолжает успешно развиваться» и даже «происходит постоянное нарастание народного благосостояния»! Неудивительно, что у нас так мало интересуются вопросами государственного хозяйства, несмотря на всю их важность: интерес притуплен обязательным казенным славословием, каждый знает, что бумага все терпит, что публику «все равно» «не велено пущать» за кулисы официального финансового фокусничества.

На этот раз однако особенно бросается в глаза следующее обстоятельство. Фокусник с обычной ловкостью показывает публике пустые руки и, взмахивая ими, предъявляет одну за другой золотые монеты. Публика аплодирует. Но фокусник тем не менее начинает сам преусерднейшим образом защищаться и, чуть не со слезами на глазах, уверяет, что он не мошенничает, что дефицита нет, что долгов у него меньше, чем имущества. Русская публика так вышколена по части благопристойного поведения в присутственных местах, что ей становится вчуже как-то неловко, и только немногие бормочут про себя французскую пословицу: «кто извиняется, тот сам себя обвиняет».

Посмотрим, как «извиняется» наш Витте. Гигантский расход почти в два миллиарда рублей (1.946 милл.) покрыт полностью только благодаря тому, что 144 милл. взяты из знаменитой «свободной наличности» государственного казначейства, а свободная наличность пополнена прошлогодним 4% займом в 127 милл. руб. (весь заем был в 148 милл. руб., но 21 милл. еще не дополучен). Значит, дефицит, покрытый займом? — Ничуть не бывало, уверяет нас маг, «заключение займа вызвано было отнюдь не необходимостью покрыть не предусмотренные сметами расходы», так

как за покрытием их оставалось «вполне свободных» 114 м. р., а желанием строить новые железные дороги. — Очень хорошо, г. Витте! Но, во-первых, дефицита вы этим не опровергаете, ибо даже «вполне свободными» 114 м. р. не покрыть расхода в 144 м. р. Во-вторых, в свободную наличность (114 м. р.) вошли 63 м. р. превышения поступления обыкновенных доходов в 1901 г. против предположений росписи, а наша печать давно уже указывает, что вы *искусственно уменьшаете* предположения росписи доходов, дабы фиктивно вздувать «свободную наличность» и неуклонно повышать налоги. Так, в прошлом году повышены гербовые пошлины (новый гербовый устав), повышена цена казенной водки: с 7 р. до 7 р. 60 к. за ведро, продолжено повышение таможенных пошлин (произведенное в 1900 г. якобы «временно», ввиду Китайской войны) и пр. В-третьих, воспевая «культурную роль» железных дорог, вы скромно умалчиваете о чисто русском и совсем некультурном обычае *грабить казну* при постройке железных дорог (не говоря уже о безобразной эксплуатации жел.-дор. подрядчиками рабочих и голодающих крестьян!). Напр., одна русская газета недавно сообщала, что стоимость постройки Сибирской жел. дороги сначала была определена в 350 м. р., а на деле израсходовано *780* м. р., всего же перевалит, вероятно, и *за миллиард* (какой грабеж шел на Сибирской дороге, об этом «Искра» уже кое-что сообщала: см. № 2)[148]. Доходы-то вы правильно подсчитываете, г. Витте, без пропусков, а вот насчет *действительной величины расходов* попробовали бы дать отчет!

Затем не следует также упускать из виду, что постройка жел. дорог в 1902 г. вызвана отчасти военными целями нашего «миролюбивого» правительства (громадная Бологое-Седлецкая линия, протяжением более 1.000 верст), отчасти безусловной необходимостью хоть чем-нибудь «помочь» угнетенной промышленности, в делах которой Государственный Банк заинтересован непосредственно. Гос. Банк не только щедро ссужал разные пошатнувшиеся предприятия, но и пришел многие из них фактически в свое полное заведывание. Банкротство промышленных предприятий грозило привести к государственному банкротству! Наконец, не забудем и того, что постоянное повышение суммы займов и размера налогов происходит, под управлением «гениального» Витте, несмотря на то, что все капиталы сберегательных касс обращаются всецело на поддержку государственного кредита. А капиталы эти превысили уже 800 м. р. Примите все это во внимание, — и вы поймете, что Витте ведет хищническое хозяйство, что самодержавие медленно, но верно идет к банкротству, ибо нельзя же без конца повышать налоги, и не всегда же будет русского царя выручать французская буржуазия.

Витте защищается от обвинения в увеличении государственной задолженности такими доводами, над которыми стоит посмеяться.

Он сравнивает долги и «имущество», сопоставляет сумму госуд. займов в 1892 и 1902 г.г. со стоимостью казенных жел. дорог за те же годы и выводит уменьшение «чистой» задолженности. А ведь у нас и еще есть имущество: «крепости и военные суда» (ей-богу, так и сказано в докладе!), порты и казенные заводы, оброчные статьи и леса. — Великолепно, г. Витте! Но не замечаете ли вы, что вы уподобляетесь тому купцу, который уже вызван в суд по обвинению в банкротстве и который начинает оправдываться перед людьми, собирающимися описывать его имущество? Ведь покуда предприятие стоит действительно непоколебимо прочно, — никому и в голову не придет требовать специального обеспечения займов. Ведь никто не сомневается, что «имущества» у русского народа имеется много, но чем больше этого имущества, тем сильнее вина людей, которые, несмотря на обилие имущества, ведут хозяйство только при помощи увеличения займов и повышения налогов. Ведь вы доказываете только то, что народу следует как можно скорее прогнать распоряжающихся его имуществом хищников. В самом деле, ссылки на специальные государственные имущества в обеспечение государственных займов делала до сих пор из всех европейских стран одна только Турция. И эти ссылки вели естественно к тому, что *иностранные кредиторы налагали свой контроль* на распоряжение тем имуществом, которое должно обеспечить возврат данных ими взаймы денег. Хозяйство «великой русской державы» под контролем приказчиков Ротшильда и Блейхредера: какую блестящую перспективу открываете вы нам, г. Витте! *).

Мы не говорим уже о том, что крепости и военные суда ни один банкир в залог не возьмет, что это не плюс, а минус в нашем народном хозяйстве. Но и жел. дороги могут служить обеспечением только тогда, когда они приносят доход. А из того же доклада Витте мы узнаем, что до самого последнего времени все русские жел. дороги вообще приносили убыток. Только в 1900 г. покрыт был дефицит по сибирским дорогам и получилась «небольшая чистая прибыль», настолько небольшая, что о величине ее Витте скромно молчит. Молчит он и о том, что за первые две трети 1901 г. выручка железных дорог в Евр. России понизилась, по случаю кризиса. Каков-то был бы баланс нашего жел.-дор. хозяйства, если бы сосчитать не только казенные цифры выданных на постройку денег, но и действительные суммы рас-

*) Витте сам заметил неловкость своих рассуждений об «имуществе», и поэтому в другой части своего доклада он старается «поправиться», заявляя, что возрастание стоимости государственного имущества «в применении к обязательствам русской казны не имеет особого значения, так как кредит России не нуждается в специальных обеспечениях». Ну, конечно! А подробный расчетец с перечнем этих специальных обеспечений все-таки оставлен — на всякий случай!

хищенных при постройке денег? Не пора ли в самом деле передать это действительно ценное имущество в более надежные руки?

О промышленном кризисе Витте говорит, разумеется, в самом успокоительном тоне: «заминка», «несомненно, общих промышленных успехов не коснется и, по истечении некоторого промежутка времени, вероятно (!!), наступит новый период промышленного оживления». Хорошо утешение для миллионов рабочего класса, страдающих от безработицы и уменьшения заработка! В перечне государственных расходов вы напрасно стали бы искать хоть какого-либо указания на то, сколько миллионов и десятков миллионов бросила казна на прямую и косвенную поддержку «страдающих» от кризиса промышленных предприятий. А что при этом не останавливались и перед гигантскими суммами, видно из того, сообщенного в газетах, факта, что общий размер ссуд, выданных Гос. Банком с 1 января 1899 г. по 1 янв. 1901 г., увеличился с 250 м. руб. до 449 м. р., а размер промышленных ссуд с 8,7 м. до 38,8 м. р. Даже убыток в 4 м. р. по промышленным ссудам нисколько не затруднил казны. Рабочим же, которые приносили на алтарь «промышленных успехов» не содержимое своего кошелька, а свою жизнь и жизнь миллионов, существующих на их заработок, — рабочим казна помогала тем, что «даром» высылала их тысячами из промышленных городов в голодающие деревни!

Слова «голод» Витте совсем избегает, уверяя в своем докладе, что «тяжелое влияние неурожая... будет смягчено щедрой помощью нуждающимся». Эта щедрая помощь, по его же словам, равняется *20* м. р., тогда как недобор хлеба оценивается в *250* м. р. (считая по очень низкой цене, по 50 коп. за пуд, но зато сравнивая с годами благоприятных жатв). Не правда ли, как это в самом деле «щедро»? Допустите даже, что только половина недобора падает на крестьянскую бедноту, и все-таки окажется, что мы еще недостаточно оценивали скаредность русского правительства, когда писали (по поводу циркуляра Сипягина, см. № 9 «Искры» *)), что правительство урезывает ссуды *впятеро*. Щедр русский царь не на помощь мужику, а на полицейские меры против тех, кто действительно хотел помочь голодающим. Щедр он также и на миллионы, выбрасываемые для того, чтобы урвать пожирней кусок у Китая. За два года — сообщает Витте — на китайскую войну из чрезвычайных расходов пошло *80 милл. руб.*, да «*сверх того* весьма значительные суммы были издержаны *за счет обыкновенного бюджета*». Всего, значит, вероятно, до *сотни миллионов рублей*, если не свыше! Безработный рабочий и голодающий мужик могут утешиться тем, что Манчжурия зато наверное будет наша...

*) См. настоящий том, стр. 275. *Ред.*

Недостаток места заставляет нас лишь вкратце коснуться остальных частей доклада. Витте защищается также от обвинения в скудости расходов на народное просвещение: к 36 м. р. по смете этого министерства он прибавляет расходы на учебное дело всех других ведомств и «нагоняет» цифру до 75 м. р. Но даже и эта (сомнительной верности) цифра совершенно мизерна на всю Россию, и по отношению ко всему бюджету не составляет и пяти процентов. — То обстоятельство, что «наш государственный бюджет построен по преимуществу на системе косвенного обложения», Витте считает преимуществом, повторяя избитые буржуазные доводы о возможности «соразмерять потребление обложенных предметов со степенью благосостояния». На самом же деле, как известно, косвенное обложение, падая на предметы потребления масс, отличается величайшей несправедливостью. Всей своей тяжестью ложится оно на бедноту, создавая привилегию для богатых. Чем беднее человек, тем большую долю своего дохода отдает он государству в виде косвенных налогов. Малоимущая и неимущая масса составляет $^9/_{10}$ всего народонаселения, потребляет $^9/_{10}$ всех обложенных продуктов и платит $^9/_{10}$ всей суммы косвенных налогов, а между тем из всего народного дохода она получает каких-нибудь две-три десятых.

В заключение — интересная «мелочь». По каким статьям всего более увеличились расходы с 1901 по 1902 год? Вся сумма расхода увеличилась с 1.788 м. р. до 1.946 м. р., т.-е. менее, чем на одну десятую. Между тем *почти на четверть* возросли расходы по *двум* статьям: «на содержание особ императорской фамилии» — с 9,8 м. р. до 12,8 м. р. и... «на содержание отдельного корпуса жандармов» с 3,96 м. р. до 4,94 м. р. Вот ответ на вопрос: какие «нужды русского народа» наиболее настоятельны? И какое трогательное «единение» царя с жандармами!

«Искра» № 15, 15 января 1902 г.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АГИТАЦИЯ И «КЛАССОВАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ».

Начнем с примера.

Читатели помнят, вероятно, какой шум вызвал доклад орловского губернского предводителя дворянства, М. А. Стаховича, на миссионерском съезде о необходимости признания законом *свободы совести*. Консервативная печать, с «Московскими Ведомостями» во главе, рвет и мечет против г. Стаховича, не зная, как и обругать его, обвиняя чуть ли не в государственной измене всех орловских дворян за то, что они снова выбрали г. Стаховича в предводители. А этот выбор — действительно поучительное явление, приобретающее до известной степени характер дворянской демонстрации против полицейского произвола и безобразия.

Стахович — уверяют «Моск. Вед.» — «не столько предводитель дворянства, сколько Миша Стахович, весельчак, душа общества, краснобай...» (1901 г., № 348)[149]. Тем хуже для вас, господа защитники дубины. Если уже даже весельчаки-помещики заговорили о свободе совести, значит несть попистше числа тем гнусностям, которые чинят наши попы с нашей полицией. — ...«Какое дело нашей «интеллигентной» легкомысленной толпе, порождающей и рукоплещущей гг. Стаховичам, до нашей святыни, православной веры и до наших заветных к ней отношений?»... Опять-таки: тем хуже для вас, господа защитники самодержавия, православия, народности. Хороши же должны быть порядки нашего полицейского самодержавия, если оно даже религию настолько пропитало духом кутузки, что «Стаховичи» (не имеющие никаких твердых убеждений в религиозных вопросах, но заинтересованные, как увидим ниже, в прочности религии) проникаются полным равнодушием (если не ненавистью) к этой пресловутой «народной» святыне! — ...«Они нашу веру называют заблуждением!! Они издеваются над нами за то, что мы, благодаря этому «заблуждению», боимся и бежим греха, исполняем безропотно наши обязанности, как бы тяжелы они ни были, за то, что мы находим силы и бодрость переносить горе, лишения и чуждаемся гордости при

удачах и в счастии»... Вот в чем суть-то! Святыня православия тем дорога, что учит «безропотно» переносить горе! Какая же это выгодная, в самом деле, для господствующих классов святыня! Когда общество устроено так, что ничтожное меньшинство пользуется богатством и властью, а масса постоянно терпит «лишения» и несет «тяжелые обязанности», то вполне естественно сочувствие эксплуататоров к религии, учащей «безропотно» переносить земной ад ради небесного, будто бы, рая. В пылу усердия «Моск. Вед.» начинают проговариваться. И они проговорились до такой степени, что *нечаянно правду сказали*. Слушайте дальше: ...«Они и не подозревают, что, благодаря тому же «заблуждению», они, гг. Стаховичи, едят сытно, спят спокойно и живут весело».

Святая истина! Именно так, именно благодаря громадному распространению в народных массах религиозных «заблуждений» «спят спокойно» и Стаховичи и Обломовы и все наши капиталисты, живущие трудом этих масс, да и сами «Моск. Вед.». И чем больше будет распространяться просвещение в народе, чем более религиозные предрассудки будут вытесняться социалистическим сознанием, тем ближе будет день победы пролетариата, избавляющей все угнетенные классы от их порабощения в современном обществе.

Но, проговорившись в одном пункте, «Моск. Вед.» слишком дешево отделались от другого интересного вопроса. Они явно заблуждаются, думая, что Стаховичи «не подозревают» указанного значения религии и требуют либеральных реформ просто по «легкомыслию». Такое объяснение враждебного политического направления уже очень ребячески-наивно! А что г. Стахович в данном случае явился именно глашатаем целого либерального направления, — это лучше всего доказали сами «Моск. Вед.»: иначе к чему было поднимать целый поход против одного доклада? к чему было говорить не о Стаховиче, а о Стаховичах, об «интеллигентной толпе»?

Это заблуждение «М. Вед.» есть, конечно, корыстное заблуждение. «М. Вед.», разумеется, больше не желают, чем не умеют, применить классовую точку зрения к анализу ненавистного им либерализма. О нежелании нечего и говорить. А вот неумение представляет для нас большой общий интерес, ибо этим грехом страдают весьма многие революционеры и социалисты. Страдают им и авторы письма в № 12 «Искры», обвиняющие нас в отступлении от «классовой точки зрения» за то, что мы в своей газете стараемся следить за всеми проявлениями недовольства и протеста либералов; — и авторы «Пролетарской борьбы» [150]) и некоторых брошюр «Социал-демократической Библиотеки» [151]), воображающие, что наше самодержавие есть самодержавное господство буржуазии; — и Мартыновы, зовущие нас от всесторонней обличительной кампании (т.-е. от самой широкой политической агитации) про-

тив самодержавия к преимущественной борьбе за экономические реформы (давать «положительное» рабочему классу, выставлять от его имени «конкретные требования» законодательных и административных мероприятий, «сулящие известные осязательные результаты»); — и Надеждины, с недоумением спрашивающие по поводу наших корреспонденций о статистических конфликтах: «господи, да не для земцев ли этот орган?» [152])

Все эти социалисты забывают, что интересы самодержавия совпадают только при известных обстоятельствах и только с известными интересами имущих классов, и притом часто не с интересами всех этих классов вообще, а с интересами отдельных слоев их. Интересы других слоев буржуазии, а также более широко понятые интересы *всей* буржуазии, всего развития капитализма вообще необходимо порождают либеральную оппозицию самодержавию. Если, напр., самодержавие гарантирует буржуазии возможность применять самые грубые формы эксплуатации, то, с другой стороны, оно ставит тысячи препятствий широкому развитию производительных сил и распространению просвещения, возбуждая этим против себя не только мелкую, но иногда и крупную буржуазию; если самодержавие гарантирует (?) буржуазии охрану от социализма, то, с другой стороны, эта охрана необходимо превращается, при бесправии населения, в такое полицейское бесчинство, которое возмущает всех и каждого. Каков результат этих противоположных тенденций, каково соотношение консервативного и либерального настроения или направления в буржуазии в данный момент, — этого нельзя вывести из пары общих положений; это зависит от всех особенностей общественно-политической обстановки в данный момент. Для определения этого необходимо детально знать эту обстановку, внимательно следить за всеми и всякими столкновениями с правительством какого бы то ни было общественного слоя. Именно в силу «классовой точки зрения» *непозволительно* социал-демократу оставаться безучастным к недовольству и протестам «Стаховичей».

Названные же социалисты и своими рассуждениями и своей деятельностью доказывают свое безучастие к либерализму, обнаруживая этим непонимание основных положений «Коммунистического Манифеста», этого «евангелия» международной соц.-демократии. Вспомните, напр., слова о том, что буржуазия сама дает материал для политического воспитания пролетариата своей борьбой за власть, столкновением отдельных своих слоев и групп и пр.[153]). Только в свободных политических странах этот материал достается пролетариату сам собою (да и то только отчасти). В рабской же России мы, социал-демократы, должны активно работать над доставлением рабочему классу этого «материала», т.-е. должны *взять на себя* задачу всесторонней политической агитации, всенародной обличительной кампании против самодержа-

*

вия. И эта задача особенно настоятельна в периоды политического брожения. Надо помнить, что за год политического оживления пролетариат может научиться, в смысле революционного воспитания, большему, чем за несколько лет затишья. Вот почему особенно вредна тенденция указанных социалистов сознательно или бессознательно *суживать* размах и содержание политической агитации.

Далее, вспомните слова о поддержке коммунистами *всякого* революционного движения против существующего строя [154]). Эти слова часто понимают слишком узко, не распространяя их на поддержку либеральной оппозиции. Не следует, однако, забывать, что бывают эпохи, когда всякое столкновение с правительством на почве прогрессивных общественных интересов, как бы мелко оно само по себе ни было, может при известных условиях *(а наша поддержка есть одно из этих условий)* разгореться в общий пожар. Достаточно напомнить, в какое общественное движение разрослось в России столкновение студентов с правительством на почве академических требований или во Франции столкновение всех прогрессивных элементов с военщиной на почве одного, решенного путем подлогов, судебного дела [155]). Вот почему наш прямой долг разъяснять пролетариату, расширять и, путем активного участия рабочих, поддерживать всякий либеральный и демократический протест, будет ли он проистекать из столкновения земцев с министерством внутренних дел, или дворян с ведомством полицейского православия, или статистиков с помпадурами, крестьян с «земскими», сектантов с урядниками и проч. и проч. Кто морщит презрительно нос по поводу мизерности некоторых из этих столкновений или «безнадежности» попытки раздуть их в общий пожар, тот не понимает, что всесторонняя политическая агитация есть именно фокус, в котором совпадают насущные интересы политического воспитания пролетариата с насущными интересами всего общественного развития и всего народа в смысле всех демократических элементов его. Наш прямой долг — вмешиваться во всякий либеральный вопрос, определять свое, социал-демократическое, отношение к нему, принимать меры к тому, чтобы пролетариат активно участвовал в решении этого вопроса и заставлял решать его по-своему. Кто сторонится от такого вмешательства, тот на деле (каковы бы ни были его намерения) пасует перед либерализмом, отдавая в его руки дело политического воспитания рабочих, уступая гегемонию политической борьбы таким элементам, которые в конечном счете являются вожаками буржуазной демократии.

Классовый характер соц.-демократического движения должен выражаться не в сужении наших задач до непосредственных и ближайших нужд «чисто-рабочего» движения, а в руководстве всеми сторонами и всеми проявлениями великой освободительной борьбы пролетариата, этого единственного действительно революционного класса современного общества. Социал-демократия

должна всегда и неуклонно расширять воздействие рабочего движения на все сферы общественной и политической жизни современного общества. Она должна руководить не только экономической борьбой рабочих, но также и политической борьбой пролетариата, она должна ни на минуту не упускать из виду нашей конечной цели, всегда пропагандировать, охранять от искажений и развивать дальше пролетарскую идеологию — учение научного социализма, т.-е. марксизм. Мы должны неустанно бороться против всякой буржуазной идеологии, в какие бы модные и блестящие мундиры она ни рядилась. Названные нами выше социалисты отступают от «классовой» точки зрения также потому и постольку, поскольку они безучастны к задаче борьбы с «критикой марксизма». Только слепые люди могут не видеть, что эта «критика» всего быстрее привилась в России и всего торжественнее подхвачена русской либеральной публицистикой именно потому, что она является одним из элементов складывающейся буржуазной (теперь уже сознательно буржуазной) демократии в России.

Что касается политической борьбы в особенности, то именно «классовая точка зрения» требует, чтобы пролетариат *подталкивал* вперед всякое демократическое движение. Рабочая демократия своими политическими требованиями не принципиально, а только по степени отличается от буржуазной демократии. В борьбе за экономическое освобождение, за социалистическую революцию, пролетариат стоит на принципиально inом базисе и стоит одиноко (мелкий производитель лишь постольку, поскольку он переходит или готовится перейти в ряды пролетариата, придет ему на помощь). В борьбе же за политическое освобождение у нас много союзников, безучастно относиться к которым непозволительно. Но в то время, как наши союзники из буржуазной демократии, борясь за либеральные реформы, всегда будут оглядываться назад, стараясь устроить дело так, чтобы им можно было по-прежнему «есть сытно, спать спокойно и жить весело» на чужой счет, пролетариат пойдет вперед без оглядки до самого конца. Когда какие-нибудь гг. Р. Н. С. (автор предисловия к записке Витте) будут торговаться с правительством о правах властного земства или о конституции, мы будем бороться за демократическую республику. Не забудем только, что для того, чтобы подталкивать другого, надо всегда держать руку на плече этого другого. Партия пролетариата должна уметь ловить всякого либерала как раз в тот момент, когда он собрался подвинуться на вершок, и заставлять его двинуться на аршин. А упрется, — так мы пойдем вперед без него и через него.

«Искра» № 16, 1 февраля 1902 г.

ЧТО ДЕЛАТЬ? [156])

НАБОЛЕВШИЕ ВОПРОСЫ НАШЕГО ДВИЖЕНИЯ

...«Партийная борьба придает партии силу и жизненность, величайшим доказательством слабости партии является ее расплывчатость и притупление резко обозначенных границ, партия укрепляется тем, что очищает себя»...

(Из письма Лассаля к Марксу от 24 июня 1852 г.)

Написано осенью 1901—февраль 1902 г.

Впервые напечатано отдельной брошюрой в марте 1902 г., в Штутгарте, в издании Дитца

Печатается по тексту 1902 г., сверенному с текстом, напечатанным в сборнике: Вл. Ильин—«За 12 лет», 1908 г.

Что дѣлать?

Наболѣвшіе вопросы нашего движенія

Н. ЛЕНИНА.

...„Партійная борьба придаетъ партіи силу и жизненность, величайшимъ доказательствомъ слабости партіи является ея расплывчатость и притупленіе рѣзко обозначенныхъ границъ, партія укрѣпляется тѣмъ, что очищаетъ себя"... (Изъ письма Лассаля къ Марксу отъ 24 іюня 1852 г.).

Цѣна 1 руб.

Preis 2 Mark = 2.50 Francs.

STUTTGART
Verlag von J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.)
1902

Обложка брошюры В. И. Ленина: «Что делать?» — 1902 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая брошюра должна была, по первоначальному плану автора, быть посвящена подробному развитию тех мыслей, которые высказаны в статье «С чего начать?» («Искра» № 4, май 1901 г.) *). И мы должны прежде всего принести извинение читателю за позднее исполнение данного там (и повторенного в ответ на многие частные запросы и письма) обещания. Одной из причин такого запоздания явилась попытка объединения всех заграничных социал-демократических организаций, предпринятая в июне истекшего (1901) года. Естественно было дождаться результатов этой попытки, ибо при удаче ее пришлось бы, может быть, излагать организационные взгляды «Искры» под несколько иным углом зрения, и во всяком случае такая удача обещала бы положить очень быстро конец существованию двух течений в русской социал-демократии. Как известно читателю, попытка окончилась неудачей и, как мы постараемся доказать ниже, не могла не окончиться так после нового поворота «Рабочего Дела» в № 10 к экономизму. Оказалось безусловно необходимым вступить в решительную борьбу с этим расплывчатым и мало определенным, но зато тем более устойчивым и способным возрождаться в разнообразных формах направлением. Сообразно этому видоизменился и весьма значительно расширился первоначальный план брошюры.

Главной темой ее должны были быть три вопроса, поставленные в статье «С чего начать?». Именно: вопросы о характере и главном содержании нашей политической агитации, о наших организационных задачах, о плане построения одновременно и с разных концов боевой общерусской организации. Вопросы эти давно уже интересуют автора, пытавшегося поднять их еще в «Рабочей Газете» при одной из неудавшихся попыток ее возобновления (см. гл. V). Но первоначальное предположение ограничиться в брошюре разбором только трех этих вопросов и изложить свои воззрения по возможности в положительной форме,

*) См. настоящий том, стр. 107. *Ред.*

не прибегая или почти не прибегая к полемике, оказалось совершенно неосуществимым по двум причинам. С одной стороны, экономизм оказался гораздо более живучим, чем мы предполагали (мы употребляем слово экономизм в широком смысле, как оно было пояснено в № 12 «Искры» (декабрь 1901 г.) в статье «Беседа с защитниками экономизма», наметившей, так сказать, конспект предлагаемой читателю брошюры *)). Стало несомненным, что различные взгляды на решение этих трех вопросов объясняются в гораздо большей степени коренной противоположностью двух направлений в русской социал-демократии, чем расхождением в частностях. С другой стороны, недоумение экономистов по поводу фактического проведения в «Искре» наших воззрений показывало с очевидностью, что мы часто говорим буквально на разных языках, что мы *не можем* поэтому ни до чего договориться, если не будем начинать ab ovo **), что необходимо сделать попытку возможно более популярного, поясняемого самыми многочисленными и конкретными примерами, *систематического «объяснения»* со *всеми* экономистами по *всем* коренным пунктам наших разногласий. И я решил сделать такую попытку «объясниться», вполне сознавая, что это очень сильно увеличит размеры брошюры и замедлит ее выход, но не видя в то же время никакой возможности *иначе* исполнить данное мной в статье «С чего начать?» обещание. К извинению по поводу опоздания мне приходится таким образом прибавить еще извинение по поводу громадных недостатков в литературной отделке брошюры: я должен был работать *до последней степени наспех*, отрываемый притом всякими другими работами.

Разбор указанных выше трех вопросов составляет, по-прежнему, главную тему брошюры, но начать мне пришлось с двух более общих вопросов: почему такой «невинный» и «естественный» лозунг, как «свобода критики», является для нас настоящим боевым сигналом? почему мы не можем столковаться даже по основному вопросу о роли социал-демократии по отношению к стихийному массовому движению? Далее, изложение взглядов на характер и содержание политической агитации превратилось в объяснение разницы между трэд-юнионистской и социал-демократической политикой, а изложение взглядов на организационные задачи — в объяснение разницы между удовлетворяющим экономистов кустарничеством и необходимой, на наш взгляд, организацией революционеров. Затем, на «плане» общерусской политической газеты я тем более настаиваю, чем несостоятельнее были сделанные против него возражения и чем менее ответили мне по существу на поставленный в статье «С чего начать?»

*) См. настоящий том, стр. 339. *Ред.*
**) — с начала. *Ред.*

вопрос о том, как могли бы мы одновременно со всех концов приняться за возведение необходимой нам организации. Наконец, в заключительной части брошюры я надеюсь показать, что мы сделали все от нас зависевшее, чтобы предупредить решительный разрыв с экономистами, который оказался однако неизбежным; — что «Раб. Дело» приобрело особое, «историческое», если хотите, значение тем, что всего полнее, всего рельефнее выразило не последовательный экономизм, а тот разброд и те шатания, которые составили отличительную черту *целого периода* в истории русской социал-демократии; — что поэтому приобретает значение и чрезмерно подробная, на первый взгляд, полемика с «Раб. Делом», ибо мы не можем идти вперед, если мы окончательно не ликвидируем этого периода.

Февраль 1902 г.

I.

ДОГМАТИЗМ И «СВОБОДА КРИТИКИ».

а) ЧТО ЗНАЧИТ «СВОБОДА КРИТИКИ»?

«Свобода критики» — это, несомненно, самый модный лозунг в настоящее время, всего чаще употребляемый в спорах между социалистами и демократами всех стран. На первый взгляд, трудно себе представить что-либо более странное, чем эти торжественные ссылки одной из спорящих сторон на свободу критики. Неужели из среды передовых партий раздались голоса против того конституционного закона большинства европейских стран, который обеспечивает свободу науки и научного исследования? «Тут что-то не так!» — должен будет сказать себе всякий сторонний человек, который услыхал повторяемый на всех перекрестках модный лозунг, но не вник еще в сущность разногласия между спорящими. «Этот лозунг, очевидно, одно из тех условных словечек, которые, как клички, узаконяются употреблением и становятся почти нарицательными именами».

В самом деле, ни для кого не тайна, что в современной международной *) социал-демократии образовались два направле-

*) Кстати. В истории новейшего социализма это едва ли не единичное и в своем роде чрезвычайно утешительное явление, что распря различных направлений внутри социализма из национальной впервые превратилась в интернациональную. В прежние времена споры между лассальянцами и эйзенахцами [157]), между гэдистами и поссибилистами [158]), между фабианцами и социал-демократами [159]), между народовольцами и социал-демократами оставались чисто национальными спорами, отражали чисто национальные особенности, происходили, так сказать, в разных плоскостях. В настоящее время (теперь это уже явственно видно) английские фабианцы, французские министериалисты, немецкие бернштейнианцы, русские критики, — все это одна семья, все они друг друга хвалят, друг у друга учатся и сообща ополчаются против «догматического» марксизма. Может быть, в этой первой действительно международной схватке с социалистическим оппортунизмом международная революционная социал-демократия достаточно окрепнет, чтобы положить конец давно уже царящей в Европе политической реакции?

ния, борьба между которыми то разгорается и вспыхивает ярким пламенем, то затихает и тлеет под пеплом внушительных «резолюций о перемирии». В чем состоит «новое» направление, которое «критически» относится к «старому, догматическому» марксизму, это с достаточной определенностью *сказал* Бернштейн и *показал* Мильеран.

Социал-демократия должна из партии социальной революции превратиться в демократическую партию социальных реформ. Это политическое требование Бернштейн обставил целой батареей довольно стройно согласованных «новых» аргументов и соображений. Отрицалась возможность научно обосновать социализм и доказать, с точки зрения материалистического понимания истории, его необходимость и неизбежность; отрицался факт растущей нищеты, пролетаризации и обострения капиталистических противоречий; объявлялось несостоятельным самое понятие о «*конечной цели*» и безусловно отвергалась идея диктатуры пролетариата; отрицалась принципиальная противоположность либерализма и социализма; отрицалась *теория классовой борьбы*, неприложимая будто бы к строго демократическому обществу, управляемому согласно воле большинства, и т. д.

Таким образом, требование решительного поворота от революционной социал-демократии к буржуазному социал-реформаторству сопровождалось не менее решительным поворотом к буржуазной критике всех основных идей марксизма. А так как эта последняя критика велась уже издавна против марксизма и с политической трибуны и с университетской кафедры, и в массе брошюр и в ряде ученых трактатов, так как вся подрастающая молодежь образованных классов в течение десятилетий систематически воспитывалась на этой критике, — то неудивительно, что «новое критическое» направление в социал-демократии вышло как-то сразу вполне законченным, точно Минерва из головы Юпитера. По своему содержанию, этому направлению не приходилось развиваться и складываться: оно прямо было перенесено из буржуазной литературы в социалистическую.

Далее. Если теоретическая критика Бернштейна и его политические вожделения оставались еще кому-либо неясными, то французы позаботились о наглядной демонстрации «новой методы». Франция и на этот раз оправдала свою старинную репутацию «страны, в истории которой борьба классов, более чем где-либо, доводилась до решительного конца» (Энгельс, из предисловия к сочинению Маркса: «Der 18 Brumaire»*)). Французские социалисты стали не теоретизировать, а прямо действовать; более развитые в демократическом отношении политические условия Франции позволили им сразу перейти к «практическому берн-

*) «18 брюмера». *Ред.*

штейнианству» во всех его последствиях. Мильеран дал прекрасный образчик этого практического бернштейнианства, — недаром Мильерана так усердно бросились защищать и восхвалять и Бернштейн, и Фольмар! В самом деле: если социал-демократия в сущности есть просто партия реформ и должна иметь смелость открыто признать это, — тогда социалист не только вправе вступить в буржуазное министерство, но должен даже всегда стремиться к этому. Если демократия в сущности означает уничтожение классового господства, — то отчего же социалистическому министру не пленять весь буржуазный мир речами о сотрудничестве классов? Отчего не оставаться ему в министерстве даже после того, как убийства рабочих жандармами показали в сотый и тысячный раз истинный характер демократического сотрудничества классов? Отчего бы ему не принять лично участия в приветствовании царя, которого французские социалисты зовут теперь не иначе как героем виселицы, кнута и ссылки (knouteur, pendeur et déportateur)? А возмездием за это бесконечное унижение и самооплевание социализма перед всем миром, за развращение социалистического сознания рабочих масс — этого единственного базиса, который может обеспечить нам победу, — в возмездие за это громкие *проекты* мизерных реформ, мизерных до того, что у буржуазных правительств удавалось добиться большего!

Кто не закрывает себе намеренно глаз, тот не может не видеть, что новое «критическое» направление в социализме есть не что иное, как новая разновидность *оппортунизма*. И если судить о людях не по тому блестящему мундиру, который они сами себе надели, не по той эффектной кличке, которую они сами себе взяли, а по тому, как они поступают и что они на самом деле пропагандируют, — то станет ясно, что «свобода критики» есть свобода оппортунистического направления в социал-демократии, свобода превращать социал-демократию в демократическую партию реформ, свобода внедрения в социализм буржуазных идей и буржуазных элементов.

Свобода — великое слово, но под знаменем свободы промышленности велись самые разбойнические войны, под знаменем свободы труда — грабили трудящихся. Такая же внутренняя фальшь заключается в современном употреблении слова: «свобода критики». Люди, действительно убежденные в том, что они двинули вперед науку, требовали бы не свободы новых воззрений на-ряду с старыми, а замены последних первыми. А современные выкрикивания «да здравствует свобода критики!» слишком напоминают басню о пустой бочке.

Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы

бороться с врагами и не оступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения. И вот некоторые из нас принимаются кричать: пойдемте в это болото! — а когда их начинают стыдить, они возражают: какие вы отсталые люди! и как вам не совестно отрицать за нами свободу звать вас на лучшую дорогу! — О да, господа, вы свободны не только звать, но и идти куда вам угодно, хотя бы в болото; мы находим даже, что ваше настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие к *вашему* переселению туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова свобода, потому что мы ведь тоже «свободны» идти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту!

6) НОВЫЕ ЗАЩИТНИКИ «СВОБОДЫ КРИТИКИ».

И вот этот-то лозунг («свобода критики») торжественно выдвинут в самое последнее время «Раб. Делом» (№ 10), органом заграничного «Союза русских социал-демократов», выдвинут не как теоретический постулат, а как политическое требование, как ответ на вопрос: «возможно ли объединение действующих за границей социал-демократических организаций?» — «Для прочного объединения необходима свобода критики» (стр. 36).

Из этого заявления вытекают два совершенно определенные вывода: 1. «Рабоч. Дело» берет под свою защиту оппортунистическое направление в международной социал-демократии вообще; 2. «Р. Дело» требует свободы оппортунизма в русской социал-демократии. Рассмотрим эти выводы.

«Р. Делу» «в особенности» не нравится «склонность «Искры» и «Зари» пророчить разрыв между *Горой* и *Жирондой* международной социал-демократии» *).

«Нам вообще — пишет редактор «Р. Д.» Б. Кричевский — разговор о *Горе* и *Жиронде* в рядах социал-демократии представляется поверхностной исторической аналогией, странной под пером марксиста: Гора и Жиронда представляли не разные темпераменты или умственные течения, как это может казаться историкам-идеологам, а разные классы или слои —

*) Сравнение двух течений в революционном пролетариате (революционное и оппортунистическое) с двумя течениями в революционной буржуазии XVIII века (якобинское — «Гора» — и жирондистское) было сделано в передовой статье № 2 «Искры» (февраль 1901 г.) [160]). Автор этой статьи — Плеханов. Говорить о «якобинстве» в русской социал-демократии до сих пор очень любят и кадеты и «беззаглавцы» [161]) и меньшевики. Но о том, как Плеханов впервые выдвинул это понятие против правого крыла с.-д., — об этом ныне предпочитают молчать или..., забывать. (Примечание автора к изданию 1908 года. *Ред.*)

средпюю буржуазию, с одной стороны, и мелкое мещанство с пролетариатом, с другой. В современном же социалистическом движении нет столкновения классовых интересов, оно все целиком, во *всех* (курс. Б. Кр.) своих разновидностях, включая и самых отъявленных бернштейнианцев, стоит на почве классовых интересов пролетариата, его классовой борьбы за политическое и экономическое освобождение» (стр. 32 — 33).

Смелое утверждение! Не слыхал ли Б. Кричевский о том, давно уже подмеченном, факте, что именно широкое участие в социалистическом движении последних лет *слоя* «академиков» обеспечило такое быстрое распространение бернштейнианства? А главное, — на чем основывает наш автор свое мнение, что и «самые отъявленные бернштейнианцы» стоят на почве классовой борьбы за политическое и экономическое освобождение пролетариата? Неизвестно. Решительная защита самых отъявленных бернштейнианцев ровно никакими ни доводами ни соображениями не подкрепляется. Автор думает, очевидно, что раз он повторяет то, что̀ говорят про себя и самые отъявленные бернштейнианцы, — то его утверждение и не нуждается в доказательствах. Но можно ли представить себе что-либо более «поверхностное», как это суждение о целом направлении на основании того, что̀ говорят сами про себя представители этого направления? Можно ли представить себе что-либо более поверхностное, как дальнейшая «мораль» о двух различных и даже диаметрально противоположных типах или дорогах партийного развития (стр. 34 — 35 «Р. Д.»)? Немецкие социал-демократы, видите ли, признают полную свободу критики, — французы же нет, и именно их пример показывает весь «вред нетерпимости».

Именно пример Б. Кричевского — ответим мы на это — показывает, что иногда называют себя марксистами люди, которые смотрят на историю буквально «по Иловайскому». Чтобы объяснить единство германской и раздробленность французской социалистической партии, вовсе нет надобности копаться в особенностях истории той или другой страны, сопоставлять условия военного полу-абсолютизма и республиканского парламентаризма, разбирать последствия Коммуны и исключительного закона о социалистах, сравнивать экономический быт и экономическое развитие, вспоминать о том, как «беспримерный рост германской социал-демократии» сопровождался беспримерной в истории социализма энергией борьбы не только с теоретическими (Мюльбергер, Дюринг *), катедер-социалисты) [163]), но и с тактическими

*) Когда Энгельс обрушился на Дюринга, ко взглядам последнего склонялись довольно многие представители германской социал-демократии, и обвинения в резкости, нетерпимости, нетоварищеской полемике и проч. сыпались на Энгельса даже публично на съезде партии. Мост с товарищами внес (на съезде 1877 года) предложение об устранении статей Энгельса из «Vorwärts'a», как «не представляющих интереса для громадного большинства читателей», а Вальтейх (Vahlteich) заявил, что помещение

(Лассаль) заблуждениями, и проч. и проч. Все это лишнее! Французы ссорятся, потому что они нетерпимы, немцы едины, потому что они най-мальчики.

И заметьте, что посредством этого бесподобного глубокомыслия «отводится» факт, всецело опровергающий защиту бернштейнианцев. *Стоят* ли они на почве классовой борьбы пролетариата, этот вопрос окончательно и бесповоротно может быть решен только историческим опытом. Следовательно, наиболее важное значение имеет в этом отношении именно пример Франции, как единственной страны, в которой бернштейнианцы попробовали *встать* самостоятельно на ноги, при горячем одобрении своих немецких коллег (а отчасти и русских оппортунистов: ср. «Р. Д.», № 2—3, стр. 83—84) [164]. Ссылка на «непримиримость» французов — помимо своего «исторического» (в поздневском смысле) значения — оказывается просто попыткой замять сердитыми словами очень неприятные факты.

Да и немцев мы вовсе еще не намерены подарить Б. Кричевскому и прочим многочисленным защитникам «свободы критики». Если «самые отъявленные бернштейнианцы» терпимы еще в рядах германской партии, то лишь постольку, поскольку они *подчиняются* и ганноверской резолюции [165], решительно отвергнувшей «поправки» Бернштейна, и любекской [166], содержащей в себе (несмотря на всю дипломатичность) прямое предостережение Бернштейну. Можно спорить, с точки зрения интересов немецкой партии, о том, насколько уместна была дипломатичность, лучше ли в данном случае худой мир, чем добрая ссора, можно расходиться, одним словом, в оценке целесообразности того или другого *способа* отклонить бернштейнианство, но нельзя не видеть факта, что германская партия дважды *отклонила* бернштейнианство. Поэтому думать, что пример немцев подтверждает тезис: «самые отъявленные бернштейнианцы стоят на почве классовой борьбы пролетариата за его экономическое и политическое освобождение» — значит совершенно не понимать происходящего у всех перед глазами *).

Мало того. «Раб. Дело» выступает, как мы уже заметили, перед *русской* социал-демократией с требованием «свободы кри-

---

этих статей принесло большой вред партии, что Дюринг тоже оказал услуги социал-демократии: «мы должны пользоваться всеми в интересах партии, а если профессора спорят, то «Vorwärts» вовсе не место для ведения таких споров» («Vorwärts» 1877, № 65 от 6-го июня) [162]. Как видите, это — тоже пример защиты «свободы критики», и над этим примером не мешало бы подумать нашим легальным критикам и нелегальным оппортунистам, которые так любят ссылаться на пример немцев!

*) Надо заметить, что по вопросу о бернштейнианстве в германской партии «Р. Дело» всегда ограничивалось голым пересказом фактов с полным «воздержанием» от собственной оценки их. См., напр., № 2—3, стр. 66 — о Штутгартском съезде [167]; все разногласия сведены к «тактике»

тики» и с защитой бернштейнианства. Очевидно, ему пришлось убедиться в том, что у нас несправедливо обижали наших «критиков» и бернштейнианцев. Каких же именно? кто? где? когда? в чем именно состояла несправедливость? — Об этом «Р. Дело» молчит, не упоминая ни единого раза ни об одном русском критике и бернштейнианце! Нам остается только сделать одно из двух возможных предположений. *Или* несправедливо обиженной стороной является не кто иной, как само «Р. Дело» (это подтверждается тем, что в обеих статьях десятого номера речь идет только об обидах, нанесенных «Зарей» и «Искрой» «Р. Делу»). Тогда чем объяснить такую странность, что «Р. Дело», столь упорно отрекавшееся всегда от всякой солидарности с бернштейнианством, не могло защитить себя, не замолвив словечко за «самых отъявленных бернштейнианцев» и за свободу критики? *Или* несправедливо обижены какие-то третьи лица. Тогда каковы могут быть мотивы умолчания о них?

Мы видим, таким образом, что «Р. Дело» продолжает ту игру в прятки, которой оно занималось (как мы покажем ниже) с самого своего возникновения. А затем обратите внимание на это *первое* фактическое применение хваленой «свободы критики». На деле она сейчас же свелась не только к отсутствию всякой критики, но и к отсутствию самостоятельного суждения вообще. То самое «Р. Дело», которое умалчивает точно о секретной болезни (по меткому выражению Старовера) [169]) о русском бернштейнианстве, предлагает для лечения этой болезни *просто-напросто списать* последний немецкий рецепт против немецкой разновидности болезни! Вместо свободы критики — рабская,... хуже: обезьянья подражательность! Одинаковое социально-политическое содержание современного интернационального оппортунизма проявляется в тех или иных разновидностях, сообразно национальным особенностям. В одной стране группа оппортунистов выступала издавна под особым флагом, в другой оппортунисты пренебрегали теорией, ведя практически политику радикалов-социалистов, в третьей — несколько членов революционной партии перебежали в лагерь оппортунизма и стараются добиться своих целей не открытой

и констатируется лишь, что огромное большинство верно прежней революционной тактике. Или № 4 — 5, стр. 25 и след. — простой пересказ речей на Ганноверском съезде с приведением резолюции Бебеля; изложение и критика Бернштейна отложены опять (как и в № 2 — 3) до «особой статьи». Курьезно, что на стр. 33 в № 4 — 5 читаем: «...взгляды, изложенные Бебелем, имеют за себя огромное большинство съезда», а несколько ниже: «...Давид защищал взгляды Бернштейна... Раньше всего он старался показать, что... Бернштейн и его друзья все же (sic!) стоят на почве классовой борьбы»... Это писалось в декабре 1899 г. [168]), а в сентябре 1901 г. «Р. Дело», должно быть, уже разуверилось в правоте Бебеля и повторяет взгляд Давида как свой собственный! (Это примечание исключено автором в издании 1908 года. *Ред.*)

борьбой за принципы и за новую тактику, а постепенным, незаметным и, если можно так выразиться, ненаказуемым развращением своей партии, в четвертой — такие же перебежчики употребляют те же приемы в потемках политического рабства и при совершенно оригинальном взаимоотношении «легальной» и «нелегальной» деятельности и проч. Браться же говорить о свободе критики и бернштейнианства, как условии объединения *русских* социал-демократов, и при этом не давать разбора того, в чем именно проявилось и какие особенные плоды принесло *русское* бернштейнианство, — это значит браться говорить для того, чтобы ничего не сказать.

Попробуем же мы сами сказать, хотя бы в нескольких словах, то, чего не пожелало сказать (или, может быть, не сумело и понять) «Р. Дело».

в) КРИТИКА В РОССИИ.

Основная особенность России в рассматриваемом отношении состоит в том, что уже *самое начало* стихийного рабочего движения, с одной стороны, и поворота передового общественного мнения к марксизму, с другой, ознаменовалось соединением заведомо разнородных элементов под общим флагом и для борьбы с общим противником (устарелым социально-политическим мировоззрением). Мы говорим о медовом месяце «легального марксизма». Это было вообще чрезвычайно оригинальное явление, в самую возможность которого не мог бы даже поверить никто в 80-х или начале 90-х годов. В стране самодержавной, с полным порабощением печати, в эпоху отчаянной политической реакции, преследовавшей самомалейшие ростки политического недовольства и протеста, — внезапно пробивает себе дорогу в *подцензурную* литературу теория революционного марксизма, излагаемая эзоповским, но для всех «интересующихся» понятным языком. Правительство привыкло считать опасной только теорию (революционного) народовольчества, не замечая, как водится, ее внутренней эволюции, радуясь *всякой* направленной против нее критике. Пока правительство спохватилось, пока тяжеловесная армия цензоров и жандармов разыскала нового врага и обрушилась на него, — до тех пор прошло немало (на наш русский счет) времени. А в это время выходили одна за другой марксистские книги, открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг. Вполне понятно, что среди окруженных этим чадом начинающих марксистов оказался не один «писатель, который зазнался»...[170])

В настоящее время об этой полосе можно говорить спокойно, как о прошлом. Ни для кого не тайна, что кратковременное про-

цветание марксизма на поверхности нашей литературы было вызвано союзом людей крайних с людьми весьма умеренными. В сущности, эти последние были буржуазными демократами, и этот вывод (до очевидности подкрепленный их дальнейшим «критическим» развитием) напрашивался кое перед кем еще во времена целости «союза»*).

Но если так, то не падает ли наибольшая ответственность за последующую «смуту» именно на революционных социал-демократов, которые вошли в этот союз с будущими «критиками»? Такой вопрос, вместе с утвердительным ответом на него, приходится слышать иногда от людей, чересчур прямолинейно смотрящих на дело. Но эти люди совершенно неправы. Бояться временных союзов хотя бы и с ненадежными людьми может только тот, кто сам на себя не надеется, и ни одна политическая партия без таких союзов не могла бы существовать. А соединение с легальными марксистами было своего рода первым действительно политическим союзом русской социал-демократии. Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризированном виде). Притом союз заключен был не совсем без всяких «условий». Доказательство: сожженный в 1895 г. цензурой марксистский сборник «Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России» [171]). Если литературное соглашение с легальными марксистами можно сравнить с политическим союзом, то эту книгу можно сравнить с политическим договором.

Разрыв вызван был, конечно, не тем, что «союзники» оказались буржуазными демократами. Напротив, представители этого последнего направления — естественные и желательные союзники социал-демократии, поскольку дело идет о ее демократических задачах, выдвигаемых на первый план современным положением России. Но необходимым условием такого союза является полная возможность для социалистов раскрывать рабочему классу враждебную противоположность его интересов и интересов буржуазии. А то бернштейнианство и «критическое» направление, к которому повально обратилось большинство легальных марксистов, отнимало эту возможность и развращало социалистическое сознание, опошляя марксизм, проповедуя теорию притупления социальных противоречий, объявляя нелепостью идею социальной революции и диктатуры пролетариата, сводя рабочее движение и классовую борьбу к узкому трэд-юнионизму и «реалистической» борьбе за мелкие, постепенные реформы. Это вполне равносильно было отри-

*) Здесь имеется в виду статья К. Тулина против Струве (См. I том Сочинений, стр. 223. *Ред.*), составленная из реферата, который носил заглавие «Отражение марксизма в буржуазной литературе». (Примечание автора к изданию 1908 года. *Ред.*)

данию со стороны буржуазной демократии права на самостоятельность социализма, а следовательно, и права на его существование; это означало на практике стремление превратить начинающееся рабочее движение в хвост либералов.

Естественно, что при таких условиях разрыв был необходим. Но «оригинальная» особенность России сказалась в том, что этот разрыв означал простое удаление социал-демократов из наиболее всем доступной и широко распространенной «легальной» литературы. В ней укрепились «бывшие марксисты», вставшие «под знак критики» и получившие почти что монополию на «разнос» марксизма. Клики: «против ортодоксии» и «да здравствует свобода критики» (повторяемые теперь «Р. Делом») сделались сразу модными словечками, и что против этой моды не устояли и цензора с жандармами, это видно из таких фактов, как появление *трех* русских изданий [172]) книги знаменитого (геростратовски знаменитого) Бернштейна или как рекомендация Зубатовым книг Бернштейна, г. Прокоповича и проч. («Искра» № 10) [173]). На социал-демократов легла теперь трудная сама по себе, и невероятно затрудненная еще чисто внешними препятствиями, задача борьбы с новым течением. А это течение не ограничилось областью литературы. Поворот к «критике» сопровождался встречным влечением практиков-социал-демократов к «экономизму».

Как возникала и росла связь и взаимозависимость легальной критики и нелегального экономизма, этот интересный вопрос мог бы послужить предметом особой статьи. Нам достаточно отметить здесь несомненное существование этой связи. Пресловутое «Credo» потому и приобрело такую заслуженную знаменитость, что оно откровенно формулировало эту связь и проболтало основную политическую тенденцию «экономизма»: рабочие пусть ведут экономическую борьбу (точнее было бы сказать: трэд-юнионистскую борьбу, ибо последняя объемлет и специфически рабочую политику), а марксистская интеллигенция пусть сливается с либералами для «борьбы» политической. Трэд-юнионистская работа «в народе» оказывалась исполнением первой,— легальная критика — второй половины этой задачи. Это заявление было таким прекрасным оружием против экономизма, что если бы не было «Credo» — его стоило бы выдумать.

«Credo» не было выдумано, но оно было опубликовано помимо воли и, может быть, даже против воли его авторов. По крайней мере, пишущему эти строки, который принимал участие в извлечении на свет божий новой «программы» *), приходи-

*) Речь идет о *протесте 17-ти* против «Credo». Пишущий эти строки участвовал в составлении этого протеста (конец 1899-го года). Протест вместе с «Credo» был напечатан за границей весной 1900 года. (См. II том Сочинений, стр. 473. *Ред.*) В настоящее время из статьи г-жи Кусковой

лось слышать жалобы и упреки по поводу того, что набросанное ораторами резюме их взглядов было распространено в копиях, получило ярлык «Credo» и попало даже в печать вместе с протестом! Мы касаемся этого эпизода, потому что он вскрывает очень любопытную черту нашего экономизма: боязнь гласности. Это именно черта экономизма вообще, а не одних только авторов «Credo»: ее проявляли и «Р. Мысль», самый прямой и самый честный сторонник экономизма, и «Р. Дело» (возмущаясь опубликованием «экономических» документов в «Vademecum'e») и Киевский комитет, не пожелавший года два тому назад дать разрешение на опубликование своего profession de foi *) вместе с написанным против него опровержением **), и многие, многие отдельные представители экономизма [175]).

Эта боязнь критики, проявляемая сторонниками свободы критики, не может быть объяснена одним лукавством (хотя коекогда, несомненно, не обходится и без лукавства: перасчетливо открывать для натиска противников неокрепшие еще ростки нового направления!). Нет, большинство экономистов совершенно искренно смотрит (и, по самому существу экономизма, должны смотреть) с недоброжелательством на всякие теоретические споры, фракционные разногласия, широкие политические вопросы, проекты сорганизовывать революционеров и т. п. «Сдать бы все это за границу!» — сказал мне однажды один из довольно последовательных экономистов, и он выразил этим очень распространенное (и опять-таки чисто трэд-юнионистское) воззрение: наше дело — рабочее движение, рабочие организации здесь, в нашей местности, а остальное — выдумки доктринеров, «переоценка идеологии», как выразились авторы письма в № 12 «Искры» в унисон с № 10 «Р. Дела».

Спрашивается теперь: ввиду таких особенностей русской «критики» и русского бернштейнианства в чем должна была бы состоять задача тех, кто на деле, а не на словах только, хотел быть противником оппортунизма? Во-первых, надо было позаботиться о возобновлении той теоретической работы, которая только-только была начата эпохой легального марксизма и которая падала теперь опять на нелегальных деятелей; без такой работы невозможен был успешный рост движения. Во-вторых, необходимо было активно выступить на борьбу с легальной «критикой», вносившей сугубый разврат в умы. В-третьих, надо было

(кажется, в «*Былом*» [174])) уже известно, что автором «Credo» была она, а среди заграничных «экономистов» того времени виднейшую роль играл г. Прокопович. (Это примечание добавлено автором к изданию 1908 года. *Ред.*)

*) — «Исповедание веры» — изложение своих политических убеждений. *Ред.*

**) Насколько нам известно, состав Киевского комитета с тех пор изменился. (Это примечание исключено автором в издании 1908 года. *Ред.*)

активно выступить против разброда и шатания в практическом движении, разоблачая и опровергая всякие попытки сознательно или бессознательно принижать нашу программу и нашу тактику.

Что «Р. Дело» не делало ни того ни другого ни третьего, это известно, и ниже нам придется подробно выяснять эту известную истину с самых различных сторон. Теперь же мы хотим только показать, в каком вопиющем противоречии находится требование «свободы критики» с особенностями нашей отечественной критики и русского экономизма. Взгляните, в самом деле, на текст той резолюции, которой «Союз русских с.-д. за границей» подтвердил точку зрения «Р. Дела»:

«В интересах дальнейшего идейного развития социал-демократии мы признаем свободу критики социал-демократической теории в партийной литературе безусловно необходимой, поскольку критика не идет в разрез с классовым и революционным характером этой теории» («Два съезда», стр. 10).

И мотивировка: резолюция «в первой своей части совпадает с резолюцией любекского партейтага по поводу Бернштейна»... В простоте душевной, «союзники» и не замечают, какое testimonium paupertatis (свидетельство о бедности) подписывают они себе этим копированием!.. «но... во второй части более тесно ограничивает свободу критики, чем это сделал любекский партейтаг».

Итак, резолюция «Союза» направлена против русских бернштейнианцев? Иначе было бы полным абсурдом ссылаться на Любек! Но это неверно, что она «тесно ограничивает свободу критики». Немцы своей ганноверской резолюцией отклонили пункт за пунктом *именно те* поправки, которые делал Бернштейн, а любекской — объявили предостережение *Бернштейну лично*, назвав его в резолюции. Между тем наши «свободные» подражатели *ни единым звуком* не намекают *ни на одно* проявление специально русской «критики» и русского экономизма; при этом умолчании голая ссылка на классовый и революционный характер теории оставляет гораздо больше простора лжетолкованиям, особенно если «Союз» отказывается отнести к оппортунизму «так называемый экономизм» («Два съезда», стр. 8, к п. 1). Это однако мимоходом. Главное же то, что позиции оппортунистов по отношению к революционным социал-демократам диаметрально противоположны в Германии и в России. В Германии революционные социал-демократы стоят, как известно, за сохранение того, что̀ есть: за старую программу и тактику, всем известную и опытом многих десятилетий разъясненную во всех деталях. «Критики» же хотят внести изменения, и так как этих критиков ничтожное меньшинство, а ревизионистские стремления их очень робки, то можно понять мотивы, по которым большинство ограничивается сухим отклонением «новшества». У нас же в России критики и экономисты стоят за сохранение того, что̀ есть: «критики»

хотят, чтобы их продолжали считать марксистами и обеспечили им ту «свободу критики», которой они во всех смыслах пользовались (ибо никакой *партийной* связи они, в сущности, никогда не признавали *), да и не было у нас такого общепризнанного партийного органа, который мог бы «ограничить» свободу критики хотя бы советом); экономисты хотят, чтобы революционеры признавали «полноправность движения в настоящем» («Р. Д.» № 10, стр. 25), т.-е. «законность» существования того, что существует; чтобы «идеологи» не пытались «совлечь» движение с того пути, который «определяется взаимодействием материальных элементов и материальной среды» («письмо» в № 12 «Искры»); чтобы признали желательным вести ту борьбу, «какую только возможно вести рабочим при данных обстоятельствах», а возможной признали ту борьбу, «которую они ведут в действительности в данную минуту» (Отдельное приложение к «Р. Мысли», стр. 14). Наоборот, мы, революционные социал-демократы, недовольны этим преклонением пред стихийностью, т.-е. перед тем, что есть «в данную минуту»; мы требуем изменения господствующей в последние годы тактики, мы заявляем, что «прежде чем объединяться и для того, чтобы объединиться, необходимо сначала решительно и определенно размежеваться» (из объявления об издании «Искры») **). Одним словом, немцы остаются при данном, отклоняя изменения; мы требуем изменения данного, отвергая преклонение пред этим данным и примирение с ним.

Этой «маленькой» разницы и не заметили наши «свободные» копировальщики немецких резолюций!

г) ЭНГЕЛЬС О ЗНАЧЕНИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ.

«Догматизм, доктринерство», «окостенение партии — неизбежное наказание за насильственное зашнуровывание мысли», —

---

*) Уже одно это отсутствие открытой партийной связи и партийной традиции составляет такое кардинальное отличие России от Германии, которое должно бы было предостеречь всякого разумного социалиста от слепого подражания. А вот образец того, до чего доходит «свобода критики» в России. Русский критик, г. Булгаков, делает такой выговор австрийскому критику, Герцу: «При всей независимости своих выводов, Герц в этом пункте (о кооперациях), повидимому, все-таки остается слишком связан мнениями своей партии и, расходясь в подробностях, не решается расстаться с общим принципом» («Капитализм и земледелие», т. II, стр. 287). Подданный порабощенного политически государства, в котором $^{999}/_{1000}$ населения до мозга костей развращены политическим холопством и полным непониманием партийной чести и партийной связи, — высокомерно выговаривает гражданину конституционного государства за чрезмерную «связанность мнениями партии»! Только и остается нелегальным организациям нашим, как приняться за составление резолюций о свободе критики...

**) См. настоящий том, стр. 39. *Ред.*

таковы те враги, против которых рыцарски ополчаются поборники «свободы критики» в «Раб. Деле». — Мы очень рады постановке на очередь этого вопроса и предложили бы только дополнить его другим вопросом:

А судьи кто?

Перед нами два объявления о литературном издательстве. Одно — «программа периодического органа Союза рус. с.-д. «Раб. Дело»» (оттиск из № 1 «Р. Д.») [176]). Другое — «объявление о возобновлении изданий Группы «Освобождение Труда»» [177]). Оба помечены 1899-ым годом, когда «кризис марксизма» давно уже стоял на очереди дня. И что же? В первом произведении вы напрасно стали бы искать указания на это явление и определенного изложения той позиции, которую намерен занять по этому вопросу новый орган. О теоретической работе и ее насущных задачах в данное время — ни слова ни в этой программе, ни в тех дополнениях к ней, которые принял третий съезд Союза 1901 года («Два съезда», стр. 15—18). За все это время редакция «Р. Дела» оставляла в стороне теоретические вопросы, несмотря на то, что они волновали всех социал-демократов всего мира.

Другое объявление, наоборот, прежде всего указывает на ослабление в последние годы интереса к теории, настоятельно требует «зоркого внимания к теоретической стороне революционного движения пролетариата» и призывает к «беспощадной критике бернштейновских и других антиреволюционных тенденций» в нашем движении. Вышедшие номера «Зари» показывают, как выполнялась эта программа [178]).

Итак, мы видим, что громкие фразы против окостенения мысли и проч. прикрывают собой беззаботность и беспомощность в развитии теоретической мысли. Пример русских социал-демократов особенно наглядно иллюстрирует то общеевропейское явление (давно уже отмеченное и немецкими марксистами), что пресловутая свобода критики означает не замену одной теории другою, а свободу от всякой целостной и продуманной теории, означает эклектизм и беспринципность. Кто сколько-нибудь знаком с фактическим состоянием нашего движения, тот не может не видеть, что широкое распространение марксизма сопровождалось некоторым принижением теоретического уровня. К движению, ради его практического значения и практических успехов, примыкало немало людей, очень мало и даже вовсе не подготовленных теоретически. Можно судить по этому, какое отсутствие такта проявляет «Раб. Дело», когда выдвигает с победоносным видом изречение Маркса: «каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ» [179]). Повторять эти слова в эпоху теоретического разброда, это все равно что кричать «таскать вам не перетаскать!» при виде похоронной процессии. Да и взяты эти слова Маркса из его письма о готской программе, в котором

он *резко порицает* допущенный эклектизм в формулировке принципов: если уже надо было соединяться, — писал Маркс вожакам партии, — то заключайте договоры, ради удовлетворения практических целей движения, но не допускайте торгашества принципами, не делайте теоретических «уступок». Вот какова была мысль Маркса, а у нас находятся люди, которые, во имя его, стараются ослабить значение теории!

Без революционной теории не может быть и революционного движения. Нельзя достаточно настаивать на этой мысли в такое время, когда с модной проповедью оппортунизма обнимается увлечение самыми узкими формами практической деятельности. А для русской социал-демократии значение теории усиливается еще тремя обстоятельствами, о которых часто забывают, именно: во-первых, тем, что наша партия только еще складывается, только еще вырабатывает свою физиономию и далеко еще не закончила счетов с другими направлениями революционной мысли, грозящими совлечь движение с правильного пути. Напротив, именно самое последнее время ознаменовалось (как давно уже предсказывал экономистам Аксельрод)[180]) оживлением несоциал-демократических революционных направлений. При таких условиях «неважная» на первый взгляд ошибка может вызвать самые печальные последствия, и только близорукие люди могут находить несвоевременными или излишними фракционные споры и строгое различение оттенков. От упрочения того или другого «оттенка» может зависеть будущее русской социал-демократии на много и много лет.

Во-вторых, социал-демократическое движение международно, по самому своему существу. Это означает не только то, что мы должны бороться с национальным шовинизмом. Это означает также, что начинающееся в молодой стране движение может быть успешно лишь при условии претворения им опыта других стран. А для такого претворения недостаточно простого знакомства с этим опытом или простого переписывания последних резолюций. Для этого необходимо умение критически относиться к этому опыту и самостоятельно проверять его. Кто только представит себе, как гигантски разрослось и разветвилось современное рабочее движение, тот поймет, какой запас теоретических сил и политического (а также революционного) опыта необходим для выполнения этой задачи.

В-третьих, национальные задачи русской социал-демократии таковы, каких не было еще ни перед одной социалистической партией в мире. Нам придется ниже говорить о тех политических и организационных обязанностях, которые возлагает на нас эта задача освобождения всего народа от ига самодержавия. Теперь же мы хотим лишь указать, что *роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой тео-*

рией *). А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература; пусть... да довольно и этого!

Приведем замечания Энгельса по вопросу о значении теории в социал-демократическом движении, относящиеся к 1874 году. Энгельс признает *не две* формы великой борьбы социал-демократии (политическую и экономическую), — как это принято делать у нас, — *а три, ставя наряду с ними и теоретическую борьбу.* Его напутствие практически и политически окрепшему немецкому рабочему движению так поучительно с точки зрения современных вопросов и споров, что читатель не посетует на нас, надеемся, за длинную выписку из предисловия к брошюре «Der deutsche Bauernkrieg» **), которая давно уже стала величайшей библиографической редкостью:

«Немецкие рабочие имеют два существенных преимущества пред рабочими остальной Европы. Первое — то, что они принадлежат к наиболее теоретическому народу Европы и что они сохранили в себе тот теоретический смысл, который почти совершенно утрачен так называемыми «образованными» классами в Германии. Без предшествующей ему немецкой философии, в особенности философии Гегеля, никогда не создался бы немецкий научный социализм, — единственный научный социализм, который когда-либо существовал. Без теоретического смысла у рабочих этот научный социализм никогда не вошел бы до такой степени в их плоть и кровь, как это мы видим теперь. А как необъятно велико это преимущество, это показывает, с одной стороны, то равнодушие ко всякой теории, которое является одной из главных причин того, почему английское рабочее движение так медленно двигается вперед несмотря на великолепную организацию отдельных ремесл, — а с другой стороны, это показывает та смута и те шатания, которые посеял прудонизм, в его первоначальной форме у французов и бельгийцев, в его карикатурной, Бакуниным приданной, форме — у испанцев и итальянцев.

«Второе преимущество состоит в том, что немцы приняли участие в рабочем движении почти-что позже всех. Как немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна — трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно, — так немецкое практическое рабочее движение не должно никогда забывать, что оно развилось на плечах английского и французского движения, что оно имело возможность просто обратить себе на пользу их дорого купленный опыт, избежать теперь их ошибок, которых тогда в большинстве случаев нельзя было избежать. Где были бы мы теперь без образца английских трэд-юнионов и французской политической борьбы рабочих, без того колоссального толчка, который дала в особенности Парижская Коммуна?

*) Курсив введен автором в издании 1908 года. *Ред.*

**) Dritter Abdruck. Leipzig 1875. Verlag der Genossenschaftsbuchdruckerei. («Крестьянская война в Германии». Третье издание. Лейпциг 1875 г. Издание Товарищеского издательства. *Ред.*)

«Надо отдать справедливость немецким рабочим, что они с редким умением воспользовались выгодами своего положения. Впервые с тех пор, как существует рабочее движение, борьба ведется планомерно во всех трех ее направлениях, согласованных и связанных между собой: в теоретическом, политическом и практически-экономическом (сопротивление капиталистам). В этом, так сказать, концентрическом нападении и заключается сила и непобедимость немецкого движения.

«С одной стороны, вследствие этого выгодного их положения, с другой стороны, вследствие островных особенностей английского движения и насильственного подавления французского, немецкие рабочие поставлены в данный момент во главе пролетарской борьбы. Как долго события позволят им занимать этот почетный пост, этого нельзя предсказать. Но, покуда они будут занимать его, они исполнят, надо надеяться, как подобает, возлагаемые им на них обязанности. Для этого требуется удвоенное напряжение сил во всех областях борьбы и агитации. В особенности обязанность вождей будет состоять в том, чтобы все более и более просвещать себя по всем теоретическим вопросам, все более и более освобождаться от влияния традиционных, принадлежащих старому миросозерцанию, фраз и всегда иметь в виду, что социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой, т.-е. чтобы его изучали. Приобретенное таким образом, все более проясняющееся сознание необходимо распространять среди рабочих масс с все большим усердием и все крепче сплачивать организацию партии и организацию профессиональных союзов...

«... Если немецкие рабочие будут также идти вперед, то они будут — не то что маршировать во главе движения — это вовсе не в интересах движения, чтобы рабочие одной какой-либо нации маршировали во главе его — но будут занимать почетное место в линии бойцов; и они будут стоять во всеоружии, если неожиданно тяжелые испытания или великие события потребуют от них более высокого мужества, более высокой решимости и энергии».

Слова Энгельса оказались пророческими. Через несколько лет немецких рабочих постигли неожиданно тяжелые испытания в виде исключительного закона о социалистах. И немецкие рабочие действительно встретили их во всеоружии и сумели победоносно выйти из них.

Русскому пролетариату предстоят испытания еще неизмеримо более тяжкие, предстоит борьба с чудовищем, по сравнению с которым исключительный закон в конституционной стране кажется настоящим пигмеем. История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является *наиболее революционной* из всех *ближайших* задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата. И мы вправе рассчитывать, что добьемся этого почетного звания, заслуженного уже нашими предшественниками, революционерами 70-х годов, если мы сумеем воодушевить наше в тысячу раз более широкое и глубокое движение такой же беззаветной решимостью и энергией.

II.

СТИХИЙНОСТЬ МАСС И СОЗНАТЕЛЬНОСТЬ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.

Мы сказали, что наше движение, гораздо более широкое и глубокое, чем движение 70-х годов, необходимо воодушевить такою же, как тогда, беззаветной решимостью и энергией. В самом деле, до сих пор, кажется, еще никто не сомневался в том, что сила современного движения — пробуждение масс (и, главным образом, промышленного пролетариата), а слабость его — недостаток сознательности и инициативности руководителей-революционеров.

Однако в самое последнее время сделано с-ног-сшибательное открытие, грозящее перевернуть все господствовавшие до сих пор взгляды по данному вопросу. Это открытие сделано «Р. Делом», которое, полемизируя с «Искрой» и «Зарей», не ограничилось одними частными возражениями, а попыталось свести «общее разногласие» к более глубокому корню — к «различной оценке *сравнительного* значения стихийного и сознательно «планомерного» элемента». Обвинительный тезис «Рабоч. Дела» гласит: «*преуменьшение значения объективного или стихийного элемента развития*» *). Мы скажем на это: если бы полемика «Искры» и «Зари» не дала даже ровно никаких других результатов кроме того, что побудила «Р. Дело» додуматься до этого «общего разногласия», то и один этот результат дал бы нам большое удовлетворение: до такой степени многозначителен этот тезис, до такой степени ярко освещает он всю суть современных теоретических и политических разногласий между русскими социал-демократами.

Вот почему вопрос об отношении сознательности к стихийности представляет громадный общий интерес, и на этом вопросе следует остановиться со всей подробностью.

а) НАЧАЛО СТИХИЙНОГО ПОДЪЕМА.

Мы отметили в предыдущей главе *повальное* увлечение теорией марксизма русской образованной молодежи в половине 90-х годов. Такой же повальный характер приняли около того же времени рабочие стачки после знаменитой петербургской промышленной войны 1896 года. Их распространение по всей России явно свидетельствовало о глубине вновь поднимающегося народного движения, и если уже говорить о «стихийном элементе», то конечно именно это стачечное движение придется признать прежде

*) «Раб. Дело», № 10, сент. 1901 г., стр. 17 и 18. Курсив «Раб. Дела».

всего стихийным. Но ведь и стихийность стихийности — рознь. Стачки бывали в России и в 70-х и в 60-х годах (и даже в первой половине XIX-го века), сопровождаясь «стихийным» разрушением машин и т. п. По сравнению с этими «бунтами» стачки 90-х годов можно даже назвать «сознательными» — до такой степени значителен тот шаг вперед, который сделало за это время рабочее движение. Это показывает нам, что «стихийный элемент» представляет из себя, в сущности, не что иное как *зачаточную форму* сознательности. И примитивные бунты выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности: рабочие теряли искони̇ую веру в незыблемость давящих их порядков, начинали... не скажу понимать, а чувствовать необходимость коллективного отпора, и решительно порывали с рабской покорностью перед начальством. Но это было все же гораздо более проявлением отчаяния и мести, чем *борьбой*. Стачки 90-х годов показывают нам гораздо больше проблесков сознательности: выставляются определенные требования, рассчитывается наперед, какой момент удобнее, обсуждаются известные случаи и примеры в других местах и т. д. Если бунты были восстанием просто угнетенных людей, то систематические стачки выражали уже собой зачатки классовой борьбы, но именно только зачатки. Взятые сами по себе, эти стачки были борьбой трэд-юнионистской, но еще не социал-демократической, они знаменовали пробуждение антагонизма рабочих и хозяев, но у рабочих не было, да и быть не могло сознания непримиримой противоположности их интересов всему современному политическому и общественному строю, т.-е. сознания социал-демократического. В этом смысле, стачки 90-х годов, несмотря на громадный прогресс по сравнению с «бунтами», оставались движением чисто-стихийным.

Мы сказали, что социал-демократического сознания у рабочих *и не могло быть*. Оно могло быть принесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание трэд-юнионистское, т.-е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п. *). Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции. Точно так же и в России

*) Трэд-юнионизм вовсе не исключает всякую «политику», как иногда думают. Трэд-юнионы всегда вели известную (но не социал-демократическую) политическую агитацию и борьбу. О различии трэд-юнионистской и социал-демократической политики мы скажем в следующей главе.

теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции. К тому времени, о котором у нас идет речь, т.-е. к половине 90-х годов, это учение не только было уже вполне сложившейся программой Группы «Освобождение Труда», но и завоевало на свою сторону большинство революционной молодежи в России.

Таким образом на-лицо было и стихийное пробуждение рабочих масс, пробуждение к сознательной жизни и сознательной борьбе, и наличность вооруженной социал-демократическою теорией революционной молодежи, которая рвалась к рабочим. При этом особенно важно установить тот часто забываемый (и сравнительно мало известный) факт, что *первые* социал-демократы этого периода, *усердно занимаясь экономической агитацией* — (и вполне считаясь в этом отношении с действительно полезными указаниями тогда еще рукописной брошюры «Об агитации» [181]) — не только не считали ее единственной своей задачей, а напротив *с самого начала* выдвигали и самые широкие исторические задачи русской социал-демократии вообще и задачу ниспровержения самодержавия в особенности. Так, например, той группой петербургских социал-демократов, которая основала «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», был составлен еще в конце 1895-го года первый номер газеты под названием «Рабочее Дело». Вполне готовый к печати этот номер был схвачен жандармами в набег с 8-го на 9-е декабря 1895 г. у одного из членов группы, Анат. Алекс. Ванеева *), и «Раб. Делу» первой формации не суждено было увидеть света. Передовая статья этой газеты (которую, может быть, лет через 30 извлечет какая-нибудь «Русская Старина» [182]) из архивов департамента полиции) обрисовывала исторические задачи рабочего класса в России и во главе этих задач ставила завоевание политической свободы. Затем была статья «О чем думают наши министры», посвященная полицейскому разгрому Комитетов Грамотности, и ряд корреспонденций не только из Петербурга, но и из других местностей России (напр., о побоище рабочих в Ярославской губ.) [183]). Таким образом этот, если не ошибаемся, «первый опыт» русских социал-демократов 90-х годов представлял из себя газету не узко-местного, тем более не «экономического» характера, стремившуюся соединить стачечную борьбу с революционным движением против самодержавия и привлечь к поддержке социал-демократии всех угнетенных политикой реакционного мракобесия.

*) А. А. Ванеев скончался в 1899 году в Восточной Сибири от чахотки, которую он вынес из одиночного заключения в предварилке. Поэтому мы и сочли возможным опубликовать приводимые в тексте сведения, за достоверность которых мы ручаемся, ибо они исходят от лиц, непосредственно и ближайшим образом знавших А. А. Ванеева [184]).

И никто, хоть сколько-нибудь знакомый с состоянием движения в то время, не усомнится, что подобная газета встретила бы полное сочувствие и рабочих столицы и революционной интеллигенции и получила бы самое широкое распространение. Неуспех же предприятия доказал лишь, что тогдашние социал-демократы оказались не в силах удовлетворить насущный запрос момента вследствие недостатка у них революционного опыта и практической подготовленности. То же самое надо сказать и про «СПБ. Рабочий Листок» [183]) и в особенности про «Рабочую Газету» и про «Манифест» образованной весною 1898 г. Росс. С.-Д. Р. П. Само собою разумеется, что нам и в голову не приходит ставить эту неподготовленность в вину тогдашним деятелям. Но для того, чтобы воспользоваться опытом движения и извлечь из этого опыта практические уроки, необходимо дать себе полный отчет о причинах и значении того или другого недостатка. Поэтому крайне важно установить, что часть (может быть, даже большинство) действовавших в 1895—1898 г.г. социал-демократов вполне справедливо считали возможным тогда же, в самом начале «стихийного» движения, выступать с самой широкой программой и боевой тактикой *). Неподготовленность же большинства революционеров, будучи явлением вполне естественным, никаких особенных опасений возбуждать не могла. Раз постановка задач была правильная, раз была энергия на повторные попытки осуществить эти задачи, — временные неудачи представляли из себя пол-беды. Революционная опытность и организаторская ловкость — вещи наживные. Была бы только охота вырабатывать в себе требуемые качества! Было бы только сознание недостатков, равносильное в революционном деле больше чем половине исправления!

Но пол-беды сделалось настоящей бедой, когда это сознание стало меркнуть (а оно было очень живо у деятелей названных выше групп), когда появились люди, — и даже социал-демократические органы, — которые недостаток готовы были возвести в добродетель, которые попытались даже *теоретически* обосновать

*) «Отрицательно относясь к деятельности соц.-дем. конца 90-х годов, «Искра» игнорирует отсутствие в то время условий для иной работы, кроме борьбы за мелкие требования» — заявляют экономисты в своем «письме в русс. с.-д. органы» («Искра» № 12). Приведенные в тексте факты доказывают, что это утверждение об «отсутствии условий» *диаметрально противоположно истине*. Не только в конце, но и в половине 90-х годов вполне были на-лицо все условия для *иной* работы, кроме борьбы за мелкие требования, все условия кроме достаточной подготовки руководителей. И вот вместо того, чтобы открыто признать этот недостаток подготовки со стороны нас, идеологов, руководителей, — «экономисты» хотят свалить все на «отсутствие условий», на влияние материальной среды, определяющей путь, с которого не совлечь движения никаким идеологам. Что это такое, как не раболепство пред стихийностью? как не влюбленность «идеологов» в свои недостатки?

свое *раболепство и преклонение пред стихийностью.* Этому направлению, содержание которого очень неточно характеризуется слишком узким для его выражения понятием «экономизма», пора подвести итоги.

б) ПРЕКЛОНЕНИЕ ПРЕД СТИХИЙНОСТЬЮ. «РАБОЧАЯ МЫСЛЬ».

Прежде чем переходить к литературным проявлениям этого преклонения, отметим следующий характерный факт (сообщенный нам из упомянутого выше источника), который бросает некоторый свет на то, как в среде действовавших в Петербурге товарищей возникала*) и росла рознь будущих двух направлений русской социал-демократии. В начале 1897 года А. А. Ванееву и некоторым из его товарищей пришлось участвовать, перед отправкой их в ссылку, на одном частном собрании, где сошлись «старые» и «молодые» члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Беседа велась главным образом об организации и в частности о том самом «уставе рабочей кассы», который в окончательном своем виде напечатан в № 9—10 «Листка Работника» (стр. 46)[186]. Между «стариками» («декабристами», как их звали тогда в шутку петербургские социал-демократы) и некоторыми из «молодых» (принимавшими впоследствии близкое участие в «Раб. Мысли») сразу обнаружилось резкое разногласие и разгорелась горячая полемика. «Молодые» защищали главные основания устава в том виде, как он напечатан. «Старики» говорили, что нам нужно прежде всего вовсе не это, а упрочение «Союза борьбы» в организацию революционеров, которой должны быть соподчинены различные рабочие кассы, кружки для пропаганды среди учащейся молодежи и т. под. Само собою разумеется, что спорившие далеки были от мысли видеть в этом разногласии начало расхождения, считая его, наоборот, единичным и случайным[187]. Но этот факт показывает, что возникновение и распространение «экономизма» шло и в России отнюдь не без борьбы с «старыми» социал-демократами (это часто забывают нынешние экономисты). И если эта борьба не оставила, по большей части, «документальных» следов, то причина этого *единственно* та, что состав работающих кружков менялся невероятно часто, никакая преемственность не устанавливалась, а потому и разногласия не фиксировались никакими документами.

Возникновение «Раб. Мысли» вывело экономизм на свет божий, но тоже не сразу. Надо конкретно представить себе условия работы и кратковременность жизни массы русских кружков (а конкретно представляет себе это только тот, кто это пережил),

*) В издании 1908 года: «возникла». *Ред.*

чтобы понять, как много случайного было в успехе или неуспехе нового направления в разных городах и как долго ни сторонники, ни противники этого «нового» не могли, буквально-таки не имели никакой возможности определить, действительно ли это особое направление или просто выражение неподготовленности отдельных лиц. Например, первые гектографированные номера «Раб. Мысли» остались даже совершенно неизвестны громадному большинству социал-демократов, и если мы теперь можем ссылаться на передовицу первого ее номера [188]), то только благодаря перепечатке ее в статье В. И—а («Листок Работника», № 9—10, стр. 47 и сл.) [189]), который не преминул, разумеется, усердно — не по разуму усердно — расхвалить новую газету, столь резко отличавшуюся от названных нами выше газет и проектов газет *). А на передовице этой стоит остановиться — настолько рельефно выразила она *весь дух* «Раб. Мысли» и экономизма вообще.

Указав на то, что руке в синем обшлаге не удержать развития рабочего движения, передовица продолжает: «...Такой живучестью рабочее движение обязано тому, что рабочий сам берется наконец за свою судьбу, вырвав ее из рук руководителей», и этот основной тезис подробно развивается дальше. На самом деле, руководители (т.-е. социал-демократы, организаторы Союза борьбы) были вырваны полицией из рук, можно сказать, рабочих **), — а дело представляется так, будто рабочие вели борьбу с этими руководителями и освободились от их ига! Вместо того, чтобы звать вперед, к упрочению революционной организации и расширению политической деятельности, стали звать *назад*, к одной трэд-юнионистской борьбе. Провозгласили, что «экономическая основа движения затемняется стремлением постоянно не забывать политический идеал», что девиз рабочего движения — «борьба за экономическое положение» (!) или, еще лучше, «рабочие для рабочих»; объявлялось, что стачечные кассы «дороже для движения, чем сотня других организаций» (сравните это, относящееся к октябрю 1897 года, утверждение с спором «декабристов» с молодыми в начале 1897 года) и т. п. Словечки в том роде, что во главу угла надо ставить не «сливки» рабочих, а «среднего» рабо-

*) Кстати, эта похвала «Р. Мысли» в ноябре 1898 г., когда экономизм, особенно за границей, вполне определился, исходила от того самого В. И—а, который вскоре сделался одним из редакторов «Раб. Дела». И «Раб. Дело» отрицало еще существование двух направлений в русской социал-демократии, как продолжает отрицать и теперь!

**) Что это сравнение правильно, можно видеть из следующего характерного факта. Когда после ареста «декабристов» среди рабочих Шлиссельбургского тракта распространилось известие, что провалу посодействовал близкий к одной из соприкасавшихся с «декабристами» групп провокатор Н. Н. Михайлов (зубной врач), то эти рабочие были так возмущены, что решили убить Михайлова.

чего, массового рабочего, что «политика всегда послушно следует за экономикой» *) и т. д. и т. д., сделались модой и приобрели неотразимое влияние на массу привлекаемой к движению молодежи, знакомой в большинстве случаев только с обрывками марксизма в легальном его изложении.

Это было полным подавлением сознательности стихийностью — стихийностью тех «социал-демократов», которые повторяли «идеи» г-на В. В., стихийностью тех рабочих, которые поддавались тому доводу, что копейка на рубль ближе и дороже, чем всякий социализм и всякая политика, что они должны вести «борьбу, зная, что борются они не для каких-то будущих поколений, а для себя и своих детей» (передовая № 1 «Р. Мысли»). Подобные фразы составляли всегда излюбленное оружие тех западно-европейских буржуа, которые, ненавидя социализм, сами работали (вроде немецкого «социал-политика» Гирша) над пересаживанием английского трэд-юнионизма на родную почву, говоря рабочим, что только-профессиональная борьба **) есть именно борьба для самих себя и своих детей, а не для каких-то будущих поколений с каким-то будущим социализмом, — и теперь «В. В. русской социал-демократии» принялись повторять эти буржуазные фразы. Важно отметить здесь три обстоятельства, которые нам очень пригодятся при дальнейшем разборе *современных* разногласий ***).

Во-первых, указанное нами подавление сознательности стихийностью произошло тоже *стихийным путем*. Это кажется каламбуром, но это — увы! — горькая правда. Оно произошло не путем открытой борьбы двух совершенно противоположных воззрений и победы одного над другим, а путем «вырывания» жандармами все большего и большего числа революционеров-«стариков» и путем все большего и большего выступления на сцену «молодых» «В. В. русской социал-демократии». Всякий, кто — не скажу: участвовал в *современном* русском движении, а хотя бы только нюхал его воздух, превосходно знает, что дело обстоит именно так. И если мы тем не менее особенно настаиваем на

*) Из той же передовицы первого номера «Рабочей Мысли». Можно судить по этому, какова была теоретическая подготовленность этих «В. В. русской социал-демократии» [100]), которые повторяли грубое опошление «экономического материализма» в то самое время, когда в литературе шла война марксистов против настоящего г. В. В., давно уже прозванного «реакционных дел мастером» за *такое же* понимание отношения политики и экономики!

**) У немцев есть даже особое слово: «Nur-Gewerkschaftler», обозначающее сторонников «только-профессиональной» борьбы.

***) Мы подчеркиваем *современных* по адресу тех, кто фарисейски пожмет плечами и скажет: теперь легко разносить «Рабочую Мысль», но только это ведь архаизм! Mutato nomine de te fabula narratur (под другим именем о тебе сказка сказывается. *Ред.*) — ответим мы таким современным фарисеям, полное порабощение которых идеями «Раб. Мысли» будет *доказано* ниже.

том, чтобы читатель вполне уяснил себе этот общеизвестный факт, если мы для наглядности, так сказать, приводим данные о «Рабочем Деле» первой формации и о споре между «стариками» и «молодыми» в начале 1897 года, — то это потому, что на незнание широкой публикой (или совсем юной молодежью) этого факта спекулируют люди, хвастающиеся своим «демократизмом». Мы вернемся еще к этому ниже.

Во-вторых, уже на первом литературном проявлении экономизма мы можем наблюдать то в высшей степени своеобразное и крайне характерное для понимания всех разногласий в среде современных социал-демократов явление, что сторонники «чисто-рабочего движения», поклонники самой тесной и самой «органической» (выражение «Раб. Дела») связи с пролетарской борьбой, противники всякой не-рабочей интеллигенции (хотя бы это была и социалистическая интеллигенция) вынуждены прибегать для защиты своей позиции к доводам *буржуазных* «только-трэдюнионистов». Это показывает нам, что «Р. Мысль», с самого своего начала, приплясась — бессознательно для самой себя — осуществлять программу «Credo». Это показывает,— (чего никак не может понять «Р. Дело»), — что *всякое* преклонение пред стихийностью рабочего движения, всякое умаление роли «сознательного элемента», роли социал-демократии *означает* тем самым, — *совершенно независимо от того, желает ли этого умаляющий или нет, — усиление влияния буржуазной идеологии на рабочих.* Все, кто толкует о «переоценке идеологии» *), о преувеличении роли сознательного элемента **) и т. п., воображают, что чисто-рабочее движение само по себе может выработать и выработает себе самостоятельную идеологию, лишь бы только рабочие «вырвали из рук руководителей свою судьбу». Но это глубокая ошибка. В дополнение к сказанному выше, приведем еще следующие, глубоко справедливые и важные слова К. Каутского, сказанные им по поводу проекта новой программы австрийской социал-демократической партии ***):

«Многие из наших ревизионистских критиков полагают, будто Маркс утверждал, что экономическое развитие и классовая борьба создают не только условия социалистического производства, но также и непосредственно порождают *сознание* (курсив К. К.) его необходимости. И вот эти критики возражают, что страна наиболее высокого капиталистического развития, Англия, всего более чужда этому сознанию. На основании проекта можно было бы думать, что этот якобы ортодоксально-марксистский взгляд, опровергаемый указанным способом, разделяет и комиссия, вырабатывавшая австрийскую программу. В проекте значится: «Чем более капита-

*) Письмо «экономистов» в № 12 «Искры».
**) «Р. Дело» № 10.
***) «Neue Zeit», 1901 — 1902, XX, I, № 3, стр. 79. Проект комиссии, о котором говорит К. Каутский, принят Венским съездом (в конце прошлого года) в несколько измененном виде [191]).

листическое развитие увеличивает пролетариат, тем более он вынуждается и получает возможность вести борьбу против капитализма. Пролетариат приходит к сознанию» возможности и необходимости социализма. В такой связи, социалистическое сознание представляется необходимым непосредственным результатом пролетарской классовой борьбы. А это совершенно неверно. Разумеется, социализм, как учение, столь же коренится в современных экономических отношениях, как и классовая борьба пролетариата, столь же, как и эта последняя, вытекает из борьбы против порождаемой капитализмом бедности и нищеты масс, но социализм и классовая борьба возникают рядом одно с другим, а не одно из другого, возникают при различных предпосылках. Современное социалистическое сознание может возникнуть только на основании глубокого научного знания. В самом деле, современная экономическая наука настолько же является условием социалистического производства, как и современная, скажем, техника, а пролетариат при всем своем желании не может создать ни той, ни другой; обе они возникают из современного общественного процесса. Носителем же науки является не пролетариат, а *буржуазная интеллигенция* (курсив К. К.): в головах отдельных членов этого слоя возник ведь и современный социализм, и ими уже был сообщен выдающимся по своему умственному развитию пролетариям, которые затем вносят его в классовую борьбу пролетариата там, где это допускают условия. Таким образом социалистическое сознание есть нечто извне внесенное (von Aussen Hineingetragenes) в классовую борьбу пролетариата, а не нечто стихийно (urwüchsig) из нее возникшее. Соответственно этому старая гайнфельдская программа и говорила совершенно справедливо, что задачей социал-демократии является внесение в пролетариат (буквально: наполнение пролетариата) *сознания* его положения и сознания его задачи. В этом не было бы надобности, если бы это сознание само собой проистекало из классовой борьбы. Новый же проект перенял это положение из старой программы и пришил его к вышеприведенному положению. Но это совершенно перервало ход мысли...»

Раз о самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи *), то вопрос стоит *только так:* буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой «третьей» идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда вне-классовой или над-классовой идеологии). Поэтому *всякое* умаление социалистической идеологии, *всякое отстранение* от нее

*) Это не значит, конечно, что рабочие не участвуют в этой выработке. Но они участвуют не в качестве рабочих, а в качестве теоретиков социализма, в качестве Прудонов и Вейтлингов, участвуют, другими словами, лишь тогда и постольку, поскольку им в большей или меньшей степени удается овладевать знанием своего века и двигать вперед это знание. А чтобы рабочим *чаще удавалось это*, для этого необходимо как можно больше заботиться о повышении уровня сознательности рабочих вообще, для этого необходимо, чтобы рабочие не замыкались в искусственно суженные рамки *«литературы для рабочих»*, а учились бы овладевать все больше и больше *общей литературой*. Вернее даже было бы сказать вместо «замыкались» — были замыкаемы, потому, что рабочие-то сами читают и хотят читать все, что пишут и для интеллигенции, и только некоторые (плохие) интеллигенты думают, что «для рабочих» достаточно рассказывать о фабричных порядках и пережевывать давно известное.

означает тем самым усиление идеологии буржуазной. Толкуют о стихийности. Но *стихийное* развитие рабочего движения идет именно к подчинению его буржуазной идеологии, *идет именно по программе* «Credo», ибо стихийное рабочее движение есть трэд-юнионизм, есть Nur-Gewerkschaftlerei, а трэд-юнионизм означает как раз идейное порабощение рабочих буржуазией. Поэтому наша задача, задача социал-демократии, состоит в *борьбе с стихийностью,* состоит в том, чтобы *совлечь* рабочее движение с этого стихийного стремления трэд-юнионизма под крылышко буржуазии и привлечь его под крылышко революционной социал-демократии. Фраза авторов «экономического» письма в № 12 «Искры», что никакие усилия самых вдохновенных идеологов не могут совлечь рабочего движения с пути, определяемого взаимодействием материальных элементов и материальной среды, *совершенно равносильна* поэтому *отказу от социализма,* и если бы эти авторы способны были продумать то, что они говорят, до конца бесстрашно и последовательно, как должен продумывать свои мысли всякий, кто выступает на арену литературной и общественной деятельности, то им ничего не осталось бы, как «сложить на пустой груди ненужные руки» и... и предоставить поле действия гг. Струве и Прокоповичам, которые тянут рабочее движение «по линии наименьшего сопротивления», т.-е. по линии буржуазного трэд-юнионизма, или гг. Зубатовым, которые тянут его по линии поповско-жандармской «идеологии».

Вспомните пример Германии. В чем состояла историческая заслуга Лассаля пред немецким рабочим движением? В том, что он *совлек* это движение с того пути прогрессистского трэд-юнионизма и кооперативизма, на который оно стихийно направлялось *(при благосклонном участии Шульце-Деличей и им подобных).* Для исполнения этой задачи нужно было нечто, совсем не похожее на разговоры о преуменьшении стихийного элемента, о тактике-процессе, о взаимодействии элементов и среды и т. п. Для этого нужна была *отчаянная борьба с стихийностью,* и только в результате такой, долгие-долгие годы ведшейся борьбы достигнуто было, например, то, что рабочее население Берлина из опоры прогрессистской партии сделалось одной из лучших крепостей социал-демократии. И борьба эта отнюдь не закончена и по-сейчас (как могло бы показаться людям, изучающим историю немецкого движения по Прокоповичу [192]), а философию его по Струве [193])). И сейчас немецкий рабочий класс, если можно так выразиться, раздроблен между несколькими идеологиями: часть рабочих объединена в католические и монархические рабочие союзы, другая — в гирш-дункеровские [194]), основанные буржуазными поклонниками английского трэд-юнионизма, третья — в союзы социал-демократические. Последняя часть неизмеримо больше всех остальных, по этого главенства социал-демократиче-

ская идеология могла добиться и это главенство она сможет сохранить только путем неуклонной борьбы со всеми остальными идеологиями.

Но почему же — спросит читатель — стихийное движение, движение по линии наименьшего сопротивления идет именно к господству буржуазной идеологии? По той простой причине, что буржуазная идеология по происхождению своему гораздо старше, чем социалистическая, что она более всесторонне разработана, что она обладает *неизмеримо* бо́льшими средствами распространения *). И чем моложе социалистическое движение в какой-либо стране, тем энергичнее должна быть поэтому борьба против всех попыток упрочить несоциалистическую идеологию, тем решительнее надо предостерегать рабочих от тех плохих советчиков, которые кричат против «преувеличения сознательного элемента» и т. п. Авторы экономического письма громят, в унисон с «Раб. Делом», нетерпимость, свойственную младенческому периоду движения. Мы ответим на это: да, наше движение действительно находится в младенческом состоянии, и для того, чтобы скорее возмужать, оно должно именно заразиться нетерпимостью по отношению к людям, задерживающим его рост своим преклонением пред стихийностью. Нет ничего смешнее и ничего вреднее, как корчить из себя стариков, давно уже переживших все решительные эпизоды борьбы!

В-третьих, первый номер «Раб. Мысли» показывает нам, что название «экономизм» (от которого мы не думаем, разумеется, отказываться, ибо так или иначе, а эта кличка уже установилась) недостаточно точно передает сущность нового направления. «Раб. Мысль» не отрицает совершенно политической борьбы: в том уставе кассы, который напечатан в № 1 «Раб. Мысли», говорится о борьбе с правительством. «Рабочая Мысль» полагает лишь, что «политика всегда послушно следует за экономикой» (а «Рабочее Дело» варьирует этот тезис, уверяя в своей программе, что «в России более, чем во всякой другой стране, экономическая борьба *неразрывна* с политической»). Эти положения «Рабочей Мысли» и «Рабочего Дела» совершенно неверны, *если понимать под политикой социал-демократическую политику*. Очень часто экономическая борьба рабочих бывает

*) Часто говорят: рабочий класс *стихийно* влечется к социализму. Это совершенно справедливо, в том смысле, что социалистическая теория всех глубже и всех вернее определяет причины бедствий рабочего класса, а потому рабочие и усваивают ее так легко, *если* только эта теория сама не пасует пред стихийностью, *если* только она подчиняет себе стихийность. Обыкновенно это подразумевается само собою, но «*Раб. Дело*» как раз забывает и извращает это подразумеваемое. Рабочий класс стихийно влечется к социализму, но наиболее распространенная (и постоянно воскрешаемая в самых разнообразных формах) буржуазная идеология тем не менее стихийно всего более навязывается рабочему.

связана (хотя и не неразрывно) с политикой буржуазной, клерикальной и проч., как мы уже видели. Положения «Раб. Дела» верны, если понимать под политикой политику трэд-юнионистскую, т.-е. общее стремление всех рабочих добиваться себе от государства тех или иных мероприятий, направленных против бедствий, свойственных их положению, но еще не устраняющих этого положения, т.-е. не уничтожающих подчинения труда капиталу. Это стремление действительно обще и английским трэд-юнионистам, враждебно относящимся к социализму, и католическим рабочим, и «зубатовским» рабочим, и проч. Есть политика и политика. Таким образом мы видим, что и по отношению к политической борьбе «Раб. Мысль» проявляет не столько отрицание ее, сколько преклонение пред ее *стихийностью*, пред ее бессознательностью. Вполне признавая стихийно вырастающую из самого рабочего движения политическую борьбу (вернее: политические пожелания и требования рабочих), она совершенно отказывается от *самостоятельной выработки* специфической *социал-демократической политики*, отвечающей общим задачам социализма и современным русским условиям. Ниже мы покажем, что такова же ошибка и «Раб. Дела».

в) «ГРУППА САМООСВОБОЖДЕНИЯ» И «РАБОЧЕЕ ДЕЛО».

Мы разобрали так подробно мало известную и почти забытую в настоящее время передовицу первого номера «Раб. Мысли», потому что она всех раньше и всех рельефнее выразила ту общую струю, которая потом выплывала на свет божий бесчисленными мелкими струйками. В. И—ъ был совершенно прав, когда, расхваливая первый номер и передовицу «Раб. Мысли», сказал, что она написана «резко, с задором» («Лист. Раб.» № 9 — 10, стр. 49). Всякий убежденный в своем мнении человек, думающий, что он дает нечто новое, пишет «с задором», и пишет так, что рельефно выражает свои взгляды. Только у людей, привыкших сидеть между двух стульев, нет никакого «задора», только такие люди способны, похвалив вчера задор «Раб. Мысли», нападать сегодня за «полемический задор» на ее противников.

Не останавливаясь на «Отдельном приложении к Раб. Мысли» (нам придется ниже по различным поводам ссылаться на это произведение, всего последовательнее выражающее идеи экономистов), мы отметим только вкратце «воззвание группы самоосвобождения рабочих» (март 1899 г., перепечатано в лондонском «Накануне» [193]), № 7, июнь 1899 г.). Авторы этого воззвания очень справедливо говорят, что «рабочая Россия *еще только просыпается*, только осматривается кругом и *инстинктивно хватается за первые попавшиеся* средства борьбы», но делают из этого тот

же неправильный вывод, как и «Р. Мысль», забывая, что пистиктивность и есть бессознательность (стихийность), которой должны придти на помощь социалисты, что «первыми попавшимися» средствами борьбы всегда будут в современном обществе трэд-юнионистские средства борьбы, а «первой попавшейся» идеологией — буржуазная (трэд-юнионистская) идеология. Точно также не «отрицают» эти авторы и политики, а говорят только (только!), вслед за г. В. В., что политика есть надстройка, а потому «политическая агитация должна быть надстройкой над агитацией в пользу борьбы экономической, должна вырастать на почве этой борьбы и идти за нею».

Что касается до «Р. Дела», то оно прямо начало свою деятельность с «защиты» экономистов. Сказав *прямую неправду* в первом же своем номере (№ 1, стр. 141 — 142[196])), будто оно «не знает, о каких молодых товарищах говорил Аксельрод», предостерегавший экономистов в своей известной брошюре *), «Раб. Дело» в разгоревшейся по поводу этой неправды полемике с Аксельродом и Плехановым должно было признать, что оно «в форме недоумения хотело *защитить* всех более молодых заграничных социал-демократов от этого несправедливого обвинения» (обвинения экономистов Аксельродом в узости). На самом деле, обвинение это было вполне справедливо, и «Р. Дело» прекрасно знало, что оно падало между прочим и на члена его редакции В. И—на. Замечу кстати, что в указанной полемике Аксельрод был совершенно прав и «Р. Дело» совершенно не право в толковании моей брошюры: «Задачи русских социал-демократов» **). Эта брошюра писана в 1897 году, еще до появления «Раб. Мысли», когда я считал и вправе был считать господствующим *первоначальное* направление СПБ Союза борьбы, охарактеризованное мной выше. И по крайней мере до половины 1898 года это направление действительно было господствующим[197]). Поэтому ссылаться в опровержение существования и опасности экономизма на брошюру, излагавшую взгляды, которые были *вытеснены* в С.-Петербурге в 1897 — 1898 г. «экономическими» взглядами, «Р. Дело» не имело ни малейшего права ***).

*) «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов». Женева 1898. Два письма в «Рабочую Газету», писанные в 1897 году.

**) См. II том Сочинений, стр. 167. *Ред.*

***) Первую свою неправду («мы не знаем, о каких молодых товарищах говорил П. Б. Аксельрод») «Р. Дело», защищаясь, дополнило второй, когда писало в «Ответе»: «С тех пор, как написана рецензия на «Задачи», среди некоторых русских социал-демократов возникли или более или менее ясно определились тенденции к экономической односторонности, являющиеся шагом назад по сравнению с тем состоянием нашего движения, которое изображено в «Задачах»» (стр. 9). Так говорит «Ответ», вышедший *в 1900 году*. А первый номер «Р. Д.» (с рецензией) вышел *в апреле 1899 года*.

Но «Р. Дело» не только «защищало» экономистов, а также и само сбивалось постоянно на их основные заблуждения. Источник этой сбивчивости лежал в двусмысленном понимании следующего тезиса программы «Р. Дела»: «важнейшим явлением русской жизни, которое главным образом *будет определять задачи* (курс. наш) и характер литературной деятельности Союза, мы считаем возникшее за последние годы *массовое рабочее движение*» (курс. «Р. Д.»). Что массовое движение есть явление важнейшее, об этом не может быть спора. Но весь вопрос в том, как понимать «определение задач» этим массовым движением. Понимать это можно двояко: *или* в смысле преклонения пред стихийностью этого движения, т.-е. сведения роли социал-демократии до простого прислужничества рабочему движению как таковому (понимание «Раб. Мысли», «группы самоосвобождения» и прочих экономистов); *или* же в том смысле, что массовое движение ставит перед нами *новые* теоретические, политические, организационные задачи, гораздо более сложные, чем те, которыми можно было удовлетворяться в период до возникновения массового движения. «Раб. Дело» склонялось и склоняется именно к первому пониманию, потому что оно ни о каких новых задачах ничего определенного не говорило, а рассуждало все время именно так, как будто бы это «массовое движение» *избавляет* нас от необходимости ясно сознать и решить выдвигаемые им задачи. Достаточно сослаться на то, что «Р. Дело» считало невозможным ставить массовому рабочему движению *первой* задачей — низвержение самодержавия, принижая эту задачу (во имя массового движения) до задачи борьбы за ближайшие политические требования («Ответ», стр. 25).

Минуя статью редактора «Раб. Дела» Б. Кричевского в № 7 — «Экономическая и политическая борьба в русском движении», статью, повторяющую те же самые ошибки *), перейдем прямо

Неужели в 1899 году только возник экономизм? Нет, в 1899 г. впервые раздался протест *русских* социал-демократов против экономизма (протест против «Credo»). Экономизм же возник в 1897 году, как это отлично знает «Р. Дело», ибо *В. И.—ъ* уже *в ноябре 1898 года* («Лист. Раб.», № 9—10) расхваливал «Раб. Мысль». (Это примечание исключено автором в издании 1908 года. *Ред.*)

*) «Теория стадий» или теория «робкого зигзага» в политической борьбе выражается, например, в этой статье так: «Политические требования, по своему характеру общие для всей России, должны однако на первых порах» (это писано в августе 1900 г.!) «соответствовать опыту, извлеченному данным слоем (sic!) рабочих из экономической борьбы. Только (!) на почве этого опыта можно и должно приступать к политической агитации» и т. д. (стр. 11). На стр. 4 автор, восставая против совершенно неосновательных, по его мнению, обвинений в экономической ереси, патетически восклицает: «Какой же социал-демократ не знает, что по учению Маркса и Энгельса экономические интересы отдельных классов играют решающую роль в истории и, *следовательно*, в частности

к № 10 «Р. Дела». Мы не станем, конечно, входить в разбор отдельных возражений Б. Кричевского и Мартынова против «Зари» и «Искры». Нас интересует здесь только та принципиальная позиция, которую заняло в № 10 «Рабочее Дело». Мы не будем, например, разбирать того курьеза, что «Р. Дело» усмотрело «диаметральное противоречие» между положением:

«Социал-демократия не связывает себе рук, не суживает своей деятельности одним каким-нибудь заранее придуманным планом или приемом политической борьбы, — она признает все средства борьбы, лишь бы они соответствовали наличным силам партии» и т. д. (№ 1 «Искры») *).

и положением:

«Если нет крепкой организации, искушенной в политической борьбе при всякой обстановке и во всякие периоды, то не может быть и речи о том систематическом, освещенном твердыми принципами и неуклонно проводимом плане деятельности, который только и заслуживает названия тактики» (№ 4 «Искры») **).

Смешать *принципиальное* признание всех средств борьбы, всех планов и приемов, лишь бы они были целесообразны, — с требованием *в данный политический момент* руководиться неуклонно проводимым планом, если хочешь толковать о тактике, это значило все равно что смешать признание медициной всяких систем лечения с требованием держаться одной определенной системы при лечении данной болезни. Но в том-то и дело, что «Раб. Дело», само страдая болезнью, которую мы назвали преклонением пред стихийностью, не хочет признать никаких «систем лечения» *этой* болезни. Оно сделало поэтому замечательное открытие, что «тактика-план противоречит основному духу марксизма» (№ 10, стр. 18), что тактика есть «*процесс роста партийных задач, растущих вместе с партией*» (стр. 11, курс. «Р. Д.»). Это последнее изречение имеет все шансы сделаться знаменитым изречением, неразрушимым памятником «направления» «Раб. Дела». На вопрос: «*куда идти?*» руководящий орган дает ответ: движение есть процесс изменения расстояния между исходным и после-

---

борьба пролетариата за свои экономические интересы должна иметь первостепенное значение для его классового развития и освободительной борьбы?» (курс. наш). Это «следовательно» совершенно неуместно. Из того, что экономические интересы играют решающую роль, *отнюдь не следует* никакого вывода о первостепенном значении экономической (= профессиональной) борьбы, ибо самые существенные, «решающие» интересы классов могут быть удовлетворены *только* коренными *политическими* преобразованиями вообще; в частности, основной экономический интерес пролетариата может быть удовлетворен только посредством политической революции, заменяющей диктатуру буржуазии диктатурой пролетариата. Б. Кричевский повторяет рассуждение «В. В. русской социал-демократии» (— политика следует за экономикой и т. п.) и бернштейнианцев немецкой (напр., Вольтман именно таким рассуждением доказывал, что рабочие должны сначала приобрести «экономическую силу», прежде чем думать о политической революции) [198].

*) См. настоящий том, стр. 58—59. *Ред.*

**) См. настоящий том, стр. 108. *Ред.*

дующим пунктами движения. Это несравненное глубокомыслие представляет из себя однако не только курьез (тогда бы на нем не стоило особенно останавливаться), но и *программу целого направления*, именно: ту самую программу, которую Р. М. (в «Отдельном приложении к Раб. Мысли») выразил словами: желательна та борьба, которая возможна, а возможна та, которая идет в данную минуту. Это как раз направление безграничного оппортунизма, пассивно приспособляющегося к стихийности.

«Тактика-план противоречит основному духу марксизма!» Да это клевета на марксизм, превращение его в ту самую карикатуру, которую противопоставляли нам в войне с нами народники. Это именно принижение инициативы и энергии сознательных деятелей, тогда как марксизм дает, напротив, гигантский толчок инициативе и энергии социал-демократа, открывая ему самые широкие перспективы, отдавая (если можно так выразиться) в его распоряжение могучие силы миллионов и миллионов «стихийно» поднимающегося на борьбу рабочего класса! Вся история международной социал-демократии кишит планами, которые выдвигались то одним, то другим политическим вождем, оправдывая дальновидность и верность политических, организационных взглядов одного, обнаруживая близорукость и политические ошибки другого. Когда Германия испытала один из величайших исторических переломов — образование империи, открытие рейхстага, дарование всеобщего избирательного права, — один план социал-демократической политики и работы вообще был у Либкнехта, другой у Швейцера. Когда на германских социалистов обрушился исключительный закон, — один план был у Моста и Гассельмана, готовых просто звать к насилию и террору, другой — у Хёхберга, Шрамма и (отчасти) Бернштейна, которые стали было проповедывать социал-демократам, что они своей неразумной резкостью и революционностью вызвали закон и должны теперь заслужить примерным поведением прощение; третий план — у тех, кто подготовлял и осуществлял издание нелегального органа. Глядя назад, много лет спустя после того, как борьба из-за вопроса о выборе пути закончилась и история сказала свое последнее решение о пригодности выбранного пути, — нетрудно, конечно, проявить глубокомыслие изречением о росте партийных задач, растущих вместе с партией. Но в момент смуты *), когда русские «критики» и экономисты принижают социал-демократию до трэд-юнионизма, а террористы усиленно проповедуют принятие «тактики-плана», повторяющего старые ошибки, в такой момент ограничиваться подобным глубокомыслием значит выда-

*) Ein Jahr der Verwirrung (год смуты) — так озаглавил Меринг тот параграф своей «Истории германской социал-демократии», в котором он описывает колебания и нерешительность, проявленные сначала социалистами при выборе «тактики-плана», соответствующего новым условиям.

вать себе «свидетельство о бедности». В момент, когда многие русские социал-демократы страдают именно недостатком инициативы и энергии, недостатком «размаха политической пропаганды, агитации и организации» *), недостатком «планов» более широкой постановки революционной работы, — в такой момент говорить: «тактика-план противоречит основному духу марксизма» значит не только теоретически опошлять марксизм, но и практически *тащить партию назад*.

«Революционер-социал-демократ имеет задачей — поучает нас далее «Р. Дело» — своей сознательной работой только ускорять объективное развитие, а не отменять его или заменять его субъективными планами. «Искра» в теории все это знает. Но огромное значение, справедливо придаваемое марксизмом сознательной революционной работе, увлекает ее на практике, благодаря ее доктринерскому взгляду на тактику, к *преуменьшению значения объективного или стихийного элемента развития*» (стр. 18).

Опять величайшая теоретическая путаница, достойная г-на В. В. с братией. Мы спросили бы нашего философа: в чем может выразиться «преуменьшение» объективного развития со стороны составителя субъективных планов? Очевидно в том, что он упустит из виду, что это объективное развитие создает или укрепляет, губит или ослабляет такие-то классы, слои, группы, такие-то нации, группы наций и т. п., обусловливая этим такую-то и такую-то международную и политическую группировку сил, позицию революционных партий и проч. Но вина такого составителя будет состоять тогда не в преуменьшении стихийного элемента, а в преуменьшении, наоборот, *сознательного* элемента, ибо у него не хватит «сознательности» для правильного понимания объективного развития. Поэтому один уже разговор об «оценке *сравнительного* (курс. «Рабочего Дела») значения» стихийности и сознательности обнаруживает полное отсутствие «сознательности». Если известные «стихийные элементы развития» доступны вообще человеческому сознанию, то неправильная оценка их будет равносильна «преуменьшению сознательного элемента». А если они недоступны сознанию, то мы их не знаем и говорить о них не можем. О чем же толкует Б. Кричевский? Если он находит ошибочными «субъективные планы» «Искры» (а он их именно объявляет ошибочными), то он должен был бы показать, какие именно объективные факты игнорируются этими планами, и обвинить «Искру» за это игнорирование *в недостатке сознательности*, в «преуменьшении сознательного элемента», выражаясь его языком. Если же он, недовольный субъективными планами, не имеет других аргументов кроме ссылки на «преуменьшение стихийного элемента» (!!), то он доказывает этим лишь, что он (1) теоре-

*) Из передовой статьи № 1 «Искры». (См. настоящий том, стр. 57. *Ред.*)

тически — понимает марксизм à la Кареевы и Михайловские, достаточно осмеянные Бельтовым [199]), (2) практически — вполне доволен теми «стихийными элементами развития», которые увлекали наших легальных марксистов в бернштейнианство, а наших социал-демократов в экономизм, и что он «зело сердит» на людей, решившихся во что бы то ни стало *совлечь* русскую социал-демократию с пути «стихийного» развития.

А дальше уже идут совсем веселые вещи. «Подобно тому, как люди, несмотря ни на какие успехи естественных наук, будут размножаться стародедовским способом,— так и появление на свет нового общественного порядка, несмотря ни на какие успехи общественных наук и рост сознательных борцов, и впредь будет являться результатом *преимущественно* стихийных взрывов» (19). Подобно тому, как стародедовская мудрость гласит: чтобы иметь детей, кому ума не доставало?— так мудрость «новейших социалистов» (à la Нарцис Тупорылов[200])) гласит: чтобы участвовать в стихийном появлении на свет нового общественного порядка, ума хватит у всякого. Мы думаем тоже, что у всякого хватит. Для такого участия достаточно *поддаваться* — экономизму, когда царит экономизм, — терроризму, когда возник терроризм. Так, «Раб. Дело», весной этого года, когда так важно было предостеречь от увлечения террором, с недоумением стояло перед «новым» для него вопросом. А теперь, полгода спустя, когда вопрос перестал быть такой злобой дня, оно в одно и то же время преподносит нам и заявление: «мы думаем, что задачей социал-демократии не может и не должно быть противодействие подъему террористических настроений» («Р. Д.», № 10, стр. 23) и резолюцию съезда: «Систематический наступательный террор съезд признает несвоевременным» («Два съезда», стр. 18). Как это замечательно ясно и связно! Не противодействуем, — но объявляем несвоевременным, притом объявляем так, что несистематический и оборонительный террор «резолюцией» не объемлется. Надо признать, что такая резолюция очень безопасна и вполне гарантирована от ошибочности,— как гарантирован от ошибок человек, который говорил для того, чтобы ничего не сказать! И для составления такой резолюции нужно только одно: уметь держаться *за хвост* движения. Когда «Искра» посмеялась над тем, что «Раб. Дело» объявило вопрос о терроре новым вопросом*), то «Р. Дело» сердито обвинило «Искру» в «прямо невероятной претензии навязывать партийной организации решение тактических вопросов, данное группой писателей-эмигрантов более 15 лет тому назад» (стр. 24). Действительно, какая претенциозность и какое преувеличение сознательного элемента: решать вопросы заранее теоретически с тем, чтобы потом убеждать в правильности этого реше-

*) См. настоящий том, стр. 108. *Ред.*

ция и организацию, и партию, и массу! *). То ли дело просто зады повторять и, никому ничего не «навязывая», подчиняться каждому «повороту» и в сторону экономизма, и в сторону терроризма. «Раб. Дело» даже обобщает этот великий завет житейской мудрости **), обвиняя «Искру» и «Зарю» в «противопоставлении своей программы движению как духа, витающего над бесформенным хаосом» (стр. 29). В чем же состоит роль социал-демократии, как не в том, чтобы быть «духом», не только витающим над стихийным движением, но и *поднимающим* это последнее *до «своей программы»?* Не в том же ведь, чтобы тащиться в *хвосте* движения: в лучшем случае это бесполезно для движения, в худшем — очень и очень вредно. «Рабочее» же «Дело» не только следует этой «тактике-процессу», но и возводит ее в принцип, так что и направление его вернее было бы назвать не оппортунизм, а (от слова: хвост) *хвостизмом.* И нельзя не признаться, что люди, твердо решившие всегда идти за движением в качестве его хвоста, навсегда и абсолютно гарантированы от «преуменьшения стихийного элемента развития».

* * *

Итак, мы убедились, что основная ошибка «нового направления» в русской социал-демократии состоит в преклонении пред стихийностью, в непонимании того, что стихийность массы требует от нас, социал-демократов, массы сознательности. Чем больше стихийный подъем масс, чем шире становится движение, тем еще несравненно быстрее возрастает требование на массу сознательности и в теоретической, и в политической, и в организационной работе социал-демократии.

Стихийный подъем масс в России произошел (и продолжает происходить) с такой быстротой, что социал-демократическая молодежь оказалась неподготовленной к исполнению этих гигантских задач. Эта неподготовленность — наша общая беда, беда *всех* русских социал-демократов. Подъем масс шел и ширился непрерывно и преемственно, не только не прекращаясь там, где он начался, но и захватывая новые местности и новые слои населения (под влиянием рабочего движения оживилось брожение учащейся молодежи, интеллигенции вообще, даже и крестьянства). Революционеры же *отставали* от этого подъема и в своих «теориях», и в своей деятельности, им не удавалось создать непрерывной и преемственной организации, способной *руководить* всем движением.

*) Не надо забывать также и того, что, «теоретически» решая вопрос о терроре, группа «Осв. Тр.» *обобщала* опыт предшествующего революционного движения.

**) В издании 1908 года абзац «А дальше уже идут и т. д.» исключен автором до слов «обвиняя «Искру» и «Зарю»», и соответствующий абзац читается так: ««Раб. Дело» обвиняет и т. д.». *Ред.*

В первой главе мы констатировали приниженне «Рабоч. Делом» наших теоретических задач и «стихийное» повторение им модного клича «свобода критики»: у повторявших не хватило «сознательности» понять диаметральную противоположность позиций «критиков»-оппортунистов и революционеров в Германии и в России.

В следующих главах мы рассмотрим, как выражалось это преклонение пред стихийностью в области политических задач и в организационной работе социал-демократии.

III.

ТРЭД-ЮНИОНИСТСКАЯ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА.

Начнем опять-таки с похвалы «Раб. Делу». «Обличительная литература и пролетарская борьба» — так озаглавил Мартынов свою статью в № 10 «Рабочего Дела» о разногласиях с «Искрой». «Мы не можем ограничиться одним обличением порядков, стоящих на пути ее (рабочей партии) развития. Мы должны также откликаться на ближайшие и текущие интересы пролетариата» (стр. 63) — так формулировал он суть этих разногласий. «...«Искра»... фактически есть орган революционной оппозиции, обличающий наши порядки и преимущественно политические порядки... Мы же работаем и будем работать для рабочего дела в тесной органической связи с пролетарской борьбой» (там же). Нельзя не быть благодарным Мартынову за эту формулировку. Она приобретает выдающийся общий интерес, ибо охватывает, в сущности, вовсе не одни только разногласия наши с «Р. Делом», но и все вообще разногласия между нами и «экономистами» по вопросу о политической борьбе. Мы показали уже, что «экономисты» не отрицают безусловно «политику», а только сбиваются постоянно с социал-демократического на трэд-юнионистское понимание политики. Совершенно так же сбивается и Мартынов, и мы согласны поэтому взять именно его за *образец* экономических заблуждений по данному вопросу. За такой выбор — мы постараемся показать это — на нас не вправе будут претендовать ни авторы «Отдельного приложения к Раб. Мысли», ни авторы прокламации «Группы самоосвобождения», ни авторы экономического письма в № 12 «Искры».

а) ПОЛИТИЧЕСКАЯ АГИТАЦИЯ И ЕЕ СУЖЕНИЕ ЭКОНОМИСТАМИ.

Всем известно, что широкое распространение и упрочение экономической *) борьбы русских рабочих шло рука об руку

*) Заметим, во избежание недоразумений, что в дальнейшем изложении мы понимаем везде под экономической борьбой (согласно установи-

с созданием «литературы» экономических (фабричных и профессиональных) обличений. Главным содержанием «листков» были обличения фабричных порядков, и среди рабочих скоро вспыхнула настоящая страсть к обличениям. Как только рабочие увидали, что кружки социал-демократов хотят и могут доставлять им нового рода листовки, говорящие всю правду о нищенской жизни, непомерно тяжелом труде и бесправном положении их,— они стали, можно сказать, засыпать корреспонденциями с фабрик и заводов. Эта «обличительная литература» производила громадную сенсацию не только на той фабрике, порядки которой бичевал данный листок, но и на всех фабриках, где что-нибудь слышали о разоблаченных фактах. А так как нужды и бедствия рабочих разных заведений и разных профессий имеют много общего, то «правда про рабочую жизнь» восхищала *всех*. Среди самых отсталых рабочих развилась настоящая страсть «печататься» — благородная страсть к этой зачаточной форме войны со всем современным общественным порядком, построенным на грабеже и угнетении. И «листки» в громадном большинстве случаев были действительно объявлением войны, потому что разоблачение оказывало страшно возбуждающее действие, вызывало со стороны рабочих общее требование устранить самые вопиющие безобразия и готовность поддержать эти требования стачками. Сами фабриканты в конце концов до такой степени должны были признать значение этих листков, как объявления войны, что сплошь да рядом не хотели и дожидаться самой войны. Обличения, как и всегда, сделались сильны одним уже фактом своего появления, приобрели значение могучего нравственного давления. Случалось не раз, что одного появления листка оказывалось достаточно для удовлетворения всех или части требований. Одним словом, экономические (фабричные) обличения были и теперь остаются важным рычагом экономической борьбы. И это значение сохранится за ними, пока будет существовать капитализм, порождающий необходимо самозащиту рабочих. В самых передовых европейских странах можно наблюдать и теперь, как обличение безобразий какого-нибудь захолустного «промысла» или какой-нибудь всеми забытой отрасли домашней работы служит исходным пунктом к пробуждению классового сознания, к началу профессиональной борьбы и распространения социализма *).

вшемуся у нас словоупотреблению) ту «практически-экономическую борьбу», которую Энгельс назвал, в приведенной выше цитате, «сопротивлением капиталистам» и которая в свободных странах называется профессиональной, синдикальной или трэд-юнионистской борьбой.

*) В настоящей главе мы говорим только о *политической* борьбе, о более широком или более узком ее понимании. Поэтому лишь мимоходом отметим, просто как курьез, обвинение «Раб. Делом» «Искры» в «излишнем воздержании» по отношению к экономической борьбе («Два съезда», стр. 27, разжевано Мартыновым в его брошюре: «Социал-демократия

Преобладающее большинство русских социал-демократов последнего времени было почти всецело поглощено этой работой по организации фабричных обличений. Достаточно вспомнить «Раб. Мысль», чтобы видеть, до какой степени доходило это поглощение, как при этом забывалось, что *сама по себе* это, в сущности, еще не социал-демократическая, а только трэд-юнионистская деятельность. Обличения захватывали, в сущности, только отношения рабочих *данной профессии* к их хозяевам и достигали только того, что продавцы рабочей силы научались выгоднее продавать этот «товар» и бороться с покупателем на почве чисто коммерческой сделки. Эти обличения могли сделаться (при условии известного использования их организацией революционеров) началом и составной частью социал-демократической деятельности, но могли также (а при условии преклонения пред стихийностью должны были) вести к «только-профессиональной» борьбе и к несоциал-демократическому рабочему движению. Социал-демократия руководит борьбой рабочего класса не только за выгодные условия продажи рабочей силы, а и за уничтожение того общественного строя, который заставляет неимущих продаваться богачам. Социал-демократия представляет рабочий класс не в его отношении к данной только группе предпринимателей, а в его отношении ко всем классам современного общества, к государству, как организованной политической силе. Понятно отсюда, что социал-демократы не только не могут ограничиться экономической борьбой, но и не могут допустить, чтобы организация экономических обличений составляла их преобладающую деятельность. Мы должны активно взяться за политическое воспитание рабочего класса, за развитие его политического сознания. С этим *теперь*, после первого натиска на экономизм со стороны «Зари» с «Искрой», «все согласны» (хотя некоторые только на словах, как мы сейчас увидим).

Спрашивается, в чем же должно состоять политическое воспитание? Можно ли ограничиться пропагандой идеи о враждебности рабочего класса самодержавию? Конечно, нет. Недостаточно *объяснять* политическое угнетение рабочих (как недостаточно было *объяснять* им противоположность их интересов интересам хозяев). Необходимо агитировать по поводу каждого конкретного

и рабочий класс»). Если бы гг. обвинители выразили хотя бы в пудах или печатных листах (как они любят это делать) отдел экономической борьбы в «Искре» за год и сравнили с соответствующим отделом «Р. Дела» и «Р. Мысли», вместе взятых, то они легко увидели бы, что они отстают даже и в этом отношении. Очевидно, сознание этой простой истины заставляет их прибегать к доводам, ясно показывающим их смущение. «Искре» — пишут они — «волей-неволей (!) приходится (!) считаться с властными запросами жизни и хотя бы (!!) помещать корреспонденции о рабочем движении» («Два съезда», стр. 27). Вот уже подлинно уничтожающий нас аргумент!

проявления этого угнетения (как мы стали агитировать по поводу конкретных проявлений экономического гнета). А так как *это* угнетение падает на самые различные классы общества, так как оно проявляется в самых различных областях жизни и деятельности, и профессиональной, и обще-гражданской, и личной, и семейной, и религиозной, и научной, и проч. и проч., то не очевидно ли, что *мы не исполним своей задачи* развивать политическое сознание рабочих, если мы не *возьмем на себя* организацию *всестороннего политического обличения* самодержавия? Ведь для того, чтобы агитировать по поводу конкретных проявлений гнета, надо обличить эти проявления (как надо было обличать фабричные злоупотребления, чтобы вести экономическую агитацию)?

Казалось бы, это ясно? Но именно тут-то и оказывается, что с необходимостью *всесторонне* развивать политическое сознание «все» согласны только на словах. Тут-то и оказывается, что «Раб. Дело», например, не только не брало на себя задачи организовать (или положить почин организации) всесторонних политических обличений, но стало *тащить назад* и «Искру», которая взялась за эту задачу. Слушайте: «Политическая борьба рабочего класса есть лишь» (именно не лишь) «наиболее развитая, широкая и действительная форма экономической борьбы» (программа «Раб. Дела», «Р. Д.», № 1, стр. 3). «Теперь перед социал-демократами стоит задача — как придать по возможности самой экономической борьбе политический характер» (Мартынов в № 10, стр. 42). «Экономическая борьба есть наиболее широко применимое средство для вовлечения массы в активную политическую борьбу» (резолюция съезда Союза и «поправки»: «Два съезда», стр. 11 и 17). Все эти положения проникают собой «Раб. Дело», как видит читатель, с самого его возникновения и вплоть до последних «инструкций редакции», и все они выражают, очевидно, один взгляд на политическую агитацию и борьбу. Присмотритесь же к этому взгляду с точки зрения господствующего у всех экономистов мнения, что политическая агитация должна *следовать* за экономической. Верно ли это, что экономическая борьба есть вообще *) «наиболее широко применимое сред-

*) Мы говорим «вообще», ибо речь идет в «Раб. Деле» именно об общих принципах и общих задачах всей партии. Несомненно, что бывают случаи на практике, когда политика действительно *должна* следовать за экономикой, — но об этом говорить в резолюции, предназначенной для всей России, могут только экономисты. Бывают ведь и такие случаи, когда «с самого начала» *можно* вести политическую агитацию «только на экономической почве», — и тем не менее «Рабоч. Дело» додумалось наконец до того, что в этом «нет никакой необходимости» («Два съезда», стр. 11). В следующей главе мы покажем, что тактика «политиков» и революционеров не только не игнорирует трэд-юнионистских задач социал-демократии, а напротив одна только и *обеспечивает* последовательное их выполнение.

ство» для вовлечения массы в политическую борьбу? Совершенно неверно. Нисколько не менее «широко применимым» средством такого «вовлечения» являются *все и всяческие* проявления полицейского гнета и самодержавного бесчинства, а отнюдь не такие только проявления, которые связаны с экономической борьбой. Земские начальники и телесное наказание крестьян, взяточничество чиновников и обращение полиции с городским «простонародьем», борьба с голодающими и травля народного стремления к свету и знанию, выколачивание податей и преследование сектантов, муштровка солдат и солдатское обращение с студентами и либеральной интеллигенцией,—почему все эти и тысячи других подобных проявлений гнета, непосредственно не связанных с «экономической» борьбой, представляют из себя вообще *менее* «широко применимые» средства и поводы политической агитации, вовлечения массы в политическую борьбу? Как раз напротив: в общей сумме тех жизненных случаев, когда рабочий страдает (за себя или за близких ему людей) от бесправия, произвола и насилия — лишь небольшое меньшинство составляет, несомненно, случаи полицейского гнета именно в профессиональной борьбе. К чему же заранее *суживать* размах политической агитации, объявляя «наиболее широко применимым» лишь *одно* из средств, на-ряду с которыми для социал-демократа должны стоять другие, вообще говоря не менее «широко применимые»?

Во времена давно, давно прошедшие (год тому назад!..) «Раб. Дело» писало: «Ближайшие политические требования становятся доступными для массы после одной или, в крайнем случае, нескольких стачек», «как только правительство пустило в ход полицию и жандармерию» (№ 7, стр. 15, *август* 1900 года [201]). Эта оппортунистическая теория стадий в настоящее время уже отвергнута Союзом, который делает нам уступку, заявляя: «нет никакой необходимости с самого начала вести политическую агитацию только на экономической почве» («Два съезда», стр. 11). Будущий историк русской социал-демократии из одного этого отрицания «Союзом» части своих старых заблуждений увидит лучше, чем из всяких длинных рассуждений, до какого принижения доводили социализм наши экономисты! Но какая же наивность была со стороны Союза воображать, что ценой этого отказа от одной формы суженья политики нас можно побудить согласиться на другую форму суженья! Не логичнее ли было бы и тут сказать, что экономическую борьбу следует вести как можно более широко, что ей всегда следует пользоваться для политической агитации, но «нет никакой необходимости» считать экономическую борьбу *наиболее* широко применимым средством для вовлечения массы в активную политическую борьбу? *)

*) Этот абзац исключен автором в издании 1908 года. *Ред.*

Союз придает значение тому, что он заменил выражением «наиболее широко применимое средство» выражение «лучшее средство», стоящее в соответственной резолюции 4-го съезда [202]) Еврейского Рабочего Союза (Бунда). Мы, право, затруднились бы сказать, какая из этих резолюций лучше: по нашему мнению, *обе хуже*. И Союз и Бунд сбиваются тут (отчасти, может быть, даже бессознательно, под влиянием традиции) на экономическое, трэд-юнионистское толкование политики. Дело нисколько, в сущности, не меняется от того, производится ли это посредством словечка: «лучший» или посредством словечка: «наиболее широко применимый». Если бы Союз сказал, что «политическая агитация на экономической почве» есть наиболее широко применяемое (а не «применимое») средство, то он был бы прав по отношению к известному периоду в развитии нашего социал-демократического движения. Именно он был бы прав по отношению к *экономистам*, по отношению к многим практикам (если не к большинству их) 1898—1901 годов, ибо эти практики-экономисты, действительно, политическую агитацию *применяли* (поскольку они вообще ее применяли!) *почти исключительно на экономической почве. Такую* политическую агитацию признавали и даже рекомендовали, как мы видели, и «Раб. Мысль» и «группа самоосвобождения»! «Раб. Дело» должно было *решительно осудить* то, что полезное дело экономической агитации сопровождалось вредным сужением политической борьбы, а оно вместо того объявляет наиболее широко *применяемое (экономистами)* средство наиболее широко *применимым!* Неудивительно, что когда мы называем этих людей экономистами, им ничего не остается, как ругать нас на все корки и «мистификаторами», и «дезорганизаторами», и «папскими пущиями», и «клеветниками» *), как плакать перед всеми и каждым, что им нанесли кровную обиду, как заявлять чуть ли не с клятвами: «в экономизме теперь решительно ни одна социал-демократическая организация не повинна» **). Ах, эти клеветники, злые — политики! Не нарочно ли они весь экономизм выдумали, чтобы наносить людям, из-за одного только своего человеконенавистничества, обиды кровные? ***)

Какой конкретный, реальный смысл имеет, в устах Мартынова, постановка социал-демократии задачи: «придать самой экономической борьбе политический характер»? Экономическая борьба есть коллективная борьба рабочих с хозяевами за выгодные условия *продажи рабочей силы*, за улучшение условий труда и жизни рабочих. Эта борьба по необходимости является борьбой профессиональной, потому что условия труда крайне разнообразны

*) Подлинные выражения брошюры: «Два съезда», стр. 31, 32, 28 и 30.
**) «Два съезда», стр. 32.
***) Конец этого абзаца, начиная со слова «Неудивительно», исключен автором из издания 1908 года. *Ред.*

в разных профессиях, и, след., борьба за *улучшение* этих условий не может не вестись по профессиям (профессиональными союзами на Западе, профессиональными временными соединениями и листками в России и т. п.). Придать «самой экономической борьбе политический характер», значит, следовательно, добиваться осуществления тех же профессиональных требований, того же профессионального улучшения условий труда посредством «законодательных и административных мероприятий» (как выражается Мартынов на следующей, 43, странице своей статьи). Это именно делают и всегда делали все профессиональные рабочие союзы. Загляните в сочинение основательных ученых (и «основательных» оппортунистов) супругов Вебб [203]), и вы увидите, что английские рабочие союзы давным-давно уже сознали и осуществляют задачу «придать самой экономической борьбе политический характер», давным-давно борются за свободу стачек, за устранение всех и всяческих юридических препятствий кооперативному и профессиональному движению, за издание законов в защиту женщин и детей, за улучшение условий труда посредством санитарного и фабричного законодательства и пр.

Таким образом за пышной фразой: «придать *самой* экономической борьбе политический характер», которая звучит «ужасно» глубокомысленно и революционно, прячется, в сущности, традиционное стремление *принизить* социал-демократическую политику до политики трэд-юнионистской! Под видом исправления односторонности «Искры», которая ставит — видите ли — «революционизирование догмы выше революционизирования жизни» *), нам преподносят как нечто новое *борьбу за экономические реформы*. В самом деле, ровно ничего другого кроме борьбы за экономические реформы не содержится в фразе: «придать самой экономической борьбе политический характер». И Мартынов сам бы мог додуматься до этого нехитрого вывода, если бы хорошенько вник в значение своих собственных слов. «Наша партия, — говорит он, выдвигая свое самое тяжелое орудие против «Искры», — могла бы и должна была бы ставить правительству конкретные требования законодательных и административных мероприятий против экономической эксплуатации, против безработицы, против голода и т. д.» (стр. 42 — 43 в № 10 «Р. Д.»). Конкретные требования мероприятий — разве это не есть требование социальных реформ? И мы спрашиваем еще раз беспристрастных читателей, клевещем ли мы на рабочедельцев (да простят мне это

*) «Раб. Дело», № 10, стр. 60. Это — Мартыновский вариант того применения к современному, хаотическому состоянию нашего движения тезиса: «каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ», которое мы уже охарактеризовали выше. В сущности, это только перевод на русский язык пресловутой бернштейновской фразы: «движение — все, конечная цель — ничто».

неуклюжее ходячее словечко!), называя их скрытыми бернштейнианцами, когда они выдвигают, как свое *разногласие* с «Искрой», тезис о необходимости борьбы за экономические реформы?

Революционная социал-демократия всегда включала и включает в свою деятельность борьбу за реформы. Но «экономической» агитацией она пользуется для предъявления правительству не только требования всяких мероприятий, а также (и прежде всего) требования перестать быть самодержавным правительством. Кроме того, она считает своей обязанностью предъявлять правительству это требование *не только* на почве экономической борьбы, а и на почве всех вообще проявлений общественно-политической жизни. Одним словом, она подчиняет борьбу за реформы, как часть целому, революционной борьбе за свободу и за социализм. Мартынов же воскрешает в иной форме теорию стадий, стараясь предписать непременно экономический, так сказать, путь развития политической борьбы. Выступая в момент революционного подъема с особой якобы «задачей» борьбы за реформы, он этим тащит партию назад и играет на руку и «экономическому» и либеральному оппортунизму.

Далее. Стыдливо спрятав борьбу за реформы под напыщенный тезис: «придать самой экономической борьбе политический характер», Мартынов выставил как нечто особое *одни только экономические* (и даже одни только фабричные) *реформы*. Почему он это сделал, мы не знаем. Может быть, по недосмотру? Но если бы он имел в виду не только «фабричные» реформы, то тогда весь его тезис, только что нами приведенный, потерял бы всякий смысл. Может быть, потому, что он считает возможными и вероятными со стороны правительства «уступки» только в области экономической? *). Если да, то это странное заблуждение: уступки возможны и бывают и **) в области законодательства о розге, о паспортах, о выкупных платежах, о сектантстве, о цензуре и проч. и проч. «Экономические» уступки (или лже-уступки) для правительства, разумеется, всего дешевле и всего выгоднее, ибо оно надеется внушить этим доверие рабочим массам к себе. Но именно потому мы, социал-демократы, и *не должны* никоим образом и абсолютно ничем давать место мнению (или недоразумению), будто для нас дороже экономические реформы, будто мы именно их считаем особо важными и т. п. «Такие требования — говорит Мартынов о выдвинутых им выше конкретных требованиях законодательных и административных мероприятий — не были бы пустым звуком, потому что, сули

*) Стр. 43: «Конечно, если мы рекомендуем рабочим предъявлять известные экономические требования правительству, мы это делаем потому, что в области *экономической* самодержавное правительство по нужде готово идти на известные уступки».

**) Слово «и» опущено в издании 1908 года. *Ред.*

известные осязательные результаты, они могли бы быть активно поддержаны рабочей массой»... Мы не экономисты, о нет! Мы только пресмыкаемся так же рабски пред «осязательностью» конкретных результатов, как господа Бернштейны, Прокоповичи, Струве, Р. М. и tutti quanti! Мы только даем понять (вместе с Нарцисом Тупорыловым), что все, что̀ не «сулит осязательных результатов», есть «пустой звук»! Мы только выражаемся так, как будто рабочая масса неспособна (и не доказала уже вопреки тем, кто сваливает на нее свое филистерство, свою способность) активно поддерживать *всякий* протест против самодержавия, даже *абсолютно никаких осязательных результатов ей не сулящий!*

Возьмите хотя бы те же, самим Мартыновым приведенные примеры о «мероприятиях» против безработицы и голода. В то время, как «Рабоч. Дело» занимается, судя по его обещанию, выработкой и разработкой «конкретных (в форме законопроектов?) требований законодательных и административных мероприятий», «сулящих осязательные результаты»,— в это время «Искра», «неизменно ставящая революционизирование догмы выше революционизированья жизни», старалась объяснить неразрывную связь безработицы со всем капиталистическим строем, предупреждала, что «голод идет», обличала полицейскую «борьбу с голодающими» и возмутительные «временно-каторжные правила», в это время «Заря» выпускала отдельным оттиском, как агитационную брошюру, часть посвященного голоду «внутреннего обозрения». Но, боже мой, как «односторонни» при этом были непоправимо-узкие ортодоксы, глухие к велениям «самой жизни» догматики! Ни в одной из их статей не было — о ужас! — *ни одного*, ну можете себе представить: решительно ни одного «конкретного требования», «сулящего осязательные результаты»! Несчастные догматики! Отдать их в науку Кричевским и Мартыновым для убеждения в том, что тактика есть процесс роста, растущего и т. д., и что нужно *самой* экономической борьбе придать политический характер! *)

«Экономическая борьба рабочих с хозяевами и с правительством (*«экономическая* борьба с правительством»!!), кроме своего непосредственного революционного значения, имеет еще то значение, что она наталкивает рабочих непрерывно на вопрос об их политическом бесправии» (Мартынов, стр. 44). Мы выписали эту цитату не для того, чтобы повторять в сотый и тысячный раз сказанное уже выше, а для того, чтобы особо поблагодарить Мартынова за эту новую и превосходную формулировку: «Экономическая борьба рабочих с хозяевами и с правительством». Какая прелесть! С каким неподражаемым талантом, с каким мастер-

*) Этот абзац исключен автором в издании 1908 года. *Ред.*

ским элиминированием *) всех частных разногласий и различий в оттенках между экономистами выражена здесь в кратком и ясном положении *вся суть* экономизма, начиная с призыва рабочих к «политической борьбе, которую они ведут в интересах общих, имея в виду улучшение положения всех рабочих» **), продолжая теорией стадий и кончая резолюцией съезда о «наиболее широкой применимости» и проч. «Экономическая борьба с правительством» есть именно трэд-юнионистская политика, от которой до социал-демократической политики еще очень и очень далеко.

б) ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК МАРТЫНОВ УГЛУБИЛ ПЛЕХАНОВА.

«Как много появилось у нас в последнее время социал-демократических Ломоносовых!» заметил однажды один товарищ, имея в виду поразительную склонность многих из склонных к экономизму лиц доходить непременно «своим умом» до великих истин (вроде той, что экономическая борьба наталкивает рабочих на вопрос о бесправии), и игнорировать при этом, с великолепным пренебрежением гениального самородка, все то, что дало уже предыдущее развитие революционной мысли и революционного движения. Именно таким самородком является Ломоносов-Мартынов. Загляните в его статью: «Очередные вопросы» и вы увидите, как он *подходит* «своим умом» к тому, что давно уже сказано Аксельродом (о котором наш Ломоносов, разумеется, хранит полное молчание), как он *начинает*, например, понимать, что мы не можем игнорировать оппозиционность тех или иных слоев буржуазии («Р. Д.» № 9, стр. 61, 62, 71 — сравни с «Ответом» Аксельроду редакции «Р. Дела», стр. 22, 23 — 24) и т. п. Но — увы! — только «подходит» и только «начинает», не более того, ибо мысли Аксельрода он все-таки настолько еще не понял, что говорит об «экономической борьбе с хозяевами и правительством». В течение трех лет (1898 — 1901) «Раб. Дело» собиралось с силами, чтобы понять Аксельрода, и — и все-таки его не поняло! Может быть, это происходит тоже от того, что социал-демократия, «подобно человечеству», всегда ставит себе одни лишь осуществимые задачи?

Но Ломоносовы отличаются не только тем, что они многого не знают (это бы еще было пол-беды!), а также и тем, что они не сознают своего невежества. Это уже настоящая беда, и эта беда побуждает их сразу браться за «углубление» Плеханова ***).

---

*) — устранением. *Ред.*

**) «Раб. Мысль», «Отд. Прилож.», стр. 14.

***) Два первые абзаца § 6 исключены автором в издании 1908 года. *Ред.*

«С тех пор, как Плеханов писал названную книжку («О задачах социалистов в борьбе с голодом в России»), много воды утекло, — рассказывает Ломоносов-Мартынов. — Социал-демократы, которые руководили в течение 10 лет экономической борьбой рабочего класса... не успели еще дать широкое теоретическое обоснование партийной тактики. Теперь этот вопрос назрел, и если бы мы захотели дать такое теоретическое обоснование, мы несомненно должны были бы значительно углубить те принципы тактики, которые развивал некогда Плеханов... Мы должны были бы теперь определить разницу между пропагандой и агитацией иначе, чем это сделал Плеханов» (Мартынов только что привел слова Плеханова: «пропагандист дает много идей одному лицу или нескольким лицам, а агитатор дает только одну или только несколько идей, зато он дает их целой массе лиц»). «Под пропагандой мы понимали бы революционное освещение всего настоящего строя или частичных его проявлений, безразлично, — делается ли это в форме доступной для единиц или для широкой массы. Под агитацией, в строгом смысле слова (sic!), мы понимали бы призыв массы к известным конкретным действиям, способствование непосредственному революционному вмешательству пролетариата в общественную жизнь».

Поздравляем русскую — да и международную — социал-демократию с новой, Мартыновской, терминологией, более строгой и более глубокою. До сих пор мы думали (вместе с Плехановым, да и со всеми вожаками международного рабочего движения), что пропагандист, если он берет, например, тот же вопрос о безработице, должен разъяснить капиталистическую природу кризисов, показать причину их неизбежности в современном обществе, обрисовать необходимость его преобразования в социалистическое общество и т. д. Одним словом, он должен дать «много идей», настолько много, что сразу все эти идеи, во всей их совокупности, будут усваиваться лишь немногими (сравнительно) лицами. Агитатор же, говоря о том же вопросе, возьмет самый известный всем его слушателям и самый выдающийся пример, — скажем, смерть от голодания безработной семьи, усиление нищенства и т. п. — и направит все свои усилия на то, чтобы, пользуясь этим, всем и каждому знакомым фактом, дать «массе» *одну идею:* идею о бессмысленности противоречия между ростом богатства и ростом нищеты, постарается *возбудить* в массе недовольство и возмущение этой вопиющей несправедливостью, предоставляя полное объяснение этого противоречия пропагандисту. Пропагандист действует поэтому главным образом *печатным*, агитатор — *живым* словом. От пропагандиста требуются не те качества, что от агитатора. Каутского и Лафарга мы назовем, например, пропагандистами, Бебеля и Гэда — агитаторами. Выделять же третью область или третью функцию практической деятельности, относя к этой функции «призыв массы к известным конкретным действиям», есть величайшая несуразица, ибо «призыв», как единичный акт *), либо естественно и неизбежно дополняет собой и теоретический трактат и пропаган-

*) В издании 1908 года: «факт». *Ред.*

дистскую брошюру и агитационную речь, либо составляет чисто исполнительную функцию. В самом деле, возьмите, например, теперешнюю борьбу германских социал-демократов против хлебных пошлин. Теоретики пишут исследования о таможенной политике, «призывая», скажем, бороться за торговые договоры и за свободу торговли; пропагандист делает то же в журнале, агитатор — в публичных речах. «Конкретные действия» массы — в данный момент представляют из себя подпись петиций рейхстагу о неповышении хлебных пошлин. Призыв к этим действиям исходит посредственно от теоретиков, пропагандистов и агитаторов, непосредственно — от тех рабочих, которые разносят по фабрикам и по всяческим частным квартирам подписные листы. По «Мартыновской терминологии», выходит, что Каутский и Бебель — оба пропагандисты, а разносчики подписных листов—агитаторы, не так ли?

Пример немцев напомнил мне немецкое слово Verballhornung, по-русски буквально: обалгоривание. Иван Балгори был лейпцигский издатель в 16 веке; издал он букварь, причем поместил, по обычаю, и рисунок, изображающий петуха; но только вместо обычного изображения петуха со шпорами на ногах он изобразил петуха без шпор, но с парой яиц около него. А на обложке букваря добавил: «*исправленное* издание Ивана Балгорна». Вот с тех пор немцы и говорят Verballhornung про такое «исправление», которое на деле есть ухудшение. И невольно вспоминаешь про Балгорна, когда видишь, как Мартыновы «углубляют» Плеханова...

К чему «изобрел» наш Ломоносов *) эту путаницу? К иллюстрации того, что «Искра» «обращает внимание только на одну сторону дела, так же, как Плеханов это делал еще полтора десятка лет тому назад» (39). «У «Искры», по крайней мере для настоящего времени, задачи пропаганды отодвигают на задний план задачи агитации» (52). Если перевести это последнее положение с Мартыновского языка на общечеловеческий язык (ибо человечество еще не успело принять вновь открытой терминологии), то мы получим следующее: у «Искры» задачи политической пропаганды и политической агитации отодвигают на задний план задачу «ставить правительству конкретные требования законодательных и административных мероприятий», «сулящие известные осязательные результаты» (или требования социальных реформ, если позволительно еще хоть разочек употребить старую терминологию старого человечества, которое еще не доросло до Мартынова). Предлагаем читателю сравнить с этим тезисом следующую тираду:

«Поражает нас в этих программах» (программах революционных социал-демократов) «и вечное выставление ими на первый план преиму-

*) В издании 1908 г. слова: «наш Ломоносов» заменены: «Мартынов». *Ред.*

ществ деятельности рабочих в (несуществующем у нас) парламенте при полном игнорировании ими (благодаря их революционному нигилизму) важности участия рабочих в существующих у нас законодательных собраниях фабрикантов по фабричным делам... или хотя бы участия рабочих в городском самоуправлении»...

Автор этой тирады выражает немного прямее, яснее и откровеннее ту самую мысль, до которой дошел своим умом Ломоносов-Мартынов. Автор же этот — Р. М. в «Отдельном приложении к Раб. Мысли» (стр. 15).

в) ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЛИЧЕНИЯ И «ВОСПИТАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ».

Выдвигая против «Искры» свою «теорию» «повышения активности рабочей массы», Мартынов на самом деле обнаружил стремление *принизить* эту активность, ибо предпочтительным, особо важным, «наиболее широко применимым» средством пробуждения и поприщем этой активности он объявил ту же экономическую борьбу, пред которой пресмыкались и все экономисты. Потому и характерно это заблуждение, что оно свойственно далеко не одному Мартынову. На самом же деле «повышение активности рабочей массы» может быть достигнуто *только* при том условии, если мы *не будем ограничиваться* «политической агитацией на экономической почве». А одним из основных условий необходимого расширения политической агитации является организация *всесторонних* политических обличений. Иначе как на этих обличениях *не может* воспитаться политическое сознание и революционная активность масс. Поэтому деятельность такого рода составляет одну из важнейших функций всей международной социал-демократии, ибо и политическая свобода нисколько не устраняет, а только несколько передвигает сферу направления этих обличений. Например, германская партия особенно укрепляет свои позиции и расширяет свое влияние именно благодаря неослабной энергии ее политически-обличительной кампании. Сознание рабочего класса не может быть истинно-политическим сознанием, если рабочие не приучены откликаться на *все* и *всякие* случаи произвола и угнетения, насилия и злоупотребления, *к каким бы классам* ни относились эти случаи; — и притом откликаться именно с социал-демократической, а не с иной какой-либо точки зрения. Сознание рабочих масс не может быть истинно-классовым сознанием, если рабочие на конкретных и притом непременно злободневных (актуальных) политических фактах и событиях не научатся наблюдать *каждый* из других общественных классов во *всех* проявлениях умственной, нравственной и политической жизни этих классов; — не научатся применять на практике материалистический анализ и материалистическую оценку *всех* сторон деятельности и жизни *всех* классов,

слоев и групп населения. Кто обращает внимание, наблюдательность и сознание рабочего класса исключительно или хотя бы преимущественно на него же, — тот не социал-демократ, ибо самопознание рабочего класса неразрывно связано с полной отчетливостью не только теоретических... вернее даже сказать: не столько теоретических, сколько на опыте политической жизни выработанных представлений о взаимоотношении *всех* классов современного общества. Вот почему так глубоко вредна и так глубоко реакционна по своему практическому значению проповедь наших экономистов, что экономическая борьба есть наиболее широко применимое средство вовлечения масс в политическое движение. Чтобы стать социал-демократом, рабочий должен ясно представлять себе экономическую природу и социально-политический облик помещика и попа, сановника и крестьянина, студента и босяка, знать их сильные и слабые стороны, уметь разбираться в тех ходячих фразах и всевозможных софизмах, которыми *прикрывает* каждый класс и каждый слой свои эгоистические поползновения и свое настоящее «нутро», уметь разбираться в том, какие учреждения и законы отражают и как именно отражают те или другие интересы. А это «ясное представление» не почерпнешь ни из какой книжки: его могут дать только живые картины и по горячим следам составленные обличения того, что происходит в данный момент вокруг нас, о чем говорят по своему или хотя бы перешептываются все и каждый, что выражается в таких-то событиях, в таких-то цифрах, в таких-то судебных приговорах и проч. и проч. и проч. Эти всесторонние политические обличения представляют из себя необходимое и *основное* условие воспитания революционной активности масс.

Почему русский рабочий мало еще проявляет свою революционную активность по поводу зверского обращения полиции с народом, по поводу травли сектантов, битья крестьян, по поводу безобразий цензуры, истязаний солдат, травли самых невинных культурных начинаний и т. п.? Не потому ли, что его не «наталкивает» на это «экономическая борьба», что ему мало «сулит» это «осязательных результатов», мало дает «положительного»? Нет, подобное мнение есть, повторяем, не что иное, как попытка свалить с больной головы на здоровую, свалить свое собственное филистерство (бернштейнианство тож) на рабочую массу. Мы должны винить себя, свою отсталость от движения масс, что мы не сумели еще организовать достаточно широких, ярких, быстрых обличений всех этих гнусностей. Сделай мы это (а мы должны сделать и можем сделать это),—и самый серый рабочий поймет *или почувствует*, что над студентом и сектантом, мужиком и писателем ругается и бесчинствует та самая темная сила, которая так гнетет и давит его на каждом шагу его жизни, а почувствовав это, он захочет, неудержимо захочет отозваться и сам,

он сумеет тогда — сегодня устроить кошачий концерт цензорам, завтра демонстрировать пред домом усмирившего крестьянский бунт губернатора, послезавтра проучить тех жандармов в рясе, что̀ делают работу святой инквизиции, и т. д. Мы еще очень мало, почти ничего не сделали для того, чтобы *бросать* в рабочие массы всесторонние и свежие обличения. Многие из нас и не сознают еще этой своей *обязанности*, а стихийно волочатся за «серой текущей борьбой» в узких рамках фабричного быта. При таком положении дел говорить: ««Искра» имеет тенденцию умалять значение поступательного хода серой текущей борьбы по сравнению с пропагандой блестящих и законченных идей» (Мартынов, стр. 61) — значит тащить партию назад, значит защищать и прославлять нашу неподготовленность, отсталость.

Что же касается до призыва массы к действию, то это выйдет само собой, раз только есть на-лицо энергичная политическая агитация, живые и яркие обличения. Поймать кого-либо на месте преступления и заклеймить перед всеми и повсюду тотчас же — это действует само по себе лучше всякого «призыва», это действует зачастую так, что потом и нельзя будет определить, кто собственно «призывал» толпу и кто собственно выдвинул тот или иной план демонстрации и т. п. Призвать — не в общем, а в конкретном смысле слова — можно только на месте действия, призвать может только тот, кто сам и сейчас идет. А наше дело, дело социал-демократических публицистов, углублять, расширять и усиливать политические обличения и политическую агитацию.

Кстати о «призывах». *Единственным органом*, который *до* весенних событий *призвал* рабочих активно вмешаться в такой, не *сулящий* решительно никаких *осязательных результатов* рабочему, вопрос, как отдача студентов в солдаты, — *была «Искра»*. Тотчас же после опубликования распоряжения 11 января об «отдаче 183 студентов в солдаты» «Искра» поместила статью об этом (№ 2, февраль) *) и, *до* какого бы то ни было начала демонстраций, прямо *звала* «рабочего идти на помощь студенту», звала «народ» открыто ответить правительству на его дерзкий вызов. Мы спрашиваем всех и каждого: как и чем объяснить то выдающееся обстоятельство, что, говоря так много о «призывах», выделяя «призывы» даже в особый вид деятельности, Мартынов ни словечком не упомянул об *этом* призыве? И не филистерством ли является после этого Мартыновское объявление «Искры» *односторонней*, так как она недостаточно «призывает» к борьбе за требования, «сулящие осязательные результаты»? **)

*) См. настоящий том, стр. 69. *Ред.*

**) Конец абзаца, начиная со слов: «И не филистерством», исключен автором в издании 1908 года. *Ред.*

Наши экономисты, и в том числе «Рабочее Дело», имели успех благодаря тому, что подделывались под неразвитых рабочих. Но рабочий-социал-демократ, рабочий-революционер (а число таких рабочих все растет) отвергнет с негодованием все эти рассуждения о борьбе за требования, «сулящие осязательные результаты», и проч., ибо он поймет, что это только варианты старой песенки о копейке на рубль. Такой рабочий скажет своим советчикам из «Р. Мысли» и из «Раб. Дела»: зря вы суетитесь, господа, вмешиваясь чересчур усердно в то дело, с которым мы и сами справляемся, и отлынивая от исполнения ваших настоящих обязанностей. Совсем ведь это неумно, когда вы говорите, что задача социал-демократов придать самой экономической борьбе политический характер; это только начало, и не в этом главная задача социал-демократов, ибо во всем мире и в России в том числе *полиция нередко сама начинает придавать* экономической борьбе политический характер, рабочие сами научаются понимать, за кого стоит правительство *). Ведь та «экономическая борьба рабочих с хозяевами и правительством», с которой вы носитесь, точно с открытой вами Америкой, — ведется в массе русских захолустий самими рабочими, слышавшими о стачках, но о социализме почитай-что ничего и не слыхавшими. Ведь та «активность» нас, рабочих, которую вы все хотите поддерживать, выставляя конкретные требования, сулящие осязательные результаты, в нас уже есть, и мы сами, в нашей будничной, профессиональной, мелкой работе выставляем эти конкретные требования зачастую без всякой помощи интеллигентов. Но нам мало *такой* активности; мы не дети, которых можно накормить кашицей одной «экономической» политики; мы хотим знать все то, что знают и другие, мы хотим подробно познакомиться со *всеми* сторонами политической жизни и *активно* участвовать

*) Требование «придать самой экономической борьбе политический характер» самым рельефным образом выражает *преклонение пред стихийностью* в области политической деятельности. Политический характер экономическая борьба принимает сплошь да рядом *стихийно*, то-есть без вмешательства «революционной бациллы — интеллигенции», без вмешательства сознательных социал-демократов. Политический характер приобрела, например, и экономическая борьба рабочих в Англии без всякого участия социалистов. Задача же социал-демократов не исчерпывается политической агитацией на экономической почве, задача их — *превратить* эту трэд-юнионистскую политику в социал-демократическую политическую борьбу, — *воспользоваться* теми проблесками политического сознания, которые зародила в рабочих экономическая борьба, для того, чтобы *поднять* рабочих до *социал-демократического* политического сознания. А Мартыновы, вместо того, чтобы поднимать и толкать вперед стихийно пробуждающееся политическое сознание, *падают ниц перед стихийностью* и твердят, до тошноты часто твердят, что экономическая борьба «наталкивает» рабочих на вопрос об их политическом бесправии. Плохо то, господа, что вас-то это стихийное пробуждение трэд-юнионистского политического сознания не *«наталкивает»* на вопрос о ваших социал-демократических задачах!

во всяком и каждом политическом событии. Для этого нужно, чтобы интеллигенты поменьше твердили то, что́ мы и сами знаем *), а побольше дали нам того, чего мы еще не знаем, чего мы сами из своего фабричного и «экономического» опыта и узнать никогда не можем, именно: политического знания. Это знание можете приобрести себе вы, интеллигенты, и вы *обязаны* доставлять нам его во сто и в тысячу раз больше, чем вы это делали до сих пор, и притом доставлять не в виде только рассуждений, брошюр и статей (которые часто бывают — простите за откровенность! — скучноваты), а непременно в виде живых *обличений* того, что́ именно в данное время делает наше правительство и наши командующие классы во всех областях жизни. Исполняйте-ка поусерднее эту свою обязанность, и *поменьше толкуйте о «повышении активности рабочей массы»*. У нас активности гораздо больше, чем вы думаете, и мы умеем поддерживать открытой, уличной борьбой даже требования, никаких «осязательных результатов» не сулящие! И не вам «повышать» нашу активность, ибо *у вас самих как раз активности-то и не хватает*. Поменьше преклоняйтесь пред стихийностью и побольше думайте о повышении *своей* активности, господа!

г) ЧТО ОБЩЕГО МЕЖДУ ЭКОНОМИЗМОМ И ТЕРРОРИЗМОМ?

Выше, в примечании, мы сопоставили экономиста и несоциал-демократа-террориста, случайно оказавшихся солидарными. Но, вообще говоря, между теми и другими есть не случайная,

*) В подтверждение того, что всю эту речь рабочих к экономистам мы не зря выдумали, сошлемся на двух свидетелей, несомненно знакомых с рабочим движением непосредственно и всего менее склонных быть пристрастными к нам, «догматикам», ибо один свидетель — экономист (считающий даже «Рабочее Дело» органом политическим!), другой — террорист. Первый свидетель, автор замечательной по своей правдивости и живости статьи: «Петербургское рабочее движение и практические задачи социал-демократии» в № 6 «Раб. Д.» [203]). Он делит рабочих на 1. сознательных революционеров, 2. промежуточный слой и 3. остальную массу. И вот промежуточный слой «часто интересуется больше вопросами политической жизни, чем своими ближайшими экономическими интересами, связь которых с общими социальными условиями давно понята»... «Раб. Мысль» «резко критикуют»: «все одно и то же, давно известно, давно читали», «в политическом-то обозрении опять ничего нет» (стр. 30—31). Но даже и третий слой: «более чуткая, более молодая, менее развращенная кабаком и церковью рабочая масса, почти никогда не имея возможности достать книгу политического содержания, толкует вкривь и вкось явления политической жизни, задумываясь над отрывочными сведениями о бунте студентов» и т. д. А террорист пишет: «...Раз-два прочтут о мелочах фабричной жизни, в разных, не своих городах, а потом и перестанут... Скучно... Не говорить в рабочей газете о государстве... значит смотреть на рабочего как на дитятко малое... Рабочий не дитятко» («Свобода» [205]), изд. революционно-социалистической группы, стр. 69 и 70).

а необходимая внутренняя связь, о которой нам еще ниже придется говорить и коснуться которой необходимо именно по вопросу о воспитании революционной активности. У экономистов и современных террористов есть один общий корень: это именно то *преклонение пред стихийностью*, о котором мы говорили в предыдущей главе, как о явлении общем, и которое мы рассматриваем теперь в его влиянии на область политической деятельности и политической борьбы. На первый взгляд, наше утверждение может показаться парадоксом: до такой степени велика, повидимому, разница между людьми, подчеркивающими «серую текущую борьбу», — и людьми, зовущими к наиболее самоотверженной борьбе отдельных лиц. Но это не парадокс. Экономисты и террористы преклоняются перед разными полюсами стихийного течения: экономисты — пред стихийностью «чисто-рабочего движения», террористы — перед стихийностью самого горячего возмущения интеллигентов, не умеющих или не имеющих возможности связать революционную работу в одно целое с рабочим движением. Кто изверился или никогда не верил в эту возможность, тому действительно трудно найти иной выход своему возмущенному чувству и своей революционной энергии, кроме террора. Таким образом, преклонение пред стихийностью в обоих указанных нами направлениях есть не что иное, как *начало осуществления* знаменитой программы «Credo»: рабочие ведут себе свою «экономическую борьбу с хозяевами и правительством» (да простит нам автор «Credo», что мы выражаем его мысли Мартыновскими словами! Мы находим, что вправе делать это, ибо и в «Credo» говорится о том, как рабочие в экономической борьбе «наталкиваются на политический режим»), — а интеллигенты ведут себе своими силами политическую борьбу, естественно, при помощи террора! Это совершенно логичный и неизбежный *вывод*, на котором нельзя не настаивать, *хотя бы те*, кто начинает осуществлять эту программу, *сами и не сознавали* его неизбежности. Политическая деятельность имеет свою логику, не зависящую от сознания тех, кто в самых лучших намерениях взывает либо к террору, либо к приданию политического характера самой экономической борьбе. Благими намерениями вымощен ад, и в данном случае благие намерения не спасают еще от стихийного влечения по «линии наименьшего сопротивления», по линии *чисто буржуазной* программы «Credo». Не случайно ведь также и то обстоятельство, что многие русские либералы — и явные либералы и носящие марксистскую маску — всей душой сочувствуют террору и стараются поддержать подъем террористических настроений в данный момент.

И вот, когда возникла «революционно-социалистическая группа Свобода», поставившая себе задачей именно всестороннее содействие рабочему движению, но с включением *в программу*

террора и с эмансипированием, так сказать, себя от социал-демократии, — то этот факт дал еще и еще подтверждение замечательной прозорливости П. Б. Аксельрода, который *буквально предсказал* эти результаты социал-демократических шатаний *еще в конце 1897 года* («К вопросу о современных задачах и тактике») и набросал свои знаменитые «две перспективы». Все последующие споры и разногласия между русскими социал-демократами заключаются уже, как растение в семячке, в этих двух перспективах *).

С указанной точки зрения становится понятно и то, что «Раб. Дело», не устоявшее против стихийности экономизма, не устояло также и против стихийности терроризма. Очень интересно здесь отметить ту особенную аргументацию в защиту террора, которую выдвинула «Свобода». Устрашающую роль террора она «совершенно отрицает» («Возрождение революционизма», стр. 64), но зато выдвигает его «эксцитативное (возбуждающее) значение». Это характерно, во-первых, как одна из стадий разложения и упадка того традиционного (досоциал-демократического) круга идей, который заставлял держаться за террор. Признать, что правительство теперь «устрашить» — а следовательно, и дезорганизовать — террором нельзя, — значит, в сущности, совершенно осудить террор как систему борьбы, как программой освящаемую сферу деятельности. Во-вторых, это еще более характерно, как образец непонимания наших насущных задач в деле «воспитания революционной активности масс». «Свобода» пропагандирует террор как средство «возбуждать» рабочее движение, дать ему «сильный толчок». Трудно себе представить аргументацию, которая бы более наглядно опровергала сама себя! Неужели, спрашивается, в русской жизни мало еще таких безобразий, что нужно выдумывать особые «возбуждающие» средства? И, с другой стороны, если кто не возбуждается и невозбудим даже русским произволом, то не очевидно ли, что на

*) Мартынов «представляет себе другую, более реальную (?) дилемму» («Соц.-дем. и рабоч. класс», 19): «Либо социал-демократия берет на себя непосредственное руководство экономической борьбой пролетариата и этим (!) превращает ее в революционную классовую борьбу»... «Этим», т.-е., очевидно, непосредственным руководством экономической борьбой. Пусть укажет нам Мартынов, где это видано, чтобы *одним только* руководством профессиональной борьбой удавалось превратить трэд-юнионистское движение в революционное классовое? Не сообразит ли он, что для этого «превращения» мы должны активно взяться за «непосредственное руководство» *всесторонней* политической агитацией?. «Либо другая перспектива: социал-демократия устраняется от руководства экономической борьбой рабочих и тем... подсекает себе крылья». . «Устраняется», по приведенному выше мнению «Раб. Дела», «Искра». Но мы видели, что она делает для руководства экономической борьбой *гораздо больше, чем «Раб. Дело»*, при чем она не ограничивается этим и *не суживает* во имя этого своих политических задач.

единоборство правительства с горсткой террористов он тоже будет смотреть «ковыряя в носу»? В том-то и дело, что рабочие массы очень возбуждаются гнусностями русской жизни, но мы не умеем собирать, если можно так выразиться, и концентрировать все те капли и струйки народного возбуждения, которые высачиваются русской жизнью в количестве неизмеримо большем, чем все мы себе представляем и думаем, но которые надо именно соединить в *один* гигантский поток. Что это осуществимая задача, это неопровержимо доказывает громадный рост рабочего движения и отмеченная уже выше жадность рабочих к политической литературе. Призывы же к террору, равно как и призывы к тому, чтобы придать самой экономической борьбе политический характер, представляют из себя разные формы *отлынивания* от самой настоятельной обязанности русских революционеров: организовать ведение всесторонней политической агитации. «Свобода» хочет *заменить* агитацию террором, признаваясь прямо, что «раз начнется усиленная, энергичная агитация в массах, его экспитативная (возбуждающая) роль сыграна» (стр. 68 «Возрожд. революцион.»). Это как раз и показывает, что и террористы и экономисты *недооценивают* революционную активность масс, вопреки явному свидетельству весенних событий *), при чем один бросаются искать искусственных «возбудителей», другие говорят о «конкретных требованиях». И те и другие недостаточно обращают внимание на развитие *своей собственной активности* в деле политической агитации и организации политических обличений. А *заменить* этого дела невозможно ничем другим ни теперь, ни когда бы то ни было в иное время.

д) РАБОЧИЙ КЛАСС КАК ПЕРЕДОВОЙ БОРЕЦ ЗА ДЕМОКРАТИЮ.

Мы видели, что ведение самой широкой политической агитации, а следовательно, и организация всесторонних политических обличений есть безусловно необходимая и *настоятельнее всего* необходимая задача деятельности, если это деятельность истинно социал-демократическая. Но мы сделали этот вывод, исходя *только* из самой насущной потребности рабочего класса в политическом знании и политическом воспитании. Между тем только такая постановка вопроса была бы слишком узка, игнорировала бы обще-демократические задачи всякой социал-демократии вообще и современной русской социал-демократии в особенности. Чтобы возможно конкретнее пояснить это положение,

*) Речь идет о весне *1901* года, когда начались крупные уличные демонстрации. (Примечание автора к изданию 1908 года. *Ред.*)

попробуем подойти к делу с самой «близкой» для экономиста, именно с практической стороны. «Все согласны», что необходимо развивать политическое сознание рабочего класса. Спрашивается, *как* это сделать и что надо для того, чтобы это сделать? Экономическая борьба «наталкивает» рабочих только на вопросы об отношении правительства к рабочему классу и поэтому, *сколько бы мы ни трудились* над задачей «придать самой экономической борьбе политический характер», мы *никогда не сможем* развить политическое сознание рабочих (до ступени социал-демократического политического сознания) в рамках этой задачи, ибо *самые эти рамки узки*. Мартыновская формула ценна для нас вовсе не потому, что она иллюстрирует способность Мартынова путать, а потому, что она рельефно выражает основную ошибку всех экономистов, именно убеждение, что можно развить классовое политическое сознание рабочих *извнутри*, так сказать, их экономической борьбы, т.-е. исходя только (или хотя бы главным образом) из этой борьбы, базируясь только (или хотя бы главным образом) на этой борьбе. Такой взгляд в корне ошибочен, — и именно потому, что экономисты, сердясь на нас за полемику против них, не хотят подумать хорошенько об источнике разногласий, и получается такая вещь, что мы буквально не понимаем друг друга, говорим на разных языках.

Классовое политическое сознание может быть принесено рабочему *только извне*, то-есть извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих к хозяевам. Область, из которой только и можно почерпнуть это знание, есть область отношений *всех* классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотношений между *всеми* классами. Поэтому на вопрос: что делать, чтобы принести рабочим политическое знание? нельзя давать один только тот ответ, которым в большинстве случаев довольствуются практики, не говоря уже о практиках, склонных к экономизму, именно ответ: «идти к рабочим». Чтобы принести *рабочим* политическое знание, социал-демократы должны *идти во все классы населения*, должны рассылать *во все стороны* отряды своей армии.

Мы нарочно выбираем такую угловатую формулировку, нарочно выражаемся упрощенно резко — вовсе не из желания говорить парадоксы, а для того, чтобы хорошенько «натолкнуть» экономистов на те задачи, которыми они непростительно пренебрегают, на то различие между трэд-юнионистской и социал-демократической политикой, которого они не хотят понять. И потому мы просим читателя не горячиться, а внимательно дослушать нас до конца.

Возьмите наиболее распространенный в последние годы тип кружка социал-демократов и присмотритесь к его работе. Он имеет «связи с рабочими» и удовлетворяется этим, издавая листки,

в которых бичуются фабричные злоупотребления, пристрастное к капиталистам поведение правительства и полицейские насилия; на собраниях с рабочими беседа не выходит обыкновенно или почти не выходит за пределы тех же тем; рефераты и беседы по истории революционного движения, по вопросам внутренней и внешней политики нашего правительства, по вопросам экономической эволюции России и Европы и положения в современном обществе тех или иных классов и т. п. представляют из себя величайшую редкость, о систематическом приобретении и расширении связей в других классах общества никто и не помышляет. В сущности, идеалом деятеля рисуется в большинстве случаев для членов такого кружка нечто гораздо более похожее на секретаря трэд-юниона, чем на социалиста-политического вождя. Ибо секретарь любого, например, английского трэд-юниона всегда помогает рабочим вести экономическую борьбу, организует фабричные обличения, разъясняет несправедливость законов и мероприятий, стесняющих свободу стачек, свободу выставления сторожевых постов (для предупреждения всех и каждого, что на данном заводе стачка), разъясняет пристрастность третейского судьи, принадлежащего к буржуазным классам народа, и пр. и пр. Одним словом, всякий секретарь трэд-юниона ведет и помогает вести «экономическую борьбу с хозяевами и с правительством». И нельзя достаточно настаивать на том, что *это еще не* социал-демократизм, что идеалом социал-демократа должен быть не секретарь трэд-юниона, а *народный трибун,* умеющий откликаться на все и всякие проявления произвола и гнета, где бы они ни происходили, какого бы слоя или класса они ни касались, умеющий обобщать все эти проявления в одну картину полицейского насилия и капиталистической эксплуатации, умеющий пользоваться каждой мелочью, чтобы излагать *пред всеми* свои социалистические убеждения и свои демократические требования, чтобы разъяснять *всем* и каждому всемирно-историческое значение освободительной борьбы пролетариата. Сравните, например, таких деятелей, как Роберт Найт (известный секретарь и вождь общества котельщиков, одного из самых могущественных английских трэд-юнионов) и Вильгельм Либкнехт — и попробуйте применить к ним те противоположения, в которые укладывает Мартынов свои разногласия с «Искрой». Вы увидите, — я начинаю перелистывать статью Мартынова, — что Р. Найт гораздо больше «призывал массы к известным конкретным действиям» (39), а В. Либкнехт больше занимался «революционным освещением всего настоящего строя или частичных его проявлений» (38 — 39); что Р. Найт «формулировал ближайшие требования пролетариата и указывал на средства к их осуществлению» (41), а В. Либкнехт, делая и это, не отказывался также «одновременно руководить активной деятельностью разных оппозиционных слоев», «диктовать для них

положительную программу действий» *) (41); что Р. Найт старался именно «придать по возможности самой экономической борьбе политический характер» (42) и прекрасно умел «ставить правительству конкретные требования, сулящие известные осязательные результаты» (43), тогда как В. Либкнехт гораздо более занимался «односторонними» «обличениями» (40); что Р. Найт больше придавал значения «поступательному ходу серой текущей борьбы» (61), а В. Либкнехт — «пропаганде блестящих и законченных идей» (61); что В. Либкнехт создавал из руководимой им газеты именно «орган революционной оппозиции, обличающий наши порядки, и преимущественно политические порядки, поскольку они сталкиваются с интересами самых различных слоев населения» (63), тогда как Р. Найт «работал для рабочего дела в тесной органической связи с пролетарской борьбой» (63) — если понимать «тесную и органическую связь» в смысле того преклонения пред стихийностью, которое мы изучали выше на примерах Кричевского и Мартынова — и «суживал сферу своего воздействия», уверенный, конечно, как и Мартынов, в том, что он «тем самым осложнял самое воздействие» (63). Одним словом, вы увидите, что de facto Мартынов принижает социал-демократию до трэд-юнионизма, хотя делает он это, разумеется, отнюдь не потому, чтобы он не желал добра социал-демократии, а просто потому, что он немножечко поспешил углублять Плеханова вместо того, чтобы дать себе труд понять Плеханова.

Но вернемся к нашему изложению. Мы сказали, что социал-демократ, если он не на словах только стоит за необходимость всестороннего развития политического сознания пролетариата, должен «идти во все классы населения». Являются вопросы: как это сделать? есть ли у нас силы для этого? есть ли почва для такой работы во всех других классах? не будет ли это означать отступление или вести к отступлению от классовой точки зрения? Остановимся на этих вопросах.

«Идти во все классы населения» мы должны и в качестве теоретиков, и в качестве пропагандистов, и в качестве агитаторов, и в качестве организаторов. Что теоретическая работа социал-демократов должна направляться на изучение всех особенностей социального и политического положения отдельных классов, — в этом никто не сомневается. Но делается в этом отношении очень и очень мало, непропорционально мало сравнительно с работой, направленной на изучение особенностей фабричного быта. В комитетах и кружках вы встретите людей, углубляющихся даже в специальное ознакомление с каким-нибудь железоделатель-

*) Например, во время франко-прусской войны Либкнехт диктовал программу действий *всей демократии*, — и еще больше делали это Маркс с Энгельсом в 1848 году.

ным производством, — но почти не найдете примеров, чтобы члены организаций (вынужденные, как это часто бывает, отойти по тем или иным причинам от практической работы) специально занимались собиранием материалов по какому-нибудь злободневному вопросу нашей общественной и политической жизни, могущему дать повод для социал-демократической работы в других слоях населения. Говоря о малой подготовленности большинства современных руководителей рабочего движения, нельзя не упомянуть и о подготовке в этом отношении, ибо это тоже связано с «экономическим» пониманием «тесной органической связи с пролетарской борьбой». Но главное, разумеется, — *пропаганда* и *агитация* во всех слоях народа. Западно-европейскому социал-демократу облегчают эту задачу народные собрания и сходки, на которые приходит *всякий* желающий, — облегчает парламент, в котором он говорит пред депутатами от *всех* классов. У нас нет ни парламента, ни свободы сходок, — но мы умеем тем не менее устраивать собрания с рабочими, которые хотят слушать *социал-демократа*. Мы должны также уметь устраивать собрания с представителями всех и всяческих классов населения, какие только хотят слушать *демократа*. Ибо тот не социал-демократ, кто забывает на деле, что «коммунисты поддерживают всякое революционное движение», что мы обязаны поэтому *пред всем народом* излагать и подчеркивать *общедемократические задачи*, не скрывая ни на минуту своих социалистических убеждений. Тот не социал-демократ, кто забывает на деле о своей обязанности быть *впереди всех* в постановке, обострении и разрешении *всякого* общедемократического вопроса.

«С этим решительно все согласны!» — перебивает нас нетерпеливый читатель — и новая инструкция для редакции «Раб. Дела», принятая на последнем союзном съезде, прямо говорит: «Поводами к политической пропаганде и агитации должны служить все явления и события общественной и политической жизни, которые затрагивают пролетариат либо непосредственно как особый класс, либо как *авангард всех революционных сил в борьбе за свободу*» («Два съезда», стр. 17, курсив наш). Да, это очень верные и очень хорошие слова, и мы были бы вполне довольны, если бы «Р. Дело» *понимало* их, *если бы оно не говорило наряду с этими словами того, что идет в разрез с ними* *). Мало ведь назвать себя «авангардом», передовым отрядом, — надо и действовать так, чтобы *все* остальные отряды видели и вынуждены были признать, что мы идем впереди. И мы спрашиваем читателя: неужели же представители остальных «отрядов» такие дураки, чтобы поверить нам на-слово насчет «авангарда»? Представьте только себе конкретно такую картину. В «отряд» рус-

*) Вторая часть абзаца, начиная со слов «Мало ведь назвать», и весь следующий абзац исключены автором в издании 1908 года. *Ред.*

ских образованных радикалов или либеральных конституционалистов является социал-демократ и говорит: мы — авангард; «теперь перед нами стоит задача — как придать по возможности самой экономической борьбе политический характер». Сколько-нибудь умный радикал или конституционалист (а среди русских радикалов и конституционалистов много умных людей) только усмехнется, услыхав такую речь, и скажет (про себя, конечно, ибо он в большинстве случаев опытный дипломат): «ну, и простоват же этот «авангард»! Не понимает даже того, что ведь это наша задача, задача передовых представителей буржуазной демократии — придать *самой* экономической борьбе рабочих политический характер. Ведь и мы, как и все западно-европейские буржуа, хотим втянуть рабочих в политику, *но только именно в трэд-юнионистскую, а не в социал-демократическую политику.* Трэд-юнионистская политика рабочего класса есть именно *буржуазная политика* рабочего класса. А формулировка этим «авангардом» его задачи есть именно формулировка трэд-юнионистской политики! Поэтому пускай даже называют они себя, сколько угодно, социал-демократами. Не ребенок же я, в самом деле, чтобы мне из-за ярлыков горячиться! Только пусть не поддаются этим зловредным ортодоксальным догматикам, пусть оставляют «свободу критики» за теми, кто бессознательно тащит социал-демократию в трэд-юнионистское русло!»

И легкая усмешка нашего конституционалиста превратится в гомерический хохот, когда он узнает, что говорящие об авангарде социал-демократии социал-демократы в настоящее время почти полного господства стихийности в нашем движении всего больше на свете боятся «преуменьшения стихийного элемента», боятся «уменьшить значение поступательного хода серой текущей борьбы по сравнению с пропагандой блестящих и законченных идей» и проч. и проч.! «Передовой» отряд, который боится, как бы сознательность не обогнала стихийности, который боится выдвинуть смелый «план», вынуждающий общее признание и у несогласно мыслящих! Да уж не смешивают ли они слово авангард с словом арьергард?

Вдумайтесь, в самом деле, в следующее рассуждение Мартынова. Он говорит на стр. 40, что обличительная тактика «Искры» односторонна, что «сколько бы мы ни сеяли недоверия и ненависти к правительству, мы цели не достигнем, покуда нам не удастся развить достаточную активную общественную энергию для его низвержения». Это, в скобках сказать, знакомая уже нам забота о повышении активности массы при стремлении принизить свою активность. Но дело теперь не в этом. Мартынов говорит здесь, следовательно, о *революционной* энергии («для низвержения»). И к какому же он приходит выводу? Так как в обычное время разные общественные слои неизбежно идут

вразброд, то «ввиду этого ясно, что мы, социал-демократы, не можем одновременно руководить активной деятельностью разных оппозиционных слоев, не можем для них диктовать положительную программу действий, не можем им указывать, какими способами следует изо дня в день бороться за свои интересы... Либеральные слои уже сами позаботятся о той активной борьбе за свои ближайшие интересы, которая их столкнет лицом к лицу с нашим политическим режимом» (41). Таким образом, начав говорить о революционной энергии, об активной борьбе за низвержение самодержавия, Мартынов сейчас же сбился на профессиональную энергию, на активную борьбу за ближайшие интересы! Понятно само собой, что мы не можем руководить борьбой студентов, либералов и проч. за их «ближайшие интересы», но ведь не об этом же была речь, почтеннейший экономист! Речь шла о возможном и необходимом участии разных общественных слоев в низвержении самодержавия, а *этой* «активной деятельностью разных оппозиционных слоев» мы не только *можем*, но и непременно должны руководить, если мы хотим быть «авангардом». О том, чтобы наши студенты, наши либералы и пр. «сталкивались лицом к лицу с нашим политическим режимом», позаботятся не только они сами, — об этом прежде всего и больше всего позаботится сама полиция и сами чиновники самодержавного правительства. Но «мы», если мы хотим быть передовыми демократами, должны позаботиться о том, чтобы *наталкивать* людей, недовольных собственно только университетскими или только земскими и т. п. порядками, на мысль о негодности всего политического порядка. *Мы* должны взять на себя задачу организовать такую всестороннюю политическую борьбу под руководством *нашей* партии, чтобы посильную помощь этой борьбе и этой партии могли оказывать и действительно стали оказывать все и всякие оппозиционные слои. *Мы* должны вырабатывать из практиков социал-демократов таких политических вождей, которые бы умели руководить всеми проявлениями этой всесторонней борьбы, умели в нужную минуту «продиктовать положительную программу действий» и волнующимся студентам и недовольным земцам и возмущенным сектантам и обиженным народным учителям и проч. и проч. Поэтому *совершенно неверно* утверждение Мартынова, что «по отношению к ним мы можем выступать *лишь в отрицательной* роли обличителя порядков... Мы можем *только* рассеивать их надежды на разные правительственные комиссии» (курсив наш). Говоря это, Мартынов показывает тем самым, что он *ровнехонько ничего не понимает* в вопросе о действительной роли революционного «авангарда». И если читатель примет это во внимание, то ему станет понятен *истинный смысл* следующих заключительных слов Мартынова: «Искра» есть орган революционной оппозиции, обличающий наши порядки,

и преимущественно политические порядки, поскольку они сталкиваются с интересами самых различных слоев населения. Мы же работаем и будем работать для рабочего дела в тесной органической связи с пролетарской борьбой. Суживая сферу своего воздействия, мы тем самым осложняем самое воздействие» (63). Истинный смысл этого вывода такой: «Искра» хочет *поднимать* трэд-юнионистскую политику рабочего класса (которой по недоразумению, неподготовленности или по убеждению ограничиваются у нас так часто практики) до социал-демократической политики. А «Раб. Дело» хочет *принижать* социал-демократическую политику до трэд-юнионистской. И при этом еще оно уверяет всех и каждого, что это — «вполне совместимые позиции в общем деле» (63). О, sancta simplicitas! *)

Пойдем дальше. Есть ли у нас силы для того, чтобы направить свою пропаганду и агитацию во *все* классы населения? Конечно, да. Наши экономисты, склонные нередко отрицать это, упускают из виду тот гигантский шаг вперед, который сделало наше движение с 1894 (приблизительно) по 1901 г. Истинные «хвостисты», они живут зачастую в представлениях давно минувшего периода начала движения. Тогда у нас действительно было поразительно мало сил, тогда была естественна и законна решимость всецело уйти в работу среди рабочих и сурово осуждать всякие отклонения от нее, тогда вся задача состояла в том, чтобы упрочиться в рабочем классе. Теперь в движение втянута гигантская масса сил, к нам идут все лучшие представители молодого поколения образованных классов, везде и повсюду по всей провинции вынуждены сидеть люди, принимавшие уже или желающие принять участие в движении, люди, тяготеющие к социал-демократии (тогда как в 1894 г. по пальцам можно было пересчитать русских социал-демократов). Один из основных политических и организационных недостатков нашего движения, — что мы *не умеем* занять все эти силы, дать всем подходящую работу (подробнее мы скажем об этом в следующей главе). Громадное большинство этих сил совершенно лишено возможности «идти к рабочим», так что об опасности отвлечь силы от нашего основного дела не может быть и речи. А для доставления рабочим настоящего, всестороннего и живого политического знания необходимы «свои люди», социал-демократы, везде и повсюду, во всех общественных слоях, на всяких позициях, дающих возможность знать внутренние пружины нашего государственного механизма. И необходимы такие люди не только в пропагандистском и агитационном, но еще более в организационном отношении.

Есть ли почва для деятельности во всех классах населения? Кто не видит этого, тот опять-таки отстает своей сознательно-

*) — о, святая простота! *Ред.*

стью от стихийного подъема масс. Рабочее движение вызвало и продолжает вызывать недовольство в одних, надежды на поддержку оппозиции в других, сознание невозможности самодержавия и неизбежности его краха в третьих. Мы были бы только на словах «политиками» и социал-демократами (как очень и очень часто бывает в действительности), если бы не сознавали своей задачи использовать все и всякие проявления недовольства, собрать и подвергнуть обработке все крупицы хотя бы зародышевого протеста. Не говорим уже о том, что вся многомиллионная масса трудящегося крестьянства, кустарей, мелких ремесленников и проч. всегда жадно стала бы слушать проповедь сколько-нибудь умелого социал-демократа. Но разве можно указать хотя бы один класс населения, в котором не было бы людей, групп и кружков, недовольных бесправием и произволом, а потому доступных проповеди социал-демократа, как выразителя самых наболевших общедемократических нужд? А кто хочет конкретно представить себе эту политическую агитацию социал-демократа во *всех* классах и слоях населения, тому мы укажем на *политические обличения* в широком смысле этого слова, как на главное (но, разумеется, не единственное) средство этой агитации.

«Мы должны, — писал я в статье «С чего начать?» («Искра» № 4, май 1901 г.), о которой нам придется подробно беседовать ниже, — пробудить во всех сколько-нибудь сознательных слоях народа страсть *политических* обличений. Не надо смущаться тем, что политически обличительные голоса так слабы, редки и робки в настоящее время. Причина этого — отнюдь не повальное примирение с полицейским произволом. Причина та, что у людей, способных и готовых обличать, нет трибуны, с которой бы они могли говорить, — нет аудитории, страстно слушающей и ободряющей ораторов, — что они не видят нигде в народе такой силы, к которой бы стоило труда обращаться с жалобой на «всемогущее» русское правительство... Мы в состоянии теперь и мы обязаны создать трибуну для всенародного обличения царского правительства; такой трибуной должна быть социал-демократическая газета» *).

Именно такой идеальной аудиторией для политических обличений является рабочий класс, которому всестороннее и живое политическое знание нужно прежде всего и больше всего; который наиболее способен претворять это знание в активную борьбу, хотя бы она никаких «осязательных результатов» и не сулила. А трибуной для *всенародных* обличений может быть только общерусская газета. «Без политического органа немыслимо в современной Европе движение, заслуживающее название политического», а Россия в этом отношении, несомненно, относится также к современной Европе. Печать давно стала уже у нас силой — иначе бы правительство не тратило десятков тысяч рублей на подкуп ее и на субсидирование разных Катковых и Мещерских. И не новость в самодержавной России, что нелегальная печать проламывала цензурные запоры и *заставляла* открыто говорить

*) См. настоящий том, стр. 110 — 111. *Ред.*

о себе легальные и консервативные органы. Так было и в 70-х и даже в 50-х годах. А во сколько раз шире и глубже теперь те народные слои, которые готовы читать нелегальную печать и учиться по ней, «как жить и как умереть», употребляя выражение рабочего, обратившегося с письмом в «Искру» (№ 7)[206]. Политические обличения являются именно таким объявлением войны *правительству*, как экономические обличения — объявляют войну фабриканту. И это объявление войны имеет тем большее нравственное значение, чем шире и сильнее эта обличительная кампания, чем многочисленнее и решительнее тот общественный *класс*, который *объявляет войну, чтобы начать войну*. Политические обличения являются поэтому уже сами по себе одним из могучих средств *разложения* враждебного строя, средств отвлечения от врага его случайных или временных союзников, средств посеять вражду и недоверие между постоянными участниками самодержавной власти.

Авангардом революционных сил сумеет стать в наше время только партия, которая *организует* действительно *всенародные* обличения. А это слово: «всенародные» имеет очень большое содержание. Громадное большинство обличителей из не-рабочего класса (а чтобы стать авангардом, надо именно привлечь другие классы) — трезвые политики и хладнокровные деловые люди. Они прекрасно знают, как небезопасно «жаловаться» даже на низшего чиновника, а не то что на «всемогущее» русское правительство. И они обратятся *к нам* с жалобой только тогда, когда увидят, что эта жалоба действительно способна оказать действие, что мы представляем из себя *политическую силу*. Чтобы стать таковой в глазах посторонних лиц, надо много и упорно работать над *повышением* нашей сознательности, инициативности и энергии; для этого недостаточно повесить ярлык «авангард» на теорию и практику арьергарда.

Но если мы должны взять на себя организацию действительно всенародных обличений правительства, то в чем же выразится тогда классовый характер нашего движения? — спросит и спрашивает уже нас усердный не по разуму поклонник «тесной органической связи с пролетарской борьбой». — Да вот именно в том, что организуем эти всенародные обличения мы, социал-демократы; — в том, что освещение всех поднимаемых агитацией вопросов будет даваться в неуклонно социал-демократическом духе без всяких потачек умышленным и неумышленным искажениям марксизма; — в том, что вести эту всестороннюю политическую агитацию будет партия, соединяющая в одно неразрывное целое и натиск на правительство от имени всего народа, и революционное воспитание пролетариата, наряду с охраной его политической самостоятельности, и руководство экономической борьбой рабочего класса, утилизацию тех стихийных

столкновений его с его эксплуататорами, которые поднимают и привлекают в наш лагерь новые и новые слои пролетариата!

Но одной из самых характерных черт экономизма является именно непонимание этой связи — более того: этого совпадения самой насущной потребности пролетариата (всестороннее политическое воспитание посредством политической агитации и политических обличений) и потребности общедемократического движения. Непонимание выражается не только в «Мартыновских» фразах, но также и в тождественных по смыслу с этими фразами ссылках на классовую якобы точку зрения. Вот, напр., как выражаются об этом авторы «экономического» письма в № 12 «Искры» *): «Тот же основной недостаток «Искры» (переоценка идеологии) является причиной ее непоследовательности в вопросах об отношении социал-демократии к различным общественным классам и направлениям. Решив посредством теоретических выкладок...» (а не посредством «роста партийных задач, растущих вместе с партией...») «задачу о немедленном переходе к борьбе против абсолютизма и чувствуя, вероятно, всю трудность этой задачи для рабочих при настоящем положении дел»... (и не только чувствуя, но прекрасно зная, что рабочим эта задача кажется менее трудной, чем заботящимся о малых детях «экономическим» интеллигентам, ибо рабочие готовы драться даже за требования, не сулящие, говоря языком незабвенного Мартынова, никаких «осязательных результатов»)... «но не имея терпения ждать дальнейшего накопления ими сил для этой борьбы, «Искра» начинает искать союзников в рядах либералов и интеллигенции»...

Да, да, мы действительно потеряли уже всякое «терпение» «ждать» того блаженного, давным-давно уже нам всякими «примирителями» обещанного, времени, когда наши экономисты перестанут сваливать *свою* отсталость на рабочих, оправдывать недостаток своей энергии недостатком будто бы сил у рабочих. Мы спросим наших экономистов: в чем должно состоять «накопление рабочими сил для этой борьбы»? Не очевидно ли, что в политическом воспитании рабочих, в изобличении пред ними *всех* сторон нашего гнусного самодержавия? И не ясно ли, что *как раз для этой работы* нам и нужны «союзники в рядах либералов и интеллигенции», готовые делиться с нами обличениями политического похода на земцев, учителей, статистиков, студентов и проч.? Неужели в самом деле так уже трудно понять эту

*) Недостаток места не позволил нам в «Искре» с полной обстоятельностью ответить на это крайне характерное для экономистов письмо. Мы были очень рады его появлению, ибо толки о невыдержанности классовой точки зрения в «Искре» доходили до нас уже давно и с самых различных сторон, и мы искали только удобного случая или оформленного выражения ходячего обвинения, чтобы ответить на него. А отвечать на нападения мы привыкли не защитой, а контр-нападением.

удивительно «хитрую механику»? Неужели П. Б. Аксельрод не твердит уже вам с 1897 года: «Задача приобретения русскими социал-демократами приверженцев и прямых или косвенных союзников среди непролетарских классов решается прежде всего и главным образом характером пропагандистской деятельности в среде самого пролетариата»?[207] А Мартынов и прочие экономисты все-таки продолжают представлять себе дело так, что рабочие *сначала* должны «экономической борьбой с хозяевами и с правительством» накопить себе силы (для трэд-юнионистской политики), а *потом* уже «перейти», — должно быть, от трэд-юнионистского «воспитания активности» к социал-демократической активности!

«... В своих поисках, — продолжают экономисты, — «Искра» нередко сходит с классовой точки зрения, затушевывая классовые противоречия и выдвигая на первый план общность недовольства правительством, хотя причины и степень этого недовольства у «союзников» весьма различны. Таковы, напр., отношения «Искры» к земству»... «Искра» будто бы «обещает неудовлетворенным правительственными подачками дворянам помощь рабочего класса, ни словом при этом не обмолвившись о классовой розни этих слоев населения». Если читатель обратится к статьям «Самодержавие и Земство» (№№ 2 и 4 «Искры»)[208], о которых, *вероятно,* говорят авторы письма, то увидит, что эти статьи *) посвящены отношению *правительства* к «мягкой агитации сословно-бюрократического земства», к «самодеятельности даже имущих классов». В статье говорится, что рабочему нельзя смотреть равнодушно на борьбу правительства против земства, и земцы приглашаются бросить мягкие речи и сказать твердое и резкое слово, когда пред правительством встанет во весь рост революционная социал-демократия. С чем несогласны тут авторы письма? — неизвестно. Думают ли они, что рабочий «не поймет» слов: «имущие классы» и «сословно-бюрократическое земство»? — что *подталкивание* земцев к переходу от мягких к резким словам есть «переоценка идеологии»? Воображают ли они, что рабочие могут «накопить в себе силы» для борьбы с абсолютизмом, если они не будут знать об отношении абсолютизма *и* к земству? Все это опять-таки остается неизвестным. Ясно только одно: что авторы очень смутно представляют себе политические задачи социал-демократии. Еще яснее это из их фразы: «Таково же» (т.-е. тоже «затемняющее классовые антагонизмы») «отношение «Искры» и к студенческому движению». Вместо призыва рабочих публичной демонстрацией заявить, что настоящим очагом насилия, бесчинства и разнузданности является не студенче-

*) А *между* этими статьями (№ 3 «Искры») была помещена статья специально о классовых антагонизмах в нашей деревне. (См. настоящий том, стр. 100. *Ред.*)

ство, а русское правительство (№ 2 «Искры») *) — мы должны были, вероятно, поместить рассуждение в духе «Р. Мысли»! И подобные мысли высказываются социал-демократами осенью 1901 года, после февральских и мартовских событий, накануне нового студенческого подъема, обнаруживающего, что и в этой области «стихийность» протеста против самодержавия *обгоняет* сознательное руководство движением со стороны социал-демократии. Стихийное стремление рабочих заступиться за избиваемых полицией и казаками студентов обгоняет сознательную деятельность социал-демократической организации!

«Между тем, в других статьях — продолжают авторы письма — «Искра» резко осуждает всякие компромиссы и выступает, например, на защиту нетерпимого поведения гедистов». Мы советуем людям, которые так самоуверенно и так легкомысленно заявляют обыкновенно по поводу разногласий в среде современных социал-демократов, что-де эти разногласия несущественны и раскола не оправдывают, — пораздумать хорошенько над этими словами. Возможна ли успешная работа в одной организации людей, которые говорят, что в деле выяснения враждебности самодержавия самым различным классам, в деле ознакомления рабочих с оппозицией самодержавию самых различных слоев мы сделали еще поразительно мало — и людей, которые видят в этом деле «компромисс», очевидно, компромисс с теорией «экономической борьбы с хозяевами и с правительством»?

Мы говорили о необходимости внести классовую борьбу в деревню по поводу сорокалетия освобождения крестьян (№ 3) **) и о непримиримости самоуправления и самодержавия по поводу тайной записки Витте (№ 4) [209]; мы нападали на крепостничество землевладельцев и служащего им правительства по поводу нового закона (№ 8) ***) и приветствовали нелегальный земский съезд, поощряя земцев перейти к борьбе от ущемленных ходатайств (№ 8) [210]; — мы поощряли студентов, начинавших понимать необходимость политической борьбы и переходивших к таковой (№ 3) [211], и в то же время бичевали «дикое непонимание», обнаруженное сторонниками «только студенческого» движения, приглашавшими студентов не участвовать в уличных демонстрациях (№ 3, по поводу воззвания Исполнительного Комитета московского студенчества от 25 февраля); — мы разоблачали «бессмысленные мечтания» и «лживое лицемерие» либеральных лукавцев газеты «Россия» [212] (№ 5) [213] и в то же время отмечали бешенство правительственного застенка, который «творил расправу над мирными литераторами, над старыми профессорами и учеными, над

*) См. настоящий том, стр. 69. *Ред.*
**) См. настоящий том, стр. 100. *Ред.*
***) См. настоящий том, стр. 169. *Ред.*

известными либеральными земцами» (№ 5: «Полицейский набег на литературу»); мы разоблачали настоящее значение программы «государственной попечительности о благоустройстве быта рабочих» и приветствовали «ценное признание», что «лучше преобразованиями сверху предупредить требования таковых снизу, чем дожидаться последнего» (№ 6) *); — мы поощряли статистиков-протестантов (№ 7) [214]) и порицали статистиков-штрейкбрехеров (№ 9) [215]). Кто усматривает в этой тактике затемнение классового сознания пролетариата и *компромисс с либерализмом*, — тот тем самым обнаруживает, что он совершенно не понимает истинного значения программы «Credo» и de facto *проводит именно эту программу*, сколько бы он от нее ни отрекался! Потому что он *тем самым* тащит социал-демократию к «экономической борьбе с хозяевами и с правительством» и *пасует пред либерализмом*, отказываясь от задачи активно вмешиваться в *каждый* «либеральный» вопрос и определять *свое*, социал-демократическое, отношение к этому вопросу.

в) ЕЩЕ РАЗ «КЛЕВЕТНИКИ», ЕЩЕ РАЗ «МИСТИФИКАТОРЫ».

Эти любезные слова принадлежат, как помнит читатель **), «Раб. Делу», которое отвечает таким образом на наше обвинение его в «косвенном подготовлении почвы для превращения рабочего движения в орудие буржуазной демократии». В простоте душевной «Раб. Дело» решило, что это обвинение есть не что иное, как полемическая выходка: порешили, дескать, эти злые догматики наговорить нам всяких неприятностей: ну, а что же может быть более неприятного, как явиться орудием буржуазной демократии? И вот печатается жирным шрифтом «опровержение»: «ничем не прикрашенная клевета» («Два съезда», стр. 30), «мистификация» (31), «маскарад» (33). Подобно Юпитеру, «Р. Дело» (хотя оно и мало похоже на Юпитера) сердится именно потому, что оно неправо, доказывая своими торопливыми ругательствами неспособность вдуматься в ход мысли своих противников. А ведь немного надо бы подумать, чтобы понять, почему *всякое* преклонение пред стихийностью массового движения, *всякое* принижение социал-демократической политики до трэд-юнионистской есть именно подготовление почвы для превращения рабочего движения в орудие буржуазной демократии. Стихийное рабочее движение само по себе способно создать (и неизбежно создает) только трэд-юнионизм, а трэд-юнионистская политика рабочего класса есть именно буржуазная политика рабочего класса. Уча-

*) См. настоящий том, стр. 158. *Ред.*

**) Слова: «Как помнит читатель» опущены в издании 1908 года. *Ред.*

стие рабочего класса в политической борьбе и даже в политической революции нисколько еще не делает его политики социал-демократической политикой. Не вздумает ли отрицать это «Р. Дело»? Не вздумает ли оно наконец изложить перед всеми прямо и без уверток свое понимание наболевших вопросов международной и русской социал-демократии? — О нет, оно никогда не вздумает ничего подобного, ибо оно твердо держится того приема, который можно назвать приемом «сказываться в петях». Я не я, лошадь не моя, я не извозчик. Мы не экономисты, «Раб. Мысль» не экономизм, в России нет вообще экономизма. Это — замечательно ловкий и «политичный» прием, имеющий только то маленькое неудобство, что органы, его практикующие, принято называть кличкой: «чего изволите?» *).

«Раб. Делу» кажется, что вообще буржуазная демократия в России есть «фантом» («Два съезда», с. 32) **). Счастливые люди! Подобно страусу, прячут они голову под крыло, и воображают, что от этого исчезает все окружающее. Ряд либеральных публицистов, ежемесячно оповещающих всех о своем торжестве по поводу распадения и даже исчезновения марксизма; ряд либеральных газет («СПБ. Ведомости», «Русские Вед.» и мн. др.), поощряющих тех либералов, которые несут рабочим брентановское понимание классовой борьбы и трэд-юнионистское понимание политики; — плеяда критиков марксизма, истинные тенденции которых так хорошо раскрыло «Credo» и литературные товары которых одни только безданно-беспошлинно гуляют по России; — оживление революционных *не*социал-демократических направлений, особенно после февральских и мартовских событий; — все это, должно быть, фантом! Все это не имеет ровно никакого отношения к буржуазной демократии!

«Раб. Делу», как и авторам экономического письма в № 12 «Искры», следовало бы «пораздумать над тем, почему это весенние события вызвали такое оживление революционных несоциал-демократических направлений, вместо того, чтобы вызвать усиление авторитета и престижа социал-демократии»? — Потому, что мы оказались не на высоте задачи, активность рабочих масс оказалась выше нашей активности, у нас не нашлось на-лицо доста-

*) Конец абзаца, начиная со слов: «Не вздумает ли отрицать», исключен автором в издании 1908 года. *Ред.*

**) Здесь же ссылка на «конкретные русские условия, фатально толкающие рабочее движение на революционный путь». Не хотят люди понять того, что революционный путь рабочего движения может еще быть и не социал-демократическим путем! Ведь вся западно-европейская буржуазия при абсолютизме «толкала», сознательно толкала рабочих на революционный путь. Мы же, социал-демократы, не можем удовлетвориться этим. И если мы чем бы то ни было принижаем социал-демократическую политику до стихийной, трэд-юнионистской политики, то мы именно этим и играем на-руку буржуазной демократии.

точно подготовленных революционных руководителей и организаторов, которые бы прекрасно знали настроение во всех оппозиционных слоях и умели встать во главе движения, превратить стихийную демонстрацию в политическую, расширить ее политический характер и т. д. При таких условиях нашей отсталостью неизбежно будут пользоваться более подвижные, более энергичные революционеры несоциал-демократы, и рабочие, как бы они самоотверженно и энергично ни дрались с полицией и войском, как бы они революционно ни выступали, окажутся только силой, поддерживающей этих революционеров, окажутся арьергардом буржуазной демократии, а не социал-демократическим авангардом. Возьмите германскую социал-демократию, у которой наши экономисты хотят перенять только ее слабые стороны. Отчего *ни одно* политическое событие в Германии не проходит без того, чтобы не повлиять на большее и большее усиление авторитета и престижа социал-демократии? Оттого, что социал-демократия всегда оказывается впереди всех в наиболее революционной оценке этого события, в защите всякого протеста против произвола. Она не убаюкивает себя рассуждениями, что экономическая борьба натолкнет рабочих на вопрос об их бесправии и что конкретные условия фатально толкают рабочее движение на революционный путь. Она вмешивается во все области и все вопросы общественной и политической жизни, и в вопрос о неутверждении Вильгельмом городского головы из буржуазных прогрессистов (немцев еще не успели просветить наши экономисты, что это есть, в сущности, компромисс с либерализмом!), и в вопрос об издании закона против «безнравственных» сочинений и изображений, и в вопрос о правительственном влиянии на выбор профессоров и проч. и т. под. Везде они оказываются впереди всех, возбуждая политическое недовольство во всех классах, расталкивая сонных, подтягивая отсталых, давая всесторонний материал для развития политического сознания и политической активности пролетариата. И в результате получается то, что к передовому политическому борцу проникаются уважением даже сознательные враги социализма, и нередко важный документ не только из буржуазных, но даже и бюрократических и придворных сфер каким-то чудом попадает в редакционный кабинет «Vorwärts'а».

Вот где лежит разгадка того кажущегося «противоречия», которое до такой степени превосходит меру понимания «Раб. Дела», что оно только воздевает руки горе и кричит: «маскарад»! Представьте себе в самом деле: мы, «Раб. Дело», ставим *во главу угла массовое* рабочее движение (и печатаем это жирным шрифтом!), мы предостерегаем всех и каждого от преуменьшения значения стихийного элемента, мы хотим придать самой, *самой, самой* экономической борьбе политический характер, мы хотим остаться в тесной и органической связи с пролетарской борьбой!

А нам говорят, что мы подготовляем почву для превращения рабочего движения в орудие буржуазной демократии. И кто говорит это? Люди, которые вступают в «компромисс» с либерализмом, вмешиваясь в каждый «либеральный» вопрос (какое непонимание «органической связи с пролетарской борьбой»!), обращая так много внимания и на студентов и даже (о ужас!) на земцев! Люди, которые вообще хотят уделять больший (по сравнению с экономистами) процент своих сил на деятельность среди непролетарских классов населения! Это ли не «маскарад»??

Бедное «Раб. Дело»! Додумается ли оно когда-нибудь до разгадки этой хитрой механики? *)

IV.

КУСТАРНИЧЕСТВО ЭКОНОМИСТОВ И ОРГАНИЗАЦИЯ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ.

Разобранные нами выше утверждения «Раб. Дела», что экономическая борьба есть наиболее широко применимое средство политической агитации, что наша задача теперь — придать самой экономической борьбе политический характер и т. п., выражают собою узкое понимание не только наших политических, но и наших *организационных* задач. Для «экономической борьбы с хозяевами и с правительством» совершенно не нужна,— а потому на такой борьбе не может и выработаться,—общерусская централизованная организация, объединяющая в один общий натиск все и всяческие проявления политической оппозиции, протеста и возмущения, организация, состоящая из революционеров по профессии и руководимая настоящими политическими вождями всего народа. Да это и понятно. Характер организации всякого учреждения естественно и неизбежно определяется содержанием деятельности этого учреждения. Поэтому «Раб. Дело» своими вышеразобранными утверждениями освящает и узаконяет не только узость политической деятельности, но и узость организационной работы. И в этом случае, как и всегда, оно является органом, сознательность которого пасует пред стихийностью. А между тем преклонение пред стихийно складывающимися формами организации, отсутствие сознания того, насколько узка и примитивна наша организационная работа, какие еще мы «кустари» в этой важной области, отсутствие этого сознания, говорю я, представляет собою настоящую болезнь нашего движения. Это не болезнь упадка, а болезнь роста, само собою разумеется. Но именно теперь, когда волна стихийного возмущения захлестывает, можно сказать, нас, как руководителей и организаторов движения, особенно необ-

*) Два последние абзаца исключены автором в издании 1908 года. *Ред.*

ходима самая непримиримая борьба против всякой защиты отсталости, против всякого узаконения узости в этом деле, особенно необходимо пробудить в каждом, кто участвует в практической работе или только собирается взяться за нее, недовольство господствующим у нас *кустарничеством* и непреклонную решимость избавиться от него.

а) ЧТО ТАКОЕ КУСТАРНИЧЕСТВО?

Попробуем ответить на этот вопрос маленькой картинкой деятельности типичного социал-демократического кружка 1894—1901 годов. Мы уже указывали*) на новальное увлечение марксизмом учащейся молодежи этого периода. Это увлечение относилось, разумеется, не только и даже не столько к марксизму, как к теории, а как к ответу на вопрос: «что делать?», как к призыву идти в поход на врага. И новые ратники шли в поход с удивительно первобытным снаряжением и подготовкой. В массе случаев не было даже почти никакого снаряжения и ровно никакой подготовки. Шли на войну, как мужики от сохи, захватив одну только дубину. Кружок студентов, без всякой связи с старыми деятелями движения, без всякой связи с кружками в других местностях, или даже в других частях города (или в иных учебных заведениях), без всякой организации отдельных частей революционной работы, без всякого систематического плана деятельности на сколько-нибудь значительный период, заводит связи с рабочими и берется за дело. Кружок развертывает постепенно более и более широкую пропаганду и агитацию, привлекает фактом своего выступления сочувствие довольно широких слоев рабочих, сочувствие некоторой части образованного общества, доставляющего деньги и отдающего в распоряжение «Комитету» новые и новые группы молодежи. Растет обаяние комитета (или союза борьбы), растет размах его деятельности, и он расширяет эту деятельность совершенно стихийно: те же люди, которые год или несколько месяцев тому назад выступали в студенческих кружках и решали вопрос: «куда идти?», которые заводили и поддерживали сношения с рабочими, изготовляли и выпускали листки, заводят связи с другими группами революционеров, раздобывают литературу, берутся за издание местной газеты, начинают говорить об устройстве демонстрации, переходят наконец к открытым военным действиям (при чем этим открытым военным действием может явиться, смотря по обстоятельствам, и первый же**) агитационный листок, и первый номер газеты, и первая демонстрация). И обыкновенно первое же начало этих действий ведет за собою немедленно полный про-

*) В изданиях 1908 года: «указали». *Ред.*
**) В издании 1908 года слово «же» опущено. *Ред.*

вал. Немедленно и полный именно потому, что эти военные действия явились*) не результатом систематического, заранее обдуманного и исподволь подготовленного плана длинной и упорной борьбы, а просто стихийным ростом традиционно ведущейся кружковой работы; потому что полиция, естественно, почти всегда знала всех главных деятелей местного движения, «зарекомендовавших» себя еще со студенческой скамьи, и только выжидала самого удобного для нее момента облавы, нарочно давая кружку достаточно разрастись и развернуться, чтобы иметь осязательный corpus delicti**), и нарочно оставляя всегда нескольких известных ей лиц «на разводку» (как гласит техническое выражение, употребляемое, насколько мне известно, и нашим братом, и жандармами). Такую войну нельзя не сравнить с походом вооруженных дубинами шаек крестьян против современного войска. И надо только удивляться жизненности движения, которое ширилось, росло и одерживало победы, несмотря на это полное отсутствие подготовки у сражавшихся. Правда, с исторической точки зрения, примитивность снаряжения была не только неизбежна вначале, но *даже законна*, как одно из условий широкого привлечения ратников. Но как только начались серьезные военные действия (а они начались уже, в сущности, с летних стачек 1896 года), — недостатки нашей военной организации стали все сильнее и сильнее давать себя чувствовать. Опешив на первых порах и наделав ряд ошибок (вроде обращения к обществу с описанием злодейств социалистов или ссылки рабочих из столиц в промышленные центры провинции), правительство вскоре приспособилось к новым условиям борьбы и сумело поставить на надлежащие места свои, вооруженные всеми усовершенствованиями, отряды провокаторов, шпионов и жандармов. Погромы стали так часто повторяться, захватывать такую массу лиц, выметать до такой степени начисто местные кружки, что рабочая масса теряла буквально всех руководителей, движение приобретало невероятно скачкообразный характер, и абсолютно никакой преемственности и связности работы не могло установиться. Поразительная раздробленность местных деятелей, случайность состава кружков, неподготовленность и узкий кругозор в области теоретических, политических и организационных вопросов были неизбежным результатом описанных условий. Дело дошло до того, что в некоторых местах рабочие в силу недостатка у нас выдержки и конспиративности проникаются недоверием к интеллигенции и сторонятся от нее: интеллигенты, говорят они, слишком необдуманно приводят к провалам!

Что это кустарничество стало наконец ощущаться всеми мыслящими социал-демократами, как болезнь,—это знает каждый,

*) В издании 1908 года: «являлись». *Ред.*
**) — состав преступления. *Ред.*

сколько-нибудь знакомый с движением. А чтобы читатель незнакомый с ним не подумал, что мы «конструируем» искусственно особую стадию или особую болезнь движения, — мы сошлемся на упомянутого уже раз свидетеля. Пусть не посетуют на нас за длинную выписку.

«Если постепенный переход к более широкой практической деятельности, — пишет Б—в в № 6 «Раб. Дела», — переход, находящийся в прямой зависимости от общего переходного времени, переживаемого русским рабочим движением, является характерной чертой... то есть еще другая не менее интересная черта в общем механизме русской рабочей революции. Мы говорим о том *общем недостатке годных к действию революционных сил* *), который ощущается не только в Петербурге, но и во всей России. С общим оживлением рабочего движения, с общим развитием рабочей массы, с все учащающимися случаями стачек, с все более открытой массовой борьбой рабочих, усиливающей правительственные преследования, аресты, ссылку и высылку, этот *недостаток в качественно высоких революционных силах становится все заметнее* и, несомненно, остается *не без влияния на глубину и общий характер движения*. Многие стачки проходят без сильного и непосредственного воздействия революционных организаций... чувствуется недостаток в агитационных листках и нелегальной литературе... рабочие кружки остаются без агитаторов... Рядом с этим замечается постоянная нужда в денежных средствах. Словом, *рост рабочего движения опережает рост и развитие революционных организаций*. Наличный состав действующих революционеров оказывается слишком незначительным, чтобы сосредоточить в своих руках влияние на всю волнующуюся рабочую массу, чтобы придать всем волнениям хотя бы оттенок стройности и организованности... Отдельные кружки, отдельные революционеры не собраны, не объединены, не составляют единой, сильной и дисциплинированной организации с планомерно развитыми частями»... И, оговорившись, что немедленное появление новых кружков, на место разбитых, «доказывает только жизненность движения,... но не показывает еще наличность достаточного количества вполне пригодных революционных деятелей», автор заключает: «Практическая неподготовленность петербургских революционеров сказывается и в результатах их работы. Последние процессы, особенно групп «Самоосвобождение» и «Борьба труда с капиталом» [216]), ясно показали, что молодой агитатор, незнакомый детально с условиями труда, а следовательно, и агитации на данном заводе, не знающий принципов конспирации и усвоивший» (усвоивший ли?) «только общие взгляды социал-демократии, может проработать каких-нибудь 4, 5, 6 месяцев. Затем наступает арест, часто влекущий за собой разгром всей организации или по крайней мере части ее. Спрашивается, возможна ли успешная и плодотворная деятельность группы, если время существования этой группы определяется месяцами? Очевидно, недостатки существующих организаций нельзя целиком относить насчет переходного времени... очевидно, количественный и, главное, качественный состав действующих организаций играет здесь немаловажную роль, и первой задачей наших социал-демократов... должно быть *реальное объединение организаций при строгом выборе членов*».

6) КУСТАРНИЧЕСТВО И ЭКОНОМИЗМ.

Мы должны теперь остановиться на вопросе, который наверное напрашивается уже у всякого читателя. Можно ли ставить

*) Курсив везде наш.

в связь это кустарничество, как болезнь роста, свойственную *всему* движению, с экономизмом, как с *одним* из течений в русской социал-демократии? Мы думаем, что да. Практическая неподготовленность, неумелость организационной работы обща действительно *всем нам*, в том числе и тем, кто с самого начала неуклонно стоял на точке зрения революционного марксизма. И за неподготовленность самое по себе никто не мог бы, конечно, и винить практиков. Но кроме неподготовленности в понятие «кустарничества» входит еще и нечто другое: узкий размах всей революционной работы вообще, непонимание того, что на этой узкой работе и не может сложиться хорошая организация революционеров, наконец — и это главное — попытки оправдать эту узость и возвести в особую «теорию», т.-е. преклонение пред стихийностью и в этой области. Раз только обнаружились такие попытки, — стало уже несомненным, что кустарничество связано с экономизмом и что мы не избавимся от узости нашей организационной деятельности, не избавившись от экономизма вообще (т.-е. узкого понимания и теории марксизма и роли социал-демократии и политических задач ее). А попытки эти обнаружились в двояком направлении. Одни стали говорить: рабочая масса не выдвинула еще сама таких широких и боевых политических задач, которые ей «навязывают» революционеры, она должна еще бороться за *ближайшие* политические требования, вести «экономическую борьбу с хозяевами и с правительством» *) (а этой «доступной» массовому движению борьбе естественно соответствует и «доступная» даже самой неподготовленной молодежи организация). Другие, далекие от всякой «постепеновщины», стали говорить: возможно и должно «совершить политическую революцию», но для этого нет никакой надобности в создании крепкой организации революционеров, воспитывающей пролетариат стойкой и упорной борьбой; для этого достаточно, чтобы мы все схватились за «доступную» и знакомую уже дубину. Говоря без аллегорий — чтобы мы устроили всеобщую стачку **); или чтобы мы возбудили «вялый» ход рабочего движения посредством «эксцитативного террора» ***). Оба эти направления, и оппортунисты и «революционисты», пасуют пред господствующим кустарничеством, не верят в возможность избавления от него, не понимают нашей первой и самой настоятельной практической задачи: создать *организацию революционеров*, способную обеспечить энергию, устойчивость и преемственность политической борьбы.

*) «Раб. Мысль» и «Раб. Дело», особ. «Ответ» Плеханову.

**) Брошюра: «Кто совершит политическую революцию?» — в изданном в России сборнике: «Пролетарская борьба». Была также перепечатана Киевским комитетом.

***) «Возрождение революционизма» и «Свобода».

Мы сейчас привели слова Б—ва: «рост рабочего движения опережает рост и развитие революционных организаций». Это «ценное сообщение близкого наблюдателя» (отзыв редакции «Рабочего Дела» о статье Б—ва) имеет для нас двойную ценность. Оно показывает, что мы были правы, усматривая основную причину современного кризиса в русской социал-демократии в *отсталости руководителей* («идеологов», революционеров, социал-демократов) от *стихийного подъема масс*. Оно показывает, что именно прославлением и защитой кустарничества являются все эти рассуждения авторов экономического письма (в № 12 «Искры»), Б. Кричевского и Мартынова об опасности преуменьшать значение стихийного элемента, серой текущей борьбы, о тактике-процессе и проч. Эти люди, которые без пренебрежительной гримасы не могут произносить слово: «теоретик», которые называют «чутьем к жизни» свое коленопреклонение пред житейской неподготовленностью и неразвитостью, обнаруживают на деле непонимание самых настоятельных наших *практических* задач. Людям отставшим кричат: идите в ногу! не опережайте! Людям, страдающим от недостатка энергии и инициативы в организационной работе, от недостатка «планов» широкой и смелой постановки дела, кричат о «тактике-процессе»! Основной наш грех состоит в *принижении* наших политических *и организационных* задач до ближайших, «осязательных», «конкретных» интересов текущей экономической борьбы, — а нам продолжают напевать: самой экономической борьбе надо придать политический характер! Еще раз: это буквально такое же «чутье к жизни», которое обнаруживал герой народного эпоса, кричавший: «таскать вам не перетаскать!» при виде похоронной процессии.

Вспомните, с каким несравненным, поистине-«Нарцисовским» высокомерием поучали эти мудрецы Плеханова: «рабочим *кружкам* вообще (sic!) недоступны политические задачи в действительном, *практическом* смысле этого слова, т.-е. в смысле целесообразной и успешной *практической* борьбы за политические требования» (Ответ ред. «Р. Д.», стр. 24). Есть кружки и кружки, господа! Кружку «кустарей», конечно, недоступны политические задачи, покуда эти кустари не сознали своего кустарничества и не избавились от него. Если же эти кустари кроме того влюблены в свое кустарничество, если они пишут слово «практический» непременно курсивом и воображают, что практичность требует принижения своих задач до уровня понимания самых отсталых слоев массы, — то тогда, разумеется, эти кустари безнадежны, и им, действительно, *вообще недоступны политические задачи*. Но кружку корифеев, вроде Алексеева и Мышкина, Халтурина и Желябова, доступны политические задачи в самом действительном, в самом практическом смысле этого слова, доступны именно потому и постольку, поскольку их горячая проповедь

встречает отклик в стихийно пробуждающейся массе, поскольку их кипучая энергия подхватывается и поддерживается энергией революционного класса. Плеханов был тысячу раз прав, когда он не только указал этот революционный класс, не только доказал неизбежность и неминуемость его стихийного пробуждения, но и поставил даже перед «рабочими кружками» высокую и великую политическую задачу. А вы ссылаетесь на возникшее с тех пор массовое движение для того, чтобы *принизить* эту задачу, — для того, чтобы *сузить* энергию и размах деятельности «рабочих кружков». Что это такое, как не влюбленность кустаря в свое кустарничество? Вы хвастаетесь своей практичностью, а не видите того, знакомого всякому русскому практику факта, какие чудеса способна совершить в революционном деле энергия не только кружка, но даже отдельной личности. Или вы думаете, что в нашем движении не может быть таких корифеев, которые были в 70-х годах? Почему бы это? Потому что мы мало подготовлены? Но мы подготовляемся, будем подготовляться и подготовимся! Правда, на стоячей воде «экономической борьбы с хозяевами и с правительством» образовалась у нас, к несчастью, плесень, появились люди, которые становятся на колени и молятся на стихийность, благоговейно созерцая (по выражению Плеханова) «заднюю» русского пролетариата. Но мы сумеем избавиться от этой плесени. Именно теперь русский революционер, руководимый истинно-революционной теорией, опираясь на истинно-революционный и стихийно пробуждающийся класс, может наконец — наконец! — выпрямиться во весь свой рост и развернуть все свои богатырские силы. Для этого нужно только, чтобы среди массы практиков, среди еще большей массы людей, мечтающих о практической работе уже со школьной скамьи, всякое поползновение принизить наши политические задачи и размах нашей организационной работы встречало насмешку и презрение. И мы добьемся этого, будьте спокойны, господа!

В статье «С чего начать?» я писал против «Рабочего Дела». «В 24 часа можно изменить тактику агитации по какому-нибудь специальному вопросу, тактику проведения какой-нибудь детали партийной организации, а изменить не только в 24 часа, но хотя бы даже в 24 месяца свои взгляды на то, нужна ли вообще, всегда и безусловно, боевая организация и политическая агитация в массе, могут только люди без всяких устоев» *). «Рабочее Дело» отвечает: «Это единственное из претендующих на фактический характер обвинение «Искры» ни на чем не основано. Читатели «Р. Дела» хорошо знают, что мы с самого начала не только звали к политической агитации, не дожидаясь появления «Искры»»... (говоря при этом, что не только рабочим кружкам,

*) См. настоящий том, стр. 108. *Ред.*

«но и массовому рабочему движению невозможно ставить первой политической задачей — низвержение абсолютизма», а только борьбу за ближайшие политические требования, и что «ближайшие политические требования становятся доступными для массы после одной, или, в крайнем случае, нескольких стачек»)... «а и своими изданиями доставляли из-за границы действующим в России товарищам *единственный* социал-демократический политически-агитационный материал»... (при чем вы в этом единственном материале не только применяли наиболее широко политическую агитацию лишь на почве экономической борьбы, но и додумались наконец до того, что эта суженная агитация «наиболее широко применима». И вы не замечаете, господа, что ваша аргументация доказывает именно необходимость появления «Искры» — при такого рода *единственном* материале — и необходимость борьбы «Искры» с «Рабочим Делом»?)... «С другой стороны, наша издательская деятельность на деле подготовляла тактическое единство партии»... (единство убеждения в том, что тактика есть процесс роста партийных задач, растущих вместе с партией? Ценное единство!)... «и тем самым возможность «боевой организации», для создания которой Союз делал вообще все доступное для заграничной организации» («Р. Д.» № 10, стр. 15). Напрасная попытка извернуться! Что вы делали все для вас доступное, этого я никогда и не думал отрицать. Я утверждал и утверждаю, что *пределы* «доступного» вам суживаются близорукостью вашего понимания. Смешно и говорить о «боевой организации» для борьбы за «ближайшие политические требования» или для «экономической борьбы с хозяевами и с правительством» *).

Но если читатель хочет видеть перлы «экономической» влюбленности в кустарничество, то он, разумеется, должен обратиться от эклектического и неустойчивого «Раб. Дела» к последовательной и решительной «Раб. Мысли». «Теперь два слова о собственно так называемой революционной интеллигенции, — писал Р. М. в «Отдельном приложении», стр. 13, — она, правда, не раз показала на деле свою полную готовность «вступить в решительную схватку с царизмом». Вся беда только в том, что, беспощадно преследуемая политической полицией, наша революционная интеллигенция принимала борьбу с этой политической полицией за политическую борьбу с самодержавием. Поэтому-то для нее до сих пор и остается невыясненным вопрос, «откуда взять силы для борьбы с самодержавием?»».

Не правда ли, как бесподобно это великолепное пренебрежение к борьбе с полицией со стороны поклонника (в худом смысле поклонника) *стихийного* движения? Нашу конспиративную неуме-

*) Этот абзац исключен автором в издании 1908 года. *Ред.*

лость он готов *оправдать* тем, что нам, при стихийном массовом движении, и не важна, в сущности, борьба с политической полицией!! Под этим чудовищным выводом подпишутся очень и очень немногие: до такой степени наболел у всех вопрос о недостатках наших революционных организаций. Но если под ним не подпишется, например, Мартынов, то только потому, что он*) не умеет или не имеет смелости додумывать до конца своих положений. В самом деле, разве такая «задача», как выставление массой конкретных требований, сулящих осязательные результаты, требует особенной заботливости о создании прочной, централизованной, боевой организации революционеров? разве эту «задачу» не выполняет и такая масса, которая вовсе не «борется с политической полицией»? Больше того: разве эта задача была бы выполнима, если бы кроме немногих руководителей за нее не брались также (в громадном большинстве) такие рабочие, которые вовсе *неспособны* «бороться с политической полицией»? Такие рабочие, средние люди массы, способны проявить гигантскую энергию и самоотверженье в стачке, в уличной борьбе с полицией и войском, способны (и одни только могут) *решить* исход всего нашего движения, — но именно борьба с *политической* полицией требует особых качеств, требует революционеров *по профессии*. И мы должны заботиться не только о том, чтобы масса «выставляла» конкретные требования, но и о том, чтобы масса рабочих «выставляла» все в большем числе таких революционеров по профессии. Мы подошли таким образом к вопросу о соотношении между организацией профессиональных революционеров и чисто-рабочим движением. Мало отразившийся в литературе, этот вопрос много занимал нас, «политиков», в разговорах и спорах с более или менее тяготеющими к экономизму товарищами. На нем стоит особо остановиться. Но сначала закончим еще одной цитатой иллюстрацию нашего положения о связи кустарничества с экономизмом.

«Группа «Осв. Труда»,—писал г. N. N. в своем «Ответе»,— требует прямой борьбы с правительством, не взвесив, где материальная сила для этой борьбы, не указав, *где пути для нее*». И, подчеркнув последние слова, автор делает к слову «пути» такое примечание: «Это обстоятельство не может быть объяснено конспиративными целями, так как в программе речь идет не о заговоре, а о *массовом движении*. Масса же не может идти тайными путями. Разве возможна тайная стачка? Разве возможна тайная манифестация и петиция?» («Vademecum», стр. 59.) Автор вплотную подошел и к этой «материальной силе» (устроители стачек и манифестаций) и к «путям» для борьбы, но оказался все-таки в растерянном недоумении, ибо он «преклоняется»

*) В издании 1908 года слово «он» опущено. *Ред.*

пред массовым движением, т.-е. смотрит на него как на нечто, *избавляющее* нас от нашей, революционной, активности, а не как на нечто, долженствующее ободрять и *подталкивать* нашу революционную активность. Тайная стачка невозможна — для участников ее и непосредственно соприкасающихся с ней лиц. Но для массы русских рабочих эта стачка может остаться (и большей частью остается) «тайной», ибо правительство позаботится отрезать всякое сношение с стачечниками, позаботится сделать невозможным всякое распространение сведений о стачке. Вот тут уже нужна специальная «борьба с политической полицией», борьба, которую никогда не сможет активно вести столь же широкая масса, какая участвует в стачках. Эту борьбу должны организовать «по всем правилам искусства» люди, профессионально занятые революционной деятельностью. Организация этой борьбы не стала *менее нужной* оттого, что в движение стихийно втягивается масса. Напротив, от этого организация становится *более нужной*, ибо мы, социалисты, не исполнили бы своих прямых обязанностей перед массой, если бы не сумели помешать полиции делать тайной (а иногда и сами не подготовляли тайно) всякую стачку и всякую манифестацию. *Суметь* же это мы в состоянии именно потому, что стихийно пробуждающаяся масса будет *выдвигать также из своей среды* все большее и большее число «революционеров по профессии» (если мы не вздумаем на всякие лады приглашать рабочих топтаться на одном месте).

в) ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОЧИХ И ОРГАНИЗАЦИЯ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ.

Если понятие политической борьбы для социал-демократа покрывается понятием «экономической борьбы с хозяевами и правительством», то естественно ожидать, что понятие «организация революционеров» будет для него более или менее покрываться понятием: «организация рабочих». И это действительно случается, так что, разговаривая об организации, мы оказываемся буквально говорящими на разных языках. Как сейчас помню, например, разговор с одним довольно последовательным экономистом, которого мне не доводилось знать раньше[217]). Речь зашла о брошюре: «Кто совершит политическую революцию?», и мы быстро сошлись на том, что ее основной недостаток — игнорирование вопроса об организации. Мы воображали уже, что мы солидарны друг с другом — но... разговор идет дальше, и оказывается, что мы говорим про разное. Мой собеседник обвиняет автора за игнорирование стачечных касс, обществ взаимопомощи и т. п., я же имел в виду организацию революционеров, необходимую для «совершения» политической революции. И, как только

обнаружилось это разногласие, — я не запомню уже, чтобы мне приходилось вообще по какому бы то ни было принципиальному вопросу соглашаться с этим экономистом!

В чем же состоял источник наших разногласий? Да именно в том, что экономисты постоянно сбиваются с социал-демократизма на трэд-юнионизм и в организационных, как и в политических, задачах. Политическая борьба социал-демократии гораздо шире и сложнее, чем экономическая борьба рабочих с хозяевами и правительством. Точно так же (и вследствие этого) организация революционной социал-демократической партии неизбежно должна быть *иного рода*, чем организация рабочих для такой борьбы. Организация рабочих должна быть, во-первых, профессиональной; во-вторых, она должна быть возможно более широкой; в-третьих, она должна быть возможно менее конспиративной (я говорю, разумеется, здесь и ниже, имея в виду только самодержавную Россию). Наоборот, организация революционеров должна обнимать прежде всего и главным образом людей, которых профессия состоит из революционной деятельности (потому я и говорю об организации *революционеров*, имея в виду революционеров социал-демократов). Пред этим общим признаком членов такой организации *должно совершенно стираться всякое различие рабочих и интеллигентов*, не говоря уже о различии отдельных профессий тех и других. Эта организация необходимо должна быть не очень широкой и возможно более конспиративной. Остановимся на этом трояком различии.

В странах с политической свободой различие профессиональной и политической организации совершенно ясно, как ясно и различие трэд-юнионов и социал-демократии. Отношения последней к первым неизбежно видоизменяются, конечно, в разных странах смотря по историческим, юридическим и другим условиям, — они могут быть более или менее тесными, сложными и проч. (они должны быть, с нашей точки зрения, возможно более тесными и возможно менее сложными), но о совпадении организации профессиональных союзов с организацией социал-демократической партии в свободных странах нет и речи. В России же гнет самодержавия стирает, на первый взгляд, всякое различие между социал-демократической организацией и рабочим союзом, ибо *всякие* рабочие союзы и *всякие* кружки запрещены, ибо главное проявление и орудие экономической борьбы рабочих — стачка — является вообще уголовным (а иногда даже политическим!) проступком. Таким образом наши условия, с одной стороны, очень «наталкивают» ведущих экономическую борьбу рабочих на политические вопросы, а, с другой стороны, «наталкивают» социал-демократов на смешение трэд-юнионизма и социал-демократизма (и наши Кричевские, Мартыновы и К°, усердно толкуя о «наталкивании» первого рода, не замечают «наталкивания» второго рода).

В самом деле, представьте себе людей, на 99 сотых поглощенных «экономической борьбой с хозяевами и правительством». Одни из них в течение *всего* периода их деятельности (4—6 мес.) ни разу не натолкнутся на вопрос о необходимости более сложной организации революционеров; другие «натолкнутся», пожалуй, на сравнительно распространенную бернштейнианскую литературу, из которой почерпнут убеждение в сугубой важности «поступательного хода серой текущей борьбы». Третьи, наконец, увлекутся, может быть, соблазнительной идеей явить миру новый образец «тесной и органической связи с пролетарской борьбой», связи профессионального и социал-демократического движения. Чем позже выступает страна на арену капитализма, а следовательно и рабочего движения,—могут рассуждать такие люди,—тем больше могут социалисты принимать участия в профессиональном движении и оказывать ему поддержку, тем меньше может и должно быть несоциал-демократических профессиональных союзов. До сих пор такое рассуждение вполне правильно, но беда в том, что идут еще дальше и мечтают о полном слиянии социал-демократизма и трэд-юнионизма. Мы сейчас увидим на примере устава СПБ. Союза Борьбы, как вредно отражаются эти мечты на наших организационных планах.

Организации рабочих для экономической борьбы должны быть профессиональными организациями. Всякий социал-демократ-рабочий должен по мере возможности оказывать содействие и активно работать в этих организациях. Это так. Но вовсе не в наших интересах требовать, чтобы членами «цеховых» союзов могли быть только социал-демократы: это сузило бы размеры нашего влияния на массу. Пусть в цеховом союзе участвует всякий рабочий, понимающий необходимость объединения для борьбы с хозяевами и с правительством. Самая цель цеховых союзов была бы недостижима, если бы они не объединяли всех, кому доступна хотя бы только одна эта элементарная ступень понимания *), если бы эти цеховые союзы не были бы очень *широкими* организациями. И чем шире эти организации, тем шире будет и наше влияние на них, влияние, оказываемое не только «стихийным» развитием экономической борьбы, но и прямым, сознательным воздействием социалистических членов союза на товарищей. Но при широком составе организации невозможна строгая конспирация (требующая гораздо большей подготовки, чем необходимо для участия в экономической борьбе). Как примирить это противоречие между необходимостью широкого состава и строгой конспирации? Как достигнуть того, чтобы цеховые организации были возможно менее конспиративны? Для этого может

*) В издании 1908 года фраза, начиная со слов: «если бы» — и кончая словами: «ступень понимания», опущена. *Ред.*

быть, вообще говоря, только два пути: либо легализация цеховых союзов (в некоторых странах предшествовавшая легализации социалистических и политических союзов), либо сохранение организации тайной, но настолько «свободной», мало-оформленной, lose, как говорят немцы, чтобы конспирация для массы членов сводилась почти к нулю.

Легализация не-социалистических и не-политических рабочих союзов в России уже началась, и не может подлежать никакому сомнению, что каждый шаг нашего быстро растущего социал-демократического рабочего движения будет умножать и поощрять попытки этой легализации, — попытки, исходящие главным образом от сторонников существующего строя, но отчасти и от самих рабочих и от либеральной интеллигенции. Знамя легализации уже выкинуто Васильевыми и Зубатовыми, содействие ей уже обещано и дано гг. Озеровыми и Вормсами, среди рабочих есть уже последователи нового течения. И мы не можем отныне не считаться с этим течением. Как считаться,—об этом среди социал-демократов вряд ли может быть два мнения. Мы обязаны неуклонно разоблачать всякое участие Зубатовых и Васильевых, жандармов и попов в этом течении и разъяснять рабочим истинные намерения этих участников. Мы обязаны разоблачать также всякие примирительные, «гармонические» нотки, которые будут проскальзывать в речах либеральных деятелей на открытых собраниях рабочих,—все равно, берут ли они эти ноты в силу искреннего своего убеждения в желательности мирного сотрудничества классов, в силу ли желания подслужиться к начальству, или наконец просто по неловкости. Мы обязаны, наконец, предостерегать рабочих от той ловушки, которую им ставит зачастую полиция, высматривая «людей с огоньком» на этих открытых собраниях и в дозволенных обществах, пытаясь чрез посредство легальных организаций ввести провокаторов и в нелегальные.

Но делать все это — вовсе не значит забывать о том, что *в конце концов* легализация рабочего движения принесет пользу именно нам, а отнюдь не Зубатовым. Напротив, как раз своей обличительной кампанией мы и отделяем плевелы от пшеницы. Плевелы мы уже указали. Пшеница, это — привлечение внимания еще более широких и самых отсталых слоев рабочих к социальным и политическим вопросам, это — освобождение нас, революционеров, от таких функций, которые по существу легальны (распространение легальных книг, взаимопомощь и т. п.), и развитие которых неизбежно будет давать нам все бо́льший и бо́льший материал для агитации. В этом смысле мы можем и должны сказать Зубатовым и Озеровым: старайтесь, господа, старайтесь! Поскольку вы ставите рабочим ловушку (в смысле ли прямого провокаторства или в смысле «честного» развращения рабочих «струвизмом»)—мы уже позаботимся о вашем разоблачении.

Поскольку вы делаете действительный шаг вперед, — хотя бы в форме самого «робкого зигзага», но шаг вперед — мы скажем: сделайте одолжение! Действительным шагом вперед может быть только действительное, хотя бы миниатюрное, расширение простора для рабочих. А всякое такое расширение послужит на пользу нам и ускорит появление таких легальных обществ, в которых не провокаторы будут ловить социалистов, а социалисты будут ловить себе адептов. Одним словом, наше дело теперь бороться с плевелами. Не наше дело растить в комнатных горшках пшеницу. Вырывая плевелы, мы тем самым очищаем почву для возможного прорастания семян пшеницы. И покуда Афанасии Иванычи с Пульхериями Ивановнами занимаются комнатным растениеводством, мы должны готовить жнецов, которые сумели бы и косить сегодняшние плевелы, и жать завтрашнюю пшеницу *).

Итак, посредством легализации *решать* вопрос о создании возможно менее конспиративной и возможно более широкой профессиональной организации *мы* не можем (но были бы очень рады, если бы Зубатовы и Озеровы открыли нам хотя частичную возможность такого решения, — для чего нам следует как можно энергичнее воевать с ними!). Остается путь тайных профессиональных организаций, и *мы должны* оказать всяческое содействие рабочим, которые уже вступают (как нам доподлинно известно) на этот путь. Профессиональные организации не только могут принести громадную пользу в деле развития и упрочения экономической борьбы, но и стать весьма важным пособником политической агитации и революционной организации. Для того, чтобы достигнуть этого результата, для того, чтобы направить начинающееся профессиональное движение в желательное для социал-демократии русло, — необходимо прежде всего ясно представить себе нелепость того плана организации, с которым вот уже почти пять лет носятся петербургские экономисты. План этот изложен и в «Уставе рабочей кассы» июля 1897 года («Лист. Раб.», № 9—10, стр. 46, — из № 1 «Раб. Мысли») и в «Уставе союзной рабочей организации» октября 1900 года (особый листок, печатанный в С.-Петербурге и упомянутый в № 1 «Искры»).

*) Борьба «Искры» с плевелами вызвала со стороны «Раб. Дела» такую сердитую выходку: «Для «Искры» же знамением времени служат не столько эти крупные события (весенние), как жалкие попытки Зубатовских агентов «легализировать» рабочее движение. Она не видит, что эти факты именно и говорят против нее; они-то и свидетельствуют о том, что рабочее движение приняло очень угрожающие размеры в глазах правительства» («Два съезда», стр. 27). Виной всему — «догматизм» этих «глухих к властным велениям жизни» ортодоксов. Упорно не хотят видеть аршинной пшеницы и воюют с вершковыми плевелами! Это ли не «извращенное чувство перспективы по отношению к русскому рабочему движению» (там же, стр. 27)? (Это примечание исключено автором в издании 1908 года. *Ред.*)

Основной недостаток обоих уставов — детальное оформление широкой рабочей организации и смешение с этой последнею организации революционеров. Возьмем второй устав, как более разработанный. Корпус его состоит из *пятидесяти двух* параграфов: 23 пар. излагают устройство, порядок ведения дел и пределы ведомства «рабочих кружков», устраиваемых на каждой фабрике («не более 10 человек») и выбирающих «центральные (фабричные) группы». «Центральная группа — гласит § 2 — следит за всем, что происходит на ее фабрике или заводе и ведет хронику событий на нем». «Центральная группа ежемесячно дает отчет всем плательщикам о состоянии кассы» (§ 17) и т. п. 10 параг. посвящены «районной организации» и 19 — крайне сложному сплетению «Комитета рабочей организации» и «Комитета СПБ. Союза Борьбы» (выборные от каждого района и от «исполнительных групп» — «групп пропагандистов, для сношения с провинцией, для сношения с заграницей, для заведывания складами, издательской, кассовой»).

Социал-демократия = «исполнительные группы» по отношению к экономической борьбе рабочих! Трудно было бы рельефнее демонстрировать, как сбивается мысль экономиста с социал-демократизма на трэд-юнионизм, как чуждо ему всякое представление о том, что социал-демократ должен прежде всего думать об организации революционеров, способных руководить *всей* освободительной борьбой пролетариата. Говорить о «политическом освобождении рабочего класса», о борьбе с «царским произволом» — и писать такие уставы организации значит не иметь ровно никакого понятия о настоящих политических задачах социал-демократии. Ни единый из полусотни параграфов не обнаруживает и проблеска понимания того, что необходима самая широкая политическая агитация в массах, освещающая все стороны русского абсолютизма, весь облик разных общественных классов в России. Да и не только политические, даже трэд-юнионистские цели не осуществимы при таком уставе, ибо они требуют организации *по профессиям*, о которой вовсе и не упоминается.

Но едва ли не всего более характерна поразительная тяжеловесность всей этой «системы», пытающейся связать каждую отдельную фабрику с «комитетом» постоянной нитью единообразных и до смешного мелочных правил, при трехстепенной системе выборов. Сдавленная узким кругозором экономизма, мысль ударяется здесь в детали, от которых так и отдает волокитой и канцелярщиной. На деле, конечно, три четверти всех этих параграфов никогда не применяются, но зато жандармам такая «конспиративная» организация с центральной группой на каждой фабрике облегчает устройство неимоверно широких провалов. Польские товарищи пережили уже такую полосу движения, когда все увлекались широким основанием рабочих касс, но они очень скоро отказались от этой мысли, убедившись, что доставляют только

обильную жатву жандармам. Если мы хотим широких рабочих организаций и не хотим широких провалов, не хотим доставлять удовольствия жандармам, то мы должны стремиться к тому, чтобы эти организации были совершенно неоформлены. — Возможно ли будет тогда функционирование их? — А вот посмотрите на эти функции: «...следить за всем, что происходит на фабрике и вести хронику событий на ней» (§ 2 устава). Неужели это непременно нужно оформливать? Неужели это не может быть еще лучше достигнуто корреспонденциями в нелегальные газеты без всякого образования для этого особых групп? «...Руководить борьбой рабочих за улучшение их положения на заводе» (§ 3 устава). Опять не к чему оформливать. Какие требования хотят выдвинуть рабочие, это всякий мало-мальски толковый агитатор выведает доскопально из простой беседы, а, выведав, сумеет передать в узкую уже, а не широкую, организацию революционеров для доставки соответствующего листка. «...Организовать кассу... со взносом по 2 коп. с рубля» (§ 9) — и затем ежемесячно давать всем отчет о кассе (§ 17), исключать неплатящих членов (§ 10) и т. п. Вот это для полиции прямо рай, потому что ничего нет легче проникнуть во всю эту конспирацию «центральной фабричной кассы» и деньги конфисковать и всех лучших людей убрать. Не проще ли пускать копеечные или двухкопеечные марки со штемпелем известной (очень узкой и очень конспиративной) организации, или без всяких марок делать сборы, отчеты по которым печатает, с известным условным паролем, нелегальная газета? Цель будет достигнута та же, а жандармы во сто раз труднее доберутся тогда до нитей.

Я мог бы продолжать свой примерный разбор устава, но думаю, что и сказанного довольно. Маленькое, тесно сплоченное ядро самых надежных, опытных и закаленных рабочих, имеющее доверенных людей в главных районах и связанное, по всем правилам строжайшей конспирации, с организацией революционеров, вполне сможет выполнить, при самом широком содействии массы и без всякого оформления, *все* функции, которые лежат на профессиональной организации, и кроме того выполнить именно так, как это желательно для социал-демократии. Только таким путем и можно достигнуть *упрочения* и развития, вопреки всем жандармам, *социал-демократического* профессионального движения.

Мне возразят: организация, до такой степени lose *), что она и вовсе не оформлена, что в ней и членов-то даже, заведомых и зарегистрированных, никаких нет, не может быть и названа организацией. — Может быть. Я за названием не гонюсь. Но все, что нужно, эта «организация без членов» сделает и обеспечит с самого начала прочную связь наших будущих трэд-юнионов с социа-

*) — свободная, широкая. *Ред.*

лизмом. А кто хочет *широкой* организации рабочих с выборами, отчетами, всеобщими голосованиями и пр. при абсолютизме,— тот просто неисправимый утопист.

Мораль отсюда простая: если мы начнем с прочной постановки крепкой организации революционеров, то мы сможем обеспечить устойчивость движения в его целом, осуществить и социал-демократические и собственно трэд-юнионистские цели. Если же мы начнем с наиболее якобы «доступной» массе (а на деле с наиболее доступной жандармам и делающей революционеров наиболее доступными полиции) широкой рабочей организации, то мы ни тех, ни других целей не осуществим, от кустарничества не избавимся и своей раздробленностью, своей вечной разгромленностью будем только делать наиболее доступными массе трэд-юнионы Зубатовского или Озеровского типа.

В чем же собственно должны состоять функции этой организации революционеров?— Об этом мы сейчас подробно побеседуем. Но сначала разберем еще одно весьма типичное рассуждение нашего террориста, который опять-таки оказывается (печальная его судьба!) в ближайшем соседстве с экономистом. В журнале для рабочих «Свобода» (№ 1) есть статья: «Организация», автор которой хочет защитить своих знакомых, иваново-вознесенских рабочих-экономистов.

«Плохо,— пишет он,— когда толпа безмолвна, бессознательна, когда движение идет не с низов. Вот посмотрите: студенты из университетского города разъезжаются на праздники или на лето по домам — и рабочее движение приостанавливается. Разве такое рабочее движение, подталкиваемое со стороны, может быть действительной силой? Куда там... Оно еще не выучилось ходить своими ногами, и его водят на помочах. И так во всем: студенты разъехались — остановка; выхватили наиболее способных из сливок — молоко закисло; арестовали «Комитет» — пока-то устроится новый, опять затишье; да неизвестно еще, какой устроится — может быть, совсем непохожий на прежний: тот говорил одно, а этот скажет обратное. Связь между вчерашним и завтрашним днем теряется, опыт прошлого не в поученье будущему. И все оттого, что нет корней в глубине, в толпе, работает не сотня дураков, а десяток умников. Десяток всегда можно выловить щучьим хайлом, но, раз организация охватывает толпу, все идет от толпы,— ничье усердие не в состоянии погубить дела» (63 стр.).

Факты описаны верно. Картинка нашего кустарничества недурная. Но выводы — достойные «Рабочей Мысли» и по их неразумности, и по их политической бестактности. Это — верх неразумия, ибо автор смешивает философский и социально-исторический вопрос о «корнях» движения в «глубине» с технически-организационным вопросом о лучшей борьбе с жандармами. Это — верх политической бестактности, ибо вместо того, чтобы апеллировать от плохих руководителей к хорошим руководителям, автор апеллирует от руководителей вообще к «толпе». Это — такая же попытка тащить нас назад в организационном отноше-

нии, как в политическом отношении тащит назад мысль о замене политической агитации эксцитативным террором. Я, право, испытываю настоящий embarras de richesses *), не зная, с чего начать разбор преподносимой нам «Свободою» путаницы. Попробую начать, для наглядности, с примера. Возьмите немцев. Надеюсь, вы не станете отрицать, что у них организация охватывает толпу, все идет от толпы, рабочее движение научилось ходить своими ногами? А между тем как умеет эта миллионная толпа ценить «десяток» своих испытанных политических вождей, как крепко держится она за них! В парламенте бывало не раз, что депутаты враждебных партий дразнили социалистов: «хороши демократы! на словах только у вас движение рабочего класса,— а на деле выступает все та же компания вожаков. Все тот же Бебель, все тот же Либкнехт из года в год, из десятилетия в десятилетие. Да ваши якобы-выборные делегаты от рабочих более несменяемы, чем назначаемые императором чиновники!» Но немцы встречали только презрительной усмешкой эти демагогические попытки противопоставить «вожакам» «толпу», разжечь в последней дурные и тщеславные инстинкты, отнять у движения его прочность и его устойчивость посредством подрыва доверия массы к «десятку умников». У немцев достаточно уже развита политическая мысль, достаточно накоплено политического опыта, чтобы понимать, что без «десятка» талантливых (а таланты не рождаются сотнями), испытанных, профессионально подготовленных и долгой школой обученных вождей, превосходно спевшихся друг с другом, невозможна в современном обществе стойкая борьба ни одного класса. Немцы видывали и в своей среде демагогов, которые льстили «сотням дураков», превознося их над «десятками умников», льстили «мускулистому кулаку» массы, возбуждая ее (подобно Мосту или Гассельману) на необдуманно «революционные» действия и поселяя недоверие к выдержанным и стойким вождям. И только благодаря неуклонной и непримиримой борьбе со всеми и всяческими демагогическими элементами внутри социализма так вырос и окреп немецкий социализм. А наши мудрецы в такой период, когда весь кризис русской социал-демократии объясняется тем, что у стихийно пробужденных масс не оказывается на-лицо достаточно подготовленных, развитых и опытных руководителей, вещают с глубокомыслием Иванушки: «плохо, когда движение идет не с низов»!

«Комитет из студентов не годится, он неустойчив».— Совершенно справедливо. Но отсюда вывод тот, что нужен комитет из профессиональных *революционеров*, все равно, студент ли или рабочий сумеет выработать из себя профессионального революционера. А вы делаете вывод тот, что не след подталкивать

*) — затруднение от избытка. *Ред.*

рабочее движение со стороны! По своей политической наивности, вы и не замечаете, что играете этим на руку нашим экономистам и нашему кустарничеству. В чем это выражалось, позвольте спросить, «подталкивание» наших рабочих нашими студентами? *Единственно* в том, что студент нес рабочему те обрывки политического знания, которые у него были, те крохи социалистических идей, которые ему перепали (ибо главная умственная пища современного студента, легальный марксизм, и не мог дать ничего кроме азбуки, кроме крох). *Этакого-то* «подталкивания со стороны» не слишком много, а, наоборот, слишком мало, безбожно и бессовестно мало было в нашем движении, ибо мы чересчур усердно варились в собственном соку, чересчур рабски преклонялись пред элементарной «экономической борьбой рабочих с хозяевами и с правительством». *Этаким-то* «подталкиванием» во сто раз больше должны заниматься и будем заниматься мы, революционеры по профессии. Но именно тем, что вы выбираете такое гнусное слово, как «подталкивание со стороны», которое неизбежно вызывает у рабочего (по крайней мере, у рабочего, столь же неразвитого, как неразвиты вы) недоверие ко *всем*, кто несет ему со стороны политическое знание и революционный опыт, вызывает инстинктивное желание дать отпор *всем* таким людям, — вы оказываетесь *демагогом*, а демагоги худшие враги рабочего класса.

Да, да! Не спешите поднимать вопль по поводу «петоварищеских приемов» моей полемики! Я и не думаю заподазривать чистоту ваших намерений, я уже сказал, что демагогом можно сделаться и в силу одной только политической наивности. Но я показал, что вы опустились до демагогии. И я никогда не устану повторять, что демагоги худшие враги рабочего класса. Худшие именно потому, что они разжигают дурные инстинкты толпы, что неразвитым рабочим невозможно распознать этих врагов, выступающих и иногда искренне выступающих в качестве их друзей. Худшие — потому, что в период разброда и шатания, в период, когда только еще складывается физиономия нашего движения, нет ничего легче, как демагогически увлечь толпу, которую потом только самые горькие испытания смогут убедить в ее ошибке. Вот почему лозунгом момента для современного русского социал-демократа должна быть решительная борьба и против опускающейся до демагогии «Свободы» и против опускающегося до демагогии «Рабочего Дела» (о чем еще подробно будет говорено *) ниже).

*) Здесь же заметим только, что все сказанное нами по поводу «подталкивания со стороны» и всех дальнейших рассуждений «Свободы» об организации *целиком* относится ко *всем* экономистам и «рабочеделенцам» в том числе, ибо они частью активно проповедывали и защищали те же взгляды на вопросы организации, частью сбивались на них.

«Десяток умников легче выловить, чем сотню дураков». Эта великолепная истина (за преподнесение которой вам всегда будет аплодировать сотня дураков) кажется самоочевидной только благодаря тому, что вы во время хода рассуждения перескочили с одного вопроса на другой. Вы начали говорить и продолжаете говорить о вылавливании «комитета», о вылавливании «организации», а теперь перескочили на вопрос о вылавливании «корней» движения «в глубине». Конечно, наше движение неуловимо только потому, что оно имеет сотни и сотни тысяч корней в глубине, но речь-то ведь идет совсем не об этом. В смысле «корней в глубине» нас не могут «выловить» и теперь, несмотря на все наше кустарничество, и тем не менее все мы жалуемся и не можем не жаловаться на вылавливание «*организаций*», разрушающее всякую преемственность движения. А раз вы поставите вопрос о вылавливании *организаций* и не будете сбиваться с него, то я вам скажу, что десяток умников выловить гораздо труднее, чем сотню дураков. И я буду защищать это положение, сколько бы вы ни науськивали на меня толпу за мой «антидемократизм» и т. п. Под «умниками» в отношении организационном надо разуметь только, как я уже не раз указывал, *профессиональных революционеров*, все равно — из студентов или из рабочих они выработаются. И вот я утверждаю: (1) что ни одно революционное движение не может быть прочно без устойчивой и хранящей преемственность организации руководителей; (2) что, чем шире масса, стихийно вовлекаемая в борьбу, составляющая базис движения и участвующая в нем, тем настоятельнее необходимость в такой организации и тем прочнее должна быть эта организация (ибо тем легче всяким демагогам увлечь неразвитые слои массы); (3) что такая организация должна состоять главным образом из людей, профессионально занимающихся революционной деятельностью; (4) что в самодержавной стране, чем более мы *сузим* состав членов такой организации до участия в ней таких только членов, которые профессионально занимаются революционной деятельностью и получили профессиональную подготовку в искусстве борьбы с политической полицией, тем труднее будет «выловить» такую организацию, и — (5) — тем *шире* будет состав лиц и из рабочего класса и из остальных классов общества, которые будут иметь возможность участвовать в движении и активно работать в нем.

Предлагаю нашим экономистам, террористам и «экономистам-террористам» *) опровергнуть эти положения, из которых я оста-

*) Этот термин, может быть, более правилен по отношению к «Свободе», чем предыдущий, ибо в «Возрождении революционизма» защищается терроризм, а в разбираемой статье — экономизм. Охота смертная, да участь горькая! — можно вообще сказать про «Свободу». Самые хорошие задатки и самые лучшие намерения — и путаница в результате. путаница главным

повлось сейчас на двух последних. Вопрос о легкости выловить «десяток умников» и «сотню дураков» сводится к разобранному выше вопросу о том, возможна ли массовая *организация* при необходимости строжайшей конспирации. Широкую организацию мы никогда не сможем поставить на ту конспиративную высоту, без которой не может быть и речи об устойчивой и хранящей преемственность борьбе с правительством. И сосредоточение всех конспиративных функций в руках возможно небольшого числа профессиональных революционеров вовсе не означает, что эти последние будут «думать за всех», что толпа не будет принимать деятельного участия в *движении*. Напротив, эти профессиональные революционеры будут выдвигаться толпой все в большем числе, ибо толпа будет тогда знать, что недостаточно собраться нескольким студентам и ведущим экономическую борьбу рабочим, чтобы составить «комитет», а что необходимо годами вырабатывать из себя профессионального революционера, и толпа будет «думать» не об одном только кустарничестве, а именно о такой выработке. Централизация конспиративных функций *организации* вовсе не означает централизации всех функций *движения*. Активное участие самой широкой массы в нелегальной литературе не уменьшится, а вдесятеро *усилится* оттого, что «десяток» профессиональных революционеров централизует конспиративные функции этого дела. Так и только так мы добьемся того, что чтение нелегальной литературы, сотрудничество в ней, отчасти даже и распространение ее *почти перестанут быть конспиративным делом*, ибо полиция скоро поймет нелепость и невозможность судебной и административной волокиты по поводу каждого экземпляра из разбрасываемых тысячами изданий. И это относится не только к печати, а и ко всем функциям движения, вплоть до демонстрации. Самое активное и самое широкое участие в ней массы не только не пострадает, а, напротив, много выиграет от того, что «десяток» испытанных, профессионально-вышколенных не менее нашей полиции, революционеров централизует все конспиративные стороны дела, подготовление листков, выработку приблизительного плана, назначение отряда руководителей для каждого района города, для каждого фабричного квартала, для каждого учебного заведения и т. п. (я знаю, мне возразят о «недемократичности» моих воззрений, но я отвечу на

образом благодаря тому, что, защищая преемственность организации, «Свобода» не хочет знать преемственности революционной мысли и социал-демократической теории. Стараться опять вызвать к жизни профессионального революционера («Возр. рев.») и предлагать для этого, во-первых, эксцитативный террор, а, во-вторых, «организацию рабочих-середняков» («Свобода», № 1, стр. 66 и сл.), поменьше «подталкиваемых со стороны»,— это значит, поистине, для согревания своего жилища ломать на дрова это самое жилище.

это, совсем неумное, возражение подробно ниже). Централизация наиболее конспиративных функций организацией революционеров не обессилит, а обогатит широту и содержательность деятельности целой массы других организаций, рассчитанных на широкую публику и потому возможно менее оформленных и возможно менее конспиративных: и рабочих профессиональных союзов, и рабочих кружков самообразования и чтения нелегальной литературы, и социалистических, а также демократических кружков во *всех* других слоях населения и проч. и проч. Такие кружки, союзы и организации необходимы повсюду в *самом широком* числе, с самыми разнообразными функциями, но нелепо и вредно *смешивать* их с организацией *революционеров*, стирать грань между ними, угашать в массе и без того невероятно потускневшее сознание того, что для «обслуживания» массового движения нужны люди, специально посвящающие себя делом социал-демократической деятельности, и что такие люди должны с терпением и упорством *вырабатывать* из себя профессиональных революционеров.

Да, это сознание невероятно потускнело. Основной наш грех в организационном отношении — что *мы своим кустарничеством уронили престиж революционера* *) *на Руси*. Дряблый и шаткий в вопросах теоретических, с узким кругозором, ссылающийся на стихийность массы в оправдание своей вялости, более похожий на секретаря трэд-юниона, чем на народного трибуна, не умеющий выдвинуть широкого и смелого плана, который бы внушил уважение и противникам, неопытный и неловкий в своем профессиональном искусстве, — борьбе с политической полицией, — помилуйте! это — не революционер, а какой-то жалкий кустарь.

Пусть не обижается на меня за это резкое слово ни один практик, ибо, поскольку речь идет о неподготовленности, я отношу его прежде всего к самому себе. Я работал в кружке [218]), который ставил себе очень широкие, всеобъемлющие задачи, — и всем нам, членам этого кружка, приходилось мучительно, до боли страдать от сознания того, что мы оказываемся кустарями в такой исторический момент, когда можно было бы, видоизменяя известное изречение, сказать: дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию! И чем чаще мне с тех пор приходилось вспоминать о том жгучем чувстве стыда, которое я тогда испытывал, тем больше у меня накоплялось горечи против тех лже-социал-демократов, которые своей проповедью «позорят революционера сам», которые не понимают того, что наша задача — не защищать принижение революционера до кустаря, а *поднимать* кустарей до революционеров.

*) В издании 1908 года: «*революционеров*». *Ред.*

г) РАЗМАХ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ РАБОТЫ.

Мы слышали выше от Б—ва «о том недостатке годных к действию революционных сил, который ощущается не только в Петербурге, но и по всей России». И вряд ли кто станет оспаривать этот факт. Но вопрос в том, как объяснить его? Б—в пишет:

«Мы не будем вдаваться в выяснение исторических причин этого явления; скажем только, что общество, деморализованное продолжительной политической реакцией и разрозненное совершившимися и совершающимися экономическими изменениями, выделяет из своей среды *крайне малое число лиц, годных к революционной работе*; что рабочий класс, выделяя революционеров-рабочих, отчасти пополняет ряды нелегальных организаций, — но что число таких революционеров не отвечает потребностям времени. Тем более, что рабочий, занятый на фабрике $11^1/_2$ часов, по своему положению может исполнять преимущественно функции агитатора; пропаганда же и организация, доставка и воспроизведение нелегальной литературы, выпуск прокламаций и т. д. поневоле главной тяжестью ложатся на крайне незначительные интеллигентные силы» («Р. Дело», № 6, с. 38—39).

Мы во многом несогласны с этим мнением Б—ва и особенно несогласны с подчеркнутыми нами словами, которые особенно рельефно показывают, что, исстрадавшись (как и всякий сколько-нибудь думавший практик) от нашего кустарничества, Б—в не может, вследствие его придавленности экономизмом, нащупать выход из невыносимого положения. Нет, общество выделяет крайне *много* лиц, годных для «дела», но мы не умеем утилизировать всех их. Критическое, переходное состояние нашего движения в рассматриваемом отношении можно формулировать словами: *людей нет и — людей масса.* Людей масса, потому что и рабочий класс и все более и более разнообразные слои общества выделяют с каждым годом все больше и больше недовольных, желающих протестовать, готовых оказать посильное содействие борьбе с абсолютизмом, невыносимость которого еще не всеми сознается, но все более широкой массой и все острее ощущается. И в то же время людей нет, потому что нет руководителей, нет политических вождей, нет организаторских талантов, способных поставить такую широкую и в то же время единую и стройную работу, которая бы давала применение каждой, хотя бы самой незначительной силе. «Рост и развитие революционных организаций» отстает не только от роста рабочего движения, что признает и Б—в, но и от роста общедемократического движения во всех слоях народа. (Впрочем, в настоящее время, вероятно, Б—в признал бы и это дополнением к его выводу.) Размах революционной работы слишком узок сравнительно с широким стихийным базисом движения, слишком придавлен убогой теорией «экономической борьбы с хозяевами и с правительством». А между тем в настоящее время не только политические агитаторы, но и организаторы-социал-демократы

должны «идти во все классы населения» *). И вряд ли хоть один практик усомнится в том, что социал-демократы могли бы распределить тысячи дробных функций своей организационной работы между отдельными представителями самых различных классов. Недостаток специализации — один из самых крупных недостатков нашей техники, на который так горько и так справедливо жалуется Б — в. Чем мельче будут отдельные «операции» общего дела, тем больше можно найти лиц, способных к выполнению таких операций (и совершенно неспособных в большинстве случаев к тому, чтобы стать профессиональными революционерами), и тем труднее для полиции «выловить» всех этих «детальных работников», тем труднее для нее смастерить из поимки человека на каком-либо мелочи «дело», окупающее расходы казны на «охрану». А что касается числа готовых оказывать нам содействие лиц, то мы уже и в предыдущей главе указывали на гигантскую перемену, происшедшую в этом отношении за каких-нибудь пять лет. Но, с другой стороны, и для того, чтобы собрать во-едино все эти мелкие дроби, и для того, чтобы не раздробить вместе с функциями движения самого движения, и для того, чтобы внушить исполнителю мелких функций ту веру в необходимость и значение его работы, без которой он никогда и не будет работать **), — для всего этого необходима именно крепкая организация испытанных революционеров. При такой организации вера в силу партии укрепится тем более и распространится тем шире, чем конспиративнее будет эта организация, —

*) Например, в военной среде в последнее время замечается несомненное оживление демократического духа, отчасти вследствие учащающихся случаев уличной борьбы против таких «врагов», как рабочие и студенты. И, как только позволят наличные силы, мы непременно должны обратить самое серьезное внимание на пропаганду и агитацию среди солдат и офицеров, на создание «военных организаций», входящих в нашу партию.

**) Я помню, один товарищ передавал мне, как горько жаловался готовый помогать и помогавший социал-демократии фабричный инспектор на то, что он не знает, доходит ли его «информация» до настоящего революционного центра, насколько нужна его помощь и насколько имеется возможность утилизировать его маленькие и мелкие услуги. Всякий практик знает, конечно, не один подобный случай, когда наше кустарничество отпихало у нас союзников. А «мелкие» в отдельности и неоценимые в сумме услуги могли бы и стали бы нам оказывать служащие и чиновники не только по фабричной, но и по почтовой, железнодорожной, таможенной, дворянской, поповской и *всякой* другой части, вплоть даже до полицейской и придворной! Если бы у нас была уже настоящая партия, действительно боевая организация революционеров, мы не ставили бы ребром всех таких «пособников», не торопились бы всегда и безусловно втягивать их в самую сердцевину «нелегальщины», а, напротив, особенно берегли бы их, и даже специально подготовляли бы людей на такие функции, памятуя, что многие студенты могли бы больше пользы принести партии в качестве «пособников» — чиновников, чем в качестве «краткосрочных» революционеров. Но — повторяю еще раз — применять эту тактику вправе только вполне уже прочная организация, не испытывающая недостатка в активных силах.

а ведь на войне, известное дело, важнее всего внушить веру в свои силы не только своей армии, но и неприятелю и всем *нейтральным* элементам; дружественный нейтралитет может иногда решить дело. При такой организации, стоящей на твердом теоретическом базисе и располагающей социал-демократическим органом, нечего будет бояться того, что движение собьют с пути многочисленные, привлеченные к нему, «сторонние» элементы (напротив, именно теперь, при господствующем кустарничестве мы наблюдаем, как многие социал-демократы тянут по линии «Credo», воображая только себя социал-демократами). Одним словом, специализация необходимо предполагает централизацию и, в свою очередь, безусловно требует ее.

Но сам же Б—в, так прекрасно обрисовавший всю необходимость специализации, недостаточно оценивает ее, по нашему мнению, во второй части приведенного рассуждения. Число революционеров из рабочих недостаточно, говорит он. Это совершенно справедливо, и мы опять-таки подчеркиваем, что «ценное сообщение близкого наблюдателя» вполне подтверждает наш взгляд на причины современного кризиса в социал-демократии, а следовательно, и на средства исцеления от него. Не только вообще отстают революционеры от стихийного подъема масс, но даже и рабочие-революционеры отстают от стихийного подъема рабочих масс. А этот *факт* самым наглядным образом подтверждает, даже с «практической» точки зрения, не только нелепость, но и *политическую реакционность* той «педагогии», которою нас так часто угощают при обсуждении вопроса о наших обязанностях по отношению к рабочим. Этот факт свидетельствует, что самая первая, самая настоятельная наша обязанность — содействие выработке рабочих-революционеров, стоящих на таком же уровне *в отношении партийной деятельности*, как и интеллигенты-революционеры (мы подчеркиваем слова: в отношении партийной деятельности, ибо в других отношениях достижение такого же уровня рабочими, хотя и необходимо, но далеко не так легко и не так настоятельно). Поэтому *главное* внимание должно быть обращено на то, чтобы *поднимать* рабочих до революционеров, отнюдь не на то, чтобы *опускаться* самим непременно до «рабочей массы», как хотят экономисты, непременно до «рабочих-середняков», как хочет «Свобода» (поднимающаяся в этом отношении на вторую ступеньку экономической «педагогии»). Я далек от мысли отрицать необходимость популярной литературы для рабочих и особо-популярной (только, конечно, не балаганной) литературы для особенно отсталых рабочих. Но меня возмущает это постоянное прицутывание педагогии к вопросам политики, к вопросам организации. Ведь вы, господа радетели о «рабочем-середняке», в сущности, скорее оскорбляете рабочих своим желанием непременно *нагнуться*,

прежде чем заговорить о рабочей политике или о рабочей организации. Да говорите же вы о серьезных вещах выпрямившись, и предоставьте педагогию педагогам, а не политикам и не организаторам! Разве среди интеллигенции нет тоже передовиков, «середняков» и «массы»? Разве для интеллигенции не признается также всеми необходимость популярной литературы и не пишется эта литература? Но представьте только себе, что в статье об организации студентов или гимназистов автор станет, как открытие какое-то, разжевывать, что нужна прежде всего организация «студентов-середняков». Такого автора наверное осмеют — и поделом. Да вы дайте нам, скажут ему, организационные идейки, ежели они у вас есть, а уж там мы сами разберем, кто из нас «середняк», кто выше и кто ниже. А ежели у вас *своих* организационных идеек нет, — все ваши потуги насчет «массы» и «середняков» окажутся просто скучными. Поймите же, что самые уже вопросы о «политике», об «организации» настолько серьезны, что об них нельзя говорить иначе как вполне серьезно: можно и должно *подготовлять* рабочих (и студентов и гимназистов) к тому, чтобы с ними *можно было заговорить* об этих вопросах, но раз уже вы заговорили о них, давайте настоящие ответы, не пятьтесь назад, к «середнякам» или к «массе», не отделывайтесь прибаутками или фразами *).

Рабочий-революционер для полной подготовки к своему делу тоже должен становиться профессиональным революционером. Поэтому не прав Б — в, когда он говорит, что так как рабочий занят на фабрике по $11^1/_2$ часов, то остальные революционные функции (кроме агитации) «*по неволе* главной тяжестью ложатся на крайне незначительные интеллигентные силы». Вовсе это не «по неволе» так делается, а по нашей отсталости, потому что мы не сознаем своей обязанности помогать всякому выдающемуся по своим способностям рабочему превращаться в *профессионального* агитатора, организатора, пропагандиста, развозчика, и пр. и пр. В этом отношении мы прямо позорно расхищаем свои силы, не умея беречь то, что̀ надо особенно заботливо растить и выращивать. Посмотрите на немцев: у них во сто раз больше сил, чем у нас, но они прекрасно понимают, что действительно способные агитаторы и пр. выделяются «середняками» вовсе не слишком часто. Поэтому они тотчас же ста-

*) «Свобода», № 1, статья «Организация», стр. 66: «тяжелой поступью рабочая громада будет крепить все требования, которые выставятся от лица российского Труда», — непременно с большой буквы! И этот же автор восклицает: «я вовсе не отношусь враждебно к интеллигенции, но»... (это то самое *но*, которое Щедрин переводил словами: выше лба уши не растут!)... «но меня всегда страшно сердит, когда придет человек и наговорит очень красивых и прекрасных вещей и требует, чтобы они были приняты за свою (его?) красоту и иные достоинства» (62). Да, меня это тоже «всегда страшно сердит»...

раются поставить всякого способного рабочего в такие условия, при которых его способности могли бы получить полное развитие и полное применение: его делают профессиональным агитатором, его побуждают расширить поприще его деятельности, распространяя ее с одной фабрики на все ремесло, с одной местности на всю страну. Он приобретает опытность и ловкость в своей профессии, он расширяет свой кругозор и свои знания, он наблюдает бок-о-бок выдающихся политических вождей других местностей и других партий, он старается подняться сам на такую же высоту и соединить в себе знание рабочей среды и свежесть социалистических убеждений с той профессиональной выучкой, без которой пролетариат *не может* вести упорную борьбу с великолепно обученными рядами его врагов. Так и только так выдвигаются из рабочей массы Бебели и Ауэры. Но то, что в политически свободной стране делается в значительной степени само собою, то у нас должны систематически проводить наши организации. Сколько-нибудь талантливый и «подающий надежды» агитатор из рабочих *не должен* работать на фабрике по 11 часов. Мы должны позаботиться о том, чтобы он жил на средства партии, чтобы он умел во-время перейти на нелегальное положение, чтобы он переменял место своей деятельности, ибо иначе он не выработает большой опытности, не расширит своего кругозора, не сумеет продержаться несколько, по крайней мере, лет в борьбе с жандармами. Чем шире и глубже становится стихийный подъем рабочих масс, тем больше выдвигают они не только талантливых агитаторов, но и талантливых организаторов и пропагандистов и «практиков» в хорошем смысле (которых так мало среди нашей интеллигенции, большей частью немножко по-российски халатной и неповоротливой). Когда у нас будут отряды специально подготовленных и прошедших длинную школу рабочих-революционеров (и притом, разумеется, революционеров «всех родов оружия»),—тогда с этими отрядами не совладает никакая политическая полиция в мире, ибо эти отряды людей, беззаветно преданных революции, будут пользоваться также беззаветным доверием самых широких рабочих масс. И это—наша прямая *вина*, что мы слишком мало «подталкиваем» рабочих на эту общую им с «интеллигентами» дорогу профессионально-революционной выучки, слишком часто тащим их назад своими глупыми речами о том, что «доступно» рабочей массе, «рабочим-середнякам» и т. п.

В этих, как и в других, отношениях узкий размах организационной работы стоит в несомненной и неразрывной (хотя громадным большинством «экономистов» и начинающих практиков несознаваемой) связи с сужением нашей теории и наших политических задач. Преклонение пред стихийностью вызывает какую-то боязнь хотя на шаг отойти от «доступного» массе, боязнь под-

пяться слишком высоко над простым прислуживанием ближайшим и непосредственным запросам массы. Не бойтесь, господа! Помните, что мы стоим в организационном отношении так низко, что нелепа даже самая мысль о том, чтобы мы *могли* подняться *слишком* высоко!

д) «ЗАГОВОРЩИЧЕСКАЯ» ОРГАНИЗАЦИЯ И «ДЕМОКРАТИЗМ».

А есть среди нас очень много людей, которые так чутки к «голосу жизни», что всего больше боятся именно этого, обвиняя тех, кто держится излагаемых здесь взглядов, в «народовольчестве», в непонимании «демократизма» и проч. Приходится остановиться на этих обвинениях, которые подхватило, разумеется, и «Рабочее Дело».

Пишущему эти строки очень хорошо известно, что петербургские экономисты обвиняли в народовольчестве еще «Рабочую Газету» (что и понятно, если сравнить ее с «Раб. Мыслью»). Нас нисколько не удивило поэтому, когда, вскоре после возникновения «Искры», один товарищ сообщил нам, что социал-демократы города X называют «Искру» «народовольческим» органом. Нам это обвинение, разумеется, было только лестно, ибо какого же порядочного социал-демократа не обвиняли экономисты в народовольчестве?

Вызываются эти обвинения недоразумениями двоякого рода. Во-первых, у нас так плохо знают историю революционного движения, что называют «народовольчеством» всякую идею о боевой централизованной организации, объявляющей решительную войну царизму. Но та превосходная организация, которая была у революционеров 70-х годов и которая нам всем должна бы была служить образцом, создана вовсе не народовольцами, а *землевольцами*, расколовшимися на чернопередельцев и народовольцев [219]). Таким образом видеть в боевой революционной организации что-либо специфически народовольческое нелепо и исторически и логически, ибо *всякое* революционное направление, если оно только действительно думает о серьезной борьбе, не может обойтись без такой организации. Не в том состояла ошибка народовольцев, что они постарались привлечь к своей организации *всех* недовольных и направить эту организацию на решительную борьбу с самодержавием. В этом состоит, наоборот, их великая историческая заслуга. Ошибка же их была в том, что они опирались на теорию, которая в сущности была вовсе не революционной теорией, и не умели или не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества. И только самое грубое непонимание марксизма (или «понимание» его в духе «струвизма») могло породить

мнение, что возникновение массового, стихийного рабочего движения *избавляет* нас от обязанности создать такую же хорошую, какая была у землевольцев, создать еще несравненно лучшую организацию революционеров. Напротив, это движение именно *возлагает* на нас эту обязанность, ибо стихийная борьба пролетариата и не сделается настоящей «классовой борьбой» его до тех пор, пока эта борьба не будет руководима крепкой организацией революционеров.

Во-вторых, многие — и в том числе, повидимому, Б. Кричевский («Р. Д.» № 10, с. 18) — неправильно понимают ту полемику против «заговорщического» взгляда на политическую борьбу, которую вели всегда социал-демократы. Мы восставали и всегда будем, конечно, восставать против *сужения* политической борьбы до заговора *), но это, разумеется, вовсе не означало отрицание необходимости крепкой революционной организации. И, напр., в брошюре, названной в примечании, наряду с полемикой против сведения политической борьбы к заговору, обрисовывается (как социал-демократический идеал) организация, настолько крепкая, чтобы она могла «прибегнуть для нанесения решительного удара абсолютизму» и к «восстанию» и ко всякому «другому приему атаки» **). По своей *форме* такая крепкая революционная организация в самодержавной стране может быть названа и «заговорщической» организацией, ибо французское слово «конспирация» равносильно русскому «заговор», а конспиративность необходима для такой организации в максимальной степени. Конспиративность есть настолько необходимое условие такой организации, что все остальные условия (число членов, подбор их, функции и проч.) должны быть сообразованы с ним. Было бы поэтому величайшей наивностью бояться обвинения в том, что мы, социал-демократы, хотим создать заговорщическую организацию. Эти обвинения должны быть так же лестны для каждого врага экономизма, как и обвинения в «народовольчестве».

Нам возразят: такая могучая и строго тайная организация, концентрирующая в своих руках все нити конспиративной дея-

*) Ср. «Задачи русских социал-демократов», стр. 21, полемика против П. Л. Лаврова. (См. II том Сочинений, стр. 183. *Ред.*)

**) «Задачи рус. соц.-дем.», стр. 23 (II том Сочинений, стр. 185. *Ред.*). Кстати, вот еще одна иллюстрация того, что «*Раб. Дело*» либо не понимает того, что оно говорит, либо меняет свои взгляды «по ветру». В № 1 «Р. Дела» напечатано курсивом: «*изложенная суть брошюры совпадает целиком с редакционной программой «Рабочего Дела»*» (стр. 142). В самом деле? С «Задачами» совпадает воззрение, что массовому движению нельзя ставить первой задачей низвержение самодержавия? совпадает теория «экономической борьбы с хозяевами и с правительством»? совпадает теория стадий? Предлагаем читателю судить, может ли быть речь о принципиальной устойчивости органа, так оригинально понимающего «совпадение».

тельности, организация по необходимости централистическая, может слишком легко броситься в преждевременную атаку, может необдуманно обострить движение, раньше чем это можно и нужно по росту политического недовольства, по силе брожения и озлобления в рабочем классе и проч. Мы ответим на это: абстрактно говоря, нельзя, конечно, отрицать, что боевая организация *может* повести на необдуманный бой, который *может* кончиться вовсе не необходимым при других условиях поражением. Но ограничиваться абстрактными соображениями в таком вопросе невозможно, ибо всякое сражение включает в себя абстрактную возможность поражения, и нет другого средства *уменьшить* эту возможность, как организованная подготовка сражения. Если же мы поставим вопрос на конкретную почву современных русских условий, то придется сделать положительный вывод, что крепкая революционная организация безусловно необходима именно для того, чтобы придать устойчивость движению и *предохранить* его от возможности необдуманных атак. Именно теперь, при отсутствии такой организации и при быстром стихийном росте революционного движения *наблюдаются уже* две противоположные крайности (которые, как им и полагается, «сходятся»): то совершенно несостоятельный экономизм и проповедь умеренности, то столь же несостоятельный «эксцитативный террор», стремящийся «в развивающемся и укрепляющемся, но еще находящемся ближе к началу, чем к концу, движении искусственно вызвать симптомы его конца» (В. Засулич в «Заре», № 2 — 3, с. 353) [220]). И пример «Раб. Дела» показывает, что *есть уже* социал-демократы, пасующие пред обеими крайностями. Такое явление неудивительно, помимо остальных причин, и потому, что «экономическая борьба с хозяевами и с правительством» *никогда* не удовлетворит революционера, и *) противоположные крайности всегда будут возникать то здесь, то там. Только централизованная боевая организация, выдержанно проводящая социал-демократическую политику и удовлетворяющая, так сказать, все революционные инстинкты и стремления, в состоянии предохранить движение от необдуманной атаки и подготовить обещающую успех атаку.

Нам возразят далее, что излагаемый взгляд на организацию противоречит «демократическому принципу». Насколько предыдущее обвинение специфически русского происхождения, настолько это — *специфически заграничного* характера. И только заграничная организация («союз» русских с.-д.) могла дать своей редакции, в числе прочих инструкций, следующую:

«*Организационный принцип.* В интересах успешного развития и объединения социал-демократии следует подчеркивать, развивать, бороться за широкий демократический принцип ее партийной организации, что

*) В издании 1908 года: «а». *Ред.*

особенно необходимо в виду обнаруживавшихся в рядах нашей партии антидемократических тенденций» («Два съезда», стр. 18).

Как именно борется «Раб. Дело» с «антидемократическими тенденциями» «Искры», это мы увидим в следующей главе. А теперь присмотримся поближе к этому «принципу», выдвигаемому экономистами. Всякий согласится, вероятно, что «широкий демократический принцип» включает в себя два следующие необходимые условия: во-первых, полную гласность и, во-вторых, выборность всех функций. Без гласности смешно было бы говорить о демократизме, и притом такой гласности, которая не ограничивалась бы членами организации. Мы назовем демократической организацию немецкой социалистической партии, ибо в ней все делается открыто, вплоть до заседаний партийного съезда; но никто не назовет демократической организацией *) — такую, которая закрыта от всех не-членов покровом тайны. Спрашивается, какой же смысл имеет выставление «*широкого* демократического принципа», когда основное условие этого принципа *неисполнимо* для тайной организации? «Широкий принцип» оказывается просто звонкой, но пустой фразой. Мало того. Эта фраза свидетельствует о полном непонимании насущных задач момента в организационном отношении. Все знают, как велика господствующая у нас неконспиративность «широкой» массы революционеров. Мы видели, как горько жалуется на это Б — в, требующий совершенно справедливо «строгого выбора членов» («Р. Д.» № 6, стр. 42). И вот являются люди, хвастающиеся своим «чутьем к жизни», которые при таком положении дел *подчеркивают* не необходимость строжайшей конспирации и строжайшего (а след., более тесного) выбора членов, а — «*широкий* демократический принцип»! Это называется попасть пальцем в небо.

Не лучше обстоит дело и со вторым признаком демократизма, — с выборностью. В странах с политической свободой это условие подразумевается само собою. «Членом партии считается всякий, кто признает принципы партийной программы и поддерживает партию по мере своих сил» — гласит первый параграф организационного устава немецкой социал-демократической партии. И так как вся политическая арена открыта перед всеми, как подмостки сцены перед зрителями театра, то это признание или непризнание, поддержка или противодействие известны всем и каждому и из газет и из народных собраний. Все знают, что такой-то политический деятель начал с того-то, пережил такую-то эволюцию, проявил себя в минуту жизни трудную так-то, отличается вообще такими-то качествами, — и потому, естественно, такого деятеля могут с знанием дела выбирать или не выбирать на известную партийную должность *все* члены партии. Всеобщий (в буквальном

*) В издании 1908 года слово «организацией» опущено. *Ред.*

смысле слова) контроль за каждым шагом человека партии на его политическом поприще создает автоматически действующий механизм, дающий то, что̀ называется в биологии «выживанием наиболее приспособленных». «Естественный отбор» полной гласности, выборности и всеобщего контроля обеспечивает то, что каждый деятель оказывается в конце концов «на своей полочке», берется за наиболее подходящее его силам и способностям дело, испытывает на себе самом все последствия своих ошибок и доказывает перед глазами всех свою способность сознавать ошибки и избегать их.

Попробуйте-ка вставить эту картину в рамки нашего самодержавия! Мыслимо ли у нас, чтобы все, «кто признает принципы партийной программы и поддерживает партию по мере своих сил», контролировали каждый шаг революционера-конспиратора? Чтобы все они выбирали из числа последних того или другого, когда революционер *обязан* в интересах работы скрывать от девяти десятых этих «всех», кто он такой? Вдумайтесь хоть немного в настоящее значение тех громких слов, с которыми выступает «Раб. Дело», и вы увидите, что «широкий демократизм» партийной организации в потемках самодержавия, при господстве жандармского подбора, есть лишь *пустая и вредная игрушка*. Это — пустая игрушка, ибо на деле никогда никакая революционная организация *широкого* демократизма не проводила и не может проводить даже при всем своем желании. Это — вредная игрушка, ибо попытки проводить на деле «широкий демократический принцип» облегчают только полиции широкие провалы и увековечивают царящее кустарничество, отвлекают мысль практиков от серьезной, настоятельной задачи вырабатывать из себя профессиональных революционеров к составлению подробных «бумажных» уставов о системах выборов. Только за границей, где нередко собираются люди, не имеющие возможности найти себе настоящего, живого дела, могла кое-где и особенно в разных мелких группах развиться эта «игра в демократизм».

Чтобы показать читателю всю неблаговидность излюбленного приема «Раб. Дела» выдвигать такой благовидный «принцип», как демократизм в революционном деле, мы сошлемся опять-таки на свидетеля. Свидетель этот — Е. Серебряков, редактор лондонского журнала «Накануне», — питает большую слабость к «Раб. Делу» и большую ненависть к Плеханову и «плехановцам»; в статьях по поводу раскола заграничного «Союза русских социал-демократов» «Накануне» решительно взяло сторону «Р. Дела» и обрушилось целой тучей жалких слов на Плеханова [221]). Тем цеснее для нас этот свидетель по данному вопросу. В № 7 «Накануне» (июль 1899 г.) в статье: «По поводу воззвания группы самоосвобождения рабочих» Е. Серебряков указывал на «неприличие» поднимать вопросы «о самообольще-

нии, о главенстве, о так называемом ареопаге в серьезном революционном движении» и писал, между прочим:

«Мышкин, Рогачев, Желябов, Михайлов, Перовская, Фигнер и пр. никогда не считали себя вожаками, и никто их не выбирал и не назначал, хотя в действительности они были таковыми, ибо как в период пропаганды, так и в период борьбы с правительством они взяли на себя наибольшую тяжесть работы, шли в наиболее опасные места, и их деятельность была наиболее продуктивна. И главенство являлось не результатом их желаний, а доверия к их уму, к их энергии и преданности со стороны окружающих товарищей. Бояться же какого-то ареопага (а если не бояться, то зачем писать о нем), который может самовластно управлять движением, уже слишком наивно. Кто же его будет слушать?»

Мы спрашиваем читателя, чем отличается «ареопаг» от «антидемократических тенденций»? И не очевидно ли, что «благовидный» организационный принцип «Р. Дела» точно также и наивен и неприличен, — наивен, потому что «ареопага» или людей с «антидемократическими тенденциями» никто просто не станет слушаться, раз не будет «доверия к их уму, энергии и преданности со стороны окружающих товарищей». Неприличен, — как демагогическая выходка, спекулирующая на тщеславие одних, на незнакомство с действительным состоянием нашего движения других, на неподготовленность и незнакомство с историей революционного движения третьих. Единственным серьезным организационным принципом для деятелей нашего движения должна быть: строжайшая конспирация, строжайший выбор членов, подготовка профессиональных революционеров. Раз есть на-лицо эти качества, — обеспечено и нечто бо́льшее, чем «демократизм», именно: полное товарищеское доверие между революционерами. А это большее *) безусловно необходимо для нас, ибо о замене его демократическим всеобщим контролем у нас в России не может быть и речи. И было бы большой ошибкой думать, что невозможность действительно «демократического» контроля делает членов революционной организации бесконтрольными: им некогда думать об игрушечных формах демократизма (демократизма внутри тесного ядра пользующихся полным взаимным доверием товарищей), но свою *ответственность* чувствуют они очень живо, зная притом по опыту, что для избавления от негодного члена организации настоящих революционеров не остановится ни пред какими средствами. Да и есть у нас довольно развитое, имеющее за собой целую историю, общественное мнение русской (и международной) революционной среды, карающее с беспощадной суровостью всякое отступление от обязанностей товарищества (а ведь «демократизм», настоящий, не игрушечный демократизм входит, как часть в целое, в это понятие товарищества!). Примите все это во внимание — и вы поймете, какой затхлый запах загра-

*) В издании 1908 года слово «большее» опущено. *Ред.*

ничной игры в генеральство поднимается от этих разговоров и резолюций об «антидемократических тенденциях»!

Надо заметить еще, что другой источник таких разговоров, т.-е. наивность, питается также смутностью представлений о том, что такое демократия. В книге супругов Вебб об английских трэд-юнионах есть любопытная глава: «примитивная демократия». Авторы рассказывают там, как английские рабочие в первый период существования их союзов считали необходимым признаком демократии, чтобы все делали всё по части управления союзами: не только все вопросы решались голосованиями всех членов, но и должности отправлялись всеми членами по очереди. Нужен был долгий исторический опыт, чтобы рабочие поняли нелепость такого представления о демократии и необходимость представительных учреждений, с одной стороны, профессиональных должностных лиц, с другой. Нужно было несколько случаев финансового краха союзных касс, чтобы рабочие поняли, что вопрос о пропорциональном отношении платимых взносов и получаемых пособий не может быть решен одним только демократическим голосованием, а требует также голоса специалиста по страховому делу. Возьмите, далее, книгу Каутского о парламентаризме и народном законодательстве [222], — и вы увидите, что выводы теоретика-марксиста совпадают с уроком многолетней практики «стихийно» объединявшихся рабочих. Каутский решительно восстает против примитивного понимания демократии Риттингаузеном, высмеивает людей, готовых во имя ее требовать, чтобы «народные газеты прямо редактировались народом», доказывает необходимость *профессиональных* журналистов, парламентариев и пр. для социал-демократического руководства классовой борьбой пролетариата, нападает на «социализм анархистов и литераторов», в «погоне за эффектами» превозносящих прямое народное законодательство и не понимающих весьма условной применимости его в современном обществе.

Кто работал практически в нашем движении, тот знает, как широко распространено среди массы учащейся молодежи и рабочих «примитивное» воззрение на демократию. Неудивительно, что это воззрение проникает и в уставы и в литературу. Экономисты бернштейнианского толка писали в своем уставе: «§ 10. Все дела, касающиеся интересов всей союзной организации, решаются большинством голосов всех членов ее». Экономисты террористского толка вторят им: «необходимо, чтобы комитетские решения обходили все кружки, и только тогда становились действительными решениями» («Свобода» № 1, с. 67). Заметьте, что это требование широко применять референдум выдвигается *сверх* требования построить на выборном начале *всю* организацию! Мы далеки от мысли, конечно, осуждать за это практиков, имевших слишком мало возможности познакомиться с теорией

и практикой действительно демократических организаций. Но когда «Раб. Дело», которое претендует на руководящую роль, ограничивается при таких условиях резолюцией о широком демократическом принципе, то как же не назвать это простой «погоней за эффектом»?

е) МЕСТНАЯ И ОБЩЕРУССКАЯ РАБОТА.

Если возражения против излагаемого здесь плана организации с точки зрения ее недемократизма и заговорщического характера совершенно неосновательны, то остается еще вопрос, очень часто выдвигаемый и заслуживающий подробного рассмотрения. Это вопрос о соотношении местной и общерусской работы. Высказывается опасение, не поведет ли образование централистической организации к перемещению центра тяжести с первой на́ вторую? не повредит ли это движению, ослабив прочность наших связей с рабочей массой и вообще устойчивость местной агитации? Мы ответим на это, что наше движение последних лет страдает как раз от того, что местные деятели чересчур поглощены местной работой; что поэтому несколько передвинуть центр тяжести на общерусскую работу безусловно необходимо; что такое передвижение не ослабит, а укрепит и прочность наших связей и устойчивость нашей местной агитации. Возьмем вопрос о центральном и местных органах и попросим читателя не забывать, что газетное дело является для нас не более как *примером,* иллюстрирующим неизмеримо более широкое и разностороннее революционное дело вообще.

В первый период массового движения (1896—1898 г.г.) делается местными деятелями попытка поставить общерусский орган—«Рабочую Газету»; в следующий период (1898—1900 г.г.)—движение делает громадный шаг вперед, но внимание руководителей всецело поглощается местными органами. Если подсчитать вместе все эти местные органы, то окажется *), что приходится круглым счетом по одному номеру газеты в месяц. Разве это не наглядная иллюстрация нашего кустарничества? Разве это не показывает с очевидностью отсталости нашей революционной организации от стихийного подъема движения? Если бы *то же число* номеров газет было выпущено не раздробленными местными группами, а единой организацией,—мы не только сберегли бы массу сил, но и обеспечили бы неизмеримо большую устойчивость и преемственность нашей работы. Это простое соображение слишком часто упускают из виду и те практики,

*) См. «Доклад Парижскому конгрессу»[223], стр. 14: «С того времени (1897 г.) до весны 1900 года вышли в разных местах 30 номеров разных газет... В среднем появлялось больше одного номера в месяц».

которые *активно* работают почти исключительно над местными органами (к сожалению, в громадном большинстве случаев это и сейчас обстоит так), и те публицисты, которые проявляют в данном вопросе удивительное дон-кихотство. Практик довольствуется обыкновенно тем соображением, что местным деятелям «трудно» *) заняться постановкой общерусской газеты и что лучше местные газеты, чем никаких газет. Последнее, конечно, вполне справедливо, и мы не уступим никакому практику в признании громадного значения и громадной пользы местных газет *вообще*. Но ведь речь идет не об этом, а о том, нельзя ли избавиться от раздробленности и кустарничества, так наглядно выражающихся в 30 номерах местных газет по всей России за $2^1/_2$ года. Не ограничивайтесь же бесспорным, но слишком общим положением о пользе местных газет вообще, а имейте также мужество открыто признать их отрицательные стороны, обнаруженные опытом двух с половиной лет. Этот опыт свидетельствует, что местные газеты при наших условиях оказываются в большинстве случаев принципиально неустойчивыми, политически лишенными значения, в отношении расхода революционных сил — непомерно дорогими, в отношении техническом — совершенно неудовлетворительными (я имею в виду, разумеется, не технику печатания, а частоту и регулярность выхода). И все указанные недостатки — не случайность, а неизбежный результат той раздробленности, которая, с одной стороны, объясняет преобладание местных газет в рассматриваемый период, а, с другой стороны, *поддерживается* этим преобладанием. Отдельной местной организации прямо-таки *не под силу* обеспечить принципиальную устойчивость своей газеты и поставить ее на высоту политического органа, *не под силу* собрать и использовать достаточный материал для освещения всей нашей политической жизни. А тот довод, которым защищают обыкновенно необходимость многочисленных местных газет в свободных странах — дешевизна их при печатании местными рабочими и бо́льшая полнота и быстрота информации местного населения — этот *довод* обращается у нас, как свидетельствует опыт, *против* местных газет. Они оказываются непомерно дорогими, в смысле расхода революционных сил, и *особенно* редко выходящими по той простой причине, что *для нелегальной* газеты, как бы она мала ни была, необходим такой громадный конспиративный аппарат, который требует фабричной крупной промышленности, ибо в кустарной мастерской и не изготовить этого аппарата. Примитивность же конспиративного аппарата ведет сплошь и рядом к тому (всякий

*) Трудность эта только кажущаяся. На самом деле *нет* такого местного кружка, который не имел бы возможности активно взяться за ту или иную функцию общерусского дела. «Не говори: не могу, а говори: не хочу».

практик знает массу примеров такого рода), что полиция пользуется выходом и распространением одного-двух номеров для *массового* провала, сметающего все настолько чисто, что приходится начинать опять с начала. Хороший конспиративный аппарат требует хорошей профессиональной подготовки революционеров и последовательнейшим образом проведенного разделения труда, а оба эти требования совершенно неподсильны для отдельной местной организации, как бы сильна она в данную минуту ни была. Не говоря уже об общих интересах всего нашего движения (принципиально-выдержанное социалистическое и политическое воспитание рабочих), но и специально местные интересы *лучше обслуживаются не местными органами:* это кажется парадоксом только на первый взгляд, а на деле указанный нами опыт двух с половиной лет неопровержимо доказывает это. Всякий согласится, что если бы все те местные силы, которые выпустили 30 номеров газет, работали над одной газетой, то эта последняя легко дала бы 60, если не сто, номеров, а следовательно, и полнее отразила бы все особенности движения чисто местного характера. Несомненно, что такая сорганизованность нелегка, но надо же, чтобы мы сознали ее необходимость, чтобы каждый местный кружок думал и *активно работал* над ней, не ожидая толчка извне, не обольщаясь той доступностью, той близостью местного органа, которая — на основании данных нашего революционного опыта — оказывается в значительной степени призрачной.

И плохую услугу оказывают практической работе те, мнящие себя особенно близкими к практикам, публицисты, которые не видят этой призрачности и отделываются удивительно-дешевым и удивительно-пустым рассуждением: нужны местные газеты, нужны районные газеты, нужны общерусские газеты. Конечно, все это, вообще говоря, нужно, но нужно ведь тоже и думать об условиях среды и момента, раз берешься за конкретный организационный вопрос. Разве это не дон-кихотство в самом деле, когда «Свобода» (№ 1, стр. 68), специально «останавливаясь на *вопросе о газете*», пишет: «Нам кажется, что во всяком мало-мальски значительном месте скопления рабочих — должна быть своя собственная рабочая газета. Не привозная откуда-нибудь, а именно своя собственная». Если этот публицист не хочет думать о значении своих слов, то подумайте хоть вы за него, читатель: сколько в России десятков, если не сотен, «мало-мальски значительных мест скопления рабочих», и каким бы это было увековечением нашего кустарничества, если бы действительно всякая местная организация принялась за свою собственную газету! Как бы облегчила эта раздробленность задачу наших жандармов вылавливать — и притом без «мало-мальски значительного» труда — местных деятелей в самом начале их деятельности, не давая развиться из них настоящим революционерам! —

В общероссийской газете — продолжает автор — не интересны были бы описания проделок фабрикантов и «мелочей фабричной жизни в разных, не своих городах», а «орловцу о своих орловских делах вовсе не скучно читать. Каждый раз он знает, кого «прохватили», кого «пробрали», и дух его играет» (стр. 69). Да, да, дух орловца играет, но слишком «играет» также и мысль нашего публициста. Тактична ли эта защита крохоборства? — вот о чем следовало бы ему подумать. Мы никому не уступим в признании необходимости и важности фабричных обличений, но надо же помнить, что мы дошли уже до того, что петербуржцам стало скучно читать петербургские корреспонденции петербургской газеты «Рабочая Мысль». Для фабричных обличений на местах у нас всегда были и *всегда должны будут остаться* листки, — но тип *газеты* мы должны поднимать, а не принижать до фабричного листка. Для «газеты» нам нужны обличения не столько «мелочей», сколько крупных, типичных недостатков фабричной жизни, обличения, сделанные на примерах особенно рельефных и способные потому заинтересовать *всех* рабочих и всех руководителей движения, способные действительно обогатить их знания, расширить их кругозор, положить начало пробуждению нового района, нового профессионального слоя рабочих.

«Затем, в местной газете все проделки фабричного начальства, других ли властей можно схватывать сейчас же на горячем месте. А до газеты общей, далекой пока-то дойдет известие — на месте уже и позабыть успели о том, что случилось: «Когда, бишь, это — дай бог памяти!»» (там же). Вот именно: дай бог памяти! Изданные в $2^1/_2$ года 30 номеров приходятся, как мы узнаем из того же источника, на 6 городов. Это дает на один город в среднем *по номеру газеты в полгода!* И если даже наш легкомысленный публицист *утроит* в своем предположении производительность местной работы (что было бы безусловно неправильно по отношению к среднему городу, ибо в рамках кустарничества невозможно значительное расширение производительности), — то все-таки получим только по номеру в два месяца, т.-е. нечто вовсе непохожее на «схватыванье на горячем месте». А между тем достаточно объединиться десяти местным организациям и отрядить своих делегатов на активные функции по оборудованию общей газеты, — и тогда можно было бы *по всей России* «схватывать» не мелочи, а действительно выдающиеся и типичные безобразия раз в две недели. В этом не усомнится никто, знакомый с положением дел в наших организациях. О поимке же врага на месте преступления, если понимать это серьезно, а не в смысле только красного словца, нечего и думать нелегальной газете вообще: это доступно только подметному листку, ибо предельный срок для такой поимки не пре-

вышает большей частью одного — двух дней (возьмите, например, обычную кратковременную стачку или фабричное побоище или демонстрацию и т. п.).

«Рабочий живет не только на фабрике, но и в городе» — продолжает наш автор, поднимаясь от частного к общему с такой строгой последовательностью, которая сделала бы честь самому Борису Кричевскому. И *) он указывает на вопросы о городских думах, городских больницах, городских школах, требуя, чтобы рабочая газета не обходила молчанием городские дела вообще. — Требование само по себе прекрасное, но иллюстрирующее особенно наглядно ту бессодержательную абстрактность, которой слишком часто ограничиваются при рассуждении о местных газетах. Во-первых, если бы действительно «во всяком мало-мальски значительном месте скопления рабочих» появились газеты с таким подробным городским отделом, как хочет «Свобода», то это неминуемо выродилось бы, при наших русских условиях, в настоящее крохоборство, повело бы к ослаблению сознания о важности общерусского революционного натиска на царское самодержавие, усилило бы очень живучие и скорее притаившиеся или придавленные, чем вырванные с корнем, ростки того направления, которое уже прославилось знаменитым изречением о революционерах, слишком много говорящих о несуществующем парламенте и слишком мало о существующих городских думах [224]). Мы говорим: неминуемо, подчеркивая этим, что «Свобода» заведомо не хочет этого, а хочет обратного. Но одних благих намерений недостаточно. — Для того, чтобы поставить освещение городских дел в надлежащую перспективу ко всей нашей работе, нужно *сначала*, чтобы эта перспектива была вполне выработана, твердо установлена не одними только рассуждениями, но и массой примеров, чтобы она приобрела уже прочность *традиции*. Этого у нас далеко еще нет, а нужно это именно *сначала*, прежде чем позволительно будет думать и толковать о широкой местной прессе.

Во-вторых, чтобы действительно хорошо и интересно написать о городских делах, надо хорошо и не по книжке только знать эти дела. А социал-демократов, обладающих этим знанием, почти совершенно нет *во всей России*. Чтобы писать в газете (а не в популярной брошюре) о городских и государственных делах, надо иметь свежий, разносторонний, умелым человеком собранный и обработанный материал. А для того, чтобы собирать и обрабатывать такой материал, недостаточна «примитивная демократия» примитивного кружка, в котором все делают всё и забавляются игрой в референдумы. Для этого необходим штаб специалистов-писателей, специалистов-корреспондентов,

*) В издании 1908 года слово «и» опущено. *Ред.*

армия репортеров-социал-демократов, заводящих связи везде и повсюду, умеющих проникнуть во все и всяческие «государственные тайны» (с которыми российский чиновник так важничает и которые он так легко разбалтывает *)), пролезть во всякие «закулисы», армия людей, обязанных «по должности» быть вездесущими и всезнающими. И мы, партия борьбы против *всякого* экономического, политического, социального, национального гнета, можем и должны найти, собрать, обучить, мобилизовать и двинуть в поход такую армию всезнающих людей, — но ведь это надо еще сделать! А у нас не только еще не сделано в громадном большинстве местностей ни шагу в этом направлении, но нет даже сплошь да рядом и *сознания* необходимости сделать это. Поищите-ка в нашей социал-демократической прессе живых и интересных статей, корреспонденций и обличений наших дипломатических, военных, церковных, городских, финансовых и пр. и пр. дел и делишек: вы не найдете *почти ничего* или совсем мало **). Вот почему «меня всегда страшно сердит, когда придет человек и наговорит очень красивых и прекрасных вещей» о необходимости «во всяком мало-мальски значительном месте скопления рабочих» газет, обличающих и фабричные и городские и государственные безобразия!

Преобладание местной прессы над центральною есть признак либо скудости, либо роскоши. Скудости — когда движение не выработало еще сил для крупного производства, когда оно прозябает еще в кустарничестве и почти тонет в «мелочах фабричной жизни». Роскоши — когда движение *вполне осилило уже* задачу всесторонних обличений и всесторонней агитации, так что кроме центрального органа становятся необходимы многочисленные местные. Пусть решает уже каждый для себя, о чем свидетельствует преобладание местных газет у нас в настоящее время. Я же ограничусь точной формулировкой своего вывода, чтобы не подать повода к недоразумениям. До сих пор у нас большинство местных организаций думает почти исключительно о местных органах и почти только над ними активно работает.

---

*) В издании 1908 года слово «с» опущено. *Ред.*

**) Вот почему даже пример исключительно хороших местных органов вполне подтверждает нашу точку зрения. Например, «Южный Рабочий» — прекрасная газета, совсем неповинная в принципиальной неустойчивости. Но то, что она хотела дать для местного движения, было не достигнуто благодаря редкому выходу и широким провалам. То, что всего более настоятельно для партии в данный момент, — принципиальная постановка коренных вопросов движения и всесторонняя политическая агитация, — оказалось не под силу местному органу. А то, что она давала особенно хорошего, вроде статей о съезде горнопромышленников, о безработице и т. п. — не представляло из себя строго местного материала *и требовалось для всей России*, а не для одного юга. Таких статей не было и во всей нашей социал-демократической прессе.

Это ненормально. Должно быть наоборот: чтобы большинство местных организаций думало главным образом об общерусском органе и главным образом над ним работало. До тех пор, пока не будет этого, мы не сумеем поставить *ни одной* газеты, сколько-нибудь способной действительно обслуживать движение *всесторонней* агитацией в печати. А когда это будет, — тогда нормальное отношение между необходимым центральным и необходимыми местными органами установится само собой.

* * *

На первый взгляд может показаться, что к области специально-экономической борьбы неприменим вывод о необходимости передвинуть центр тяжести с местной на общерусскую работу: непосредственным врагом рабочих являются здесь отдельные предприниматели или группы их, не связанные организацией, хотя бы отдаленно напоминающей чисто военную, строго централистическую, руководимую до самых мелочей единой волей организацию русского правительства, нашего непосредственного врага в политической борьбе.

Но это не так. Экономическая борьба — мы уже много раз указывали на это — есть профессиональная борьба и потому она требует объединения по профессиям рабочих, а не только по месту работы их. И это профессиональное объединение становится тем более настоятельно необходимым, чем быстрее идет вперед объединение наших предпринимателей во всякого рода общества и синдикаты. Наша раздробленность и наше кустарничество прямо мешают этому объединению, для которого необходима единая общерусская организация революционеров, способная взять на себя руководство общерусскими профессиональными союзами рабочих. Мы уже говорили выше о желательном типе организации для этой цели и теперь добавим только несколько слов в связи с вопросом о нашей прессе.

Что в каждой социал-демократической газете должен быть *отдел* профессиональной (экономической) борьбы, — это едва ли кем-нибудь подвергается сомнению. Но рост профессионального движения заставляет думать и о профессиональной прессе. Нам кажется однако, что о профессиональных газетах в России, за редкими исключениями, пока не может быть и речи: это — роскошь, а у нас нет сплошь да рядом и хлеба насущного. Подходящей к условиям нелегальной работы и необходимой теперь уже формой профессиональной прессы должны были бы быть у нас *профессиональные брошюры*. В них следовало бы собирать и систематически группировать *легальный* *) и нелегальный

*) Легальный материал особенно важен в этом отношении, и мы особенно отстали в умении систематически собирать и утилизировать его. Не

материал по вопросу об условиях труда в данном промысле, о различии в этом отношении разных местностей в России, о главных требованиях рабочих данной профессии, о недостатках относящегося к ней законодательства, о выдающихся случаях экономической борьбы рабочих этого цеха, о зачатках, современном состоянии и нуждах их профессиональной организации и т. п. Такие брошюры, во-первых, избавили бы нашу социал-демократическую прессу от массы таких профессиональных подробностей, которые специально интересуют только рабочих данного ремесла; во-вторых, они фиксировали бы результаты нашего опыта в профессиональной борьбе, сохраняли собираемый материал, который теперь буквально теряется в массе листков и отрывочных корреспонденций, и обобщали этот материал; в-третьих, они могли бы служить своего рода руководством для агитаторов, ибо условия труда изменяются сравнительно медленно, основные требования рабочих данного ремесла чрезвычайно устойчивы (ср. требования ткачей московского района в 1885 г. и петербургского в 1896 г.), и свод этих требований и нужд мог бы годами служить прекрасным пособием для экономической агитации в отсталых местностях или среди отсталых слоев рабочих; примеры успешных стачек в одном районе, данные о более высоком уровне жизни, о лучших условиях труда в одной местности поощряли бы и рабочих других местностей к новой и новой борьбе; в-четвертых, взяв на себя почин обобщения профессиональной борьбы и закрепив таким образом связь русского профессионального движения с социализмом, социал-демократия позаботилась бы в то же время о том, чтобы наша

будет преувеличением сказать, что по одному легальному материалу можно еще кое-как написать профессиональную брошюру, а по одному нелегальному — невозможно. Собирая нелегальный материал от рабочих по вопросам вроде изданных «Раб. Мыслью»[225], мы понапрасну тратим массу сил революционера (которого в этом легко заменил бы легальный деятель) и все-таки никогда не получаем хорошего материала, ибо рабочим, знающим сплошь да рядом только одно отделение большой фабрики и почти всегда знающим экономические результаты, а не общие условия и нормы своей работы, невозможно и приобрести таких знаний, какие есть у фабричных служащих, инспекторов, врачей и т. п. и какие в массе рассеяны в мелких газетных корреспонденциях и в специальных промышленных, санитарных, земских и пр. изданиях.

Как сейчас помню свой «первый опыт», которого бы я никогда не повторил. Я возился много недель, допрашивая «с пристрастием» одного ходившего ко мне рабочего о всех и всяческих порядках на громадном заводе, где он работал. Правда, описание (одного только завода!) я, хотя и с громадным трудом, все же кое-как составил, но за то рабочий, бывало, вытирая пот, говорил под конец занятий с улыбкой: «мне легче экстру проработать, чем вам на вопросы отвечать!»[226]

Чем энергичнее будем мы вести революционную борьбу, тем больше вынуждено будет правительство легализировать часть «профессиональной» работы, снимая тем с нас часть нашего бремени.

трэд-юнионистская работа занимала не слишком малую и не слишком большую долю в общей сумме нашей социал-демократической работы. Местной организации, если она оторвана от организаций в других городах, очень трудно, иногда даже почти невозможно бывает соблюсти при этом правильную пропорцию (и пример «Рабочей Мысли» показывает, до какого чудовищного преувеличения в сторону трэд-юнионизма можно при этом доходить). Но общерусская организация революционеров, стоящая на неуклонной точке зрения марксизма, руководящая всей политической борьбой и располагающая штабом профессиональных агитаторов, никогда не затруднится в определении этой правильной пропорции.

V.

«ПЛАН» ОБЩЕРУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ.

«Самый крупный промах «Искры» в этом отношении»,— пишет Б. Кричевский («Р. Д.» № 10, с. 30), обвинял нас в тенденции «превратить теорию, путем ее изолирования от практики, в мертвую доктрину»,— «се «план» общепартийной организации» (т.-е. статья «С чего начать?»). И Мартынов вторит ему, заявляя, что «тенденция «Искры» умалять значение поступательного хода серой текущей борьбы по сравнению с пропагандой блестящих и законченных идей... увенчалась планом организации партии, который она предлагает в № 4 в статье «С чего начать?»» (там же, с. 61). Наконец, в самое последнее время к людям, возмущенным этим «планом» (кавычки должны выражать иронническое к нему отношение), присоединился и Л. Надеждин в только что полученной нами брошюре «Капун революции» (издание знакомой уже нам «революционно-социалистической группы» *Свобода*), где заявляется, что «говорить теперь об организации, тянущейся нитками от общерусской газеты,— это плодить кабинетные мысли и кабинетную работу» (стр. 126), это—проявление «литературщины» и т. п.

Что наш террорист оказался солидарным с защитниками «поступательного хода серой текущей борьбы»,— это не может нас удивить после того, как мы проследили корни этой близости в главах о политике и об организации. Но мы должны заметить теперь же, что Л. Надеждин, и один только он, попытался добросовестно вникнуть в ход мысли не поправившейся ему статьи, попытался ответить на нее по существу,— между тем как «Раб. Дело» не сказало ровно ничего по существу, а постаралось только запутать вопрос посредством целой кучи непристойных демагогических выходок. И, как это ни неприятно, приходится потратить время сначала на расчистку авгиевой конюшни.

а) КТО ОБИДЕЛСЯ ЗА СТАТЬЮ «С ЧЕГО НАЧАТЬ?»*).

Приведем букетец тех выражений и восклицаний, с которыми обрушилось на нас «Раб. Дело». «Не газета может создать партийную организацию, а наоборот»... «Газета, стоящая *над* партией, *вне ее контроля* и независимая от нее благодаря собственной сети агентов»... «Каким чудом «Искра» забыла о фактически существующих социал-демократических организациях той партии, к которой она принадлежит?»... «Обладатели твердых принципов и соответственного плана являются и верховными регуляторами реальной борьбы партии, диктующими ей выполнение своего плана»... «План изгоняет наши живые и жизненные организации в царство теней и хочет вызвать к жизни фантастическую сеть агентов»... «Если бы план «Искры» был приведен в исполнение, он привел бы к полному вытравлению следов складывавшейся у нас Росс. С.-Д. Р. Партии»... «Орган пропагандистский становится бесконтрольным, самодержавным законодателем всей практической революционной борьбы»... «Как должна отнестись наша партия к ее *полному* подчинению автономной редакции» и т. д. и т. д.

Как видит читатель из содержания и тона этих цитат, «Раб. Дело» *обиделось*. Но обиделось оно не за себя, а за организации и комитеты нашей партии, которых будто бы «Искра» хочет изгнать в царство теней и даже вытравить их следы. Какие ужасы, подумаешь! Странно только одно. Статья «С чего начать?» появилась в мае 1901 года, статьи «Р. Дела» — в сентябре 1901 года, теперь уже половина января 1902 года. За все эти 5 месяцев (и до сентября и после сентября) *ни один* комитет и *ни одна* организация партии не выступила с формальным протестом против этого чудища, которое хочет комитеты и организации изгнать в царство теней! А ведь за это время и в «Искре» и в массе других, местных и не местных, изданий появились десятки и сотни сообщений из всех концов России. Как это произошло, что те, кого хотят изгнать в царство теней, не заметили этого и не обиделись на это,—а обиделось третье лицо?

Произошло это оттого, что комитеты и другие организации заняты настоящим делом, а не игрой в «демократизм». Комитеты прочли статью «С чего начать?», увидели, что это попытка «выработать известный план организации, *чтобы к постройке ее*

*) Этот параграф опущен автором в издании 1908 года, при чем это опущение мотивировалось в примечании следующим образом: «Параграф: «а) Кто обиделся за статью «С чего начать?»» — опускается в настоящем издании, ибо он содержит исключительно полемику с «Раб. Делом» и Бундом по вопросу о попытках «Искры» «командовать» и т. п. В этом параграфе между прочим говорилось, что сам же Бунд приглашал (в 1898—1899 г.г.) членов «Искры» возобновить Ц. О. партии и организовать «литературную лабораторию». *Ред.*

могло быть приступлено со всех сторон», и, так как они прекрасно знали и видели, что *ни одна* из этих «всех сторон» не подумает «приступить к постройке», пока не убедится в ее необходимости и верности архитектурного плана, то они, естественно, и не подумали «обижаться» за продерзость людей, сказавших в «Искре»: «Ввиду неотложной важности вопроса мы решаемся, с своей стороны, предложить вниманию товарищей набросок плана, подробнее развиваемого нами в подготовляемой к печати брошюре». Неужели можно было, при добросовестном отношении к делу, не понять того, что если товарищи *примут* предложенный их вниманию план, то они будут проводить его не из «подчинения», а из убеждения в его необходимости для нашего общего дела, а если они *не примут* его, — то «набросок» (какое претенциозное слово, не правда ли?) так и останется простым наброском? Неужели это не демагогия, когда с наброском плана воюют не только тем, что «разносят» его и советуют товарищам отвергнуть этот план, — а тем, что *науськивают* малоопытных в революционном деле людей на авторов наброска *за одно то*, что они *смеют* «законодательствовать», выступать «верховными регуляторами», т.-е. смеют *предлагать* набросок плана?? Может ли наша партия развиваться и идти вперед, если за попытку *поднять* местных деятелей до более широких взглядов, задач, планов и т. п. будут возражать не только с точки зрения неверности этих взглядов, а с точки зрения «обид» за то, что нас «хотят» «*поднимать*»? Ведь вот Л. Надеждин тоже «разнес» наш план, но до такой демагогии, которая уже не может быть объяснена одной наивностью или примитивностью политических взглядов, он не опустился, обвинение в «инспекторстве над партией» он отверг решительно и с самого начала. И потому Надеждину можно и должно на его критику плана ответить по существу, а «Раб. Делу» можно ответить только презрением.

Но презрение к унижающемуся до криков о «самодержавии» и «подчинении» писателю не избавляет еще нас от обязанности распутать ту путаницу, которая преподносится такими людьми читателю. И вот тут мы можем наглядно показать всем, какого пошиба эти ходячие фразы о «широком демократизме». Нас обвиняют в забвении комитетов, в желании или попытке изгнать их в царство теней и пр. Как ответить на эти обвинения, когда мы *не можем* рассказать читателю *почти ничего фактического* о наших действительных отношениях к комитетам, не можем по условиям конспирации? Люди, бросающие хлесткое и раздражающее толпу обвинение, оказываются впереди нас благодаря их развязности, благодаря их пренебрежительному отношению к обязанностям революционера, который тщательно скрывает от глаз света те отношения и связи, которые он имеет, которые он налаживает или пытается наладить. Понятно, что конкурировать

на поприще «демократизма» с такими людьми мы раз-на-всегда отказываемся. Что же касается до непосвященного во все партийные дела читателя, то единственным средством исполнить свой долг по отношению к нему является рассказ не о том, что̀ есть и что̀ находится im Werden *), а о *частичке* того, что было и о чем позволительно рассказывать, как о прошлом.

Бунд намекает на наше «самозванство» **), заграничный «Союз» обвиняет нас в попытке вытравить следы партии. Извольте, господа. Вы получите полное удовлетворение, когда мы расскажем публике *четыре факта* из прошлого.

Первый ***) факт. Члены одного из «Союзов Борьбы», принимавшие непосредственное участие в образовании нашей партии и в посылке делегата на партийный съезд, основавший ее, договариваются с одним из членов группы «Искры» об основании особой рабочей библиотеки для обслуживания нужд всего движения [229]). Основать рабочую библиотеку не удается, и написанные для нее брошюры «Задачи русских социал-демократов» и «Новый фабричный закон» ****) попадают окольным путем и через третьих лиц за границу, где их и печатают.

Второй факт. Члены Центр. Комитета Бунда обращаются к одному из членов группы «Искры» с предложением сорганизовать, как Бунд тогда выражался, «литературную лабораторию» [230]). При том они указывают, что если это не удастся сделать, то наше движение может сильно пойти назад. Результатом переговоров является брошюра «Рабочее дело в России» *****).

Третий факт. Центральный Комитет Бунда чрез посредство одного провинциального городка обращается к одному из членов «Искры» с предложением принять на себя редакцию возобновляемой «Рабочей Газеты» и получает, конечно, согласие. Предложение затем изменяется: предлагают сотрудничество, ввиду новой комбинации с редакцией. И на это получается, разумеется, согласие [231]). Посылаются статьи (которые удалось сохранить)—«Наша программа» — с прямым протестом против бернштейниады, поворота в легальной литературе и «Рабочей Мысли»; «Наша ближайшая задача» («организация правильно выходящего и тесно связанного со всеми местными группами органа партии»; недо-

*) — в процессе становления, возникновения. *Ред.*

**) «Искра» № 8, ответ Центр. Ком. Вс. Евр. С. в Р. и П. на нашу статью по национальному вопросу [227]).

***) Мы размещаем эти факты нарочно не в том порядке, в каком они имели место [228]).

****) См. II том Сочинений, стр. 167 и 125. *Ред.*

*****) Кстати, автор этой брошюры просит меня заявить, что она, как и прежние его брошюры, была послана в «Союз» при предположении, что редактором его изданий является Группа «Освобождение Труда» (в силу некоторых условий он в это время, т.-е. в феврале 1899 г., не мог знать о перемене редакции). Брошюра эта будет скоро переиздана Лигой.

статки господствующего «кустарничества»); «Насущный вопрос» (разбор возражения, что надо *сначала* развить деятельность местных групп, прежде чем браться за постановку общего органа; настаивание на первостепенной важности «революционной организации» — на необходимости «довести организацию, дисциплину и конспиративную технику до высшей степени совершенства»)*). Предложение возобновить «Рабочую Газету» не осуществляется, и статьи остаются не напечатанными.

Четвертый факт. Член комитета, организующий второй очередной съезд нашей партии, сообщает члену группы «Искры» программу съезда и ставит кандидатуру этой группы на функцию редактирования возобновляемой «Рабочей Газеты». Его предварительный, так сказать, шаг санкционируется затем и тем комитетом, к которому он принадлежал, и Центр. Комитетом Бунда; группа «Искры» получает указание о месте и времени съезда, но (не уверенная, можно ли ей будет, по некоторым причинам, послать делегата на этот съезд) составляет также письменный доклад съезду. В этом докладе проводится та мысль, что одним выбором Центрального Комитета мы не только не решим вопроса об объединении в такое время полного разброда, как переживаемое нами, но и рискуем компрометировать великую идею создания партии в случае нового быстрого и полного провала, который более чем вероятен при господствующей неконспиративности; что надо начать поэтому с приглашения всех комитетов и всех других организаций поддерживать возобновленный общий орган, который *реально* свяжет все комитеты *фактической* связью, *реально* подготовит группу руководителей всем движением, — а превратить такую созданную комитетами группу в Ц. К. комитеты и партия легко уже сумеют, раз такая группа вырастет и окрепнет. Съезд однако не осуществляется вследствие ряда провалов, и доклад по конспиративным соображениям уничтожается, будучи прочтен только несколькими товарищами, в том числе уполномоченными одного комитета [232]).

Пусть теперь читатель сам судит о характере таких приемов, как намек на самозванство со стороны Бунда или как довод «Раб. Дела», что мы хотим изгнать комитеты в царство теней, «заменить» организацию партии организацией распространения идей одной газеты. Да именно комитетам, *по неоднократным приглашениям их,* и докладывали мы о необходимости принять определенный план общей работы. Именно для партийной организации разрабатывали мы этот план в статьях в «Рабочую Газету» и в докладе съезду партии, опять-таки по приглашению тех, кто занимал такое влиятельное положение в партии, что брал на себя инициативу ее (фактического) восстановления.

*) См. II том Сочинений, стр. 491, 495 и 500. *Ред.*

И только после того, как окончились неудачей *двукратные* попытки партийной организации *вместе с нами* возобновить центральный орган партии *официально*, мы сочли своей прямой обязанностью выступить с органом *неофициальным* для того, чтобы при *третьей* попытке товарищи имели уже перед собою известные результаты *опыта*, а не одни гадательные предположения. В настоящее время некоторые результаты этого опыта находятся уже у всех перед глазами, и все товарищи могут судить, правильно ли мы понимали свою обязанность и что следует думать о людях, которые стараются ввести в заблуждение лиц, незнакомых с ближайшим прошлым, из досады на то, что мы доказывали одним — их непоследовательность в «национальном» вопросе, другим — непозволительность беспринципных шатаний.

6) МОЖЕТ ЛИ ГАЗЕТА БЫТЬ КОЛЛЕКТИВНЫМ ОРГАНИЗАТОРОМ?

Весь гвоздь статьи «С чего начать?» состоит в постановке *именно* этого вопроса и в утвердительном его решении. Единственную, известную нам, попытку разобрать этот вопрос по существу и доказать необходимость отрицательного его решения делает Л. Надеждин, доводы которого мы и воспроизведем целиком:

«... Нам очень нравится постановка в «Искре» (№ 4) вопроса о необходимости общерусской газеты, но мы никак не можем согласиться, чтобы эта постановка подходила под заглавие статьи: «С чего начать?» Это одно из дел, несомненно крайне важных, но не им, не целой серией популярных листков, не горою прокламаций может быть положено начало боевой организации для революционного момента. Необходимо приступить к сильным политическим организациям на местах. У нас их нет, у нас шла главным образом работа среди интеллигентных рабочих, массы же вели почти что исключительно экономическую борьбу. *Если не воспитаются сильные политические организации на местах, что значит хотя бы и превосходно поставленная общерусская газета?* Неопалимая купина, сама горящая, не сгорающая, но и никого не зажигающая! Вокруг нее, в деле для нее соберется народ, сорганизуется — думает «Искра». *Да ему гораздо ближе собраться и сорганизоваться вокруг дела более конкретного!* Таким может и должна явиться широкая постановка местных газет, приготовление теперь же рабочих сил к демонстрациям, постоянная работа местных организаций среди безработных (неотступно распространять между ними листки и листовки, созывать их на собрания, на отпоры правительству и т. п.). Надо на местах завязать живую политическую работу, и когда явится необходимым объединение на этой реальной почве, — оно будет не искусственным, не бумажным — не газетами достигается такое объединение местных работ в общерусское дело!» («Канун рев.», с. 54).

Мы подчеркивали те места этой красноречивой тирады, которые наиболее рельефно показывают и неправильность оценки автором нашего плана и неправильность его точки зрения вообще, противопоставляемой здесь «Искре». Если не воспитаются силь-

ные политические организации на местах, — ничего не будет значить и превосходнейшая общерусская газета. — Совершенно справедливо. Но в том-то и суть, что *нет иного средства воспитать* сильные политические организации, как посредством общерусской газеты. Автор просмотрел самое существенное заявление «Искры», сделанное ею *до перехода* к изложению ее «плана»: необходим «призыв к выработке революционной организации, способной объединить все силы и руководить движением *не только по названию*, но и на самом деле, т.-е. быть *всегда готовой к поддержке всякого протеста и всякой вспышки*, пользуясь ими для умножения и укрепления военных сил, годных для решительного боя». Но принципиально-то с этим теперь, после февраля и марта, все согласятся, — продолжает «Искра», — а нам нужно не принципиальное, а *практическое решение вопроса*, нужно немедленно выставить такой определенный план постройки, чтобы сейчас же *с разных сторон* все могли приняться за постройку. А нас опять от практического решения тащат назад — к принципиально верной, бесспорной, великой, но совершенно недостаточной, совершенно непонятной для широкой массы работающих истине: «воспитывать сильные политические организации»! Не об этом уже идет речь, почтенный автор, а о том, *как именно* воспитывать и воспитать надо!

Неверно, что «у нас шла главным образом работа среди интеллигентных рабочих, массы же вели почти что исключительно экономическую борьбу». В такой форме это положение сбивается на обычное для «Свободы» и ошибочное в корне противопоставление интеллигентных рабочих «массе». У нас и интеллигентные-то рабочие в последние годы «почти что исключительно вели экономическую борьбу». Это с одной стороны. А с другой стороны, никогда и массы не научатся вести политическую борьбу, покуда мы не поможем *воспитаться* руководителям этой борьбы и из интеллигентных рабочих, и из интеллигентов; воспитаться же такие руководители могут *исключительно* на систематической, текущей оценке *всех* сторон нашей политической жизни, *всех попыток* протеста и борьбы различных классов и по различным поводам. Поэтому говорить о «воспитании политических организаций» и в то же время *противопоставлять* «бумажное дело» политической газеты — «живой политической работе на местах» просто смешно! Да ведь «Искра» и подводит свой «план» газеты к «плану» выработать такую «боевую готовность», чтобы поддерживать и движение безработных и крестьянские бунты и недовольство земцев и «возмущение населения против зарвавшегося царского башибузука» и проч. Ведь всякий знакомый с движением знает досконально, что об этом *даже и не думает* громадное большинство местных организаций, что многие из намечаемых здесь перспектив «живой политической работы»

ни разу еще не проводились в жизнь ни единой организацией, что попытка, напр., обратить внимание на рост недовольства и протеста в земской интеллигенции вызывает чувство растерянного недоумения и у Надеждина («господи, да не для земцев ли этот орган?», «Канун», с. 129), и у экономистов (№ 12 «Искры», письмо), и у многих практиков. При этих условиях «начать» можно *только* с того, чтобы побудить людей *думать* обо всем этом, побудить их суммировать и обобщать все и всяческие проблески брожения и активной борьбы. «Живую политическую работу» можно *начать* в наше время принижения социал-демократических задач *исключительно* с живой политической агитации, невозможной без общерусской, часто выходящей и правильно распространяемой газеты.

Люди, усматривающие в «плане» «Искры» проявление «литературщины», не поняли совершенно самой сути плана, увидев цель в том, что̀ выдвигается как наиболее подходящее в настоящий момент средство. Эти люди не дали себе труда подумать о двух сравнениях, которыми наглядно иллюстрировался предлагаемый план. Постановка общерусской политической газеты — говорилось в «Искре» — должна быть *основной нитью*, держась которой мы могли бы неуклонно развивать, углублять и расширять эту организацию (т.-е. революционную организацию, всегда готовую к поддержке всякого протеста и всякой вспышки). Скажите пожалуйста: когда каменщики кладут в разных местах камни громадной и совершенно невиданной постройки, — не «бумажное» ли это дело проведение нитки, помогающей находить правильное место для кладки, указывающей на конечную цель общей работы, дающей возможность пустить в ход не только каждый камень, но и каждый кусок камня, который, смыкаясь с предыдущими и последующими, возводит законченную и всеобъемлющую линию? И разве мы не переживаем как раз такого момента в нашей партийной жизни, когда у нас есть и камни и каменщики, а не хватает именно видимой для всех нити, за которую все могли бы взяться? Пусть кричат, что, протягивая нить, мы хотим командовать: если бы мы хотели командовать, господа, мы бы написали вместо «Искра № 1» — «Рабочая Газета № 3», как нам предлагали некоторые товарищи и как мы *имели бы полное право сделать* после тех событий, о которых было рассказано выше *). Но мы не сделали этого: мы хотели оставить себе свободные руки для непримиримой борьбы со всякими лже-социал-демократами; мы хотели, чтобы нашу нитку, ежели она проведена правильно, стали уважать за ее правильность, а не за то, что она проведена официальным органом.

*) В издании 1908 года конец фразы со слов «после тех событий» опущен. *Ред.*

«Вопрос объединения местной деятельности в центральных органах вертится в заколдованном кругу, — поучает нас Л. Надеждин, — для объединения требуется однородность элементов, а эта однородность сама может быть создана только чем-нибудь объединяющим, но это объединяющее может явиться продуктом сильных местных организаций, которые теперь отнюдь не отличаются однородным характером». Истина столь же почтенная и столь же бесспорная, как и та, что надо воспитывать сильные политические организации. Истина столь же, как и та, бесплодная. *Всякий* вопрос «вертится в заколдованном кругу», ибо вся политическая жизнь есть бесконечная цепь из бесконечного ряда звеньев. Все искусство политика в том и состоит, чтобы найти и крепко-крепко уцепиться за такое именно звенышко, которое всего меньше может быть выбито из рук, которое всего важнее в данный момент, которое всего более гарантирует обладателю звенышка обладание всей цепью *). Будь у нас отряд опытных каменщиков, настолько спевшихся, чтобы они и без нитки могли класть камни именно там, где нужно (это вовсе не невозможно, если говорить абстрактно),— тогда мы могли бы, пожалуй, взяться и за другое звенышко. Но в том-то и беда, что опытных и спевшихся каменщиков у нас еще нет, что камни сплошь да рядом кладутся совсем зря, кладутся не по общей нитке, а до того раздробленно, что неприятель сдувает их, как будто бы это были не камни, а песчинки.

Другое сравнение: «Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор. В этом последнем отношении *ее можно сравнить с лесами*, которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и обозревать общие результаты, достигнутые организованным трудом» **). Не правда ли, как это похоже на преувеличение своей роли литератором, человеком кабинетной работы? Леса для самого жилища вовсе не требуются, леса строятся из худшего материала, леса возводятся на небольшой срок и выкидываются в печку, раз только здание хотя бы вчерне закончено. Относительно построек революционных организаций опыт свидетельствует, что их и без лесов удается иногда построить — возьмите семидесятые годы. Но

*) Товарищ Кричевский и товарищ Мартынов! Обращаю ваше внимание на это возмутительное проявление «самодержавия», «бесконтрольной авторитетности», «верховного регулирования» и пр. Помилуйте: хочет *обладать* всей цепью!! Пишите же скорее жалобу. Вот вам готовая тема для двух передовиц в № 12 «Рабочего Дела»![233]) (Это примечание исключено автором в издании 1908 года. *Ред.*)

**) Мартынов, приведя в «Р. Деле» первую фразу этой цитаты (№ 10, с. 62), опустил именно вторую фразу, как бы подчеркивая этим свое нежелание касаться существа вопроса или свою неспособность понять это существо.

теперь у нас и представить себе нельзя возможности возвести без лесов необходимую для нас постройку.

Надеждин не соглашается с этим и говорит: «вокруг газеты, в деле для нее соберется народ, соргапизуется — думает «Искра». *Да ему гораздо ближе* собраться и организоваться вокруг дела *более конкретного!*» Так, так: «гораздо ближе вокруг более конкретного»... Русская пословица говорит: не плюй в колодец, — пригодится воды напиться. Но есть люди, что̀ не прочь напиться и из такого колодца, в который уже наплевано. До каких только гадостей не договорились наши великолепные легальные «критики марксизма» и нелегальные поклонники «Рабочей Мысли» во имя этой большей конкретности! Как придавлено все наше движение нашей узостью, безынициативностью и робостью, оправдываемой традиционными доводами «гораздо ближе вокруг более конкретного»! И Надеждин, — считающий себя особенно чутким к «жизни», осуждающий особенно строго «кабинетных» людей, обвиняющий (с претензией на остроумие) «Искру» в слабости везде видеть экономизм, воображающий, что он стоит гораздо выше этого деления на ортодоксов и критиков, — не замечает того, что он играет своими доводами на-руку возмущающей его узости, что он пьет из самого что-ни-на-есть проплеванного колодца! Да, самого искреннего возмущения узостью, самого горячего желанья поднять преклоняющихся перед ней людей еще недостаточно, если возмущающийся носится без руля и без ветрил и так же «стихийно», как и революционеры 70-х годов, хватается за «эксцитативный террор», за «аграрный террор», за «набат» и т. п. Посмотрите на это «более конкретное», вокруг чего, — он думает, — «гораздо ближе» будет собраться и организоваться: 1. местные газеты; 2. приготовление к демонстрациям; 3. работа среди безработных. С первого же взгляда видно, что все эти дела выхвачены совершенно случайно, на удачу, чтобы сказать что-нибудь, ибо, как бы мы ни смотрели на них, видеть в них что-либо специально пригодное «собрать и организовать» совсем уже несуразно. Ведь тот же самый Надеждин парой страниц ниже говорит: «пора бы нам просто констатировать факт: на местах ведется крайне жалкая работа, комитеты не делают и десятой части того, что могли бы делать... те объединяющие центры, какие у нас есть теперь, это — фикция, это — революционная канцелярщина, взаимное пожалование друг друга в генералы, и так будет до тех пор, пока не вырастут местные сильные организации». В этих словах, несомненно, на-ряду с преувеличениями, заключается много горькой истины, и неужели Надеждин не видит связи между жалкой работой на местах и той узостью кругозора деятелей, узостью размаха их деятельности, которые неизбежны при неподготовленности замыкающихся в рамки местных организаций деятелей? Неужели он, подобно

автору статьи об организации в «Свободе», забыл о том, как переход к широкой местной прессе (с 1898 года) сопровождался особенным усилением экономизма и «кустарничества»? Да если бы даже и возможна была сколько-нибудь удовлетворительная постановка «широкой местной прессы» (а мы показали выше, что она невозможна, за исключением совершенно особенных случаев), то и тогда местные органы не могли бы «собрать и организовать» *все* силы революционеров *для общего* натиска на самодержавие, для руководства *единой* борьбой. Не забудьте, что речь идет здесь *только* о «собирающем», об организаторском значении газеты, и мы могли бы предложить защищающему раздробленность Надеждину им же поставленный иронический вопрос: «не получили ли мы откуда-нибудь в наследство 200.000 революционных организаторских сил?» Далее, «приготовление к демонстрациям» нельзя *противопоставлять* плану «Искры» уже потому, что этот план как раз самые широкие демонстрации и предусматривает *как одну из целей;* речь же идет о выборе практического *средства.* Надеждин опять запутался здесь, упустив из виду, что «приготовлять» демонстрации (до сих пор происходившие в громадном большинстве случаев совершенно стихийно) может только уже «собравшее и организованное» войско, а мы именно *не умеем* собрать и организовать. «Работа среди безработных». Опять та же путаница, ибо это тоже представляет из себя одно из военных действий мобилизованного войска, а не план мобилизовать войско. До какой степени и тут недооценивает Надеждин вреда нашей раздробленности, отсутствия у нас «200.000 сил», видно из следующего. «Искру» упрекали многие (в том числе и Надеждин) за бедность сведений о безработице, за случайность корреспонденций о самых обыденных явлениях деревенской жизни. Упрек справедлив, но «Искра» тут «без вины виновата». Мы стараемся «провести цыпочку» и через деревню, но каменщиков там почти нигде нет, и *приходится* поощрять *всякого,* сообщающего даже обыденный факт, — в надежде, что это умножит число сотрудников по этой области и *научит всех нас* выбирать, наконец, и действительно-выпуклые факты. Но материала-то для учёбы так мало, что без обобщения его по всей России учиться решительно не на чем. Несомненно, что человек, обладающий хотя приблизительно такими же агитаторскими способностями и таким знанием жизни босяка, какие видны у Надеждина, мог бы оказать агитацией среди безработных неоценимые услуги движению, — но такой человек зарыл бы в землю свой талант, если бы не позаботился оповещать *всех* русских товарищей о каждом шаге своей работы на поученье и пример людям, которые, в массе своей, и не умеют еще взяться за новое дело.

О важности объединения, о необходимости «собрать и организовать» говорят теперь решительно все, но нет в большинстве

случаев никакого определенного представления о том, с чего начать и как вести это дело объединения. Все согласятся, наверное, что если мы «объединяем» отдельные — скажем, районные — кружки одного города, то для этого необходимы *общие учреждения*, т.-е. не одно только общее звание «союза», а действительно *общая* работа, обмен материалом, опытом и силами, распределение функций уже не только по районам, а по специальностям всей городской деятельности. Всякий согласится, что солидный конспиративный аппарат не окупится (если можно употребить коммерческое выражение) «средствами» (и материальными и личными, разумеется) одного района, что на этом узком поприще не развернуться таланту специалиста. То же самое относится однако и к объединению разных городов, ибо и такое поприще, как отдельная местность, *оказывается* и оказалось уже в истории нашего социал-демократического движения непомерно узким: мы это подробно доказывали выше на примере и политической агитации и организационной работы. Надо, необходимо надо и прежде всего надо расширить это поприще, создать *фактическую* связь между городами на *регулярной общей* работе, ибо раздробленность придавливает людей, которые «сидят как в яме» (по выражению автора одного письма в «Искру») [234]), не зная, что̀ делается на белом свете, у кого им поучиться, как добыть себе опыт, как удовлетворить желание широкой деятельности. И я продолжаю настаивать, что эту *фактическую* связь можно *начать* создавать только на общей газете, как единственном регулярном общерусском предприятии, суммирующем итоги самых разнообразных видов деятельности и тем *подталкивающем* людей идти неустанно вперед по *всем* многочисленным путям, ведущим к революции, как все дороги ведут в Рим. Если мы не на словах только хотим объединения, то надо, чтобы каждый местный кружок *тотчас же уделил*, скажем, четверть своих сил *активной* работе над *общим* делом, и газета сразу показывает ему *) общий абрис, размеры и характер этого дела, показывает, какие именно пробелы всего сильнее ощущаются во всей общерусской деятельности, где нет агитации, где слабы связи, какие колесики громадного общего механизма мог бы данный кружок подправить или заменить лучшими. Кружок, не работавший еще, а только ищущий работы, мог бы начинать уже не как кустарь в отдельной маленькой мастерской, не ведающий ни развития

*) *Оговорка:* если он сочувствует направлению этой газеты и считает полезным для дела стать ее сотрудником, понимая под этим не только литературное, а вообще всякое революционное сотрудничество. *Примечание для «Рабочего Дела»:* между революционерами, которые ценят дело, а не игру в демократизм, которые не отделяют «сочувствия» от самого активного и живого участия, эта оговорка подразумевается сама собою. (Это примечание исключено автором в издании 1908 года. *Ред.*)

«промышленности» до него, ни общего состояния данных промышленных способов производства, а как участник широкого предприятия, *отражающего* весь общереволюционный натиск на самодержавие. И чем совершеннее была бы отделка каждого колесика, чем больше число детальных работников над общим делом, тем чаще становилась бы наша сеть и тем меньше смятения в общих рядах вызывали бы неизбежные провалы.

Фактическую связь начала бы создавать уже одна функция распространения газеты (если бы таковая заслуживала названия газеты, т.-е. выходила регулярно и не раз в месяц, как выходят толстые журналы, а раза четыре в месяц). Теперь сношения между городами по надобностям революционного дела являются величайшей редкостью и, во всяком случае, исключением; тогда эти сношения стали бы правилом и обеспечивали, разумеется, не только распространение газеты, а также (что гораздо важнее) обмен опытом, материалами, силами и средствами. Размах организационной работы сразу стал бы во много раз шире, и успех одной местности поощрял бы постоянно к дальнейшему усовершенствованию, к желанию воспользоваться готовым уже опытом действующего в другом конце страны товарища. Местная работа стала бы гораздо богаче и разностороннее, чем теперь: политические и экономические обличения, собираемые по всей России, давали бы умственную пищу рабочим всех профессий и *всех ступеней развития*, давали материал и повод для бесед и чтений по самым разнообразным вопросам, поднятым к тому же и намеками легальной печати и разговорами в обществе и «стыдливыми» правительственными сообщениями. Каждая вспышка, каждая демонстрация оценивалась и обсуждалась бы со всех сторон во всех концах России, вызывая желание не отстать от других, сделать лучше других — (мы, социалисты, вовсе не отвергаем вообще всякого соревнования, всякой «конкуренции»!), — подготовить сознательно то, что в первый раз вышло как-то стихийно, воспользоваться благоприятными условиями данной местности или данного момента для видоизменения плана атаки и проч. В то же время это оживление местной работы не приводило бы к тому отчаянному «предсмертному» напряжению *всех* сил и постановке ребром *всех* людей, каковым является зачастую теперь всякая демонстрация или всякий номер местной газеты: с одной стороны, полиции гораздо труднее добраться до «корней», раз неизвестно, в какой местности надо искать их; с другой стороны, регулярная общая работа приучала бы людей сообразовать силу *данной* атаки с данным состоянием сил такого-то отряда общей армии (сейчас о таком сообразовании почти никто никогда и не думает, ибо атаки случаются на девять десятых стихийно) и облегчала бы «перевозку» из другого места не только литературы, но и революционных сил.

Теперь эти силы истекают в массе случаев кровью на узкой местной работе, а тогда являлась бы возможность и постоянно были бы поводы перебрасывать сколько-нибудь способного агитатора или организатора из конца в конец страны. Начиная с маленькой поездки по делам партии на счет партии, люди привыкали бы переходить целиком на содержание партии, делаться профессиональными революционерами, вырабатывать из себя настоящих политических вождей.

И если бы нам действительно удалось достигнуть того, чтобы все или значительное большинство местных комитетов, местных групп и кружков активно взялись за общее дело, мы могли бы в самом недалеком будущем поставить еженедельную газету, регулярно распространяемую в десятках тысяч экземпляров по всей России. Эта газета стала бы частичкой громадного кузнечного меха, раздувающего каждую искру классовой борьбы и народного возмущения в общий пожар. Вокруг этого, самого по себе очень еще невинного и очень еще небольшого, но регулярного и в полном значении слова *общего* дела систематически подбиралась и обучалась бы постоянная армия испытанных бойцов. По лесам или подмосткам этой общей организационной постройки скоро поднялись и выдвинулись бы из наших революционеров социал-демократические Желябовы, из наших рабочих русские Бебели, которые встали бы во главе мобилизованной армии и подняли весь народ на расправу с позором и проклятьем России.

Вот о чем нам надо мечтать!

* * *

«Надо мечтать!» Написал я эти слова и испугался. Мне представилось, что я сижу на «объединительном съезде», против меня сидят редакторы и сотрудники «Рабочего Дела». И вот встает товарищ Мартынов и грозно обращается ко мне: «А позвольте вас спросить, имеет ли еще автономная редакция право мечтать без предварительного опроса комитетов партии?» А за ним встает товарищ Кричевский и (философски углубляя товарища Мартынова, который уже давно углубил товарища Плеханова) еще более грозно продолжает: «Я иду дальше. Я спрашиваю, имеет ли вообще право мечтать марксист, если он не забывает, что по Марксу человечество всегда ставит себе осуществимые задачи и что тактика есть процесс роста задач, растущих вместе с партией?»

От одной мысли об этих грозных вопросах у меня мороз подирает по коже, и я думаю только — куда бы мне спрятаться. Попробую спрятаться за Писарева.

«Разлад разладу рознь, — писал по поводу вопроса о разладе между мечтой и действительностью Писарев. — Моя мечта может

обгонять естественный ход событий, или же она может хватать совершенно в сторону, туда, куда никакой естественный ход событий никогда не может придти. В первом случае мечта не приносит никакого вреда; она может даже поддерживать и усиливать энергию трудящегося человека... В подобных мечтах нет ничего такого, что извращало или парализовало бы рабочую силу. Даже совсем напротив. Если бы человек был совершенно лишен способности мечтать таким образом, если бы он не мог изредка забегать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной картине то самое творение, которое только что начинает складываться под его руками, — тогда я решительно не могу представить, какая побудительная причина заставляла бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни... Разлад между мечтой и действительностью не приносит никакого вреда, если только мечтающая личность серьезно верит в свою мечту, внимательно вглядываясь в жизнь, сравнивает свои наблюдения с своими воздушными замками и вообще добросовестно работает над осуществлением своей фантазии. Когда есть какое-нибудь соприкосновение между мечтой и жизнью, тогда все обстоит благополучно» [235]).

Вот такого-то рода мечтаний, к несчастью, слишком мало в нашем движении. И виноваты в этом больше всего кичащиеся своей трезвенностью, своей «близостью» к «конкретному» представители легальной критики и нелегального «хвостизма».

в) КАКОГО ТИПА ОРГАНИЗАЦИЯ НАМ НУЖНА?

Из предыдущего читатель видит, что наша «тактика-план» состоит в отрицании немедленного *призыва* к штурму, в требовании устроить «правильную осаду неприятельской крепости», или иначе в требовании направить все усилия на то, чтобы собрать, сорганизовать и *мобилизовать* постоянное войско. Когда мы осмеяли «Рабочее Дело» за его прыжок от экономизма к воплям о штурме (раздавшемся в *апреле* 1901 г. в № 6 «Листка Р. Дела»), оно обрушилось, разумеется, на нас с обвинением в «доктринерстве», непонимании революционного долга, в призыве к осторожности и т. п. Нас нисколько не удивили, конечно, эти обвинения в устах людей, не имеющих никаких устоев и отделывающихся глубокомысленной «тактикой-процессом», как не удивило и то, что такие обвинения повторил Надеждин, питающий вообще самое величественное презрение к прочным программным и тактическим устоям.

Говорят, что история не повторяется. Но Надеждин изо всех сил старается повторить ее и усердно копирует Ткачева, разнося «революционное культурничество», крича о «набате вечевого

колокола», об особой «точке зрения канупа революции» и т. п. Он забывает, повидимому, известное изречение, что, если оригинал исторического события представляет из себя трагедию, то копия с него является лишь фарсом [236]). Подготовленная проповедью Ткачева и осуществленная посредством «устрашающего» и действительно устрашавшего террора попытка захватить власть — была величественна, а «эксцитативный» террор маленького Ткачева просто смешон и особенно смешон, когда дополняется идеей организации середняков.

«Если бы «Искра», — пишет Надеждин, — вышла из своей сферы литературщины, она увидела бы, что это (такие явления, как письмо рабочего в «Искре», № 7, и т. п.) симптомы того, что очень-очень скоро начнется «штурм», и говорить теперь (sic!) об организации, тянущейся шитками от общерусской газеты, это — плодить кабинетные мысли и кабинетную работу». Посмотрите же, какая это невообразимая путаница: с одной стороны, эксцитативный террор и «организация середняков» на-ряду с мнением, что «гораздо ближе» собраться вокруг «более конкретного», вроде местных газет, — а с другой стороны, «теперь» говорить об общерусской организации значит плодить кабинетные мысли, т.-е., говоря прямее и проще, «теперь» уже поздно! А «широкая постановка местных газет», — это не поздно, почтеннейший Л. Надеждин? И сравните с этим точку зрения и тактику «Искры»: эксцитативный террор — пустяки, говорить об организации именно середняков и о *широкой* постановке местных газет значит открывать настежь дверь экономизму. Надо говорить о единой общерусской организации революционеров, и говорить о ней не поздно до тех самых пор, когда начнется настоящий, а не бумажный штурм.

«Да, насчет организации у нас обстоят дела крайне не блестяще, — продолжает Надеждин, — да, «Искра» совершенно права, говоря, что главная масса наших военных сил — добровольцы и повстанцы... Это хорошо, что вы трезво представляете себе положение наших сил, но зачем же при этом забывать, *что толпа вовсе не наша* и что поэтому *она у нас не спросит*, когда открывать военные действия, и пойдет «бунтоваться»... Когда выступит сама толпа с ее стихийной разрушительной силой, ведь она *может* смять, оттереть «постоянное войско», в которое всё собирались, да не *поспели* вносить чрезвычайно систематическую организацию». (Курсив наш.)

Удивительная логика! *Именно потому*, что «толпа не наша», неразумно и неприлично кричать о «штурме» сию минуту, ибо штурм есть атака постоянного войска, а не стихийный взрыв толпы. Именно потому, что толпа *может* смять и оттереть постоянное войско, нам обязательно необходимо «поспевать» за стихийным подъемом со своей работой «внесения чрезвычайно систематической организации» в постоянное войско, ибо, чем больше «поспеем» мы внести такой организованности, тем более

вероятно, что постоянное войско не будет смято толпой, а встанет впереди и во главе толпы. Надеждин путается потому, что воображает, будто это систематически организуемое войско занято чем-либо отрывающим его от толпы, тогда как на самом деле оно занято исключительно всесторонней и всеобъемлющей политической агитацией, т.-е. именно работой, *сближающей и сливающей воедино* стихийно-разрушительную силу толпы и сознательно-разрушительную силу организации революционеров. Ведь вы, господа, валите с больной головы на здоровую, ибо именно группа «Свобода», внося *в программу* террор, тем самым зовет к организации террористов, а такая организация действительно отвлекла бы наше войско от сближения его с толпой, которая еще, к сожалению, не наша, которая еще, к сожалению, не спрашивает или мало спрашивает нас о том, когда и как открывать военные действия.

«Мы проглядим самое революцию,— продолжает Надеждин пугать «Искру»,— как проглядели нынешние события, свалившиеся нам словно снег на голову». Эта фраза, в связи с приведенными выше, наглядно показывает нам нелепость сочиненной «Свободою» особой «точки зрения кануна революции»*). Особая «точка зрения» сводится, если прямо говорить, к тому, что «теперь» поздно уже рассуждать и готовиться. Если так, о почтеннейший враг «литературщины»,— то к чему же было писать на 132 печатных страницах «о вопросах теории **) и тактики»? Не находите ли вы, что «точке зрения кануна революции» более приличествовало бы издание 132 тысяч листков с кратким воззванием: «бей их!»

Проглядеть революцию всего менее рискует именно тот, кто ставит во главу угла всей своей и программы и *тактики и организационной работы* всенародную политическую агитацию, как делает «Искра». Люди, занятые по всей России витьем нитей организации, тянущейся от общерусской газеты, не только не проглядели весенних событий, а дали нам, наоборот, возможность

*) Стр. 62 «Канун революции».

**) Впрочем, по вопросам теории в своем «обозрении вопросов теории» Л. Надеждин почти-что ничего не дал, если не считать следующего, весьма любопытного с «точки зрения кануна революции» пассажа: «Бернштейниада в ее целом теряет для нашего момента свой острый характер точно так же, как докажет ли г. Адамович, что г. Струве уже заслужил пряжку, или, наоборот, г. Струве опровергнет г. Адамовича и не согласится на выход в отставку,— это решительно все равно, ибо настает слушный час революции» (стр. 110). Трудно было бы рельефнее изобразить бесконечную беззаботность Л. Надеждина насчет теории. Мы провозгласили «канун революции» — *поэтому* «решительно все равно», удастся ли ортодоксам окончательно сбить с позиции критиков!! И не замечает наш мудрец, что именно во время революции понадобятся нам результаты теоретической борьбы с критиками для решительной борьбы с их *практическими* позициями!

предсказать их. Не проглядели они и тех демонстраций, которые описаны в № 13 и 14 «Искры» [237]): напротив, они участвовали в них, живо сознавая свою обязанность идти на помощь стихийному подъему толпы и помогая в то же время, чрез посредство газеты, ознакомляться с этими демонстрациями и утилизировать их опыт всем русским товарищам. Не проглядят они, если живы будут, и революции, которая потребует от нас прежде всего и больше всего опытности в агитации, умения поддерживать (по-социал-демократически поддерживать) всякий протест, умения направлять стихийное движение, оберегая его и от ошибок друзей, и от ловушек врагов!

Мы подошли таким образом к последнему соображению, которое заставляет нас особенно настаивать на плане организации вокруг общерусской газеты, посредством совместной работы над общей газетой. Только такая организация обеспечит необходимую для социал-демократической боевой организации *гибкость*, т.-е. способность приспособляться немедленно к самым разнообразным и быстро меняющимся условиям борьбы, умение, «с одной стороны, уклониться от сражения в открытом поле с подавляющим своей силою неприятелем, когда он собрал на одном пункте все силы, а, с другой стороны, пользоваться неповоротливостью этого неприятеля и нападать на него там и тогда, где всего менее ожидают нападения» *). Было бы величайшей ошибкой строить партийную организацию в расчете только на взрыв и уличную борьбу или только на «поступательный ход серой текущей борьбы». Мы должны *всегда* вести нашу будничную работу и всегда быть готовы ко всему, потому что предвидеть заранее смену периодов взрыва периодами затишья очень часто бывает почти невозможно, а в тех случаях, когда возможно, нельзя было бы воспользоваться этим предвидением для перестройки организации, ибо смена эта в самодержавной стране происходит поразительно быстро, будучи иногда связана с одним ночным набегом царских янычар. И самое революцию надо представлять себе отнюдь не в форме единичного акта (как мерещится, повидимому, Надеждину), а

*) «Искра», № 4: «С чего начать?» — «Революционных культурников, не стоящих на точке зрения кануна революции, долгота работы нисколько не смущает» — пишет Надеждин (с. 62). Мы заметим по поводу этого: если мы не сумеем выработать такой политической тактики, такого организационного плана, которые были бы непременно рассчитаны на *весьма долгую работу* и в то же время обеспечивали бы *самым процессом этой работы* готовность нашей партии оказаться на своем посту и выполнить свой долг при всякой неожиданности, при всяком ускорении хода событий, — то мы окажемся просто жалкими политическими авантюристами. Только Надеждин, со вчерашнего дня начавший себя называть социал-демократом, может забывать о том, что цель социал-демократии — коренное преобразование условий жизни всего человечества, что поэтому социал-демократу непозволительно «смущаться» вопросом о долготе работы.

в форме нескольких быстрых смен более или менее сильного взрыва и более или менее сильного затишья. Поэтому основным содержанием деятельности нашей партийной организации, фокусом этой деятельности должна быть такая работа, которая и возможна и нужна как в период самого сильного взрыва, так и в период полнейшего затишья, именно: работа политической агитации, объединенной по всей России, освещающей все стороны жизни и направленной в самые широкие массы. А эта работа *немыслима* в современной России без общерусской, очень часто выходящей газеты. Организация, складывающаяся сама собою вокруг этой газеты, организация ее *сотрудников* (в широком смысле слова, т.-е. всех трудящихся над ней) будет именно готова *на все*, начиная от спасенья чести, престижа и преемственности партии в момент наибольшего революционного «угнетения» и кончая подготовкой, назначением и проведением *всенародного вооруженного восстания*.

В самом деле, представьте себе очень обычный у нас случай полного провала в одной или нескольких местностях. При отсутствии у *всех* местных организаций *одного* общего регулярного дела такие провалы сопровождаются часто перерывом работы на много месяцев. При наличности же общего дела у всех, — достаточно было бы, при самом сильном провале, нескольких недель работы двух-трех энергичных людей, чтобы связать с общим центром новые кружки молодежи, возникающие, как известно, весьма быстро даже теперь; — а когда это общее дело, страдающее от провала, у всех на виду, то новые кружки могут возникать и связываться с ним еще быстрее.

С другой стороны, представьте себе народное восстание. В настоящее время, вероятно, все согласятся, что мы должны думать о нем и готовиться к нему. Но *как* готовиться? Не назначить же Центральному Комитету агентов по всем местам для подготовки восстания! Если бы у нас и был Ц. К., он таким назначением ровно ничего не достиг бы при современных русских условиях. Наоборот, сеть агентов *), складывающаяся сама

*) Увы, увы! Опять сорвалось у меня это ужасное слово «агент», так режущее демократическое ухо Мартыновых! Мне странно, почему это слово не обижало корифеев 70-х годов и обижает кустарей 90-х годов? Мне нравится это слово, ибо оно ясно и резко указывает на *общее дело*, которому все агенты подчиняют свои помыслы и действия, и если нужно заменить это слово другим, то я бы мог остановиться только разве на слове «сотрудник», если бы оно не отзывалось некоторой литературщиной и некоторой расплывчатостью. А нам нужна военная организация агентов. Впрочем, те многочисленные (особенно за границей) Мартыновы, которые любят заниматься «взаимным пожалованием друг друга в генералы», могли бы говорить вместо «агент по паспортной части» — «главноначальствующий отдельной частью по снабжению революционеров паспортами» и т. п. (Это примечание исключено автором в издании 1908 года. *Ред.*)

собой на работе по постановке и распространению общей газеты, не должна была бы «сидеть и ждать» лозунга к восстанию, а делала бы именно такое регулярное дело, которое гарантировало бы ей наибольшую вероятность успеха в случае восстания. Именно такое дело закрепляло бы связи и с самыми широкими массами рабочих и со всеми недовольными самодержавием слоями, что̀ так важно для восстания. Именно на таком деле вырабатывалась бы способность верно оценивать общее политическое положение и, следовательно, способность выбрать подходящий момент для восстания. Именно такое дело приучало бы *все* местные организации откликаться одновременно на одни и те же волнующие всю Россию политические вопросы, случаи и происшествия, отвечать на эти «происшествия» возможно энергичнее, возможно единообразнее и целесообразнее, — а ведь восстание есть, в сущности, самый энергичный, самый единообразный и самый целесообразный «ответ» всего народа правительству. Именно такое дело, наконец, приучало бы все революционные организации во всех концах России вести самые постоянные и в то же время самые конспиративные сношения, создающие *фактическое* единство партии, — а без таких сношений невозможно коллективно обсудить план восстания и принять те необходимые подготовительные меры накануне его, которые должны быть сохранены в строжайшей тайне.

Одним словом, «план общерусской политической газеты» не только не представляет из себя плод кабинетной работы лиц, зараженных доктринерством и литературщиной (как это показалось плохо вдумавшимся в него людям), а, наоборот, он является самым практическим планом начать со всех сторон и сейчас же готовиться к восстанию, не забывая в то же время ни на минуту своей будничной насущной работы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

История русской социал-демократии явственно распадается на три периода.

Первый период обнимает около десяти лет, приблизительно 1884 — 1894 г.г. Это был период возникновения и упрочения теории и программы социал-демократии. Число сторонников нового направления в России измерялось единицами. Социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс утробного развития.

Второй период обнимает три-четыре года, 1894 — 1898 г.г. Социал-демократия появляется на свет божий, как общественное движение, как подъем народных масс, как политическая партия. Это — период детства и отрочества. С быстротой эпидемии распространяется повальное увлечение интеллигенции борьбой с народничеством и хождением к рабочим, повальное увлечение рабочих стачками. Движение делает громадные успехи. Большинство руководителей — совсем молодые люди, далеко не достигшие того «тридцатипятилетнего возраста», который казался г. Н. Михайловскому какой-то естественной гранью. Благодаря своей молодости, они оказываются неподготовленными к практической работе и поразительно быстро сходят со сцены. По размах работы у них большей частью был очень широкий. Многие из них начинали революционно мыслить как народовольцы. Почти все в ранней юности восторженно преклонялись перед героями террора. Отказ от обаятельного впечатления этой геройской традиции стоил борьбы, сопровождался разрывом с людьми, которые во что бы то ни стало хотели остаться верными Народной Воле и которых молодые социал-демократы высоко уважали. Борьба заставляла учиться, читать нелегальные произведения всяких направлений, заниматься усиленно вопросами легального народничества. Воспитанные на этой борьбе социал-демократы шли в рабочее движение, «ни на минуту» не забывая ни о теории марксизма, озарившей их ярким светом, ни о задаче низвержения самодержавия. Образование партии весной 1898 года было самым рельефным и в то же время *последним* делом социал-демократов этой полосы.

Третий период подготовляется, как мы видели, в 1897 году и окончательно выступает на смену второго периода в 1898 году (1898 — ?). Это — период разброда, распадения, шатания. В отрочестве бывает так, что голос у человека ломается. Вот и у русской социал-демократии этого периода стал ломаться голос, стал зву-

чать фальшью, — с одной стороны, в произведениях гг. Струве и Прокоповича, Булгакова и Бердяева, с другой стороны — у В. И — на и Р. М., у Б. Кричевского и Мартынова. Но брели розно и шли назад только руководители: само движение продолжало расти и делать громадные шаги вперед. Пролетарская борьба захватывала новые слои рабочих и распространялась по всей России, влияя в то же время косвенно и на оживление демократического духа в студенчестве и в других слоях населения. Сознательность же руководителей спасовала перед широтой и силой стихийного подъема; среди социал-демократов преобладала уже другая полоса — полоса деятелей, воспитавшихся почти только на одной «легальной» марксистской литературе, а ее было тем более недостаточно, чем большей сознательности требовала от них стихийность массы. Руководители не только оказывались позади и в теоретическом отношении («свобода критики») и в практическом («кустарничество»), но пытались защищать свою отсталость всякими выспрешними доводами. Социал-демократизм пришпился до трэд-юнионизма и брентанистами легальной и хвостистами нелегальной литературы. Программа «Credo» начинала осуществляться, особенно когда «кустарничество» социал-демократов вызвало оживление революционных несоциал-демократических направлений.

И вот, если читатель упрекнет меня за то, что я чересчур подробно занимался каким-то «Раб. Делом», я отвечу на это: «Р. Дело» приобрело «историческое» значение потому, что всего рельефнее отразило в себе «дух» этого третьего периода *). Не последовательный Р. М., а именно флюгерствующие Кричевские и Мартыновы могли настоящим образом выразить разброд и шатания, готовность идти на уступки и перед «критикой», и перед «экономизмом», и перед терроризмом. Не величественное пренебрежение к практике со стороны какого-нибудь поклонника «абсолюта» характерно для этого периода, а именно соединение мелкого практицизма с полнейшей теоретической беззаботностью. Не столько прямым отрицанием «великих слов» занимались герои этого периода, сколько их опошлением: научный социализм перестал быть целостной революционной теорией, а превращался в мешанину, к которой «свободно» добавляли жидкости из всякого нового немецкого учебника; лозунг «классовая борьба» не толкал вперед к все более широкой, все более энергичной деятельности, а служил средством успокоения, так как ведь «экономи-

*) Я мог бы также ответить немецкой пословицей: Den Sack schlägt man, den Esel meint man, или по-русски: кошку бьют, невестке поветки дают. Не одно «Раб. Дело», а *широкая масса* практиков *и теоретиков* увлекалась модной «критикой», путалась в вопросе о стихийности, сбивалась с социал-демократического на трэд-юнионистское понимание наших политических и организационных задач.

ческая борьба неразрывно связана с политической»; идея партии не служила призывом к созданию боевой организации революционеров, а оправдывала какую-то «революционную канцелярщину» и ребяческую игру в «демократические» формы.

Когда кончается третий и начинается четвертый период (во всяком случае предвещаемый уже многими признаками), — мы не знаем. Из области истории мы переходим здесь в область настоящего, отчасти будущего. Но мы твердо верим, что четвертый период поведет к упрочению воинствующего марксизма, что из кризиса русская социал-демократия выйдет окрепшей и возмужавшей, что «на смену» арьергарда оппортунистов выступит действительный передовой отряд самого революционного класса.

В смысле призыва к такой «смене» и сводя вместе все изложенное выше, мы можем на вопрос: что делать? дать краткий ответ:

Ликвидировать третий период.

Приложение *).

ПОПЫТКА ОБЪЕДИНЕНИЯ «ИСКРЫ» С «РАБОЧИМ ДЕЛОМ».

Нам остается обрисовать ту тактику, которую приняла и последовательно проводила «Искра» в организационных отношениях к «Раб. Делу». Тактика эта выражена вполне уже в № 1 «Искры», в статье о «Расколе в Загран. Союзе русск. соц.-дем.» **). Мы сразу встали на ту точку зрения, что *настоящий* «Союз русских социал-демократов за границей», который был признан на первом съезде нашей партии ее заграничным представителем, *раскололся* на две организации; — что вопрос о представительстве партии остается открытым, будучи только временно и условно решен тем, что на парижском международном конгрессе в постоянное международное социалистическое бюро было выбрано от России два члена, по одному от каждой части расколовшегося Союза. Мы заявили, что по существу «Раб. Дело» *неправо,* мы решительно встали в принципиальном отношении на сторону Группы «Осв. Труда», но отказались в то же время входить в подробности раскола и отметили заслугу Союза в области чисто-практической работы ***).

Таким образом наша позиция была до известной степени выжидательная: мы сделали уступку господствовавшему среди большинства русских социал-демократов мнению, что рука об руку с «Союзом» могут работать и самые решительные враги экономизма, ибо «Союз» не раз заявлял о своем принципиальном согласии с Группой «Освобождение Труда», не претендуя, будто бы, на самостоятельную физиономию в коренных вопросах теории и тактики. Правильность занятой нами позиции косвенно была подтверждена тем, что почти одновременно с выходом первого номера «Искры» (декабрь 1900) от «Союза» отделились три члена, которые образовали так называемую «группу инициаторов» [238]) и обратились: 1. к заграничному отделу организации «Искры»,

*) Приложение опущено в издании 1908 года. *Ред.*

**) См. настоящий том, стр. 65. *Ред.*

***) В основе такой оценки раскола лежало не только ознакомление с литературой, но также и данные, собранные за границей некоторыми побывавшими там членами нашей организации.

2. к революционной организации «Социал-Демократ» и 3. к «Союзу» с предложением посредничества в ведении переговоров о примирении. Первые две организации сразу ответили согласием, *третья — отказом*. Правда, когда один оратор изложил эти факты на «объединительном» съезде прошлого года, член администрации «Союза» заявил, что их отказ был вызван *исключительно* тем, что Союз был недоволен составом группы инициаторов. Считая своим долгом привести это объяснение, я не могу однако не заметить с своей стороны, что считаю его неудовлетворительным: зная о согласии двух организаций на переговоры, «Союз» мог обратиться к ним и через другого посредника или непосредственно.

Весной 1901 г. с прямой полемикой против «Р. Дела» выступила и «Заря» (№ 1, апрель) и «Искра» (№ 4, май) [239]. Последняя особенно напала на «Исторический поворот» «Р. Дела», которое в своем *апрельском* листке, следовательно, уже после весенних событий, проявило неустойчивость по отношению к увлечению террором и «кровавыми» призывами. Несмотря на эту полемику, «Союз» ответил согласием на возобновление переговоров о примирении при посредстве новой группы «примирителей» [240]. Предварительная конференция из представителей от трех вышеназванных организаций состоялась в июне и выработала проект договора на базисе подробнейшего «принципиального соглашения», напечатанного «Союзом» в брошюре «Два съезда» и Лигой в брошюре: «Документы объединительного съезда».

Содержание этого принципиального соглашения (или резолюций июньской конференции, как его чаще называют) показывает с полнейшей ясностью, что мы ставили непременным условием соединения *самое решительное* отрицание всех и всяких проявлений оппортунизма вообще и русского оппортунизма в частности. «Мы отвергаем, — гласит 1 п., — всякие попытки внесения оппортунизма в классовую борьбу пролетариата, — попытки, выразившиеся в так называемом экономизме, бернштейнианстве, миллеранизме и т. п.». «В круг деятельности социал-демократии входит... идейная борьба со всеми противниками революционного марксизма» (4, c); «Во всех сферах организационно-агитационной деятельности социал-демократия не должна ни на минуту упускать из виду ближайшую задачу русского пролетариата — низвержение самодержавия» (5, a); ...«агитация не только на почве повседневной борьбы наемного труда с капиталом» (5, b); ...«не признавая... стадию чисто экономической борьбы и борьбы за частные политические требования» (5, c); ...«считаем важной для движения критику течений, возводящих в принцип... элементарность... и узость низших форм движения» (5, d). Даже совершенно посторонний человек, сколько-нибудь внимательно прочитавший эти резолюции, увидит из самой уже их форму-

лировки, что они направлены против людей, которые были оппортунистами и «экономистами», которые забывали хотя на минуту о задаче низвержения самодержавия, которые признавали теорию стадий, возводили в принцип узость и пр. И кто хотя сколько-нибудь знаком с полемикой против «Р. Дела» Группы «Осв. Труда», «Зари» и «Искры», тот ни на минуту не усомнится в том, что эти резолюции отвергают пункт за пунктом именно те заблуждения, в которые впадало «Раб. Дело». Поэтому когда на «объединительном» съезде один из членов «Союза» заявил, что статьи в № 10 «Р. Дела» вызваны не новым «историческим поворотом» «Союза», а чрезмерной «абстрактностью» *) резолюций — то один оратор имел полное право посмеяться над этим. Резолюции не только не абстрактны, — ответил он — а невероятно конкретны: одного взгляда на них достаточно, чтобы видеть, что тут «кого-то ловили».

Это последнее выражение подало повод к характерному эпизоду на съезде. С одной стороны, Б. Кричевский ухватился за слово «ловили», решив, что это — обмолвка, выдающая дурной умысел с нашей стороны («подставить ловушку»), и патетически воскликнул: «Кого же именно, кого тут ловили?» — «Вот, в самом деле, кого?» иронически спросил Плеханов. — «Я помогу недогадливости товарища Плеханова, — отвечал Б. Кричевский, — я объясню ему, что тут ловили *редакцию «Рабочего Дела»* (общий хохот). Но мы не дали себя поймать!» (замечания слева: тем хуже для вас!) — С другой стороны, член группы «Борьба» (группы примирителей), говоря против поправок «Союза» к резолюциям и желая защищать нашего оратора, заявил, что выражение «ловили», очевидно, нечаянно сорвалось в пылу полемики.

Что касается меня, то я думаю, что от такой «защиты» не поздоровится оратору, употребившему разбираемое выражение. Я думаю, что слова «кого-то ловили», «в шутку сказаны, да всерьез задуманы»: мы всегда обвиняли «Р. Дело» в неустойчивости, в шатаниях, и потому, естественно, *должны были* постараться *поймать* его, чтобы сделать впредь шатания невозможными. О дурном умысле не могло тут быть и речи, ибо дело шло о принципиальной неустойчивости. И мы сумели «поймать» «Союз» настолько по-товарищески **), что июньские резолюции подписал сам Б. Кричевский и еще один член администрации «Союза».

---

*) Утверждение это повторено в «Двух съездах», стр. 25.

**) Именно: мы сказали во вступлении к июньским резолюциям, что русская социал-демократия в целом всегда стояла на почве принципов Группы «Осв. Тр.» и что заслугой «Союза» была в особенности его издательская и организационная деятельность. Другими словами, мы выражали полную готовность предать забвению все прошлое и признать полезность (для дела) работы наших товарищей из «Союза» *под условием* того

Статьи в № 10 «Р. Дела» (наши товарищи увидели этот номер только тогда, когда приехали на съезд, за несколько дней до начала заседаний) ясно показали, что с лета по осень в «Союзе» произошел новый поворот: экономисты опять взяли верх, и редакция, послушная всякому «веянию», принялась опять защищать «самых отъявленных бернштейнианцев» и «свободу критики», защищать «стихийность» и проповедывать устами Мартынова «теорию сужения» сферы нашего политического воздействия (в видах, будто бы, осложнения самого воздействия). Еще раз подтвердилось меткое замечание Парвуса, что оппортуниста трудно поймать какой бы то ни было формулой: он легко подпишет *всякую* формулу и легко отступит от нее, так как оппортунизм состоит именно в отсутствии сколько-нибудь определенных и твердых принципов. Сегодня оппортунисты отвергли *всякие* попытки внесения оппортунизма, отвергли *всякую* узость, обещали торжественно «ни на минуту не забывать о низвержении самодержавия», вести «агитацию не только на почве повседневной борьбы наемного труда с капиталом» и пр. и пр. А завтра они меняют способ выражения и принимаются за старое под видом защиты стихийности, поступательного хода серой, текущей борьбы, превознесения требований, сулящих осязательные результаты, и т. п. Продолжая утверждать, что в статьях № 10 «Союз не видел и не видит никакого еретического отступления от общих принципов проекта конференции» («Два съезда», с. 26), «Союз» обнаруживает этим только полную неспособность или нежелание понять суть разногласий.

После № 10 «Р. Д.» нам оставалось сделать только одну попытку: начать общую дискуссию, чтобы убедиться, солидарен ли весь «Союз» с этими статьями и с своей редакцией. «Союз» особенно недоволен нами за это, обвиняя нас в попытке посеять рознь в «Союзе», в вмешательстве не в свое дело и проч. Обвинения явно неосновательные, ибо при выборной редакции, «поворачивающей» при самом легком ветерке, все зависит именно от направления ветра, и мы определяли это направление в закрытых заседаниях, на которых, кроме членов собравшихся объединяться организаций, никого не было. Внесение от имени «Союза» поправок к июньским резолюциям отняло у нас и последнюю тень надежды на соглашение. Поправки документально засвидетельствовали новый поворот к экономизму и солидарность боль-

---

полного прекращения шатаний, которые мы преследовали «уловлением». Всякий беспристрастный человек, прочитав июньские резолюции, именно так только и поймет их. Если же «Союз» теперь, после того как он *вызвал* разрыв своим новым поворотом к экономизму (в статьях № 10 и в поправках), обвиняет нас торжественно в *неправде* («Два съезда», с. 30) за эти слова об его заслугах, то такое обвинение способно вызвать, конечно, только улыбку.

шинства «Союза» с № 10 «Р. Д.». Из круга проявлений оппортунизма вычеркивался «т.-наз. экономизм» (ввиду якобы «неопределенности смысла» этих трех слов, — хотя из такой мотивировки вытекает лишь необходимость более точно определить сущность широко распространенного заблуждения), вычеркивался и «мильеранизм» (хотя Б. Кричевский защищал его и в «Р. Д.» № 2—3, стр. 83—4 и еще прямее в «Vorwärts'e» *)). Несмотря на то, что июньские резолюции определенно указали задачу социал-демократии — «руководить *всякими* проявлениями борьбы пролетариата против *всех* форм политического, *экономического* и социального угнетения», требуя тем самым внесения планомерности и единства во все эти проявления борьбы, — «Союз» добавлял еще совершенно лишние слова, что «экономическая борьба является могучим стимулом массового движения» (сами по себе эти слова бесспорны, но, при существовании узкого «экономизма», они не могли не дать повода к лжетолкованиям). Мало того, в июньские резолюции вносилось даже прямое *сужение* «политики» как посредством удаления слов «ни на минуту» (не забывать о цели низвержения самодержавия), так и посредством добавления слов, что «экономическая борьба есть *наиболее широко* применимое средство для вовлечения массы в активную политическую борьбу». Понятно, что после внесения таких поправок все ораторы нашей стороны стали один за другим отказываться от слова, находя совершенно бесполезным дальнейшие переговоры с людьми, опять поворачивающими к экономизму и обеспечивающими себе свободу шатания.

«Именно то, что Союз считал условием sine qua non **) прочности будущего соглашения, т.-е. сохранения самостоятельной физиономии «Р. Д.» и его автономии, — именно это «Искра» считала камнем преткновения для соглашения» («Два съезда», стр. 25). Это очень неточно. На автономию «Р. Дела» мы никогда не посягали ***). Самостоятельность его физиономии мы действительно *безусловно отвергали*, если понимать под этим «самостоятельную физиономию» в принципиальных вопросах теории и тактики: июньские резолюции именно и содержат в себе безусловное отрицание *такой* самостоятельности физиономии, ибо эта «самостоятельность физиономии» на практике всегда означала, повторяем, всяческие шатания и поддержку этими шатаниями господствующего у нас и невыносимого в партийном

*) В «Vorwärts'e» началась полемика по этому поводу между теперешней редакцией его, Каутским и «Зарей». Мы не преминем познакомить русских читателей с этой полемикой [241]).

**) — абсолютно необходимым. *Ред.*

***) Если не считать стеснением автономии те редакционные совещания в связи с учреждением общего верховного совета объединенных организаций, на которые согласилось в июне и «Раб. Дело».

отношении разброда. Статьями в № 10 и «поправками» «Рабочее Дело» ясно показало свое желание сохранить за собою именно эту самостоятельность физиономии, а такое желание естественно и неизбежно повело к разрыву и объявлению войны. Но мы все готовы были признать «самостоятельную физиономию» «Р. Д.» в смысле сосредоточения его на определенных литературных функциях. Правильное распределение этих функций напрашивалось само собою: 1. научный журнал, 2. политическая газета и 3. популярные сборники и популярные брошюры. Только согласие «Р. Д.» на такое распределение доказало бы *искреннее* желание его свести окончательно счеты с теми заблуждениями, против которых направлены июньские резолюции, только такое распределение устранило бы всякую возможность трений и обеспечило на самом деле прочность соглашения, послужив в то же время базисом для нового подъема нашего движения и новых успехов его.

Теперь ни один русский социал-демократ не может уже сомневаться в том, что окончательный разрыв революционного направления с оппортунистическим вызван не «организационными» какими-либо обстоятельствами, а именно желанием оппортунистов упрочить самостоятельную физиономию оппортунизма и продолжать вносить в умы путаницу рассуждениями Кричевских и Мартыновых.

ПОПРАВКА К «ЧТО ДЕЛАТЬ?» [242]).

«Группа Инициаторов», о которой я рассказываю в брошюре «Что делать?», стр. 141 *), просит меня сделать следующую поправку к изложению ее участия в попытке примирения заграничных социал-демократических организаций: «Из трех членов этой группы только один вышел из «Союза» в конце 1900 года, остальные же в 1901 году, лишь после того, как они убедились в невозможности добиться от «Союза» согласия на конференцию с заграничной организацией «Искры» и «Революционной организацией Социал-Демократ»,— в чем и состояло предложение «Группы Инициаторов». Это предложение администрация «Союза» сначала отвергла, мотивируя свой отказ от конференции «некомпетентностью» лиц, входящих в состав посреднической «Группы Инициаторов», при чем выразила желание войти в непосредственные сношения с заграничной организацией «Искры». Вскоре однако администрация «Союза» известила «Группу Инициаторов», что она после появления первого номера «Искры», в котором напечатана заметка о расколе в «Союзе», изменила свое решение и не желает входить в сношения с «Искрой». Как объяснить после этого заявление члена администрации «Союза», что отказ «Союза» от конференции был вызван *исключительно* недовольством последнего составом «Группы Инициаторов»? Правда, непонятно также согласие администрации «Союза» на конференцию в июне прошлого года: ведь заметка в первом номере «Искры» осталась в силе, а «отрицательное» отношение «Искры» к «Союзу» еще яснее выступило в первой книжке «Зари» и 4-м номере «Искры», появившихся до июньской конференции».

«Искра» № 19, 1 апреля 1902 г.

---

*) См. настоящий том, стр. 502. *Ред.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА, ОТНОСЯЩИХСЯ К ПЕРИОДУ: ЯНВАРЬ 1900 Г. — ЯНВАРЬ 1902 Г., ДО СЕГО ВРЕМЕНИ НЕ РАЗЫСКАННЫХ.

ДОКЛАД «ИСКРЫ» НЕСОСТОЯВШЕМУСЯ В МАЕ 1900 г. «ВТОРОМУ» СЪЕЗДУ Р. С.-Д. Р. П.

Рассказав в «Что делать?» о попытке созыва съезда партии (съезд предполагалось созвать в мае 1900 г. в Смоленске) и о приглашении на этот съезд группы «Искра» (Ленин, Мартов, Потресов), Вл. Ильич пишет далее (стр. 483 настоящего тома):

«...группа «Искры» получает указание о месте и времени съезда, но (не уверенная, можно ли ей будет, по некоторым причинам, послать делегата на этот съезд) составляет также письменный доклад съезду. В этом докладе проводится та мысль, что одним выбором Центрального Комитета мы не только не решим вопроса об объединении в такое время полного разброда, как переживаемое нами, но и рискуем компрометировать великую идею создания партии в случае нового быстрого и полного провала, который более чем вероятен при господствующей неконспиративности; что надо начать поэтому с приглашения всех комитетов и всех других организаций поддерживать возобновленный общий орган, который *реально* свяжет все комитеты *фактической* связью, *реально* подготовит группу руководителей всем движением, — а превратить такую созданную комитетами группу в Ц. К. комитеты и партия легко уже сумеют, раз такая группа вырастет и окрепнет. Съезд однако не осуществляется вследствие ряда провалов, и доклад по конспиративным соображениям уничтожается, будучи прочтен только несколькими товарищами, в том числе уполномоченными одного комитета».

Названный Вл. И. доклад следует, повидимому, считать для нас окончательно утраченным, если только, что маловероятно, с него не была в свое время снята копия.

* * *

Сводка неразысканных писем Вл. Ильича за период с января 1900 г. по январь 1902 г. будет дана в последних томах этого издания, содержащих письма Вл. Ильича.

СПИСОК ЗАМЕТОК В №№ 1—16 «ИСКРЫ», АВТОРОМ КОТОРЫХ, ВОЗМОЖНО, ЯВЛЯЕТСЯ ВЛ. ИЛЬИЧ:

1. *С.-Петербург.* («Искра» № 1, декабрь 1900 г. Отдел: Из партии.)
2. *Безработица.* («Искра» № 2, февраль 1901 г. Отдел: Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов.)
3. *Библиографическая заметка: «Социал-демократическая рабочая библиотека».* («Искра» № 2, февраль 1901 г. Отдел: Из партии.)
4. *Петербург.* («Искра» № 3, апрель 1901 г. Отдел: Из нашей общественной жизни.)
5. *Секретный документ.* («Искра» № 5, июль 1901 г. Отдел: Из нашей общественной жизни.) См. примечание 54-ое к настоящему тому.
6. *Инцидент в Екатеринославском земстве.* («Искра» № 7, август 1901 г. Отдел: Из нашей общественной жизни.)
7. *Земский съезд.* («Искра» № 8, 10 сентября 1901 г. Отдел: Из нашей общественной жизни.)
8. *Вятские «штрейкбрехеры».* («Искра» № 9, октябрь 1901 г. Отдел: Из нашей общественной жизни.)
9. *Новые рогатки.* (Там же.)

II. СПИСОК ИЗДАНИЙ ПЕРИОДА ЯНВАРЬ 1900 Г.— ЯНВАРЬ 1902 Г., В РЕДАКТИРОВАНИИ КОТОРЫХ ПРИНИМАЛ УЧАСТИЕ В. И. ЛЕНИН.

За период с января 1900 г. по январь (включительно) 1902 года Вл. И. принимал участие в редактировании следующих изданий:

1) ГАЗЕТА «ИСКРА»:

№ 1 — декабрь 1900 г.
№ 2 — февраль 1901 »
№ 3 — апрель 1901 »
№ 4 — май 1901 »
№ 5 — июнь 1901 »
№ 6 — июль 1901 »
№ 7 — август 1901 »
№ 8 — 10 сентября 1901 г.
№ 9 — октябрь 1901 г. (с приложением: «В защиту Иваново-Вознесенских рабочих»).
№ 10 — ноябрь 1901 г.
№ 11 — 20 ноября 1901 г.
№ 12 — 6 декабря 1901 »
№ 13 — 20 декабря 1901 »
№ 14 — 1 января 1902 »
№ 15 — 15 января 1902 »
№ 16 — 1 февраля 1902 »

2) ЖУРНАЛ «ЗАРЯ»:

№ 1 — апрель 1901 г.
№ 2-3 — декабрь 1901 г.

3) БРОШЮРЫ:

[*О. А. Ерманский*]. «Майские дни в Харькове». Издание «Искры». [Лейпциг]. Январь 1901 г.

[*Н. К. Крупская*]. «Женщина-работница». Издание «Искры». [Лейпциг]. Февраль 1901 г.

Документы «объединительного» съезда. Издание Лиги Русской Революционной Социал-Демократии. Женева. 1901 г.

4) ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ:

Декларация, оглашенная представителем «Зари — Искры» и революционной организации «Социал-Демократ» на «объединительном» съезде 5 октября 1901 г. Вл. И. принимал участие не только в редактировании декларации, но, вероятно, и в составлении ее. Оглашена декларация на съезде Ф. Даном. Напечатана в документах «объединительного» съезда. Перепечатана ниже. (См. «Документы и материалы», № 4, стр. 539.)

Заявление Заграничной Лиги Русской Революционной Социал-Демократии. Выпущено отдельным листком в конце 1901 г. Перепечатано ниже. (См. «Документы и материалы», № 3, стр. 538.)

* * *

Какие-либо переводные работы Вл. И. за данный период редакции неизвестны.

III. УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТ И ИСТОЧНИКОВ, УПОМИНАЕМЫХ В. И. ЛЕНИНЫМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ IV ТОМА.

АДРЕС ТВЕРСКОГО ДВОРЯНСТВА 2 ФЕВРАЛЯ 1862 Г. («Колокол», № 126, 22 марта 1862 г.).—124.

АДРЕС ФИНЛЯНДСКОГО НАРОДА 17 (30) СЕНТЯБРЯ 1901 Г.—335—337.

АКСЕЛЬРОД, П. Б.—Историческое положение и взаимное отношение либеральной и социалистической демократии в России. Издание «Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии». Типография «Союза Русских Социал-Демократов». Перев. с немецк. Г. Антонова. Женева. 1898. Стр. 34.—152.

— К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов. Два письма в «Рабочую Газету», писанные в 1897 г. Предисловие датировано: Март 1898. Издание «Союза Русских Социал-Демократов». Женева. 1898. Стр. 34.—10, 40, 380, 395, 420, 432.

А. П. Г.—Кто виноват в г. Стаховиче? («Московские Ведомости», № 348, 18 декабря 1901 г.).—353—354.

Б—В.—см. САВИНКОВ, Б.

БЕЛЬТОВ, Н. [ПЛЕХАНОВ, Г. В.] —К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ гг. Михайловскому, Кареева и Комп. СПБ. 1895. Стр. 287.—400.

БЕРДЯЕВ, Н.—Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском. С предисловием П. Струве. С.-Петербург. 1901. Стр. LXXXIV + + IV + 267 + III + II.—152.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА О БРОШЮРЕ ЛЕНИНА: «ЗАДАЧИ РУССКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ». С предисловием П. Б. Аксельрода. Женева. 1898. («Рабочее Дело», № 1, апрель 1899 г. Стр. 139—142.)—395, 465.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА О БРОШЮРЕ-ОТЧЕТЕ: «4 СЪЕЗД БУНДА»—см. МАРТОВ, Ю. О.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА: «РАБОЧАЯ МЫСЛЬ», №№ 1—3. См. И., В. (ИВАНЬШИН, В.).

БЛЕКЛОВ, С. М.—Отчет по обследованию Днепровского уезда в течение мая и июня 1901 г. Гектографированное издание. Август 1901 г. Стр. 53.—319—320.

БОРЬБА С ГОЛОДАЮЩИМИ—см. ЛЕНИН, В. И.

БУЛГАКОВ, С. — Капитализм и земледелие. Т. I. С.-Петербург. 1900 (предисловие помечено 23 окт. 1900 г.). Стр. 338 + IV. — Т. 2. С.-Петербург. 1900 г. Стр. 458 + V. — 180 — 190, 192 — 193, 196 — 200, 202 — 205, 208, 210, 220, 228 — 230, 238 — 240, 244, 246 — 250, 252, 254, 256, 262 — 263, 268, 272, 378.

— К вопросу о капиталистической эволюции земледелия. «Начало», январь — февраль, № 1 — 2, 1899 г., стр. 1 — 20; «Начало», март, № 3, 1899 г., стр. 25 — 36. — 179, 203, 214, 217, 222, 238, 255 — 256, 261.

БУРЦЕВ, В. — За сто лет (1800 — 1896). Сборник по истории политических и общественных движений в России (в двух частях). Фонд В. Р. П. № 23. При редакционном участии С. М. Кравчинского (Степняка). 1897. London. Ч. I — стр. VI + 267. Ч. II — стр. 161. — 125, 154.

ВАДЕМЕКУМ (VADEMECUM) — см. ПЛЕХАНОВ, Г. В.

ВЕББ, СИДНЕЙ И БЕАТРИСА. — Теория и практика английского трэд-юнионизма (Industrial Democracy). Перевод с английского Владимира Ильина. Экономическая библиотека под общей редакцией П. Струве. Издание О. Н. Поповой. Том I — СПБ. 1900. Том II — СПБ. 1901. Стр. (в обоих томах) XVI + 768. — 408, 470.

«ВЕЛИКОРУСС», №№ 1 — 3, 1862 г. — 125.

«ВЕРА И РАЗУМ», № 8, 1901 г. И. Преображенский. — Письмо к преосвященному Амвросию, архиепископу харьковскому. — 325 — 327.

«ВЕСТНИК ЕВРОПЫ», № 10, 1886 г. К. Д. Кавелин. — Письмо к С. Корсаковой 20 марта 1865 г. — 133.

ВОЗЗВАНИЕ ГРУППЫ САМООСВОБОЖДЕНИЯ РАБОЧИХ (РАБОЧЕГО КЛАССА). Перепечатка с оттиска скорописной машины. С.-Петербург. Март. 1899 г. («Накануне». Социально-революционное обозрение. London. Год I, № 7. Июль 1899. Стр. 79 — 80). — 38, 394, 402.

ВОЗРОЖДЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОНИЗМА В РОССИИ. Издание революционно-социалистической группы «Свобода». 1901. Стр. IV + 80. — 420 — 421, 441, 456 — 457.

ВРЕМЕННЫЕ ПРАВИЛА 29 ИЮЛЯ 1899 Г. ОБ ОТБЫВАНИИ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ ВОСПИТАННИКАМИ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ, УДАЛЯЕМЫХ ИЗ СИХ ЗАВЕДЕНИЙ ЗА УЧИНЕНИЕ СКОПОМ БЕСПОРЯДКОВ. («Правительственный Вестник», № 165, 31 июля (12 августа) 1899 г.) — 69 — 71.

ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ ДОКЛАД МИНИСТРА ФИНАНСОВ ПО ПОВОДУ РОСПИСИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДОХОДОВ И РАСХОДОВ НА 1902 Г. («Правительственный Вестник», № 1, 1 (14) января 1902 г.) — 348 — 352.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛЕНИЕ, УТВЕРЖДЕННОЕ 8 ИЮНЯ 1901 Г., ОБ ОТВОДЕ ЧАСТНЫМ ЛИЦАМ КАЗЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ В СИБИРИ. («Правительственный Вестник», № 167, 31 июля (13 августа) 1901 г.; «Московские Ведомости», № 210, 2 августа 1901 г.) — 169 — 173.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЕ 15 СЕНТЯБРЯ 1901 Г. ВРЕМЕННЫЕ ПРАВИЛА ОБ УЧАСТИИ НАСЕЛЕНИЯ ПОСТРАДАВШИХ ОТ НЕУРОЖАЯ МЕСТНОСТЕЙ В РАБОТАХ, ПРОИЗВОДИМЫХ РАСПОРЯЖЕНИЕМ ВЕДОМСТВ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ И ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИМУЩЕСТВ. («Правительственный Вестник», № 208, 22 сентября (5 октября) 1901 г.) — 285 — 287, 305 — 309.

ВЫСОЧАЙШИЕ ПОВЕЛЕНИЯ О ЗАКРЫТИИ НЫНЕШНЕГО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЗЕМСКОГО СОБРАНИЯ И ПРИОСТАНОВЛЕНИИ В С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ ДЕЙСТВИЯ ПОЛОЖЕНИЯ О ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ. («Северная Почта», № 13, 17 (29) января 1867 г.) — 132.

ВЯТСКИЕ «ШТРЕЙКБРЕХЕРЫ». — Из нашей общественной жизни. («Искра», № 9, октябрь 1901 г.) — 319, 434.

ГЕРТЦ, Фр. О. — Аграрные вопросы. С предисловием Э. Бернштейна. Перев. А. Ильинского. Редакция Д. Протопопова. С.-Петербург. 1900. Издание товарищества «Знание». Стр. 323. — 198—199, 201—202, 204, 211—212, 214—215, 217, 223, 229—230, 236, 238—240, 248, 268—269.

ГОЛОД ИДЕТ! («Искра», № 6, июль 1901 г.) — 280, 293.

ДАВИД, Э. — Социализм и сельское хозяйство. Перевод Г. Гросмана, СПБ. 1906 г. Стр. VIII + 550. — 201.

ДВА СЪЕЗДА. — III-й очередной съезд Союза и «объединительный» съезд. Издание «Союза Русских Социал-Демократов». Женева. 1901 г. Стр. 34. — 332—333, 341, 377, 379, 400, 403—407, 425, 434—435, 450, 466—467, 503—506.

ДОКЛАД О РУССКОМ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОМУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ КОНГРЕССУ В ПАРИЖЕ 1900 Г. Издание «Союза Русских Социал-Демократов». Женева. 1901. Стр. 38. — 471.

ДОКУМЕНТЫ «ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОГО» СЪЕЗДА. 1901 г. Издание Лиги Русской Революционной Социал-Демократии. — 332, 503.

ДРАГОМАНОВ, М. — Либерализм и земство в России. — 1. Земский либерализм в России (1858—1883) — пометка: напис. 28 ноября 1888 г. 2. Самодержавие, местное управление и независимый суд. — 21 янв. 1889 г. (отдельный оттиск из 1-го №-ра «Свободной России»). Genève. Женева. 1889. Стр. 64. — 124—125, 134, 139.

[ЕРМОЛОВ, А. С.]. — Неурожай и народное бедствие. С.-Петербург. 1892. Стр. 270. — 170.

ЕЩЕ О ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВРАТЕ НАШИХ ДНЕЙ — см. МАРТОВ, Ю. О.

«ЖИЗНЬ», №№ 1 и 2, 1901 г. В. Ильин. — Капитализм в сельском хозяйстве. — О книге Каутского и о статье г. Булгакова. — 180.

— №№ 3—4, 1901 г. П. Маслов. — К аграрному вопросу. (Критика критиков.) — 195—196, 206.

«ЗАРЯ», № 1, 1901 г. Н. Рязанов. — Замечания на программу «Рабочего Дела». — 503.

— № 1, 1901 г. Старовер [А. Н. Потресов]. — Что случилось? — 372.

— № 1, 1901 г. Т. Х. [В. И. Ленин]. — Случайные заметки. — 322.

— № 2—3, 1901 г. В. Засулич. — Библиографическая заметка, посвященная двум изданиям «революционно-социалистической» группы «Свобода» — брошюре «Возрождение революционизма в России» и журналу «Свобода». — 466.

ЗАСУЛИЧ, В. — Библиографическая заметка, посвященная двум изданиям «революционно-социалистической» группы «Свобода» — брошюре «Возрождение революционизма в России» и журналу «Свобода». («Заря», № 2—3, декабрь 1901 г., стр. 349—354.) — 466.

— По поводу современных событий. («Искра», № 3, апрель 1901 г.) — 433.

— Революционеры из буржуазной среды. («Социал-Демократ». Трехмесячное литературно-политическое обозрение. Февраль. Книга I. Лондон. 1890. Стр. 50—87.) — 137.

ЗАЯВЛЕНИЕ ЗАГРАНИЧНОЙ ЛИГИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ. (Отдельный листок.) 1901 г. — 283.

ЗАЯВЛЕНИЕ РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ». (Отдельный листок.) 1900 г. — 68, 378.

«ЗЕМСКАЯ ДУМА», апрель 1862 г. (Прокламация.) — 125.

ЗЕМСКИЙ СЪЕЗД. — Из нашей общественной жизни. («Искра», № 8, 10 сентября 1901 г.) — 433.

ЗНАМЕНСКИЙ, Н. А. — Третий элемент. («Московские Ведомости», № 279, 10 октября 1901 г.) — 320.
И[ВАНЬШИН], В. — Библиографическая заметка: «Рабочая Мысль», орган петербургских рабочих, №№ 1—3. («Листок Работника», № 9—10. Ноябрь 1898 г. Стр. 46—47.) — 388, 394, 396.
ИНЦИДЕНТ В ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОМ ЗЕМСТВЕ. («Искра», № 7, август 1901 г.) — 318—319, 434.
ИЛЬИН, В. — Капитализм в сельском хозяйстве. — О книге Каутского и о статье г. Булгакова. («Жизнь», 1901 г., № 1, стр. 84—110, и № 2, стр. 59—68.) — 180.
«ИСКРА», № 1, 1900 г. [В. И. Ленин]. — Насущные задачи нашего движения. — 397, 399.
— № 1, 1900 г. [В. И. Ленин]. — Раскол в Заграничном Союзе Русских Социал-Демократов. — 502.
— № 2, 1901 г. Безработица. (Отдел: «Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов».) — 167.
— № 2, 1901 г. — На «великой сибирской магистрали». — 349.
— № 2, 1901 г. [Г. В. Плеханов]. — На пороге двадцатого века. — 369.
— № 2, 1901 г. [В. И. Ленин]. — Отдача в солдаты 183-х студентов. — 416, 433.
— № 2 и № 4, 1901 г. [П. Б. Струве]. — Самодержавие и земство. — 432—433.
— № 3, 1901 г. В. Засулич. — По поводу современных событий. — 433.
— № 3, 1901 г. Москва. — 433.
— № 3, 1901 г. [В. И. Ленин]. — Рабочая партия и крестьянство. — 432—433.
— № 4, 1901 г. Корреспонденция из Иваново-Вознесенска. (Отдел: «Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов».) — 167.
— № 4, 1901 г. [В. И. Ленин]. — С чего начать? — 363, 397, 429, 443, 479—481, 484, 496, 503.
— № 4, 1901 г. Ярославль. — 318.
— № 5, 1901 г. Крамола во Владимире на Клязьме. — 318.
— № 5, 1901 г. [В. И. Ленин]. — Новое побоище. — 287—288.
— № 5, 1901 г. Первое мая в России. (Отдел: «Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов».) — 115.
— № 5, 1901 г. Полицейский набег на литературу. — 433—434.
— № 5, 1901 г. Старовер [А. Н. Потресов]. — О бессмысленных мечтаниях. — 433.
— № 6, 1901 г. Голод идет! — 280, 293.
— № 6, 1901 г. Обуховский завод. (Отдел: «Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов».) — 287.
— № 6, 1901 г. [В. И. Ленин]. — Ценное признание. — 434.
— № 6, 1901 г. Циркуляр министерства внутренних дел 5 июня 1901 г. о высылке литераторов из Петербурга. — 299.
— № 6, 1901 г. Циркуляр 11 мая 1901 г. Главного Управления по делам печати. — 158.
— № 7, 1901 г. [Ю. О. Мартов]. — Библиографическая заметка о брошюре-отчете: «4 съезд Бунда». — 482.
— № 7, 1901 г. Инцидент в Екатеринославском земстве. — 318—319, 434.
— № 8, 1901 г. Земский съезд. — 433.
— № 8, 1901 г. [В. И. Ленин]. — Крепостники за работой. — 433.

«ИСКРА», № 8, 1901 г. Письмо Ц. К. Бунда в редакцию «Искры». 29 августа (11 сентября) 1901 г. — 482.
— № 9, 1901 г. [В. И. Ленин]. — Борьба с голодающими. — 351.
— № 9, 1901 г. Вятские «штрейкбрехеры». — 319, 434.
— № 9, 1901 г. Новые рогатки. — 300.
— № 9, 1901 г. Обвинительный акт по делу о майских беспорядках на Обуховском заводе. — 287.
— № 10, 1901 г. [Ю. О. Мартов]. — Еще о политическом разврате наших дней. — 375.
— № 12, 1901 г. [В. И. Ленин]. — Беседа с защитниками экономизма. — 364.
— № 12, 1901 г. Письмо в русские социал-демократические органы группы товарищей. (Сентябрь 1901 г.) — 339 — 341, 343, 354, 376, 378, 386, 390, 392, 402, 431 — 433, 435, 442, 486.
— № 12, 1901 г. [Ю. О. Мартов]. — Юбилей Казанской площади в С.-Петербурге. — 345.
ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ. (Листок «Рабочего Дела»; № 6, апрель 1901 г. Издание Союза Русских Социал-Демократов. Женева. Подпись статьи: Редакция «Раб. Дела». Стр. 1 — 6.) — 107 — 109, 493, 503.
КАВЕЛИН, К. Д. — Письмо к С. Корсаковой 20 марта 1865 г. («Вестник Европы», № 10, 1886 г., стр. 757 — 758.) — 133.
КАНУН РЕВОЛЮЦИИ. — Непериодическое обозрение вопросов теории и тактики. Под редакцией Л. Надеждина. № 1. 1901 г. Издание «революционно-социалистической» группы «Свобода». Стр. 132. — 355, 479, 484, 486 — 489, 495.
[КОВАЛЕВСКИЙ, М. М.]. — Конституция графа Лорис-Меликова. 1893. Издание Фонда Русской Вольной Прессы, вып. 7, Лондон, стр. 43. — 137, 145.
«КОЛОКОЛ», № 126. 1862 г. Адрес тверского дворянства 2 февраля 1862 г. — 124.
КОНГРЕСС ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ [В ШТУТГАРТЕ]. («Рабочее Дело», № 2 — 3, август 1899 г., стр. 65 — 72.) — 371.
КОНГРЕСС ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ В ГАННОВЕРЕ. Статья датирована 22 (10) октября 1899 г. («Рабочее Дело», № 4 — 5, сентябрь-декабрь 1899 г., стр. 25 — 37.) — 372.
КОНСТИТУЦИЯ ГРАФА ЛОРИС-МЕЛИКОВА — см. КОВАЛЕВСКИЙ, М. М.
КОШЕЛЕВ, А. — Конституция, самодержавие и земская дума. — Лейпциг. 1862 г. Стр. IV + 59. — 127 — 128.
КРАМОЛА ВО ВЛАДИМИРЕ НА КЛЯЗЬМЕ. («Искра», № 5, июнь 1901 г. Отдел: «Из нашей общественной жизни».) — 318.
КРЕДО (CREDO) — документ, написанный Е. Кусковой. 1899 г. — 6, 38, 55, 375 — 376, 390, 392, 396, 419, 434, 461, 500.
[КРЕМЕР, А.]. — Об агитации. С послесловием П. Аксельрода. Издание Союза Русских Социал-Демократов. 1896 г. Стр. 43. Предисловие издателей помечено: июнь 1896 г. — 385.
КРЕПОСТНИКИ ЗА РАБОТОЙ — см. ЛЕНИН, В. И.
КРИЧЕВСКИЙ, Б. — Принципы, тактика и борьба. («Рабочее Дело», № 10, сентябрь 1901 г. Стр. 1 — 36.) — 369 — 370, 378, 383, 397, 399 — 401, 443 — 444, 465, 479.
К[РИЧЕВСКИЙ], Б. — Тревожное время во Франции. Дата: начало июля. («Рабочее Дело», № 2 — 3, август 1899 г. Стр. 76 — 85.) — 371, 506.
КРИЧЕВСКИЙ, Б. — Экономическая и политическая борьба в русском рабочем движении. («Рабочее Дело», № 7, август 1900 г., стр. 1 — 22.) — 396, 406.

КТО СОВЕРШИТ ПОЛИТИЧЕСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ? — см. САНИН, А. А.
ЛАЗАРЕВ, А. — Раскол в русской социал-демократической партии. («Накануне», №№ 15 и 16 за апрель и май 1900 г.) — 468.
— По поводу одного раскола. («Накануне», № 17—18 за июнь 1900 г.) — 468.
[ЛЕНИН, В. И.] — Беседа с защитниками экономизма. («Искра», № 12, 6 декабря 1901 г.) — 364.
— Борьба с голодающими. («Искра», № 9, октябрь 1901 г.) — 351.
[ЛЕНИН, В. И.] — Задачи русских социал-демократов. С предисловием П. Аксельрода. Изд. Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии. Женева. Типография «Союза Русских Социал-Демократов». 1898. Стр. 32. — 157, 164, 395, 465, 482.
— Крепостники за работой. («Искра», № 8, 10 сентября 1901 г.) — 433.
— Насущные задачи нашего движения. («Искра», № 1, декабрь 1900 г.) — 397, 399.
— Насущный вопрос. 1899 г. (Рукопись.) — 483.
— Наша ближайшая задача. 1899 г. (Рукопись.) — 482.
— Наша программа. 1899 г. (Рукопись.) — 482.
— Новое побоище. («Искра», № 5, июнь 1901 г.) — 287 — 288.
— Новый фабричный закон. Издание Росс. Соц.-Дем. Рабоч. Партии. Женева. Типография «Союза Русских Социал-Демократов». 1899 г. Стр. 52. — 482.
— Отдача в солдаты 183-х студентов. («Искра», № 2, февраль 1901 г.) — 416, 433.
— О чем думают наши министры? 1895 г. (Рукопись.) — 385.
— Передовая статья из «Рабочего Дела» (рукописного), декабрь 1895 г. — 385.
— Проект заявления редакции «Искры» и «Зари» (Отдельный листок 1900 г.) — 20 — 21.
— Проект программы нашей партии. 1899 г. (Рукопись.) — 8, 105.
— Проект формальных отношений «Искры» и Группы «Освобождение Труда». 1900 г. (Рукопись.) — 30 — 31.
— Протест российских социал-демократов. (Оттиск из № 4—5 «Рабочего Дела», декабрь 1899 г.) — 396.
— Рабочая партия и крестьянство. («Искра», № 3, апрель 1901 г.) — 432 — 433.
— Раскол в Заграничном Союзе Русских Социал-Демократов. («Искра», № 1, декабрь 1900 г.) — 502.
— Случайные заметки. («Заря», № 1, 1901 г.) — 322.
— С чего начать? («Искра», № 4, май 1901 г.) — 363, 397, 429, 443, 479 — 481, 484, 496, 503.
— Ценное признание. («Искра», № 6, июль 1901 г.) — 434.
— см. также: ИЛЬИН, В.; Т. Х.
ЛЕНИН, Н. — Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения. Stuttgart. Verlag von J. H. W. Dietz Nachf. Штутгарт. Издание наследников И. Г. В. Дитца. 1902. Стр. VII + 144. Предисловие датировано: февраль 1902. — 508.
«ЛИСТОК», № 3, 1862 г. П. В. Долгоруков. — Взгляд на основные положения судоустройства и судопроизводства и земских учреждений. — 154 — 155.
— № 18, 1864 г. П. В. Долгоруков. — О земских учреждениях. — 154 — 155.
«ЛИСТОК НАРОДНОЙ ВОЛИ», № 2, 1880 г. [П. К. Михайловский]. — К характеристике Лорис-Меликова. — 135.

«ЛИСТОК РАБОТНИКА», № 9—10, 1898 г. В. И[ваньшин].—Библиографическая заметка: «Рабочая Мысль», орган петербургских рабочих, № 1—3.—388, 394, 396.
— № 9—10, 1898 г. Устав рабочей кассы, выработанный СПБ. рабочими.—387, 393, 450.
«ЛИСТОК «РАБОЧЕГО ДЕЛА»», № 6, 1901 г. Исторический поворот.—107—109, 493, 503.
МАЙСКИЕ ДНИ В ХАРЬКОВЕ.—Издание «Искры». Январь. 1901 г. Стр. VI + 17.—47, 49.
МАНИФЕСТ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ. 1898.—7, 11, 39, 336.
МАРКС, К.—Критика готской программы. («Замечания на программу германской рабочей партии».)—379.
МАРКС, К. и ЭНГЕЛЬС, ФР.—Манифест Коммунистической Партии.—218, 355—366.
[МАРТОВ, Ю. О.].—Библиографическая заметка о брошюре-отчете: «4 съезд Бунда». («Искра», № 7, август 1901 г.)—482.
— Еще о политическом разврате наших дней. («Искра», № 10, ноябрь 1901 г.)—375.
— Рабочее дело в России. Издание «Союза русских социал-демократов». Женева. 1899 г. Стр. 90.—11, 482.
— Юбилей Казанской площади в С.-Петербурге. («Искра», № 12, 6 декабря 1901 г.)—345.
МАРТЫНОВ, А.—Обличительная литература и пролетарская борьба. («Рабочее Дело», № 10, сентябрь 1901 г. Стр. 37—64.)—343, 402, 405, 408—414, 416, 423—424, 426—428, 479, 487.
— Очередные вопросы. («Рабочее Дело», № 9, май 1901 г. Стр. 42—75.)—411.
— Социал-демократия и рабочий класс.—Два течения в русской социал-демократии. Издание Союза Русских Социал-Демократов. Женева. 1901 г. Стр. 32.—403—404, 420.
МАСЛОВ, П.—К аграрному вопросу. (Критика критиков.) («Жизнь», 1901 г., № 3, стр. 162—186, № 4, стр. 63—100.)—195—196, 206.
МАТЕРИАЛЫ К ХАРАКТЕРИСТИКЕ НАШЕГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ. Сборник статей. С.-Петербург. 1895. Часть I. Стр. 232. Ч. 2. Стр. 259 + III.—374.
МНЕНИЯ ЗЕМСКИХ СОБРАНИЙ О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ РОССИИ. Berlin (Берлин). 1883. (Написано в авг. 1882 г.) Стр. 107.—136.
МОЛОДАЯ РОССИЯ. (Прокламация. 1862 г.)—125.
«МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ», №№ 20—27, 20—27 января 1901 г. Узаконения и распоряжения правительства.—96.
— № 252, 13 (26) сентября 1901 г. «Недостаток гласности». (Из отдела: Дневник печати.)—304.
— № 258, 19 сентября 1901 г. «Новый циркуляр об общественных работах».—301.
— № 263, 1901 г. Стачка земских статистиков.—320.
— № 268, 29 сентября (12 октября) 1901 г. Печально-знаменательная речь. (Передовая статья.)—322.
— № 269, 1901 г. С. Нилус.— г. Стахович на миссионерском съезде в Орле. Поправка к речи г. Стаховича. (Открытое письмо о г. Стаховиче и к г. Стаховичу.)—323—325.
— № 279, 1901 г. Н. А. Знаменский.—Третий элемент.—320.
— № 348, 1901 г. А. П. Г.—Кто виноват в г. Стаховиче?—353—354.
«НАКАНУНЕ», № 7, 1899 г. Воззвание группы «Самоосвобождения рабочих».—394, 402,

«НАКАНУНЕ», № 7, 1899 г. Е. Серебряков. — По поводу воззвания группы «Самоосвобождения рабочих». — 468 — 469.
— №№ 15 и 16, 1900 г. А. Лазарев. — Раскол в русской социал-демократической партии. — 468.
— №№ 17—18, 1900 г. А. Лазарев. — По поводу одного раскола. — 468.
НА ПОРОГЕ ДВАДЦАТОГО ВЕКА — см. ПЛЕХАНОВ, Г. В.
НА СЛАВНОМ ПОСТУ. (1860—1900.) Литературный сборник, посвященный Н. К. Михайловскому (1900 г.). Ч. 1 — стр. 230. Ч. 2 — стр. 516. — 126.
НАСУЩНЫЕ ЗАДАЧИ НАШЕГО ДВИЖЕНИЯ — см. ЛЕНИН, В. И.
НАСУЩНЫЙ ВОПРОС — см. ЛЕНИН, В. И.
«НАЧАЛО», №№ 1—2 и 3, 1899 г., С. Булгаков. — К вопросу о капиталистической эволюции земледелия. — 179, 203, 214, 217, 222, 238, 255 — 256, 261.
НАША БЛИЖАЙШАЯ ЗАДАЧА — см. ЛЕНИН, В. И.
НАША ПРОГРАММА — см. ЛЕНИН, В. И.
НЕУРОЖАЙ И НАРОДНОЕ БЕДСТВИЕ — см. ЕРМОЛОВ, А. С.
НИКИТЕНКО, А. В. — Записки и дневник (1826 — 1877). С.-Петербург. 1893 г. Т. 1. Стр. VIII + 588. Т. 2. Стр. 498. Т. 3. Стр. 458. — 124, 132.
НИКОЛАЙ —ОН. — Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. С.-Петербург. 1893 г. (предисл. март 1893 г.). Стр. XVI + 353 + 16 таблиц. — 312.
НИЛУС, С. — Г. Стахович на миссионерском съезде в Орле. Поправка к речи г. Стаховича. Открытое письмо о г. Стаховиче и к г. Стаховичу. («Московские Ведомости», № 269, 30 сентября 1901 г.) — 323 — 325.
«НОВОЕ ВРЕМЯ», № 9049, 9 (22) мая 1901 г. (Правительственное сообщение о событиях на Обуховском заводе 7 мая.) — 115 — 117.
— № 9051, 11 (24) мая 1901 г. По поводу рабочих беспорядков. — 158, 160 — 162.
— № 9188, 2 (15) октября 1901 г. («Новые успехи русской торговли с Персией».) — 314.
— № 9191, 5 (18) октября 1901 г. А. Суворин. — «Маленькие письма». — 322.
— № 9195, 9 (22) октября 1901 г. — «Внутренние известия». — 301.
НОВОЕ ПОБОИЩЕ — см. ЛЕНИН, В. И.
НОВЫЕ РОГАТКИ («Искра», № 9, октябрь 1901 г.). — 300.
ОБ АГИТАЦИИ — см. КРЕМЕР, А.
ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ ПО ДЕЛУ О МАЙСКИХ БЕСПОРЯДКАХ НА ОБУХОВСКОМ ЗАВОДЕ. («Искра», № 9, октябрь 1901 г.) — 287.
ОБЗОР ТАБАКОВОДСТВА В РОССИИ — см. ЩЕРБАЧЕВ, В. С.
ОБЪЯВЛЕНИЕ О ВОЗОБНОВЛЕНИИ ИЗДАНИЙ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА». Стр. 8. Издание Союза Русских Социал-Демократов. Женева. 1900. — 7, 379.
О ПРОДОВОЛЬСТВИИ СКОТА В МЕСТНОСТЯХ, ПОСТРАДАВШИХ ОТ НЕУРОЖАЯ. («Саратовский Вестник», № 187, 29 августа 1901 г.) — 301 — 302.
ОРГАНИЗАЦИЯ. («Свобода». Журнал для рабочих. Издание революционно-социалистической группы «Свобода», № 1, 1901 г. Стр. 61 — 80.) — 418, 453 — 454, 457, 462, 470, 473 — 475, 489.
«ОРЛОВСКИЙ ВЕСТНИК», № 273, 11 октября 1900 г. — Чрезвычайное Орловское собрание. — 91 — 94.
ОТВЕТ РЕДАКЦИИ «РАБОЧЕГО ДЕЛА» НА «ПИСЬМО» П. АКСЕЛЬРОДА и «VADEMECUM» Г. ПЛЕХАНОВА. — Издание Союза Русских Социал-Демократов. Женева. 1900 г. Стр. 80. — 395 — 396, 411, 441 — 442, 445.
ОТДАЧА В СОЛДАТЫ 183-х СТУДЕНТОВ — см. ЛЕНИН, В. И.

ОТДЕЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РАБОЧЕЙ МЫСЛИ». — Издание Петербургского «Союза» — сентябрь 1899 г. Петербург. [Берлин.] Стр. 34. — 6, 33, 55, 147, 378, 402, 411.

ОТ ЗЕМСКОГО ОТДЕЛА МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ. («Правительственный Вестник», № 203, 16 (29) сентября 1901 г.) — 302—303.

ОТ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ. «С.-Петербургские Ведомости», № 10, 11 (24) января 1901 г. — 69.

ОТ ПЕТЕРБУРГСКОГО СОЮЗА БОРЬБЫ. («Рабочая Мысль», № 12, июль 1901 г.) — 281.

О ЧЕМ ДУМАЮТ НАШИ МИНИСТРЫ? — см. ЛЕНИН, В. И.

ПАНТЕЛЕЕВ, Л. — Из воспоминаний о 60-х годах. (Стр. 314—326, 2-ой части сборника «На славном посту». 1900 г.)—126—127.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО К ГОЛОДАЮЩИМ КРЕСТЬЯНАМ. Прокламация «Группы народовольцев». 1892 г. — 279.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ИЗ «РАБОЧЕГО ДЕЛА» (рукописного, декабрь 1895 г.) — см. ЛЕНИН, В. И.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ИЗ «РАБОЧЕЙ МЫСЛИ», № 1, октябрь 1897 г. Перепечатана в «Листке Работника», № 9 — 10, ноябрь 1898. (См. II том Сочинений, стр. 611.) — 388 — 389.

ПЕЧАЛЬНО-ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ («Московские Ведомости», № 268, 29 сентября (12 октября) 1901 г.) — 322.

ПИСАРЕВ, Д. И. — Промахи незрелой мысли. (Полное собрание сочинений. Изд. Ф. Павленкова. СПБ. 1894 г., том IV, стр. 197—246.)—492—493.

ПИСЬМО В РУССКИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ОРГАНЫ ГРУППЫ ТОВАРИЩЕЙ. — Сентябрь 1901 г. «Искра», № 12, 6 октября 1901 г. — 339 — 341, 343, 354, 376, 378, 386, 390, 392, 402, 431 — 433, 435, 442, 486.

ПИСЬМО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА «НАРОДНОЙ ВОЛИ» К АЛЕКСАНДРУ III от 10 марта 1881 г. — 146.

ПИСЬМО Ц. К. БУНДА В РЕДАКЦИЮ «ИСКРЫ» 29 АВГУСТА (11 СЕНТЯБРЯ) 1901 Г. («Искра», № 8, 10 сентября.) — 482.

ПЛЕХАНОВ, Г. В.—VADEMECUM ДЛЯ РЕДАКЦИИ «РАБОЧЕГО ДЕЛА». Сборник материалов, изданный Группою «Освобождение Труда». Февраль 1900 г. XLVIII + 67. — 376, 445.

[ПЛЕХАНОВ, Г. В.]. — На пороге двадцатого века. («Искра» № 2, февраль 1901 г.) — 369.

ПЛЕХАНОВ, Г. — О задачах социалистов в борьбе с голодом в России. — Письма к молодым товарищам. (Библиотека современного социализма. Выпуск десятый. Женева. Типография «Социал-Демократа». 1892. Стр. 89.) — 48 — 49, 412.

— см. также: БЕЛЬТОВ, Н.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ НАБЕГ НА ЛИТЕРАТУРУ. — Из нашей общественной жизни. («Искра», № 5, июнь 1901 г.) — 433 — 434.

ПО ПОВОДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ — см. ЛЕНИН, В. И.

ПО ПОВОДУ РАБОЧИХ БЕСПОРЯДКОВ. — «Новое Время», № 9051, 11 (24) мая 1901 г. — 158, 160 — 162.

[ПОТРЕСОВ, А. Н.]. — О бессмысленных мечтаниях. («Искра», № 5, июнь 1901 г.) — 433.

— см. также: СТАРОВЕР.

(ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ О СОБЫТИЯХ НА ОБУХОВСКОМ ЗАВОДЕ 7 МАЯ 1901 Г.) [«Новое Время», № 9049, 9 (22) мая 1901 г.] — 115 — 117.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВЕСТНИК, № 186, 20 августа (1 сентября) 1878 г. — Правительственные сообщения. — 135.

— № 165, 1899 г. Временные правила 29 июля 1899 г. об отбывании воинской повинности воспитанниками

высших учебных заведений, удаляемых из сих заведений за учинение скопом беспорядков.— 69—71.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВЕСТНИК, № 188, 1900 г. Циркулярная телеграмма управляющего министерством иностранных дел 12 августа 1900 г. Российским Представителям за границей для информации правительств соответствующих стран.—61—62.

— № 167, 1901 г. Высочайшее повеление, утвержденное 8 июня 1901 г. об отводе частным лицам казенных земель в Сибири.—169—173.

— № 182, 1901 г. Циркуляр министерства внутренних дел начальникам губерний, пострадавших от неурожая. (№ 20, 17 августа 1901 г.)—275—280, 286—287, 295—298, 303, 306—307, 312, 314.

— № 203, 1901 г. От земского отдела министерства внутренних дел.—302—303.

— № 208, 1901 г., Высочайше утвержденные 15 сентября 1901 г. временные правила об участии населения пострадавших от неурожая местностей в работах, производимых распоряжением ведомств путей сообщения и земледелия и государственных имуществ.—285—287, 305—309.

— № 1, 1902 г. Всеподданнейший доклад министра финансов по поводу росписи государственных доходов и расходов на 1902 г.—348—352.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, И.—Письмо к преосвященному Амвросию, архиепископу харьковскому. («Вера и Разум», № 8, 1901 г. Два характерных письма, стр. 457—462.)—325—327.

ПРОГРАММА ПЕРИОДИЧЕСКОГО ОРГАНА СОЮЗА РУССКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ «РАБОЧЕЕ ДЕЛО».—«Рабочее Дело», № 1, апрель 1899 г., стр. 1—10. (Отдельный оттиск из № 1 «Рабочего Дела».)—379, 396, 405.

ПРОЕКТ АДРЕСА АЛЕКСАНДРУ II, ПРИЛОЖЕННЫЙ К «ВЕЛИКОРУССУ». (1861 г.)—125.

ПРОЕКТ ЗАЯВЛЕНИЯ РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ» и «ЗАРИ»—см. ЛЕНИН, В. И.

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ НАШЕЙ ПАРТИИ—см. ЛЕНИН, В. И.

ПРОЕКТ ФОРМАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ «ИСКРЫ» И ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»—см. ЛЕНИН, В. И.

ПРОКОПОВИЧ, С. Н.—Рабочее движение на Западе. Опыт критического исследования. Том I. Германия, Бельгия. С.-Петербург. 1899 г., ч. I. 212+120.—392.

«ПРОЛЕТАРСКАЯ БОРЬБА», № 1, 1889 г. (Издание «Уральской соц.-дем. группы».)—354, 441.

ПРОТЕСТ РОССИЙСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ С ПОСЛЕСЛОВИЕМ ОТ РЕДАКЦИИ «РАБОЧЕГО ДЕЛА». Оттиск из № 4—5 «Рабочего Дела». Стр. 15. Издание Союза Русских Социал-Демократов. Женева. 1899.—396.

ПРОФЕССИОН ДЕ ФОА (PROFESSION DE FOI) КИЕВСКОГО КОМИТЕТА. (Рукопись. 1899 г.)—376.

«РАБОЧАЯ МЫСЛЬ», № 12, 1901 г. От Петербургского союза борьбы.—281.

РАБОЧАЯ ПАРТИЯ И КРЕСТЬЯНСТВО—см. ЛЕНИН, В. И.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ХАРЬКОВЕ. (Отчет Харьковского Комитета Р.С.-Д.Р.П.) Издание Союза Русских Социал-Демократов, Женева, Сентябрь 1900 г. Стр. 15.—51.

«РАБОЧЕЕ ДЕЛО», № 1, 1899 г., Библиографическая заметка о брошюре В. И. Ленина: «Задачи русских социал-демократов». — 395, 465.
— № 1, 1899 г. Программа периодического органа Союза Русских Социал-Демократов «Рабочее Дело». — 379, 396, 405.
— № 2—3, 1899 г. Б. Кричевский. — Тревожное время во Франции. — 371, 506.
— № 2—3, 1899 г. Конгресс Германской социал-демократической партии [в Штутгарте]. — 371.
— № 4—5, 1899 г. Конгресс социал-демократической рабочей партии в Ганновере. — 372.
— № 6, 1900 г. Б. [Савинко] в. — Петербургское движение и практические задачи социал-демократов. — 418, 440, 442, 459, 462, 467.
— № 7, 1900 г. Б. Кричевский. — Экономическая и политическая борьба в русском рабочем движении. — 396, 406.
— № 9, 1901 г. А. Мартынов. — Очередные вопросы. — 411.
— № 10, 1901 г. Б. Кричевский. — Принципы, тактика и борьба. — 369—370, 378, 383, 397, 399—401, 443—444, 465, 479.
— № 10, 1901 г. А. Мартынов. — Обличительная литература и пролетарская борьба. — 343, 402, 405, 408—414, 416, 423—424, 426—428, 479, 487.
РАБОЧЕЕ ДЕЛО В РОССИИ — см. МАРТОВ, Ю. О.
РАСКОЛ В ЗАГРАНИЧНОМ СОЮЗЕ РУССКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ — см. ЛЕНИН, В. И.
РЕЧЬ Г. УПРАВЛЯЮЩЕГО ГУБЕРНИЕЙ (КОНДОИДИ), СКАЗАННАЯ 11 ЯНВАРЯ ПРИ ОТКРЫТИИ ОЧЕРЕДНОЙ СЕССИИ ГУБЕРНСКОГО ЗЕМСКОГО СОБРАНИЯ. («Самарская Газета», № 9, 13 января 1900 г.) — 315—317.
РЕЧЬ ОДНОГО ИЗ УЕЗДНЫХ ПРЕДВОДИТЕЛЕЙ ДВОРЯНСТВА НА ЧАСТНОМ СОБРАНИИ ПРЕДВОДИТЕЛЕЙ ПО ПОВОДУ СТУДЕНЧЕСКИХ ДЕЛ. (1901 г. Гектографировано.) — 327—330.
РЕЧЬ П. А. АЛЕКСЕЕВА. Рабочая Библиотека. Выпуск третий. Женева. Издание Русского Социал-Демократического Союза. 1889. Стр. 13.—59.
Р. М. — Наша действительность. (Отдельное приложение к «Рабочей Мысли». Издание Петербургского «Союза». Сентябрь 1899 г. Петербург (Берлин)). — 147—148, 398, 413—414, 444.
Р. Н. С. — Предисловие и примечания к конфиденциальной записке министра финансов С. Ю. Витте «Самодержавие и земство». Печатано «Зарей». Stuttgart. Verlag von J. H. Dietz Nachf. 1901, стр. XLIV. — 143—156, 357.
«РУССКИЕ ВЕДОМОСТИ», № 244 от 4 (17) сентября 1901 г. Бугурусланский уезд. — 313—314.
«РУССКОЕ БОГАТСТВО», №№ 4, 7, 8, 10, 1900 г. В. Чернов. — Типы капиталистической и аграрной эволюции. — 179, 211—215, 220—221, 223—225, 243.
— № 11, 1900 г. В. Чернов. — К вопросу о капиталистической аграрной эволюции. — 220.
РЯЗАНОВ, Н. — Замечания на программу «Рабочего Дела». («Заря», № 1, апрель 1901 г., стр. 118—136.) — 503.
САВИНКОВ, Б. — Петербургское движение и практические задачи социал-демократов. («Рабочее Дело», № 6, апрель 1900 г., стр. 28—42.) — 418, 440, 442, 459, 462, 467.
«САМАРСКАЯ ГАЗЕТА», № 9, 1900 г. Речь г. Управляющего губернией (Кондоиди), сказанная 11 января при открытии очередной сессии Губернского Земского Собрания. — 315—317.

САМОДЕРЖАВИЕ И ЗЕМСТВО. — Конфиденциальная записка министра финансов, статс-секретаря С. Ю. Витте (1899 г.). С предисловием и примечаниями Р. Н. С. Печатано «Зарей». Stuttgart. Verlag von J. H. W. Dietz Nachf. Штутгарт. Издание Наследников И. Г. В. Дитца. 1901 г. Предисловие: стр. XLIV. Текст: стр. 212.—123 — 125, 129 — 131, 134 — 143, 145, 150, 357.

САМОДЕРЖАВИЕ И ЗЕМСТВО — см. СТРУВЕ, П. Б.

САНИН, А. А. — Кто совершит политическую революцию? (Сборник «Пролетарская борьба», № 1, 1899 г. Издание «Уральской социал-демократической группы».) — 441, 446.

«САРАТОВСКИЙ ВЕСТНИК», № 187, 29 августа 1901 г. «О продовольствии скота в местностях, пострадавших от неурожая». — 301 — 302.

«СВОБОДА», № 1, 1901 г. Журнал для рабочих. Издание революционно-социалистической группы «Свобода». Женева. VIII + + 72 + 87 + IX + 80. — 418, 441, 453 — 454, 457, 462, 470, 473 — 475.

«СЕВЕРНАЯ ПОЧТА», № 13, 17 (29) января 1867 г. — Высочайшие повеления о закрытии нынешнего С.-Петербургского губернского земского собрания и приостановлении в С.-Петербургской губернии действия положения о земских учреждениях. — 132.

СЕРЕБРЯКОВ, Е. — По поводу воззвания группы «Самоосвобождения рабочих». («Накануне». Социально-революционное обозрение. London. Год I, № 7, июль 1899 г. Стр. 78 — 79.) — 468, 469.

«СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ», I, 1890 г. В. Засулич.—Революционеры из буржуазной среды. — 137.

С.-ПЕТЕРБУРГ ПО ПЕРЕПИСИ 15 ДЕКАБРЯ 1890 ГОДА — см. ЯНСОН, Ю. Э.

«С.-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕДОМОСТИ», № 239, 1 сентября 1900 г. Москва (от нашего корреспондента). — 95.

— № 10, 1901 г. От министерства народного просвещения. — 69.

СТАРОВЕР [ПОТРЕСОВ, А. Н.]. — Что случилось? («Заря», № 1, апрель 1901 г., стр. 47 — 74.) — 372.

СТАЧКА ЗЕМСКИХ СТАТИСТИКОВ. («Московские Ведомости», № 263, 24 сентября 1901 г.) — 320.

СТРУВЕ, П. — Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Выпуск I. СПБ. 1894. X + 291. Предисловие: 23 июня 1894. — 185, 249.

[СТРУВЕ, П. Б.]. — Самодержавие и земство. («Искра», № 2 и № 4, февраль и май 1901 г.) — 432 — 433.

— см. также: Р. Н. С.

СУВОРИН, А. — «Маленькие письма», CDXIX. («Новое Время», № 9191, 5 (18) октября 1901 г.) — 322.

С ЧЕГО НАЧАТЬ? — см. ЛЕНИН, В. И.

ТАЙНЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ЗАКОНУ 2-ГО ИЮНЯ 1897 ГОДА. — Издание Р.С.-Д.Р.П. Типография Союза Русских Социал-Демократов. Женева. 1898. стр. 66. — 160.

«ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ГАЗЕТА», № 109, 16 (29) мая 1901 г. Ярмарки. — 234.

Т. Х. — Случайные заметки — см. ЛЕНИН, В. И.

УЛОЖЕНИЕ О НАКАЗАНИЯХ УГОЛОВНЫХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ 1885 Г. — 80, 84.

УСПЕНСКИЙ, Г. И. — Федор Михайлович Решетников. (Сочинения. Изд. Ф. Павленкова. II. 1891 г. Том 2.) — 90.

УСТАВ РАБОЧЕЙ КАССЫ, ВЫРАБОТАННЫЙ В СПБ. РАБОЧИМИ. Из № 1 «Рабочей Мысли». (Листок «Работника», № 9—10. Ноябрь 1898 г., стр. 46—47.)—387, 393, 450.
УСТАВ СОЮЗНОЙ РАБОЧЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ. (Отдельный листок.) СПБ. 1900.—450—452, 470.
ЦЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ—см. ЛЕНИН, В. И.
ЦИРКУЛЯР МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НАЧАЛЬНИКАМ ГУБЕРНИЙ, ПОСТРАДАВШИХ ОТ НЕУРОЖАЯ—№ 20, 17 августа 1901 г. («Правительственный Вестник», № 182, 19 августа (1 сентября) 1901 г.)—275—280, 286—287, 295—298, 303, 306—307, 312—314.
ЦИРКУЛЯР МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ 5 ИЮНЯ 1901 Г. О ВЫСЫЛКЕ ЛИТЕРАТОРОВ ИЗ ПЕТЕРБУРГА. («Искра», № 6, июль 1901 г.)—299.
ЦИРКУЛЯРНАЯ ТЕЛЕГРАММА УПРАВЛЯЮЩЕГО МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ 12 АВГУСТА 1900 Г. РОССИЙСКИМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ЗА ГРАНИЦЕЙ ДЛЯ ИНФОРМАЦИИ ПРАВИТЕЛЬСТВ СООТВЕТСТВУЮЩИХ СТРАН. («Правительственный Вестник», № 188, 19 августа (1 сентября) 1900 г.)—61—62.
ЦИРКУЛЯР 11 МАЯ 1901 Г. ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ. («Искра», № 6, июль 1901 г.)—158.
ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ОРЛОВСКОЕ СОБРАНИЕ. («Орловский Вестник», № 273, 11 октября 1900 г.)—91—94.
ЧЕРНОВ, В.—К вопросу о капиталистической аграрной эволюции. («Русское Богатство», № 11, ноябрь 1900 г., стр. 232—248.)—220.
— Крестьянин и рабочий, как категории хозяйственного строя. (Стр. 157—197 2-й части сборника «На славном посту». 1900 г.)—215, 220, 221.
— Типы капиталистической и аграрной эволюции. («Русское Богатство», апрель, № 4, 1900 г. Стр. 127—157.—«Р. Б.», июль № 7, 1900 г., стр. 153—169.—«Р. Б.», авг. № 8, стр. 200—239. «Р. Б.», окт. № 10, стр. 212—258.—179, 211—215, 220—221, 223—225, 243.
ШАХОВСКОЙ, Н.—Сельско-хозяйственные отхожие промыслы. Москва. 1896. Стр. VII + 253 + II.—234.
ЩЕРБАЧЕВ, В. С.—Обзор табаководства в России. Выпуск II и III. СПБ. 1894. Стр. II + 192.—267.
ЮБИЛЕЙ КАЗАНСКОЙ ПЛОЩАДИ В С.-ПЕТЕРБУРГЕ—см. МАРТОВ, Ю. О.
[ЯНСОН, Ю. Э.].—С.-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. Издание Городской Управы по статистическому отделению под редакцией Ю. Э. Янсона. С.-Петербург. Часть I. Выпуск I. 1891 г. Стр. XXX + 93.—Часть I. Выпуск 2. 1892. 75.—270.
ЯРМАРКИ (Заметка)—«Торгово-Промышленная Газета», № 109, 16/29 мая 1901 г.—234.

НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ.

ABHANDLUNGEN DES STAATWISSENSCHAFTLICHEN SEMINARS ZU JENA. Herausgegeben von Dr. J. Pierstorff. Erster Band. Viertes Heft.—L. Huschke. Landwirtschaftliche Reinertrags-Berechnungen bei Klein-, Mittel- und Grossbetrieb dargelegt an typischen Beispielen Mittelthüringens. Jena. 1902. S.S. IV + 184.—238.
ARCHIV FÜR SOZIALE GESETZGEBUNG UND STATISTIK. Zeitschrift zur Erforschung der Gesellschaftlichen Zustände aller Länder in Verbindung mit einer Reihe namhafter Fachmänner des In- und Auslandes,

herausgegeben von Dr. Heinrich Braun. Fünfzehnter Band. Berlin. 1900. — O. Pringsheim. Landwirtschaftliche Manufaktur und Elektrische Landwirtschaft. S.S. 406 — 418. — 206 — 209.

AUHAGEN, H. (АУГАГЕН, Г.) — Über Grossbetrieb und Kleinbetrieb in der Landwirtschaft. (Landwirtschaftliche Jahrbücher. Zeitschrift für wissenschaftliche Landwirtschaft und Archiv des Königlich-Preussischen Landes-Ökonomie-Kollegiums. Herausgegeben von Dr. H. Thiel. 25 Band. Berlin. 1896). (О крупном и мелком производстве в сельском хозяйстве. «Сельско-хозяйственные ежегодники». Журнал научного земледелия и архив королевско-прусской коллегии по экономике сельского хозяйства. Издание Г. Тиля. 25 том. Берлин. 1896 г.) — 229.

BÄUERLICHE ZUSTÄNDE IN DEUTSCHLAND. Bd. I. («ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН В ГЕРМАНИИ», том I.) «Die Grenzboten». Zeitschrift für Politik, Literatur und Kunst. Leipzig. 1883. (Журнал политики, литературы и искусства. Лейпциг. 1883.) — 238 — 240.

BENSING, FRANZ. (БЕНЗИНГ, ФР.) — Der Einfluss der landwirtschaftlichen Maschinen aufs Volks-und Privatwirtschaft. Breslau. 1898 (внутри на обложке — 1897), S. S. 205. («Влияние сельско-хозяйственных машин на народное и частновладельческое хозяйство». Бреславль. 1898. стр. 205.) — 199, 201.

BIBLIOTHEK RUSSISCHER DENKWÜRDIGKEITEN, herausgegeben von Theodor Schiemann. Vierter Band. БИБЛИОТЕКА РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ, издаваемая Т. Шиманом. Т. IV. Konstantin Kawelins und Iwan Turgenews social-politischer Briefwechsel mit Alexander Iw. Herzen. Mit Beilagen und Erläuterungen herausgegeben von Prof. Michail Dragomanow. — Autorisierte Übersetzung aus dem Russischen von Dr. B. Minzes. Stuttgart. 1894. S.S. XVI + 232. (Социально-политическая переписка К. Кавелина и И. Тургенева с А. И. Герценом. С приложениями и примечаниями проф. М. Драгоманова. Авторизованный перевод с русского Б. Минцес. Штутгарт. 1894. Стр. XVI + 232.) — 128 — 129.

DAVID, EDUARD. (ДАВИД, Э.) — Bäuerliche Barbaren. («Sozialistische Monatshefte». Internationale Revue des Sozialismus. Dritter Jahrgang. 1899. Berlin. No. 2. Februar. S.S. 62 — 71.) Крестьянские варвары. («Социалистический ежемесячник». Международное социалистическое обозрение. 3-й год издания. 1899. Берлин. № 2. Февраль. Стр. 62 — 71.) — 201, 223.

DIE DEUTSCHE VOLKSWIRTSCHAFT AM SCHLUSSE DES 19 JAHRHUNDERTS. (НЕМЕЦКОЕ НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО В КОНЦЕ XIX ВЕКА.) Auf Grund der Ergebnisse der Berufs- und Gewerbezählung von 1895 und nach anderen Quellen bearbeitet im Kaiserlichen Statistischen Amt. Berlin. 1900. S.S. VII + 209. (Составлено королевским статистическим департаментом на основе результатов переписи профессий и занятий 1895 г. и по другим источникам. Берлин. 1900. Стр. VII + 209.) — 267.

DIE NEUE ZEIT. 18 Jahrgang, I Band, 1899 — 1900. No. 10 (292 — 300), No. 11 (338 — 346), No. 12 (363 — 368), No. 14 (428 — 436), No. 15 (470 — 477). Статья: K. Kautsky. — Zwei Kritiker meiner «Agrarfrage». — 212 — 215, 229.

— No. 18. 1900 — 1901. XIX Jahrgang. I Band. S.S. 565 — 572. Статья: K. Kautsky. — Die Elektrizität in der Landwirtschaft. — 206.

— No. 27, 1900 — 1901. II Band. XIX Jahrgang. S.S. 20 — 28. — Статья: K. Kautsky. — Tolstoi und Brentano. — 216 — 217.

DIE NEUE ZEIT. No. 3, 19 Oktober 1901. XX Jahrgang, I Band. 1901—1902. S.S. 68—82. Статья: K. Kautsky.—Die Revision des Programms der Sozialdemokratie in Österreich.—390.

DITTENBERGER (ДИТТЕНБЕРГЕР)—статья в «Bäuerliche Zustände in Deutschland» (см.).—239.

ENGELS, FR. (ЭНГЕЛЬС, ФР.)—Zur Wohnungsfrage. Separatabdruck aus dem «Volksstaat» von 1872. Zweite, durchgesehene Auflage. Höttingen—Zürich. 1887. S.S. 72. (К жилищному вопросу. Отдельный оттиск из «Народного государства» 1872 г. 2-ое, просмотренное издание. Геттинген—Цюрих. 1887. Стр. 72.)—218, 221, 222.

— Der deutsche Bauernkrieg. Dritter Abdruck. Leipzig. 1875. S.S. 120. (Крестьянская война в Германии. Третье издание. Лейпциг. 1875. Стр. 120.)—381, 382.

— Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft. (Anti-Dühring.) Dritte, durchgesehene und vermehrte Auflage. Stuttgart. 1894. S.S. XX + 354. (Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом.—Антидюринг.—Третье, просмотренное и дополненное издание. Штутгарт. 1894. Стр. XX + 354.)—218, 219.

— Vorrede zur dritten Auflage: «Der Achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte» von Karl Marx. Hamburg. 1885. S. S. III—IV. (Предисловие к 3 изданию работы Карла Маркса: «18 брюмера Луи Бонапарта». Гамбург. 1885. Стр. III—IV.)—367.

ERHEBUNGEN ÜBER DIE LAGE DER LANDWIRTSCHAFT IM GROSSHERZOGTHUM BADEN. 1883. I—IV. (ОБСЛЕДОВАНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ВЕЛИКОМ ГЕРЦОГСТВЕ БАДЕНСКОМ. 1883.)—240—245.

HECHT, M. (ГЕХТ, М.)—Drei Dörfer des badischen Hard. Leipzig. 1895. (Три деревни баденского Гарда. Лейпциг. 1895.)—223, 224, 225, 226, 227, 228, 229.

HERTZ, FR. O. (ГЕРЦ, ФР. О.)—Die Agrarischen Fragen im Verhältnis zum Sozialismus. Mit einer Vorrede von Ed. Bernstein. Wien. 1899. S.S. VII + 141. (Аграрные вопросы в их связи с социализмом. С предисловием Э. Бернштейна. Вена. 1899. Стр. VII + 141.)—198, 199, 201, 204, 212, 214, 215, 217, 223, 230, 236, 238, 240, 248, 268, 269.

HUSCHKE, LEO. (ГУШКЕ, Л.)—Landwirtschaftliche Reinertrags-Berechnungen bei Klein-, Mittel- und Grossbetrieb dargelegt an typischen Beispielen Mittelthüringens. Jena. 1902. Из серии: Abhandlungen des staatwissenschaftlichen Seminars zu Jena, herausgegeben von Dr. J. Pierstorff. Erster Band. Viertes Heft. S.S. IV + 184. (Исчисление доходности с мелкой, средней и крупной сельскохозяйственной промышленности, установленное на типичных примерах средней Тюрингии. Иена. 1902. Из серии: Работы семинария по общественным наукам в Иене, изданные И. Пирсторфом. I том. Выпуск IV. Стр. IV + 184.)—238.

KAUTSKY, K. (КАУТСКИЙ, К.)—Der Parlamentarismus, die Volksgesetzgebung und die Sozialdemokratie. Stuttgart. Dietz. S.S. VIII + 139. 1893. (Парламентаризм, народное законодательство и социал-демократия. Штутгарт. Изд. Дитца. Стр. VIII + 139. 1893.)—470.

— Die Agrarfrage. Eine Übersicht über die Tendenzen der modernen Landwirtschaft und die Agrarpolitik der Sozialdemokratie. Stuttgart. 1899. S.S. VIII +

451. (Аграрный вопрос. Обзор тенденций современного сельского хозяйства и аграрная политика социал-демократии. Штутгарт. 1899. Стр. VIII + 451.) — 203, 205, 206, 208, 209, 213 — 216, 219 — 221, 223, 229, 246.

KAUTSKY, K. (КАУТСКИЙ, К.) — Die Elektrizität in der Landwirtschaft. Die Neue Zeit, No. 18, 1900 — 1901. XIX Jahrgang. I Band. S.S. 565 — 572. (Электрификация в сельском хозяйстве. «Новое Время», № 18, 1900 — 1901. XIX год издания. I том. Стр. 565 — 572.) — 206.

— Die Revision des Programms der Sozialdemokratie in Österreich. (Die Neue Zeit, No. 3, 19 Oktober 1901. XX Jahrgang, I Band, 1901 — 1902. S.S. 68 — 82.) (Пересмотр программы австрийской социал-демократии. «Новое Время», № 3, октябрь 1901. XX год издания. I том, 1901 — 1902. Стр. 68 — 82.) — 390.

— Tolstoi und Brentano. Die Neue Zeit. No. 27. 1900 — 1901. II Band. XIX Jahrgang. S.S. 20 — 28. (Толстой и Брентано. «Новое Время», № 27, 1900 — 1901. II том, XIX год издания. Стр. 20 — 28.) — 216, 217.

— Zwei Kritiker meiner «Agrarfrage». Die Neue Zeit. 18 Jahrgang, I Band, 1899 — 1900. No. 10 (292 — 300), No. 11 (338 — 346), No. 12 (363 — 368), No. 14 (428 — 436), No. 15 (470 — 477). (Два критика моего «Аграрного вопроса». «Новое Время», XVIII год издания, I том, 1899 — 1900.) — 212 — 215, 229.

KLAWKI, KARL. (КЛАВКИ, КАРЛ.) — Über Konkurrenzfähigkeit des landwirtschaftlichen Kleinbetriebes. (Landwirtschaftliche Jahrbücher. Zeitschrift für wissenschaftliche Landwirtschaft und Archiv des Königlich Preussischen Landes-Ökonomie-Kollegiums. Herausgegeben von Dr. H. Thiel. 18. Band. Berlin. 1899. S.S. 363 — 484). (О конкуренто-способности сельскохозяйственного мелкого производства. «Сельскохозяйственные ежегодники». Журнал научного земледелия и архив королевско-прусской коллегии по экономике сельского хозяйства. Издание Г. Тиля. XVIII том. Берлин. 1899. Стр. 363 — 484.) — 230 — 237, 259.

LANDWIRTSCHAFTLICHE JAHRBÜCHER. ZEITSCHRIFT FÜR WISSENSCHAFTLICHE LANDWIRTSCHAFT UND ARCHIV DES KÖNIGLICH PREUSSISCHEN LANDES-ÖKONOMIE-KOLLEGIUMS. Herausgegeben von Dr. H. Thiel. 25 Band. 1896. Статья: Auhagen, H. Über Grossbetrieb und Kleinbetrieb in der Landwirtschaft. — 229.

— 18 Band. Berlin. 1899. Статья: K. Klawki. Über Konkurrenzfähigkeit des landwirtschaftlichen Kleinbetriebes. S.S. 363 — 484. — 230 — 237, 259.

LASSALLE, F. (ЛАССАЛЬ, Ф.) — Briefe von F. Lassalle an Karl Marx und Friedrich Engels. 1849 — 1862. Stuttgart. 1902. S.S. XVI + 307. (Письма Ф. Лассаля к К. Марксу и Фр. Энгельсу. 1849 — 1862. Штутгарт. 1902. Стр. XVI + 307.) — 344, 359.

LEHMAN, C., und PARVUS. (ЛЕМАН, К., и ПАРВУС.) — Das hungernde Russland. — Reiseindrücke, Beobachtungen und Untersuchungen. Stuttgart. 1900. S.S. V + 536. («Голодающая Россия». Впечатления в пути, наблюдения и исследования. Штутгарт. 1900. Стр. V + 536.) — 94, 95.

MACK, P. (МАК, П.) — Der Aufschwung unseres Landswirtschaftsbetriebes durch Verbilligung der Produktionskosten. Eine Untersuchung über den Dienst den Maschinentechnik und Elektrizität der Landwirt-

schaftbieten. 1900. Koenigsberg. (Подъем нашего сельско-хозяйственного производства благодаря удешевлению издержек производства. Исследование об услугах, оказываемых машинной техникой и электрификацией сельскому хозяйству. 1900. Кенигсберг.) — 207, 209.

MARX, K. (МАРКС, К.) — Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Dritter Band, zweiter Teil. Buch III. Herausgegeben von Friedrich Engels. Hamburg. 1894. S.S. IV + 422. (Капитал. Критика политической экономии. III том, 2-ая часть. Книга 3. Издание Фр. Энгельса. Гамбург. 1894. Стр. IV + 422.) — 186 — 188, 192, 243.

— Der Achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte. Dritte Auflage. Hamburg. 1885. S.S. VI + 108. (18 брюмера Луи Бонапарта. 3-ье издание. Гамбург. 1885. Стр. VI + 108.) — 494.

— Theorien über den Mehrwert. Aus dem nachgelassenen Manuskript «Zur Kritik der politischen Ökonomie». Herausgegeben von Karl Kautsky. II. David Ricardo. Zweiter Teil. Stuttgart. 1905. S.S. IV + 384. (Теории прибавочной стоимости. Из посмертной рукописи «К критике политической экономии», изданной К. Каутским. — Давид Рикардо. 2-ая часть. Штутгарт. 1905. Стр. IV + 384.) — 195.

MEHRING, FR. (МЕРИНГ, ФР.) — Geschichte der Deutschen Sozialdemokratie. Zweiter Theil. 1863 bis 1891. Stuttgart. 1898. S.S. VI + 568. (История германской социал-демократии. Вторая часть. 1863 — 1891. Штутгарт. 1898. Стр. VI + 568.) — 398.

PRINGSHEIM, OTTO. (ПРИНГСГЕЙМ, О.) — Landwirtschaftliche Manufaktur und elektrische Landwirtschaft. (Archiv für Soziale Gesetzgebung und Statistik. Zeitschrift zur Erforschung der Gesellschaftlichen Zustände aller Länder in Verbindung mit einer Reihe namhafter Fachmänner des In- und Auslandes, herausgegeben von Dr. Heinrich Braun. Fünfzehnter Band. Berlin. 1900.) Статья на S.S. 406 — 418. (Сельско-хозяйственная мануфактура и электрифицированное сельское хозяйство. Архив социального законодательства и статистики. Исследование социального положения всех стран, издаваемое Г. Брауном совместно с рядом выдающихся немецких и иностранных специалистов. Том XV. Берлин. 1900. Стр. 406 — 418.) — 206 — 209.

RANKE (РАНКЕ) — статья в «Bäuerliche Zustände in Deutschland» (см.) — 240.

«REVUE DES DEUX MONDES». («Обозрение старого и нового мира».) XXXIX. 1862, 15 Juin. Charles de Mazade. La Russie sous l'empereur Alexandre II. (Шарль Мазад. Россия в царствование императора Александра II.) — 124.

SEUFFERHELD, A. (ЗЕЙФФЕРГЕЛЬД, А.) — Die Anwendung der Elektrizität im landwirtschaftlichen Betriebe, aus eigener Erfahrung mitgeteilt. Stuttgart. 1899. (Применение электричества в сельско-хозяйственном производстве. Сообщение на основе личного опыта. Штутгарт. 1899.) — 206.

SOZIALISTISCHE MONATSHEFTE. Internationale Revue des Sozialismus. Dritter Jahrgang. 1899. Berlin. No. 2. Februar. — Статья: E. David. — Bäuerliche Barbaren. S.S. 62 — 71. — 201, 223.

SPRENGER (ШПРЕНГЕР.) — Die Lage der Landwirtschaft in Baden. Karlsruhe. 1884. (Положение сельского хозяйства в Бадене. Карлсруэ. 1884.) — 244.

STATISTIQUE AGRICOLE DE LA FRANCE. Publiée par le ministère de l'Agriculture. Résultats généraux de l'enquête Décennale de 1892.

*

Paris. 1897. (Аграрная статистика Франции. Опубликовано министерством земледелия. Общие результаты обследования 1892 г. за десять лет. Стр. 451 + 365 + атлас. Париж. 1897.) — 183.

STATISTIK DES DEUTSCHEN REICHS. Neue Folge. Bd. 112. Die Landwirtschaft im Deutschen Reich. Nach der landwirtschaftlichen Betriebszählung vom 14 Juni 1895. Berlin. 1898. S.S. VIII + + 70 + 500 + таблицы. («Статистика Германской империи». Новая серия. Том 112. Сельское хозяйство в Германской империи. По данным переписи сельско-хозяйственных предприятий 14 июня 1895 г. Берлин. 1898.) — 183 — 185, 202, 248, 250, 253, 256, 257, 260, 263.

«VORWÄRTS». N. 65, 6 JUNI 1877. («ВПЕРЕД», № 65, 6 ИЮНЯ 1877 Г.) Congress der Sozialdemokraten Deutschlands. (Конгресс германских социал-демократов.) — 370, 371.

IV. ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ.

№ 1 (к стр. 7).

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ВОЗОБНОВЛЕНИИ ИЗДАНИЙ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» — КОНЕЦ 1899 Г.

Под влиянием всепоглощающей практической деятельности в сфере пропаганды и агитации среди рабочих и сильного запроса на популярные издания для рабочей массы, в связи с попытками отстаивания так называемого «экономического» материализма в легальной печати, интерес к литературе, посвященной научно-публицистической обработке на русском языке теоретических и практических вопросов социал-демократии, до крайности ослабел в последние годы среди активных элементов нашего движения. Явление это имеет достаточное оправдание в тех обстоятельствах, на которые мы только что намекнули. Но оно, вместе с тем, не могло не отразиться вредным образом на идейном развитии нашего движения. В России менее, чем где-нибудь на Западе, равнодушие к своим теоретическим интересам может безнаказанно проходить для социал-демократии. Исключительность положения русской социал-демократии и чрезвычайная сложность задач, навязываемых ей этим положением, требуют от нее неустанной самокритики и зоркого внимания к теоретической стороне революционного движения пролетариата.

Она приобрела господствующее положение на арене революционного движения в России.

Но в то же время на периферии и даже внутри ее образовалось течение, прямо противоположное духу учений социал-демократии, течение, представляющее собою серьезную опасность для ее дальнейшего развития. Теоретически наиболее сознательные из активных представителей и основателей ее в России считают «себя обязанными» «предостеречь всех товарищей от грозящего совращения русской социал-демократии с намеченного уже ею пути, именно: образования самостоятельной политической рабочей партии, неотделимой от классовой борьбы пролетариата и ставящей своей ближайшей задачей завоевание политической свободы» *). Не полагаясь на «естественный ход вещей», как его понимают вульгарные противники и увы! не менее вульгарные сторонники марксизма, товарищи, написавшие вышеприведенные строки, заявляют, что «русские социал-демократы должны объявить решительную войну всему кругу идей» **), на которые опирается так называемое «чисто экономическое течение» в нашем движении.

*) См. II том Сочинений, стр. 480. *Ред.*

**) Там же, стр. 483. *Ред.*

Члены Группы «Освобождение Труда» считают себя обязанными пойти навстречу этому призыву компетентных товарищей к решительной войне против циркулирующих у нас под нашим собственным флагом идей и понятий, принципиально враждебных социал-демократии.

Первоначальным источником этих идей и понятий послужило слишком буквальное, догматическое и прямо вульгарное толкование учений научного социализма о классовой борьбе и роли экономических отношений, как исторического двигателя. На почве такого понимания этих учений расплодились и выросли те искажения и извращения марксизма, которые, в своей совокупности, придают ему безобразно отталкивающий вид, как две капли воды, похожий на карикатуру, рисуемую с него народниками. Весьма характерно отношение представителей экономического направления к революционному движению 70-х и начала 80-х годов.

Они относятся к нему гораздо более отрицательно, чем кто-нибудь из практических и теоретических основателей русской социал-демократии. Но отрицание их направлено больше всего как раз против революционной части программы прежних революционных фракций, против тех их практических задач и стремлений, которые образуют идейную связь между ними и нашим движением, и благодаря которым она является историческим преемником этих фракций. Зато те их воззрения, которые отличаются более или менее реакционным характером, воскресли к новой жизни под социал-демократической этикеткой, в умах сторонников «чисто рабочего движения».

В результате всего этого получается то, что внутри русской социал-демократии, под ее знаменем, растет и распространяется «круг идей», не совместимых с решением вопроса о средствах или выработке тактики, соответствующей тем ближайшим революционным задачам, которыми главным образом обусловливается ее право на существование на современной ступени развития России. Точка зрения группы или групп, о которых здесь идет речь, не допускает не только выработки вполне социал-демократической тактики, но и даже теоретической, *принципиальной постановки вопроса* о политической роли и задачах нашего движения.

До тех пор, однако, пока течение это в идейном отношении питалось теоретическими недоразумениями, выросшими на почве упрощенного понимания марксизма, оно не представляло собою серьезной опасности и его дозволительно было рассматривать как эфемерное болезненное явление детского периода русской социал-демократии, которое само собою исчезнет вместе с дальнейшим ростом ее. Но представители узкого и грубого экономизма в нашем движении ищут себе теоретическую поддержку на Западе, в воззрениях тех «критиков» марксизма, знаменосцем и глашатаем которых выступил Бернштейн, и которые, под видом «пересмотра научных основ социализма, программы и тактики рабочего движения» стремятся разрушить эти основы и превратить социал-демократию из революционной классовой организации пролетариата в партию полубуржуазную, либерально-демократическую, с бледно-розовым социалистическим оттенком.

Первоначальные воззрения представителей антиполитического направления в нашем движении в очень существенных пунктах прямо противоположны были воззрениям бернштейнианцев. Но нашлись мудрецы, которые ухитрились образовать из тех и других своеобразную идейную смесь и сделать из нее теоретическую основу для принципиальной борьбы против стремлений, направленных к организации самостоятельного политического движения среди русских рабочих. Вражда к этим стремлениям мотивируется уже не временными тактическими или просто примитивными педагогическими соображениями, а принципиальными, в силу которых сама идея организации самостоятельной рабочей политической партии является ничем иным, как зловредной утопией, «продуктом переноса чужих задач,

чужих результатов на нашу почву». Программа, рекомендуемая нам русскими бернштейнианцами, сводится вот к чему: «участие, т.-е. помощь экономической борьбе пролетариата, и участие в либерально-оппозиционной деятельности». Другими словами: поскольку социал-демократы преследуют или хотят преследовать общественные задачи, непосредственно выходящие за сферу частных столкновений отдельных групп рабочих с их прямыми эксплуататорами, постольку они должны слиться с той, политически бесформенной и бесцветной массой, которая называется либеральным и полулиберальным «обществом» и которая лишена не только революционного, но и сколько-нибудь серьезного либерально-оппозиционного духа. Русская социал-демократия должна, таким образом, отказаться от всяких революционных помыслов и действий и завершить свое кратковременное существование таким же образом, как и народничество, именно: превратиться в мирных культуртрегеров, живущих и действующих в порах «либерального общества». Но народничество может указать на славные традиции своего революционного прошлого, оно не даром появилось на исторической сцене, как противник скромного, умеренного, трезвого, словом обывательского либерализма. Русская же социал-демократия, всего только без года неделю выступившая как практически активная боевая сила на историческое поприще, произнесла бы смертный приговор и над своим кратковременным прошлым, и над своим будущим, если бы она по совету своих мнимых друзей отказалась от преследования революционных задач революционными методами. Ради жалкой роли, которую предлагают ей эти «друзья», не стоило ей являться на свет божий, а усилия, потраченные на то, чтобы доставить ей преобладание над остатками старых революционных фракций, не только лишились бы всякого реального смысла, но и заслужили бы еще названия преступлений в историческом смысле.

Но антиреволюционная социал-демократия так же немыслима, как мокрый огонь или сухая вода. Поэтому «круг идей», в которых наши товарищи в России видят опасность «совращения русской социал-демократии с намеченного ею пути», направлен против самого ее существования; приобретение ими господства среди русских социал-демократов означало бы смерть нашего движения. И потому-то мы находим вполне основательными опасения этих товарищей и считаем себя обязанными, рука об руку с ними, выступить против воззрений, пропагандируемых русскими бернштейнианцами. Борьба с ними, — это борьба за существование русской социал-демократии в современной России.

Из вышесказанного само собой ясно, какие задачи и цели ставит себе Группа «Освобождение Труда», возобновляя свою литературную деятельность.

Когда мы в начале 80-х годов подняли знамя социал-демократии в русской заграничной печати, задачи наши заранее определились тем обстоятельством, что социал-демократического движения в России в то время еще не было, что для возникновения его необходимо было прежде всего теоретически проложить ему путь и что главным идейным препятствием или камнем преткновения для этого являлись иллюзии радикальной интеллигенции на счет направления и перспективы нашего экономического развития и отрицательного отношения той же интеллигенции к социально-экономическому и революционному значению нарождающегося русского пролетариата. Отсюда, видная, если угодно, первостепенная роль полемики с народниками всех оттенков в публицистических изданиях Группы. Недостаточно было излагать только и популяризировать основные положения социал-демократии. Недостаточно было также выяснять и доказывать применимость их на русской почве, путем анализа хода экономической жизни России. Необходимо было сверх того вести чуть не ежедневную борьбу с господствовавшими у нас в 80-х годах демократическими фракциями за право гражданства рабочего движения и социал-демократии в рус-

ской действительности. Теперь же, после того, как борьба эта закончилась победой социал-демократического знамени, когда рабочее и социал-демократическое движение стало реальным фактором русской жизни, существование которого никем из здравомыслящих людей не отрицается, полемика с народниками потеряла уже для нас свое прежнее революционное значение и не может уже занимать такое видное место в социал-демократической печати, как в течение первого десятилетия после основания Группы «Освобождение Труда».

В настоящее время для социал-демократической прессы на первом плане стоит вопрос об интересах и задачах, вообще о *дальнейшем развитии* движения социал-демократического, *уже существующего* и проявляющегося в жизни, но угрожаемого в своем существовании извнутри, со стороны отдельных лиц и групп, формально или по названию примыкающих к нему. С этой точки зрения, одной из важнейших задач нашей литературы является беспощадная критика бернштейновских и других антиреволюционных тенденций, нашедших себе приют в лагере самих социал-демократов. С той же точки зрения, мы полагаем, что в настоящий момент социал-демократическая пресса обязана выдвигать и подчеркивать те стороны и те практические стремления, которые общи нашему движению с революционным народничеством. Тем же соображением мы будем руководствоваться и в оценке всех важнейших явлений русской действительности. В прошлом десятилетии, а отчасти еще в начале 90-х годов в нашей печати необходимо было посвящать много места доказательству того, что капитализм в России пустил глубокие корни и что параллельно с его развитием растет у нас и класс пролетариев. Теперь доказывать это было бы с нашей стороны довольно наивным анахронизмом, так как чуть не поголовно вся наша радикальная интеллигенция не только признает, что экономическая действительность вполне обеспечивает жизнеспособность русскому рабочему движению, но и не сомневается в том, что она спокон веков признавала это. Повторяем, главное теоретическое препятствие для дальнейшего развития нашего рабочего движения на основах социал-демократии лежит теперь в недрах ее самой, в анти-социал-демократических взглядах, распространяемых под ее флагом. С этим печальным фактом русской социал-демократической прессе и необходимо в настоящее время специально считаться, а потому перед нею и выдвигается совершенно новая задача, не существовавшая для Группы «Освобождение Труда» в первый период ее деятельности. Задача эта: непримиримая теоретическая борьба с антиреволюционными элементами в нашей партии и выяснение тактических задач, подсказываемых ей как ее конечной целью, так и социально-политическими особенностями данной минуты.

Нам хочется верить, что наша деятельность будет хоть отчасти содействовать решению новой, чрезвычайно важной задачи.

Издание Союза Русских Социал-Демократов. Под редакцией Группы «Освобождение Труда». Женева. 1900 г.

№ 2 (к стр. 274).

РЕЗОЛЮЦИЯ ПЮЛЬСКОЙ (ЖЕНЕВСКОЙ) КОНФЕРЕНЦИИ (1901 Г.)

представителей Союза Русских Социал-Демократов, Заграничного Комитета «Бунда», заграничной организации «Зари и Искры» и Революционной организации «Социал-Демократ».

Конференция из представителей Союза Русских Социал-Демократов, заграничной организации «Искры и Зари» и Революционной организации «Социал-Демократ», констатируя, что между представленными организа-

циями не существует таких разногласий по принципиальным и тактическим вопросам, которые служили бы препятствием для совместной работы в пределах единой организации; что русская социал-демократия в целом, несмотря на частные разногласия, всегда стояла и продолжает стоять на общей почве основных принципов, впервые формулированных Группою «Освобождение Труда»; что насущные интересы социал-демократического движения настоятельно требуют тесного сплочения всех социал-демократических сил в России и в частности социал-демократических заграничных организаций — сплочения, для которого особенно работал Союз Русских Социал-Демократов своею издательскою и организационною деятельностью, что составляет его заслугу перед русским социал-демократическим рабочим движением, — заявляет, что названные организации объединяются в «Заграничный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии» и кладут в основу своего соглашения нижеследующие пункты:

Принципиальное соглашение.

1) Признавая основные принципы научного социализма и действуя солидарно с международной революционной социал-демократией, мы отвергаем всякие попытки внесения оппортунизма в классовую борьбу пролетариата,— попытки, выразившиеся в так называемом экономизме, бернштейнианстве, мильеранизме и т. п.

2) Заявляя свою солидарность с манифестом (1898 г.) Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и с основными традициями русской социал-демократии, мы признаем ближайшей политической задачей рабочего класса в России низвержение самодержавия, как необходимое предварительное условие его полного социального освобождения.

3) Условия исторического развития России выдвигают перед Российской Социал-Демократической Рабочей Партией, стоящей на почве классового движения пролетариата, задачу вести борьбу с абсолютизмом во главе всех угнетенных слоев нации.

4) В круг деятельности социал-демократии входит:

a) Руководство всеми проявлениями борьбы пролетариата против всех форм политического, экономического и социального угнетения в целях превращения недовольства и возмущения рабочего класса в сознательную борьбу за демократическую республику и социалистический строй;

b) Поддержка направленных против существующего строя прогрессивных движений в интересах развития политического и классового сознания пролетариата и борьбы за демократию;

c) Распространение идей научного социализма, обоснование и развитие социалистической теории и идейная борьба со всеми противниками революционного марксизма.

5) Мы признаем, что в своей практической деятельности Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия неуклонно должна руководствоваться следующими *тактическими положениями:*

a) Во всех сферах организационно-агитационной деятельности социал-демократия не должна ни на минуту упускать из виду ближайшую политическую задачу русского пролетариата — низвержение самодержавия;

b) К развитию политического и социалистического сознания рабочего класса следует стремиться путем агитации не только на почве повседневной борьбы наемного труда с капиталом, но и на почве общего положения пролетариата и трудящихся масс вообще в государстве и обществе;

c) Не признавая, чтобы социал-демократия в своей агитации могла приступить к постановке общих политических задач только после того, как пролетариат предварительно пройдет стадию чисто экономической борьбы и борьбы за частные политические требования, мы находим, что

общее содержание социал-демократической агитации должно всегда определяться общим социально-политическим положением рабочего класса и основными положениями социал-демократической программы;

d) Признавая, что в своем отношении к элементарным формам проявления классового движения пролетариата социал-демократия должна быть движущей вперед силой, мы именно потому и считаем важной для движения критику течений, возводящих в принцип социалистической деятельности элементарность и вытекающую из нее узость этих низших форм движения;

e) При выборе средств борьбы с современным режимом социал-демократия должна руководствоваться соображениями политической целесообразности и соответствия приемов борьбы с необходимостью сохранения за движением классового характера.

Документы «объединительного» съезда. Издание Лиги Русской Революционной Социал-Демократии. Женева. 1901 г.

№ 3 (к стр. 283).

ЗАЯВЛЕНИЕ ЗАГРАНИЧНОЙ ЛИГИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.

После неудачной попытки объединения *всех* заграничных организаций русской социал-демократии, объединения, для которого, как оказалось, еще нет в наличности принципиального единомыслия, революционная организация «Социал-Демократ» и заграничный отдел организации «Искра» решили слиться в «Заграничную Лигу революционной социал-демократии».

С так называемого «объединительного» съезда мы удалились, напутствуемые враждебными криками: «долой сектантов!». Это то самое напутствие, которым еще недавно во Франции жалкие сторонники изменника-министра провожали тех, кто остался верным принципам международного революционного социализма.

Заграничная Лига русской революционной социал-демократии ставит себе целью содействие активным элементам в России в деле выработки боевой социал-демократической организации, необходимой для того, чтобы русский пролетариат мог выполнить выпавшую на его долю историческую миссию.

В виду все растущей у нас армии революционеров, являющихся социалистами лишь в своем собственном воображении, на деле же работающих на пользу нарождающейся буржуазной демократии, мы продолжаем оставаться «сектантами», ставя руководящим принципом всей своей деятельности дело революционного социализма, конечные цели всемирного пролетарского движения. Подобно нидерландским «гезам» *), мы с гордостью принимаем брошенную нам насмешливую кличку, которая по мысли самих наших противников должна нас отделить от обширного лагеря тех, для кого революционная теория марксизма является не более, как «мертвящей догмой», от тех, чья социалистическая фразеология прикрывает мелко-буржуазное непонимание интересов пролетариата.

Верные духу манифеста Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и работая в ее рядах, мы формулируем наши задачи так, как они были впервые поставлены Группой «Освобождение Труда»: борьба на почве классового движения пролетариата со всем современным социальным и политическим строем за торжество социализма, борьба, в которой организованный и сознательный пролетариат, стоя во главе всех угнетен-

*) «Гезы» буквально означает «нищие», «оборванцы» — насмешливое название испанскими придворными нидерландских дворян, поднявших восстание против испанского владычества в XVI веке. *Ред.*

ных слоев нации, поведет их прежде всего на штурм крепости самодержавия.

Обращаясь ко всем, кто способен стать выше личных дрязг и за видимостью организационных разногласий усмотреть борьбу принципов, имеющую самое глубокое жизненное значение, ко всем, кто хочет отдать свои силы на служение русскому пролетариату, ко всем, в ком живо чувство ответственности перед классом, под знамя которого он становится, для кого страшна мысль о бессознательном предательстве интересов пролетариата эксплуатирующим классам, ко всем, кто задыхается под тяжелым ярмом русского самодержавия и понимает, что только вполне сознающий свои интересы и организованный революционной социал-демократией пролетариат может стереть с лица земли эту язву, позорящую русский народ, мы призываем вас, товарищи, неустанно работать над разрешением вопросов, выдвинутых в последнее время разногласиями в среде русских социал-демократов, и тогда — мы уверены — ваша поддержка новой Лиге обеспечена.

Да здравствует революционная социал-демократия!

Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!

Лига Русской Революционной Социал-Демократии.

Отдельный листок. 1901 г.

№ 4 (к стр. 334).

ДЕКЛАРАЦИЯ, ОГЛАШЕННАЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ «ЗАРИ—ИСКРЫ» И РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ» НА «ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОМ» СЪЕЗДЕ 5 ОКТЯБРЯ 1901 Г.

Принимая дополнения «Союза Русских Социал-Демократов» к резолюциям конференции относительно борьбы против насильственного угнетения национальности, как нечто само собой подразумевающееся для всякого сознательного социал-демократа, организации «Заря—Искра» и «Социал-Демократ» считают в то же время необходимым сделать следующее заявление:

Заявление

заграничного отдела организации «Зари—Искры» и Революционной организации «Социал-Демократ».

Принимая во внимание, 1) что организации «Социал-Демократ» и «Искра—Заря» с самого возникновения своего ставили главнейшей задачей русской социал-демократии организацию рабочего класса в самостоятельную политическую партию, тактика которой обеспечила бы за ним гегемонию в борьбе с царизмом.

2) Что деятельность «Союза Русских Социал-Демократов», как она выражалась в его органе «Рабочее Дело», в очень существенных пунктах резко противоречила этой задаче и тем самым косвенно подготовляла почву для превращения рабочего движения в орудие буржуазной демократии.

3) Что в виду этого названные организации с самого начала стали в отрицательное отношение к тому направлению, которое выражалось для них в органе «Союза».

4) Что принятое на предварительной конференции принципиальное соглашение, категорически констатируя полную солидарность участвовавших в ней организаций в вопросе о бернштейнианстве, экономизме, мильеранизме, равно как и в резко критическом отношении к преклонению перед

элементарными стихийными формами рабочего движения, означало отказ «Союза» от его заблуждений и присоединение к революционной социал-демократии, представляемой «Искрой — Зарей» и «Социал-Демократом».

Принимая далее во внимание, 5) что статьи в № 10 «Рабочего Дела», прения на съезде, смысл поправок, предложенных «Союзом» к июньским резолюциям, и мотивировка их от имени «Союза» в речи редактора Кричевского коренным образом отступают от принципиальных пунктов соглашения и показывают с очевидностью, что «Союз» возвращается к прежним заблуждениям.

6) Что заблуждения эти, распространялись под флагом социал-демократии, могут привести к тому, что все трудности борьбы с царизмом падут на рабочий класс, а все плоды победы над ним достанутся эксплуатирующим классам.

Принимая все это во внимание, организация «Социал-Демократ» и заграничный отдел организации «Зари — Искры», признавая возможность частичных соглашений с «Союзом» в практических областях революционной деятельности, в то же время констатируют, что более тесное объединение с организацией, неспособной обеспечить политическую устойчивость своего органа, в настоящее время, к сожалению, немыслимо, и потому, считая дальнейшее продолжение прений бесполезным, покидают съезд.

Документы «объединительного» съезда. Издание Лиги Русской Революционной Социал-Демократии. Женева. 1901 г.

№ 5 (к стр. 379).

ПРОГРАММА «РАБОЧЕГО ДЕЛА».

Социальное освобождение рабочего класса невозможно без его политического освобождения.

От редакции.

Приступая к выполнению трудной и ответственной обязанности редактирования изданий Союза Русских Социал-Демократов, новая редакция, выбранная на последнем съезде членов Союза, считает необходимым изложить товарищам те основные взгляды, которыми Союз и редакция будут руководиться в своей литературной деятельности.

Заграничный Союз Русских Социал-Демократов действует на почве международного социализма, в идейном и практическом согласии с Российской Социал-Демократической Рабочей Партией, часть которой он составляет. Эта деятельность может быть целесообразною лишь под условием, если она, во-1-х, руководится не только общими принципами научного социализма, но и конкретным соотношением общественных классов в России и насущными потребностями русского рабочего движения на данной ступени его развития; если она, во-2-х, считается с разнообразием местных условий и уровнем развития отдельных слоев рабочего класса.

Экономическое и политическое освобождение рабочего класса в России, как и во всем мире, может быть делом лишь самих рабочих. Поэтому важнейшим явлением русской жизни, которое главным образом будет определять задачи и характер литературной деятельности Союза, мы считаем возникшее за последние годы массовое рабочее движение. Произошло слияние пропагандистско-кружкового течения социал-демократической рабочей интеллигенции с широкой волной стихийного движения рабочих масс, направленного к улучшению их экономического и право-

вого положения, а также к удовлетворению быстро возрастающей жажды знания и просвещения. В Петербурге это слияние произошло за время широкого стачечного движения 1895—96 г.г. и знаменитой борьбы 30.000 рабочих прядильно-ткацких фабрик в 1896—97 г.г. за сокращение рабочего дня, увенчавшейся победой: «самодержавное и неограниченное» правительство вынуждено было уступить рабочим и издать закон 2-го июня о нормировке рабочего времени. В других центрах русской промышленности это слияние происходит на наших глазах, а в Польше и Литве оно совершилось еще раньше.

В процессе борьбы рабочих за ближайшие, сознанные ими интересы массовое рабочее движение в России начинает принимать *классовый* характер. Задача социал-демократической партии и ее литературы при таких условиях заключается в ускорении перехода стихийного массового движения в сознательное классовое движение, то есть в борьбу за классовые интересы всего пролетариата (в противоположность стачечной борьбе за интересы отдельных групп его), в развитии классового сознания и организации российского пролетариата. Но при господствующей в России системе политического бесправия народа, каждый шаг рабочего класса на пути к улучшению его экономического положения является и борьбой с этой системой, потому что ведет к столкновению рабочих с организованной силой правительства, охраняющего интересы фабрикантов и дворянства. В России более, чем во всякой другой стране, экономическая борьба рабочего класса неразрывна с политической, и по отношению к русскому рабочему движению вполне верны положения научного социализма, что всякая классовая борьба есть борьба политическая и что социальное освобождение рабочего класса невозможно без его политического освобождения.

Жизненные интересы рабочего класса ведут его к *политической* борьбе. Потребности чисто экономической борьбы принуждают рабочих выставлять политические требования и бороться за политическую свободу. Политическая борьба рабочего класса есть лишь наиболее развитая, широкая и действительная форма экономической борьбы. Ближайшими политическими требованиями рабочего класса в России являются: свобода союзов, стачек, собраний, слова, печати и неприкосновенность личности. Эти политические права служат необходимым условием дальнейшего всестороннего развития рабочего движения. Они так же нужны российскому пролетариату в его освободительной борьбе, как свет и воздух. Борьба рабочего класса за эти права составляет ближайшее содержание его борьбы с царским самодержавием, которая поведет к завоеванию полной политической свободы с равноправным участием всего народа в государственном управлении, т.-е. к завоеванию демократической конституции.

Одна из главных задач литературной деятельности Союза будет состоять в том, чтобы на фактах русской и заграничной жизни выяснять взаимное отношение, значение и формы экономической и политической борьбы рабочего класса в России и других странах.

В частности по отношению к *экономической* борьбе мы будем указывать, как она: 1) ведет к непосредственным частичным улучшениям положения отдельных слоев рабочего класса, 2) способствует развитию чувства солидарности и классового сознания рабочих, 3) является практическою школой организованной деятельности, способствуя возникновению и росту различных форм рабочих организаций: касс борьбы, профессиональных союзов и т. п. Наконец, будут обсуждаться практические приемы ведения экономической борьбы и способы организации при наших условиях.

При обсуждении вопроса *о средствах политической борьбы*, мы будем выяснять, что экономическая борьба, это основное условие роста массового рабочего движения, является в то же время наиболее могучим

средством к широкому политическому воздействию на массы, т. е. к политической агитации в случаях преследований «зачинщиков» — социалистов, массовых арестов, высылки рабочих, зверской расправы со стачечниками и т. п. Но кроме столкновений рабочей массы с правительственной властью на почве экономической борьбы, поводами к политической агитации и пропаганде могут быть и все крупные факты русской жизни, затрагивающие интересы широких масс рабочего народа и показывающие враждебность к нему царского правительства: голод, новые законы, направленные к еще большему угнетению народа или к обогащению на его счет фабрикантов и дворянства и т. п. Наконец, Союз в своей прессе будет относиться безусловно сочувственно к попыткам политических манифестаций и в особенности рекомендовать празднование 1-го Мая, как общую демонстрацию в пользу важнейших экономических требований пролетариата и наиболее подходящий момент для заявления ближайших политических требований.

Само собою разумеется, что возможность, поводы и средства политического воздействия на массы, как и формы политической борьбы рабочих, зависят от местных условий, силы рабочих организаций и уровня понимания различных слоев рабочего класса.

При решении вопросов экономической и политической борьбы мы будем руководиться как условиями русской жизни, так и богатым историческим опытом рабочего движения в Западной Европе, а также опытом борьбы наших польских и еврейских товарищей, успешно действующих в Польше и Литве под гнетом того же царского деспотизма.

Рассматривая экономическую и политическую борьбу рабочих, как две формы, как два неразрывных средства одной великой освободительной борьбы рабочего класса России и других стран, мы считаем эту борьбу единственным путем к окончательной победе международного пролетариата, к полному экономическому и политическому освобождению трудящегося народа и введению социалистического строя.

По отношению к другим революционным направлениям среди русских социалистов Союз вполне разделяет мысль, высказанную в манифесте Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, что современное социал-демократическое движение есть лишь дальнейшая ступень развития прошлого революционного движения в России, и потому видит в революционерах 70-х и 80-х годов своих предшественников, отразивших в своих программах интересы и потребности того времени, подготовивших своею геройскою борьбою почву современного рабочего движения. Что касается существующих в настоящее время других социалистических течений, то в своей прессе Союз будет оценивать критически их программы и тактики с социал-демократической точки зрения, строго воздерживаясь от резких, *нетоварищеских приемов* полемики, а в виду общего врага и одинаковости целей борьбы, он будет содействовать *практическому объединению* сил действующих в России социалистов.

Деятельность несоциалистических революционных и политически оппозиционных групп Союз будет подвергать критике, выясняя противоположность интересов представляемых ими слоев населения к интересам рабочего класса и различие между стремлениями этих групп и задачами социал-демократической партии; но в то же время он будет относиться сочувственно к их попыткам активной борьбы за политическую свободу, так как всякий враг самодержавия является *временным* союзником рабочего класса в его освободительной борьбе.

Как социал-демократическая организация, Союз является врагом всякого *национального и религиозного* гнета. Поэтому редакция в своей литературной деятельности будет стоять за свободу религии и равноправие всех национальностей. Признавая право на самоопределение за всякою национальностью, Союз и редакция относятся с полным товарищеским

сочувствием ко всем действующим в России социалистическим организациям разных национальностей, поскольку эти организации отстаивают интересы рабочего класса и борются против русского самодержавия.

Союз будет проводить в литературе взгляд, что Российская Социал-Демократическая Партия является борцом за экономические интересы и права *всех* слоев рабочего класса: фабрично-заводских, железнодорожных, торговых, ремесленных, кустарных и сельско-хозяйственных рабочих, а также той многомиллионной массы мелкого крестьянства (безлошадного, безнадельного, бездомного, сдающего наделы и проч.), хозяйственная самостоятельность которой есть простая фикция и которая зарабатывает себе средства к существованию наемным трудом в форме батрачества, отхожих промыслов, кабальной работы, испольной, за долги на помещиков и деревенских кулаков и т. д.

Признавая огромное значение в России *аграрного вопроса*, т.-е. вопросов о поземельных отношениях, о правовом и экономическом положении ста миллионов сельского населения, о взаимных отношениях между крестьянством, дворянством и сельскими рабочими, — Союз обратит серьезное внимание на эти вопросы, выясняя в литературе влияние аграрных отношений на условия борьбы и положение рабочего класса в России.

Не предрешая политической роли русского крестьянства в будущем, редакция будет выяснять существующие в его среде экономическое неравенство и противоречие интересов, различные виды эксплуатации дворянством и кулаками деревенской бедноты (аренда, ростовщичество, система отработков и пр.), а также вопиющие формы правового неравенства крестьянства («податное сословие», телесные наказания, земские начальники, кабала недоимщиков и т. д.); будет обращать серьезное внимание на все проявления стихийного недовольства и сознательного протеста в крестьянской среде, в особенности на крестьянские «бунты» и на различные формы сектантского движения, как самого крупного доселе проявления умственного пробуждения и оппозиционного настроения в массе крестьянства.

Выясняя особенности форм и условий труда, различия видов экономического гнета и бесправия, присущих каждому из названных слоев эксплуатируемой массы, редакция будет на ряду с этим особенно подчеркивать *общность экономических, правовых и политических интересов всего рабочего народа России*. Лишь в борьбе за интересы и права *всех* трудящихся против *всех* форм экономического, политического, национального и религиозного гнета, российская социал-демократия выполнит свою историческую задачу: *низвержение самодержавия и полное экономическое и политическое освобождение рабочего класса.*

* * *

Среди *литературных задач* Союза на первой очереди стоит создание боевого социал-демократического органа, удовлетворяющего потребностям русского рабочего движения. Вместо выходивших до сих пор листков «Работника» будет издаваться периодически, по возможности через каждые два месяца, «Рабочее Дело» приблизительно по следующей программе:

1) Передовая статья по общим или текущим вопросам социализма и рабочего движения.

2) Статья о международных отношениях с точки зрения рабочего класса или обзор положения отдельных стран Западной Европы и Америки.

3) Статья на злобы дня русской общественно-политической жизни.

4) Внутреннее обозрение. Корреспонденции и обзор выдающихся событий, поскольку последние затрогивают экономические и политические интересы трудящейся массы.

5) Обзор нашего рабочего движения на основании сведений от действующих в России товарищей; корреспонденции, прокламации и воззвания российских рабочих организаций.

6) Рабочее движение в Польше, Литве, Остзейском крае и Финляндии; еврейское рабочее движение.

7) Корреспонденции и статьи о рабочем движении различных западноевропейских стран.

8) Критика и библиография. Статьи или отзывы о русских нелегальных изданиях.

9) Хроника революционной борьбы.

10) Исторический и беллетристический отдел (по мере наличного материала).

11) Почтовый ящик редакции для запросов и ответов по адресу российских корреспондентов.

12) Отчеты администрации Союза и других организаций.

«Рабочее Дело» ставит себе целью способствовать выработке социал-демократических убеждений среди рабочих и их политическому развитию. Орган Союза имеет главным образом в виду удовлетворять настоятельной потребности нашего рабочего движения в знающих пропагандистах, агитаторах и организаторах, умеющих самостоятельно оценивать явления русской жизни и пользоваться опытом рабочего движения в Западной Европе и России для более успешной деятельности среди рабочей массы.

Той же цели будут служить издаваемые Союзом *сборники и брошюры*, посвященные более обстоятельной разработке отдельных вопросов социализма, экономической и политической борьбы рабочего класса в России, освещению различных сторон русской жизни с социал-демократической точки зрения, историческим очеркам революций и рабочего движения на Западе, причем брошюрная литература будет издаваться как для рабочей интеллигенции, так и для широких слоев рабочего класса.

В заключение считаем нужным заявить действующим в России товарищам, что Союз надеется выполнить свою задачу лишь под условием сочувствия, материальной и литературной поддержки с их стороны. Только при установлении правильных сношений и живом общении между русскими организациями и Союзом, он будет в состоянии удовлетворять своею литературною деятельностью насущным потребностям рабочего движения в России.

«Рабочее Дело» № 1. Апрель 1899 г.

№ 6 (к стр. 599).

СТАТЬЯ В. ВОРОВСКОГО — «ПЛОДЫ ДЕМАГОГИИ» *).

Раскол партии, начатый меньшевиками [после второго съезда], вылился в своеобразные формы в Нижнем-Новгороде. Нами получен листок, озаглавленный: «Программа комитета сормовских и нижегородских рабочих социал-демократов», в котором принципиальные мотивы раскола характеризуются след. образом: «Твердо убежденные в истинности теорий научного социализма, из которых следует, что в силу особенностей экономического положения пролетариата только «его» движение есть истинно социалистически-революционное движение, способное освободить все угне-

---

*) В квадратные скобки включены дополнения и поправки, написанные В. И. Лениным. *Ред.*

тенное и эксплуатируемое капиталом человечество, — мы не можем согласиться с утверждением тов. Ленина, что, во-1-х, будто рабочее движение, развивающееся самостоятельно, неминуемо ведет к трэд-юнионизму, т.-е. к чисто-экономической борьбе, и во-2-х, что «роль пролетариата в истории определяется интеллигенцией того или другого образа мыслей, а собственных стремлений, порождаемых особенностями его «собственно» экономического положения, у этого несчастного класса нет» («Искра» № 71, ст. Плеханова). Между тем такие взгляды тов. Ленина легли в основу деятельности многих комитетов Р.С.-Д.Р. Партии и привели к очень плохим результатам. С целью устранения для рабочего движения опасности увлечься одним крохоборством, а также буржуазной идеологией, сторонники Ленина пришли к мысли создать из революционной интеллигенции «кадр охранителей», который, опекая пролетариат, охранял бы его от «ложных» шагов. Охранительные тенденции привели к централизму в партии, который, в свою очередь, породил бюрократизм в комитетах со всеми его специфическими особенностями: халатностью, отсутствием инициативы, недоверием к собственным силам пролетариата и стремлением сделать все «самим», хотя бы в ущерб делу, и с явной невозможностью «своими» интеллигентными силами справиться со всей колоссальной работой. Идея «охранителей», породив ложный страх перед буржуазными идеями разных «Шульце-Деличей», породила его и вообще перед экономической борьбой». После длинного ряда нападок на нижегородский комитет и изложения задач вновь образовавшегося комитета, программа предъявляет к ближайшему съезду два характерных требования: 1) «чтобы съезд точно и определенно высказался: признает ли он верным утверждение тов. Ленина, что рабочее движение, развивающееся самостоятельно, неминуемо ведет к трэд-юнионизму, борьбе чисто-экономической (т.-е., что рабочий класс в таких случаях способен бороться только за пятачек, но не за общемировые идеи политической свободы и социализма)... особенно в применении к русскому рабочему движению в данный исторический момент политического бесправия и экономического упадка страны, страдающей от хронического промышленного кризиса; 2) чтобы съезд вполне ясно резюмировал вопрос о тенденциях мелочного (??) централизма в партии, логически вытекающих из стремления охранять при помощи радикальной (??) интеллигенции рабочий класс от разных «ложных» шагов, потому что такой централизм, в широких размерах организуя недоверие к пролетариату, не только парализует в нем инициативу и живое отношение к делу, но и совершенно извращает великий принцип отца нашего (?) Маркса и придает ему нежелательную форму: освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, но под опекой радикальной интеллигенции»... «Нам нечего ждать толчка со стороны, — говорят в конце авторы программы, — мы и без того слишком долго спали, пора, наконец, самим взяться за свое собственное дело. Пролетарская интеллигенция поможет нам в трудной борьбе, поделившись своими знаниями и огромным революционным опытом, приобретенным ею на протяжении ее многострадальной истории».

Старая погудка на новый лад! Давно, давно слышали мы эти медовые речи о «самодеятельности» пролетариата, о прелестях стихийного развития, о необходимости взять, «наконец», свое дело в свои руки и т. д. С этой хвостистской демагогией боролась старая «Искра» и в первых рядах ее — Плеханов. Поэтому какой-то горькой насмешкой звучит сопоставление этой отрыжки рабочедельчества со ссылкой на Плеханова, вывод хвостистских лозунгов из его статей. Демагогия принесла свои плоды. Сормовская группа наивно уверовала в фельетоны Плеханова, так уверовала, что даже с положениями Ленина она знакомится не по его брошюре, а по карикатурному изложению Плеханова. В виду этого лучше всего обратиться к самой книжке «Что делать?» и посмотреть, насколько осно-

вательна доверчивость сормовских [«рабочих» (?), заговоривших слогом искровских передовиц].

Еще на съезде партии Плеханов, *защищая* в то время Ленина и его брошюру «Что делать?», совершенно верно заметил: «Ленин писал не трактат по философии истории, а полемическую статью против экономистов, которые говорили: мы должны ждать, к чему придет рабочий класс сам, без помощи «революционной бациллы». Эти слова совершенно верно определяют смысл и значение Ленинской брошюры, и если Плеханов теперь говорит, что он с самого начала был несогласен с ее теоретическими положениями, то это только доказывает, насколько правильно умел он оценить действительное значение брошюры, когда не было надобности выдумывать «принципиальные разногласия» с Лениным. Действительно, «Что делать?» было полемической брошюрой, [целиком посвященной критике хвостистского крыла в тогдашней социал-демократии, указанию и опровержению специальных ошибок этого крыла]. Было бы смешно, если бы в брошюре, трактующей о «наболевших вопросах нашего движения», Ленин стал доказывать, что развитие идей, в частности научного социализма, происходило и происходит в тесной исторической связи с развитием производительных сил, [в тесной связи с ростом рабочего движения вообще]. Для него важно было установить факт, что нигде еще рабочий класс не доработался самостоятельно до социалистической идеологии, что эта идеология, [учение научного социализма], вносилась всегда социал-демократией, [что поэтому людям, принижавшим значение нашей сознательности, нашей догмы (именно рабочедельцам), необходимо было напоминать о долге социалиста вносить сознание извне. До какой степени ясно понимал эту нехитрую вещь Плеханов до кооптации, когда ему не было надобности пускаться в литературное наездничество, это всего лучше видно из следующих его слов] на партийном съезде против Мартынова (ныне ближайшего его сотрудника) и Акимова. Здесь Плеханов высказался очень определенно. «Революционной бацилле запрещено было говорить что-либо рабочим, — говорил он по поводу экономистов, — именно потому, что она — революционная бацилла, т.-е. что у нее есть теоретическое сознание. *Но если вы устраните бациллу, то остается одна бессознательная масса, в которую сознание должно быть внесено извне.* Если бы вы хотели быть *справедливы* к Ленину и *внимательно* прочитали бы *всю* его книгу, то вы увидели бы, что *он именно это и говорит* (Протоколы съезда, стр. 123)». Прекрасный совет, и можно только пожалеть, что Плеханов сам им не воспользовался. Но и раньше, еще задолго до съезда, Плеханов признал и скрепил ту же ленинскую мысль в проекте программы партии, проекте, как он теперь говорит, писанном *не* Лениным (т.-е. Плехановым?) *).

«Социал-демократия, — говорится в программе, — организует его (пролетариат) в самостоятельную политическую партию..., руководит всеми проявлениями его классовой борьбы... и выясняет ему истори-

*) Этим подчеркиванием того, что проект программы писан не мной, Плеханов первый выносит на публику в виде намека, попрека и упрека наши споры о проекте программы. К сожалению, он не рассказывает об этих спорах, а ограничивается сплетней, т.-е. утверждением пикантным, но неясным и непроверенным. Я должен поэтому добавить к статье моего коллеги против Плеханова, что у меня есть документальные данные о спорах наших при обсуждении проекта программы, и эти данные я при случае опубликую. Читатели увидят тогда: 1) что совершенная неправда утверждение Плеханова, будто охлаждение отношений у нас было из-за «Что делать?». Оно было из-за деления шестерки пополам при спорах о программе; 2) что я отстаивал и отстоял включение в программу тезиса о вытеснении мелкого производства крупным. Плеханов хотел ограни-

ческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции». Итак, не пролетариат сам слагается в политическую партию, не «самодеятельность» пролетариата руководит его классовой борьбой, не пролетариат сам доходит до сознания необходимости социальной революции, а, наоборот, все элементы сознательности вносятся в его среду социал-демократией — этой выразительницей сознательности рабочего класса (пресловутая глава в «Что делать?» так и называется: «Стихийность масс и сознательность социал-демократии»). Плеханов и не мог не подписаться под этой программой после того, как он с первых же номеров «Искры» впал в «ленинскую ересь». Действительно, что такое, как не соль преступной брошюры Ленина, заключает в себе следующее место в программной статье № 1 «Искры» (см. настоящий том, стр. 53. *Ред.*): «Социал-демократия есть соединение рабочего движения с социализмом, ее задача — не пассивное служение рабочему движению на каждой его отдельной стадии, а представительство интересов всего движения в целом, *указание этому движению его конечной цели, его политических задач, охрана* (о ужас!) *его политической и идейной самостоятельности. Оторванное от социал-демократии рабочее движение мельчает и необходимо впадает в буржуазность*»... А несколько дальше в этой же статье говорится: «Отсюда сама собой вытекает та задача, которую призвана осуществить русская социал-демократия: *внедрить социалистические идеи и политическое самосознание в массу пролетариата* и организовать революционную партию, неразрывно связанную со стихийным рабочим движением». И программная статья № 1-го не с неба свалилась, она была подготовлена извещением об издании «Искры». Вот что писала редакция в этом листке: «Кто понимает социал-демократию, как организацию, служащую исключительно стихийной борьбе пролетариата, тот может удовлетвориться только местной агитацией и «чисто-рабочей» литературой. «*Мы не так понимаем социал-демократию*». Мы уже видели, как понимала редакция социал-демократию. А вот несколько строк, направленных не в бровь, а в глаз, новоявленному сормовскому комитету: «узкий практицизм, оторванный от теоретического освещения движения в его целом, грозит *совратить* движение на *ложную* дорогу».

Так писал и позволял писать Плеханов в тот светлый период старой «Искры», когда он, как никогда дотоле, находился в тесном общении с массовым движением пролетариата. Так писал Плеханов, да он и не мог писать иначе уже потому, что все приведенные ужасные «ленинские ереси» представляют лишь переложение мыслей главнейших теоретиков социализма и, прежде всего, самого Маркса. Вот что говорят творцы научного социализма в «Коммунист. манифесте»: «Коммунисты (т.-е. социал-демократы, т.-е. носители сознательности) отличаются от других рабочих партий только тем, что... на различных стадиях развития, через которые проходит борьба пролетариев против буржуазии, они всегда защищают общие интересы движения в его целом. Таким образом, коммунисты на практике представляют собою самую решительную, всегда вперед стремящуюся часть рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении они имеют перед остальной массой пролетариата то преимущество,

---

читься расплывчатым выражением в духе знаменитого «более или менее»; 3) что я отстаивал и отстоял замену термина «трудящаяся и эксплуатируемая масса» термином «пролетариата» в том месте, где речь шла о классовом характере нашей партии; 4) что Плеханов, когда я и мои сторонники в шестерке упрекали его за недостаточно выраженный пролетарский характер партии в его проекте программы, защищался контр-обвинением, что я понимаю пролетарский характер партии по-мартыновски.

Примечание Ленина.

что понимают условия, ход и общие результаты рабочего движения» (перев. Плеханова, стр. 17). «Ближайшая цель коммунистов та же, что и других рабочих партий: *превращение пролетариата в класс* *), свержение господства буржуазии, завоевание пролетариатом политической власти». По поводу отмеченного курсивом места кстати заметим, что Маркс считает пролетариат классом, лишь поскольку он приходит к классовому самосознанию. Вот сжатая, но в высшей степени содержательная формулировка его взгляда, данная в «Нищете философии»: «Экономические отношения превратили массу населения в рабочих. Господство капитала создало одинаковость положения для этой массы, одинаковость интересов. Таким образом, эта масса стала классом по отношению к капиталу, но не классом в себе (für sich). В очерченной нами борьбе эта масса объединяется, конституируется как класс в себе. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами». В «Коммунистическом манифесте» Маркс довольно подробно останавливается на этой борьбе, в процессе которой совершается «организация пролетариев в класс и тем самым (damit) и в политическую партию» **). И вот эту-то громадную историческую задачу — превращение пролетариата в класс, превращение его из разрозненной, бессознательной массы в сознательную, организованную силу, — эту задачу Маркс считает ближайшей целью социал-демократии. Говоря о практических задачах партии, о «наболевших вопросах движения», Маркс естественно учитывает медленный стихийный рост массы и [противопоставляет этой стихийности] сознательность социал-демократии. Это, конечно, нисколько не мешает Марксу правильно оценивать значение самостоятельного развития пролетариата в класс, перехода стихийности в сознательность. Точно так же и чисто-практически — и, как мы видели, чисто-марксистская — постановка вопроса в «Что делать?» нисколько не противоречит самому ортодоксальному пониманию научного социализма. Недаром же Плеханов писал больше чем *через год* после прочтения ленинской брошюры, что Ленин «товарищ-*единомышленник*», нисколько не хуже нас понимавший великое значение правильной теории в нашем деле» («Искра» № 41). И если впоследствии, в №№ 70 и 71 «Искры», Плеханов старается убедить читателя, что он всегда считал Ленина «неспособным к диалектическому мышлению», то всякий легко заметит, что [у Плеханова] «умысел другой тут был». Каков этот умысел, легко догадаться, если вспомнить, что между №№ 41 и 71 «Искры» лежит как-раз момент кооптации меньшинства в редакцию и расхождение из-за *этого* Плеханова с Лениным. Как во всей кооптационной кампании меньшинства, так и в этом частном случае пришлось для приукрашивания позиции выдумывать несуществующие разногласия, писать демагогические фельетоны. Что пресловутые плехановские фельетоны, нисколько не разъясняя принципов (ибо о том, как следует понимать отношение сознательности к стихийности, говорится лишь вскользь и очень туманно), оказывают лишь демагогическое влияние, — лучше всего свидетельствует цитированный выше листок сормовских социал-демократов. Исходя из фельетонов Плеханова, они пришли к таким выводам, как отвержение социал-демократической интеллигенции, именуемой ими «радикаль-

*) Bildung des Proletariats zur Klasse. Это место переведено Плехановым неправильно: «Организация рабочего класса». Может быть, уже тогда Плеханов был «несогласен» с Лениным и углубил Маркса, преуменьшив роль «сознательности»?

**) Кстати, и это место [неточно] переведено Плехановым: «организация пролетариев в *отдельный* класс, а вместе с тем и в политическую партию» (стр. 12). Суть дела вовсе не в том, что пролетариат *отделяется* от других классов, а в том, что он из *аморфной массы* превращается в *класс*, или, по терминологии Маркса, из «класса по отношению к капиталу» превращается в «класс в себе».

пой», как провозглашение [рабочедельского (если не зубатовского) лозунга] «самодеятельности», как отрицание централизма. Конечно, Плеханов сам бы отшатнулся от таких выводов его не в меру усердных последователей, как недавно Аксельрод отнекивался от выводов, сделанных из его демагогических статей «Рабочим». Но в том-то и суть всякой демагогии, что она обращается не к «сознательности», а к «стихийности», не к разуму, а к инстинкту, и потому сплошь да рядом приводит к таким последствиям, которым не рады и сами демагоги. На культе стихийности строили всю свою хвостистскую тактику рабочедельцы; это был их принцип. Наши новые рабочедельцы — новоискровцы — повторяют теперь те же слова, те же термины, а между тем, по свидетельству упомянутого аксельродовского «Рабочего», они нигде на практике не осуществили никакого нового принципа: работа у них поставлена так же, как в комитетах большинства, и такое же у них отношение интеллигенции к рабочим. И мы предложили бы всем товарищам рабочим, для которых отношение стихийности и сознательности является таким жгучим, таким насущным вопросом, прочтя листок сормовских социал-демократов, подумать над следующими вопросами: почему провозглашение [рабочедельской фразы] о «самодеятельности» пролетариата не привело меньшевистов к выработке нового организационного начала, более демократического? Почему «радикальная интеллигенция» вдруг превращается в «пролетарскую интеллигенцию», лишь только она переходит в ряды меньшинства? Почему централизм сразу перестает быть «мелочным» и вообще вредным, лишь только центры фактически попадают в руки меньшевиков? Разрешить эти вопросы — значит очистить свой ум от посторонних «умыслов» и подготовить его к правильному пониманию вопроса о стихийности и сознательности.

«Вперед» № 11, 25 марта н. ст. 1905 г.

V. ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Мысль об издании общерусской газеты — будущей «Искры» — возникла у Вл. Ильича еще в ссылке. Широко задуманный план издания «правильно выходящего и тесно связанного со всеми местными группами органа партии» Вл. Ильич пропагандировал в своих статьях, написанных в 1899 г. для № 3 «Рабочей Газеты», но не увидевших в свое время света и опубликованных только в 1925 г. (см. стр. 487 II тома Сочинений). Эту же мысль Вл. Ильич развивал в переписке с Ю. О. Мартовым и А. Н. Потресовым, давшими свое согласие на участие в новом литературном предприятии («тройственный союз»), и в совещаниях с ближайшими своими друзьями по работе в Петербургском «Союзе борьбы» и по ссылке (Н. Крупская, Г. Кржижановский и др.). Газету предполагалось издавать заграницей, в тесном сотрудничестве с руководимой Г. Плехановым Группой «Освобождение Труда». По возвращении в Россию Вл. Ильич, временно, до отъезда заграницу, обосновавшийся в Пскове, предпринял ряд практических шагов по подготовке нового издания: переговоры с остающимися в России товарищами о поддержке газеты и присылке корреспонденций, изыскание материальных средств и т. д. Одним из таких организационных шагов явился созыв, так называемого, «Псковского совещания» (в апреле 1900 г.) «искровцев» (Ленин, Мартов, Потресов, Радченко) и легальных марксистов (Струве и Туган-Барановский). На совещании был заслушан и обсужден написанный Вл. Ильичем проект заявления редакции двух печатных органов: газеты и журнала (будущая «Заря»; в сохранившихся за 1899 г. статьях Вл. Ильича нет предположений об издании, наряду с газетой, и журнала; вероятно, мысль об издании «Зари» была выдвинута позже, может быть незадолго до Псковского совещания).

В мемуарной литературе Псковское совещание почти совершенно не освещено. Единственным источником, позволяющим судить о ходе совещания и характере обсуждавшихся на нем вопросов, а также о занятой на нем Вл. Ильичем позиции по отношению к «легальному марксизму»,что особенно важно для понимания истории дальнейших отношений «Искры» к либеральной оппозиции, во главе которой скоро оказался П. Б. Струве, участник Псковского совещания, являются воспоминания Ю. Мартова — одного из участников совещания — предназначавшиеся им для второй части его «Записок социал-демократа».

Рассказав о своем приезде в Псков, где Мартов встретился с Лениным и Потресовым, и об отношении «искровской» группы к заграничному «Союзу русских социал-демократов», Мартов пишет далее:

«Вторым вопросом, озабачивавшим нас, было отношение к этим именно «критикам Маркса», в которых вылупились так называемые «легальные марксисты». В ссылке мы, считая их главными «заводчиками» всей идейной смуты и наиболее злостными противниками революционной социал-демократии, собирались немедленно принять их, что называется, «в штыки».

Не без удивления узнал я от своих товарищей (т.-е. Ленина и Потресова. *Ред.*), что, подобно «рабочедельцам» (см. примечание 28. *Ред.*), наши «легальные марксисты» встретили их весьма радушно, явно показывая, что они готовы видеть в нашей группе естественную руководительницу социал-демократической партии и что они склонны поддержать наши начинания, направленные к организации широкой борьбы против самодержавия. Такое настроение мои друзья встретили не только у эклектического В. Я. Богучарского, но и у таких доктринеров «критики Маркса», как П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский. Приехав в Петербург с твердым намерением ставить социал-демократический орган в самой тесной связи не только с массовым рабочим движением, но и с тем широким оппозиционно-демократическим движением, которое все более бурно развивалось в последние годы, мои товарищи убедились, что наиболее авторитетным центром этого последнего движения является и по-сейчас группа «легальных марксистов». Между тем, влияние деятельности последней на практиков социал-демократии мы считали глубоко вредным не только потому, что она направлена была вообще против революционных основ марксистской доктрины, но, в частности, и потому, что ревизионистская «критика Маркса» воспринималась русскими ее адептами, как оправдание отрыва рабочего движения от революционных традиций социализма и его ограничения русскими рамками почти трэд-юнионистского «экономизма». Постольку мы считали непримиримую борьбу с ревизионистской группой своей неотложной задачей. Какое же отношение установить нам с ними теперь, когда они заявляют готовность идти с нами и даже за нами во имя выкидываемого нами лозунга общенародной революционной борьбы с царизмом?

Несмотря на то, что оба они были убеждены в том, что Струве и К° вступили на путь, который быстро отводит их от социалистического лагеря в лагерь буржуазного либерализма, и Ульянов и Потресов вынесли впечатление, что на ближайшее время эта группа охотно удовлетворится ролью «второй скрипки», если увидит, что нам с нашим «ортодоксальным» знаменем удалось организовать сильную революционную партию действия. В дальнейшем, как мне кажется, прогнозы А. Н. Потресова и В. И. Ульянова расходились. Потресов надеялся, что наличность такой партии надолго может закрепить за социал-демократией идейную гегемонию над всеми демократическими элементами интеллигенции и оторвать их от конституционалистски-земского буржуазного либерализма. Напротив, Ульянов, подобно мне, скорее ожидал, что, в конце концов, та часть интеллигенции, которая нашла в ревизионизме повод и средство для того, чтобы подвергнуть разъедающему действию теоретического скепсиса основные ценности социалистического миросозерцания, найдет успокоение именно в лоне этого земского конституционализма после того, как успехи рабочего движения подготовят почву для его успеха. Оба они стояли за соглашение с группой Струве, но Ульянов мыслил себе это соглашение «с камнем за пазухой», причем, как впоследствии выяснилось, вовсе не считал нужным, чтобы этот камень не торчал слишком уж заметно; тогда как Потресов считался с тем, что соглашение морально обязывает обе стороны, и полагал, что на нашу оно наложит обязательство гибкой тактики, способной закрепить первоначальный успех.

Ознакомившись с мнением своих друзей, я высказал свое сомнение относительно самой возможности соглашения с «критиками», если мы не намерены отказаться от открытой и непримиримой борьбы за «ортодоксию». Мне на это было указано, что и Струве и Туган в интимных беседах продолжают подчеркивать свою близость к социал-демократической партии *)

*) Напомню, что в 1896 г. на международном социалистическом конгрессе в Лондоне Струве вошел в русскую социал-демократическую деле-

и держаться, как партийные товарищи. Тут же мне было поведано — чего я до тех пор не знал, что «ортодоксальный» манифест Р.С.-Д.Р.П., выпущенный в 1898 году, после ее первого съезда, заключавший знаменитое положение о том, что чем далее на Восток, тем менее способна к выполнению революционных исторических задач буржуазия, — что этот манифест написан тем же самым П. Б. Струве, который так вскоре после этого повел поход против всякой «ортодоксии».

Во всяком случае, все мы согласны были в том, что разговоры с Струве и его коллегами, которые должны были вскоре приехать в Псков, должны вестись на основе ясно формулированного нами нашего credo (— символа веры. *Ред.*), в котором должна быть недвусмысленно подчеркнута наша позиция не только в вопросе о революционной борьбе с царизмом, но и в вопросе о теоретической борьбе против ревизионизма и реформизма. Я предсказывал, что в этом случае соглашение будет сорвано в самом начале. «Посмотрим», — отвечали мне товарищи.

Ульянов взялся составить проспект новой газеты, с которым мы должны были затем ознакомить наших «друго-врагов», чтобы поставить им ребром вопрос, намерены ли они нас поддерживать.

Между прочим, для меня выяснилось, что от поддержки или, по крайней мере, дружественного нейтралитета группы Струве зависит до известной степени вопрос о денежных средствах, которыми мы сможем располагать для начатия широкой издательской и организационной работы. Рассчитывать на помощь местных комитетов мы не могли, даже оставляя в стороне вопрос о том, сойдемся ли мы с большинством их. Скудные кассы местных партийных организаций были совершенно неприспособлены к тому, чтобы поддержать те предприятия, какие мы имели в виду: регулярно выходящий и технически совершенный печатный орган, транспорт, паспортную «фабрику» и организацию «нелегальных». Для начала наши финансовые перспективы были недурны. Кроме личных средств А. Н. Потресова, которыми он мог располагать, имелись обещания от А. М. Калмыковой, всецело сочувствовавшей нашему начинанию. Кроме того, у Ульянова имелся на Волге знакомый фабрикант, обещавший снабдить его тысячей или двумя рублей. Но дальше приходилось уже рассчитывать (по личным связям А. Н. Потресова и А. М. Калмыковой) на людей, которые, принадлежа к кругу, как впоследствии выражался Потресов, «марксистообразной демократии», могли бы закрыть перед нами свои кошельки, если б Струве и К° объявили нам войну. Одно из таких лиц — переводчик Канта, Жуковский — помнится, к тому времени тоже пообещал уже 1.000 рублей на нашу газету.

Через день или два в Псков прибыл наш старый соратник покойный Степан Иванович Радченко и сообщил, что с следующим поездом прибудут для переговоров П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский. Почему-то не мог приехать В. Я. Богучарский. Не прибыл также ожидавшийся нами инженер и промышленный деятель Тилло, социал-демократ еще с 80-ых годов, который в это время вместе с С. И. Радченко олицетворял в Петербурге «ортодоксальную» традицию и помогал ему бороться с натиском «экономистски» настроенной молодежи в «Союзе борьбы».

Встреча произошла на квартире Любови Николаевны Радченко, отбывавшей в Пскове двухлетний гласный надзор за свою долгую деятельность в Петербургском Союзе борьбы. Предварительно мы прочли и одобрили написанный Владимиром Ильичем проспект новой газеты.

Во время чтения я наблюдал за лицами наших гостей. Мне любопытно было, как будут они реагировать на те выражения, в которых

гацию и был автором представленного последней конгрессу доклада об аграрном вопросе в России.

«объявление» говорило о вреде революционному движению, принесенном «критикой марксизма». На лице М. И. Туган-Барановского было заметно не то огорчение, не то недоумение, моментами он явно сдерживался, чтобы не прервать чтение. Напротив, Струве держался с олимпийским спокойствием, сквозь которое, однако, иногда можно было схватить чуть-чуть насмешливый огонек в глазах. По окончании чтения его лицо выражало скорее удовлетворение, или даже вежливое одобрение прослушанного.

— Что же думаете вы, господа, обо всем этом? — спросил Ульянов.

Струве сказал что-то общее и неопределенное в том смысле, что, оставаясь, конечно, при своем мнении относительно некоторых вопросов, он, в общем и целом, ничего не имеет против документа. Говорил он, как бы неохотно, выцеживая из себя слова. Ясно было, что всей мысли он не высказывает.

Простодушному Михаилу Ивановичу, повидимому, дипломатия была не по душе. Он заговорил горячо о том, что во всей той части декларации, которая говорит о состоянии социал-демократии и марксизма, он усматривает острие, направленное лично против него и Струве и притом крайне несправедливое, бьющее в лицо фактам. Именно он и Струве всячески поддерживали *политическое* направление в социал-демократии, воздействуя в соответствующем духе на практиков, с которыми они соприкасались, и давая статьи на политические темы для нелегальных изданий. Между тем, наша декларация делает «критику марксизма» ответственной за «экономизм» и отказ от политической борьбы. Самая характеристика критики марксизма дана такая, что он, Туган, должен поставить перед собой вопрос: могут ли они с Струве поддерживать наше начинание, если это место останется в декларации? Продолжавший молчать Струве выражением своего лица одобрял Тугана в его вылазке. Ну, — подумал я, — как-то Владимир Ильич вывернется из щекотливого положения?

Он взял немедленно слово и пытался противопоставить возражению Тугана фактический материал. «Досье» (— «дело», материалы. *Ред.*), собранное им, оказалось довольно богатым, хотя и состоящим из фактов, сравнительно мелких. Дело все шло о разных попытках более старых петербургских социал-демократов (Тилло, Радченко и др.) организовать какое-нибудь литературное выступление против «экономизма» и поддержать, таким образом, Плеханова. Из приведенных Ульяновым данных вытекало, что каждый раз «легальные марксисты» отказывались содействовать такому предприятию, ссылаясь на то, что они считают нетактичным и вредным всякое нападение на тех, кто ведет работу среди пролетариата. Впрочем, возможно, что этот аргумент мы впервые услышали от наших оппонентов здесь же на собрании, как объяснение их отказов. Во всяком случае, они напирали именно на это объяснение, на нежелание питать внутри-партийную борьбу. Ульянов, а затем и Потресов возражали, что, напротив, они-то и питали ее, идеологически поддерживая бунт против «ортодоксии» и тем соблазняя малых сих из социал-демократической молодежи к разрыву с Группой «Освобождение Труда». Струве возражал, что отстранение Группы «Освобождение Труда» от руководящей роли в партии он считал злом и говорил с практиками в этом духе. В общем, беседа велась в очень мирных тонах и, когда Ульянов выразил готовность чуть-чуть смягчить пассус, говорящий о роли, сыгранной «критиками марксизма», то, к моему удивлению, дело явно пошло на соглашение. Спор, принявший уже теоретический характер, как-то само собой угас, и когда мы спросили: каково же, в конечном счете, ваше отношение к нашему начинанию, я удивленно услышал твердое заявление Струве: мы считаем его необходимым и будем посильно поддерживать, после чего попросил принять от него ежемесячный взнос, помнится, в 5 рублей. Туган-Барановский, который, повидимому, не прочь был еще поспорить и «поторговаться», сказал с несколько

хмурым лицом, что он вносит тоже, как ежемесячную лепту, 10 рублей. Если бы мы предвидели, как разойдутся наши пути, мы бы, вероятно, сохранили, как исторический памятник, полуимперіал, врученный будущим злейшим врагом социализма и революции — для основания органа, посвященного яростной защите социализма и революции.

По отъезде наших гостей, мы урегулировали наши дела на ближайшее время. Решено было, что А. Н. Потресов в ближайшем же времени поедет заграницу, вступит в непосредственную связь с Плехановым и Аксельродом и уже теперь озаботится об издании теоретического журнала, который, во всяком случае, будет выходить заграницей. Относительно политической газеты, мы, пока что, должны были считаться с желанием практиков попробовать ее издание в России. Сами мы совершенно скептически относились к возможности обеспечить выход органа в России и надеялись, если съезд (речь идет о «втором» съезде партии, созыв которого в мае 1900 г. проектировался заграничным Союзом русских социал-демократов; съезд не состоялся; см. примечание 7. *Ред.*) поручит нам его редакцию, склонить товарищей к переносу его в Германию. Потресов должен был, поэтому, выяснить у немецких социал-демократов возможность конспиративной постановки газеты в Германии: мы не хотели печатать газету в эмигрантских центрах, частью, чтобы не попасть в слишком близкое соприкосновение с эмигрантской средой, частью, чтобы быть ближе к русской границе. Ульянов должен был остаться в Пскове до партийного съезда и один или вместе со мной представлять на нем нашу группу, а после съезда, если его результаты будут благоприятны нашим планам, перебраться также заграницу; я же должен был направиться в Полтаву, оттуда завязать связи с южными организациями и специально сблизиться с группой «Южного Рабочего» (см. примечание 139. *Ред.*). Свой переезд заграницу, буде окончательно наше предприятие осядет там, я считал нужным отложить, во всяком случае, на несколько месяцев, признавая необходимым, чтобы хоть один из нас персонально ознакомился с состоянием движения на местах и с новым поколением работников, а также лично собирал материал для первых, наиболее трудных номеров нового органа. Мои товарищи по существу соглашались, но опасались, что за несколько месяцев я успею «провалиться», прежде чем соберусь перейти границу. Вопрос пока остался открытым». (Ю. О. Мартов. Из неопубликованных воспоминаний. «Ленинский Сборник» IV.)

«Проспект новой газеты», упоминаемый Мартовым, это и есть публикуемый здесь первоначальный проект редакционного заявления «Искры» и «Зари». Проект, видимо, был переписан затем в нескольких экземплярах и отправлен с А. Потресовым к Г. Плеханову и Группе «Освобождение Труда». Из записи Вл. Ильича — «Как чуть не потухла Искра?» (см. стр. 15 настоящего тома) — видно, что проект носил заголовок: «От редакции». В той, переписанной печатными буквами, копии заявления, которая хранится в Институте Маркса-Энгельса-Ленина, этого заголовка нет.

В текст копии при переписывании вкрались некоторые неточности (см. на стр. 7 настоящего тома фразу, начинающуюся словами: «Необходимо выработать, во-первых...»). Вообще копия не была, повидимому, тщательно выверена с подлинником и не была, как следует, отредактирована. — 1.

[2]) «*Credo*» — изложение взглядов крайних ревизионистов и оппортунистов на задачи рабочего класса в России, стремившихся навязать рабочему движению чисто либеральную программу действий. Написано Е. Кусковой (в 1899 г.). Пересланное в Сибирь к Вл. Ильичу «Credo» немедленно вызвало с его стороны резкий «Протест российских социал-демократов» (см. стр. 473 II тома Сочинений), поддержанный всей революционной

социал-демократией. Об обстоятельствах написания и опубликования «Credo» и «Протеста» см. примечания 65, 66 и 67 ко II тому Сочинений. — 6.

[3]) *«Рабочая Мысль»* — газета, выходившая с октября 1897 г. по декабрь 1902 г. (№№ 3 — 11 и № 16 вышли в Берлине, остальные в Петербурге). Наиболее яркий и последовательный орган «экономизма», все внимание сосредоточивший на узко-экономической борьбе, противопоставляемой борьбе политической, якобы не входящей в задачи рабочего класса, преклонявшийся перед стихийностью рабочего движения и относившийся враждебно к централистической организации партии и к «интеллигенции». Первые четыре номера «Рабочей Мысли» изданы группой того же наименования (в группу входили «интеллигенты»: Н. А. Богораз, Н. Корсак-Кулаженко, В. Наденн, Н. А. Алексеев, Е. Крумзе, врач Мандельберг, рабочие: В. Поляков, Я. Андреев, И. Михайлов, конторщик Фельдман; практическую работу по изданию «Р. М.» нес, главным образом, К. Кок — бывший садовник), при чем газета выходила первоначально независимо от Петербургского «Союза борьбы» («Комитета»), в качестве «органа петербургских рабочих». После издания № 4 «Рабочая Мысль» была превращена в орган Петербургского Комитета, в большинстве своем примыкавшего к «экономическому» направлению. Редактировалась «Р. М.» К. Коком и, главным образом, К. Тахтаревым-Петербуржцем (№№ 4, 7, 10), позже Н. Лоховым-Ольхиным. №№ 1 и 2 печатались на мимеографе (по 500 экз. каждый) и представляют в настоящее время библиографическую редкость. Заграницу второй номер попал раньше первого. Содержание этого № не давало возможности Группе «Освобождение Труда» с достаточной определенностью судить о подлинных тенденциях «Р. М.»; поэтому № 2 «Рабочей Мысли», рассматривавшийся, как проявление местной «рабочей» инициативы, встретил сочувственный отзыв со стороны «Листка Работника» (№ 7, апрель 1898 г., библиографическая заметка В. Засулич) — органа заграничного «Союза русских социал-демократов», редактировавшегося в то время Группой «Освобождение Труда». Появление затем заграницей № 1 «Рабочей Мысли» с программной статьей ярко экономического характера (см. документ № 4 во II томе Сочинений) не оставляло уже никакого сомнения насчет оппортунистического направления нового органа. После перехода «Союза русских социал-демократов» и «Листка Работника» в руки «молодых» социал-демократов, сочувствовавших экономизму, эта статья была перепечатана В. П. Иваньшиным в № 9 — 10 «Листка Работника» (ноябрь 1898 г.) и одобрена им. Критический разбор упомянутой статьи, затем «Отдельного Приложения» к «Рабочей Мысли» (сентябрь 1889 г., в особенности статьи некоего Р. М. — «Наша действительность»; возможно, что автор этой статьи В. П. Иваньшин, член редакционной коллегии «Союза русских социал-демократов», близко стоявший в то же время к редакции «Рабочей Мысли», может быть — К. Кок) и вообще всего направления «Рабочей Мысли» в целом — дан Вл. Ильичем в статье «Попятное направление в русской социал-демократии» (См. стр. 529 II тома Сочинений) и в «Что делать?» (см. стр. 359 настоящего тома). — 6.

[4]) В одной из глав своих «Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie» 1899 («Предпосылки социализма и задачи социал-демократии»; стр. 170 первого немецкого издания), полемизируя с Г. В. Плехановым, Эд. Бернштейн писал:

«Чтобы выставить в надлежащем свете полемические приемы г. Плеханова, я должен упомянуть, что большая, если не бо́льшая часть работающих в России русских социал-демократов, в том числе редакция русской рабочей газеты, решительно присоединились к точке зрения, близкой к моей, и что некоторые мои «бессодержательные» статьи были переведены по-русски и распространены в отдельных изданиях».

Это место во многих изданиях книги Бернштейна на русском языке выпущено или же дается с сокращениями (в том числе и в лондонском издании 1900 года).

Редакцию какой «русской рабочей газеты» разумел здесь Бернштейн, неизвестно; всего вероятнее, что здесь имелась в виду «Рабочая Мысль». — 6.

[5]) *Группа «Освобождение Труда»* — социал-демократическая организация, основанная в сентябре 1883 г. эмигрировавшими за границу народниками «чернопередельцами» — Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельродом, В. И. Засулич, Л. Г. Дейчем и вскоре умершим В. Н. Игнатовым — и просуществовавшая до 2-го съезда партии (август 1903 г.), когда группа, в связи с созданием единой партии, заявила о прекращении своего самостоятельного существования. Группа сыграла исключительно важную роль в истории русской социал-демократии, дав теоретическое и программное обоснование ее деятельности (подробнее о Группе см. примечание 28 ко II тому Сочинений).

Отказавшись на 1 съезде заграничного «Союза русских социал-демократов» (в ноябре 1898 года) от редактирования изданий «Союза», за исключением № 5—6 (последнего), издававшегося Союзом «Работника» и двух брошюр Ленина («Новый фабричный закон» и «Задачи русских социал-демократов»), Группа, видя рост оппортунистических и ревизионистских взглядов и настроений, как в среде «Союза», так и среди русских соц.-демократических организаций, решила возобновить свою самостоятельную литературную деятельность и с этой целью выпустила в конце 1899 г. написанное П. Б. Аксельродом «Объявление о возобновлении изданий Группы «Освобождение Труда». (См. «Документы и материалы» № 1, стр. 533.) — 5.

[6]) *«Рабочая Газета»* — орган киевских социал-демократов. Вышло всего два номера: № 1 — август 1897 г. и № 2 — ноябрь (декабрь — по Эйдельману) 1897 г.; оба печатались нелегально в Киеве. Участие в «Рабочей Газете» принимали Б. Эйдельман, П. Тучапский, Н. Вигдорчик, В. Перазич и др. 1-й съезд Р.С.-Д.Р.П. (1898 г.) признал «Рабочую Газету» центральным органом партии. Однако возобновить издание «Рабочей Газеты» не удалось (см. примечание 79 ко II тому Сочинений), и № 3 не вышел. — 7.

[7]) В начале 1900 года заграничный «Союз русских социал-демократов», в котором руководящая роль к этому времени перешла от Группы «Освобождение Труда» к «молодым», склонившимся к экономизму, заручившись предварительно согласием и поддержкой Бунда (Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Польше, Литве и России), повел агитацию за созыв *второго партийного съезда*, для чего в Россию были посланы с целью объезда русских организаций агенты Союза (П. Ф. Теплов и Ц. Копельзон — «Гришин», «Тимофей»). Съезд должен был восстановить разбитый арестами 1898 года Центральный Комитет и возобновить издание центрального органа партии — «Рабочей Газеты». Редактирование «Рабочей Газеты» предполагалось поручить «искровской» группе (Ленин, Мартов, Потресов), о литературных планах которой Союз был осведомлен. Идея Союза о созыве съезда встретила поддержку со стороны некоторых комитетов. За съезд высказалась и такая влиятельная организация как «Южный Рабочий» (Екатеринослав).

«Искровская» группа не разделяла этих настроений, считая созыв съезда преждевременным и опасаясь закрепления на нем влияния экономистов. Так как, однако, было возможно, что съезд все же соберется, то «искровская» группа списалась по этому поводу с Группой «Освобождение Труда», чтобы представительствовать на съезде от ее имени. Группа «Осв. Тр.» согласилась с предложением искровцев и прислала от себя мандат Ленину. Съезд предполагалось созвать в Смоленске 6 мая 1900 г. Так как

к назначенному сроку прибыло всего лишь несколько человек: В. Н. Розанов, Ц. Копельзон от «Союза», К. Портной и Д. Кац («Тарас») от Бунда, А. Гинзбург от «Южного Рабочего» — то съезд не состоялся. Делегат «Искры» на съезде не был.

Об отношении искровцев ко «второму» съезду Вл. Ильич упоминает в «Что делать?» (см. стр. 483 настоящего тома: «Четвертый факт»).

[8]) Ленин имеет в виду написанный им в конце 1899 года для невышедшего в свет № 3 «Рабочей Газеты» «Проект программы нашей партии» (см. стр. 505 II тома Сочинений). Названный «Проект» представлял собой продолжение начатых Вл. Ильичем в 1895 — 96 г.г. работ по программным вопросам («Проект и объяснение программы социал-демократической партии» — см. стр. 423 I тома Сочинений), получившим затем окончательное оформление в тех предложениях, которые были выдвинуты Вл. Ильичем в 1902 г. во время выработки редакцией «Искры» программы партии (см. V том Сочинений). — 8.

[9]) Цитата из брошюры П. Б. Аксельрода «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов», Женева, 1898 г., стр. 28. — 10.

[10]) «Освобождение рабочих может быть делом только самих рабочих» (The emancipation of the working classes must be conquered by the working classes themselves) — слова Маркса из мотивировочной части написанного им в 1864 г. временного устава Международного Товарищества Рабочих (Интернационала). — 10.

[11]) «*Комментарием*» назвал брошюру Вл. Ильича П. Б. Аксельрод в своем предисловии, датированном осенью 1898 года, к первому изданию «Задач русских социал-демократов». Аксельрод писал в предисловии: «Предлагаемая брошюра написана была около года тому назад, но нами — к сожалению — получена, вместе с другим манускриптом того же автора, лишь недавно. Она, однако, за это время нисколько не утратила своего жизненного интереса и значения. И если мы выражаем сожаление по поводу ее позднего появления в печати, то только потому, что полгода тому назад она явилась бы отчасти как бы непосредственным комментарием к «Манифесту Российской Социал-Демократической Рабочей Партии», выдвигающему на первый план те же практические задачи, какие ставит перед нею автор печатаемого произведения».

[12]) Брошюра «Рабочее дело в России» написана Ю. Мартовым в 1899 г. в Туруханске (Сибирь) и в том же году издана заграничным «Союзом русских социал-демократов». Брошюре предпослано предисловие «От редакции», в котором имеются, между прочим, следующие строки: «В общепонятном изложении книжка дает обоснование главных требований русского рабочего движения, начиная с ближайших и восходя к основным целям социал-демократии». — 11.

[13]) «*Искра*» — социал-демократическая газета, руководящий орган российской социал-демократии в период 1900 — 1903 г.г. Основана по инициативе Ленина, которому в газете принадлежала роль идейного руководителя и практического организатора, редактировалась В. И. Лениным, Г. В. Плехановым, Ю. О. Мартовым, П. Б. Аксельродом, А. Н. Потресовым и В. И. Засулич.

По окончании «Псковского совещания» Потресов, по соглашению с Лениным, тотчас же выехал в Германию для переговоров с германскими социал-демократами об издании «Искры» нелегально в одной из немецких с.-д. типографий. По приезде Ленина — в Швейцарии, в Корсье (около Женевы) состоялось в августе 1900 г. совещание Ленина и Потресова с членами Группы «Освобождение Труда», посвященное вопросу о программе издания и организации редакции. Совещание едва не закончилось разрывом и срывом всего предприятия (см. «Как чуть не потухла Искра?»). Одним из источников недовольства Плеханова Лениным и По-

тресовым являлось твердое намерение последних издавать «Искру» не в Швейцарии, в Женеве или Цюрихе, где проживали члены Группы, а в Германии. Это намерение диктовалось желанием сделать редакцию «Искры» возможно более независимой от «стариков», не имевших непосредственных связей с революционным движением в России и не улавливавших практических нужд последнего. «Искровцы» настояли на своем, и «Искра» начала издаваться в Германии, сначала в Лейпциге, потом в Мюнхене, наконец, в Штутгарте, в типографии известного соц.-демократического издателя Дитца (J. H. Dietz, 1834—1922). Редакция, вернее ее основное ядро (Ленин, приехавший весной 1901 года Мартов, Потресов и Засулич), находилась в Мюнхене, Плеханов жил в Женеве, Аксельрод—в Цюрихе. За все время существования «Искры» редакции ее почти ни разу не удалось собраться в полном составе. Необходимость пересылать рукописи на просмотр всем членам редакции немало затрудняла ведение редакционных дел «Искры». В начале 1902 г. немецкая полиция напала, при содействии агентов русской охранки, на следы существования в Германии нелегальной «искровской» организации. Опасаясь провала, редакция «Искры» решила, по совету немецких соц.-демократов, покинуть Германию и в апреле 1902 г. переехала в Лондон, в составе Ленина, Мартова и Засулич, вопреки настояниям Плеханова и Аксельрода, предлагавших редакции обосноваться в Швейцарии. Спустя год, весной 1903 г., издание «Искры» было перенесено в Женеву.

«Искра» возникла, как результат блока двух групп: группы русских социал-демократов (Ленин, Мартов, Потресов) и заграничной Группы «Освобождение Труда» (Плеханов, Аксельрод, Засулич). Это разделение на две группы, из которых «лидером» одной был Ленин и «лидером» другой — Плеханов, продолжало «неофициально» иметь место и внутри общей редакции, проявляясь в ряде программных, тактических и организационных разногласий между Лениным и Плехановым, при чем голосование нередко приводило к разделению редакции на две равные части: 3 и 3. Создавшееся положение мешало Вл. Ильичу и его единомышленникам проводить свою линию без лишних трений и проволочек и отражалось на успешности работ «Искры». Поэтому Вл. Ильич вынужден был (во второй половине 1903 г.) поставить вопрос об изменении состава редакции: сначала о расширении ее до 7 человек путем введения в «Искру» Л. Д. Троцкого, которого Ленин имел основание в этот период, до съезда, считать своим единомышленником (это предложение было отклонено, благодаря противодействию Плеханова); позже, на втором съезде — о сокращении (сужении) редакции до 3-х человек (Ленин, Плеханов, Мартов). Из разногласий, имевших место внутри «Искры», временами достигавших значительной остроты и создававших иногда угрозу разрыва и раскола, можно отметить следующие: формулировка задач «Искры», вопрос о месте издания «Искры», отношение к статье Ленина: «Гонители земства и Аннибалы либерализма», программа партии, отношение к статье Ленина: «Аграрная программа русской социал-демократии», вопрос о существовании соц.-дем. газеты «Южный Рабочий» параллельно с «Искрой», вопрос о демонстрациях. Характер некоторых разногласий (напр., в вопросе о демонстрациях) в литературе совершенно не выяснен.

Секретарем «Искры» первоначально была И. Г. Смидович («Димка»), с апреля 1901 года до раскола и выхода из редакции Ленина (1 ноября 1903 г.) — Н. К. Крупская, ведавшая также всей перепиской «Искры» с русскими соц.-дем. организациями. Номера «Искры» датировались по старому стилю. № 1 вышел 24 (11) декабря 1900 г.

До 2-го съезда (август 1903 г.) вышло 45 №№ «Искры». На 2-м съезде, расколовшемся на большинство и меньшинство, редакция была сформирована в составе Ленина, Плеханова (от большинства) и Мартова (от меньшинства). Аксельрод, Засулич и Потресов, примкнувшие к меньшинству,

не были избраны съездом в редакцию. Мартов также отказался войти в редакцию, и №№ 46 — 51 «Искры» вышли под редакцией Ленина и Плеханова. 1 ноября Ленин вышел из «Искры» в виду расхождения с Плехановым, ставшим на путь примиренчества и сближения с меньшинством. № 52 вышел под единоличной редакцией Плеханова, кооптировавшего затем в редакцию Мартова и отвергнутых съездом Аксельрода, Потресова и Засулич. Начиная с № 53 «Искра» хотя формально выходит в качестве центрального органа партии, является на самом деле фракционным органом меньшинства и остается таковым вплоть до своего последнего № (112, октябрь 1905 г.). С переходом «Искры» в руки меньшевиков «новая» «Искра» теряет свой прежний революционный характер и начинает вести борьбу против тех тактических и организационных идей, которые пропагандировались на страницах ленинской «Искры» и легли в основу деятельности революционной социал-демократии. «Между старой и новой «Искрой» лежит пропасть» — провозгласило меньшинство устами Л. Троцкого — одного из своих видных сторонников в этот период.

В архиве Вл. Ильича найден составленный самим В. И. Лениным перечень статей «Искры» (до № 45 включительно) с указанием авторов. Из этого списка видно, что статьи: «К вопросу о программе» и «Мобилизация реакционных сил и наши задачи», вошедшие в первое издание Сочинений, не принадлежат Ленину (статьи эти написаны Мартовым). Из того же списка следует, что в первом издании оказались пропущенными несколько ленинских статей: «Новое побоище», «Начало демонстраций», «Признаки банкротства», «Московские зубатовцы». В настоящее издание включено, наряду с сейчас указанными статьями, также несколько заметок из «Искры», которые хотя и не поименованы в названном выше списке по своей сравнительной маловажности (список касается только статей), но, несомненно, принадлежат Ленину.

Составившая эпоху в истории партии ленинская «Искра» была не только литературной группой и литературным предприятием. Она являлась в то же время организационным центром по воссозданию и восстановлению партии. Отстаивая революционный марксизм и ведя непримиримую борьбу с оппортунистическим крылом социал-демократии и народничеством, «Искра» проделала в то же время под руководством Ленина громадную практическую работу по преодолению кружковщины и преобразованию русских социал-демократических организаций в единую партию на началах строжайшего организационного централизма.

С целью реорганизации партии «Искра» создала кадр «агентов», «профессиональных революционеров», которые в течение 3-летней работы сумели добиться признания принципов «искризма» со стороны подавляющего большинства организаций и тем самым подготовили почву для созыва 2-го съезда и восстановления партии, как организованного целого.

В тексте заметки «Как чуть не потухла Искра?», излагающей переговоры Ленина и Потресова с Группой «Освобождение Труда» в августе 1900 г., нами опущено и заменено точками несколько резких выражений Плеханова по адресу «Бунда», в общей сложности около 5 строк печатного текста.

[14]) Имеется в виду «раскол», происшедший между Группой «Освобождение Труда» и большинством заграничного «Союза русских социал-демократов» на II съезде «Союза» в апреле 1900 года. Разногласия между стоявшей на точке зрения ортодоксального марксизма Группой и склонявшимся к экономизму и ревизионизму большинством «Союза» достигли к этому времени таких размеров, что принудили Группу и ее единомышленников покинуть съезд, порвать организационные отношения с «Союзом» и создать новую Революционную Организацию «Социал-Демократ». — 19.

[15]) Неизвестно, какой эпизод имеет в виду Плеханов, говоря о полученном им (от Ленина?) «приказе» «не стрелять» в Струве. Наличие в воззрениях Струве, еще тогда, когда он признавал себя марксистом, уклонений от марксизма, предопределивших его дальнейшую эволюцию в сторону ревизионизма и буржуазной апологетики, было своевременно констатировано Вл. Ильичем, задолго до того как превращение Струве в буржуазного демократа стало для всех революционных социал-демократов, в том числе и для Плеханова, очевидным фактом. Еще в первой половине 1894 г., до появления «Критических заметок» Струве, Ленин счел нужным оговорить в «Друзьях народа» свое несогласие с некоторыми взглядами Струве, изложенными им в статье «К вопросу о капиталистическом развитии России» («Sozialpolitisches Centralblatt», октябрь 1893 г., № 1). «Я не могу не сказать также,—писал Ленин,—что солидарен не со всеми, высказанными им, т.-е. Струве, положениями...» (стр. 202 I тома Сочинений).

Вышедшие в сентябре 1894 г. «Критические заметки» Струве Ленин тогда же, осенью 1894 г., подверг резкому критическому разбору в реферате «Отражение марксизма в буржуазной литературе». Реферат этот лег затем в основу статьи Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (статья написана в конце 1894 года, напечатана в уничтоженном цензурой сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», 1895 г.). Наоборот, Плеханов в своей книге: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (конец 1894 г.) не вскрыл ревизионистских тенденций в книге Струве и не отмежевался от них, взяв Струве целиком под свою защиту. Поэтому во время пребывания Ленина заграницей (весна — осень 1895 г.) и посещения им Группы «Освобождение Труда» от Ленина во всяком случае не мог исходить «приказ» Плеханову «не стрелять» в Струве. Возможно, что Плеханов имел в виду какую-нибудь беседу свою с А. Потресовым, тоже видным представителем Петербургской организации, приезжавшим в том же 1895 г. в Швейцарию к Плеханову. — 20.

[16]) «*Новое Слово*» — журнал, начавший выходить в 1894 г., как орган правых народников, с С. Н. Кривенко в качестве руководителя. В 1897 г., начиная с апрельской книжки, журнал перешел в руки «легальных марксистов» и, несмотря на цензурные преследования, продержался до конца года (последняя, декабрьская, книжка была конфискована при выходе в свет, а журнал прекращен постановлением четырех министров). В редактировании его принимали участие: П. Струве (П. С., Novus), М. Туган-Барановский, А. М. Калмыкова, В. Поссе. Сотрудничали, кроме того: Г. В. Плеханов (Н. Каменский), В. П. Засулич (В. Иванов), В. И. Ленин (К. Т-н), Ю. Мартов (А. Егоров), С. Булгаков (Nemo), М. Горький, В. Вересаев и др. В сентябрьской книжке «Нового Слова» за 1897 г. Струве напечатал статью: «Международный конгресс по вопросам законодательной охраны рабочих», в которой заявлял, в связи с одной статьей Энгельса, что в марксистской теории, возникшей в 40-х годах, в настоящее время «уже далеко не все соответствует действительности» и что «социальная катастрофа», «которая в 40-х годах, по объективным материальным условиям производства, казалась столь близкой, теперь не то, чтобы отдалилась, а просто-на-просто исчезла из реалистического поля зрения, подобно тому, как старое представление о геологических катаклизмах исчезло из геологической науки». Плеханов, сотрудничавший в «Новом Слове», не счел нужным выступить против взглядов, проводившихся в журнале Струве. Молчание Плеханова в этом вопросе крайне поражало находившегося в это время в Сибири Ленина, который писал по этому поводу Потресову 29 июня 1899 г.: «Не понимаю только одного, как *мог* Каменский оставить без ответа статьи Струве и Булгакова в «Новом Слове» против Энгельса? Не объясните ли Вы мне этого?» («Ленинский Сборник» IV). — 20.

[17]) В своем направленном против экономистов «Vademecum'е («Путеводителе». *Ред.*) для редакции «Рабочего Дела» (1900 г.) Г. Плеханов опубликовал на ряду с другими документами два имевших принципиальное значение, но формально частных письма: одно принадлежавшее М. М. (Е. Д. Кускова, автор «Credo»), другое — Г. (бундист «Гришин» — Н. Копельзон, видный в то время деятель «Союза русских социал-демократов»). Оба письма с несомненностью свидетельствовали о ревизионистских воззрениях их авторов. Ленин вообще полностью солидаризировался с плехановским «Vademecum'ом» как официально, в печати, так и в переписке с «искровцами». В письме к Н. Крупской, написанном приблизительно в то же время, что и запись «Как чуть не потухла Искра?», Ленин писал: «...против всяких обвинений, направленных на Плеханова, надо прежде всего решительно установить, что *вся суть* его брошюры — именно объявление войны «позорным» принципам «кредизма» и «кусковщины», именно принципиальный раскол, а раскол, «драка» в «Союзе» лишь *побочный* результат этой принципиальной драки» («Ленинский Сборник» I). — 20.

[18]) «*Наш третий*», т.-е. Ю. О. Мартов («Егор»), который во время переговоров Ленина и Потресова с Плехановым и другими членами Группы «Освобождение Труда» находился еще на юге России и приехал в Мюнхен, где обосновалась редакция «Искры», только в марте 1901 г. — 21.

[19]) *Всеобщий Еврейский Рабочий Союз в Польше, Литве и России* («*Бунд*»), охватывавший в своей деятельности главным образом массы еврейских ремесленников, образовался в сентябре 1897 г. на учредительном съезде еврейских соц.-дем. групп в Вильне. Главные органы «Бунда» — «Arbeiterstimme» («Рабочий Голос»), издавался нелегально в России, и «Judischer Arbeiter» («Еврейский Рабочий»), издавался в Женеве Заграничным Комитетом Бунда. С 1901 г. Бунд стал издавать заграницей информационный листок «Последние Известия» (до января 1906 г. вышло 256 №№). В своей тактике и политике Бунд стоял ближе к экономистам, чем к «искровцам».

Бунд вошел в Р. С.-Д. Р. П. на 1-м ее съезде в 1898 г., «как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата». На своем IV съезде (в апреле 1901 г.) Бунд принял резолюцию о замене автономии федерацией: «Представляя себе Р. С.-Д. Р. П. как федеративное соединение социал-демократических партий всех наций, населяющих Российское государство, съезд постановил, чтобы Бунд, как представитель еврейского пролетариата, вступил в нее как федеративная часть, и поручает Центральному Комитету Бунда провести это решение в жизнь». Резолюция Бунда об изменении своего положения в партии, а также резолюция по национальному вопросу, делавшая уступки национализму, вызвали немедленно возражения со стороны редакции «Искры» и ответ Ц. К. Бунда («Искра» №№ 7 и 8). «Рабочее Дело» заняло благожелательную позицию по отношению к резолюциям IV съезда (см. Б. Кричевский «По поводу IV. съезда Бунда» в «Р. Д.» № 11 — 12). Сепаратистские тенденции Бунда продолжали развиваться, — и в 1903 г., в связи с подготовкой 2-го съезда, привели к резкой литературной дискуссии «Искры» с Бундом по вопросу о необходимости для еврейского пролетариата самостоятельной рабочей партии. На 2-м съезде Р. С.-Д. Р. П. в 1903 г. Бунд вышел из партии, после того как съезд отверг его требование признать Бунд единственным представителем еврейского пролетариата и принять построение партии на федеративных началах (о дальнейшей истории Бунда см. примечание 102 ко II тому Сочинений). — 21.

[20]) «*Бобо*» — П. Б. Струве. — 21.

[21]) Повидимому, Л. И. Аксельрод (Ортодокс) — позже известная писательница-марксистка по вопросам философского материализма; автор ряда работ (собраны в сборниках: «Философские очерки» — 1906 г., «Против идеализма» — 1922 г.). В «Заре» были напечатаны ее статьи: «Почему мы

не хотим идти назад?» (против Бердяева) в № 2—3 и «О некоторых философских упражнениях некоторых «критиков»» (против Струве) в № 4. — 22.

[22]) «*Neue Zeit*» («Новое Время») — научный журнал германской социал-демократии, выходивший с 1883 по 1922 г. Редактором журнала до войны был К. Каутский. В период 1899 — 1902 г.г. в «Neue Zeit» сотрудничали: А. Бебель, Э. Бернштейн, Г. Кунов, П. Лафарг, В. Либкнехт, Фр. Меринг, Э. Вандервельде, А. Лабриола, К. Цеткин, Р. Люксембург, Парвус, В. Адлер и др.

В 1897 г. Э. Бернштейн начал печатать в «Neue Zeit» без всяких оговорок со стороны редакции свои ревизионистские «Probleme des Sozialismus» («Проблемы социализма»). Одна из статей первой серии «Проблем», отрицательно отнесшаяся к теории неизбежного крушения капиталистического общества и революционного переворота («Zusammenbruchtheorie»), вызвала резкие возражения Парвуса, констатировавшего возникновение в германской социал-демократии ревизионизма. После опубликования Бернштейном второй серии его «проблем» («Das realistische und das ideologische Moment im Sozialismus» — «Реалистический и идеологический момент в социализме») в №№ 34 и 39 за 1897—1898 г.г. «Neue Zeit» редакция «Neue Zeit» вынуждена была открыть дискуссию на страницах журнала в связи с явным пересмотром Бернштейном всех основных положений марксизма. Первой дискуссионной статьей пошла статья Г. Плеханова «Bernstein und der Materialismus» («Бернштейн и материализм») — в № 44 «Neue Zeit» от 19.VII.1898 г., затем последовали статьи Плеханова против Конрада Шмидта, которому Бернштейн, по его собственным словам, был обязан своим поворотом в философии от материализма к кантианству. (Статьи Плеханова: «Konrad Schmidt gegen Karl Marx und Friedrich Engels» — «Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса», в № 5 XI.1898, «Materialismus oder Kantianismus» — «Материализм или кантианство», в №№ 19 и 20). В том же 1898 г. Плеханов обратился к Каутскому с открытым письмом по поводу занятой им недостаточно определенной позиции в споре ортодоксов с ревизионистами. В дальнейшем статей Бернштейна редакция «Neue Zeit» не печатала, и Бернштейн выпустил их отдельной книгой (известная «книга Бернштейна», евангелие ревизионизма, «Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie». Dietz-Verlag. 1899 г. — «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии», книга вышла в марте 1899 г.). Статьи Плеханова на философские темы за этот период напечатаны в XI томе его Сочинений. — 22.

[23]) Революционная Организация «*Социал-Демократ*» возникла после раскола «Союза русских социал-демократов» на его 2-м съезде (в апреле 1900 г. в Женеве), составившись из Группы «Освобождение Труда» и тех членов Союза (Блюменфельд, Линдов, Гольденберг-Мешковский, Кольцов и др.), которые поддерживали Группу в ее борьбе с большинством Союза и вместе с нею ушли со 2-го съезда. Организация (первоначально предполагалось назвать ее «Русским социал-демократическим союзом») просуществовала до октября 1901 г., когда она вместе с Группой «Искры» и «Зари» образовала «Заграничную Лигу революционной социал-демократии». Под фирмой «Социал-Демократа» вышло «Красное знамя в России» (Мартова), «Из записной книжки социал-демократа» (Плеханова) и несколько переводных брошюр. — 23.

[24]) *N* — Нюренберг, где Вл. Ильич был проездом из Женевы в Мюнхен (после съезда группы «Искры» и Группы «Освобождение Труда») и откуда им 5 сентября было послано письмо Х'у (см. «Ленинский Сборник» I и соответствующий том переписки в настоящем издании): это письмо как раз позволяет «расшифровать» N, как Нюренберг. — 30.

[25]) Проект договора, написанный Вл. Ильичем в вагоне железной дороги в первых числах сентября, нам неизвестен. В архиве Института

сохранился напечатанный на машинке более поздний проект, датированный 6 октября и принадлежащий в основном, повидимому, тоже Вл. Ильичу.

Приводим текст этого договора:

«1. Сборник «Заря» и газета «Искра» издаются и редактируются группой русских социал-демократов при редакционном участии Группы «Освобождение Труда».

2. Все принципиальные и имеющие особенно серьезное значение статьи редакция сообщает, если это не невозможно по редакционно-техническим условиям, всем членам Группы «Освобождение Труда».

3. Члены Группы «Освобождение Труда» голосуют по всем редакционным вопросам, лично — при присутствии их в месте жительства редакции, письменно — при сообщении им статей.

4. В случае разногласия с Группой «Освобождение Труда» редакция обязуется напечатать целиком особое мнение Группы или каждого ее члена в отдельности.

5. Опубликованию подлежит только первый пункт этого соглашения». — 31.

[26]) Публикуемый здесь документ известен в литературе под именем «Объявления об издании Искры» (под таким заголовком он помещен и в первом издании сочинений Ленина). Сам автор в своей переписке всюду называет этот документ «Заявлением». Это название сохранено нами и в настоящем издании. Первоначальный проект заявления (см. стр. 1 настоящего тома) излагал одновременно программу двух органов: журнала и газеты. Настоящее заявление исходит только от редакции «Искры». Задачи «Зари» предполагалось изложить в особой статье, в первом номере журнала, но, по независящим от редакции обстоятельствам, этот проект остался неосуществленным (см. примечание 45 к настоящему тому).

Написанное Вл. Ильичем и дополненное остальными членами редакции заявление было издано за границей дважды. Первоначально заявление было напечатано в октябре 1900 г., до выхода № 1 «Искры», отдельным листком (на обеих страницах) под таким заголовком: «Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия. Искра». Дальше следовал эпиграф: «Из искры возгорится пламя (Ответ декабристов Пушкину)». В конце 1903 или в 1904 году листок был переиздан (с ошибками и некоторыми сокращениями) редакцией «Искры», находившейся в это время в руках меньшевиков, при чем заголовок заявления был изменен и принял такой вид: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Искра. Центральный Орган Российской Социал-Демократической Рабочей Партии». Дальше следовал тот же эпиграф. Текст заявления напечатан на одной стороне листка. — 33.

[27]) *«Группа самоосвобождения рабочего класса»* — небольшая и мало влиятельная группа, возникла осенью 1898 г. (в Петербурге), ликвидирована охранным отделением в апреле следующего года. По своим воззрениям Группа, руководимая Д. В. Гурари, К. А. Поповым и В. А. Кожевниковым, была близка к экономистам и «Рабочей Мысли». За кратковременный период своего существования Группа успела составить «манифест» или «воззвание» [опубликовано в издававшемся в Лондоне журнале «Накануне», № 7, июль 1899 г., как воззвание «Группы самоосвобождения рабочих» (а не «рабочего класса»); разобрано Лениным в «Что делать?»], устав Группы и несколько прокламаций к рабочим. (О Группе см.: Б — в. «Петербургское движение и практические задачи социал-демократов», «Рабочее Дело» № 6 за 1900 г., и Е. Михайлова. Из комментариев к «Что делать?». «Красная Летопись» № 1 за 1925 г.). — 38.

[28]) *«Рабочее Дело»* — орган заграничного «Союза русских социал-демократов», начал выходить взамен «Листка Работника» после отказа Группы «Освобождение Труда» на съезде Союза в 1898 г. от редактирования изданий Союза. Журнал редактировался Б. Кричевским, Сибиряком (П. Тепловым) и В. Иваньшиным; ближайшим сотрудником «Р. Д.», а позднее и ре-

дактором состоял А. Мартынов (Пиккер). Всего вышло 12 номеров (в 9 книгах, из которых 3 заключали в себе двойные номера: №№ 2—3, 4—5 и 11—12). № 1 вышел в апреле 1899 г., № 11—12 в феврале 1902 г. Под редакцией «Р. Д.» выходили также «Листки Рабочего Дела» (8 номеров за 1900—1901 г.г.) и гектографированные бюллетени под заголовком: «Из материалов редакции» (1902 г.). После прекращения «Рабочего Дела» и «Листков» — «Союз» выпустил 3 номера «Красного Знамени» (ноябрь 1902 г. — январь 1903 г.). — 38.

[29]) Брошюра «*Майские дни в Харькове*» составлена О. А. Ерманским. Это одна из первых корреспонденций, полученных «Искрой» еще до выхода в свет первого номера, как практический результат тех переговоров, которые велись «искровцами», в данном случае Мартовым, находившимся в это время на юге России, с различными русскими соц.-демократическими организациями о поддержке нового литературного предприятия и о сотрудничестве. О первомайских событиях в Харькове см. А. Б. «Чему учит Харьковская маевка?» («Заря» № 1), В. Рудпев. «Майские события 1900 г. в Харькове» («Летопись Революции», журнал Киевского Истпарта. № 3, 1925 г.), В. Матросов. «Первомайская демонстрация 1900 г.» (там же).

По поводу предисловия Вл. Ильича к «Майским дням в Харькове» П. Аксельрод писал Ленину 17 ноября 1900 г.: «Предисловие прекрасное, два раза прочел и оба раза очень понравилось. Почти жалею, что оно так приурочено к брошюре-корреспонденции, что не может быть напечатано *в газете*, как самостоятельная статья по поводу прошлогодних майских манифестаций. Боюсь только как бы «проницательные» и прочие «дорогие» читатели не уличили автора (или авторов) предисловия и передовицы «Наши задачи» (т.-е. «Насущные задачи». См. стр. 55 настоящего тома. *Ред.*) в разногласии с автором брошюры «Красное Знамя» (брошюра Мартова. *Ред.*), некоторые места которой могут быть истолкованы в приверженности к исключительно «частичной агитации»» («Ленинский Сборник» III). — 43.

[30]) Перед 1 мая в Харькове распространялись по крайней мере две первомайских прокламации. Одна издана за подписью Харьковского Комитета Р. С.-Д. Р. П. («Первое мая — 18 апреля 1900 г. — Всемирный рабочий праздник». См. «Летопись Революции», журнал Киевского Истпарта № 3, 1925 г., стр. 218), другая напечатана в типографии «Южного Рабочего», за подписью: «Комитеты Р. С.-Д. Р. П.» («Первое мая. 18 апреля. Рабочим и работницам всей России ко дню рабочего праздника первого мая Рос. Соц.-Дем. Раб. Партия шлет братский привет»). Требование созыва земского собора, о чем упоминает Вл. Ильич, имеется во второй прокламации, где оно выражено в такой форме: «Мы должны добиваться, чтобы государство управлялось, законы издавались, налоги взимались и расходовались не по решению царя и его чиновников, этих слуг капиталистов, а по решению народных представителей, избранных всеми гражданами». — 51.

[31]) При печатании статьи «Насущные задачи» в «Искре» по вине типографии из текста оказались выпавшими несколько строк; соответствующая поправка сделана редакцией на последней странице «Искры». Статья написана Вл. И. в первой половине ноября 1900 г., не позднее 16 числа. О статье известен благоприятный отзыв Аксельрода (письмо Ленину 17 ноября 1900 г.). — 55.

[32]) Партия «*Народной Воли*» возникла в 1879 г. в результате раскола партии «Земля и Воля», распавшейся на «Народную Волю» и «Черный Передел» (см. примечание 219). Самая сильная и наиболее героическая из организаций, созданных крайним революционным крылом русской интеллигенции. Теоретические взгляды партии отражали общую неразвитость классовых отношений России 80-ых годов и были проникнуты эклектизмом, в котором сочетались народнический (мелкобуржуазный) социализм и стремление к политической свободе, часто в весьма умеренной форме. «Народная Воля» отказалась на деле от аполитического анархизма пред-

шествовавших ей революционных организаций русской интеллигенции, но, не умея решить вопроса о сочетании социализма и политической борьбы, фактически отодвинула на задний план социалистические задачи.

Метод борьбы «Народной Воли» — террор, проводимый строго централизованной и законспирированной организацией с Исполнительным Комитетом во главе; в перспективе — переворот, осуществляемый путем заговора и восстания. Партия имела связи в среде интеллигенции, студенчества, офицерства, вела отчасти пропаганду среди передового слоя рабочих («Народной Волей» изданы два номера «Рабочей Газеты»).

Исполнительный Комитет партии, куда входили А. Желябов, С. Перовская, Н. Морозов, Зунделевич, А. Михайлов, В. Фигнер, Л. Тихомиров (позже — ренегат) и др., с громадной энергией вел террористическую борьбу с самодержавием; одно покушение следовало за другим, пока серия террористических актов не завершилась убийством Александра II 1 марта 1881 г. Партия не сумела найти дорогу к широким массам, и ее террористическая борьба не сопровождалась каким-либо массовым революционным движением, что дало возможность правительству жестокими преследованиями, казнями и провокацией разбить и разгромить партию. Исчерпавший свои силы в неравной борьбе с самодержавием Исполнительный Комитет «Народной Воли» после 1885 г. более не возобновлялся, и партия «Народной Воли» сошла с исторической сцены.

В 1886 г. возникла террористическая группа с А. И. Ульяновым (брат Вл. Ильича) и П. Я. Шевыревым во главе, примыкавшая к традициям «Нар. Воли» и пытавшаяся организовать покушение на Александра III («второе 1 марта»). Группа была раскрыта, и активные участники ее казнены.

Партией «Н. В.» издавалось социально-революционное обозрение «Народная Воля» (с октября 1879 г. по октябрь 1885 г. вышло 12 номеров), «Листок Народной Воли», журнал (заграничный) «Вестник Народной Воли» (№№ 1 — 5). — 56.

[33]) Вл. Ильич приводит здесь заключительные слова из речи Петра Алексеева, произнесенной им 10 марта 1877 г. перед царским судом в Петербурге («процесс 50»). Речь П. Алексеева неоднократно переиздавалась («Социалист» № 1, июнь 1889 г., издание Рапопорта; «Речь П. А. Алексеева», с предисловием Г. Плеханова, 1889 г., издание Русского социал-демократического Союза, Рабочая Библиотека, выпуск 3; «Две речи: П. Алексеева и Варлена» — Женева, 1901 г., Рабочая Библиотека, серия 2, выпуск 2, типография заграничной Лиги Русской революционной социал-демократии; «Социал-демократический календарь на 1902 г.», издание группы «Борьба» и др.). — 59.

[34]) По поводу статьи Вл. Ильича «Раскол в заграничном Союзе русских социал-демократов», написанной им не позднее 7 декабря 1900 г., Плеханов обратился к мюнхенской редакции «Искры» с просьбой «заменить в заметке о расколе слово *обвинение* (против меня) словами: *ложный слух*» и далее: «если это можно, выкинуть слова насчет заслуг «Рабочего Дела»». Предлагавшиеся Плехановым изменения в статью Ленина внесены не были. Существовали также, нам неизвестные, замечания Аксельрода, по поводу которых Вл. Ильич писал Аксельроду 11 декабря: «Я внес желаемые Вами исправления, но не мог только выкинуть вовсе слова о заслугах «Рабочего Дела», — мне кажется, это было бы несправедливо по отношению к противнику, имеющему не только проступки перед социал-демократией» («Ленинский Сборник» III, см. соответствующий том переписки в настоящем издании). «Рабочее Дело», по его собственному заявлению (№ 9), собиралось печатно выступить против заметки Вл. И. о расколе, но в виду начавшихся переговоров рабочедельцев с искровцами о соглашении отказалось от этого намерения. — 65.

[35]) 5-й международный социалистический конгресс в Париже происходил с 23 по 27 сентября 1900 г. На конгрессе присутствовало около

800 делегатов (в частности русская социал-демократия была представлена на конгрессе непропорционально большой делегацией; 24 делегата).

Центральным вопросом, сосредоточившим на себе внимание конгресса и вызвавшим оживленную дискуссию, являлся вопрос о завоевании политической власти пролетариатом и о допустимости участия социалистов в буржуазном министерстве. Обсуждение этого вопроса приобрело особую остроту в связи с так называемым «случаем Мильерана». Мильеран, французский социалист, член парламента, под предлогом необходимости защиты республики от грозящей ей опасности со стороны монархистов, вступил (в июне 1899 г.) министром торговли в кабинет Вальдека-Руссо (одним из членов кабинета был знаменитый генерал Галифэ — палач Парижской Коммуны) и, несмотря на протесты революционного крыла французских социалистов, главным образом «гэдистов» и «бланкистов», продолжал оставаться в правительстве даже после того, как оно прибегло к расстрелам бастующих рабочих в Шалоне и на Мартинике. Жорес, лидер французских оппортунистов, поддерживал Мильерана.

По данному вопросу конгресс принял следующую «примиренческую» резолюцию, предложенную Каутским: «В современном демократическом государстве завоевание политической власти пролетариатом не может быть достигнуто просто путем какого-нибудь насильственного действия (eines blossen Handstreiches), но может явиться лишь результатом долгой и трудной работы в области политической и экономической организации пролетариата, а также результатом его физического и нравственного возрождения и постепенного проникновения избранных им представителей в муниципальные советы и законодательные собрания.

Но где правительственная власть централизована, там ее завоевание не может совершиться по частям. Вступление отдельного социалиста в буржуазное министерство не может считаться нормальным началом завоевания политической власти и должно быть рассматриваемо как временный и исключительный прием в борьбе с трудными обстоятельствами.

Находятся ли налицо в отдельном случае эти трудные обстоятельства — это вопрос тактики, а не принципа. Он не подлежит рассмотрению конгресса. Однако, во всяком случае этот опасный опыт может быть полезен лишь тогда, когда его одобряет значительное большинство организованной социалистической партии и когда социалистический министр является и остается уполномоченным этой партии.

Где социалистический министр действует независимо от своей партии; где он перестает быть ее уполномоченным, там его вступление в министерство превращается из средства, способствующего усилению пролетариата, в средство, содействующее его ослаблению, и из средства, способствующего завоеванию политической власти, в средство, препятствующее этому завоеванию. Конгресс полагает, однако, что даже в этих крайних случаях социалист должен покинуть министерство, если организованная партия найдет, что это последнее дало очевидные доказательства своей пристрастности в борьбе труда с капиталом».

Текст резолюции, предложенной Гэдом и собравшей меньшинство голосов, таков:

«Пятый международный конгресс, собравшийся в Париже, напоминает, что под завоеванием политической власти надо понимать мирную или насильственную политическую экспроприацию класса капиталистов.

Понятое таким образом завоевание политической власти оставляет место лишь для занятия тех избирательных постов, которыми партия завладеет путем употребления в дело своей собственной силы, т.-е. силы рабочих, организованных в партию, защищающую его классовые интересы (parti de classe), и по необходимости запрещает всякое участие социалиста в буржуазном правительстве, по отношению к которому социалисты должны находиться в непрерывной оппозиции».

Плеханов, Аксельрод и Засулич голосовали за резолюцию Гэда.

Приняв ряд решений по другим вопросам (в том числе о блоке с буржуазными партиями и о всеобщей стачке), Конгресс постановил также учредить постоянный международный комитет или секретариат с местопребыванием его в Брюсселе. — 65.

[36]) Запись касается переговоров, которые велись в Мюнхене 29 декабря 1900 г. «Искрой» (Ленин, Потресов, Засулич) с «демократической оппозицией» (зародыш политической организации русской либеральной буржуазии, впоследствии создавшей «Освобождение», а затем констит.-демокр. партию) в лице П. Струве об условиях сотрудничества Струве и его группы с революционной социал-демократией. Переговоры продолжались в течение всего января 1901 г., при чем для обсуждения условий соглашения в Мюнхен приезжали в первой половине января на несколько дней П. Аксельрод и Г. Плеханов.

Отказываясь быть просто сотрудником «Искры», Струве, имевший значительные связи в среде буржуазной интеллигенции, откуда он мог в изобилии получать всякого рода «обличительные» (против самодержавия) материалы, выдвинул проект издания, на ряду с «Зарей» и «Искрой», третьего органа — «Современное Обозрение». Не возражая в принципе против блока со Струве и против издания последним «Современного Обозрения» в качестве *приложения* к «Заре», Вл. И. настаивал в то же время на полной свободе использования редакцией «Искры» всего поступающего от Струве для «Современного Обозрения» материала и на выходе «Современного Обозрения» не чаще, чем выходит «Заря». При соблюдении этих условий руководящая роль в блоке была бы сохранена за социал-демократами, и Струве был бы лишен возможности проводить и пропагандировать свою политическую линию за счет оттеснения на задний план «Искры» и «Зари». План Струве, отстаивавшего «равноправие» и полную автономию, сводился как раз к устранению в блоке социал-демократической гегемонии и к возложению на редакцию «Искры» ряда технических функций по обслуживанию издаваемого им, Струве, «Современного Обозрения».

30 января 1901 г. в Мюнхене состоялось совещание (Ленин, Потресов, Засулич, Аксельрод, Струве и его жена Н. А. Струве), на котором большинство «искровцев» — против голоса Ленина — высказалось за соглашение со Струве на основе условий последнего. Ленин формально протестовал против этого решения и обратился за поддержкой к присутствовавшему на совещании Плеханову, предлагая разрыв со Струве, но Плеханов не поддержал Ленина и солидаризировался с остальной частью редакции «Искры». Переговоры со Струве продолжались (до марта), и обе стороны выработали проекты заявлений, которые должны были объяснить и обосновать сотрудничество «Зари» и «демократической оппозиции». В заявлении редакции «Зари», написанном Плехановым, между прочим говорилось: «...редакция «Зари» предприняла издание обще-политического приложения к своему журналу совместно и на равных правах участия в редакции с представителями демократической оппозиции»... По случайным причинам заявления Плеханова и Струве своевременно опубликованы не были, а спустя короткий срок переговоры со Струве вообще были прерваны, и пути революционной социал-демократии и Струве окончательно разошлись. — 67.

[37]) «*Близнец*» — П. Б. Струве. — 67.

[38]) «*Велика*» — В. И. Засулич. — 67.

[39]) «*Же*» — жена П. Струве, Н. А. Струве. — 67.

[40]) «*Товарищ и друг*» — М. И. Туган-Барановский. — 68.

[41]) «Временные правила 29 июля 1899 г. об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемых из сих заведений за учинение скопом беспорядков», изданы правительством по

инициативе К. П. Победоносцева для борьбы со студенческим движением в результате больших студенческих «беспорядков» первой половины 1899 г., возникших на почве недовольства студенчества университетским уставом и сопровождавшихся забастовкой всех высших учебных заведений в России, массовым увольнением студентов, избиениями и т. д.; опубликованы в № 165 «Правительственного Вестника» (31 июля/12 августа 1899 г.); изданию «Временных правил» предшествовало назначение комиссии бывшего военного министра Ванновского для выяснения причин студенческих волнений. — 69.

[42]) «*Аннибалова клятва*» — метафора, обозначающая в данном случае непреклонную решимость бороться до конца с самодержавием — подобно карфагенскому полководцу Аннибалу, поклявшемуся не прекращать борьбы с Римом до полного разрушения его могущества. — 71.

[43]) «*Южный Край*» — ежедневная общественная и литературно-политическая газета в Харькове, консервативно-монархического направления, травившая всякое проявление освободительного движения. Основана в 1880 г., издавалась и редактировалась ярым реакционером А. А. Иозефовичем. — 72.

[44]) Дело об убийстве в полицейском участке городовыми крестьянина Воздухова, послужившее материалом для заметки Вл. И. «Бей, но не до смерти», могло стать известным Вл. Ильичу только из хроникерской заметки в №№ 24 и 26 «Русских Ведомостей» от 24 и 26 января («Судебная хроника. Выездная сессия Московской судебной палаты в Нижнем-Новгороде. Убийство полицейскими задержанного в части.— От нашего корреспондента»). Все упоминаемые Вл. И. обстоятельства дела приведены в этой заметке. Консервативные газеты («Новое Время», «Московские Ведомости») воздержались от помещения на своих страницах соответствующих отчетов о судебном процессе.

№ 26 «Русских Ведомостей» от 26 января Вл. И. мог получить в Мюнхене на второй или третий день, следовательно, свою заметку об убийстве Воздухова он написал после 28—29 января. Два других судебных дела, упоминаемых Вл. И. в примечаниях (на стр. 80—81 и 88 настоящ. тома), позволяют с достаточной точностью определить время написания первого очерка Вл. Ильичем: о первом деле была заметка в № 31 «Московских Ведомостей» от 31 января (13 февраля), о втором деле (М. Клишкова) — в № 32 «Русских Ведомостей» от 1 февраля. Из примечания на стр. 88 видно, что о деле Клишкова Вл. И. узнал после того, как им был написан основной текст статьи («Эти строки были уже написаны, когда газеты прислали...» и т. д.). Таким образом, первый очерк написан в самых последних числах января, примечания, по крайней мере, два из них,—в самом начале февраля.

Для 2-ой главы «Случайных заметок» («Зачем ускорять превратность времен?») — Вл. И. использовал материалы, опубликованные в № 273 «Орловского Вестника» от 11 октября 1900 г. («Чрезвычайное Орловское собрание»). Использованный Вл. Ильичем доклад М. А. Стаховича губернскому дворянскому собранию был сделан Стаховичем 7 октября. Приводимые Вл. И. в статье мнения членов собрания о возможности предоставления дворянам должностей сборщиков денег с казенных винных лавок взяты из речей Языкова, Цурикова, Нарышкина и Стаховича. Для 3-ей главы «Случайных заметок» («Объективная статистика») упоминаемые Вл. И. на стр. 96 узаконения и распоряжения правительства (№№ 2905—2929 за 1900 г. и №№ 1—60 за 1901 г.) взяты им из №№ 20—27 «Московских Ведомостей» за 1901 г. (с 20 января по 27-е включительно). — 75.

[45]) «*Заря*» — социал-демократический научно-политический журнал, издавался в Штутгарте под редакцией Г. Плеханова, В. Ленина, П. Аксельрода, Ю. Мартова, В. Засулич и А. Потресова.

Выходу «Зари» предшествовала следующая заметка в «Искре» (№ 2): «С января настоящего года в Штутгарте у известного издателя г. Дитца

будет выходить научно-политический журнал «Заря», издаваемый и редактируемый несколькими русскими социал-демократами (т.-е. Лениным, Мартовым и Потресовым. *Ред.*) при ближайшем участии Г. В. Плеханова, П. Б. Аксельрода и В. И. Засулич. Вполне солидарная с нами во взглядах на теоретические и тактические вопросы русской социал-демократии, редакция «Зари» будет выполнять часть той программы, которая изложена в опубликованном нами, одновременно с № 1 «Искры», заявлении «От редакции»».

Программа «Зари» должна была быть изложена в небольшой редакционной статье П. Аксельрода, но так как по некоторым местам этой статьи можно было сделать вывод о связи открыто издававшейся «Зари» с нелегальной «Искрой», печатавшейся в той же типографии нелегально, то Дитц, опасаясь подвести свое издательство под удары германской полиции, отклонил печатание статьи Аксельрода. Чтобы не оставить № 1 «Зари» без вводной статьи, пришлось спешно заменить статью Аксельрода следующим коротеньким, написанным, повидимому, Потресовым, обращением «К читателям»:

«Лозунг старого мира когда-то гласил: «Le roi est mort, vive le roi!» («Король умер, да здравствует король!» *Ред.*). Начиная наш орган «Зарю», мы говорим: подцензурный русский марксизм скончался, пережив себя, — мир праху его и да здравствует свободная мысль революционной социал-демократии — этого палладиума русского освобождения!

Волны рабочего движения хлещут все выше и выше, общественное возбуждение против давящих оков абсолютизма растет, и на русского социал-демократа-писателя все повелительнее надвигается задача: осмысливать каждый шаг в поступательном ходе движения, в процессе полустихийного его нарастания, указывать пути и средства, намечать программу, формировать агитаторов и, ведя беспощадную борьбу с представителями современного «критицизма», будить теоретическую мысль и нести в широкие слои читающей массы тот «дух жив», без которого никогда не окрепнет великое освободительное движение.

Удастся ли «Заре» в настоящий момент теоретического кризиса и практического хаоса выполнить хоть часть намеченных задач, покажет будущее. Сейчас мы выпускаем на суд читателей наш первый опыт».

По тем же соображениям охранительного порядка Дитц изменил и обложку журнала, вычеркнув указание на участие в журнале «нескольких русских социал-демократов» и оставив лишь имена Плеханова, Аксельрода и Засулич.

Всего вышло три книги «Зари»: № 1 — апрель 1901 г. (фактически № 1 вышел 23 марта пов. ст.), № 2 — 3 — декабрь 1901 г., № 4 — август 1902 г. В журнале напечатаны статьи: Ленина («Случайные заметки», «Гонители земства и Аннибалы либерализма», «Гг. критики в аграрном вопросе», «Внутреннее обозрение», «Аграрная программа российской социал-демократии»), Плеханова («Еще раз социализм и политическая борьба», «Критика наших критиков», «Cant против Канта»), Потресова, Мартова, Засулич, Каутского, Парвуса, Лядова (Лейтейзена), Рязанова, Стеклова, Дейча и др.

Во время возникших в 1902 г. разногласий и конфликтов внутри редакции «Искры» и «Зари» Плеханов выдвинул проект отделения журнала от газеты (с тем, чтобы оставить за собой редактирование «Зари»), но это предложение не было принято, и редакция обоих органов оставалась все время общей. — 75.

[46]) Цитата из статьи Глеба Успенского «Федор Михайлович Решетников» (Сочинения. Издание Ф. Павленкова, II. 1891 г., том III, отдел: «Статьи разного содержания», стр. 332). — 90.

[47]) По поводу № 3 «Искры» и, в частности, статьи Вл. Ильича «Рабочая партия и крестьянство» П. Аксельрод писал в начале мая 1901 г. редакции «Искры» (Мюнхен): «Прекрасное впечатление произвело наше

детище на брата (Плеханова. *Ред.*) и на меня... Статьи главные прямо прекрасны, можно сказать, блестящи; что они умно написаны, оценка и характеристика событий и положения etc. безукоризненны, das ist selbstverständlich (— это само собой разумеется. *Ред.*). Петров (Ленин. *Ред.*), конечно, догадывается, что требование возвращения «отрезков» меня ein wenig (— немного. *Ред.*) шокирует, хотя и кажется мне в то же время замечательным, как агитационный прием. Шокирует оно меня не радикализмом своим, а *утопизмом*. Есть принципиальная разница между радикальным революционным требованием, хотя бы и не осуществимым при данном и предполагаемом в ближайшем будущем соотношении общественных сил, но теоретически возможным и необходимым, с нашей точки зрения, и требованием, по своему внутреннему характеру утопическим. Но это мое личное, частное, unmassgebliche (— не решающее. *Ред.*) мнение. А статья — на славу!» («Ленинский Сборник» III). Возражения эсеров против статьи, в частности по поводу взгляда «Искры» на сельско-хозяйственных рабочих, см. «Революционная Россия» № 13 (ноябрь 1902 г.) «Программные вопросы» и «По поводу одной прокламации» там же; № 21, 1 апреля 1903 г. «От редакции» (стр. 14 — 15), № 38, 15 декабря 1903 г. «Аграрная программа русской социал-демократии». — 100.

[48]) Программными вопросами Вл. Ильич начал заниматься еще в 1895—1896 г.г. во время пребывания в тюрьме (Петербург), где им были написаны проект программы социал-демократической партии и объяснение программы (см. I том Сочинений, стр. 423—445). Находясь в ссылке, Вл. Ильич снова вернулся к работе над программой и весною 1899 г. написал для «Рабочей Газеты» второй проект «программы нашей партии» (см. II том Сочинений, стр. 505—528). Об этом проекте Вл. Ильич и говорит здесь. Когда во второй половине 1901 г. перед редакцией «Искры — Зари» встал, по инициативе Вл. Ильича, вопрос о выработке программы партии, в качестве материала для суждения был привлечен и названный выше проект Ленина. Об обстоятельствах, сопровождавших выработку «Искрой — Зарей» программы партии, и об остром конфликте на этой почве между Лениным и Плехановым см. V том Сочинений. — 105.

[49]) Статья «С чего начать?», организационные и тактические идеи которой легли потом в основу «Что делать?», не была просмотрена в рукописи или корректуре одним из членов редакции — Аксельродом, сообщившим Вл. Ильичу после выхода статьи в свет, что если бы он имел возможность предварительно ознакомиться со статьей, то у него нашлись бы кое-какие «Bedenken (— соображения. *Ред.*) против изложения «наброска проекта», хотя, впрочем, Аксельрод тут же оговаривался, что «не только вся статья, но и специально этот «набросок» мне очень понравился» (письмо 12 июня). Статья, однако, настолько шла вразрез с традиционными представлениями в тактической и особенно организационной областях, что когда примыкавший в то время к искровцам Ю. Невзоров (Стеклов) прислал в редакцию направленную против «С чего начать?» статью «Итак, с чего начать?», то половина редакции (Мартов, Потресов, Аксельрод) голосовала за напечатание статьи Невзорова в «Заре», правда, с одновременным критическим разбором ее. Голоса разделились пополам (Ленин, Засулич и Плеханов голосовали против), и статья Невзорова не пошла.

Особенные нападки «С чего начать?» вызвало со стороны «Рабочего Дела» (статья А. Мартынова «Обличительная литература и пролетарская борьба» в № 10 «Р. Д.»).

«Брошюра», о которой упоминает в статье Вл. Ильич, — «Что делать?». — 107.

[50]) Редакция «Рабочего Дела» дала «смягченную» по сравнению с Г. Плехановым постановку вопроса о борьбе с самодержавием в своем «Ответе на письмо П. Аксельрода и Vademecum Г. Плеханова» (Женева 1900 г.). Всячески доказывая Аксельроду, что разногласия между «моло-

дыми» социал-демократами и Группой «Освобождение Труда» касаются исключительно организационных вопросов и не имеют ничего общего с «антиполитическим течением» (т.-е. экономизмом), редакция «Рабочего Дела» вынуждена была, однако, констатировать наличие разногласий «программно-тактического свойства», оговорив, впрочем, что эти разногласия касаются будто бы «сравнительно второстепенных вопросов». Перечисляя разногласия по «сравнительно-второстепенным», на самом деле принципиальным, вопросам с Группой «Освобождение Труда», редакция «Рабочего Дела» отметила среди них пункт о борьбе рабочего класса с самодержавием. Программа Группы, изданная в 1885 г., так формулировала задачи пролетариата в данной области: «Поэтому борьба против него (абсолютизма) обязательна даже для тех рабочих кружков, которые представляют собою теперь зачатки будущей русской рабочей партии. Низвержение абсолютизма должно быть их первой политической задачей». Это положение Гр. «Осв. Тр.» подверглось критике «Рабочего Дела», пересмотру и оппортунистическому исправлению. «По нашему мнению — заявила редакция «Р. Д.» — низвержение абсолютизма *не может быть «первой* политической задачей рабочих кружков». Рабочим *кружкам* вообще недоступны политические задачи в действительном, *практическом* смысле этого слова, т.-е. в смысле целесообразной и успешной *практической борьбы* за политические требования» (стр. 24). Тем самым борьба с самодержавием отодвигалась вдаль и переставала быть центральной задачей рабочего класса в ближайший исторический период. — 107.

[51]) Корреспонденции о волнениях и майских стачках в Петербурге напечатаны в № 5 «Искры» (июнь 1901 г.) под заголовком: «Первое мая в России» (из Отдела: «Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов»). — 115.

[52]) Официальное сообщение о событиях на Обуховском заводе 7 мая не было опубликовано в «Правительственном Вестнике», — как обычно, а появилось в больших газетах (напр., «Новое Время», № 9049 от 9 (22) мая 1901 г.) без особого заголовка, без указания на источник, лишь с пометкой: «Мы получили следующее сообщение», — и дальше идет тот текст сообщения, выдержки из которого приводит Вл. Ильич. «Сообщение» передано газетам, разумеется, жандармским отделением. — 115.

[53]) Издавая впервые в 1895 г. работу Маркса «Классовая борьба во Франции от 1848 г. до 1850 г.» («Die Klassenkämpfe in Frankreich 1848—1850»), составившуюся из статей Маркса, печатавшихся в «Новой Рейнской Газете» («Neue Rheinische Zeitung»), Энгельс предпослал марксовой брошюре свое введение, датированное 6 марта 1895 г. Некоторые формулировки Энгельса в этом введении, касавшиеся тактики рабочего класса, подали повод оппортунистам истолковать точку зрения Энгельса, как отказ от революционных методов борьбы пролетариата, провозглашенных Марксом, как принципиальное отрицание целесообразности вооруженного восстания и баррикадных боев при наличии всеобщего избирательного права. Энгельс тогда же, как об этом свидетельствует его переписка с Лафаргом и Каутским, протестовал против каких бы то ни было попыток истолковать его «введение» в духе ревизионизма и реформизма и изобразить автора «введения» в виде «мирного поклонника законности quand même (—во всяком случае. *Ред.*)». Дело в том, что по настоянию Ц.К.германской социал-демократической партии, опасавшегося слишком резким литературным выступлением Энгельса навлечь на партию новые репрессии правительства, Энгельс согласился смягчить в своем тексте некоторые выражения и в таком виде послал рукопись Ц.К.для печати. Ц.К. без ведома Энгельса вычеркнул из присланной ему рукописи ряд особенно боевых формулировок Энгельса, благодаря чему первоначальный текст Энгельса оказался искаженным в самых существенных пунктах и создавал, по словам Энгельса, «позорное впечатление». Энгельс

вскоре умер, не успев добиться опубликования полного текста своего «Введения», а немецкая социал-демократия не сочла необходимым исполнить волю Энгельса и обнародовать его работу в том виде, в каком ее желал видеть сам автор. Вычеркнутые Ц.К. германской социал-демократии из «Введения» строки опубликованы только в 1924 г. в Советской республике. (См. «Архив К. Маркса и Фр. Энгельса», книга I. Д. Рязанов, «Введение Энгельса к «Классовой борьбе во Франции»».) — 117.

[54]) Появлению в «Заре» статьи Вл. Ильича «Гонители земства и Аннибалы либерализма» предшествовала следующая заметка под заглавием «Секретный документ», опубликованная в № 5 «Искры» (июнь 1901 г.) и написанная, возможно, Лениным: «Обращаем внимание читателей на появившуюся у Дитца в Штутгарте записку Витте, напечатанную «Зарей». Направленная против проекта бывшего министра внутренних дел Горемыкина о введении земств в неземских губерниях, «Записка» интересна, как документ, бесстыдно разоблачающий сокровеннейшие вожделения наших правителей. Мы надеемся подробно поговорить в ближайшем номере нашей газеты об этом замечательном документе, равно как и о предисловии к нему г. Р. Н. С. (Струве. *Ред.*). Это предисловие, обнаруживал в его авторе понимание политического значения русского рабочего движения, во всех остальных отношениях отличается обычной, характерной для наших либералов незрелостью политической мысли». Статьи в «Искре» на эту тему не появлялось. Взамен нее пошла большая статья Ленина («Гонители земства») в «Заре».

Обсуждение статьи редакцией «Искры» сопровождалось оживленной перепиской между редакторами, обнаружившей наличие двух точек зрения в среде искровцев по вопросу об отношении революционной социал-демократии к либералам: Ленина, Мартова, Потресова с одной стороны (не входивший в Искровскую организацию Парвус, которому Вл. Ил. показывал статью, отнесся к ней с полным сочувствием), Плеханова, Аксельрода и Засулич — с другой. Приводимые ниже выдержки из переписки членов редакции с достаточной ясностью вскрывают характер разногласий, не достигших, впрочем, такой остроты, как впоследствии, в начале 1902 г., при обсуждении партийной программы, но сигнализировавших все же отсутствие внутри редакции полного единомыслия по коренным вопросам революционной борьбы пролетариата, и дают в то же время представление о первоначальном, не сохранившемся, тексте рукописи Вл. И. и о тех изменениях и поправках, которые были внесены им в статью по настоянию Группы «Освобождение Труда».

Обмен мнений по поводу «Гонителей земства» протекал в такой последовательности.

Закончив в начале июля статью, Вл. И. передал ее затем на просмотр бывшим налицо в Мюнхене членам редакции «Искры»: Мартову, Засулич и Потресову. В. И. Засулич осталась недовольна тем резким, исключавшим по сути дела возможность сближения и сотрудничества, тоном, который взят был Вл. И. по отношению к либералам вообще, и П. Б. Струве в частности. Пересланная затем в Женеву рукопись встретила возражения также и со стороны Плеханова, в свою очередь высказавшегося за смягчение тона статьи и устранение ряда резких формулировок, направленных против либералов. В письме к Ленину 14 июля Плеханов писал следующее:

«Отзывы Ваши о г. Р. Н. С. вполне справедливы. Но... и тут кое-что надо смягчить. И вот почему. В Ваших отзывах слышно весьма понятное *нам* раздражение. Но читателю это раздражение может быть непонятно. Надо говорить, по моему мнению, не раздражаясь, а *сысока:* дескать, жаль, что автор не понял еще того-то и того-то, но по всему видно, что он (автор) человек неглупый; вероятно, современем он подвинется вперед, и тогда у него в статье не будет следующих противоречий

(следуют все указанные Вами противоречия). Но, повторяем, он еще разовьется, и тут надо одобрительно похлопать его по плечу: малый, мол, все-таки не без головы. Поверьте, что так много ехиднее и на читателя не произведет впечатления непонятного раздражения. В первых четырех главах необходимо, по моему, изменить некоторые выражения. Не следует теперь ругать *либерала вообще*. Это не тактично, *надо от плохого либерала апеллировать к хорошему*, хотя бы существование такового и было для нас сомнительно, надо говорить: будем надеяться, что теперь уже не повторятся ошибки в роде отношения Кавелина к Чернышевскому и тому подобное *). Следует несколько раз оговорить, что те, которых Вы презрительно аттестуете, собственно говоря недостойны называться либералами, что плохи *так называемые либералы, а либерализм сам по себе может заслуживать большого уважения*. Мы ведь должны относиться к либералам как к возможным союзникам, а тон у Вас, надо сознаться, совсем не союзнический. Смягчите его, голубчик; статья сама по себе прекрасная и было бы жалко, если бы производимое ею впечатление было отчасти испорчено некоторыми слишком резкими выражениями по адресу либерализма. Вы говорите, как враг, а надо говорить, как союзник (хотя бы только в возможности). Нельзя также прямо сказать: мы хотим, чтобы либералы оказывали нам *услуги*. Мы, действительно, очень хотим этого. Но у Вас это слишком прямо выражено (я даже приписал: «так говорить нельзя»). Надо выражаться *дипломатичнее*. Идеалистический словарь очень богат нужными здесь дипломатическими словами. Обратитесь к нему.

Очень хорошо и умно у Вас место (в конце) о том, что земством, как и хозяйственными организациями рабочих, можно злоупотреблять *против* окончательной цели движения (в одном случае: *социальной*, в другом: политической революции). Но у Вас сказано: хозяйственные организации могут сделать кое-что и т. д.; я поставил *много*. Когда Вы ознакомитесь с бельгийскими кооперативами, Вы сами охотно согласитесь, что хозяйственные организации — при известных Vorbedingungen (—условиях. *Ред.*) — не только кое-что **).

Итак, смягчайте, голубчик. *Либерализм не надо гладить теперь против шерсти — это большая ошибка!*

Но либералов — в роде Бердяева, Струве и других, надо тем старательнее дискредитировать во мнении всех читателей вообще и самих либералов в частности. Вот почему я прошу Вас смягчить преимущественно то, что относится *к либерализму*. Господина Р. Н. С. *надо* разносить, но разносить так, чтобы либерал не думал, что в лице бедного Р. Н. С. разносят его, либерала, вообще. Такое впечатление было бы очень благоприятно для Р. Н. С... А этого надо избегать...» («Ленинский Сборник» III).

В тот же день, 14 июля, Плеханов написал по поводу «Гонителей земства» письмо и Аксельроду в Цюрих, пересланное им Аксельроду вместе с рукописью Ленина.

«Отзыв автора о предисловии к записке — писал Плеханов — вполне справедлив, и здесь смягчать нечего, хотя этого очень хотелось бы В. И. (Засулич. *Ред.*). Но тон его по отношению *к либералам* и к либерализму в России слишком *недоброжелателен*. Много справедливого в его отзывах о наших либералах, но третировать их так, как он, не годится. Да вот еще что. Очень важно, чтобы ты внимательно прочел место, где говорится *о значении земской деятельности*. Ты у нас самый проницательный тактик, и тебе надо решить, прав ли автор. Мне сдается, что тут что-то

*) Под «подобными» я разумею отзыв Чичерина о революционерах 60-х годов в «*России накануне XX века*». Надо объяснить либералам, что так относиться к революционерам им невыгодно. Отчасти это у Вас есть.

**) Эту поправку Плеханова Ленин принял. См. стр. 148 настоящего тома, примечание. *Ред.*

не так. Хотя дело только *в оттенке*, и статью можно печатать, смягчив сомнительные места. Отметки на статье принадлежат, по большей *части*, не мне, а В. И. и Путману (А. Н. Потресову. *Ред.*)» («Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. II).

Свое мнение о «Гонителях земства» Аксельрод изложил в обширном письме 19 июля на имя мюнхенской части редакции:

«Насколько я понимаю, от меня требуется категорическое заявление — за или против резко обличительной полемики Петрова (Ленина. *Ред.*) против либералов и Р. Н. С.

После двукратного чтения статьи я пришел к заключению, что такой вот (голосование. *Ред.*) для меня невозможен. Я лично нахожу, что после того, как редакция «Зари» допустила печатание в своей типографии книги с предисловием Р. Н. С. (речь идет о книге «Самодержавие и земство». *Ред.*), мало того, дала свою фирму («Печатано Зарей»), появление на страницах журнала такой раздражительной филиппики против предисловия может вызвать недоумение в публике. И если дорожить пособничеством либералов, о котором Петров говорит в заключении, то, конечно, следовало бы, особенно в данном случае, избегнуть такого procédé (— поступка. *Ред.*), который может отбить у них всякую охоту снабжать нас обличительным материалом. С этой точки зрения такая, например, фраза, как отчеркнутая на странице 71 (обвинение Р. Н. С. в искажении истории), прямо-таки недопустима *). Но, оставляя в стороне частности и соображения дипломатического свойства, я нахожу критику либерализма русского и предисловия в частности, по *существу* справедливой. Если бы Вы получили литературно-доброкачественную статью на ту же тему от постороннего сотрудника, Вы из-за одного только резко полемического тона не имели бы права отказаться печатать ее и едва ли решились бы на это. Вы бы, по всей вероятности, снабдили ее редакционным *комментарием* — а не полемическим примечанием, — чтобы предупредить недоразумения. Но не принять статьи нельзя было бы хоть бы уже потому, что мы сами до сих пор не выяснили себе как следует и не столковались относительно ligne de conduite (— линии поведения. *Ред.*). Очевидно, настало время для этого. Но такие вопросы мимоходом, особенно перепиской, не могут быть решены. А пока это неопределенное состояние продолжается, нельзя, путем голосования, члену редакции, только потому, что он редактор, навязать тот или другой Standpunkt (— точку зрения. *Ред.*), заставить его соблюдать ту, а не другую ligne de conduite в вопросах, относительно которых мы не пытались даже еще — за отсутствием конкретных поводов — детально сговориться... Мне кажется, что автор напрасно положил в основу всей статьи вопрос о том, «конституционно» ли земство. По моему это дало чересчур односторонее направление его полемике и неблагоприятно отразилось на изложении.

Для нас, кажется мне, на первом плане должен бы стоять вопрос: является ли земство, в какой мере и при каких условиях, элементом или фактором политического брожения. Если оно является или *может* явиться таким фактором, то значит оно, по своей «исторической тенденции», несовместимо с самодержавием, хотя бы представители последнего, в его интересах, шли на половинчатые уступки «общественному мнению», с тем,

*) Повидимому, странице 71 рукописи соответствует стр. 150 настоящего издания. Фразы (подчеркнутой), прямо обвиняющей Струве в искажении истории, в печатном тексте нет, взамен этого на стр. 150 стоит слово «неправда», подчеркнутое, и сказано, что Струве «затушевывает» «исторические факты». Надо думать, что эти выражения явились в результате смягчения Лениным, по настоянию Аксельрода, первоначальной формулировки, восстановить которую, однако, полностью невозможно, так как рукопись не сохранилась. *Ред.*

чтобы разъединить оппозицию. А разве все «реформы» на западе не половинчатые уступки, ради разъединения оппозиционных сил? И разве это мешало и мешает радикальной демократии и революционному пролетариату пользоваться ими, частью как позицией для нападения на существующий строй, частью как орудием и материалом для иллюстрации внутренних противоречий и неустойчивости его? Чрезвычайно живо и интересно обрисована роль общественного подъема и революционных движений в истории нашего земства, но, признаюсь, цельность впечатления и единство изложения нарушается тем употреблением, которое автор делает из того несомненного факта, — отметить его, конечно, очень важно, — что земство есть *уступка*... со стороны абсолютизма... не ради самоуничтожения, а наоборот (см. стр. 152—153 настоящего тома. *Ред.*).

На странице 75 автор указал политические зародыши земства. В виду сбивчивости, недоговоренности, крайней абстрактности и противоречивости предисловия по вопросу о политическом значении земства, Петрову следовало специально развить свои вполне верные замечания по этому вопросу. Это было тем более необходимо в виду его суровой критики по адресу Р. Н. С. Для нас в настоящее время особенно важно выяснить, что «конституционные зародыши» земства могут превратиться в живую революционную силу только под энергическим и систематическим воздействием социал-демократической революционной агитации. Каким же образом могут или могли бы (при теперешней дезорганизации и беспрограммности, это было бы вредно) социал-демократы утилизировать «постоянные конфликты» (см. стр. 151 настоящего тома. *Ред.*) между бюрократией и земством... — вот для нас существенный вопрос. В сущности приблизительно таким же образом, как должны быть политически эксплуатируемы нами все конкретные проявления несовместимости самодержавия с общественной самодеятельностью во всяких видах, на всевозможных поприщах. В статье (брошюре) «Историческое положение...» я, не приводя конкретных примеров, которых знающие люди могут сами привести многое множество, — дал ясный ответ на этот вопрос.

На странице 53 автор говорит, что Р. Н. С. «представляет из себя нечто новое в хоре нашей подпольной литературы» (см. стр. 144 настоящего тома. *Ред.*). Это совершенно верно. Но в чем это «новое» заключается, не выяснено. Неужели только в его пристрастии к «легальному» развитию и страхе перед революцией? Но в этом отношении он является только вторым, несколько видоизмененным изданием Драгоманова. Если особенности его, интересные для нас, проявились в предисловии, то главным образом в том, что он *либерал*, сторонник мирного прогресса, отмечает и подчеркивает: во 1, что легальная и земская оппозиция сможет играть серьезную политическую роль только благодаря рабочему движению, руководимому социал-демократией; во 2, что от наличности крайней революционной партии выигрывают прежде всего и главным образом... «партии умеренные». Это — не «обмолвка», как думает наш друг (см. стр. 156 настоящего тома. *Ред.*), а тенденциозное, вполне рассчитанное указание либералам, очень полезное для них и для нас. За оба эти заявления следовало бы уцепиться обеими «лапами» [классический термин сестры (Засулич. *Ред.*)] — не для комплиментов либералу умному, побывшему в школе у Маркса и у социал-демократии, — а ради поучения либералов, пособничество которых считает полезным и Петров. Спешу... указать на некоторые частности, которые — хотя он и порядком упорен — надеюсь, автор примет во внимание.

1) Параллель между лозунгом Р. Н. С. и лозунгом «копейка на рубль» (см. стр. 154 настоящего тома. *Ред.*) удачна в смысле характеристики оппортунистической тенденции к «объединению» на почве «непосредственно ощущаемых и сознаваемых интересов». Но «объединит» ли Р. Н. С. своим лозунгом либералов, не знаю. Что же касается до рабочих, то лозунг «ко-

пейка на рубль» никоим образом не объединит их «всех». Петров не хуже меня знает, что этот лозунг — если и может соединить одних рабочих, то рабочий класс он *разъединяет*. Только его полемическим настроением относительно Р. Н. С. я объясняю себе его увлечение упомянутой параллелью, которая в указанном пункте может послужить орудием в руках сторонников «Рабочей Мысли».

2) На той же странице (81) автор упрекает Р. Н. С. в том, что он не требует «ограничения самодержавия конституцией». Может, это технический термин в юридической науке — тогда я смиренно склоняю свою голову в сознании своего невежества. Я решаюсь, однако, заметить, что именно умеренные либералы непрочь удовлетвориться «ограничением самодержавия» *(абсолютизма)*, настоящие же, заправские конституционалисты стремятся *уничтожить* абсолютизм. Вот я и думаю, что у автора вкрался lapsus linguae (— обмолвка. *Ред.*).

3) Не слишком ли рано, в таком тоне, говорить либералам, как мы хотим их использовать... (стр. 82 и т. д.)? На мой взгляд относящиеся сюда места в заключении следовало бы изменить, или совсем выбросить...

Еще раз: *я не вотирую* против печатания статьи, потому что считаю невозможным в таких вопросах ограничивать индивидуальность не только близких, но и посторонних товарищей-сотрудников. Статья показывает, что нам очень бы нужно было обстоятельно столковаться по целому ряду очень важных вопросов. А пока это не сделано, должна быть freie Diskussion (— свободная дискуссия. *Ред.*)» («Ленинский Сборник» III).

25 июля, по получении от Аксельрода приведенного выше письма и рукописи статьи, Ленин написал Плеханову о своем отношении к предлагаемым ему Аксельродом и Плехановым изменениям в тексте статьи: «П. Б. Аксельрод тоже стоит за смягчение. И я, разумеется, *внес* уже все конкретно указанные Вами и П. Б. Аксельродом смягчения. Что же касается до перемены всего тона статьи respective (— или. *Ред.*) замены всех нападок ехидным назиданием свысока, — то, хотя мне этот Ваш план и нравится, я сомневаюсь, чтобы я *мог* это сделать. Если бы у меня не было «раздражения» против автора, я бы и не писал так. А раз есть «раздражение» (понятное не только нам, но и всякому социал-демократическому читателю предисловия), то мне уже его не скрыть и тут уже не схитрить. Постараюсь еще и еще смягчить и еще и еще оговорить: может быть кое-что и удастся» («Ленинский Сборник» III).

В письме от 26 июля Ленин сообщал Аксельроду о тех поправках, которые были внесены им в рукопись по предложению Аксельрода: «...*Все* ваши указания на смягчение определенных мест (как и все указания Г. В. Плеханова) я принял во внимание, т.-е. везде смягчил. «Копейка на рубль» объединит всех рабочих: я прибавил «по мнению экономистов» в скобках (см. стр. 154 настоящего тома. *Ред.*). Вместо «ограничения самодержавия» поставил «уничтожения», как Вы указали (стр. 154 настоящего тома. *Ред.*). Стр. 82 — 3, неосторожные в смысле наших видов на использование либералов (т.-е. неосторожно высказанные мысли), я *вычеркнул* вовсе, как Вы советовали. Вставил также примечание с ссылкой на Вашу брошюру «Историческое положение» с указанием, что мало затронутый мною вопрос Вами обстоятельно разобран (стр. 152 настоящего тома. *Ред.*). Вставил пару слов о том, что можно радоваться большому пониманию либералами (в лице Р. Н. С.) рабочего движения (см. стр. 148 настоящего тома. *Ред.*). Вычеркнул вовсе «сожаление» о появлении записки Витте с таким предисловием. Вычеркнул еще несколько резкостей и в первой и во второй половине статьи. Вообще, я вовсе не так уж упорен насчет смягчений частных, но принципиально не могу только отказаться от мысли о нашем праве (и нашей обязанности разнести Р. Н. С. за его политическое жонглерство. Он именно политический жонглер — в этом меня окончательно убедило чтение и перечитывание предисловия, и в свою критику я внес

все, что дали нам последние месяцы [т.-е. Verhandlungen (— торговля, переговоры. *Ред.*) с «теленком», попытка договора etc.], так сказать душу отводил, сводя счеты с этим субъектом. Выяснение вопроса о конституционности земства я считал центром тяжести всей статьи. «Земский» либерализм, это — в области воздействия на общество то же самое, что экономизм — в области воздействия на рабочих. И ту и другую узость мы должны преследовать.

Завтра у нас, вероятно, *решен* будет вопрос о статье. Если она пойдет в печать сейчас, я постараюсь Вам прислать один экземпляр первой корректуры: может быть Вы еще кое-что укажете, и тогда успеем еще подправить (покуда выправляются первая и вторая корректура)».

Узнав из письма Ленина о несогласии Плеханова с «тоном» ленинской статьи, Аксельрод (письмо мюнхенской части редакции 28 июля) еще раз высказал свои соображения о «Гонителях земства».

...«В письме ко мне он (Плеханов. *Ред.*) только высказался в пользу смягчения полемики против либералов. Но я, признаться, не вижу, каким образом можно достигнуть этого, не изменяя характера полемики против Р. Н. С. И в обоих случаях тон и характер полемики органически связаны со всем планом статьи, с ее центральными пунктами и со всем ходом изложения. Я не знаю, какие изменения в ней предлагал брат (Плеханов. *Ред.*). Мне лично кажется, что от «перемены тона» an und für sich (— самое по себе. *Ред.*), т.-е. без радикальных перемен по существу — она может в литературном отношении пострадать. Я должен сознаться, что если бы статья прислана была посторонним сотрудником, то я стоял бы за ее помещение в ее настоящем виде — по той причине, что революционный дух, проникающий ее, очень подкупает и освежающим, ободряющим образом действует. Потому-то у меня не хватило и не хватает духу категорически вотировать против ее «тона». Но noblesse oblige (— положение обязывает. *Ред.*). На этом соображении основано мое критическое отношение к статье, раз она написана Петровым и является выражением коллективного взгляда «Зари — Искры», призванной занять центральное и руководящее положение. Надеюсь, Вы нашли мои замечания в тетради Петрова, отправленной... дней 8 — 9 тому назад. К сожалению, они были слишком отрывочные, но все же Вы из них могли видеть, что для меня центр тяжести недостатков статьи лежит не в «тоне» ее, а в некоторой неясности и сбивчивости взглядов автора по затронутому вопросу. Если Р. Н. С. грешит сбивчивостью и колебаниями вправо, то наш автор грешит теми же недостатками — под влиянием радикальских симпатий. Потому-то он впадает в обличительно-полемический тон, который, говорю откровенно, и мне местами казался nicht am Platze (— неуместным. *Ред.*), по крайней мере, настолько не мотивированным, что я опасался, что он «непонятен будет читателю»» («Ленинский Сборник» III).

В письме от 30 июля Плеханову Ленин кратко извещал его о дальнейшей судьбе «Гонителей земства»:

«Статью свою против Р. Н. С. послал в печать, смягчив ряд резкостей. Написал еще послесловьице к ней, в коем провел параллель между одной статьей Драгоманова («Толцыте и отверзется») и Р. Н. С. в пользу первого *). Смягчу и там (по настоянию Велики) некоторые выражения. Но общий тон моего разноса не поддается уже коренной переделке» («Ленинский Сборник» III).

Однако и после отправки статьи в печать члены Группы «Освоб. Труда» продолжали настаивать на внесении в нее дополнительных поправок. Получив корректуру, Аксельрод послал 28 августа письмо Ленину, в котором подчеркивал «односторонность» в трактовке Вл. Ильичем из-

*) Этого «послесловьица» в печатном тексте статьи нет. Повидимому, оно в последнюю минуту было исключено Вл. И. *Ред.*

бранной им темы: «Общее же мое впечатление приблизительно таково, как после чтения рукописи. Радикальной публике она должна очень понравиться — и я искреннейшим образом буду радоваться, если это мое предположение вполне оправдается. Но лично я все-таки продолжаю думать, что автор односторонним образом использовал литературный материал, по поводу которого статья написана.

Не могу воздержаться от одного замечания. В заключительных строках автор под «мы» обнимает, невольно, революционеров и либералов. «Иллюзии анархизма и народнического социализма ...» (см. стр. 157 настоящего тома. *Ред.*) — одно, а иллюзия парламентерства с самодержавием — другое. Мне кажется, здесь автору легко было бы изменить и вставить пару слов, чтобы не получалось смешения в одно «мы» столь разнородных элементов. Например, после слов: «с геройской интеллигенцией» поставить точку и новую фразу начать словами: Пора бы и либералам нашим освободиться от, казалось бы...*). А насчет «провиденциальной обмолвки» (см. стр. 156 настоящего тома. *Ред.*) автор остался таки непреклонен, а еще удивляется эпитету «упорный»».

Посылая 30 августа в типографию полученную от Аксельрода корректуру рукописи, Вл. И. одновременно уведомлял Аксельрода об отношении своем к поправкам, предложенным им в письме от 28 июля: «Указанную Вами поправку — в конце отделение либералов от революционеров, подошедших под одно «мы» — я сделал. Насчет же «обмолвки провиденциальной» не мог уже ничего предпринять: настолько больших перемен потребовало бы изменение этого места, да и дух весь статьи не позволяет изменить его в смысле устранения «односторонности». Вы правы, конечно, что освещение «одностороннее»: в полемической статье, посвященной нападению на один из флангов наших противников, где уж тут было соблюсти всесторонность! То-есть я хочу сказать, что этот *недостаток* слишком глубоко лежит, чтобы его отдельным изменением устранить, — а вовсе не то, чтобы я не видел тут недостатка» («Ленинский Сборник» III).

Этим письмом Вл. И. закончилась растянувшаяся почти на полтора месяца переписка членов редакции «Искры» по поводу статьи «Гонители земства и Аннибалы либерализма».

П. Струве обошел «Гонителей земства» молчанием. Только в № 7 редактировавшегося им «Освобождения» (начало выходить с июня 1902 г., № 7 вышел 18 сентября н. ст. 1902 г.) находим редакционную заметку «По поводу одного упрека» с ссылкой на «Гонителей земства»: приведя слова Вл. Ильича: «Какое бы это имело гигантское историческое значение, если бы народ в России хоть раз хорошенько проучил правительство» (стр. 149 настоящего тома. *Ред.*), Струве доказывал предпочтительность мирного, реформаторского пути перед революционными методами борьбы. — 119.

[55]) «*Колокол*» издавался в Лондоне А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в основанной Герценом в 1853 г. «вольной русской типографии», где печатался также издававшийся Герценом журнал «Полярная Звезда» (1855 — 1862), листки и другая литература. «Колокол» выходил регулярно в течение десяти лет, начиная с 1 июля 1857 года, когда вышел № 1, по 1 июля 1867 г. (№ 245). В первые годы издания «Колокол» пользовался громадным влиянием и распространением в дворянско-чиновнических, интеллигентских, а отчасти даже придворных кругах русского общества, главным образом, благодаря своим разоблачениям. «Колокол» проводил умеренно-либеральную, с оттенком славянофильства, программу: освобождение крестьян с землею, свобода слова при сохранении монархии, федерация славянских народов. После крушения надежд, возлагавшихся Герценом на правительство Александра II в связи с крестьянскими реформами, «Колокол» занял более левую

*) Эту поправку Вл. И. принял. См. стр. 157 настоящего тома. *Ред.*

позицию, никогда, однако, не поддерживая революционной и социалистической программы. Этот сдвиг «Колокола» влево не смог, однако, приостановить упадка влияния «Колокола», так как передовая, радикально-демократическая молодежь не удовлетворялась умеренно-либеральной программой «Колокола» и ориентировалась на «Современник» Чернышевского и Добролюбова, а либеральное дворянство и либеральное чиновничество, являвшееся до сих пор главной аудиторией «Колокола», отшатнулось от Герцена в связи с поддержкой «Колоколом» польского восстания и нашло выразителя своих антипольских настроений в патриотических и националистических «Московских Ведомостях» М. Н. Каткова. Связи «Колокола» с Россией ослабели; чтобы восстановить прежнее положение «Колокола», Герцен в мае 1865 г. перенес его издание в Швейцарию (Женеву), поближе к эмигрантским кружкам и русской учащейся молодежи, но влияние «Колокола» продолжало падать, и 1 июля 1867 г. издание «Колокола» Герценом было приостановлено. В начале 1868 года издание снова было возобновлено, но уже на французском языке с «русским» прибавлением; 1 декабря 1868 года вышел последний номер «Колокола» (№ 14—15). В 1869 году вышло 15 №№ «Supplément du Kolokol» («Дополнение к «Колоколу»»). — 124.

[56]) «*Revue des deux Mondes*» («Обозрение старого и нового света»)— журнал, выходящий в Париже с 1829 г., сначала носил художественно-литературный характер, затем был преобразован, и прежнее содержание журнала пополнилось работами научными, философскими и политическими. В эпоху Второй Империи (1852—1870) журнал оказывал правительству Наполеона III умеренную и лояльную оппозицию. В тексте имеется в виду статья Шарля Мазада (Charles de Mazade) «La Russie sous l'empereur Alexandre II» («Россия в царствование императора Александра II»), том XXXIX, стр. 769—803. — 124.

[57]) «*Великорусс*» — тайный кружок (1861 г.) с умеренно-конституционной программой, выпустивший во второй половине 1861 г. три номера «Великорусса», напечатанного в России, в тайной типографии. Жандармское отделение не раскрыло участников общества «Великорусс», и состав его остается невыясненным до сих пор. По обвинению в составлении и распространении «Великорусса» арестован и осужден на каторгу бывший офицер В. А. Обручев; несколько студентов, обвинявшихся в принадлежности к обществу, освобождены за недоказанностью обвинения. Возможно, что с группой «Великорусс» был связан Н. Г. Чернышевский. Спустя некоторое время после процесса Обручева вышел № 4 «Великорусса», но бывшие члены общества объявили («Свобода» № 2, 1863 г., издание «Земли и Воли») этот номер подложным. В своих листках «Великорусс» обращался к «образованным классам» и требовал «хорошего разрешения крепостного дела» (освобождение крестьян без выкупа), «истинно-конституционной монархии», отделения Польши от России и свободы самоопределения Украины, судебных и административных реформ, свободы вероисповедания, уничтожения сословий. К № 3 «Великорусса» был приложен проект адреса, под которым «Комитет» рекомендовал собирать подписи. — 125.

[58]) «*Земская Дума*» — умеренно-либеральная прокламация, датированная апрелем 1862 г., распространялась весной того же года в Петербурге, перепечатана затем в Герценовском «Колоколе» № 139, 15 июля 1862 г. Прокламация извещала об образовании партии «Земской Думы», ставящей своей целью освобождение крестьян с землею, созыв Земской Думы из выборных всех сословий для составления нового «Уложения» о порядке освобождения крестьян и вознаграждения помещиков. Апеллируя ко всем «честным и благомыслящим людям», прокламация выражала убеждение, что правительство должно будет уступить «законным требованиям народа». Состав «партии» и авторы прокламации — неизвестны. (Текст прокламации смотри в «Материалах для истории революционного движения в России

в 60-х г.г.», второе приложение к сборникам «Государственные преступления в России», издававшимся под редакцией Б. Базилевского, Paris 1905 г., затем в № 2 «Свободного Слова».) — 125.

[59]) «*Земля и Воля*» — тайное общество, возникшее в 1862 г. из кружка арестованного (в мае) Н. А. Серно-Соловьевича. В общество (не следует смешивать это общество с «Землей и Волей» 70-х годов) входил А. А. Слепцов, Н. И. Утин, к обществу имел некоторое отношение П. Лавров. «Земля и Воля», выступавшая от имени «Русского Центрального Народного Комитета», выпустила прокламацию «К образованным классам», требуя от них отказа поддерживать ставшее на путь реакции правительство Александра II, воззвание к «Офицерам всех войск» и два номера листка «Свобода», в которых «Земля и Воля» призывала образованные классы примкнуть к неизбежному народному восстанию против самодержавия и тем самым «предотвратить или, по крайней мере, ослабить то кровопролитие, которое правительство вызовет своим дальнейшим существованием». В 1863 г. общество прекратило свою деятельность. — 125.

[60]) «*Молодая Россия*» — прокламация, вышедшая в 1862 г. из Московского кружка П. Г. Зайчневского и П. Аргиропуло как раз во время знаменитых петербургских пожаров, незадолго до ареста Н. Чернышевского. Прокламация, выпущенная от имени «Центрального Революционного Комитета», разделяла все русское общество на две партии: императорскую (помещики и купцы) и народ и призывала последний к «кровавой и неумолимой революции» против имущих классов и, в частности, к уничтожению дома Романовых. Агитируя за революционный переворот, «Молодая Россия» советовала революционным элементам искать опоры особенно в молодежи, армии, старообрядцах; возникшее в результате переворота революционное правительство, облеченное диктаторскими полномочиями, проводит ряд мер в целях создания республиканского федеративного строя с национальным и областными собраниями, выборностью судей, общественными фабриками и магазинами; осуществляется полное освобождение женщин; вводится подоходный налог, постоянная армия заменяется национальной гвардией. Написанная в ярких революционных тонах прокламация, носящая следы влияния якобинских и социалистических идей, вызвала необыкновенный шум в тогдашней русской прессе и была осуждена Герценом и даже Бакуниным. Аргиропуло умер в тюрьме, а Зайчневский был сослан на каторгу. — 125.

[61]) «*На славном посту*» — литературный сборник, изданный народниками и посвященный сорокалетнему (1860 — 1900 г.г.) юбилею литературной деятельности Н. К. Михайловского. В сборнике помещены статьи А. Пешехонова, Н. Карышева, В. Семевского, С. Южакова, А. Чупрова, П. Милюкова, В. Чернова («Крестьянин и рабочий как категории хозяйственного строя»), Н. Анненского, В. Мякотина и др. — 126.

[62]) «*Современник*» — литературно-политический журнал, основанный в 1836 г. А. С. Пушкиным и П. А. Плетневым, в 60-х г.г. редактировался Н. Некрасовым и А. Пыпиным. В журнале сотрудничали: Чернышевский, Добролюбов, Панаев, А. Толстой («Козьма Прутков»). Закрыт в 1866 г. — 126.

[63]) «*Русское Слово*» — литературно-политический журнал, основан в 1859 г. Имел особенное влияние и распространение в 1862 — 1866 г.г., выходил под редакцией Г. Е. Благосветлова и Н. А. Благовещенского. В журнале сотрудничали: Д. И. Писарев, В. Зайцев, Н. Шелгунов, А. Щапов. В 1866 г. вышел только один номер. Журнал закрыт в связи с покушением Каракозова. — 127.

[64]) «*День*» — еженедельная газета, издавалась в Москве в 1861 — 1865 г.г. славянофилом И. С. Аксаковым, за оппозиционное направление была запрещена в 1862 г. на несколько месяцев, прекратила существование в 1865 г. — 127.

[65]) *«Генеральные Штаты»* — сословно-представительное учреждение, существовавшее во Франции в XIV — XVIII в.в. Созванные в последний раз в 1789 г. Генеральные Штаты явились прологом к великой французской революции. Помимо Генеральных Штатов во Франции в до-революционную эпоху практиковался созыв королевской властью *нотаблей* (см. стр. 136 наст. тома) — доверенных лиц из привилегированных сословий и юристов, сравнительно узкое учреждение совещательного характера. — 127.

[66]) В эпоху великой французской революции Конвент террористическими мерами подавил восстания внутри страны; при этом в некоторых случаях при операциях вдоль больших рек комиссары Конвента вынуждены были не только расстреливать контр-революционеров, но и массами топить их (noyades). — 127.

[67]) Вл. Ильич дает здесь обратный перевод письма К. Д. Кавелина к А. И. Герцену с немецкого языка на русский. В драгомановском издании, воспроизводящем подлинник, отрывок из этого письма (X) от 6 августа 1862 г. имеет такой вид:

«...Известия из России, с моей точки зрения, не так плохи. Арестован не Николай, а Александр Соловьевич. Аресты меня не удивляют, и, признаюсь тебе, не кажутся возмутительными. Это война: кто кого одолеет. Революционная партия считает все средства хорошими, чтобы сбросить правительство, а оно защищается своими средствами. Не то были аресты и ссылки при подлеце Николае. Люди гибли за мысль, за убеждения, за веру, за слова. Я бы хотел, чтобы ты был правительством, и посмотрел бы, как бы ты стал действовать против партий, которые стали бы против тебя работать тайно и явно. Чернышевского я очень, очень люблю, но такого брульона, бестактного и самонадеянного человека я никогда еще не видал. И было бы за что погибать! Что пожары в связи с прокламациями — в этом нет теперь ни малейшего сомнения». («Письма К. Д. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену». С объяснительными примечаниями М. Драгоманова. Женева 1892, стр. 82.) — 129.

[68]) *«Бывший министр внутренних дел»* — граф П. А. Валуев. — 129.

[69]) *«Северная Почта»* — ежедневная газета министерства внутренних дел, издавалась в 1862 — 1868 г.г. взамен «Журнала Министерства Внутренних Дел». С 1869 г. вместо «Северной Почты» начал выходить «Правительственный Вестник». Одним из редакторов «Сев. П.» был А. В. Никитенко, автор «Дневника». — 130.

[70]) Цитата, взятая из № 13 «Северной Почты» от 17 (29) января 1867 г., из отдела: «Высочайшие повеления о закрытии нынешнего С.-Петербургского земского собрания и приостановлении в С.-Петербургской губернии действия положения о земских учреждениях», дана в статье В. И. в том, не вполне точном виде, в каком она приведена в примечании к стр. 95 «Записки» Витте. Фраза из «Записки»: «вместо того, чтобы поддерживать земские собрания других губерний, пользуясь» — в № 13 «Северной Почты» читается так: «вместо того, чтобы подобно земским собраниям других губерний пользоваться». — 132.

[71]) Имеется в виду письмо К. Д. Кавелина к его сестре С. Корсаковой от 20 марта 1865 г. Письмо напечатано в очерке Д. Корсакова «Константин Дмитриевич Кавелин. Материалы для биографии, из семейной переписки и воспоминаний» («Вестник Европы» № 10, октябрь 1886 г., стр. 757 — 758). — 133.

[72]) *«Общество земского союза и самоуправления»* или *«Земский союз»* — мало оформленное нелегальное объединение земских либеральных деятелей в 70-х — начале 80-х г.г. «Союз», программа которого заключалась в требовании умеренной конституции и расширения прав земств, возник в конце 70-х г.г. на почве общего роста революционных и оппозиционных настроений в стране. Союз ставил своей задачей влиять через членов союза на деятельность губернских и земских собраний. Попытка либеральных

земцев издавать за границей (в Галиции) свой собственный орган окончилась неудачей. Удалось выпустить лишь программную брошюру «Ближайшие задачи земства». В 1879 г. в Москве состоялся нелегальный съезд земцев, на котором было представлено 16 земств (среди делегатов И. И. Петрункевич, Н. А. и А. А. Бакунины, В. А. Гольцев). Принятые съездом резолюции носили умеренно-либеральный характер. В 1880 г., в эпоху лорис-меликовской «диктатуры сердца», союз дал директиву своим членам агитировать за подачу земскими собраниями петиций. В том же году земцы начали издавать легальную еженедельную газету «Земство» (В. Ю. Скалон, Н. А. Каблуков, С. А. Муромцев, Н. А. Карышев, В. А. Гольцев, А. Ф. Фортунатов), газету «Порядок», журнал «Русская Мысль». После 1 марта состоявшийся в Харькове съезд земцев принял программу с требованием созыва Государственной Думы и в то же время высказался против террористической деятельности партии «Народной Воли». Наступившая вскоре реакция повлекла за собой ряд правительственных репрессий против земств и земских органов. Газета «Земство» была закрыта. Действовавшие от имени союза лица вошли после этого в переговоры с бывшим профессором Киевского университета, эмигрантом М. П. Драгомановым о превращении редактируемого им «Вольного Слова» в земский орган, и до своего закрытия (в 1883 г.) «Вольное Слово» выходило как орган земской оппозиции. Вопрос о существовании Земского Союза, как постоянной организации, и об отношении его к «Вольному Слову» — один из наименее выясненных в исторической литературе (см. Б. Веселовский «История земства»; И. П. Белоконский «Земское движение», «Юбилейный земский сборник», В. Я. Богучарский «Из истории политической борьбы»). Можно считать установленным, что Союз представлял собой скорее общее наименование для обозначения разрозненных действий земцев, идею объединения их в одно целое, чем оформленную организацию с постоянными учреждениями. Несомненно также участие в земском оппозиционном движении лиц, действовавших по поручению охранного отделения и выступавших в эмигрантских кругах за границей, особенно при организации «Вольного Слова» (см. примечание 73), от имени полуфиктивного Союза, в качестве его представителей. — 134.

[73]) После 1 марта 1881 г. в правительственных кругах возникла мысль о создании тайного общества, ставящего своей задачей охрану Александра III от покушений террористов и борьбу с революционным движением, в особенности с Партией «Народной Воли» и ее Исполнительным Комитетом. В общество «Добровольная Охрана», потом «Священная Дружина», построенное по принципу «пятерок», имевшее широко разветвленную организацию и действовавшее наряду с охранным отделением, вошли крупнейшие сановники и представители петербургской знати и генералитета (К. П. Победоносцев, граф П. П. Шувалов, граф И. В. Воронцов-Дашков, М. Катков и др.). По мнению надобности в «Священной Дружине», когда самодержавие было достаточно упрочено, Дружина была распущена (в конце 1882 г.). Одним из практических шагов «Священной Дружины» по «искоренению крамолы» было основание в Швейцарии в 1881 г. в провокаторских целях газеты «*Вольное Слово*», редактировавшейся разоблаченным впоследствии полицейским агентом А. П. Мальшинским и субсидировавшейся, негласно разумеется, графом Шуваловым. Принимавший ближайшее участие в «Вольном Слове» украинский конституционалист М. П. Драгоманов оставался в полном неведении насчет действительного происхождения «Вольного Слова» и был убежден в том, что «Вольное Слово» является органом «Земского Союза», членом которого выдавал себя Мальшинский. (В тех переговорах, которые велись за границей с Партией «Народной Воли», «Священная Дружина» точно так же выступала под псевдонимом «Земского Союза» или «Земской Лиги».) Первоначально в газете пропагандировалась идея земского самоуправления,

и помещались статьи разных направлений, кроме террористического, в том числе и статьи чернопередельцев (в конце 81 — начале 82 г.г. в газете сотрудничал П. Аксельрод); в 1882 г. «Вольное Слово» приняло более определенный характер, объявив себя прямым органом Земского Союза. В г. газета редактировалась Драгомановым. В этом же году она прекратила свое существование. — 134.

[74]) Слова из статьи «К характеристике Лорис-Меликова», напечатанной в «Листке Народной Воли» № 2, 20 августа 1880 г. Автор статьи — Н. К. Михайловский (см. Полное собрание сочинений, изд. 2-е, 1913 г., том X, стр. 38 — 42). — 135.

[75]) «*Социал-Демократ*» — литературно-политическое обозрение, издававшееся Группой «Освобождение Труда» за границей в 1890 — 1892 г.г. Вышло всего четыре книги. Главное участие в «Соц.-Дем.» принимали Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич.

Цитата взята из статьи В. И. Засулич: «Революционеры из буржуазной среды» («Социал-Демократ» № 1, февраль 1890 г., примечание на стр. 84). — 137.

[76]) «*Порядок*» — умеренно-либеральная, политическая и литературная газета, близко стоявшая к земским кругам, выходила в Петербурге в 1881 — 1882 г.г., под редакцией М. М. Стасюлевича (при участии К. Д. Кавелина и Н. А. Корфа). — 137.

[77]) «*Страна*» — умеренно-либеральная, политическая и литературная газета, выходила в Петербурге в 1880 — 1883 г.г. под редакцией Л. А. Полонского. — 137.

[78]) «*Голос*» — умеренно-либеральная, политическая и литературная газета, подчеркивавшая свою враждебность к революционному движению, выходила в Петербурге с 1863 по 1884 г. под редакцией А. А. Краевского. В период 1880 — 1882 г.г. в газете сотрудничали: Н. А. Корф, А. Д. Градовский, А. И. Кошелев, В. А. Гольцев. — 137.

[79]) Слова из приведенной в записке Ю. Витте брошюры члена Комитета Фонда Вольной Русской прессы Ф. Волховского «Чему учит конституция графа Лорис-Меликова». — 137.

[80]) *Макиавелизм* — по имени Макиавели (1469 — 1519) — политического писателя, крупного деятеля Флорентинской республики — система политики, не останавливающейся ни перед какими средствами для достижения возвышенной цели (объединение Италии) под властью одного монарха, «тирана», иногда (неправильно) — в смысле особенно коварной, вероломной и беззастенчивой политики. — 138.

[81]) Письмо Исполнительного Комитета «Народной Воли» Александру III от 10 марта 1886 г. было выпущено отдельным листком. Текст его воспроизведен в сборнике: «Литература Партии Народной Воли» (1907 г., Москва). В письме указывались условия (амнистия, созыв представителей, свобода слова, печати и др.), которые «необходимы для того, чтобы революционное движение заменилось мирной работой». Исп. Ком. обращался к Александру III с советом согласиться на эти условия, обещая взамен прекратить свою деятельность. Письмо написано Л. А. Тихомировым при участии Н. К. Михайловского. — 146.

[82]) Вл. Ильич имеет в виду следующее место из книги Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии», 1901 г.: «Рост положительных, прогрессивных сторон должен увеличить сумму добра в обществе и уменьшить сумму зла. Принцип прогресса — «чем лучше, тем лучше». В этом отношении имеет большое значение устранение той так называемой Zusammenbruchtheorie и Verelendungstheorie (теория крушения, краха и теория обнищания), которые несомненно свойственны ортодоксальному марксизму. В критике этой стороны марксовского учения о социальном развитии мы видим положительную сторону книги Бернштейна» (стр. 132). Критику книги Бердяева, проповедыва-

вшего соединение Маркса с Кантом и возврат к идеалистической философии, см. в статье Ортодокс (Л. И. Аксельрод): «Почему мы не хотим идти назад?» («Заря» № 2—3, стр. 38—59). — 152.

[83]) «*Листок*» — имевший конституционно-либеральную программу, издавался П. В. Долгоруковым с ноября 1862 г. по июль 1864 г., сначала в Брюсселе, потом (с № 6) в Лондоне. Всего вышло 22 номера.

Приведенные Вл. Ильичем цитаты взяты из следующих статей Долгорукова: «Взгляд на основные положения судоустройства, судопроизводства и земских учреждений» («Листок» № 3, 1862 г.), «О земских учреждениях» («Листок» № 18, 1864 г.). — 154.

[84]) *Партия народного права* — партия мелко-буржуазной служилой интеллигенции народнического толка, основанная в 1893 г. М. А. Натансоном, Аптекманом, Тютчевым, Гедеоновским, Манцевичем, В. Черновым и др. Близко стояли к ней и поддерживали ее Н. К. Михайловский, Вл. Короленко и А. Богданович. Народоправцы отказывались от борьбы за социализм и своей задачей, «насущным вопросом», считали безоговорочное объединение всех оппозиционных и революционных сил для борьбы с самодержавием во имя политической свободы. Партия успела издать свой «Манифест», брошюру А. Богдановича «Насущный вопрос» и была разгромлена правительством в апреле 1894 года. Большинство народоправцев впоследствии вошло в состав партий эс-эров и народных социалистов.

Об этой партии Вл. Ильич упоминает в «Друзьях народа» (I том Сочинений, стр. 219—221) и в особенности в «Задачах русских социал-демократов» (II том Сочинений, стр. 184—185). — 157.

[85]) Приведенное здесь Вл. Ильичем изречение Маркса о революции 1848 года взято из «Классовой борьбы во Франции от 1848 до 1850 г.» (первые три абзаца). — 157.

[86]) Упоминаемый Вл. Ильичем циркуляр Главного Управления по делам печати от 11 мая 1901 г. приведен в заметке «С.-Петербург», в отделе: «Из нашей общественной жизни» («Искра» № 6, июль 1901 г.). Циркуляр был разослан по редакциям газет и журналов после появления в «Новом Времени» статьи «По поводу рабочих беспорядков». — 158.

[87]) «*Московские Ведомости*» — старейшая русская газета, издававшаяся первоначально (с 1756 г.) Московским университетом в виде небольшого листка. С половины прошлого века — орган дворянско-крепостнических, черносотенных кругов, редактировалась с 1863 г. крайним реакционером и ненавистником малейших прогрессивных проявлений общественной мысли М. Н. Катковым, позже Грингмутом, поощрявшими и поддерживавшими все правительственные мероприятия по охране и укреплению самодержавия и подавлению всякого общественного движения. «Моск. Вед.» просуществовали до Октябрьской революции. — 159.

[88]) Факты удлинения рабочего дня приведены в корреспонденции из Иваново-Вознесенска («Искра» № 4, май 1901 г.); о замене передовых рабочих отсталыми говорится в заметке «Безработица» («Искра» № 2, февраль 1901 г.), цитирующей № 3 «Южного Рабочего» (ноябрь 1900 г.). — 167.

[89]) Точное название закона: «Высочайшее повеление, утвержденное 8 июня 1901 г., об отводе частным лицам казенных земель в Сибири». Опубликован этот закон в № 157 «Правительственного Вестника» от 31 июля (13 августа), перепечатан в № 210 «Московских Ведомостей» — от 2 августа. — 169.

[90]) «*Гражданин*» — газета, издававшаяся В. П. Мещерским (в 70-х г.г. в редакцию входили Г. К. Градовский и Ф. М. Достоевский), носила сначала умеренно-консервативный характер, с оттенком славянофильства, в 90-х г.г. и позже — орган крайней дворянской реакции. — 172.

[91]) Первые девять глав произведения Ленина «Аграрный вопрос и «критики Маркса»» написаны в 1901 году, при чем первые четыре главы

писались в июле — сентябре и напечатаны в № 2 — 3 «Зари» за декабрь 1901 г. под заглавием: «Гг. «критики» в аграрном вопросе (Очерк первый)». Эти четыре главы переизданы затем легально в 1905 году книгоиздательством «Буревестник» в виде отдельной брошюры Н. Ленина с измененным заглавием: «Аграрный вопрос и «критики Маркса»» (на обложке пометка: «Дозволено цензурой. Одесса. 23 июля 1905 года»). Новое, измененное, заглавие работы Ленина сохранено автором и в последующих изданиях как всей работы в целом, так и отдельных частей ее. Главы V—IX впервые опубликованы в легальном журнале «Образование» № 2 за 1906 г. (без глав I — IV) с следующим примечанием автора: «Предлагаемые очерки написаны в 1901 году. Первая часть их издана в прошлом году в Одессе брошюрой (издательством «Буревестник»). Вторая часть их появляется в печати впервые. Каждый очерк представляет из себя более или менее самостоятельное целое. Их общая тема — разбор критики, направленной в русской литературе против марксизма». Главы V — IX снабжены подзаголовками, чего не было в «Заре». В книге В. Ильина «Аграрный вопрос», ч. 1 (1908 г.) данная работа была напечатана с прибавлением еще двух новых глав (X и XI; войдут, как и глава XII, в соответствующий том Сочинений); в текст при этом были внесены некоторые стилистические изменения, и добавлено несколько примечаний; подзаголовки получили все главы. Наконец, последняя (XII) глава, случайно не вошедшая в сборник «Аграрный вопрос», впервые была напечатана в сборнике «Текущая жизнь», 1908 г. В некоторых статистических таблицах, приведенных в «Аграрном вопросе», имеются незначительные ошибки в цифровых расчетах, возникшие, вероятно, по вине типографий, где печатались в свое время работы Вл. Ильича, и не исправленные впоследствии автором. В тех случаях, где ошибки носили явный характер, они устранены редакцией настоящего издания без каких-либо специальных оговорок на этот счет. Но в нескольких случаях, касающихся пропорциональных соотношений приводимых Вл. Ильичем цифр, оказалось невозможным внести исправления в таблицы, поскольку отсутствие рукописи или черновых записей Вл. Ильича не позволило с полной определенностью установить «источник» ошибки и, следовательно, характер желательных исправлений. Цифровые расчеты оставлены в этих случаях без изменений. — 175.

[92]) «*Образование*» — ежемесячный литературный, популярно-научный и общественно-политический журнал, начал выходить с 1892 г. взамен педагогического журнала «Женское Образование». В журнале принимали участие: В. Богучарский, В. Львов-Рогачевский, Тан, Н. Иорданский, С. Прокопович, П. Берлин, А. Луначарский, П. Маслов, В. Фриче, А. Яблоновский, Н. Рубакин и др. В № 2 «Образования» за 1906 г. напечатан «Аграрный вопрос и «критики Маркса»» Н. Ленина (четыре главы). — 175.

[93]) «*Русское Богатство*» — ежемесячный журнал, перешедший в начале 90-х годов в руки народников и ставший главным органом их борьбы против марксизма. В 1892—1895 г.г. журнал редактировался С. Н. Кривенко и В. П. Воронцовым («В. В.»). В 1895—1904 г.г. во главе журнала стоял Н. К. Михайловский. Ближайшими сотрудниками журнала были: В. Г. Короленко, А. Г. Горнфельд, Дионео, А. В. Пешехонов, Л. Шишко (Батин), Реус (Рейснер), С. Венгеров, Н. А. Рубакин, В. М. Чернов, Н. И. Кареев и др. В 1906 г. журнал выходил, вследствие приостановки его правительством, под названием «Современные Записки» и «Современность» (редактор В. А. Мякотин), в 1914 г. — «Русские Записки». Издание «Р. Б.» прекратилось в 1918 г.

Журнал группировал вокруг себя радикально-народническую интеллигенцию, организовавшуюся в эпоху революции 1905 г. в народно-социалистическую (Н.-С.) партию, отчасти же вошедшую в партию эс-эров. В «Аграрном вопросе» Ленин подверг критике следующие статьи

В. М. Чернова, напечатанные в «Р. Б.» за 1900 г.: «Типы капиталистической и аграрной эволюции» (№№ 4, 7, 8, 10) и «К вопросу о капиталистической аграрной эволюции» (№ 11). — 179.

[94]) «*Начало*» — выходивший в первой половине 1899 г. под редакцией П. Струве и М. Туган-Барановского орган легального марксизма. Журнал должен был служить продолжением закрытого в 1897 г. «Нового Слова». Всего вышло четыре книги журнала (пять номеров), при чем апрельская книжка была конфискована, а из январско-февральской (двойной) и майской книжек было изъято несколько статей. Впоследствии обнаружилось, что дававший на издание журнала деньги М. Гурович был агентом охранки, поддерживавшей издание в провокационных целях. Кроме статей легальных марксистов, в книжках «Начала» помещены были статьи Г. В. Плеханова, В. И. Засулич, Л. Мартова (А. Егорова), А. Потресова и др. Вл. Ильич поместил в «Начале» одну главу «Вытеснение барщинного хозяйства капиталистическим» — из «Развития капитализма в России». Журнал был прекращен постановлением правительства после выхода майской книжки. Статья С. Булгакова, о которой говорит здесь Вл. Ил., напечатана в №№ 1—2 и 3 «Начала» за январь — февраль и март 1899 г. под заглавием: «К вопросу о капиталистической эволюции земледелия». — 179.

[95]) «*Жизнь*» — третья (после «Нового Слова» и «Начала») и последняя попытка группы легальных марксистов, во главе со Струве и Туган-Барановским, создать легальный ежемесячник. Журнал выходил с 1899 г. по 1901 г., когда был закрыт постановлением правительства. Далеко зашедшая к этому времени эволюция легального марксизма в сторону буржуазного либерализма сказалась на журнале явно выраженным бернштейнианским отпечатком. В «Жизни» напечатаны были предназначавшиеся для «Начала» статья Вл. Ильича «Капитализм в сельском хозяйстве» и его же «Ответ г. П. Неждanову». Официальный редактор «Жизни» В. А. Поссе после закрытия журнала перенес его издание за границу, где выпустил в 1902 г. 6 номеров «Жизни» и 12 номеров «Листков Жизни» в качестве «внефракционного» с.-д. органа. — 180.

[96]) Цитируемое Вл. Ильичем на стр. 187 — 188 и неправильно переведенное Булгаковым («Капитализм и земледелие», II, стр. 13) место из второй части III тома «Капитала» в немецком тексте читается так: «Vom Standpunkt der kapitalistischen Produktionsweise findet stets relative Vertheuerung der Produkte statt, wenn um dasselbe Produkt zu erhalten, eine Auslage gemacht, etwas bezahlt werden muss, was früher nicht bezahlt wurde» («Das Kapital», III, 2, 1894, S. 277—278). — 188.

[97]) В том тексте «Аграрного вопроса», который напечатан в «Заре», а равно и в последующих изданиях «Аграрного вопроса» (1905 г., 1908 г.) вместо «3.179 рабочих дней», как сказано у цитируемого Вл. Ильичем Бензинга, стоит «2.608 рабочих дней». Эта ошибка имеется также у С. Булгакова («Капитализм и земледелие», I, стр. 32). Дело в том, что у Бензинга на стр. 42 его работы последовательно приведены две аналогичные таблицы со следующим числом рабочих дней для трех, упомянутых в цитате, систем хозяйства, но при разных условиях труда:

I. 712	I. 262
II. 1.615	II. 1.199
III. 3.179	III. 2.608

При цитировании первой таблицы третья цифра для нее по ошибке была взята из второй таблицы. — 199.

[98]) «*Sozialistische Monatshefte*» («Социалистический Ежемесячник») — журнал («Международное обозрение социализма»), выходящий с 1897 г. в Берлине, главный орган ревизионистов. В журнале сотрудничали: Э. Бери-

штейн, Конрад Шмидт, Фр. Герц, Эд. Давид, Вольфганг Гейне, М. Шиппель и др. — 201.

[99]) *«Brauns Archiv»* («Архив Брауна») — сокращенное название основанного в 1888 г. Г. Брауном журнала «Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik» («Архив социального законодательства и статистики»), переименованного в 1904 г. в «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» («Архив социальной науки и социальной политики»). До 1904 г. журнал выходил под редакцией Брауна, с 1904 г. — В. Зомбарта и М. Вебера, в настоящее время редактируется Ледерером. — 206.

[100]) *Исключительный закон против социалистов* действовал в Германии с 1878 по 1890 г. Опасаясь растущего влияния социал-демократии, германское правительство, в лице Бисмарка, воспользовалось покушением на Вильгельма I, чтобы провести через рейхстаг закон, по которому немецкий рабочий класс и немецкая социал-демократия лишились политических прав, которыми пользовались другие германские партии. Преследованием социал-демократических организаций, судебными процессами за принадлежность к партии, закрытием всех газет, объявлением на осадном положении ряда городов, высылками и арестами правительство Бисмарка пыталось задушить немецкую социал-демократию, всякий раз требуя у рейхстага продления исключительного закона. Партия сумела приспособиться к новым полулегальным условиям своего существования. Центральный орган («Социал-Демократ») был перенесен сначала в Швейцарию, потом в Англию. Съезды соц.-демократии также происходили за границей. Несмотря на все правительственные репрессии и рогатки, влияние социал-демократии, широко использовавшей все легальные возможности, продолжало расти. К моменту отмены исключительного закона число голосов, поданных за соц.-дем., возросло с полмиллиона до $1^1/_2$ миллиона. В 1890 г. закон был отменен.

Брошюра Е. Рихтера, о которой упоминает Ленин, либерального буржуа, особенно ненавидевшего социал-демократов и в карикатурно-вульгарном виде изображавшего социализм с целью восстановить против него широкие слои мелкой буржуазии, носила заглавие «Sozialdemokratische Zukunftsbilder» («Социал-демократические картинки будущего»), 1891 г. — 214.

[101]) *«Vorwärts»* («Вперед») — центральный орган германской социал-демократии, начал выходить под редакцией Либкнехта и Газенклевера в 1876 г. взамен издававшегося с 1869 г. «Volksstaat'a» («Народное Государство»), приостановлен в эпоху исключительного закона против социалистов (взамен «Vorwärts'a» выходил в Швейцарии «Социал-Демократ»), возобновлен с 1 января 1891 г. Являясь органом германской социал-демократии, официально стоявшей в конце XIX и начале XX в. на почве ортодоксального марксизма, «Vorwärts» давал в то же время место на своих страницах статьям ревизионистов. — 214.

[102]) Вл. Ильич имеет в виду следующие слова из «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Фр. Энгельса (глава I): «Буржуазия подчинила деревню господству города. Она вызвала к жизни огромные города, в высокой степени увеличила городское население, сравнительно с сельским, и освободила таким образом значительную часть населения от идиотизма деревенской жизни» («Комм. Манифест», изд. Института Маркса и Энгельса, 1923 г., стр. 103). — 218.

[103]) Вл. Ильич имеет в виду следующее место из «Жилищного вопроса» Энгельса: «Уничтожение противоположности между городом и деревней не в большей и не в меньшей степени утопично, чем уничтожение противоположности между капиталистами и наемными рабочими. Оно становится с каждым днем все более и более практическим требованием индустрии и сельского хозяйства. Никто не заявил этого требования громче, чем заявлено Либихом в его сочинениях по земледельческой химии, в кото-

рой на первом месте устанавливается правило, в силу которого человек должен возвратить земле то, что он от нее получает, и доказывается, что существование городов, в особенности крупных городов, препятствует этому. Если наблюдать, какая масса навоза производится в одном Лондоне (больше, чем во всем королевстве Саксонии) и ежедневно выбрасывается в море, при чем на это тратятся огромные суммы денег, и какие колоссальные сооружения необходимы, чтобы обезопасить город от заразы, которою ему угрожают нечистоты, то утопия об уничтожении противоположности между городом и деревней приобретает замечательно практическую основу. Даже сравнительно небольшой Берлин по крайней мере тридцать лет уже задыхается в вони от своих собственных экскрементов». (Fr. Engels. Zur Wohnungsfrage, 1887 г., стр. 66—67. Русский перевод, изд. 1919 г., Петроград, без указания фамилии переводчика, стр. 88—89.) — 218.

[104]) «*Der Volksstaat*» «*Народное Государство*» — центральный орган германской социал-демократии в 1870—1876 г., выходил в Лейпциге, по постановлению Эйзенахского съезда (1869 г.), на котором конструировалась социал-демократическая партия, взамен «Demokratisches Wochenblatt» («Еженедельной Демократической Газеты»), редактировался В. Либкнехтом. В газете сотрудничали Маркс и Энгельс. — 221.

[105]) Работа Г. Аугагена, приведенная Каутским и Гердем, носит следующее заглавие: «Ueber Grossbetrieb und Kleinbetrieb in der Landwirtschaft» («О крупном и мелком производстве в сельском хозяйстве»). Статья Аугагена была напечатана в 1896 г. в «Сельско-хозяйственных ежегодниках» Тиля (Thiels «Landwirtschaftliche Jahrbücher»). — 229.

[106]) «*Союз социальной политики*» (*«Verein für Sozialpolitik»*)—основан в 1873 г. Г. Шмоллером для пропаганды идеи государственного вмешательства в борьбу труда с капиталом путем улучшения условий труда, быта рабочих и т. д. Союз, объединявший вокруг себя главным образом сторонников катедер-социализма (см. примечание 163), имел своей целью парализовать влияние на немецкий рабочий класс социал-демократии.—238.

[107]) «*Сочинение Шпренгера*», которое не было известно Вл. Ильичу во время работы его над статьей «Аграрный вопрос и «критики Маркса»»,— это «Die Lage der Landwirtschaft in Baden». Karlsruhe 1884 («Положение сельского хозяйства в Бадене». Карлсруэ). — 244.

[108]) Летом и осенью 1901 г. между заграничными социал-демократическими организациями («Союз русских социал-демократов», «Социал-Демократ», «Заграничный Комитет Бунда», «Искра — Заря») велись, при посредничестве членов группы, назвавшей себя впоследствии «Борьбой», переговоры о соглашении и объединении, закончившиеся так называемым «объединительным съездом» (4—5 октября 1901 г.), на котором произошел полный разрыв между «Искрой» и оппортунистическим крылом российской социал-демократии. Созыву «съезда» предшествовала предварительная, упоминаемая Вл. Ильичем в «Вопросах» июньская конференция тех же организаций в Женеве. На июньской конференции, созванной по инициативе группы «Борьба», присутствовали: Кричевский и Акимов от «Союза», Б. А. Гинзбург-Кольцов от «Социал-Демократа», Коссовский, Кремер и Мильль от «Заграничного Комитета Бунда», Э. Л. Гуревич-Даневич и Ю. Стеклов-Невзоров от «Борьбы» и Мартов — от «Искры—Зари». Конференция после шестидневных занятий выработала резолюцию (см. «Документы и материалы» № 2, стр. 536), принятую присутствовавшими на конференции представителями организаций в качестве принципиальной основы для соглашения и совместной работы. Резолюция осуждала экономизм, бернштейнианство, мильеранизм и другие отступления от марксизма и могла рассматриваться как отказ «Союза русских социал-демократов» от своих экономических воззрений и серьезный шаг «союзников» к сближению с революционным крылом социал-демократии. Наметившееся сближение должно было получить официальное оформление тех

же организаций на «объединительном» съезде в октябре 1901 г. Однако последовавший после июньской конференции новый поворот «Союза» и редакции «Рабочего Дела» к осужденным июньской конференцией взглядам (статьи в № 10 «Рабочего Дела» за сентябрь 1901 г.—Б. Кричевский: «Принципы, тактика и борьба», А. Мартынов: «Обличительная литература и пролетарская борьба»; оппортунистические поправки и дополнения, принятые происходившим накануне «объединительного» съезда третьим съездом «Союза» к июньским резолюциям) показал невозможность объединения искровцев с рабочедельцами. Последовал разрыв.

На «объединительном» съезде Ленин выступал (с речью и «вопросами») под именем Фрея.

О попытке объединения «Искры» с «Рабочим Делом» см. настоящий том, стр. 283, 502—507 и примечание 138.—274.

[109]) Прокламация за подписью «крестьянских доброхотов» (по другим данным «мужицких доброхотов») была напечатана в 1892 г. под заголовком «Первое письмо к голодающим крестьянам» (1.800 экз.) образовавшейся в 1891 г. в Петербурге «Группой народовольцев», у которой была собственная нелегальная типография. Автор письма — умерший вскоре (в 1892 г.) статистик Н. М. Астырев. Той же группой выпущена прокламация «Свободное Слово» (написано Н. К. Михайловским), «От группы народовольцев» (написано А. А. Федуловым), «Народовольческая программа», «Письмо к молодежи» (А. А. Федулова), два номера «Летучего Листка». Весной 1894 г. группа «провалилась» (М. С. Александров-Ольминский, В. И. Браудо, М. Г. Сущинский, впоследствии примкнувший к Союзу русских социал-демократов, и др.), но типография не была найдена и позже, когда группа вновь возобновила свою деятельность, фигурировала под названием «Лахтинской». В этой типографии была напечатана в 1895 г. брошюра Ленина «Объяснение закона о штрафах» (см. Сочинения, т. II, стр. 363). Арестована «Лахтинская» типография в июне 1896 г. «Группа народовольцев» второго периода в конце своей деятельности начала склоняться к марксизму (о группе см.: М. С. Александров, «Группа народовольцев» — «Былое», № 11 за 1906 г.).—279.

[110]) Имеется в виду статья «Голод идет!» в № 6 «Искры» (июль 1901 г.). Автором статьи является, по некоторым данным, Л. Мартов (см. «Социал-демократические издания». Выпуск 1. Указатель социал-демократической литературы 1883—1905 г.г. на русском языке — под редакцией Л. Каменева). В ленинском списке статей «Искры» с указанием авторов (см. примечание 13) эта статья не названа вовсе.—280.

[111]) По поводу заметки Вл. Ильича «Раскол в заграничном Союзе русских социал-демократов» (см. настоящий том, стр. 65) Петербургский Союз борьбы, находившийся в этот период под влиянием «экономистов», напечатал в № 12 «Рабочей Мысли» (июль 1901 г.) нижеследующее возражение:

«В 1-м номере «Искры» редакция поместила заметку о «Союзе русских социал-демократов», которую мы считаем невозможным оставить без возражения. В заметке этой редакция «Искры» не признает за Союзом права на представительство за границей Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, право, которое было за ним признано 1-ым съездом партии, и рекомендует признать представителем же в интернациональном секретариате товарища Плеханова. При этом редакция «Искры» считает лишним мотивировать свое решение и входить в разбирательство спора между заграничным Союзом и Группой «Освобождение Труда».

Петербургский Комитет, ознакомившись со всеми отчетами и документами, относящимися к спору о нарушении устава, пришел к тому заключению, что обвинение со стороны товарища Плеханова, будто большинство Союза нарушило устав и тем самым лишилось права на название «Союза», совершенно неосновательно, в виду чего Петербургский Комитет оставляет в силе постановление 1-го съезда партии и считает попреж-

нему «Союз русских социал-демократов» единственным представителем партии за границей.

Петербургский Комитет присоединяется к просьбе заграничных товарищей, обращенной к действующим в России комитетам и группам партии, обстоятельно ознакомиться со всеми относящимися к спору документами и высказать свое мнение по этому вопросу: только скорым и справедливым его решением мы можем устранить анархию в партии». — 281.

[112]) «*Заграничная Лига Русской Революционной Социал-Демократии*» основана осенью 1901 г. после неудачи так называемого «объединительного» съезда. В Лигу первоначально вошли: Революционная Организация «Социал-Демократ» (включавшая в себя также Группу «Освобождение Труда») и заграничное отделение «Искры — Зари». Задача Лиги состояла в распространении идей революционной социал-демократии и содействии выработке боевой социал-демократической организации путем объединения революционных сил на почве принципов манифеста Р.С.-Д.Р.П. вокруг правильно поставленной и распространяемой общерусской политической литературы (из устава Лиги). Фактически Лига представляла собой вспомогательную организацию при редакции «Искры», вербовавшую сторонников «искровства» среди, главным образом, революционно настроенной учащейся молодежи. Мысль о создании Лиги была выдвинута Вл. И. еще весной 1901 г. (см. письмо Ленина Аксельроду 25 апреля), как раз с целью дать организационное оформление активности тех эмигрантских, сочувствовавших «Искре», элементов, которые искали приложения своим силам в организационной и особенно литературной области. Предполагалось предоставить новой организации право самостоятельного издания брошюр. После неудачи «объединительного» съезда план организации Лиги получил осуществление. (Заявление Лиги — см. «Документы и материалы», № 3, стр. 538.) После 2-го съезда партии Лига превратилась в оплот заграничного меньшевизма.

В издании Лиги выпущено несколько брошюр, в том числе «К деревенской бедноте» Ленина. В конце 1901 — начале 1902 г.г. Лигой издано 3 номера гектографированного «Бюллетеня». — 283.

[113]) В № 10 «Рабочего Дела» (сентябрь 1901 г.) напечатаны две ярко враждебных «Искре» и искровству статьи: Б. Кричевского «Принципы, тактика и борьба» (стр. 1 — 36) и А. Мартынова «Обличительная литература и пролетарская борьба» (стр. 37 — 64). Уничтожающая критика этих статей дана в «Что делать?». — 283.

[114]) В июньском номере «Искры» (№ 5) событиям на Обуховском заводе посвящена статья В. И. Ленина «Новое побоище» (см. настоящий том, стр. 114) и хроникерская заметка в отделе: «Первое мая в России»; в июльском номере (№ 6) на ту же тему («Обуховский завод») помещена заметка в отделе «Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов». — 287.

[115]) Цитата взята из статьи «Голод идет!» («Искра» № 6, июль 1901 г.). — 293.

[116]) Упоминая печатавшиеся в «Искре» корреспонденции из провинции, Вл. Ильич, видимо, не имел под рукой экземпляров «Искры» и сослался на №№ 6 и 7 газеты по памяти, так как корреспонденции из Пензы вообще нет в первых десяти номерах «Искры», корреспонденция из Симферополя (о первомайской демонстрации), напечатана в № 7 «Искры», — из Курска (появление прокламации после мартовских событий в Петербурге, брожение среди учащихся и крестьян) — в № 8. — 299.

[117]) Слова М. Е. Салтыкова-Щедрина из «Истории одного города». — 301.

[118]) Интервью с саратовским губернатором А. П. Энгельгардтом напечатано в № 9195 «Нового Времени» от 9 (22) октября 1901 г. в отделе: «Внутренние известия». — 301.

[119]) Передовая статья в № 258 «Московских Ведомостей» от 19 сентября 1901 г. имеет следующий заголовок: «Новый циркуляр об общественных работах». — 301.

[120]) Доклад Саратовской губернской земской управы, представленный ею экстренному губернскому земскому собранию, изложен в № 187 «Саратовского Вестника» от 29 августа 1901 г. в очерке под заглавием: «О продовольствии скота в местностях, пострадавших от неурожая». В полном виде доклад напечатан в приложении (датированном 31 августа) к тому же номеру «Саратовского Вестника». Для своей статьи Вл. Ильич использовал и газету и приложение к ней. Приводимые им выдержки из доклада управы представляют собою не текстуальное цитирование отмеченных Вл. Ильичем положений доклада, а беглый пересказ их. — 302.

[121]) Сообщение «От земского отдела министерства внутренних дел — 12 сентября 1901 года» напечатано в № 203 «Правительственного Вестника» (16/29 сентября), а также в №№ 260 и 262 «Московских Ведомостей» (21 и 23 сентября). — 302.

[122]) «*Приазовский Край*» — газета, выходившая в Ростове на/Дону с 1891 г. Редактор-издатель С. Х. Артюпов. — 304.

[123]) Цитата взята из № 252 «Московских Ведомостей» от 13 (26) сентября 1901 г., из заметки под заглавием: «Недостаток гласности» в отделе — «Дневник печати». — 304.

[124]) Вл. Ильич имеет в виду книгу Николая — она (Даниельсона, Н. Ф.) «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», 1893 г. — 312.

[125]) Корреспонденция, отрывок из которой приводит Вл. Ильич, напечатана под заголовком «Бугурусланский уезд» в № 244 «Русских Ведомостей» (4/17 сентября 1901 г.). — 314.

[126]) Вл. Ильич ссылается на заметку «Новые успехи русской торговли с Персией» («Новое Время» № 9188, 2/15 октября 1901 г.). — 314.

[127]) Речь Кондоиди была напечатана в № 9 «Самарской Газеты» от 13 января 1900 г. под следующим заголовком: «Речь г. Управляющего губернией, сказанная 11 января при открытии очередной сессии Губернского Земского Собрания». — 315.

[128]) Цитаты взяты из заметки под заголовком «Ярославль» («Искра» № 4, май 1901 г. Отдел: «Из нашей общественной жизни»). — 318.

[129]) Передовая статья в № 268 «Московских Ведомостей» от 29 сентября 1901 г. имеет такой заголовок: «Печально-знаменательная речь». Приводимые в этой статье выдержки из речи М. А. Стаховича, цитируемые затем Вл. Ильичем, взяты из «Орловского Вестника» № 254. — 322.

[130]) Оценка А. Суворина М. А. Стаховича взята из его «Маленьких писем» — CDXIX («Новое Время» № 9191 от 5/18 октября 1901 г.). — 322.

[131]) «*Миссионерское Обозрение*» — журнал, издававшийся с 1896 г. в Киеве церковными кругами для борьбы с сектантами, выходил под редакцией В. М. Скворцова. — 323.

[132]) «*Орловский Вестник*» — общественно-политическая и литературная газета, начала выходить с 1876 г. — 323.

[133]) «*Вера и Разум*» — богословско-философский журнал, издававшийся в Харькове с 1884 г. и непосредственно руководившийся харьковским архиепископом Амвросием, по инициативе которого журнал был основан. Сгруппировав вокруг себя наиболее реакционных представителей церкви и церковной науки, журнал вел систематическую борьбу с «современными заблуждениями и пороками» и с «чумой современных лжеучений», к которым журнал относил либерализм, материализм, толстовство и пр.

Цитируемое Вл. Ильичем письмо И. Преображенского попало на страницы «В. и Р.» явно по редакционному недосмотру. По запоздалому объяснению редакции, она имела в виду дать читателю представление о «двух лагерях» в современном обществе и с этой целью напечатала в № 8 «В. и Р.» за 1901 г. (апрель, книжка вторая) письмо И. Преобра-

женского (на стр. 457 — 462) и письмо некоего В. Митрофанова, «православного и благомыслящего русского человека», под общим заголовком: «Два характерных письма, присланных преосвященному Амвросию, архиепископу харьковскому: одно от доброго христианина, а другое — от ученого либерала».

Не снабженное никакими редакционными комментариями, кроме предположения, что автор подписался вымышленной фамилией, письмо И. Преображенского вызвало шум в прессе и было перепечатано в ряде газет. Заметившая свою оплошность редакция «В. и Р.», с целью загладить впечатление от письма, обрушилась на него, спустя некоторое время, обширной статьей в № 12 журнала (за июнь 1901 г.). — 325.

[134]) «*Великий писатель земли русской*» — Л. Н. Толстой, названный так И. С. Тургеневым. — 325.

[135]) «*Свободное Слово*» — журнал толстовцев, выходил с 1901 по 1905 г. в Англии под редакцией В. Черткова, взамен редактировавшейся П. Бирюковым и выходившей в Женеве «Свободной Мысли» (1899 — 1901 г.г.). Параллельно с журналом толстовцы издавали «Листки Свободного Слова», произведения Л. Толстого, брошюры, в особенности о преследовании русским правительством сектантов. — 325.

[136]) Редакции не удалось установить, кем именно и когда произнесена приведенная Вл. И. «речь одного из уездных предводителей дворянства на частном собрании предводителей по поводу студенческих дел». В распоряжении редакции не было также гектографированного текста названной речи. — 327.

[137]) Точка зрения Ленина на отношение революционной социал-демократии к либеральной буржуазии, выраженная в статьях «Гонители земства и Аннибалы либерализма», «Внутреннее Обозрение», «Письмо к земцам» (см. V том Сочинений), в частности заключительная фраза настоящей статьи, вызвала ряд нападок со стороны антиискровских элементов на «Искру» и Ленина, якобы проводящих в данном вопросе оппортунизм под флагом ортодоксии. Некоторые из этих возражений см. Н. Рязанов «Материалы для выработки партийной программы». Выпуск II. 1903 г. — 331.

[138]) Так называемый «объединительный» съезд, на котором присутствовало 16 членов Союза русских социал-демократов — Б. Кричевский, А. Мартынов, В. Акимов, Круглов-Гриневич, В. Иваньшин, Сомов-Пескин, Биск-Павлов и др. (в том числе 5 от Заграничного Комитета Бунда: А. Кремер-Вольф, В. Коссовский, Гришин-Копельзон, Мутник-Глеб, Иосиф Милль-Джон), 8 членов Революционной Организации «Социал-Демократ» — Д. Кольцов, Линдов, Л. Аксельрод-Ортодокс и др. (в том числе 3 члена Группы «Освобождение Труда» — Плеханов, Аксельрод, Засулич), 6 членов заграничной организации «Искры — Зари» (Ленин, Мартов, Крупская, Дан и др.) и 3 члена группы «Борьба» (Рязанов, Стеклов, Гуревич-Даневич), происходил 4 и 5 октября 1901 года, в Цюрихе. За день-два до съезда имело место совещание Группы «Освобождение Труда» и «Искры», на котором докладчиком от искровцев на съезд был выдвинут Вл. Ильич. О совещании искровцев и самом съезде сохранились воспоминания участницы съезда Л. И. Аксельрод-Ортодокс (других воспоминаний о съезде, за исключением нескольких строк у Н. К. Крупской и у Ю. Стеклова, нет). Вот что рассказывает Л. И. Аксельрод-Ортодокс об этом эпизоде в истории русской социал-демократии:

«Беседа (совещание «искровцев». *Ред.*) происходила без председателя и без секретаря, по товарищески, без всяких формальностей.

Дело шло о программе съезда, о той позиции, которую мы, революционные социал-демократы, должны были занять на предстоявшем съезде. Ленин стоял на точке зрения окончательного разрыва с «экономистами». Но его твердому убеждению «экономисты» вступили на путь ревизионизма, и совместная работа с ними представлялась ему совершенно невоз-

можной. Он доказывал свои положения, опираясь на руководящие статьи «Рабочего Дела». «Рабочедельский» оппортунизм получил в настоящее время теоретическое освещение, а потому является настоятельная необходимость вести с ними решительную борьбу. Позицию Ленина разделяли П. Б. Аксельрод и В. И. Засулич. Противоположную точку зрения развивал Георгий Валентинович. Он стоял за объединение с «экономистами», указывая на необходимость такого объединения для борьбы против угрожающей опасности со стороны возрождающегося народничества. Исходя из этих соображений, он советовал идти на уступки, конечно, не принципиального характера. Плеханова поддерживали Мартов и я. Эти разногласия не вызвали, однако, никакого раздражения в спорящих участниках совещания. Вся эта беседа происходила чрезвычайно мирно и, насколько я помню, окончательного решения на совещании не было принято.

Был, далее, поставлен вопрос, кому совещание поручает выступить на съезде с критикой «экономизма». Как-то само собой разумелось, что эта задача должна быть возложена на Плеханова, и все присутствовавшие высказали это в один голос. Но Плеханов отказался, мотивируя свой отказ тем, что будет гораздо целесообразнее, если против оппортунизма выступит кто-нибудь другой, ибо отношение его, Плеханова, к ревизионизму в достаточной степени известно. Заканчивая свою мотивировку, Г. В. настойчиво предлагал Ленина. Ленин немного смутился, в начале стал было отказываться: он, видимо, чувствовал некоторую неловкость заменить такого классического оратора и блестящего диалектика, каким был Плеханов. Но Г. В. настаивал, и мы, присутствовавшие, не возражали. Согласившись, Ленин тотчас же обратился с вопросом к Павлу Борисовичу (Аксельрод. *Ред.*), есть ли у него на лицо весь нужный материал и когда его можно получить. После последовавшего ответа, встал и немедленно удалился. Видно было, что он уже занят мыслью о завтрашнем выступлении ...

На следующий день утром (4 октября) открылся съезд. Слово было предоставлено Ленину. Доклад Ленина был тщательно и хорошо продуман; положения логически следовали одно из другого; был подобран материал и факты, метко бившие противника. Говорил он с большим темпераментом, свободно, но сдержанно, убежденно и деловито, изредка повторяя и подчеркивая некоторые значительные слова. Он явно действовал на аудиторию, заражал ее и владея ею всецело. Противники чем дальше, тем больше злились. Это было заметно по выражению лиц их вождей. Сторонники, наоборот, слушали с полным удовлетворением и восторгом. Особенно же восторгались «старики»: Аксельрод, Засулич, Плеханов.

Отвечал Ленину один из редакторов «Рабочего Дела», теоретик этого направления, известный эмигрант Б. Н. Кричевский. Кричевский был, вообще говоря, недурным оратором, он говорил отчетливо, энергично и настойчиво, имея в своем распоряжении должное количество фактов. Но явный, большой успех Ленина сбил с толку его мысль и разорвал приготовленную им речь. Кричевский говорил то вяло, то с чрезмерным, неестественным пафосом, доводя в конце концов ревизионистскую позицию до крайних пределов. Он, что называется, провалился. Успех с одной стороны и неуспех с другой еще больше содействовал раздражению «союзников». Атмосфера создалась уже на этом первом заседании до чрезвычайности напряженная: заметно назревал неизбежный раскол. Дальнейшие заседания дела не исправили, скорее, наоборот, еще более усилили антагонизм двух направлений. Из последовавших после речи Ленина выступлений выделилась только одна горячо сказанная речь Мартова. Г. В. Плеханов и П. Б. Аксельрод ограничились лишь мелкими замечаниями, воздерживаясь от речей из тех соображений, что целесообразно предоставить борьбу с «экономистами» товарищам, недавно приехавшим

из России, так как экономисты беспрестанно обвиняли Группу «Осв. Тр.» в догматизме, объясняя этот ее догматизм ее оторванностью от русской действительности».

Речь Вл. Ильича, произнесенная им 4 октября на «объединительном» съезде, не сохранилась: в «Документах» съезда о выступлении Вл. Ильича сказано лишь следующее: после оглашения июльской резолюции «первый оратор, товарищ Фрей, подробно разъясняет непримиримое противоречие между принципиальным соглашением и статьями Кричевского и Мартынова в № 10 «Рабочего Дела» и затем ставит и вносит в Бюро от имени заграничного отдела организации «Зари и Искры» и организации «Социал-Демократ» следующие вопросы»: (дальше идут вопросы, напечатанные на стр. 274 настоящего тома). Прения вращались главным образом вокруг статей, напечатанных в № 10 «Раб. Дела» и резко расходившихся с положениями, выработанными июньской конференцией. На второй день съезда, после оглашения рабочедельцами оппортунистических поправок и дополнений к июньской резолюции, «искровцы» потребовали перерыва для совещания. По возвращении в зал заседания Дан огласил от имени «Искры — Зари» и «Социал-Демократа» декларацию (см. «Документы и материалы» № 4, стр. 539), после чего сторонники революционной социал-демократии ушли со съезда. — 332.

[138]) «*Южный Рабочий*» — соц.-дем. газета, издававшаяся группой того же наименования и имевшая значительное влияние на юге России. По инициативе группы и Екатеринославского Комитета была предпринята попытка созвать в 1900 г. 2-ой съезд партии (см. примечание 7). В своей издательской и литературной деятельности группа опиралась на южно-русские с.-д. организации, главным образом — Екатеринославский и Харьковский Комитеты. Типография «Южного Рабочего» постоянно меняла свое местопребывание и перебывала почти во всех крупных городах юга. № 1 вышел в январе 1900 г., № 12 — в апреле 1903 г. Литературно, организационно и технически газету обслуживали в разное время: И. Х. Лалаянц, А. М. Гинзбург (Наумов), С. К. Харченко, М. Душкан, А. А. Машицкий, Л. Файнберг, Е. Я. Левин (Егоров), В. Н. Розанов, О. А. Коган (Ерманский), Б. С. Цейтлин (Батурский), А. Виленский («Илья»). По своему направлению «Южный Рабочий» был близок «Искре», выдвигая, в противовес экономизму, революционно-политические задачи рабочего класса и необходимость свержения самодержавия. В № 10 «Южного Рабочего» (декабрь 1902 г.) группа «Ю. Р.» официально заявила о своей солидарности с «Искрой». В области организационной группа «Ю. Р.» не разделяла полностью искровских методов построения партии (централизм) и стремилась к сохранению и закреплению своей самостоятельности. Отчасти этим соображением, а главным образом необходимостью объединить работу с.-д. на юге, вызваны попытки группы (в конце 1901 — начале 1902 г.г.) создать южно-русское областное объединение. На съезд в Елисаветграде прибыли с этой целью представители 5 комитетов и группы «Ю. Р.» (Киевский Комитет отказался участвовать в создании областного объединения). Съезд утвердил органом союза «Южный Рабочий» (№ 8 «Ю. Р.» от февраля 1902 г. вышел как орган «союза южных комитетов и организаций Р. С.-Д. Р. П.») и выбрал Ц. К. Союза (О. Ерманский, Б. Цейтлин и А. Гинзбург), но благодаря провалам областное объединение вскоре распалось.

Группа «Ю. Р.» прекратила свое существование в силу постановлений 2-го съезда партии, распустившего все отдельные самостоятельные группы и организации. — 339.

[140]) Тактика Зубатова — «*зубатовщина*» — система политики («полицейский социализм»), проводившаяся в 1901 — 1903 г.г. по отношению к рабочему классу начальником московского охранного отделения Зубатовым, поддержанным министром внутренних дел Плеве, и заключавшаяся в создании по инициативе охранки легальных рабочих организаций в целях

отвлечения рабочих от политической и революционной борьбы. Встревоженное ростом рабочего движения в конце XIX и начале XX века и предвидя неизбежный переход пролетариата от экономической борьбы с капиталистами к политической борьбе с самодержавием, царское правительство сделало попытку взять рабочее движение в свои руки, ввести его в русло чисто экономической борьбы с капиталистами, выступив при этом в качестве третейского судьи, защищающего рабочих от «незаконных» притязаний хозяев, и тем предотвратить надвигавшееся прямое столкновение рабочего класса с самодержавием. Зубатов, внимательно следивший за рабочим движением и социалистической литературой, впоследствии формулировал новый курс «рабочей политики» царского правительства в следующих четырех пунктах: «1) замена революционного учения эволюционным, а следовательно отрицание, в противоположность революционерам, всех форм и видов насилия; 2) проповедь преимущества самодержавной формы правления в области социальных отношений, как формы, по внеклассности своей, заключающей в себе начало третейское, а следовательно враждебной насильственным приемам и склонной к справедливости; 3) разъяснение разницы между революционным рабочим движением, исходящим из социалистических начал, и профессиональным, покоящимся на принципах капиталистического строя: первое занято реформой всех классов общества, а второе — своими непосредственными интересами; 4) твердое уяснение того положения, что границы самодеятельности оканчиваются там, где начинаются права власти, переход за эту черту был признан недопустимым своеволием — все должно направляться к власти и через власть».

Первая зубатовская организация была основана в Москве, в мае 1901 г., — «Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве», затем в других отраслях. Летом Зубатов основал для борьбы с Бундом в Северо-Западном крае «еврейскую независимую рабочую партию» (М. Вильбушевич, Чемерисский); зубатовские общества возникли под разными названиями в Одессе (Шаевич), Киеве, Николаеве, Харькове; в Петербурге зубатовская пропаганда большого успеха не имела (здесь, в Петербурге, в 1903 г., уже к концу «зубатовщины», появился связанный с охранкой священник Гапон), но в Москве влияние зубатовцев было довольно сильным, и 19 февраля 1902 г. Зубатову удалось организовать патриотическую демонстрацию 50.000 рабочих к памятнику Александра II. Ближайшим помощником Зубатова и пропагандистом его идей в рабочей среде был рабочий А. Слепов, доказывавший рабочим ненужность конституции, выгодной будто бы только интеллигенции, и обещавший им в будущем проведение 8-часового рабочего дня по инициативе правительства. В конце 1902 г. Зубатов организовал в Москве составленный из представителей районов «Совет рабочих механического производства», где принимались жалобы на хозяев, производились расследования, улаживались конфликты и т. д. «Жизнь рабочей массы — писал Зубатов об этом периоде своей деятельности — направлялась по известному руслу, где обычно все страсти успокаивались, а недоразумения разрешались в большинстве случаев мирным путем, не выходя на улицу и не выливаясь в форму фабрично-заводских беспорядков». Параллельно с организацией экономических (профессиональных) обществ устраивались и культурно-просветительные общества, где сначала профессора, а потом священники читали рабочим лекции. Насаждая легальные рабочие общества, Зубатов в то же время систематически расправлялся с революционными организациями, стремясь парализовать их влияние на рабочее движение. Революционная социал-демократия в свою очередь вела ожесточенную борьбу с разлагающей провокационной деятельностью зубатовцев. Стачечное движение 1903 года, в особенности всеобщая стачка на юге, снесли зубатовские организации: последние оказались не в силах удержать в своих рамках рабочее движе-

ние, явно принимавшее политический и революционный характер. В ряде случаев, чтобы сохранить какое-нибудь влияние на массу, зубатовские агенты оказывались вынужденными поддерживать боевые лозунги рабочих. Созданные для укрепления самодержавия зубатовские организации начали превращаться в легальные опорные пункты для борьбы с самодержавием. Правительство не рискнуло продолжать опасный эксперимент, и зубатовские организации были ликвидированы, дав впоследствии рецидив в виде «гапоновщины». — 339.

[141]) Авторы «письма в русские социал-демократические органы» имеют в виду статью Ю. Мартова «Новые друзья русского пролетариата» в № 1 «Искры» (декабрь 1900 г.). Свою статью, описывающую методы борьбы зубатовских агентов с революционным движением еврейских рабочих и ремесленников в Западном крае, Мартов посвятил «Рабочей Мысли». Это посвящение вызвало большое возмущение среди «экономистов». — 340.

[142]) *Гэдисты* — сторонники марксиста Ж. Гэда, левое течение во французском социалистическом движении (см. примечание 158). — 340.

[143]) В вопросе об отношении социал-демократии к террору «Рабочее Дело» обнаружило ряд колебаний. В статье «Исторический поворот» (Листок «Рабочего Дела» № 6, апрель 1901 г.) редакция «Рабочего Дела» признала вопрос о терроре «совершенно новым» для социал-демократии, хотя на самом деле вопрос этот давно уже был решен (отрицательно) русскими марксистами; на июньской конференции 1901 г. рабочедельцы не нашли возможным для себя обсуждать или принять нижеследующий проект резолюции: «Мы считаем нужным решительно высказаться против того взгляда, согласно которому террор является необходимым спутником политической борьбы в России. В настоящее время мы признаем террористическую борьбу нецелесообразной». Наконец, третий съезд Союза русских социал-демократов (октябрь 1901 г.) включил в инструкцию для редакции «Рабочего Дела» пункт о терроре в такой, достаточно расплывчатой и неотчетливой, формулировке: «Систематический наступательный террор съезд признает несвоевременным. В случае отдельных террористических актов следует пользоваться ими для развития политического сознания пролетариата». — 342.

[144]) В письме, датированном ноябрем 1897 г. и напечатанном затем в брошюре «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов» (Женева 1898 г.), П. Аксельрод указывал на возможность двух перспектив развития русской социал-демократии:

1) Рабочее движение сводится, главным образом, к чисто-экономической борьбе с предпринимателями, не играет самостоятельной революционной роли и в борьбе за политическую свободу идет за буржуазной интеллигенцией.

2) Рабочий класс организуется в социал-демократическую партию и самостоятельно ведет борьбу за политическую свободу.

Аксельрод предостерегал социал-демократов от опасности одностороннего увлечения экономическими стачками (первая перспектива), ведущего к умалению роли пролетариата, как главной революционной силы в борьбе с абсолютизмом. — 344.

[145]) Письмо Лассаля Марксу 24 июня 1852 г. (из Дюссельдорфа), отрывок из которого взят Вл. Ильичем в качестве эпиграфа к «Что делать?», напечатано в «Briefe von Ferdinand Lassalle an Karl Marx und Friedrich Engels» 1849 — 1862. Herausgegeben von Franz Mehring («Письма Фердинанда Лассаля Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу») Stuttgart 1902. (Есть русский перевод.) — 344.

[146]) Двадцатипятилетие известной демонстрации в Петербурге 6 декабря 1876 г. (в демонстрации видное участие принимал Г. В. Плеханов, тогда еще член «Земли и Воли») «Искра» отметила передовой статьей

Мартова «Юбилей Казанской площади в С.-Петербурге»—в № 15, датированном 6 декабря 1901 года (одно из доказательств, между прочим, того факта, что «Искра» датирована по старому стилю). Статья излагает дальнейшую историю революционного движения и подробно останавливается на демонстрации 4 марта 1901 г. на той же Казанской площади.—345.

147) «*Всеподданнейший доклад министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1902 год*», утвержденный 29 декабря 1901 г., опубликован в № 1 «Правительственного Вестника» от 1 (14) января 1902 г. и затем перепечатан другими газетами. Какой именно газетой пользовался Вл. И., установить нельзя.—348.

148) Заметка помещена в № 2 «Искры» (февраль 1901 г.) в отделе «Из нашей общественной жизни» под заголовком: «На великой сибирской магистрали» (Письмо из Сибири). Автором заметки является, вероятно, Г. Кржижановский.—349.

149) Цитаты взяты из статьи А. П. Г. «Кто виноват в г. Стаховиче?» («Московские Ведомости» № 348, 18 декабря 1901 г.).—353.

150) «*Пролетарская борьба*»—№ 1—1899 г., издание «Уральской соц.-дем. группы» (М. М. Бердинская, она же Эссен, А. А. Санин, Н. Н. Кудрин и др.). Напечатана зимою 1898—1899 г.г. в типографии группы, устроенной на прииске, которым заводывал Н. Н. Кудрин между Уфою и Златоустом, близ ст. Бишкиль, Самаро-Златоустовской жел. дороги. Работа по устройству типографии, по набору и печатанию сборника выполнялась М. М. Бердинской, Н. Н. Кудриным, В. Доменовым и др. Содержание: А. А. Санин—«Кто совершит политическую революцию?»; Р. Э. Циммерман (Гвоздев)—«Голод»; В. В. Португалов—«Русское рабочее законодательство». Статьи не подписаны. Всего 120 страниц. 16°.—354.

151) «*Социал-демократическая рабочая библиотека*» выходила нелегально в Вильне и Петербурге. В издании «Библиотеки» известны вышедшие в 1900 г. брошюры: № 1 «От редакции Рабочей Библиотеки», написана М. Бройдо, № 2 «Трансвааль и Китай (Две речи Кейр-Гарди и Либкнехта)» и др. В заметке, посвященной «Библиотеке», «Искра» (№ 2, февраль 1901 г.) с полным сочувствием отозвалась о направлении «Библиотеки», не удовлетворяющейся узко-экономической программой действий для рабочего класса и требовавшей борьбы—против самодержавия и буржуазии—за политическую свободу. «Некоторые положения (первой) брошюры—писала вместе с тем «Искра»—кажутся нам неправильными, например, что «российской буржуазии *пока* ничего не остается желать», что «буржуазии дарована у нас некоторая, хотя и жалкая, политическая свобода», но мы не думаем, чтобы дело шло о серьезном разногласии с установившимися взглядами русских социал-демократов». В настоящей статье Ленин имеет в виду как раз первую—редакционную—брошюру «Библиотеки». Поскольку и статья и библиографическая заметка в «Искре» одинаково останавливаются на основной ошибке «Рабочей Библиотеки» (самодержавие как представитель интересов буржуазии), возможна принадлежность искровской рецензии перу Вл. Ильича.—354.

152) Цитата взята из изданной революционно-социалистической группой «Свобода» под редакцией Л. Надеждина (он же автор) брошюры «Канун революции» (непериодическое обозрение вопросов теории и практики), № 1, 1901 г. Цитируемое место находится на стр. 129 брошюры. Брошюра вышла в свет в конце 1901 г. (в тексте брошюры упоминается № 9 «Искры», датированный октябрем 1901 г.). Последняя часть брошюры посвящена «обозрению» и критике «Искры» и, в частности, статей Ленина «С чего начать?» и «Уроки кризиса». Фраза Надеждина «Господи, да не для земцев ли этот орган?»—вызвана его недовольством по поводу помещения «Искрой» двух заметок, описывавших борьбу земских статистиков против полицейского режима, введенного председателем Екатеринославской земской управы Родзянко, и поощрявших статистиков к протесту

и отстаиванию своих прав: «Инцидент в Екатеринославском земстве» (№ 7, август 1901 г.) и «Вятские штрейкбрехеры» (№ 9, октябрь 1901 г.). По мнению Надеждина, не понимавшего роли пролетариата, как вождя, гегемона в обще-демократическом движении, подобные статьи (возможно, что обе заметки принадлежат перу Вл. Ильича) «производят впечатление, будто они написаны для разных либеральных элементов, а не для рабочих». — 355.

153) Вл. Ильич имеет в виду следующие слова из «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Фр. Энгельса (глава I): «Пользуясь взаимными несогласиями различных слоев буржуазии, она (организация пролетариев) добивается признания некоторых интересов рабочих в форме закона... Несогласия внутри старого общества всегда способствуют, так или иначе, развитию пролетариата. Буржуазия ведет постоянную борьбу: сначала — против аристократии, потом против тех слоев своего класса, интересам которых противоречит развитие крупной промышленности, и постоянно против буржуазии других государств. В каждом из этих случаев буржуазия вынуждена обращаться к пролетариату, просить его помощи и вовлекать его таким образом в политическое движение. Она сама передает, следовательно, пролетариату элементы своего собственного образования, т.-е. вручает ему оружие против себя самой» («Коммун. Манифест», изд. Института Маркса и Энгельса, 1923 г., стр. 74). — 355.

154) Вл. Ильич имеет в виду следующие слова из «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Фр. Энгельса (глава IV): «Одним словом, коммунисты поддерживают повсюду всякое революционное движение, направленное против существующих общественных и политических отношений» («Комм. Манифест», изд. Института Маркса и Энгельса, 1923 г., стр. 103). — 356.

155) Вл. Ильич имеет в виду «*дело Дрейфуса*», французского офицера-еврея, невинно осужденного в 1894 г. военным судом по ложному обвинению в государственной измене и приговоренного к вечному одиночному заключению. Дрейфус был осужден под давлением генерального штаба, руководимого монархистами, клерикалами и антисемитами, заинтересованными в том, чтобы скрыть действительных виновников выдачи военных тайн Германии, — офицеров, принадлежавших к наиболее реакционным слоям французской армии, и нанести заодно моральный удар республиканскому режиму, дающему евреям право занимать офицерские посты во французской армии. Когда осенью 1897 г. социалисты и наиболее прогрессивные элементы буржуазной демократии подняли кампанию за пересмотр дела Дрейфуса, вопрос о нем сразу же приобрел ярко политический характер, поскольку под лозунгом «за и против пересмотра» шла на самом деле борьба сторонников республики с монархистами, предпринявшими несколько попыток военного переворота, и вызвал громадное возбуждение в стране, сопровождавшееся массовыми демонстрациями, ожесточенной полемикой прессы и т. д. Под давлением общественного мнения Дрейфус в 1899 г. был помилован и освобожден. (О созданном в этот период для защиты республики министерстве Вальдека-Руссо и о «случае с Мильераном» см. примечание 35.) — 356.

156) Брошюра «*Что делать?*», являющаяся важнейшим документом большевистской партии, оказавшая исключительно большое влияние на развитие революционной социал-демократии, была задумана Вл. И. еще весной 1901 г. Уже в статье «С чего начать?», напечатанной в № 4 «Искры» (май), Вл. И. сообщал читателям, что названная статья представляет собой «набросок плана, подробнее развиваемого нами в подготовляемой к печати брошюре». Брошюра эта и есть «Что делать?». Вряд ли, однако, весною подготовка брошюры — при крайней занятости Вл. И. организационной работой и писанием статей для «Искры» и «Зари» — могла пойти дальше простого собирания материалов. Повидимому, вплотную

за писание брошюры Вл. И. засел только в конце года, в ноябре — декабре.

В предисловии к документам «объединительного» съезда, написанном в ноябре (вышло в декабре), Вл. И. сообщает уже, что брошюра выйдет в свет «в непродолжительном времени», в статье «Беседа с защитниками экономизма» (№ 12 «Искры», 6 декабря 1901 г.) срок выхода брошюры еще более уточнен: «брошюра выйдет в свет,—выражает надежду Вл. И.,— месяца через полтора». Фактически «Что делать?» вышло около 20 марта 1902 г.: в № 18 «Искры» (10 марта по стар. ст.) о брошюре сообщается, как о «только что появившейся».

В существующей литературе нет подробных указаний об отношении членов редакции «Искры» к брошюре Вл. И. Сохранился лишь отзыв Потресова, который писал 22 марта Вл. И. следующее: «Два раза сплошь и под-ряд прочел книжку и могу только поздравить ее автора. Общее впечатление — несмотря на видимый спех, отмеченный и автором — превосходное. Когда я читал, я чувствовал, что автор много думал и долго вынашивал свой «план». Не сомневаюсь, что книжка будет иметь большой успех и сыграет роль организатора. Пожалуй, только первые главы немного слишком сжаты, и в целях *практических и полемических*, автор кое-где, в борьбе со «стихийностью», перегнул палку в сторону «сознательности». «Стихийное рабочее движение есть трэд-юнионизм». Мне думается, что это далеко не совсем и не всегда так. При зачаточных формах рабочего движения сплошь и рядом в головах его вожаков (да и не только вожаков) уже бродят идеи коммунизма, идет борьба не за «копейку на рубль», а за уничтожение существующего, к которому чувствуется ненависть. Вы слишком подчеркиваете то «*извне*», которое несомненно существует в истории социализма, но которое сталкивается с тем общим отрицанием общественного строя, уже существующим *внутри* рабочего класса, и которое шире всякого «трэд-юнионизма». Трэд-юнионизм и развивается-то только при особых общественных конъюнктурах. Именно благодаря тому, что автор выражается — в целях практических — «упрощенно резко», ему и приходится оговориться, что он не имеет в виду «говорить парадоксы». Но отбросив эти подробности, повторяю — превосходно. Разбор того, что такое трэд-юнионистская и социал-демократическая политика, написан ясно и убедительно, а в последних главах деловитый «план» и анализ «кустарничества» возвышаются до поэзии (говорю совершенно серьезно)». («Ленинский Сборник» III.) Несомненно, что и Мартов полностью солидаризировался с «Что делать?». О Плеханове и Аксельроде известно лишь, что они выразили свое недовольство некоторыми отдельными формулировками брошюры, и по их указаниям Вл. И. внес кое-какие исправления в текст. Нужно иметь однако в виду, что ни Плеханов, ни Аксельрод не заявили о каких-либо серьезных разногласиях своих с положениями, развитыми в «Что делать?».

Общая оценка роли и значения «Что делать?» дана Лениным в 1908 г. в предисловии к сборнику «За 12 лет».

Наибольшие возражения со стороны антиискровцев вызвал тезис Ленина о «*внесении извне*» социалистического сознания в стихийное рабочее движение. Теоретическая дискуссия по программным вопросам между искровцами и антиискровцами на втором съезде партии вращалась в значительной степени вокруг проблемы о взаимоотношении сознательности и стихийности. Эта концентрация внимания партии на данном вопросе объясняется тем, что в форме спора о сознательности и стихийности решался коренной вопрос о роли и значении партии, как авангарда и руководителя пролетариата или как простого регистратора осознанных самой рабочей массой нужд и требований. Один из лидеров «Рабочего Дела», А. Мартынов, весь свой содоклад свел к попытке опровергнуть точку зрения Ленина именно по данному вопросу. Поскольку «Что делать?»

ставило своей задачей в полемической форме исправить ошибки рабочедельцев, как раз умалявших роль социалистической сознательности, поскольку нужно было укоренить в социал-демократической среде мысль об обязанности социал-демократов вносить социалистическое сознание в стихийное рабочее движение, постольку при иллюстрации этого абсолютно верного и строго соответствующего всему духу революционного марксизма положения в «Что делать?» естественно был неизбежен в этом направлении некоторый «перегиб палки» (слова Вл. И. на втором съезде партии), отнюдь не задевавший и не ослаблявший основной мысли Ленина.

На съезде все искровцы, включая Плеханова и Мартова, солидаризировались с тезисом Вл. Ильча. После съезда и раскола, когда меньшевики приступили к систематической ревизии всех основных идей старой «Искры», не оставлен был без внимания и тезис Ленина о внесении сознания извне, тезис, входивший до тех пор в идейный арсенал «Искры» и разделявшийся всеми сторонниками революционной социал-демократии. Задачу «опровержения» взглядов Ленина в «Что делать?» взял на себя Плеханов (см. «Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция», «Искра» №№ 70 и 71 от 25 июля и 1 августа 1904 г.), примкнувший к правому крылу социал-демократии и теперь заявивший задним числом о своем принципиальном разногласии с Лениным по вопросу о сознательности и стихийности. Вл. И. не имел возможности тогда же ответить на критику Плеханова, основанную на «вырванных из связи фразах, на отдельных выражениях, не вполне ловко или не вполне точно мною формулированных, при чем игнорировалось общее содержание и весь дух брошюры» (предисловие Ленина к сборнику «За 12 лет», 1908 г. См. соответствующий том Сочинений). Таким ответом Плеханову явилась статья В. Воровского «Плоды демагогии» («Вперед» № 11, 23 марта н. ст. 1905 г.), комментирующая точку зрения «Что делать?» на сознательность и стихийность. Эта статья может считаться в то же время очень близким и точным выражением взглядов самого Вл. И. по данному вопросу, так как она не только тщательно проредактирована Лениным, внесшим в текст ряд исправлений и изменений, но, помимо того, некоторые формулировки в статье Воровского написаны самим Вл. Ильичем. Сравнение «Плодов демагогии» с «Что делать?» показывает, что в статье 1905 года полностью сохранена точка зрения, развитая в брошюре 1902 г. (См. «Документы и материалы», № 6, стр. 544.) — 359.

[157]) «*Лассальянцы*» *и* «*эйзенахцы*» — два течения в германском рабочем движении во второй половине 60-х и первой половине 70-х годов. В противовес буржуазным прогрессистам, стремившимся подчинить рабочий класс своему влиянию, Лассаль начал в 1863 г. агитацию за создание рабочим классом самостоятельной политической партии, имеющей в программе борьбу в легальных формах за всеобщее избирательное право и создание производительных товариществ, субсидируемых государством; новая партия была основана Лассалем в том же 1863 г. под названием «Всеобщего Германского Рабочего Союза». После смерти Лассаля (1864 г.) во главе союза стал облеченный диктаторскими полномочиями И. Швейцер. Лассальянцы приступили к изданию собственного органа «Социал-Демократ», в котором первоначально сотрудничали Маркс, Энгельс, В. Либкнехт, спустя короткий срок порвавшие однако с редакцией «Социал-Демократа» в виду поддержки Швейцером великодержавной политики Бисмарка, стремившегося осуществить национальное объединение Германии путем подчинения ее прусскому юнкерству и династии Гогенцоллернов.

На почве недовольства благоприятной для Бисмарка политикой лассальянцев, саксонские рабочие организации основали в 1866 г. «Саксонскую партию» (с Бебелем и Либкнехтом), входившую на первых порах в так называемую «немецкую народную партию» (буржуазную). В 1869 г. саксон-

ская партия окончательно отделилась от народной и на съезде в Эйзенахе, после того как выяснилась невозможность объединения с лассальянцами, сконституировалась как социал-демократическая партия. Существование двух направлений в германском рабочем движении сопровождалось ожесточенной борьбой, главным образом, по вопросу об объединении Германии и о парламентской тактике: лассальянцы стояли на точке зрения «деловой» парламентской работы, эйзенахцы — за использование парламентской трибуны в целях разоблачения правящих классов и пропаганды взглядов партии. Объединение обоих направлений произошло в 1875 г. на конгрессе в Готе. — 366.

158) *«Гэдисты» и «поссибилисты»* — два направления во французском социализме. В 1879 г. конгресс рабочих организаций в Марселе, проходивший под идейным влиянием марксистов («коллективистов»), принял решение о создании рабочей социалистической партии. Программа партии, принятая в 1880 г., была проредактирована Марксом и Энгельсом. В 1882 г. партия раскололась на две фракции: *гэдистов* (Гэд, Лафарг), ставивших во главу угла самостоятельной революционной политики пролетариата завоевание им государственной власти, отвергавших сотрудничество с буржуазией и отстаивавших организационный централизм внутри партии, и *поссибилистов* или *бруссистов* (Брусс, Малон), умеренного, реформистского крыла, пытавшегося соединить марксизм с прудонизмом, затушевывавшего социалистические и коммунистические цели пролетариата, придававшего непомерно большое значение проведению представителей партии в городские самоуправления, строившего партию на принципах федерации и автономии и рекомендовавшего пролетариату требовать только того, что «возможно» (possible) — отсюда название новой партии. В 1890 г. от поссибилистов отделились аллеманисты (во главе с Аллеманом) — синдикалистское течение, недовольное слишком явной умеренностью поссибилистов и в то же время отрицательно относившееся к гэдистам. (Аллеманисты главным средством борьбы считали всеобщую стачку.) Кроме гэдистов, поссибилистов и аллеманистов в 90-х г.г. на рабочее движение имели влияние бланкисты (Вальян, Эд), во многом отступившие от традиций Бланки и эволюционировавшие в сторону марксизма, и «федерация независимых» (Жорес), проповедывавшая сотрудничество с буржуазией. В 1898 г., в связи с политическим кризисом, вызванным делом Дрейфуса (см. примечание 155), были предприняты попытки сближения и объединения социалистических течений. Вступление «социалиста» Мильерана в буржуазное министерство повлекло однако за собой новую перегруппировку в рядах французского социализма по линии революционной классовой борьбы или «министериализма» и сотрудничества с буржуазией (главным представителем первой точки зрения был Гэд, главным представителем второй — Жорес). Достигнуть единства по этому взгляду на общих съездах не удалось, и гэдисты в 1901 г. сконституировались в «Социалистическую Партию Франции» (Partie Socialiste de France), а реформисты (поссибилисты, аллеманисты, независимые) образовали в 1902 г. «Французскую Социалистическую Партию» (Partie Socialiste Français). Борьба течений во французском рабочем классе вступила в новую фазу. — 366.

159) *«Общество фабианцев»* (*«Fabian Society»*) основано Т. Давидсоном в 1884 г., одновременно с возникновением *«Соц.-демократической федерации»* в Англии, состоявшей из сторонников Маркса (Хайндман, Бернс, Т. Мэн, Чемпион, Ульямс). Имя «фабианцы» происходит от имени римского полководца Фабия Кунктатора («Медлителя»), прославившегося выжидательной, уклонявшейся от решительных боев, тактикой. Общество, состоявшее из представителей английской интеллигенции: профессоров, писателей и т. д., ставило своей задачей отвлекать английских рабочих, среди которых социализм вообще не имел глубоких исторических корней,

от идей революционного социализма и марксизма путем пропаганды «муниципального социализма» и мелких реформ, постепенно преобразующих капиталистическое общество в социалистическое. Во главе общества стояли: Бернар Шоу, Сидней и Беатриса Уэбб, Г. Уэллс. В 1900 г. общество вошло в состав образовавшейся в этом году «Рабочей Партии» в качестве ее составной части.

«Социал-демократическая федерация», в силу специфических английских условий, долгое время ставивших английский пролетариат в сравнительно привилегированное положение, не пользовалась большим влиянием на английских рабочих, хотя под ее руководством был проведен ряд стачек. В 1900 г. федерация вошла в «Рабочую Партию». — 366.

[160]) В статье: «На пороге двадцатого века» («Искра» № 2, февраль 1901 г.) Г. Плеханов, указав, что XIX век был веком освободительного движения рабочего класса, писал далее: «Двадцатый век осуществит лучшие, радикальнейшие стремления XIX века. Но как ни твердо уверены мы в победе пролетариата, как ни ясно видим мы стоящую перед нами великую цель, мы не хотим обманывать ни самих себя, ни наших читателей. Мы вовсе не думаем, что нас ждет легкая победа. Наоборот, мы хорошо знаем, как тяжел путь, лежащий перед нами. Нас ожидает на нем много частных поражений и тяжелых разочарований. Не мало в течение этого пути разойдется между собой людей, казалось бы, тесно связанных единством одинаковых стремлений. Уже теперь в великом социалистическом движении обнаруживается два различных направления, и, может быть, революционная борьба XX века приведет к тому, что можно будет mutatis mutandis назвать разрывом социал-демократической «*Горы*» с социал-демократической «*Жирондой*»».

Прогноз Плеханова о возможном разрыве двух направлений в социал-демократии подтвердился, как известно, целиком не только в русском, но и международном масштабе. Сам Плеханов, предсказавший образование соц.-демократической «Жиронды», поддерживающей буржуазию против пролетариата, оказался в конечном итоге не в лагере «Горы». — 369.

[161]) «*Без заглавия*» — журнал, издававшийся в 1906 г. полукадетской группой Е. Кусковой, С. Прокоповича и В. Богучарского. — 369.

[162]) Имеется в виду заметка: «Congress der Sozialdemokraten Deutschlands» («Конгресс германских социал-демократов») в № 65 «Vorwärts» («Вперед»), 6 Juni 1877. — 371.

[163]) *Катедер-социализм* — буквально: социализм, проповедуемый с университетских кафедр — одно из направлений буржуазной политической экономии, возникшее в противовес манчестерству с его принципом невмешательства государства в свободное развитие экономических сил данной страны, и марксизму, проповедующему классовую борьбу и революционное ниспровержение капиталистического строя. Катедер-социализм выдвигал идею расширения влияния государства, якобы надклассового, на производство и распределение общественных благ с учетом «справедливых» требований трудящихся классов и ограничением чрезмерных притязаний имущих классов — в целях смягчения и притупления классовых противоречий. Из катедер-социалистов известны: Г. Шмоллер, Брентано, Шеффле, Геркнер, Шульце-Гевернитц, Ад. Вагнер. — 370.

[164]) Вл. Ильич имеет в виду статью Б. Кричевского «Тревожное время во Франции» («Рабочее Дело» № 2—3, август 1899 г., стр. 76—85). Описывая борьбу направлений во французском социализме по поводу вступления «социалиста» Мильерана в буржуазное министерство, Кричевский в чрезвычайно благоприятных для правого крыла («жоресистов») тонах излагал доводы реформистов в пользу Мильерана и его сотрудничества с генералом Галиффе, палачем Парижской Коммуны: «...В виду опасного положения республики нужно думать о настоящем и о будущем, а не останавливаться на воспоминаниях о прошлом, как бы дороги и священны

они ни были... Галиффе известен как враг клерикальной шайки... Да, и вообще, он всегда беспрекословно подчинялся республиканским законам, как ни один другой генерал. С другой стороны, участие Мильерана есть лучшее ручательство за поведение всего министерства вообще и генерала Галиффе в частности. Мильеран будет бдительно следить, чтобы Галиффе оставался верным орудием и только орудием...» (стр. 83 — 84). Кричевский взял под свою защиту эту аргументацию оппортунистов, находя, что жоресисты рассуждают, «по нашему мнению, вполне основательно». — 371.

[185]) *Ганноверский съезд германской социал-демократии* происходил 9 — 15 октября 1899 г. Главный вопрос, стоявший в порядке дня, носил такое название: «Нападения на основные взгляды и тактику партии». Постановка этого вопроса была вызвана появлением в партии ревизионистского течения, идейно возглавляемого Э. Бернштейном, подвергшим критике основные идеи марксизма, доказывавшим их несостоятельность и требовавшим пересмотра политики и тактики социал-демократии и превращения ее в партию демократических реформ. Официальным докладчиком выступил Бебель. Защиту точки зрения Бернштейна, находившегося в Англии, в эмиграции, взял на себя Давид. Съезд высказался за сохранение партией ее прежней тактики, приняв по этому поводу следующую резолюцию, сравнительно умеренного характера (за нее голосовали и сторонники Бернштейна):

«Развитие буржуазного общества до настоящего времени не дает партии никакого повода отказаться от своих основных воззрений на него или изменить их.

Партия попрежнему стоит на почве классовой борьбы, согласно которой освобождение рабочего класса может быть только его собственным делом. Поэтому она считает исторической задачей рабочего класса завоевание политической власти, чтобы с ее помощью обеспечить возможно большее всеобщее благоденствие путем обобществления (перехода в общую собственность) орудий производства и введения социалистического способа производства и обмена.

Чтобы достигнуть этой цели, партия пользуется всяким совместимым с ее основными воззрениями средством, которое обещает ей успех. Не обманываясь насчет сущности и характера буржуазных партий, как представителей и защитников существующего государственного и общественного строя, она не отвергает совместной с ними деятельности в отдельных случаях, каждый раз, когда этим путем можно усилить партию при выборах или расширить политические права и свободы народа, или серьезно улучшить социальное (общественное) положение рабочего класса и содействовать выполнению культурных задач, или расстроить планы, направленные против рабочего класса и всего народа. Но партия сохраняет всегда во всей своей деятельности полную самостоятельность и независимость и смотрит на всякий добытый ею успех лишь как на шаг, приближающий ее к ее конечной цели.

Партия относится нейтрально к основанию хозяйственных (производительных и потребительных) товариществ. Она их считает — при наличности необходимых для этого условий — способными улучшить экономическое положение своих членов, а также видит в них, как во всякой организации рабочих для защиты своих интересов, пригодное средство воспитания рабочего класса к самостоятельному ведению своих дел; но она не придает им решающего значения для освобождения рабочего класса от оков наемного рабства.

Партия будет попрежнему бороться против милитаризма, сухопутного и морского (развития армии и военного флота), и против колониальной политики. Точно так же она остается верной своей прежней международной политике, имеющей целью согласие и братство народов и в особенности

рабочего класса различных культурных стран, чтобы достигнуть решения общих культурных задач на почве всеобщей федерации.

Ввиду всего сказанного партия не имеет никакой причины изменить свои главные требования и основные воззрения, или свою тактику, или свое название, т.-е. превратить социал-демократическую партию в демократически-социалистическую реформаторскую; партия решительно отвергает всякую попытку затемнить или изменить ее отношение к существующему государственному и общественному строю и к буржуазным партиям».

Левые социал-демократы (главный орган левых в это время «Leipziger Volkszeitung» — «Лейпцигская Народная Газета»), Р. Люксембург, Парвус, остались недовольными этой резолюцией.

Ганноверскому съезду посвящена в «Рабочем Деле» заметка под заглавием: «Конгресс германской социал-демократической рабочей партии в Ганновере» (стр. 25 — 37). — 371.

[166]) *Любекский съезд германской социал-демократии* происходил 22 — 28 сентября 1901 г. На этом съезде, как и на Ганноверском, в центре внимания съезда стоял вопрос о борьбе с ревизионизмом. Ко времени съезда в германской социал-демократии явно оформилось правое крыло со своей собственной программой действия и собственным литературным органом «Sozialistische Monatshefte» («Социалистический Ежемесячник»), в котором принимали участие: Э. Бернштейн, Фольмар, Ауэр, В. Гейне, Давид, Вольтман, Шиппель и др. Особое возбуждение в партии вызвало публичное выступление Бернштейна на беспартийном студенческом собрании с критикой научного социализма. Ряд партийных организаций резко осудил взгляды Бернштейна, но центральный орган партии «Vorwärts» («Вперед») занял по отношению к Бернштейну и его выступлению позицию благожелательного нейтралитета. Вокруг вопроса о бернштейнианстве на съезде развернулись оживленные прения. В своей речи Бернштейн требовал «свободы критики». Гейне и Давид солидаризировались с Бернштейном. Бебель и Каутский отстаивали «центристскую» позицию, выступив с критикой бернштейнианства и в то же время отнесшись отрицательно к левому крылу (главным образом, Парвус и его статьи о ревизионистах в «Neue Zeit»). Первой голосовалась и была отклонена съездом резолюция Гейне, требовавшая «свободы критики» и обходившая молчанием вопрос о Бернштейне, после чего съезд принял резолюцию Бебеля, персонально упоминавшую о Бернштейне, но не ставившую в целом вопроса о существовании в партии правого крыла:

«Съезд признает безусловно необходимость самокритики для дальнейшего духовного развития нашей партии. Но крайне односторонний характер той критики, которой занимался тов. Бернштейн в последние годы, не вдаваясь в критику буржуазного общества и его представителей, поставил его в двусмысленное положение и вызвал недовольство большинства товарищей. В надежде на то, что товарищ Бернштейн сознает это и соответственно изменит свое поведение, съезд переходит к очередным делам». — 371.

[167]) *Штутгартский съезд* германской социал-демократии происходил 3—8 октября 1898 г. Главные вопросы, обсуждавшиеся на съезде: проблемы тактики (вопрос о значении для рабочего класса частичных реформ — съезд не принял по этому вопросу никакой резолюции) и торгово-таможенная политика. На этом съезде впервые был поставлен вопрос о ревизионизме в немецкой социал-демократии, в связи с оглашенным на съезде заявлением отсутствовавшего Бернштейна. Среди противников Бернштейна на съезде обнаружилось два течения: одно, во главе с А. Бебелем и К. Каутским, стояло за идейную борьбу с Бернштейном, за разоблачение его ошибок, но высказывалось против применения к Бернштейну организационных мероприятий; меньшинство (Парвус, Р. Люксембург) занимало более резкую позицию. После съезда была открыта литератур-

ная дискуссия в партийной прессе. Штутгартскому съезду «Рабочее Дело» посвятило заметку под заглавием: «Конгресс германской социал-демократической партии» («Р. Д.» № 2—3, август 1899 г., стр. 65—72). Редакция «Р. Д.» не дала своей оценки борьбе ортодоксального и ревизионистского течений на съезде по вопросам тактики, ограничившись указанием, что «подробно изложить вопрос можно только в особой статье». — 371.

[168]) Вл. Ильич ссылается на помещенную в № 4—5 «Рабочего Дела» заметку под заголовком «Конгресс германской социал-демократической рабочей партии» (стр. 25—37). По поводу слов Вл. Ильича: «Это писалось в декабре 1899 г.» — следует иметь в виду, что ноябрем-декабрем помечен № 4 — 5 «Р. Дела», но указанная выше заметка датирована 22 (10) октября того же года. — 372.

[169]) В статье «Что случилось?» («Заря» № 1, апрель 1901 г.), посвященной кризису русской общественной мысли, Старовер (А. Н. Потресов) спрашивал: «Отчего на родимой нашей почве скептицизм пресловутого «реформатора» (т.-е. Бернштейна. *Ред.*) марксизма преуспел, как нигде, и отчего в то же время на Руси так много замаскированных и так мало явных сторонников этого учения, точно бернштейнианство — секретная болезнь, в обладании которой не принято признаваться громко и откровенно?» (стр. 48). — 372.

[170]) «*Писатель, который зазнался*» — название одного из первых рассказов М. Горького. — 373.

[171]) Сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» (1895 г.) составлен группой петербургских марксистов; уже отпечатанный сборник был задержан цензурой и уничтожен (удалось сохранить лишь несколько десятков экземпляров, распространявшихся затем в социал-демократических кругах).

В сборнике помещены статьи Плеханова, Ленина (Тулина — «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве»), Потресова, Струве и др. Выпуск сборника представлял собой крупное литературное событие в истории русской общественной мысли. Подробнее о сборнике см. примечание 42 к I тому Сочинений. — 374.

[172]) В 1901 г. появились следующие три русских перевода книги Бернштейна под разными названиями: 1) «Исторический материализм», перевод Л. Канцель, изд. «Знание», С. Петербург (за один год вышло два издания книги в этом переводе), 2) «Социальные проблемы», перевод П. С. Когана, изд. Кончаловского, Москва, 3) «Проблемы социализма и задачи социал-демократии», перевод К. Я. Бутковского, изд. Ефимова, Москва (Зубатовское издание). — 375.

[173]) О рекомендации Зубатовым книги Бернштейна рабочим для чтения сообщил «Искре» неизвестный редакции московский товарищ, приславший за подписью «экс-экономиста» письмо, озаглавленное: «О зубатовщине». Обширные выдержки из этого письма приведены Ю. Мартовым в статье «Еще о политическом разврате наших дней» («Искра» № 10, ноябрь 1901 г.). — 375.

[174]) «*Былое*» — исторический журнал, посвященный, главным образом, истории народничества и более ранних общественных движений (декабристы, петрашевцы и др.). Первоначально выходил под редакцией В. Бурцева в Женеве, затем под редакцией В. Бурцева, В. Я. Богучарского и П. Е. Щеголева в России (с 1908 г. журнал выходил под названием «Минувшие Годы»). Продолжает выходить под редакцией П. Щеголева и в настоящее время. — 375.

[175]) «*Profession de foi*» («исповедание веры», «символ веры») Киевского Комитета написано, повидимому, в 1899 г. Этот документ, экономический характер которого бесспорен, известен по тем выдержкам из него, которые приведены Акимовым в его «Материалах для характеристики развития российской социал-демократической рабочей партии», Женева

1904, на стр. 88 — 89. Тот же Акимов рассказывает, что Profession de foi было опубликовано вместе с критикой его спустя полтора года после написания, не авторами, а его противником, и высказывает предположение, что, «по всем видимостям, эта критика принадлежит перу тов. Ленина». В виду малой известности критического отзыва Profession de foi или «опровержения», написанного, весьма вероятно, Вл. Ильичем, приводим те выдержки из него, которые имеются у Акимова (стр. 89 — 91):

... «Уже первая фраза Profession de foi возбуждает самое серьезное недоумение... остается спросить себя: неужели писавшие это — социал-демократы? «Русский рабочий в массе не созрел для политической борьбы». Если это верно, то это равносильно смертному приговору над всей социал-демократией, ибо это значит, что русский рабочий в массе еще не созрел для социал-демократизма. В самом деле, нигде в мире не было и нет такой социал-демократии, которая не была бы нераздельно и неразрывно связана с политической борьбой. Социал-демократическая партия без политической борьбы это река без воды, это какое-то вопиющее противоречие, это какое-то возвращение к утопическому социализму наших прапрадедов, пренебрегавших «политикой», либо к анархизму, либо трэд-юнионизму...

В самом деле, как же можно говорить о «политическом воспитании» рабочих, если не признается возможность вести политическую агитацию и политическую борьбу? Неужели среди социал-демократов нужно еще доказывать, что не может быть никакого политического воспитания вне политической борьбы и политических действий? Неужели можно думать, что политически воспитать рабочие массы могут какие-нибудь занятия или книги помимо политической деятельности и политической борьбы?..

Крайне странным и в то же время крайне характерным для всего Profession de foi образом Комитет, не считая возможным призывать в настоящий момент широкие массы рабочих к политическим действиям, признает желательным устройство частичных демонстраций с чисто агитационной целью, а не в видах воздействия на правительство, по поводам, доступным пониманию широких масс. Социалисты призывают рабочих не оказывать воздействия на правительство! Дальше некуда идти». — 376.

[176]) Программа периодического органа Союза русских социал-демократов «Рабочее Дело» напечатана в № 1 «Рабочее Дело» (апрель 1899 г.) в виде обращения «От редакции» и вышла затем отдельным оттиском. Программа перепечатана в приложении к настоящему тому. (См. «Документы и материалы», № 5, стр. 540.) — 379.

[177]) Объявление о возобновлении изданий Группы «Освобождение Труда» написано П. Б. Аксельродом в самом конце 1899 г., вышло в свет отдельным изданием с пометкой: «1900 г.», перепечатано также в приложении к плехановскому «Вademекуму». По соглашению с Союзом русских социал-демократов в конце 1899 г. Группа «Осв. Тр.» должна была начать новую серию изданий Союза по программе, изложенной в «Объявлении». Последовавший в апреле 1900 г. полный разрыв Группы «Осв. Тр.» с Союзом помешал выполнению этого плана. — 379.

[178]) К тому времени, когда были написаны эти строки Вл. Ильича, вышло два номера «Зари»: № 1 — апрель 1901 г. и № 2 — 3 (двойной) — декабрь 1901 г. — 379.

[179]) Цитата из Марксовых «Замечаний на программу германской рабочей партии» («Критика Готской программы»), точнее — из письма Маркса к Бракке от 5 мая 1875 г., предпосланного им (Марксом) «Критике» (русск. изд. 1923 г., Госиздат, перевод Н. Алексеева, стр. 43). — 379.

[180]) В брошюре «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов» (1898 г.) П. Аксельрод писал (стр. 27 — 28), что, при сосредоточении социал-демократией внимания исключительно на чисто экономической борьбе, возможен уход наиболее революционных элементов пролетариата, не находящих выхода своим политическим стремле-

ниям, в террор, как это было в 70-х г.г., или вообще в какую-нибудь разновидность буржуазно-демократического революционного движения.— 380.

[181]) Брошюра «*Об агитации*» написана в 1894 г. в Вильне А. Кремером, суммировавшим в брошюре опыт местной бундовской работы, и проредактирована Ю. Мартовым. Издана — за границей в 1897 г. с предисловием, датированным июнем 1896 г., и послесловием П. Аксельрода. Брошюра имела большое влияние на социал-демократические круги того времени, поскольку она призывала социал-демократов переходить от замкнутой кружковой пропаганды к массовой агитации среди рабочих на почве мелких экономических нужд и требований рабочих. Брошюра, однако, не была лишена некоторой односторонности, заключающейся в чрезмерном подчеркивании роли и значения чисто экономической борьбы. Некоторые формулировки брошюры могли быть истолкованы в духе экономизма, сосредоточивающего внимание рабочих только на экономической борьбе и отодвигающего борьбу за политические требования на задний план. Критический отзыв о брошюре с этой точки зрения дан Г. Плехановым в статье: «Еще раз социализм и политическая борьба» («Заря» № 1, апрель 1901 г.); предисловие Аксельрода также упоминало в беглой форме о недостатках брошюры. Деятельность петербургских социал-демократов, среди которых работал Вл. И. и которые знали брошюру, была, как видно из изложения Вл. И., чужда той односторонности, которая, несомненно, имеется в брошюре.— 385.

[182]) «*Русская Старина*» — ежемесячный исторический журнал, выходил с 1870 по 1917 г. В разное время редактировался А. С. Лозинским, Н. К. Шильдером, Н. Ф. Дубровиным, затем В. А. Семевским и М. И. Семевским.— 385.

[183]) Из названных здесь Вл. И. и им же, повидимому, написанных статей и заметок, предназначенных для № 1 «Рабочего Дела», найдена только статья «О чем думают наши министры?» (Сочинения, т. I, стр. 417 — 421.) Остальные не разысканы (см. Сочинения, т. I, стр. 463 — 464). — 385.

[184]) «*Лица, непосредственно и ближайшим образом знавшие А. А. Ванеева*»—т.-е. прежде всего сам Вл. Ильич, вместе с Ванеевым, Мартовым, Кржижановским и др. входивший в Петербургский Союз борьбы.— 385.

[185]) «*Спб. Рабочий Листок*» — газета, издававшаяся «Петербургским Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Вышло всего два номера. № 1, помеченный январем 1897 г., вышел в начале февраля в количестве 300 — 400 экз., отпечатанных на мимеографе. № 2 был составлен в марте, послан за границу и там с некоторыми изменениями напечатан в сентябре 1897 г. Оба номера были составлены целиком Б. Горевым (Гольдманом).— 386.

[186]) *Листок* «*Работника*» выходил в 1896 — 1899 г.г., издавался Союзом русских социал-демократов. Первые восемь номеров вышли под редакцией Группы «Освобождение Труда» (Г. Плеханов, П. Аксельрод, В. Засулич), № 9 — 10 (последний), экономического направления, вышел под временной редакцией.— 387.

[187]) «*Частное собрание*», о котором говорит здесь Ленин и на котором обнаружились разногласия между «старыми» и «молодыми» участниками Петербургского Союза борьбы, происходило в промежутке между 26 и 29 февраля н. ст. 1897 года. «*Некоторые товарищи А. А. Ванеева*»— это Ленин, Мартов, Кржижановский и другие члены Союза, только что выпущенные из тюрьмы на 3 дня перед отправкой в Сибирь и воспользовавшиеся этой отсрочкой для свидания с оставшимися на воле «молодыми» деятелями Союза. О собрании, описанном Лениным, рассказывают в своих воспоминаниях и исторических очерках А. Елизарова, Ю. Мартов—в 1897 г. видный член Петербургского Союза, единомышленник Ленина, но в своих мемуарах рассматривающий разногласия 1897 г. отчасти уже сквозь призму своих позднейших воззрений, К. Тахтарев («Петер-

буржец») — «экономист», бывший редактор «Рабочей Мысли», противник революционной социал-демократии, тенденциозно изображающий борьбу «старых» и «молодых» (экономистов) членов Союза, — и Б. Горев. В виду особого интереса, который представляет это собрание, как первая встреча Вл. И. с будущими экономистами, приводим выдержки из воспоминаний участников собрания.

«Собрания были встречами «старых» и «молодых». Велись дебаты о тактике. Особенно таким, чисто политическим собранием было первое — у Радченко. Второе — у Цедербаума — было более нервное и сутолочное. На первом собрании разгорелась дискуссия между «декабристами» и позднейшими сторонниками «Рабочей Мысли»: спорил Ильич, которого поддерживали все старики, с Якубовой. Последняя очень разволновалась: слезы выступили у нее на глаза. И тягостно было ей, видимо, спорить с Ильичем, которого она так ценила, выходу которого так радовалась, и мнение свое не могла не отстаивать. Оно клонилось к тому, что газета должна быть подлинно рабочей, ими составляться, их мысли выражать: она радовалась пробуждающейся инициативе рабочих, массовому характеру ее. Ильич указывал на опасность экономизма, который он предвидел раньше других. Спор вылился в поединок между двумя. Мне было жаль Якубову: я знала, как беззаветно предана она революции, с какой трогательной заботливостью относилась лично к брату за время заключения, и мне казалось, что брат преувеличивает опасность уклона молодых». (А. И. Елизарова. Владимир Ильич в тюрьме. «Пролетарская Революция» № 3/26, 1924 г., стр. 120.)

«Четыре дня, проведенные нами на воле, были заполнены такой массой встреч и разговоров, что нам с трудом удалось урвать время, чтобы поговорить совместно с несколькими из активных деятелей «Союза». Об этой беседе Ленин в свое время упомянул в известной брошюре: «Что делать?», чтобы указать, что уже в начале 1897 г. наметилось между нами и нашими наследниками то расхождение, которое должно было к концу десятилетия отлиться в открытую борьбу «политического» и «экономического» направлений в русской социал-демократии. Насколько я сохранил память об этой беседе, это расхождение только нащупывалось, сказываясь в отдельных частностях и не улавливаясь сторонами, как вытекающее из одного общего источника. Спор шел больше всего по поводу намерения деятелей «Союза» пойти навстречу стремлениям рабочих к организационной самодеятельности. Положение, создавшееся при нас, когда «Союз Борьбы», рассматривавшийся рабочими, как их массовая организация, фактически находился в руках двух десятков интеллигентов, составлявших ядро, которое опиралось на ряд разрозненных и лишь через посредство этого ядра связываемых кружков — такое положение, сохранявшееся в течение всего 1896 года, не могло удовлетворить рабочих по мере того, как росло число тех из них, которые активно участвовали в партийной работе. Они начали требовать демократической организации. «Союз» пошел навстречу этому требованию, и нам был показан выработанный им устав рабочей кассы, которая должна была объединить все активные элементы пролетариата и составлять самоуправляющееся тело «Союза». Но так как повседневная практика «Союза» попрежнему выражалась в руководстве профессиональной борьбой рабочих, то построение всей партийной организации применительно к этой практике (а к этому вело, если не растворение «Союза» в проектируемой массовой кассе, то подчинение «Союза», как руководящего центра, ее контролю) должно было сковать это руководящее ядро во всех попытках расширить русло своей революционной работы, выведя ее из оболочки чисто-профессиональной борьбы. Всегда рассматривая концентрацию сил партии на последней лишь как стратегический прием, ведущий наиболее верным путем к непосредственной борьбе с самодержавием, мы, поэтому

скептически отнеслись к проекту устава упомянутой кассы и поддержали Ульянова, который подверг его довольно резкой критике». (Ю. Мартов. Записки социал-демократа, I, 1922 г., стр. 315 — 317.)

«К этому последнему периоду относится и упоминаемое Н. Лениным *), со слов покойного Ванеева **), свидание между некоторыми из действующих членов Союза и «стариками» или «декабристами» перед их отправкой в ссылку. Само по себе это свидание не имеет никакого существенного значения, но я принужден сказать по поводу него кое-что, чтобы восстановить истинные факты. Во-первых, в тогдашнем Союзе не было никакого разделения на «старых» и «молодых»; и разделение голосов по вопросу об участии рабочих в центральной группе Союза происходило без всякого отношения к тому факту, сколько времени тот или иной член участвовал в Союзе. *Против участия* рабочих в центральной группе Союза были и принадлежавшие еще к группе «стариков», и недавно вступившие в Союз. *За участие* были и принадлежавшие еще к группе «стариков», и недавно вступившие в Союз. Это разделение не имело также ровно никакого отношения к тому факту, кто сколько времени участвовал в работе среди рабочих. Словом, члены Союза разделились не на «старых» и «молодых», а на сторонников участия рабочих в центральной организации Союза и на противников такого участия рабочих в центральной организации Союза.

Во-вторых, из всех членов, вошедших в Союз во время и после стачек, только я один принимал впоследствии участие в группе «Рабочая Мысль», но я не был в описываемый момент в Петербурге и не участвовал на вышеупомянутом совещании. Так что не может быть даже и речи ни о каком споре между «стариками»... и некоторыми из «молодых» (принимавшими впоследствии близкое участие в «Раб. Мысли») [см. брошюру Ленина, стр. 23, а также 26 (стр. 387 и 390 настоящего тома). *Ред.*]

Что касается сущности спора, то *я*, не будучи сам на собрании, предоставляю рассказать о нем одному из моих товарищей, участвовавшему еще в группе «стариков» и в основании Союза Борьбы. Вот что пишет мой товарищ (А. А. Якубова. *Ред.*):

«Собрания, о которых идет речь, были свиданием между «декабристами» и теми из немногих членов действовавшего Союза, которые в былые времена принадлежали еще к группе «стариков» и участвовали в основании Союза. Из лиц, примкнувших к Союзу позднее («молодых» по терминологии тов. Ленина), на совместных собраниях бывал лишь один товарищ, но он не принимал никогда и никакого участия в «Рабочей Мысли» и не принадлежал к числу тех, кто стоял за принятие в центр Союза представителей от рабочего комитета. Вообще из всех членов Союза, *бывших на совещаниях*, автор этих строк являлся единственным лицом, которое в тогдашнем Союзе от начала до конца отстаивало принятие рабочих в центр Союза, а впоследствии принимало участие в газете «Рабочая Мысль». Но, по терминологии тов. Ленина, автор этих строк являлся одним из «старых» членов Союза.

Предметами обсуждения на наших совещаниях были вопросы гораздо более важные, чем вопрос о проекте устава кассы, хотя говорили и о последнем. Предметами совещания были окончательное обсуждение вопроса о возобновлении договора с группой народовольцев о совместном редактировании и издании литературы для рабочих, и вопрос об организации Союза и принятии в его центральную группу представителей от рабочего комитета.

---

*) См. брошюру «Что делать?», стр. 23 (стр. 387 настоящего тома. *Ред.*).

**) Вл. Ильич описывал собрание не «со слов» А. А. Ванеева, а как один из участников собрания. *Ред.*

По вопросу о народовольцах не было никаких существенных разногласий. Что же касается вопроса об организации Союза, то между автором этих строк и его прежними товарищами по работе возгорелся горячий спор. «Декабристы» стояли за прежнюю конституцию Союза и, хотя признавали пользу рабочего комитета, но спорили против включения представителей от него в центральную организацию Союза; вместо того они предлагали, наоборот, послать из центра Союза одного или двух членов в качестве представителей в рабочий комитет, иными словами, они стояли за status quo (за сохранение прежнего положения. *Ред.*).

Автор этих строк указывал на увеличение количества работы Союза, на наличность сил в рабочей среде, желающих проявлять свои организаторские способности под знаменем Союза. Автор настаивал, что всю организационную деятельность в рабочей среде необходимо сконцентрировать и иметь непосредственных представителей этой функции в центре Союза. Потому, только при включении представителей от рабочего комитета в центр Союза, Союз будет действительно в состоянии расширить сферу своей деятельности и сферу влияния, будет мыслимо тогда правильно распределять все центральные функции Союза. Наконец, нельзя же делать такое нелепое противопоставление, как рабочий и революционер.

Вот какова была сущность *спора* и сущность *разногласий*.

Что касается проекта устава кассы, то о нем могу сказать следующее. Начавшаяся и все разраставшаяся борьба рабочих за свои интересы, поглощая не мало жертв, требовала все большего и большего количества сил и средств. И то и другое нужно было организовать. Так называемые боевые рабочие кассы самопомощи, совмещавшие в себе задачи чисто революционные с задачами саморазвития, считались рабочими наиболее подходящими в данное время формами организации. Рабочие писали немало проектов на эту тему, и некоторые из проектов передавались в Союз. Некоторые из нас полагали, что Союз ни в каком случае не должен оставлять без ответа подобные стремления, а наоборот должен с своей стороны сделать все возможное, чтобы пойти навстречу организационным стремлениям рабочих, к своей же собственной выгоде: взяв на себя руководящую роль в этом организационном движении рабочих, Союз сильно увеличил бы и расширил бы свое влияние на рабочих и через это получил бы возможность дать движению наиболее желательное для него (Союза) направление.

С этой же точки зрения некоторые из нас рассматривали и проект «устава центральной союзной кассы», переданный кружком рабочих из-за Невской заставы. (Кстати, этот проект никогда, ни в каком окончательном виде не появлялся на страницах «Рабочей Мысли» и, следовательно, не мог быть перепечатан в «Листках «Работника»»). Большинство членов центральной группы Союза было против печатания проекта под фирмой Союза, на том основании, что Союз сам может составить проект для печатания под своим именем. Соглашаясь с последним доводом, другие предлагали напечатать данный проект раньше для пробы, чтобы этот проект и высказанные по поводу него мнения послужили материалом для составления проекта Союза. Потому предлагали напечатать проект в том виде, в каком он был, но непременно с примечанием, что «Союз издает проект устава кассы, выработанный группой рабочих, для того, чтобы рабочие высказались по поводу проекта и сделали необходимые поправки». В виду того, что большинство центральной группы Союза высказалось против печатания проекта под фирмой Союза, проект был оттиснут без всякой фирмы частным образом на гектографе и передан группе рабочих. Впрочем, в конце марта этот проект был издан Союзом». [Петербуржец (К. Тахтарев). Очерк петербургского рабочего движения 90-х годов. По личным воспоминаниям. Лондон. 1902 г. Изд. «Жизнь», стр. 68 — 72.]

«Большим событием в жизни «Союза» и в моей личной было наше свидание со «стариками» в начале 1897 г. (кажется, в феврале). Перед тем, как отправить их в ссылку, на 3 года в Вост. Сибирь, их выпустили из тюрьмы и разрешили им три дня пробыть в Петербурге «для устройства своих дел». И вот, два вечера под-ряд собирались они на квартире у Цедербаумов, где я делал им доклад о деятельности «молодого» Союза и где мы обсуждали целый ряд вопросов тактического и организационного характера.

Кроме Мартова, там были Ленин, Кржижановский, Старков, Малченко, Запорожец, Ванеев и Ляховский, а также один или два рабочих, — все арестованные год с лишним назад, во время первых провалов «Союза». Кроме меня, от работавших «на воле» товарищей была представлена на собраниях только А. Якубова.

В своем докладе я указал на назревающие в «Союзе» разногласия, на уклон в сторону специфического «демократизма» и «рабочефильства», и эти именно вопросы вызвали наибольшее обсуждение и даже страстность. Ленин, главный оратор «стариков», обрушился на эти «новшества» самым резким и решительным образом, и тогда уже сказались полностью все особенности его характера и мышления: уверенность в своей правоте, с одной стороны, и вера в революционно-теоретическую непогрешимость самопополняющейся группы «профессиональных революционеров», которую он назвал зародышем будущей партии, — с другой. Ленин был против каких бы то ни было самостоятельных рабочих организаций, как таковых, против предоставления рабочим какого-либо специального контроля и т. д. Он говорил: «если у вас есть сознательные и заслуживающие доверия отдельные рабочие, введите их в центральную группу, вот и все. Больше никакой особой «рабочей политики» не нужно . . . » *).

На этих же собраниях шла речь о возможном соглашении или объединении с той зародышевой группой эсэров, о которой я выше упоминал. Ленин выработал текст соглашения (это была целая статья!) и тогда же проявил тот деловой оппортунизм, в форме уважения к чужой силе, который так характерен для него. «Раз у них есть типография, — говорил он, — то они многое могут диктовать нам, и мы на многое должны соглашаться»». (Б. И. Горев. Из партийного прошлого. Воспоминания 1895 — 1905 г.г. Госиздат 1924 г., стр. 37.)

Неточность, о которой упоминает Б. Горев, исправлена Вл. Ильичем в № 40 «Искры» от 15 мая 1903 г. В этом номере было напечатано следующее «Письмо в редакцию» К. Тахтарева («Петербуржца»):

«В моей брошюре «Очерк петербургского рабочего движения девяностых годов» имеется несколько замечаний по поводу одного собрания в Петербурге зимою 1897 года, на котором велся спор об участии рабочих в тогдашнем «Союзе Борьбы» и которое было описано товарищем Лениным в его «Что делать?». В настоящее время, благодаря личному свиданию еще с одним участником этого собрания (т.-е. Б. И. Горевым. *Ред.*) и после выяснения дела в личной беседе с товарищем Лениным, я считаю необходимым заявить следующее:

Что касается до деления споривших на *старых* и *молодых*, принимавших впоследствии участие в «Рабочей Мысли», то товарищ Ленин и сам признает, что это его деление не вполне точно.

---

*) Пять лет спустя Ленин сам рассказал этот эпизод в своем знаменитом «Что делать?». Но там он спутал меня с Якубовой (не называя имен), так как естественно думал, что «молодой» член Союза, каким был я, должен стоять за еретические новшества. В феврале 1903 г., когда я был в Лондоне, Ленин, по моему указанию, восстановил истину в одном из номеров «Искры».

С своей стороны я согласен с тем, что петербургское массовое рабочее движение 1896 — 1897 годов и в особенности столь неожиданная и величественная летняя стачка 1896 г. и организованная январская стачка 1897 г., потребовавшие крайнего напряжения всех сил нашего союза, конечно, оставили свой след и на нашем миросозерцании в виде, быть может, переоценки значения стачечного движения. Это, разумеется, дает товарищу Ленину некоторое право искать в сказанном времени начало зарождения так называемого «экономизма». Но по моему мнению то, чем мы тогда в действительности увлекались, нельзя назвать «экономизмом». Мы увлекались первыми проблесками самосознания и самодеятельности широкого круга рабочих, их стремлением к организованности и к активной борьбе, а отсюда логически вытекало наше стремление непременно организовать при Союзе группу рабочих-агитаторов, из среды которых Союз мог бы также пополнять свои силы. Впрочем, я теперь убедился, что наши прежние споры насчет положения агитационной группы в Союзе в значительной степени должны быть объяснены некоторым взаимным непониманием, и я думаю, что дальнейшее выяснение прежних разногласий пора давно сдать в архив, дабы не тратить на него сил и времени, необходимых для успеха нашей общей работы».

К словам Тахтарева: «товарищ Ленин и сам признает, что это его деление не вполне точно», Вл. Ильич сделал такое примечание:

«Именно: неточность моего деления состоит в том, что «молодой» (т.-е. Б. И. Горев. *Ред.*), как оказалось, защищал тогда (в споре) «старых», а один «старый» (т.-е. А. А. Якубова. *Ред.*) «молодых». — 387.

[188]) Передовая статья из № 1 «Рабочей Мысли» (октябрь 1897 г.), перепечатанная в № 9 — 10 «Листка Работника» (ноябрь 1898 г.), помещена в приложении ко II тому Сочинений (стр. 611 — 612). — 388.

[189]) В библиографической заметке ««Рабочая Мысль», орган петербургских рабочих, № 1 — 3» — напечатанной в № 9 — 10 «Листка Работника» (ноябрь 1898 г.), В. Иваньшин, позже один из редакторов «Рабочего Дела», в дружественных тонах отозвался о трех вышедших номерах «Рабочей Мысли», находя, что издатели «Р. М.» «до сих пор удачно справлялись со своей задачей», и солидаризируясь как раз с теми положениями в передовице номера первого, которые вызвали особенное осуждение Вл. Ильича в «Что делать?». Появление заметки В. Иваньшина окончательно убедило Группу «Освобождение Труда» в правильности ее решения отказаться от редактирования изданий Союза русск. с.-демократов. — 388.

[190]) В. В. — В. П. Воронцов (1847 — 1917) — виднейший представитель народничества в 80-х годах, защищавший наиболее устаревшие народнические идеи и дошедший в 90-х годах до реакционного отрицания политической массовой борьбы. Здесь выражение «*В. В. русской социал-демократии*» употреблено в применении к сторонникам «Раб. Мысли» в смысле правого оппортунистического крыла социал-демократии, отодвигающего на задний план политическую борьбу рабочего класса, проповедующего ему примитивные и узкие методы и формы борьбы и мизерные цели борьбы и потому играющего реакционную роль в рабочем движении. — 389.

[191]) На съезде 1899 г. в Брюнне австрийская социал-демократия признала необходимым пересмотреть старую «гайнфельдскую» (1888 г.) программу партии сообразно изменившимся условиям борьбы австрийского рабочего класса и поручила специальной комиссии (В. Адлер, Дашинский, Элленбоген и др.) выработать проект новой программы. Составленный в основном Адлером, смягчившим и ослабившим прежние боевые формулировки социал-демократии, проект был опубликован в августе 1901 г. и вызвал ряд критических возражений и указаний на допущенные в проекте уступки бернштейнианству. Со статьей по поводу программного проекта выступил в «Neue Zeit» и К. Каутский [«Die Revision des Programms der Sozialdemokratie in Österreich» — «Пересмотр программы австрийской социал-демократии».

(«Die Neue Zeit», №3, 19 Oktober 1901, S. S. 68—82)]. Сравнивая старый и новый тексты программы, Каутский высказался за сохранение принципиальной части гайнфельдской программы, как более полно и правильно выражающей понимание социал-демократией общего хода исторического процесса и задач рабочего класса. Адлер не согласился с этим предложением, и новая программа была принята на съезде в Вене (2—6 ноября 1901 г.) после внесения в нее небольших поправок съездовской программной комиссией, в которую входил и Каутский. Вл. И. цитирует здесь статью Каутского: «Die Revision des Programms». — 390.

[102]) Вл. Ильич имеет в виду, проникнутую духом реформизма и либерализма, книгу С. Н. Прокоповича «Рабочее движение на Западе. Опыт критического исследования. Том I. Германия. Бельгия». С.-Петербург. 1899 г.

«Что касается теоретических предпосылок, с которыми автор приступил к исследованию, — писал Прокопович в предисловии, датированном 3/15 февраля 1899 г., — то он должен признаться, что растерял добрую половину из них во время исследования. Факты неопровержимо доказали ему несоответствие действительному ходу дел многих идей, с которыми он приступил к исследованию». Освободившись таким образом от влияния марксистской «доктрины», последователем и сторонником которой Прокопович на самом деле никогда не был, «критически» настроенный автор поставил своей задачей доказать, что рабочее движение в передовых западно-европейских странах развивалось «по Бернштейну» и что в рабочем движении отсутствуют условия и предпосылки для революционной борьбы и революционной политики социал-демократии. Книга проникнута нескрываемой враждой к научному социализму и к деятельности ортодоксального крыла германской социал-демократии.

«Заря» дала оценку ревизионистского труда С. Прокоповича в статье П. Молотова (Парвуса) «Европейские рабочие и их русский историк» («Заря» № 1, апрель 1901 г., стр. 187 — 230). — 392.

[103]) Вл. Ильич имеет в виду напечатанные в 1899 г., в «Brauns Archiv», XIV Band, 5 und 6 Heft («Архив Брауна», XIV том, 5 и 6 выпуск) статью П. Струве «Die Marxsche Theorie der sozialen Entwicklung» («Марксова теория социального развития») и рецензию его же на книгу Э. Бернштейна «Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie» («Предпосылки социализма и задачи социал-демократии») и книгу К. Каутского «Bernstein und das sozialdemokratische Programm» («Бернштейн и социал-демократическая программа»). Струве критиковал общую теорию марксизма и в частности ее философские предпосылки, доказывал растущее «притупление» общественных противоречий, отрицал неизбежность и необходимость социальной революции и диктатуры пролетариата. Критика ревизионистских воззрений Струве дана Плехановым в «Критике наших критиков» («Заря» № 1, 2—3, 4). — 392.

[104]) В целях приобретения влияния на рабочий класс и борьбы с социал-демократией в 60-х и 70-х годах германская прогрессистская (либеральная) партия буржуазии увидела себя вынужденной стать на путь организации профессиональных союзов. Агитационную и практическую деятельность в этом направлении повел прогрессист Шульце, затем Макс Гирш и Дункер, проповедывавшие «гармонию» интересов труда и капитала, нецелесообразность стачечной борьбы, допустимость приема в союзы не только рабочих, но и капиталистов и требовавшие от каждого вступающего в союз члена заявления в том, что он «не состоит ни членом, ни сторонником социал-демократии». В своей работе «Die Arbeiterfrage und die deutschen Gewerkvereine» («Рабочий вопрос и немецкие профессиональные объединения») М. Гирш в следующих словах определил задачи «гирш-дункеровских» профессиональных союзов: «Сущность программы немецких профессиональных союзов (прогрессистских), подобно английским, состоит в признании, что для освобождения рабочего, занятого в круп-

ной промышленности, от материального и социального гнета вовсе не требуется радикального переворота, в виде отмены частной собственности и уничтожения частных предприятий, как учат социал-демократы; для этой цели вполне достаточны, наряду с действительной защитой рабочих путем законодательства, профессиональная организация рабочих и накопления значительных денежных средств. Это сделает рабочих, слабость которых происходит от их разрозненности и недостатка денег в кассе, силою, способною противостоять силе капиталистов».

Недовольство рабочих умеренной тактикой гирш-дункеровских союзов и агитация социал-демократов привели к уменьшению числа членов и ослаблению этих союзов. В 1897 г. гирш-дункеровские союзы насчитывали 75.000 членов (социал-демократические — 419.000). — 392.

[195]) «*Накануне*» — журнал («социально-революционное обозрение»), издававшийся с 1 января 1899 года в Лондоне, под редакцией Е. А. Серебрякова. С января 1899 г. по февраль 1902 г. вышло 37 номеров. В журнале, связанном с «фондом вольной русской прессы», принимал участие Е. Е. Лазарев, анархист В. Черкезов, Н. Чайковский, Б. Оленин (Чернов). Журнал не имел определенной программы, проповедуя в довольно расплывчатой форме обще-демократические взгляды. — 394.

[196]) Для понимания литературной полемики, возникшей между Группой «Освобождение Труда» и «Рабочим Делом» и вкратце охарактеризованной Вл. И. на стр. 395 — 396 настоящего тома, необходимо восстановить последовательные этапы этой борьбы.

В своем «втором письме» для «Рабочей Газеты», написанном в декабре 1897 г. (письмо вошло в брошюру «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов», предисловие к ней датировано мартом 1898 г.), Аксельрод изложил две возможные перспективы дальнейшего развития русского рабочего движения: перспектива чисто экономической борьбы и перспектива борьбы политической с руководящей ролью пролетариата в общедемократическом движении, и констатировал на данной стадии развития преобладание в среде русских социал-демократов тенденции сузить сферу деятельности соц.-демократии, ограничив ее организацией рабочих для борьбы с предпринимателями и участием в стачечном движении. Подчеркивая опасность чисто экономической тактики, Аксельрод видел ближайшую задачу социал-демократии в том, чтобы «раздвинуть рамки и расширить содержание нашей пропагандистско-агитационной и организаторской деятельности». В конце того же 1897 г. была написана в ссылке Лениным брошюра «Задачи русских социал-демократов», излагавшая программу и методы борьбы рабочего класса в духе революционного марксизма, исключающего односторонность экономистов и возлагающего на пролетариат обязанности «передового борца русской демократии». По своему содержанию брошюра Ленина резко противоречила начинавшему преобладать среди русских «практиков» настроению и совпадала в основном с точкой зрения Группы «Осв. Тр.», выраженной в названном выше письме Аксельрода. Во второй половине 1898 г. брошюра Вл. И. вышла в свет с предисловием Аксельрода, датированным осенью 1898 г. Аксельрод солидаризировался с взглядами, высказанными Лениным, оговорившись в то же время, что, поскольку можно судить из эмигрантского далека, социал-демократическая практика в России не поднялась еще до ступени, указанной ей Лениным: «В общем, как кажется, движение наше еще только стремится к той ступени развития, которой вполне соответствует точка зрения автора». «Мы слишком давно живем вне России — писал далее Аксельрод за себя и своих товарищей по Группе «Осв. Тр.» — и слишком далеки от поля борьбы, чтобы с полной уверенностью судить о фактическом состоянии нашего движения. Мы можем судить о нем, главным образом, по заявлениям более молодых товарищей, сравнительно недавно попавших за границу. А эти товарищи, за редкими исключениями, довольно

далеки еще от тех практических воззрений, на почве которых стоит автор настоящей брошюры, и уверяют, что так же, как они, смотрит на практику русской социал-демократии большинство активных групп». Под «молодыми товарищами», информировавшими Гр. «Осв. Тр.» о положении дел в России, разумелись те, начавшие поворачивать к экономизму социал-демократы, к которым перешла руководящая роль в заграничном Союзе русских социал-демократов и которые приступили затем к изданию «Рабочего Дела». Говоря о молодых, Аксельрод в особенности имел в виду В. Иваньшина, одного из членов «Рабочего Дела», близко стоявшего в то же время и к «Рабочей Мысли»; к числу «молодых» относились также лишь недавно вышедшие из Союза «кредисты» Прокопович и Кускова, которых все время поддерживал секретарь Союза Гришин (Копельзон), Б. Кричевский и другие. Когда вышла брошюра Ленина с предисловием Аксельрода, рабочедельцы поспешили напечатать в № 1 своего журнала (апрель 1899 г.) анонимную рецензию на «Задачи», в которой пытались замаскировать свои действительные тенденции и в разрез с действительностью утверждали, что: 1) «Не знаем про каких «молодых» товарищей говорит Аксельрод»; 2) «более молодая русская социал-демократия, выросшая и действующая на почве новейшего массового движения, в общем уже *на деле* применяет точку зрения автора»; 3) «*изложенная суть брошюры целиком совпадает с редакционной программой «Рабочего Дела»*».

На библиографическую заметку рабочедельцев Аксельрод ответил «Письмом в редакцию «Рабочего Дела»», написанным в августе 1899 г. и выпущенным отдельным изданием в декабре того же года (в «Рабочем Деле» это письмо не появлялось). В этом письме Аксельрод подчеркивал факт возникновения в русской социал-демократии течения («молодые»), стремящегося «искусственно задержать русскую социал-демократию на примитивной ступени развития», и показывал полную несостоятельность попытки «Рабочего Дела» доказать свою солидарность с ленинскими «Задачами русских социал-демократов». Когда за границей был получен написанный летом 1899 г. Лениным «Протест российских социал-демократов», «Рабочее Дело» перепечатало «Протест» в № 4—5 «Раб. Дела» (декабрь 1899 г.), при чем снова дипломатически солидаризировалось с этим документом, заявляя в то же время, что удельный вес «Кредо» незначителен и что нет никаких оснований для опасения Аксельрода по поводу возможного роста и развития экономизма. На эту заметку «Р. Д.», пытавшегося замаскировать экономизм и ослабить натиск на него революционных марксистов, последовал вышедший в феврале 1900 г. «Вademекум» Плеханова, беспощадно разоблачившего дипломатию «молодых» и путем публикации ряда документов, в том числе «частных» писем политического характера Прокоповича, Кусковой и Гришина-Копельзона (письма эти циркулировали в руководящих кругах заграничной социал-демократии), неопровержимо доказавшего наличие, начиная с 1898 г., экономических идей в среде той части социал-демократии, которая группировалась около Союза русских социал-демократов и «Рабочего Дела». «Письмо» Аксельрода и «Вademекум» Плеханова вызвали написанный Б. Кричевским «Ответ редакции «Рабочего Дела»» (написано в марте 1900 г.), который с полной очевидностью обнаруживал оппортунизм «Рабочего Дела» и его отступление от путей революционного марксизма. В дальнейшем, если не считать двух листков Плеханова («Из записной книжки социал-демократа»), литературная борьба против «Раб. Д.» была перенесена на страницы «Искры» и «Зари». — 395.

[187]) Трудно с полной определенностью установить, какой именно факт из истории петербургских социал-демократических организаций в 1898 г. Вл. Ильич считает рубежом между «старым» и «новым» направлением Петербургского Союза борьбы — по всей вероятности факт слияния «Рабочей Мысли» с Петербургским Союзом (Комитетом). До половины

1898 г. «Рабочая Мысль» (№ 1 вышел в октябре 1897 г.) выходила в качестве издания самостоятельной литературной группы; осенью начинаются переговоры «Раб. Мысли» с Союзом, закончившиеся в декабре объединением обеих организаций и решительным поворотом Петербургского Союза к экономизму. — 395.

[198]) Не выяснено, какое именно произведение Л. Вольтмана имеет здесь в виду Вл. Ильич. На русском языке в период написания «Что делать?» были известны две переводные работы Вольтмана «Теория Дарвина и социализм» (1900 г.) и «Исторический материализм» (1901 г.). — 397.

[199]) Под псевдонимом Н. Бельтова Г. В. Плеханов опубликовал свою известную, вышедшую легально в Петербурге, в конце 1894 г., книгу: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю (Ответ гг. Михайловскому, Кареева и Комп.)». — 400.

[200]) «*Нарцисс Тупорылов*» — шутливый псевдоним Ю. Мартова, которым он подписал свой «Гимн новейшего русского социалиста» («Заря» № 1). В этом «гимне» Мартов в стихотворной форме высмеивал «экономистов» и их «трезвенную» программу. Отдельные строфы гимна кончались известным припевом: «Медленным шагом, робким зигзагом тише вперед, рабочий народ»... и т. д. — 400.

[201]) Цитата из статьи Б. Кричевского «Экономическая и политическая борьба в русском рабочем движении» («Рабочее Дело» № 7, август 1900 г., стр. 1 — 22). — 406.

[202]) Вступительная часть принятой IV съездом Бунда в апреле 1901 г. резолюции о средствах политической борьбы заключала в себе следующее положение: «Лучшим средством вовлечь широкие массы в движение является экономическая борьба, на почве которой следует развить политическую агитацию, расширяя ее за пределы экономической борьбы, но нет никакой необходимости с самого начала вести политическую агитацию *только* на почве экономической» (см. «Рабочее Дело» № 10, стр. 123, заметка о IV съезде Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в России и Польше. Здесь же приведен текст остальных резолюций. Заметка прислана Загр. Комит. Бунда). — 407.

[203]) Вл. Ильич имеет в виду двухтомную работу Сиднея и Беатрисы Вебб (предисловие датировано ноябрем 1897 г.). Книга эта переведена Лениным с английского (под псевдонимом Владимира Ильина) во время пребывания его в сибирской ссылке, под таким заглавием: «Теория и практика английского трэд-юнионизма» (Industrial democracy). 1-й том вышел в 1900 г., 2-ой — в 1901 г. в Петербурге. — 408.

[204]) Статья «Петербургское движение и практические задачи социал-демократии», напечатанная в № 6 «Рабочего Дела» (апрель 1900 г., стр. 28 — 42) за подписью Б — в, принадлежит Б. Савинкову, принимавшему в этот период участие в социал-демократическом движении и входившему в группу пропагандистов С.-Петербургского Союза Борьбы. — 418.

[205]) «*Свобода*» — небольшая и не пустившая прочных корней «революционно-социалистическая» группа (возникла в мае 1901 г.), возглавлявшаяся Л. Надеждиным (Е. Зеленским), единственным видным представителем группы и ее публицистом, развившим довольно значительную литературную деятельность. Отмежевываясь от социал-демократов, эсеров и народовольцев, группа под видом «синтеза» «глубоко верных идей, завоеванных нами лишь в последнее время», проповедывала в теории бесформенный и расплывчатый эклектизм. Признавая исключительно важную роль рабочего класса в борьбе за политическую свободу и низвержение самодержавия и солидаризируясь в этом пункте с социал-демократией, «Свобода» отстаивала в то же время «эксцитативный», возбуждающий террор, который должен форсировать революционное движение пролетариата. В программе и деятельности группы колебания между принципом классовой борьбы и индивидуальным террором, между революционной по-

литикой и экономизмом сплетались с элементами авантюризма и демагогии. В борьбе искровского и экономического течений в петербургской организации (1902 г.) «Свобода» всецело поддержала экономистов против искровцев. Группа прекратила существование в 1903 г. Группой изданы: «Возрождение революционизма», «Свобода» (журнал для рабочих), «Канун революции», «Отклики» и др. — 418.

[206]) Упоминаемое Вл. Ильичем письмо рабочего-ткача («Искра» № 7, август 1901 г.), описывающего впечатление свое и своих товарищей, произведенное на них чтением четвертого номера «Искры», в частности статьи Вл. Ил. «С чего начать?», характерно для настроения передовых рабочих, не удовлетворявшихся «Рабочей Мыслью» и ее проповедью чисто экономической борьбы и восторженно встречавших революционные лозунги «Искры», предназначенной в первую очередь как раз для этого слоя пролетариата. «Теперь уже нам не кассы нужны — писал названный рабочий — не кружки, даже не книжки, теперь просто учи, как в бой идти, как в бою воевать». Отрывки из этого письма приводятся обыкновенно во всех учебниках истории партии и революционного движения. — 430.

[207]) Цитата из письма-статьи П. Аксельрода, написанного им в ноябре 1897 г. для № 2 «Рабочей Газеты», но в нем не появившегося и позже вместе с другим письмом Аксельрода (декабрь того же года) вошедшего в его брошюру «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов» (издание Союза русских социал-демократов. Женева 1898 г.). Цитируемое место находится на странице 16 — 17 брошюры. — 432.

[208]) Статья «Самодержавие и земство» («Искра» № 2, февраль 1901 г., и № 4, май 1901 г.) принадлежит П. Б. Струве. Других статей Струве в «Искре» не появлялось. — 432.

[209]) Статья Струве «Самодержавие и земство» во второй ее части («Искра» № 4, май 1901 г.) останавливается, между прочим, на секретной записке (1899 г.) министра финансов Витте, направленной против предложения министра внутренних дел Горемыкина о введении земских учреждений в Западном крае и изданной вскоре Струве при содействии «Зари». Помещение статьи Струве в «Искре» и печатание «Зарей» записки Витте стало возможным в результате январского (1901 г.) соглашения «Искры», «Зари» и Группы «Освобождение Труда» с Струве. Соглашение это, проведенное Аксельродом и Засулич при поддержке Плеханова против голоса Вл. Ильича, оказалось кратковременным. Весной того же года обнаружилась полная невозможность дальнейшего сотрудничества марксистов с буржуазными демократами в лице Струве, и блок со Струве распался. — 433.

[210]) Имеется в виду заметка в № 8 «Искры» (10 сентября 1901 г.) «Земский съезд» по поводу состоявшегося нелегально в июне 1901 г. собрания земских деятелей. Говоря о том, что земцы оказались вынужденными от обсуждения мелких земских вопросов перейти к общеполитическим, автор заметки обращался к земцам с призывом «дать, наконец, энергичный и организованный отпор закусившему удила правительству, убившему сельское самоуправление, изуродовавшему городское и земское и с ослиной последовательностью замахнувшему свой топор над последними остатками земских учреждений». — 433.

[211]) Имеется в виду статья В. Засулич «По поводу современных событий» («Искра» № 3, апрель 1901 г.), написанная в связи с студенческими волнениями и демонстрациями в феврале — марте. — 433.

[212]) «*Россия*» — умеренно-либеральная газета, выходившая с 1899 г. по 1902 г. под редакцией Г. П. Сазонова при участии А. В. Амфитеатрова и В. Дорошевича. Закрыта в январе 1902 г. за фельетон Амфитеатрова (Old Gentleman) «Господа Обмановы». — 433.

[213]) В статье «О бессмысленных мечтаниях» (слова из известной речи Николая II, сказанной им на приеме земцев в 1895 г.) А. Потресов

остановился на роли умеренно-либеральной газеты «Россия», поддерживавшей в обществе «бессмысленные мечтания» о готовности правительства без борьбы и без давления снизу стать на путь либеральных реформ и преобразований и советовавшей «помочь» молодежи поскорее освободиться от влияния «крайних и непримиримо настроенных деятелей». — 433.

[214]) Имеется в виду заметка «Инцидент в Екатеринославском земстве» («Искра» № 7, август 1901 г.). — 434.

[215]) Имеется в виду заметка «Вятские штрейкбрехеры» («Искра» № 9, октябрь 1901 г.) — по поводу отсутствия солидарности у вятских статистиков с екатеринославскими, объявившими бойкот председателю Екатеринославского земства Родзянко. — 434.

[216]) *Группа «Борьба труда с капиталом»* (точное название ее, которым подписана напечатанная на мимеографе «Наша программа» группы,— «Группа рабочих для борьбы с капиталом») в исторической литературе совершенно не освещена. Единственное упоминание о ней, сколько известно, имеется в цитируемой Вл. Ильичем статье Б—ва (Б. Савинкова) «Петербургское движение и практические задачи социал-демократов» («Рабочее Дело» № 6, апрель 1900 г.). Группа, состоявшая из нескольких интеллигентов и рабочих, была организована весной 1899 г. В. А. Гутовским (Е. Маевский — известный позже меньшевик), успела напечатать на мимеографе (но не распространить) листок «Наша программа» и через самый короткий срок (месяц—полтора) была ликвидирована жандармским отделением. По своим взглядам группа, повидимому, была близка «экономическому направлению». «Наша программа» группы заканчивалась следующими словами: «Живя в России при монархическом правлении, во главе с деспотом-царем, правительство которого есть никто иной, как тот же самый капитал, группа наша полагает, что борьба против этого последнего будет вместе с тем борьбою и политическою». — 440.

[217]) *«Довольно последовательный экономист»*, о встрече и беседе с которым рассказывает Вл. Ильич,— по всей вероятности А. Мартынов; в своих воспоминаниях о своей первой встрече с Лениным А. Мартынов дает описание этой встречи, очень близкое к рассказу Вл. Ильича (стр. 446—447 настоящего тома) и подчеркивающее расхождение между Лениным и его собеседником как раз по организационному вопросу. «Я помню свою первую встречу с Лениным, в 1901 году» — рассказывает Мартынов,— «я был тогда редактором «Рабочего Дела», а Ленин в то время начал строить «Искру». Лохов (Ольхин) *) устроил мне свидание с Лениным и Мартовым в одном маленьком женевском ресторанчике. Мы беседовали с Лениным о программе, о политических задачах партии и о политической тактике, и никаких разногласий у нас как будто не было. Но вот, в конце беседы Ленин обращается ко мне с вопросом: «Ну, а как вы относитесь к моему организационному плану?». Тут я сразу ощетинился: «В этом пункте я с вами совершенно не согласен. Ваш план организации напоминает мне организацию македонских боевых чет. Вы предлагаете ввести в партии какую-то военную дисциплину; ни у нас, в России, ни в Западной Европе ничего подобного не видали социал-демократы». Владимир Ильич, прищурив глаза, усмехнулся и ответил мне: «Вы только в этом пункте со мной не согласны, а в этом вся суть, и разговаривать нам с вами, значит, больше не о чем». И мы разошлись... на долгие годы» («Великий пролетарский вождь», 1924 г., стр. 8—9).

Встреча Ленина с Мартыновым могла иметь место только в 1901 г. (как об этом и говорит Мартынов), не раньше, ибо организационный план Вл. Ильича стал известен социал-демократическим кругам только после статей Вл. И. в №№ 1 и 4 «Искры» (декабрь 1900 г., май 1901 г.).

*) Редактор «Рабочей Мысли». *Ред.*

Мартынов называет местом свидания с Лениным — Женеву. Это вызывает некоторые сомнения, так как у редакции нет сведений о посещении Лениным Женевы в 1901 г.

Другой видный экономист — К. М. Тахтарев (Ветринский, Тар), видевшийся с Лениным в конце 1900 г. и рассказавший в своих воспоминаниях об этом свидании, не мог быть тем собеседником Ленина, о котором Вл. И. говорит в «Что делать?», так как, во-первых, дата свидания относится к слишком раннему времени, еще до выхода «Искры», и, во-вторых, темой беседы при свидании с Тахтаревым являлся не организационный план Ленина и политические задачи рабочего класса, а вопрос о редактировании Плехановым «Рабочей Мысли» (К. М. Тахтарев. «Рабочее движение в Петербурге 1893—1901 г.г. С приложением воспоминаний о Владимире Ильиче Ульянове-Ленине и партийном расколе». 1924 г.). — 446.

[218]) «*Кружком*» здесь назван основанный Лениным Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», в частности его центральная группа, в которой Вл. Ильич работал (вместе с Ю. Мартовым, Г. Кржижановским и др.) в 1895 г., до своего ареста, последовавшего в ночь на 21/9 декабря. Связей с «Союзом» Вл. Ильич не прерывал и во время пребывания своего в тюрьме. Подробностио Петербургском «Союзе борьбы» см. в примечании 73 к I тому Сочинений. — 458.

[219]) «*Земля и Воля*» — народническая организация, возникла осенью 1876 г. в Петербурге (первоначальное название организации: «Северная народническо-революционная группа»). В центральное ядро «З. и В.» входили: Марк и Ольга Натансон, А. Михайлов, Д. Лизогуб, А. Квятковский, Г. Плеханов, Зунделевич, Аптекман, позже Перовская, Степняк-Кравчинский, Клеменц, Морозов, Тихомиров. Организованная по принципам централизма и конспирации, «З. и В.» заводила связи среди молодежи, рабочих, крестьян, оказывая содействие стачечному движению (в 78 и 79 г.г.) и организуя сеть поселений в деревне. 6 (18) декабря 1876 г. «З. и В.» была организована известная демонстрация на Казанской площади. Сближение «З. и В.» с рабочими не пошло, однако, далеко, и петербургские рабочие создали одновременно с «З. и В.» свою собственную организацию — «Северно-русский рабочий союз» (в 1878 — 1879 г.г.; С. Халтурин, В. Обнорский). Организованные среди крестьян для агитации и пропаганды поселения постепенно вытеснялись и ликвидировались полицией, и к весне 1879 г. деревенская работа землевольцев, не приведя к всеобщему крестьянскому восстанию, оказалась сведенной к нулю. Одновременно с «З. и В.» на юге действовали родственные ей группы (Дебагорий-Мокриевич, В. Засулич, Стефанович, Дейч). Последние два пытались организовать закончившееся неудачей восстание крестьян в Чигиринском уезде, пустив в ход подложный манифест, составленный от имени царя. «З. и В.» первоначально отрицала необходимость борьбы за политическую свободу, считая возможным непосредственный переход к социализму. Позднее, под влиянием неудач, взгляды «З. и В.» начали меняться, и идея политической свободы («конституции») получила некоторое признание. В качестве метода борьбы за свободу был выдвинут террор. «З. и В.» и раньше прибегала в оборонительных целях к террористическим актам против отдельных представителей власти. Теперь же, после неуспеха социалистической агитации среди крестьян, в рядах «З. и В.» начал преобладать тот взгляд, что политический террор есть «осуществление революции в настоящем, самое страшное оружие для наших врагов, одно из главных средств борьбы с деспотизмом». Подобное заявление, сделанное на страницах официального «Листка Земли и Воли» (№ 2—3), означало решительный поворот в тактике землевольцев. Состоявшиеся в июне 1879 г. съезды в Липецке и Воронеже санкционировали перемену методов борьбы «З. и В.», в связи с чем тогда же последовал раскол «З. и В.». Сторонники новой тактики (с Желябовым во главе)

создали партию «Народной Воли» (см. примечание 32), те же землевольцы, которые хотели сохранить прежнюю землевольческую программу и тактику, составили группу «*Черный Передел*» (Плеханов, Стефанович, Дейч, Аптекман, Засулич, Аксельрод). «Земля и Воля» издавала: «Начало», «Летучий Листок», «Землю и Волю» (5 номеров с октября 1878 по апрель 1879 г.), «Листок Земли и Воли» (6 номеров). «Черный Передел», просуществовавший несколько месяцев (прекратил свое существование в 1881 г.), не имел практического значения, явившись переходной ступенью для части землевольцев (Плеханов, Аксельрод, Засулич) от народничества к марксизму и социал-демократии. Группа выпустила четыре номера «Черного Передела». — 464.

[220]) Цитата взята из библиографической заметки В. Засулич («Заря» № 2—3, декабрь 1901 г., стр. 349—354), посвященной двум изданиям «революционно-социалистической» группы «Свобода»: 1) брошюре «Возрождение революционизма в России» и 2) журналу «Свобода». — 466.

[221]) В журнале «Накануне» помещены в форме писем в редакцию две статьи по данному вопросу Е. Лазарева: «Раскол в русской социал-демократической партии» (№ 15 и 16 за апрель и май 1900 г.) и «По поводу одного раскола» (№ 17—18 за июнь 1900 г.). Первая статья датирована 20 марта, вторая — 20 и 26 мая. В борьбе руководимой Плехановым Группы «Освобождение Труда» с повернувшим к экономизму Союзом русских социал-демократов журнал «Накануне», в лице Е. Лазарева, сочувственно отнесся к экономическому направлению. Выпуск Плехановым Vademecum'а, содержавшего резкую критику «молодых», Е. Лазарев определял как «отлучение искренних, деятельных и добросовестных товарищей от социал-демократической церкви» и негодовал по поводу наложения Группой «Освобождение Труда» «цензуры на свободную мысль, на свободное слово». — 468.

[222]) Название книги К. Каутского: «Der Parlamentarismus, die Volksgesetzgebung und die Sozialdemokratie. Stuttgart. Dietz. 1893» («Парламентаризм, народное законодательство и социал-демократия»). В русском переводе этой книги во время работы Вл. И. над «Что делать?» — не было. — 470.

[223]) Полное заглавие доклада таково: «Доклад о русском социал-демократическом движении международному социалистическому конгрессу в Париже 1900 г.». Доклад, представленный по поручению Союза русских социал-демократов редакцией «Рабочего Дела», издан Союзом в Женеве, в 1901 г., брошюрой, включившей в себя также доклад конгрессу Бунда («История еврейского рабочего движения в России и Польше»). Доклад написан Б. Кричевским и В. Коссовским. — 471.

[224]) Вл. Ильич имеет в виду следующее, направленное против революционного марксизма вообще и программы Группы «Освобождение Труда» в частности, место из статьи ультра-умеренного экономиста Р. М. «Наша действительность» (Отдельное приложение к «Рабочей Мысли». Сентябрь 1899 г.): «Поражает нас в этих программах и вечное выставление ими на первый план преимуществ деятельности рабочих в (несуществующем у нас) парламенте при полном игнорировании ими (благодаря их революционному нигилизму) важности участия рабочих в существующих у нас законодательных собраниях фабрикантов по выработке законов для рабочих, в присутствиях по фабричным делам, составляющихся на половину из чиновников, на половину из тех же фабрикантов... или, хотя бы, участия рабочих в городском самоуправлении, приобретающем, для рабочих, при теперешних планах правительства предоставить избирательные права всем квартирохозяевам — некоторое реальное значение».

Критика взглядов Р. М. дана В. И. Лениным в статье «Попятное направление в русской социал-демократии» (конец 1899 г. — см. II том Сочинений, стр. 529). В частности о приведенном выше отрывке из статьи Р. М. Вл. Ильич говорит на стр. 547 того же тома. — 475.

[225]) Группа «Рабочей Мысли» выпустила, помимо 16 номеров газеты того же наименования, несколько брошюр, излагавших материальное положение рабочих на отдельных фабриках. Известны брошюры: «Фабрика Паля» (написано В. П. Ногиным) и «Фабрика Максвеля». — 478.

[226]) «*Рабочий*», о котором упоминает Вл. Ильич, повидимому, И. В. Бабушкин (1873 — 1906 г.г., см. некролог о нем Ленина в 1910 году), видный участник Петербургского Союза Борьбы, работавший в бытность Вл. Ильича в Петербурге на Семянниковском (Невском механическом) заводе. В своих воспоминаниях, написанных в Лондоне (1902 г.) по поручению Вл. Ильича и увидевших свет только в 1925 г. (изд. Истпарта), Бабушкин рассказывает о кружке, в котором он участвовал в 1894 г. и которым руководил Вл. Ильич, читавший в кружке лекции по политической экономии. «Эти лекции — говорит Бабушкин — в то же время приучили нас к самостоятельной работе, к добыванию материалов. Мы получали от лектора листки с разработанными вопросами, которые требовали от нас внимательного знакомства и наблюдения заводской фабричной жизни». Бабушкин рассказывает дальше, с какими трудностями ему приходилось собирать нужные Вл. Ильичу сведения о заводе. — 478.

[227]) По вопросу об отношении Бунда и российской социал-демократии в целом I съезд партии (1898 г.) принял резолюцию, согласно которой «Бунд входит в партию, как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата». Сепаратистские тенденции внутри Бунда получили перевес над централистическими, и на своем IV съезде (в апреле 1901 г.) Бунд высказался за установление в партии федералистических отношений и за отмену тех организационных взаимоотношений Бунда с партией, которые были провозглашены I съездом. Соответствующее место резолюции IV съезда Бунда гласило следующее: «Представляя себе Р.С.-Д.Р.П. как федеративное соединение соц.-демократических партий всех наций, населяющих Российское государство, съезд постановил, чтобы Бунд, как представитель еврейского пролетариата, вступил в нее как федеративная часть, и поручает Центральному Комитету Бунда провести это решение в жизнь». Как только Бунд опубликовал отчет о своем четвертом съезде, «Искра» тотчас же реагировала заметкой (Ю. Мартова) в № 7 (август) на резолюции этого съезда, явно обнаружившие поворот Бунда в сторону национализма и организационного сепаратизма. «Искра» подчеркнула в особенности «незаконность» решения Бунда об изменении его положения в партии. ЦК Бунда ответил письмом от 29 августа (11 сентября), в котором пытался «разъяснить» и оправдать позицию, занятую четвертым съездом (см. «Искра» № 8, 10 сентября). По вопросу о незаконности принятого съездом решения о федерации Ц. К. Бунда заявил, что в «законности» своих действий «Бунд должен отдавать отчет только Центральному Комитету Партии или ее съездам, а никоим образом отдельным, входящим в ее состав организациям, а тем менее группам, о принадлежности которых к Партии других данных, кроме заголовка на их изданиях, покамест не существует». В последней фразе заключается как раз тот намек Бунда на «самозванство» «Искры», о котором говорит Вл. Ильич. — 482.

[228]) Это примечание дано Вл. Ильичем по конспиративным соображениям с целью затруднить «третьим лицам» определение хронологической последовательности некоторых эпизодов внутрипартийного порядка, тогда как на самом деле факты, рассказываемые здесь Вл. Ильичем, размещены им в том именно порядке, в каком они имели место в действительности. — 482.

[229]) «*Первый факт*» касается переговоров Петербургского Союза борьбы с Вл. Ильичем, написавшим во второй половине 1897 г. обе упомянутые в тексте брошюры. — 482.

[230]) «*Член группы Искры*» — Ю. Мартов, автор брошюры «Рабочее дело в России» (1899 г.). — 482.

[231]) «*Третий факт*» говорит о переговорах ЦК Бунда, который должен был восстановить руководящий орган партии «Рабочую Газету», — с Вл. Ильичем в 1899 г. — 482.

[232]) «*Член Комитета, организующий второй очередной съезд нашей партии*» — И. Х. Лалаянц, член Харьковского комитета, приезжавший весной 1900 г. в Москву для переговоров с Вл. Ильичем. Подробности о несостоявшемся в мае съезде в Смоленске см. в примечании 7. — 483.

[233]) В первом издании «Что делать?» (1902 г.), откуда взят текст данного примечания, стоит № 12 «Рабочего Дела». Эта цифра вызывает некоторое недоумение. Дело в том, что книжки «Рабочего Дела» за таким именно номером не выходило, а после № 10 редакция «Р. Дела» выпустила двойной номер (11 — 12). В то время, когда Вл. Ильич писал «Что делать?», последним номером «Рабочего Дела», вышедшим до того в свет (в сентябре 1901 г.) и известным Вл. Ильичу — был № 10: две передовые статьи этого номера, принадлежавшие Б. Кричевскому и А. Мартынову, послужили предметом особого рассмотрения и критики со стороны Вл. Ильича в «Что делать?». Поэтому следует предположить, что поставленная Вл. Ильичем цифра 12, вместо «очередной» цифры 11 является опиской или опечаткой. — 487.

[234]) Этого письма в «Искре» нет; оно поступило в распоряжение редакции, но, повидимому, напечатано не было. — 490.

[235]) Цитата из статьи Д. И. Писарева: «Промахи незрелой мысли». Статья написана в 1864 г. См. «Сочинения» Писарева, том 3, Спб. 1894 г.—493.

[236]) Вл. Ильич имеет в виду следующее место из «Восемнадцатого брюмера» Маркса: «Гегель заметил где-то, что все великие всемирно-исторические события и лица появляются в истории, так сказать, два раза. Он забыл прибавить: в первый раз как трагедия, во второй раз как фарс» (К. Маркс и Фр. Энгельс. «Собрание сочинений». Том 3. Госиздат 1921, стр. 135). — 494.

[237]) В ноябре — декабре 1901 г. прокатилась волна студенческих демонстраций, поддержанных рабочими. В №№ 13 (20 декабря 1901 г.) и 14 (1 января 1902 г.) описаны демонстрации в Н.-Новгороде (по поводу высылки Максима Горького), Москве (по поводу неразрешения вечера в память Добролюбова), студенческие сходки и демонстрации в Москве, Петербурге, Киеве, Харькове, демонстрации в Екатеринославе и др. Демонстрациям посвящена статья Вл. Ильича в № 13: «Начало демонстраций» (см. настоящий том, стр. 345) и статья Г. Плеханова в № 14: «О демонстрациях». — 496.

[238]) Состав этой «первой» группы инициаторов редакции неизвестен. Ее не следует смешивать с той «группой инициаторов», которая явилась посредником при созыве сначала июньского совещания, а затем так называемого «объединительного» съезда в октябре 1901 г. — 502.

[239]) В № 1 «Зари» (апрель 1901 г.) напечатаны «Замечания на программу «Рабочего Дела»» Н. Рязанова (стр. 118 — 136), дающие критический анализ с точки зрения ортодоксального марксизма программных взглядов «Рабочего Дела», выраженных в передовой статье № 1 «Р. Д.». Автор «Замечаний» показывает эклектический характер программы «Рабочего Дела». В № 4 «Искры» напечатана статья Вл. Ильича: «С чего начать?» (см. настоящий том, стр. 107), подвергающая критике тактические и организационные взгляды «Раб. Дела». — 503.

[240]) Эта, вторая, «группа инициаторов» состояла из Д. Б. Рязанова, Ю. М. Стеклова (Невзорова) и В. Дапевича (Э. Смирнов-Гуревич), составивших после неудачи «объединительного» съезда самостоятельную издательскую группу «Борьба» (объявление об изданиях группы датировано ноябрем 1901 г.). — 503.

[241]) В статье «Любекский партейтаг германской социал-демократии» («Заря» № 2—3, декабрь 1901 г.) Ignotus (Ю. Мартов) упомянул, между прочим, о парижских корреспонденциях Б. Кричевского в центральном органе германской социал-демократии «Vorwärts» («Вперед»), в которых Б. Кричевский давал тенденциозную информацию о положении дел во французском социализме, нападал на левое крыло французской партии («гэдистов») и вел систематическую пропаганду в пользу Мильерана и поддерживавших его «жоресистов», подготовляя тем самым благоприятную почву для развития бернштейнианства и реформизма в Германии. На заметку Мартова (Ignotus'a) редакция «Vorwärts»'а ответила статейкой в номере от 1 января 1902 года, в которой брала Кричевского под свою защиту. В спор вмешался Каутский, выступив в «Vorwärts» с косвенной защитой Мартова. Далее последовало несколько статей, заметок и контр-заметок Мартова, Кричевского и редакции, предоставившей «заключительное слово» Кричевскому и на этом закрывшей полемику. В связи с этой полемикой «Заря» в № 4 (август 1902 г.) поместила статью Ignotus'a («Vorwärts» и «Заря») Парвуса («Мильеран и «Vorwärts»»), а «Рабочее Дело» напечатало в № 11—12 (февраль 1902 г.) заметку под заглавием «Новый метод революционной пропаганды». «Искра» подвела итоги полемике в заметке, помещенной в № 18 «Искры» (10 марта 1902 г.), в отделе «Из партии». — 506.

[242]) Настоящая заметка помещена за подписью Н. Ленина в отделе «Из партии» (№ 19 «Искры» от 1 апреля 1902 г.). Заголовок заметки дан редакцией Сочинений — в «Искре» его нет. Так как заметка содержит в себе фактическую поправку к одному из эпизодов, упоминаемых Вл. Ильичем в «Что делать?», то редакция сочла необходимым отступить в данном случае от принципа печатания статей Ленина в порядке их хронологической последовательности и поместила «поправку» тотчас же за «Что делать?», к которому поправка непосредственно относится. — 508.

VI. СЛОВАРЬ-УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

А.

АДАМОВИЧ, Ю. — см. ВОРОВСКИЙ, В. В.

АКСАКОВ, И. С. (1823 — 1886) — славянофил, публицист. В 50 — 60-х годах отстаивал умеренно-либеральную программу (свобода печати, упразднение привилегий дворянства), выступал с разоблачениями злоупотреблений администрации. Издававшиеся им газеты (1856 — 1867): «Парус», «День» и «Москва» неоднократно подвергались цензурным преследованиям. Со времени польского восстания становится выразителем резко-националистической политики в отношении Польши и других окраин, а в 70-х г.г. наиболее известным проповедником славянской миссии царской России на Балканах; за речь в 1878 г., содержавшую резкую критику «уступчивости» Александра II на Берлинском конгрессе и требовавшую еще большей экспансии России на Балканском полуострове, был выслан из Москвы. Ближе всего Аксаков отражал интересы помещичьего землевладения, становящегося на путь капиталистического развития. Выступая иногда против чиновничьего аппарата царской монархии, Аксаков всегда оставался монархистом и противником европейского буржуазного парламентаризма. Публицистические статьи Аксакова изданы в 7 томах (1886) и «Переписка» в 3 томах. — 127, 139.

АКСЕЛЬРОД, П. Б. (1850 — 1928) — вначале бакунист, с расколом «Земли и Воли» (1879 г.) примкнул к черно-передельцам. В 1883 г. вместе с Плехановым, Дейчем, В. Засулич и Игнатовым основывает Группу «Освобождение Труда». Работы Аксельрода 90-х г.г. встречали одобрительную оценку со стороны с.-д., работавших в России. С 1900 г. один из редакторов «Искры» и «Зари». На II съезде партии в 1903 г. примкнул к меньшевизму, дал ему принципиальное обоснование в своих статьях в «Искре» (№№ 55 и 57) и выступал с тех пор неизменно в качестве одного из самых яростных противников большевизма. Аксельроду принадлежит руководящая роль в выработке меньшевистской тактики за все время существования меньшевистской партии. На IV (объединительном) съезде Р.С.-Д.Р.П. (Стокгольм 1906 г.) выступил с программным докладом о тактике по отношению к Государственной Думе, защищая идею «политического сотрудничества пролетариата и буржуазии в абсолютистской России». Осенью 1905 г. выдвинул идею созыва «рабочего съезда». Общая идея политики Аксельрода, особенно настойчиво проповедывавшаяся им с момента поражения революции 1905 г., заключалась во фракционном сплочении меньшевиков с целью произвести «партийную революцию», т.-е. «коренным образом изменить характер русской с.-д-тии, как он сложился в дореволюционную и революционную эпоху, и организовать ее на тех же началах, на каких зиждется партийный строй европейской с.-д-тии», т.-е. на началах реформизма и легализма. В годы реакции возглавлял «ликвидаторство» и входил в редакцию ликвидаторского органа «Голос Социал-Демократа». Участник циммервальдской и кинтальской конференций, где занимал крайне-правое крыло; под флагом интернационализма

отстаивал социал-шовинизм. В последнее время — один из лидеров II Интернационала и член Международного Социалистического Бюро; был яростнейшим противником Советской власти, проповедывавшим вооруженную интервенцию. — 10, 19, 21, 22, 26—29, 40, 41, 77, 152, 380, 395, 411, 420, 432.

АЛЕКСАНДР I (1777 — 1825). — 335, 337.

АЛЕКСАНДР II (1818 — 1881). — 92, 133, 135—137, 144, 150, 153, 326, 335.

АЛЕКСАНДР III (1845 — 1894). — 83, 138, 144, 146, 159, 335.

АЛЕКСЕЕВ, П. А. (1849 — 1891) — известный революционер 70-х г.г., рабочий-ткач. 16 — 17 лет самоучкой научился читать и писать, вскоре примкнул к московскому народническому кружку пропагандистов (Бардиной, Здановича и др.) и начал активно выступать как агитатор и пропагандист социализма среди рабочих. После ареста и двухлетнего пребывания в тюрьме судился в 1877 г., вместе с другими членами кружка, особым присутствием сената («процесс 50»). На суде отказался от защитника и в своей ярко революционной речи, получившей широкую известность, обрисовал ужасные условия, в которых жил тогда рабочий класс, закончив речь предсказанием неизбежного падения самодержавия. Был присужден к 10 годам каторги, отбыв которые, был поселен в глухом улусе Якутской области, где в 1891 г. убит якутами с целью грабежа. Речь П. Алексеева неоднократно переиздавалась. — 59, 442.

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ — сын Петра I (1690 — 1718). — 326.

АМВРОСИЙ (А. И. КЛЮЧАРЕВ) (1821 — 1901) — харьковский архиепископ, писатель по церковным вопросам, «страж мира христианского» — по характеристике черносотенных «Московских Ведомостей», ведший неустанную борьбу против малейших проявлений освободительного движения, для чего издавал журнал «Душеполезное Чтение», а потом «Вера и Разум».—325.

АННЕНСКИЙ, Н. Ф. (1843 — 1912) — народник-публицист, статистик. В 1880 г. выслан в административном порядке в Тобольскую губ. По возвращении из ссылки руководил статистическими работами Казанского (1883 — 1887) и Нижегородского (1887 — 1895) губернских земств. В 1896 — 1900 г.г. заведывал статистическим отделом Петербургского городского управления. Сыграл крупную роль в организации русской статистики, создав своими работами целую школу. Сотрудничал в журналах «Дело», «Отечественные Записки», работал в Вольно-Экономическом Обществе, Литературном Фонде и др. Входил в редакцию руководящего народнического журнала 900-х г.г. «Русское Богатство». В 1903 — 1905 г.г. один из руководителей «Союза Освобождения». В 1905 г. принимал участие в съезде партии эс-еров, как представитель группы «Русского Богатства», но в партию не вошел. В 1906 г. основал вместе с Д. Пешехоновым, В. Мякотиным и др. народно-социалистическую партию. Позже отошел от политической деятельности. — 318.

АРАКЧЕЕВ, А. А. (1769 — 1834) — военный министр Александра I, крайний реакционер, имел громадное влияние на внутреннюю и внешнюю политику России. С именем Аракчеева связана целая эпоха полицейского деспотизма и грубой военщины. В созданных Аракчеевым «военных поселениях» несколько десятков тысяч крестьян были превращены в бессрочных солдат. — 127.

АРСЕНЬЕВ — см. ПОТРЕСОВ, А. Н.

АУГАГЕН, Г. — немецкий экономист, сотрудник издававшихся Тюнеем «Сельско-Хозяйственных Ежегодников»(«Landwirtschaftliche Jahrbücher»).— 229, 230.

АУЭР, ИГНАТИЙ (1846 — 1907) — один из крупных деятелей германской социал-демократии, по происхождению рабочий-кожевник, неоднократно подвергался преследованиям правительства. С 1890 г. — секретарь партии. В 1877 — 1878, 1880 — 1887 и с 1890 г.г. до смерти был депутатом рейхстага. Примыкал к правому крылу партии. — 463.

Б.

БАКУНИН, А. А. (1823 — 1882) — либеральный деятель дворянства Тверской губернии, принимал активное участие во всех оппозиционных выступлениях тверского дворянства. В 1860 г. избран предводителем дворянства Новоторжского уезда. В 1862 г. совместно с братом Н. А. подписал оппозиционный адрес тверского дворянства, за что был арестован и лишен права нести государственную службу и занимать выборные должности. — 125.

БАКУНИН, Н. А. (1818 — 1901) — либеральный деятель дворянства Тверской губ. В 1858 г., в качестве члена Тверского Комитета по крестьянским делам, высказался за освобождение крестьян с землей, при условии обязательного выкупа. В 1860 г. участвовал в дворянском собрании, принявшем решение протестовать против запрещения правительством обсуждать крестьянский вопрос. В 1862 г. принимал активное участие в дворянском собрании, потребовавшем уравнения всех сословий и высказавшемся за созыв народных представителей, выбранных населением без различия сословий, и был инициатором адреса тверских дворян. За этот адрес был предан суду, заключен в Петропавловскую крепость и лишен права занимать общественные должности. — 125.

БАКУНИН, М. А. (1814 — 1871) — известный русский революционер-анархист. В 1840 г. уехал за границу, участвовал в Германской революции 1848 г., был одним из руководителей вооруженного восстания в Дрездене и Праге; после ареста выдан австрийскими властями русскому правительству, сидел в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях; после ссылки в Сибирь бежал за границу, где возобновил революционную деятельность. В 1863 г. оказывал содействие польским повстанцам. Принимал участие в деятельности I Интернационала, внутри которого пытался организовать тайный союз своих единомышленников. «Союз» получил довольно широкое распространение в романских странах, и Бакунин стал фактическим главой анархического движения в Европе. За дезорганизаторскую деятельность в 1872 г. по настоянию Маркса исключен из Интернационала. Идеи Бакунина в 70-х г.г. занимали господствующее положение в среде русской революционной интеллигенции. Русская с.-д-тия сложилась в борьбе с идеями Бакунина. — 125, 381.

БАЛГОРН, И. (1531 — 1599) — немецкий книгопечатник. — 413.

Б. В. — см. САВИНКОВ, Б. В.

БЕБЕЛЬ, АВГУСТ (1840 — 1913) — виднейший представитель международного рабочего движения второй половины XIX и начала XX в., один из основателей и вождей германской социал-демократии и II Интернационала, рабочий-токарь. Под влиянием В. Либкнехта в 1865 г. вступил в Интернационал и примкнул к учению Маркса. Вместе с В. Либкнехтом основал в 1869 г. «Соц.-дем. рабочую партию», слившуюся в 1875 г. с лассальянцами в единую «Социалистическую рабочую партию Германии», впоследствии переименованную в «Соц.-дем. партию Германии». Неоднократно избирался депутатом от соц.-демократической партии в рейхстаг. В 1872 г. был вместе с Либкнехтом приговорен к двухлетнему заключению в крепости, несколько раз подвергался административной высылке и тюремному заключению. Постоянный участник партейтагов (партийных съездов). Играл выдающуюся роль в международном пролетарском движении. В теории всегда признавал себя учеником Маркса и Энгельса. Стоял на левом крыле партии, неоднократно и резко выступал против бернштейнианства и оппортунизма в рядах партии и на международной арене. К концу жизни занял центристскую позицию. Автор ряда книг, брошюр и речей, пользовавшихся широким распространением. — 372, 412, 413, 454, 463, 492.

БЕЛИНСКИЙ, В. Г. (1811 — 1848) — родоначальник русской публицистической критики. Участник кружка, из которого вышли Герцен, Огарев, Бакунин. Пройдя через увлечение консервативным гегельянством, стал в русской легальной журналистике 40-х г.г. виднейшим проповедником идей политической демократии, социальной справедливости и начатков материализма. В его статьях последнего периода явно видно влияние французского социализма 40-х г.г. и фейербаховского материализма. К русскому политическому строю своей эпохи относился как революционер-демократ, заклеймив и самый строй и прислуживавшихся к нему писателей в своем знаменитом «Письме к Гоголю». Своим сотрудничеством создал среди русской разночинной интеллигенции громадный престиж журналу «Современник», в котором его преемниками были Чернышевский и Добролюбов. — 381.

БЕЛЬТОВ, Н. — см. **ПЛЕХАНОВ, Г. В.**

БЕНЗИНГ, ФР. (BENSING, FRANZ) — немецкий экономист, профессор, автор работы о влиянии сельско-хозяйственных машин на народное и частно-владельческое хозяйство. — 199 — 201.

БЕРДЯЕВ, Н. А. (р. 1874) — философствующий публицист, проделавший эволюцию от марксизма к идеализму, а затем к мистицизму. Одним из этапов этой эволюции явилась его книга «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» (1901), в которой бернштейнианское выхолащивание марксизма сочетается с кантовской философией. Во время первой революции работал в кадетской партии, после поражения революции закончил свою эволюцию полным примирением с православием, а после Октябрьской революции выступил апологетом средне-вековой схоластики, как единственного спасения от растущего коммунизма. — 152, 196, 217, 218, 500.

БЕРНШТЕЙН, ЭД. (1850 — 1932) — германский с.-д., в эпоху исключительных законов против социалистов редактор нелегального центрального органа партии («Sozial-Demokrat»). В середине 90-х г.г. выступил в теоретическом органе германской с.-д-тии «Neue Zeit» со статьями, где пытался подвергнуть пересмотру философские, экономические и политические основы революционного марксизма и заменить их теорией примирения классовых противоречий, отрицанием социалистической революции и верой в возможность достижения социализма путем постепенного «врастания» в капиталистический строй. Более или менее связное изложение своих взглядов Бернштейн дал в книге «Предпосылки социализма и задачи с.-д-тии», вышедшей в январе 1899 г. Выступления Б., вызвавшие резкую критику Р. Люксембург и Парвуса, а затем Плеханова и, после некоторых колебаний, К. Каутского, послужили исходным пунктом широкой и острой полемики в среде международной с.-д-тии и привели к оформлению двух течений: ортодоксов и ревизионистов. В последнее время Бернштейн — один из лидеров II Интернационала. Его воззрения целиком победили в германской с.-д-ии и нашли свое отражение в новой программе партии, принятой в 1925 г. в Гейдельберге. — 6, 10, 38, 40, 212, 214, 249, 367, 368, 371, 372, 375, 377, 398, 410.

БЕРТЕЛО, М. (1827 — 1907) — крупнейший французский химик, а также политический деятель, сенатор и министр. — 215.

БИСМАРК (1815 — 1898) — «железный канцлер» Германской империи, главным делом которого было объединение «кровью и железом» мелких разрозненных немецких государств и создание германского национального единства под главенством юнкерской Пруссии. При нем было введено в Германии всеобщее избирательное право. При помощи исключительных законов против социалистов (1878 г.) пытался бороться со все усиливающимся ростом и влиянием германской с.-д-ии. — 159.

БЛЕЙХРЕДЕР — крупнейшая банкирская фирма в Берлине, основанная С. Блейхредером (ум. 1858) и игравшая виднейшую роль в разме-

щении государственных займов различных европейских правительств, между прочим прусского и русского. Фирма существует и в настоящее время. — 350.

БЛЕКЛОВ, С. М. (р. 1860) — статистик-народник, в 1902 г. был отстранен от земской службы. Принимал участие в общественном движении 1905 — 07 г.г., примыкая к партии с.-р., был одним из организаторов Всероссийского Крестьянского Союза 1905 г. После ареста эмигрировал и продолжал работу в с.-р. партии. Сотрудничал в «Русской Мысли», «Русском Богатстве» и в изданиях с.-р. — 319.

БЛИЗНЕЦ — см. **СТРУВЕ, П. Б.**

БОБО — см. **СТРУВЕ, П. Б.**

БОБРИКОВ, Н. И. (1830 — 1904) — финляндский генерал-губернатор с 1898 г., проводил русификацию края, ввел русский язык в делопроизводство Финляндии, фактически упразднил финляндскую конституцию и уничтожил отдельные финские войска. Убит 3 июня 1904 г. финляндцем-террористом Евг. Шаумяном (сыном сенатора). — 338.

БРАУН, ГЕНРИХ (BRAUN, H.) (1854 — 1926) — писатель по социально-политическим вопросам, приобретший известность в качестве редактора и издателя немецкого журнала «Архив Социального Законодательства и Статистики» (1888 — 1903). Журнал уделял много места рабочему движению, рабочему законодательству и теоретическим вопросам рабочего движения. В журнале сотрудничали виднейшие «критики марксизма» (Зомбарт, из русских — Струве, Булгаков и др.). Марксистская литература уделила не мало внимания журналу Брауна; в 1905 — 07 г.г. Браун издавал «Новое Общество»; в 1911 г. основал журнал «Летопись по вопросам социальной политики и законодательства». — 206, 214.

БРЕНТАНО, ЛУЙО (р. 1844) — буржуазный экономист, профессор политической экономии в Мюнхенском университете с 1896 г., сторонник «катедер-социализма» и противник марксизма, проповедывавший «гармонию классов» и возможность разрешения социального вопроса путем примирения интересов капиталистов и рабочих. Основные работы Брентано: «Die Arbeitergilden der Gegenwart» («Современные рабочие союзы»), 1871 — 1872, «Über die Ursachen der heutigen sozialen Noth» («О причинах современной социальной нужды»), 1899, и др. — 181, 189, 216, 217, 219.

БУЛГАКОВ, С. Н. (р. 1871) — экономист и философ, первоначально один из представителей «легального марксизма», в своих первых экономических статьях и книге «О рынках при капиталистическом производстве» (1897 г.) выступал как сторонник Маркса, затем эволюционировал от марксизма к идеализму и православию. Уже в журнале «Начало» (1899 г.), и в особенности, в двухтомной работе «Капитализм и земледелие» Булгаков порвал с марксизмом и целиком стал на ревизионистскую точку зрения, доказывая ошибочность всех основных положений марксистской теории вообще и в области аграрных отношений в частности. Дальнейшая эволюция Булгакова получила свое выражение в статьях, помещенных в книгах и сборниках: «Проблемы идеализма» (1902 г.), «От марксизма к идеализму» (1903 г.) и «Вопросы религии» (1906 г.). В 1907 г. Булгаков был депутатом 2-й Государственной Думы, примыкал к кадетской партии, являлся одним из вождей общественной реакции, господствовавшей после поражения революции 1905 г. После Октябрьской революции стал священником. В настоящее время в эмиграции. — 179, 180, 181 — 194, 196 — 206, 208, 209, 213, 214, 216, 220, 222, 227 — 231, 235, 237 — 241, 243, 244, 246 — 250, 252 — 256, 260 — 263, 268, 272, 273, 378, 500.

БУРЦЕВ, В. Л. (р. 1862) — участник революционных кружков 80-х г.г. В эмиграции выступил с пропагандой объединения всех оппозиционных и революционных элементов на либеральной платформе, но с террори-

стической тактикой. Типичнейший для 90 и 900-х г.г. представитель «либерала с бомбой». Занимался собиранием и публикацией документов революционного движения. Редактор исторического журнала «Былое». Специализировался на разоблачении тайн департамента полиции. Использовав сведения, полученные от чиновников последнего, разоблачил Азефа. Перед революцией 1905 г. был близок к партии с.-р., после нее поддерживал кадетскую партию. Во время войны 1914 г. выступал как яростный патриот, отказался от всякой оппозиции царизму, вернулся в Россию. В революции 17 г. — откровенный корниловец. После Октябрьской революции — один из злейших врагов Советской власти, сторонник интервенции, врангелевец и монархист. — 125, 154.

В.

ВАЛУЕВ, П. А. (1814 — 1890) — один из главных деятелей царствования Александра II, граф. Министр внутренних дел (1861 — 1868), государственных имуществ (1872 — 1877), председатель комитета министров (1877 — 1881). Представлял собою соединение бюрократической школы Николая I с обликом европейского либерализма 40-х годов, поэтому в теории был либералом, а на практике придерживался традиционных репрессивных методов. Автор двух конституционных проектов (1863 и 1879 г.г.). При нем были введены земская и цензурная реформы. Председательствовал в образованной по его инициативе комиссии по изучению положения сельского хозяйства в России, получившей название «Валуевской комиссии». Конец его карьере был положен скандальным процессом его сотрудников, уличенных в злоупотреблениях при раздаче башкирских земель. Ценен его дневник, содержащий ряд злых и метких характеристик правительственных кругов. — 129, 130, 136.

ВАЛЬТЕЙХ, К. (VAHLTEICH, K.) (р. 1839) — немецкий социалист, один из основателей Всеобщего Германского Рабочего Союза и депутат рейхстага в 1874 и 1878 г.г.; во время господства исключительных законов против социалистов эмигрировал в Америку и поселился в Чикаго. — 370.

ВАНДЕРБИЛЬТЫ — американские миллиардеры, богатства которых были созданы крупными железнодорожными предприятиями. Основателем фирмы был К. Вандербильт (1794 — 1877); его сын (1821 — 1885) и внук (1843 — 1899) продолжали и развивали дела фирмы, превратившись в «железнодорожных королей» Америки. — 214.

ВАНЕЕВ, А. А. (1872—1899) — революционер, соц.-демократ. В 1892 г. входил в марксистский кружок в Н.-Новгороде; в 1893 г., будучи студентом Технологического Института в Петербурге, вместе с В. И. Лениным, Г. М. Кржижановским и др. образовал группу соц.-демократов — «стариков», составившую затем центральное ядро петербургского «Союза Борьбы за освобождение рабочего класса» (1894 — 1895 г.г.). В ночь на 9 декабря 1895 г. был арестован вместе с другими членами союза, при чем у Ванеева при обыске были найдены статьи, предназначавшиеся для 1-го номера «Рабочего Дела». В тюрьме просидел до 1897 г., сослан был затем в Восточную Сибирь на 3 года, принимал активное участие в жизни ссыльных, за содействие побегу В. Махновца срок ссылки Ванееву был продлен еще на 2 года. В 1899 г. принимал участие в составлении «Протеста» против «Credo». Умер в ссылке от туберкулеза. — 385, 387.

ВАННОВСКИЙ, П. С. (1822 — 1904) — генерал, военный министр, один из ближайших сотрудников Александра III. В 1899 г. председательствовал в комиссии по расследованию причин студенческих волнений в высших учебных заведениях. После убийства Боголепова, 25 марта 1901 г. назначен был министром народного просвещения с задачей успокоить студенчество. «Реформы» Ванновского (освобождение студентов,

сданных при Боголепове в солдаты; легализация института студенческих старост), рекламировавшиеся казенной и либеральной печатью, как начало новой эры «сердечного попечения» правительства о студентах, были проникнуты полицейским духом, студентов не удовлетворили и никакого успокоения в процесс революционного брожения в студенчестве не внесли. В 1902 г. В. оставил свой пост, в виду полной неудачи своей миссии. — 130, 346.

ВАСИЛЬЕВ — полковник, начальник Минского губернского жандармского управления, помощник Зубатова, в 1901 г. содействовал созданию «Независимой Еврейской Рабочей Партии». — 449.

В. В. — псевдоним В. П. Воронцова (1847—1918), одного из главных теоретиков народничества 80—90-х годов. Окончив медико-хирургическую академию, в течение восьми лет работал земским врачем, затем занялся литературной деятельностью. Главные сочинения: «Судьбы капитализма в России» (1883), «Наши направления» (1893), «Очерки теоретической экономии» (1895). Сотрудничал во всех руководящих органах народничества — от Лавровского «Вперед» (в 70-х г.г.) до «Русского Богатства» Михайловского, с которым в начале 90-х г.г. разошелся. После этого стал писать в либеральном «Вестнике Европы». Решительно выступал против марксизма и был объектом критических статей чуть ли не всех первых марксистов в России. Систематическую критику взглядов В. В. дал Г. В. Плеханов в своем сочинении: «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова (В. В.)». — 389, 395, 399.

ВЕББ, БЕАТРИСА (Б. ПОТТЕР) (р. 1858) — жена С. Вебба, видная писательница по экономическим вопросам. Вместе издали (с 1892 г.) ряд работ, из которых главная — наиболее полный и систематический обзор истории английского трэд-юнионизма — переведена в 1898 г. В. И. Лениным на русский язык под заглавием «Теория и практика английского трэд-юнионизма» (два тома изд. 1900—1901 г.г.). — 408, 470.

ВЕББ, СИДНЕЙ (р. 1859) — английский экономист и общественный деятель, один из основателей умеренно-социалистического «Фабианского общества», представитель его в Рабочей Партии. Был министром торговли в кабинете Макдональда. — 408, 470.

ВЕЙТЛИНГ, В. (1810—1871) — представитель немецкого утопического коммунизма, рабочий-портной. В качестве подмастерья отправился путешествовать за границу, в Париже примкнул к коммунистам и стал изучать Бабефа, Фурье и Кабе; считал возможным осуществление коммунизма путем мирной пропаганды. В 1840 г. был послан парижским Союзом коммунистов в Женеву в качестве агитатора. В 1843 г., когда Вейтлинг издал свое «Евангелие бедного грешника», он был арестован и затем выдан Баденскому правительству (1844 г.); позже уехал в Лондон; в 1848 г. вернулся в Германию; в 1849 г. эмигрировал в Америку, где до 1854 г. издавал газету «Republik der Arbeiter» («Республика Рабочих»). В течение нескольких лет вел пропаганду за создание коммунистической общины; потерпев неудачу с этим планом, отказался от публичных выступлений. В последние годы работал писцом переселенческого бюро и отдавал свободное время изучению астрономии. — 391.

ВЕЛЕПОЛЬСКИЙ, А. (1803 — 1877) — граф и маркиз, польский общественный деятель середины XIX столетия. В 1861 г., во время подъема общественного движения в Польше, заставившего русское правительство искать соглашения с умеренными кругами польского общества, обратился к Александру II с письмом, в котором указывал на необходимость, в целях предотвращения революции, — реформ в административном положении Польши и некоторых уступок польскому национальному движению. В том же году распоряжением Александра II назначен членом административного совета в Польше и директором комиссии народного просвещения. Войдя в правительство, Велепольский пытался опереться на умеренные

слои польского общества, подавляя одновременно революционные выступления. Политика примирения польского общества с русским правительством, проводившаяся Велепольским в течение 1862 — 1863 г.г., потерпела крушение; польское восстание 1863 г. заставило Велепольского выйти в отставку и уехать за границу. — 137.

ВЕЛИКА — см. ЗАСУЛИЧ, В. И.

ВИЛЛЬ, Г. (1812 — 1890) — немецкий химик, сотрудник и ассистент Либиха, затем профессор химии в Гессене, автор ряда научных работ. — 215.

ВИЛЬГЕЛЬМ II (р. 1859) — бывший германский император (с 1888 г. по 1918 г.). — 159, 436.

ВИЛЬФАРТ, Н. — немецкий химик, работавший над вопросами бактериологии почвы и опубликовавший ряд статей по своей специальности. — 215.

ВИНОГРАДСКИЙ, С. Н. (р. 1856) — выдающийся ботаник-бактериолог, заведует отделом общей бактериологии в Институте Экспериментальной бактериологии в Ленинграде. — 215.

ВИТТЕ, С. Ю. (1849 — 1915) — самый крупный из министров Александра III и Николая II, своими мероприятиями в области финансов (введение золотой валюты, усиление покровительственной системы, винная монополия), железнодорожного дела и пр. много способствовавший развитию капитализма в России. В своих записках о земстве (1898 — 1899 г.г.) доказывал несовместимость земского самоуправления с самодержавием. После неудачной для Романовской монархии русско-японской войны ему было поручено ведение переговоров о мире с Японией. В 1905 г. — председатель совета министров. В виду усиления революционного движения выступил с планом ликвидации революции путем уступок и созыва Государственной Думы. Автор манифеста 17 октября 1905 г. Сошел с политической сцены после поражения революции 1905 г. См. его «Воспоминания» (изд. Гиз, Петроград, 1923). — 63, 121, 123 — 125, 129, 134 — 138, 141 — 143, 145, 150 — 153, 155, 348 — 352, 357, 433.

ВОЛЬТМАН, Л. (1871 — 1907) — немецкий социолог; основал журнал «Politisch-Antropologische Revue» («Политико-Антропологическое Обозрение»). Пытался дать синтез социализма и дарвинизма в «Die Darwinische Theorie und der Sozialismus», 1899, затем пробовал соединить марксизм с кантианством в «Der historische Materialismus» («Исторический материализм»), 1900 г., впоследствии выступил с теорией зависимости политической эволюции общества от расовых отличий в «Politische Anthropologie» («Политическая антропология»), 1903. Ряд работ переведен на русский язык. — 397.

ВОРМС, А. Э. (р. 1868) — юрист, профессор Московского университета, в 1901 — 3 г.г. выступал с лекциями на собраниях основанного Зубатовым «Общества взаимопомощи рабочих механического общества в Москве»; впоследствии принимал участие в политической жизни, сосредоточившись на научных работах, в частности в области международного торгового права. — 449.

ВОРОВСКИЙ, В. В. (1871 — 1923) — один из виднейших членов ВКП(б). В революционное движение вступил в 1890 г. В 1899 г. был выслан на 3 года в Вятскую губ. В эпоху бернштейниады решительно занял позицию революционного социал-демократа. В 1901 г. поместил в «Жизни» резкую статью против Струве и Бернштейна (под псевдонимом — Ю. Адамович). В 1902 г. выехал за границу и сотрудничал в «Искре». В 1903 г., после II съезда Р.С.-Д.Р.П., примкнул к большевикам, участвовал в создании большевистской газеты «Вперед», в редакцию которой входил вместе с Лениным, Ольминским и др., участвовал в подготовке и проведении III съезда партии, входил в редакцию газеты «Пролетарий». В 1906 г. участвовал в IV «объединительном» съезде партии, сотрудничал в большевистских изданиях, затем вел партийную работу в Петербурге и

Одессе, неоднократно подвергался арестам и обыскам. Автор ряда статей в газетах и журналах: «Правда», «Просвещение», «Мысль» и др. (часть статей Воровского издана отдельно под заглавием «Литературные очерки»). В 1917 г. член заграничного Бюро Ц. К.; после Октябрьской революции — представитель Р.С.Ф.С.Р. в Швеции; в 1921 г. — полпред в Италии, представитель Р.С.Ф.С.Р. на Лозаннской конференции. Убит 10 мая 1923 г. в Лозанне фашистом Конради. — 495.

ВЭСТ (WEST), Е. (1782 — 1828) — английский экономист; в 1815 г. издал «Опыт исследования вложения капитала в землю» («An essay on the application of capital to land»), в котором предварил теорию ренты Рикардо; в 1826 г. написал работу «Цены на хлеб и заработная плата». — 187, 189.

Г.

ГАВРИЛОВ, А. И. — один из обвиняемых по делу о майских беспорядках в 1901 г. на Обуховском заводе. — 288.

ГАССЕЛЬМАН, В. (р. 1844) — немецкий социал-демократ, примкнул к рабочему движению под влиянием Лассаля. Вместе с Швейдером редактировал «Der Neue Sozialdemokrat», в качестве представителя Всеобщего Германского Рабочего Союза вел переговоры с соц.-демократической рабочей партией о слиянии; позже отказался от предложенного ему редактирования совместно с Либкнехтом «Vorwärts'a» и основал свой собственный орган «Die Rote Fahne», в котором проводил близкие к анархо-синдикализму взгляды и вел борьбу против политики партии. В 1880 г. на Баденском конгрессе исключен из партии за раскольническую деятельность, после чего эмигрировал в Америку. — 398, 454.

ГЕГЕЛЬ, Г. (1770 — 1831) — знаменитый немецкий философ-идеалист. Диалектический метод гегелевской философии оказал громадное влияние на выработку миросозерцания Маркса, давшего диалектике материалистическое обоснование. Философия Гегеля пользовалась в свое время большим успехом и имела много последователей в Германии и России. В настоящее время вновь возник интерес к философии Гегеля. — 222, 381.

ГЕЛЬРИГЕЛЬ, Г. (1831 — 1895) — немецкий агроном, работавший в области сельско-хозяйственной химии. — 215, 216.

ГЕРЦ, ФР. — австрийский экономист, соц.-демократ, один из критиков Маркса в аграрном вопросе; в своей книге «Аграрные вопросы с точки зрения социализма» пытался доказать живучесть мелкого землевладения в современном капиталистическом обществе и его способность противостоять конкуренции крупного хозяйства. В России книга Герца была широко использована народниками для борьбы с марксистами. — 179, 198, 199, 201, 202, 204, 208, 211 — 217, 223 — 226, 229, 230, 236, 238 — 240, 242, 248, 265, 266, 268, 269, 378.

ГЕРЦЕН, А. И. (1812 — 1870) — знаменитый русский публицист и политический деятель XIX столетия. Во время пребывания в Московском университете Герцен вместе с Огаревым стоял во главе кружка, занимавшегося общественными вопросами. За пропаганду революционных идей Герцен в 1834 г. был сослан в Пермь, затем в Вятку и в Новгород. По возвращении в Москву в 1840 г. занялся изучением философии Гегеля, а затем Фейербаха. В 1847 г. выехал за границу. Вместе с Огаревым издавал «Полярную Звезду» и знаменитый «Колокол». В последние годы своей жизни Герцен, бывший воспитателем целого революционного поколения, утратил свое влияние на общественное движение в России и умер в политическом одиночестве. — 128, 129, 149, 381.

ГЕХТ, МОРИЦ (НЕСНТ) — немецкий экономист, автор монографии о крестьянском хозяйстве: «Drei Dörfer der badischen Hard». 1895 («Три деревни баденского Гарда»). — 222 — 229, 243, 260, 265, 266.

ГИРШ, МАКС (1832 — 1905) — немецкий экономист и публицист, ярый противник социал-демократии, основатель «гирш-дункеровских» рабочих союзов, строившихся по образцу английских трэд-юнионов на принципе примирения интересов капитала и труда; руководимые Гиршем союзы высказывались даже против законодательного регулирования отношений хозяев и рабочих. — 389.

ГОЛЬЦ, Т. (GOLTZ, T.) (1839 — 1905) — агроном и экономист, с 1869 г. профессор, а затем директор сельско-хозяйственного института в Кенигсберге и Йене. Главные труды: «Die ländliche Arbeiterfrage» («Рабочий вопрос в сельском хозяйстве») и «Die Lage der ländlichen Arbeiter im Deutschen Reiche» («Положение сел.-хоз. рабочих в Германии»). — 205.

ГОРДЕЕНКО, Е. С. (1812—1897) — общественный деятель, химик; был председателем Харьковской уездной земской управы и харьковским городским головою. — 319.

ГОРЕМЫКИН, И. Л. (1839 — 1917) — министр внутренних дел (1895 — 1899 г.г.), типичный представитель русской реакционной бюрократии, в течение ряда десятилетий служивший царизму на самых высоких постах царской иерархии. В правительственных кругах считался знатоком крестьянского вопроса, в 1891 г. издал «Свод узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского состояния». В 1906 г., после ухода Витте, был назначен председателем Совета министров и руководил борьбой с революционным движением во время первой Думы. Вновь назначен был на тот же пост во время мировой войны, опирался на Распутина и покинул этот пост накануне февральской революции. — 121, 123, 142, 143.

ГОРЬКИЙ, М. (р. 1868) (литературный псевдоним А. М. Пешкова) — известнейший русский пролетарский писатель и драматург. Начал литературную деятельность в 90-х годах. Принимал активное участие в политической и общественной жизни, неизменно поддерживал связь с рабочим движением и с.-д. партией. Примыкая теснейшим образом к большевикам, Горький активно помогал партии в самых разнообразных сферах ее деятельности, принимал участие в ряде партийных предприятий, сотрудничал в партийных изданиях, находился в тесных деловых и личных отношениях как с рядовыми партийцами — рабочими, так и с руководителями партии, в частности с Лениным, Красиным и др. Ленин особенно высоко ценил значение художественной деятельности Горького для рабочего класса и сотрудничество его с большевистской партией, не останавливаясь, конечно, перед критикой отдельных идеологически или политически неправильных выступлений Горького (союз с махистами в 1908 — 10 г.г., его позиция накануне и во время Октябрьской революции). — 345, 346.

ГРАДОВСКИЙ, А. Д. (1841 — 1889) — либеральный профессор-юрист и публицист. В 80-е годы в газете «Голос», ведя борьбу с революционным движением, высказывался в то же время за необходимость умеренных реформ; в этом духе разрабатывал программу реформ для Лорис-Меликова, которые, не покушаясь на принцип самодержавия, должны были ввести в практику некоторые начала правового государства. После закрытия «Голоса» (в 1884 г.) Градовский ушел целиком в научную и преподавательскую деятельность. — 137.

ГУШКЕ, ЛЕО (HUSCHKE, LEO) — немецкий экономист, автор работы «Landwirtschaftliche Reinertrags-Berechnungen bei Klein-, Mittel- und Grossbetrieb dargelegt an typischen Beispielen Mittelthüringens», 1902 («Исчисления доходности с мелкой, средней и крупной сельско-хозяйственной промышленности, установленные на типичных примерах Средней Тюрингии»).—238.

ГЭД, Ж. (1845 — 1922) — основатель и многолетний руководитель марксистского рабочего движения и марксистской рабочей партии во Франции. Основатель первой марксистской газеты во Франции. В 1881 г. вместе с Марксом и Энгельсом выработал программу французской со-

циалистической партии. Как внутри партии, так и на международной арене вел борьбу как с анархо-синдикалистскими и прудонистскими, так и с оппортунистическими, поссибилистскими, бернштейнианскими течениями и группами, отстаивая в теории и в тактике принципы ортодоксального марксизма. Особо жестокую борьбу пришлось вести Гэду против жоресовской политики блоков и соглашений с буржуазией. В частности, Гэду принадлежит заслуга широкой революционной кампании в связи со вхождением социалистов в буржуазное министерство («мильеранизм»). В объединенной социалистической партии Франции (гэдисты объединились с жоресистами после Амстердамского международного конгресса 1904 г.) гэдисты оставались левым, марксистским крылом, продолжая идейную борьбу с оппортунизмом. С начала империалистской войны Гэд резко изменил всему революционному прошлому, не устоял перед «патриотическими» настроениями, пошел на «священный союз» с буржуазией и вошел в буржуазное правительство национальной обороны. — 412.

Д.

ДАВИД, ЭДУАРД (1863—1930) — немецкий социал-демократ, экономист, бернштейнианец. После Франкфуртского съезда (1894 г.) вошел в образованную съездом комиссию по выработке аграрной программы с проектом, обещавшим крестьянству обеспечение и упрочение мелкой частной собственности при капитализме; Бреславский съезд 1895 г. отверг этот проект. В 1903 г. выпустил исследование «Социализм и сельское хозяйство», где пытался доказать несостоятельность экономического учения Маркса в области сельского хозяйства. С 1903 г. член рейхстага. В годы империалистической войны крайний социал-шовинист; после революции 1918 г. вошел в первое коалиционное правительство Германской республики, в 1919 — 1920 г.г. — министр без портфеля. Один из виднейших представителей ревизионизма, проделавший типичную эволюцию от якобы «научных» поправок к теории Маркса к прямой борьбе с революционным пролетариатом в союзе с буржуазией. — 201, 202, 212, 214, 215, 223, 224, 226, 242, 265, 266, 372.

ДАХИН, Е. С. — один из обвиняемых по делу о майских беспорядках в 1901 г. на Обуховском заводе. — 288.

ДИККЕНС, Ч. (1812 — 1870) — известнейший английский писатель, в своих социальных романах, проникнутых тонким юмором, дал широкую картину старой английской жизни, в особенности ее теневых сторон. — 305.

ДИТЦ, Г. В. (DIETZ, H. W.) (1834 — 1922) — немецкий социал-демократ, депутат рейхстага с 1881 г., владелец типографии в Штутгарте, издатель соц.-дем. литературы. В молодости работал в качестве наборщика в Петербурге, в типографии, где набирался «Современник» Чернышевского. Издательство Дитца выполняло роль партийного издательства германской с.-д. партии и выпустило в свет большинство крупных произведений марксистской мысли. В издании Дитца выходили «Заря», «Что делать?» и др. В типографии Дитца нелегально печаталась «Искра». — 95, 123, 359.

ДОБРОЛЮБОВ, Н. А. (1836 — 1861) — критик и публицист, сотрудник журнала «Современник», продолжатель традиций Белинского в литературной критике, один из виднейших представителей радикальной общественной мысли конца 50-х, начала 60-х годов; по своим общественным взглядам последовательный революционер-демократ. Вел широкую и резкую борьбу с современными ему представителями либеральной мысли. Под влиянием Чернышевского стал на материалистическую точку зрения в философии и на реалистическую в литературной критике. — 346.

ДОЛГОРУКОВ, П. В. (1816 — 1868) — князь, писатель и эмигрант. В 1860 г. написал за границей, вызвавшую большой шум, книгу «Истина

о России» («La vérité sur la Russie»), в которой высказывался за введение конституционного образа правления в России. За эту книгу был заочно лишен всех прав с запрещением возвращения в Россию. В 1861 г. издавал в Париже политическую газету «Будущность» и журналы «Правдивый» и «Листок» (в Брюсселе и Лондоне 1862—1864 г.г.). — 154, 155.

ДРАГОМАНОВ, М. П. (1841—1895) — публицист и историк. Был доцентом Киевского университета. В 1875 г. уволен из университета и уехал за границу, где всецело отдался публицистической деятельности. В эмигрантской литературе последней трети XIX в. Драгоманов представлял последовательный буржуазный либерализм, находясь в решительной оппозиции к политике царизма и в то же время высказываясь с той же решительностью против социализма и теории классовой борьбы. Выступая и против народовольцев и против с.-д., Драгоманов искал опоры в земском движении, но его программа была гораздо последовательнее и шире не только программы земской оппозиции 70-х и 80-х г.г., но и русских либералов эпохи «Освобождения». Драгоманов вместе с тем являлся одним из виднейших представителей и руководителей умеренного крыла украинского национального движения. Издал письма Бакунина, а также переписку Кавелина, Герцена и Тургенева. — 124, 125, 129, 134, 139.

ДЮРИНГ, Е. К. (1833—1921) — немецкий экономист и философ, ярый противник Маркса и научного социализма, пытавшийся дать свою собственную «социалитарную теорию». Уничтожающую критику взглядов Дюринга дали Маркс и Энгельс в книге «Анти-Дюринг». Из сочинений Дюринга на русском яз. известно «Ценность жизни». — 219, 370, 371.

Е.

ЕГОР — см. МАРТОВ, А.

ЕРМАКОВ, А. И. — один из обвиняемых по делу о майских беспорядках в 1901 г. на Обуховском заводе. — 288.

ЕРМОЛОВ, А. С. (1846—1917) — министр земледелия в 1892—1905 г.г., в 1905 г. член Государственного Совета. В 1892 г. издал книгу «Неурожай и народное бедствие», в которой пытался оправдать сельско-хозяйственную политику правительства. — 170.

Ж.

ЖЕ — см. СТРУВЕ, Н. А.

ЖЕЛЯБОВ, А. И. (1851—1881) — вождь партии «Народной Воли» и главный организатор ее террористических актов в 1879—1881 г.г. Примкнул к революционному движению в 1873 г. (кружок Волховского); принимал участие в «хождении в народ»; участник процесса 193-х; на Липецком съезде «Земли и Воли» 1878 г. выступил в защиту террористической борьбы и организовал сторонников террора в новую партию «Народной Воли»; казнен за покушение на Александра II 1 марта 1881 г. — 442, 449, 492.

ЖОРЖ — см. ПЛЕХАНОВ, Г. В.

ЖУКОВСКИЙ, В. А. (1783—1852) — поэт допушкинского периода русской литературы, представитель сентиментально-романтического направления, переводчик Шиллера, Байрона и др. Был воспитателем детей Николая I. — 326.

З.

ЗАСУЛИЧ, В. И. (1851—1919) — сначала народница, затем социал-демократка; революционную деятельность начала в конце 60-х г.г., в 1869 г. была арестована и 2 года просидела в тюрьме, до 1875 г. была в ссылке.

В 1878 г. тяжело ранила петербургского градоначальника Трепова за наказание студента Боголюбова розгами. Окружным Судом была оправдана. После Воронежского съезда «Земли и Воли» примкнула к группе «Черный Передел». В 1880 г. эмигрировала за границу, где вместе с Плехановым и др. приняла участие в основании Группы «Освобождение Труда». Принимала участие в литературной деятельности Группы и впервые перевела на русский язык несколько важнейших произведений Маркса. Ездила нелегально в Россию. Напечатала марксистские монографии о Ж.-Ж. Руссо и Вольтере, а также ряд статей о русской литературе, критике и в защиту теории Маркса. С 1900 г. вместе с Лениным и др. редактировала «Искру». После раскола в 1903 г. примкнула к меньшевикам; в годы реакции солидаризировалась с ликвидаторами; во время войны и революции — социал-шовинистка, противница Октябрьского переворота. — 20 — 23, 26 — 29, 41, 67, 68, 77, 137, 466.

ЗЕЙФФЕРГЕЛЬД, А. — немецкий помещик, автор нескольких статей по сельскому хозяйству, в которых описывал опыт применения электричества в своем хозяйстве. — 206.

ЗНАМЕНСКИЙ, Н. А. — сотрудник «Московских Ведомостей». — 320.

ЗУБАТОВ, С. В. (1864 — 1917) — вдохновитель и организатор «зубатовщины» или «полицейского социализма»; в начале 80-х годов участвовал в Москве в радикальных и революционных кружках, которые вскоре начал выдавать полиции. С 1889 г. — помощник начальника, а потом и начальник Московского охранного отделения; развил широкую полицейскую деятельность во многих городах России (Вильно, Минск и др.); в 1902 г. организовал рабочие союзы («О-во взаимопомощи рабочих механических мастерских» в Москве, «О-во взаимопомощи ф.-з. рабочих» в Петербурге), с целью отвлечения рабочих от революционной деятельности. В 1903 г. получил отставку, а потом был административно выслан во Владимир. В 1905 г. при Трепове состоял в департаменте полиции. — 339 — 341, 344, 375, 392, 449 — 450, 453.

И.

ИВАНОВ — подполковник, помощник начальника Обуховского завода во время майских (1901 г.) беспорядков на заводе. — 116.

ИВАНОВСКИЙ, Н. И. (р. 1840) — профессор Казанской духовной академии, исследователь старообрядчества и сектантства. — 323.

ИВАНЬШИН, В. П. (1869 — 1904) — соц.-дем. «экономист», один из редакторов и сотрудников «Раб. Дела», тесно связанный с «Рабочей Мыслью». В 1896 г. привлекался по делу петербургского «Союза Борьбы». В 1898 г. эмигрировал за границу и стал деятельным членом «Союза Русских С.-Д. за границей». В октябре 1901 г. был представителем «Союза Рус. С.-Д.» на «объединительном съезде» заграничных с.-д. организаций. В конце 1902 и начале 1903 г. И. постепенно эволюционировал в сторону «Искры», и в № 33 «Искры» от 14 (1) февраля 1903 г. напечатал заявление о своем разрыве с рабочедельцами. Имя В. П. Иваньшина (В. И—н), как наиболее яркого выразителя экономизма, часто упоминается в партийной полемике начала 900-х г.г. — 388, 394 — 396, 500.

ИГНАТЬЕВ, А. П. (1842 — 1906) — министр внутренних дел при Александре III. После революции 1905 года руководитель и организатор самых правых кругов реакционного дворянства, требовавших полной ликвидации уступок царизма 1905 г. В 1906 г. убит с.-р. Ильинским. — 138, 139, 153.

ИЛОВАЙСКИЙ, Д. И. (1832 — 1920) — историк и публицист; крайний реакционер и активный монархист, прославившийся своими учебниками истории, долго применявшимися в качестве обязательных пособий в царской

средней школе для воспитания в учащихся духа «преданности престолу». Абсолютная безграмотность и неисторичность этих учебников вошла в пословицу. — 370.

ИЛЬИНСКИЙ, А. — переводчик работы Герца «Аграрные вопросы с точки зрения социализма» (С.-Петербург 1900 г.). — 198.

К.

КАБЛУКОВ, Н. А. (1849 — 1919) — экономист и статистик народнического направления, профессор Московского университета, заведывал статистическим отделом Московского земства, провел ряд образцово поставленных обследований хозяйственной жизни Московской губернии. В главных своих трудах: «Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве» (1884), «Об условиях развития крестьянского хозяйства в России» (1899) пытался доказать преимущества мелкого хозяйства в земледелии. Критику его взглядов В. И. Ленин дает в «Развитии капитализма в России». — 221.

КАВЕЛИН, К. Д. (1818 — 1885) — профессор Петербургского университета, юрист, публицист умеренно-либерального направления; в 1861 г. принимал участие в разработке вопроса об освобождении крестьян и самоуправлении; защищал общинное землевладение. Сотрудник «Современника», «Отечественных Записок», а позже «Вестника Европы», занимался также психологическими, этическими и философскими вопросами. — 127 — 129, 133.

КАРЕЕВ, Н. И. (1850 — 1931) — профессор, историк и публицист, один из представителей «субъективной школы социологии» Лаврова и Михайловского; сотрудничал в народнических и либеральных органах; дал ряд заслуживающих внимания исторических работ, но публицистика Кареева, в частности, его многочисленные статьи против исторического материализма, отличаются полной бессодержательностью и утомительным многословием. В эпоху первой революции примкнул к кадетской партии и был членом ее Ц. К., а также членом 1-ой Государственной Думы от Петербурга. — 400.

КАТКОВ, М. Н. (1818 — 1887) — публицист, выразитель дворянско-монархической реакции 60-х — 80-х г.г. В годы студенчества был близок с Белинским, Герценом и Бакуниным. С 1851 г. редактор «Московских Ведомостей», которые сначала велись им в либеральном направлении; с начала 60-х г.г., особенно со времени польского восстания 1863 г., — ярый защитник самодержавия, полицейщины и всяческой реакции, резко выступает против малейших уступок либерализму, интеллигенции, «радикальной кружковщины», против земства, суда присяжных и прочих учреждений, созданных реформами 60-х годов. Катков и его орган пользовались громадным влиянием в среде высшей бюрократии и дворянства в конце царствования Александра II и в царствование Ал. III. — 125, 138 — 140, 159, 320, 326, 429.

КАУТСКИЙ, К. (р. 1854) — немецкий социал-демократ, крупнейший из теоретиков марксизма эпохи II Интернационала, экономист, историк. Начал свою научную деятельность под непосредственным руководством Энгельса. С 1887 г. редактор научного марксистского журнала «Neue Zeit». В 1909 г. в своей работе «Путь к власти» К. в общем выражал еще марксистские взгляды, но с этого времени оппортунистические тенденции, которые всегда были сильны у К., берут перевес в его политической и теоретической деятельности. Во время войны К. окончательно порывает с марксизмом, прикрывая фактический социал-шовинизм своей позиции интернационалистской фразой. Будучи одним из самых озлобленнейших врагов С.С.С.Р., открыто проповедует против него войну и интервенцию.

О нем см. работу В. И. Ленина 1918 г. «Пролетарская революция и ренегат Каутский». — 22, 179, 196, 198, 199, 201 — 206, 208, 209, 212 — 217, 219 — 221, 223 — 225, 229, 230, 238, 239, 246, 253 — 255, 261, 269, 390, 391, 412, 413, 470, 506.

КЕННАН, Д. (1845 — 1924) — американский путешественник и журналист; в 1870 — 1871 и 1885 — 1886 г.г. был в России и Сибири, изучил русскую ссылку, написал вызвавшую сенсацию книгу «Сибирь и ссылка». В 1901 г., когда Кеннан вновь приехал в Петербург, он был немедленно выслан из пределов России. — 134.

КИНКЕЛЬ, Г. (1815 — 1882) — немецкий поэт и историк искусства; участвовал в революции 1848 г. в Бадене, был заключен в крепость, в 1850 г. бежал, жил в Лондоне, выступал против Маркса и подвергся критике последнего; к концу жизни стал поклонником Бисмарка; в 1866 — 1882 г.г. — профессор в Цюрихе. — 344.

КЛАВКИ, К. (KLAWKI, KARL) — немецкий экономист, автор работы «Über Konkurrenzfähigkeit des landwirtschaftlichen Kleinbetriebs» («О конкуренто-способности сельско-хозяйственного мелкого производства»). — 230 — 237, 243, 259.

КЛИНГЕНБЕРГ — вятский губернатор в 900-х годах. — 304.

КОНДОИДИ — самарский вице-губернатор в 900-х годах, автор получившего широкое распространение термина «третий элемент», обозначавшего радикальную, большей частью революционно-настроенную интеллигенцию, находившуюся на службе в земствах, городских управлениях и т. п. — 315 — 317, 321.

КОШЕЛЕВ, А. И. (1807 — 1883) — публицист-славянофил; в эпоху 60-х г.г. защищал освобождение крестьян с землей; стоял за сохранение общины, за монархию и против европейского парламентаризма, но за «Земский Собор», совещательный орган при самодержавном царе. Издавал журналы: «Беседа», «Земство» и др. — 127, 128.

КРИЧЕВСКИЙ, Б. Н. (ум. 1919) — один из первых русских соц.-демократов, публицист. После работы в с.-д. кружках в России в начале 90-х г.г. эмигрировал за границу, примкнул к Группе «Осв. Труда», принимал литературное участие в изданиях Группы (Б. Наумов). Вскоре стал в оппозицию к Группе и вместе с Л. Тышко (Иогихес) образовал собственную группу для издания популярной с.-д. литературы, которой — по мнению Кричевского и Тышко — «старики» (Плеханов, Аксельрод) не уделяли достаточно внимания. В конце 90-х г.г. Кричевский стал во главе более широкой и более принципиальной оппозиции Плеханову, отправшейся на новые «экономические» настроения в среде русск. с.-д-тии. Эти настроения победили в «Союзе русск. с.-д. за границей», и Кричевский, получив большинство Союза, стал редактором органа Союза «Рабочее Дело» (1898 — 1902). На Парижском Междунар. Социалист. Конгрессе 1900 г. Кричевский возглавлял большинство русской делегации (меньшинство представляли Плеханов, Аксельрод и др.). Одновременно Кричевский принимал участие в жизни европейской с.-д-тии, сотрудничая в «L'Humanité» и состоя парижским корреспондентом «Vorwärts'a». Как в русских, так и в международных делах Кричевский склонялся к бернштейнианству и жоресизму. «Искра» и «Заря» вели резкую борьбу против Кричевского и подорвали всякое его влияние в партии. После 2-го съезда Кричевский никакой роли в партии не играл. — 66, 333, 369 — 371, 396, 397, 399, 410, 424, 442, 447, 465, 475, 479, 487, 492, 500, 504, 506, 507.

КРУЗЕ, Н. Ф. (1823 — 1901) — писатель и общественный деятель; председатель С.-Петербургской губернской земской управы, за оппозицию правительству уволен с этой должности 17 января 1867 г. одновременно с закрытием губернского земского собрания и выслан в Оренбург. С 1885 г. член совета Дворянского земельного банка. Главный труд: «О причинах возникновения у нас земства, круг, основы и первые резуль-

таты его деятельности». Сотрудничал в «Вестнике Европы», «Русском Вестнике» и «Русской Старине». — 132.

К. Т. (инициалы раскрыть не удалось) — профессор. — 328, 329.

КУСКОВА, Е. Д. (р. 1869) — политический деятель и публицист. Начала свою общественную деятельность как марксистка. В конце 90-х г.г. принимала участие в «Союзе Русск. с.-д. за границей». Затем выступила против идей революционного марксизма, приняв целиком бернштейновскую ревизию марксизма. Автор «Credo» (Кредо). Накануне революции 1905 г. входит в либеральный «Союз Освобождения» и поддерживает «Освобождение» Струве. При образовании партии кадетов в партию, однако, не входит и основывает с группой единомышленников (Прокопович, Богучарский и др.) журнал «Без заглавия», который открыто заявляет, что хочет быть органом «последовательных русских бернштейнианцев». Журнал, как и издававшаяся той же группой газета «Товарищ», выступают прямыми противниками классовой политики пролетариата и, критикуя кое в чем слишком умеренную тактику кадетов, на деле поддерживают либерализм в борьбе против пролетарской партии и меньшевиков против большевиков. После поражения революции Кускова принимает участие в кооперативном движении. В революции 17 года Кускова занимает обще-либеральную позицию и выступает решительным противником большевиков и Советской власти. Ныне в эмиграции, сотрудничает в эмигрантских газетах. — 375, 419.

КУТЛЕБ — немецкий экономист, сотрудник (в 1895 г.) издававшихся Тилем «Сельско-Хозяйственных Ежегодников». — 199.

Л.

ЛАВРОВ, П. Л. (МИРТОВ) (1823 — 1900) — виднейший теоретик революционного народничества. В 60-х годах был членом «Земли и Воли». В 1866 г. арестован и отправлен в ссылку, где написал оказавшие громадное влияние на русскую революционную интеллигенцию «Исторические письма», в которых положил начало так назыв. «русской субъективной школы в социологии», утверждавшей, что всякий общественный прогресс возникает благодаря влиянию «критически мыслящих личностей». В 1870 г. бежал за границу, принимал участие в Парижской Коммуне. Издавал за границей (сначала в Цюрихе, потом в Лондоне) «Вперед» (1873 — 1876), в котором развивал взгляды о необходимости «идти в народ» с целью длительной пропаганды и перевоспитания народных масс в духе социалистических идей, — в противоположность бунтарям-бакунистам, считавшим русский народ готовым к социалистической революции и шедшим к нему с целью организации немедленного восстания. Был редактором «Вестника Народной Воли» (1883 — 1886) и вплоть до своей смерти авторитетнейшим истолкователем взглядов народничества. — 465.

ЛАГЕРМАРК — профессор Харьковского университета. — 346.

ЛАНГЕДОРФ — саксонский чиновник. — 239.

ЛАНСКОЙ, С. С. (1787 — 1862) — министр внутренних дел (1856 — 1861) при Александре II, в период проведения реформы 19 февраля 1861 г. Вышел в отставку в 1861 г., когда в правящих кругах восторжествовало реакционно-крепостническое течение. — 129.

ЛАССАЛЬ, ФЕРДИНАНД (1825 — 1864) — крупный деятель германского рабочего движения. В 1848 г. участник революционного движения на Рейне и сотрудник руководимой Марксом «Новой Рейнской Газеты». Автор «железного закона заработной платы». Был сторонником постепенного перехода к социализму через свободные производительные ассоциации рабочих, которым должен был быть предоставлен государственный кредит. Вел в этих целях вызвавшие резкий протест со стороны Маркса и Энгельса

переговоры с Бисмарком. Обнаруженная в 1927 г. переписка Лассаля с Бисмарком подтвердила самые худшие подозрения Маркса и Энгельса в отношении связей Лассаля с прусской реакцией. В 1863 г. основал «Всеобщий Германский Рабочий Союз», долго враждовавший с основанной А. Бебелем и В. Либкнехтом «Соц.-дем. рабочей партией», с которою союз, наконец, слился в 1875 г. в единую «Социалистическую рабочую партию Германии», впоследствии переименованную в «Соц.-дем. партию Германии». — 344, 359, 371, 392.

ЛАФАРГ, П. (1842 — 1911) — один из руководителей французской социалистической партии, ближайший единомышленник и сотрудник Гэда; экономист, последователь Маркса; принимал участие в Интернационале, Парижской Коммуне, испанском социалистическом движении; автор ряда статей и книг, популяризирующих идеи марксизма в различных отраслях знания, и ряда памфлетов («Право на леность», «Религия капитала» и др.), направленных против буржуазного строя. — 412.

ЛЕМАН, К. (LEHMANN, K.) — доктор медицины, социал-демократ; член мюнхенской организации германской с.-д., оказывал содействие «Искре» во время пребывания редакции в Мюнхене. — 95.

ЛЕРУА-БОЛЬЕ, А. (1842 — 1912) — французский экономист и историк; автор ряда работ по экономическим и историческим вопросам: «Социализм и демократизм» (1892), «Христианство и социализм» (1905), «Империя царей и русские» (книга посвящена России). — 129.

ЛИБИХ, Ю. (1803 — 1873) — знаменитый немецкий химик, особенно много работавший над применением химии к сельскому хозяйству. Работы Либиха высоко ценились Марксом. — 188, 215, 219.

ЛИБКНЕХТ, В. (1826 — 1900) — один из вождей германской социал-демократии, отец Карла Либкнехта, принимал активное участие в революции 1848 г. С наступлением реакции эмигрировал в Швейцарию, а оттуда в Лондон, где сблизился с Марксом и Энгельсом. Возвратившись в 1860 г. по амнистии в Германию, вел упорную борьбу с тактикой Лассаля. По инициативе Либкнехта и Бебеля в 1869 г. основана в Эйзенахе соц.-дем. партия. В 1870 г. за протест против аннексии Эльзас-Лотарингии арестован по обвинению в государственной измене. Вместе с Бебелем вел борьбу против Бисмарка во время господства исключительных законов против социалистов. В 1867 — 1870, 1874 — 1888 — член германского рейхстага. Виднейший деятель революционного крыла партии, боролся против соглашательских тенденций (Фольмар и др.). Был редактором центрального органа партии «Vorwärts» («Вперед»). — 107, 108, 398, 423, 424, 454.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ, М. Т. (1825 — 1888) — министр внутренних дел в конце 1880-х — в начале 1881 г.г. и председатель «Верховной распорядительной комиссии по борьбе с революционным движением». Назначение Лорис-Меликова, выступившего с неопределенными обещаниями уступок земству, отразило колебания правительства перед лицом растущего революционного движения и расценивалось либеральными элементами как первый шаг к конституционному режиму. Незадолго до 1 марта правительство приняло проект о создании совещательной комиссии из представителей земства для разработки намеченных правительством законопроектов. После 1 марта Лорис-Меликов вышел в отставку. Период министерства Лорис-Меликова получил в печати ироническое название «диктатуры сердца». — 135 — 138, 145, 153.

ЛЮБОЩИНСКИЙ, М. Н. (1817 — 1889) — сенатор, принимал участие в деятельности комиссий по крестьянской и судебной реформам; состоя с 1881 г. членом Государственного Совета, отстаивал сохранение некоторых либеральных мероприятий эпохи 60-х годов. — 132.

ЛЮДОВИК XVI (1754 — 1793) — французский король, в царствование которого произошла Великая Французская Революция. Казнен по постановлению Конвента. — 136.

М.

МАК, Н. (МАСК, Р.) — помещик Восточной Пруссии, написавший исследование о роли машинной техники и электрификации в сельском хозяйстве. — 207, 209.

МАКАРИЙ (БУЛГАКОВ, М. П.) (1816 — 1882) — богослов и историк церкви, московский митрополит. — 326.

МАЛЬТУС, Т. (1766 — 1834) — английский экономист, вульгарный представитель классической школы политической экономии. Главный труд «Опыт о законе народонаселения». — 184, 187, 189.

МАРКС, КАРЛ (MARX, K.) (1818 — 1883) — см. его биографию, написанную В. И. Лениным в 1914 г. — 10, 40, 157, 175, 181, 184, 186 — 196, 199, 201, 207, 215, 217 — 218, 220, 243, 344, 359, 367, 379 — 380, 384, 390, 396, 424, 492.

МАРТОВ, Л. (ЦЕДЕРБАУМ, Ю. О.) (1873 — 1923) — один из лидеров меньшевизма. В 1891 г. вступил в студенческий революционный кружок, в 1892 г. был впервые арестован. В следующие годы работал в Виленской организации Бунда; в 1894 г. редактировал брошюру А. Кремера «Об агитации». В октябре — ноябре 1895 г. вместе с Лениным, Кржижановским и другими принимал участие в организации петербургского «Союза Борьбы за освобождение рабочего класса». В начале января 1896 г. был арестован и после тюремного заключения сослан в Туруханск на 3 года. В тюрьме написал брошюру «Современная Россия», в ссылке — «Красное Знамя» и «Рабочее дело в России». Вошел в «тройственный союз» (Ленин, Мартов, Потресов), созданный по инициативе Ленина для воссоздания партии и издания «Искры». В 1900 г. вернулся из ссылки и вместе с Лениным и Потресовым участвовал в «Псковском совещании». Затем около года работал на юге России, объезжая местные организации и организуя поддержку «Искры», весною 1901 г. приехал в Мюнхен и принял деятельное участие в работе «Искры» и «Зари». На II съезде РСДРП стал во главе меньшинства и с тех пор до смерти оставался виднейшим идеологом и публицистом меньшевизма, неизменным участником всех центральных учреждений меньшевистской партии и редактором меньшевистских изданий. В 1905 г., после манифеста 17 октября, вернулся в Россию, работал в ноябре — декабре в Совете Рабочих Депутатов и в редакции меньшевистской газеты «Начало». В 1906 г. был арестован и выслан за границу. В годы реакции редактировал «Голос Социал-Демократа», поддерживая ликвидаторов. В конце 1913 г. Мартов вернулся в Россию и руководил борьбой правого крыла соц.-демократии против большевиков в качестве редактора «Рабочей Газеты». В период войны был в рядах меньшевиков-интернационалистов, участвовал в Циммервальдской конференции. В эпоху Февральской революции по некоторым вопросам расходился с большинством меньшевистской партии. После Октябрьского переворота противник советской власти, в 1921 г. эмигрировал за границу, принимал близкое участие в создании так называемого Венского Интернационала и руководил меньшевистским «Социалистическим Вестником». — 31, 400, 410, 442, 482.

МАРТЫНОВ, А. С. (ПИККЕР) (р. 1865) — участник народовольческих кружков конца 80-х г.г. Был сослан в Сибирь и вернулся из ссылки в конце 90-х г.г. социал-демократом. В начале 900-х г.г. выехал за границу, где вступил в «Заграничный Союз Русских С.-Д.» и стал одним из редакторов «Рабочего Дела»; теоретик «экономизма»; взгляды Мартынова неоднократно подвергались жестокой критике со стороны Ленина. На 2-ом съезде РСДРП примкнул к меньшевикам и вскоре вошел в состав их руководящего ядра. Сотрудничал в меньшевистской «Искре» и во всех последующих легальных и нелегальных руководящих органах меньшевизма в качестве одного из их редакторов. Во время войны стоял на колеблющейся позиции, примыкая к группе Мартова. После Октябрьской рево-

люции постепенно эволюционировал влево; в настоящее время член В.К.П (б.). — 343, 354, 397, 402 — 403, 405, 407 — 414, 416 — 417, 419 — 420, 422 — 424, 426 — 427, 431 — 432, 442, 445, 447, 479, 487, 492, 497, 500, 505, 507.

МАСЛОВ, П. П. (р. 1867) — один из первых русских марксистов, экономист, автор ряда работ по аграрному вопросу. В 1903 г. вышел его «Аграрный вопрос» (т. I), тогда же под псевдонимом Икса в брошюре «Об аграрной программе» выступил против аграрной части проекта программы Р.С.-Д.Р.П., принятой затем II съездом. После раскола примкнул к меньшевикам и оставался постоянным сотрудником меньшевистских легальных и нелегальных изданий. В период первой революции выдвинул проект «муниципализации» земли как программное требование социал-демократии и на Стокгольмском съезде в 1906 г. защищал его против отстаиваемой Лениным «национализации». В 1908 г. выпустил 2-й т. «Аграрного вопроса». Война застала Маслова в России, где он сразу же стал на точку зрения обороны страны, защищая свою точку зрения в либеральных газетах доводами экономического характера. После революции 1917 г. активной политической роли не играл. — 195, 196, 206.

МЕРИНГ, Ф. (1846 — 1919) — выдающийся представитель революционного марксизма в Германии, сначала левый соц.-демократ, потом коммунист, историк и журналист. С 90-х г.г., со времени возникновения ревизионизма в Германии вел резкую борьбу против оппортунизма, был редактором левой «Leipziger Volkszeitung» («Лейпцигская Народная Газета»), вместе с Каутским редактировал «Neue Zeit». Во время империалистской войны примыкал к Циммервальду, один из руководителей спартаковцев. Автор ряда трудов, из которых особенно известна четырехтомная «Geschichte der deutschen Sozial-Demokratie» («История германской социал-демократии»); затем «Легенда о Лессинге» и др. Издал в четырех томах «Литературное наследство Маркса, Энгельса и Лассаля». — 398.

МЕЩЕРСКИЙ, В. П. (1839 — 1914) — князь, издатель-редактор черносотенного органа «Гражданин», близко стоял к придворным сферам и был одним из вдохновителей реакционной политики Александра III и Николая II. — 429.

МИЛЬЕРАН, А. (р. 1859) — французский политический деятель, проделавший эволюцию от социализма к решительной защите буржуазии; первый из социалистов вошедший в буржуазное министерство (1899 — 1902), где оказался рядом с палачом Коммуны генералом Галиффэ. Вхождение Мильерана в буржуазное министерство явилось практической иллюстрацией бернштейнианства и послужило поводом к острой борьбе как в рядах французской Социалистической партии, так и на международной арене. После исключения Мильерана из партии (в 1904 г.), образовал с группой бывших социалистов и будущих буржуазных министров (Бриан, Вивиани) партию «независимых социалистов». Дослужился в 1920 — 1924 г.г. до поста президента французской республики; крайний реакционер, фактический глава французского фашизма. — 367 — 368.

МИЛЮТИН, Д. А. (1816 — 1896) — граф, военный министр при Александре II, вышел в отставку после 1 марта 1881 г. вместе с Лорис-Меликовым. — 145.

МИЛЮТИН, Н. А. (1818 — 1872) — либеральный сановник при Александре II, товарищ министра внутренних дел (с 1859 г.), руководивший подготовкой крестьянской реформы 19 февраля 1861 г., спустя 5 недель после манифеста 19 февраля вместе с граф. Ланским вышел в отставку; в 1864 г. принимал участие в проведении аграрной реформы в Польше; имеет ряд статистических работ. — 124. 129.

МИХАЙЛОВ, А. Д. (1855 — 1884) — выдающийся член Исполнительного Комитета «Народной Воли», организатор партии и руководитель

ряда ее боевых предприятий, первоначально, с 1876 г., был членом общества «Земли и Воли». В 1880 г. был арестован и присужден к смертной казни, замененной потом пожизненной каторгой. Умер в Алексеевском равелине. — 469.

МИХАЙЛОВ, М. И. (1826 — 1865) — публицист, поэт и переводчик, видный участник революционного движения 60-х г.г., сотрудник «Современника» эпохи Чернышевского. В 1861 г. был осужден на каторгу за прокламацию «К молодому поколению». — 125.

МИХАЙЛОВ, Н. Н. (у. 1905) — врач, провокатор, виновник арестов с.-д. в Петербурге в декабре 1895 г., после чего получил крупное назначение в департаменте полиции. В 1905 г. убит в Крыму революционерами. — 388.

МИХАЙЛОВСКИЙ, Н. К. (1842 — 1904) — виднейший теоретик народничества, «властитель дум» русской интеллигенции 80 — 90-х г.г., давший ей собственную теорию «исторического процесса». В начале 80-х г.г. примыкал к народовольцам, составляя и редактируя их издания. Был одним из руководителей «Отечественных Записок» в 1869 — 1884 г.г., а с 1894 г. редактировал «Русское Богатство», на страницах которого с самого начала 90-х г.г. и до смерти вел ожесточенную полемику с марксистами. Эс-эры считают Михайловского, наряду с П. Л. Лавровым, одним из основоположников их партии. Его полемические статьи против марксистов собраны в 2-х томах под заголовком: «Литературные воспоминания и современная смута» и вошли в VII том его Собр. сочинений. Спб. 1909. — 215, 400, 499.

МОРИС — французский экономист, один из «критиков» Маркса. — 265.

МОСТ, И. (1846 — 1906) — немецкий с.-д., впоследствии анархист, по профессии переплетчик. В 1869 г. был присужден к пятилетнему тюремному заключению за государственную измену, но вскоре был амнистирован и выслан из Германии. Издавал в Лондоне «Freiheit» («Свобода»), в которой подвергал резкой критике политику немецкой соц.-демократии, за что был исключен из с.-д. партии на Баденском конгрессе. В 80-х г.г. в Нью-Йорке примкнул к анархистам. — 370, 398, 454.

МЫШКИН, И. Н. (1848 — 1885) — один из виднейших деятелей народнического революционного движения 70-х г.г., организатор нелегальных типографий и пропагандист среди крестьян. В 1877 г. привлечен по процессу «193-х» и осужден на 10 лет каторги. Пытался неоднократно бежать. Расстрелян за оскорбление тюремного смотрителя. — 442, 469.

МЮЛЬБЕРГЕР — немецкий социал-демократ, последователь Прудона, автор вызвавших критику Энгельса статей в «Volksstaat'e» по жилищному вопросу, сотрудник издававшегося Хёхбергом в 1877 г. журнала «Будущее», орган правых элементов соц.-дем. партии, подвергся резкой критике со стороны Бебеля. — 221, 222, 370.

Н.

N. N. — см. ПРОКОПОВИЧ, С. Н.

НАДЕЖДИН, Л. (псевдоним Е. О. Зеленского) (у. 1905) — организатор и редактор изданий заграничной «революционно-социалистической группы» «Свобода» (1901 — 1903). В 1898 г. входил в Саратовскую социал-демократическую организацию, после ареста весной 1900 г. эмигрировал в Швейцарию, где организовал в мае 1901 г. группу «Свобода». Пытался сочетать программу социал-демократии с проповедью террора. Надеждин обладал незаурядным публицистическим талантом, резко высказывался против «легального» марксизма и бернштейнианства и обнаруживал несомненные симпатии к «политической» струе в рабочем движении против узкого «экономизма». Все это заставило «Искру» и, в частности, Ленина

пытаться привлечь Надеждина к работе «Искры». Соглашение, однако, не состоялось, и вскоре после того Надеждин выступил с поддержкой антиискровских групп в России (в частности в связи с расколом СПБ. Союза борьбы). После II съезда Р.С.-Д.Р.П. сотрудничал в меньшевистских изданиях. Автор ряда брошюр: «Возрождение революционизма в России», «Канун революции» и др. — 355, 475, 479, 481, 484, 486, 488 — 489, 493 — 496.

НАЙТ, РОБЕРТ — секретарь английского трэд-юниона котельщиков, занимавший эту должность в течение более 20 лет (избран секретарем около 1875 г.), типичный представитель старого «классического» трэд-юнионизма. — 423—424.

НАПОЛЕОН III (1808 — 1873). — 159.

НАРЫШКИН — крупный помещик Орловской губ., лидер крайней правой вместе с П. Дурново в Государственном Совете после революции 1905 года. — 93.

НИКАНОР (КАМЕНСКИЙ, Н. Т.) (1847 — 1910) — епископ и писатель по церковным вопросам. — 323.

НИКИТЕНКО, А. В. (1804 — 1877) — профессор русской словесности и цензор, по своим политическим убеждениям «умеренный прогрессист». Интересен «Дневник» Никитенко, изданный после его смерти под заглавием «Моя повесть о самом себе и чему свидетель в жизни был» (СПБ., 1893, 2-е дополн. изд. под редакцией М. К. Лемке. СПБ., 1903 — 1904 г.г.). Дневник имеет значение для характеристики эпохи, в особенности для истории русской цензуры. — 124, 132.

НИКОЛАЙ I (1796—1855)—занимал престол с 1825 по 1855 г.—128, 326.

НИКОЛАЙ II (1868 — 1918) — вступил на престол в 1894 г., свергнут с престола февральской революцией 1917 г., казнен в 1918 г. — 141, 144 — 146, 326, 335, 337.

НИКОЛАЙ —ОН — псевдоним Н. Ф. Даниельсона (1844 — 1918), экономиста 80 — 90-х годов. Один из наиболее ярких представителей народничества. Некоторое время в глазах широкой публики считался представителем марксизма в России. В 1893 году издал книгу: «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», которая вместе с работами В. В. служила главным экономическим обоснованием народничества. Взгляды Н. —она неоднократно разбирались В. И. Лениным. — 221, 312.

НИКОН (1605 — 1681) — патриарх, пользовался большим влиянием при царе Алексее Михайловиче, известен проведенной им реформой церкви, вызвавшей раскол церкви и движение старообрядчества; в 1658 отрекся от патриаршества. — 326.

НОБЕЛЬ, Л. (1831 — 1888) — родом швед, бакинский нефтепромышленник, основал в 1874 г. одно из крупнейших обществ для разработки русской нефти «Товарищество бр. Нобель». — 166.

О.

ОБОЛЕНСКИЙ, Н. М. — князь, херсонский и харьковский губернатор; в 1901 г. во время голода всячески подавлял общественную инициативу и самодеятельность в деле оказания помощи голодающим; известен жестоким усмирением крестьянских восстаний на юге России в 1902 г. — 293 — 295.

ОБРУЧЕВ, В. А. (1835 — 1912) — отставной офицер генерального штаба, сотрудник Чернышевского по «Современнику», участник оппозиционного движения 60-х г.г. В 1861 г. за распространение прокламации «Великорусс» сослан в Сибирь, где пробыл 13 лет. В дальнейшем активного участия в политической жизни не принимал. По окончании ссылки поступил на службу в морское ведомство, откуда вышел в отставку генералом. — 125.

ОЗЕРОВ, И. Х. (р. 1869) — экономист, профессор Московского университета, поддерживавший тактику Зубатова в рабочем движении. Автор работ: «Итоги экономического развития XIX в.», «Нужды рабочего класса в России» и др. — 449 — 450, 453.

ОМ — сотрудник «Приазовского Края». — 304.

ОУЭН, РОБЕРТ (1771 — 1858) — главнейший из представителей английского утопического социализма, развивший энергичную проповедь социальных реформ, оставаясь мирным утопистом, чуждым революционных действий, и относясь отрицательно к политическому движению рабочего класса того времени (чартизму). Считается духовным отцом английского кооперативного движения. — 381.

П.

ПАНТЕЛЕЕВ, Л. Ф. (р. 1840) — писатель и общественный деятель; в 1861 — 1862 г. примыкал к «Земле и Воле», в 1865 г. приговорен к 6 годам каторги за принадлежность к обществу «З. и В.» и посредничество между польскими и русскими революционерами. В 1901 г. за подписание известного протеста литераторов против избиений 4 марта на Казанской площади административно выслан из Петербурга на 3 года. В эпоху революции примыкал к партии кадетов. Как писатель, Пантелеев известен воспоминаниями об общественном движении 60-х г.г. (два сборника: «Из воспоминаний прошлого»). — 126 — 127.

ПАРВУС — псевдоним А. Л. Гельфанда (1869 — 1924) — русский эмигрант, в 90-х и начале 900-х годов работавший в германской с.-д-тии, примыкал к ее левому крылу, рядом с Р. Люксембург вел решительную кампанию против Бернштейна и оппортунистических течений в партии вообще. Дал ряд значительных марксистских работ по вопросам мирового хозяйства, аграрного кризиса и т. д. Сотрудничал в «Искре» и «Заре» (под псевдонимом Молотова). После раскола поддерживал меньшевиков, хотя и расходился с ними в ряде тактических вопросов. Выдвинул в применении к русской революции теорию «перманентной революции». В 1905 г. вернулся в Россию и принимал деятельное участие в первой русской революции. Входил в редакцию меньшевистского «Начала». Был сослан и бежал обратно в Германию. В эпоху войны — крайний социал-шовинист и прямой агент германского империализма. — 95, 505.

ПАСТЕР, Л. (1822 — 1895) — знаменитый французский химик и бактериолог. — 215.

ПЕРЕЛЬС, Э. (1837 — 1893) — доцент в Берлине и Галле, с 1873 г. в Вене, специалист по сельско-хозяйственному машиностроению, автор нескольких работ. — 199.

ПЕРОВСКАЯ, С. Л. (1854 — 1881) — один из крупных деятелей партии «Народной Воли». В 70-х г.г. вела народническую агитацию среди крестьян; в 1873 была арестована и посажена в Петропавловскую крепость. После освобождения в 1877 г. привлекалась по «делу 193». Играла руководящую роль в террористическом акте 1 марта 1881 г. Казнена вместе с Желябовым и др. — 469.

ПЕТР I (1672 — 1725). — 326.

ПЕТР III (1728 — 1762). — 326.

ПИСАРЕВ, Д. И. (1840 — 1868) — радикальный критик и публицист 60-х г.г., статьи которого в значительной мере содействовали формированию революционной идеологии интеллигенции 60-х г.г. Руководитель журнала «Русское Слово». В 1862 г. был приговорен к 5 годам заключения в крепости за печатание прокламаций в подпольной типографии. Вскоре после выхода из крепости утонул. — 492.

ПЛЕХАНОВ, Г. В. (1856 — 1918) — крупнейший теоретик марксизма до Ленина, основатель Группы «Освобождение Труда». Вел в 90-х г.г. энергичную

борьбу с «бернштейнианством» и его отражением на русской почве — «экономизмом». В 900-х г.г. становится одним из редакторов «Искры» и «Зари». После раскола на II съезде партии 1903 г. примкнул первоначально к большевикам, затем к меньшевикам, но вскоре ушел и от них. После поражения декабрьского восстания 1905 г., выступил с пресловутым заявлением «не надо было браться за оружие». С нарождением ликвидаторства в борьбе с ним снова сблизился с большевиками. Когда разразилась империалистическая война, Плеханов стал во главе наиболее правых оборонцев («Призыв»), продолжал ту же линию после Февральской революции («Единство»). После Октябрьской революции, оставаясь противником Советской власти, отказался активно выступать против большевиков. — 19 — 30, 41, 48 — 49, 65 — 66, 77, 107, 281, 369, 395, 400, 411 — 413, 424, 441 — 443, 468, 492, 504.

ПОБЕДОНОСЦЕВ, К. П. (1827 — 1907) — обер-прокурор синода, вдохновитель дворянской реакции 80 — 90-х г.г., фактический глава правительства Александра III, продолжавший играть крупную роль при Николае II и сметенный лишь революцией 1905 года. — 326.

ПОТРЕСОВ, А. Н. (СТАРОВЕР) (1869 — 1934) — один из лидеров меньшевизма. В 90-х годах примкнул к марксизму, в 1894 — 6 г.г. содействовал легальному изданию марксистского сборника «Материалы» (со статьей Ленина-Тулина) и книги Бельтова (Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», и сблизился с «Петербургским Союзом борьбы за освобождение рабочего класса»; в 1898 г. сослан в Вятскую губ., откуда сотрудничал в марксистских журналах «Новое Слово» и «Начало». По отбытии ссылки эмигрировал в 1900 г. за границу и вместе с Лениным участвовал в организации «Искры» и «Зари». На II съезде Р.С.-Д.Р.П. (1903 г.) примкнул к меньшевикам и с тех пор оставался одним из виднейших сотрудников и руководителей меньшевистских изданий. После революции 1905 г. оставался в России и играл руководящую роль в легальных меньшевистских органах печати («Наша Заря»). Один из вождей ликвидаторства. В 1908 г. редактировал вместе с Мартовым и Масловым пятитомник «Общественное движение в России в начале XX в.». Во время войны один из наиболее откровенных защитников социал-патриотизма. В 1917 г. играл руководящую роль в буржуазной газете «День», ведшей бешеную кампанию против большевиков. — 19 — 20, 22 — 29, 67—68, 372.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, И. — автор напечатанного в журнале «Вера и Разум» (1901 г.), направленного против официальной церковности, письма харьковскому архиепископу. — 325.

ПРИНГСГЕЙМ, О. — немецкий экономист, сотрудник «Архива Брауна», занимался вопросами применения электротехники в земледелии. — 206 — 209.

ПРОКОПОВИЧ, С. Н. (р. 1871) — экономист и общественный деятель; был некоторое время членом «Союза русских соц.-демократов», крайне правым «экономистом», от соц.-демократии вскоре ушел к либералам и вступил в «Союз Освобождения». В 1906 г. — член Ц. К. кадетской партии, затем занял позицию «левее к.-д.». В 1906 г. издавал радикальный журнальчик «Без заглавия». В 1917 г. министр продовольствия в правительстве Керенского. Автор ряда работ по рабочему вопросу с буржуазно-демократической точки зрения: «Рабочее движение на Западе. I. Германия и Бельгия» (1899), «Рабочее движение в Германии» (перепзд. в 1908 г.), «К критике Маркса» (1901), «Аграрный кризис и мероприятия правительства» (1912) и др. В настоящее время эмигрант. — 375 — 376, 392, 410, 445, 500.

ПРУДОН (1809 — 1865) — идеолог мелкой буржуазии, один из теоретиков анархизма. Видя причину всех зол капиталистического общества в современной товарной форме обмена, он, в целях реорганизации этого

общества, выдвигал утопическую систему, строящую общество на началах мютюэлизма (взаимных услуг) путем организации дарового кредита и меновых банков, увековечивающую мелкую частную собственность. «Нищета философии» К. Маркса посвящена разбору взглядов Прудона. Работы Прудона: «Система экономических противоречий», «Что такое собственность?» и др. — 391.

Р.

РАДИЩЕВ, А. Н. (1749—1802) — писатель, один из передовых людей Екатерининского времени. Первый открыто выступил против крепостного права в своем сочинении «Путешествие из Петербурга в Москву», за которое был присужден к смертной казни, замененной 10-тилетней ссылкой в Сибирь. По возвращении из ссылки в 1801 г. был назначен в комиссию по составлению законов, где предложил немедленную отмену крепостного права и равенство всех сословий перед законом; над Радищевым нависла угроза новой ссылки, он заболел и вскоре покончил самоубийством. — 127.

РАНКЕ — немецкий экономист, профессор, сторонник катедер-социализма, принимал участие в изданных в 80-х годах «Союзом социальной политики» исследованиях о положении крестьян в Германии («Bäuerliche Zustände in Deutschland»). — 240.

РЕШЕТНИКОВ, Ф. М. (1841—1871) — писатель-народник; особенную известность приобрела его появившаяся в «Современнике» повесть «Подлиповцы», изображающая жизнь крестьян-пермяков и воспринятая радикальной интеллигенцией как резкий протест против нечеловеческих условий существования крестьянства в царской России. — 89 — 90.

РИКАРДО, Д. (1772 — 1823) — английский банкир, виднейший из представителей классической школы политической экономии, расширивший и углубивший учение Ад. Смита. — 186 — 187, 193 — 195.

РИТТИНГАУЗЕН, М. (1814 — 1890) — немецкий социал-демократ; в 48 г. сотрудничал в «Новой Рейнской Газете»; в 1877—78 и в 1881 — 84 г.г. был с.-д. депутатом в рейхстаге; в 1884 г. вышел из партии. Автор работы «Die direkte Gesetzgebung durch das Volk» («Прямое народное законодательство»), оказавшей влияние на формулировку соответствующих пунктов программы германской социал-демократии и вызвавшей полемику со стороны К. Каутского. — 470.

РИХТЕР, Е. (1838 — 1906) — один из лидеров немецкой «партии свободомыслящих», выражавшей взгляды либеральной буржуазии, яростный противник социализма, автор памфлета «Социал-демократические картинки будущего»; с 1871 г. — член рейхстага; с 1885 г. редактировал «Freisinnige Zeitung» («Свободомыслящая Газета»). Германские с.-д-ты, в частности Бебель, посвятили полемике с антисоциалистической пропагандой Рихтера много устных и печатных выступлений. — 214 — 215.

Р. М. — автор статьи «Наша действительность», напечатанной в отдельном приложении к «Рабочей Мысли» за сентябрь 1899 г. — 147 — 148, 398, 410, 414, 444, 500.

Р. Н. С. — см. СТРУВЕ, П. Б.

РОБЕСПЬЕР, М. (1758 — 1794) — якобинец, один из выдающихся вождей французской революции 1789 г., вдохновитель и руководитель диктатуры мелкой буржуазии в 1792 — 94 г.г. Стоял во главе облеченного чрезвычайными полномочиями Комитета Общественного Спасения, созданного Национальным Конвентом революционного правительства, суровыми террористическими мерами расправлявшегося со всеми врагами якобинской республики. Разрыв с крайней левой и казни ее вождей повели к изоляции Робеспьера, созданию против него объединенного блока враждебных якобинскому режиму партий и к паденцю Робеспьера 9 термидора (28 июля)

1794 г. Казнь Робеспьера послужила сигналом к торжеству контр-революции во Франции. — 322.

РОГАЧЕВ, Д. М. (1856 — 1884) — видный член партии «Народной Воли», участник ряда ее террористических предприятий, играл руководящую роль в создании народовольческой военной организации среди офицеров; был выдан Дегаевым и казнен. — 469.

РОДБЕРТУС-ЯГЕЦОВ, К. (1805 — 1875) — крупный прусский землевладелец, экономист, примыкавший к классической школе политической экономии, один из главных теоретиков «государственного» («прусско-юнкерского», как называл Маркс) социализма. Его взгляды изложены и рассмотрены Г. В. Плехановым еще в 80-х годах в «Отечественных Записках» (см. I том его Сочинений). — 192.

РОДЗЯНКО, М. В. (1859 — 1924) — крупнейший землевладелец, в 900-х г.г. председатель Губернской Земской Управы в Екатеринославе; монархист, стоявший на крайне-правом фланге земского движения. Вошел в IV Государственную Думу как член партии октябристов, целиком поддерживал политику Столыпина и был избран председателем Думы после ухода с этого поста А. Гучкова, во время войны играет крупную роль во главе буржуазно-помещичьего блока, направленного к поддержке войны и доведению ее до «победного конца», ведет борьбу с революционным движением. В момент февральской революции ради спасения династии и продолжения войны становится во главе Исполнительного Комитета Государственной Думы. В эпоху Керенского выступает как организатор буржуазной контр-революции. После Октябрьской революции эмигрировал за границу. — 318.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, П. — председатель Орловского епархиального миссионерского съезда в 1901 г. — 323.

РОТШИЛЬД, М. А. (1743 — 1812) — основатель крупнейшей мировой банкирской фирмы; Ротшильды владеют банкирскими конторами в Париже, Лондоне, Вене, Франкфурте и др. городах. — 214, 350.

РУГЕ, А. (1802 — 1880) — немецкий писатель; в 1848 — 49 г. принимал деятельное участие в революционном движении; эмигрировав в Лондон, стал вместе с Ледрю-Ролленом, Маццини и др. во главе «Европейского революционного комитета». По возвращении в Германию перешел на сторону Бисмарка и его политики, вел литературную пропаганду за объединение Германии под главенством Пруссии. — 344.

РЫМАРЕНКО — член Общества «Земли и Воли», арестован в 1862 г., одновременно с Чернышевским и Н. Серно-Соловьевичем. — 127.

РЯБУШИНСКИЙ, П. П. (р. 1871) — крупнейший московский капиталист и банкир, руководитель союза объединенной промышленности, на II всероссийском съезде промышленности летом 1917 г. призывал «костлявой рукой голода» подавить революцию. В настоящее время живет в Париже, участвуя в «Союзе русских промышленников», и продолжает направленную против Советской России контр-революционную деятельность. — 167.

С.

САВИНКОВ, Б. В. (1879 — 1925) — видный деятель партии социалистов-революционеров. Революционную деятельность начал как социал-демократ. В 1901 г. входил в группу пропагандистов «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса» и после ареста был выслан в Вологду. Его статья «Петербургское рабочее движение и практические задачи социал-демократии», написанная на основании опыта работы в Петербурге, была напечатана в № 6 «Рабочего Дела» и обратила на себя внимание Ленина своей «правдивостью и живостью». Во время пребывания в ссылке из марксиста превратился в народника и примкнул к социалистам-революционерам, войдя в 1903 г. в состав «Боевой организации» П. С. Р.

Принимал ближайшее участие в убийстве министра Плеве (1904 г.) и в. князя Сергея Романова (1905 г.). По своей террористической работе был близко связан с известным провокатором Азефом. Деятельность Савинкова всегда, даже в пору его искреннего увлечения революцией, носила в себе много элементов спорта и авантюризма. В годы реакции занялся беллетристикой (псевдоним В. Ропшин) и написал несколько романов из жизни революции, проникнутых мистицизмом и разочарованием в революционном движении. Во время войны — оборонец, пошел добровольцем во французскую армию, корреспондировал в патриотические газеты. Летом 1917 г.—комиссар при ставке, помощник военного министра (Керенского), играл роль посредника между Керенским и Корниловым по подготовке контр-революционного переворота и энергично содействовал Корнилову. После Октябрьской революции — активный враг Советской власти, организатор белогвардейских заговоров и восстаний, эмигрант. В 1924 г. арестован при переходе границы СССР. На суде отказался от борьбы с Советской властью. Приговорен к лишению свободы на 10 лет. В 1925 г. покончил самоубийством. — 418, 440, 442, 459 — 462, 467.

САЛТЫКОВ, М. Е. — (1826 — 1889) — величайший русский сатирик; писал под псевдонимом «Н. Щедрин». С 1868 г. и вплоть до закрытия в 1884 г. был вместе с Некрасовым редактором лучшего русского журнала радикально-народнического направления «Отечественные Записки». Его произведения представляют резкий протест против крепостничества, господства дворянства, бюрократии, либерального пенкоснимательства во всех его оттенках. В ряде художественных картин и типов Салтыков отразил противоречия «освободительной эпохи» и первый в художественной литературе вывел типы деятелей первоначального капиталистического накопления «Колупаевых и Разуваевых». — 462.

СЕН-СИМОН (1760 — 1825) — виднейший из представителей французского утопического социализма, выдвинувший программу замены общества, покоящегося на основе частной собственности и борьбы классов, обществом, основанным на началах ассоциации. Средством к уничтожению классовых противоречий считал правительственные реформы и воспитание общества в духе новой религии, что повело впоследствии сенсимонизм к вырождению в религиозно-мистическую секту. — 381.

СЕРЕБРЯКОВ, Э. — один из старейших русских народников-революционеров, будучи офицером, вошел в организацию «Земли и Воли», долгие годы провел в эмиграции, где издавал журнал «Накануне», написал «Очерки по истории «Земли и Воли»», впоследствии примкнул к партии с.-р. и стоял на крайнем правом крыле партии. — 468.

СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ, А. А. (1838—1869) — один из революционных деятелей 60-х годов, младший брат Николая Серно-Соловьевича, в студенческие годы принимал деятельное участие в революционной агитации среди молодежи, в 1862 г. уехал за границу, был осужден заочно на вечное изгнание, за границей примыкал к левому крылу революционной эмиграции, вел борьбу с Герценом, принимал участие в работе I Интернационала. — 128.

СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ, Н. А. (1832 — 1866) — один из революционных деятелей 60-х г.г. В 1859 г., оставив государственную службу, уехал за границу, где близко сошелся с Герценом и его кружком; в Берлине в 1861 г. издал свою брошюру: «Окончательное решение крестьянского вопроса», где подверг критике «положение 19 февраля». Там же составил проект конституции для представления Александру II. В 1861 г. вернулся в Петербург, где открыл книжный магазин и читальню для объединения радикальной интеллигенции. В 1862 г. принимал участие в организации Общества «Земля и Воля». В том же году арестован, заключен в Петропавловскую крепость и присужден к 12 годам каторги, заменешной потом пожизненной ссылкой в Сибирь, где и умер. — 127 — 128.

СИПЯГИН, Д. С. (1853 — 1902) — министр внутренних дел (с 1899 г.), один из самых реакционных царских бюрократов, ставленник дворянства; вел беспощадную борьбу с рабочими (Обуховское дело), с голодающими крестьянами, студентами и с земством (изъятие продовольственного дела из земских рук и т. д.). Убит С. Балмашевым 2 апреля 1902 г. — 143, 275 — 280, 287, 296 — 303, 305, 309, 312 — 314, 321, 351.

СКВОРЦОВ, А. И. (1848 — 1914) — буржуазный экономист, профессор. Главные труды: «Влияние парового транспорта на сельское хозяйство» (1890 г.), «Прибыль и рента» («Юридич. Вестник» 1890 г.), «Экономические причины голодовок и меры к их устранению» (1894), «Основания политической экономии» (1898 г.), «Экономические основы земледелия» и др. — 184.

СКВОРЦОВ, В. М. (р. 1859) — представитель воинствующего русского духовенства, прославившийся своим мракобесием и тесным союзом с полицией, редактор-издатель журнала «Миссионерское Обозрение». В 1906 г. издавал ежедневную церковно-политическую газету «Колокол». — 323.

СОЛАРИ — итальянский химик. — 215.

СТАХОВИЧ, М. А. (р. 1861) — умеренный либерал, земец; в 1901 г. на миссионерском съезде в Орле произнес речь в защиту свободы совести; играл видную роль в земском движении; член I и II Государственной Думы, сначала примыкал к партии кадетов, затем один из организаторов партии октябристов («Союз 17-го Октября»). Во время Февральской революции 1917 г. был назначен финляндским генерал-губернатором, затем представителем Временного Правительства за границей. — 91, 94, 322 — 324, 353 — 355.

СТОЛБОВСКИЙ, Р. З. (у. 1867) — член следственной комиссии, назначенной для выяснения причин майских пожаров 1862 г. в Петербурге, использованных правительством для борьбы с революционным движением. — 127.

СТРУВЕ, Н. А. — жена П. Б. Струве, принимала некоторое участие в переговорах Струве с «Искрой» в конце 1900, начале 1901 г. — 67 — 68.

СТРУВЕ, П. Б. (р. 1870) — в 90-х годах с.-д., автор «Манифеста Р. С.-Д. Р. П.», вышедшего по постановлению I съезда партии, участник Международного Социалистического Конгресса в Лондоне в 1896 году. Наиболее видный представитель «легального марксизма» 90-х г.г. Участник и редактор легальных марксистских журналов («Новое Слово», «Начало», «Жизнь»). Уже в первой своей работе («Критические заметки») признал, что не разделяет всех взглядов Маркса. В дальнейших работах под видом «критической проверки» Маркса подменил революционные идеи марксизма идеями о сотрудничестве классов, мирной эволюции социализма и т. д. Философию марксизма (диалектический материализм) отрицал всегда. В конце 1900 — начале 1901 г., в качестве представителя «демократической оппозиции», вел переговоры с «искровцами» о блоке, сотрудничал в первых номерах «Искры». Вскоре окончательно порвал с марксизмом и с социал-демократией и перешел в лагерь либералов, став во главе организации земцев-конституционалистов — «Союза Освобождения» (1902 — 1905 г.г.); редактировал орган этого «Союза» — «Освобождение» (Штутгарт, Париж). С образованием к.-д. («конституционно-демократической») партии — член ее Ц. К. После поражения революции 1905 года — лидер самого правого крыла либералов, скатывается к черносотенному национализму. В 1909 году участник реакционно-мистического сборника «Вехи». Во время гражданской войны принимал участие в правительстве Деникина, а затем стал министром у Врангеля. Позже редактировал в Праге журнал «Русская Мысль», объединяя в нем правых кадетов с монархистами. С 1925 г. издает в Париже православно-монархическую газету «Возрождение». — 19 — 22, 29, 40, 67 — 68, 123, 143 — 156, 182, 185, 191, 202, 216 — 218, 249, 357, 374, 392, 410, 495, 500.

СУВОРИН, А. С. (1834 — 1910) — журналист, вначале либерал, потом редактор влиятельного органа консервативно-дворянских кругов «Нового Времени», антисемитствующего и лакействующего перед бюрократией. Представитель журнализма «чего изволите». — 322.

Т.

ТИЛЬ, Г. (р. 1839) — профессор сельско-хозяйственной экономики в Берлине, редактор «Сельско-хозяйственного Ежегодника». — 230.

ТИХОМИРОВ, Л. А. (р. 1850) — член Исполнительного Комитета партии «Народной Воли», участник ряда покушений на Александра II, теоретик партии и редактор ее изданий, впоследствии ренегат, заслуживший прощение царской власти, идеолог самодержавия, защитник православия, сотрудник и редактор казенных органов печати («Московские Ведомости» и т. п.). — 134, 137.

ТКАЧЕВ, П. Н. (1844 — 1885) — революционер 60—70-х г.г., виднейший представитель русского якобинства, пропагандировавший идею захвата власти революционным меньшинством в целях социалистического преобразования общества. В 1869 г. привлекался по делу Нечаева, был осужден и в 1873 г. эмигрировал за границу, где издавал в Женеве в 1875 — 76 г. журнал «Набат». Пропаганда Ткачева оказала известное влияние на переход народничества к политической борьбе и на идеологию «Народной Воли». Под различными псевдонимами Ткачев сотрудничал также в легальных органах радикального направления («Русское Слово», «Дело»), высказывая иногда идеи, близкие к историческому материализму. — 493 — 494.

ТОЛСТОЙ, Д. А. (1823 — 1889) — обер-прокурор синода и министр народного просвещения, затем, с 1882 г. — министр внутренних дел, проводивший политику «твердого курса» по отношению к либеральному и революционному движению, в частности по отношению к земству, самостоятельность которого при нем была почти целиком уничтожена. — 139 — 140.

ТОЛСТОЙ, Л. Н. (1828 — 1910) — один из величайших представителей русской и мировой литературы, нарисовавший в своих произведениях («Война и мир», «Анна Каренина» и др.) широкую картину дворянско-помещичьего и отчасти крестьянского быта и давший резкую критику современного буржуазно-помещичьего общества, государства, церкви, семьи, морали, противопоставив им, в качестве идеала, патриархально-крестьянский анархический строй и жизнь «по правде». Несмотря на резко-критическое отношение Толстого к обществу в самых его основах, «толстовство» с его проповедью «опрощения», непротивления злу насилием и личного самоусовершенствования представляло собой одну из форм упадка общественного движения в 80 и 90-х годах и играло антиреволюционную роль. — 216, 326.

ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ, М. И. (1865 — 1919) — один из видных представителей «легального марксизма», вскоре перешедший в ряды «критиков Маркса» и скатившийся в лагерь либералов. Сотрудничал в журналах «Новое Слово» (1897) и «Начало» (1899). Соратник Струве в первых стычках с народничеством. В 1894 г. выпустил книгу: «Промышленные кризисы в современной Англии». В 1898 г. выпустил капитальный труд: «Русская фабрика в прошлом и настоящем» с критикой народнических взглядов на развитие капитализма в России. Впоследствии выступил с рядом работ, направленных против политико-экономического учения Маркса. Его своеобразная «теория кризисов» одно время пользовалась большим влиянием среди «критиков Маркса» и буржуазных ученых. Во время революции 1905 г. и после нее примыкал к партии кадетов, а во время гражданской войны принимал участие в правительстве Центральной Рады на Украине. — 21, 68, 182, 202.

ТУЛИН, К. — один из псевдонимов В. И. Ленина. — 374.

ТУРГЕНЕВ, И. С. (1818—1883) — знаменитый русский писатель-беллетрист, давший в своих романах ряд типов «лишних людей», людей, неудовлетворенных окружающей их обстановкой дворянско-буржуазного быта, но не способных претворить свое недовольство в практическое дело переустройства общества. Отражая рост революционного протеста в среде демократической интеллигенции, Тургенев в своем романе «Отцы и Дети» нарисовал яркую фигуру «нигилиста», а в «Нови» пытался изобразить революционную среду. В своих общественно-политических симпатиях Тургенев представлял образец последовательного «западника», не идущего, однако, дальше довольно умеренной программы политических реформ. — 129, 215,

У.

УНКОВСКИЙ, А. М. (1828—1892) — предводитель дворянства Тверской губернии, принимал участие в подготовке крестьянской реформы и выдвинул один из наиболее либеральных проектов ее, руководил оппозиционным движением тверского дворянства, протестовавшего против запрещения министром внутренних дел Ланским обсуждать в дворянском собрании крестьянскую реформу, за что был в 1859 г. удален с должности и сослан в Вятку. — 149.

УСПЕНСКИЙ, Г. И. (1840 — 1902) — писатель-народник, в своих произведениях изображавший быт пореформенной эпохи. В центре его художественных работ — контрасты между ломающимися старыми устоями и надвигающимся молодым хищным капитализмом. Другая характерная черта его произведений — тщетное искание гармонии между интеллигенцией, горящею жаждой «отдачи долга народу», и этим народом, уходящим от «власти земли» и «лесной правды» и начинающим терять свой прежний «гармоничный» облик. — 90.

УСТИМОВИЧ — полтавский предводитель дворянства, автор проекта конституционного адреса 1879 г. — 139.

Ф.

ФИГНЕР, В. Н. (р. 1852) — член Исполнительного Комитета партии «Народной Воли», революционную деятельность начала в 1876; по 1883 г. принимала видное, часто руководящее участие почти во всех предприятиях «Народной Воли»; в 1884 г. была приговорена к смертной казни, замененной заключением в Шлиссельбургскую крепость, откуда в 1904 г. выслана в Архангельск, с 1906 г. жила за границей, в настоящее время — в С.С.С.Р. — 469.

ФИЛАРЕТ (ДРОЗДОВ, В. М.) (1783—1867) — московский митрополит с 1826 г., пользовался большим влиянием в правительственных кругах, ярый реакционер и противник освобождения крестьян; по поручению Александра II редактировал манифест 19-го февраля. — 325 — 326.

ФИШЕР, Г (1845 — 1910) — немецкий книгоиздатель в Иене. — 238.

ФОЛЬМАР, Г. (1850 — 1922) — немецкий социал-демократ, оппортунист, один из лидеров правого крыла партии. — 368.

ФРЕЙ — один из псевдонимов В. И. Ленина. — 333.

ФУРЬЕ, ШАРЛЬ (1772 — 1837) — крупнейший представитель французского утопического социализма, давший резкую критику капиталистического строя, с его бессмысленным расточением сил и средств, и рисовавший картину будущего гармоничного человеческого общества, где люди объединены в трудовые общины (фаланстеры). — 381.

ФЮЛИНГ (1823 — 1884) — немецкий писатель по сельско-хозяйственным вопросам, основатель (в 1864 г.) и редактор журнала «Landwirtschaftliche Zeitung» («Сельско-хозяйственный журнал»). — 199.

Х.

ХАЛТУРИН, С. В. (1856 — 1882) — рабочий, один из главных организаторов «Северно-русского рабочего союза» (1878 — 1879), отдал все свои силы на борьбу с самодержавием. В 1880 г. по поручению Исполнительного Комитета партии «Народной Воли» взорвал Зимний дворец с целью убийства Александра II. В 1882 г. казнен за убийство одесского прокурора Стрельникова. — 442.

ХЕХБЕРГ, А. (у. 1885) — немецкий социал-демократ, выходец из крупно-буржуазной среды, в 1877 г. издавал журнал «Zukunft» («Будущность»), в котором затушевывал революционные тенденции социал-демократии и высказывался против последовательного проведения принципа классовой борьбы; в период исключительных законов издавал «Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» («Ежегодник социальной науки и социальной политики»), в котором критиковал «справа» политику партии и считал необходимым вести линию, приемлемую для имущих классов. Взгляды, проводившиеся Хехбергом, вызвали протест со стороны Маркса и Энгельса. — 398.

Ц.

ЦЕЗАРЬ, ЮЛИЙ (100 — 44 до нашей эры) — римский полководец и диктатор. — 294.

Ч.

ЧЕРНОВ, В. М. (р. 1876) — социалист-революционер, начал свою политическую деятельность в 1893 г. в качестве члена «партии народного права»; сотрудник «Русского Богатства», на страницах которого пытался доказать несостоятельность теории Маркса в ее применении к сельскому хозяйству (эти статьи Чернова разобраны Лениным в его работе: «Аграрный вопрос и «критики Маркса»»). В 1899 г. эмигрировал за границу, где вскоре стал вождем и идеологом партии с.-р., членом ее Ц. К. и редактором центрального органа «Революционная Россия». Взгляды Чернова наложили решающий отпечаток на всю политику и идеологию партии с.-р., где он неизменно занимал руководящее положение. Для Чернова типичен эклектизм всего мировоззрения, неустойчивость политики, мелкобуржуазность основных устремлений. В годы войны колебался между оборончеством и интернационализмом, после февральской революции член правительства Керенского. После Октябрьской революции ведет активную борьбу против Советской власти. — 179, 198, 211 — 216, 220 — 221, 223 — 225, 236, 242 — 243, 246, 265 — 266, 268.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ, Н. Г. (1828 — 1889) — «великий русский ученый и критик, мастерски осветивший банкротство буржуазной экономии» (Маркс), учитель ряда поколений русских революционеров. Как политико-экономом, известен своим переводом «Оснований политической экономии» Д. С. Милля, которые он снабдил своими примечаниями в духе утопического социализма, а также рядом работ, посвященных популяризации идей социализма и критике крестьянской реформы 61 г. Как литературный критик, дал ряд блестящих статей («Очерки Гоголевского периода», «Лессинг», статьи о Пушкине и др.) в «Современнике», одним из руководителей которого он был. В русской общине видел возможный зачаток социалистического устройства общества. Являлся вождем революционного движения 60-х годов и одним из вдохновителей революционного движения 70-х и 80-х годов. Был арестован в 1862 г. и почти до самой смерти

в 1889 г. находился в тюрьме и ссылке, лишенный возможности непосредственного участия в общественной и публицистической работе. — 125 — 127, 129, 149, 381.

ЧИЧЕРИН, Б. Н. (1828 — 1904) — профессор Московского университета, юрист и философ, умеренный либерал, яростный противник социализма и один из первых в русской литературе критиков Маркса. — 137, 145.

Ш.

ШАХОВСКОЙ, Н. В. (1856 — 1906) — князь, цензор в Москве, председатель Петербургского Цензурного Комитета, начальник Главного Управления по делам печати, член Совета Министерства внутренних дел; автор книг: «Сельско-хозяйственные отхожие промыслы» (М. 1896 г.), «Земледельческий отход крестьян» (СПБ. 1903 г.). — 234.

ШВЕЙЦЕР, И. Б. (1833 — 1875) — лидер лассальянцев в германском рабочем движении 60-х годов; после смерти Лассаля (1864 г.) редактировал «Социал-Демократ»; поддерживал проводившуюся Бисмарком политику объединения Германии под верховенством прусского юнкерства, что вызвало разрыв с Швейцером Маркса и Энгельса. В 1867 г. стал во главе основанного Лассалем «Всеобщего германского рабочего союза», получив от членов союза диктаторские полномочия, вел упорную борьбу с руководимыми Бебелем и Либкнехтом «эйзенахцами». Объединение обоих течений германской социал-демократии стало возможным только после удаления Швейцера, с 1871 г. переставшего принимать участие в рабочем движении. — 388.

ШИМАН, Т. (1847 — 1921) — немецкий историк, профессор Берлинского университета. — 129.

ШИППЕЛЬ, М. (р. 1859) — немецкий социал-демократ, ревизионист, сотрудник «Sozialistische Monatshefte» («Социалистический Ежемесячник»). — 213.

ШПРЕНГЕР — немецкий экономист, автор книги: «Die Lage der Landwirtschaft in Baden», 1894 («Положение сельского хозяйства в Бадене»). — 244.

ШРАММ, К. — немецкий социал-демократ, оппортунист, сотрудник издававшихся Хёхбергом в 1877 г. и позже журналов «Zukunft» («Будущность») и «Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» («Ежегодник социальной науки и социальной политики»). — 398.

ШТУМПФЕ, Е. (р. 1866) — крупный чиновник департамента государственных имуществ в Германии и писатель по сельско-хозяйственным вопросам, сотрудник «Сельско-хозяйственных Ежегодников», автор ряда работ: «Мелкая земельная собственность и цены на хлеб» (1897), «Крупное, среднее и мелкое с.-хоз. предприятие» (1902) и др. — 199.

ШУВАЛОВ, А. П. (1816 — 1876) — граф, петербургский губернский предводитель дворянства, умеренный либерал, автор ряда статей по сельскому хозяйству в «Трудах» Вольно-Экономического Общества. — 131 — 132.

ШУЛЬЦЕ-ДЕЛИЧ, Ф — (1808 — 1883) — немецкий общественный деятель, идеолог мелкой буржуазии, пропагандировавший создание кооперативных товариществ, которые, по мнению Шульце, способны обеспечить экономическую самостоятельность ремесленников и вообще мелких производителей, а также рабочих. В своих экономических взглядах, подвергшихся критике со стороны Лассаля, был сторонником «гармонической» теории Бастиа. — 392.

Щ.

ЩЕДРИН, Н. — см. САЛТЫКОВ, М. Е.

Э.

ЭНГЕЛЬГАРДТ, А. П. — саратовский губернатор в 900-х годах. — 301, 303.

ЭНГЕЛЬС, ФР. (1820 — 1895) — см. очерк его жизни, написанный В. И. Лениным в I т. Сочинений. — 10, 40, 117, 218, 221 — 222, 367, 370, 378, 381 — 382, 384, 396, 403, 424.

Я.

ЯКОВЛЕВА, М. — работница, одна из обвиняемых по делу о майских беспорядках в 1901 г. на Обуховском заводе. — 288 — 289.

ЯНСОН, Ю. Э. (1835 — 1893) — известный статистик, заведывал статистическим отделением С.-Петербургской Городской Управы, организовал петербургскую перепись 15 декабря 1890 г. Основные труды: «Теория статистики», «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах» и др. — 270.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН, ДАННЫХ В ЛАТИНСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ

BENSING, FRANZ	— см. БЕНЗИНГ, ФР.
BRAUN, HEINRICH	— см. БРАУН, Г.
BRENTANO, L.	— см. БРЕНТАНО, Л.
DIETZ, J. H. W.	— см. ДИТЦ, И.
DITTENBERGER	— см. ДИТТЕНБЕРГЕР
FISCHER, HUSTAV	— см. ФИШЕР, Г.
HECHT, MORITZ	— см. ГЕХТ, М.
HUSCHKE, LEO	— см. ГУШКЕ, Л.
KAUTSKY, KARL	— св. КАУТСКИЙ, К.
KLAWKI, KARL	— см. КЛАВКИ, К.
MACK, P.	— см. МАК, П.
PRINGSHEIM, OTTO	— см. ПРИНГСГЕЙМ, О.
SCHIEMANN, TH.	— см. ШИМАН, Т.
THIEL, H.	— см. ТИЛЬ, Г.
TOLSTOI, L.	— см. ТОЛСТОЙ, Л.
VAHLTEICH	— см. ВАЛЬТЕНХ

VII. ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНИ В. И. ЛЕНИНА.

(Январь 1900 — январь 1902 г.г.)

1900 г.

11 февр. (30 янв.). Вл. И. выехал из с. Шушенского (Сибирь) в Россию.

Январь—февраль. В №№ 1—2 журнала «Жизнь» напечатана статья Вл. И. «Капитализм в сельском хозяйстве».

Февраль. Проездом из ссылки в Псков Вл. И. останавливается на несколько дней в Уфе; встречи с находящимися в Уфе социал-демократами (Крохмаль, Свидерский, Цюрупа) и народниками (Аптекман, Четвергова). Н. Крупская остается в Уфе до окончания срока ссылки.

Конец февраля. Свидание Вл И. в Москве с членом Екатеринославского Комитета Н. Х. Лалаянцем, уполномоченным южнорусскими соц.-дем. организациями вести переговоры с группой Ленина об участии ее в организации «второго» съезда.

Начало марта. Свидание Вл. И. в Петербурге с В. И. Засулич, проживавшей нелегально в России для ознакомления с настроениями русских соц.-дем. организаций в связи с борьбой двух течений в Заграничном Союзе русских социал-демократов. Переговоры Вл. И. с Засулич по поводу «Искры».

10 марта (26 февр.). Приезд Вл. И. в Псков.

Проживая в Пскове, Вл. И. завязывает связи и ведет переговоры с различными соц.-дем. группами и отдельными социал-демократами в других городах в целях оказания ими поддержки и содействия будущей «Искре».

Март. Свидание Вл. И. в Пскове с Ц. Копельзоном («Гришин», Тимофей), секретарем Союза русских социал-демократов, объезжавшим русские комитеты в целях подготовки и созыва «второго» съезда партии.

Конец марта. Приезд в Псков Ю. Мартова.

Группа «Освобождение Труда» делегирует Вл. И. своим представителем на предполагаемый «второй» съезд партии.

Вл. И. пишет первоначальный проект «заявления» редакции «Искры».

Вл. И. принимает участие в так называемом «Псковском совещании» революционных марксистов (Ленин, Мартов, Потресов, С. И. Радченко) с легальными марксистами (Струве и Туган-Барановский); обсуждение

«заявления»; согласие легальных марксистов оказывать поддержку «Искре».

После Псковского совещания Потресов, по соглашению с Вл. И., уезжает в Германию для подготовки издания «Искры» и «Зари».

Апрель. Вл. И. присутствует на собрании (в Пскове) местной революционной и оппозиционной интеллигенции (А. Стопани, П. Сергиевский и др.) на квартире Оболенского.

18 (5) мая. Вл. И. получает от Псковского губернатора заграничный паспорт.

Назначенный на 19 (6) мая (в Смоленске) съезд не состоялся. Вл. И. в Смоленск не приезжал.

2 июня (20 мая). Вл. И. вместе с Мартовым нелегально приезжает в Петербург.

3 июня (21 мая). Арест Вл. И—ча в Петербурге. Под арестом Вл. И. находится десять дней.

13 июня (31 мая). Освобождение В. И. из-под ареста.

После освобождения из-под ареста Вл. И. уезжает в Подольск (под Москвой) к матери, продолжая здесь вести переговоры с различными соц.-демократами о поддержке «Искры».

20 (7) июля. Вл. И. выехал из Подольска в Уфу, где в это время находилась Крупская. Совещания с местными соц.-демократами. Пробыв в Уфе некоторое время, Вл. И. снова вернулся в Подольск.

29 (16) июля. Вл. И. выехал в Германию для издания «Искры».

Вторая половина августа. Приезд Вл. И. в Цюрих и свидание с Аксельродом.

Из Цюриха Вл. И. направляется в Женеву и поселяется вместе с Потресовым в деревушке Везена (Vezenas) близ Женевы. Встречи и беседы с Плехановым.

В Женеве происходят переговоры Вл. И. с рядом с.-д. (Н. Бауман, Ю. Стеклов и пр.) об участии их в работе «Искры».

24—28 (11—15) августа. Совещание в Корсье (близ Женевы) Ленина, Потресова, Плеханова, Аксельрода и Засулич об организации и программе «Искры»; обсуждение написанного Вл. И. «заявления» об издании «Искры»; совещание едва не закончилось разрывом «искровцев» с Группой «Осв. Труда».

28 (15) августа. Вл. И. вечером выехал в Нюренберг, где жил Адольф Браун, германский с.-д., оказывавший большое техническое содействие постановке «Искры» в Германии.

5 сентября (23 августа). Из Нюренберга Вл. И-чем послано Иксу важное письмо, характеризующее отношение «Искры» к Группе «Освоб. Труда» и Союзу русских социал-демократов.

6 сентября (24 августа). Вл. И. из Нюренберга выехал в Мюнхен. Редакция «Искры» в Мюнхене (Ленин, Потресов, Засулич).

Сентябрь или октябрь. Свидание (в Мюнхене) с К. Тахтаревым, редактором «Рабочей Мысли». Вл. И. отклонил предложение Тахтарева о поручении Плеханову редактирования «Рабочей Мысли».

Октябрь. Подготовка № 1 «Искры».

Вышло из печати «Заявление» редакции «Искры».

Ноябрь—декабрь. Вл. И. пишет предисловие к брошюре «Майские дни в Харькове» (брошюра вышла в январе 1901 г.). Поездка в Лейпциг, в типографию «Искры» для окончания всех работ, связанных с печатанием первого номера.

24 (11) декабря. Вышел № 1 «Искры».

29 (16) декабря. Предварительные переговоры Вл. И., Потресова и Засулич со Струве об условиях сотрудничества группы «демократической оппозиции» в лице Струве с «Искрой».

1901 г.

Январь. Приезд в Мюнхен Аксельрода и Плеханова. Ряд редакционных совещаний «Искры». Продолжение переговоров со Струве.

30 (17) января. На совещании редакции «Искры» со Струве принимаются предложенные им условия сотрудничества «демократической оппозиции» с «искровцами». Вл. И. остается при «особом мнении», заявляет протест против принятого решения и обращается к уехавшему уже из Мюнхена Плеханову с предложением порвать со Струве. Плеханов не поддерживает Вл. И-ча.

2 марта (17 февраля). Вл. И. через Вену едет на несколько дней в Прагу для организации приезда Н. Крупской в Германию.

Вл. И. ведет переговоры с вызванным им из России в Мюнхен Л. Гольдманом об организации в России нелегальной типографии «Искры».

23 (10) марта. Вышел № 1 «Зари» (на обложке дата: апрель).

Конец марта. Приезд в Мюнхен из России Ю. Мартова.

Средина апреля. Приезд в Мюнхен из России Н. Крупской.

25 (12) апреля. В письме к Аксельроду Вл. И. выдвигает проект создания «Лиги», которая давала бы возможность привлечь к литературной деятельности под контролем «искровцев» социал-демократические эмигрантские кружки и группы.

Начало мая. Приезд в Мюнхен Плеханова. Совещание редакции «Искры» вырабатывает план № 2 «Зари» и составляет предварительный устав «Лиги».

Май. Статья Вл. И-ча «С чего начать?» (№ 4 «Искры»). План Вл. И-ча написать брошюру («Что делать?»), формулирующую основные организационные и тактические задачи революционной социал-демократии и дающую систематическую критику рабочедельчества. К работе Вл. И-чу удается приступить лишь осенью.

25 (12) мая. Вл. И. ведет переговоры с приехавшим в Мюнхен членом группы «Борьба» Рязановым по вопросу о созыве, по инициативе «Борьбы» (Рязанов, Стеклов, Даневич-Гуревич), предварительной конференции из «Зари — Искры», группы «Социал-Демократ» и заграничного «Союза русских социал-демократов». Конференция состоялась в июне, в Женеве.

18 июня. Вл. И. письмом запрашивает В. Кецховели (в Баку) о возможности организации в Баку тайной типографии «Искры».

Конец июня — начало июля. Вл. И. пишет статью против Струве «Гонители земства и Аннибалы либерализма».

9 июля (26 июня). Вл. И. ставит перед членами редакции вопрос о выработке программы партии. В конце года составление проекта программы берет на себя Плеханов.

Июль. Разногласия в редакции «Искры» по вопросу об изложенной Вл. И-чем в «Гонителях земства» тактике революционной социал-демократии по отношению к буржуазному либерализму. Переписка по этому поводу Вл. И. с Плехановым и Аксельродом.

Конец июля — начало августа. Вл. И. пишет против Булгакова, Черпова, Герца и др. ревизионистов серию статей под заголовком «Аграрный вопрос и критики Маркса».

Начало октября. Вл. И. приезжает в Цюрих на «объединительный» съезд.

2—3 октября (19—20 сентября). На совещании группы искровцев в Цюрихе, накануне открытия «объединительного» съезда, при обсуждении вопроса о дальнейшем отношении искровцев к рабочедельцам, Вл. И. высказывается за разрыв. Плеханов и Мартов — против. Вл. И-чу поручено выступить на съезде с речью от имени «искровцев».

4 октября. Речь Вл. И. на «объединительном» съезде.

5 октября. Вл. И. вместе с другими «искровцами» покидает «объединительный» съезд.

Октябрь. Вл. И. принимает руководящее участие в организации «Заграничной Лиги революционной социал-демократии».

Декабрь. Вышел № 2—3 «Зари» со статьями Вл. И.: «Гонители земства и Аннибалы либерализма» и «Аграрный вопрос и критики Маркса».

Вл. И. работает над «Что делать?».

1902 г.

Январь. Обсуждение редакцией «Искры» выработанного Плехановым проекта программы партии.

Вл. И. выступает с критикой Плехановского проекта.

VIII. ЛЕТОПИСЬ СОБЫТИЙ.

1900 г.

Развитие экономического кризиса, начавшегося во второй половине 1899 г. Затишье в области экономической борьбы рабочего класса. Число стачечников — 29.000 (в 1899 г. — 57.000). В конце года — начало студенческих волнений.

Борьба двух течений в русской социал-демократии: Группа «Освобождение Труда» и Заграничный Союз русских социал-демократов. Возвращение из ссылки В. И. Ленина, Ю. О. Мартова и А. Н. Потресова. Работа по подготовке «Искры» и выход ее первого номера в декабре.

I. «Южный Рабочий» № 1.

3-ий съезд Бунда.

6. II (25. I). Смерть П. Л. Лаврова.

Вышла брошюра Г. Плеханова. «Vademecum для редакции Рабочего Дела».

IV. II съезд Заграничного Союза русских социал-демократов. Раскол Союза, уход со съезда Группы «Освобождение Труда» и создание ею Революционной организации «Социал-Демократ». Раскол.

1. V (18. IV). Майские демонстрации в Варшаве, Вильне, Домброве. Десятитысячная демонстрация в Харькове.

21 (8). Стачка 1.000 железнодорожников в Красноярске.

VI. Начало военных действий России в Китае.

Нарушение русским правительством конституционных прав Финляндии: лишение граждан свободы собраний (14 — 1) и указ о ведении делопроизводства на русском языке (20 — 7).

25 (12). Закон о лишении земств права заведывания продовольственным делом и передаче его правительственным органам.

Съезд в Харькове различных эс-эровских групп с целью объединения в одну партию.

Возникновение в Петербурге, наряду с петербургским «Союзом Борьбы за освобождение рабочего класса» и «Рабочим Знаменем» — «Петербургской рабочей организации» и группы «Социалист» (Е. Бройдо, Б. Савинков).

29 — 30 (16 — 17). VII. Еврейский погром в Одессе.

7. VIII (25. VII). Смерть В. Либкнехта.

25 (12). Нота царского правительства иностранным державам об отсутствии у него завоевательных планов по отношению к Китаю.

Двухнедельная стачка 4.000 рабочих в Тифлисе.

25 — 27 (10 — 14). IX. Международный социалистический конгресс в Париже.

IX — X. Забастовочные вспышки среди рудокопов Донецкого бассейна.

27 (14). XI. Юбилей 40-летней литературной деятельности Н. Михайловского; банкеты в ряде городов, адреса; вынужденное молчание печати. Выход «Манифеста» партии социалистов-революционеров.

XI — XII. Волнения среди киевских студентов.

14 (1). XII. Демонстрация в Харькове перед редакцией реакционной газеты «Южный Край».

24 (11). Выход № 1 «Искры».

1901 г.

Дальнейшее развитие экономического кризиса и рост безработицы. Число стачечников — 32.000. Политическое оживление в стране. Начало больших демонстраций.

Борьба «Искры» с экономистами.

«Искра», «Рабочее Дело», «Рабочая Мысль», «Южный Рабочий», «Рабочая Газета» (Саратов).

4. I (22. XII). Закрытие газеты «Северный Курьер».

24 (11). I. Правительственное распоряжение об отдаче в солдаты 183-х киевских студентов.

Забастовка 2.500 рабочих на Ленских приисках Сибири.

Выход № 1 газеты «Революционная Россия» — издание союза социалистов-революционеров (помечено 1900 годом).

2. II (20. I). Студенческие волнения в Москве.

4 — 7. (22 — 25. I). Стачка 2.000 рабочих в Тамбове.

18 (5). Демонстрация в Гельсингфорсе.

22 (9). Студенческие волнения в Москве.

27 (14). Выстрелом П. В. Карповича смертельно ранен министр народного просвещения Боголепов.

4 (19. II). Демонстрация студентов и рабочих в Харькове. Студенческая демонстрация в Петербурге. Демонстрация в Белостоке.

5 — 7. (23 — 25. II). Массовые демонстрации в Москве. Стачки на ряде фабрик и заводов. Аресты.

17 (4). Студенческая демонстрация в Петербурге на Казанской площади. Массовые избиения и аресты демонстрантов.

21 (8). Покушение М. Лаговского на обер-прокурора синода К. Победоносцева.

24 (11). Демонстрации студентов и рабочих в Киеве.

25 (12). Закрытие «Союза писателей» за протест против избиения участников демонстрации 4 марта.

Студенческие волнения и «беспорядки» во всех университетских городах. Общенародные демонстрации с участием рабочих. Действие «временных правил» приостановлено. Министром народного просвещения назначен генерал Ванновский.

На почве безработицы и обнищания масс волнения и беспорядки в ряде южных городов, сопровождавшиеся разгромами лавок, столкновениями с полицией и т. д.

Стачка 3.000 рабочих в Ярославле.

27 (14). Первомайская демонстрация в Вильне.

28 (15). Первомайская демонстрация в Варшаве и Лодзи.

IV съезд Бунда.

Накануне первого мая массовые аресты по всей России с целью помешать праздновать 1-ое мая нов. ст.

1. V (18. IV). Первомайские демонстрации в Двинске, попытки демонстрации в Ковно.

5. V (22. IV). Первомайская демонстрация в Тифлисе.

14 (1). V. Первомайские стачки в Петербурге. Попытки демонстраций в Харькове и Киеве.

20 (7). Побоище на Обуховском Заводе (Петербург): рабочие оказывают сопротивление полиции и войскам.

Организация в Москве зубатовского «Общества взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве». Деятельность зубатовских агентов в Западном Крае.

Закрытие журнала «Жизнь».

13. VI (30. V). Волнения на Балтийском судостроительном заводе (Петербург).

21 (8). Закон об отводе частным лицам казенных земель в Сибири.

Волнения среди крестьян Виленской губернии.

Стачка рабочих железнодорожных мастерских в Саратове.

Нелегальное совещание земских деятелей (в России).

Конференция заграничных социал-демократических организаций «Искры» и «Рабочего Дела» в Женеве.

12. VII (29. VI). Введение нового положения о воинской повинности в Финляндии.

Выход № 1 журнала «Вестника русской революции» — органа социалистов-революционеров в Женеве.

Стачка рабочих железнодорожных мастерских в Тамбове.

Поездка Николая II во Францию.

30 (17). VIII. Циркуляр министерства внутренних дел начальникам губерний, пострадавших от неурожая.

22 — 28 (9 — 15). IX. Съезд германской социал-демократической партии в Любеке.

24 (11). Демонстрация в Кишиневе.

30 (17). Адрес финляндского народа в финляндский сейм с протестом против нарушения самодержавием финляндской конституции.

4 — 5. X (21 — 22. IX). «Объединительный» съезд заграничных соц.-дем. организаций в Цюрихе.

Образование «Заграничной лиги революционной социал-демократии».

13. X (30. IX). Соглашение петербургской организации «Искры» с петербургским «Союзом борьбы».

Брожение среди студенчества.

20 (7). XI. Демонстрация в Н.-Новгороде в связи с высылкой М. Горького.

Волнения среди студентов. Сходки, прокламации, забастовки.

1. XII (18. XI). Студенческая демонстрация в Москве.

5. XII (22. XI). «Временные правила», предоставляющие студентам «право» собраний под надзором полиции, не вызывают «успокоения» студенчества. Студенческие волнения продолжаются.

12 — 14 (29. XI — 1. XII). Демонстрации рабочих и студентов в Харькове.

28 (15). Демонстрация рабочих и студентов в Екатеринославе.

30 (17). Международная социалистическая конференция в Брюсселе.

1902 г.

I. Закрытие газеты «Россия» за фельетон «Господа Обмановы».

СОДЕРЖАНИЕ *).

стр.

Л. КАМЕНЕВ. — *Ленин 1900—1902 гг.* ..... VII—XXVIII
Факты VII
Идеи XV

1900 г.

*ПРОЕКТ ЗАЯВЛЕНИЯ РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ» и «ЗАРИ» .. 1
*КАК ЧУТЬ НЕ ПОТУХЛА «ИСКРА»? 15
ЗАЯВЛЕНИЕ РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ» ..... 33—41
От редакции 37
*ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ «МАЙСКИЕ ДНИ В ХАРЬКОВЕ» 43
НАСУЩНЫЕ ЗАДАЧИ НАШЕГО ДВИЖЕНИЯ 55
КИТАЙСКАЯ ВОЙНА 60
РАСКОЛ В ЗАГРАНИЧНОМ СОЮЗЕ РУССКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ 65
*ЗАПИСЬ 29 ДЕКАБРЯ 1900 ГОДА 67

1901 г.

ОТДАЧА В СОЛДАТЫ 183-х СТУДЕНТОВ 69
СЛУЧАЙНЫЕ ЗАМЕТКИ ..... 75—99
I. Бей, но не до смерти 79
II. Зачем ускорять превратность времен? 91
III. Объективная статистика 96
РАБОЧАЯ ПАРТИЯ И КРЕСТЬЯНСТВО 100
С ЧЕГО НАЧАТЬ? 107
*НОВОЕ ПОБОИЩЕ 114
ГОНИТЕЛИ ЗЕМСТВА И АННИБАЛЫ ЛИБЕРАЛИЗМА ... 119—157
I. 124
II. 129
III. 133
IV. 138
V. 143
VI. 151

*) Звездочкой обозначены статьи, не вошедшие в первое издание Сочинений.

стр.

ЦЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ 158
УРОКИ КРИЗИСА 164
КРЕПОСТНИКИ ЗА РАБОТОЙ 169
АГРАРНЫЙ ВОПРОС И «КРИТИКИ МАРКСА» . . . . . 175 — 273
I. «Закон» убывающего плодородия почвы 179
II. Теория ренты 189
III. Машины в сельском хозяйстве 198
IV. Уничтожение противоположности между городом и деревней. Частные вопросы, поднятые «критиками». 211
V. «Процветание передовых современных мелких хозяйств». Пример Бадена 222
VI. Производительность мелкого и крупного хозяйств. Пример из Восточной Пруссии 229
VII. Баденская анкета о крестьянском хозяйстве 240
VIII. Общие данные немецкой сельско-хозяйственной статистики за 1882 и 1895 года. Вопрос о средних хозяйствах 250
IX. Молочное хозяйство и сельско-хозяйственные товарищества в Германии. Сельское население Германии по положению в хозяйстве 259
*ВОПРОСЫ, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ «СОЮЗУ РУССКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ» НА «ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОМ» СЪЕЗДЕ 4 ОКТЯБРЯ 1901 г. 274
БОРЬБА С ГОЛОДАЮЩИМИ 275
*ОТВЕТ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМУ КОМИТЕТУ 281
*ЗАГРАНИЧНЫЕ ДЕЛА 283
КАТОРЖНЫЕ ПРАВИЛА И КАТОРЖНЫЙ ПРИГОВОР . . . 285
ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ . . . . . 291 — 331
I. Голод 293
II. Отношение к кризису и к голоду 309
III. Третий элемент 315
IV. Две предводительские речи 321
*ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ «ДОКУМЕНТЫ «ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОГО» СЪЕЗДА» 332
ПРОТЕСТ ФИНЛЯНДСКОГО НАРОДА 335
БЕСЕДА С ЗАЩИТНИКАМИ ЭКОНОМИЗМА 339
*НАЧАЛО ДЕМОНСТРАЦИИ 345

1902 г.

ПО ПОВОДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ 348
ПОЛИТИЧЕСКАЯ АГИТАЦИЯ И «КЛАССОВАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ» 353
ЧТО ДЕЛАТЬ? *Наболевшие вопросы нашего движения* . . . . . 359 — 508
Предисловие 363
I. Догматизм и «свобода критики» . . . . . 366 — 382
а) Что значит «свобода критики»? 366
б) Новые защитники «свободы критики» 369
в) Критика в России 373
г) Энгельс о значении теоретической борьбы 378
II. Стихийность масс и сознательность социал-демократии . . . . . 383 — 402
а) Начало стихийного подъема 383
б) Преклонение пред стихийностью. «Рабочая Мысль» 387
в) «Группа самоосвобождения» и «Рабочее Дело» . 394

стр.

III. Трэд-юнионистская и социал-демократическая политика ..... 402—437

а) Политическая агитация и ее сужение экономистами 402
б) Повесть о том, как Мартынов углубил Плеханова 411
в) Политические обличения и «воспитание революционной активности» 414
г) Что общего между экономизмом и терроризмом? 418
д) Рабочий класс как передовой борец за демократию 421
е) Еще раз «клеветники», еще раз «мистификаторы» 434

IV. Кустарничество экономистов и организация революционеров ..... 437—479

а) Что такое кустарничество? 438
б) Кустарничество и экономизм 440
в) Организация рабочих и организация революционеров 446
г) Размах организационной работы 459
д) «Заговорщическая» организация и «демократизм» 464
е) Местная и общерусская работа 471

V. «План» общерусской политической газеты .. 479—498

а) Кто обиделся за статью «С чего начать?» 480
б) Может ли газета быть коллективным организатором? 484
в) Какого типа организация нам нужна? 493

Заключение ..... 499—501

Приложение.

Попытка объединения «Искры» с «Рабочим Делом» 502

Поправка к «Что делать?» 508

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I. *Список произведений В. И. Ленина, относящихся к периоду: январь 1900 г. — январь 1902 г., до сего времени не разысканных* 511

II. *Список изданий периода 1900—1902 гг., в редактировании которых принимал участие В. И. Ленин* 513

III. *Указатель литературных работ и источников, упоминаемых В. И. Лениным в произведениях IV тома* .... 515—532

На иностранных языках 527

IV. *Документы и материалы* ..... 533—549

№ 1. Объявление о возобновлении изданий Группы «Освобождение Труда» — конец 1899 г. 533
№ 2. Резолюция Июньской (Женевской) Конференции — 1901 г. 536
№ 3. Заявление Заграничной Лиги Русской Революционной Социал-Демократии 538
№ 4. Декларация, оглашенная представителем «Зари — Искры» и революционной организации «Социал-Демократ» на «Объединительном» Съезде 5 октября 1901 г. 539
№ 5. Программа «Рабочего Дела» 540
№ 6. Статья В. Воровского — «Плоды демагогии».. 544

стр.

V. *Примечания* 550
VI. *Словарь-указатель имен* . . . . . 624—655
Указатель имен, данных в латинской транскрипции 655
VII. *Основные вехи жизни В. И. Ленина* (1900—1902 г.г.) . . . 656
VIII. *Летопись событий* 660

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

В. И. Ленин (1900—1902 г.г.) . . . . . перед 1
Первая страница проекта заявления редакции «Искры» и «Зари»—1900 г. 3
Первая страница рукописи В. И. Ленина: «Как чуть не потухла «Искра»?»—1900 г. 17
Заявление редакции «Искры», выпущенное отдельным листком—1900 г. 35
Обложка брошюры: «Майские дни в Харькове»—1901 г. . . . 45
Первая страница газеты «Искра» № 1—1900 г. 53
Обложка журнала «Заря»—1901 г. 77
Первая страница статьи В. И. Ленина: «Гонители земства и Аннибалы либерализма», напечатанной в журнале «Заря», № 2—3—1901 г. 121
Первая страница статьи В. И. Ленина: «Гг. «критики» в аграрном вопросе», напечатанной в журнале «Заря», № 2—3—1901 г. 177
Обложка брошюры В. И. Ленина: «Что делать?»—1902 г. . . . 361

IV ТОМ

СОЧИНЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА

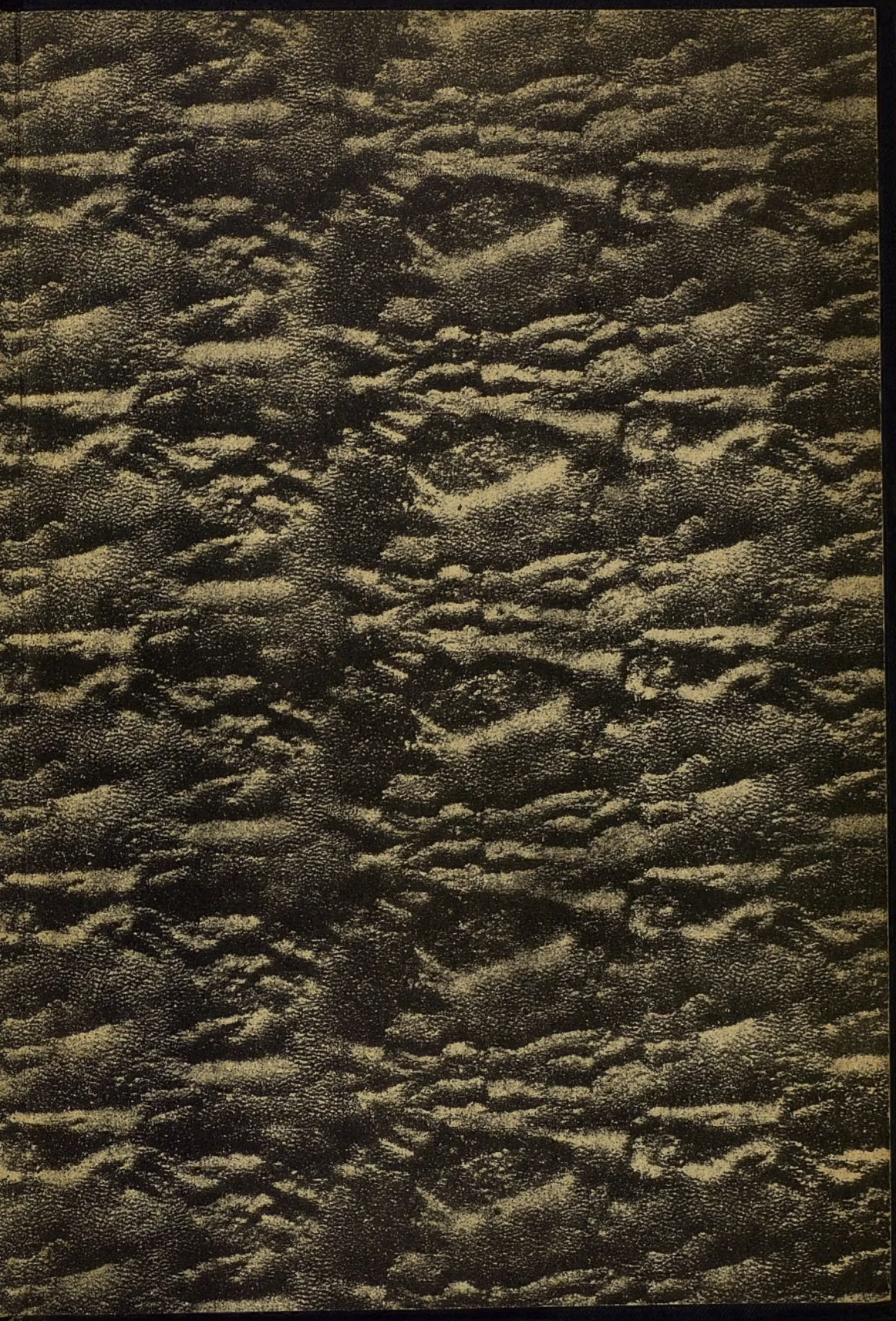
ПОДГОТОВЛЕН К ПЕЧАТИ

В. Г. СОРИНЫМ

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ:
И. Д. ГАЛАКТИОНОВ, К. И. ХАЛАБАЕВ

ИЗДАНИЕ НАПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ «ПЕЧАТНЫЙ ДВОР»
ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ПРОИЗВОД. ГРУППОЙ ЛЕН. ПРЕД. ПАРТИЗДАТА
П. Н. ФИЛИППОВА
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО КОРРЕКТ. ОТД. ЛЕН. ПРЕД. ПАРТИЗДАТА
И. Е. ЛЕБЕДЕВА
ТЕХНИЧЕСКОГО ДИРЕКТОРА
М. М. КИСЛЕВСКОГО
ПОМ. ЗАВ. ТЕХНИЧЕСКИМ ОТДЕЛОМ
Н. И. КОВРЮКОВА
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО НАБОРНЫМ ЦЕХОМ
К. В. ГРОШЕВА
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО СТЕРЕОТИПНЫМ ЦЕХОМ
А. И. АЛЕКСАНДРОВА
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ПЕЧАТНЫМ ЦЕХОМ
Н. И. СИВКОВА
ЕГО ПОМОЩНИКОВ
П. Г. КОСАРЕВА, Ф. И. НИКАНДРОВА
И В. Ф. БУТОЧКИНА
ПЕЧАТНЫХ МАСТЕРОВ
П. А. СЕМЕНОВА, П. А. КУЗЬМИНА И
А. И. ИВАНОВА
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ПЕРЕПЛЕТНЫМ ЦЕХОМ
Я. Г. РАСКИНА
И ЕГО ПОМОЩНИКОВ
И. С. БУХАРИНА, М. Г. ПУГАЧА,
Т. Г. ПЕТЕРС И В. П. БОГДАНОВА

Подписано в печать с матриц 16/I 1935 г. Инд. П. Л.-2. Партиздат № 516.
Тираж 37 000 + 145 экз. Ленгорлит № 4143. Зак. № 2399.
Формат бумаги 62 × 94 см. 53 1/4 авт. л. (43 3/4 печ. л.) (172 800 тип. зн. на 1 бум. л.).
Бум. л. 21 7/8. Бумага для текста Каменской ф-ки. Коленкор Щелковской ф-ки.
Вышла в свет — февраль 1935 г.

2-я типография «Печатный Двор» треста «Полиграфкнига», Ленинград, Гатчинская, 26.

ЛЕНИН